

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

ОТЪ ЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

НА 1859 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ IV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1859.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 14 июля 1839.

Цензоръ *А. Никитенко*.

Цензоръ *И. Корсаковъ*.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ЗИМНЯГО ДВОРЦА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

IV. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ.

(Окончаніе.)

Окончивъ обзоръіе залъ, отдѣльныхъ В. П. Стасовымъ, вплетшимъ этою важною работою въ прекрасный вѣнокъ своего таланта и извѣстности новую, навѣчно-свѣжую вѣтвь, перейдемъ въ волшебную область, гдѣ въ работахъ А. П. Брюллова искусство является облеченнымъ въ депостыжимую грацію, въ разнообразіе и заманчивость, которыхъ выразить нѣтъ возможности; гдѣ обнаружено столько же ума и глубокой, степенной сообразительности, сколько

Т. IV. — Отд. I.

1

пылкой фантазіи, роскошно выразившей въ самыхъ поэтическихъ формахъ идею чистой красоты.

Мы приведемъ выше извлеченія изъ положенія о коммисіи, учрежденной для возобновленія дворца; тамъ сказано: «Брюллову предоставляется вся отдѣлка внутреннихъ комнатъ». Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ заключался трудъ громадный, почти-необъятный, — да, необъятный: это выраженіе не гипербола, если сообразить краткость времени, въ которое совершились замысль огромный въ своихъ тысячеобразныхъ деталяхъ, и обворожительно-чистое, непонятно-быстрое выполненіе его. Художнику предлежало прежде всего обработать массы, потомъ создать идею частностей. Соединить между собою все эти обширныя половины, обдумать планъ ихъ сообщеній, сочетать ихъ, но такъ искусно, чтобы при общей, непрерывной связи, каждая часть была разъединена, составляла особое, полное цѣлое, и вмѣстѣ необходимое звѣно этой золотой цѣпи; разсыпать, какъ жемчугъ, блестящія, безчисленныя красоты; повсемѣстно разлиться разнообразіемъ и игривостію, которыми, конечно, нѣтъ нигдѣ подобнаго примѣра, — вотъ что исполнено А. П. Брюлловымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ возникли тѣ прекрасныя лестницы и переходы, которыми обогатился дворецъ послѣ возобновленія; возникли изъ небытія цѣлыя ряды превосходныхъ комнатъ; уничтожились многочисленныя, темныя углы, потерянныя, грязныя корридоры, куда не проникалъ прежде свѣтъ; гдѣ помещались, подчасъ, очень дурно и тѣсно, необходимыя принадлежности и служебныя комнаты; устроилось необыкновенно-выгодное, роскошное, удобное и свѣтлое распределеніе каждой части, каждой половины дворца; выразилась полнота въ ихъ составѣ, прелесть въ отдѣлкѣ, система въ

размещеніи, отъ роскошныхъ приемныхъ, отъ прелестныхъ кабинетовъ, библиотекъ, будуаровъ и ваннъ — до прислуги и кухонь. Обозрѣвая возобновленные и вновь-созданныя Брюлловымъ части, если мы удивлялись необыкновенной стройности и величию его идей, чистотѣ его вкуса, несамызнанаго ему въ самой мельчайшей подробности, богатству изобрѣтеній, обнаруженному въ многочисленныхъ и всегда-счастливыхъ художественныхъ темахъ, роскошно разсыпанныхъ имъ въ этомъ трудѣ, и разнообразію фантазій его, съ такою заманчивостію и граціею расчленившихъ въ обворожительныхъ варьяціяхъ, — то великій хозяинъ этого истинно-царскаго дома, конечно, одинъ только вполне оцѣнилъ всю мѣру совершаемаго нами протесемъ-архитекторомъ; одинъ онъ могъ взвѣсить всю тяжесть предпріятія и всю многосторонность достоинствъ въ побѣдномъ выполненіи его; онъ одинъ могъ и наградить счастливаго художника, какъ царь, какъ хозяинъ, какъ оценокъ и какъ отецъ, милости котораго художникъ обязанъ своимъ образованіемъ, а поощренія и вниманіе котораго развили и укрѣпили его прекрасный талантъ.

Описать работы Брюллова въ Зимнемъ-Дворцѣ невозможно; попробуйте описать цвѣта радужнаго призрака, или очертанія вѣтвей стройнаго клена, или движенія хрустальныхъ лентъ водопада. Нужны линіи, нужны формы и коллера, нужны свѣтъ и тѣнь, карандашъ, кисть и краски; и все это будетъ неудовлетворительно, все будетъ только подражаніе; природу выразить можетъ одна природа; эффекты ея замѣняются изысканностію или теряются болѣе или менѣе отъ отсутствія пространства, отъ сокращенія размѣровъ, отъ несуществованія рельефа самыхъ тѣлъ мѣсто которыхъ заступаетъ полотно или бумага. Мы

попробуемъ дать хотя слабое понятіе объ этихъ частяхъ дворца, чтобъ исполнить обязанность, которую возложили на себя; постараемся сохранить отчетливость и ясность въ томъ, что можетъ быть подвергнуто этимъ условіямъ, и заранѣе просимъ извиненія у любителей, повторяя, что подобныя предметы должно видѣть; описывать ихъ, даже и тѣмъ, которые надѣлены особеннымъ искусствомъ; — а мы имъ не властвуемъ, — почти-невозможно.

Вы помните, что, идя изъ Концертной въ Малую Церковь, мы перешли черезъ столовую и ротонду; здѣсь начинается половина Ея Императорскаго Величества, и отсюда мы начнемъ обзоръ внутреннихъ ея покоевъ.

Большая столовая (12 арш. шир. и 27 длины)*. Изъ Концертной Залы двѣ двери ведутъ — одна въ такъ называемую *большую столовую*, другая въ *малыяго гостиную*; входимъ въ первую. Помня ее въ прежнемъ положеніи, мы, при настоящемъ обзорѣ, убѣждаемся, что художникъ придерживался первобытнаго рисунка; главнымъ очертаніемъ тѣ же, но всему придана особенная грація; вокругъ по стѣнамъ поднимаются бороздчатые колонны (всего 24), на которыхъ лежитъ замѣчательный своею легкостію карнизъ, и съ него красивою дугою перегибается потолок**, съ большимъ вкусомъ украшенный ильшными украшеніями прекраснаго рисунка. Прежде эта комната въ тѣхъ же формахъ представляла болѣе суровость,

* Ее называютъ также *Арапская*; здѣсь у дверей обыкновенно находятся красиво-одѣтые Арапы. Другая большая столовая есть при этой половинѣ; мы въ послѣдствіи упомянемъ о ней.

** Тогда всѣ потолки были плоскіе, теперь всѣ состоятъ изъ сводовъ; нѣтъ и двухъ одинаковыхъ.

если можно такъ выразиться, относительно стѣнъ, теперь болѣе граціи; сперва мы называли бы ее дорическо-римскою, теперь дорическо-греческою. Комната освѣщается тремя окнами, обращенными на внутренний, непроездной дворникъ.

Малая столовая помпейская, лежитъ въ-лѣво отъ большой столовой, подъ примыкъ съ нею угломъ и такъ, что ширина последней и длина первой составляютъ всю длину махитовой гостевой. Изъ которой ведутъ двери въ одну и другую. Эта, небольшая, но прелестная комната, (13½ арш. длины, 9 шир.) есть единственная въ Европѣ по способу ея отделки — она scagliolo. Объяснимъ значеніе этого названія для тѣхъ, кому оно неизвѣстно. *Scagliolo*, — крѣзная работа; на стѣны накладывается стюкъ одного цвѣта, составляющаго грунтъ даннаго рисунка, послѣ чего каждая его часть вырѣзывается изъ этого грунта и выполняется стюкомъ того цвѣта, который слѣдуетъ по рисунку; въ этихъ частяхъ, когда онѣ засохнутъ, опять глубоко вырѣзываются мѣста для тѣней, для свѣтовъ или бликовъ, для мелкихъ украшеній, рефлектовъ и т. п., снова наполняется стюкомъ сообразныхъ имъ колеровъ; такимъ образомъ продолжается работа до послѣдней черги, до малѣйшей подробности. Понятно, какаго труда, терпѣнія и искусства, какаго аккуратности требуетъ scagliolo; за-то подобное произведеніе вѣчно; краски могутъ и черезъ тысячу лѣтъ быть столь же свѣжи и ярки, какъ въ первую минуту. Въ Европѣ нѣтъ, какъ уже мы сказали, другой такой комнаты: эту работу пробовали кое-гдѣ частями, кусками; ее употребляли на отдѣльные штуки, но нигдѣ на цѣлую залу. Выполненіе принадлежитъ художнику Терциани. Брюмловъ перенесъ сюда помпейское искусство во всей

его очаровательности; характер неизменно выдержанъ отъ главныхъ частей до подробностей, даже до превосходной мебели чистаго греческаго стиля. Въ бѣлое поле стѣнъ впадается украшенія и узоры блестящихъ цвѣтовъ, этрусской живописи; окна льютъ свѣтъ съ верхней части, которая опоясана красивымъ аттикомъ съ пилястрами; самыя двери мраморныя (чтобъ не нарушить единства). Въ маленькой столовой нѣтъ золота, но она отъ-того неменѣе драгоценна и составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтковъ роскошнаго букета, связаннаго А. П. Брюлловымъ.

Малахитовая гостиная (четыре окна; длина 28¹/₂ арш., шир. 15 арш.) по длинѣ занимаетъ пространство, занятое большою и малою столовыми, въ цѣркви нѣсколько менѣе половины ширины Концертной Залы *, изъ которой ведетъ въ нее дверь. Окна гостиной обращены на Неву. Главныя размѣры комнаты остались тѣ же, что и прежде; но въ частяхъ они должны были необходимо измѣниться отъ общей всѣмъ комнатамъ этого отдѣленія причины — отъ измѣненія потолковъ изъ плоскихъ въ сводные. Это важное во всѣхъ отношеніяхъ улучшеніе, при той милой игривости, при умномъ и роскошномъ разнообразіи, которое Брюлловъ далъ и основной формѣ, в украшеніяхъ потолковъ, чрезвычайно содѣйствовало величественности и благородству самихъ комнатъ, прежде какъ будто подавленныхъ, не смотря на ихъ высоту.

Войдя въ этотъ храмъ богатства и вкуса, вы недоумѣваете, чему удивляться болѣе: роскоши матеріала, или роскоши мысли художника? — Золото, какъ пото-

---

* Остальная часть ея ширины составляетъ дяву большой столовой.

ки волшебнаго каскада, разлилось повсюду, то охвативъ ровнымъ полотномъ цѣлыя части, то раздробясь на мелкія струи или горы въ чудныхъ узоркахъ!— По бѣлымъ стюковымъ стѣнамъ, поднимаясь съ бѣлыхъ же мраморныхъ подножій, стройно высятся малахитовыя колонны и пилястры, съ золотыми базами и капителями, всего восемь колоннъ и столько же пилястръ, по двѣ рядомъ, первыя расположены на двухъ длинныхъ стѣнахъ, послѣднія на двухъ короткихъ; между ними на короткихъ стѣнахъ накладываются малахитовыя камни и по бокамъ золотыя двери; на одной изъ длинныхъ стѣнъ—окна, а по-серединѣ огромное зеркало (трюмо), вставленное въ золотой, выступающій наметъ или шатеръ превосходнаго рисунка, поддерживаемый золотыми же колонками; подъ нимъ стоитъ (огромная, съ необыкновеннымъ счастьемъ спасенная отъ пожара) драгоценная малахитовая ваза, отражающая въ зеркалѣ свои чистыя древнія формы. — Противоположная окаямъ стѣна занята большимъ диваномъ и двумя по бокамъ дверьми *. Стѣну надъ диваномъ украшаютъ писанныя по мрамору фигуры, изображающія—среднюю группу (съ Рафаэля), если не ошибаемся, поэзи, окруженной младенцами-геніями; по сторонамъ—превосходныя фигуры Торвальдсена: *Ночь* и *День*; выполненіе принадлежитъ извѣстному художнику Виги.—Плафонъ прежде былъ писанный, нынѣ весь орнированъ золотыми рельефными украшеніями, по богатству рисунка и богатству размѣщенія останавливающимъ вниманіе; то же замѣчается въ дверяхъ, сплошь золотыхъ, убранныхъ золотыми же рельефными узорами чудесной красоты; мебель вся какъ-будто выкованная изъ золо-

* Одна ведетъ въ большую столовую, другая въ малую.

та. Прибавьте къ этому соразмѣрность цѣлаго, грацію и гармонию частей, игру и переливы свѣта на золотѣ и мраморѣ, превосходныя украшенія на камняхъ, бронзы, вазы, цвѣты, самую разстановку изящной мебели, драпировку оконъ и огромныя зеркальныя ихъ стекла, и тогда, даже сочетавъ съ этими элементами все, что вы слышали или читали въ волшебныхъ разказахъ, все, что собственное ваше воображеніе можетъ создать, вы далеко не достигнете до истины, потому, извините, что вы не изучили такъ близко, какъ Брюлловъ, міръ древній; у васъ будетъ произведеніе фантастически-роскошное, можетъ-быть безпорядочно-чудесное: у него общимъ вкусомъ и деталями этой превосходной комнаты осуществлена лучшая, богатѣйшая эпоха чистаго греческаго искусства; теперь вы поймете, какъ восхитительно-хороша должна быть эта гостинная.

Замѣтимъ мимоходомъ, что, при необыкновенномъ богатствѣ матеріала, при обиліи мысли, создавшей тему, которую художникъ могъ бы до безконечности разигрывать въ обворожительныхъ частностяхъ, вездѣ умный талантъ его положилъ строгія границы собственному увлеченію; судья самый възыскательный врядъ ли найдетъ одну ненужную черту, одно лишнее украшеніе. Это должно отнести ко всемъ произведеніямъ А. П. Брюллова: вездѣ, какъ въ Зимнемъ-Дворцѣ, онъ *всегда уменъ*, — да простятъ намъ это выраженіе, вполне объясняющее наше понятіе. Нужно удивляться также граціи рисунка деталей и льпныхъ работъ и чистотѣ ихъ выполненія: первое приноситъ особенную честь молодымъ помощникамъ г. Брюллова, его ученикамъ. Каждый карнизъ, каждый плат-бандъ, каждый флеронъ, розетка, порѣзка — а ихъ нѣтъ возможности пересчитать — прелесть, по изяществу и характеру чи-

стоты рисунковъ, которые были составляемы этими молодыми людьми по даннымъ имъ темамъ. Вкусъ, искусство, старательность и самое направленіе гг. Бейне, Клагеса, Горностаева, Гальберга и Львова необычайно обшцаютъ намъ въ нихъ отличныхъ художниковъ. Второе относится къ русскимъ и иностраннымъ мастерамъ о которыхъ мы въ-послѣдствіи упомянемъ: труды ихъ въ возобновленіи дворца тоже замѣчательны. Кто знаетъ техническую часть дѣла, кто сообразить, что надлежало, для всякой мелочи, изобрѣсть, сочинить подробные рисунки, выполнить ихъ, лѣпить по нимъ, формовать, потомъ не выливать изъ гипса, какъ обыкновенно, а дѣлать украшенія эти изъ битой бумаги (*papier-maché*) * золотить ихъ, ставить на мѣсто — и все это въ самое короткое время; тогда какъ несчислимая частность огромнаго труда, по отдѣлкѣ вдругъ множества комнатъ вѣчно разнохарактерныхъ и новыхъ, требовали полнѣйшей дѣятельности воли и фантазій, и вмѣстѣ спокойнаго, глубокаго расчета и размышленія; кто сообразить это, говоримъ мы, увидѣвъ сперва весь дворецъ—тотъ изумится, безъ всякаго сомнѣнія.

Одно не могло быть возсоздано въ этой гостиной: прежде пилястры и колонны въ ней были яшмовые, драгоценные и по матеріалу, и по многолѣтней работѣ; огонь разрушилъ связь камня, и онъ разсыпался. Но комната, улучшенная во всемъ, и въ этомъ врядъ-ли потеряла: богатая Сибирь замѣнила свою яшму своимъ же золотомъ и малахитомъ, который, по нашему мнѣнію, роскошнѣе и красивѣе яшмы.

Розовая гостиная (шир. 10 арш., глубина 15),— прелестная небольшая комната съ однимъ окномъ,

* Мы уже упомянули объ этомъ;—здесь на потолокъ украшеніе тоже изъ битой бумаги.

возсозданная по прежнему мотиву, съ нѣкоторыми улучшениями относительно вкуса украшеній; мы замѣтили это не только въ архитектурической части, но даже въ рамкахъ, которыми окруженъ розовый штофъ, покрывающій стѣны; мраморный каминъ, находившійся прежде въ глубинѣ комнаты, теперь на лѣвой ея сторонѣ, что содѣйствовало пріятнѣйшему размѣщенію мебелировки.—Потолокъ здѣсь замѣчательнъ и по граціи формы, и по особенной легкости живописи.

Малиновая гостиная (въ два окна; шир. 13½ ар., глуб. 15). Съ каждымъ шагомъ вы переступаете отъ очарованія къ очарованію; въ *золотой* вы были поражены величавостію греческаго характера, здѣсь другія красоты дѣйствуютъ на васъ немнѣе-пріятнымъ образомъ. Вся комната отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* (Renaissance), и въ многочисленныхъ украшеніяхъ ея столько новаго, заманчиваго, такое богатство, такая чистота, такое милое кокетство, что вы, не довольствуясь эффектомъ цѣлаго, непременно желаете разсмотрѣть каждую подробность. Потолокъ этой комнаты, по мнѣнію нашему, — лучший въ цѣлой половинѣ; форма его превосходная, въ украшеніяхъ соединена живопись съ скульптурною работою; мѣстами на золотомъ полѣ отдѣляются бѣлые, лѣпные орнаменты; мѣстами въ нихъ своеюравно и стройно вмѣшивается произведеніе кисти; фризы и сюпорты особенно хороши: отчетливость ихъ отдѣлки тѣшить взоръ; вы желали бы остановиться на нихъ долѣе, но другой предметъ невольно привлекаетъ все ваше вниманіе. Надъ каждою изъ двухъ дверей этой комнаты вставленъ мраморный барельефъ, изображающій вакханалію; на одномъ группа дѣтей, окружившихъ козла, на другомъ упившійся силенъ.

Эти знаменитыя въ исторіи искусства произведенія *Франсуа-Фламанна* нынѣ куплены за 25.000 руб.; ихъ привезъ изъ Италіи Вендрамини. Не намъ хвалить высокое достоинство этого драгоценнаго приобрѣтенія; довольно сказать, что великій Канцова, послѣ долгаго созерцанія, какъ-будто не находя словъ, чтобы выразить свое восхищеніе, безмолвно распаловалъ ихъ, ставя на мѣсто, съ котората они перешли украшать палаты Царицы русской. Этимъ не заключается исключенное убранство гостиной: всѣ искусства должны были имѣть въ ней изящнѣйшихъ представителей. На стѣнѣ, противоположной окнамъ, и на двухъ боковыхъ стѣнахъ, обтѣмлены маляновымъ штофомъ, только по одной картинѣ; но этихъ картинъ только по одной въ свѣтѣ; это «Святое Семейство *Винчи*, противъ него «Амуръ» *Доминикина*, и «Св. Іоаннъ» его же. Въ углахъ комнаты два мраморные кмина; между оконъ трюмо; золотая рама котораго такъ же замѣчательна, какъ и вся мебель, приносящая честь мастерскимъ Гамбса; изъ верхней ея части выходящая до половины тѣла изъ красивой, волнутой раковины, фигура держитъ цѣпи висящей предъ зеркаломъ люстры. Вся мебель золочена, покрытая маляновымъ бархатомъ, по которому вытиснены золотые узоры; подушки окружены роскошными бахромами изъ смѣси бархата съ золотомъ битью. Отъ архитектурныхъ произведеній, отъ мрамора и бронзы до ревербера лампы, до малѣйшей этажерки для альманаховъ,—во всемъ сохраненъ оригинальный характеръ *возрожденія*, украшенный чрезвычайнымъ благородствомъ рисунка. Мы не упомянули о дверяхъ, по богатству, разнообразію формъ, чистотѣ отдѣлки и драгоценности деревъ заслуживающихъ особеннаго вниманія: онѣ, какъ и вся почти мебель этой половины;

дѣланы Гамбсомъ, и, выполнѣ соотвѣтствуя архитектурной и декоративной частямъ, возвышаютъ еще красоту комнаты.

Позади *малахитовой, розовой и малиновой*, расположены, окнами на маленькій непроезжий дворикъ, *полюйская столовая*, буфетъ и камеръ-конферская.

Кабинетъ (четыре окна, два на Неву и два къ Адмиралтейству, ширина и глубина 12 и 13½ арш.). Эта прелестная, какъ и всѣ другія комнаты, обогащена тоже превосходнымъ потолкомъ, совершенно отличнымъ отъ другихъ и по формѣ, и по живописи; стѣны убраны зеленымъ штофомъ; изъ углового окна, окруженнаго трельяжемъ, открывается восхитительный видъ на Неву внизъ по ея течению. — Здѣсь посетитель, которому посчастливилось обозрѣвать внутренніе покои Императрицы, остановленъ красотою убранства и меблировки амагантоваго дерева; замѣчательныхъ гораздо-менѣе роскошью; вежливымъ изяществомъ работы и догадливымъ до возможной утонченности удобствомъ размѣщенія; но и по самому назначенію все привлекаетъ ваше вниманіе въ этой рабочей комнатѣ Императрицы. Вотъ письменный столъ: тутъ совершаются труды христіански-великіе по материнскому попечительству надъ многочисленными воспитательными заведеніями; далѣе, на этомъ диванѣ, на этихъ столахъ, сколько было прослушано вѣдоевъ, свободно долетавшихъ изъ жилища нищаго и угнетеннаго судьбою до сего высокаго царскаго уединенія; и сколько, въ отвѣтъ имъ, изшло отсюда благодарній! Далѣе, въ этомъ уютномъ помѣщеніи, счастливая мать-Царица, окруженная многочисленною и несравненною семьею, въ вѣжныхъ ласкахъ ея пила чистое наслажденіе и награду своихъ заботъ и добродѣтелей..

Къ каждой розеткѣ, къ каждому уголку вы подходите съ трепетомъ сердца, пробуждаемыми святостию мѣста; комната великой Царицы, счастливой супруги и матери... Какая дивная цѣнь сладостныхъ, утѣшительныхъ истинъ, извлекающихъ изъ глубины вашей души молитву и благословеніе!...

Мѣстами цвѣтники и трельяжи, мѣстами изящныя ширмы и тысячеобразныя принадлежности богатаго кабинета, дѣлятъ его какъ-будто на нѣсколько другихъ маленькихъ кабинетиковъ. Большая часть находящихся здѣсь произведеній искусства суть вмѣстѣ и завѣты самыхъ сладкихъ чувствъ; тамъ вы видите мраморный бюстъ августѣйшаго родителя Императрицы, здѣсь акварельные или карандашные семейные портреты; даже виды любимыхъ мѣстъ, и т. п. Нѣсколько небольшихъ, но превосходныхъ кабинетныхъ картинъ развѣшаны по стѣнамъ, такъ напр. рафаелева «Мадонна», чудесно скопированная нашимъ *Бруни*, «Христосъ» — *Морилло*, «Магдалина» — *Дольги*, «Младенецъ-Спаситель съ державою» — *Соелли*; нѣсколько перспективъ *Неефа*; итальянская сцена — *Маес*; «Двѣ Неаполитанки» — нашего *Нефа*; на ширмахъ нѣсколько обворожительныхъ миниатюрныхъ картинъ; наконецъ, двѣ знаменитыя мраморныя фигуры, *Гева* и *Прядильщица*, довершаютъ убранство этой комнаты, вполне достойной своего назначенія. Предшествовавшіе покои расположены окнами на Неву; важная отъ этой, всѣмъ слѣдующія обращены окнами къ адмиральтѣйству.

Полноценная (почти квадратная, нѣсколько болѣе 13 аршинъ; въ два окна). Одва треть комнаты по глубинѣ ея, отдѣляясь двумя колоннами и двумя пилястрами, составляетъ роскошный альковъ. Потолокъ перекидывается отдѣльными сводами, какъ надъ переднюю

частью; такъ и надъ задвѣю, следовательно своды дол-
жно было утвердить на этихъ колоннахъ; соображал
вышину, силу упора и т. п., вы дивитесь смѣлости
художника: не бойтесь—здѣсь предприимчивость есть
слѣдствіе глубокаго знанія и вѣрнаго расчета; трудъ
состоялъ въ соображеніи, а не въ выполненіи, которое,
при основныхъ данныхъ, дѣйствовало свободно и без-
ошибочно. Къ слову,—еслибы я сталъ рассказывать
вамъ, какимъ-образомъ здѣсь и въ другихъ подобныхъ
случаяхъ со стороны на сторону перекинута обшир-
ная и прочная арка, имѣющая силу выдержать болѣе
назначенной на нее тяжести, какъ она подперта други-
ми меньшими, какъ наполнены остальные простран-
ства, тогда вы поняли бы, что для художника съ
сильнымъ талантомъ, соединяющаго глубокое знаніе
и опытность, трудности существуютъ, но побѣждают-
ся, и что, именно, въ побѣжденіи ихъ заключается его
слава; внутренній трудъ архитектора, невидный,
скрытый наружными украшеніями,—этотъ расчетъ
и механизмъ построенія, на которыхъ все основано,
которымъ все обязано и красотою, и прочностію,
и самобытностію,—непонятны для непосвященныхъ
въ таинства, а они-то и составляютъ одну изъ замѣ-
чательнѣйшихъ, побѣдныхъ частей работы. Если бы
мы знали это, тогда, объяснивъ себѣ многое, необъяс-
нимое для насъ вышѣ въ перестройкѣ дворца, мы
не дивились бы... или нѣтъ, мы еще болѣе удивлялись
бы искусству строителей: тогда мы разгадали бы,
какимъ чудомъ извились, укрѣпились, округлились
эти смѣлые потолки, какъ въ верхнемъ этажѣ пови-
сли будто въ воздухѣ, не опираясь ни на что, проч-
ныя каменные стѣны (известно уже, что деревян-
ной здѣсь есть ни одной) многочисленныя ком-
наты, тогда какъ подъ ними расположены обширныя

пустоты огромных залъ.. Повторяемъ, возобновленіе дворца есть учебная книга для будущихъ архитекторовъ и истинный подвигъ для совершавшихъ оное.

Почивальная есть красивое произведеніе греческаго зодчества; комната необыкновенно-чиста и весела; прекрасный плафонъ, превосходный барельефъ работы Германа, идущій кругомъ, подъ карнизомъ, легкая по формѣ, богатая по матеріалу, свѣтлаго цвѣта драпировка, — все въ немъ прелестно въ частностяхъ и преисполнено гармоніи въ цѣломъ. Такимъ-образомъ образованный ученіемъ вкусъ умѣетъ создавать прекрасное, не имѣя нужды въ многочисленныхъ украшеніяхъ; и, на-оборотъ, при безчисленномъ множествѣ украшеній, умѣетъ употребить ихъ всѣ, безъ отягченія, безъ презытка, безъ утомительности и ничего не отнимая отъ граціи цѣлаго частностями.

За почивальную расположены къ внутреннему дворику переходы въ камер-юнкерскую на-лѣво, къ ванной на-право, лѣстница въ-верхъ и въ-низъ, и внутренняя превосходная лѣстница къ комнатамъ Государя Императора. Въ объемлемомъ ею призматическомъ пространствѣ чрезвычайно-искусно устроена подъемная прекрасной отделки машина: приложеніемъ легкой силы, не цѣлой руки, но нѣсколькихъ пальцевъ къ рукоятки круговращающагося ворота, свободно и плавно поднимается кресло, утвержденное четырьмя углами, или, лучше, скользящее ими въ четырехъ мѣдныхъ столбахъ.

Розовая уборная (около 7 арш. ширины, глубина одинаковая съ предшествовавшюю). Та же чрезвычайная стройность, тотъ же свѣтъ; бѣлая стѣны, мраморный каминъ и, на половинѣ глубины комнаты, розовая занавѣсъ, красиво висящая на золотыхъ багетахъ, поддерживаемыхъ небольшими кололками; все

это обнято легкимъ сводомъ чистаго потолка; думается, что художнику хотѣлось доказать этою комнатою, сколько прелести заключаетъ въ себѣ совершенная простота. Вы отдергиваете занавѣсъ, — стѣны легко драпированы розовою, шелковою тканью; изящно-простая и немногочисленная мебель; въ глубинѣ маленькая дверь: любопытство влечетъ васъ открыть ее, и вдругъ вы поражены чѣмъ-то неожиданнымъ, необыкновеннымъ; вы не можете дать себѣ отчета въ первомъ впечатлѣніи: это —

Ванная — небольшая комнатка около 13½ ар. въ длину и не болѣе шести въ ширину; между-тѣмъ въ ней сосредоточены всѣ красоты Альямбры, вся роскошь гренадскихъ Мавровъ; дивный характеръ волшебныхъ вымысловъ своегоравнаго искусства востока отпечатанъ здѣсь на всемъ съ полнѣйшею вѣрностію; вы видите настоящую идею о блескѣ и великолѣпіи жилищъ халифскихъ. Да, художникъ похитилъ все это изъ Альямбры, и вѣрно никто не поставитъ ему въ вину этого похищенія. Рельефныя разныхъ цвѣтовъ и золотыя украшенія, и арабески прилегли къ стѣнамъ и своду, устлавъ комнату съ-верха до низа фантастическими узорами; мѣстами высятся чуднаго стила колонны; сквозь расписанное въ томъ же вкусѣ окно, цвѣтистый свѣтъ таинственно льется въ эту очарованную храмину. Противъ окна огромное зеркало, вторящее чудный рисунокъ его; наравнѣ съ поломъ, устланымъ эластическимъ и мягкимъ какъ пухъ ковромъ, мраморная, углубленная ванная, подъ самымъ зеркаломъ, изъ котораго, по произволу, бьетъ хрустальнымъ ключемъ горячая или холодная вода, сперва въ огромную рѣдку раковину, а изъ нея каскадами въ ванну. Подъ сводомъ виситъ превосходной формы восточная люстра, пунцоваго цвѣта. Въ-право

отъ ванны, въ углубленіи, диванъ, и близъ него широкая ширма, чрезъ которую переброшенъ драгоценный турецкій коверъ, шитый въ тамбурномъ родѣ, возможно только одному многорукому и многотерпѣливому востоку: машинная Европа не изобрѣла еще способа производить что либо подобное. Взгляните отсюда на-право и на-лѣво: на двухъ выступахъ стѣны, искусно устроеннымъ для предположенной цѣли, утверждены зеркала; въ нихъ вся эта роскошная фантазія, отражаясь тысячи разъ, тянется безконечно съ своимъ блескомъ, разноцвѣтностію и игрою; глазъ теряется въ неизмѣримой дали, взоръ побѣжденъ: онъ не можетъ уловить конца этой анфилады сводовъ и безчисленной цѣпи цвѣтистыхъ оконъ... За диваномъ маленькая дверь, ведущая въ другую уборную, имѣющую два окна на короткій бокъ изломаннаго фаса, обращеннаго къ Адмиральтейству. Но воротимся, чтобъ въ порядкѣ продолжать обзоръ и чрезъ ванную войдемъ опять въ розовую уборную, а изъ нея въ —

Будуаръ (такой же величины, какъ розовая уборная). Новый міръ: предшествовавшее впечатлѣніе еще живо, и вдругъ вы перенесены въ эпоху *возрожденія*. Эта комната чисто-архитектоническая; кисть не прикасалась къ бѣло-песочнымъ ея стѣнамъ. Потолокъ, бока и открытыя аркады въ смежную съ нею съ правой стороны комнату, сплошь украшены рѣзными орнаментами мелкаго, прелестнаго рисунка и необычайно-чистой лепки; мягкія тѣни отъ бѣлаго на бѣломъ возвышаютъ рельефъ, и даютъ всему жизнь и прохладу; легкая орѣховая мебель, въ оборотительномъ-стройномъ беспорядкѣ разставленная, усиливаетъ еще чистоту этой комнаты: вамъ хотѣлось бы быть здѣсь въ канікулярный день, чтобъ освѣжиться

подъ этими свѣжими аркадами отъ издѣлаго зноя, для, лучше, вамъ хотѣлось бы никогда не выходить отсюда. Но вы перешли еще не черезъ всѣ очарованія волшебнаго жилища; заняты, поглощенные созерцаемъ этой комнаты, вы не заглянули сквозь аркады въ сосѣдную—войдите въ нее:

Цветникъ или садъ (такой же ширины, длина 20 арш.) Это угловая комната, однимъ окномъ прямо къ Адмиралтейству, четырьмя окнами, по загибающемуся фасау, обращенному къ подъезду. — Характеръ совершенно тотъ же; но здѣсь несравненно меньше лѣстныхъ украшеній*. Комната по длинѣ раздѣлана на двѣ половины низкою рѣшеткою (балюстрадой); половиня, прилежащая къ окнамъ, опускается на нѣсколько саженей ниже; вы сходите туда широкою мраморною лѣстницею, съ обѣихъ сторонъ украшенною растеніями и цвѣтами, и достигаете площади этого прохладнаго цвѣтника, вымощенной, въ родѣ мозаика, мелкими кусками мрамора, всажеными въ камневидную массу. По срединѣ бьетъ изъ мраморной чаши фонтанъ; кругомъ цвѣты и растенія, увлажжаемые водною пылью и льющіе въ воздухъ благоуханія; въ углубленіи восхитительный гротъ.

Верхняя часть вся украшена цвѣтниками, трельяжами и бесѣдками самыхъ милыхъ формъ; изъ золотыхъ тирсовъ и багетовъ, составляющими безподобныя, истинно-поэтическіе пріюты, гдѣ, благодаря роскошной фантазіи художника, высокая Хозяйка этого

---

* Г. Додоновъ, извѣстный художникъ нантъ, расписываетъ теперь эту комнату. Нѣтъ сомнѣній, что цвѣты, которые набросаетъ его кисть, не устыдятся своихъ живыхъ соперниковъ, и, въ-замѣнъ ихъ аромата, будутъ одарены отъ художника продолжительнѣйшею свѣжестью.

благодатнаго жилища и въ глубокую зиму можетъ заставитьъ царствовать весну со всеми ея красотами, съ пѣніемъ птицъ, ароматами цвѣтовъ и шумомъ фонтана.—Отсюда есть дверь въ уборную, о которой мы сейчасъ упоминали, сообщающаяся, направо, — съ ванной, а прямо—съ третьею столовою, называемою *большою* *.

Большая столовая (21 ар. длины, 16 ширины) — верескошная, но красивая, благороднаго стиля комната съ пилястрами. Она первая, т. е. начинающая рядъ покоевъ, (рядомъ съ нею) расположена въ углубленной части фаса, обращеннаго къ Адмиралтейству. Вправо отъ нея расположены: буфетъ, съ переходомъ и лѣстницею, а возлѣ особенная *брильянтная* комната; ими оканчивается съ этой стороны половина Государыни Императрицы; изъ этой же столовой выходъ прямо въ —

Ротонду (22 арш. въ діаметръ), прекрасную комнату палеваго мрамора, въ греческомъ вкусѣ, съ возвышеннымъ, смѣлымъ и стройнымъ каменнымъ куполомъ, замѣнившимъ полуплоскій деревянный потолокъ; изъ вершины его льется тихій свѣтъ; подъ куполомъ кольцомъ обхватываетъ комнату висящая галерея. На оконечностяхъ двухъ прямоугольно-пересѣкающихся діаметровъ ротонды, устроены четыре красивыя углубленія или ниша (описанные радіусомъ около 5 аршинъ), поддерживаемые каждый двумя дорическими колоннами и придающіе большую пріятность общему виду ротонды. Эта комната есть четвертый (скрытый, невидный снаружи зданія) вну-

---

* Не должно смѣшивать ее съ Арапскою, называвшеюся тоже *большою* столовою, доколѣ эта комната не получила настоящаго своего назначенія.

тренный уголъ квадрата, занимаемаго внутренними покоями Государыни Императрицы *; она вмѣствъ есть ключъ этой цѣли, и общее соединеніе. Предполагаю, что вы стоите въ ней точно въ томъ направленіи, какъ вошли въ нее изъ *большой столовой*; за вами ходъ черезъ эту послѣднюю въ уборную, цвѣтникъ и такъ далѣе; направо ходъ въ корридоръ, разделяющій половины Великихъ Кнззей и Государя Наслѣдника; прямо—входъ въ Малую Церковь; влѣво—входъ въ большую столовую (Арапскую), и сю сообщеніе влѣво — съ внутренними покоями Императрицы, направо съ помпейскою, длинною галлереею, Концертною Залогою и далѣе со всѣми описанными уже нами пріемными залами.

Весь этотъ квадратъ окружаетъ собою внутренній непроѣздный дворикъ въ 10 саж. длины и почти въ пять саж. ширины. Наружныя же измѣренія самаго квадрата представляютъ — по одному фасу: на Неву, 25 саж. (9 оконъ); къ Адмиральтейству 18 саж. (7 оконъ), потомъ эта послѣдняя линія прямымъ угломъ загибается внутрь, къ главному корпусу на 10 слишкомъ саженахъ (6 оконъ), послѣ чего остальные комнаты, принадлежащія къ этой половинѣ: *большая столовая, буфетъ и брильянтовая*, поворачиваются опять вправо по главному фасу, противъ Адмиральтейства лежащему, занимая въ немъ еще 12½ саж.; за тѣмъ продолженіе сего фаса до самаго угла, выходящаго на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству, занято половиною Государя Наслѣдника Цесаревича.

Намъ, вѣроятно, простятъ эти подробности: мы знаемъ, что многіе тысячи Русскихъ, которые прочита-

---

* Квадратъ этотъ составляетъ весь угловой выступъ дворцоваго зданія на Неву и къ Адмиральтейству.

югъ эту статью, никогда не бывали во дворецъ, а кому же изъ Русскихъ не драгоценна и малѣйшая подробность о жилищѣ Царей ихъ? Мы полагаемъ хоть въ-малѣ удовлетворить этимъ свѣтлое любопытство сердца соотечественниковъ нашихъ.

Въ верхнемъ этажѣ этого же квадрата, съ угловой части его, окнами на Неву и къ Адмиральтейству, расположены внутреннія комнаты Государя Императора; въ нижнемъ устроены покои Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей.—Эти послѣднія комнаты, прекрасныя и отдѣлкою и удобствомъ расположенія, составляютъ совершенно-новое, важное приобрѣтеніе для Зимняго-Дворца: до пожара дѣл часть, занятая ими, состояла изъ кладовыхъ и служебныхъ переходовъ. Мы послѣ поднимемся къ комнатамъ Государя Императора и спустимся къ комнатамъ Великихъ Князей, теперь же осмотримъ остальные отдѣланныя части обозрѣваемаго нами этажа *.

---

* Мы осмотрѣли 1) весь фазъ на Неву, заключающій въ себѣ: парадную лѣстницу, Аван-залы, Концертную, и комнаты Императрицы; 2) весь фазъ боковой по дворцовому переулку (отъ Невы до Миліонной), немѣющій оконъ въ этотъ переулокъ, но обращенный окнами на большой дворцовый дворъ; въ этомъ фазѣ заключаются, начиная отъ парадной лѣстницы влѣво: залы — Фельдмаршальская, Петра I-го, Бѣлая (нынѣ ее всю роскошно золотятъ), и, бокъ-о-бокъ съ нею, Военно-портретная Галлерей, освѣщенная съ-верху; далѣе—новая Гренадерская Зала, упирающаяся своими окнами въ третій внутренній непроѣздный дворикъ, находящійся въ угловомъ квадратѣ или выступѣ на Дворцовую Площадь и въ Миліонную; влѣво отъ Гренадерской Залы мы видѣли Большую Церковь, составляющую собою цѣлый задній фазъ (относительно къ Дворцовой Площади) этого квадрата и имѣющую окна направо — во внутренній дворъ, и влѣво — въ переулокъ.

Теперь читателю, даже вовсе-незнакомому съ громаднымъ

Мы остановились въ ротондѣ; изъ нея, какъ обазано выше, есть выходъ въ широкій, свѣтлый внутренній корридоръ:

Внутренній корридоръ (всего въ 42 саж. длинны и въ 2½ саж. ширины), нѣкогда мрачный и

зданіемъ дворца, нетрудно и безъ плана понять общее его распределеніе. Представьте огромный квадратъ, съ четырьмя наугольными на немъ выступами; общая длина фасовъ, на площадь и на Неву по 104 сажени каждый; фасовъ: къ Адмиралтейству и въ переулокъ, по 80 саж. слишкомъ; а окружность всего этого *главнаго зданія* (не включал Эрмитажа и Шепелевскаго Дворца), слѣдя главные изгибы линий, до 450 саж.! — Въ серединѣ этой громады помѣщается четырех-сторонній (съ входными и выходными углами) дворъ, до 220 саж. въ окружности. — Теперь фасаы и наугольные квадраты извѣстны; станемъ на Невѣ лицомъ ко дворцу: весь этотъ фасъ извѣстенъ (смотри выше нум. 1-й въ этомъ примѣчаніи); наугольный лѣвый квадратъ, окружающій внутренній дворъ, занятъ съ одной стороны парадною лестницею и частию Фельдмаршальской Залы, съ трехъ остальныхъ половиною министра императорскаго двора. Идущій отсюда вертикально фасъ запятъ, какъ сказано выше (нум. 2-й этого примѣчанія); квадратъ, въ который онъ упирается, окружая внутренній дворикъ, содержитъ: въ ближайшемъ къ намъ фасѣ Большую Церковь; въ лѣвомъ (въ Милліонную) и въ верхнемъ (на площадь) бывшія комнаты короля прусскаго, нынѣ почти-оконченную превосходною отдѣлкой *вторую запасную половину*; правый фасъ этого квадрата есть весь — одна *цѣлая*, нынѣ отдѣливаемая Брюлловымъ и имъ проектированная превосходная Александровская Зала; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть связь и переходъ изъ второй запасной половины въ фасъ, обращенный на площадь, и также связь всѣхъ поминovanýchъ нами выше большихъ залъ съ этимъ фасомъ, миауя вторую запасную половину, составляющую комнаты внутреннія. — Далѣе, вправо идетъ середина фаса, обращеннаго на площадь; здѣсь опять *цѣлая половина, первая запасная*, роскошныхъ, оканчиваемыхъ комнатъ, на площадь окнами — прием-

характеромъ, и недостаточною вышиною, и отсутствиемъ дневнаго освѣщенія, нѣмъ обрѣзень въ прекрасную, чистую, даже величественную галерею въ греческомъ вкусѣ; на довольно-значительной вышинѣ оны покрыты потолокомъ, округляющимся красивою дугю и имѣетъ отверстія или фонари, освѣщающіе корридоръ съ-верху; на противоположномъ ротондѣ концѣ, корридоръ *дебушируетъ* прямо въ комнату кавалерійскаго караула, а отъ-туда изъ широкаго окна, обращеннаго на внутренній, непроходный дворикъ, свѣтъ опять льется въ корридоръ длиннымъ лучемъ. На серединѣ его протяженія, и по обѣ стороны, въ ровныхъ отъ этого мѣста разстояніяхъ, устроены

ныкъ, на дворъ окнами — внутреннихъ; следовательно, общее соединеніе не прервано. Далѣе въ-право примыкаетъ наугольный квадратъ на площадь и къ Адмиральтейству, окружая собою внутренній дворикъ. Левый фасъ его въ части, ближайшей къ этому дворику, есть переходъ и сообщеніе *первой запасной половины* съ фасомъ дворца, обращеннымъ къ Адмиральтейству; остальные фасы квадрата заняты превосходными, вповѣ-отдѣляемыми комнатами: это *новая половина* Государя Наслѣдника Цесаревича. Далѣе, прямо на насъ, направленъ фасъ, обращенный къ Адмиральтейству, и раздѣленный внутреннимъ корридоромъ на-двое, по длинѣ; часть, съ окнами къ Адмиральтейству, есть *старая половина Государя Наслѣдника*, сообщающаяся съ новою; окнами на большой дворъ — *половина* Великихъ Князей Константина Николаевича, Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Наконецъ, наугольный квадратъ на площадь и на Неву, *половина*: Государыни Императрицы, въ этомъ этажѣ; Государя Императора, въ верхнемъ, Государынь Великихъ Князей въ нижнемъ, и, минуя ихъ чрезъ ротонду, связь и сообщеніе этого фаса адмиральтейскаго съ набережнымъ, которыми мы начали. — Такъ роскошно, удобно и умно распределено это громадное построеніе; въ безчисленныхъ принадлежностяхъ, мелочахъ и прислугахъ порядокъ и удобства столь же удивительны.

портки, украшающіе входы изъ корридора въ покои направо и налево.

Главное назначеніе корридора состоитъ въ связи и сообщеніи квадрата (углового выступа) на Неву и къ Адмиральтейству, съ угловымъ квадратомъ (выступомъ) на Дворцовую Площадь и къ Адмиральтейству; въ первомъ прежде помѣщались комнаты Императора Александра I-го; во второмъ—комнаты Императрицы Маріи Ѳеодоровны; нынѣ въ первомъ, какъ уже извѣстно, комнаты Государя Императора (въ верхнемъ этажѣ), Императрицы (въ среднемъ) и Великихъ Князей (въ нижнемъ). Начиная отъ ротонды по корридору направо къ Адмиральтейству, первыя двѣ комнаты, какъ мы сказали, принадлежатъ еще къ половинѣ Императрицы: это *буфетъ* и *брильянтовая*; далѣе лестница, ведущая на подъѣздъ (бывшій салтыковскій); отсюда вся остальная часть фаса, до угольнаго квадрата или выступа, заключающаго новоотдѣливаемую для Государя Цесаревича половину, содержитъ въ себѣ нынѣшнія комнаты Его Императорскаго Высочества, а именно: прихожая, зала съ выходомъ на балконъ, изъ палатки котораго Императорская фамилія изволить смотрѣть иногда на разводы; кабинетъ, ночивальная, уборная и библіотека; всего на протяженіе 26 саж. Эта прежняя или временная половина Его Высочества чрезвычайно-проста по отдѣлкѣ и меблировкѣ; но, находясь въ ней, впадаетъ въ умилительное раздумье: многія комнаты возобновлены до малѣйшей подробности въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были, когда ихъ занималъ нынѣ благополучно-царствующій Государь Императоръ, а передъ нимъ покойный Императоръ, Александръ Павловичъ, для котораго собственно онѣ были назначены и отдѣланы при его рожденіи.

Другая половина фаса, вдоль всего корридора, окнами на дворъ, заключаетъ въ себѣ двѣ столь же просто-убранныя, но удобныя и по цѣли прилично-мѣблированныя комнаты (всего восемь), раздѣленныя на двѣ половины: одна для Его Императорскаго Высочества, Константина Николаевича, другая для Николая Николаевича и Михаила Николаевича, вмѣстѣ. Тутъ все необходимое для ихъ занятій и полезныхъ упражненій; въ залѣ устроена гаубтвахта, и, говорятъ, будетъ поставлена большая модель корабля для практическаго обученія Его Императорскаго Высочества.

Осмотрѣвъ все безъ изыятія оконченное въ этомъ этажѣ, подыдемся въ верхній, въ половину Его Императорскаго Величества.

Комнаты Государя Императора, немногочисленныя, отдѣланныя съ прежнею простотою, расположены надъ комнатами Императрицы *, и занимаютъ пространство ими занятое, за исключеніемъ *малахитовой, ванной, и части садика*. — По внутренней лѣстницѣ вы входите въ прихожую, а изъ нея прямо въ маленькую, переходную комнату, отъ которой вправо начинается рядъ комнатъ Государевыхъ, а влево принадлежащій къ этому отдѣленію *угловой кабинетикъ для Императрицы*; съ двумя окнами: одно на Адмиралтейство, и одно къ сторонѣ подъѣзда. Этотъ прелестный, уютный, семейный кабинетикъ украшенъ мѣбелію бѣлаго дерева; потолокъ его, легко, но съ особеннымъ вкусомъ, расписанъ *Дролингеромъ*, отличнымъ художникомъ, которому принадлежать въ

* По такъ-называемой салтыковской лѣстницѣ до этого этажа 141 ступень; влево корридоръ къ комнатамъ Государя Императора, направо другой, расположенный надъ внутреннимъ свѣтымъ корридоромъ, пролегающимъ между половицъ Великихъ Князей.

дворцѣ едва ли не высшій въ этомъ родѣ работы. Но лучшее убранство сего кабинета, какъ и всѣхъ почти комнатъ Государя Императора, состоитъ въ собраніи превосходныхъ, небольшихъ картинъ; вы замѣтите тутъ «Вознесеніе Божіей Матери», *Тициана*; «Св. Семейство» *Леонарда-Винчи*, «Божію Матерь съ младенцемъ», если не ошибаемся, рафаэлевой школы; нѣсколько другихъ отличныхъ образцовъ прославленной кисти, и, между ими, имена и работы нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ, двѣ прелестные (извѣстныя всѣмъ по литографіямъ) женскія головы *Брюллова*, «Итальянское Утро», «Вечеръ», превосходное «Св. Семейство» *Егорова*, и проч. и проч.

Вправо отъ переходной расположены:

Туалетная; маленькая комната съ однимъ окномъ; столъ и нѣсколько шкапиковъ сѣраго (моренаго) дерева составляютъ все ея убранство.

Кабинетъ въ два окна; простая, неизысканнаго рисунка мебель карельской березы: стулья, покрытые зеленымъ сафьяномъ, вдоль двухъ боковыхъ стѣнъ низкіе шкапы, къ сторонѣ оконъ два письменные стола, далѣе конторка, въ углубленіи большой диванъ, въ двухъ углахъ по камину, — вотъ рабочая комната Всероссийскаго Самодержца! — Стѣны, пріятнаго зеленаго цвѣта, украшены произведеніями кисти, изъ коихъ каждое есть или залогъ любви семейной, или воспоминаніе славы народной, и потому завѣтъ любви Царя къ огромному семейству, ввѣренному providеніемъ державной рукъ его. Надъ диваномъ вы видите картины, изображающія знаменитыя военныя дѣйствія Петра I, родоначальника всякаго величія русскаго; портреты Петра I-го и Александра Благословеннаго; портреты Ихъ Императорскихъ Высо-

чества, братьевъ и сестеръ Государя Императора; да-
же, во стѣнахъ, акварельные портреты всѣхъ дѣтей
Его Императорскаго Величества; прѣмстныя неболь-
шыя картинки, работы *Ладюрнера*, изображающія сце-
ны изъ ежедневной военной или дворцовой жизни, и
на каждой портреты: Государя Императора, или На-
слѣдника Цесаревича, или Его Императорскаго Высо-
чества, Михаила Павловича, принца Орацскаго, — ок-
руженныхъ приближенными. Всѣ эти произведенія
отличаются чрезвычайнымъ сходствомъ, не только
лицъ, но склада и положеній особъ, которыя изобра-
жены на нихъ. — На двухъ стѣнахъ, надъ низкими
шкапами, двѣ огромныя картины, извѣстныя многимъ
въ Петербургѣ: «Парадъ въ Берлинѣ», писанный Крю-
геромъ, и «Парадъ въ Санктпетербургѣ», писанный Ла-
дюрнеромъ; на каждой болѣе 250 портретовъ извѣст-
ныхъ лицъ военныхъ, окружающихъ адъеъ Императо-
ра, тань короля, а въ числѣ зрителей — нѣсколько
особъ высшаго круга и современныхъ знаменитостей
обоюго пола. На одномъ изъ каминовъ — прекрасный
мраморный бюстъ его величества, короля прусскаго;
тутъ же всѣ мундирны ево войска, изображенныя ма-
ленькими чугунными *статуэтками*, отчетливо-отли-
тыми и раскрашенными. На другомъ каминѣ бюстъ
Государыни Императрицы, отличнаго выполненія изъ
бисквита (фарфоровой массы), съ наброшеннымъ на
голову прозрачнымъ, вышитымъ, тюлевымъ вуалемъ;
за этимъ бюстомъ расположены бюсты всѣхъ Вели-
кихъ Князей и Великихъ Княженъ, дѣтей Государя
Императора, снятыя въ самомъ юномъ возрастѣ Ихъ
Императорскихъ Высочествъ.

Угловая гостиная (на Неву и къ Адмиральтейству;
по два окна на каждую сторону).—Потолокъ этой
комнаты очень-красивъ; середина ево составляетъ до-

вольно-возвышенный куполокъ, поддерживаемый по угламъ четырью четверть-куполками; все это росписано въ мозанчномъ родѣ бѣлою и лѣтвого красками, чрезвычайно-просто и со-вкусомъ, съ весьма легкою примѣсью золота. — Угловой диванъ, нѣсколько кресель, козетка, два зеркала между оконъ съ полукруглыми подзеркальными столами и фарфоровыми на нихъ вазами, составляютъ мѣблировку Царской гостиной (мѣбель орѣховаго дерева съ позолотою). На боковой стѣнѣ каминъ, передъ которымъ стоитъ высокій экранъ-ширма, въ готическомъ вкусѣ, изъ трехъ половинокъ, покрытыхъ металлическими листами, на которыхъ находятся живописныя изображенія св. Побѣдоносца Георгія, св. Цециліи, и, если не ошибаемся, св. Клары; мы не имѣли случая свѣдать ничего объ этомъ украшеніи, но должно предполагать, что оно, кромѣ живописи довольно высокаго достоинства, должно быть чѣмъ-либо особенно замѣчательно. Стѣны и здѣсь обогащены избранными картинами: смотрѣ Наполеономъ гвардіи его, недавно по заказу Государя Императора написанный *Вернетомъ*; нѣсколько превосходныхъ картинъ *Танѣра*, *Шотелла* и *Бакгузена*; нѣсколько отличныхъ произведеній кисти *Фан-Фельде*, *Вусермана* и *Беркгейдена* украшаютъ эту комнату; но драгоценнѣйшее ея убранство составляетъ статуя Императрицы, дѣланная Карломъ Вихманомъ въ 1827 году. Государыня изображена сидящею, искусно и неизъисканно-драпированною въ полудревнюю одежду; лѣвая рука покоится; въ правой, поднятой, медальонъ съ профильными изображеніями родителей Императрицы, къ которымъ обращены нѣсколько ея станъ и голова, и на которыхъ устремлены съ выраженіемъ нѣжности взоры; въ этомъ произведеніи много сходства, граціи, мягкости и вмѣстѣ возвышенности

въ идѣи и выполненіи. Верхняя часть (карнизъ) бѣлой мраморной базы, на которой утверждена статуя, круговращается безъ всякаго усилія отъ легкаго движенія руки, что позволяетъ видѣть статую со всѣхъ сторонъ.

Другая гостиная, съ потолкомъ, легко расписаннымъ въ мозаичномъ родѣ, по голубому и желтому полю, съ бѣлою мѣбелью съ позолотой, и съ стѣнами, обтянутыми желтымъ штофомъ, съ легкимъ пунсовымъ узоромъ, заключаетъ рядъ немногочисленныхъ внутреннихъ комнатъ Государя Императора.

Продолженіе этой же линіи, до входящаго угла по набережной, т. е. до Концертной Залы, занято небольшою комнатою возлѣ желтой гостиной, называемою—

Статс-секретарскою; двери ея украшены каріатидами, на стѣнахъ нѣсколько хорошихъ картинъ *Роберта*, и, далѣе —

Трѣмя комнаты для пріѣздовъ Его Императорскаго Высочества, Михаила Павловича.

Сзади сихъ комнатъ расположенъ чистый корридоръ, освѣщенный съ-верху прекрасными матовыми съ прозрачно-вышлифованнымъ узоромъ стеклами; при послѣдней комнатѣ корридоръ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ вправо; въ этой части окна его выходятъ въ Концертную Залу, около которой онъ огибается опять влѣво и прямою линіею, пролегая надъ идущею внизу Помпейскою Галлереею, соединяется съ хорами всѣхъ другихъ большихъ залъ. Противоположный его конецъ выводитъ на новую прекрасную лѣстницу, устроенную близъ Малой Церкви. — По другой сторонѣ этого корридора, т. е. окнами на внутренній дворикъ и надъ расположенными внизу: *Арапскою*, малою или *Помпейскою столовою*, *Буфет-*

тамъ, Каммер-гофферского и переходами изъ нихъ, находятся еще чистыя комнаты для принадлежностей и прислуги; въ остальныхъ комнатахъ этого же этажа помѣщены гардеробы Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Поднимемъ теперь еще выше, по круглой, чугунной лѣстницѣ до телеграфа, отъ котораго идутъ телеграфическія линіи въ Кронштадтъ и Варшаву; взглянувъ съ этой возвышенной точки на дивную панораму Петербурга, съ его монументальными зданіями, прямыми, бесконечными проспектами, обворожительною Невою и живописными островами, — зайдѣмъ въ комнаты для телеграфическихъ работъ, и въ помещеніе для военно-служителей при телеграфѣ, устроенныя надъ комнатами Государя Императора, и, любовавшись необыкновенно-умному порядку размѣщенія всего, видѣннаго нами, искусству, сообразительности и беззапутанности, съ которыми стройно соткана эта хитрая сѣть чистыхъ корридоровъ, свѣтлыхъ переходовъ, и удобныхъ, прекрасныхъ лѣстницъ, спустимся по той же круглой лѣстницѣ, изъ-подъ телеграфа, будто огромный винтъ провернувшійся сквозь всѣ эти этажи громаднаго дворца въ самый его фундаментъ, — чтобъ взойдти въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Князей, расположенныя подъ комнатами Государыни Императрицы.

На половинѣ дороги, въ этажъ Государыни Императрицы, я останавливаю васъ на одну минуту въ уборной; проходя здѣсь, я не обратилъ вашего вниманія на предметъ весьма любопытный. Въ двери цилиндрическаго шкапа, изъ краснаго дерева, маскирующаго круглую лѣстницу, по которой мы шли, вставлена картина, изображающая солдата въ настоящий ростъ; другая, такая же картина, находится въ другой двери направо. Вы вѣроятно помните, что Петръ I подарилъ

королю прусскому нѣсколько славныхъ гренадеровъ: съ этихъ-то *стверныхъ великановъ*, жившихъ въ холѣ и бережи въ новомъ ихъ отечествѣ, списаны были тогда же портреты; нынѣ-царствующій родитель Государыни Императрицы подарилъ сии портреты Императору въ бытность Его Величества въ Берлинѣ. Одинъ изъ находящихся здѣсь есть самое добродушное лицо, какое-когда-либо можно видѣть подъ военною броней; его свѣтло-русые, длинныя волосы такъ странно противоположны гренадерской шапкѣ (въ родѣ нашихъ лейб-гвардіи Павловскаго Полка); бѣлая голландская манишка въ складкахъ, красное нижнее ниватье, красиво-завивающійся, пристегнутый къ срединѣ перевязи фантиль, и огромная фузель, которую онъ весьма неловко держитъ, такъ замѣчательны; самая выправка такъ невоинственна, что вы любознательствуете узнать имя гренадера: оно написано вънизу *«Schwerid Redivanoff aus Moskau»*.

Спустимся теперь ниже, въ комнаты Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ.

Начиная осматривать ихъ съ того же конца, съ котораго мы обозрѣвали комнаты Государя Императора, прежде всего должно зайти въ двѣ маленькія комнаты, собственно для Его Величества назначенныя въ этомъ этажѣ, какъ и во всѣхъ; здѣсь письменный столъ, трюмо, два, три кресла — и только.

Черезъ особый переходъ, вправо, половина Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны.

Гостиниал-кабинетъ Ея Императорскаго Высочества Ольги Николаевны, красиво, но просто отдѣланная, облеена милого рисунка голубыми обоями, и убрана приличною мебелью блага дерева съ украшеніями изъ орѣховаго.

Опоясывающая, зеленого цвѣта, съ мебелью краснаго дерева, въ углубленіи раздѣлена двумя колоннами древняго желтаго мрамора, поддерживающими красивую арку; штофная между ними драпировка составляетъ два отдѣльные алькова для ихъ Императорскихъ Высочествъ; въ углахъ два кивота для образовъ.

Рядомъ *гостиная - кабинетъ* Ея Императорскаго Высочества, Маріи Николаевны; малиновая комната, съ зеленою драпировкою оконъ, занимающая уголъ на Неву и къ Адмиралтейству. Она отдѣлана въ стилѣ *возрожденія* и меблирована съ большимъ вкусомъ (орѣховымъ деревомъ). Угловой диванъ, козетки, цвѣтники, письменный столъ, прелестное помѣщеніе у двухъ угловыхъ оконъ, отдѣленныхъ превосходнымъ трельжемъ, все просто, но обворожительно по рисунку и свѣжести; надъ диваномъ двѣ прекрасныя семейныя картины *Ванлоо*.

Библиотека голубая; въ серединѣ ея столбъ, поддерживающій своды, опирающіеся на него со всѣхъ сторонъ; кругомъ шкапы, столы, всѣ принадлежности учебной комнаты.

Зала, съ необыкновенною простотою и чрезвычайнымъ вкусомъ отдѣланная въ готическомъ стилѣ. — Двѣ связки тонкихъ колоннъ дѣлятъ ее какъ-бы на двѣ галлерен, состоящія изъ аркадъ, граціозно перебрасывающихся со стороны на сторону; три окна льютъ свѣтъ на одноцвѣтныя кружевныя чистыя, лепныя украшенія, искусно выполненныя художникомъ *Генрихомъ Троду*; въ двухъ нишахъ перваго изъ этихъ массивовъ колоннъ, съ обѣихъ его сторонъ, поставлены (тоже работы Троду) двѣ необыкновенно-прелестныя статуи, зефирныя, стройныя, тонкія, съ малюпкими, миловидными головками, во вкусъ среднихъ

вѣковъ. Одна, опершись правою рукою на арфу, а лѣвую прижавъ къ груди, обращаетъ къ небу взоръ, исполненный ангельской кротости; другая, держа въ лѣвой рукѣ вѣнокъ, съ выраженіемъ ангельской невинности, стройными пальчиками другой руки, кажется, хочетъ взять изъ него одинъ цвѣтокъ; мѣстами къ одеждѣ ихъ примѣшана позолота. Передъ окнами стоять прекрасныя хрустальныя вазы; легкая мѣбель распределена съ большимъ вкусомъ и въ углубленіяхъ арокъ вездѣ представляетъ милыя и уютныя помѣщенія. — Эта небогатая комната прелестна въ художественномъ отношеніи.

Занею слѣдуетъ свѣтлый корридоръ и особая лѣстница съ подъездомъ на Неву. По другую сторону корридора находится небольшое отдѣленіе для Ея Императорскаго Высочества Александры Николаевны. Позади всѣхъ этихъ комнатъ расположены помѣщенія для различнаго употребленія.

Мы обозрѣли все, что было готово тогда, какъ публика была впущена въ Зимній-Дворецъ, но не все, что готово уже теперь и еще со дня на день оканчивается, а этого еще чрезвычайно много: *Новая половина для Государя Наслѣдника Цесаревича, до десяти комнатъ съ большою танцевальною залой* *; *Первая запасная половина, до семнадцати комнатъ* **; *Вторая запасная половина, до 14-ти комнатъ* ***. Между сими двумя половинами, соединяющая ихъ, пре-

* Уголь къ Адмиралтейству и на площадь.

** Середина фаса на площадь.

*** Уголь на площадь и въ Миліонную; слѣдовательно, эти половины занимаютъ весь фасъ на площадь и оба загиба отъ него по длинѣ выступовъ.

восходная новая Александровская-Зала, замѣчательна по изобрѣтенію архитектурной роскоши и смѣлости сводовъ. Все это дѣлаетъ А. П. Брюлловъ; все это то прекрасно, то прелестно, и все это—мы осматривъ весьма-скоро, потому-что скоро будетъ все окончено.

Въ то же время мы сообщимъ описаніе чердаковъ, стропиль, балокъ, вообще механическихъ устройствъ, заслуживающихъ особенное вниманіе; представимъ нѣсколько статистическихъ, неменѣе-любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ трудѣ—словомъ, постараемся дать столь вѣрное понятіе о предметѣ, сколько то возможно, и упомянемъ о художникахъ, наиболѣе участвовавшихъ въ возобновеніи дворца.

Если статья эта и продолжительна, то мы не можемъ, однакоже, полагать, чтобы кто-либо изъ Русскихъ не находилъ сердечнаго интереса въ бѣгломъ описаніи даже подробностей царскаго дома.

Въ ожиданіи и надеждѣ, что рука художника и вмѣстѣ искуснаго писателя начертитъ намъ въ болѣе полной и ученой картинѣ всѣ превосходныя частности этого громаднаго произведенія, повинуюсь внутреннему влеченію, до времени кладемъ на алтарь общаго Русскимъ чувства свое слабое приношеніе.

А. ВАНШУЦКІЙ.

ВЫСТАВКА ИЗДѢЛІЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ МА- НУФАКТУРЪ ВЪ 1839 ГОДУ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

(МАШИНЫ, МЕТАЛЛЫ, ЛЕНЪ, ПЕНЬКА, КОЖИ, ШЛЯПЫ.)

Болѣе шести лѣтъ протекло со времени послѣдней выставки издѣлій отечественныхъ мануфактуръ въ Санктпетербургѣ. Съ той поры промышленность наша ознаменовалась важными успѣхами: она стремилась все далѣе и далѣе въ своемъ развитіи; многія новыя вѣтви привились въ ней къ прежнимъ, старыя улучшены; открытіе сбытовъ, особенно на востокъ, значительно усилило производительность; примѣръ удачныхъ предпріятій ободрилъ капиталистовъ, и никогда, быть-можетъ, въ Россіи не появлялось столько фабрикъ и заводовъ всякаго рода. Были попытки неудачныя, неосторожныя, но, не смотря на нѣкоторые примѣры частныя, нельзя не радоваться этому движенію промышленному — залогу будущаго богатства народнаго. Одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ его распространенію заключается безъ сомнѣнія въ ограниченности внутренняго потребленія. Причины этого заслуживаютъ самаго усиленнаго вниманія

но здѣсь не мѣсто о нихъ разсуждать, и мы упоминаемъ о нихъ только вскользь.

Во все это время, Европа постоянно дѣлилась съ нами своими открытіями и изобрѣтеніями. Можно смѣло сказать, что всѣ важнѣйшія изъ сихъ открытій у насъ извѣстны, оценены; не было явленія примѣчательнаго по части промышленности на западѣ, которое не отразилось бы у насъ. Новыя машины, новыя орудія, улучшенныя способы химическіе и механическіе, новый порядокъ, введенный въ различныя производства, новыя постановленія и учрежденія,—все у насъ извѣстно, испытано и принесло или приносить возможную пользу.

Во всемъ этомъ промышленномъ развитіи насъ должно поразить явленіе достопримѣчательное, котораго не представляетъ ни Франція, ни Англія. Тамъ источника успѣховъ мануфактурныхъ надлежитъ искать въ промышленности частной; у насъ же, напротивъ, начало ихъ надлежитъ отнести къ правительству, и, въ особенности, къ той администраціи, которая завѣдуетъ этою частью. И подлинно, разсмотрите по-одиначкѣ каждую вѣтвь промышленности,—вы встрѣтите въ главѣ ея успѣховъ или примѣръ, или поощреніе, или наставленіе со стороны министерства финансовъ. Это участіе правительства особенно замѣтно и чувствительно въ *последнее десятилетіе*, когда благодушный Монархъ нашъ обратилъ истинно-отеческое вниманіе на успѣхи нашей юной промышленности, и поручилъ управленіе министерствомъ, ею завѣдывающимъ, вельможѣ, обладающему опытностью и познаніями столь глубокими и многосторонними, представляющему рѣдкое соединеніе учености теоретической съ еще важнѣйшимъ практическимъ знаніемъ людей и вещей. Его просвѣщенной

заботливости обязана наша промышленность тѣмъ дѣвствующимъ положеніемъ, въ которомъ она нынѣ находится. Въ теченіе ея администраціи, открыты новые пути и облегченія къ заведенію мануфактуръ; производительности ихъ дано надлежащее направленіе, соразмѣрное съ нашимъ потребленіемъ; обращено дѣятельное вниманіе на усовершенствованіе производства сырыхъ матеріаловъ, настоящаго богатства Россіи. Такъ, напримѣръ, заведены образцовыя фермы для земледѣлія; опредѣлены и улучшены постановленія по управленію лѣсовъ; учреждены Школа Земледѣльческая и Училище Лѣсоводства; даны пособія на учрежденія образцовыхъ хуторовъ, для воздѣлыванія льна и пеньки, и на выписку иностранныхъ бѣльныхъ мастеровъ; даны различныя поощренія овцеводству; устроено, подъ высочайшимъ покровительствомъ, общество для улучшенія шелководства за Кавказомъ; выписаны въ Россію искусные химики, каковъ напр. *г-нь Каллетъ*—для указанія способовъ къ улучшенію промысловъ животенныхъ, а *г-нь Поасса*—для усовершенствованія промысловъ металлургическихъ. По части собственно-мануфактурной въ главныхъ частяхъ Европы постоянно содержатся корреспонденты, сообщающіе министерству все, что иностранная промышленность представляетъ замѣчательнаго, и въ этомъ случаѣ министерство есть наилучшій посредникъ для передачи сихъ. улучшеній отечественной промышленности. Такъ въ русскихъ фабрикахъ появилось множество новыхъ машинъ и орудій; сдѣлались извѣстны многіе способы, облегчившіе или удешевившіе производство; высланы въ Россію многіе полезные мастера, какъ-то: аппретёры, рисовальщики, механики и т. п. Къ числу важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ къ улучшенію мануфактурной ча-

сти, надлежитъ, безъ-сомнѣнія, отнести учрежденіе Технологическаго Института въ Петербургъ. Этому осуществленію прекрасной мысли нынѣшняго министра финансовъ, Россія обязана будетъ множествомъ просвѣщенныхъ людей, исключительно-посвященныхъ мануфактурамъ. Всѣ эти усилія, всѣ эти старанія со стороны правительства имѣли еще то счастливое послѣдствіе, что возвысили въ глазахъ отечественной публики призваніе фабриканта. Нынѣ у насъ за честь поставляютъ себѣ заниматься мануфактурами лица, рожденные на высшихъ ступеняхъ общества. Примѣръ ихъ, безъ-сомнѣнія, дѣйствуетъ на тѣхъ, которыхъ удѣлъ скромнѣе, а между-тѣмъ ихъ образованность невольно сообщается сословію, собственно къ тому-предназначенному.

Среди сихъ-то счастливыхъ предзнаменованій открылась нынѣшняя *выставка*. Любопытно изслѣдовать, въ какой степени отразились въ ней успѣхи, о которыхъ мы теперь говорили. Не должно забывать, что подобная выставка никогда не можетъ быть полнымъ и совершенно-вѣрнымъ, такъ-сказать, слѣпкомъ промышленности, особенно въ Россіи, гдѣ тому противятся и значительныя разстоянія, и—по-крайней-мѣрѣ доселѣ—не-совсѣмъ-хорошее состояніе дорогъ.

Какъ и прежде, мѣстомъ выставки избраны биржевыя залы, обыкновенно служація таможеннымъ депо. Противъ прежняго, онѣ увеличены прибавкою значительнаго пакгауза. Въ очеркахъ нашихъ мы постараемся слѣдовать порядку расположенія предметовъ.

Первая и вторая залы заключаютъ въ себѣ машины, издѣлія металлическія и главные сырые матеріалы. Эта часть выставки безъ-сомнѣнія важнѣйшая: въ ней совокупились главные начала русскаго народнаго богатства и главные средства къ его рас-

пространенію. Нельзя было найти мѣста, приличнаго для портрета императора Петра Великаго. Тѣнь незабвеннаго монарха должна возрадоваться при видѣ успѣховъ, которыми Россія обязана частію первоначальному направленію ея промышленныхъ силъ, о которомъ онъ такъ много заботился. Передъ самымъ изображеніемъ Великаго лежатъ желѣзныя полосы, выкованныя его собственными царственными руками—и это высокое напоминаніе глубоко должно проникнуть въ душу каждаго изъ нашихъ отечественныхъ фабрикантовъ.

Тутъ дѣляются, во-первыхъ; работы императорскихъ арсеналовъ — Санктпетербургскаго, Кіевскаго и Брянскаго. Въ совершенствѣ отдѣлки, они, безъ сомнѣнія, не уступятъ лучшимъ европейскимъ издѣліямъ этого рода. Въ числѣ ихъ нельзя не упомянуть объ огромной пушкѣ съ ижорскихъ заводовъ, приспособленной къ метанію бомбъ; она еще въ первый разъ является въ нашей артиллеріи. Кіевскій арсеналъ, между прочимъ, выставилъ полное собраніе пилъ, служащихъ къ ружейному дѣлу, и разныхъ орудій для чоккарнаго, пильнаго, кузнечнаго и лабораторнаго дѣла. Сколько можно судить о добротѣ этихъ орудій по виду, они, кажется, весьма-удовлетворительны. Тутъ же являются солдатскія ружья разныхъ родовъ, съ оружейныхъ казенныхъ заводовъ: Сестрорѣцкаго, Тульскаго и Ижевскаго. Подлѣ нихъ, для сравненія, выставлены образцы ружей брюссельскихъ, литтискихъ и англійскихъ. Между ними послѣдними и нашими можно замѣтить одну только разницу: стволы русскихъ ружей болѣе блестящи, что служитъ признакомъ меншея закалки. Тула представила сюда болѣе десяти фабрикантовъ; издѣлія ихъ довольно красивы, но не отличаются дешевизною. Быть-можетъ,

высокія цѣны различныхъ выставленныхъ ими ружей — отъ 500 руб. до 925—надлежитъ приписать роскошной отдѣлкѣ; но не должно забывать, что эта отдѣлка ни мало не увеличиваетъ доброты оружія въ употребленіи. Изъ санктпетербургскихъ фабрикантовъ можно отозваться съ особенною похвалою о *Бертрандѣ*, *Велле*, и, въ особенности, объ изобрѣтателѣ *Вишневскомъ*, который выставилъ нѣсколько ружей, изъ которыхъ каждое имѣетъ особенное устройство.

Модели, изготовляемыя Артиллерійскою Школою, превосходны.

Въ-слѣдъ за отдѣленіемъ артиллерійскихъ орудій, расположено отдѣленіе орудій земледѣльческихъ. Императорское Вольное Экономическое Общество выставило многочисленное собраніе разныхъ моделей земледѣльческихъ машинъ. Въ числѣ ихъ замѣтимъ *архимедовъ винтъ*, усовершенствованный Подеббардомъ, турбину Фурнейрона, водяное пошвенное колесо Понселета, вѣроть для выдиранія деревьевъ съ корнемъ, помощію котораго *три* человека производятъ силу до 4,500 пудовъ, и, наконецъ, разнаго устройства вентиляторы для употребленія на корабляхъ и въ подземныхъ инженерныхъ и горныхъ работахъ.—Любопытны также модели кулевыгрузной машины и разнаго рода плуговъ. Замѣчательно, что цѣна 35 руб. за плугъ *мордвиновскій* довольно-умѣренна. Весьма-важно сдѣлать эти орудія сколь-возможно-доступными по цѣнѣ для нашихъ поселянъ.

Орудія земледѣльческія, для разнаго употребленія изъ Маріинской Школы графини Софіи Владиміровны Строгановой, замѣчательны по устройству и формѣ. Къ-сожалѣнію, черная краска, которою покрытъ металлъ, не позволяетъ судить о его добротѣ.

Но важѣйшимъ явленіемъ въ этомъ отдѣленіи останутся произведенія старыхъ знакомцевъ русской публики — *Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства машинистовъ братьевъ Бутеновъ*. Заведеніе ихъ, на которомъ трудится болѣе 300 работниковъ, — образцовое; даже за границую немногіе могутъ вступить съ нимъ въ соперничество. Одно изъ важнѣйшихъ его преимуществъ состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ постоянный прейс-курантъ. Выставленныя машины его отличаются совершенствомъ работы, новизною и удобствомъ механизма, и, можно сказать, умѣренною цѣною. Изъ нихъ назовемъ одноконную молотильню новаго изобрѣтенія въ 350 р., вѣльную машину въ 165 р., и весьма-удобную машину для рѣзки измятой соломы и даже сѣна, совершенно новую, въ 200 р. Тутъ же коллекція моделей разныхъ молотильень, плуговъ, боронъ и распашниковъ. Есть плуги не-дороже 25 р. ассигн. Распашникъ Тезра для картофеля стдить 30 р. асс. Кочкорѣзь Татищева 20 р. асс. Гг. Бутеновы, удостоенные вниманія правительства, пользуются большою извѣстностью въ Россіи: они получаютъ многочисленныя заказы для внутреннихъ губерній, что служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ исправности.

Издѣлія Технологическаго Института занимаютъ важное мѣсто на нынѣшней выставкѣ, особенно по части машинъ. Между сими послѣдними являютя многія новыя, еще мало извѣстныя въ Россіи, таковы: горизонтальное водное колесо, или *турбина*, совершенно готовое къ употребленію; машина для пробы крѣпости проволоки; токарный станокъ, называемый англійскимъ *самотопильникомъ*, по образцу Леблана; гвоздильная машина; нажимальный станокъ для приготовленія выпуклыхъ и вогнутыхъ металлическихъ по-

верхностей. Сверхъ-того, институтъ выставилъ многія другія машины и модели машинъ, замѣчательныя по работѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ суть произведеніе рукъ самихъ воспитанниковъ. Нельзя не упомянуть также о разныхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ, приготовленныхъ воспитанниками, какъ-то: о сукнахъ разныхъ цвѣтовъ, о шелковыхъ и бумажныхъ тканяхъ, также о пряжи льняной и бумажной, и о закавказскихъ шелкахъ, смотанныхъ, ссученыхъ и весьма-хорошо окрашенныхъ въ разные цвѣта. Неменѣе замѣчательны издѣлія химическія. Подобныя образцы служатъ лучшимъ доказательствомъ практической и полезной цѣли, которая предположена сему учебному заведенію и достигается имъ. Сколько искусныхъ мастеровъ и фабрикантовъ оно общаетъ нашей отечественной промышленности!

Въ отдѣленіи металлическомъ, нельзя не остановиться съ особеннымъ участіемъ предъ многочисленными и разнообразными произведеніями казенныхъ заводовъ. Тутъ превосходные образцы литой стали съ златоустовскихъ заводовъ выставлены подлѣ блестящихъ издѣлій златоустовской оружейной фабрики; между ими особенно замѣчательны отличныя шашки на-манеръ черкесскихъ, съ булатными, вытравленными клинками, съ ручками и ножнами въ богатой оправѣ; тутъ же превосходныя косы, пилы и плотничьи топоры; въ-особенности отличаются высокой политуры ваза и круглое параболическое зеркало изъ стали, подражающее серебру; въ этомъ же родѣ подносъ, изукрашенный прекрасными рисунками. Издѣлія эти отличаются и дешевизною; такъ, напр., есть косы булатныя, отъ двухъ руб. 80 коп. до 4 руб., тогда какъ косы швейцарскія обходятся вдвое и втрое дороже. — Заводъ Камско-

вогкинскій выслалъ образцы всякихъ родовъ желѣза. Между ними весьма-замѣчательно собраніе желѣза, приготовленнаго по образцамъ, въ азіатской торговлѣ употребляемымъ. Заводы литейные Луганскіе и Олопецкіе доставили образцы своихъ издѣлій, доказывающіе превосходство работъ, на нихъ производимыхъ. Тутъ же можно видѣть различныя горныя инструменты, машины и произведенія съ заводовъ Екатеринбургскихъ, Богословскихъ, Кольвано-воскресенскихъ и Нерчинскихъ. Санктпетербургскій Монетный Дворъ выставилъ: образцы различныхъ инструментовъ, на немъ употребляемыхъ, коллекцію бронзовыхъ медалей, и систематическое собраніе продуктовъ: отдѣленіе сребристаго золота и золотистаго серебра по способу г. Поасса. Способъ этотъ введенъ въ послѣднее время по высочайшей волѣ съ большою выгодною на Монетномъ Дворѣ. Въ заключеніе упомянемъ о произведеніяхъ Санктпетербургскаго Александровскаго Чугуннолитейнаго Завода. Къ нимъ принадлежатъ по-первыхъ, четыре искусственныя желѣзныя стропила 12 саженаго разстоянія, съ покрышкою изъ листоваго желѣза, по образцу тѣхъ, которыя употреблены для крыши Зимняго-Дворца; они стоятъ предъ самымъ входомъ въ зданіе выставки. Двѣ эллиптическія дутыя балки изъ листоваго желѣза, 10-ти саженой длины, употребленныя для сводовъ въ томъ же Зимнемъ-Дворцѣ; двѣ мостовыя балки изъ котельнаго желѣза, 8½ саженой длины; при этомъ образцы чугуныяыхъ трубъ, рѣшетокъ, артиллерійскихъ снарядовъ; также паровая машина, подвижная, новаго устройства, усиленнаго давленія. Сверхъ-того главный входъ въ зданіе выставки украшенъ четырьмя фигурами, выбитыми на томъ же заводѣ изъ листовой мѣди. Двѣ изъ нихъ изображаютъ геііевъ, подобныхъ поставленнымъ у мос-

ковскихъ Триумфальныхъ Воротъ: Россію и Изобиліе. Первая является въ образъ молодой женщины, увѣнчанной цвѣтами, съ важнымъ видомъ и глубокимъ выраженіемъ въ лицѣ, вторая въ видѣ прекраснаго юноши, блестящаго силою и крѣпостью. Двѣ другія фигуры изображаютъ *Святника* и *Бабошника*, по моделямъ художниковъ Логановскаго и Пименова. Тутъ же поставлены виды и барельефы на-манеръ медичейскихъ.

Изъ частныхъ заводовъ представлены на выставку одни лишь произведенія нижнетагильскихъ горныхъ заводовъ гг. *Демидовыхъ*. Желѣзо демидовское пользуется большою извѣстностію за границую, хотя ему и предпочитается желѣзо шведское. Особенно заслуживаетъ вниманіе превосходная сталь, на этихъ заводахъ приготовляемая. Немало замѣчательна и жесть отличной доброты.

Ножевая часть несравненно-богаче. Больше 13 фабрикантовъ выставили свои издѣлія; изъ нихъ 9 изъ Нижегородской-Губерніи. Упомянемъ съ особенною похвалою о ножахъ, ножницахъ и бритвахъ въ перлмутовой оправѣ *И. Г. Завьялова*, фабриканта Нижегородской-Губерніи, въ Ворсмѣ; также объ издѣліяхъ ножевнаго мастера *Канапля*, въ Санктпетербургѣ. Вообще замѣтны успѣхи по сей фабрикаціи; литая сталь непрерывно улучшается у насъ въ качествѣ. Хороши также издѣлія съ фабрикъ графини де-Броглю, въ Рязанской-Губерніи.

По части собственно-механической явились г. *Бердъ* съ паровою машиною въ 8 силъ, гг. *Всеволожскіе* съ прекраснымъ паровозомъ и его принадлежностями, г. *Гонценбахъ* съ машинами для трепанія и чески льна и пеньки, также съ механизмами для холстинки и миткаля, г. *Соболевъ* съ разными механическими приборами, *Нильсенъ*, изъ Москвы, съ маши-

нами отличной работы для суконной фабрикаці, и, наконецъ, Фабрика *Польскаго Банка*, въ Варшавѣ, выславшая на выставку паровую машину въ 5 силъ, гидравлическій прессъ въ 6000 центнеровъ и разныя другіе механизмы. Вообще часть эта неслишкомъ-богата на выставкѣ. Многіе машинныя заводы не прислали своихъ издѣлій, и, намъ кажется, можно пожалѣть о такомъ равнодушіи къ мнѣнію публики, которымъ бы должны были дорожить наши заводчики. Доселѣ еще господствуетъ неодолимое предубѣжденіе относительно отечественныхъ машинъ, и большая часть фабрикантовъ заказываетъ машины въ иностранныхъ земляхъ.

Бумагопрядильная и другія машины съ Императорской Александровской Мануфактуры доказываютъ, какой степени совершенства можно достигнуть по сей части при бдительномъ и просвѣщенномъ управленіи. Отличныя издѣлія на той же самой мануфактурѣ, приготовленныя помощію сихъ машинъ и тутъ же выставленныя, служатъ подтвержденіемъ ихъ превосходства. Впрочемъ, казенное заведеніе сіе давно уже пользуется заслуженною славой и полнымъ довѣріемъ промышленнаго сословія. Въ отдѣленіи машинъ нельзя не упомянуть также о модели желѣзной переносной дороги съ двумя тачками для перевозки штучныхъ и сыпучихъ тяжестей, Фридрихсгамскаго первостатейнаго купца *Лодыгина*,—нововведеніе, взятое у Англичанъ и весьма-полезное у насъ въ Россіи, особенно при недостаткѣ хорошихъ дорогъ. Скажемъ также нѣсколько словъ о механическихъ ногъ и рукъ г. Эйхлера, изъ Варшавы, приборахъ весьма остроумныхъ,—и въ заключеніе пригласимъ всякаго любителя математическихъ инструментовъ остановиться близъ портрета Петра-Великаго, гдѣ выставлены превосход-

ныя издѣлія Изюрскихъ казенныхъ Адмиралтейскихъ Заводовъ. Въ числѣ ихъ онъ впервые увидитъ на выставкѣ отечественныхъ издѣлій разные пантографы и перспективные инструменты. И тутъ, какъ и вездѣ, правительство опереживаетъ частное образованіе и даетъ въ одно время и наставленіе, и примѣръ. Изъ довольно многочисленныхъ партій металлической посуды надлежитъ упомянуть о самоварахъ двухъ тульскихихъ фабрикантовъ *Маликова* (Николая Д.) и *Ломова*; издѣлія послѣдняго въ-особенности отличаются изящностью формъ, и, можно сказать, умѣренной цѣною: у него самовары изъ красной мѣди съ подносомъ, смотря по величинѣ, показаны въ цѣвѣ отъ 30 до 100 рублей. Гг. *Макухинъ* и *Суровцовъ* выставили посуду для азіатской торговли — первый чугунно-литейную, второй мѣдную. Упомянемъ еще о посудѣ изъ новаго серебра г. *Геннигера* и К^о, изъ Варшавы, заманчивой по своей дешевизнѣ. Любопытно на опытѣ удостовѣриться въ степени ея прочности, замѣчательна также посуда желѣзно-муженая гг. *Шифа* и *Добролюбова*, которая начинаетъ входить въ употребленіе.

Братъ г. *Маликова* (Иванъ), изъ Тулы, и Бухъ, изъ Петербурга, представили пуговицы, знаки и другія томпаковыя издѣлія. Гг. *Славянский* и *Кунгурцевъ* явились съ типографическими вещами. Любопытны еще проволоочные фонари, гардины и маски г. Брюля.

По части слѣсарной, восемь фабрикантовъ представили своя издѣлія; между ими особеннаго вниманія заслуживаетъ г. *Бартицкихъ*, изъ Петербурга, выставившій желѣзный сундукъ конторскій съ замкомъ о 26 собачкахъ: въ желѣзномъ сундукѣ повѣшенъ на цѣпяхъ желѣзный же ящикъ; пустое пространство между стѣнками сундука и ящика наполняется водою,

а на крышку ящика насыпается песокъ, — такъ-что этотъ сундукъ можетъ простоять въ огнѣ 24 часа, и вещи, въ немъ находящіяся, не повредятся. Онъ же представилъ первые опыты мебели изъ дугаго желѣза. Кровать и стуль, его работы, отличаются необыкновенною легкостью. Должно надѣяться, что со-временемъ цѣна имъ будетъ уменьшена и что они станутъ доступнѣе. Замки г. *Яхмана* превосходны, но дороги. То же можно сказать и про его желѣзную мебель, впрочемъ тяжелую при всей красотѣ рисунка. Любопытно телеграфическое устройство колокольчика г. *Несслера*, — выдумка остроумная, но съ употребленіемъ ея сопряжено одно условіе: грамотность въ нашихъ слугахъ.

По части металлургической, въ числѣ новыхъ предметовъ, явившихся на выставку, должно упомянуть также о цинковыхъ листахъ для кровли, варшавскаго фабриканта *Штейнкейлера*, и о рессорахъ, осяхъ, неполированныхъ желѣзныхъ кроватяхъ съ эластическими матрасами г. Велле.

Прекрасные экипажи придворнаго заведенія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе посѣтителей роскошью и красотой отделки. Между ими упомянемъ о садовой линейкѣ новаго устройства, безъ дроги на подрессоркахъ, которую можно употребить для русской и англійской упряжи. Тутъ же привлекаетъ вниманіе странностью своего устройства карета на двухъ колесахъ, изобрѣтеніе г. штабс-капитана Герсеванова. Для испытанія удобства сего рода экипажа, можно бы предложить изобрѣтателю попробовать его на московской мостовой. Впрочемъ должно замѣтить, что каретное мастерство не отличилось нынѣ многочисленностью выставленныхъ изделий.

Въ-заключеніе краткаго обзорнія металлургическаго отдѣленія выставки, упомянемъ съ похвалою о желѣзѣ Москвина, о стальныхъ издѣліяхъ Пастухова, и о типографическихкихъ вещахъ г. Кунгурцева. Вообще можно сказать, что сія важная часть, основанная на коренномъ отечественномъ матеріалѣ, представила на нынѣшней выставкѣ, хотя и въ маломъ размѣрѣ, всѣ главнѣйшія улучшенія, которыми ознаменовалась въ послѣднее время.

Отъ металловъ перейдемъ къ другому, неменѣе-важному русскому произведенію, занимающему значительную часть промышленнаго сословія въ Россіи, и составляющему прибыльную статью заграничной торговли. Болѣе семидесяти производителей выставили продукты сіи частью въ сыромъ видѣ, частью въ издѣліяхъ. Русская пенька вообще какъ по длинѣ, такъ и по крѣпости волоконъ, пользуется доброю извѣстностью на иностранныхъ рынкахъ. Внутри она служитъ для фабрикаціи превосходныхъ канатовъ и парусинъ. Изъ десяти партій пеньки сырой, язовемъ представленныя гг. Турковымъ и Мерцаловымъ, изъ Болхова. Любопытно сравнить пеньку эту съ итальянской пенькой, выписанной на здѣшнюю же выставку для образца. Послѣдняя, хотя и длиннѣе, но вѣроятно не столько превосходитъ пеньку русскую въ качествѣ. Пеньковые канаты г. Сазонова заслуживаютъ особенное вниманіе. Въ этомъ же отдѣлѣ нельзя не упомянуть о веревкахъ и канатахъ изъ алоэса или манильской пеньки, варшавскаго фабриканта Неймана. Издѣлія изъ этого вещества въ первый разъ являются на нашей выставкѣ. Не смотря на отдаленность мѣсторожденія, пенька манильская (aloes, agare) обходится въ Европѣ не болѣе сорока копѣекъ фунтъ, тогда какъ ленъ и пенька

самаго низкаго сорта стѣлтъ дороже. Можно было бы опасаться сего новаго соперника, если бы издѣлія изъ него вполне удовлетворяли потребленію. Вѣрвѣнки изъ алюэса, при большей легкости и крѣпости, не имѣють надлежащей степени гибкости и къ-тому же нелегко пріемлють деготь. Заведенія сего рода уже давно существуютъ во Франціи и въ Бельгіи.—Въ главѣ льняныхъ произведеній надлежитъ поставить лень съ образцоваго заведенія Е.С. Карновича въ Ярославской-Губерніи. Извѣстно, что этотъ просвѣщенный агрономъ, для усовершенствованія воздѣльванія льна, воспользовался фламандскими семействами, выписанными Д. С. С. барономъ А. К. Мейендорфомъ въ Россію, и которыя частью переведены нынѣ въ помѣстья г. Карновича, куда выписанъ также полотно-бѣльильный мастеръ изъ города Билефильда. Въ это заведеніе принимаются владѣльцемъ за умѣренную плату люди для обученія ихъ льняному дѣлу. Такимъ-образомъ и другіе льно-производители въ отечествѣ нашемъ могутъ воспользоваться богатою и истинно-патріотическою мыслию г. Карновича. — Подлѣ сихъ образцовъ должно упомянуть объ образцѣ льна съ мызы Роопъ, барона Мейендорфа, въ Лифляндіи, обработаннаго колонистомъ ван-Штейнкейстомъ, и соединяющаго въ себѣ всѣ качества хорошаго фламандскаго льна. Сколь желательно было бы, чтобы всѣ наши помѣщики, особенно Пековской и Владимірской-Губерній, поддерживали сіи полезныя попытки барона Мейендорфа и г. Карновича! Почетный гражданинъ Тихановъ выставилъ также образцы льна въ соломѣ, трепанаго и чесанаго, замѣчательные по длинѣ волоконъ. Производитель этотъ воспользовался частію примѣромъ г-на Карновича; должно благодарить его за желаніе содѣйствовать къ улучшенію столь важ-

ной отрасли нашей промышленности. Замѣчательны, какъ первые опыты сего рода, образцы льняной машинной пряжи г. Елизаровыхъ въ Вязникахъ (Владимірской Губерніи) и товарищества санктпетербургской льнопрядильной полотняной фабрики. Полотна Елизаровыхъ, отъ 1 р. 50 к. до 3 руб. за аршинъ, превосходятъ своею бѣлизною. Должно упомянуть также о полотняныхъ тканяхъ и столовомъ бѣльѣ съ большой мануфактуры гг. Яковлевыхъ, въ Ярославль. Неменѣе заслуживаютъ вниманія высокаго качества полотна, приготовленныя въ Ярославль, подъ руководствомъ бѣлизнаго мастера Гартемана, въ заведеніи камер-юнкера Волоцкого. Изъ одного вязниковскаго уѣзда около десяти фабрикантовъ доставили образцы своихъ полотенъ на выставку, доказывающія, что отрасль сія съ года на годъ болѣе и болѣе совершенствуется. Пределы нашей статьи не позволяютъ распространяться объ отличной парусинѣ и другихъ полотняныхъ издѣліяхъ, коими изобилуетъ нынѣшняя выставка. Однако нельзя не упомянуть о необыкновенномъ способѣ бѣленія льна и пеньки г. Кочетова. Уже давно сей искусный мастеръ предлагаетъ свои услуги нашимъ фабрикантамъ; онъ желаетъ только обезпеченія своего существованія за уступку сего важнаго способа. Образцы бѣленой пеньки чесаной, имъ представленныя, поражаютъ блестящею бѣлизною волоконъ. Какъ жаль будетъ, если отечественная промышленность не воспользуется симъ открытіемъ, и если оно погибнетъ вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, который уже въ преклонныхъ лѣтахъ!

Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что кожевенныя издѣлія занимаютъ на нынѣшней выставкѣ также немаловажное мѣсто. Мы видимъ тамъ образцы кожъ, начиная съ подошвенныхъ до всякаго рода сафьян-

ныхъ и перчаточныхъ. Скажемъ еще болѣе: въ этомъ разнообразіи товаровъ открывается несомнѣнное стремленіе къ улучшенію сей коренной отрасли отечественной промышленности. Вообще кожевенные фабриканты наши не должны забывать, что природа частью сдѣлала для нихъ то, чего надлежало бы ожидать отъ искусства, и что имъ остается только воспользоваться всѣми новѣйшими открытіями химіи. Это желаніе всякаго любителя отечественной промышленности исполнили частью г. Гинтеръ, фабрикантъ санктпетербургскій, и князь Н. В. Долгорукій, содержащій кожевенную фабрику въ Смоленской-Губерніи. Ихъ кожи подошвенныя столь же замѣчательны по крѣпости и добротѣ своей, сколь и по умѣренной цѣнѣ (по 1 р. 50 к. пара). Опойки и лакированныя кожи съ сихъ фабрикъ превосходны. Кожи съ фабрикъ гг. Кусова и Звѣркова представляютъ также многія значительныя достоинства. Упомянемъ еще о юфтѣ Метцингера, изъ Москвы, и Савина, оставшевскаго купца; также о сафьянахъ санктпетербургскаго купца Иванова и Биттерлинга, представившаго удачныя опыты свиной крашенной кожи. Замѣчательны также пергамень Клингера для битыя золота. Нѣсколько казанскихъ заводчиковъ явилось представителями кожевенной промышленности, столь древней и цвѣтущей въ этомъ городѣ. Особенно примѣчательны козлы Крупеникова, служащія, частью, для кяхтинской торговли. — Выдѣлка кожъ для перчатокъ сдѣлала также важныя успѣхи. Еще на выставкѣ 1835 года въ Москвѣ, Государь Императоръ замѣтилъ, что часть сія нуждается въ особенныхъ улучшеніяхъ. Въ-слѣдствіе того, по Высочайшей волѣ, выписанъ въ Петербургъ съ цѣлымъ семействомъ мастеръ Ладлеманъ, для выдѣлки

вапія перчатокъ; на это выдана особенная сумма. Нынѣ мастеръ сей состоитъ на фабрикѣ гг. Шишмарева и Атрѣшкова. Тамъ выдѣлываются кожи, козлины, барашки, бараны и олени весьма-удовлетворительнаго качества, довольно-мягкія и упругія. Перчатки изъ сихъ кожъ весьма-хороши и, что еще лучше, дешевы: по 28 рублей дюжина. Пора нашимъ денди поберечь свои кошельки и въ то же время поддерживать промышленность, еще нуждающуюся въ поощреніи! Кто знаетъ, можетъ - быть, и недалеко время, когда перчатки петербургскія заставятъ забыть о парижскихъ? — Можно упомянуть также съ особенною похвалою о перчаточныхъ кожахъ гг. Френцеля и Бинарда, которыя, однако, нѣсколько дороже первыхъ. Тутъ же выставлены образцовыя издѣлія казенной лосинной фабрики, замѣчательныя по дешевизнѣ.

Въ отдѣлѣ клѣенокъ встрѣчаемъ старыхъ нашихъ знакомыхъ: Муратовскаго и Аристова. Варшавскія клѣенки Вана и Веттера замѣчательны по выбору узоровъ.

Въ шляпномъ дѣлѣ, подлѣ заслуженныхъ нашихъ фабрикантовъ Юнкера и Циммермана, явились на здѣшней выставкѣ прекрасныя шляпы изъ заведенія подѣ фирмою Заяць-Оноре. Сія послѣднія, гораздо-дешевле циммермановскихъ, не уступаютъ имъ въ легкости и въ наружной красотѣ. Нельзя не похвалить также произведеній санктпетербургскаго фабриканта Азарова, умѣвшаго соединить красоту издѣлія съ дешевизною.

По части химической на нынѣшней выставкѣ надлежитъ обратить особенное вниманіе на сало, мыло, свѣчи, разнаго рода сахаръ и на собственно-химическія произведенія. Мѣсто не позволяетъ намъ коснуться

ся въ-подробности сихъ важныхъ вѣтвей отечественной промышленности. Въ слѣдующей статьѣ мы предоставляемъ себѣ продолжать этотъ очеркъ выставки. Нынѣ же, въ-заключеніе, упомянемъ объ одной нетивно-полезной мѣрѣ, принятой правительствомъ на нынѣшней выставкѣ. Для сличенія съ отечественными издѣліями, выставлены по нѣкоторымъ частямъ образцы иностранныхъ произведеній. Любопытно, особенно для фабричнаго сословія нашего, опредѣлить отношеніе между ими.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ сырыхъ матеріалахъ, преимущество остается на нашей сторонѣ. Такъ напримѣръ, русскій ленъ, особенно съ заведенія Карновича, превосходитъ льна французскаго, хотя и уступаетъ въ качествѣ льну фламандскому. Такъ шелки *Реброва* превосходятъ лѳонскихъ, но не могутъ вполне замѣнить итальянскихъ. Въ каждой отрасли нашей промышленности видѣнъ шагъ впередъ; но за этимъ шагомъ должно еще ожидать другаго. Успѣхъ не долженъ усыплять дѣятельность производителей, и въ этомъ-то заключается главная польза выставки мануфактурныхъ издѣлій, что она служитъ какъ-бы указаніемъ ихъ слабыхъ и преуспѣвающихъ сторонъ. Въ данное время она совокупляетъ въ одномъ мѣстѣ всѣ элементы промышленности. На ней лицомъ-къ-лицу сходятся фабриканты, мастера, работники, производители сырыхъ матеріаловъ. Издѣлія каждаго являются на судъ потребителямъ; тутъ происходитъ столкновеніе мыслей, мнѣній, интересовъ: политико-экономъ, философъ можетъ однимъ взглядомъ объять истинныя стѣхи народного богатства и сдѣлать довольно-правильные выводы о характерѣ и наклонностяхъ націи; технологъ можетъ изучить любую отрасль мануфактуръ; коммерсантъ можетъ по вѣрнымъ даннымъ опре-

дѣлить свои торговые планы; изобрѣтатели новыхъ и улучшенныхъ способовъ тутъ же могутъ частью повѣрять пользу, которая произойдетъ отъ ихъ открытiя; наконецъ, это сближенiе промышленнаго сословія со всѣхъ краевъ государства способствуетъ составленiю новыхъ предпріятій, распространенiю охоты къ разнымъ фабричнымъ заведенiямъ, усиленiю духа товарищества и взаимнаго вспоможенiя. Должно надѣяться, что и у насъ выставка болѣе или менѣе будетъ имѣть эти полезныя послѣдствiя.

А. В.—ТО—.

II.

НАУКИ.

ПОЭЗИЯ И МИФОЛОГИЯ СКАНДИНАВОВЪ.

ИСЛАНДСКІЯ ПОЭМЫ.

Ободривая умственные богатства, завещанные человечеству средними вѣками, мы съ изумленіемъ останавливаемся на далекомъ островѣ Сѣвернаго Океана. Въ Исландіи, которой одно имя выражаетъ холодъ и безплодіе, въ Исландіи, покрытой голыми скалами и лавою дымящихся вулкановъ, въ краю, необитаемомъ еще въ средній IX-го столѣтія, цвѣтеть, въ слѣдующихъ вѣкахъ, литература, поляна жизни и самобытности, возникаетъ поэзія, князящая силой и богатая послѣдіемъ могучей старины. Такимъ внезапнымъ переходомъ Исландія, только что открытая, обязана была немногимъ смѣльчакамъ скандинавскимъ, бѣжавшимъ изъ Норвегіи отъ самовласти сарого конунга (государя). За ними, съ мечемъ и арфой, несутся по знакомой стѣжкѣ толпы вонтелей и скальдовъ: вмѣстѣ съ народомъ переселяется на пустынный островъ кровожадный духъ Скандинавовъ, ихъ страсть къ войнѣ и грабежу, ихъ жажда славы и мстительность; но также ихъ искусство прославлять подвиги храбрыхъ, ихъ обычный пѣть въ чертогахъ и хижинахъ,

увеселять въценосцевъ и согражданъ разказами о громкой старинѣ.

Такимъ-образомъ Скандинавія, со всеми рѣзкими чертами своей чудной фizioноміи, съ своими битвами, народными собраниями, пирами и пѣснями, повторилась, или, лучше сказать, ожила въ Исландіи; ибо въ отечествѣ сѣверныхъ вѣтазей уже водворилась новый порядокъ вещей. Тамъ созидались обширные монархіи, и заря вѣры христовой уже просіявала сквозь мракъ язычества. Тогда какъ-будто самъ Одинъ впушилъ вѣрнымъ сынамъ своимъ мысль переселиться на далекіе берега, гдѣ бы могла уцѣлѣть лучшая жертва, ему принесенная, — пѣснь, въ которыхъ живетъ его вѣра.

Хотя у Скандинавовъ и были писмена, но пѣсни ихъ, переходя только изъ утъ въ уста, оставались погребенными въ памяти. Отъ такого невадежнаго способа сохраненія ихъ и отъ распространявшаго, и мало-по-малу христіанства, большая часть пѣсенокъ древней скандинавской поэзіи, вѣроятно, исчезла бы невозвратно, еслибъ Исландія не сберегла ихъ для потомства. Правда, и тамъ въ 1000 г. по Р. Х. народъ на вѣчь единодушно перешелъ къ вѣрѣ истинной; но сія вѣра не могла вдругъ истребить глубоко-вкоренившіеся въ умы любви къ преданіямъ языческимъ, и притомъ самая эта вѣра доставила Исландцамъ средство завѣщать внукамъ достойніе дѣдовъ: ибо вскорѣ послѣ нея введено было въ Исландію употребленіе латинскаго письма.

Такъ древнѣйшія пѣсни Скандинавовъ нанли надежный пріютъ, и на новой почвѣ родилась изъ сѣхъ благоговѣщихъ сѣмь обильная жатва. XII-е и XIII-е столѣтія, когда многие Исландцы отправлялись въ Парижъ учиться искусству поэзіи и приносили оттуда новую стихію въ свои произведенія — эти два столѣтія были блестящею эпохой въ исторіи просвѣщенія. Въ XIV-мъ тамошняя литература уже приближалась къ упадку; но реформація сообщила ей новое движеніе. Замѣательно, что тамъ съ этой поры образованность, благодаря повеченіямъ просвѣщеннаго духовенства, сдѣлалась въ высокой степени принадлежностію всѣхъ классовъ жителей. Въ сѣмъ отношеніи Исландія представляетъ единъ ли не безпримѣрное явленіе. Тамъ почти-всѣкій крестьянинъ читаетъ религіозныя и историческія книги, знаетъ мнѣологію и преданія своихъ отцовъ изъ старин-

ныхъ стихотвореній, которыя онъ выучиваетъ наизусть. Въ книжкахъ часто встрѣчаются люди, обучающіе дѣтей своихъ не только грамотѣ, но и предметамъ искуство-ограниченнаго воспитанія. Нѣкоторые поселеніе умѣютъ даже правильно писать латинскія. О такой образованности низшихъ сословій въ Исландіи свидѣтельствуютъ единодушно и путешественники, и датскіе купцы, живущіе на островѣ. «Тамъ всѣ классы народа» говорить Джонъ-Бэрри, въ описаніи своего путешествія: «чрезвычайно любятъ чтеніе. Въ тѣсныхъ лагугахъ младшіе члены семейства рассказываютъ старикамъ прочитанное въ сагахъ о дѣлахъ минувшихъ, о геройскихъ подвигахъ предковъ, о романтическихъ приключеніяхъ, испытанныхъ первыми посѣтителеми Исландіи. Почти во всякомъ семействѣ есть книги на родномъ языкѣ: вскорѣ послѣ введенія реформаціи духовенство учредило тамъ типографію, которая и снабжаетъ любознательный народъ библейскими, историческими и всякаго рода полезными книгами.»

Языкъ, употребляемый въ Исландіи, есть тотъ самый, который перенесенъ туда выходцами изъ Норвегіи, почему онъ и назывался долгое время норвежскимъ или норренскимъ (Norrønt tunga), будучи общимъ для всей Скандинавіи. Но въ послѣдствіи, когда онъ въ своемъ отечествѣ своемъ преобразовался, а въ Исландіи, между тѣмъ, очень мало измѣнился, его начали называть исландскимъ; онъ сохранилъ понышѣ не только имя это, но и почти-всѣ старинныя свои формы.

Древѣйшая литература Скандинавовъ ограничивалась, впрочемъ, народными пѣснями, которыхъ предметомъ были мифологическія и историческія, преданія — *таинства и древности* (gǫtrar и forniðr stafr). Въ Исландіи къ симъ памятникамъ поэзіи присоединилась новыя пѣсни скальдовъ и саги.

Главными и самыми драгоценными хранилищами скандинавской поэзіи служатъ дѣя книги, дѣя такъ-называемыя *Эдды*. Одна изъ нихъ есть собраніе множества поэмъ или пѣсней мифологическаго и историческаго содержанія, сочиненныхъ скальдами въ разныя эпохи, и неравныхъ ни по характеру, ни по достоинству. Преданіе, еще съ XIV вѣка, приписываетъ составленіе этого сборника священнику *Селмунду Снефуссону*, прозванному въ Исландіи «ученымъ» или «мудрымъ» и умершему въ первой половинѣ XII столѣтія. Оттого книга сія и на-

зывается *Семундовой, старою, поэтическою Эддой*. Другая состоит из двух главных частей. В первой части заключается ряд мифологических преданий, наложенных леной и отчетливой *прозой*, в формѣ разговоровъ между путешествующимъ конунгомъ или государемъ, и тремя богами. Вторая часть есть родъ поэтического словаря. Надо бы замѣтить, что поэзія скандинавская, в глубокой древности соединившая съ свойственною ей силою высокую простоту, начала еще в X вѣкѣ терять этотъ первобытный характеръ. Съ сего времени лены скальдовъ представляютъ разительную противоположность: съ одной стороны онѣ поражаютъ рѣзкою печатью энергии, живостью образовъ и красокъ; съ другой — страшною изысканностью выраженія. Многія понятія рѣдко означаются въ нихъ своимъ настоящимъ именемъ, нѣкоторымъ словамъ придется смыслъ совершенно-чуждый имъ, и т. п. О такихъ-то ухищреніяхъ мысли и идетъ дѣло во второмъ отдѣленіи прозаической Эдды. Въ ней показаны, для руководства стихотворцевъ, всѣ описательные обороты, всѣ фигуры и тропы, встрѣчающіеся въ пѣсняхъ скальдовъ. Вся Эдда сія есть не что иное, какъ компиляція, учебная книга мифологіи и реторики, извлеченная изъ древнихъ пѣсень, частью вошедшихъ въ сборникъ семундовъ, частью погибшихъ для насъ. Первую половину этой книги приписываютъ *Снорри Стурлусону*, исландскому историку, поэту и верховному судѣ, умершему около средины XIII столѣтія; а послѣдняя написана племянникомъ его, Олафомъ Тордарсеномъ. Но онѣ составляютъ одно цѣлое, известное подъ общимъ именемъ *Снорриевой, прозаической, новой Эдды*.

Первое достоинство «Эдды» состоитъ въ томъ, что онѣ знакомятъ насъ съ мифологіею, которой знаніе необходимо при изученіи скандинавской исторіи и которая, по разнообразію, если не по изяществу и стройности своихъ мифовъ, подходитъ къ греческой.

«Старая Эдда» долгое время оставалась въ забвеніи, и открыта не-ранѣе XVII столѣтія, когда многіе исландскіе ученые обратились къ разысканію старинныхъ рукописей.

Въ 1643 году епископъ Бриниольфъ Свенсенъ открылъ пергаменный манускриптъ, содержащій въ себѣ большую часть поэмъ «Семундовой Эдды», а потомъ нашлись, въ дополненіе его, и другія рукописи: Эдда сдѣлалась извест-

вою. Примеру Исландцевъ послѣдовали сперва Датчане, между которыми первымъ въ этомъ отношеніи должно назвать знаменитаго Оле Вормса, а потомъ и Шведы: у нихъ сему роду занятія въ-пачалѣ споспѣшествовалъ особенно государственный канцлеръ, графъ Делагарди. Въ первой половинѣ XVIII вѣка изученіе древностей скандинавскихъ облаго было возвытъ, лучшиятъ направлеиетъ двумъ исландскимъ ученымъ: Тормодъ Торреусъ и Арнасъ Магнеусъ подвергли исторію и мифологическія преданія съвера строгому критическому разбору, и тѣмъ не-мало содѣйствовали распространенію истинныхъ знаній по этой части.

Въ исходѣ того же вѣка, Германцы начали ревностно знакомиться съ скандинавскою поэзіей; но такъ-какъ они въ переводахъ своихъ позволяли себѣ слишкомъ-много свободы, то занятія сіи не принесли существенной пользы наукѣ. То же замѣчаніе относится и къ переводамъ, издаваемымъ нѣсколько позже въ Англии, и къ книгѣ французскаго ученаго Маллета, выпедшей подъ заглавіемъ: «Edda, ou Monuments de la Mythologie et de la poésie des anciens peuples du Nord». Не зная по-исландски, Маллетъ принужденъ былъ довольствоваться матеріалами, какіе находилъ въ сочиненіяхъ Датчанъ. Нынѣ одно изъ лучшихъ пособій по этому предмету есть датскій переводъ Эдды, изданный 1831 — 1833 г. Финномъ Магнусеомъ: онъ заключаетъ въ себя все, что до-тѣхъ-поръ было разсыяно въ важнѣйшихъ опытахъ этого рода. Книга Магнусева, переводъ Азселиуса (Aszelius) и два полныя изданія Эдды, напечатанныя въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ,—вотъ труды, необходимыя для изученія скандинавскихъ поэмъ. Но сколько ни разлики они съѣта на Эдду, надобно сознаться, что за нею остается еще много работы, что она представляетъ къ разрѣшенію еще много важныхъ вопросовъ.

У насъ въ Россіи Эдды еще очень-мало извѣстны. Нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что исландская литература,—предметъ, столь важный для изученія древняго скандинавскаго съвера и по тому самому столь занимательный для насъ, не нашла еще въ нашемъ отечествѣ никого, кто бы посвятилъ ей свои труды, тогда какъ она болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе Нѣмцевъ, Англичанъ и даже Французовъ. Пусть Шлеглеръ и другіе ученые оспораиваютъ достоин-

ство сать въ-отношеніи къ наукѣ и видятъ въ нихъ одніѣ басни, одніѣ вымыслы празднаго воображенія: болѣе-уточеннаѣ критика, безъ-сомнѣній, пойдетъ въ нихъ обширное и еще мало-воздѣланное поле изслѣдованія, и принесетъ оттуда богатую добычу въ область исторіи. Впрочемъ, и независимо отъ пользы своей, саги, вмѣстѣ съ «Эддами», представляютъ столь оригинально-прекрасный міръ поэзіи, что и въ одномъ этомъ отношеніи онѣ заслуживаютъ полное вниманіе любителей являющаго во всѣхъ странахъ, но особенно въ Россіи. Какой народъ лучше нашей многообъяслющей націи въ-состояніи понять и оцѣнить красоты разнообразной сѣверной поэзіи, дышащей то воинною и бурей, то нѣжною цѣломудренною любви и утѣхами мужественной дружбы?

Къ стыду нашему, Франгузы, еще только начинающіе освобождаться отъ своихъ патріотическихъ предразсудковъ, уже успѣли далеко опередить насъ въ изученіи литературы народа, нѣкогда бывшаго въ столь близкихъ отношеніяхъ къ нашему отечеству. Въ-продолженіе немногихъ лѣтъ появилось во Франціи нѣсколько книгъ по сему предмету, изъ которыхъ мы укажемъ только на «Littérature et Voyages» Анпера, на «Lettres sur l'Islande» Морье и на «Poèmes Islandais» Бергмана, ученаго съ необыкновенно-обширными филологическими свѣдѣніями. Его-то сочиненіе, появившееся въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года, было поводомъ къ нашей статьѣ: мы намѣрены воспользоваться помощію г. Бергмана, чтобы познакомить читателей съ тремя замѣчательными поэмами «Семундовой Эдды». Но прежде, нежели приступить къ изложенію содержанія ихъ, постараемся рѣшить, точно ли исландская литература обязана Семунду симъ драгоценнымъ сборникомъ, и справедливо ли почитаютъ «поэтическую Эдду» старѣе «прозаической».

Г. Бергманнъ защищаетъ совершенно - противоположное мнѣніе.

«Всякій согласится» говоритъ онъ: «что прозаическія замѣчанія, помѣщенные передъ нѣкоторыми изъ повѣй «Эдды», сдѣланы тѣмъ же, кто собралъ и самыя поэмы. Но надобно сознаться, что Семундъ вовсе-несправедливо пользовался прозваніемъ *ученаго*, если такія замѣчанія принадлежатъ ему. Въ-самомъ-дѣлѣ, они не только написаны вообще дурнымъ слогомъ, но и не даютъ слишкомъ-выгоднаго понятія объ учености собирателя,

излагая по-большой-части то, что уже достаточно объяснено въ самыхъ поэмахъ. Сверхъ-того, великій разъ, когда авторъ прибавляетъ что-либо новое отъ себя, не видно у него никакой вѣрности взгляда. Итакъ, если нельзя признать *Семунда* ученымъ сочинителемъ замѣчаний, то невозможно признать его и со-бирателемъ поэмъ.»

Но здѣсь представляются два возраженія: *первое*—вступительныя примѣчанія могли быть прибавлены къ «Эддѣ» слишкомъ усердными переписчиками, гораздо-позже ея составленія; *второе*—хотя бы эти дополненія принадлежали и самому составителю, какія есть у насъ доказательства, что Семундъ въ высшемъ смыслѣ оправдываетъ свое прозваніе? Въ этомъ отличіи выражалось, можетъ-быть, только уваженіе соотечественниковъ къ человеку, который много путешествовалъ и дѣйствительно приобрѣлъ большой запасъ знаній; но знанія и даже умъ практической еще не ручаются за тѣ свойства ума, которыхъ недостатокъ поразилъ г. Бергманна въ примѣчаніяхъ къ «Эддѣ».

Далѣе: «Еслибы Семундъ оставилъ въ числѣ трудовъ своихъ «Эдду», то она, безъ-сомнѣнія, привлекла бы вниманіе исландскихъ ученыхъ, и писатели стали бы часто ссылаться на нее. Между-тѣмъ *Снорри Стурлусонъ*, прославившійся въ началѣ XIII вѣка, — въ то же время и историкъ, и поэтъ, и первый самоуки въ Исландіи, — не зналъ сборника, приписываемаго Семунду: онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ произведеніи, хотя и имѣлъ бы не-разъ случай говорить о немъ, еслибы оно было ему известно, а оно конечно было бы ему известно, еслибы существовало. Итакъ Снорри никогда не видѣлъ «поэтической Эдды»: это доказывається еще и тѣмъ, что мѣста, приводимыя имъ изъ старинныхъ пѣсень, часто вовсе несогласны съ текстомъ «Эдды». Притомъ Снорри, кажется, вовсе не зналъ о существованіи многихъ поэмъ, вошедшихъ въ составъ ея; онъ не зналъ, наконецъ, и самаго названія *Эдды*, котораго не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Изъ всего сказаннаго, мы считаемъ себя въ-правѣ заключить, что «стихотворная Эдда» не только не составлена Семундомъ, но и не существовала еще при жизни Снорри, умершаго въ 1241 г. Замѣчательно, что названіе «Эдды» не встрѣчается ни въ какомъ литературномъ произведеніи до XIV столѣтія; да и появленіе его въ двухъ поэмахъ

этой эпохи не доказывает еще ничего на-показу существования «Эдды Семундовой»: ибо, если въ знаменитой поэмѣ *Lilja* (Лилія), 1360, правила стихотворства названы *Eddu-reglur* (правила Эдды), а въ поэмѣ Арнаса Юнссона, жившаго въ то же время, искусство стихотворное названо *Eddu-list* (искусство Эдды), то ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о «поэтической Эддѣ», а о «прозаической», известной подъ именемъ *Сморри-Эдды*. Последняя dokonчена въ исходѣ XIII вѣка исландскимъ грамматикомъ, котораго цѣль была — написать разсужденіе о риторикѣ, метрицѣ и пѣвничѣ. Она названа эту книгу *Эддой* (грамматерью), безъ сомнѣнія потому-что она вмѣстѣ въ себя древнія мнѣологическія преданія, предметъ стариковскихъ разговоровъ въ долгіе зимніе вечера. Такъ-какъ она состояла преимущественно изъ сочиненій Сморри, то ей и можно было дать заглавіе: *Сморри-Эдда*. Что же касается до сборника, приписываемаго Семунду, то составленіе его, по нашему мнѣнію, относится къ тому же времени, имѣнно къ концу XIII или началу XIV вѣка. Въ подкрѣпленіе этой мысли прибавимъ, что съ наступленіемъ XII вѣка развивается въ Исландіи сильная любовь къ литературѣ: не только начинаютъ записывать историческія свѣдѣнія и переводить латинскія книги, но и собираютъ со словъ народа преданія и пѣсни. Введеніе въ XIII вѣкъ латинскаго письма благоприятствуетъ этой дѣятельности, и ученые принимаютъ ся составлять сборники сартъ, законовъ, поэмы и филологическихъ разсужденій. Къ сей-то эпохѣ принадлежатъ самыя старыя памятники скандинавской письменности; они не восходятъ далѣе XIII столѣтія. Вотъ еще причина, побуждающая насъ думать, что такъ-называемая «Семундова Эдда» родилась раньше исхода XIII или начала XIV вѣка, тѣмъ болѣе, что первый рукописи ея нестарѣе этого времени.

Итакъ объ «Эддѣ» появилась около одного и того же времени: остается рѣшить, которая изъ нихъ древнѣе. Наше мнѣніе по этому предмету можетъ показаться саншкомъ-сильнымъ, но мы обязаны представить его на судъ ученыхъ. Полагаемъ, что «Эдда, сморриева» сочинена прежде «семундовой»: во введеніи къ одной изъ поэмы* послѣдней, находимъ нѣсколько обстоятельствъ, разсказанныхъ почти тѣми же словами въ первой**;

* «Настышки Локи».

** Въ XXXIII главѣ *skaldskaparmál*.

дробности, очень-увѣстима въ книгѣ спортивной, въ «Эддѣ семундовой» вовсе не къ-статю. Стало-быть, составитель сборника, приписываемаго Семунду, нѣмѣлъ въ рукахъ своихъ «Снорри-Эдду». Вѣроятно онъ отъ нея заимствовалъ и самое заглавіе своего сборника: надобно согласиться, что оно приличнее прозаическимъ рассказамъ, нежели собранію поэмъ (?). Какъ первая Эдда носила на себѣ имя Снорри, такъ второй придали имя Семунда, потому ли, что собиратель ея приписывалъ Семунду самое сочиненіе поэмъ, или потому-что онъ въ главѣ своей книги хотѣлъ выставить имя, стоящее снорріева.»

Противъ этихъ доводовъ, заслуживающихъ во всякомъ случаѣ вниманіе по смѣлости и новости своей, мы позволимъ себѣ замѣтить слѣдующее:

Вникая въ самый характеръ обѣихъ «Эддъ», невольно склоняешься къ убѣжденію, что «поэтическая» существовала прежде: Снорри заимствовалъ свое ученіе о мифологіи изъ древнихъ поэмъ; другаго источника у него и быть не могло: а для этого нужно было, по всей вѣроятности, имѣть хотя главныя изъ нихъ собранными. У Снорри преданія, вошедшія во всей своей чистотѣ въ поэтическій сборникъ, нѣрѣдко искажены или дополнены примѣсью новыхъ вымысловъ: сіе доказываетъ только вліяніе христіанства и латинскихъ писателей, которыхъ изученіе распространилось тогда въ Исландію, вѣсть съ романтизмомъ, занесеннымъ изъ Франціи. Но естественно ли предположить, что содержаніе поэмъ было извлечено и *малпгамо* съ прикрасою прежде, нежели самыя поэмы были изображены письмомъ? Итакъ, нѣтъ почти-никакого сомнѣнія, что онѣ до Снорри были уже собраны и что онъ пользовался этою работою. Онъ не упоминалъ о ней ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій: что же тутъ необыкновеннаго? Преданіе приписываетъ ее Семунду; спрашивается только: какимъ-образомъ Семундъ писалъ, когда латинскія буквы, по мнѣнію г. Вергмаппа, приняты были Исландцами во всеобщее употребленіе не-ранѣе XIII вѣка? Вѣроятно, нововведеніе сіе сдѣлалось не-внезапно, и Семундъ, какъ ученый, бывавшій и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, могъ быть однимъ изъ первыхъ, начавшихъ употреблять латинское письмо. Какъ свѣдѣтель *церкви христовой*, еще недавно-утвержденной въ его отечествѣ, онъ могъ имѣть важныя причины къ сокры-

тпо, при жизни своей, составленного изъ собранія поэмъ *лэвическихъ*. Известно, что Снорри Стурлусонъ жилъ долгое время въ той же обители, гдѣ за 100 лѣтъ до него трудился Семундъ, — въ имѣніи Одди *. Очень-легко допустить, что будущій скальдъ Гакона нашелъ тамъ рукопись предмѣстника своего, и что она подала ему мысль приняться за новый трудъ, при которомъ эта рукопись и служила ему главнымъ матеріаломъ. Магнуссенъ выразилъ даже сомнѣніе: по Семундъ ли самъ начерталъ планъ такого сочиненія, и не былъ ли Снорри только продолжателемъ его; но такое предположеніе уже слишкомъ-произвольно. Далѣе, надобно припомнить, то «Семундова Эдда» открыта не вся въ одной рукописи и не въ одно время: разные списки ея могли быть изготовлены послѣ Снорри, и поставлены передъ поэмами примѣчанія, которыя г. Бергманнъ находитъ несовѣстными съ ученостію Семунда, могли, какъ мы уже сказали, выйдти изъ-подъ пера переписчиковъ-толкователей, и притомъ могли сдѣланы быть отчасти по «Эддѣ Снорріевой». Вотъ чѣмъ объяснилась бы и указанная г. Бергманномъ неумѣстность нѣкоторыхъ примѣчаній въ «поэтической Эддѣ». Книга снорріева, какъ болѣе-всѣмъ, болѣе-соотвѣтствовавшая и понятіямъ, и направленію вѣка, нежели семундова, могла скорѣе пріобрѣсти и всеобщую извѣстность, легко могла даже привести въ забвеніе ту, изъ которой сама была почерпнута и которая такимъ-образомъ пролежала нетронутою до XVII столѣтія. Наконецъ, что касается до заглавія обѣихъ, то придаваемое ему учеными значеніе, *пра-матеръ*, кажется намъ слишкомъ натянутымъ. Слово *Edda* заключаетъ въ себя еще и другой смыслъ: оно иногда равносильно слову *Othr* — *стихъ, стихотворство*, — и въ этомъ значеніи совершенно соотвѣтствуетъ содержанію поэтического сборника. Такимъ-образомъ заглавіе, самнитъ ли Семундомъ, или кѣмъ-либо въ-послѣдствіи данное труду его, объясняется какъ-нельзя-естественнѣе: столь же естественно было перевести это заглавіе на снорріево изысчаніе. Прибавимъ, что въ такомъ же смыслѣ должно разумѣть и названія: *Eddu-reglur*, *Eddu-list*, иначе-принимаемая г. Бергманномъ.

* Снорри, производившій свой родъ отъ славяго Скальда Рагнара Лодброка, воспитывался у внука семундова, опекуна своего, *Юна*, учившаго въ то время Исландіа.

Поэмы, входящія въ составъ «Семундовой Эдды», принадлежатъ къ роду эпическихъ и, по различію преданій, или описываемыхъ, раздѣляются на *мифологическія* и *героическія*. Первые, числомъ отъ пятнадцати до семнадцати, изображаютъ боговъ и богинь съ ихъ страстями; послѣднія, — числомъ отъ двадцати до двадцати двухъ, — сочиненныя, конечно, гораздо-позже первыхъ, представляютъ намъ, среди украшеній поэзіи, историческія преданія во всей ихъ чистотѣ: здѣсь являются уже не боги, а герои съ героизмами, — лица, первоначально-историческія, но сдѣлавшіяся болѣе или менѣе баснословными въ преданіи.

Три поэмы, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ къ первому разряду; но въ формѣ изложенія есть между ними различіе. Въ первой (*Völuspá*, «Видѣнія Валы») господствуетъ почти-исключительно рассказъ; во второй (*Vafthrudnismál*, «Бѣсѣда Вафтруднира») преобладаетъ разговоръ, а въ послѣдней (*Lokasenna*, «Насмѣлки Локи») отъ уже не прерывается отъ начала до конца поэмы, и ведется истолково двумя, но многими лицами. Такъ эпическая поэзія принимаетъ въ сѣбѣ трехъ поэмахъ два раза форму драматической.

Такая послѣдовательность въ развитіи искусства не должна удивлять насъ въ скандинавской литературѣ: мы замѣчаемъ то же и во всякой другой, которой начало и успѣхъ были независимы отъ вліянія чуждаго. У Гиндусовъ и Грековъ драма рождается изъ эпоса, и слѣдуетъ за нимъ почти-непосредственно. Если же въ Римѣ драматическіе писатели предшествовали эпическимъ, то причиною сему было не-самобытное развитіе латинской словесности. Римляне подражали Грекамъ; имъ легче было переплести у своихъ учителей драму, нежели эпосомъ. Очевидно, что драма должна рождаться изъ эпоса, отъ которой она отличается не столько сущностью, сколько формой. Въ-самомъ-дѣлѣ, предметы драмъ греческихъ и индійскихъ заимствованы, по-большей-части, изъ времени мифологическихъ и героическихъ, которыми напередъ воспользовалась уже и эпосомъ. Переходъ отъ сей послѣдней къ драмѣ начинается какъ-скоро въ поэмѣ разговоръ заступаетъ мѣсто разсказа, и поэтъ какъ-бы скрывается за выводимыми имъ лицами. Такой переходъ, въ разной мѣрѣ, представляютъ намъ двѣ изъ названныхъ поэмъ Эдды. Можетъ-быть, Исландцамъ оставался

одниъ только шагъ до настоящей драмы. Они были удержаны отъ сего скорее неблагоприятною судьбой, нежели недостаткомъ дарованій. Чтобы возникло драматическое искусство, недовольно сочинять драмы, надобно имѣть способы для представленія ихъ; но могъ ли устроиться и самый скудный театръ на такомъ бѣдномъ островѣ, какова Исландія, въ странѣ, которой жители по-необходимости должны были соблюдать величайшую простоту и въ нравахъ, и въ увеселеніяхъ своихъ?

Предметъ предлагаемыхъ поэвъ — Скандинавская мнѳологія, и потому здѣсь къ-статіи представитъ краткое обзоріе ея, не смотря на мнѣніе г. Бергмацна, будто полное понятіе о мнѳологіи должно быть не введеніемъ къ истолкованію источниковъ ея, а результатомъ такого истолкованія.

Въ началѣ не было ни неба, ни земли, ни моря: была только *разлинутая бездна*, существовала только *Альфадуръ*, или *всеобщій отецъ*. По обѣ стороны бездны лежало два міра: на сѣверѣ — міръ мрака и холода, на югѣ — міръ огня. Въ сѣверномъ мірѣ текли ядовитыя рѣки, но морозъ оковалъ ихъ льдами. Часть этихъ льдовъ наконецъ растаяла отъ жара южнаго міра, и изъ растопленныхъ капель яда провозошли два существа:

Одно былъ *великанъ Имиръ*, который во время сна родилъ лѣвой рукой мужчину и женщину, а ногами великана: послѣдній былъ отцомъ ужаснаго племени *великановъ исл.*

Другое существо, происшедшее отъ дѣйствія тепла на холодъ, была *корова Авдубла*; вымя ея изливало четыре млечныя рѣки, которыя питали великана Имира. Сама же она, для утоленія своего голода, лизала иней, покрывавшій скалы. Отъ этого, въ первый день, явились на камнѣ волосы, во второй выросла голова, въ третій образовался цѣлый человекъ, по имени *Бурн*. У него родился сынъ, *Боръ*, который съ дочерью одного изъ великановъ прижилъ трехъ сыновей: боговъ *Одина*, *Вилли* и *Ве*.

Въ этомъ имени на исландскомъ языкѣ два л. Такъ должно читать его и по-русски.

Эти три брата умертвили Имвра, и кровь его потопила весь родъ *валлиановъ имелъ*: только одинъ изъ нихъ успѣлъ съ своею женою спастись на лодкѣ, и сталъ родоначальникомъ новаго поколения *валлиановъ*, — тѣхъ, о которыхъ такъ-часто упоминается въ мифологии скандинавской.

Что же сдѣлалось теперь съ тѣломъ Имвра? Убийцы, сыны Бора, бросили тѣло сіе въ бездну и сотворили изъ него новый міръ: изъ мяса сотворили землю, изъ крови море, изъ костей горы, изъ волосъ лѣса, изъ черепа небо, изъ мозга облака и туманы. Потомъ, изъ летавшихъ искръ огненного міра создали они солнце, луну и звѣзды. Червы, порожденные труномъ Имвра, были превращены въ *карловъ* или *темныхъ Алфовъ*. Это хитрыя, искусныя существа, въ образѣ маленькихъ, черныхъ людей; но они не могутъ сносить свѣта и должны скрываться въ землѣ. Имъ противоположны *свѣтлые Алфы*, любящіе добро и прекрасные на видъ.

Наконецъ созданы были и люди, и вотъ какимъ-образомъ. На берегу моря росли два дерева: ясенъ и ольха (аскъ и эмбла). Однажды боги, проходя мимо нихъ, обратили ясенъ въ мужчину, а ольху въ женщину. Такъ на землѣ появился человекъ.

Боги или Асы* построили себѣ на небѣ особое жилище *Асгардъ*, въ которомъ у каждаго изъ нихъ была отдѣльная крепость или чертогъ съ золотыми стѣнами, съ серебряной кровлей. Для сообщенія же съ міромъ, протянуть ими между небомъ и землею мостъ, называемый радугою: каждый день они перебажаютъ его на копытахъ.

Главныхъ боговъ и богинь по двѣдцати. Старшій изъ всѣхъ *Оддинъ*, представитель Альфадур, или самъ Альфадуръ въ чувственномъ образѣ; онъ правитъ міромъ и есть въ-особенности богъ войны. Во время сраженій посылаетъ онъ на поле брани *Валкирій*, воинственныхъ дѣвъ, для выбора бойцовъ, достойныхъ славою смерти. Счастливы, кто удостоится ихъ предпочтенія! Падшихъ съ оружіемъ въ рукахъ онъ переноситъ въ обитель блаженства, — въ *Валгаллу*. Тамъ сражаются они каждый день другъ съ другомъ; поражаемые вновь оживаютъ,

* Названіе, обыкновенно производимое отъ Азии, которую считаютъ первоначальнымъ отечествомъ готскихъ народовъ, заселившихъ Скандинавію за 100 сдѣлкомъ лѣтъ до Р. Х.

и, по окончании битвы, перують вместе съ победителями за однимъ столомъ. *Валкири* привелуживаютъ героевъ и размо- сять имъ медь.

За Одиномъ важнѣйшіе асы: *Торъ* — богъ силы и грома, *Фрей* — богъ плодородія, уравниющей погодую, *Браги* — богъ пѣсень. Самый же добрый, самый кроткій, невыразимо-прекрасный, лучезарный богъ есть — *Бальдуръ*, вѣроятно, един- цетвореніе блага и свѣта. — Ему противоположенъ *Локи*, облеченный также въ красоту тѣлесную, но исполненный ко- варства и злобы. Ниже увидимъ мы превосходный мнѣ, отно- сившійся до этихъ двухъ боювъ.

Изъ богинь первыми считались: *Фригга*, одинова супруга: ей принадлежатъ половиня падишихъ на шолъ чести; *Френ*, бо- гиня красоты и любви; *Идуна*, супруга бога пѣсень: у ней водятся золотые яблока, отъ которыхъ боги остаются вѣчно- юными.

Для совѣщанія о дѣлахъ вселенной, боги собирались у древа міра, *иасдражм*. Это огромное лѣснѣ, котораго корни прости- раются и по небу и по земль, и въ странѣ великановъ, а глава обнимаетъ весь міръ. При одномъ изъ корней его источникъ му- драсти; при другомъ источникъ прошедшаго, у котораго живутъ три богини судьбы, три *Норны*. Здѣсь-то и совѣщались боги.

Сначала безсмертные наслаждались полнымъ счастьемъ, жи- ли въ мирѣ и изобиліи, безопасно играли въ кости и пировали. Но это состояніе было непродолжительно: являются дочери великановъ, сами великаны нарушаютъ спокойствіе Асовъ; на- чинаются злыя предвѣщанія, загарается война. У лукаваго *Ло- ки*, который всеми средствами вредитъ богамъ, рождаются отъ одной великанки разныя чудовища: *Гельд*, или смерть, женщина полу-бѣлая, полу-синяя; ужасный змѣй и волкъ *Фенриръ*. Боги, по предсказанію, должны были ожидать много бѣдствій отъ сихъ чудовищъ. Потому Одины, велѣвъ ихъ схватить, змѣя бросилъ въ глубокое море, и змѣй обвилъ собою всю землю, — а Ге- лу низрипулъ во мракъ подземнаго міра: ея достояніе — уми- рающіе отъ болѣзней или отъ старости. Наконецъ волкъ *Фен- риръ* былъ привязанъ къ скалѣ.

* Въ словахъ «Валкири», «Валгалла» слово *Вал* означаетъ избраніе. Оттого и Одина, какъ бога войны, часто называютъ *Валфодуромъ*.

Но все эти предосторожности не уничтожаютъ мучительныхъ опасеній Асовъ: великаны безпрестанно строятъ имъ козни, стараются похитить солнце и луну, за которыми гонятся всегда два волка породы Фенрира; великаны оскверняютъ воздухъ кровію и ядомъ, уведеть Идунну, которая охраняетъ юность боговъ.

Однакожь, владыкамъ небеснымъ нечего страшиться погибели, пока живъ *Бальдуръ*, кроткій, чистый, мудрый, сынъ Одинна и Фригги. Но горькая участь предстоитъ сему любимцу неба и земли: грѣзы предвѣщаютъ ему смерть. Одинна выходитъ въ область Гель, вопрошаетъ уснувшую прорицательницу, и она предсказываетъ смерть Бальдура. Тогда мать бога-свѣта заклинаетъ все существующее не вредить ея сыну. Она забываетъ только одно ничтожное деревцо (амелу). Злобный Локи, воспользовавшись этою оплошностію, избираетъ сльпаго брата бальдура орудіемъ своей ненависти. Однажды, когда боги, играя безвредно, поражали Бальдура копьями и мечами, онъ подаль сльпому стрѣлу, сделанную изъ вѣтви забытаго растенія, и уговорилъ его последовать примѣру другихъ. Пальъ прекрасный богъ отъ уязвленія роковой стрѣлы. Его тѣло сожгли на костръ, вѣсть съ трупомъ супруга его *Нанны*; умерней отъ горести. Вся природа плачетъ, не плачетъ одинъ Локи. Наконецъ боги, раздражаемые оскорбленіями его, схватываютъ своего ненавистника и привязываютъ его къ скаламъ; надъ его головою виситъ змѣя, которой ядъ струится по лицу несчастнаго.

Но не вѣчно быть ему въ оковахъ: боги потеряли Бальдура, и міръ требуетъ обновленія: все существующее должно истребиться и возникнуть въ новой красть. Этому странному превороту предшествуетъ владычество брани и убійства; братъ возстаетъ на брата, кровь льется рѣками, трехлѣтняя зима отнимаетъ у солнца живительную силу его. Южный, огненный міръ далъ начало вселенной, — онъ же и сокрушитъ ее. Все злыя власти расторгнутъ цѣпи свои и ополчатся на твореніе: ихъ ведетъ царь огня, грозный *Суртуръ* (т. е. Черный), вооруженный пламеннымъ мечемъ. Все погибаетъ: люди и боги падаютъ въ неравномъ бою; волки пожираютъ солнце и луну; земля погружается въ море, небо исчезаетъ въ пламени. Но это всеобщее бѣдствіе служитъ только къ возрожденію міра. Новая

земля выходитъ изъ воды: сыны Одина и Тора воцаряются на мѣсть асовъ. Бальдуръ торжествуетъ вѣсть съ братомъ, убившимъ его. Отъ великаго пожара спаслась чета людей: его возобновится человѣчскій родъ; община удѣломъ будетъ съ еего времени правосудіе, миръ и обиліе.

Такова скандинавская мифологія, мрачная, грубая; чувственная, но исполненная смѣлыхъ вымысловъ исполнскаго воображенія! Всмотрѣвшись въ сущность ея, находимъ, что всѣ она построена на идее о двухъ противоположныхъ началахъ, добромъ и зломъ, которыхъ борьба заключается наконецъ побѣдою перваго. Эти два начала существуютъ отъ-вѣка въ видѣ двухъ враждебныхъ стихій: мрака, соединеннаго съ холодомъ на сѣверъ, и свѣта, соединеннаго съ жаромъ на югъ. Ихъ столкновение производитъ жизнь и отражается въ жизни. Первыя два существа уже противоположны между собой: отъ одного рождается племя злыхъ великановъ, отъ другаго семья боговъ. Начинается борьба между богами и великанами: предстатель первыхъ—*Бальдуръ*, идеалъ добра и свѣта; поборникъ послѣднихъ—*Локи*, олицетворенное зло въ привлекательномъ образѣ. Пока живъ Бальдуръ, жизнь боговъ безопасна; но Локи торжествуетъ надъ нимъ хитростію: съ добромъ прекращаются и миръ и счастье; наконецъ, самая жизнь боговъ и всего, ими созданнаго, исчезаетъ подъ ударами зла. Но зло гибнетъ въ своей собственной побѣдѣ, и на развалинахъ его встаетъ прекрасное царство добра.

Откуда родилось у древнихъ Скандинавовъ такое ученіе? Безъсомнѣнія, изъ созерцанія человѣческой жизни. Мы уже видѣли, что они представляли себѣ весь міръ созданнаго изъ частей исполнскаго тѣла. Такимъ же образомъ представленіе о борьбѣ, какъ о сущности внутренней жизни нашей, перенесли Скандинавы и на бытіе высшихъ силъ, — силъ, которыхъ они не умѣли вообразить себѣ внѣ круга видимой, природы, замѣчая несовершенство міра, созданнаго богами. Но такое единство идеи, составляющей основу сѣверной мифологіи, доказываетъ, кажется, позднее происхожденіе многихъ ея мифовъ. Что она родилась разновременно и изъ разныхъ началъ, о томъ свидѣтельствуютъ противорѣчія, иногда встрѣчающіяся въ ея вымыслахъ; но, кажется, неоспоримо, что въ ней поэтическою начало преобладаетъ надъ историческимъ, хотя не должно отвергать

и послѣднего, составляющаго все-таки красуемый камень всякаго баснословія.

Вся подробности этихъ вымысловъ разсыяны въ поэмѣхъ «Семундовой Эдды»; но первое въ ней мѣсто принадлежитъ *Валдильдиль Валль*, (Völuspá), какъ главному источнику сѣверной мифологій и замѣчательнѣйшему созданію языческихъ Скандинавовъ.

Слово *Вала* означало у нихъ вѣщунью или прорицательницу. Мы знаемъ, что такія женщины существовали первоначально у Кимировъ и Тевтоновъ, а потомъ и у другихъ народовъ германскихъ. У Скандинавовъ даръ предвѣдѣнія, въ первые времена, былъ соединенъ съ званіемъ жрицы; но въ послѣдствіи вѣщунья составляла уже отдѣльное лицо. Нѣтъ сомнѣнія, что мифологія, всегда отражающая въ себѣ дѣйствительную жизнь, создала своихъ *Норнъ* или богинь судьбы по образцу земныхъ провозвѣстницъ. — *Валль* или *исповѣдлицихъ* (völug, sprákonug).

Были и вѣщуны, но ни столь многочисленныя, ни столь почитаемыя, какъ женщины этого рода.

Покинувъ храмы, которыми сначала ограничивалось ихъ вѣщаніе, онѣ стали переходить изъ края въ край: съ жадностію приглашали ихъ всюду; государи и частные люди слушали ихъ предвѣщанія; матерямъ предсказывали онѣ судьбу новорожденныхъ. Но не одно грядущее, и чары были имъ доступны: онѣ помогали родильницамъ, исцѣляли раны и болѣзни, наносили вредъ со всеми заклятіями, пока наконецъ христіанство не истребило мало по малу сословія ихъ на свѣрь.

Вала, о которой рѣчь идетъ въ поэмѣ, есть лицо чисто-мифологическое, Вала по преимуществу, прорицательница асовъ (боговъ) и, такъ-сказать, небесный типъ земныхъ предвѣщательницъ.

Цѣль поэта — изобразить мифологію народа своего въ полномъ, но быстромъ очеркѣ, начиная отъ мифовъ о происхожденіи веществъ до вымысла о гибели и возрожденіи міра. Поэтъ поступилъ чрезвычайно тонко, вложивъ то, что хотѣлъ сказать, въ уста Валь. Форма предвѣщанія придава словамъ его особенную возвышенность, а изложенію живость. Она поэ-

видна ему быть краткимъ и освободила его отъ всякаго стѣсненія въ переходахъ. Притомъ, вотъ основная идея поэмы, *хитрость* и *сила* должны быть управляемы *правосудіемъ*; зло и несчастіе произошли отъ насція и несправедливости, которыми виновно были сами боги; *Однина* и *Тора*, представитель хитрости и силы, замѣняютъ боги мира и правосудія. Игнать поэтъ предвидитъ паденіе древней религіи Скалцинаволъ, предвидитъ новый порядокъ вещей, основанный на другихъ началахъ. Эту мысль, смѣлую и даже, нѣкоторымъ-образомъ, наповоляющую поруганіе лжечеству и духу тогдашняго времени, подобно было выразить какъ-можно-осторожнѣе. Въ семъ отношеніи форма предвѣщанія, и притомъ предвѣщанія полубоже-ственнаго, удобнѣе всякой другой. Предвѣщаніе только косвеннымъ образомъ тревожитъ людей, живущихъ для одного настольнаго священнаго характера виднаго обуздываетъ нетерпимость и фанатизмъ; даже самовластіе не дерзаетъ доискуситься пророка, видя въ словахъ его приговоръ судьбы. Исторія показываетъ, что предсказаніе является вмѣстѣ съ новыми идеями, когда истина еще не смѣетъ говорить открыто, когда народъ или угнетенная партія утѣшается надеждою, вѣрою въ будущность, нез-тайнѣ борется съ критикомъ своимъ, пред-рзекла ему паденіе. Обыкновенно прорицатели возникаютъ во времена броженія или перелома въ обществахъ, во времена смуть политическихъ или религиозныхъ. Поэма «Виднїя Валь» относится безспорно къ той эпохѣ, когда основанія религіи одинополой, хотя и колеблемыя еще въ народѣ, не удовлетворяли болѣе умовъ возвышенныхъ. Нашъ поэтъ обращается къ другимъ свѣтлымъ, и какъ-будто дѣйствительно предугадываетъ въ будущемъ начала правосудія и любви, въ послѣдствіи принесенныя на свѣтъ благотворнымъ ученіемъ Христа.

О времени происхожденія всѣхъ частей Эдды можно только догадываться по признакамъ, болѣе или менѣе опредѣлительнымъ. Что касается до «Виднїя Валь», то и предметъ и форма поэмы сей заставляютъ считать ее одною изъ древнѣйшихъ. Правда, что подобный выводъ иногда можетъ быть и ложнымъ: поэтъ властепъ заимствовать предметъ свой изъ глубокой старины и облечь его въ одежду древняго покроя. Но такія поддѣлки случаются только въ литературахъ, которыя стоятъ уже на высокой степенн развитія. Мы въ-правѣ думать,

что въ поэзии скандинавской, поэмы носятъ и въ содержаніи своемъ, и въ формѣ, печать того времени, когда онѣ сочинены.

Вероятно, «Видья Валы» принадлежатъ къ той эпохѣ, когда искусство достигло своей высшей степени: скатый и часто невсѣдывкаказывающій языкъ формы побуждаетъ насъ къ предположенію, что народъ еще зналъ совершено мифологию и могъ легко объяснить себѣ то, что поэтъ только обозначаетъ. Это увѣніе, конечно, созрѣло уже вполнѣ, когда онъ предпринялъ изобразить его въ системѣ, и религія Одина должна была дойти до періода полнаго развитія своего, когда онъ представлялъ неизбежный для нея ударъ.

Такъ думаетъ г. Бергманъ. Само собою разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ только о мифахъ, предшествующихъ въ поэмѣ самому предвѣщанію, которое авторъ считаетъ вымысломъ поэта. Впрочемъ, трудно рѣшить, точно ли основная мысль этого предвѣщанія, мысль о разрушеніи міра, принадлежитъ скальду. Намъ кажется, напротивъ, что онъ былъ только глашатаемъ общаго вѣрованія, и вотъ почему: въ разныхъ поэмахъ Эдды повторяются многіе мифы, и, между прочимъ, тотъ, о которомъ мы говоримъ. Легче предположить, что скальды вочервали ихъ изъ достоянія народнаго, нежели допустить, что они заимствовали ихъ другъ у друга.

Но возвратимся къ вопросу о времени происхожденія поэмы «Видья Валы.» Одинъ изъ главныхъ признаковъ ея древности заключается въ слѣдующемъ. Уже въ началѣ X столѣтія изысканность и надутость были дѣломъ скандинавской поэзіи; напротивъ-того, въ «Видьяхъ Валы» она естественна, откуда на слова и запечатлена мужественною простотой. Все приводитъ къ тому мнѣнію, что поэма ея существуетъ, по-крайней-мѣрѣ, уже съ IX вѣка. Именно сочинившаго ее мы знаемъ, но по нѣкоторымъ подробностямъ описаній должны заключить, что онъ былъ Неландецъ.

Доселѣ считали «Видья Валы» отрывкомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, соединеніемъ многихъ отрывковъ; но г. Бергманъ нашелъ, что это мнѣніе происходило отъ неправильнаго разищенія строфъ и стиховъ. Переставивъ и тѣ и другія, онъ видитъ въ поэмѣ не только цѣлость и полноту, но съ тѣмъ дѣльстемъ и чрезвычайно-искусное распределеніе частей.

По его замѣчанію, она состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ

ловъ, которые можно означить словами: *прошедшее, настоящее и будущее*, или: *преданіе, видѣніе и предвѣщаніе*. *Прошедшее* обнимаетъ картину происхожденія всего сущаго: здѣсь Вала говорить по *преданію*; *настоящее* изображаетъ исторію боговъ и событій, случившихся во всѣхъ мірахъ: Вала говорить о нихъ, основываясь на томъ, что *видѣла* сама; наконецъ, *будущее* заключаетъ въ себя исторію гибели и возрожденія вселенной: Вала говорить согласно съ тѣмъ, что *предвидитъ* въ пророческомъ умѣ своемъ. Эти три части, резко-отдѣляющіяся одна отъ другой въ самомъ существѣ, поэтъ отличилъ и вѣщными знаками. Въ первой, Вала, говоря о самой-себѣ, употребляетъ выраженіе: *я помню*, или *я знаю*. Во второй, Вала, рассказывая о мнѣвшемъ, называетъ себя въ третьемъ лицѣ: *она* (Вала) *видѣла*. Напослѣдокъ, въ третьей, всѣ глаголы поставлены въ *настоящемъ*, потому-что предъ глазами прорицательницы раскрыта книга будущности: предвѣщаніе высказываетъ приговоры судьбы съ такою уврѣенностію, какъ-бы дѣло шло о событіяхъ, уже совершающихся. Переходы отъ одной части къ другой просты и непринужденны.

Мало того: поэтъ такъ искусенъ, что у него раздѣленіе предмета *картины* совпадаетъ съ раздѣленіемъ, необходимымъ для развитія *идеи* его. Онъ хочетъ, какъ мы уже упомянули, доказать, что счастье прористекаетъ изъ правосудія и мира: для этого дѣлитъ онъ опять произведеніе свое на три части: въ *первой* показываетъ начало всего и блаженство боговъ до той поры, когда они педаютъ міру первый примѣръ *насилія и несправедливости*. Такъ-какъ, по воззрѣнію поэта, несправедливость величайшее зло, то во *второй* части изображены плоды его—*раздоръ и война*. Въ *третьей* же, за этимъ ужаснымъ состояніемъ, слѣдуетъ смерть боговъ и разрушеніе всего міра. Вскорѣ міръ обновляется, но на немъ уже нѣтъ войны; вновь приходятъ асы, но только миролюбивые; верховный богъ есть богъ правосудія; все возвращается къ первоначальному состоянію, которымъ наслаждались боги, пока между ними еще не было насилія. Такъ идея поэта развивается по мѣрѣ раскрытія картины его. Разбираемая поэма есть какъ-бы совершенное созданіе искусства, — созданіе, въ которомъ тѣло и духъ, форма и мысль удивительнымъ образомъ проникаютъ и объясняютъ другъ друга.

Какъ ни остроумны объясненія г. Бергманна, и какъ ни увлекательно онъ излагаетъ ихъ подъ вліяніемъ очень-люпытнаго пристрастія къ своему поэту, но трудно открыть въ сѣмъ стихѣ столь искусственное построеніе и столь глубокой смыслъ въ произведеніи литературы языческой и далеко еще невозможной. Если отъ произвольныхъ его перестановокъ поэма и выиграла въ стройности, то, конечно, утратила отъ-части тотъ мрачный, таинственно-грозный, высокій характеръ, которымъ отличалъ ее безпорядокъ мыслей и образовъ, неразлучный съ пророчательскимъ изступленіемъ. Притомъ она и теперь все-таки обнаруживаетъ недостатокъ цѣлости и неясность во многихъ мѣстахъ: одно уже внезапное превращеніе мѣстоименія *я* въ *она*, заставляетъ подозрѣвать или пропускъ, или сведеніе отрывковъ изъ двухъ, хотя и однородныхъ, но раздѣльныхъ произведеній скандинавской древности.

Чтобъ дать читателю понятіе о «Виднѣихъ Валахъ», не затрудняя егъ непрерывнымъ толкованіемъ именъ собственныхъ и подразумеваемыхъ подробностей, ограничимся точнымъ переводомъ нѣсколькихъ только строчъ поэмы.

Вотъ описаніе сотворенія міра, первобытнаго блаженства боговъ и происхожденія человѣка:

Было начало вѣковъ, когда водворился Имѣрь ⁴;
 Не было ни береговъ, ни моря, ни водъ студеныхъ;
 Не было ни земли, ни возвышеннаго неба;
 Была разинутая бездна, по травы нигдѣ.

Тогда силами Бора воздвигли твердь,
 Они сотворили великую, среднюю ограду ¹;
 Солнце освѣтило съ юга скалы обители ²;
 Мгновенно земля зазеленѣла густою зеленью.

(1) Отсылаемъ къ очерку скандинавской мифологіи, который помещенъ выше, на стр. 12 и по-разъ будетъ нуженъ для уразумѣнія этихъ строчъ.

(2) Т. е. землю, занимающую средину между небомъ и преисподнею.

(3) Т. е. земли.

Солнце разливаясь съ юга своим щедрымъ на жизнь (*)
Оно не знало днесь жителя,
Звѣзды не знали своихъ мѣсть,
Мѣсяць не зналъ своей силы (†).

Тогда владыки пошли къ высокимъ сѣдалищамъ,
Святые боги вступили въ совѣщаніе,
Ночи, новому мѣсяцу дали они названіе,
Они наименовали зарию и холодень,
Сумерки и вечеръ, для означенія времени.

Лесы собрались на долину Иди (‡),
Они построили высокое святилище и дворъ,
Поставили горнила, выточили украшенія,
Выковали клещи и изготовили орудія.

Они играли за столами въ оградѣ; они были веселы,
Ни въ чемъ не знали недостатка, все было изъ золота.
Тогда трое асовъ изъ сей толпы,
Исполненные могущества и благодати, сошли къ морю,

Они нашли въ той странѣ особымъ существа,
Ясень и ольху, лишенные судьбы.

У нихъ (т. е. у этихъ деревьевъ) не было разума,
Ни крови, ни языка, ни благообразія:
Однимъ далъ имъ душу, Гопирь далъ имъ разумъ,
Лодурь далъ кровь и благообразіе.

Отсюда перейдемъ прямо къ самой занимательной части поэмы, — къ предвѣщанію.

..... Я вижу издали,
Сумерки владыкъ (†), битву боговъ.

(*) Въ скандинавскомъ языкѣ, какъ и въ германскихъ, солнце женскаго рода, а мѣсяць мужескаго: оба свѣтила здѣсь олицетворены.

(†) Т. е. свѣтила еще блуждали въ пространствѣ неправильномъ, и свѣтъ еще не имѣлъ явленія, которое приписывается ему.

(‡) Сборное мѣсто боговъ вокругъ ясеня Иггдразила.

(§) Стоять имъ выражаетъ мысль, что въ человѣчѣ только усовершенствована организація растенія.

(¶) Т. е. вечеръ, возвращеніе ночи, смерть боговъ.

Братья будутъ сражаться между собой, стануть братоубійцами
 Рождественскіи разорвутъ каменные связи;
 Въ міръ царствуетъ жестокость и великое слястолюбіе:
 Вьскъ съжиръ, вьскъ копій, когда щиты ломаются.
 Вьскъ бурь, вьскъ лютикъ зверей вьступаютъ дредь сокрущеніемъ
 міра;

Никто не думаетъ о пощадѣ ближняго.

Юты (*) трепещутъ, среднее древо (**) загарается
 При громкихъ звукахъ гремящаго рога (14).
 Геймдалль, поднявъ рогъ, трубить и возвѣщаетъ тревогу.
 Одиный совѣтуется съ головою Мимира (15).
 Содргается высокій ясенъ Ингдразиль,
 Старое древо дрожить:—волкъ разрываетъ свои цѣпи:
 Трепещутъ тѣни на путяхъ преисподней,
 Пока пламя Суртура не пожретъ древа.

Гримъ (16) приближается съ востока, щитъ покрываетъ его,
 Звѣдь, обвивающій землю, вращается въ ярости;
 Овъ воздымаетъ волишь, орелъ машетъ крыльями,
 Раздираетъ трупы:—пушенъ корабль ногтвюю (17).

Корабль плыветъ отъ востока, рать огней
 Идетъ по морю, пламя держитъ кормило
 Юты идутъ вмѣстѣ съ волкомъ,
 Съ щми на корабль и Локи.

Суртуръ вторгается отъ юга съ губительными мечтми,
 Солнце сверкаетъ на оружіи боговъ-героевъ;
 Каменными горы содрогаются, великанки трепещутъ,
 Тѣни ходятъ на путяхъ преисподней. Небо разверзается.

(*) Юты,—великаны—олицетвореніе исполнителскихъ силъ природы.
 Многие изъ нихъ славилась мудростію и знамѣніемъ.

(**) Ясенъ Ингдразиль, смотри выше.

(14) При вратахъ неба, на концѣ радуги, стоитъ на стражѣ богъ Геймдалль съ огромной трубой или *гремящимъ рогомъ*, которымъ онъ обѣщавалъ давать богамъ вѣсть о приближающейся опасности.

(15) Мимиръ—богъ мудрости, котораго тѣло осталось у враговъ Асовъ, а голова возвращена владыкамъ, и содралась всао прежнюю свою мудрость.

(16) Предводилъ Лотозъ на корабль, какъ построеникомъ.

(17) Овъ одѣланъ Гримомъ жѣ ногтвюю земли, сопедникомъ Гсу, т. е. умирившихъ ихъ на полѣ брани.

Солнце начинать чертить; земля погружается въ море;
 Исчезаютъ на неба сіяющія звѣзды;
 Дымъ клубится надъ огнемъ, разрушающимъ вселенную;
 Нисполниское пламя взмываетъ къ самымъ небесамъ.

Она (Вала) видитъ: опять всплываетъ
 Надъ моремъ земля, покрытая густою травой.
 Тамъ шумятъ водопады; въ вышнихъ носится орелъ
 И надъ скалою подстерегаетъ рыбу.

Асы вновь находятъ на травѣ
 Чудные золотые столы,
 Въ началѣ принадлежавшіе поколѣпимъ;
 Властелину боговъ и его потомству.

Поля будутъ приносить плоды, не бывъ засѣяны,
 Всякое зло исчезнетъ: Бальдуръ возвратится
 И будетъ обитать съ Годуромъ ⁽¹⁴⁾ въ чертогахъ Одина,
 Въ священныхъ жилищахъ боговъ-героевъ. — Понимаете ли ⁽¹⁵⁾
 нать ⁽¹⁶⁾?

Она видитъ храмину, блескомъ превосходящую солнце,
 Покрытую золотомъ, среди великолѣпнаго Гимля ⁽¹⁷⁾;
 Тамъ будутъ жить вѣрные народы,
 Тамъ будутъ они наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.
 Тогда явится свыше къ председательству въ судѣ владыкъ
 Могучій правитель вселенной ⁽¹⁷⁾.
 Онъ умирять приговоры, укрощать раздоры,
 И предписывать священныя, во вѣкъ несларушимыя законы.

Заглавіе слѣдующей поэмы: *Vafthrúdnismál* значитъ: *Разговоръ, беседа Вафтруднира*. Это лицо принадлежитъ къ племени *Ютовъ*, которое, по скандинавской мифологіи, родились

(14) Годуръ-слепой братъ Бальдура, умертвившій его по обману Локи.

(15) Вопросъ, который встрѣчается въ концѣ многихъ строень поэмы.

(16) *Гимля* значитъ сверкающій.

(17) *Форсетъ*, сынъ Бальдура, богъ правосудія. *Форсети* значитъ председатель.

Многіе исследователи думаютъ, что Асы и Юты скандинавской мифологіи изображаютъ Гитовъ и Финновъ, изъ которыхъ первое за- стали въ Скандинавіи и вытѣснили остуда послѣднихъ.

при сотвореніи міра, и по тому самому отличались мудростію и необыкновенными званіями.

Собесѣдникъ Ваэтрудира Одиннъ, соединяющій въ высшей степени тѣ же принадлежности. Цель поэта—показать превосходство бога въ этомъ отношеніи и представить умственную побѣду его надъ соперникомъ своимъ. Мифологія повѣствуетъ, что Одиннъ, укрывался чертѣдко подъ разными видами и именами, коимъ побѣждать мудростію враждебныхъ Асамъ Ютовъ, такъ же, какъ Торъ бралъ надъ ними верхъ тѣлесною силою. Въ борьбѣ, составляющей предметъ поэмы, оба противника подвергаютъ опасности свои головы: тотъ изъ нихъ, кто уступитъ другому въ мудрости, долженъ лишиться жизни.

Въ древности, особенно у народовъ необразованныхъ, существовало убѣжденіе, что физическая сила и разумъ даютъ человѣку право располагать всякимъ, кто надъменъ ею скуднѣе. Это понятіе, истинное въ самомъ-себѣ, было негнѣно и жестоко въ народѣ, у котораго тѣлесныя силы значительно опередили умственные. Сила, неуправляемая разсудкомъ, сдѣлалась тѣмъ пагубнѣе, что умъ, еще не будучи въ состояніи возвыситься до правосудія, обнаруживался только хитростію и служилъ къ большому притѣсненію слабости и неопытности. Такимъ-образомъ правило это, при всемъ своемъ относителномъ несовершенствѣ, составляло основу религіи Скандинавовъ: двумя главными богами ихъ были *Одиннъ*—представитель хитрости норманской, и *Торъ*—олицетвореніе физической силы.

Однакожъ, если послѣдній и былъ кумиромъ древности, то случалось все-таки, что платили должную дань и силѣ умственной. Были сраженія, которыя рѣшались не оружіемъ, а превосходствомъ проницательности и свѣдѣній. Колыбелью такихъ умственныхъ поединковъ была Азія. У народовъ семитическихъ, способности испытывались загадками, и бой кончался смертію того, кто не находилъ отвѣта.

Какъ у Индусовъ богъ Индра, такъ у Скандинавовъ Одиннъ смотрѣлъ не-безъ опасенія на мудрость и знанія другихъ: особенно возбуждали его зависть въ этомъ отношеніи Юты, соперники Асовъ. Вотъ чѣмъ объясняется предметъ второй поэмы.

Судя по разнымъ внутреннимъ и вѣшнымъ признакамъ ея,

должно полагать, что она сочинена въ концѣ X вѣка какимъ-либо Исландцемъ. По языку и стихамъ, она уступаетъ первой, но въ сущности показываетъ также немало искусства и драгоцѣнна особенно по множеству заключающихся въ ней мнѣологическихкихъ свидѣній.

Она дѣлится на двѣ главныя части: въ первой и самой короткой изображены обстоятельства, предшествующія свиданію Одина съ Ваэтрудниромъ; во второй представлено преніе ихъ.

Одинъ вступаетъ на небѣ въ разговоръ съ своею супругой, Фриггою.

Одинъ.

Что содѣлала мнѣ, Фригга? хочу отправиться къ Ваэтруднiru.
Признаюсь, я нетерпѣливо желаю завести разговоръ о древности
слухъ

Съ этимъ всезнающимъ Ютомъ.

Фригга.

Отецъ вонзелей, хотѣла бѣ я удержать тебя дома,
Въ чертогахъ боговъ;
Ибо думаю, что ни одинъ Ютъ не равняется въ силѣ
Съ этимъ Ваэтрудниромъ.

Одинъ.

Я много странствовалъ, испыталъ много приключеній,
Помѣрился со многими силою:
Теперь хочу посмотреть, какъ Ваэтрудниръ
Живетъ въ своемъ домѣ.

Фригга.

Счастливымъ путь! счастливымъ возвратъ!
Пусть жены Асовъ опять увидятъ тебя счастливымъ!
Пусть мудрость твоя, о, всеотецъ, поможетъ тебя
Въ споръ съ Ютомъ.

Послѣ этого, Одинъ, въ одеждѣ путешественника, уходитъ и является въ жилище Юты. Въ снѣлкѣ онъ говоритъ:

Здравствуй, Ваэтрудниръ! Я вошелъ въ домъ твой,
Чтобы посмотреть на тебя:
Хотѣлъ бы я болѣе всего узнать, мудрый ли ты
И всезнающій Ютъ.

Влѣтрудниръ.

Кто зтоя человекъ, который въ моемъ жилищѣ.

Такъ дерзко вымываетъ меня?

Ты не выйдешь отсюда,

Если ты не уймешь меня.

Одиннѣ.

Меня зовутъ странникомъ. Я только-что съ дороги,

И, мучимый жаждою, вошелъ къ тебѣ.

Я совершилъ далекий путь; мнѣ нужно гостепріимство

И твое привѣтствіе, о Ютъ!

Влѣтрудниръ.

Зачѣмъ, странникъ, говоришь ты со мной, стоя въ сѣняхъ?

Приди, садись къ заутѣ:

Тамъ испытаемъ мы, кто болѣе знаетъ,

Гость или старыи болтушъ.

Но Одиннѣ, прежде нежели воспользовался гостепріимствомъ, пожелалъ доказать свои знанія и гвмъ снискать благо-сладность хозяина. Волжій пришлецъ имѣлъ право на оркисмы воть почему люди высшаго разряда, желая отличиться отъ толпы, старались съ самаго начала выказать умъ свой, и та-кимъ-образомъ заслужить уваженіе хозяина. Съ этимъ намѣ-реніемъ и Одиннѣ, оставаясь въ сѣняхъ, отвѣчаетъ:

Блжмй, вступая въ домъ богатаго,

Долженъ говорить осторожно или молчать.

Думаю, что говорливость вредитъ

Тому, кто бесѣдуетъ съ мужемъ строгимъ.

Влѣтрудниръ.

Скажи, странникъ—такъ-какъ ты, стоя въ сѣняхъ,

Хочешь испытать свои силы:—

Какъ зовутъ коня, приводящаго волжій разъ

Дня человѣческому роду?

Странникъ.

Его зовутъ свѣтлогривымъ: онъ приноситъ

Свѣтозарный день человѣкамъ.

Онъ счнтается лучшимъ конемъ,

Грива его безпрестанно сверкаетъ.

ВѢТРУДИРЬ.

Слажи, странникъ—такъ-какъ ты, столъ въ сѣняхъ,
Хочешь испытать свои силы
Какъ зовутъ коня, приводящаго съ востока
Ночь благимъ владыкамъ? *

СТРАННИКЪ.

Иностранцы зовутъ коня, приносящаго каждый разъ
Ночь благимъ владыкамъ:
Всякое утро роняетъ онъ съ удѣлъ своихъ пѣну,
Отъ которой происходятъ роса въ долинахъ.

Когда Одинъ отвѣтилъ удовлетворительно и на слѣдующіе
два вопроса, Вѣтрудирь говорить :

Вижу, гость, что ты свѣдушь! Приди, садись на скамью,
Станемъ спорить, сидя;
Пусть наши головы будутъ здѣсь въ залѣ,
О гость, цѣною победы.

Тогда Одинъ начинаетъ задавать Юту вопросы о разныхъ
предметахъ мифологій. Наконецъ, послѣ семнадцати удовлетво-
рительныхъ отвѣтовъ, онъ предлагаетъ роковую задачу:

Что сказалъ Одинъ на-ухо сыну своему **,
Когда тотъ восходилъ на костеръ?

Въ то же время странникъ является въ настоящемъ, божественномъ образѣ своемъ. Вѣтрудирь, узнавъ его не только по лицу, но и по вопросу, который одинъ отецъ Асовъ могъ сдѣлать, отвѣчаетъ:

Никто не вѣдаетъ, что въ началѣ вѣковъ
Ты сказалъ на-ухо сыну своему.

Я самъ себя прожигая смертнымъ приговоромъ, хвалился звѣнствою
древностей

И происхожденія боговъ;
Ибо я дерзнулъ состязаться въ мудрости съ Одиномъ.
Ты мудрейшій изъ сущихъ!

* Ночь приводится богами потому-что предполагалось, будто они действуют преимущественно во мракѣ.

** Вальдурю, убитому слабыми братьями своими.

Этими словами кончается поэма. Смерть Вагруднира совершается, такъ-сказать, за сценою.

Последняя изъ изданныхъ г. Бергманномъ поэма, носитъ заглавіе: Lokasenna, т. е. *Насмѣшка, Споръ Локи*. Впрочемъ, по другимъ рукописямъ, она называется также *Пиръ Эгира* или еще: *Умаленіе Локи*. Дѣло въ томъ, что этотъ богъ, существо лукавое и всегда готовое вредить Асамъ, издѣвается надъ ними на пирѣ у Юта Эгира. Г. Бергманъ утверждаетъ, что цѣль поэты была осмѣять ученіе одинополо. «Итакъ» прибавляетъ онъ: «не мифологическое преданіе составляетъ предметъ поэмы: ибо, какъ вообразить себя, чтобы мифологія сама себя опровергла, показывая слабости боговъ, ею созданныхъ? Напротивъ, эта поэма есть критика, сатира, отрицаніе мифологій; но сочинителемъ, для избѣжанія упрека въ беззаконіи и богохульствѣ, вложилъ свои собственныя насмѣшки въ уста Локи.» Сомнѣваемся. Локи выражаетъ своимъ характеромъ одну изъ основныхъ идей скандинавской мифологіи: Поруганіе боговъ есть дѣйствіе, совершенно-согласное съ его вседневною цѣлю — унижать, оскорблять ихъ. Поэма кончается торжествомъ боговъ и казнію Локи.

Вотъ почему можно бы полагать, что цѣль этой поэмы, такъ, какъ и предыдущей — показать могущество Асовъ и превосходство ихъ надъ всякимъ противникомъ.

Одно только обстоятельство не позволяетъ утвердиться совершенно въ такомъ мнѣніи: казнь Локи описана въ концѣ поэмы прозою. Можетъ-быть, это прибавленіе сдѣлано собирателемъ Эдды: предположеніе, тѣмъ-болѣе-вѣроятное, что передъ поэмою помѣщено также небольшое прозаическое вступленіе, котораго, по содержанію его, никакъ нельзя приписать самому поэту. Если г. Бергманъ правъ въ объясненіи цѣли *Насмѣшекъ Локи*, то произведеніе сіе удобно отнести къ концу X вѣка, эпохъ, когда христіанство уже начинало побѣждать язычество въ Исландіи: въ противномъ случаѣ, поэма, конечно, сочинена гораздо-ранѣе.

Вотъ ея планъ. Локи знаетъ, что Асы собрались у Эгира *,

* Эгиръ—богъ моря.

который, не приглашая его на пирь свой, звал злобу и насмешливостью этого бога. В отомщение, Локи завещает Асовь мутить празднество оскорбленiemъ Асовь. Онъ идетъ къ жилищу Эгира и у дверей спрашиваетъ слугу, о чемъ бесѣдуютъ пирующіе. Потомъ, входитъ самъ въ храмину и говоритъ со всми богами. Наконецъ Торъ грозитъ ему, своимъ молотомъ, Локи, устрашая гнѣва Тора, и, къ-тому же, достигнувъ, нѣмало удалится съ бранью.

Ходъ разговоровъ очень естественъ, и въ этомъ отношеиимъ нельзя не отдать полной справедливости искусству соиницателя. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ замѣчательнаго произведеиия, его.

Локи, на отвѣтъ слуги, что никто изъ боговъ не говоритъ о немъ дружелюбно, продолжаетъ:

Войду въ чертогъ Эгира,

Посмотрю на этотъ дивъ.

Къ сынамъ Асовь, я внесу шумъ и соблазнъ,

Наллю желчи въ ихъ медь.

Входя къ пирю, онъ говоритъ:

Томный жаждою, я пришелъ въ это жилище

Послѣ долгаго пути,

Прошу Асовь дать мнѣ только

Напитья чистаго меда.

Что же вы молчите, боги, столь надутые спѣсью,

Что и говорить не можете?

Укажите мнѣ сѣдалище и мѣсто въ пирю,

Или прогоните меня отсюда.

Браги (Асовь плесень).

Указать мѣсто въ нашемъ пирю!

Никогда Асы не сдѣлаютъ этого:

Асы знаютъ, съ кѣмъ дѣлиться

Весельемъ пирюмъ своимъ.

Оскорбленный Локи обращается къ Одину, который, для избѣжанія соблазна, велитъ сыну своему уступить мѣсто пришельцу.

Локи.

Асы! ваше здоровье! ваше здоровье, жены Асовь!

Здоровье всахъ всахъ, боги пресвятые!

Кро мѣ одного этого Аса, вѣдо Браги, что сидитъ

Тамъ у стѣны, на своей скамьи!

Браги пытается уваль его добромъ, обещаетъ ему коня, мечъ и щитъ; но Локи восклицаетъ:

Коня и щитъ! Тебѣ-самоу никогда не владѣть

(Ми твѣ, ни другимъ); Браги!

Ты, изъ всѣхъ Асовъ, здѣсь собранныхъ,

Самый предусмотрительный противъ битвы,

Самый трусливый при видѣ коня!

Послѣ новыхъ упрековъ съ обѣихъ сторонъ, наконецъ супруга Браги, Идуна, старается его успокоить именемъ дѣтей своихъ. Локи поноситъ и ее.

Тогда Гефюна, богиня непорочности, хочетъ усмирить его кротостию.

Локи.

Молчи, Гефюна: не то — я расскажу,

Какъ тебя очаровалъ

Тотъ молодой человекъ, что подарилъ тебѣ ожерелье

И . . . . .

Одиннѣ.

Глупецъ ты, Локи, безумецъ!

Что ты раздражаешь противъ себя Гефюну?

Она вѣрно знаетъ судьбу каждаго,

Точно такъ же, какъ и я.

Локи.

Молчи, Одиннѣ! никогда ты не умѣлъ

Рѣшать битвы между людьми.

Часто посылалъ победу тому, кто ее не заслуживалъ,

Посылалъ ее менѣе-храброму.

Одиннѣ.

Какъ ты знаешь, что я посылалъ победу тому, кто ее не заслуживалъ,

Посылалъ ее менѣе-храброму?

А ты, — восемь зимъ ты жилъ на землѣ

Молочной коровой и женщиной *;

А это, кажется, приличье подлему.

Локи.

Ты, говорятъ, занимался чернымъ чародѣйствомъ на островѣ Самсею **,

* Мифъ, къ которому относится этотъ стихъ, неизвестенъ.

** Мѣсто, славившееся чарами.

Ты стучался у дверей, какъ Ваза;
 Въ видѣ колдуна, ты леталъ надъ влассиенъ людскими,
 А это, кажется, прилично поддцу.

ФРИГГА (*супруга Одина*).

Вамъ бы никогда не следовало говорить о своихъ приключеніяхъ,
 При герольдъ,
 Ни о томъ, что вы дѣлали въ началѣ вѣковъ:
 Не должно припоминать стараго.

Послѣ многихъ споровъ, слуга бога Фрея выражаетъ свое негодованіе на Локи.

ЛОКИ.

Это что за маленькая тварь забилась тамъ въ уголъ,
 И раскрываетъ свой жадный клѣвъ?
 Ему хочется всегда висеть на ушахъ Фрея
 И ворчать сквозь зубы.

ГЕЙМДАЛЛЬ.

Локи, ты пьянъ и обезумѣлъ.
 Что не перестанешь пить, Локи?
 Пьянство на всѣхъ дѣйствуетъ одинаково:
 Не замѣчаешь своего богатства.

ЛОКИ.

Молчи, Геймдалль! въ началѣ вѣковъ
 Тебѣ поручили проклятую должность:
 Какъ стражъ боговъ, ты обязанъ будить ихъ
 И спину свою подвергать почной сырости.

СКАДИ (*догъ великаго Тіасси*).

Ты въ-духъ, Локи; только тебѣ ужъ недолго
 Ташиться своей волей.
 Скоро боги привяжутъ тебя къ скалѣ
 Кишками чудовища-сына твоего *.

Надобно знать, что Тора не было на пирѣ; онъ подвизался между-тѣмъ на востокъ. Вотъ вдругъ восклицаетъ кто-то изъ гостей:

* Предвѣщаніе Скади сбылось надъ Локи. Сія-то казнь и описана въ прозаическомъ прибавленіи къ поэмѣ. Связь этихъ двухъ частей заставляетъ бы думать, что прибавленіе принадлежитъ поэту.

Горы дрожать. Вѣрно, Торъ

Возвращается домой:

Онъ принудитъ молчать этого негодяя, который поноситъ

И боговъ и людей.

Торъ (*восшедши*)

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ * мой

Отънять у тебя языкъ :

Я сокрушу съ твоихъ плечъ эту скалу, которая качается у тебя
на шеѣ, —

И жизнь твоя погибнетъ.

Локи.

Слышь земля, ты только-что вошелъ,

А ужъ и расшумѣлся!

Не будешь такъ храбриться, когда нападетъ на тебя

Волкъ, который поглотитъ отца побѣдъ **!

Торъ.

Молчи, низкая тварь, или страшный молотъ мой

Отънять у тебя языкъ :

Захожу, и ты полетишь въ восточныя страны ***,

И никто тебя не увидитъ.

Локи.

Ужъ не говоришь бы о востокъ

При геродкхъ :

Знаемъ мы, какъ ты, единоборецъ, забился въ палецъ перчатки,

И самъ ужъ не считалъ себя Торомъ ****.

* Оружіе Тора.

** Одиный, при разрушеніи міра, долженъ погибнуть отъ волка.

*** Гдѣ живутъ Лоты.

**** Эти стихи намекаютъ на любопытное преданіе о Торѣ. Отправившись однажды на востокъ, вмѣстѣ съ Локи, онъ увидѣлъ вечеромъ открытое жилище съ пятью очень-глубокими комнатами. Путники рѣшились почевать въ этомъ жилищѣ. Вскорѣ ихъ разбудилъ ужасный шумъ. Каково же было удивленіе Тора, когда онъ узналъ, что недалеко оттуда лежитъ огромнѣйшій великанъ, который хранитъ такъ громко. Но онъ удивился еще болѣе, когда на другой день, на-рѣзвѣтъ, великанъ поднялъ домъ вмѣстѣ съ ними: это была его перчатка. Торъ, по предложенію его, присоединился къ нему, и спряталъ свои привасы въ дорожный мѣшокъ великана. Они шли цѣлый день; вечеромъ, великанъ легъ спать и сказалъ Тору, что если онъ проголодается, то можетъ раскрыть мѣшокъ. Торъ, почувствовавъ сильный аппетитъ, сталъ-было раз-

Торь повторяетъ свою угрозу.

Лркн.

Надвюсь прожить еще долго,
Хотя ты мнѣ и грозилъ молотомъ.
Узлы *Кракунъ* показали тебѣ слишкомъ туго;
Ты не могъ добраться до припасовъ;
Ты былъ здоровъ, а умиралъ съ голода.

Торь опять грозитъся.

Локи.

Я сказалъ предъ Асами и предъ жепами Асовъ
Все, что мнѣ вдуцилъ умъ мой.
Только предъ тобою удалось,
Потому-что ты разнилъ.

Теперь Локи, въ крайнемъ ожесточеніи, обращаетъ свои проклятыя на самого хозяина дома:

Ты задалъ праздникъ, Эгир! Вьсередь
Не будешь больше пировать:
Пусть все твое богатство, въ этой храниль,
Будетъ обильно пламенемъ
Истреблено у тебя за плечами!

За снмъ слѣдуетъ прозаическое дополненіе. Вотъ оно:

«Послѣ-того Локи, обратясь въ сѣмгу*, укрывся подъ водопадомъ: тамъ схватили его Асы. Онъ былъ привязанъ кишками своего сына Нарри; другой же сынъ его былъ превращенъ въ дикаго звѣря. Скади взяла дводвигата змѣя и повѣсила его надъ лицомъ Локи: змѣй началъ источать ядъ по канцямъ. Сигина, супруга Локи, свѣвъ возлѣ него, приняла капли въ сосудъ; когда же онъ наполнился, она удалась, чтобы вылить ядъ. Между-тѣмъ капли падали на лицо Локи: это производило въ немъ такіа судороги, что вся земля колебалась. Вотъ что называютъ нынѣ землетрясеніемъ.»

вязывать мѣшокъ, по никакъ не могъ справиться съ узломъ. *Кракунъ* (имя великана), чтобы помѣдиться падъ Асами, спуталъ шурики посредствомъ чаръ. Торь, не желая подвергнуться его шуткамъ, разсудилъ, что лучше не будить великана, и легъ, не утоливъ своего голода. — *Единоборецъ* названъ Торь потому-что онъ сражается одинъ противъ многихъ и притомъ онъ сильнѣе всѣхъ боговъ и героевъ.

* Чтобы спастись отъ преслѣдованія боговъ. Имя *Локи*, *Логи* значитъ: *свѣтляційся*, также *пламя*. Скандинавское названіе *сѣмги*, *лах*, значитъ также *свѣтляційся*; есть особый родъ этой рыбы: онъ отличается *огненнымъ* цветомъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о формѣ стиховъ, изъ которыхъ составлены эти поэмы.

Въ стихосложеніи вообще должно отличать двѣ принадлежности: *мѣру* и *созвучіе*.

Мѣра можетъ основываться или на свойствѣ слоговъ, или на количествѣ ихъ.

Повторяющееся въ каждомъ стихѣ соединеніе долгихъ и краткихъ слоговъ по определенному порядку составляетъ стихосложеніе *метрическое*: въ немъ каждый стихъ заключаетъ въ себя известное число *стопъ*. Таково было стихосложеніе древнихъ Грековъ, Римлянъ и Индусовъ, а отъ нихъ оно перешло, хотя и не во всемъ своемъ совершенствѣ; къ большей части новѣйшихъ европейскихъ народовъ.

Менѣе-совершенный видъ мѣры, основанной на свойствѣ слоговъ, состоитъ въ томъ, что каждый стихъ, не представляя соединенія долгихъ и краткихъ въ строгомъ порядкѣ, заключаетъ въ себя, однакожъ, нѣсколько такихъ слоговъ, на которыхъ голосъ преимущественно опирается. Здѣсь нѣтъ ни стопъ, ни определенного числа слоговъ: есть только нѣсколько *удареній*, отдѣленныхъ одно отъ другаго всегда равнымъ разстояніемъ. Это *удартельное* или такъ-называемое *тѣмическое* стихосложеніе. Таково наше старинное русское.

Наконецъ, мѣра въ стихѣ производится условнымъ счетомъ слоговъ, входящихъ въ составъ его, безъ всякаго отношенія къ свойству или протяженію ихъ. Это *силлабическое* стихосложеніе. Оно принадлежитъ Французамъ, Итальянцамъ, Испанцамъ.

Другой способъ стихотворца дѣйствовать пріятно на слухъ есть *созвучіе*, — сходство нѣкоторыхъ звуковъ въ одномъ или нѣсколькихъ стихахъ. Оно бываетъ либо въ *концѣ* словъ, либо въ *началѣ*. Въ первомъ случаѣ оно, подъ именемъ *рифмы*, заключаетъ стихъ или иногда полуступище, и служитъ обыкновенно украшеніемъ *метрическихъ* стиховъ у новѣйшихъ народовъ, а *силлабическимъ* принадлежитъ какъ необходимое условіе. Второго рода созвучіе состоитъ или въ сходствѣ начальныхъ буквъ нѣсколькихъ словъ стиха — въ *аллитераціи* — или въ сходствѣ начальныхъ слоговъ — въ *ассонансѣ*. Такія созвучія существуютъ искони въ поэтическихъ произведеніяхъ Азіатцевъ, и встрѣчаются также у сѣверныхъ народовъ Европы, которые, вѣроятно, достались изъ Азіи.

Стихи древнихъ Скандинавовъ, по размеру, довольно-сходны со стихами нашихъ предковъ, т. е. подходятъ подъ разрядъ *поэтическимъ*, но съ прибавленіемъ *аллитераціи*.

У позднѣйшихъ Исландцевъ, и именно въ *пѣсняхъ* ихъ, введена въ употребленіе и рима; но здѣсь дѣло идетъ только о разобранныхъ нами поэмахъ.

Родъ размера, къ которому принадлежать стихи ихъ, можно назвать *эпическимъ*, по-исландски же его означаютъ именемъ *древняго размера* (fornyrdalag). Онъ раздѣляется на два вида: на *древній размеръ* собственно, и на *пѣсенный размеръ*. Первый употребленъ въ «Видвѣяхъ Вальи», послѣдній въ остальныхъ двухъ поэмахъ. Въ первомъ каждый стихъ долженъ имѣть, по-крайней-мѣрѣ, *четыре* ударенія, которыя, притомъ, совмѣстны только съ долгими слогами. Что касается до аллитераціи, то стихъ долженъ заключать въ себя два или три слова, начинающіяся одною и тою же буквою, и этимъ буквамъ надобно непременно стать въ слогахъ, отличенныхъ удареніемъ. Число всѣхъ вообще слоговъ въ стихѣ измѣняется, но обыкновенно ихъ бываетъ отъ восьми до двѣнадцати.

Стихотворенія, сочиненныя по этому размеру, раздѣляются всегда на строфы: каждая изъ нихъ вмѣщаетъ въ себя по четыре стиха, или (по мнѣнію нѣкоторыхъ, разлагающихъ длинный исландскій стихъ на два короткіе) по восьми.

Пѣсенный размеръ мало отличается отъ древняго. Въ двухъ послѣднихъ поэмахъ нашихъ, гдѣ онъ употребленъ, строфа состоитъ, по-большой-части, изъ четырехъ же, но не-совершенно сходныхъ между собою стиховъ: второй и четвертый представляютъ часто только полустихише, въ-сравненіи съ первымъ и третьимъ. Притомъ для аллитераціи здѣсь достаточно только двухъ буквъ, и онѣ могутъ быть независимы отъ ударенія. Вообще въ пѣсенномъ размерѣ, правила стихосложенія легко нарушаются: это доказываетъ, что онъ уступаетъ первому въ древности и относится къ эпохѣ, когда эпическое стихосложеніе начинало уже искажаться. Но если онъ ниже древняго по правильности и величію, то превосходитъ его разнообразіемъ. Если *древній размеръ* можно сравнить съ экзаметромъ, то *пѣсенный* соответствуетъ элегическому или пентаметру.

Почти-такое же стихосложеніе, какъ у Скандинавовъ, находимъ мы и въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи Англо-Саксон-

цевъ и Германцевъ. Вообще *тоническіе* стихи, какъ требующіе наименѣ искусства, всего болѣе свойственны младенческому возрасту поэзій. Мы и теперь видимъ, что стихотворенія людей, незнающихъ механизма стиховъ, обыкновенно не бываютъ подчинены никакимъ правиламъ въ-отношеніи къ свойству или числу слоговъ. Но когда самъ сочинитель читаетъ или поетъ свои стихи, то онъ умѣетъ придать нѣкоторую мѣру, усилывая, мѣстами, удареніе. Отъ-того одни слоги выдаются явственно, другіе какъ-бы скрадываются, и безъискусственно-сплетенный рядъ слоговъ принимаетъ обманчивую стройность.

Что касается до дѣйствія аллитераціи на слухъ, то намъ трудно судить о немъ. Мы только тогда чувствуемъ ее, когда въ стихъ много сходныхъ начальныхъ буквъ, на близкомъ разстояніи одна отъ другой, какъ въ этомъ стихъ Расина:

Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?

Но двѣ или три такія буквы тамъ, гдѣ отъ шести до десяти словъ, какъ въ стихъ скандинавскомъ, остались бы у насъ совершенно-незамѣченными. Изъ этого можно бы заключить, что аллитерація была выдумана, какъ акростихъ и другія стихотворныя игрушки, только для глазъ, а не для слуха. Но многое убѣждаетъ въ противномъ. Въ-старину *льми*, а не *итали* стихи; поэмы Эдды долгое время переходили изъ устъ въ уста, прежде, нежели были написаны. Притомъ, аллитерація была употребительна почти у всѣхъ готическихъ и германскихъ народовъ: по одному этому ее уже нельзя считать пустой игрушкой. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы находимъ аллитерацію не только у Скандинавовъ и въ древнѣйшихъ произведеніяхъ англо-саксонскихъ: она перешла даже въ нѣкоторые латинскіе стихи, написанные въ Англіи, и до Чдсера и Спенсера сохранялась въ самыхъ англійскихъ стихотвореніяхъ. Замѣчаемъ ее также въ древнихъ литературныхъ памятникахъ Германіи. Можетъ-быть, аллитерація принесена изъ Азіи: поэты индусскіе, какъ, напр., Калидаса, знали ее, а *ассомансъ*, сходный съ нею, находится въ древнѣйшихъ стихотвореніяхъ Китайцевъ. Наконецъ, надобно припомнить, что аллитерація, и по происхожденію, и по цѣли, однородна съ римой, а рима, какъ всякій согласится, придумана не для зрѣнія, а для слуха.

Воспользовавшись такимъ-образомъ самою занимательною частію книги г. Бергманна, и привнесъ парижскому академи-

ку дань признательности и уваженія за его ученый трудъ, мы не можемъ, однакожь, не пожелать, чтобы скорѣе настало время, когда любители исландской литературы въ нашемъ отечествѣ не будутъ нуждаться въ посредничествѣ французскихъ изыскателей для ближайшаго съ нею знакомства.

Я. ГРОТЪ.

ЭДУАРДЪ ГАНСЪ.

До русской публички, впрочем, дошло уже известіе о смерти нѣмецкаго ученаго, профессора правъ и исторіи при Берлинскомъ Университетѣ, Эдуарда Ганса, о чемъ говорятъ теперь почти-вся нѣмецкіе журналы и газеты. Смерть ученаго или профессора есть событіе столь обыкновенное, столь пердѣлокое, что даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ стоялъ на одной изъ высшихъ ступеней ученой знаменитости, потеря его ошутлива только въ сферѣ его науки, или въ кругѣ дѣятельности его университета. Наука не политическое зданіе: смерть одного не разрушаетъ въ ней цѣлаго, какъ то бываетъ иногда въ государствѣ, и на мѣсто утраченнаго найдутся тотчасъ другіе которые, если не подвинуть зданія, то и не допустить ему разрушиться. Не-то мы видимъ въ Гансѣ: смерть его дѣйствительна и въ сферѣ его науки, въ круга его товарищей и слушателей.— Она событіе, вызволивашее не только ученый и учащійся міръ Германіи, но нашедшее себя сочувствіе между образованными людьми всѣхъ классовъ и сословіи; она встрѣчаетъ соучастіе даже и въ Германіи, особенно между тѣми націями, которыя чаще посылаютъ въ свой юности черпать знаніе въ глубокомъ источникѣ германской учености. Эта всеобщая симпатія къ покойному, которой проявленіе особенно замѣтно было въ удивительномъ стеченіи народа, бывшемъ на погребеніи его, показываетъ, что въ Гансѣ было нечто, дѣлавшее его любимцемъ Берлина и Германіи, что въ немъ было еще какое-то другое призваніе, кромѣ ученаго, профессорскаго дѣйствительно, онъ былъ нечто болѣе, нежели профессоръ Гер-

манія лишилась въ немъ проповѣдника науки и представителя своего общественнаго мнѣнія — два призванія, для исполненія коихъ, казалось, сама природа предназначила Ганса, одаривъ его качествами, преимущественно къ тому способными.

Призванія, о коихъ мы упоминали выше, покажутся для многихъ странными, — и неудивительно: чтобъ понять въполнѣ ихъ значеніе, нужно хорошо знать Германію и весь бытъ ея; но такъ-какъ этотъ предметъ не можетъ быть развитъ здѣсь въ подробности, то мы постараемся объяснить значеніе Ганса самою его дѣятельностію. Образовавшись въ школъ мужа, гений коего запечатлѣлъ печатью высшаго дара науку и жизнь XIX вѣка, Гансъ, съ свойственною его натурѣ воспримчивостію и жаромъ, принялъ и усвоилъ себѣ философію великаго наставника своего, Гегеля. Но, призванный къ жизни дѣятельной, живой, эксцентрической, Гансъ не могъ ограничиться исключительно спекулятивнымъ поприщемъ; не довольствуясь тѣмъ, что вносилъ идеи своего наставника въ науку правовѣдствія, онъ, вспомоствуемый рѣдкимъ даромъ слова, повесѣ ихъ далѣе — въ исторію, въ самую жизнь современную, словомъ — всюду. Онъ сталъ между наукой и обществомъ, представляемымъ толпами юношей, жадно-внимавшихъ его убѣдительному краснорѣчію, и, раскрывая передъ ними, съ свойственною его таланту ясностію и увлекательностію, величіе и богатство науки, призывалъ ихъ черпать новую жизнь изъ этого живительнаго источника. Собственно онъ не былъ преподавателемъ философіи; но это не мѣшало ему безпрестанно обращаться на нее вниманіе своихъ слушателей, во-первыхъ, какъ прямою, непосредственно изъ сущности предмета преподаваемыхъ имъ наукъ истекающею съ нею связью, такъ и самымъ способомъ преподаванія, взглядомъ на предметы, на жизнь вообще, даже на событія всѣдневныя. Во всемъ этомъ у него отражалось какое-то высшее мірыло, которое, подстрекая умъ, влекло его далѣе и далѣе, иногда къ самому святилищу науки, къ коему Гансъ охотно указывалъ руководителемъ. Лучшіе профессора философіи въ германскомъ университетѣ сознаются, что ему обязаны они половиною своихъ слушателей, что отъ него стремилась къ нимъ цѣлая толпа юношей, которыми онъ представлялъ храмъ сознанія въ дланномъ свѣтъ. Дѣйствительно, слушая лекціи Ганса, не-возможно было не полюбить науки (раз-

умства здесь не исключительно философю, а науку вообще). — Онъ въ особенности владелъ талантомъ побуждать эту бо-лезнь, которую часто внушаетъ наука душамъ слабымъ, пред-ставляя воображенію ихъ долгій, сухой и безотрадный трудъ — это врачье преддверіе каждаго знанія. Однимъ изъ средствъ это-го эксцентрическаго распространенія науки было то, что, въ глазахъ сухихъ педагоговъ, оставляетъ важный недостатокъ преподавателя — отклоненіе отъ главнаго предмета, безпрестан-ныя обращенія къ настоящему, теперь-случающемуся; но въ этомъ-то и состояла та живая жила, изъ которой истекала его сила надъ сердцемъ и умомъ слушателей, какъ въ университетѣ, такъ и въ обществѣ; ибо сфера его дѣятельности простиралась и на гостиныя. Не принадлежа къ числу нѣмецкихъ профессо-ровъ, заточающихъ себя на цѣлую жизнь въ кабинетъ, Гансъ не только не имѣлъ тѣхъ странностей и недостатковъ, которые дѣла-ютъ ихъ тяжелыми для общества, но, напротивъ, владелъ всѣми преимуществами, нужными для успѣха въ немъ, онъ любилъ по-сѣщать его, любилъ перевозить въ гостиныя то вліаніе, которое имѣлъ въ аудиторіи. При образованности обширной, всеобъ-емлющей, бесѣда его была умна и занимательна; о чемъ ни гово-рилъ онъ съ кафедры и въ обществѣ — всегда, постоянно онъ этою говорливостію стремился къ одной важной цѣли — внушенію любви ко всякому полезному знанію, любви къ наукѣ, иску-ству, къ вопросамъ общественнымъ, ко всему, что составляетъ въ человѣкѣ жизнь разумную и дѣятельную, не допускаетъ его впасть въ совершенно-исключительную спеціальность — досто-инство (если только это достоинство), о-сю-пору еще слишкомъ-далеко укорененное въ характеръ нѣмецкомъ. Нѣмецъ, внимательно-слушавшій Ганса, возвращался на родину и всту-палъ въ кругъ своей дѣятельности не какъ исключительный юристъ или философъ, но какъ человѣкъ, т. е. съ интересомъ ко всему, что дорого для человѣка, — безъ этой ограниченной и столь вредной для нации и жизни спеціальности, мертвящей при-вязанности къ тому, что выходитъ за предѣлы избраннаго за-нїя или занятія. Въ этомъ-то умѣнии безъ вреда главному пред-мету лекцій возбуждать въ слушателяхъ живой интересъ ко всему, что составляетъ достоинство человѣка, Гансъ, съ своими горячими убѣжденіями, съ своею смѣлою, сильною рѣчью, неза-мѣнимъ для Берлинскаго Университета и вообще для всей

Германія. Она дополняла собою то, чего не доставит германской натуре, именно — деятельности извне, этой движимости, этого интереса современного; или, лучше, она представляла собою эту возникающую потребность, была началом той новой эпохи, нового поколения, которое и глубококомысленно, и сосредоточенности германской должно придать другие элементы, с темъ, чтобы эти элементы низвели науку и мысль въ самую жизнь, разлили ихъ по всемъ членамъ общественнаго тѣла и дали духу свободу развиваться въ немъ по волю, не цѣмлясь за старыя, педагогическія формы. Вотъ почему мы назвали его проповѣдникомъ науки; вотъ въ чемъ состояла одна изъ сторонъ его знаменитости. Изъ нея ясно и второе его прозвище: представитель общественнаго мнѣнія.

Въ государствѣ, гдѣ болѣе трехъ четвертей народонаселенія знаетъ грамоту, гдѣ каждый, даже самая ничтожная должность получается не иначе, какъ въ слѣдствіе экзамена, и гдѣ даже ремесленники возводятъ ремесло свое до теоретическихъ началъ — нельзя, чтобы не существовало мнѣнія, этотъ критеріумъ духовной жизни народа. Оно, какъ все духовно-существующее, должно имѣть точку или центръ, около котораго могло бы сосредоточиться, органъ, который бы выражалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствовалъ имъ. Такимъ органомъ былъ Гансъ. Его мнѣнія, его взглядъ на предметы и событія, обремененныя легитимное слово, часто въ острую шутку, быстро распространялись повсюду, и находили себѣ вездѣ сочувствіе, потому что въ нихъ, кромѣ общей истины, была еще та тайная симпатія съ современными требованіями, нѣчто въ родѣ того томкаго чувства, которое внушаетъ поэту выраженіе еще не-сознанный, не-сказанной, но уже живущей и созрѣвшей въ толпѣ мысли. Такимъ образомъ все, что только составляетъ предметъ разсужденій въ журналахъ и обществахъ, все, что интересуетъ дублику или принадлежитъ къ числу современныхъ вопросовъ науки и жизни — все это входило въ сферу его деятельности; обо-всемъ онъ подавалъ свой голосъ и шелъ впереди мнѣнія, не-только словомъ, но и дѣломъ. Являлось ли какое-нибудь возбуждающее всеобщій интересъ произведение въ наукѣ или искусствѣ — Гансъ говорилъ о немъ съ клятвенною, хотя оно совершенно не относилось къ предмету его чтеній (онъ владелъ необыкновенною ловкостью дѣлать отступленія, не нарушая стройности цѣлаго), и его

мнѣніе на-вѣрное ставовилось мнѣніемъ большинства, и если онъ ошибался, то ошибался, по-большой-части, такъ, какъ ошибаются иногда цѣлыя генераціи, кои, будучи увлечены своими ближайшими, непосредственными интересами на другіе вопросы, смотрятъ не иначе какъ сквозь ихъ призму, а потому видятъ ложно. — Въ этомъ случаѣ у Ганса, какъ мы уже замѣтили, былъ родъ истиннаго фактуальной связи съ современнымъ ему поколѣніемъ: говорилъ ли о какомъ-нибудь новомъ учрежденіи, или общественномъ постановленіи — Гансъ первый разлагалъ его, разсматривалъ, представлялъ его выгоды и невыгоды, достоинства и недостатки; случалось ли какое-нибудь важное, европейское событіе — голосъ Ганса смѣло разбиралъ его значеніе и слѣдствія; словомъ, каждое движеніе, каждая новость — даже прїездъ въ Берлинъ какой-нибудь значительной особы, праздникъ, *Ständescheu* (серенада), данные какому-нибудь лицу, всякое выраженіе мнѣнія, каждый говоръ общества, касаясь его каседры, отражался отъ нея очищеннымъ отъ всѣхъ кривыхъ толковъ, преувелченій, предразсудковъ и прочихъ неизбежныхъ спутницъ молвы, и являлся мнѣніемъ, освѣщеннымъ истинною, часто смѣлою, дерзкою истинною, и распространялся по всѣмъ кругамъ столицы. Легко можно себя представить, что, какъ органъ общественнаго мнѣнія, Гансъ не могъ быть въ ладу со всѣми; но именно въ этомъ же самомъ общественномъ мнѣніи онъ находилъ твердую для себя опору, дававшую ему средство смѣло высказывать свои мысли даже и тогда, когда онъ могли быть неприятыми для партій. Въ этомъ отношеніи о немъ можно сказать, что онъ занималъ безпримѣрное мѣсто. Любя истину и науку выше всего, онъ былъ чуждъ легкомыслія такъ-называемыхъ либераловъ, и чрезъ то, при своемъ прямодушнн, безпристрастіи и ничѣмъ-неустраслимою откровенности, приобрѣлъ довѣренность своего начальства, которое, будучи обезпечено благородствомъ его мыслей и цѣлей, не препятствовало распространенію нравственнаго его вліянія и дозволяло ему многое предпочтительно предъ другими.

Вотъ главное значеніе Ганса. Онъ оказалъ также важныя услуги и въ чисто-ученомъ отношеніи. Хотя, распространяя любовь къ философіи, онъ самъ и ничего не создалъ новаго въ этой наукѣ, однако онъ внесъ идеи своего великаго наставника въ науки юрмическія, взглянуть на нихъ съ новой стороны,

бросилъ въ нихъ свѣжія мысли, которыя до него еще никѣмъ не были прилагаемы. Да, Гансъ не безсмертное имя, не гений-созидатель, но одинъ изъ тѣхъ немногихъ избранныхъ умовъ, которые, владея ученостію и идеями вѣка, становятся впереди его и столь тѣсно сливаются съ нимъ своими симпатіями, что дѣлаются съ нимъ одно, не могутъ отдѣлиться отъ него и сосредоточиться въ себя, чтобъ создать что-либо для безсмертія. Но въ этомъ-то ихъ и важность: для современниковъ они необходимыя гения: этотъ ставитъ новую ступень на помостъ усовершенствованія челоуѣчества, — тѣ помогаютъ людямъ взойти на нее. Имя Ганса, впрочемъ, столь павѣстно всѣмъ занимающимся юриспруденціею, что не требуетъ поясненія касательно своей знаменитости. Въ юридическихъ наукахъ онъ является главою такъ называемой философско-исторической школы противъ чисто-исторической, представляемой профессоромъ Савиньи. Ученый споръ его съ нимъ послѣднимъ продолжался въ-теченіе всей его литературной жизни, и этому спору посвящено было даже и послѣднее напечатанное сочиненіе Ганса «Die Grundlage des Besitzes», брошюра, вышедшая осенью прошлаго года. Этотъ споръ былъ единственнымъ вѣдшимъ движеніемъ въ жизни Ганса, которая, какъ жизнь большей части ученыхъ, протекла безъ рѣзкихъ переворотовъ, безъ замѣчательныхъ событій — вся въ работѣ умственной, въ развитіи внутреннемъ, въ постоянномъ стремленіи къ добру и истинѣ. Расскажемъ здѣсь главныя событія этой жизни.

Фамилія Гансъ еврейскаго происхожденія. Эдуардъ Гансъ родился въ Берлинѣ, 22 марта 1798. Отецъ его принадлежалъ къ купеческому званію и, какъ говорятъ, отличался замѣчательнымъ остроуміемъ, которое наследовалъ отъ него и сынъ, въ ряду душевныхъ способностей коего остроуміе, вывѣсть съ даромъ слова, занимало одно изъ первыхъ мѣстъ. Начальное образованіе свое молодой Гансъ получилъ въ одной изъ берлинскихъ гимназій zum grauen Kloster, которое прервано было войною 1813 и краткимъ пребываніемъ въ Прагѣ, гдѣ онъ потерялъ отца своего. Въ 1816 году, Гансъ вступилъ въ Берлинскій, а годъ спустя перешелъ въ Гёттингенскій Университетъ, гдѣ получилъ академическую премію за латинское сочиненіе объ исторіи и правахъ острова Родоса. Въ 1818 году онъ перемѣнилъ Гёттингенскій Университетъ на Гейдельбергскій, гдѣ

нашел друзей въ знаменитыхъ профессорахъ Тибо и Гегель. Около этого же времени онъ выступилъ на учено-литературное поприще многими юридическими статьями въ издаваемомъ Генслеромъ, Тибо и Миттермайеромъ «Архивъ» — и историко-юридическими — въ «Журналъ для познанія Еврейства» (*Zeitschrift für die Wissenschaft des Judenthums*); въ Гейдельбергъ же Гансъ издалъ первое свое сочиненіе «Римское облигаціонное Право». Получивъ званіе доктора правъ, онъ, въ одно время съ Гегелемъ, въ 1820 году, переселился въ Берлинъ. Здѣсь начинается главная его дѣятельность. Вместе съ юриспруденціею ревностно изучалъ также и философію, онъ внесъ новѣйшія идеи послѣдней въ первую, и сочиненіемъ «*Scholien zum Gajus*» началъ сильную оппозицію противъ историческо-юридической школы, которая немедленно возбудила всеобщее вниманіе. Многіе возстали противъ Ганса; многіе упрекали въ дерзости молодого человѣка, столь рѣзко и сильно возставшаго противъ мнѣній, исповѣдуемыхъ людьми, стоявшими выше его и по ученому имени, и по званію и положенію въ свѣтъ; но эти толки дѣлали Ганса еще отважнѣе, придавая ему нѣкоторую степень важности. Онъ началъ еще ревностнѣе трудиться для составленія себя имени и своимъ «Наслѣдственнымъ Правомъ въ историческомъ его развитіи» положилъ наконецъ прочное основаніе своей ученой славы (*das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung*, 3 Bde. Berlin. 1823—29). Это его капитальное произведеніе, уже одно, безъ прочихъ его сочиненій и безъ другой его дѣятельности, дающее ему почетное мѣсто въ наукѣ. Въ 1825 году онъ совершилъ путешествіе во Францію и Англію и, владея свободно языками обѣихъ этихъ странъ, съ помощію своего ученаго имени и личныхъ достоинствъ сблизился съ знаменитѣйшими на западѣ людьми, какъ въ политическомъ такъ и въ ученомъ отношеніи; а по возвращеніи въ Берлинъ получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора при тамошнемъ университетѣ. Извѣстный теперь въ Германіи ученымъ журналъ «*Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik*» обязанъ ему своимъ существованіемъ: Гансъ основалъ его въ 1826 году. Потомъ онъ издалъ свою «Систему Римскаго гражданскаго Права» и съ 1830 началъ издавать новый журналъ «*Beiträge zur Revision der preussischen Gesetzgebung*», который однако въ 1832 году прекратился. — Около этого времени, въ осеннія ваканціи, продолжаю-

щіяся обыкновенно съ начала августа до конца октября, онъ началъ почти-каждогодно дѣлать путешествія по Европѣ, какъ съ прямо-ученою цѣлю, такъ и для нагляднаго наблюденія общественной жизни иностранныхъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія своихъ сношеній съ первѣйшими лицами Европы. — Плодомъ этихъ путешествій былъ «Взглядъ на лица и событія» (Rückblicke auf Personen und Zustände) — книга, полная наблюдательности, тонкаго остроумія, вѣрныхъ очерковъ и той легкой, занимательной говорливости, того простодупнаго силваго ума (laissez-aller), которое придавало ему такую занимательность въ бесѣдѣ: Гансъ говорилъ иногда самыя умныя вещи съ такою кокетливою легкостью и небрежностью, какъ будто рѣчь шла о пустякахъ, чрезъ что внушалъ слушателю какую-то особенную къ себѣ довѣренность и расположеніе. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ ума его. Последнее путешествіе Гансъ сдѣлалъ прошлою осенью: онъ ѣздилъ въ Италію, и въ Римѣ имѣлъ аудіенцію у папы. На будущую осень онъ собирался въ Россію; но смерть лишила насъ удовольствія вѣнчѣствовать такого интереснаго поэта. Мы не упоминали еще о смѣшанныхъ сочиненіяхъ Ганса «Vermischte Schriften, 1834» — рядъ критикъ, статей юридическаго, историческаго, политическаго и эстетическаго содержанія. Это журнальныя вещи, неизмѣющія общей занимательности, впрочемъ представляющія все достоинство ума и пера Ганса. Самымъ послѣднимъ его произведеніемъ было, какъ уже замѣчело выше «Основная Идея Владѣнія» (über die Grundlage des Besitzes) учено-политическая брошюра, въ которой онъ, въ опроверженіе мнѣній г. Савиньи и исторической школы, доказываетъ, что владѣніе основывается на идее и есть право, а не просто фактъ. — Кроме собственныхъ сочиненій, Гансъ трудился надъ редакціею и изданіемъ нѣкоторыхъ твореній Гегеля, и тѣмъ оказалъ немаловажную услугу философамъ. Имъ изданы «Философія Права» и «Философія Исторіи» Гегеля. Последняя вышла въ 1837 году и служила основаніемъ читаннаго имъ зимою 18³⁸/₃₉ года курса философіи исторіи. Вообще изъ его курсовъ, которыхъ онъ держалъ по три и по четыре въ каждомъ семестрѣ, историческіе привлекали наиболѣе слушателей, во-первыхъ, по общему интересу къ предмету, во-вторыхъ, потому-что въ нихъ ораторскій талантъ Ганса находилъ обширнѣйшее для себя попри-

ше, и что онъ въ нихъ всего чаще дѣлалъ увлеченія отъ промежу-
 шаго къ настоящему, къ предметамъ и вопросамъ современ-
 нымъ, следовательно, придалъ имъ двойную занимательность.
 Особенно блистательно былъ послѣдній его историческій курсъ
 — «Новѣйшая исторія, отъ времени заключенія Вест-
 фальскаго Мира, оконченный имъ 26 прошлаго марта. Слече-
 вѣе слушателей всѣхъ классовъ, званій и возрастовъ было тако-
 во, что въ аудиторіи, гдѣ болѣе 350 нумерованныхъ мѣстъ, слу-
 шатели задыхались отъ тѣсноты, потому что не только заняты
 были всѣ лавки, но даже прострѣство, оставленное для прохо-
 да, и площадка, окружающая кафедру, наполнены были стояв-
 шими посѣдителями. Принуждены были впускать въ аудито-
 рию по билетамъ и брать предосторожности отъ чрезвычайной
 тѣсноты. Въ этомъ курсѣ онъ излагалъ собственно не столько
 историческое развитіе событій, сколько философскій взглядъ
 на нихъ, изыскивалъ элементы, составляющіе жизнь новѣйшую,
 и преслѣдовалъ охъ развитіе въ ряду событій. Большая часть
 этого историческаго курса заимствована была изъ почти-
 оконченнаго имъ сочиненія «Исторія послѣднихъ пятидесяти
 лѣтъ», введеніе къ коему помѣщено въ «Историческомъ Альмана-
 хѣ» Раумера на 1833 годъ. Оно будетъ издано въ непродолжи-
 тельномъ времени друзьями покойнаго; по всему должно ожи-
 дать, что эта книга будетъ имѣть важный интересъ, но, при всѣхъ
 своихъ достоинствахъ, она не въ состояніи будетъ не только
 замѣнить, но даже дать понятіе о живомъ курсѣ Гаисса, одуще-
 менномъ этими подробностями, отступленіями, этикетъ умелка-
 тельнымъ краснорѣчіемъ, которое, не презирая остроты и даже
 сарказма, умѣло возвышаться до истинно-поэтическаго одуще-
 менія. Когда онъ говорилъ о значеніи нашей эпохи, о Мирабо,
 о Наполеонѣ, онъ становился поэтомъ-философомъ; гласа его
 блистали, вся наружность принимала видъ вдохновенія, и рѣчи
 являлись въ дивныхъ образахъ. Подобныя минуты вдохновенія,
 приходя къ нему мгновенно среди чтенія, дѣлали его лекціи не-
 ровными и ставили нѣкоторыя изъ нихъ въ тѣни, представляя
 ихъ слабыми и небрежными сравнительно съ другими его чтеніи-
 ми. Дѣйствительно, у него, какъ и у всякаго оратора, были дур-
 ные часы, лекціи въ-самомъ-дѣлѣ небрежныя и до-того, что онъ
 иногда забывалъ, иногда перемѣнявалъ факты; но мысль цѣлаго
 свѣтила, по-нескоду; основаніе вѣдѣ было прочно, обдуманно,

утверждено, а потому неудачное чтение не вредило цѣлой системѣ и даже само не лишалось интереса, потому-что умъ сильный и острый, и слово кѣткое и гибкое не покидали Ганса ни на минуту. Эта случайная небрежность была отчасти, слѣдствіемъ, самоувѣренности, отчасти нѣкоторой лѣни, препятствовавшихъ ему готовиться къ каждому чтенію, а также и разсыпанной жизни, что мы вовсе не видимъ въ вину ему, впрочемъ не называя этого и заслугою; замѣтимъ только, что его назначеніе призывало его столько же въ гостиныя, сколько и на кафедру, и, посѣщая параллельно перья, онъ былъ вѣренъ своему призванію. Это было хорошо даже и въ практическомъ смыслѣ: Гансъ показывалъ нѣмецкимъ ученымъ, что время имъ расширить кругъ своей дѣятельности далѣе университетской ограды въ гостиныя—эту важную сторону современной жизни, и ввести живительное слово науки въ самое сердце—въ быть домашній.

Портретъ Ганса, какъ частнаго человека, представилъ бы замѣчательнѣйшія черты; но онъ во всякомъ случаѣ не можетъ имѣть особеннаго интереса для чужеземной публики, а потому я ограничусь немногими словами. Совершенное *laissez aller* въ мысляхъ, словахъ, во всѣхъ приемахъ, была главная, отличительная черта гансова характера. О немъ можно сказать по-русски, что душа его всегда была на-распашку. Это свойство предполагаетъ уже само собою совершенную доброту сердца и скажу—чистоту его. Да, зло было чуждо ему: онъ радушно протягивалъ руку даже врагамъ своимъ, хотя одинъ изъ нихъ имѣлъ жестокость и недовѣрчивость оттолкнуть ее. Желавшій видѣть Ганса, могъ встрѣтить его повсюду. Онъ, какъ древній философъ, всегда былъ тамъ, гдѣ наиболѣе собиралось людей, всегда готовъ былъ бесѣдовать съ каждымъ и передавать ему мысль свою безъ малѣйшей скрытности. Въ три часа по-полудни часто можно было встрѣтить у Ягора, лучшаго берлинскаго ресторатора, человека среднихъ лѣтъ, довольно-полнаго, съ черными, какъ смоль, кудрявыми волосами, съ черными, живыми, необыкновенно-выразительными и пронзительными глазами, съ румянцемъ на щекахъ—это Гансъ. Въ 6 часовъ вечера или въ 12 утра онъ, бывало, медленно идетъ изъ университета по липовой аллеѣ (походка его была очень тяжелая), окруженный толпою студентовъ, расправляющихъ

его о томъ, что преимущественно ихъ заняло на его лекціяхъ; вечеромъ вы встрѣтите его въ театрѣ, если играетъ Зейдельманъ (лучшій актёръ берлинскаго театра) или дается какая-нибудь новая пьеса*; не то, загляните въ какой-нибудь изъ тѣхъ круговъ столицы, въ коихъ собирается образованнѣйшее ея общество — тамъ найдете его небрежно-сидящимъ на диванѣ, окруженнаго толпою слушателей обоюга пола (дамы очень любилъ его бесѣду); у него была академическая привычка заставлять себя слушать, но никто не ропталъ на это; напротивъ, всѣ были тѣмъ довольны, особенно, когда онъ былъ въ-духѣ. Гансъ любилъ также собирать вокругъ себя иностранцевъ, потому-что самъ такъ любимъ былъ ими, и ему лестно было видѣть, какъ уважаютъ его даже далеко за предѣлами Германіи. Имѣя обширныя связи въ Италіи, Англійи и Франціи, преимущественно же въ послѣдней, и учениковъ повсюду, говоря совершенно-свободно по-французски и по-англійски, онъ долженъ былъ сдѣлаться естественнымъ центромъ для иностранцевъ; при-томъ же тѣ изъ нихъ, которые обучались въ университетѣ, любилъ особенно Ганса — кромѣ главныхъ его достоинствъ — еще за то, что понимали его лучше всѣхъ прочихъ профессоровъ. Онъ былъ для нихъ ключомъ къ германской учености, какъ по методу преподаванія, такъ и по ясности изложенія; сверхъ-того извѣстная чистота и точность, съ какой прекрасный его органъ произносилъ каждое слово, и всю рѣчь какъ-будто выливалъ изъ металла, чрезвычайно помогала иностранцамъ, несовершеннѣнно-владѣющимъ нѣмецкимъ языкомъ, преодолевать матеріальныя трудности въ уразумѣніи нѣмецкихъ профессоровъ.

Гансъ былъ холостъ; семейство его состояло изъ матери, брата и двухъ замужнихъ сестеръ (послѣднія жили не въ Берлинѣ). Въ концѣ нынѣшней зимы онъ началъ жаловаться на легкое разстройство здоровья: его мучила одышка. Утромъ 1-го мая, онъ былъ здоровъ, веселъ, пришелъ навѣстить своего товарища-профессора, и, не заставъ его дома, остался обѣдать съ его семействомъ. Сѣли за столъ; вдругъ Гансъ говоритъ, что ему дурно — и въ-слѣдъ за тѣмъ падаетъ безъ чувствъ: параличъ отнялъ у него руку и ногу, и, не смотря на медицинскую помощь,

* Гансъ очень любилъ театр, охотно посѣщалъ его и давалъ самъ драматическіе вечера, на которыхъ бралъ на себя декламацию какой-нибудь роли.

обратился къ головъ. 5 мая утромъ Галевъ уже не существовалъ. Участіе публики, оказанное ему въ эти послѣднія минуты его жизни, имѣло сходство съ тѣмъ, которое у насъ оказывали незабвенному Пушкину. Знакомыя и незнакомыя особы всѣхъ званій и сословій безпрестанно являлись въ приемной большого навѣдываться о его положеніи. Молва, какъ живой бюллетень, распространяла по городу извѣстія о каждой съ нимъ перемины. Разумѣется, наибольшее участіе оказано было университетомъ: въ день погребенія, университетъ явился къ усопшему массой, со всѣми преподавателями и учащимися. Все, что только есть замѣчательнаго въ Берлинѣ въ литературномъ, учебномъ и художническомъ отношеніи — а мало ли этого замѣчательнаго! — все явилось отдать послѣднюю честь покойному. Въ 8 часовъ утра двинулся печальный поѣздъ, предшествуемый хоромъ музыки и пѣвчихъ — отлнчіе небывалое въ протестантской столицѣ, гдѣ воспрещена всякая уличная процессія, но на этотъ разъ полиція сдѣлала уступку общему желанію; — за музыкою печальная колесница; за ней гробъ, несомый избранными студентами, а за гробомъ до 1000 человекъ приглашенныхъ и не приглашенныхъ, по два въ рядъ, въ черныхъ плащяхъ; по бокамъ ихъ, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, студенты въ треугольныхъ шляпахъ съ эшарпами — черезъ плечо, съ жезлами въ рукахъ, для соблюденія порядка, и наконецъ, безконечный рядъ экипажей. И все это двигалось между живою цѣпью народа, протянувшегося отъ самаго дома, въ которомъ жилъ покойникъ, до кладбища, вдоль одной изъ многолюднѣйшихъ улицъ Берлина, всѣ окна коей унизаны были зрителями. Процессія была такъ многолюдна, что когда гробъ уже былъ въ заставы (ораніенбургской), многіе экипажи едва еще только двинулись отъ воротъ квартиры покойника (Behrenstrasse) — и должно замѣтить, что тутъ были одни только мужчины (дамы, по нѣмецкому обыкновенію, не показываются на подобныя церемоніи). Такъ чествовалъ Берлинъ свое лучшее украшеніе, одну изъ блистательнѣйшихъ своихъ знаменитостей! На кладбище могли войти только приглашенные и студенты. Послѣ умилительнаго хора «Христосъ мое приѣзжнще», главный конвисторіальный совѣтникъ и старшина богословскаго факультата, профессоръ-пасторъ Маргейнеке, личный другъ усопшаго, произнесъ надъ гробомъ сильное и трогательное сло-

ю, въ которомъ прекрасно охарактеризовалъ покойнаго; затѣмъ отпуская молитва «Dies irae», исполненная хоромъ студентовъ — слезы родныхъ и знакомыхъ — глухой гулъ падавшей на крышку гроба земли—и все кончилось... Толпа разошлась, кладбище опустѣло, и свѣжая могила стала рядомъ съ пирамидой, на коей видно имя *Фихте*, еще два шага — и вотъ другая могила съ гранитной плитой, а на ней другое имя—*Ге...*... Какія имена!...

И. НЕВЪРОВЪ.

Берлинъ 1^о/₄ мая 1839.

СТАТИСТИКА И ТЕОРИЯ ГРОЗЪ.

Ни одна наука не представляла до-сихъ-поръ успѣховъ столь медленныхъ и такъ мало-положительныхъ, какъ метеорологія. Правда, что мы имѣемъ глубокія и обширныя свѣдѣнія объ атмосферѣ въ отношеніи химическомъ и статистическомъ: мы знаемъ, изъ какихъ элементовъ составлена жидкость, окружающая насъ, знаемъ, какимъ-образомъ эти элементы, отдѣльно взятые, поддерживаютъ жизнь или убиваютъ; тяжесть этой жидкости, плотность, высота, дѣйствія на свѣтъ, электрическія и магнитныя явленія, измѣненія температуры, какъ на самыхъ высокихъ горахъ, такъ и въ недрахъ земли, были изслѣдованы съ тщательностію, точностію и успѣхомъ, которые приносятъ величайшую честь искусству и гению ученыхъ. Но мы принуждены сознаться, что законы возмущеній воздушныхъ областей намъ совершенно-неизвѣстны; познанія наши, столь обширныя и глубокія въ состояніи тишины и ясности атмосферы, становятся бесполезными, когда она помрачается и приходитъ въ волненіе. Необычайное ли увеличеніе жара или холода угрожаетъ жизни всѣхъ существъ органическихъ, наводненія ли заставляютъ насъ опасаться втораго потопа, вѣтры ли съ необузданною яростію грозятъ разрушеніемъ и гибелью нашимъ неподвижнымъ или плывучимъ жилищамъ, молнія ли, вырываясь изъ облачной своей темницы, мгновенно уничтожаетъ самыя прекрасныя,

самыя прочныя созданія человеческого искусства и раздробить даже кору земную, страшныя ли силы атмосферы возстаютъ противъ насъ, — мы трепещемъ за жизнь свою и имущества, не имѣя силы обуздать стихій, не умѣя избѣгнуть постигшихъ насъ бѣдствій.

Хотя до-сихъ-поръ и не существуетъ надежныхъ средствъ защитить нашу жизнь и богатства отъ подобныхъ опасностей, однако же исторія науки показываетъ, что есть возможность открыть ихъ. Въ тиши кабинета, ученые уже изобрѣли средства *предвѣщающія* и *покровительствующія*. Громоотводъ служитъ теперь для защиты жилищъ и кораблей нашихъ отъ ужасныхъ дѣйствій молній; барометръ не разъ показывалъ мореходцу, что настала минута готовиться къ борьбѣ съ стихіями.

Къ-счастью для науки и человечества, во всѣ времена встрѣчались люди, готовые жертвовать для нихъ жизнью. Въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, два или три человѣка изучали шквалы и ураганы съ полнымъ самоотверженіемъ и полнымъ успѣхомъ. Правда, что они еще не открыли причины этихъ возмущеній атмосферы, но они опредѣлили общія ихъ свойства; имъ удалось вывести отсюда непреложныя правила, дающія намъ возможность если не укротить ярость стихій, то, по-крайней-мѣрѣ, избѣгать ея. Если постепенные труды двухъ человѣкъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно въ-теченіе только 6 лѣтъ, принесли столько пользы наукѣ, то какихъ успѣховъ можно ожидать тогда, когда бы всѣ европейскіе ученые призваны были къ размышленію надъ длиннымъ рядомъ метеорологическихъ наблюденій, собранныхъ надлежащимъ образомъ въ различныхъ странахъ земнаго шара?

Прежде существовало всеобщее мнѣніе, что шквалъ различается отъ обыкновеннаго вѣтра только быстротою движущагося воздуха, что ураганъ есть вѣтеръ, несущійся по прямому направленію съ скоростью 100 или 120 миль въ часъ.

Полковникъ Кепперъ (Carrer) первый опровергалъ это мнѣніе въ 1801 году. Основываясь на наблюденіяхъ своихъ,

онъ говорилъ, что ураганы должны быть большіе вихри, имѣющіе въ діаметръ не болѣе 120 миль, и что, наблюдая силу и направленіе вѣтра, быть-можетъ, не трудно было бы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ корабль относительно къ положенію этого вихря, и, слѣдовательно, имѣть чрезъ то возможность избѣгнуть его.

Наблюденія г. Ксппера, по-видимому, невозбудившія тогда никакого участія въ ученомъ свѣтъ, скорѣе подтвердились метеорологическими изслѣдованіями г. Редфильда (Redfield) нью-Йоркскаго ученаго. Вотъ результаты описанныя имъ наблюденій надъ 11 ураганами Западной Индіи (съ 1804 по 1835 включительно):

Самые сильныя ураганы случаются подъ тропическими широтами, на сѣверъ и на востокъ отъ острововъ Западной Индіи.

Они объемлютъ въ одно время поверхность отъ 100 до 150 миль въ діаметръ; сила ихъ ослабѣваетъ къ краямъ и возрастаетъ къ центру этого пространства.

Г. Редфильдъ обозначилъ на картѣ путь, по которому переносится одинъ и тотъ же ураганъ. Легко усмотрѣть по этой картѣ, что путь сей, по-видимому, образуетъ дугу эллипса или параболы, которыхъ полюсъ находится всегда, безъ исключенія, если не подъ 30° широты, то, по-крайней-мѣрѣ, близко къ оной. Должно притомъ замѣтить, что параллели 30° составляютъ, по обѣимъ сторонамъ экватора, вѣтшіе предѣлы пассатныхъ вѣтровъ; и также, что параллель 30° имѣетъ свойство раздѣлять поверхность в атмосфере своего полушарія на равныя части, такъ-что поверхность, содержащаяся между этою параллелью и экваторомъ, почти-равна поверхности между тою же параллелью и полюсомъ.

На югъ отъ параллели 30° , ураганы движутся на западъ, по направленію, постепенно склоняющемуся къ сѣверу; достигнувъ до параллели 30° , они быстро поворачиваютъ на сѣверъ и потомъ на востокъ, продолжая постепенно наклоняться къ востоку, и двигаясь съ удвоенною скоростью.

Если бы масса воздуха, образующая ураганъ, имѣла толь-

ко одно переносное движение впередъ, то направленіе вѣтра въ какой-либо точкѣ пути ея, должно бы совпадать съ направлениемъ этого пути и сохраняться постояннымъ во все время урагана. Но наблюденія показали противное. Направленіе вѣтра не совпадаетъ съ направлениемъ, по которому переносится ураганъ, и притомъ во второй половинѣ урагана вѣтеръ дуетъ почти совершенно съ противоположной стороны, нежели въ началѣ. Такъ; напримѣръ, когда ураганъ направляется на западъ, то при началѣ его дуетъ вѣтеръ съ сѣвера, а при концѣ съ юга; при движеніи же урагана на сѣверъ, въ началѣ дуетъ вѣтеръ восточный, а потомъ западный. Подобныя наблюденія надъ направлениемъ и перемѣнами вѣтра въ различныхъ точкахъ параболическаго пути, пробѣгаемаго ураганомъ, привели къ заключенію, что кромѣ переноснаго движенія впередъ, масса воздуха, составляющая ураганъ, имѣетъ еще вращательное движеніе, на подобіе вихря, около вертикальной или нѣсколько-наклонной оси, которая переносится впередъ вмѣстѣ съ ураганомъ, в которую мы назовемъ осью вихря. Вращеніе производится всегда *съ-права на-лѣво*. Такимъ-образомъ, направленіе вѣтра въ ураганѣ будетъ зависеть въ одну время отъ двухъ движеній: круговращательнаго и переноснаго.

Иногда случается, что корабль получаетъ сильный ударъ вѣтра въ паруса и снасти, между-тѣмъ, какъ на палубѣ все остается спокойнымъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что вѣроятно ось вихря наклонена въ направленіи переноснаго его движенія. По мнѣнію Редонльда, наклоненіе это можетъ происходить отъ сопротивленія поверхности земнаго шара, замедляющаго движеніе нижней части, вертящейся массы воздуха. Отъ такого замедленія самыя возвышенныя части столба наклоняются впередъ и овладѣютъ значительнымъ протяженіемъ атмосферы, между-тѣмъ, какъ соответственная часть ея близъ поверхности останется въ покоѣ.

Продолжительность урагана зависитъ отъ протяженія поверхности, одновременно имъ занимаемой, и скорости переноснаго движенія; малые ураганы даже бывають быстрое большіе.

Къ числу самыхъ важныхъ слѣдствій, выведенныхъ Редфилдомъ изъ наблюдений, принадлежитъ объясненіе причинъ, по которымъ барометръ опускается передъ наступленіемъ бури. Редфилдъ приписываетъ это центробѣжной силѣ огромной массы воздуха, которая, придя въ движеніе, образуетъ бурю. Центробѣжное сіе дѣйствіе должно гнать слои воздуха, подверженные егò вліянію, и около центра вращенія вихря вытѣснять и разрывать эти слои, и чрезъ то уменьшать давленіе атмосферическаго столба на ртуть барометра. Редфилдъ думаетъ также, что каковъ бы ни былъ предѣлъ высоты массы воздуха, приведенной въ движеніе, отъ вытѣсненія онаго должны опуститься верхніе, болѣе холодные слои атмосферы и, придя въ соприкосновеніе съ влажными слоями, лежащими близъ поверхности земнаго шара, образовать постоянный слой облаковъ и потому обильные дожди или градъ, смотря по температурѣ этихъ нижнихъ слоевъ атмосферы.

Подъ всѣми широтами, барометръ опускается во всѣхъ точкахъ пространства, занимаемаго первою половиною урагана, исключая, быть-можетъ, сѣверный край: такимъ образомъ этотъ инструментъ даетъ первый и скорый признакъ приближенія бури. Во время прохожденія второй половины урагана, барометръ снова поднимается. Наибольшее пониженіе барометра замѣчается подъ *центральною чертою* пространства, пробѣгаемаго ураганомъ; при наступленіи второй половины урагана, ртуть начинаетъ подниматься, и чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, вѣтеръ *внезапно перемѣняется* и начинаетъ дуть въ направленіи почти-совершенно-противоположномъ прежнему.

Касательно происхожденія урагановъ, г. Редфилдъ полагаетъ, что они образуются кружащимися частями, оторванными отъ пассатныхъ вѣтровъ, съ сѣверной стороны ихъ, островами, встрѣчающимися имъ на пути и препятствующими прямому движенію, или встрѣкою ихъ съ сѣвернымъ вѣтромъ, или съ отливомъ воздуха отъ береговъ Америки, или, наконецъ, обѣими причинами вмѣстѣ.

Перемѣны погоды и вѣтра, неподходящія подъ изложен-

ные здѣсь законы, случаются въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ чаще, нежели въ другіе мѣсяцы.

Восточные или южные вѣтры, при которыхъ барометръ повышается или остается неподвижнымъ, не принадлежать ни къ ураганамъ, ни къ грозовымъ вѣтрамъ. Однако часто случается, что, по прекращеніи такого вѣтра, барометръ упадаетъ и замѣчаются многія явленія восточнаго урагана.

Наконецъ, г. Редфильдъ говоритъ, что во всѣхъ большихъ бассейнахъ океана, вихри, отрываемые отъ пассатныхъ вѣтровъ, однообразны, в то что *съ южными полумаріи*, вѣроятно, эти вихри слѣдуютъ направленію, противоположному тому, по которому они движутся въ *северномъ*, производя соответственное различіе въ общихъ явленіяхъ грозъ и вѣтровъ.

Отъ изслѣдованій американскаго излюбителя перейдемъ теперь къ изысканіямъ англійскаго полковника Реда (Reid). Имъ порученіе перестроить въ Барбадосѣ принадлежащія правительству корабли, разрушенные въ 1851 году ураганомъ, при которомъ, въ теченіе 7 часовъ, 1477 человекъ лишились жизни, онъ предложилъ себѣ вопросъ: какіе могли быть причиною и образъ дѣйствія этихъ жестокихъ бурь? Собирая всюду описанія и рассказы о предшествовавшихъ грозахъ, онъ по-счастію нашелъ записки, о которыхъ мы говорили. Убѣжденный въ справедливости идей г. Редфильда, онъ рѣшился самъ ихъ повѣрить, и для этого занялся составленіемъ картъ по большому масштабу, съ означеніемъ на нихъ различныхъ направленій вѣтровъ въ точкахъ, показанныхъ г. Редфильдомъ. Чѣмъ болѣе тщанія прилагалъ онъ къ своей работѣ, тѣмъ болѣе ураганы походили на переносные вихри. Не довольствуясь этими выводами, онъ досталъ въ адмиралтействѣ журналы англійскихъ кораблей, плававшихъ въ области урагановъ, и присоединилъ къ тому наблюденія, собранныя имъ на твердой землѣ. Сблизивъ такимъ образомъ разнообразныя явленія въ различныхъ грозахъ, онъ получилъ возможность доказать съ очевидностью, что ураганы имѣютъ движенія *кругообразнаго* и *переноснаго*, что разрушительная ихъ сила происходитъ отъ вращательнаго движенія, и подтвердить остроумную догадку американскаго ученаго, что въ южныхъ

полушаріи ураганы слѣдуютъ обратному направленію въ-сравненія съ сѣвернымъ, т. е. *съ-лѣва на-право*.

Чтобы дать читателямъ понятіе объ ураганахъ Западной Индіи, приводимъ здѣсь описанія двухъ замѣчательнѣйшихъ.

Въ 1831 году, 18 августа, послѣ полудня, ураганъ начался въ Барбадосѣ порывами вѣтра и ливнями дождя, смѣяемыми сначала глубокою тишиною. Около 4 часовъ, по всему острову распространился ужаснѣйшій мракъ, и только около зенита видѣлся кругъ тусклаго свѣта, подиравшій уголъ въ 35° или 40°. Послѣ полупочи, мильоны молній пересѣкали небо во всѣхъ точкахъ, по всѣмъ направленіямъ; съ С. и С.-В. дулъ сильный вѣтеръ. Въ часъ утра, вѣтеръ усилился, и, перемѣясь внезапно, принялъ направленіе съ С.-З. Съ этой минуты верхніе слои атмосферы были непрерывно освѣщаемы блескомъ молній, почти-непрекращавшихся. Въ 2 часа оглушительный шумъ бури былъ невыразимъ. Въ 3 часа вѣтеръ утихалъ по временамъ, но за этими минутами тишины слѣдовали шквалы съ юго - запада, востока и запада - юго - запада, еще сильнѣе прежнихъ.

Молнія только однажды прекратилась на нѣсколько мгновеній, и въ эту минуту городъ былъ погруженъ въ самый страшный мракъ. Тогда видно было множество огненныхъ метеоровъ, падавшихъ съ неба; особенно одинъ изъ нихъ замѣченъ былъ авторомъ этого разсказа: въ видѣ пламенеющаго, краснаго шара онъ спускался отвѣсно съ неизмѣримой высоты. Очевидно было, что онъ падалъ отъ собственнаго вѣса, не бывъ брошенъ никакою постороннею силою. Приближаясь къ землѣ, онъ принялъ ослѣпительную близину и продолговатую форму; упавъ же на землю, рассыпался, сверкая подобно раскаленному металлу, и тотчасъ погасъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія этого метеора, страшный шумъ вѣтра обратился въ отдаленный вой, и въ продолженіи около полуминуты ослѣпительныя струи пламени вылетали изъ земли и облаковъ, опустившихся по-видимому до самыхъ крышъ зданій, соединялись въ воздухъ и чертили въ немъ страшныя огненныя полосы. Потомъ буря возобновилась съ невыразимою силой. Вой вѣтра, шумъ океана, котораго волны грозилась потребить все, что пощадилъ

другія стихіи, трескъ черепицы, падавшей и ломавшейся, паденіе домовъ и стѣнъ, тысячи различныхъ звуковъ заглушавъ громовые удары. Какъ описать чувствованія страха, при которыхъ человекъ терялъ всѣ способности? Какъ объяснить ихъ тѣмъ, которые никогда не были свидѣтелями подобныхъ ужасовъ?

Послѣ 5 часовъ, когда ураганъ утихъ на нѣсколько минутъ, весьма-ясно слышанъ былъ стукъ отъ паденія черепицъ и обломковъ зданій, поднятыхъ на значительную высоту послѣднимъ вихремъ. Съ разсвѣтомъ, авторъ разсказа (напечатаннаго въ Бриджтоунѣ на другой день этого событія) отправился на набережную. Дождь билъ въ лицо съ раздрающею силою. Невозможно описать зрѣлища, ему представлявшагося. Исполнскія волны, несаясь на отлогій, песчаный берегъ, казалось, не могли найти себѣ преграды; но онѣ разбивались о вервь, покрывавъ ее обломками разнаго рода. На поверхности океана послышались грудкою доски, обломки дерева, боченки, связки сѣна и другіе легкіе предметы. Два корабля стояли въ гавани; всѣ прочіе были опрокинуты вѣтромъ на мели.

Съ вершины соборной колокольни, взоръ встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ однѣ только развалины. Всѣ окрестности были опустошены. Не видно было ни слѣда растительности, кромѣ небольшихъ клочковъ изсушеннаго дерна. Можно было подумать, что сильный пожаръ истребилъ всѣ произведенія земли. Нѣкоторыя деревья еще стояли, лишеныя вѣтвей и листьевъ, и многочисленные сельскіе домики, окружавшіе Бриджтоунъ, скрывавшіеся когда-то въ густыхъ рощахъ, были теперь обнажены и большею-частью разрушены.

Изъ Барбадоса ураганъ перенесся въ Сен-Венсентъ. При его приближеніи, г. Симонсъ замѣтилъ на сѣверѣ отъ того мѣста, гдѣ находимся, тучу такого вида, что во все время сороколтѣяго пребыванія своего подъ тропиками, онъ не видалъ ничего болѣе-ужасающаго: двѣ тучи были зелено-оливковый. Симонсъ поспѣшилъ возвратиться домой и благоразумными предосторожностями сналъ жилище свое отъ разрушенія, постигшаго частію дома его сосѣдей. Вода въ Кингс-тоунскомъ-Заливѣ поднялась на такую высоту, что зашла

улицы; различныя строенія крѣпости Шарлотты были опрокинуты вѣтромъ, съ другихъ сорваны крыши. Но всегѣ замѣчательнѣе дѣйствіе урагана на обширный лѣсъ, покрывавшій пол-острова. На сѣверной сторонѣ этого лѣса деревья были *убиты, не быв опрокинуты*. Полковникъ Редъ часто разсматривалъ ихъ въ 1832 году, и они казались ему *убитыми* не вѣтромъ, но необычайною массою электричества, приведенною въ движеніе во время бури. На Барбадосѣ, въ ту минуту, когда ураганъ свирѣпствовалъ съ наибольшою силою, два Негра едва не умерли отъ страха, видя, что изъ одного изъ нихъ вылетали электрическія искры. Это явленіе происходило въ саду Кодрингтонскаго Училища. Хижина Негровъ была опрокинута, и они, опираясь другъ на друга, старались во иракѣ достигнуть до главнаго зданія. — Наконецъ остается намъ упомянуть о фактѣ, неменѣе-того необыкновенномъ. Морскія волны безпрестанно разбивались о скалу въ 70 футовъ высокою, стоящую на сѣверномъ берегу, и цѣла ихъ увосилась вѣтромъ далеко внутрь острова, такъ-что на разстояніи многихъ миль падалъ дождь соленой воды. Рыбы, жившія въ прѣсной водѣ прудовъ майора Ликокъ (Leacock), все погибли, а въ Брайт-Галлѣ (Bright-Hall), лежащемъ въ 2 миляхъ отъ берега, вода въ прудахъ получила соленый вкусъ и сохраняла его въ-продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ бури.

Въ 1780 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, случились два изъ самыхъ сильныхъ урагановъ, какіе когда-либо опустошали землю. Второй изъ нихъ начался 18 числа на Ю.-В. отъ Барбадоса, и двигался по параболическому пути, при чемъ круговращающаяся масса болѣе и болѣе распространялась; впрочемъ, этотъ ураганъ не достигъ до Америки, но повернулся на сѣверъ ранѣе, нежели другіе ураганы, такъ-что вершина пути его лежала подъ 23° сѣв. широты. Жители Барбадоса покинули жилища свои и искали убѣжища въ открытыхъ поляхъ, подвергаясь вѣтру, дождю и грому. Корабль разбился на берегу объ одно изъ зданій морскаго госпиталя; вѣтеръ уносилъ людей и животныхъ; все деревья были вырваны съ корнемъ; 3000 человекъ лишились жизни. При островѣ св. Евстація семь кораблей, разбились объ утесы,

погибли съ кипящемъ; подъ развалинами опрокинутыхъ домовъ найдено болѣе 6000 жертвъ. Въ Мартиникѣ четыре корабля потонули въ заливѣ Пор-Руайаль; невозможно было спасти ни одного человека. На Островѣ св. Христофора не уцѣлѣлъ ни одинъ домъ отъ разрушенія, и подъ развалинами госпиталя Богоматери погребено было около 1600 чело-вѣкъ большихъ или раменныхъ. Г. Куннингамъ, губернаторъ Барбадоса, съ семействомъ своимъ находился въ ужасномъ положеніи. Не смотря на то, что стѣны дома его были болѣе 3 футовъ толщины, что всѣ двери и окна были крѣпко заколочены, буря выломала окна и двери, сорвала часть крыши, опрокинула стѣны. Тогда губернаторъ и семейство его удалились въ подвалъ; но какъ сей послѣдній наполнился водою и разными обломками, то они принуждены были оставить его и искать убѣжища между развалинами зданія штаба; наконецъ, когда и здѣсь сдѣлалось имъ небезопасно, они скрылись между колесами пушечныхъ лафетовъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что шевелилъ пушки, и не-разъ губернаторъ и дѣти его опасались, что онѣ будутъ сорваны и опрокинуты на нихъ. По мнѣнію сэра Джорджъ Родней, одно землетрясе-ніе могло поколебать основанія зданій самыхъ прочныхъ, и только сильный вѣтеръ препятствовалъ несчастнымъ жите-лямъ чувствовать колебаніе земли, которымъ, во всей вѣро-ятности, сопровождалась буря.

Въ сочиненіи своемъ, г. Редъ разбираетъ 10 замѣчатель-нѣйшихъ урагановъ, случившихся съ 1780 по 1837 годъ въ сѣ-верномъ полушаріи. Карты, составленныя имъ, подтверждаютъ мнѣніе г. Редональда относительно формы кривыхъ, описываемыхъ переноснымъ движеніемъ урагана и положенія вершинъ ихъ. Между ними замѣчательнѣе ураганъ, случившійся въ 1837 году, 31 іюля и 1 августа, около $17^{\circ} 19'$, с. ш. и $52^{\circ} 10'$ з. д. по гринвичскому меридіану; онъ на-пелъ много вреда бригантинѣ *Юдиовъ* и *Эсваръ*, едва спасшейся отъ гибели, и направился оттуда на Антигоа, Невисъ, Островъ св. Христофора, Санта-Круцъ, св. Томы и Порто Рико, гдѣ 2 августа погибли 33 корабля. Перенесаясь оттуда чрезъ Порто-Плата (на Сен-Доминго) въ городъ Джакоонъ, во Флоридѣ, онъ опрокинулъ строенія, принадлежавшія пра-вительству. Въ тотъ же день, 6 августа, онъ достигъ до на-

раллели 30° , откуда, следуя общему закону, долженъ бы направиться на С. и на В.; но, будучи отклоненъ на пути какою-то особенною причиною, онъ проникнулъ на С.-З. во внутренность Флориды, и 8 числа опустошилъ Пензаколу. Итакъ путь, описанный имъ, не походилъ на параболу.

Причину этого страннаго отклоненія Редъ объясняетъ тѣмъ, что рассматриваемый ураганъ, по всей вѣроятности, недалеко отъ губы Чизепикъ (Chesapeake), встрѣтился съ другимъ ураганомъ, проходившимъ утромъ 26 июля чрезъ островъ Барбадось, и 6 августа приближавшимся къ мысу Геттерасъ (Hatteras). Легко понять, что, при встрѣчѣ двухъ *вихрей*, вѣтеръ одного изъ нихъ долженъ былъ перемѣниться. Быть-можетъ, такимъ-образомъ можно будетъ найти объясненіе перемѣнныхъ вѣтровъ.

Далѣе, г. Редъ рассматриваетъ 13 буръ и урагановъ на южномъ полушаріи, случившихся съ 1807 по 1837 годъ включительно. Онъ доказываетъ, что и южные ураганы имѣютъ движеніе вращательное и переносное, и что вращеніе ихъ производится *съ-лева на-право*. Сверхъ-того онъ собралъ множество барометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ весьма тщательно; правильность, съ какою барометръ опускается въ продолженіе первой половины урагана и поднимается въ-теченіе второй, такъ велика, что г. Редъ почитаетъ одно это явленіе уже достаточнымъ доказательствомъ круговращательнаго движенія грозъ.

Весьма замѣчательно, что почти всѣ предъидущіе 13 урагановъ имѣли мѣсто по близости острова Мавриція и Мадагаскара. Итикъ это нѣкоторымъ-образомъ подтверждаетъ общее мнѣніе моряковъ, что чаще всего избѣгаютъ урагановъ тѣ корабли, которые идутъ на В. отъ острова Мавриція. Не смотря на нѣкоторыя исключенія изъ сего правила, островъ Мавриція можетъ похвастаться *фокусомъ* урагановъ южнаго полушарія, подобно тому, какъ атлантическіе берега Сѣверной-Америки суть *фокусы* буръ сѣвернаго полушарія.

Самыя страшныя бури, сохранившіяся въ памяти людей, получали начало и производили опустошенія въ этихъ двухъ полясахъ; и хотя мы не можемъ найти теперь ни одного факта, который, относясь къ распредѣленію земной теплоты, электричества или магнетизма, заставлялъ бы насъ почитать эти

мѣста какъ-бы *истощенными* грозь,—однакоже нѣтъ сомнѣнiя, что удастся намъ составить какую-нибудь догадку по этому предмету, когда будемъ имѣть лучшiя свѣдѣнiя о внутреннемъ состоянiи земли, когда съ помощью данностей болѣе полныхъ, научимъ связь, по-видимому существующую между возмущенiями атмосферы, землетрясенiями и волками.

Перейдя къ теорiямъ на Китайскомъ-Морѣ, къ индiйскимъ и, въ-особенности, къ бентальскимъ ураганамъ, полковникъ Редъ говоритъ, что, хотя собранныя имъ подробности недовольно многочисленны и полны, однакоже они доказываютъ, что эти ураганы слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какъ и предъидущiя бури сѣвернаго полушарiя.

Подобныя открытiя важны не для одной науки, но для всего человечества. Гг. Редфилдъ и Редъ старались извлечь изъ нихъ практическiя правила, руководствуясь которыми, моряки могли бы уклоняться отъ ужасныхъ дѣйствiй бури. Безъ-сомнѣнiя, по мѣрѣ того, какъ познаниа наши о законахъ, управляющихъ грозамъ, будутъ становиться положительнѣе и полнѣе, правила сiя усовершенствуются и разовьются; но подать челоуку даже и слабую надежду избѣгать самыхъ страшныхъ и неминуемыхъ опасностей есть уже большой шагъ для науки.

Отдавая полную справедливость двумъ столь знаменитымъ наблюдателямъ, которыхъ теорiя достойна имѣть послѣдователей и защитниковъ, нельзя, однакоже, думать, что вопросъ, столь важный, разрѣшенъ совершенно, тѣмъ болѣе, что предложена вторая теорiя другимъ американскимъ ученымъ, и, если она не замѣнитъ первую, то, по-крайней-мѣрѣ, побудитъ приверженцевъ обоихъ мнѣнiй приняться за новыя изслѣдованiя, во всякомъ случаѣ полезныя для науки. По мнѣнiю г. Эспи (Espey), во всѣхъ ураганахъ вѣтеръ дуетъ къ одной и той же центральной точкѣ. Профессоръ Бечъ (Bache), въ Филадельфiи, раздѣляетъ это мнѣнiе, ибо, рассматривая дѣйствiя бури, опустошившей въ июнѣ 1835 года Нью-Джервей, онъ нашелъ, что всѣ предметы, опрокинутые вѣтромъ, обращены были къ одному и тому же центру.

При всей точности этихъ наблюденiй, сомнительно, однакоже, чтобы они могли опровергнуть выводы гг. Редфилда и Реда, относительно урагановъ атлантическихъ; и если

г. Элли не доказываетъ, что и въ этихъ ураганахъ теорія его объясняетъ всь замеченныя явленія, то должно будетъ заключать, что она можетъ быть приложена только къ простымъ атмосферическимъ безморидкамъ. Показанія барометра, столь согласныя съ теорією кругообращенія, прямо противоречатъ новымъ идеямъ г. Элли, между-тѣмъ, какъ г. Редвильдъ утверждаетъ, что онъ не могъ найти ни одного факта, противнаго его предположенію.

Кто слышетъ,
Какъ пышетъ
Вся горемъ грудь отравлена;
Сердце здѣсь чего бонится,
Что дрожить, къ чему стремится—
Знаешь ты, лишь ты одна!

Вездѣ куда ни йду я —
Тоску, тоску, тоску я
Несу всегда съ собой;
Одна ли время трачу,
Я плачу, плачу, плачу;
Весь духъ истерзанъ мой!

Цвѣты передъ окошкомъ
Слезами улила,
Когда, поутру рано,
Я ихъ тебѣ рвала;
Какъ солнце, подымался,
Блеснуло мнѣ въ окно,
Сидѣла ужъ, терзалась,
Въ постель я давно...
Спаси меня: смерть и позоръ грозить!

Ахъ склоня,
Многоскорбища,
Къ моей печали милостивый взглядъ!

В. АКСАКОВЪ.

ЖЕРТВА ТАИНСТВЕННОЙ СУДЬБЫ.

(Повѣсть, соч. Теодора Гука).

При посѣщеніи разныхъ городовъ и селъ, разсѣянныхъ по лицу земли, особенно въ странахъ образованныхъ, рѣдко случается путешественнику не встрѣтить какое-нибудь семейство, облеченное заманчивою таинственностію и отличающееся рѣзкими особенностями въ характерахъ, его составляющихъ, или образѣ жизни. На разные вопросы и распросы, сосѣдніе жители обыкновенно отвѣчаютъ вамъ: «странные люди эти господа; Богъ ихъ знаетъ!» или другими, столь же удовлетворительными восклицаніями. Ипогда, правда, какой-нибудь мудрецъ изъ околodka разрѣшитъ всѣ ваши сомнѣнія, утверждая, съ важнымъ видомъ, что «они помѣшаны» и что онъ имѣетъ на это неоспоримыя доказательства.

Лѣтъ пятьдесятъ тому-назадъ — какъ повѣствуетъ исторія — одна изъ такихъ таинственныхъ и загадочныхъ фамилій жила въ городѣ, прославленномъ именемъ Лауры и ея любовника; глава этого семейства былъ извѣстенъ подъ именемъ маркиза де-Круэнтасъ. Имя его, разсматриваемое въ этимологическомъ отношеніи, столь же мало предубѣждало сосѣдей въ его

обыкновенію, онъ възвѣвалъ на лицо свое улыбку, и обращался къ Тибурсію, сказалъ съ веселымъ видомъ:

—«Я думаю, тебѣ не непріятно будетъ слышать, что, при наступающемъ холодномъ времени, мы должны будемъ по-неволѣ много пить; мнѣ сей-часъ только сказали, что прошлагодній вина не выдержатъ нынѣшней зимы.»

—«Г-мъ! сказалъ Ростѣнъ, взглянувъ изъ подлѣбья на Тибурсію: есть много вещей, кромѣ вина, которыми не выдержатъ этой зимы.

Голосъ и видъ, съ какими произнесены были эти слова, проникли глубоко въ сердце бѣдной Эллиони; но вскорѣ ей суждено было выдержать несравненно-жесточайшую пытку. Ужинъ былъ поданъ; она, отецъ ея и оба юноши сѣли за столъ; но Ростѣнъ не принимался за кушанье: онъ оттолкнулъ отъ себя приборъ. Маркизь также ничего не ѣлъ. О томъ, что увидѣла Эллиони, быстрымъ и безпокойнымъ взоромъ окинувъ весь столъ, бесполезно было бы говорить: довольно того, что каждую минуту, пока продолжался ужинъ, она считала часомъ, что она со всею женскою хитростію не давала Тибурсію отвѣдывать ни куска изъ поставленныхъ передъ нимъ блюдъ, и что, когда, наконецъ, вышли изъ столовой, она была уже вполне убѣждена что ни одно изъ происшествій, о которыхъ ей предъ тѣмъ только Тибурсіей рассказывалъ въ саду, не было случайнымъ, и что домъ отца ея не былъ для него безопаснымъ жилищемъ.

Послѣ ужина всѣ разошлись. Ростѣнъ, прощаясь съ своимъ названнымъ братомъ, обошелся съ нимъ очень вѣжливо, и покуда Тибурсіей проходилъ по корридору въ свою комнату, глаза Эллиони провожали друга ея дѣтства до самой двери; что-то необыкновенное происходило въ ея сердцѣ; что она-чувство-

вала въ эту минуту — невыразимо; но какимъ образомъ родилось въ ней это чувство, мы скоро увидимъ.

Тибурсій не зналъ ничего объ опасности, которая была подготовлена ему во время ужина, но которой онъ счастливо избѣгнулъ, благодаря бдительной дѣятельности Эллиони. Въ кушань, которыми подчивалъ его Ростѣнъ съ самымъ дружелюбнымъ видомъ, ломанья иголки были замѣшаны въ соусъ; по всей вѣроятности, неминуемая смерть послѣдовала бы тотчасъ же послѣ этого угощенія. Ростѣнъ не былъ слѣпъ: онъ замѣтилъ заботливость и дѣятельность сестры при этомъ случаѣ, и онъ еще болѣе усилили въ немъ ненависть, ревность и жажду мести — явные признаки помѣшательства его разсудка.

Когда Тибурсій вошелъ къ себѣ, въ свою мрачную, уединенную комнату, слабо-освѣщенную одною свѣчою, онъ не могъ освободиться отъ какого-то невольнаго чувства, похожаго на страхъ: ему все чудились западни и коварные умыслы, грозившіе со всѣхъ сторонъ. Онъ отдернулъ занавѣсы постели, осмотрѣлъ даже за шкапомъ, стоявшимъ у стѣны, желая убѣдиться, что никакой тайный врагъ, ни живой, ни искусственный, не скрывается за нимъ. Онъ почти устыдился своихъ предосторожностей, и, раздѣвшись, бросился на постель, рѣшившись прогнать отъ себя всѣ недостойныя подозрѣнія, его тревожившія.

Онъ лежалъ, но, не смотря на всю свою рѣшимость, невольно сталъ прислушиваться къ неясному шуму, раздававшемуся вблизи его. Скоро, однако, сонъ закрылъ его глаза, онъ сталъ дремать, какъ вдругъ два легкіе удара въ дверь пробудили его. Онъ вскочилъ и узналъ старую няню Эллиони. Она вложила въ его

руку записку, которую написала ей молодая барышня карандашомъ и, поклонившись, вышла вонъ.

Записка была довольно-пространна. Эллиони явно убѣдилась въ его опасности. Какъ истинная женщина, она отбросила отъ себя всякое своекорыстное чувство и видѣла, что спасеніе его зависитъ отъ ихъ разлуки. Записка оканчивалась этими словами:

«Прощай, — прежде, чѣмъ солнце взойдетъ — прощай!»

Это нѣжное, трогательное участіе къ его судьбѣ съ прежнею силою пробудило въ немъ сознаніе его опаснаго положенія; но онъ радовался, видя, что она соглашается въ справедливости того, о чемъ онъ говорилъ ей въ прошедшей вечеръ.

Пока эти мысли смѣнялись одна другою въ умѣ Тибурсія, Эллиони сидѣла у окна въ своей комнатѣ, смотря безъ цѣли на ясное небо, на блестящія звѣзды, по временамъ скрываемыя отъ взоровъ ея несущимися мимо облаками; мысль ея остановилась на братѣ ея, Ростѣвѣ, остановилась на немъ противъ воли, противъ ея желанія. Она пыталась, но напрасно, отогнать этотъ докучливый образъ, потому-что наединѣ, по-крайней-мѣрѣ съ самой-собою, она давала волю чистой и горячей любви своей къ Тибурсію, между которымъ и ею столь насильственнымъ, столь кровавымъ образомъ втерся безпокойный и гордый братъ ея.

Почти-невозможно описать характеръ этого бывшаго юноши, закоснѣвшаго въ привычкахъ систематическаго распутства. Въ пылу своихъ неукротимыхъ чувствъ, онъ часто доходилъ до крайняго изступленія, которое казалось въ немъ врожденнымъ съ самаго дѣтства. Безъ всякихъ правилъ, онъ былъ распутенъ и безстыденъ; а когда задѣвали за его чувствитель-

ную струпу, ничто не-въ-силахъ было удержатъ его порывы: стоило только раздражить его, и разумокъ и состраданіе теряли надъ нимъ свою власть. Его телесная сила; къ-несчастію, давала ему возможность приводить въ исполненіе самыя дерзкія предпріятія; а успѣхи его, какъ дуэлиста, сдѣлали его главою общества, имъ избраннаго и составленнаго изъ людей, вообще избѣгаемыхъ прочими. Не имѣя сами по себѣ никакого состоянія, они собирались вокругъ своего предводителя, принося ему въ дань, въ отплату за его обѣды и ужины, свою трактирную дружбу, которой отличительнымъ характеромъ было рабское угожденіе его прихотямъ, и, не смотря на неловкость, съ какою они старались выказывать ее, она въ высшей степени льстила самолюбію человѣка, который не могъ терпѣть соперниковъ, въ чемъ бы то ни было.

Но въ этомъ, и безъ-того уже необыкновенномъ характерѣ, не было, можетъ-быть, ни одной черты, необыкновеннѣе его фанатической, странной и непонятной привязанности къ сестрѣ его, Эллиони. Онъ былъ вѣчно недоволенъ, если не могъ выказать надъ нею всю власть свою. Онъ стерегъ ее, какъ вѣрная собака, и какъ собака готовъ былъ броситься на каждого, кто подходилъ къ ней: ревность его не знала границъ, а между-тѣмъ онъ ничѣмъ не доказывалъ ей своей любви. Наединѣ съ нею онъ рѣдко говорилъ, а если и заговаривалъ, то для-того только, чтобъ найти въ ней какой-нибудь недостатокъ. Никто не видалъ, чтобъ онъ когда-либо поцаловалъ ее нѣжнымъ, братскимъ поцалуемъ; скорѣе можно бы сказать, что иногда онъ готовъ былъ бить ее. Онъ чувствовалъ въ себѣ такое же безпокойство въ ея присутствіи, какое овладѣваетъ тигромъ при видѣ огня, и хотя Эллиони любила его всею любовью сестры, однакожь она

чувствовала, что никогда не осмѣлилась бы говорить съ нимъ какъ съ братомъ. Въ тѣ минуты, которыя она проводила съ нимъ вмѣстѣ, сердце ея наполнялось болѣзною и тревожнымъ ожиданіемъ чего-то, особенно, если это случалось въ-присутствіи Тибурсіа.

И въ какомъ жалкомъ положеніи находилась бѣдная Эллиони! Если она и не была еще заражена тою болѣзною ума, которая, по всѣмъ догадкамъ, казалась наследственною въ ихъ семействѣ, тѣмъ не-менѣе она не была приготовлена для свѣта: ей были чужды и свѣтскій образъ жизни, и свѣтскія приличія. У нея не было матери, которая бы дала направленіе юному уму ея; не было подруги, съ которою она могла бы слиться сердцемъ. Ея правила и сужденія образовались и развились подъ ея собственнымъ присмотромъ, при нѣкоторой помощи со стороны ея духовника и няни, которая доживала уже шестьдесятъ-третій годъ и была единственною женщиною, составлявшею ея обыкновенное общество. Слѣдствіемъ всего было то, что эти правила и сужденія были подобны цвѣткамъ безъ корня, посаженнымъ въ песокъ: не имѣя никакого понятія объ опасностяхъ и обманахъ, которымъ подвержены неопытныя лѣта первой юности, когда страсти только начинаютъ еще разыгрываться, она давала полную свободу своимъ чувствамъ, и, не колеблясь ни минуты, отдала свое сердце Тибурсію. Она оправдывала выборъ свой тѣмъ уваженіемъ и тою любовью, которую такъ постоянно оказывалъ ему отецъ ея. Да притомъ, ничто не могло быть естественнѣе этой склонности: они росли и воспитывались вмѣстѣ съ-дѣтства. Онъ былъ сирота, она почти то же; не имѣя ни родственниковъ, ни друзей, они чувствовали, что составляли весь міръ другъ для друга, и Эллиони, какъ

мы уже сказали, не имѣла причинѣ скрывать свои ощущенія.

Погруженная въ размышленія о судьбѣ того, кого она любила, и о причинѣ ненависти, которую безотчетно питала къ нему Ростѣнъ, придумывая даже, какими бы средствами смягчить своего брата и отворотить его отъ того безнравственнаго и грубаго образа жизни, какой онъ велъ дотолѣ, Эллиони внезапно поражена была громкимъ и пронзительнымъ крикомъ «пожаръ! пожаръ», раздававшимся по всему дому. Крикъ этотъ выходилъ изъ нижняго этажа, гдѣ была спальня Тибурсія, и чрезъ нѣсколько минутъ густые клубы дыма повалили изъ оконъ.

Крики снова пронеслись по всему дому, и прежде, чѣмъ сердце Эллиони успѣло ударить трижды въ груди ея, дверь ея комнаты распахнулась настежь, и передъ нею явился Ростѣнъ.

«Что? что случилось? ради Бога, что случилось?» спрашивала Эллиони.

— Маленькая суматоха — вотъ и все, сказалъ ей братъ голосомъ грубаго равнодушія.

«Какая суматоха?» вскричала Эллиони. Въ ту же минуту мысль объ опасности, которой, можетъ-быть, подвергался Тибурсій, быстро мелькнула въ умѣ ея, и она прибавила почти въ безпамятствѣ:

«Гдѣ Тибурсій? гдѣ онъ?»

— Я ужъ говорилъ тебѣ, сказалъ Ростѣнъ: что это небольшая суматоха, пустой шумъ.

«Ростѣнъ!» сказала Эллиони: «спокойствіе твоего голоса не согласуется съ твоимъ встревоженнымъ, смущеннымъ видомъ: что-нибудь ужасное совершилось, какая-нибудь жертва принесена...»

— Жертва! сказалъ Ростѣнъ, смѣясь страшнымъ хохотомъ: не плачь, это только человѣкъ...

«Гдѣ онъ! — что ты съ нимъ сдѣлала?» кричала дѣвушка, выходя изъ себя.

— Послушай, Эллиони, Тибурсій мнѣ не братъ.

«Говори же» кричала она: «гдѣ горитъ?»

— Отецъ твой спасенъ; пойдемъ, дай мнѣ спасти тебя, тебя одну; я отнесу тебя въ безопасное мѣсто.

Эллиони бросилась къ двери.

«Спасай твоего брата!» кричала она.

— Потолокъ его комнаты обрушился на него, сказалъ Ростанъ съ торжествующимъ видомъ: но онъ — же былъ моимъ братомъ.

«Убийство! убійство!» вскричала Эллиони; но Ростанъ бросился между ею и дверью, и заслонилъ ей выходъ.

— Не уже ли пожаръ причиною твоего безпокойства? сказалъ онъ; меня тамъ нѣтъ — я здѣсь, живъ и здоровъ, подѣв тебя, туда не-за-чѣмъ тебѣ идти.

«Но онъ!.. онъ — о, Ростанъ! пусти меня, не удерживай меня — каждая минута замедленія — ахъ, Ростанъ! — Она сдѣлала усилие, чтобы освободиться отъ брата, но онъ схватилъ ее за руки; она судорожно боролась съ нимъ и почти въ изступленіи вскричала: «пусти меня, тигръ!»

Ростанъ протеръ дверь и грубо оттолкнулъ отъ себя сестру.

— Но-видному, ты очень боишься пожара, сказалъ онъ. Я говорю тебѣ, что я твой братъ, твой другъ — и я же еще тигръ! Тигръ получилъ четыре раны за тебя, Эллиони, и готовъ получить ихъ еще несчетное множество, если кто-нибудь недостойный тебя осмѣлится подойти къ тебѣ. Тибурсій одинъ изъ нихъ.

«Я спасу его, хотя бы должно было самой погибнуть!» воскликнула Эллиони.

— Стало-быть, ты любишь его? вскричалъ Ростѣнъ.

«Столько же, сколько ненавижу тебя» отвѣчала сестра его, не-въ-силахъ будучи далѣе владѣть собою.

— Такъ слушай же, безумная.

Въ эту минуту голосъ челоѵвка, изнемогающаго отъ боли и мукъ, раздавался посреди шума и треска отъ сокрушающихся балокъ, объятыхъ пламенемъ. Эллиони узнала его, стала прислушиваться — тысячи различныхъ чувствъ волновали ея грудь — то былъ голосъ Тибурсіа; челоѵчскій образъ мелькнулъ предъ глазами, окруженный густыми облаками дыма, и прежде, чѣмъ она успѣла увѣриться въ истинъ, Тибурсій былъ уже въ ея объятіяхъ. Изумленіе, нечаянность превозмогли ея силы: она задрожала всѣмъ тѣломъ, и, пока Тибурсій поддерживалъ ее, она прошептала ему на ухо: «Я этого не переживу; если намъ должно разлучиться, да благословить тебя небо!»

Тибурсій положилъ ослабѣвшую Эллиони на постель и бросился къ лѣстницѣ посмотрѣть, можно ли еще выйти этимъ путемъ. Едва-только оставилъ онъ комнату, гдѣ неожиданное появленіе его въ такую минуту привело въ оцѣпенніе Ростѣна, какъ изступленный зажигатель бросился за нимъ въ-слѣдъ; но тотъ уже ушелъ, избѣгнувъ его мести, теперь уже воспламенной до высшей степени. Однакожь безопасность его была ненадежна; Ростѣнъ сбѣжалъ за нимъ по лѣстницѣ; но, потерявъ его изъ вида, онъ воскликнулъ, будто произнося торжественную клятву: «Пусть онъ бѣжитъ куда хочетъ; я отыщу его хоть на краю свѣта и вырву у него жизнь!»

Эллиони слышала этотъ страшный обѣтъ, и бросилась съ постели къ дверямъ своей комнаты въ ту са-

мую минуту, какъ входилъ ея отецъ. По какому-то внутреннему чувству догадываясь о случившемся, онь упалъ на колѣни передъ дочерью и, обращаясь къ распятому, висѣвшему на стѣнѣ, съ чувствомъ глубокой горести произнесъ: «Небо да пощадить преступный родъ!—да будетъ воля твоя, Господи!»

Эти слова, совершенно-тайственные и непонятныя для Эллиона, болѣзненно отозвались въ душѣ ея, и она опустила безъ чувствъ на плечо своего отца.

II.

Безполезно было бы описывать здѣсь этотъ странный клочокъ земли, извѣстный подъ именемъ Камарга (le Camargue), который, находясь въ шести миляхъ отъ устьевъ Роны, ограничивается двумя протоками этой быстрой рѣки въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прѣсная вода сливается съ соленою. Это одно изъ самыхъ необыкновенныхъ мѣстъ на всей земной поверхности, рѣдко посѣщаемое кѣмъ-либо, кромѣ пастуховъ, которымъ случается пасти стада свои на его болотистыхъ лугахъ, или отважныхъ охотниковъ, привлекаемыхъ туда многочисленными стадами дикихъ утокъ.

На землѣ нѣтъ ничего-подобнаго этому Камаргу: одинъ только хаосъ, предшествовавшій мірозданью, можетъ дать о немъ приблизительное понятіе; на немъ и вокругъ его все въ безпорядкѣ; вода и земля смѣшаны вмѣстѣ; рыбы выбрасываютъ икру между подводныхъ тростниковъ; огромные змѣи выставляютъ свою чешую на солнце, или грѣются на прибрежныхъ камняхъ; тюлени купаются между балокъ вмѣстѣ съ водяными птицами. А между-тѣмъ во внутренности острова, привлекаемая теплотою воздуха, разнообразно-

зіемъ его цвѣтовъ и растеній, близостью его къ морю и почти-ненарушаемымъ удивленіемъ, птицы изъ всеразможныхъ широтъ, неизвѣстныя даже въ соседственныхъ земляхъ, летаютъ въ совершенной безопасности, не пугаясь ни пастуховъ, ни стада ихъ.

Но, не смотря на наружное богатство этого страннаго острова, не смотря на очарованіе, которое онъ на васъ наводитъ, и на любопытство, которое невольно подстрекаетъ, не возможно сохранить чувства наслажденія и самодовольствія, когда вы однажды ступите на его землю. Испаренія, поднимающіяся изъ его болотъ, эти цвѣты, растущія на грязи, эта прелестная зелень, предательски-скрывающая подъ собою топи и жидкій песокъ, эти потоки, непрерывно уносящіе землю изъ-подъ вашихъ ногъ, — все возбуждаетъ и поддерживаетъ въ васъ какое-то непріятное ощущеніе боязни, пока вы тамъ находитесь. Красота его покажется вамъ предательскою западнею, и вы оставите его съ такимъ же чувствомъ, съ каковымъ оставили бы землю, проклятую небомъ*.

Однажды вечеромъ, въ тотъ самый часъ, когда солнце садилось во всемъ своемъ великолѣпіи, бросая позднѣйшіе лучи на материкъ, лежащій къ сѣверу отъ Камарга, огромная хищная птица быстро поднялась съ земли; клѣвъ ея былъ весь въ крови; она испустила продолжительный и рѣзкій крикъ, изъясняя тѣмъ свое исудовольствіе и досаду: она не-хотѣя оставляла свою отвратительную трапезу на человѣческомъ трунѣ, распростертомъ на берегу, саженихъ въ трехъ отъ рѣки.

---

* Съ того времени, къ которому относится сіе повѣствованіе, этотъ островъ измѣнился до-невѣроятности. Теперь онъ хорошо населенъ, на немъ построено множество красивыхъ домовъ, почва удобрена и успѣшно обрабатывается.

Въ ту самую минуту, какъ она поднялась, въ воду между тростниковъ упалъ камень, нацѣленный въ нее молодымъ пастухомъ, который, пройдя еще нѣсколько шаговъ, сказалъ съ досадой: «должно быть мы прошли мимо знака: онъ остался позади насъ, а не-то я...»

Онъ не кончилъ своей рѣчи: слова остановились на языкѣ его при видѣ зрѣлища, которое раскрывалось предъ его глазами. Мертвое тѣло было у самыхъ ногъ его; подлѣ него лежалъ эфесъ сломанной шпаты; плащъ и полукафтанье, покрытыя грязью, и шляпа съ красными перьями.

Изумленный пастухъ остановился, изумленіе его еще-болѣе увеличилось, когда товарищъ его, лодочникъ, шедшій позади, воскликнулъ: «О, не ужь ли здѣсь?»

«Здѣсь, да» — возразилъ пастухъ. «Такъ объ этой-то рыбѣ говорилъ ты мнѣ, что не могъ одинъ привести ее домой? Не уже ли за этой ловлей ты, Фуранъ, вздвигалъ внизъ по рѣкѣ?»

— Ты ловко угадалъ, Пьерень, сказалъ лодочникъ.

«Если таковъ твой промыселъ, мой деверъ и кумъ» отвѣчалъ другой: «ты можешь отправляться на рынокъ безъ меня. Что ты такъ пристально на него смотришь?»

— Хочу узнать, если можно, сказалъ лодочникъ: мой это, или другой.

«Развѣ ихъ два?» спросилъ Пьерень.

— Должно быть;—слушай. Сегодня утромъ, часу въ четвертомъ, я работалъ на берегу въ Авиньонѣ; мнѣ надо было кое-что исправить на моей лодкѣ до-свѣта; вдругъ какой-то молодой баринъ кликнулъ меня, пошелъ въ мою лодку, и довольно-грубо, какъ мнѣ показалось, приказалъ мнѣ отваливать въ ту же мину»

ту. Я исполнилъ его приказаніе, и, когда мы выйдли изъ струи, я спросилъ у него куда ѣхать. «Къ устью рѣки» сказала молодой баринъ: «я щедро заплачу тебѣ.» — На это я отвѣчалъ, что, какъ ему должно быть извѣстно, мы не можемъ спускаться по рѣкѣ ниже Арлеса. «Такъ вези меня въ Арлесъ» былъ отвѣтъ.—Это далеко, баринъ, сказалъ я: весла мои тяжелы, я не въ-состояніи буду грести двѣнадцать часовъ съ-ряду.—«И буду смѣнять тебя, когда ты устанешь» возразилъ онъ: «кромѣ-того, теченье поможетъ намъ обонмѣ.» Никогда не случалось мнѣ вживать такого задумчиваго пассажира. Онъ сидѣлъ, опутивъ голову; иногда то закрывалъ лицо руками, то вдругъ подымалъ глаза къ вебу и смотрѣлъ на луну. Видя, что онъ такъ печаленъ, я принялся разсказывать ему о чемъ попало, желая разсвѣять его.

«А можетъ-быть» сказала пастухъ: «и вывѣдать его исторію?»

— Вывѣдать? отвѣчалъ Фуранъ. Нѣтъ, братъ, во мнѣ нѣтъ ни крошки любопытства; да притомъ же онъ хоть бы слово отвѣчалъ на все, что я ни говорилъ. Такимъ-образомъ, наконецъ, я заговорилъ о пожарѣ въ домѣ маркиза де-Круэнтасъ, и спросилъ у него, видѣлъ ли онъ этотъ пожаръ и не знаетъ ли, потушили его или нѣтъ, потому-что, видишь ты, я даже не полюбопытствовалъ сходить на пожаръ. Ну, вотъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ, онъ и сказалъ мнѣ — что бишь сказалъ онъ? да, онъ сказалъ: «да, пожаръ потушили и всѣхъ успѣли спасти».—Это было сказано обыкновеннымъ голосомъ; а потомъ, заноса весла, я услышалъ, какъ онъ пробормоталъ сквозь зубы, говоря самъ себѣ: «Лучше бы, если бъ меня тамъ не было». Этимъ и кончился нашъ разговоръ. Когда день сталъ склоняться къ вечеру, онъ устремилъ взоры на

убыгающія отъ насъ башни Авиньйона, и когда, наконецъ, онѣ совсѣмъ скрылись изъ вида, онѣ снова закрылъ лицо руками и заплакалъ. Увидѣвъ это, я думалъ угодить ему и разсвѣтъ его черныя мысли,—затянулъ свою любимую пѣсню, знаешь, о прощаньи трубадура съ милою. Должно быть, я очень угодилъ ему, потому-что не успѣлъ я пропѣть трехъ стиховъ, какъ онъ бросилъ мнѣ нѣсколько мелкихъ монетъ, прося меня не утруждать себя и не пѣть болѣе. Я сказалъ ему, что онѣ слишкомъ щедръ, и положилъ деньги въ карманъ.

«Ну, да!» сказалъ пастухъ: «все это очень-хорошо, господа должны всегда платить за свои причуды; только я не похваляю его вкуса, если ему не понравилось твое пѣніе. Однако, ты вѣдь не убилъ же его за это?»

—Его убить? возразилъ Фуранъ: этотъ мертвый человекъ, что тамъ лежитъ, должно быть, не онъ.

«Такъ кто же это?»

—Слушай. Часа за два до вечерень, только обогнули мы маленькіе островки Бокеръ, я примѣтилъ лодку далеко позади насъ; она гребла съ величайшей поспѣшностью. Зная, что Камаргъ, будучи внѣ папскихъ владѣній, любимѣе сходбище тѣхъ господчиковъ, которыхъ разбираетъ охота честнымъ манеромъ перерѣзать другъ другу горло, я спросилъ у моего пассажира, не ожидаетъ ли онъ кого-нибудь. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что онъ выйдетъ на берегъ въ Арлесъ и будетъ продолжать путь до Марсели, откуда намѣренъ отправиться на корабль въ дальнѣйшее странствіе. За нѣсколько времени до того, какъ другая лодка догнала насъ, пассажиръ этой лодки, также работавшій весломъ, пересталъ грести, и я узналъ хозяина ея, Бруно, хотя онъ сидѣлъ на противоположной сторо-

нѣ судна; но въ ту же минуту товарищъ его вдругъ засуетился, и въ одинъ мигъ, схвативъ снова весло, принялся грести изо всей силы, держа прямо на насъ. Когда они подошли уже довольно-близко, онъ забросилъ крюкъ на мою лодку и вскричалъ торжествующимъ голосомъ: «я догналъ его—теперь онъ мой!» Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; но мнѣ нельзя было разсуждать, потому что этотъ господинъ въ ту же минуту перескочилъ на мою лодку, едва не столкнувъ меня въ воду, и я тотъ же часъ узналъ въ немъ Ростѣна де-Круэнтасъ.

«Этого сумасшедшаго барина, у котораго есть еще сестра, и который дерется на трехъ дуэляхъ въ одну недѣлю?»

— Того самого.

«И это его тѣло?»

— Можетъ быть. Ну, воть, вскочивъ на мою лодку, онъ бросился къ корму. На это мой пассажиръ, посмотрѣвъ на него съ спокойствіемъ и твердостью, сказалъ: «Ростѣнъ, ты затѣялъ какое-нибудь страшное преступленіе. Тутъ они стали говорить; мой пассажиръ былъ разсудительнѣе и, по-видимому, правѣе; а Круэнтасъ — дѣйствительно сумасшедшій. «Свѣтъ тѣсень для насъ обоихъ» сказалъ онъ.—По-этому-то, отвѣчалъ другой: я и оставилъ внигъ домъ. Я знаю долгъ свой въ-отношеніи къ своему благодѣтелю; этому долгу я готовъ жертвовать всею, даже моимъ самолюбіемъ. — «Этого мало, сказалъ Круэнтасъ: «и хочу твоей крови.» — Ты можешь хотѣть, отвѣчалъ тотъ: но никакая власть не принудитъ меня обнажить противъ сына шпагу, полученную мною отъ его отца.—«Трусъ!» сказалъ Круэнтасъ. Кровь бросилась въ голову моего пассажира; но онъ удержалъ свое бѣшенство, превозмогъ его и отвѣчалъ: Кому не-

чего терять, тому нечего бояться. Ты хочешь, чтобы я ушёл — и я ушёл. Что жь еще тебе нужно? — «Вчера» вскричала Круэнтасъ, скрежеща зубами: «вчера твой отъезд могъ бы удовлетворить меня; но сегодня — Эллионъ унизила себя, обезчестила себя, признавши, что она тебя любить — ты долженъ умереть!» — Ну видишь ли; Пьеретъ, продолжалъ лодочникъ: что за уморительный народъ все эти господа? Какъ бы то ни было, послѣ этого оба они обнажили шпаги; но какъ мы были слишкомъ близко къ Арлесу и ихъ могли бы увидѣть съ берега, то я нарочно ударилъ своей лодкой о лодку Бруно, и этимъ толчкомъ сшибъ съ ногъ молодого Круэнтасъ. — «О!» вскричалъ Бруно: «скажитесь надъ нами, добрые господа, и если ужь вамъ непременно нужно драться, то мы отгребемъ назадъ, и вы можете выйти на берегъ выше по рѣкѣ — Это займетъ много времени, сказалъ Ростанъ, и, схвативъ весла, съ бѣшенствомъ демона толкнулъ ими обѣ лодки, связанные вмѣстѣ, въ самую средину струи, и онѣ понеслись съ быстрою стрѣлою чрезъ буруны, разбивающіеся близъ Арлеса о гряды подводныхъ камней. — «Матерь Божіа!» сказалъ я Бруно: «обѣ лодки наши погибнуть ни за копейку.» — А все не моей винѣ! — сказалъ мой товарищъ, и голосъ его заглушался шумомъ буруновъ: мой пассажиръ, около часа спустя послѣ того, какъ вы отправились изъ Авиньйона, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не видалъ ли я кого-нибудь, пѣшкомъ или верхомъ проходившаго по дорогѣ? А я то, съ дуру, и сказалъ ему, что какой-то молодой баринъ нанялъ тебя свезти его внизъ по рѣкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что то былъ вѣроятно одинъ изъ его друзей, съ которымъ онъ непременно хотѣлъ проститься до отъезда его изъ Франціи, и далъ мнѣ денегъ, чтобы я догналъ его. Однакожъ — прибавилъ!

Бруно—если они будутъ драться, я долженъ подождать побѣдителя, потому-что онъ поможетъ мнѣ грести противъ теченія, а ты проведешь ночь у своего деверя, и воротишься съ нимъ завтра; только главное, не забудь, если одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, бросить мертвое тѣло въ рѣку.

«Который же былъ убитъ?» спросилъ Пьерень.

— По-чемъ я знаю — отвѣчалъ лодочникъ: въ ту минуту, какъ они вышли на берегъ въ Камаргѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «Никакая власть не принудитъ меня драться!» Тутъ они стали крупно говорить между собою, пока Круэнтасъ не сказалъ другому, что если тотъ не станетъ драться, онъ просто убьетъ его. На это тотъ отвѣчалъ: Небо потребуетъ у тебя отчета въ этомъ дѣлѣ; помни, что я отражаю силу силою, для-того только, чтобъ ты не сдѣлался убійцею. Въ-слѣдъ за сямъ, они сбросили плащи и верхнее платье, и обнажили шпаги; но мой оставался совершенно-хладнокровнымъ и отражалъ всѣ удары противника; земля сдѣлалась мягкой подъ ихъ ногами, и они перешли на другое мѣсто. Тутъ, на-бѣду, Круэнтасъ увидѣлъ, что я смотрю на нихъ: онъ бросился ко мнѣ и закричалъ сердитымъ голосомъ, чтобъ я удалился. Я не смѣлъ болѣе наблюдать за ними и смотрѣлъ только издали. Я высматривалъ все, что могъ, и мнѣ показалось, что мой пассажиръ отказывался продолжать бой; но въ ту же минуту Круэнтасъ сказалъ ему что-то такое, что, по-видимому, дало другой оборотъ дѣлу, потому - что, схвативъ свою шпагу, которую онъ было - отбросилъ отъ себя, онъ поднялъ руки къ небу, какъ-бы призывая его въ свидѣтели, и напалъ на Ростэна съ величайшею яростію. Въ полминуту обѣ шпаги разлетѣлись на куски, и они продолжали драться обломками

клинковъ ; наконецъ , бросивъ ихъ , схватились въ рукопашную, но въ схваткѣ упали оба въ тростникъ, и я потерялъ ихъ изъ вида. Они снова поднялись, до того покрытые кровью и грязью, что я не могъ отличить одного отъ другаго: я видѣлъ только какую-то безобразную массу и двѣ руки, которыя били по ней съ яростью , масса снова упала — одинъ только кулакъ размахивалъ еще по воздуху... Я видѣлъ, какъ еще разъ голова поднялась изъ камней , — потомъ я ничего болѣе не видѣлъ. Тогда, продолжалъ Фуранъ: я побѣждалъ къ хижинамъ, но прежде, чѣмъ встрѣтился съ тобой , обернулся къ рѣкѣ посмотрѣть на лодки: одна только оставалась на пескѣ, а въ другой я увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые гребли изо всей силы противъ теченія. Я не сомнѣвался, что то были Бруво съ побѣдителемъ. Что касается до другаго, продолжалъ онъ, переворачивая тѣло: онъ до-того обезображенъ, до-того избитъ и залѣпленъ грязью, что самъ чортъ не узналъ бы его: все тѣло его обратилось въ одну огромную язву.

«Кому же отдать его на ужинъ , рыбацъ или птицацъ?» сказалъ Пьерень своему товарищу , который, наклонившись надъ тѣломъ, омывалъ ему лицо пучками мокрой травы.

— Да покуда, отвѣчалъ Фуранъ : ни тѣмъ, ни другимъ , потому - что, какъ онъ ни худъ, но все еще не мертвъ.

Они приподняли раненаго и положили его такимъ образомъ , чтобы вода небольшого источника, протекавшаго въ-близн, омывала и освѣжала ему лицо. Впрочемъ, это занятіе немало ихъ беспокоило, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще дуэлисты были прокляты церковью.

— Оставить ли его здѣсь въ такомъ положеніи? сказалъ Фуранъ.

«Я думаю», сказала Пьерень: «нашему брату не стыдуютъ [вмѣшиваться въ дѣла знатныхъ господъ; если онъ придетъ въ себя; мы можемъ попастьъ въ бѣду.»

— Да и кромѣ того, сказала Фуранъ: если это тотъ другой, какъ мнѣ и кажется по шляпѣ и перьямъ его, я не желала бы оказать ему никакой услуги: онъ, чего-добраго, разсердится и, пожалуй, еще перерѣжетъ намъ горло.

«Я также не хочу къ нему прикасаться», сказала Пьерень. «Къ-тому же онъ вѣрно исповѣдывался прежде, чѣмъ пошелъ на такое дѣло.»

— Послушай, Пьерень, сказала Фуранъ: между этими господчиками бываютъ богачи — мотай себѣ это на усъ; будемъ-на лучше челоуѣколюбивы, и постараемся узнать, который это изъ нихъ двухъ.

Покорясь этому безкорыстному влеченію, они приподняли голову страждущаго, отодвинувъ его нѣсколько отъ источника, и примѣтили, что онъ силится напиться; но тѣмъ не менѣе они не могли узнать его: даже отличительные признаки его одежды только еще-болѣе сбивали ихъ съ толка, потому-что въ торопяхъ своего бѣгства Ростанъ, хотя и взялъ свой собственный плащъ, но вмѣстѣ съ нимъ захватилъ и шляпу Тибурсія. Вмѣсто того, чтобы оказывать помощь несчастной жертвѣ, они начали совѣщаться о томъ, какія мѣры должно имъ предпринять для лучшаго успѣха, то-есть для собственной ихъ пользы. Время ухѣдило; сумерки смѣнились темнотою, столь быстро приближавшеюся, что кровь равнаго и чистая вода, подлѣ которой онъ лежалъ, казались одного цвѣта. Вѣтеръ свистѣлъ между камней, и змѣи, полузамерзшія отъ холода, уже всѣ попрятались въ свои зеленыя логовища.

Какимъ-образомъ Фуранъ - лодочникъ и пастухъ-Пьеретъ, его деверь, окончили свое совѣщаніе; что придумали они въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ—исторія не говоритъ объ этомъ; одно только извѣстно, что бѣдная Эліони, оправившись отъ усталости и сильнаго душевнаго потрясенія, естественнаго слѣдствія послѣдняго пожара, радовалась тому, что успѣла въ своей на-скоро-писанной запискѣ дать согласие на отъѣздъ Тибурсія; ибо, хорошо зная неукротимый характеръ своего брата, она понимала всю важность страшной клятвы, которая вырвалась изъ устъ его, когда онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ въ-слѣдъ за *тѣмъ*, кого она любила болѣе всего въ мірѣ.

Вечеромъ, на другой день послѣ ужасной *острѣхи* на Камаргѣ, она сидѣла дома за работой, стараясь въ то же время занимать отца своего, маркиза, который начиналъ страдать подѣгрою отъ излишняго раздраженія во время пожара. Но все ея усилія не отвлекать-ся мыслями ни отъ вышиванья, ни отъ разговора съ отцомъ, были бесполезны: глаза ея блуждали по стѣнамъ комнаты, въ которой они сидѣли и которая, хотя уцѣлѣла отъ разрушенія; но сохранила на себѣ слѣды гибельнаго дѣйствія всепожирающей стихіи; этотъ видъ пробуждалъ въ душѣ ея живое воспомина-ніе о страшномъ происшествіи.

Къ-несчастью для нея, отецъ ея, всегда принимав-шій на себя видъ беззаботности и притворявшійся совершенно-равнодушнымъ къ случившемуся съ нею происшествію, не говорилъ ни о комъ, кромѣ Ти-бурсія, не звалъ, что отсутствіе его было слѣдствіемъ его рѣшимости.

—За-чѣмъ онъ оставилъ насъ, Эліони? говорилъ старый маркизъ: скажи мнѣ, мое дитя мое, не случилось ли съ нимъ какого несчастія?

«Никакого, батюшка» возразила Эллиони: «будьте уверены, мы скоро получимъ о немъ добрыя вѣсти.»

—Вѣсти? сказалъ маркизъ: стало-быть, онъ очень-далеко отъ насъ, если не можетъ самъ придти лично поговорить о себѣ? — А гдѣ Ростэнъ? Не вмѣстѣ ли они?... Признаюсь, слова моего сына, когда онъ выбѣжалъ изъ твоей комнаты въ эту ужасную ночь, встревожили меня.

«О, нѣтъ!» сказала Эллиони: «онъ разсердился за какіе-то пустяки, за какой-то упрекъ за его образъ жизни... Это ничего.»

—Какъ? сказалъ маркизъ: неужели я не могу позволить себѣ никакого замѣчанія на - счетъ поведения моего сына?

«Добрый мой батюшка!» сказала Эллиони: «еслибъ вы были менѣе снисходительны къ нему, онъ болѣе уважалъ бы васъ.»

—Ахъ, Эллиони! сказалъ маркизъ: ты права, совершенно - права; но я дѣлаюсь старъ, мнѣ нуженъ покой, я не люблю раздражать Ростэна. Въ жилахъ его течетъ такая кровь...о, ты не понимаешь этого, милая дочь моя! *Въ немъ* ожилъ самый страшный изъ его предковъ. Справедливо, какъ-нельзя-справедливѣе то, что грѣхи праотцевъ падаютъ на внуковъ, и грѣхи отцовъ на ихъ дѣтей.—Но тутъ, замѣтивъ, что Эллиони не-на-шутку испугалась его встревоженнаго вида, онъ тотчасъ вызвалъ улыбку, бывшую у него всегда на-готовѣ, чтобъ скрыть свои чувства, и прибавилъ: Помнишь ли ты сказку о Синей - Бородѣ, и этотъ ключъ, съ котораго никакимъ образомъ невозможно было смыть кроваваго пятна? Человѣку не обойдти своей судьбы!

«Что хотите вы этимъ сказать, батюшка?»

—Хочу сказать то, прервалъ маркизь: что Тибурсій огорчаетъ меня своимъ отсутствіемъ.

«Позвольте, батюшка» сказала Эллиони: «я слышу шумъ; можетъ-быть, онъ возвратился.»

—Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ маркизь: это кто-нибудь изъ слугъ прошелъ по сѣнямъ. Но, продолжалъ онъ: какъ бы то ни было, Ростѣнъ любитъ тебя.

Эллиони наклонила голову въ знакъ одобренія.

—Когда я умру, Эллиони, онъ будетъ твоею подпорою.

«О, не говорите объ этомъ, батюшка!» сказала Эллиони.

—Что жъ дѣлать! отвѣчалъ маркизь, съ обыкновенною своею веселостію: подагра не даетъ патента на безсмертіе.

«Позвольте, позвольте, батюшка!» съ живостью сказала Эллиони: «я слышу шаги—я не ошибаюсь: стучать въ двери—кто-то идетъ по лѣстницѣ.»

Эллиони была права—послышались шаги. Она бросила свою работу, и самъ маркизь привсталъ, опираясь руками на ручки кресель, чтобъ удобнѣе прислушаться.

Слуга отворилъ дверь.

—Онъ ли это? сказалъ маркизь.

Передъ нимъ стоялъ Ростѣнъ.

—Нѣтъ, сказалъ маркизь: нѣтъ,—и потомъ, опомнившись, прибавилъ: да, да, это онъ!

Противъ обыкновенія, Ростѣнъ вошелъ въ хорошемъ расположеніи духа, съ видомъ веселымъ и торжествующимъ. Отецъ смотрѣлъ на него съ душевнымъ удовольствіемъ, какъ вдругъ, увидя на лицѣ его двѣ свѣжія раны, сказалъ: Что это, Ростѣнъ? не уже ли опять новая ссора? Рубецъ поперегъ лица,

какъ у отца твоего.—При этомъ старый маркизъ за- смѣлся....

«О, нѣтъ, нѣтъ» сказала Ростѣя: «не сравнивай- те царапину ногтемъ съ ударомъ саблею. Ну, а ты какова, сестра?» прибавилъ онъ, протянувъ къ ней обѣ руки, въ которыя она положила свои, дрожа отъ страха при одномъ воспоминаніи о ихъ послѣднемъ разговорѣ; но она не смѣла даже намекнуть о томъ, что такъ сильно занимало весь ея умъ: она смотре- ла на него пристально, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобы онъ заговорилъ; каждая минута казалась ей вѣкомъ.

— Видѣлъ ли ты нашего Тибурсія? спросилъ мар- кизъ.

«Вашего Тибурсія!» отвѣчалъ Ростѣя презри- тельно: «нѣтъ! сегодня — нѣтъ.»

«— Кровь на лицѣ его!» подумала Эллиони. «Рана твоя глубока» сказала она дрожащимъ голосомъ.

«Не безпокойся, милая сестра» отвѣчалъ Ростѣя: «мнѣ никогда въ жизни не было такъ хорошо, какъ теперь.»

— Я въ восхищеніи, видя въ тебѣ такую пере- мѣну — сказалъ маркизъ.

«Я усталъ» сказалъ сынъ: «я проголодался.»

— Тѣмъ лучше! воскликнулъ заботливый отецъ, обрадованный тѣмъ, что сынъ его, противъ обыкно- венія, чувствовалъ въ себѣ аппетитъ: это случилось съ нимъ очень-рѣдко.

«— Что свершилось?» шептала сама себѣ Элли- они.

Маркизъ собралъ всѣ свои силы, чтобы позвонить въ колокольчикъ, стоявшій подлѣ него на столѣ: онъ хотѣлъ наскоро приказать изготовить что-нибудь для ужина сыну.

— Чего ты хочешь, Ростэнъ? — сказалъ маркизь, когда слуга явился на зовъ.

«Что угодно; все, что подадутъ, будетъ хорошо» сказалъ молодой человекъ, прогуливаясь въ то же время по комнатъ съ видомъ величайшаго самодовольствія.

— Ахъ! сказалъ маркизь: еслибъ только я могъ уговорить тебя вести порядочную жизнь, тогда....

Тутъ отеческое наставленіе стараго маркиза было прервано громкимъ смѣхомъ дерзкаго сына; а Эллиони, слѣдившая за всѣми его движеніями, прошептала, пораженная глубочайшею горестію: «Все погибло!»

Ростэнъ — слышалъ онъ или нѣтъ это восклицаніе — бросилъ на злополучную сестру взоръ, исполненный адской ироніи, и, видя ее блѣдную и испуганную, самымъ важныиъ голосомъ сказалъ:

«Что это значитъ, милая, добрая Эллиони, сестра, любящая меня нераздѣльно? что ты смотришь на меня какъ сонная?»

Она вздрогнула. Голосъ, раздававшійся только въ ея сердцѣ, нашептывалъ ей: «Тибурсій умеръ!» Не-въ-силахъ будучи долѣе выдерживать эту мучительную пытку, она вперила пронизательный взоръ на своего брата, и, мѣряя его съ ногъ до головы, указала пальцемъ кровавое пятно на его кафтанъ. Губы ея судорожно сжимались, какъ-будто хотѣли что-то произнести; глаза неподвижно смотрѣли на брата, будто ожидая отъ него объясненія на то, что она видѣла.

«А, а!» сказалъ Ростэнъ: «ты видишь на мнѣ кровь, милая Эллиони? Я ходилъ стрѣлять—это кровь ласточки.»

— Убилъ ли ты что-нибудь? спросилъ маркизь

съ улыбкой, въ которой отражались и сомнѣніе, и добродушіе.

« Да, батюшка » сказалъ Ростѣпъ : « прекрасную домашнюю ласточку. Ты не вѣришь мнѣ, Элліони? » прибавилъ онъ, обращаясь къ ней съ нахмуренными бровями, а между-тѣмъ губы его сжимались злобною улыбкой. « Неужели ты не вѣришь мнѣ? »

Не ожидая отвѣта бѣдной дѣвушки, онъ бросилъ на полъ шляпу, которую въ поспѣшномъ своемъ бѣгствѣ изъ Камарга унесъ, вмѣсто своей, съ поля битвы; въ нее было воткнуто черное перо, которое всегда носилъ Тибурсій.

« Смотри сюда, Элліони, смотри » сказалъ онъ, указывая на шляпу: « можетъ-быть, ты узнаешь птицу по ея перьямъ. »

Бѣдная Элліони, хотя заранѣе уже измученная предчувствіемъ, растерзанная ожиданіемъ, не могла, однакожъ, вдругъ понять мысль своего безумнаго брата; но минута размышленія открыла ей ужасную истину. Она задрожала, какъ плющъ, сорванный вѣтромъ съ родимаго корня; уста ея открылись, чтобъ испустить крикъ, — но тщетно: у нея не достало на это силъ; она ступила нѣсколько шаговъ впередъ съ распростертыми руками, зашаталась, и какъ-бы силилась ухватиться за что-нибудь, можетъ-быть, удержать отлетающую жизнь... Глаза ея остановились неподвижно; губы судорожно сжались; голова опустилась и съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ она покати́лась на полъ.

Въ эту минуту Ростѣну подали ужинать.

« Тѣмъ лучше » сказалъ онъ, весело потирая себѣ руки: « сегодня я могъ бы вѣсть даже камни! » и, обращаясь къ слугѣ, который подошелъ къ упавшей Элліони, отозвалъ его прочь: « Иди сюда, иди же! Это

ничего; я знаю ее: все это комедія — все комедія! И онъ снова принялся за свой ужинъ.

Все это случилось въ такое короткое время, что прежде, чѣмъ слуга успѣлъ выйти и запереть за собою дверь, прежде даже, чѣмъ маркизь замѣтилъ, что дочь его упала—она уже умерла.

Послѣ этого происшествія характеръ злополучнаго Ростѣна совершенно измѣнился. Мѣсто продолжительнаго, отчаяннаго безчувствія эступили припадки бѣшенства; и убѣжденіе, что сестра унизила себя любовью къ безжизненному приемышу, котораго Христа-ради держали въ домѣ, вытѣснила изъ сердца его чувство горести, которымъ долго оно наполнялось при мысли о ея смерти. Часъ раскаянія еще не пробилъ.

Рѣшившись выжить ее изъ своего воспоминанія, онъ сталъ вдаваться во всѣ крайности; никакое нѣжное, братское чувство не находило себѣ мѣста въ его ожесточенномъ сердцѣ. Онъ не давалъ себѣ времени ни думать, ни спать; но, совершенно предавшись обществу людей самыхъ недостойныхъ, онъ шелъ отъ преступленія къ преступленію, впадалъ въ непоплатные долги, и избавлялся отъ дѣйствія законовъ и правосудія одною только святостию стѣнъ Авиньонскихъ.

Больше всего Ростѣнъ страшился сна. Чтобъ избавиться отъ этой необходимости, онъ былъ въ непрерывной дѣятельности и часто прибѣгалъ къ спиртуознымъ веществамъ. Его блуждающіе глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ и придавали ему какую-то сверхъестественную наружность. Погубивъ въ се-

бъ совершенно всякое чувство чести и благородства правилъ, онъ наслаждался, устраивая погибель друзей и вовлекая своихъ такъ-называемыхъ друзей во всё глупости, въ какія только могъ ихъ вовлечь. Рѣдко посѣщаль онъ домъ своего отца—это позорище страшной трагедіи, которой самъ онъ былъ авторомъ.

Напротивъ, отецъ его оставался постоянно одинъ, запершись въ своей комнатѣ: онъ не хотѣлъ видѣть никого изъ людей, оплакивалъ безпрестанно Тибурсія и мучился почти-непостижимымъ страхомъ фатализма. Онъ вполне вѣрилъ дѣйствительности проклятій, которое много лѣтъ тому назадъ пало на его предковъ, и сравнивалъ, съ горестію въ сердцѣ, исторію Эдипа съ собственною.

Подобно преступнику, очищенному раскаяніемъ, онъ ожидалъ совершенія судьбы своей какъ уплаты долга; смотря безъ трепета на приближеніе страшнаго возмездія, на которое было обречено все его семейство, онъ съ покорностію преклонялъ свою голову, даже не заботясь и о томъ, чья рука должна исполнить завѣтъ мести. Съ самой юности, маркизъ былъ игрой судьбы, и воспоминаніе о его праотцахъ глубоко запечатлѣлось въ умѣ его отъ частыхъ разсказовъ о ихъ страшной смерти. Внезапная смерть его дочери пробудила всё его опасеніе, и онъ смотрѣлъ на ударъ, похитившій ее, какъ на ударъ грома, который сразилъ Аякса, или на огонь, пожравшій Абирама.

Смерть Элліони случилась такъ мгновенно, что ни отецъ ея, весьма-мало знавшій ея сердце и чувства, ни слуги не могли дать себѣ о ней никакого отчета. По-этому неудивительно, что маркизъ, при своемъ образѣ мыслей, приписывалъ волю рока то, что превышало всякое человѣческое понятіе. Покинутый сво-

имъ сыномъ со дня роковаго происшествія, онъ не говорилъ ни о чемъ, кромѣ отсутствія своего Тибурсія.

Однажды маркизъ не переставалъ говорить о немъ въ-присутствіи Ростэна; въ голосъ его замѣтна была нѣжность, смѣшанная съ горестію, которая пробуждала въ груди Ростэна сожалѣніе, зависть, или чувство справедливости— трудно было угадать; довольно того, что на жалобы отца своего, на упреки его Тибурсію въ неблагодарности и безчувственности—а иначе что бы значило его отсутствіе?—сѣумасшедшій сынъ воскликнулъ: «Тибурсій *не* покинулъ васъ; онъ *не* неблагодаренъ: онъ *не можетъ* возвратиться, онъ *никогда* не возвратится, онъ умеръ, умеръ, какъ умеръ графъ д'Онисъ, какъ умерли многіе, потому-что онъ осмѣлился любить мою сестру.»

При этихъ словахъ легкая дрожь пробѣжала по тѣлу маркиза, но онъ мужественно преодолѣлъ свои чувства; онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами, и когда потомъ открылъ ихъ, казался совершенно-спокойнымъ.

— И онъ также, сказалъ старецъ : и онъ окончался, въ такой ранней юности. Онъ не принадлежалъ къ нашему семейству?... О, нѣтъ, нѣтъ, онъ былъ братомъ моей дочери!

«А я?» воскликнулъ Ростэнъ, «кто же я?»

— Ты,—сказалъ маркизъ: ты, избранный небомъ, предвѣщенный быть палачемъ своего семейства и себя самого, — мечемъ и жертвой въ то же время! Такова воля судьбы. Ростэнъ, страшно будетъ тому, кто уйдетъ послѣдній: на днѣ чаши горечь, разрушеніе, вѣчное разрушеніе ожидаетъ того, кто осушитъ ее до конца. А я,—я спокоенъ: я умеръ равно для надежды и для страха.

«О!» возразилъ юноша: «глубока и широка эта чаша. Я пробовалъ пить изъ нея, но не нашелъ въ ней дна.»

Чѣмъ болѣе старѣй маркизъ удалялся отъ общества, тѣмъ лучше онъ себя чувствовалъ. Не смотря на снѣдающую его горестъ, онъ ставилъ себя выше несчастій, его окружавшихъ, и переносилъ ихъ съ видомъ наружнаго равнодушія, почти-непостижимаго.

Не таково было положеніе и состояніе его сына. Мы уже видѣли, какимъ-образомъ онъ проводилъ свою бѣдственную жизнь; излишества сдѣлались необходимою потребностію его существованія. Онъ ничего не ѣлъ; горячіе напитки воспаляли кровь въ его жилахъ; онъ никогда не спалъ — безпокойство и усталость мучили его непрерывно, — но онъ не умиралъ.

Онъ охладѣлъ ко всему, смотрѣлъ на все равнодушно, расширилъ кругъ своего разсѣянія и искалъ новыхъ средствъ для возбужденія своей дѣятельности. Такъ прошли двѣ недѣли прежде, чѣмъ ему вздумалось снова навѣститъ своего отца. Больной, разслабленный всякаго рода излишествами, наконецъ онъ обратился мыслями къ нѣкогда-любимому, а теперь ненавистному для него дому, и отправился по дорогѣ въ Авиньонъ, куда пришелъ въ то самое время, какъ только раздался унылый звонъ колоколовъ. Вступивъ въ улицу, въ которой находился домъ его отца, онъ увидѣлъ конецъ процессіи, завернувшей за уголъ ближайшаго дома и возвращавшейся съ погребенія. Онъ подошелъ къ дверямъ и нашелъ ихъ отпертыми; входятъ, — первый предметъ, поразившій его взоры былъ пышный катафалкъ, съ котораго за нѣсколько только минутъ снятъ былъ гробъ; тутъ же обойщики снимали со стѣны черную драпировку, которою украшена была зала. Съ изумленіемъ посмотрѣлъ онъ вокругъ се-

бя, пошелъ далѣе — все было тихо. Онъ встрѣтилъ старую ключницу, вѣрную служанку его покойной сестры; она сходила съ лѣстницы, неся въ рукахъ какой-то узелъ; онъ хотѣлъ обратиться къ ней съ тысячу вопросовъ о томъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя, но она, низко поклонившись ему, и положивъ ему въ руку огромную связку ключей, сказала, заливаясь слезами :

« Маркизь, я служила вашей сестрицѣ и вашему батюшкѣ; они умерли—мое дѣло кончено. Теперь вы одни остаетесь въ этомъ домѣ, гдѣ я видѣла васъ еще въ пеленкахъ, и гдѣ я оставалась еще до вашего прибытія, чтобъ возвратить вамъ ключи. Господа мои скончались — ихъ нѣтъ болѣе на этомъ свѣтѣ: я также уйду, и никогда болѣе не переступлю черезъ порогъ этой двери. »

Въ словахъ этой почтенной и достойной женщины было что-то особенное, что тронуло сердце отверженнаго безумца Ростѣна. Поспѣшно спрятавъ ключи въ карманъ, онъ поставилъ ногу на первую ступеньку лѣстницы; гулъ повторился стѣнами; ему чудилось, что онъ слышитъ голоса прежнихъ обитателей этого дома; воображеніе его снова оживляло передъ нимъ тѣхъ, кого онъ погубилъ—твердость измѣнилась ему, онъ не могъ идти далѣе.

« До завтра! » вскричалъ онъ : « завтра я вступлю во владѣніе. » Сказавъ это, онъ бросился вонъ изъ дома, даже не захлопнувъ за собою двери, и побѣжалъ къ своимъ товарищамъ — утопить съ ними въ винѣ всѣ муки, его терзавшія.

« Отецъ мой умеръ! » сказалъ онъ, входя въ комнату, гдѣ они были собраны. На это корыстолюбивые повѣсы отвѣчали громкимъ, радостнымъ крикомъ, поздравляя его съ тѣмъ, что онъ наконецъ сдѣлался

полнымъ распорядителемъ своего имѣнія. Но онъ ихъ не слышалъ: мысли его были заняты сестрою, внезапную смертью той, чьею любовью онъ такъ дорожилъ, чью честь онъ такъ берегъ и лелѣлъ, чьей смерти онъ самъ былъ причиною.

«Къ-чему послужила молодость, доброта?» проговорилъ Ростѣнь.

Новый смѣхъ слѣдовалъ за этимъ невольнымъ восклицаніемъ.

«И эта ангельская красота?»

— Не съ ума ли ты сошелъ? сказалъ одинъ изъ его пріятелей. Вотъ странное надгробное слово надъ тѣломъ отца—почтеннаго маркиза.

Въ ту же минуту, пробудившись отъ своихъ мечтаній, Ростѣнь бросилъ разъяренный взоръ на дерзкаго весельчака, осмѣливавшагося издѣваться надъ памятью его отца, и, не удостоивая ихъ никакого объясненія на-счетъ вырвавшихся у него восклицаній, поспѣшно вышелъ отъ нихъ.

Пытаться описать состояніе, до котораго доведенъ былъ полоумный юноша, было бы напрасно. Самыя ѣдкія угрызенія совѣсти терзали его сердце. Онъ видѣлъ очень ясно, что его собственная жестокость и грубость была причиною смерти столь страстно любимой имъ сестры; и что этому происшествію, котораго маркизъ не могъ объяснить себѣ никакими естественными причинами, должно приписать смерть его отца. Куда было ему бѣжать, чтобъ скрыться отъ своихъ мученій? куда обратиться, гдѣ искать утѣшенія?... Скорыми шагами бродилъ онъ по улицамъ, потомъ вышелъ за городъ; тишина и безмолвіе мѣста заставили его содрогнуться; онъ переправился черезъ рѣку и, предавшись своей горести, бросился на землю, звалъ

по имени убитую имъ Элліони, и билъ и рылъ землю, ее поглотившую....

Попеременно находили на него то припадки съумасшествія, то опять свѣтлыя минуты спокойствія, въ продолженіе котораго слезы облегчали его грудь; наконецъ онъ снова вскочилъ на ноги, и неутолимая жажда дѣятельности овладѣла имъ; онъ чувствовалъ, что можетъ усыпить свое горе только сильнѣйшимъ движеніемъ, и скорыми шагами пошелъ къ холмамъ, на которыхъ расположенъ живописный Вилльнѣвъ и монастырь св. Андрея, избирая самыя непроходимыя мѣста. То судорожнымъ хохотомъ, то дикимъ крикомъ оглашалъ онъ окрестность. Страшно бушевали чувства въ груди его, мысли клубились и сталкивались въ головѣ—онъ думалъ о Элліони, но, увя, не съ расканьемъ въ своихъ безчисленныхъ преступленіяхъ!

Когда смерклось, онъ увидѣлъ передъ собой открытую дверь; почти безъ всякаго сознанія, онъ вошелъ въ нее и очутился въ церкви картезіанской обители въ Вилльнѣвѣ; корридормъ прошелъ онъ на дворъ, и оттуда пробрался на кладбище. Тамъ бродилъ онъ между могилами, не подозрѣвая, чтобъ это были могилы; онъ заблудился въ монастырѣ, и, какъ ни мало заботился о себѣ, попытался однако возвратиться. Усилія его были тщетны, потому-что двери за нимъ были заперты. Подъ какимъ постороннимъ вліяніемъ, кромѣ умственнаго раздраженія и тѣлесной усталости, дѣйствовалъ онъ съ-тѣхъ-поръ, какъ разстался съ своими недостойными пріятелями, разгадать невозможно; но сочетанія этихъ двухъ естественныхъ причинъ было достаточно, чтобъ повергнуть его на землю въ изнеможеніи и усыпить въ этомъ убожищѣ, которое, хотя и было неприлично его положенію и въ его обстоятельствахъ, но по-крайней-мѣ-

рѣ укрѣило его больную голову и обѣщало ему успокоеніе на ночь.

Вечеромъ того же самаго дня, пріѣхалъ въ Авиньонъ рѣкою, изъ Камарга, человекъ, который, едва ступивъ на берегъ, направилъ шаги къ дому маркиза де-Круэнтасъ. То былъ юноша, блѣдный и худой; судя по болѣзненному виду его, можно бы было принять его за призракъ; на немъ замѣтны были слѣды ранъ, вѣроятно нанесенныхъ ему очень-недавно.

Онъ приблизился къ дому, взглянулъ на окна съ радостнымъ видомъ, въ которомъ просвѣчивала какая-то грусть и улыбнулся, не смотря на явныя страданія, какъ человекъ, пробужденный отъ страшнаго сновидѣнія и привѣтствующій приближеніе давно-ожидаемаго блаженства. Наружность его, казалось, выражала сладостныя ожиданія блуднаго сына, возвращающагося къ отцу, или любовника наканунѣ вѣчнаго соединенія его съ невѣстою. Онъ перешелъ чрезъ улицу. По всему было видно, что онъ не зналъ о происшествіяхъ, случившихся безъ него въ домѣ, къ которому приближался. Когда онъ подошелъ къ двери, нетерпѣнье придадо ему новую жизнь и новыя силы, и, не думая ни о распросахъ, ни о нечаянности своего прихода, онъ вошелъ въ домъ, откуда никогда уже болѣе не выходилъ.

—

Теперь бесполезно будетъ сказать нѣсколько словъ о «дѣлахъ давно-минувшихъ дней», которыхъ слѣдствіемъ были, по мнѣнію покойнаго маркиза де-Круэнтасъ, всѣ несчастія, описанныя выше.

За полтора ста лѣтъ до происшествій, о которыхъ мы говорили, то-есть, въ 1658-мъ году, шесть особъ разнаго пола собрались въ аллею на дворѣ не-

большаго монастыря кармелитскаго ордена въ Вилль-нёвъ. Двое изъ нихъ охраняли двери, а настоятельница обители, бывшей въ то время подъ вѣдѣніемъ кармелитскаго монастыря въ Авиньонъ, отпускала съ ними молодую и прелестную дѣвушку, съ которою, по-видимому, разставалась она съ глубокимъ сожалѣніемъ; привязанность ихъ казалась взаимною, и только присутствіе одного молодаго человѣка необыкновенной красоты, безъ-сомнѣнія ея жениха, вызывало улыбку на ея розовыя уста и удерживало слезы, готовые брызнуть изъ глазъ ея, блестящихъ подъ прекрасными, длинными рѣсницами.

Юная чета была до такой степени прекрасна, что даже три спутника не могли наглядѣться на нее, радуясь тому, что судьба наконецъ соединяла этихъ молодыхъ людей другъ съ другомъ. Ничто не могло быть трогательнѣе той минуты, когда невеста, склонившись предъ настоятельницею, подала ей, въ залогъ своей привязанности, свой портретъ, писанный Миньяромъ: она была изображена въ одеждѣ бѣлицы; разставаясь съ свѣтомъ, она, казалось, еще улыбалась ему, и на платьѣ своемъ изъ грубой шерстяной ткани носила розы, отъ которыхъ училась отвыкать.

Черезъ девять лѣтъ послѣ брака этихъ молодыхъ людей является цѣлый рядъ ужасовъ, въ которыхъ замѣшаны были мужъ и его братъ, и которые довершились убійствомъ этой очаровательной женщины; тѣло ея, изъязвленное тринадцатю ударами кинжаловъ, было выброшено, безжизненное, въ одно изъ оконъ дома ея мужа.

Не подозрѣвая и не предвидя подобнаго окончанія судьбы своей, милая дѣвушка дѣтски радовалась, мѣняя вѣрную дружбу кармелитскихъ сестеръ на лю-

бовъ этого ловкаго и красиваго кавалера, который былъ не кто иной, какъ маркизь де-Ганжъ.

Отъ этого чудовища, котораго имя никогда не прозносится безъ омерзѣнія, котораго память сдѣлалась ненавистною въ народѣ, и на котораго, вмѣстѣ съ его потомствомъ, пало проклятіе, маркизь де-Круэнтасъ происходилъ по прямой линіи; и хотя, въ силу одной статьи завѣщанія, по которому его отецъ наследовалъ огромныя помѣстья, фамильное имя было перемѣнено, и близкое родство маркиза съ фамилією де-Ганжъ было вообще неизвѣстно, однако самъ онъ никогда не могъ освободиться отъ убѣжденія, что по этому родству ему суждено отвѣчать за грѣхи его предковъ.

Маркизь, происходившій отъ старшей линіи, выросъ въ Монпелье, и никто не помнилъ того времени, когда, подъ своимъ настоящимъ фамильнымъ именемъ кавалера де-Ганжъ, онъ участвовалъ въ первыхъ войнахъ царствованія Лудовика XV. Если бы какой-нибудь старый воинъ, дожившій до послѣднихъ дней маркиза, помнилъ еще кавалера, славнаго подъ прозваніемъ Ganges-le-Balafré, онъ никогда не могъ бывообразить, что-недавно усопшій, смиренный старикъ былъ тотъ же самый драгунскій корнетъ минувшихъ дней, столь-хорошо извѣстный имперцамъ; по-этому, какъ мы уже видѣли, онъ не боялся показывать свое лицо, на которомъ видна была страшная рана, описанная выше.

Портретъ прекрасной женщины, павшей жертвою жестокости мужа, подаренный ею настоятелю, въ минуту ихъ разставанья, все такъ же улыбающійся, какъ улыбался его милый оригиналъ при совершеніи злополучнаго брака, оставался нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ портретами многихъ другихъ благотвори-

телей монастыря; но когда кармелитскія сестры продали свой домъ въ Вилльиёвъ картезіанскому ордену, изображеніе прекрасной монахини, которой имени не знали новые владѣльцы монастыря, было повѣшено въ корридорѣ, вмѣсто лика св. Розы, и сдѣлалось предметомъ поклоненія для необразованныхъ прихожанъ и предметомъ удивленія не одного монаха.

У подножія этой самой картины, Ростэнъ, утомленный усталостью и напряженіемъ силъ — послѣдняя живая отрасль того самого поколѣнія, котораго эта прекрасная св. Роза была прародительницею — впалъ въ лхорадочное усыпленіе и уснулъ. Невозможно описать всѣ грѣзы, какія его тревожили, видѣнія, которыя его мучили въ-продолженіе его болѣзненного сна. Наконецъ, еще болѣе усталый, чѣмъ прежде, еще болѣе утомленный призраками своего разстроеннаго воображенія, онъ вскочилъ съ своего холоднаго ложа, и, схватившись обѣими руками за голову, пылавшую какъ раскаленное желѣзо, озиралъ мутными глазами стѣны корридора, и увидѣлъ прямо надъ собой портретъ маркизы де-Ганжъ.

Ни одинъ изъ всѣхъ страшныхъ призраковъ, ни одно изъ всѣхъ мучительныхъ видѣній, тревожившихъ его во время сна, ни одна изъ мыслей, ни одно изъ кровавыхъ воспоминаній, наполнявшихъ его умъ и память, не могли произвести надъ нимъ дѣйствія, подобнаго тому, какое произвелъ видъ этой картины. Въ ней было такое живое, такое разительное сходство съ погибшей Элліони, — мысль, что это только картина, никакъ не могла представиться уму его, въ высшей степени раздраженному и разстроенному; онъ

думать, что это она, она-сама — его сестра, которую онъ погубилъ.

Онъ бросился передъ нею на колѣни, плакалъ, умолялъ о пощаде, о прощеніи. Взоры его помутнились; послѣ нѣкотораго усилія, онъ снова поднялъ глаза къ бездушному полотну. Картина улыбалась. Онъ былъ въ бреду. Страхъ, ужасъ, всѣ горькія муки, какія только налагаетъ провидѣніе за грѣхи и злодѣянія, наполняли его сердце; онъ не могъ долѣе сносить вида этой невинной улыбки, которая, казалось, не сглаживалась временемъ съ устъ прародительницы для того только, чтобъ мучить и терзать послѣдняго изъ ея рода. Онъ отвернулся отъ портрета; не имѣя силъ долѣе смотрѣть на него, и поспѣшно оставилъ корридоръ; но прекрасное видѣніе не оставляло его, оно гналось за нимъ...

Монахи, въ это время проходившіе мимо, были поражены изумленіемъ при видѣ поступковъ Круэнтаса; не зная въ точности, какимъ случаемъ онъ попалъ въ ихъ обитель, и полагая, что онъ помѣшанъ, они дали ему понять, что ему предоставлена полная свобода идти, куда ему вздумается; для лучшаго вразумленія, они за словомъ приступили къ дѣлу и открыли ему дверь Круэнтаса, не обращая на нихъ вниманія, вышелъ изъ монастыря и продолжалъ блуждать по полямъ; каждый предметъ, на которомъ останавливались его глаза, представлялъ его разстроенному зрѣнію образъ убитой имъ сестры.

Утомленный, обезсилѣвшій, измученный, онъ снова перешелъ чрезъ рѣку, безъ цѣли, самъ не зная куда идетъ, снова вошелъ въ Авиньонъ, и, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ въ слѣдствіе принятаго намѣренія, очутился противъ дома, теперь ему принадлежавшаго. Въ ту минуту, какъ чувство самоосознанія возврати-

люсь къ нему, онъ узналъ домъ и бросился въ него, какъ-бы желая спрятаться отъ взоровъ человѣческихъ.

При видѣ этого дома, его желѣзное сердце смягчилось, и горесть овладѣла имъ съ прежнею силою. Онъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ длинный рядъ комнатъ, бродя по нимъ, повидимому, безъ всякаго вниманія къ окружающимъ его предметамъ и погруженный въ размышленія. Вѣтръ свистѣлъ въ пустыхъ комнатахъ, двери которыхъ были отперты со дня погребальной церемоніи и съ-тѣхъ-поръ не запирались; многія рамы были выбиты изъ оконъ въ ночь пожара. Онъ увидѣлъ множество обгорѣлой мебели, треснувшіе потолки; штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась со стѣнъ и обои почернѣли. Онъ смотрѣлъ на слѣды разрушенія, но, казалось, не могъ припомнить причины такого опустошенія, какъ-будто эта часть его жизни была имъ совершенно-забыта.

Видъ одной только комнаты, казалось, напомнилъ ему о его существованіи: это была комната, гдѣ жила его сестра до страшной ночи. Оконничныя рамы были выбиты, и сѣверо-восточный вѣтръ игралъ осенними листьями, которые вились и крутились по полу. Надъ позолоченнымъ дубовымъ шкапомъ висѣлъ кусокъ карниза отъ стѣны и качался отъ вѣтра. Взглянувъ на потолокъ, Ростѣнъ увидѣлъ темную и глубокую трещину, затянутую паутиной: тутъ царствовали тишина, опустошеніе — слѣды разрушенія, о которыхъ трудно дать понятіе.

Наслѣдникъ покинутаго жилища осмотрѣлся во всѣ стороны и увидѣлъ кровать, а надъ нею до-половины уцѣлѣвшій багдахинъ, изорванный занавѣски, еще висѣвшія надъ остатками ложа, засыпаннаго пепломъ, полу-исцѣлѣвшій тюфякъ, покрытый подушками

и одѣломъ; на стѣнѣ—нарисованный бѣлый крестъ, —надъ крестомъ гвоздь, на которомъ Эллиони обѣяновенно прикрѣпила распятіе.

Движимый чувствомъ, которое могло бы овладѣть чловѣкомъ болѣе разсудительнымъ, растроганный братъ приподнял одну изъ перегорѣвшихъ занавѣсокъ. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ вдругъ отпрянулъ назадъ, пораженный ужасомъ и изумленіемъ, потомъ опять воротился къ постели, закрылъ глаза рукою, прислушивался, снова отдернулъ занавѣску, подержалъ ее съ минуту, и, не будучи въ силахъ превозмочь свой ужасъ, снова отскочилъ назадъ, съ трудомъ удерживая волю отчаянія, готовый вырваться изъ его груди.

За занавѣсами опустѣлаго ложа его умершей сестры, Ростѣнъ увидѣлъ трупъ!

Безстрашный какъ левъ въ своей ярости, когда его дразнятъ, Ростѣнъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: ему казалось, что это призракъ. Его нелегко было испугать; онъ рѣшился увѣриться въ истиннѣ, — наклонился надъ постелью, опираясь на нее одною рукою; отъ тяжести его тѣла, одна ножка кровати обрушилась, и трутъ, скатившись по данному направленію, упалъ къ ногамъ его. Чтобы избѣжать прикосновенія, Круэнтасъ хотѣлъ отскочить въ сторону, но нога его поскользнулась, и онъ упалъ лицомъ на лицо мертвеца, бывшаго хозяиномъ ложа его сестры.

Наконецъ Ростѣнъ высвободился изъ страшныхъ объятій трупа и бросился къ одному изъ разби-тыхъ оконъ, подышать свѣжимъ воздухомъ; но разсудокъ его помрачился совершенно. Возвратившись къ страшному зрѣлищу, онъ увидѣлъ, что это былъ трутъ Тибурсіа. Въ помѣшательствѣ своемъ, увѣреннѣй, что убилъ его на Камаргѣ, онъ подумалъ,

что это призракъ, призракъ столь ужасный, что онъ вскричалъ въ припадкѣ страха: «какъ? неужели я увижу ихъ всѣхъ? Тибурсія, Баргоса, графа д'Онисъ, всѣхъ, кого убилъ я—убилъ—да, да, кого я убилъ!» Въ этомъ припадкѣ безуміа, наслѣдственнаго въ его семействѣ, Ростанъ не имѣлъ силъ оставить роковую комнату: онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ свое бѣдственное положеніе, онъ не могъ найти двери, не могъ кричать о помощи; мозгъ его цыпалъ, глаза закрылись, — онъ упалъ безъ чувствъ.

Но въ этомъ состояніи безчувствія ко всему окружающему, ему живо представилось видѣніе св. Розы, злодѣйскимъ образомъ убитой маркизы де-Ганжъ, улыбающееся все тою же улыбкою, которая преслѣдовала его на картинѣ. Это видѣніе привело его въ себя; съ воплемъ ужаса онъ вскричалъ:

«Прочь! прочь отъ меня съ этой улыбкой! Сестра моя, бѣдная, убитая мною сестра, ты убьешь меня!»

Страхъ и ужасъ довели его почти до изступленія. Онъ сталъ бредить, ушелъ на колѣни, простерся ницъ предъ образомъ, созданнымъ его воображеніемъ, и повергъ голову свою во прахъ. Этогъ гордый, этогъ неукротимый юноша, этогъ убійца безъ вѣрованій сердечныхъ, безъ религій, этогъ человѣкъ, небоавшійся ни Бога, ни людей, незнакомый ни съ жалостію, ни съ состраданіемъ, наконецъ былъ униженъ и смиренъ; часъ возмездія приближался: онъ молился...

Легко можно повѣрить, что смерть стараго маркиза не произвела никакого сильнаго впечатлѣнія на жителей Авиньйона, гдѣ онъ и его семейство вели столь уединенную жизнь; но поведеніе сына его, конечно,

обращало на себя общее вниманіе, по его внезапному бѣгству тотчасъ послѣ погребенія отца; съ-тѣхъ-поръ никто не видалъ его и ничего не было слышно о немъ; правда, еще однажды, именно въ тотъ самый день, о которомъ мы сейчасъ говорили, нѣкоторые сосѣди видѣли его, пробѣжавшаго по улицѣ въ самомъ страшномъ видѣ, но потомъ — снѣ пронагъ безъ вѣсти.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Братъ кавалера д'Онисъ, убитаго, какъ намъ извѣстно, Ростѣномъ на дуэли, занимавшій значительное мѣсто въ духовномъ званіи, былъ призванъ въ Родесъ по дѣлу.

Какъ чужестранецъ, неизмѣвшій знакомыхъ въ городѣ, онъ былъ однажды чрезвычайно удивленъ встрѣчею съ какою-то старою женщиной, которал, слѣдовавъ за нимъ довольно долго по улицѣ, подошла къ нему и сунула ему въ руку записку, прося его прочесть немедленно.

Онъ распечаталъ записку и прочелъ:

«Особа»—это начало оставило его въ сомнѣніи, не объясняя, кто ему пишетъ, мужчина или женщина—«особа, видѣвшая васъ, когда вы проходили мимо ея оконъ, осмѣливается просить васъ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ къ себѣ въ домъ, по адресу, приложенному къ запискѣ; вы узнаете тогда и кто вамъ пишетъ, и чего отъ васъ желаютъ.»

Приглащеніе было такого рода, что добрый священникъ не могъ, по совѣсти, отказаться. Согласно этому, едва только смерклось, онъ отправился къ соборной церкви и, повернувъ на-лѣво, очутился въ улицѣ des Hebdomadaires, въ-послѣдствіи прославленной злодѣйствомъ Фюальдеса, и, хотя нѣсколько-разоча-

рованный наружностью окрестныхъ домовъ , направилъ стопы къ дому , указанному въ письмѣ . Видъ дома показался ему не-очень привлекательнымъ ; но , подкрѣпленный чистотою своихъ намѣреній , онъ рѣшился постучаться въ двери .

Та же самая старушка отворила дверь ; не зная кого и что онъ увидитъ , онъ сталъ подыматься по лѣстницѣ ; старушка свѣтила ему . Дошедъ до двери перваго этажа , она отворила ее , и онъ очутился на-единѣ съ человѣкомъ , вовсе ему незнакомымъ .

Тѣмные , включенные волосы закрывали его лицо ; онъ былъ тощъ , сгорбленъ и согбенъ почти вдвое . Одежду его составляло грязное платье , напоминавшее могильщика и пахнувшее кладбищемъ . Отъ слабости онъ не могъ привстать со стула , чтобъ приветствовать гостя , и когда , послѣ нѣкотораго усмія , онъ заговорилъ , добрый священникъ озирался во всѣ стороны , желая увѣриться , откуда выходитъ этотъ глухой , могильный голосъ .

«Провидѣніе » сказалъ незнакомецъ : «провидѣніе столь милосердо и снисходительно ко мнѣ , что доставило мнѣ случай вымолить прощеніе у одного изъ тѣхъ людей , которыхъ я такъ глубоко обидѣлъ .»

— Государь мой , сказалъ д'Онись : вы ошиблись ; вы не могли обидѣть меня : я васъ не знаю .

«Нѣтъ , нѣтъ!» сказалъ тотъ : «небесное правосудіе до-того измѣнило черты лица убійцы , что вы меня не узнаете . Посмотрите на меня ; посмотрите на меня внимательнѣе .»

Говоря это , онъ приблизилъ лицо свое къ лампѣ . Подъ дряхлою наружностію старца , д'Онись узналъ черты молодаго человѣка ,—онъ узналъ его и отскочилъ назадъ съ изумленіемъ и негодованіемъ .

«Ахъ!» сказалъ преступникъ, падалъ предъ нимъ на колѣни: «карайте меня, попирайте ногами, я все снесу, все, все, но не убивайте меня, пощадите меня на нѣсколько дней. Я боюсь смерти!...»

— Не уже ли это тотъ же самый — сказалъ удивленный д'Онисъ — непобѣдимый юноша, гроза и страхъ Авиньйона, котораго мечъ готовъ былъ биться противъ цѣлаго міра? Маркизь, продолжалъ онъ твердымъ голосомъ: я вижу, и умѣю цѣнить страданія, которымъ вы подвержены. Если я могу сколько-нибудь облегчить ихъ, приказывайте мнѣ. Безполезно вспоминать о прошедшемъ; сколько человѣкъ можетъ прощать своего ближняго, я васъ прощаю.

«Богъ да благословитъ васъ!» сказалъ несчастный Ростанъ, потому-что это былъ онъ. «Увидѣвъ васъ, когда вы проходили мимо окна дома, гдѣ я схоронилъ себя отъ взоровъ людей, которыхъ я оскорбилъ и для которыхъ я сдѣлался ненавистнымъ, я ухватился за отрадную мысль унижить себя передъ вами, благочестивымъ служителемъ неба. Еслибъ жизнь моя могла искупить мое прошедшее, дайте мнѣ время — и вы будете вознаграждены. Я никогда не боялся смерти... л... Опять гордость, опять тщеславіе!» сказалъ онъ самому-себѣ: «прочь, прочь! Ползай, пресмыкайся, червь! скоро придетъ часъ, и ты навѣкъ обратишься въ прахъ!»

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ и потомъ продолжалъ:

«Но вы великодушны; и если ужъ вы прощаете меня и сожалеете обо мнѣ, позвольте мнѣ передать вамъ мон предположеніи на-счетъ имѣнія, которое я наследовалъ, но которымъ рѣшился никогда не пользоваться. Я желалъ бы отдать все въ пользу картёзіанскаго монастыря въ Вильнёвъ и другихъ обителей:

пусть молятся ниюки о успокоеніи души моеи, когда это жалкое тѣло перестанетъ существовать.»

—Вы можете за меня положиться, сказалъ Д'Онись: впрочемъ, въ ваши лѣта не должно еще отчаяваться въ жизни: вы можете посвятить ее на добрыя дѣла и раскаяніе, не отрекаясь отъ свѣта.

«Мои расчеты съ свѣтомъ кончены» сказалъ Ростэнъ: «судьба нашего семейства должна исполниться, — кровь требуетъ крови, и одна только покорность небесному предначаченію можетъ искупить преступленіе крови, которой послѣднія капли текутъ въ моихъ жилахъ. Жизнь моя уходитъ, никто никогда не зналъ моихъ горестей, никто не понималъ моихъ чувствъ. Меня называли тигромъ; но они меня не знали. Скажите мнѣ: когда всѣ усилія наши побѣдить свои чувства остаются бесполезными, когда мы жертвовали всѣмъ наслажденію, страсти, и потомъ смотримъ холодными глазами разсудка на все, чтѣ мы одѣлали и на все, чтѣ насъ ожидаетъ, чтѣ остается намъ въ этомъ мірѣ?»

— Вѣра, отвѣчалъ д'Онись: божественная вѣра, утѣшеніе сильнаго и опора слабаго.

«Увы!» сказалъ Ростэнъ, вздрагивая: «а страхъ того...»

— Будьте тверды, маркизь, сказалъ д'Онись: покайтесь искренно, изъ глубины души покайтесь, и не предавайтесь отчаянію; любовь...

«Любовь, любовь!» прервалъ его Ростэнъ, устремивъ взоры въ-верхъ и повтѣрля какое-то имл, котораго его духовный утѣшитель не могъ разслышать.

За симъ послѣдовала сцена ужаса, которую трудно было бы описывать: глаза Ростэна остановились и взоръ устремился на одинъ предметъ; онъ дрожалъ отъ ужаса, грудь его высоко подымалась, онъ говорилъ безсвязныя рѣчи.

«А! — здѣсь — ты здѣсь — это платье — эти розы

— а! а! — и убить его — да — твоего любовника прочь — прочь, оставь меня! Эта ненавистная улыбка — чего ты от меня хочешь? — смотри — смотри — она хохочет!»

Тутъ безумный самъ захохоталъ.

«Прочь, прочь! оставь меня — я ненавижу тебя — я ненавижу твою улыбку, дай мнѣ уснуть — прочь, или я умру.»

Онъ вдругъ умолкъ, волосы его стояли дыбомъ, и, поднявъ руки надъ головой, онъ закричалъ сверхъестественнымъ голосомъ:

«Клянусь небомъ, г. д'Онись, я и васъ убью!»

— Что это значить? сказалъ изумленный священникъ, обращаясь къ старой женщинѣ, хозяйкѣ дома, которая, услышавъ шумъ, поспѣшно вѣбжала въ комнату.

— «Это значить» сказала она: «что теперь полночь; по-этому вашей милости лучше уйти; пріятель вашъ не въ-состояніи будетъ говорить съ вами до утра. Около этого часа обыкновенно начинаются его припадки.»

— Но что за причина этихъ припадковъ? сказалъ д'Онись.

— «Не знаю» отвѣчала старуха: «я думаю, онъ надедалъ много зла въ свою жизнь и теперь его мучить раскаяніе; но изъ всего, что онъ говоритъ о платьѣ и розахъ какой-то кармелитской сестры, и еще по многому, я заключаю — извините, что говорю это вамъ, — я заключаю, что онъ похитилъ какую-то монахиню. Дядя его. . .»

— Какъ, у него есть дядя? сказалъ священникъ: какимъ же образомъ онъ живетъ у васъ?

— «Дядя его» отвѣчала старуха: «одинъ изъ фанониковъ соборной церкви; по его желанію онъ прі-

ѣхать сюда. Но его милость не можетъ выходить, а мой жилецъ не хочетъ ни жить съ нимъ, ни оставлять моего дома; онъ ничего не ѣсть, кромѣ хлѣба, ничего не пьетъ, кромѣ воды. Я увѣрена, — развѣ вы найдете какое-нибудь средство утѣшить его, — онъ не долго будетъ жить, потому-что замѣтно, какъ онъ чахнетъ со дня на день.»

Движимый духомъ христіанскаго самоотверженія и чувствомъ глубокой нѣжности и состраданія къ больному, д'Онись, раздѣлявшій мнѣніе старой хозяйки касательно недолговѣчности Ростѣна, рѣшился продолжить свое пребываніе въ Родесѣ еще на нѣсколько дней. Каждый день навѣщалъ онъ страдальца, заслужилъ его довѣренность и слышалъ отъ него многія признанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были истинно-ужасны; но чувство долга брамо верхъ въ его сердцѣ надъ всѣми другими чувствами, и онъ рѣшился употребить всѣ свои способности на обращеніе страждущаго грѣшника, убійцы его собственнаго брата, и на возвращеніе ему душевнаго спокойствія.

Не должно было терять время. Ростѣвъ таялъ постепенно, но быстро, — и этотъ, нѣкогда атлетъ, походилъ теперь на призракъ. Голосъ его ослабѣлъ, тѣло согнулось, и даже въ свѣтлыя его минуты, попытка пробудитъ въ душѣ его надежду на будущее оставалась бесполезною. Тѣмъ неменѣе каждый день и каждую ночь достойный служитель церкви приходилъ къ Ростѣну, и неуспѣшны были его старанія уничтожить въ умѣ бѣднаго грѣшника безнадежность на прощеніе въ иномъ мірѣ. Тщетны были всѣ утѣшенія его, всѣ бесѣды его, даже отпущеніе и разрѣшеніе грѣховъ, произносимыя надъ нимъ; его разстроенный умъ казалось, даже въ промежуткахъ яснаго самосознанія

и спокойствія, не былъ приготовленъ для истиннаго покаянiя; и хотя онъ постоянно занимался чтенiемъ священнаго писанiя въ-продолженiе кратковременнаго отсутствiя д'Ониса, но библiя его чаще лежала раскрытою на страницахъ угрызенiй совѣсти Иуды, чѣмъ на раскаянiи святаго Петра.

Черезъ нѣсколько дней Ростанъ очевидно сдѣлался спокойнѣе. Въ одну ночь д'Онисъ оставилъ его въ спокойномъ духѣ, и надѣялся найти его утромъ въ томъ же состоянiи. Ночь была холоднѣе обыкновеннаго; густой туманъ закрывалъ облака, и вѣтеръ, безпрерывно усиливаясь, дулъ попеременно съ разныхъ сторонъ. д'Онисъ возвратился, и кающiйся узналъ его въ ту же минуту. Онъ разговаривалъ съ нимъ; но глаза его оставались прикованными къ распятiю. д'Онисъ наблюдалъ за нимъ, полагая, что на него нашла минута благоговѣйной молитвы, и думая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что конецъ его существованiя былъ уже недалекъ.

Черезъ минуту нашелъ на него припадокъ. Снова представилась ему св. Роза. Онъ снова метался, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, произносилъ какiя-то невнятные слова, простиралъ руки къ призраку, въ одно время предмету любви его и ненависти; потомъ, вдругъ, повернувшись и вскочивъ на ноги съ пола, на который упалъ, увидѣлъ своего друга, сидящаго на его постели и слѣдящаго за ходомъ его припадка съ возрастающимъ безпокойствомъ и участiемъ. Этотъ видъ пробудилъ въ умѣ его мысль о трупѣ Тибурсiя на ложѣ Эмiони. Онъ отскочилъ назадъ съ воплемъ ужаса.

Совершенно не понимая причины этого новаго порыва бѣшенства, д'Онисъ всталъ, въ намѣренiи утѣшить и поддержать его; но тотъ бросился отъ не-

го прочь въ величайшемъ страхѣ. Онъ залился слезами, прося, умоляя тысячи разъ о прощеніи; но въ ту самую минуту, какъ добрый священникъ старался убѣдить его въ его заблужденіи, хотя и не зная откуда оно происходитъ, и взявъ его за руку, чтобъ разогнать его страхъ, бѣшенство его вышло изъ границъ, онъ бросился въ изступленіи на стѣну; закричалъ такимъ голосомъ, отъ котораго задрожали окна: «Тибурсій—Эліони—они живы—они любятъ другъ друга!» и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Д'Онись бросился къ нему на помощь,—но всякая помощь была ему бесполезна. Последняя отрасль знаменитаго дома де-Ганжъ уже не существовала.

(Изъ New Monthly Magazine, 1839.)

ГЕРОЙ.

«О, дайте саблю мнѣ! я не хочу покоя!
 Я не хочу влечить бездѣйствія оковы!
 Я жажду бурь и имени героя!
 И жить хочу воинственъ и суровъ!»...
 Услышаны его желанья и молитвы:
 Уже подъ знаменемъ Румянцева герой,
 Дитя побѣдъ и бурь, любимецъ грозной битвы,
 Опъ, какъ на пиръ, летитъ изъ боя въ новый бой.
 Смотрите: мчатся вотъ безстрашно лычары;
 Числа имъ нѣтъ, нѣтъ гибельныхъ препонъ,
 Опъ съ горстїю своихъ, посланникъ вѣчной кары,
 Противосталъ лишь имъ—и лычарь сраженъ!
 Вотъ Ляхъ шумитъ; кипитъ огнемъ Варшава;
 Россїи Марсъ возсталъ—и съ нимъ побѣды слава;
 Подавленъ бунтъ—и въ лаврахъ пашъ герой.
 Вотъ Альпы въ облакахъ грозятъ своими льдами,
 Надъ ними, какъ орлы, мелькаетъ храбрыхъ рать,
 На ружья преклонясь безтрепетно главамъ
 Стоитъ Французъ, чтобъ Русскихъ наблюдать;
 На битву съ храбрыми, природой и судьбами,
 Скажите, кто дерзалъ? лишь Аннибалъ, да опъ!
 Враговъ столкнулъ опъ съ горъ и слѣдомъ за врагами
 Сошелъ, увидѣлъ ихъ—и врагъ ужъ побѣжденъ!

Прошли года; въ гробахъ герои скрыты;
 Но чуждъ ему бездѣйственный покой;
 Смотрите—опъ стоитъ отважный, саповитый,
 Въ бронѣ, съ мечемъ, какъ Коклессъ, надъ Невой.
 Вотъ, кажется, бѣжитъ въ разгаръ кровавый боя,
 И мечетъ взоръ на Альпы и враговъ...
 Чело подъ каскою великаго героя,
 А ликъ въ огнѣ—торжественъ и суровъ..

Л. ЯКУБОВИЧЪ

IV.

ХУДОЖЕСТВА.

МАСТЕРСКІЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Мы вѣнчили себя въ непремѣнную обязанность познакомить читателей самымъ полнымъ образомъ съ произведеніями какъ предшествовавшей намъ эпохи, такъ и находящимися въ настоящее время въ мастерскихъ отечественныхъ художниковъ нашихъ. Не соблюдая очереди въ родахъ искусства, которымъ занимается каждый изъ художниковъ (да и существуетъ ли она?), не имѣя возможности расположить обзоръ нашего по категоріямъ, — что едва ли бы прида-ло занимательность самому обзору, а, можетъ быть, еще и повредило бы его разнообразію, — мы будемъ продолжать описаніе наше по мѣрѣ того, какъ случай

и время приводили насъ въ мастерскую того или другаго художника, не думая о томъ, чтобы сначала шли живописцы, потомъ скульпторы, потомъ гравёры, медальеры, и т. д. Принимаемъ единственнымъ руководителемъ нашимъ своевременность, и, увлеченные, можетъ быть, лишь свѣжестю впечатлѣній, боимся растратить ее въ методическомъ расположеніи.

Мы будемъ говорить нынче о почтеннѣйшемъ профессорѣ *Николаѣ Ивановичѣ Уткинѣ*.

Есть таланты, которые были въ мірѣ изящномъ или предвѣстниками будущаго блистательнаго состоянія какого бы то ни было рода искусствъ, или послѣдними его побурниками въ той степени совершенства, до которой оно достигало въ цвѣтущую эпоху своего классическаго развитія. Г. Уткинъ, въ числѣ немногихъ своихъ современниковъ и односвойственныхъ съ нимъ по роду искусства художниковъ (говоря собственно о гравёрномъ искусствѣ), принадлежитъ ко второй категоріи талантовъ.

Но прежде, чѣмъ будемъ мы имѣть право указать это мѣсто г. Уткину, прежде нежели мы рѣшимся вымолвить, что съ нимъ въ Россіи исчезнетъ, можетъ быть, истинно-классическое гравёрное искусство, мы попытаемся взглянуть на это искусство вообще, назначить по-возможности главныя точки его постепеннаго усовершенствованія, потомъ предзнаменовательныя обстоятельства его упадка, и наконецъ совершенное уклоненіе отъ настоящей цѣли и утрату собственного достоинства и самобытности, какъ рода искусствъ равносильнаго другимъ.

Мы, пока, не примемъ на себя лишняго долга писать исторію гравёрнаго искусства, не станемъ наперекоръ всеобщему убѣжденію отрицать, что оно явилось прежде XV вѣка и относить его происхожденіе къ отда-

ленной древности: мы начнемъ блглый обзоръ нашъ тѣмъ, что и въ то время — время праотцевъ гравировъ Мартына Шенгауера, Израеля Мехельна, Альберта Дюрера (германскихъ), Фингуэрры, Бадьяна Мантенья (итальянскихъ), что и въ эту первоначальную эпоху искусство гравированія получило уже свой настолщй характеръ — характеръ самобытнаго искусства; гравёры являлись не простыми только копиистами съ произведеній животныхъ и скульптурныхъ, а самостоятельными творцами геніальныхъ созданий; Альбертъ Дюреръ**, Сальваторъ-Роза, даже Рембрандтъ въ гравюрахъ пересоздавали только (хотя въ томъ же видѣ) свои картины съ тою же силою, съ тою же энергеею, какъ и самыя картины, а не копировали съ нихъ; это были попытки вновь (*contre-еrreuvres*) изображать тѣ же самыя сюжеты, разоблаченные отъ всѣхъ колоритныхъ красотъ, но зато отличавшіеся не меньшимъ творчествомъ и большею вѣрностию рисунка; многія изъ картинъ почти уничтожились, свѣжесть колорита исчезла, современемъ останутся отъ

* Не будемъ вмѣстѣ съ Пайпльономъ и Струтомъ искать эпохи происхожденія гравированья въ допотопной древности или у Евреевъ, потомъ у Египтянъ, и наконецъ у Грековъ и Римлянъ; оставимъ въ покоѣ и тѣхъ, которые уверяютъ, что Китайцы и Японцы были его изобрѣтателями, но скажемъ, что и въ позднѣйшее время, съ его появленіемъ въ Европѣ, не рѣшено еще до-сихъ-порѣ, Германцы или Итальянцы были первоначальными его производителями. *Вазари* стоитъ за Итальянцевъ, болѣе по убѣжденію патріотизма, а Массо-Фингуэрра былъ первымъ гравёромъ, по его мнѣнію; германскіе же писатели не уступаютъ и почитаютъ своихъ часовщиковъ и картошечниковъ существовавшихъ около XIII вѣка, гораздо прежде Фингуэрры, настоящими изобрѣтателями гравёрнаго искусства на ивди и деревѣ.

** Онъ былъ даже сильнѣе въ гравёрномъ отношеніи, чѣмъ въ живописномъ. Ктому же Альбертъ Дюреръ, Гольциусъ и Рембрандтъ въ Германіи и Голландіи, Пармезанъ и Делла-белла въ Италіи, Клодъ и Ле-Креркъ во Франціи, гравировали множество эстамповъ своего сочиненія, которые никогда не были произведены въ картинахъ,

иных одни лишь свѣтлые блики и темныя пятна, а эстампы не только останутся равносильными соперниками своихъ несправедливо-предполагаемыхъ прототиповъ, но некоторые изъ нихъ будутъ даже дороже цѣниться, нежели и самыя живописныя произведенія художниковъ, искаженныя временемъ *.

Какимъ же образомъ достигали такого совершенства талантливые гравёры самой первой эпохи этого искусства? Смѣло отвѣчаемъ: исполненіемъ всѣхъ условий—*изобрѣтенія, распредѣленія частей, гармоніи и кжерь-обскуры, съ соответствующими имъ рисункамъ, выраженіемъ, граціею и соблюденіемъ правилъ перспективы*. И не машины, не химическія препараты, не раздѣленіе труда были ихъ средствами, а простой рѣзецъ, управляемый опытною и творческою рукою художника.

Впослѣдствіи когда явились подраздѣленія искусства гравёрнаго; когда новыя изобрѣтенія, не движувъ впередъ въ существенныхъ достоинствахъ, сдѣлали его доступнымъ даже для простыхъ ремесленниковъ, не только людей хотя нѣсколько посвященныхъ въ таинства искусства; когда явились многія эпохи гравированья, какъ на примѣръ *mezzo-tinto* **, или

Рубенсъ высоко цѣнитъ Боллеверта, Ле-брёнь—Жерарда-Одрана, Раваззъ—Марка-Антонія Раймонди. Многіе изъ дивныхъ плафонныхъ чадъ художниковъ истреблены обстоятельствомъ времени; во вся красота ихъ, все изящество, за исключеніемъ колоритнаго блеска, сохранены въ эстампахъ его гравёра, т. е. Марка-Антонія Раймонди.

** Способъ *mezzo-tinto* или *Schwartzkunst* изобрѣтенъ въ половинѣ XVII вѣка подполковникомъ Свєгеномъ. Эта метода гравированья, совершенно-отличная отъ гравированія посредствомъ рѣзца и крѣпкой родки гораздо быстрее достигаетъ своей цѣли, нежели вся прочія. Приготовленіе доски беретъ лишь много времени. Размыываютъ лакъ особымъ круглымъ инструментомъ въ родѣ исаэчки (*betseau*), у котораго съ одного конца долото, изрѣзанное часто черточками. Этими-то инструментомъ водятъ по доскѣ отъ верха внизъ, отъ права влево, и

acqua tinta^{*}, или *opus mallei* и наконецъ *акварельный способъ****; то и тогда были люди, пытавшиеся поборники настраивающаго способа гравирования: ерксверно-разномъ и а *Real-forte*, который начинается ваян оцанчивается тьмъ же самымъ разномъ****. Не говори о живописцахъ-гравёрахъ, о медькавшихъ, молочно-скля зать, на сврихъ трудахъ вравёрныхъ: отъ подвздоовъ живописныхъ, мнъ назоремъ, въ исключеніемъ намко гихъ, всѣхъ гравёровъ XVII и половина XVIII вѣка, которыхъ должно отнести къ вышеупомянутой категоріи художниковъ**** и предпоследними представителями коихъ въ Германіи былъ Виль, во Франціи—его ученикъ Беранцъ.

дѣаютъ такимъ образомъ въ разныхъ направлѣніяхъ безчисленное множество квадратиковъ, образующихъ дикональными зѣніемъ; повторяють операцию болѣе двадцати разъ, и на доску, такимъ образомъ уже приготавливаемой, выцарапываютъ требуемый рисунокъ.

* Способъ *acqua tinta*, изобрѣтенный въ 1660 г. Геркулесомъ Зегерсомъ, живописцемъ утрехтскимъ, походитъ на обыкновенный способъ гравирования посредствомъ крепкой водки, которая также вытраиваетъ темныя тѣни, свѣтлыя же предохраняются отъ ея вліянія нагрѣтымъ економъ; въ промежутки же или поры этого еона входитъ крепкая водка, образующая илито въ родѣ тушевки или мига (*lavie*) и которая, т. е. поры, и составляютъ характеристическую особенность этого способа гравирования; въ произведеніи же этихъ илитоковъ или поръ заключается главная ея затруднительность.

** Или дуктировкой, содвинской съ способомъ вытраиванія посредствомъ долотца, а не рѣзца, съ помощью колотушки (*maillet*).

*** Небольшое пространство раздѣляло способъ акварельный отъ способа *acqua tinta*; съ помянемъ послѣдняго, первый былъ уже въ задачѣ. Здѣсь не одна доска исполняетъ свое назначеніе, а четыре и пять, пѣзъ конхъ каждая отгравировывалась соотвѣственно разположенію красокъ на картинѣ.

**** Есть два способа гравирования крепкой водкой: въ первомъ все оканчивается крепкой водкой (этотъ способъ болышею частью употребился живописцамъ); во второмъ выцарапываютъ сперва иголки, потомъ протравливаютъ водно, но доаживаютъ все рѣзецъ; такимъ способомъ гравировала болышая часть оаменитыхъ гравёровъ.

***** Жераръ-Обранъ, Смиль, Фрей, Эделникъ, Вулетъ и другіе.

Сила, свобода, сочетание той и другой подъ условіемъ непостижимой мягкости (*molleux*) составляютъ характерическія достоинства ихъ эстамповъ. Историческіе ли сюжеты, или пейзажные, или скульптурныя, — видѣнь тотъ же художническій умъ, то же знаніе фактовъ историческихъ, то же изученіе природы, человека какъ въ значеніи матеріальномъ, такъ и нравственномъ; относительно же требованій самого искусства, вездѣ та же ловкость, то же умыне владѣть и рѣзомъ и иголкой, та же вѣрность рисунка, та же чистота и окончательность*, то же соблюденіе духа и характера картины, если эстампы были неоригинальными, а дѣлались съ живописныхъ произведеній другихъ художниковъ.

Взгляните на «Лаокона» Бервика, который навсегда останется образцовымъ эстампомъ съ скульптурныхъ произведеній: найдется ли въ немъ хотя что-нибудь неудовлетворительное? Благородство, чистота и правильность формъ, жизнь и теплота, которыми проникнутъ *chef-d'oeuvre* античный, являются во всей силѣ и въ эстампѣ Бервика; рѣзецъ его смѣлъ, вѣренъ, развязенъ и прозраченъ, безъ натяжки, безъ монотоніи воспроизводитъ весь необходимый эффектъ мрамора; голова Лаокона, кажется, снята съ самого грѣпа: столько истины, силы и энергіи въ ея гравюрномъ изображеніи.

* Не надобно смѣшивать между собою этия два качества хорошаго эстампа. Первое, т. е. *чистота* состоитъ въ тщательности и точности механическаго исполненія гравюры, *оконченность* же въ гармоніи и силѣ эффекта, а также въ распредѣленіи свѣтлыхъ и темныхъ тѣней. Конечно необходимо для оконченности известная степень чистоты и тщательности; но развѣ нѣтъ эстамповъ, которые, бывъ тщательно и чисто отдѣланы, издали кажутся не болѣе какъ эскизами по своей недостаточной оконченности?

Въ такомъ-то блистательномъ положеніи, въ послѣдній разъ можетъ быть явилось гравёрное искусство подъ рѣзцомъ Бервика и немногихъ его современниковъ и учениковъ, въ числѣ коихъ былъ и нашъ Н. И. Уткинъ; большая же часть другихъ гравёровъ, увлекаемая механическими изобрѣтеніями, мнимымъ облегченіемъ труда гравёрнаго и фальшивыми эффектами, пошла по пути требованій вѣка и отступила отъ настоящаго вкуса и истинно-художническаго направленія.

Теперь, когда ремесленная машина вмѣшалась въ дѣло искусства изящнаго, когда видишь одну и ту же лицо, механически-протянутую и въ воздухѣ эстампа, и въ деревѣ, и въ фигурѣ, и въ водѣ, и въ землѣ; когда умъ, рука и рѣзецъ сдѣлались второстепенными дѣятелями въ искусствѣ; то врядъ-ли несправедливо убѣжденіе, что это искусство находится въ состояніи упадка, что тѣ, которые занимаются имъ машинально, не истинные художники, но что тотъ художникъ, который, не смотря на упадокъ и отрицательное направленіе своего искусства, не дѣлая изъ своего таланта игрушки капризнаго вѣка, не увлекаясь толпою, свято сохраняетъ въ душѣ истинныя правила, посвящая въ немъ великимъ наставникомъ, съ высокимъ сознаніемъ истинно-изящнаго,—можетъ смѣло назваться представителемъ падающаго искусства и заслуживаетъ болѣе, чѣмъ уваженіе и вниманіе своихъ несправедливыхъ современниковъ.

Такъ смотримъ мы, и, кажется, нешибочно, на почтеннаго гравёра и профессора нашей академіи, Николая Ивановича Уткина.

Въ мастерской его теперь немного новыхъ произведеній; нѣкоторыя изъ нихъ только-что начаты, другія доведены до половины, и говорить о нихъ стоить

же трудно, какъ о картинѣ, которая не только не подмалевана, но даже и не набросана на полотно*. За то мы съ новымъ, возродившимся восхищеніемъ разсматривали прежнія произведенія его творческаго рѣзца. Здѣсь *Эней, выносящій отца* своего изъ горящей Трои, тамъ *Свѣтое семейство*, потомъ безчисленный рядъ портретовъ, нашихъ отечественныхъ знаменитостей, представителей нашей родной славы, потомъ множество аллегорическихъ фронтисписовъ, красивыхъ и вѣрныхъ рисунковъ къ классическимъ сочиненіямъ—все увлекало насъ, все возбуждало въ насъ попеременно и истинно-ученое вниманіе и новое, отрадное патріотическое чувство, и чисто-эстетическій восторгъ.

Если г. Уткинъ не преслѣдовать своейъ склонности къ высокому историческому роду, которая столь блестятельно развилась въ его «Энеѣ», еще въ 1812 г. составлявшемъ уже украшеніе парижскаго музеума; то не онъ причиною уклоненія, а тысячи обстоятельствъ, въ продолженіе, можетъ быть, 20 лѣтъ разстроивавшихъ стремленіе его таланта къ любимому имъ роду гравёрнаго искусства, именно историческому. И *апатическое* невниманіе его современниковъ, уничтожившее не одинъ уже талантъ, по преимуществу должно за-

* Особливо если вспомнить классическій способъ гравированія г. Уткина, который прежде совершеннаго окончанія можетъ дать понятіе только о частяхъ, но никакъ не даётъ понятія о цѣломъ, ансамблѣ. Это не вышшая манера дѣлать гравёрные эскизы, ксесчастью употребляемая и нашими молодыми гравёрами; въ этихъ немногихъ еще какъ пробахъ видны уже и первый, и второй и третій штрихъ и даже пунктировка; цѣль этого состоитъ въ томъ, чтобы на зъ началъ проявить мнничій эскизъ, а нѣтъ, наприимръ, воздуха, который первый опредѣляетъ общій характеръ эстампа. Не такъ гравировалъ Бервикъ, не такъ гравировать Уткинъ и Тоска, его ученики; но, ксесчастью, ученики послѣднихъ отступили уже отъ истиннаго пути и увлеклись ложнымъ направленіемъ ихъ искусства.

нать первое мѣсто въ числѣ этихъ обстоятельствъ; но оно могло только отклонить, отклонить талантливаго человека отъ любимаго имъ рода, а не совершенно уничтожить святой пламень, зажженный свыше въ груди художника; этотъ пламень ищетъ и находитъ всегда новый путь для проявленія.

Вмѣсто того, чтобъ быть историческимъ гравёромъ, Уткинъ сдѣлался портретнымъ — и здѣсь тотъ же успѣхъ, то же искусство, ловкость, чистота и окончательность навсегда сдѣлались его спутниками и отличительными качествами его произведеній.

Изъ современныхъ портретныхъ гравёровъ одинъ только Тоски, по нашему мнѣнiю, можетъ поспорить въ вѣрности, силѣ и точности исполненія всѣхъ требованій истиннаго гравёрнаго искусства съ г. Уткинымъ. Товарищи между собой и ученики Бервика, они не посрамятъ славы рѣзца своего наставника и до-сихъ-поръ остаются единственными и достойнѣйшими представителями древней классической школы гравированья.

Заклучимъ нашъ отзывъ о почтеннѣйшемъ Н. И. Уткинѣ перечнемъ его работъ и эстамповъ. *Иоаннъ Креститель*, проповѣдающій въ пустынѣ, съ картины Менгса; *Лица дикихъ народовъ* къ «Путешествiю около свѣта» Сарычева; портретъ *Михаила*, бывшаго впоследствии митрополитомъ; портретъ г. *Муравьева*. Въ Парижѣ гравированы имъ: *Эней, выносившій отца своего изъ горлицей Трои*, съ картины Доминикино; два бюста *Сократа*, одинъ *Платона* и одинъ *Гомера*; четыре бюста *Сициона-Африканскаго* въ разныхъ поворотахъ; четыре бюста греческихъ мудрецовъ *Віаса* и *Фалеса*, по два каждаго; изображеніе древностей *Геркуланума*; портретъ *Куракина*; портретъ

во весь ростъ *Екатерины II*, съ Боровниковскаго. Портреты же: *Суворова*, писаннаго Шмидтомъ, графа *Аракчеева*, митрополита *Михаила*, Его Императорскаго Высочества *Константина Николаевича*, гг. Мюллера, Демидова, Карамзина (два раза), *М. Н. Муравьева*, большого формата. Портретъ доктора *Бульскаго*, и шесть рисунковъ большихъ операций въ каменной болъзни; гербы для многихъ особъ: *А. Н. Оленина* (два портрета, большой и маленькій); *С. С. Уварова*; *Семановой-старшей*, бывшей актриссы. Лица греческихъ героевъ изъ «Илліады». Портреты: вице-адмираловъ *Рикорда*, *Розенвейга*, полковника *Ливена*, *Пушкина* (одинъ на мѣди, другой на стали), Великой Княжны *Марии Николаевны*, доктора *Лейтона*, *Державина*, *Долносорова* и его монументъ въ *Архангельскѣ*, *Дмитрія Самозванца*, *Марини Мнишекъ*, *Гамалея* и *И. А. Крылова*; медаль, представляющая портретъ *Кановы*; нѣсколько дипломовъ; портретъ *Жуковскаго*; лошадь для *кунтискамеры*, другая лошадь для графа *Шувалова*; образъ *Св. Митрофана*; для ректора *Шебуева фронтисписъ* и двѣ доски съ рисункомъ для его «*Анатоміи*»; для вице-президента Академіи Художествъ графа *Толстаго*, 20 медалей, изображающихъ достопамятныя побѣды 1812 года.

Отъ *Н. И. Уткина* зашли мы въ мастерскую *А. Г. Варнека*, почтеннаго профессора нашего и замѣчательнаго портретиста.

Великое дѣло портретъ въ живописномъ искусствѣ. Не отнимая преимуществъ у историческаго рода, разнообразія и роскоши у пейзажнаго, но въ то же время, принявъ въ соображеніе всю обширность способовъ, которыми обладаютъ эти первоклассные роды живописи, идею, сочиненіе, группировку, разговоръ, даже пра-

во иногда идеализировать красоты вещественныя *, — мы не можем не сдѣлать себѣ вопроса: какимъ образомъ *родъ портретный*, лишенный всякихъ этихъ могучихъ средствъ, можетъ равносильно увлекать насъ и дѣйствовать на наше эстетическое чувство? какимъ образомъ пояснѣя или во весь ростъ фигура челоуѣка, большею частью, одинокая, лишенная всякой обстановки, украшеній, въ всеневномъ костюмѣ, въ самой незынской, часто даже безцѣльной позѣ, можетъ остановить и приковать къ себѣ вниманіе зрителя?

Но въ этой изолированной фигурѣ, въ этомъ изображеніи ничуть-неисторическаго лица проявленъ индивидуальный характеръ иногда даже совершенно незнакомаго намъ челоуѣка. Языкъ безмолствуетъ, но очи, движеніе устъ, поворотъ головы, всѣ черты лица, все положеніе фигуры высказываютъ или рѣзкую огненную страсть, или обыкновенно-тайную грусть, или ярко-блещущую радость. Все есть въ этомъ портретѣ: мастерская кисть художника подмѣтила всѣ характеристическіе признаки его изображаемаго субъекта, не исключая даже и непривужденнаго положенія его руки, безотчетной, привычной ему позы, — и передъ вами кипитъ, движется драма уединеннаго быта челоуѣка, или поглощеннаго внѣшнею жизнью, или обуравяемаго порывами внутренними.

Отчего въ характерныхъ портретахъ Рубенса, оригиналы которыхъ попадались ему иногда въ стѣнахъ дворцовъ европейскихъ, или подвѣртывались подъ кисть на площадяхъ антверпенскихъ, болѣе художественнаго интереса, чѣмъ въ иной колоссальной исто-

* Конечно, всѣ эти средства составляютъ вмѣстѣ и трудности исторической и пейзажной живописи, и трудности иногда непродолимыя, но только для посредственности: истинный талантъ смотритъ на нихъ, какъ на орудія созданія, которыя у него подъ рукою.

ритической картинѣ? Отчего въ колоритныхъ изображеніяхъ Ван-Дейка до того много жизни, натуральной, истины и художественной правды, что, кажется, видишь его героевъ живыми, действующими, мыслящими? Оттого, что эти цари живописнаго искусства видѣли въ портретномъ родѣ не просто лодочку и умѣнье схватить какъ-нибудь сходство, а высшее дѣло разоблаченія души человеческой, его наружными чертами знаменованъ добрыя и дурныя его качества, и «смѣлыми ударами огненной кисти» говоря словами Рубенса «раскрывать тайники внутренняго человеческого міра».

Съ этой точки разсматриваемое портретное искусство становится если не выше, то по-крайней-мѣрѣ въ уровень со всеми родами живописи. Странно, отчего это; но и въ самой исторической картинѣ мы ищемъ портретовъ, мы любимъ находить ихъ... А потому каждый портретъ долженъ быть дополнительнымъ листкомъ книги «о человѣкѣ вообще», каждое индивидуальное изображеніе, прежде, нежели оно будетъ изображеніемъ кого-нибудь именно, должно быть вѣрнымъ сколкомъ, хотя съ одной стороны, идеи о чело-вѣчествѣ вообще.

Давно эти мысли о портретномъ искусствѣ представлялись намъ: омъ же посѣтили насъ и въ то время, когда мы вошли въ мастерскую г. Варнека.

Было время, когда г. Варнекъ своимъ талантомъ и многочисленными произведеніями привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе знатоковъ и любителей: кто не видалъ и не любовался его *Трубадуромъ**, его *Итальянской Крестьянкой*, десятками, сотнями его другихъ

* Такъ по-крайней-мѣрѣ называемый; въ сущности же это портретъ художника Баранова, ученика г. Варнека.

картинъ и портретовъ? Теперь ни время, ни другія служебныя занятія не позволяютъ почтенному художнику обнаруживать талантъ свой въ прежнемъ блескѣ и съ прежнею дѣятельностію; но и при этихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ — любовь къ искусству волнуется еще душу почтеннаго артиста: создающа мятутся передъ нимъ, и кисть, повинувшись труду урывочному и раздѣленному между другими занятіями, творить еще произведенія, достойныя предшествовавшихъ.

Множество портретовъ, начатыхъ и неконченныхъ, представились глазамъ нашимъ, когда мы вошли въ мастерскую г. Варнека; но и въ этихъ началахъ видно уже самое естественное расположеніе, необыкновенная мягкость кисти и вѣрно-уловленное сходство.

Ни въ одномъ произведеніи г. Варнека ни настоящей ни прошлой эпохи его художественной дѣятельности не видно рабскаго подражанія классическимъ портретистамъ, если можно такъ выразиться; но вездѣ рѣзко высказывается глубокое знаніе этихъ великихъ образцовъ, которыхъ изученіе иногда наводитъ другихъ на ложный подражательный путь, оканчивающійся искаженіемъ того, что есть прекраснаго въ прекрасномъ, и сохраненіемъ однихъ только недостатковъ, нечуждыхъ и самымъ совершеннѣйшимъ произведеніямъ: въ немъ это изученіе было лишь необходимою гранью его самообытности, а самообытность состояла въ соблюденіи приличнаго и натуральнаго при точной вѣрности природѣ, ловимой живою, мягкой, теплою кистью.

Слѣдуетъ познакомить читателей съ предшествовавшими произведеніями А. Г. Варнека и укажемъ мѣста, гдѣ они выходятся.

Портреты: графа Александра Сергѣевича *Строганова* во весь ростъ, въ андреевскомъ орденскомъ одѣяніи, сидящаго съ планомъ Императорской Академіи Художествъ въ рукѣ,—находится у его наследниковъ; *Алексѣя Николаевича Оленина*, президента академіи, козынный; *супруги его* Елизаветы Марковны,—той же мѣры, находится также у него;—митрополита санктпетербургскаго и новгородскаго *Михаила*, поясной и митрополита санктпетербургскаго и новгородскаго *Серафима*, поясной,—находятся у княгини Софьи Сергѣевны Мещерской;—князя Александра Николаевича *Голицына*, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, для Казанскаго Университета, поясной;—графа Петра Петровича *Коновницына*, полной, находится у его наследниковъ; Александра Дмитріевича *Балашева* бывшаго министра полиціи, поясной, находится у наследниковъ, и *супруги его*, той же мѣры, находится тамъ же; адмирала Николая Семеновича *Мордвинова*, поясной, находится у него; генерала отъ артиллеріи Алексѣя Ивановича *Корсакова*, поясной, въ орденской александровской мантии, находится у наследниковъ; архіепископа католической церкви *Сестреницка-Вогуша*, для Петербургской (нынѣ второй) Гимназіи, поясной; господина тогдашняго оберъ-полицеймейстера Павла Васильевича *Кутузова*, нынѣ генерала отъ кавалеріи, поясной, находится у него; генераль-лейтенанта Николая Исаевича *Алфердова*, бывшаго кавалеромъ при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, и *супруги его*—поясные, находятся у супруги его, вдовы; генераль-майора Федора Исаевича *Алфердова*, поясной, находится у наследниковъ; генерала *Депрерадовска*, командовавшаго въ то время кавалергардскимъ полкомъ, поясной, находится у него;

каммергера Алексѣя Захаровича *Хитрово*, нынѣ генераль-контролёра, поясной, находится у него; генераль-майора *Княженина*, лейбъ-медика Осипа Кирилловича *Каменецкаго*, поясные, писанные для графа Аракчеева; графа *Сен-Прізста*, бывшаго херсонскаго губернатора, писанъ для отца его, который, во время переѣзда во Францію, погибъ отъ кораблекрушенія; графа *Лан-Жерони*, генерала отъ инфантерій, — кабинетнаго формата, находится у наследниковъ; сенатора оберъ - прокурора *Барацова* и сенатора *Каверина*, находятся у наследниковъ, поясные; губернатора *Баумгартена* и гусарскаго ротмистра *Шредера*, поясные, находятся у нихъ; генераль-майора артиллеріи *Маркова*, поясной, у него; графа Александра Павловича *Страганова*, свиты Его Величества оберъ - офицера и *Апраксина*, свиты Его Величества оберъ-офицера, и поясные, писаны для княгини Натальи Петровны Голицыной; барона *Д'Огера*, поясной, у наследниковъ; сенатора *Захарова*, Ивана Семеновича, покладный, у Государя-Наслѣдника; генераль-майора Якова Ивацovichа *Слатвинскаго*, два портрета, поясные, находятся у него, одинъ въ полковничьемъ, а другой въ генеральскомъ мундирѣ; графа Юанна *Потоцкаго*, известнаго ученаго и путешественника, представленнаго у египетскихъ пирамидъ, съ хартією иероглифовъ въ рукъ, написанъ по-кольну, находится въ Польшѣ, въ его имѣніи (за сей портретъ Варнекъ произведенъ въ академика); сенатора графа *Севѣрина-Потоцкаго*, поясной, писанъ для него; генераль-лейтенанта Александра Ильича *Хатова* и супруги его, грудные, находятся у нихъ; губернатора тамбовскаго, статскаго совѣтника Петра Андреевича *Нилова*, поясной, находится у него; господина *Болонія*, тогдашняго консула въ Палермѣ, и супруги

его, поясные, находились въ Палермѣ; кнѣгини *Урусовой*, супруги бывшего петербургскаго вице-губернатора, урожденной Кусовой, поясной, находится у нея; г-жи *Гаревой*, урожденной Клейнмихель, поясной, находится у нея; г-жи *Адамсъ*, супруги морскаго оберъ-офицера, поясной, у нея; генералъ-майора Александра Христіановича *Шмита*, въ полковничьемъ мундирѣ, поясной, находится у него; г. полковника гвардіи *Гурка* и супруги его, поясные, находятся у нихъ; г-жи *Уваровой*, супруги шталмейстера двора Его Величества, поясной, находится у нея; ея прѣвосходительства Варвары Ивановны *Ланской*, поясной съ руками, находится у нея; поручика Перваго Кадетскаго Корпуса Александра Ивановича *Килля* и супруги его, грудные, находятся у нея; г-на *Пушкина* (не Александра Сергѣевича) въ 14-лѣтнемъ возрастѣ въ овалѣ, грудной; г-на доктора медицины Федора Карловича *Мильгаузена*, поясной, находится у него въ Крыму; именитаго гражданина Василья Алексѣевича *Злобина*, поясной съ руками, находится у наследниковъ; г-на *Гурьева* съ бюстомъ Сократа, поясной съ руками, находится у него; г-жи Елизаветы Николаевны *Кусовой*, супруги бывшего головы петербургскаго купечества, поясной съ руками, находятся у него; г-на 1-й гильдіи купца Ивана Александровича *Уварова* и супруги его, урожденной Кусовой, поясные, находятся у нихъ; г. чиновника Александра Ермолаевича *Наумова*, поясной, находится у него; г-жи *Сывороткиной*, супруги смотрителя сухопутныхъ госпиталей, поясной, находится у нея; г-жи Александры Прокофьевны *Алферовской*, супруги сахарнаго фабриканта, поясной, находится у нея; г. академика Ивана Еремеевича *Яковлева*, поясной, и молодаго пѣвчаго Турка, взятаго подъ Сялистріей графомъ Лан-Жерономъ, по-

ясной, находится у Николая Ивановича Кусова; г. *Бутковского* и супруги его, колѣнные съ руками, находится у нихъ; ея превосходительства г-жи К. А. *Васильчиковой*, находится у дочери ея, супруги московскаго генерал-губернатора, княгини Татьяны Васильевны Голлицыной, полсной; княгини Натальи Петровны *Голлицыной*, находится у дочери ея, графини Софьи Владимировны Строгоновой, полсной съ руками; г-на пробста *Таваата*, находится съ петербуржской шведкой церкви, колѣнный съ руками; семейство доктора *Албини*, поколѣнные, находится у него; г-на бывшаго ректора академiи Ивана Петровича *Мартоса*, г-на конференц-секретаря академiи Василья Ивановича *Григоровича*, два портрета поясные, находится у г. Григоровича; художника *Баранова*, ученика Варнека, играющаго на гитарѣ и названнаго *Трубадуромъ*, поясной, писанъ для Алексѣя Ивановича Корсакова и находился у него въ галлерей; *стопятнадцатью старика* съ палкою въ рукахъ, бывшаго натурщика въ академiи; головка молодой *Итальянки*, которая держитъ въ одной рукѣ золотое сердечко, находится нынѣ въ галлерей графа Строганова въ Петербургѣ; портретъ профессора *Варнека*, освѣщенный сзади, грудной, находится въ Академiи Художествъ; *его же*, въ бархатной шапкѣ, пишущаго, поясной, находится въ городѣ Данцигѣ; *Итальянской крестьянки* (сіосіагга) находится у князя Дондукова, поколѣнный; картина въ трехъ фигурахъ (по колѣна) *женщина, подающая нищему хлѣбъ*, находится у г. Кусова; *пейзажъ съ фонтаномъ* на первомъ планѣ, находится у г. Кусова; портретъ г-жи *Философовой*, поясной, находится у супруга ея; небольшая картинка *Святое семейство*, писанная маемди, у него же; *пейзажъ съ водопадами*, у доктора Мильгаузена, въ Крыму; портретъ г. скульптора *Ка-*

Т. II. — Отд. IV.

щенкова, играющаго на скрипкѣ, — *мужика* смѣщающагося, со штофомъ въ рукѣ, проданы въ Лондонѣ; въ двухъ картинахъ *Четыре Евангелиста* для австрійскаго полка въ военномъ поселеніи (за сіе г. Варнекъ получилъ Высочайшее благоволеніе); *Благовѣщеніе* и *четыре Евангелиста*, писанные на желѣзныхъ кругахъ для церкви Академіи Художествъ; стоящая фигура *Іоанна Евангелиста* съ посохомъ и книгою, для Казанскаго Собора; голова *Іоанна Евангелиста* въ молодыхъ лѣтахъ, съ руками, овальной формы, находилась въ галлерей статскаго совѣтника Свинына; портретъ г. коммерціи совѣтника Еліазара Исааковича *Фейгина*, полсной, съ руками, находится у него; небольшая картина, изображающая *крестьянина* *полицца* *лошадь*, въ фламандскомъ вкусѣ, находится у г. Нилова; небольшого размѣра фигура *Филоклетта*, выльпленная изъ глины въ 1812 году, потомъ вылитая изъ бронзы, находится у генерала-отъ-артиллеріи Алексѣя Ивановича Корсакова; портретъ Александра Христофоровича *Востокова* въ молодыхъ лѣтахъ, находится у г-на Иванова; формовальнаго мастера г. *Иванова*, поясной, находится у него; портретъ бывшаго *губернера Академіи* и супруги его, писанные въ 1807 г., грудные, находятся у наследниковъ; два эскиза конченные — одинъ, изображающій *Іоанна Евангелиста*, а другой *Магдалину*, писанные для Казанскаго Собора, находятся у г-на коммерціи совѣтника Кусова; г. *основателя Арзамаской Школы*, первый опытъ г. Варнека, находится въ Арзамасѣ; петербургскаго 1-й гильдіи купца *Замараева*, заказанный отъ благодарнаго и благодѣтельствованнаго Замараевымъ одного купеческаго семейства....

Здѣсь кончимъ мы нашъ взглядъ на труды г. Варнека, позволивъ себѣ напередъ, какъ-бы въ видѣ вступленія,

разговориться о портретномъ родѣ живописнаго искусства. Не новостъ мысли увлекала насъ, но желаніе внести отъ души лепту въ сокровищницу художественнаго знанія и именно о томъ предметѣ, который, можетъ быть, въ мнѣніи нѣкоторыхъ не цѣнится въ настоящей степени эстетическаго значенія. Есть роды искусства, которые стоитъ только назвать, чтобы обратить на нихъ вниманіе; о нихъ говорить и пишутъ томы со временъ Винкельмана, сказать даже нечего про нихъ — все сказано; но и эта полнота и колючая отдылка предмета не мѣшаетъ созерцать его, увлекаться имъ. Мы скажемъ это хоть-бы о скульптурѣ, и войдемъ въ мастерскую почтеннаго профессора нашего и скульптора *Демута-Малиновскаго*.

Здѣсь ужъ просто, безъ вступленій, скажемъ, что мы были поражены разнообразіемъ дѣятельности художника и бѣгlostью, съ которой первая идея, часто подсказанная налету постороннимъ заказомъ, часто дѣлаемая на-скоро съ назначеннаго рисунка, отливается въ металлическія формы, или отливливается подъ стеклой, управляемой смѣлою и опытною рукою художника.

Заказы въ опустошеную пламенемъ церковь Зимняго Дворца, наиболѣе занимаютъ въ настоящее время художника, и мы видѣли множество фигуръ, изображающихъ небесныя силы, которыя, не повторяясь ни въ формахъ, ни въ положеніяхъ, производились подъ его рукою.

Разсматривая другія произведенія художника, назначенныя тоже для Зимняго Дворца, мы обратили особенное вниманіе на круглыя фигуры, представляющія Божию Матерь, Іоанна и колоссальное распятіе Христа. Отличительное достоинство послѣдняго, если въ не окончательности отдылки, чтобы не сказать

лѣпки, то, по-крайней-мѣрѣ, въ совершенно-удовлетворительномъ сочиненіи, въ всячемъ поворотѣ головы, въ правильно-выдавшемся торсѣ, въ невозможносогнутыхъ колѣняхъ, въ страдальчески-раскинутыхъ рукахъ,—словомъ, въ расположеніи всей фигуры.

Изваянное изображеніе Божіей Матери привлекло тоже наше вниманіе своимъ горестно-скорблющимъ выраженіемъ; а движеніе рукъ довершило высокое эстетическое впечатлѣніе, произведенное на насъ этою послѣднею работою самобытнаго, давно уже признаннаго и оцѣненнаго художника нашего.

Изображеніе Іоанна неменѣе удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, и самая короткость фигуры, которая не исчезнетъ отъ пристального разсмотрѣнія, исчезаетъ въ прочихъ совершенствахъ и достоинствахъ цѣлаго.

Почтенный художникъ не сдерживаетъ своей дѣятельности. Теперь ли, прежде ли,—онъ одинъ и тотъ же, а для сравненія прочтите перечень его предшествовавшихъ произведеній; и для того, чтобы повѣрить, достойны ли они художника, стоить успѣшно досихъ-поръ подвизающагося на поприщѣ изящнаго,—взгляните на мѣсто, гдѣ они находятся; мы вамъ укажемъ. Имъ сдѣланы —

Для Казанской Церкви: фигуры св. *Андрея Первозаннаго* и *Архангела Гавріила*, колоссальная, изъ гипса, — изъ мѣди вылиты мастеромъ г. Екимовымъ. У Московской Заставы: колоссальные *быки*, на гранитныхъ полърованныхъ пьедесталахъ, отлитые изъ мѣди литейщикомъ Андипомъ Дмитриевымъ и много-попорченныя отъ моделей при составленіи. Для Императорской Публичной Библіотеки: на аятикѣ сидячая *Минерва* съ атрибутами, изъ гипса; между колонъ: *Демосфенъ*, *Иппократъ* и *Архимедъ*;

барельефы по фасаду, изображающіе занятіе, покровительствуемое Минервою, изъ гипса; колоссальный бюстъ *Императора Александра*, мраморный. Для дворца Его Высочества Михаила Павловича: вокругъ всего дворца барельефы вышиною 3 арш; внутри дворца военная арматура по рисункамъ г. архитектора Росси и нѣсколько суппортовъ, все изъ гипса. Для Александринскаго Театра: двѣ колоссальныя статуи, въ сидячемъ положеніи изображающія музъ *Терпсихору* и *Полимию*, изъ гипса; внутри театра всѣ лѣпныя украшенія, по рисункамъ г. архитектора Росси, выбивныя изъ листовой мѣди на казенномъ заводѣ г. Кларка. Для дворца на Елагиномъ-Острову, въ круглой залѣ: четыре барельефа и суппорты, изъ гипса; *Кариатиды* и *Термы* по рисунку г. архитектора Росси. Для Триумфальныхъ-Воротъ по петергофской дорогѣ: колоссальная статуя *воина* въ древнемъ русскомъ костюмѣ, изъ выбивной листовой мѣди. Для Главнаго-Адмиралтейства: 12 статуй, изображающихъ 12 *мльсцовъ*, 5 статуй около спица, колоссальная сидячая статуя *Александра-Македонскаго*; на гранитныхъ пьедесталахъ колоссальныя лежащія статуи, изображающія рѣки: *Неву* и *Днѣпръ*, всѣ изъ пудожскаго камня. Для Главнаго Штаба: *колесница* съ двумя конями и *воинъ*, удерживающій ихъ лѣвою рукою, огромные *трофеи* и *арматура* по рисункамъ г. архитектора Росси; *молодой воинъ*, изъ выбивной листовой мѣди, отлитый на казенномъ заводѣ г. Кларка. Для Сената: двѣ модели *геніевъ* на антикѣ, гербъ российский, при коемъ сидящія фигуры *Впры* и *Закона*, вылитыя изъ мѣди на заводѣ Кларка. Для Зимняго Дворца: сдѣланныя прежде по рисункамъ г. Монферрана и Росси, огромныя барельефы *Кариатидъ* и прочихъ украшеній, которыя истреблены пожа-

ромъ; дѣлаются вновь для Большой Церкви: *распятие* въ 3 аршина, статуя *Божіей Матери* въ 2 аршина 14 верш., *Иоанна* въ 2 арш. 15 верш., *двухъ Ангеловъ* въ 3 арш. и 8 верш., и множество другихъ украшеній храма, изъ папье-маше, мастеромъ Адтомъ, золоченыя. Для Биржи: модель, сдѣланная вполонину и изображающая *Нептуна*, съ 4 морскими конями развѣзжающаго по водамъ; по бокамъ рѣки: *Нева* и *Днепръ*, рубленныя въ большомъ размѣрѣ скульпторомъ Тибо изъ пудожскаго камня. Для дворца на Елагиномъ Острову въ большой залѣ надъ печами: двѣ статуи *изобилія и торговли*, по рисунку Томсона, изъ гипса. Въ Домъ Исправительный: два колоссальныя *ангела* на колѣняхъ, на аттыкѣ изъ гипса. Въ церковь Алая, въ Ревель: барельефъ *ветери тайныя*, выбитый изъ мѣди г. Бажаповымъ-сыномъ. Въ Царское Село къ башнѣ: четыре статуи *рыцарей*, изображающихъ Русскаго, Англичанина, Нѣмца и Француза, четыре группы *мальчиковъ* на павильонѣ, вылитыя изъ чугуна на казенномъ заводѣ г. Кларка. Въ Павловскомъ Дворцѣ: двѣ *Кариатиды* въ фонарикѣ, по рисунку г. архитектора Воронихина, изъ гипса (за это художникъ получилъ благоволеніе покойной Императрицы Маріи Ѳеодоровны). Въ помѣстьи князя Барклая де Толли: *памятникъ*, состоящій изъ двухъ фигуръ и бюста съ атрибутами и подъ онымъ барельефъ русскихъ *воиновъ*, идущихъ на Монмартръ, вылитыя изъ мѣди литейщикомъ Антипомъ Дмитриевымъ. На дачу графа Кушелева-Безбородко: колоссальный бюстъ графа Илья Андреевича Безбородко и *памятникъ* ему, поставленный въ Александровской Лаврѣ, вылитыя изъ мѣди г. Бажаповымъ. Въ Императорской Академіи Художествъ: статуя, изображающая *русскаго Сцевола*, отрубаящаго себѣ руку, изъ гипса.

И. КАМЕНСКІЙ.

V.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРО- МЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

О ВОЗВЫШЕННОМЪ КУРСѢ ДЕНЕГЪ ВЪ НА- ШИХЪ ВНУТРЕННИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Съ нѣкотораго времени общее вниманіе обращено на одно по-видимому важное обстоятельство въ нашей финансовой системѣ, на постоянное возвышеніе цѣнности нашихъ денегъ во внутреннихъ губерніяхъ: дорожаютъ ассигнаціи, всякая русская монета и даже иностранная. Каждый толкуетъ по-своему объ этомъ явленіи; всѣ думаютъ, нельзя ли остановить странное движеніе цѣнностей, запутывающее расчеты, въ-особенности мелочные, затрудняющее сдѣлки, и, хотя непримѣтно, но постоянно у каждаго промышленника, торговца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у потребителя уносящее процентъ изъ его капитала. Въ «Коммерческой Газетѣ» и «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» предлагаются мѣра: всѣ торговыя сдѣлки совершать на ассигнаціи, именно на ту или другую монету; въ

нѣкоторыхъ изъ другихъ русскихъ журналовъ помѣщены статьи, или показывающія нѣсколько историческихъ данныхъ въ нашихъ государственныхъ финансахъ, или заключающія въ себѣ подробное разсужденіе о лажѣ; но при всемъ участіи къ этому предмету, проникшемъ отъ кабинетныхъ бесѣдъ до нашихъ журналовъ, курсъ, лажъ, промѣнъ, возвышеніе денежной цѣнности, то жалобы на происходящій отъ того безпорядокъ, то споры о безвредности этого явленія въ обратномъ движеніи суммъ, обвиненія мѣняль въ злоупотребленіяхъ, толки о негоціанствѣ, банкахъ составляютъ массу мнѣній, запутанную и, кажется, еще довольно-неясную.

Всѣ сужденія печатныя и всѣ толки сводятся на нѣсколько главныхъ вопросовъ:

1) Отъ-чего съ нѣкотораго времени у насъ постоянно возвышаются въ значеніи своемъ представители цѣнностей, деньги, во всемъ ихъ объемѣ?

2) Отъ-чего происходитъ это именно въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ?

3) Есть ли это дѣйствительно слѣдствіе стачки или умышленного сговора изъ видовъ барыща нашихъ торговцевъ деньгами?

4) Имѣетъ ли это явленіе вредное вліяніе на наши производительныя силы?

5) Вредно ли оно въ какомъ либо-другомъ смыслѣ? и, наконецъ,

6) Нужно ли отвращать его, и, если нужно, то какими средствами такъ-сказать отвердить значеніе денегъ?

Последній вопросъ есть дѣло правительства, которое, при вниманіи къ государственнымъ потребностямъ, когда онѣ бывають, не оставляетъ пещись о мѣрахъ къ упроченію общаго благосостоянія. При-

томъ наша финансовая система такъ высоко стоитъ въ системахъ другихъ государствъ, что не намъ слѣдуетъ за ея движеніями. Если правительство усмотритъ нужду въ распоряженіяхъ, оно не преминетъ ихъ сдѣлать, и на тѣхъ данныхъ, которыя всегда имѣетъ подъ рукою и которыя остаются недоступными для соображеній частнаго лица, и на своихъ особенныхъ видахъ.

Посмотримъ изъ любопытства на это явленіе по его современной занимательности въ нашей государственной экономіи.

Всѣ и все говоритъ о московскомъ лажѣ. Сельскіе хозяева болтаются лишиться доходовъ, находятъ, что ихъ произведенія стали отъ-того дешевле; торговецъ жалуется на запутанность въ счетахъ своихъ; петербургскій потребитель, получая доходы съ имѣній, лежащихъ во внутреннихъ губерніяхъ, сердится, что тысяча рублей, въ счетъ управляющаго, идетъ слишкомъ тысяча-двѣсти рублей,—денегъ въ цифрахъ много, а на-лицо оказывается мало; далѣе, промышленники всякаго рода недовольны лажемъ, потому-что онъ даромъ доставляетъ торговцу деньгами наживу; закупщики первыхъ произведеній стараются сбывать свои деньги по курсу, и за то платятъ дорожее; въ сбытѣ, на-оборотъ, стараются взять деньги безъ промѣна — и берутъ дешевле за сбываемый товаръ. Надобно быть на нашихъ внутреннихъ рынкахъ, чтобы видѣть, что тамъ за хаосъ въ расчетахъ; а между-тѣмъ промѣнъ, курсъ, лажъ—все растутъ болѣе и болѣе.

Что жъ значать эти слова: «курсъ», «лажъ», «про-мѣнъ»?

Посмотримъ прежде, что такое деньги вообще.

По сіе время во многихъ существуетъ несовершенство

4. Домоводство, Служба Христу и Прочность.

яркое помѣтѣ, будто-бы ассигнація во всякомъ случаѣ есть государственнѣй долгъ, потому-что правительство представителю ея обязывается задѣлать известное количество денегъ монетою, т. е. представить цѣнности, имѣющимъ свою внутреннюю цѣну. Но кожаные деньги нашихъ предковъ никогда не составляли государственнаго долга, — а онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣли и внутренняго достоинства: почему же были въ обращеніи и каждый не сомнѣвался принимать ихъ, оцѣнкою своего труда, смѣлченности, ими исчислялъ свое достоиніе? Очевидно потому-что онѣ были опредѣлены мѣлымъ обществомъ, гдѣ обращались. Истинный долгъ государства есть только то, что затрудняетъ его фонды и вещественные, и невидимые, что превышаетъ его внутреннее богатство, заключающееся сколько въ кускахъ металловъ, столько же и въ его силахъ и знаменателяхъ силъ — общемъ, внутреннемъ и внѣшнемъ доверіи. Только здѣсь начинается долгъ, который важенъ государству, и пока сумма обязательствъ, или бумажныхъ денегъ, не дошла до этого предѣла, доголѣ онѣ составляютъ только знаменателей, обеспечиваемыхъ правительствомъ. Есть много обстоятельствъ, въ-слѣдствіе которыхъ эти знаменатели переходятъ въ обращеніе народное, и отдѣляютъ народъ отъ правительства значило бы подрывать главное основаніе государственной прочности. Въ цѣлостномъ составѣ государства, за которое отвѣчаетъ его могущество, нѣкому требовать уплаты отъ правительства; т. е. требовать замѣна представителя, имѣющаго прѣмое свое достоинство частное - государственное, другимъ представителемъ цѣнности, имѣющимъ достоинство повсюдное, въ противномъ случаѣ это значило бы свои собственныя силы вымѣнивать на силы общія, сознавал

свою слабость, — и тутъ только родится государствен-
ный долгъ. Эти знаменатели; свободно дѣйствовавшіе
въ общей массѣ взаимнаго довѣрія, обращаются
въ облигаціи; каждый требуетъ возврата капитала
своего въ тѣхъ вещественныхъ выраженіяхъ, кото-
рыя имѣютъ всеобщую цѣнность; или, если не требу-
етъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагаетъ возможнымъ
подобное требованіе, слѣдить за своимъ правитель-
ствомъ, какъ за negotiантомъ, дѣла котораго сомни-
тельны, и ничтъ себя обезпеченій уже не въ общемъ
къ нему довѣрїи, а въ видимыхъ, положительныхъ
доказательствахъ, какъ это дѣлается во Франціи и въ
Англіи. Народъ, разединившись съ правительствомъ,
начинаетъ не довѣрять ему, и каждый новый выпускъ
облигацій считаетъ шагомъ впередъ къ банкротству,
страшится принять ихъ такъ-сказать безъ залога, — и
государство принуждено бываетъ залогомъ за нихъ
представлять и настоящіе и даже будущіе доходы
своихъ имуществъ: государственный внутренній долгъ
въ этомъ положеніи дѣлъ получаетъ полное свое зна-
ченіе. Но, благодаря судьбѣ, юный организмъ нашего
государства еще неистощимъ въ своихъ средствахъ;
въ насъ нѣтъ и признаковъ подобнаго болѣзненнаго
состоянія; государственный долгъ внутренній, въ
этомъ смыслѣ, у насъ не существуетъ, и ассигнаціи
наши, по самому значенію своему, суть только знаме-
натели цѣнностей, а не облигаціи иностранныхъ дер-
жавъ, требующія уплатъ по каждому востребо-
ванію.

Но если наши ассигнаціи столько окредитованы
силами государства, столь постоянно-твердое имѣ-
ютъ значеніе цѣнностей, то откуда же колебаніе ихъ
въ повышеніи и пониженіи, относительно монетной
системы; — это неравенство, поражающее исчисленія

посредствомъ мелкихъ оценочныхъ единицъ, называемыхъ курсомъ, съ замѣняющими его въ простонароднѣи словами «лажемъ», «промѣномъ»?

Бываютъ случаи, когда положеніе государства по своимъ политическимъ отношеніямъ дѣлается сомнительнымъ; тогда весьма-естественнымъ образомъ внѣшнее довѣріе, основанное на внимательномъ расчетѣ всѣхъ силъ его, упадаетъ, хотя-бы довѣріе внутреннее, или, ближе сказать, несуществованіе даже и мысли, при однозначительности правительства съ народомъ, объ оцѣнкѣ собственныхъ силъ своихъ, поддерживало внутреннюю финансовую систему въ надлежащемъ ея порядкѣ; упадокъ этотъ необходимо долженъ произвести колебаніе цѣнностей государственныхъ, или бумажныхъ денегъ въ-отношеніи цѣнностей повсюдныхъ. Рубль,—назовемъ такъ оценочную единицу—рубль государственной силы долженъ сдѣлаться менѣ рубля всеароднаго. Постоянный, несообразный вывозъ монеты, упадокъ производительныхъ силъ, истощающіе расходы, требованіе наличности въ сдѣлкахъ внѣшней торговли (потому-что нѣтъ надеждъ на уплату замѣномъ произведеній въ будущемъ, роняютъ значеніе оценочной единицы въ дѣлахъ внѣшнихъ, и этотъ уронъ несознательно падаетъ на систему обращенія внутренняго. Прибавимъ преимущественное требованіе тѣхъ или другихъ денегъ въ слѣдствіе временныхъ обстоятельствъ торговли, — и будемъ имѣть полное понятіе о курсѣ вообще. По могущественному положенію нашего общества, мы не терпимъ этого рода неудобствъ.

Но что же лажь?

Теперь общее вниманіе увлечено этимъ финансовымъ фантомомъ, который растетъ и возрастанію котораго не видно предѣла. Лажъ есть иностранное слово

Agio, заимствованное нашими коммерческими людьми отъ иностраннаго купечества въ сдѣлкахъ ихъ по дѣламъ внѣшней торговли, и принятое даже въ неопредѣленномъ смыслѣ, такъ-что въ началѣ почти-всякіе проценты денежныхъ сдѣлокъ писались *ажіе* въ купеческихъ счетахъ. Лажъ, по теперешнему значенію его въ нашихъ денежныхъ дѣлахъ, есть внутренній курсъ, опредѣляемый потребностію тѣхъ или другихъ денежныхъ представителей для внутренняго обращенія. Которыя деньги по требованію дороже, за тѣ мы платимъ извѣстный процентъ перекупившему ихъ; это его агіо, а купленные деньги идутъ въ сбытъ съ даннымъ агіо, съ лажемъ.

Въ системѣ денежной торговли есть еще слово *промѣнь*, который, очевидно, есть частный лажъ менялы, — *прибавочная цѣнность*, образовавшаяся въ слѣдствіе частной потребности одного лица и для одного лица удовлетворенная мѣнялою.

Итакъ *курсъ* есть знаменательность денегъ въ повсюдномъ ихъ значеніи *лажъ*, по составившемуся у насъ объ этомъ словѣ понятію, та же знаменательность, условливаемая потребностями въ обращеніи внутреннемъ; *промѣнь* — цѣнность, существующая для одного лица въ слѣдствіе личныхъ его потребностей.

Въ общемъ употребленіи, значеніе этихъ словъ часто смѣшивается; они употребляются безъ различія и одно безъ разбора замѣняется другимъ.

Итакъ монета, или ассигнація, или вообще всякій представитель денежной цѣнности, находящійся въ рукахъ вашихъ, есть извѣстная, постоянная величина, условливаемая своими тремя участниками: курсомъ, лажемъ и промѣномъ. А такъ-какъ въ простонародіи «лажъ» есть самое общеупотребительное выраженіе надбавочной цѣнности, то очевидно, что въ

этомъ выраженіи заключается и видный дурствъ, то-есть значеніе по отношеніямъ внѣшнимъ и по обращенію внутреннему; отсюда даже, въ престонародномъ смыслѣ, составляетъ двѣ величины—одну устанавливаемую оборотами внѣшними, и всегда болѣе-постоянную, другую собственно лажевую, устанавливаемую внутренними рынками. — Постоянное колебаніе цѣнностей биржевое, соединенное съ колебаніемъ, производимымъ чрезъ удовлетвореніе потребностей внутренняго обращенія, и, смотря по этимъ условіямъ, пониженіе или повышеніе тѣхъ или другихъ цѣнностей, составляетъ естественное положеніе денежной системы въ государствѣ.

О причинѣ колебанія цѣнностей по отношеніямъ внѣшнимъ уже сказано.

Отъ-чего же происходитъ колебаніе собственно лажевыхъ процентовъ? Отъ мѣстной цѣнности, то-есть, потребности тѣхъ или другихъ денегъ.—Потребность эта, основываясь не на внутренней цѣности денегъ, которая, для внутренняго обращенія, безъ отношенія къ дѣламъ биржевымъ или государственному кредиту, должна оставаться постоянною, очевидно заключаться можетъ только въ удобствѣ обращенія, то-есть, *пересылки, перевозки и размѣна*. Правда, могутъ быть мѣстные обстоятельства, по которымъ вамъ понадобится золото, для моего оборота по чему-либо серебро, другому ассигнаціи, тамъ мелкая монета—и все это на внутреннихъ рынкахъ производитъ колебаніе цѣнностей; но это составляетъ только промѣны, мѣстные лажи, такъ-что, если откинемъ частныя потребности, то останется только одна общая форма потребности для внутренняго обращенія: *удобство*—главное и самое общее начало нашихъ лажевыхъ процентовъ. Удобство въ обращеніи внутреннемъ, по

свойству дѣль внутрсней торговли, есть то же, что кредитъ въ дѣлахъ заграничныхъ; она облегчаетъ движеніе капиталовъ, и тотъ капиталъ, который обращается лучше по известнымъ обстоятельствамъ, получаетъ большую цѣнность, недостатокъ его ощущительнѣе; а капиталъ коснующій тяготитъ собою, и цѣнность его слабѣе.

Замѣтимъ еще, что недостатокъ одной цѣнности въ сравненіи съ другою, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, производитъ не относительное пониженіе второй, а ея собственное повышеніе, точно такъ же, какъ, наоборотъ, излишекъ непосредственно уменьшаетъ значеніе излишествующей цѣнности, а не возвышаетъ то, съ чѣмъ она сравнивается. Намъ нужно сукно, а сукно мое дорожу; я сбываю сукно, вы его дешевете. Это естественное явленіе прямо основано на томъ, что требующій и сбывающій суть два страдательныя; положительныя лица, дающія условія отношенія, тѣ, отъ произвола которыхъ зависить закотить продать или купить, и они-то устанавливаютъ законы, возвышая свое, понижая чужое. Замѣчаніе это указываетъ, что всегда повышеніе какой-либо цѣнности есть доказательство ея требованія, а не излишества другихъ, а пониженіе есть указаніе относительнаго ея излишества, и, следовательно, необходимости сбыта. Повышеніе и пониженіе косвенныя, то-есть, чрезъ повышеніе одной цѣнности пониженіе другой и на оборотъ, суть мѣры отрицательныя, къ которымъ въ порядкѣ вещей прибѣгается только тогда, когда есть прямое препятствіе дѣйствовать положительно.

Итакъ въ системѣ денежнаго обращенія возвышеніе тѣхъ или другихъ знаменательныхъ цѣнностей есть доказательство прямого ихъ требованія. Но если мы замѣчаемъ въ слѣдъ за повышевіемъ одного знаме-

ителя без всякой восторонней причины равносильное повышение другого—что заключимъ изъ этого? Конечно, что другой знаменатель необходимо въ прямой связи съ первымъ по иному, общему имъ условию, независящему вовсе отъ причины, нарушающей равновѣсiе, такъ-что сiн два условiя борются между собою и двигаютъ впередъ массу обiихъ знаменательностей во всемъ ихъ объемъ.

Это явленiе мы видимъ въ настоящемъ случаѣ.

При теперешнемъ безпрестанномъ возвышенiи лажевыхъ процентовъ, замѣчается слѣдующее:

1) Лажъ на всѣ вообще деньги, на ассигнации, на всякую монету, возрастаетъ, такъ-что недавно цѣлковый рубль въ Москвѣ стоилъ слишкомъ 4 руб. 30 коп., а ассигнаци 6 руб., потомъ цѣлковый рубль даже 4 руб. 50 коп., а ассигнаци 6 руб. 35 коп.

2) Независимо отъ этого, при сравнительномъ учетѣ монеты съ ассигнацiею, видно, что вмѣстѣ съ тѣмъ нарастаетъ отдѣльно особый процентъ на рубль ассигнацiонный, такъ-что онъ постоянно, хотя и по-немногу, возвышается въ своей цѣнности сравнительно съ рублемъ монетнымъ. По здѣшнему, петербургскому курсу въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при одинаковой цѣнности рубля въ 375 коп., лажъ на ассигнации постоянно увеличивается, и теперь составляетъ уже до 8 процентовъ на 100 руб.—Взявъ сравнительную цѣнность ассигнацiоннаго рубля и цѣлковаго по московскому курсу за нѣсколько времени тому назадъ и за теперешнее время, мы найдемъ то же. За четыре года въ Москвѣ цѣлковый стоилъ 4 руб. 20 коп., а ассигнацiонный рубль имѣлъ до 15 процентовъ; теперь ассигнацiонный рубль имѣетъ до 27 процентовъ, а цѣлковый стоитъ 4 руб. 50 коп.; слѣдовательно, въ-теченіе этихъ четырехъ лѣтъ на каждый рубль ас-

сигнаціонный прибавилось но 12 мон., а на весь цѣлковый только 30 мон.

3) Что это увеличеніе цѣнности ассигнаціоннаго рубля противъ монетнаго есть повсюдное.

4) Что, наоборотъ, соразмѣрное вложеніе надбавочной цѣнности на рубль ассигнаціонный и монетный, безъ нарушенія ихъ взаимной знаменательности, происходитъ только во внутреннихъ губерніяхъ.

5) Что ассигнацій гораздо-меньше въ обращеніи, нежели монеты, по-крайней-мѣрѣ въ видномомъ движеніи оборотныхъ суммъ, и что пріобрѣтеніе ихъ затруднительно.

6) Что цѣнность ассигнаціоннаго рубля увеличивается не въ-слѣдствіе одного только пониженія цѣнности монеты отъ внешнихъ причинъ, т. е. зависитъ не отъ одного курса, устанавлиаемаго дѣлами заграничныхъ сношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другой причины, независимой отъ первой, слѣдовательно отъ причины внутренней. Сіе подтверждается колебаніемъ самого курса торговаго, сравнительно съ биржевымъ, которое вдругъ составляетъ иногда болѣе процента на рубль разницы и даетъ возможность менагамъ нашимъ дѣйствовать своими капиталами, чтобы выручить этотъ процентъ въ свою пользу.

Итакъ, въ чемъ же заключается внутренняя причина, независимо отъ заграничнаго баланса возвышающая цѣнность ассигнацій?

Ни въ чемъ болѣе, какъ въ потребности ассигнацій для внутренняго обращенія, происходящей отъ ихъ удобства, при полномъ правительственномъ кредитѣ,—въ выгодахъ тѣхъ лицъ, которыя зарабатываютъ извѣстный процентъ своими запасными капиталами, деньгами, какъ товаромъ, помогаю обращенію, —въ выгодахъ размѣнщиковъ.

Съ тѣхъ котораго времени, благодаря благотворительному содѣйствию правительства, народная промышленность у насъ значительно усилилась, следовательно, необходимо, потребовать съ одной стороны большаго количества одиночныхъ образковъ представителей; денегъ, възвѣстъ съ тѣмъ потребована и быстрѣйшаго или обращенія; съ усиленіемъ промышленности усилилось и самое потребление, потому что имѣ живеть промышленность, и быстрота въ обращеніи денегъ, производимая ускореннымъ приобряченіемъ и ускореннымъ сбытомъ, въ особенности же напряженіе въ этомъ отношеніи между провинціями и столицами, необходимо должны были придать большую цѣну удобству обращенія.

Восколько промышленность улучшаетъ бытъ нашъ, во столько быстрота и удобство къ движению представителей народной дѣятельности дѣлаются важныя. Чѣмъ ниже государство въ своемъ образованіи, тѣмъ слабѣе оно чувствуетъ потребность въ деньгахъ, производитъ немногое и живеть немногимъ; не-то въ народѣ, который живеть вѣсьмъ разнообразіемъ, доставляемымъ ему усиленными средствами гражданственности; трудъ, которымъ человекъ образованія грубаго лично удовлетворилъ бы только первыя своимъ потребностямъ, при дѣятельности всеобщей, распадается на безчисленные формы жизненныхъ удобствъ, удовлетворяемыхъ силами цѣлаго общества, и разнѣи труда и силъ, чѣмъ онъ обширнѣе, тѣмъ дѣлается сложнѣе, требуетъ большей быстроты и большаго удобства. Итакъ радоваться должно, что у насъ дорожаютъ деньги: это значитъ, что намъ становится тѣсно въ нашихъ промышленныхъ формахъ, это чувство избытка, которому помогать нетрудно.—И дѣйствительно, не говоря о всеобщихъ признакахъ рас-

пространяющейся промышленности, сколько, в последнее время съ успѣхомъ совершилось замышленныхъ предприятий мануфактурныхъ, фабрическихъ, торговыхъ; сколько основано обществъ на земляхъ, обременяющихъ область правданствѣнныхъ улучшеній отъ самыхъ высшихъ назначеній, напр. *общество застрахованія пожизненныхъ доходовъ*, до удовлетворенія желаніямъ минутныхъ удовольствій, — *железная дорога*! Заключимъ, что если не недостатокъ денегъ, то, по крайней мѣрѣ, озабоченная дѣятельность въ денежныхъ оборотахъ возвышаетъ ихъ номинальную цѣну, и имѣнно падая преимущественно на ассигнаціи, какъ на самаго удобнаго для обращенія представителя внутреннихъ фондовъ.

Итакъ, съ одной стороны, представляли себѣ усиленную дѣятельность народной промышленности; съ другой, имѣли въ виду, что только въ недавнемъ времени отмененъ указъ 1811 года 16 мая объ исключительномъ возмаченіи податей ассигнаціями и мѣдью, что въ недавнемъ времени разрѣшенъ взносъ откупной суммы монетою, что до 250 милліоновъ соежено у насъ ассигнацій, которыя, хотя и замѣнены серебромъ и золотомъ, добытымъ въ нашихъ рудникахъ, но въ обращеніи народномъ увеличили только количество монеты, не замѣнивъ ассигнацій, — мы имѣемъ полное право думать, что ассигнаціи должны возрастать въ своей цѣнности отъ приведенныхъ причинъ, и наши 8 копеекъ на ассигнаціонный рубль, по сравнительному учету ассигнацій съ монетою по московскому курсу, составляющие тамъ почти ту же преимущественную цѣнность на ассигнацію, образовались отъ безпрестаннаго ихъ требованія въ обращеніи, выкупа и опять продажъ ихъ денежными тор-

говцами при первой обозначившейся потребности для торговых оборотовъ.

Какъ скоро есть надобность въ ассигнаціяхъ, вы платите мѣдалью, сверхъ биржевыхъ процентовъ, еще ими-самими устанавливаемый процентъ въ ихъ собственную пользу за удовлетвореніе вашей потребности; ассигнація этимъ извѣстнымъ процентомъ приходится уже дороже, а следовательно и въ общемъ обращеніи идетъ дороже биржевой цѣнности. Представьте же, если она съ этого цѣнностью перейдетъ еще въ Москву, побываетъ тамъ на мѣдальномъ столѣикѣ, дастъ еще выгоду московскому мѣдалью, — очевидно, что числовая надбавка, сверхъ биржевой цѣнности, еще болѣе увеличится, и во внутренней провинціи она идетъ уже съ процентами биржеваго курса и двумя промѣнами.

Но если это повышаетъ рубль ассигнаціонный, то отъ чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, соответственно повышается вся монетная система?

Обратимъ вниманіе еще на одно весьма-важное обстоятельство.

У насъ есть постоянный, неизмѣняемый курсъ, установленный правительствомъ, опредѣляющій отношеніе рубля серебрянаго къ ассигнаціонному, — цѣлковый 3 руб. 60 коп. ассигнаціонныхъ. Во всѣхъ казенныхъ взносахъ и выдачахъ, во всѣхъ дѣлахъ съ казною, это курсъ повсюдный, курсъ чрезвычайно-важный для всего народонаселенія, для всѣхъ родовъ промышленности. Казенныя саготовленія, перевозки, подряды, всѣ казенныя работы, всѣ взносы въ казну, нѣкоторые косвенные налоги и взѣсканія, казенныя продажи, промысла, во многихъ мѣстахъ продажа соли, которая каждую недѣлю напоминаетъ крестьянину о казенномъ курсѣ, а съ нѣкотораго времени

огромная откупная операция, и, наконецъ, разрывисіе платежа податей монетою, словомъ, весь оборотъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, при которыхъ и ассигнація и монета имѣють свою положительную цѣнность, опредѣляющую ихъ отношенія,—оборотъ, составляющій, можетъ-быть, половину всѣхъ денежныхъ обращеній въ государство,—очевидно не можетъ не имѣть вліянія на внутренней торговый курсъ, т. е. сколько можно и сколько позволить мѣстныхъ сношенія казны съ народомъ поддерживать нормальное значеніе серебрянаго рубля къ ассигнаціонному, противъ всѣхъ колебаній курса въ частности, внутреннемъ обращеніи денегъ.

Итакъ непрестанному возвышенію цѣнности ассигнаціоннаго рубля, происходящему отъ потребности его въ дѣлахъ народной торговой дѣятельности, по особенному удобству его для движенія капиталовъ, особенно въ значительныхъ массахъ, самъ собою противопоставляется неизмѣнный курсъ правительственный, постоянная норма цѣнности монеты къ бумажнымъ деньгамъ.

Теперь спрашиваемъ: что же должно быть слѣдствіемъ этой борьбы съ каждымъ днемъ подвигающагося впередъ курса на ассигнаціонныя деньги и постоянной правительственной цѣнности ихъ къ монетѣ? Повышеніе самой монеты, до приведенія ея въ числовую соответственность съ ассигнаціею; возстановленіе принятой правительствомъ и весьма-уважаемой въ народѣ относительной цѣнности, нарушенной потребностію и ассигнаціоннымъ лажемъ, т. е. надбавкою по расчисленію тѣхъ же самыхъ процентовъ, на сколько поднялся рубль ассигнаціонный, и на рубль монетный. Такъ подтверждается это и на-самомъ-дѣлѣ: по-сюду, какъ-скоро поднимается цѣнность на ассигна-

ца, поднимается вместе съ тѣмъ цѣнность и рублей монетныхъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Если прибавить къ тому, что съ привычною, употребляемою безпрестанными поводами чрезъ требованіе ассигнацій—возвышать цѣнности денежныхъ, и всѣ повышенія самой монеты; случающіеся иногда отъ мѣстныхъ требованій, будутъ опять опредѣляться надбавками на монетный рубль, который, при новомъ колебаніи въ пользу ассигнацій, опять произведутъ новую на нихъ надбавку; то ясно увидимъ, какъ сильно должно быть это движеніе, въ особенности тамъ, гдѣ несомнѣннѣе вѣрное повліяніе о деньгахъ въ простомъ народѣ даетъ поводъ соблазнять каждаго увеличеніемъ номинальной ихъ цѣнности, какъ будто чѣмъ-то существовать. Въ Петербургѣ, гдѣ преимуществуютъ биржевыя дѣла, который, по свойству своему, имѣя отношеніе къ курсовому балансу заграничныхъ денегъ, должны показывать существенную цѣнность кнѣжныхъ въ самомъ простомъ, окомъ-возможно-менѣе сложномъ видѣ и, слѣдовательно, гдѣ вся торговля идетъ на началахъ болѣе прямыхъ, всѣ подобныя обращенія уничтожаются сами собою *.

За-тѣмъ предстоить еще разрѣшить вопросъ: отъ чего процентъ, взятый мнѣнью на ассигнацію и сдѣлавшій движеніе курса въ торговыхъ дѣлахъ внутреннихъ губерній, даетъ возможность прилива ассигнацій обратно сюда въ Петербургъ? Причина очевидна. Не говоримъ о томъ, что большая часть доходовъ частныхъ, поступающа сюда и для вадержень, и для храненія въ кредитныхъ заведеніяхъ, для оборотовъ торговыхъ и всякаго рода индустрическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

* Прилагаемъ вычисленіе, указывающее за 1854, 1856, 1858 и 1859 годы казенное отношеніе ассигнацій къ серебру, бир-

большая часть доходовъ государственныхъ, пересылаются въ ассигнаціяхъ, припомнимъ также, что здѣшній монетный дворъ въ значительномъ количествѣ постоянно выпускаетъ монету, которая чрезъ это всегда держится здѣсь ниже, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, такъ-что сбытъ серебра въ провинціи составлять почти-всегда выгоду мѣняль; что, какъ ни значительно возвращеніе сюда ассигнацій изъ нашихъ внутреннихъ губерній, лишнихъ ассигнацій здѣсь нѣтъ, ибо обращеніе ихъ здѣсь пренимуществуетъ по самому роду дѣль, совершающемуся въ огромныхъ размѣ-

жвое ихъ отношеніе и собственно-московскій курсъ,—все по московскому разсчету.

	Казенное отношеніе ассигнац. къ серебру на московскій курсъ.	Биржевое отношеніе ассигнацій къ серебру на московскій курсъ.	Раз-ность.	Московскій курсъ.
1834	500: 360=575: 416.	500: 358=575: 411 ⁷ / ₁₀	4 ⁵ / ₁₀	575: 420.
1836	500: 360=600: 432.	500: 356=600: 426 ⁵ / ₈	5 ⁴ / ₈	600: 425.
1838	500: 360=620: 446.	500: 354=620: 439.	7	620: 435.
1839	500: 360=635: 457.	500: 346=635: 439.	18	635: 450.

Замѣчательно, что въ послѣднее время торговый курсъ, стоя въ средствѣ между здѣшнимъ биржевымъ и казеннымъ, имѣлъ разницы противъ казеннаго только <7 копеекъ на цѣлковый и > 11 копеекъ на цѣлковый противъ казеннаго, и что болѣе 11 копеекъ на цѣлковый противъ казеннаго разницы нигдѣ нѣтъ. Очевидно, что за послѣднее время разчисленіе прямо указываетъ на перевѣсъ казеннаго курса, или на усиленіе дѣятельности монеты во внутреннихъ губерніяхъ, которое изъ обращеній, низшаго противъ ассигнацій по казенному курсу, возвысило цѣлковый на 4 коп. (446—435=11; 457—450=7; 11—7=4), что необходимо и должно было быть съ умноженіемъ статей, по которымъ правительствомъ разрѣшено и стало продолжать разрѣшеніе о приѣмѣ денегъ въ казну монетою.

Г. III.—Отд. V.

2—1/2

рахъ; что вслѣдствіе переводы капиталовъ дѣлаются отсюда большими суммами, и потому болѣе въ ассигнаціяхъ, и что, наоборотъ, монета, въ особенности серебряная, по меньшей обширности мѣстныхъ обращеній въ провинціяхъ, а болѣе потому-что въ провинціяхъ первенствуетъ мелочная торговля, неудобна тамъ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ;—но и за всѣмъ тѣмъ, при постоянномъ движеніи впередъ рубля ассигнаціоннаго, весьма-нерѣдко возвышеніе серебрянаго рубля обозначается уменьшеніемъ лажа на ассигнаціи, независимо отъ курса биржеваго, хотя и ненадолго, пока новыя требованія ассигнацій опять не возвысятъ ихъ предъ монетой.

Такимъ-образомъ монета во внутреннихъ провинціяхъ непрестанно сравнивается съ ассигнаціею, производитъ колебаніе ассигнаціонной системы въ Петербургѣ; между-тѣмъ потребность на ассигнаціи дѣйствуетъ, притекающія изъ провинцій ассигнаціи, поступающія въ руки мѣняль, при первой потребности на нихъ, возрастаютъ еще процентомъ, и съ этой новой надбавкой совершаютъ опять оборотъ внутренней торговли, еще поднимаютъ номинальную цѣнность монеты, и опять притекаютъ къ нашему пункту всеобъемлющей торговой дѣятельности—къ Петербургу.

Прибавимъ къ этому обстоятельство, напечатанное въ одной изъ нашихъ газетъ, и указывающее, какимъ-образомъ, при установившейся въ Москвѣ цѣнности цѣлковаго въ четыре рубля, пониженіе цѣлковаго въ слѣдующіе годы стало выражаться числовыми прибавками къ рублю ассигнаціонному, такъ-что, когда на петербургской биржѣ, послѣ 1816 года, стали требовать за сторублевую ассигнацію, вмѣсто 25 руб., уже 27 рублей серебромъ, въ Москвѣ, гдѣ

ворною остался серебряный рубль, по ровному счету въ течение нѣсколькихъ лѣтъ имѣвшій цѣнность 4-хъ рублей, сторублевая ассигнація стала ходить 108 руб. Потомъ подобное же недоразумѣніе, возникшее отъ ложной оцѣнки французской двадцати-франковой монеты, принятой въ простонародіи наравнѣ съ полумперіаломъ въ 21 руб., также могло быть причиною, что, когда нашъ полумперіаль, по дѣйствительному своему достоинству получилъ, въ-слѣдствіе сдѣланнаго отъ правительства объявленія, 3% приращенія сравнительно съ французскою монетою, то это возвышеніе отразилось на всей русской монетѣ повышеніемъ 3%. По этому разчисленію, когда курсъ въ Петербургѣ утвердился на 3 р. 75 коп. и за 100 руб. ассигнаціями можно было получать 26 рублей 66 коп. серебромъ, то сторублевая ассигнація, по 4-хрублевому достоинству цѣлковаго рубля, должна была стоить 106 руб. 64 коп. Если прибавимъ къ тому еще 3%, накинутае ложнымъ курсомъ двадцати-франковой монеты, то постоянная разность, зависѣвшая отъ сихъ случайныхъ обстоятельствъ, должна составлять 9,64%, или около 10% излишка противъ петербургскаго курса.

Изъ всего сказаннаго мы выводимъ прямое положеніе, что колебаніе, совершающееся во внутреннемъ курсѣ повсюдною потребностію ассигнацій, производить непрестанное повышеніе ихъ цѣнности относительно къ монетѣ, а послѣдственное за тѣмъ повышеніе монеты происходитъ отъ постоянной, правительствомъ окредитованной цѣнности ея къ бумажнымъ деньгамъ, при участіи большей пригодности ея для внутренняго употребленія. Очевидно, изъ этого нѣтъ слѣдствія, чгобы у насъ либо не доставало денегъ вообще, либо чтобы не доставало самыхъ ассигнацій во-

обще: и то и другое обстоятельство могут способствовать возвышенію денежных цѣнностей; но недостатокъ денегъ вообще долженъ бы провозвести возвышеніе на нихъ цѣнности повсюдное, чего мы не видимъ, а между-тѣмъ, и при самомъ умноженіи количества ассигнацій, возвышеніе ихъ легко можетъ продолжаться, потому-что главная причина этого, какъ мы замѣтили, есть потребность собственно въ быстротѣ обращенія капиталовъ, увеличившаяся при распространенія дѣятельности.

Изъ сего самъ собою разрѣшается вопросъ: можно ли нашимъ торговцамъ деньгами, или мѣняламъ, будто-бы по какому-то уговору возвышающимъ цѣнность денегъ изъ видовъ барыша, приписывать это явленіе?

Мѣняла—тѣ же торговцы, удовлетворяющіе потребностямъ денегъ въ различныхъ видахъ, смотря по обстоятельствамъ; они торгуютъ ими, какъ товаромъ, и конечно стараются изъ торга своего извлечь сколько-можно-большую для себя выгоду, пользуясь мѣстными движеніями курса. Въ этомъ смыслѣ никто не обвинитъ ихъ за пріобрѣтеніе процента своей смѣтливостію, вѣрнымъ расчетомъ случаевъ и быстрою распоряженіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть съ ихъ стороны и дѣйствія неблаговидныя, въ-особенности, если огромные запасные капиталы даютъ возможность закупить тѣ или другія деньги въ одинъ, или, по-крайней-мѣрѣ, немногія руки, такъ-что представлявшаяся потребность даетъ возможность при подобной спекуляціи, неподрываеваемой соревнованіемъ, взять процентъ лишній на преимуществѣ монополиста. Но подобныя явленія зла въ системѣ денежныхъ обращеній суть только явленія частныя, заслуживающія даже

преслѣдованія, какъ нарушеніе устанавливаемой правительствомъ таксы, свободы продажи на рынкахъ пер- выхъ произведеній для жизненныхъ потребностей, и могутъ случаться какъ побочныя обстоятельства, вовсе не составляя причины, производящей явленіе, начала котораго заключаются въ самомъ развитіи общественныхъ силъ нашихъ. Увеличившееся число мѣняль также не доказываетъ тѣхъ произвольныхъ, огромныхъ выгодъ, которыя приписываются торгу деньгами *, а только опять одну потребность въ пособіи намъ относительно денежныхъ обращеній, которыя дають хотя небольшую, но вѣрную и чистую пользу торговцу деньгами.

Наконецъ многіе говорятъ: стѣитъ ли того, чтобы обращать вниманіе на движеніе возвышающагося курса? Сопряженъ ли съ нимъ какой-нибудь существенный вредъ, общій или частный, и если нѣтъ, то пусть каждый разсчитывается какъ угодно?

Видимаго вреда, отъ котораго чувствительно страдалъ бы тотъ или другой классъ людей, та или дру-

---

* Выгоды, заключающіяся въ разницѣ девяти нашихъ внутреннихъ губерній съ Петербургомъ вовсе не такъ значительны, какъ это съ перваго взгляда кажется. Вотъ примѣрное расчисленіе: 10 цѣлковыхъ, по адышнему, послѣднему биржевому курсу, стѣять 34 руб. 70 коп.; тѣ же 10 цѣлковыхъ въ 450 коп., по возвышенному московскому курсу, составляютъ 45 руб.; но, чтобы купить ихъ на ассигнаціи во внутреннихъ губерніяхъ, нужно заплатить и тамъ, полагая по 27 коп. лажу на ассигнаціонный рубль, 35 руб. 44 коп. ассигнаціями. Слѣдовательно, вся разность или выгода при разницѣ, заключается въ 74 копейкахъ на десять цѣлковыхъ, въ 7 руб. 40 коп. на 100 цѣлковыхъ, въ 74 тысячахъ рублей на миллионъ цѣлковыхъ. Конечно, благоприятное колебаніе можетъ увеличить иногда эту выгоду, но адысь, по-крайней-мѣрѣ, видѣть приблизительный расчетъ лажевыхъ выигрышей.

гая отрасль промышленности, нѣтъ. Но кто же не согласится, что чѣмъ положительнѣе опредѣлено отношеніе цѣнностей, тѣмъ въ торговыхъ оборотахъ самыя цѣны вѣрнѣе: нѣтъ курсовыхъ выигрышей — нѣтъ и потерь. Въ дѣлахъ торговыхъ заграничныхъ это въ-особенности важно, и, конечно, мы должны радоваться, что постоянство нашего биржеваго курса въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ обезпечиваетъ насъ съ этой стороны, ибо знаемъ, что колебаніе его можетъ быть сопряжено съ значительными для насъ потерями. Но какъ же считать, наоборотъ, за ничто колебаніе курса внутренняго, который составляетъ тѣ же самыя условія для частныхъ лицъ въ торговлѣ внутренней, чѣмъ курсъ биржевой въ торговлѣ внѣшней для цѣлаго государства, и только потому-что здѣсь это не такъ замѣтно?

Что жъ касается до производительныхъ силъ, то шаткость цѣнностей номинальная прямаго на нихъ вліянія имѣть не можетъ, ибо развитіе этихъ силъ заключается во всемъ составѣ государства, и даже свидѣтельствуется, какъ мы видѣли, колебаніемъ, происходящимъ отъ возвышенія цѣнностей бумажныхъ денегъ. Деньги суть только представители цѣнностей, и не деньги устанавливають цѣну, а самая цѣнность произведеній опредѣляетъ значеніе ихъ, такъ-что номинальное увеличеніе или переименованіе одного рубля въ полтора, вовсе не уменьшаетъ, цѣны произведенія, которое когда имѣетъ сбытъ, когда необходимо, то изъ цѣны одного рубля можетъ легко возвышаться въ цѣну двадцати. Но если непродизводительность государственная, и не общія торговыя сдѣлки въ значительныхъ массахъ—которыя всегда по условію на извѣстное время съ соображеніемъ всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ могутъ совер-

паться на ассигнаціи, или монету—страдаютъ значительно отъ курсовыхъ повышеній, то, наоборотъ, здѣсь важна въ-особенности мелочная торговля, рыночная, куда крестьянинъ привозитъ свое произведение, чтобы продать его,—или на цѣлковый, на полтинникъ (все его временное достояніе) удовлетворить необходимымъ домашнимъ потребностямъ и нуждамъ семейства. Это его капиталъ, и тутъ-то тысячи хитростей мелочныхъ торговцовъ, опирающіяся на лажъ, похищаютъ у него часть этого капитала. Цѣны на произведенія, при быстротѣ колебаній курсовыхъ, никогда не могутъ тотчасъ на всѣ предметы уравниваться, а особливо въ системѣ мелочной торговли, гдѣ онѣ гораздо болѣе произвольны, чѣмъ въ гуртовой; расчеты соображены бывають не тотчасъ; между-тѣмъ оптический обманъ, направляемый собственными выгодами торговцовъ, какъ класса болѣе образованнаго въ свою пользу, эта игра именами цѣнностей, непрестанно вовлекаетъ крестьянина нехитраго въ дѣлахъ счетныхъ, въ потери частыя, хотя незначительныя, но истинныя, и въ этомъ миражѣ цѣнностей миллионы копеекъ отнимаются на большихъ торгахъ у труда народнаго; словомъ, колебаніемъ курсовъ на нашихъ рынкахъ дается мелочному промышленнику возможность сбывать свой товаръ съ большею выгодною на-счетъ небогатаго класса нашихъ мелкихъ потребителей, а закупщику первыхъ произведеній выманивать ихъ за меньшую сумму у производителя, для котораго они составляютъ все достояніе. Крестьянину четвертакъ, полтинникъ—все его имущество; ему нѣчѣмъ при покупкѣ замѣнить свою монету, пока у него есть просто товаръ на условіи вымѣна. Чтò ему дѣлать, если у него понижаютъ эту монету на копейку, на двѣ, хотя-бы это

пониженіе было даже произвольное? Онъ не знаетъ настоящей цѣны и уступаетъ по-неволя. А въ расчетахъ, сдачахъ—опять является возможность унестъ еще копейку на разныхъ цѣнностяхъ сдаваемыхъ монетъ. Несообразность подобныхъ расчетовъ, основанныхъ на лажѣ въ Москвѣ и за Москвою, доведена до-того, что вы получаете 10 коп. и берете только 4 гроша. Точно также необходимо терять и всякій потребитель въ покупкахъ дробныхъ, но частыхъ.

Будемъ ли за тѣмъ говорить о банкахъ, негодникахъ, банкирствѣ, этихъ словахъ затѣйливыхъ, распесяющихъ сужденія своею яркостію? ... Скажемъ только, что конечно бы расчеты наши облегчились, когда бы московскій курсъ, по общему согласію торгующихъ лицъ, или какимъ другимъ средствомъ, подведенъ былъ по-крайней-мѣрѣ подъ одну общую норму, и относительная цѣнность ассигнацій къ монетѣ, определяемая колебаніемъ курсовымъ, въ-слѣдствіе внутреннихъ и вѣнскихъ условій, ясно обозначалась известными процентами на рубль ассигнаціонный.

И. КАМАНЕВЪ.

VI.

КРИТИКА.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, издавныя И. Сахаровымъ. *Пять частей. Санктпетербургъ.*
1838—1839.

Съ недавняго времени у насъ въ литературѣ только и толки, что о русской исторіи. По-крайней-мѣрѣ въ толкахъ и словопрелихъ о русской исторіи видна еще какаѣ-то жизнь, замѣтно еще какое-то движеніе нашей, въ глубокую летаргію погруженной словесности. Бываѣя литература наша или молчать, или громко, протяжно зѣваетъ, и если иногда съ-просонья, большею-частью въ бреду, проговорить словечко, такъ ужъ это навѣрное: «Варяго-Руссы», «Норманны», «цесторова лѣтопись достовѣрна», «цесторова лѣтопись недостовѣрна», «цесторова лѣтопись относится къ XIII», «цесторова лѣтопись относится къ XIV столѣтію» и т. д. Гдѣ же результаты? къ-чему же все это ведетъ? Пока ни къ-чему: все ограничивается одними пустыми спорами, одними педантическими ссылками на источники, изъ которыхъ ничего не вытекаеть, переллываемъ изъ пустаго въ порожнее. Большая часть нашихъ ученыхъ (особенно ученыхъ по части русской исторіи)

не отличается извѣстной добросовѣстностію: вся ихъ ученость заключается большею-частію въ знаніи па-изустъ нѣсколькихъ именъ, нѣсколькихъ отдѣльныхъ фактовъ, безъ смысла, — у иныхъ даже только въ нѣсколькихъ па-прокатъ взятыхъ фразахъ и въ высшихъ взглядахъ съ домашняго курятника. Всѣмъ этимъ соромъ и мусоромъ они безъ-милосердія сыпать въ глаза всякому, кто хоть сколько-нибудь подбросовѣстнѣе ихъ, кто дерзнетъ сдѣлать имъ хоть какое-нибудь возраженіе. Впрочемъ и изъ добросовѣстныхъ-то не много такихъ, которые бы шли дальше мертвой буквы, которые бы, съ *живою жизнью* въ собственномъ духѣ, искали живой жизни и въ предметъ своего излученія. Какъ не могутъ по-сую-пору догадаться, что знать множество фактовъ и не звать ихъ смысла, ихъ духовнаго значенія — не составляетъ еще ровно ничего? Къ-чему весь этотъ хламъ, состоящій изъ однихъ пустыхъ названій? Убудетъ ли меня, если вѣтеръ свѣтъ съ моей памяти одно изъ этихъ *пустыхъ* названій? — прибудетъ ли меня, если въ мою память, совершенно-произвольно, совершенно-случайно забредетъ какое-нибудь новое имя? Однимъ безсмысленнымъ фактомъ больше, однимъ безсмысленнымъ фактомъ меньше, — скажите, Бога-ради, не все ли равно?... Мы этимъ нисколько не думаемъ отвергать важность фактическаго изученія предмета, — о, напротивъ! мы глубоко сознаемъ всю его важность, всю его необходимость; мало-того: мы скорѣе станемъ подъ знамена тружениковъ, пересыпающихъ съ самою канвою, съ самою нѣжною заботливостію архивную пыль, нежели пристаемъ къ партіи пустозвонныхъ фразѣровъ, которые, подъ руководствомъ какого-нибудь заморскаго филгяра выучившись ходить на ходуляхъ, думаютъ, что ихъ всѣ принимаютъ за неизмѣримыхъ великановъ, и что они обозрѣваютъ всю поднебесную. Мы нисколько не возстаемъ противъ основательнаго и подробнаго изученія фактовъ — это была бы вопіющая негѣпость, — нѣтъ! изученіе фактовъ должно входить въ составъ полнаго изученія; фактическое знаніе есть сторона, ступень, *моментъ*, если позволено намъ будетъ употребить это слово, полнаго знанія. Вышнесъ въ предметъ есть откровеніе внутренняго, органическаго проявленія существа предмета, — и на-оборотъ: все то, что не имѣетъ вышней стороны, не существуетъ, и потому очень-естественно не можетъ быть предметомъ никакаго знанія. Всею своя граница. Только живое «объ-

лте» предмета въ его цѣлости есть истинное знаніе; все прочее — или фраза, произвольная идея, родившаяся Богъ-знаеть-какъ и въ-слѣдствіе чего въ празднои головѣ, — или совершенно-бесмысленное блужданье въ дремучемъ лѣсу случайныхъ явленій, остающихся всегда чуждыми, всегда темными для скитальца, потому-что сквозь виѣшнюю оболочку для глазъ его не сіяетъ проявляющееся въ пей существо.

Обращаюсь къ вамъ, вѣлерьичивые мужи, къ вамъ, умѣющимъ такъ красно и такъ звонко разсуждать и о томъ, какъ далеко и широко раскинулась Россія, и о томъ, что въ ней великое, или, говоря вашимъ фигуральнымъ языкомъ, несмѣтное множество народовъ, и о томъ, что на ея необъятномъ горизонтѣ поднялась уже пурпурная заря, чреватая великолѣпнѣйшимъ, ослѣпительнѣйшимъ солнцемъ, и проч. и проч., — обращалось къ вамъ, мужи, умѣющие такъ мастерски облекать свои лица въ смиренномудрое выраженіе, такъ строго хмурить брови и собирать частыя складки на лбу, умѣющие съ такимъ оскорбительнымъ цинизмомъ твердить всѣмъ и каждому: «надо трудиться, не жалѣть силъ для нашей матушки-Руси; фактовъ, фактовъ по-больше, по-ближе узнать нашъ православный народецъ» и проч. и проч. — и, увы, доказавшіе на самихъ-себѣ, какъ иногда бываетъ справедлива поговорка: не все то дѣлается, что говорится; обращаюсь и къ вамъ, добрые труженики съ самодовольными лицами, наглотавшіеся всякаго сорта пыли и, потому, начиненные самою прочною, какъ вы говорите, ученостію: — скажите, знаете ли вы, что такое эта Русь, о которой вы такъ-много твердите?... Или, итъ, мы не такъ сдѣлали вопросъ, — мы уже должны были угадывать, что вы заранѣе, бросивъ на насъ грозный взглядъ, скажете безъ заинки, что знаете Русь и что Русь васъ знаетъ, что вы тысячекратно повторяли это, что вамъ странно, какъ можно сомнѣваться въ вашемъ знаніи... Итакъ, скажите лучше прямо, что такое Русь, что такое православный русскій народъ, изъ какихъ стихій сложился его характеръ, какія свойства составляютъ существо его духа, въ чемъ проявлялась жизнь его, и что это за жизнь, какъ развивался онъ и въ чемъ заключается его развитіе? — О, если вы можете, то Бога-ради отвѣчайте на эти вопросы! Эти вопросы задасть вамъ ваша наука; отвѣчать на нихъ вы должны по вашему призванію; не отвѣчать на нихъ было бы вамъ грѣшно

передъ самими-собою, передъ вашей наукой, передъ вашимъ великимъ отечествомъ. Вы свободно возложили на себя свою обязанность, — такъ вы должны выполнять ее. Не бросайте снова грозныхъ взглядовъ, не указывайте на книги, книжки и статейки, пущенныя вами въ свѣтъ, — шутки въ-сторону: эти великіе вопросы, хотя и непрерывно-повторяемые вами въ тертыхъ и пустозвонныхъ фразахъ, никогда еще не были даже и приблизительно рѣшены; вы и не касались ихъ, вы и не стремились даже рѣшать ихъ. Не дерзая сомнѣваться въ вашей добросовѣстности, въ вашей благородной готовности свято выполнять долгъ своего призванія, мы должны невольно подумать и сказать, что вы не умѣете рѣшить этихъ вопросовъ; а между-тѣмъ ихъ рѣшеніе, или, по-крайней-мѣрѣ, стремленіе къ ихъ рѣшенію необходимо для вашей науки, такъ необходимо, что безъ него она не можетъ двигаться впередъ, она терлетъ всякое значеніе, она совершенно-безполезна, совершенно-пуста.

Не ужь ли ваши безкопечные споры, не повѣдавшіе еще по-сю-пору ничего положительнаго, исчерпываютъ все дѣло? Слова нѣтъ: было бы прекрасно, было бы очень-полезно опредѣлить, что такое песторова лѣтопись и мѣру довѣрія къ ней; но развѣ ваши противорѣчія объ этомъ предметѣ примирены, сведены къ одному непреложному результату, и если вы даже въ-самомъ дѣлѣ достигли здѣсь до какого-нибудь результата, то развѣ въ этомъ заключается вся ваша наука? Не ужь ли вы думаете, что изучать русскую исторію значить бросать бѣдныхъ Варяговъ изъ угла въ уголь, на сѣверъ и на югъ, на востокъ и на западъ, словомъ, всюду, гдѣ только захочетъ погулять ваше воображеніе; стронуть самыя фантастическія теоріи на этимологическихъ созвучіяхъ, на нѣсколькихъ словахъ, а иногда только на одномъ словѣ; дробить одинъ народъ на множество совершенно-различныхъ народовъ, потому только, что онѣ слытъ подъ различными наименованіями; разыскивать, точно ли такой-то и въ такое-то время открылъ такую-то рукопись и проч. и проч.? Правда, не должно упускать изъ вида и мелочей: онѣ нѣмнѣе свою относительную важность, онѣ могутъ пригодиться къ дѣлу. Но гдѣ же самое дѣло? Не пора ли уже, наконецъ, подумать и о наукѣ? Все то, что вы дѣлали, или, лучше, что вы наговорили, не можетъ быть названо даже и заготовленіемъ матеріаловъ для науки... Боже мой! сколько нужно еще сдѣлать для-то-

го, чтобы разработать для нея вещество, очистить источники, изъ которыхъ въ ея жны должны струиться жизненные соки! Какое огромное поприще, и какъ мало изыскателей оставило на немъ слѣды свои! Расчищенъ ли мусоръ, покрывающій священные курганы древности? Отъисканъ ли таинственный цвѣтъ папоротника, который долженъ навести на тѣ мѣста, въ которыхъ предки наши погребали богатство своей жизни? Осмотрѣны ли живые слѣды отжившихъ поколѣній? Изучены ли драгоценныя памятники, въ которыхъ народъ самъ высказывалъ себя, въ которыхъ трепещеть, не потерявъ нисколько своей свѣжести, жизнь цѣлыхъ эпохъ, отдѣленныхъ отъ насъ вѣками, памятники, въ которыхъ духъ народа, разлившиися въ безконечномъ разнообразіи его быта, собрался и сосредоточился, и остался въ нихъ навѣки тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ исчезнушемъ моментѣ, — памятники, которые можно сравнить съ тѣми очарованными карбункулами, въ которыхъ, какъ разсказывается въ сказкахъ, Соломонъ заключилъ стихійныхъ духовъ? — Оцѣнены ли критически государственные акты и документы — самый вѣрный, самый прочный источникъ для исторіи, или, лучше, эти живые факты, говорящіе сами за себя, являющіеся въ своемъ собственномъ видѣ, не въ блѣдныхъ описаніяхъ, которыя точно такъ же относятся къ намъ, какъ копія къ художественнымъ произведеніямъ? Собрамы ли, употреблены ли въ дѣло описанія, завѣщанныя намъ — потомкамъ, отъ грамотныхъ дѣдовъ, въ умахъ которыхъ отражался весь ихъ современный міръ? Изслѣдованы ли и опредѣлены ли какъ-должно всѣ остатки старины, разбланные въ различныхъ частяхъ Россіи? Наконецъ, гдѣ полная, составленная, сообразно съ современными требованіями, коллекція русскихъ пѣсень, въ которыхъ лицомъ-къ-лицу является намъ вся наша Русь, разоблачается передъ нами вся душа русскаго человѣка, въ которыхъ излиялся весь духъ русскаго народа? ... Боже мой! не ужъ ли негѣлые пѣсенники, продающіеся на Толкучь-Рынкѣ и не имѣющіе цѣны выше гривенника, должны замѣнять такую коллекцію? ... Это позоръ для нашей литературы! Намъ должно быть стыдно не только передъ тѣми европейскими народами, которые опередили насъ въ образованіи, — намъ должно быть стыдно передъ нашими меньшими братьями, передъ бѣдными, чужеземными племенами сла-

славянскими. Посмотрите, съ какою заботливостію, съ какими умѣньемъ ихъ ученые собирають и издають народныя пѣсни; какой вѣрный истинникъ руководилъ ими, когда они для-того, чтобы изучить жизнь народа, для-того, чтобы узнать его физиономію и сохранить ее на пѣнки вѣковъ, для-того, чтобы понять смыслъ его исторіи, — съ изумительнымъ рвеніемъ принялись изучать его поэзію... Съ какой любовью прислушиваются они къ отрывочнымъ звукамъ, слетающимъ съ бандуры бродящаго пѣвца; съ какою неутомимостію подбирають и классифицируютъ они эти звуки; съ какимъ искусствомъ подмѣчаютъ они тайное сродство ихъ, и съ какою силою сливають ихъ въ цѣлыя созданія, въ мощные потоки, свѣтлые, прозрачные, въ которыхъ отражается живой ликъ народа!.. И это дѣлается не въ одномъ какомъ-нибудь племени, можетъ-быть настроенномъ на особенный ладъ природою или обстоятельствами: нѣтъ, это дѣлается съ равною силою и съ равными успѣхами почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, кромѣ-развѣ тѣхъ, которыя уже подгнили на своемъ основаніи, въ которыхъ изсякъ жизненный источникъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое очаровательное зрѣлище представляютъ съ этой стороны славянскія земли? Не смотри ли на какія обстоятельства, ихъ обитатели упорно держатся своей народности, и ищутъ жизни не въ смерти, не въ мертвой буквѣ, а тамъ, гдѣ она кипитъ всею полнотою своихъ силъ, гдѣ она блещетъ самыми роскошными переливами своихъ цвѣтовъ, откуда она вѣетъ вѣшнею свѣжестію... А у насъ!.. страшно подумать!.. Или въ нашемъ глубокомъ народѣ, въ этомъ представителѣ всего славянскаго племени, въ этомъ исполнѣннѣ, одаренномъ необоримыми силами, не билъ и не бьетъ родникъ живой воды? не ужъ ли вся жизнь его была однимъ механическимъ выростаніемъ и разрастаніемъ? Но чьи же эти заунывные, обдающіе всю нашу душу какимъ-то особеннымъ, *русскимъ* чувствомъ, эти мылые, такъ намъ понятныя звуки? чьи эти напѣвы, то грустные, то веселые, но больше грустные? чья душа разынгралась въ этихъ пѣсняхъ удалыхъ, молодецкихъ? изъ чьей же груди, глубокой и мощной, пробилась несдержаннымъ потокомъ эти магическія пѣсни? волны чьей богатырской жизни льются и переливаются въ этихъ простыхъ, но Богъ-знаетъ-почему такъ-сильно дѣйствующихъ на насъ звукахъ?... О, они принадлежать той душѣ, которая трепещетъ и идетъ

послыша ихъ, которая, гдѣ бы ни была и чѣмъ бы ни воплощалась, невольно отдастся имъ, сливается съ ними и уносится ихъ стремленіемъ! о, эти звуки, эти пѣсни принадлежать душѣ русской! въ нихъ жива наша Русь; въ нихъ скрыто ея горячее сердце съ цѣлымъ моремъ его чувствованій; въ нихъ заключились, со всѣмъ своимъ богатствомъ, со всею благовопной святостью жизни, различныя эпохи, ихъ породившія; здѣсь высказывается весь русскій человѣкъ со всѣми своимъ страданіями и радостями, въ своей опредѣленности и съ своимъ стремленіемъ къ опредѣленію; въ нихъ отражается мощная, выразительная физиономія великаго народа во всей своей естественной красѣ, какъ создать ее Богъ! . .

Такъ вотъ, гдѣ родникъ живой воды. Чтò же никто не приходитъ черпать изъ него? чтò же по-сю-пору не проторены дорожки къ нему—чтò же не обложены мраморомъ берега его? Или, пѣть: зачѣмъ забираться съ своимъ требованіемъ такъ далеко? спросимъ, почему по-сю-пору не разметаны выль и соръ, разбросанный вокругъ него временемъ и завраждающій къ нему доступъ. Вы, добрые труженики, любители пыли, чтò это значить? не ужъ ли эта пыль менѣе-достойна вашего вниманія, чѣмъ пыль архивная, которую оспориваете вы у обитательницъ подполья? Выйдите изъ вашего душнаго заточенія, выйдите подъ открытое небо, на чистый воздухъ: здѣсь обновятся ваши истощенныя силы, освѣжятся ваши блѣдныя лица; здѣсь солнце,—въ вашихъ кабинетахъ тусклая лампа; здѣсь жизнь,—въ вашихъ кабинетахъ смерть и тлѣніе; здѣсь трудъ не изнуряетъ, здѣсь трудъ живить, и здѣсь онъ легокъ и сладокъ; дѣятельность, пезаключающая въ себя никакого дѣйствительнаго содержанія, не перетираетъ самую-себя; здѣсь она непрерывно наполняется вѣчно-новымъ содержаніемъ. Не ужъ ли мы всегда должны довольствоваться безвѣрными, неочищенными отрывками, которые удастся намъ случайно услышать тамъ и тамъ? не ужъ ли навсегда только одни ящички будутъ представителями нашей народной поэзіи? не ужъ ли всякій, кто захочетъ упиться ею, долженъ для этого ѣздить по всему огромному пространству Россіи, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, и ловить православнаго мужичка подъ веселый часъ? не ужъ ли всякій долженъ повторять одинъ и тѣ же труды? Кто изъ образованныхъ Русскихъ не захотѣлъ бы *узнять* поэзію своего народа

во всей ея действительной цѣлости? Но у всякаго свое дѣло, свое призваніе: всѣ не могутъ посвящать свою дѣятельность одному и тому же предмету; требовать этого было бы нелѣпо. Собрать русскія пѣсни, изучать ихъ, критизировать, по-крайней мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія, обязапы болѣе, нежели кто-нибудь, занимающіеся исторіею Руси: кто будетъ отрицать, что пѣсни народа суть одинъ изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ существенныхъ источниковъ для ея исторіи? Скажемъ болѣе: нигдѣ народныя пѣсни не могутъ имѣть такого значенія, не заключаютъ въ себѣ столько важности для исторіи, какъ у насъ. Славянскія племена такъ бѣдны памятниками другаго рода, жизнь многихъ изъ нихъ и теперь еще чужда всемірно-историческаго прогресса; они всѣ очень-хорошо сознаютъ это, и обрацаютъ все вниманіе на единственное выраженіе своей внутренней жизни—на пѣсни. Русскій народъ былъ также долго внѣ этого всемірно-историческаго развитія; до него также долго не касался пден, двигавшій человѣчество; онъ долго зрѣлъ одиноко, замкнутый со всѣхъ сторонъ, и только готовился—готовился тихо, едва-замѣтно—къ своему высокому назначенію, въ которое ввелъ его гений великаго Петра. Только съ Петра возникла Россія, могучее, исполненное государство; только съ Петра русскій народъ сталъ націею, сталъ однимъ изъ представителей человѣчества, развивающимъ свою жизнь одну изъ сторонъ духа; только съ Петра вошли въ его организмъ высшіе духовные интересы; только съ него началъ онъ принимать въ себя содержаніе развитія человѣчества. А до Великаго у насъ не было ни искусства, въ собственномъ смыслѣ этого слова, ни науки.—У насъ нѣтъ готическихъ храмовъ, у насъ нѣтъ ни произведеній художнической кисти, ни произведеній рѣзца, у насъ не было музыки. Народъ еще не созрѣлъ тогда для такихъ проявленій своего существа: онъ былъ весь погруженъ въ естественную жизнь, которая можетъ обнаруживаться въ естественной же, въ *наивной* формѣ. Эта наивная форма выраженія жизни народной есть народная поэзія. Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ очень-мало предметовъ, непосредственно-выражающихъ патуру русскаго народа, и ни одного, который бы равнялся въ важности пѣснямъ. Мы не говоримъ здѣсь объ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, о политическихъ фактахъ, въ которыхъ также выражается, или, лучше сказать,

проявляется жизнь народа: они относятся къ другой категорин.

Въ-слѣдствіе всего этого, равнодушіе нашихъ ученыхъ къ народнымъ пѣснямъ становится еще удивительнѣе; еще болѣе заслуживаетъ укоризны. — Нельзя, однакожь, сказать, чтобы не было совсѣмъ никакихъ опытовъ собирать и даже изучать русскія пѣсни; но сумма ихъ такъ мала, такъ ничтожна, что она теряется въ предметъ изслѣдованія, какъ капля въ морѣ. Здѣсь болѣе прочихъ заслуживаютъ упоминанія гг. Якубовичъ и Калайдовичъ, издавшіе нѣсколько поэтическихъ пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ пѣсень Кириши Давилова, въ видѣ, хоть сколько-нибудь-похожемъ на дѣло. Но какъ они, такъ и всѣ другіе, дѣлали это не по сознанию достоинства и важности созданій народа, а такъ, ради курьеза; они даже и не предчувствовали въ нихъ поэзіи, какъ они сами откровенно сознаются. Послѣ того нельзя было бы и ожидать отъ нихъ чего-нибудь похожего на то, что было сдѣлано у другихъ славянскихъ племенъ: весь трудъ собирателей заключался только въ томъ, что они записывали слова и потомъ, безъ всякой связи, безъ всякой критики, печатали ихъ. Давно уже обѣщана намъ большая, ученая коллекція русскихъ пѣсень; взоры всѣхъ любителей народной поэзіи съ ожиданіемъ устремлены на г. Кирѣвскаго, — но онъ медлитъ и медлитъ; его изданіе мелькаетъ передъ нами въ туманной дали будущаго, какъ прекрасная мечта, къ которой мы привязаны даже и тогда, когда несовсѣмъ-вѣрна надежда на ея осуществленіе.... Но кто можетъ знать и говорить о томъ, что впереди? И потому перейдемъ лучше къ книжкамъ, лежащимъ теперь передъ нами, и пробудившимъ въ насъ все, что было нами высказано.

Это, какъ значится въ заглавіи нашей статьи, «Русскія Пѣсни», собранныя г-мъ Сахаровымъ. Г. Сахаровъ заслуживаетъ благодарности за свое трудолюбіе, за свою любовь къ нашей народности. Онъ уже издавъ недавно книгу, подъ названіемъ «Сказанія Русскаго Народа». Мы не хотимъ сомнѣваться въ томъ, что онъ трудится, что онъ не жалѣетъ силъ для предмета своей дѣятельности; мы благодарны ему за все, что имъ сдѣлано: всякій пусть дѣлаетъ, что можетъ, мы, даже, что хочеть: этого правила критикъ не долженъ упускать изъ вида. Вотъ что говоритъ самъ

г. Сахаровъ въ маленькомъ предисловіи, приложенномъ къ первому томику:

«Было время, когда съ восторгомъ вслушивался я въ напѣвы русскихъ пѣсенниковъ, когда съ жадностію записывалъ русскія пѣсни со словъ простолюдиновъ; тогда я былъ покоенъ; тогда я дѣлалъ для себя. Теперь... съ отпечатаніемъ пѣсень я дѣлаюсь постороннимъ челоувкомъ, съ покорностію ожидаю приговора за свои труды отъ знатоковъ и безграмотныхъ людей. Такова участь издателей.»

Въ чемъ должна заключаться оцѣнка трудовъ почтеннаго издателя? Критикъ долженъ опредѣлить свои, или, лучше сказать, современныя требованія отъ изслѣдователя народной поэзіи, и вообще отъ собирателя пѣсень, долженъ представить идеалъ того, что должно быть свершено на этомъ поприщѣ. Но для этого онъ долженъ опредѣлить самый предметъ, долженъ измѣрить, сколько позволяютъ ему его права и обязанности, это поприще. И потому мы прежде всего укажемъ нашу точку зрѣнія на народную поэзію и постараемся развить, сколько можно кратко и отчетливо, наше понятіе о русской народной поэзіи. Предѣлы критической статьи даютъ намъ право требовать отъ читателей, чтобы они не ждали отъ насъ ничего болѣе, кромѣ намековъ. Потому мы посмотримъ — чѣмъ должна быть сообразна съ современными требованіями коллекція пѣсень.

Всего чаще можно услышать выраженія: «народъ живетъ», «народъ развивается». Посмотримъ, что обыкновенно хотѣтъ сказать этими выраженіями. Съ перваго взгляда, для простаго, эмпирическаго смысла, эти выраженія могутъ показаться, если не вовсе-цѣльными, то, по-крайней-мѣрѣ, неточными и только фигуральными. Въ-самомъ-дѣлѣ, народъ не есть осязаемое органическое существо, такое же, напримѣръ, какъ отдѣльный челоувкъ, какъ всякій предметъ природы; онъ не поставленъ предъ нашими эмпирическими взорами какъ особый предметъ, самъ собою втѣсняющійся въ сферу нашихъ представлений; онъ не данъ намъ непосредственно, т. е. мы не можемъ подойти къ нему прямо, указать на него, — указать къ собственномъ смыслѣ этого слова, и сказать: вотъ что называемъ мы народомъ. Но, относя къ народу слова «живетъ» и «развивается», мы даемъ ему значеніе органическаго, особнаго существа. Если видѣть въ на-

родъ только случайное сборище людей, занимающихъ известное пространство, и больше ничего, то искать въ немъ жизни и развитія было бы точно нелѣпо: живутъ въ немъ отдѣльные люди, каждый самъ-по-себѣ, а народъ, собраніе ихъ, какъ же можетъ жить? вѣдь сборище не есть нѣчто дѣйствительное; оно и не существуетъ вовсе, какъ предметъ, котораго части связаны органически воплотившимся, зримымъ единствомъ. Все это совершенная правда; но и тотъ правъ, кто скажетъ, что народъ живетъ. Народъ есть органическое, живое существо, но чисто духовное, а не чувственное. Въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, части, составляющія его и единство этихъ частей, связующее ихъ въ одно цѣлое, пребывающее на известной точкѣ пространства — сопроникаются взаимно и взаимно другъ друга условливаютъ. Отнять отъ предмета это единство—значить разсыпать его на части, значить умертвить его. Мы еще больше пояснимъ нашу мысль, если скажемъ, что подъ единствомъ частей живаго существа мы разумѣемъ то, что зовется организмомъ. Въ народѣ цѣлость частей существуетъ не явно, какъ въ отдѣльномъ предметѣ: она незрима, она таинственно связуетъ члены народа, *по-видимому* разрозненные, *по-видимому* неимѣющіе никакой внутренней, живой связи. Части народа сами-по-себѣ въ ихъ разрозненности доступны для эмпирическаго воззрѣнія; но видѣть органическое существо въ народѣ, видѣть живую связь его частей, можетъ только тотъ, у кого открылись духовныя очи. Здѣсь уже прекращается царство *непосредственнаго* созерцанія, которому предметы даются сами-собою: здѣсь предметы схватываются и постигаются не-иначе, какъ *чрезъ посредство* духовныхъ орудій,—духовнаго процесса.

Итакъ въ чемъ же заключаются жизнь и развитіе народа? Мы наши, что его организмъ принадлежитъ къ царству духа, а не къ царству внѣшней природы; слѣдственно и жизнь его не есть жизнь естественная, какою живутъ отдѣльные предметы природы: она должна имѣть духовное свойство, и въ своемъ развитіи принимать духовныя опредѣленія. Для-того, чтобы пояснить это нѣсколько-темное выраженіе и прямѣе приступить къ нашему предмету, взглянемся поближе въ то, что мы зовемъ «развитіемъ». «Развиваться» значить, какъ уже показываетъ самое слово, раскрывать, развертывать то, что сжато и сосредоточено въ безразличномъ единствѣ; слѣдовательно, обозначать и *опредѣ-*

лль отдѣльные моменты, части, составляющія сущность предмета, выводить ихъ постепенно одинъ за другимъ въ ихъ характеристическомъ различіи. Развиваться можетъ только что-нибудь, то, что уже *существуетъ*, что уже дано непосредственно какъ *сущность* предмета. Эта сущность есть зерно, гдѣ таинственно кроются всѣ тѣ части, которыя постепенно выводятся развитіемъ, пока не истощится ихъ запасъ, пока то, что существовало идеально, не проявится во всей полнотѣ, не станетъ дѣйствительнымъ предметомъ. Между сущностью предмета и самимъ предметомъ, т. е. развившеюся сущностію, такое же отношеніе, какое между сѣменемъ растенія и самимъ растеніемъ.

Итакъ исходный пунктъ жизни народа есть его сущность. Но гдѣ же найти эту сущность, гдѣ же увидѣть ее? она должна также имѣть свое проявленіе, должна открываться въ чемъ-нибудь; иначе мы не могли бы говорить о ней, какъ о сущности, какъ о чемъ-то существующемъ. Сущность, напримѣръ, растенія скрыта въ сѣмени; качествомъ сѣмени определяется и качество самого растенія. Проявленіе сущности есть самая первая, *самая непосредственная* ступень развитія, въ которой заключаются всѣ послѣдующія ступени; такъ точно въ музыкальномъ произведеніи тема, съ одной стороны, есть начало его, его первый, простѣйшій мотивъ; съ другой же стороны она есть источникъ всѣхъ другихъ мотивовъ, звучащихъ въ этомъ произведеніи, какъ бы ни было велико ихъ число и разнообразіе.

Первоначальный видъ народа есть его первобытное состояніе, то состояніе, въ которомъ живетъ онъ до той минуты, когда вступаетъ на поприще всемірно-историческаго дѣйствованія, до той минуты, когда онъ является членомъ въ организмѣ челоуѣчества, членомъ, трепещущимъ жизнью всемірно-историческою, выливающеюся въ него въ такомъ количествѣ, какое необходимо для-того, чтобы онъ могъ свободно двигаться и выполнять свое назначеніе. Первобытное состояніе народа имѣетъ различныя формы, такъ же, какъ и позднѣйшее, развитое. Первая, и самая простая форма есть семейныя отношенія, отношенія между отдѣльными людьми: это низшее и самое естественное (въ отличіе отъ духовнаго) опредѣленіе жизни народной. Потому — отношенія общественныя, изъ которыхъ развивается государство: въ этой формѣ народъ является тѣмъ, чѣмъ онъ

долженъ быть—народомъ, между-тѣмъ какъ въ первой формѣ онъ былъ только семействомъ; здѣсь образуется и сочленяется тотъ духовный организмъ его, о которомъ мы выше говорили; здѣсь первый моментъ его историческаго существованія, зародышъ того, что въ-послѣдствіи должно быть свершено имъ въ человечествѣ и для человечества. Наконецъ, третья и высшая форма есть его—выразился такъ—теоретическая дѣятельность, его созерцаніе жизни и міра, его мнѣологія, его поэзія. Мы назвали эту форму высшею, потому-что здѣсь народъ возвышается наконецъ до сознанія самого себя, между-тѣмъ какъ въ первыхъ формахъ онъ только проявлялъ себя. Здѣсь организмъ народа, образовавшійся и сочленившійся въ предыдущей формѣ, получаетъ сквозящую прозрачность; здѣсь жизнь его не-просто движется, но и обращается на самую себя, созерцаетъ свое движеніе. Изъ всего того, въ чемъ можетъ обнаруживаться теоретическая дѣятельность народа въ его первобытномъ состояніи, преимущественно должна обращать на себя вниманіе поэзія. Ей должно дать главное мѣсто, ее должно поставить въ центрѣ; всѣ другія проявленія теоретической жизни народа на этой ступени гораздо-слабѣе, гораздо-блѣднѣе ея, часто зависятъ отъ нея, часто обуславливаются ею, заимствуютъ у нея средства, даже черпаютъ изъ нея жизненныя силы. Это очень-естественно. Наука возникаетъ только въ народѣ развитомъ: о ней и думать не должно при разсматриваніи народа дикаго, еще не освободившагося отъ узъ природы. Высочайшая, истинная религія доступна только для такого народа, въ которомъ пробудился уже самосознательный и свободный духъ, который перешелъ очистительный періодъ жизни и очистился столько, что способенъ быть сосудомъ божественнаго слова, способенъ принять въ себя откровеніе божества. Но народъ, до котораго не коснулось еще вліяніе духа, народъ, въ которомъ нѣтъ еще ни духовныхъ вопросовъ, ни духовныхъ стремленій, который еще только зрѣетъ для-того, чтобы быть сосудомъ, проявителемъ той идеи, для коей призванъ въ міръ, такой народъ можетъ имѣть только предчувствіе религіи, можетъ обнаруживать въ себѣ возможность приять со-временемъ откровенную истину; всѣ его религіозныя представленія сами-по-себѣ не имѣютъ никакой истины, всѣ они не больше, какъ призраки, порожденные самими же народомъ; они имѣютъ только относительное

значение, раскрывая собою характеръ народа и обличая его религіозный органъ.

Духъ вездѣ равепъ самому-себѣ; оцѣ вездѣ одинъ и тотъ же; какъ въ отдѣльномъ челоѣкѣ, такъ и въ отдѣльномъ народѣ, такъ и въ цѣломъ челоѣчествѣ, какъ въ зернѣ развитія, такъ и въ различныхъ циклахъ своей жизни — дѣйствуетъ онъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, творить одни и тѣ же міры, изводитъ изъ себя одно и то же содержаніе. Каждый періодъ развитія духа есть повтореніе предыдущаго періода, и вмѣстѣ отрицаніе его; повтореніе — потому-что духъ, перейдя съ одной ступени на другую, нисколько не измѣнилъ своего существа, ни однимъ атомомъ не увеличилъ и не уменьшилъ того, что отъ вѣка заключалось въ немъ; отрицаніе — потому-что духъ не удовлетворяется ни одною формою своего проявленія, потому-что ни одна форма не можетъ назваться равновѣснымъ выраженіемъ содержанія духа, ни одна не въ-силахъ исчерпать всего безконечнаго богатства духа, ни одна столько непрозрачна, чтобы духъ сквозь нея являлся вполне тѣмъ, чѣмъ онъ есть по существу своему: онъ сбрасываетъ съ себя одну форму для-того, чтобы откѣрнуться въ другой, достойнѣйшей; онъ переходитъ съ низшей ступени на высшую для-того, чтобы виднѣе и яственнѣе показать существо свое. Все его назначеніе, все его развитіе именно и заключается въ томъ, чтобы непрерывно больше и больше уравнивать форму своего проявленія съ содержаніемъ своего существа; потому-то дѣятельность его и обнаруживается въ непрерывномъ метаморфозированіи, въ непрерывномъ отрицаніи. — Шумно кипитъ поприще; веселый народъ разбросанъ на немъ могучими группами; гордые члены бойцовъ напряглись непреклонной отвагой, взоры ихъ блещутъ сознаніемъ силы. . . какъ выразительны контуры, какъ крѣпки мышцы, какая свѣжесть въ тѣняхъ, и какъ прозрачны самыя тѣни? . . . Лучи обливаютъ картину; цвѣта горятъ ярко, картина упруга, картина дышитъ неодолимою силою. . . Взоръ ослѣпляется нестерпимо-яркимъ колоритомъ; тщетно хочетъ онъ обнять цѣлость дивной картины: каждый предметъ такъ мощно приковываетъ его къ себѣ, каждая частности такъ разнообразна, такъ безконечно-богата новыми частностями, такъ неотразима въ своемъ впечатлѣніи! . . . Но стойте — видите ли, какъ начинаеть тихо и чуть-замѣтно мерк-

нуть далекій фоно? видите ли: лучи уж не съ такою силою отражаются о предметы? смотрите, смотрите — перспектива сжимается, переднія группы блѣднѣютъ, группы въ послѣднихъ плавать какъ-будто свертываются и объемлются какъ-то туманомъ; этотъ туманъ все ближе и ближе — онъ застилаетъ собою всю картину; смотрите теперь, смотрите, пока не исчезла совсѣмъ картина, пока туманъ не поглотилъ всей жизни, — объimate ли вы теперь цѣлость частей, организмъ давняго созданія? Такъ, это духъ, это моментъ его развитія; это онъ озаряетъ такимъ нестерпимымъ блескомъ поприще, это онъ раскинулся въ атлетическихъ группахъ, это онъ горѣлъ во взорахъ людей; онъ двигался въ каждомъ членѣ ихъ; онъ обнаруживался въ каждомъ взмахѣ руки, въ каждомъ шагѣ ноги; это духъ разсыпался на безконечное множество отдѣльныхъ явленій, это онъ разсыпался по картинѣ; — но дѣло свершено, группы исчезли, темно и холодно. . . Какъ? но развѣ вы не видите блеска и движенія тамъ, въ углу фона, тамъ, откуда выходитъ солнце? . . . Шумно стремятся новыя группы, разноцвѣтные круги появляются одинъ за другимъ, сходятся и расходятся и размѣщаются по планамъ перспективъ; новое солнце радостно потекло; новыя лучи радостно заиграли и засверкали. . . Но колоритъ еще сильнѣе, контуры могущественнѣе, картина шире и глубже. — И вѣчно будетъ повторяться эта сцѣна, вѣчно, пока живъ будетъ духъ, а духъ безконеченъ и вѣченъ! . . .

Но мы увлеклись въ-сторону отъ предмета; мы бы никогда не кончили, еслибъ все продолжали идти по этому же направленію. Мысль о тѣсныхъ предѣлахъ нашей статьи заставляетъ насъ просить прощенія у читателей за это отступление. . .

Итакъ, народъ въ первобытномъ своемъ состояніи, народъ, закованный въ узы природы, народъ естественный, зерно будущаго народа, проявитель вѣчной идеи на самомъ поприщѣ духа, пускаетъ изъ себя съ самаго начала своей жизни ростки, изъ коихъ свободнымъ движеніемъ должны развиваться всѣвозможныя опредѣленія, которыя приметъ духъ въ этомъ народѣ. Даже у дикарей найдете вы зародыши всѣхъ тѣхъ міровъ, которые порождаетъ изъ себя духъ въ своемъ развитіи. Исторія состоитъ не изъ отдѣльныхъ отрывковъ, выхваченныхъ, положимъ, изъ другихъ планетъ, въ которыхъ жизнь развивается по инымъ

знаюамъ: въ каждой фазѣ жизни человѣчества содержаніе одно и то же, разница только въ формѣ. Человѣкъ вездѣ человекъ, на какой бы ступени образованія ни находился онъ: народъ всегда народъ—живой организмъ, предназначенный для проявленія всемірно-исторической идеи,—все равно, улучшиль ли мы его на зарѣ его дня, или въ ясный полдень, кипящаго всею полнотою созрѣвшихъ силъ, или на тихомъ закатѣ, въ таинственный часъ смерти. Первобытное состояніе народа есть какъ-бы прелюдія къ дивной ораторіи, въ которой должна прозвучать его жизнь, какъ-бы прологъ къ шекспировой драмѣ, прологъ, въ которомъ уже обозначены противоположности, очеркнуты противорѣчія, долженствующія столкнуться въ ходѣ драмы, вступить въ борьбу и разрешиться въ торжественное примиреніе, примиреніе, когда сокрушается организмъ, гибнутъ частности и жизнь покидаютъ остывающихъ на аренѣ бойцовъ и улетучивается въ общую жизнь человѣчества. Какъ бы ни была низка ступень развитія народа, въ немъ непременно должны возникать стремленія къ вѣчнымъ областямъ свободнаго духа; въ немъ непременно должны быть начатки великихъ откровеній духа.—Вотъ почему никто не долженъ смущаться фактомъ, что у народа *диалогъ*, неотрѣшившагося отъ узъ природы, есть очерки высшихъ опредѣленій духовной сущности, есть космогонія, теогонія, есть поэзія. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти опредѣленія, эти области духа не могутъ даваться даромъ, не могутъ обрѣтаться непосредственно, безъ труда, безъ посредства развитія, безъ предъидущихъ страданій, которыми они служатъ исцѣленіемъ, безъ предъидущей борьбы противорѣчій, которыми они служатъ разрешеніемъ. Въ нихъ духъ обрѣтаетъ награду за тяжкій трудъ развитія, въ нихъ онъ является совершенно-свободнымъ, отрѣшеннымъ отъ всѣхъ цѣпей, абсолютнымъ; здѣсь существо его свѣтло и прозрачно, здѣсь онъ углубляется въ безконечность своего существа и блаженствуетъ ею. Но за что же дается такая награда духу неразвитому и нежившему? за что же дается блаженство примиренія тому, кто не испыталъ мукъ раздора съ самимъ-собою?.. Но что есть, то должно быть, и—вглядитесь хорошенько, вы убьидитесь въ разумности и необходимости того, что есть, и что должно быть; завистливое чувство, завистливый вопросъ исчезнетъ въ думѣ, какъ мгновенно-налетѣвшій туманъ.—Неизмѣримая бездна отдѣляетъ космо-

говню народа отъ науки, теоговию отъ религии, его безыскусственными, неискусственными пѣсни отъ искусства, отъ творческаго проявленія искусственной фантазїи. Это эмбрионы, а не готовые, живыя существа; это первоначальный хаосъ, броженіе элементовъ только - что-пробудившейся жизни, а не полныя свѣта и безконечнаго блаженства міры свободнаго духа. Скудны и слабы наслажденія бѣдныхъ дѣтей природы; тѣсны предѣлы ихъ жизни, душна атмосфера ихъ міра; ихъ радости, ихъ горести возникаютъ изъ животныхъ ощущеній; они не знаютъ цѣлы окружающей ихъ дѣйствительности; они не извѣдали благодѣтельнаго чувства любви къ ней, потому-что они не познали еще своей особы, а любовь можетъ быть между особыми, между различными существами; они слиты съ природою, они не вглядывались въ красу ея, и очарованныя, цѣлительныя ея могучими прелестями, не бросались въ избытокъ страстнаго восторга на ея лоно, не лобзали ея горячими поцѣлуями любви, не ушавались мѣгому ея дыханію, потому-что они никогда не отрывались отъ ея лона, потому-что они никогда не отдались отъ нея, потому-что они, какъ родились въ ея объятїяхъ, съ устами, прижатыми къ ея персямъ, такъ и остались въ безмятежномъ незнанїи того, кто они сами, и кто лелебеть ихъ съ такою нежностію. Что не распадалось на противоположности, въ томъ еще вѣтъ жизни, потому-что вѣтъ любви; только двѣ противоположности, только два различныя существа ищутъ другъ друга, встрѣчаются и, встрѣтившись, обнимаютъ другъ друга и сливаются въ гармонию одного аккорда; слившись воедино, они не теряютъ сознанія своей особы, своей отдаленности: они видятъ свои личности другъ въ другъ, они сознаютъ себя одно въ другомъ. И въ народѣ, пока онъ не начиналъ еще отрываться отъ природы, не можетъ быть никакого движенія, никакой жизни. И горе тому народу, который не воспринять тотчасъ же по своемъ явленїи въ міръ, не будетъ высвобождаться изъ объятій своей матери, не будетъ силиться сбросить съ себя бремя, не будетъ срывать съ себя одну за другою пеленки! горе ему, если не начнетъ тотчасъ же борьбы съ природою, борьбы, въ которой должны расправиться его члены, скрѣпятъ мускулы: онъ навсегда оцѣпенѣетъ, зерно развитія стнѣтъ въ немъ, не давъ ростка, силы замрутъ, не развернувшись, онъ умретъ, не живши, не родясь... Но на-

роды, предназнапеченные для жизни, въ самый мигъ появленія на свѣтъ начинаютъ процессъ движенія, начинаютъ расторгать свои узы и поражать еще-неокрѣпшими дланями воздвигнувшую ихъ грудь. Въ нихъ тотчасъ же возникаетъ чувство особности, стремленіе къ независимости и самостоятельности; внутри нихъ начинаютъ появляться и организоваться опредѣленія духа, начинаютъ вырабатываться факты *субъективной* жизни, начинаютъ, сквозь животную форму, пробиваться мысли, начинаютъ тонкой нитью, сквозь матеріальное существованіе, прокрадываться идеальное развитіе; пока народъ не отринется, наконецъ, отъ безчисленныхъ путей, которыми обвила его природа, пока не образуется его духовная физиономія, пока не сочлется вполне его организмъ и не проявится въ непреложной формѣ разумнаго государства, пока онъ не станетъ тѣмъ въ духъ (въ исторіи человечества), чѣмъ онъ есть по своей сущности. Отсюда уже начинается періодъ движенія свободнаго духа въ народъ, развиваются тѣ безконечные міры, въ которыхъ онъ открывается самому-себѣ во всей безконечности своего существа.

Теперь мы нашли, въ какомъ народѣ, въ какомъ состояніи народа, при какихъ условіяхъ возникаетъ и живетъ народная или, лучше-сказать, естественная поэзія (*Naturproesie*). Посмотримъ же теперь, почему именно поэзія служитъ волнѣющимъ и могущественнѣйшимъ проявленіемъ внутренней жизни народа на рассматриваемой нами ступени. Поэзія, по существу своему, смыкаетъ примирительнымъ звѣномъ чувственное созерцаніе съ идеальнымъ самосознаніемъ, чувственную форму съ безплотной идеей, уравниваетъ матерію съ духомъ. Поэзія есть тотъ міръ, который граничитъ, съ одной стороны, съ вышинею областью духа, гдѣ живетъ онъ, не зная самого-себя, гдѣ онъ только проявляется, а не сознаетъ себя, и если видитъ свое проявленіе, то развѣ только съ-наружи; съ другой стороны граничитъ она съ внутреннимъ міромъ духа, съ царствомъ мысли, въ которомъ владычествуетъ безплотная жизнь и открывается въ безплотныхъ же формахъ. Область поэзіи, или, скажемъ лучше вообще, область искусства заселена такъ же живыми, органическими существами, какъ и міръ эмпирической дѣйствительности, въ которомъ движемся мы; въ ней есть и небо и земля; но земля ея зелѣветъ ярче, цвѣтетъ бла-

гоуханіе, небо прозрачнѣе и глубже; тамъ все полно торжественнаго свѣта; тамъ нѣтъ ни одного предмета темнаго, ни одного уголка, въ которомъ бы не горѣлъ лучъ вѣчнаго солнца; тамъ солнце не-извнѣ освѣщаетъ жизнь: оно горитъ не-угасимо внутри жизни, внутри каждой формы жизни; отъ-того-то такъ и сіяютъ образы искусства, отъ-того-то каждый изъ нихъ и окруженъ блистательнымъ ореоломъ лучей, исходящихъ изъ него же самого; отъ-того-то, въ произведеніяхъ искусства, атмосфера вся полна свѣта, или, лучше, вся изъ свѣта, сліянаго изъ безчисленныхъ лучей! Вотъ что мы представляемъ себѣ, когда говоримъ, что искусство соединяетъ безконечную идею съ конечною формою, одухотворяетъ внѣшнее, чувственное и воплощаетъ внутреннее, сверхчувственное. Жизнь, открывающаяся въ искусствѣ, есть первый моментъ, первая эпоха свободы духа: здѣсь онъ впервые проникаетъ до существа своего и созерцаетъ его, хотя и сквозь покровъ чувственнаго проявленія.

Поэзія, такъ же какъ и всякій видъ теоретической дѣятельности въ народѣ, пробуждается тогда, когда народъ началъ свою борьбу съ природою, когда въ немъ уже возникло первое, хотя и не-свободное, хотя и подавленное силою еще непобѣжденной природы, движеніе духа. Мы назвали уже выше этотъ періодъ жизни народа хаотическимъ броженіемъ его элементовъ. Въ его духѣ, только-что пробудившемся, царствуетъ густой мракъ, едва-прорываемый тусклыми лучами, льющими невѣрное, обманчивое мерцаніе. Первые явленія духовной жизни подобны неуставовнвающимся кометамъ, которыя безъ всякаго порядка, не повинувшись никакимъ законамъ, посятятся въ мрачной пустотѣ: это зародыши идей и мыслей будущихъ гражданъ въ будущемъ царствѣ духа. Эти идеи и мысли суть освобожденные отъ природы стороны духа, тѣ свѣтлыя точки его существа, которыя уже отделились отъ природы. Мы назвали ихъ зародышами, потому-что онѣ далеки еще отъ того состоянія, въ которомъ должны въ-послѣдствіи явиться черезъ посредство развитія. Это слабыя, блѣдные призраки, дикіе и безобразные, случайно разбросанные въ сознаніи тамъ и тамъ, невидящіе другъ друга, ярко за-клейменные печатью рабства, которая только тогда совершенно сгладится съ нихъ, когда освободится цѣлый организмъ духа. Мы поймемъ, что такое эти первые плоды сознанія, если опре-

длиннѣ ихъ развитіе. Цѣль духа—открыться въ нихъ, пробиться сквозь кору *естественности*, сквозь чувственную оболочку, сдѣлать ихъ формами самосознанія. Они тѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ ближе къ своему назначенію, чѣмъ болѣе просвѣтляется сквозь нихъ духъ, который только тогда успокоится и примирится, когда побѣдитъ всякую чувственную преграду и ливится въ нихъ во всемъ блескѣ существа своего. Въ сознаніи свершается воссозданіе чувственного міра, одухотвореніе темныхъ предметовъ природы. Одухотворить предметъ не значитъ вложить въ него духъ, котораго прежде не было въ немъ,—нѣтъ, каждый предметъ въ природѣ выражаетъ уже самъ собою одну изъ сторонъ божественной мысли, воплотившейся въ міръ; нѣтъ ни одного явленія, въ которомъ бы не присутствовалъ духъ; нѣтъ ни одной вышней формы, въ которой бы не открывалось внутреннее содержаніе. Если есть явленіе, значитъ есть существо; если есть форма, значитъ есть содержаніе, если есть вышнее, значитъ есть внутреннее. Во всемъ проявляется духъ, но сознаетъ себя онъ только въ самомъ-себѣ. Сознавая себя, онъ слѣдуетъ тѣмъ же законамъ своего существа, по какому и проявлялся; онъ повторяетъ тотъ же процессъ, проходитъ черезъ однѣ и тѣ же ступени развитія. Сначала онъ принимаетъ въ себя предметы темными и непрозрачными, потому-что онъ еще не видитъ въ нихъ самого-себя; далѣе онъ начинаетъ постепенно просвѣтлять ихъ, по мѣрѣ того, какъ усматриваетъ въ нихъ себя, или—употребивъ болѣе удобное выраженіе, которое мы уже оправдали, показавъ его смыслъ,—входитъ въ нихъ, или, что все одно и то же, пробивается сквозь ихъ оболочку. Явно, что до той поры, когда онъ весь обнаружится въ предметъ, предметъ существуетъ въ сознаніи, въ ложномъ и искаженномъ видѣ. Оторванные отъ спокойнаго, естественнаго существованія, предметы теряютъ на-время полноту своего содержанія, которая тихо и нѣмю жила въ нихъ въ формѣ вещества; сознаніе пробило эту вещественную форму и содержаніе ея, воспламененное только въ отдѣльныхъ частяхъ своего существа,—только отдѣльными частями, отдѣльными свѣтлыми точками сквозить въ предметъ. Предметъ утратилъ свою разумную, прекрасную *естественность*, онъ сталъ какъ-нибудь-то фантазмагорическимъ призракомъ. Въ сознаніи онъ уже не выражаетъ того, что выражалъ въ природѣ: онъ утра-

тыль свою истину, потому-что духъ созналъ себя только въ одной сторонѣ его содержанія, заставилъ его выражать только часть того, что онъ дѣйствительно выражаетъ, и что долженъ выражать:—предметъ сталъ символомъ.

Намъ кажется, что мѣльзл лучше характеризировать явленій въ этомъ периодѣ сознанія, какъ назвавъ ихъ «символами». Символомъ называемъ мы все то, что намекаетъ на какое-нибудь значеніе. Въ символахъ заключаются два элемента: во-первыхъ, внутренній, какое-нибудь значеніе,—во-вторыхъ, внѣшній, то, что намекаетъ на это значеніе. Онъ не-есть ни совершенно-чувственное созерцаніе предмета, ни чистая, совершенно-отрѣшенная отъ чувственного проявленія мысль, ни даже художественный образъ, примиряющій мысль съ предметомъ,—это живое цѣлое, въ которомъ уравновѣшено чувственное съ сверхчувственнымъ. Символь только колеблется между внѣшнимъ и внутреннимъ; онъ насильственно сводитъ ихъ, а не примиряетъ, не сливаетъ ихъ въ живое, органическое цѣлое; это образъ неудавшійся, *image manquée*; въ немъ духъ стремится только стать образомъ, полнымъ, гармоническимъ откровеніемъ внутренняго во внѣшнемъ; въ немъ онъ только ищетъ равновѣсной формы для своего содержанія; находитъ же онъ ее только тогда, когда совершенно окрѣпнетъ и освободится, когда достигнетъ того момента своего развитія, который мы зовемъ *художественнымъ искусствомъ*, когда станетъ творческою фантазією.

Послѣ всего этого должно быть понятно, почему всѣ явленія внутренней жизни народа на первой ступени развитія, его космогоническія и теогоническія представленія запечатлѣваются характеромъ поэтическаго созерцанія. Его мысли представляются ему въ чувственныхъ формахъ, но не въ художественныхъ, а символическихъ. Мыслить ли онъ о существѣ высочайшемъ, онъ указываетъ на небо, на грозную тучу, издающую громъ и молнію, на мощный, непреградный потокъ, низвергающій все на пути своемъ, на огонь, которому не можетъ противиться ничто живое и т. д., словомъ, на всѣ тѣ могучіе феномены природы, въ которыхъ она является страшною властительницею; или, если онъ двинулся дальше въ своемъ развитіи, создастъ существа особеннаго рода, которыхъ назначаетъ къ тому, чтобы они намекали своимъ видомъ на какія-нибудь отвлеченныя представленія. Это божества его, лица его мифологій.

Божеству силы, напримеръ, дать онъ какой-нибудь признакъ лва; богинѣ плодородія дать онъ въ символъ фаллюсъ; верховному блюстителю неба и земли вложить онъ въ длань перунъ; бога добра покроетъ онъ бѣлымъ, бога зла чернымъ цвѣтомъ, и пр. Онъ опредѣлитъ отношенія между своими божествами, и въ дикихъ, хотя и пелашенныхъ какого-то грандіознаго величія гимвахъ, воспоетъ ихъ происхожденіе, ихъ исторію, ихъ браня, ихъ подвиги. Каждая дума, каждое чувство его носитъ на себѣ отпечатокъ какого-нибудь явленія природы; онъ ни въ чемъ не можетъ отрѣшиться отъ чувственныхъ представлений; его рѣчи испещрены непрерывными фигурами и тропами. У американскихъ дикарей, напримеръ, самая пестрая пѣсня изъ самыхъ пестрыхъ образовъ есть обыкновенный, всѣдневный языкъ. — Каждое свойство, нравственное или физическое, существующее въ сознаніи народа, непременно имѣетъ въ его фантазіи своего представителя, — но-крайней-мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя преимущественно уважаются народомъ, въ которыхъ онъ любитъ самимъ-собою. Эти представители различныхъ свойствъ суть идеалы народа, которыми онъ гордится, которыя онъ славитъ, которыя онъ одѣляетъ всѣмъ богатствомъ своей фантазіи: это богатыри, герои, изъ которыхъ каждый образуетъ, вокругъ себя, особый міръ изъ своихъ подвиговъ, и доставляетъ содержаніе для эпическихъ пѣснопѣній. Они запечатлѣны тѣмъ же символическимъ характеромъ, хотя и въ меньшей степени, нежели герои космогоническихъ и мнѳологическихъ пѣсень. Это не живые индивидуальныя существа, которымъ не достаетъ только плоти, чтобы встать и смѣшаться съ дѣйствительными людьми, не такія созданія, которыми заселены свѣтлые міры художнической фантазіи, не такія созданія, которыми радовался до самозабвенія, утопая въ мгновенномъ наслажденіи, Грекъ: всѣ они, болѣею-частью, являются символическими лицетвореніями какого-нибудь свойства, физической силы, напримеръ, отваги, удалства и т. д.; другихъ же свойствъ живой души или вовсе нѣтъ, или они всѣ подчиняются одному, господствующему. Ихъ лики одноцвѣтны; безъ всякихъ тѣней и оттѣнковъ; дѣла монотонны. Такъ-какъ господствующее свойство все поглощаетъ и претворяетъ къ себѣ, такъ-какъ оно одно составляетъ существо ихъ, то очевидно, что оно должно выходить изъ своихъ естественныхъ раз-

мировъ, принимать видъ колоссальный и доходить даже до уродства. Такъ, напримеръ, есть богатыри въ русской народной поэзи, которыхъ не держитъ земля, въ которыхъ сила подавляетъ самую-себя, и они, въ своей безсильной силѣ, задыхаясь подъ собственною тяжестью, бездѣйственно лежатъ весь вѣкъ громадными горами, тамъ, гдѣ свалила ихъ собственная сила.

Быль одинъ народъ въ мирѣ, который родился съ свободнымъ духомъ,—народъ, прожившій безъ борьбы и страданій, и пришедшій въ мирѣ для-того, чтобы насладиться побѣдою, собрать плоды страданій, не имъ понесенныхъ,—народъ, для котораго тяжело трудился въ-продолженіе цѣлыхъ вѣковъ другіе народы, которому безропотно передали они то, что приобрѣли кровавыми трудами, и на который безъ зависти, съ любовью и тихимъ чувствомъ умиленія смотрять его менѣе-счастливые собратья,—народъ, который былъ рожденъ у самой цѣли тяжкихъ стремленій своихъ предшественниковъ,—котораго первые взоры пали на красоту, на роскошнѣйшіе цвѣты полуземнаго-полуневеснаго существованія, — у котораго первый младенческій крикъ излетѣлъ изъ груди, переполненной наслажденіемъ,— котораго. . . Но мы вѣкъ бы не кончили, если бы стали продолжать характеристику этого свѣтлаго народа. Этотъ свѣтлый народъ, этотъ любимецъ духа и природы, кто, какъ не слыи прекрасной Эллады? . .

Между развитіемъ цѣлаго человечества и развитіемъ отдельнаго народа нельзя не усмотрѣть большой аналогіи, хотя было бы нѣлпо искать совершеннаго совпаденія между ними. Въ человечествѣ духъ исчерпываетъ вполне каждый моментъ свой; въ народѣ же онъ быстро перебѣгаетъ съ одной ступени на другую; на нныхъ ступеняхъ онъ слегка, чуть-замѣтно, обнаруживаетъ себя, къ другимъ едва касается, какъ-будто перескакиваетъ черезъ нихъ, до-тѣхъ-поръ, пока достигнетъ онъ той ступени, для которой былъ рожденъ народъ, и на которой жизнь народа является однимъ изъ моментовъ жизни человечества: здѣсь онъ останавливается и исчерпываетъ себя! Греческій народъ имѣлъ назначеніе исчерпать своею жизнью все существо искусства; проявить искусство въ его всемірно-историческомъ значеніи. Другіе историческіе народы, его предшественники, были предназначены развить самосознаніе духа до этой ступени; жизнь ихъ, въ сложности, соотвѣтствуетъ то-

му периоду въ жизни народа, въ который онъ борется съ природою для того, чтобы освободиться отъ ея ига, и стремится опредѣлить и организовать свою духовную личность. Жизнь Грековъ для человечества была тѣмъ же, чѣмъ художественная сфера свободной, творческой фантазій для народа въ частности. Греческій народъ получилъ еще въ колыбели въ даръ отъ духа художественную форму красоты; онъ родился съ рѣзцомъ въ рукѣ, и его естественная поэзія (*Naturpoesie*) была вмѣстѣ и полнѣйшимъ художественнымъ проявленіемъ свободной фантазій. Нужно ли что-нибудь говорить о дивной художественности великихъ всемірно-историческихъ пѣснопѣвій Гомера и др.? Искусство Грековъ — живая эстетика, эстетика въ лицахъ. И потому, кто захочетъ опредѣлить какъ-нибудь видъ искусства, въ истинной, полнѣйшей его формѣ, тотъ долженъ имѣть необходимо въ созерцаніи свѣтлый міръ художественныхъ произведеній Грековъ. Эту аналогію между ходомъ цѣлаго человечества и развитіемъ отдѣльнаго народа поясняется сходство, часто разительное, между сумрачными циклами древней восточной поэзіи, въ которыхъ царствуетъ символъ, и поэзію отдѣльнаго народа, запечатлѣнною въ большей или меньшей степени тѣмъ же символическимъ характеромъ. Часто историки и этнографы, основываясь на одномъ этомъ сходствѣ, утверждаютъ племенное физиологическое сродство между разсматриваемымъ народомъ и какинъ-нибудь представителемъ востока. Не отвергая физиологическаго сродства позднѣйшихъ племенъ съ древними, замкнувшими циклъ своей жизни еще въ до-греческій періодъ человечества, признавалъ за востокомъ право называться *agapā gentium*, мы думаемъ, однакоже, что причина этого сходства коренится больше въ одинаковости духовныхъ состояній. — Впрочемъ, Славяне и народъ русскій въ частности, поэзія котораго должна теперь обратить на себя наше вниманіе, почти-безспорно выведутся всеми изъ странъ загимнадійскихъ: въ этомъ согласны всѣ этнографы, болкующіе о происхожденіи Славянъ и ученые филологи-санскритологи. Въ-самомъ-дѣлѣ, связь славянскаго языка съ санскритскимъ такъ жива, въ повѣрчлхъ и поэзіи Славянъ и древнихъ Гиндусовъ столько разительна-сходнаго, что можно безъ всякаго опасенія выводить племя славянское изъ Индіи.

(*Окончатіе слова.*)

VII.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКІЯ КНИГИ,

ИЗДАНЫЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ МАЯ И ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ ІЮНЯ МЯСЯЦА.

165) БЫЛИ И НЕВЫЛЦЫ. Казака Владимира Луганскаго. *Лялька четвертая. Ночь на Распутьи, Сказка о Георгии Храбромъ и о Волкѣ. Сказка о Нуждѣ, о Счастьи и о Правдѣ. Вѣдьма* (украинская сказка). С.-П. буреѣ. *Вѣтъя. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярїи. 1839. Въ 8-ю д. л. 198 стр.*

Вотъ новое произведеніе одного изъ лучшихъ нашихъ прозаиковъ. Кромѣ двухъ послѣднихъ повѣстей, которыя въ 1837 году были напечатаны въ журналахъ, двѣ первыя, и, можно сказать, важнѣйшія, появляются въ первый разъ въ публицу. Сочиненія Казака Луганскаго (В. И. Дала) вообще отличаются настоящею русскимъ, неподдѣльнымъ юморомъ, который уловить такъ трудно, даже и при особенныхъ обстоятельствахъ жизни, болѣе или менѣе способствующихъ нужнымъ для сего наблюденіямъ. Формы, въ которыхъ выражается этотъ юморъ, вы не найдете въ книгахъ, ни даже, подслушавъ чужіе разговоры, какъ то полагаютъ въ некоторые жалкіе пасынки Анодоны: надобно постигнуть самую сущность русскаго юмора, — тогда онъ вынудитъ вамъ даже новыя формы, которая не выйдутъ изъ общаго характера, но для сего нужно совершенно-особаго свѣта.

ства остроуміе и глубокомысліе и, что́ всего важнѣе, надобно быть Русскимъ и вполне проникнутыя русскимъ духомъ. Такого рода талантъ, изъ современныхъ писателей, мы находимъ только у Гоголя и у Даля. До-сихъ-поръ Даль бралъ предметы для своихъ разсказовъ изъ дѣйствительной жизни; мы видели, съ какою вѣрностію и искусствомъ онъ претворялся въ людей разныхъ классовъ, какъ глубоко онъ постигалъ ихъ нравы, печали, ихъ собственную, особую философію, ихъ собственную, особую поэзію; кто не любовался «Бѣдовикомъ», идеальнымъ въ пятой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»? кому не представлялся на-лву неподражаемый Горюновъ, который едва ли не лучшее характеристическое, своеобразное изображеніе, когда-либо существовавшее въ нашей литературѣ?

Въ новоизданномъ томѣ, Даль сдѣлалъ новый, весьма-замѣчательный опытъ: онъ перенесъ свой русскій юморъ во времена до-историческія; до-сихъ-поръ никому еще не удавался подобный опытъ между прозаиками, за исключеніемъ г. Вельмана, котораго «Свѣтославицъ, Вражій Питомецъ» въ семь отношеній можетъ почитаться образцомъ вымысла и языка; но Даль въ своей «Ночи на Распутыи» пошелъ далѣе: онъ перенесъ свой вымыселъ въ міръ сказочный и, сверхъ-того, далъ ему драматическую форму, подобно «Сновидѣнію въ лѣтнюю ночь» Шекспира. Въ этой драмѣ дѣйствующія—такъ хорошо знакомыя нашему дѣтству лица, которыя дѣлаются непонятными намъ въ зрѣломъ возрастѣ. Кто изъ насъ, Русскихъ не понималъ въ своемъ дѣтствѣ домового, лѣшаго, оборотня? но заставить ихъ дѣйствовать и говорить въ мірѣ искусства такъ, чтобы они не противорѣчили тому полнѣю, которое мы имѣли о нихъ въ повѣстическихъ минуты дѣтства, прислушиваясь въ долгіе зимніе вечера къ разсказу старой пливюшки — о, это дѣло чрезвычайно-трудное! Если нелегко быть вѣрнымъ въку въ историческомъ романѣ, если трудно сохранить поэтическую вѣрность въ изображеніяхъ до-историческихъ, то въ тысячу разъ труднѣе быть вѣрнымъ въ изображеніи въка баснословнаго: здѣсь одно-выраженіе, одинъ намекъ — и очарованіе исчезло, и предъ вами уже не добрая нянюшка, не чудныя, живыя, младенческія видѣнія: передъ вами книга, передъ вами холодная сущность, старикъ, который ребянится. Вы помните дѣйствіе, которое производимъ на насъ почти-всѣ фантастическія чудности на-

ших бароновъ и не-бароновъ; которая обдамы вѣсть холо-
домъ, не успокоивая вѣщей души, и наводитъ на вѣсть тоску,
хотя иногда вы и разсѣбаетесь; ибо тщетно авторы пересыпаютъ
свои страницы водевильными шутками чистой французской
крови: они не могутъ замѣтить того мистаго, неподдѣльнаго
вдохновенія, которое необходимо вообще для фантастическаго
рода, и въ-особенности для русскаго. Это вдохновеніе знакомо
далю и отражается на каждой страницѣ его. Ноги на Распу-
ты. Для такого вдохновенія необходима та высокая образо-
ванность души, которая достигаетъ до степени дѣвственности,
— а это состояніе не многимъ дается въ жизни!

Мы не будемъ подробно разсказывать содержаніе этой
драмы, предоставляя читателямъ самимъ ознакомиться съ
ею замѣчательнымъ пронаведеніемъ, довольною, если они
увидятъ, что дѣйствіе происходитъ у *Благо Камня*, гдѣ ско-
дится кляньями владычя трехъ духовъ: *Домоваго*, *Лышяго* и
Водянаго. Лышій, сообразно съ своимъ сказочнымъ характе-
ромъ, злой, недобрый, воруетъ людей, особенно двушекъ, а
Домовой заманиваетъ своихъ хозяевъ. Въ *Домоваго* русская
фантазія перевесила собственными свойствами русскаго народнаго
характера: Домовой добръ, но насмѣшливъ; съ ребяческимъ
простодушіемъ онъ соединяетъ нѣкоторую хитрость и сметли-
вость; онъ вѣренъ тому, кого полюбитъ, а ужъ недругу не спу-
стить; вотъ, какъ онъ самъ про себя разсказываетъ:

Нижегъ соннышко для свои златокрылые,
Что княжна русская твой скатной жемчугъ!

Черезъ зернышко по цѣпцолоу каменю,
Черезъ дѣръ съязычій по чешной повелюка.

Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Сни-почивайте, баю-баю!

Сните, други, почивайте, кого сонъ одолѣтъ,
Кого съелъ чутка не отбилъ отъ сна,

Чья-головушку не одолаа крутилушка,
Нашимъ бабамъ прошишь бѣлаго!

Миръ и покой вамъ, баю-баю,
Сни-почивайте, баю-баю!

Кому-късь, даки, живите въ ладу; и въ миру,
Можно шутку замукавъ, промазу бѣобидную!

Глушину ума дать, одурчить раскинуто —
 А обиды и грѣха и напасти горькой бойтеса!
 Миръ и покой вамъ, баю-баю,
 Спи-почивайте, баю-баю!

Кто полюбить кого, любви до-звѣку, не отидавайся;
 Кто слуга кому, служи правдою, господина не продай;
 И не выдамъ я своей княжны - госпожины,
 И не дамъ въ обиду Зорюшку я свату - Лашему.
 Миръ и покой вамъ, баю-баю,
 Спи-почивайте, баю-баю!

Кто обидитъ меня — жеребца любимого въ подворотню
 протащу,
 Затою на смерть въ одну ноченьку трехъ борзыхъ козекъ,
 Обтрасу въ садъ груши-яблоню, гряды вымну ивъ;
 А что ложки и вилочки съ поставца — въ ладони кину по
 маюму.
 Миръ и покой вамъ, баю-баю,
 Спи-почивайте, баю-баю!

А кто лирико со мной по добру живетъ, во любви держу,
 Кони выхолосны, дворы выметены, ужины прибраны —
 И не выдамъ я своей княжны красной госпожины,
 И не дамъ я Зорюшку въ обиду свату-Лашему.
 Миръ и покой вамъ, баю-баю,
 Спи-почивайте, баю-баю!

Водяной, какъ и въ русскихъ сказкахъ, не имѣетъ опредѣленнаго характера, — и неумудрено: онъ сидитъ въ своемъ болотѣ и рѣдко выѣзживаетъ въ людскія дѣла; известно только что онъ духъ *не-добрый* и *большаго* надъ русалками. *Обратомъ* не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ господъ; онъ — родъ услужливаго существа, или болтуна, который являлся всякому, кому бы то ни было, передъ бѣдою. Каждое изъ остальныхъ лицъ отмѣчено характеристическою чертою, невыходящею изъ границъ сказочнаго мира; особенно замѣчательнъ добрый хѣтбосоль, гостеприимный князь Вынеславъ; послушайте, какую бесѣду онъ ведетъ съ княжичами и царевичами, приѣзжавшими свататься за его дочь, Зорюшку:

«Любые гости и сотрапезники мои, Удача князь карпатскій, Бракоты князь болгарскій, Хочауръ царевичъ армянскій, Руджаръ королевичъ мурманскій! князи, царевичи, королевичи! либо во здравіи и

долголетіе ваше. Исполнѣнъ нашъ добрымъ владыкамъ, спасибо за гостѣбу вашу дружную, веселѣвую; здравствуйте жъ всѣ, одинъ по другому, другой по третьему, третій по четвертому, четвертый по первому!»

Послушайте его ласковымъ привѣтъ гостямъ :

«Спасибо, други! спасибо царевичу, и вамъ, князю и княжичу, и тебѣ, королевичи! Много насудили вы мнѣ добра, много почету, а душа моя съ мѣсяца, отъ дорогихъ гостей, какихъ не было давнымъ-давно при дворѣ моемъ княжецкомъ. Гостилъ у меня, правда, какъ прозжалъ къ князю Ративѣру, гостилъ княжичъ литовскій Заддча; гащивали-было и наши русскіе князья, и сосѣди мои, и кіевскіе — а такого сѣзду почетнаго не случалось. Миръ съ вами, и лады, и братскій совѣтъ, дорогіе со-трашеники мои, да живите во дворѣ у меня полюбовно!»

Одинъ изъ гостей отвѣчаетъ :

«Отдалися мы на судъ и любовь твою и милость; а промѣкъ нашъ по-ласковъ кто первый есору затѣеть, тотъ, за безмѣстье, кормить и угощать по-богровѣ три десятъ калада да вищники.»

«— Хорошо, славо, премудро» возражаетъ князь: «за это еще по брати-ка, алако; пейте, да лейте Кравчій мой жалуется, что другой варъ меду дошелъ, а еще и первый не вышты; алы не угодець?»

Какъ эти *мелитропныя* рѣчи переносятъ васъ въ міръ от-даленный! какъ вы вѣрите, что иначе не могли бесѣдовать князь Вышеславъ съ князьями мурманскимъ и нарпатскимъ!

Послушайте разговоръ въ другомъ родѣ, — торговаго гостя съ стынными дѣвушками княжны, передъ которою, въ теремѣ, она расканула дорогія ткани:

Торговой гость.

Золотѣ княжна!
Не пригланется ль
Объяриина тебѣ
Паволока?
Вѣщицейскій есть
Аломитъ хорошиъ;
Любо, вотъ, водами
Парчи греческой —
Чтѣ пригланулось,
Золотѣ княжна?

Дѣвушки.

Быришець струмчій куда хорошиъ!

Другая дѣвушка.

А съ отливомъ-то, изъ какакъ земель?

Того же госта.

Изъ за-морскихъ все,

Моя красавица,

Все изъ-за-моря:

Въ Царе-градъ ходить,

На куницъ, соболей

Размѣнивалъ:

За одну парчу

Даль два сорока,

Пол-пята-ста будетъ

Своя цѣна

Что приглянулось,

Золота княжна?

Обратите вниманіе на сцену тогдашняго придворнаго *Весня*, который прикладывается, что вывелъ въ люди незнакомаго ему челоѡвѣка; его же сцену съ русалкою; прислушайтесь къ заговорамъ *Большаковъ*, къ шуткамъ простаго народа — тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ!..

Съ появленіемъ этой драмы начинается новый вѣкъ для нашей мивологіи, не чопорной и не кудрявой, какъ пѣвбда дували, но ирирая и протодупно - поэтической; во всѣхъ отношеніяхъ отличной отъ сладострастной мивологіи востока и отъ угрюмыхъ, уродливыхъ духовъ запада, съ которыми хотѣли сравнить произведенія нашей славянской фантазіи. Мы не знаемъ, какъ оцѣнять это произведение тѣ изъ нашихъ читателей, которые понимаютъ хорошо всю прелесть старинныхъ западныхъ разсказовъ о рыцаряхъ замковъ, о феяхъ, карлахъ и другихъ подобныхъ существахъ. Конечно, съ наибольшимъ распространіемъ любви къ отечественной исторіи, мы привыкнемъ и къ нашему мивологическому міру; но до-тѣхъ-поръ будетъ ли онъ понятенъ тѣмъ, для которыхъ даже многія простыя слова въ «Ночи на Распутъи» будутъ казаться незнакомыми? — Да; удивительно, сколько прекрасныхъ русскихъ словъ остаются у насъ въ пренебреженіи, и сколько твердости нужно писателю для-того, чтобы употреблять ихъ! За это странное отчужденіе мы, между-прочимъ, обязаны тѣмъ господамъ, которые, будучи чужды духу русскаго языка, стараются свое отчужденіе представить въ видѣ какой-то системы, изгоняютъ безъ толка то одно, то другое слово, то одинъ, то другой оборотъ, и, обобщая легковѣрныхъ сво

ую, минирую, отдаляю от нас нашу прекрасную, патристическую старину, представляя ее въ видѣ чего-то варварскаго, — и когда же? когда во всѣхъ литературахъ умные люди стараются обратиться къ кореннымъ основаніямъ своего языка, предоставляя презрѣнію къ нимъ лишь запоздалому поколѣнію... И послѣ того еще явные удивляются, что мы этими господами, вносщими вредъ нашему образованію въ духѣ народности, отдаемъ даже въ звачіи литераторовъ?... Но оставимъ этотъ грустный предметъ, о которомъ надобно намъ вовсе не говорить, или говорить безцрестнаго, — обратимся къ драмѣ Дала и скажемъ, въ заключеніе, что мы бинисл за нее одного: люди, которымъ очень нравится площадный шутки романоъ Поля де Кока и его подражателей, найдутъ нѣкоторые выраженія, употребляемыя Домовымъ въ ссорѣ съ Дымнымъ и Воднымъ, вовсе неблагопріимными; при второмъ изданіи мы посоветуемъ сочинителю замѣнить эти выраженія комплиментами и остротами изъ нашихъ переводныхъ французскихъ водвилей; тогда мы рунаемся за успѣхъ.

Сверхъ «Ночи на Распутыи» въ этой книжкѣ помѣщена «Сказка о Георгіи храбромъ», рассказанная Далу Пушкинымъ. Незабвенный поэтъ очень дорожилъ подобными народными разсказами и охотно ими дѣлился; сказки Дала его восхищали, и мы помнимъ еще, какъ онъ читывалъ наизусть почти всю сказку его «о Жидѣ Воробатомъ и Цыганѣ Бордатомъ».

«Сказка о Нуждѣ, о Счастьи и о Правдѣ» есть также нѣчто совершенно-новое въ своемъ родѣ: это русскій *аллегорическій* разсказъ, столь обыкновенный и любимый въ нашемъ народѣ; въ нее сочинитель ввелъ разные *исторіи*, которыя въ видѣ эпизодовъ встрѣчаются въ нашихъ сказкахъ; русская игривость, шалстивость и простодушіе, словоомъ Русскій юморъ и въ мысляхъ и въ выраженіяхъ — здесь на каждой страницѣ. Читателямъ рѣдко бываетъ такой привадиокъ въ нашей литературѣ... Поздравляемъ ихъ.

166) Последний Новикъ, или *Записаніе Дифлалдіи во царствованіи Петра Великаго Историческій романъ. Сочиненіе Ивана Лаженикова. Изданіе третіе со авторао 1833 года (?) С. II, бурж. Въ тип. К. Вишесбаро 1839. Четыре засти; Въ 12-ю д. л. 225, 251, 219, 207 стр.*

Какъ съ старымъ, добрымъ другомъ, которому обязаиы бы-

ли въ жизни многими сладостными минутами, встрѣтились мы съ «Последнимъ Новикомъ» И. И. Лажечникова, нынѣ въ третій разъ и притомъ въ Петербургѣ издаваемымъ. Доказывать достоинства романа г. Лажечникова тѣмъ, что онъ напечатанъ тремя изданіями, было бы слишкомъ-ложно: и «Иванъ Выжигинъ» разошелся не однимъ изданіемъ такъ же точно, какъ книга «О храбромъ рыцарѣ Францискѣ Венеціанѣ». Конечно, если сообразить, въ какомъ кругѣ читателей расходывался и расходится помянутая книга, вопросъ о достоинствахъ романовъ Лажечникова много выяснится, но тѣмъ немѣнѣе останется довольно-неопредѣленнымъ, и этотъ вышній призывъ ничего или почти-ничего не скажетъ въ пользу внутреннихъ достоинствъ произведеній Лажечникова.

Живо помнимъ мы ту эпоху русской литературы, когда въ ней появились *первыя* романы, романы въ томъ значеніи, какое соединяется съ этимъ родомъ поэтическихъ произведеній послѣ романовъ Вальтера-Скотта; помнимъ мы, какое впечатлѣніе произвелъ на русскую публику «Юрій Милославскій» и около того же времени, «за безлюдья», «Иванъ Выжигинъ», хотя не только не историческій романъ, но даже и не романъ, въ настоящемъ значеніи сего слова. Успѣхъ «Юрія Милославскаго» далъ новое движеніе русской литературѣ, которая съ той поры устремилась къ роману; успѣхъ «Ивана Выжигина» далъ тоже нѣкоторое движеніе заднимъ рядамъ нашей литературы, гдѣ, въ слѣдъ за этою книгою, явился А. А. Орловъ. Въ высшихъ слояхъ нашей публики, прочитавшей уже всего Вальтера-Скотта по французскихъ переводахъ, «Юрій Милославскій», пріятнаго, небывалаго новостію, возбуждалъ живое вниманіе и участіе.

Вскорѣ послѣ того, тихо и скромно, безъ великихъ предварительныхъ журнальныхъ извѣщеній, рекомендацій и тому-подобныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгали и прибѣгаютъ литературные промышленники, выступилъ на поприще романиста г. Лажечниковъ, съ своимъ «Последнимъ Новикомъ». Не знаемъ почему, печатаніе этого романа тянулось чуть-ли почти въ цѣлый годъ. По выходѣ первыхъ частей, въ публикѣ заговорили съ полнымъ участіемъ о новомъ явленіи въ отечественной литературѣ. Не смотря на кажущуюся сухость первыхъ главъ, которыя, производя несомнѣнно-выгодное впечатлѣніе на читателя, особенно такого, который читаетъ за досугъ, отъ нечего-дѣлать,

путану его внутренне вниманіе; не смотря на языкъ небрежный, сыръ, весьма вычурный, — естественно-увеличивающаяся внимательность, искусно оплетенная заплата, съ каждой страницей возбуждающая больше и больше участіе, все это постепенно увеличало нестерпимыя нубблия, которая, при выходе каждой части, охотно перечитывала прежнія, такъ-что, когда романъ вновь окончился печатаніемъ, когда послѣдняя часть его разрѣшила томительное ожиданіе, возбужденное первыми, издателью надо было уже вновь печатать книгу — и «Послѣдній Ножи» сдѣлался предметомъ общаго вниманія и похвалы, а авторъ его, до того времени почти-вовсе-неизвѣстный публикѣ, сдѣлался общимъ ея любимцемъ, на которомъ она оставила свое благосклонное вниманіе, успокоила свои отрадные надежды.

Съ-тѣхъ-поръ много прошло времени, многое измѣнилось въ нашей литературѣ: многіе изъ тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, ловкостью, сметливостью, горделиво возносились въ былое время, теперь значительно и очень-значительно понизились, забыты и заброшены; они теперь — употребимъ выраженіе Пушкина — «грызутъ пылъ и песокъ, какъ полураздавленные змѣи» — Ляглись другіе съ правомъ на вниманіе публики, которая и почтла ихъ вниманіемъ своимъ, болѣе или менѣе, смотря по достоинству cadaго. . . Измѣнилось и измѣнимо многое, повторимъ еще разъ, — но г. Лажечниковъ остался неизмѣнно-вѣренъ своему таланту и призванію, съ каждымъ новымъ произведеніемъ приобретаая большую и большую благосклонность образованной русской публики, которая видитъ въ немъ своего *лучшаго* и почти-единственнаго романиста.

Перечитавъ съ новымъ наслажденіемъ первый романъ г. Лажечникова, мы хотѣли было заняться подробнымъ его разборомъ: предметъ въ высшей степени умелый. . . Любопытно видѣть постепенное развитіе таланта, слѣдя за произведеніями его въ хронологическомъ порядкѣ; но мы боимся приступить къ этому разбору, потому-что еще недавно подробно высказали свое мнѣніе о г. Лажечниковѣ: обращаясь часто къ одному предмету, какъ-бы предметъ этотъ прекрасенъ ни былъ, можно утомить вниманіе читателей. Предоставляемъ себѣ это удовольствіе въ будущемъ, ибо увѣрены, что г. Лажечниковъ ни замедлитъ своимъ «Колдуномъ на Сухаревой Башнѣ».

Говоря о г. Лажечниковѣ, мы вспомнили забвѣнную рецензію одного критика. Онъ, въ своемъ субъективнѣйшемъ сужденіи о г. Лажечниковѣ, между прочимъ до такой степени увлекся негодованіемъ, что не поусомнился: свой образъ мыслей вложить въ голову г. Лажечникова. Прочтите слѣдующія строки:

«Въ немъ (г. Лажечниковѣ) двѣ стороны: художественная весьма слаба, а сторона смысленности весьма сильна (орала не складна, — не мы виноваты!). Онъ вадлъ, что русская публика (т. е. часть публики, незнающая иностранныхъ языковъ) читаетъ мало Вальтеръ-Скотта, Альфреда де-Винья и Виктора Гюго (? ?), и что эта публика любитъ болѣе русскихъ, національных. Г. Лажечниковъ сталъ выкраивать, съ величайшимъ искусствомъ, русскіе романы изъ иностранныхъ — и имѣлъ полный успѣхъ въ мнѣніи людей, вщущихъ въ тени одного развѣтенія. Мы уже сказали, что г. Лажечниковъ человекъ съ талантомъ; ему недостаетъ только трехъ бездѣлицъ (въ подлинникѣ курсивъ): изобрѣтенія, языка и слога. . . Еслибы стоило посвятить время на подробный разборъ двухъ прежнихъ его романовъ, то можно было бы доказать, сравнительными выписками, что *Последній Новикъ* весь созданъ (?) изъ сюжетъ и положеній, заимствованныхъ (П) не только у Вальтеръ-Скотта и Винья, но даже у Августа Лафонтена, а болѣе у Радинеъ и Дюкредюменна.»

Мы приводимъ это сужденіе для-того только, чтобъ позабыть читателей, напоминая имъ, какъ справедливы слова Крылова, вошедшія въ пословицу:

Про вятки Климычу читають,
А онъ украинское киваетъ на Петра.

Опровергать такіа сужденія — совѣстно.

Новое изданіе «Последняго Новика», къ-сому-дѣлю, очевидно: не красиво, неопратно и наполнено опечатками до такой степени, что на *заглавной страницѣ* 3-й части вмѣсто «Лажечникова» напечатано «Лажечникова». Почитатели таланта перваго русскаго романиста, какъ видно, незаботятся о недочѣтахъ своихъ изданій (о семъ способѣ, къ которому у насъ болѣею-частью прибѣгаетъ посредственность), вѣрно упрямую новаго издателя «Последняго Новика» за такую несправность.

187) *Кремневъ, русскій Солдатъ. Оригинальное драматическое представление въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Русскаго Инвалида Н. Скобелева. С.-П. бурсъ. Въ тип. Н. Греча 1839. Въ 8-ю д. л. 95 стр.*

Это новое произведеніе того же воина-интератора, которому принадлежатъ «Первыя Русскія Солдаты» и «Бесѣды Русскаго Инвалида». Сочиненія Н. Н. Скобелева читаются во всякъ мѣстѣ Россіи не только тѣмъ и тѣмъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ, которому посвященъ онъ, но и тѣмъ, которымъ не принадлежатъ военному сословію. Пламенная любовь къ царю и отечеству, простота и незамысловатость выражала, вразумительныя, многозначительныя, оригинально-русскія, и потому неудобопереводимыя на другой языкъ, — цѣлое, проникнутое жаромъ испорченного чувства — вотъ литературныя достоинства произведенія Н. Н. Скобелева. Новое его сочиненіе — первая попытка на драматическомъ поприщѣ — «Кремневъ, русскій Солдатъ» возбуждало всеобщій энтузіазмъ въ петербургской публикѣ, которая не престаётъ наполнять залу Александринскаго Театра, когда тамъ даютъ «Кремнева», и, при каждомъ представленіи, рукоплесканія не умолкаютъ отъ начала до конца пьесы, а по окончаніи ея, авторъ постоянно каждый разъ бываетъ выведенъ въ восхищеніи публикою. Такія заслуживательныя успѣхи давно уже не пользовались русскія театральныя сочиненія... И вотъ почтенный авторъ, вѣроятно, въ намѣреніи сдѣлать читателя, живущихъ въ другихъ мѣстахъ царства русскаго, участникомъ въ удовольствіи, коимъ пользуются жители Петербурга, — напечаталъ теперь своего «Кремнева». Въ этомъ произведеніи онъ остался вѣренъ самому-себѣ: тотъ же оригинальный языкъ, которымъ говорятъ у него дѣйствующія лица, та же горячее патріотическое чувство, та же жизнь и движеніе, какъ и въ «Бесѣдахъ Русскаго Инвалида». Сверхъ всего этого, «Кремневъ» имѣетъ свое особенное достоинство: въ смѣхъ драматическомъ представленіи мы въ первый разъ увидѣли русскаго солдата, каковъ онъ есть дѣйствительно и каковъ онъ долженъ быть по требованіямъ искусства; ибо все то, что выдавали намъ до-сихъ-поръ на сценѣ за русскіхъ солдатъ, было — или блѣдныя копіи съ дѣйствительности, или идеализированныя характеры солдатъ вообще, могшия называться французскими, англійскими, германскими, каковъ угодно солдатами,

— можно во русских И. Н. Скобелев сать волит, прешедний по всемъ степенямъ военнаго званія, глубоко проинитъ въ характеръ велико-русскаго солдата и предодать намъ его въ самомъ живомъ, самомъ яркомъ образа. Онъ даже не ималъ нужды идеализировать этотъ характеръ, ибо русскій солдатъ 1812-го года, — разумелся, лучший изъ войскъ сфидитъ собратій, — одушевленный ревностю къ священной своему долгу: во время великой брани съ нилою Европою за спадение втры в отчизны, воспламененный непреодолимую яростию и любовью къ помазаннику Божію, призывающему его на этотъ святой подвигъ — есть лучший идеалъ солдата, какой только можетъ осядаться въ воображеніи поэта. Мы, отдаленные только на 27 лѣтъ отъ этой великой эпохи, научаемся, слушаемъ правдивые рассказы о подвигахъ самоотверженія и геройства, въ которыхъ выразилась тогда воля могучая русскаго духа, вѣрившая вездѣю всеми силами на дѣло спасенія отечества; мы, привыкшие теперь къ спокойному теченію жизни, къ порядку явленій ея, ежедневно смѣляемъ другими, имъ подобными, едва можемъ повѣсть весь ужасъ страшной бури, вартуть разразившейся въ это недавнее время надъ мирными царствами русскими; едва можемъ представить себѣ этотъ взрывъ юности святаго народа, одушевленнаго въ священническихъ орденахъ крестованіемъ и рывающагося принести на жертву все, чтобы только спасти царство, которое называетъ своею родиною, вѣру, которой облагатъ своимъ душевнымъ счастьемъ, и Царя, въ которомъ съ любовью видятъ образъ небесной власти на землѣ, — едва, горюдо, можемъ переселиться въ эту эпоху и освоиться съ нею, какъ въ чьей-то баснословно-чуждоуми, съ чьей-то необъято-реалистичности, и даже многое изъ рассказываемаго готовы принять за поэтическіе вымыслы, между-тѣмъ какъ это была, непродержимая действительность. И въ сію-то эпоху дивной борьбы, великихъ пожертвованій, непостижимаго самоотверженія и подвиговъ, которыми позавидовали бы герои древности, переселяетъ весь отчасти драма И. Н. Скобелева, свидѣтеля и действителя сей достопамятной брани.

Отставной унтер-офицеръ Кремиенъ живетъ у богатой помещицы генеральни Русовой, съ мужемъ которой служилъ онъ, и вынужденъ должность дядки при двадцатилѣтнемъ сынѣ генеральномъ. Онъ привязывается къ молодому человеку род-

своим любовию и въ своею очередь заставить эту любовь къ военной службѣ; но чадолюбивая мать боится испугать отъ себя единственнаго сына и сдѣлать скорѣе женныя слѣзъ. Является мать-вдова 1812-го года; является повсюду свидѣтельница слова Александра: «Не вложу оружія моего во алмагичи; доволъ не сотру съ лица земли врага, дерзнушаго войти въ мои предѣлы»; мать задушаетъ въ себѣ чувства женщины, становится гражданкою, Русскою, — и отлучаетъ сына въ походъ. Молодой Русовъ, вѣсть съ Кривенькимъ, совершилъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, и возвратился злемушенинъ и зленинъ. Русовъ женится на вѣстовѣ, которую прежде извѣчала ему мать, а Кривенька на воспитанницѣ генеральни. Вотъ и все содержаніе этой драмы. Но въ ней, вродѣ великаго христора — Кривенька, есть прекрасно-созданныя лица; какъ напр. генералъ Рубинъ, Ручкинъ, Тарасовъ (солдаты), — и комическія: Лапкинь, Степаньда Петровна, Висельный-управитель; есть еще лица, дѣлающія всю полноту высокаго патристическаго чувства, есть и притворныя, какъ напр. разговоръ, притворныя свиданія матери съ сыномъ; есть и комическія, какъ напр. перья отца пераго акта.

Не спорить; — если разсматривать «Кривеньку» какъ драму, съ всею требовательностію критики, въ нескѣлько мѣстахъ найдутся и нескѣлько основныя недостатки; но, она кажется автору и не хотѣть сдѣлать драму изъ своего «представленія»; она записала только живую картину, заглаву въ той величественной манерѣ, которая сдѣлала «Взвѣтъ» криками на страницахъ русской исторіи подъ 1812, 1813 и 1814-ю годами, — а, по нашему мнѣнію, вполне достигъ своей дѣли. Сердце зрителя не только ни на минуту не оставляетъ приходило въ все представленіе мысли, но переживалъ ее самыми яркими чувствованіями, которыя невозможно выразить юса рукоплесканіями и одобрительными криками. А этого слишкомъ достаточно для опредѣленія достоинства театральнаго представленія, какъ «драматическаго представленія». — Не знаемъ, какъ она полагается въ чтеніи, тѣмъ, кто не видѣлъ ее на сценѣ; мы, по крайней мѣрѣ, прочли ее съ величайшимъ удовольствіемъ; находимъ еще подъ вліаніемъ того чувства, которое она пробудила въ насъ; тогда мы видѣли ее на театрѣ въ душаста, что любилъ вѣстать, не смѣла на кажущейся однообразно живая

разныхъ действующихъ лицъ, проведутъ сильное впечатлѣніе на душу читателя.

Почтенный авторъ «Кремлева» не ограничивается одного эпохою: нашествіемъ оны (да извинится наша нескромность повторившимъ желаніемъ: охотѣ сообщить радостную вѣсть) написать уже новую драму: «Сдача Москвы въ 1812 году» — еще картину дѣйствій этой безсмертной эпохи. Первый актъ ее, который мы имѣли удовольствіе омыслить, превосходить. Пожелаемъ ей такого же успеха, какими ознаменовалась полнота «Кремлева», и попросимъ автора дарить насъ чаще и болѣе своими драматическими представленіями. Мы увѣрены, что это желаніе повторять съ нами есть, умѣющее читать талантъ И. Н. Скобелева и то благотворное вліяніе, которое имѣютъ его сочиненія на читателей и зрителей.

168) *А. Стихотворенія М. Демидова. Москва. Въ тип. А. Савва. 1839. Въ 8-ю д. л. 115 стр.*

Читавши газетное извѣстіе уже въ первой бранѣ, какъ мысляхъ насильство... не правда ли? Вы уже такъ привыкли встращать безпрерывно дикія порожденія дикой: эстафетъ, какъ привыкли къ отчаяннымъ возгласамъ и къ сарказмамъ библіографовъ, что не мудрено, если бы извѣстно изумитесь, узнавъ, что въ зарѣкѣ, что книжка г-на Демидова не изъ числа гдѣ-нибудь дикихъ порожденій, что она не только не возбуждаетъ несправедливого гнѣва, однимъ словомъ, что эта книжка хоть и глупа, и что мы все же не имѣемъ ослѣпнуть ее насмѣшками. Мы сами валились за эту книжку съ сильными предубѣжденіями, но, прочитавъ ее, освободились отъ предубѣжденій.

Опредѣлить значеніе стихотвореній г-на Демидова можно относительно. Если ихъ писалъ юноша на самой первой порѣ жизни, мы видимъ въ нихъ предвѣстіе поэтическаго таланта, котораго однакожь никакъ не должно искать въ низъ-сашикѣ. Въ противномъ случаѣ это произведеніе челоука, въ прекрасномъ значеніи этого слова, но челоука, несознанаго еще, въ чемъ заключается его призваніе, неопредѣлишаго дѣйствительной охоты: для своей жизни, еще несвободнаго отъ претензій, которая такъ обыкновенна въ наше время, отъ претензій на творчество. Есть нѣсколько стихотвореній въ этой книжкѣ, въ которыхъ онъ прямо называетъ себя поэтомъ, художникомъ; это сознаніе, которое иногда высказывается де-

вольны-энергичны, это обаяние есть или предчувствие, и тогда оно истинно, или претензия, и тогда дай Бог/ему силы скорѣе побѣдить ее! — Намъ почему-то кажется, что послѣднее справедливѣе. Не смотря на теплоту, не смотря на зверолюбіе многихъ стиховъ, не смотря даже на нѣсколько довольно удачныхъ образцовъ. — Мы не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ, въ своихъ юривесныхъ или мистичнхъ того божественнаго инстинкта, представляющагося во всякомъ, кто отличенъ даромъ творчества, будь то юноша или мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, того инстинкта, который ухватитъ смыслъ простого слова, слова, имѣющаго самое обильное и самое живое значение, соединитъ такъ, что вдругъ для взорной души съ какою-то далекой перспективой, въ которую все далеко и далеко уходитъ душа, пока не потонетъ въ глубокомъ, тамъ стихо-прозрачномъ сондѣ, охватывающемъ перспективу. . . Люди съ душею и чувствомъ Бога ради берегутъ ванну внутреннюю теплоту, не изливаютъ ее напрасно въ то, къ чему она права; пусть она покоряется въ самой жизни жизни и охватываетъ наши человеческія отношенія; пусть дѣйствуетъ въ насъ искусство тѣ, кто призванъ дѣйствовать въ насъ; пусть кощунство надъ искусствомъ и признанъ его тѣ, которые живимъ душою и чувствомъ; мажорныя оптималы. . . Горькое, мушкетерское расклевываніе бытаетъ всегда удачно тогда, кто облизывается въ своемъ назначеніи и требуетъ отъ себя и отъ жизни того, чего не въ правѣ требовать.

Какъ бы то ни было, мы немало не отрекаемся отъ выказаннаго уже нами мнѣнія о стихотвореніяхъ г-на Демидова. Такъ, въ нихъ явна душа, слышно бѣшеніе сердца живаго человека; въ нихъ такъ мало фразъ, такъ мало латанности. Мы не сказали, однакожь, что нѣтъ совсѣмъ фразъ: встрѣчаются и фразы, и иногда довольно-дикія, странно отскакивающія отъ простаго колорита стихотворенія; почти изъ всѣхъ стихотвореній замѣтно, что они вышли изъ рукъ неопытныхъ, но что всѣ обличаютъ они юношу. Есть и погрѣшности противъ стихосложенія — и, однакожь, если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ многія, — прочли мы съ удовольствіемъ и рекомендуемъ книжку благосклонности читателей.

Изданіе очень-опрятно. Бумага бѣлая, шрифтъ очень-крупный.

169) РАЗСКАЗЫ НА СТАНЦИИ. *Сочиненіе В. Олины. С.-П. бургъ. Въ тѣл. Х. Галлс. 1839. Дво тома въ 12-то дѣл. 168. и 201 стр.*

Имя г. Олины, сочинителя «Разказовъ на Станціи», напоми-
 нало намъ немощно громкое имя генерала Меласа, прославив-
 шався въ новейшей исторіи знаменитыми пораженіями. Въ
 самомъ дѣлѣ, чьи произведенія поклоняли на себя столько гро-
 зныхъ, сокрушительныхъ критикъ и возбудили такое множе-
 ство колкихъ, зѣрихъ эпиграммъ, какъ же произведенія г.
 Олины? Каждое новое сочиненіе представляло легкую добычу
 остроумно рецензентовъ, нынѣ уже частію позывинокъ въ смѣхъ,
 частію сошедшихъ съ литературнаго поприща. Можно было
 думать, что г. Олина—вѣнъ, котораго возмущающая слава
 угрожаетъ сокрушеніемъ второстепеннымъ талантамъ и пробудитъ
 ядовитую зависть, неутомимую томительницу всякаго
 великаго дарованія. А теперь гдѣ знаменитость этого писателя?
 кто читаетъ, кто помнитъ его творенія? кто знаетъ о его жар-
 чинкѣ битвахъ съ журналами? Но мы поминемъ, какъ г. Олина
 еще въ 1819 году, разцвѣта юный, почти-малолѣтний, но тѣмъ не
 менше увѣренный въ ожидающей его знаменитости, въ первый
 разъ, кажется, выступилъ на литературную арену со стихо-
 твореніемъ «Палестриномъ Деркавицу». Потомъ онъ воссталъ по-
 собникомъ «Сраженію при Лорѣ», протѣмъ потѣшилъ своихъ
 современниковъ уморительною комедіею «Уроки въ Батаникъ»
 и въ то же время излекъ слезы изъ очей ихъ двумя злѣтлями,
 «посвященными памяти незабвенной супруги». Чудный, гибкій,
 разнообразный талантъ! Разстроганный до глубины сердца не-
 возвратною потерею и излившій лютую грусть свою въ слез-
 ныхъ злѣтлѣхъ, г. Олина умѣлъ перемочь себя, и, предъ жерт-
 венникомъ веселой Талии, комическимъ хохотомъ заглушить
 свои стенанія. Во всѣхъ тогдашнихъ тоненькихъ, не весьма
 исправно выдававшихся журналахъ и великолѣпныхъ альмана-
 хахъ печатались лирическія и другія-прочія многія-разныя сти-
 хотворенія г. Олины. Пушкинъ уже прославилъ себя «Русла-
 помъ и Людмилою» и «Кавказскимъ Пѣльникомъ», романтиче-
 скія поэмы были въ страшной модѣ—и г. Олина подарилъ то-
 гда русской литературѣ оригинальную романтическую поэму
 (разрѣшается, минисрскую, четьрестопославныя являма) «Оскаръ и
 Альтось». Вы ее позабыли, хотя тому прошло только пятнад-

дать жить; но современники были благодарны творцу «Оскара и Альбоса», и одинъ изъ тогдашнихъ снисходительныхъ критиковъ громко и отважно провозгласилъ г. Олину «первокласснымъ русскимъ писателемъ». Но за эту пасивно-навязанную славу поплатился онъ очень-дорого: критики-сатирики, московскіе и петербургскіе журналисты, «фурія и зайисты-эми» — все воздвиглось противъ прославленнаго поэта, все стало рвать, качивать, подламывать и безъ-того-колеблющийся пьедесталъ, на который было — взмостили бюстъ г. Олина его друзья литературные. Слишкомъ-увѣренный въ неизбѣмости своего авторитета, г. Олинъ выступилъ еще съ новою поэмою «Кальбонъ», и приложилъ къ ней свой портретъ — восторженное лицо пьвца съ подъятыми горѣ очами. За-то ужъ какую же злую, насквозь-прозающую рецензію написалъ въ это время на «Кальбонъ» одинъ изъ тогдашнихъ остряковъ-критиковъ! Онъ, что называется, разругалъ не только поэму, но самое ея названіе, утверждая, будто-бы поэтъ потому только и выдумалъ имя «Кальбонъ», что къ нему можно легко подобрать много звучныхъ богатыхъ рифмъ. Не приведи Богъ никому навѣливать на себя такую страшную критику! Но г. Олинъ не упалъ духомъ, и, какъ мощный атлетъ, пораженный, но еще не вовсе — уничтоженный, кинулъ въ русскую литературу трагедію «Корсеръ, съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою» (!!!). И что это была за трагедія! Если бы ее свиграли, такъ у зрителей, по выраженію главнаго дѣйствующаго лица въ трагедіи, «стали бы стучать кости о кости, мозгъ бы въ нихъ растаялъ и страшные полипы пачали бы грызть сердца ихъ». Г. Олинъ предполагалъ этимъ твореніемъ раздавить своихъ противниковъ и воскликнуть:

..... Куда, куда, убійцы дарованья?

Я въ присташи!...

Вдругъ малетала на нашего трагика газетка, наша старшая знакомка и кумушка, тогда еще не старая и не тупая, и вознила въ шепъ свое жальцо, тогда еще считававшееся остримъ. Готсподи, Боже милостивый, какую критику нанеуатала тогда эта газетка! Цѣлые три листка ея, говорятъ, (мы тогда сами еще не были въ Петербургъ), возбуждали въ кофейняхъ и кондитерскихъ сивхъ величайшій, и охотники показывали другъ другу

отатейму этой газеты, как образец сатиры; а между-тѣмъ она вся, ббльшею частію, была наполнена выписками изъ новой трагедіи. Слава г. Олига была сокрушена въ-конецъ. «Корсеръ» былъ маринскимъ сраженіемъ для новаго Меласа, который, въ этомъ случаѣ, не могъ даже сказать себѣ въ утѣшеніе, что его разбилъ Наполеонъ. *Sic transit gloria mundi!*... Вы, можете-быть, не знаете также, что г. Олига былъ самъ журналистомъ, редакторомъ трехъ журналовъ, и на этомъ поприщѣ столько же замѣчательнъ своими несчастіями, какъ и въ прочихъ литературныхъ трудахъ своихъ. Въ издававшіеся подъ его редакціей журналы, но неблагопріятнымъ, вовсе-независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, останавливались на половинѣ изданія. Помните-ли вы, напримѣръ, «Рецензента», который съ 10 N. перепрыгнулъ на 17-тый, а 11-го и слѣдующихъ мы не читали и не видали? Помните-ли вы «Колокольчикъ»? Г. Олига заложилъ тройку лихихъ коней, посадилъ съ собою товарища, г. Ницонова, привѣсилъ къ дугѣ «колокольчикъ звонкій, помчался «въ пустую даль»; «колокольчикъ» загремѣлъ; но въ полдень дорожки оборвался, и мы болѣе не слышали его однообразнаго звона. Г. Олига приступилъ къ издаванію новаго журнала (имени и фамилии его не можемъ припомнить), разослалъ великодушное объявленіе, и кто-то печатаю подиалъ на смѣхъ эту программу, — вообразите, самую программу новаго журнала, — журналъ остался при одной программѣ, которая, можетъ-быть, была бы выполнена въ пятую долю противъ обещаннаго, а журналъ все таки былъ бы хорошій: программа много обѣщала.

Такъ вотъ, каковъ ты, литературный міръ, грубый, неблагодарный, жестокий міръ, злѣйшій, неблагодарнѣйшій изъ всѣхъ міровъ въ міръ! За что ты мстишь? за что ты ожесточаешься? За клочокъ славы, за бѣдный лоскутъ славы, которую ты самъ же намъ бросилъ въ веселый часъ, а послѣ отнимаешь зато, что мы не умѣли по-тѣдѣму его воспользоваться! Скорѣе сатиру на него, ѣдкую, злую, колочую сатиру. пашите на этотъ литературный міръ, г. Олига! Вотъ чего мы отъ васъ ожидаемъ. Оскорбленіе, которое мы живо съ вами раздѣляемъ, несправедливое оскорбленіе, вами не-разъ слишкомъ-великодушно переносимое, разожжетъ ваше неутомимое дарованіе, и вы, Богъ дастъ, грянете на враговъ своихъ сатирой, такой сатирой, отъ которой растаетъ мозгъ въ костяхъ вашихъ противниковъ!

За-чѣмъ же сдѣлали изъ этого развѣдъ? Это было бы лучше, потому-что большая часть нашихъ противниковъ уже не участвуетъ въ нашей литературѣ, совсѣмъ отказавшись отъ нея; или занимается дѣлами вовсе нелитературными и посвященными только или «литературнымъ». Впрочемъ ничего, не бѣда! Преступники исчезли, а у преслѣваемыхъ ихъ могли остаться тѣ же чувства и стремленія... Пишите на насъ, или на насъ сатиру! Вы напишите, а мы прочитаемъ, съ злобною радостію потирая руки и приговаривая: «вотъ хороши, вотъ славно; по-дѣломъ вамъ, беззаконнымъ, зарислявымъ убійцамъ дарованіи!» и проч. и проч.

А что вамъ наши «Разсказы на Станціи»? Тщетное усиліе вернуть утраченную литературную славу, покушеніе, столь же бесполезное, какъ побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы, за исключеніемъ битвы при Ватерлоо.

Мы, собогъзнающіе о бѣдѣ г. Олины, претерпѣвшихъ г. Олины на литературномъ поприщѣ, хотѣли бы отъ всего сердца «Разсказами на Станціи» восстановить извергнутую его славу; но бывають въ свѣтѣ такіа положенія, что друзья становятся злѣе своихъ враговъ, если только эти друзья захотѣтъ сказать правду. Въмсто горькой жалобы или острой сатиры, которыми бы г. Олину долженъ былъ отмстить обидѣвшимъ его гонителямъ, онъ добродушно подчуетъ ихъ истинными разсказами о томъ, какъ одурѣвшій генералъ попалъ на базъ къ чертамъ, какъ мертвецъ просилъ своего черепа у того, кто изъ могилы вырылъ и унесъ его черепъ; какъ Брюсъ влюбился (??) въ Маню, дочь стряпчего Тимофея Ферапонтовича, и...

Не знаемъ, угодимъ ли мы г. Олину, сказавъ, что въ его «Разсказахъ на Станціи» мы не нашли другихъ достоинствъ, кромѣ довольно-правильнаго и кое-гдѣ оживленнаго слога. Впрочемъ, не угодимъ этимъ ему — *si dicant larini*, драматическому писателю, критику и журналисту, творцу романтическихъ поэжъ, турецкихъ и арабскихъ пѣсень. Эти новыя его повѣсти, (числомъ три: «Странный Бѣлъ», «Черепъ Могильщика» и «Папъ Копытискій») найдутъ еще себя читателей между людьми, воскорявленными на истиническихъ повѣстяхъ Клаурена съ братією. Мы не будемъ разсказывать ихъ содержанія, а зкѣтнемъ кое-что о слогахъ, который, хотя и называли мы правильными, но при всемъ томъ въ «Разсказахъ на Станціи» встрѣчаются иногда вотъ какіе *стройные* періоды: «Равнившись на что-нибудь

разъ, какъ мы уже сказали, онъ (Брейтгуссъ, секретарь Биро-ца) никогда не *отдыхалъ* (?) отъ своего замысла, подобно какъ могучій британскій пестъ, всворышонный для травли бычковъ, не покидаетъ до тѣхъ поръ своей жертвы, врызынись ей въ *мясо* (!) пока не разгнѣетъ ее (ед?) на мѣсть; ибо онъ (британскій пестъ?) почелъ бы себя униженнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ, если бы хотя разъ въ жизни отказался отъ дѣйствія; однажды имъ принятаго, когда оставалась еще возможность, даже хотя искра надежды, достигнуть цѣли. — Или, напримеръ, что это такое: «Эти деньги были сребрянки Иуды, *проскользнувшиаго по нимъ съестію*» (?); Не понимаемъ, истинно не понимаемъ. Мы могли бы еще захватить двѣ черты изъ портрета Матрены Прохоровны (часть 1 стр. 12 и 17), если бы не боялись оскорбить скромность читателей. «Отъ Записокъ»; замѣтимъ только, *водатаилъ* къ храму Игеи, *вистельника освещеннаго мислѣльмъ, латимскую алоу*, Гоэмана, умершаго (будто-бы) въ безуміи, *воставримныхъ Фринъ*, молящихся дома предъ лампадкою, *жану*, отличающуюся прелестнымъ *стиденіемъ*, *еу*, въ *безмолвіи роднаго пелемлинна сына брата пана Копытинскаго*, *ресситте глаза* и . . . и закроемъ книгу. . . .

Нѣтъ, хотите ли еще знать, кого герцога курляндскій Бировъ считалъ опаснѣйшимъ врагомъ своимъ? Шута Балакирева. — Впрочемъ вамъ интересно допытаться, что вредитъ успѣхамъ нашей словесности? Авторъ «Разказовъ на Станци» рѣшаетъ этотъ важный вопросъ окончательно: «это излишній духъ подражанія, какалъ-тъ *условили опредѣленность* (?), странная необходимость приравливаться къ требованіямъ *вѣка* (sic), какъ-будто бы вкусъ должна роживать масса, между тѣмъ, какъ эда совершенно напротивъ; быть можетъ, нѣкоторый недостатокъ въ постоянномъ стремленіи, въ любви къ искусству, единственно изъ любви къ искусству; статься можетъ холодность, наконецъ, быть можетъ, и расчетливость, предписываемая обстоятельствами, чтобы не назвать се другимъ именемъ, но необходимость извинительная и благоразумная.»

Вотъ какъ на станціяхъ разсуждаютъ о русской литературѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился всѣ станціонные смотрители, кондукторы и грамотные ямники. Безграмотные также бы согласились, да вѣрно ль умъ не знали того, что говорятъ имъ авторъ. . . .

170) *Червое Времѣ или пѣхоторгія сир(е)ни изъ жемчи Е.п.елии Пугачева, историческій романъ XVIII вѣка. Соч. Петра С. . . . нова. Москва. Въ тип. Харитоновова. 1839. Двѣ части.*

171) *Иванъ Сусанинъ или Смерть за Царя. Историческій романъ. Соч. Михаила Дмитревскаго. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1839. Двѣ части.*

Два совершенно-безличныя и безразличныя произведенія людей, берущихся не за свое дѣло. Скучно говорить о нихъ много. Въ нихъ нѣтъ ничего *слишкомъ*-пошлаго, хотя и все пошло, ничего, къ чему стѣяло бы прицѣпить насмѣшку. Это пустота, совершенная пустота. — Второй романъ изданъ по-опытнѣе' перваго.

172) *Дѣйствительное Путешествіе въ Воронежъ. Ивана Раевича. Изданіе второе. С.-П. бургъ. Въ тип. А. Сычева; 1839. Въ 12-ю д. л. 108 стр.*

Въ литературной промышленности, какъ и во всякой другой, есть своего рода сметливость и своего рода сметливые люди; которые перенимаютъ другъ у друга то, чѣмъ первый изъ нихъ успѣлъ пустить пыль въ глаза добродушной публикѣ и заманить ея праздное вниманіе. Слово «дѣйствительная повѣдка», «дѣйствительное путешествіе», удалось кому-то въ первый разъ; и эта удача возбудила соревнованіе... Кто разъ читалъ означенное сочиненіе г. Раевича, тотъ, вѣрно, въ другой разъ читать его не станетъ, и, послѣ сказаннаго, не подявится тому, что оно вышло *вторымъ изданіемъ*.

172) *Историческое и статистическое описаніе города Воронежа съ присовѣкупленіемъ описанія находящейся въ ономъ первоюкласной обители во имя св. угодника Митрофанія. Москва. Въ тип. Харитоновова. 1839. Въ 8-ю д. л. 46 стр.*

Воронежъ, ставъ храпилицемъ чудотворныхъ мощей св. Митрофана, не только началъ привлекать къ себѣ толпы богомольцевъ, но и началъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Сколько путешествій, описаній появилось съ-тѣхъ-поръ!... Но мы съ радушіемъ привѣтствуемъ этотъ краткій очеркъ исторіи и настоящаго состоянія Воронежа, какъ онъ яи далеко отъ того, что обѣщаетъ громкое заглавіе. Языкъ въ-сравненіи съ безграмотностію, царствующею въ большей части писаній по добнаго рода, довольно-хороше; жаль, что мѣстами вре-

дуть его чистотѣ желаніе автора выразиться по-красивѣ и по-вычурнѣе. Изданіе самое плохое, на самой плохой оберточной бумагѣ, литеры фигуры весьма-некрасивой, величинн гегантской.

173) Путеводитель по Ревелю и его окрестностям. Издавъ съ французскаго (?), съ дополненіями и измѣненіями Н. Р. С.-П. бурже. Въ тип. Деп. Внѣш. Тор. 1859. Въ 12-ю д. л. XIII, 201 стр. Съ двумя издами Ревелл.

.. Путеводитель долженъ обладать энциклопедическими свѣдѣніями касательно тѣхъ мѣстъ, по которымъ онъ берется водить добрыхъ людей: онъ долженъ оживлять воспоминаніями холмный камень, безлюдный утесъ, уметь читать всякаго рода надписи и находить въ нихъ смыслъ; ветхія, поросшія травою развалины дѣлать заманчивѣе свѣтлыхъ и красивыхъ зданій, заставить всякаго съ наслажденіемъ карабкаться на гору, или ползти въ сырое, душливое подземелье, заставить читателя призадуматься, старушку — перекреститься, дѣвушку — уронить слезу; его дѣло знать всему мѣру, вѣсъ, число, годъ, день, часъ; если исхождаетъ исторія и статистика, ему остается пѣсня и сказка. Во всякомъ случаѣ ему особенно-нужны три дарованія: вѣрная память, живое воображеніе и легкій языкъ. «Путеводитель по Ревелю» былъ бы любопытенъ, если бы извѣстія, имъ сообщаемыя, излагались не такъ сухо и чистымъ, яснымъ, русскимъ языкомъ; а то вотъ какъ говорить онъ: «документы составили три морскіе груза, и два изъ нихъ погибли отъ крушенія» (стр. 29). Два ли документа погибли отъ крушенія, или два морскіе груза, — пусть читатель выбираетъ, что ему покажется лучше; для насъ то и другое не годится. Еще: «Кануть IV, названный святымъ, когда былъ убитъ въ 1082 году въ Ютландіи, дворяниномъ Бласко, а сынъ его, спустя десять лѣтъ, самъ себя лишилъ жизни и на тронъ взошелъ его братъ, Эрикъ IV Эйгнандъ (жестокій), то въ-слѣдствіе бывшаго ему (кому?) видѣнія, онъ построилъ, въ 1093 году для искупленія своихъ грѣховъ, монастырь во имя Архангела Михаила» (стр. 60). Тутъ выходятъ, что Кануть IV, послѣ своей смерти, построилъ монастырь во имя Архангела Михаила! — Къ этому изданію съ французскаго приложены двѣ картинки: видъ рынка и Монастыря св. Бригитты, да еще предисловіе отъ издателя. Мы хотѣли выписать изъ этого предисловія одинъ періодъ, но, принавившись за его начало,

не могли отыскать его конца, и въ молчаніи, съ благоговѣніемъ отступили отъ этого исполненна - періода. Авторъ начинаетъ вотъ какъ (стр. VII): «Мелкопомѣстные крестьяне еще не знаютъ и даже не уважаютъ той философіи, которая не проповѣдуетъ энциклопедическія лексіоны и журнальные сборники, какъ догматы ума, *подаетъ каждому масштабу его циркуль*, *порядокъ свидѣній, мѣта по азаладу*, форму сужденію, руководствуетъ къ началамъ, — которая въ нравственномъ и общественномъ мірѣ показываетъ, какъ термометръ, тепло или холодно, и какъ барометръ—сыро или сухо,—которая разлагаетъ узурпаторскую тварь общества, какъ *анатомическій трутъ*...» А тамъ и пошелъ, и пошелъ...

174) Сказка о *славномъ и храбромъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ* и о прекрасной *Королевицѣ Дружественѣ* и о смерти отца его *Гондона*. С.-П. бургъ. Въ тип. А. Сивера. 1839. Въ 12-ю д. л. 95 стр.

Новое искаженіе известной пельгной сказки, въ которой, даже подъ наружнымъ безобразіемъ, нельзя отыскать ни искорки русской народнои поэзіи: это что-то чужое, перепосное, но изуродованное уже нашими доморощенными передѣльвателями и издателями. До-сихъ-поръ такіа сказки выходили въ Москвѣ и развозились брадатymi свѣтелями книжной мудрости по деревнямъ и ярмаркамъ; тамъ даже, говорятъ, цѣлая типографія существовала только этими сказками и подобными имъ нелѣпостями. Теперь и въ Петербургѣ начинается та же свробумажная промышленность. Въ добрый часъ! Да только зачѣмъ же это вѣчно «гоменье на Москву», когда в Петербургѣ не-совсѣмъ правъ въ семь отношеніи?..

175) *Исторія о храбромъ рыцарѣ Францискѣ Вентизанѣ* и о прекрасной *королевицѣ Ренцисенѣ*. Москва. Въ тип. А. Ефремова. Въ 8-ю д. л. 216 стр.

Точно такой же вздоръ, какъ и «Сказка о Бовѣ Королевичѣ». Впрочемъ, эти книги, въ всей своей пошлости, несравненно-вышекакого-нибудь «Разгуляя кувеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ»: здѣсь по-крайней-мѣрѣ есть смыслъ, есть рассказъ... И совсѣмъ глупы эти книжонки выдерживаютъ по нѣскольку изданій! Какъ же сильна должна быть потребность чтенія въ нашемъ народѣ, для котораго преимущественно творятся эти произведенія! Чтò же ннато не воспользуется по-ою-пору этой потреб-

востно? Послѣ этого упрекайте его въ равнодушія къ литературѣ. Бѣдный народъ! онъ находится въ положеніи чловѣка голоднаго, котораго; вмѣсто пищи, потчуютъ упреками въ недостатокѣ аппетита. Разумѣется, когда люди съ талантомъ не хотятъ для него трудиться, онъ, по-неволѣ, принужденъ довольствоваться такими пустяками, какъ всѣ эти книжонки. . . Дождемся ли мы того времени, когда у нашего народа будетъ своя бібліотека, хоть не большая, но такая, въ которой бы выходилъ онъ удовлетвореніе своимъ чловѣческимъ потребностямъ? Что, еслибъ г-нъ Максимовичъ, вмѣсто того, чтобъ писать плохіе стихи, вздумалъ продолжать свою «Книгу Наума», которая такъ хорошо удалась ему? Къ нему присоединились бы, можетъ-быть, еще нѣсколько литераторовъ и ихъ труды могли бы быть трудами высоко-полезными, вполне-дѣйствительными, трудами великими, за которые бы на всю свою жизнь остался имъ благодаренъ добрый народъ. Въ этомъ отношеніи можетъ обратиться на себя вниманіе —

176) *Деревенскій Староста, Миронъ Ивановъ. Народная быль для темна русскаго простолюдиновъ, соч. Бориса Волжина. С.-П. бургъ. Въ тѣп. Губернскаго Правленія. 1839. Въ 8-ю д. л. 334 стр.*

Каждый истинно-русскій читатель долженъ радоваться начинающему возникать у насъ стремленію къ образованію низшихъ классовъ общества. Реальные классы при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ; Удѣльное Земледѣльское Училище, доставившее недавно Россіи до 100 образованныхъ крестьянъ, которые теперь, какъ слышно, поселились уже въ разныхъ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства и произвели на остальныхъ жителей самое благопріятное вліяніе; улучшеніе народныхъ и приходскихъ училищъ; учрежденіе училищъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ—все это явленія отрадные, какъ по существующимъ уже результатамъ, такъ и еще болѣе по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя протекнутъ отъ нихъ. И въ этомъ великомъ дѣлѣ, впереди и ранѣе всѣхъ дѣйствуетъ правительство наше своими благотворными нововведеніями: остается частнымъ людямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать осуществленію сихъ благодѣтельныхъ предначертаній, и мы увѣрены, что правительство встрѣтитъ, какъ и всегда встрѣ-

чало, въ русскихъ помѣщикахъ и владѣльцахъ вѣрныхъ и ревностныхъ поборниковъ своихъ великихъ виданъ. Но, при такомъ движеніи, не уже ли останется въ прежнемъ бездѣйствіи одна только русская литература — этотъ живой барометръ, долженствующій отражать на себя всѣ перемѣны въ общественной атмосферѣ? не уже ли она не направитъ своей дѣятельности на новое, прекрасное поприще для таланта — на составленіе книгъ для народнаго чтенія? . . . Безспорно, много условій для-того, чтобы успѣть на семъ поприщѣ, много надобно имѣть опытности, знанія, дарованія: хорошо надобно узнать и народъ русскій, и простонародье русское, свыкнуться съ его обычаями, повѣрьями, предрасудками, найти живую струю, посредствомъ которой можно было бы на него дѣйствовать, знать сѣру, въ которую удобно можно переселить воображеніе простолюдина, угадать его вкусъ, наклонности, и пр. и пр. Но за талантами никогда не стоило у насъ дѣло: Россія еще такъ полна здоровья, свѣжести, такъ богата юными силами; — дѣятельности, серьезной, ученой дѣятельности до-сихъ-поръ не доставало и не достаетъ намъ! Но мы увѣрены, отеческое вниманіе правительства къ образованію низшихъ классовъ общества пробудитъ эту дѣятельность въ даровитѣхъ людяхъ; найдутся не одинъ, не два, а нѣсколько талантливыхъ писателей, которые употребятъ свои дарованія на пользу братьевъ своихъ меньшихъ, и, приготовленные опытомъ и знаніемъ, выйдутъ съ честію на дѣланіе. Въдъ было же время, когда никто-почти не писывалъ у насъ для дѣтей, а всѣ довольствовались переводами какихъ-нибудь французскихъ книжонокъ: теперь прошло это время, и Дѣдушка Ирвней, г-жа Ишинмова, Зонтатъ, Башуцкій съ своимъ «Дѣтскимъ Журналомъ» обогащаютъ нашу *дѣтскую* литературу дѣльными, полезными книгами. Наступитъ же время и для *простонародной* русской литературы, и это время, кажется, недалеко. Дай Богъ, чтобы оно скорѣе приблизилось къ намъ!

Убѣжденные въ непогрѣшительности этихъ мыслей и желаній, мы не могли безъ удовольствія встрѣтить появленіе книги г. Волжина «Деревенскій Староста Миронъ Ивановъ», тѣмъ болѣе, что, какъ намъ кажется, авторъ ея руководствовался при изданіи своей книги чувствомъ самой строгой добросовѣстности, а этому доказательствомъ служить и то, что онъ, не пола-

гаясь въ столь важномъ дѣлѣ на собственные силы, руководствовался (какъ самъ объявляетъ) совѣтами и замѣчаниями людей опытныхъ и свѣдущихъ, желая имѣть вѣрный масштабъ того дѣйствія, какое произведено быть можетъ его книгою на будущихъ ея читателей, и имѣлъ въ виду, что воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища могутъ волей служить идеаломъ образованнаго русскаго простолюдина, — онъ обратился къ просвѣщенному начальнику этого заведенія съ просьбою о позволеніи ему прочесть его простонародный разсказъ этимъ молодымъ, образующимся крестьянамъ. Начальство одобрило и просьбу, и рукопись, которую авторъ прочелъ въ нѣсколько воскресныхъ дней воспитанникамъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. По окончаніи чтенія каждой главы, онъ просилъ воспитанниковъ о повтореніи оной, и старался замѣчать, все ли ими хорошо понято и какого они мнѣнія о разныхъ фактахъ и случаяхъ, имъ предложенныхъ. Они объясняли ему это *своими* словами, и этими-то *ихъ* словами онъ старался пользоваться, когда заставлялъ разговаривать свои дѣйствующія лица. Дѣйствіе, произведенное рукописью на воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, побудило автора напечатать ее. — Книга г. Волжина имѣетъ форму романа, но безъ всякихъ запутанностей и неестественностей: все очень просто. Это эпизодъ изъ исторіи цѣлой деревни, гдѣ главное дѣйствующее лицо староста Миронъ Ивановъ, умный, честный, добродѣтельный мужикъ, сдѣлавшійся такимъ въ слѣдствіе того вліянія, какое имѣли на него христіанскія увѣщанія пастыря, священника Никандра, стоящаго въ этомъ разсказѣ также почти на первомъ планѣ. Эти два человека примѣромъ и словами, при содѣйствіи почтеннаго помѣщика, переименовываютъ, перерабатываютъ все село и изъ развратнаго и обѣдѣннаго, дѣлаютъ благочинное и богатое. Второстепенныя лица, — щеголиха Домна, жена Мирона; Параша, дочь ея; деревенская кокетка Оленка; Егоръ Бульчъ, бывший врагъ Мирона, сдѣлавшійся его другомъ; Сережа, сынъ Мирона, умный парень; Полжкаръ, женихъ Парашы, мужикъ просвѣщенный въ той степени, какъ воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища; Щелкоперовъ, откупщикъ прикащикъ, продавая холопская штука; старичишка Доминдонъ, закоснѣлый въ предрассудкахъ; Феклистка Мурашова, негодяй, сынъ зажиточнаго мужика, несчастливецъ слѣ-

ной и безногий; Гущовъ, сутяга-однодворецъ, крохотворный писарь станового пристава, и пр. и пр. — все это лица, взятые какъ-бы изъ ежедневной крестьянской жизни. Иные найдутъ характеры Сережи и Поляварпа, — эти типы воспитанниковъ Удальнаго Земледельческаго Училища, — не-совсѣмъ натуральныя, но и такое обвиненіе несправедливо теперь, когда болѣе ста воспитанниковъ этихъ поселились въ образцовыхъ усадьбахъ, устроенныхъ въ лучшихъ губерніяхъ нашего отечества, и служить примѣромъ для прочихъ. Теперь нельзя сказать г. Волжину въ укоръ: «такихъ мужиковъ нѣтъ», потому что-они въ самомъ-дѣлѣ есть и являются какъ заря будущаго просвѣщенія крестьянскаго класса. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что, читая книгу г. Волжина, мы не-вездѣ видимъ простаго русскаго мужика: иногда сѣрый армякъ отъахивается и видны бываютъ или вицмундиръ чиновника, или сертукъ франта съ разными галицизмами. Но можемъ надѣяться, что со-временемъ эти недостатки исчезнутъ при постоянномъ трудѣ и стараніи, къ которымъ призываемъ мы благонамѣренную ревность г. Волжина. А между-тѣмъ и теперь рекомендуемъ книгу его гг. помѣщикамъ, потому-что чтеніе «Деревенскаго Старосты» способно распроставить между русскими простолюдинами нѣсколько помѣстныхъ хозяйственныхъ свѣдѣній и много добрыхъ нравовъ. Эта книга написана болышею частью языкомъ довольно-чистымъ, общепотребительнымъ, близкимъ къ тому, которымъ объясняются простолюдямъ. Есть мѣста смѣшныя, есть трогательныя. Въ видѣ особенной брошюры приложено предисловіе автора, которое, вмѣстѣ съ полнымъ оглавленіемъ, было помѣщено въ 8 No. «Литературныхъ Прибавленій» сего года, и изъ котораго можно видѣть цѣль автора и планъ его дѣйствій».

Въ-заключеніе, мы желали бы, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, которые вѣрно обратятъ свое вниманіе на книгу г. Волжина, сдѣлавъ съ нею опытъ надъ своими крестьянами, сообщалъ намъ результаты своихъ наблюденій, а мы, съ своей стороны, обязуемся отыскать автора, гдѣ-бы онъ ни находился, и довести эти наблюденія до его свѣдѣній. Мы увѣрены, что авторъ будетъ благодаренъ за всякій добрый совѣтъ и непременно имъ воспользуется.

177) Потерянный Рай (,) поэма Іоанна Мильтона. (,) съ приближеніемъ поэмы Возвращенный Рай. Новой переводъ съ

английского подлинника (,) въ четырехъ частяхъ (,) съ 13 картинками и портретомъ автора. Въ Москвѣ, у книгопродавца Логинова на Никольской улицѣ. Въ тип. Н. Степанова. 1839.

Передъ вами, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, лежитъ великое произведеніе британскаго пѣвца, искаженное, помянутое, утратившее весь блескъ и все благоуханіе свое. Грустно смотреть на подобные переводы твореній великихъ, такъ же грустно, какъ смотреть на безжизненный трупъ челоѵка, и притомъ челоѵка, намъ знакомаго. Но что дѣлать! мы должны на этотъ случай забыть интересы искусства, сойдти съ точки зрѣнія, съ которой смотреть на художественныя произведенія, и поблагодарить переводчика за искаженіе Мильтова, потому что это искаженіе распространено въ низшихъ классахъ публики и читается въ нихъ, какъ кажется, съ жаждностію: это третье изданіе! Народъ бы и не принялъ мильтоновой поэмы въ ослабительномъ блескѣ художественной формы: нужно было затерять ее прозою, — и какъ ни дурна эта проза, содержаніе этого произведенія все-таки возьметъ свое и будетъ постоянно входить въ организмъ народа и претворяться въ его плоть и кровь. Какъ бы хорошо было, еслибъ люди образованные, знающіе дѣло, взяли за такое популяризированіе произведеній великихъ поэтовъ! какое бы обширное поприще для дѣятельности и какъ много можно бы сдѣлать на немъ полезнаго!

Но во всякомъ случаѣ, гг. переводчики, лучше передавайте русскому простонародью, хоть въ плохихъ переводахъ, назидательныя произведенія востранныхъ писателей, только не представляйте имъ чудницъ въ родѣ нѣкоторыхъ романовъ Поль-де-Кока, какъ напримѣръ, слѣдующій:

178) Кондитеръ, или нянька, защитница невинности. Романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе Поль-де-Кока. Переводъ съ Французскаго. Часть III и IV. Москва. Въ тип. С. Харитонова. 1839. Въ 12 д. л. 78; 64 стр.

Когда и гдѣ вышли первая двѣ части «Няньки, защитницы невинности», мы право, не помнимъ. Голова и туловище поль-де-кокова романа, какъ товаръ контрабандиста, ускользнули отъ нашего вниманія: остался хвостъ, по которому впрочемъ, весьма - легко узнать, что было въ первой половинѣ *подлиннаго* произведенія. Мы начали читать третій томъ съ неудовольствіемъ. Monsieur Поль-де-Кокъ цѣлыя пять главъ не изво-

лись показыватья своимъ поклонникамъ, снаряжался и охра-
мивался, какъ видно, чтобы въ полномъ блескѣ красоты войти
въ приемную. Да, цѣлая пятя главъ гднулася: цѣлюбопытная исто-
рія: какой-то дебрый старикъ умиралъ; *покорный и послушный*
сынъ лежалъ больнаго, забояливо подавалъ ему лекарства, и
своимъ теплымъ участіемъ облегчалъ его страданія. Все это
прекрасно, правственно, благополучно — но за-то и скучно.
Шутка ли? цѣлая пятя главъ прощли безъ шалостей: ни одинъ
молодой человекъ не заглянулъ подъ шляпку мимо-мудщей су-
бреткы, даже игривый вътерокъ, которому законъ не писанъ,
оставилъ въ поювъ платочникъ красавицы... Наконецъ, вредъ ше-
стой главой двери настаетъ — и читатель, видя въ надписи: *Святъ-
ба, Шт...* (Не слѣдующія заглавія прочтите сами). А, это въ, гос-
подишь Поль-де-Кока! ам, собственной персоной. Узнаемъ васъ
по заманчивой трилогіи, которую собирается разыграть ваше за-
манчивое воображеніе. *Здоровы ль вы? Здоровы, очень-рады...*

Но гдѣ же нянька, защитница невинности? Не думайте уви-
дѣть въчто въ родѣ Еремьевны, съ острыми зацѣпами, готовой
вадохнуть, а не уступить нахалу. Нѣтъ, эта нянька юная граш-
ница Анна, устроивающая любовныя свиданія своей барышня
Евгени съ молодымъ Адольфомъ, къ которому, мимоходомъ-
сказать, и сама неравнодушна. На бѣду геронья, Адольфъ куда-
то уезжаетъ. Въ его отсутствіе къ родителямъ Евгени являетъ-
ся кондитеръ Дюмонъ, предлагаетъ себя въ женихи, и—вы зна-
ете какъ скоро дѣлается дѣло у г. Поль-де-Кока — и на дру-
гой же день пожелавенные отправились въ церковь, женихъ
одѣлся прекрасно... После свадебнаго бала, кондитеръ
отправился къ супругѣ, но съ нею сдѣлался припадокъ; на
завтра та же попытка, но нянька, защитница невинности, не пу-
стила его по какой-то причинѣ; на третій день опять путеше-
ствие, не тутъ домовой разыгралъ роль рыцаря, покровителя
невинности. Такия помъки продолжались до-тѣль-порѣ, пока
г. Дюмонъ не упалъ съ лошади и не убился до смерти. Адоль-
фу то и было пужно; онъ явился въ-время и учинилъ надлежа-
щую развязку... Все это — грязь, помои литературныя, въ
которыхъ съ удовольствіемъ купается извѣстный разрадъ чи-
тателей во Франціи. Но скажите, Бога ради, не уже ли и у
насъ есть охотники до подобныхъ помоевъ?...

Переводъ, сама Богу, ошито-дурно; по Сенькѣ и шанка! Г: переводчикъ не умѣетъ справиться съ самыми обыкновенными выраженіями, не говоря уже о галлицизмахъ, въ родъ слѣдующихъ: «ойдъ въ городъ, его пероцѣй отпросъ била о Жулема; приближася къ городу, ужасный сѣтъ парализъ его зрѣтѣ», — галлицизмахъ, которые, какъ вслѣдъ знаетъ, автамъ трудны для безграмотныхъ.

179) СОВРАНИ СЛОВЪ И БЕСѢДЪ, *происхожденіемъ къ Курской паствѣ Илюдоромъ, Епископомъ Курскимъ и Благородскимъ С.-П. бурев. Всенход. тит.* 1839. Въ 8. д. л. 317 стр.

Есть два рода краснорѣчія духовнаго. Одно, когда проповѣдникъ божественныхъ истинъ, какъ посланникъ неба, видитъ все пороки, всю слабость челоѣка, утратившаго по своей волѣ небесный образъ, вооружается всѣмъ гнѣвомъ противъ такого самовольнаго погруженія въ бездну преступленія, и грозными нерунами поражаетъ усмыленное челоѣчество. Таковы истинны писанія пророковъ; таковы слова Златоуста и другихъ знаменитыхъ отцовъ церкви. Но есть еще родъ краснорѣчія духовнаго: онъ рѣдко гремитъ порывомъ негодованія—смирено, тихо поучаетъ пастырь свое словесное стадо, въ ярѣтости сердца, съ незлобіемъ агнца. Таковы, болышею частію, проповѣди современныхъ намъ духовныхъ ораторовъ. Сюда же мы причисляемъ «Слова и бесѣды, произнесенныя къ курской паствѣ Илюдоромъ, епископомъ курскимъ и благородскимъ».

Если краснорѣчіе втораго рода можно назвать повседневнымъ, потому-что истинны, имъ проповѣдуемыя, общи для всѣхъ и привѣняются равно ко всякому времени, то, съ другой стороны, дѣйствіе такого краснорѣчія несравненно-обширнѣе, распространяется на всю массу народа, не требуя для своего уразумѣнія ни высокаго образованія догматико-теологическаго, ни ума, обогащеннаго многоразличными свидѣніями о настоящемъ положеніи дѣлъ, разбираемыхъ ораторомъ. Здѣсь проповѣдникъ избираетъ наиболее предметы, имѣющіе непосредственное примѣненіе къ нравственности, и слѣдственно равно-доступныя для челоѣка со всякимъ образованіемъ. Такъ и въ разбираемой намъ книгѣ: бесѣдуетъ ли проповѣдникъ на день введенія Пророка Давы Марія въ храмъ,—изъ ея рожденія по обычаю, изъ ея воспитанія въ повиновеніи родителямъ и служенія Господу, изъ особенныхъ даровъ благодати извлекаетъ про-

повѣдникъ притѣры поучительныя и тотчасъ воспоминаеть, что всѣ мы, по благодати Всевышняго, введемы дверью крещенія и въ видимое и въ невидимое общеніе съ православною церковью и духомъ Іисуса Христа, ея одушевляющимъ; что для всѣхъ насъ отверсты двери храма Божія земнаго и церковнаго премірнаго, почему всѣмъ и каждому надобно хранить исповѣданіе вѣры цѣлымъ, печати благодати.— невредимыми; надобно подѣ молитвенною стѣною присноблаженной Богоматери жить для Бога и служить Богу цѣломудренно, и праведно, и благочестно. Говоритъ ли «Слово на Образаніе Господне по плоти» проповѣдникъ тотчасъ изъясняетъ, что ветхозавѣтное образаніе прообразовало духовное образаніе чадъ Новаго Завета, то есть сомеченіе грѣховнаго тѣла плоти, отсѣченіе всенныхъ помышлений, суетныхъ желаній, душевредныхъ чувствованій, богопротивныхъ дѣлъ. Наступаетъ день Срътенія Господня, христіанскій витѣлъ обращаетъ взоръ на праведнаго Симеона, для того, чтобъ узнать не только, что можетъ успокоивать духъ нашъ среди ужасовъ смерти, но и для того, чтобы, подражая ему, дѣйствительно ощущать въ себѣ спокойствіе при вступленіи въ мрачную стѣю гроба; узнавъ же, что мѣръ Божій стяжается правдою, благочестіемъ, упованіемъ, онъ показываетъ, что душа праведная, благочестивая срѣгаетъ Господа, соединяется со Христомъ вѣрою и упованіемъ, и духъ святыи вселится въ нее, духъ истины, наставляющій на всякую истину, духъ жизни всеживляющій, духъ свободы, изводящій въ свободу чадъ Божіихъ, духъ силы, конемъ движется все существо человека ко всему благу; и, послѣ того, наставляетъ слушателей, да будутъ праведными, благочестивыми, чужде утѣхи изривель, и—духъ Божій вселится въ нихъ, и тогда вездѣ узрять Господа: и въ явленіяхъ видимой природы, и въ молитвенныхъ собраніяхъ, и въ собственномъ сердцѣ. Говоритъ ли проповѣдникъ «Слово при воспоминаніи живоноснаго источника Богоматери» на текстъ «Жажущіи, идите на воду», и тотчасъ объясняетъ, что это вода благодатныхъ даровъ Духа Святаго, ибо намъ обѣщано, что изъ сердца врывающаго истекуть рѣки воды живы, а это обѣщаніе есть обѣщаніе благодати; что жажда духа означаетъ сильное желаніе даровъ благодатныхъ, а живоносный источникъ, откуда льются струи благодати, есть любвеобильное сердце Іисусово, животворящій Духъ Христовъ.

Беседует ли въ недѣлю святыхъ жезъ миссионеръ, который пришелъ на гробъ Господень, при восхожденіи солнца и узрѣли тамъ ангела, воссѣставшаго имъ воскресеніе Спасителя, который ожидаетъ ихъ въ Галилею,—и примѣромъ святыхъ жезъ миссионеръ научаетъ христіанъ посвящать Господу и дни и ночи, притечь къ нему рано, на зарѣ дней нашихъ, и раннія, перламутровыя чувства любви приносить ему въ жертву, доколь сердце не заравится тлетворнымъ дыханіемъ міра; и въ заключеніе убѣждаетъ, что Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ, близокъ къ намъ грѣшнымъ; не въ Галилею, но на всякомъ мѣстѣ можемъ обрести его,—вездѣ, а паче въ христіанскомъ храмѣ; вездѣ, а паче въ сердцѣ братолюбивомъ и христовлюбивомъ: «здесь Христосъ! съ нами Христосъ до скончанія вѣка!» восклицаетъ вѣра.

Въ такомъ духѣ написана книга епископа Илюдора. Въ ней помѣщены XXXIII бесѣды: обильная пища для любителей духовнаго чтенія, которые найдутъ здѣсь многу страницъ, дышащихъ сердечнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ.

Изданіе книги прекрасно.

180) Мать Смиренія, или главнѣйшія правила, которыя должна руководствоваться мать при воспитаніи дѣтей, С.-П. бургъ. Въ тѣл. Иверска. 1839. Въ 12-ю д. л. 162 стр.

Нѣкоторые изъ нашихъ журналистовъ былого времени, вѣроятно, основываясь на внутреннемъ убѣжденіи своего чувства, начали проповѣдывать различіе между нравственною и литературною дѣятельностію человека. Отсюда произошли выраженія: *литературная дружба, литературная честность, литературная совесть*, и т. п., какъ-будто обманщикъ въ литературѣ можетъ быть благороднымъ человекомъ въ жизни. Не понимая этого двоящія, мы считаемъ литературные труды одною изъ отраслей нравственныхъ дѣяній человека. Сочиненіе, которое воспламеняетъ любовь къ истинѣ, къ правдѣ, очищаетъ; облагораживаетъ, возвышаетъ душу; следовательно, оно, наряду съ благотворительностію, есть подлинно добродѣтели, есть заслуга передъ людьми и Богомъ. Къ числу сочиненій, которыя, какъ примѣръ доброй нравственности, заслуживаютъ полное наше уваженіе, принадлежитъ и маленькая книжка, нами теперь прочтенная. Она издава тѣмъ примѣрно-благотворительнымъ обществомъ иностранцевъ, въ которомъ мы съ глу-

бокою признательностию говорили во 2-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» (Отдѣл. VII, стр. 74). Въ ней излагаются пречислительныя правила, которыя со всего полнотою должна усвоить себѣ всякая мать, занимающаяся воспитаніемъ своихъ дѣтей. Здѣсь найдется она не обидя, холодныя и сухія наставленія, но множество тонкихъ, психологическихъ замѣчаній, какъ управлять прихотливыми желаніями дитяти, убивать дурныя склонности въ самомъ ихъ зародышѣ, пріучать человека къ добру: прежде, нежели онъ пойметъ его цѣну, избѣжить, еще неустановившимся движеніямъ молодой души давать окрѣпость и переводить ихъ въ характеръ, въ навыкъ. Присила эти очень-простыя и удобнсполнимыя: вѣрность ихъ подтверждается безыерывными, ежеминутными опытами; тутъ имѣть натяжекъ умствователя, который хочетъ блеснуть своимъ остроуміемъ, или глубокомысліемъ; это совѣты отца семейства, который и днемъ и ночью блюдетъ за счастіемъ своихъ дѣтей. Языкъ въ этой книжечкѣ такъ же чистъ, простъ и благороденъ; какъ и мысли, составляющія ея содержаніе. Но вотъ еще —

181) Мысли о Воспитаніи или Семейная Школа. С.-П. бургъ. Въ тип. И. Глазунова и колп. 1839. Въ 8-ю д. л. 236 стр.

Кто читалъ только «Систему Воспитанія» г. Ястребцова, «Полезное Чтеніе» неизвѣстнаго автора, «Педагогику» г. Ободовскаго и «Умственные Упраженія» г. Гугеля, тотъ едва-ли что-нибудь новое найдетъ въ «Мысляхъ о начальномъ воспитаніи», которыя, не смотря на то, все-таки могутъ почесться полезною книгою, ибо повтореніе и даже извѣстныхъ, несовершенно-развитыхъ другими истинъ всегда полезно, какъ доброе напоминаніе. Притомъ же низведеніе общихъ понятій о воспитаніи къ фактамъ, къ подробностямъ, простирающимся отъ индивидуальности воспитанника, или другихъ условій его существованія, потребовало бы огромнаго, многотомнаго сочиненія: вотъ почему мы думаемъ, что г. Бланкъ, авторъ этой книжки, состоящей изъ 236 страницъ крупной печати, не имѣлъ намѣренія представить полную систему воспитанія. Что же касается собственно до системы, то самъ авторъ чувствовалъ недостатокъ ея въ своемъ сочиненіи и говоритъ, что предлагаетъ читателю только *мысли*, а не одну *мысль*, которая послужила бы основаніемъ цѣлой системы, представляемой книгою. Сознавая, что

«Мысли», предлагаемыя г. Бланкомъ, весьма хороши, мы однако позволимъ себѣ замѣтить, что авторъ иногда говорить очень пространно о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; не начертать опредѣленнаго плаца для своего сочиненія, неточно дѣлать понятія, смѣшиваетъ въ одну категорію разнородныя идеи, очень-часто возвращается къ одному и тому же, и утомляетъ своимъ многословіемъ. Притомъ языкъ не всегда обходится безъ ошибокъ; отъ этого очень-часто запутываются самыя простыя мысли.—Вотъ примѣры. Авторъ нѣсколько разъ говорить, что надобно дѣтей воспитывать, что не надобно оставлять ширлатанамъ ихъ образованіе, заставлять ихъ *добить* что-нибудь на память; надобно укрѣплять ихъ тѣло и образовывать душу. Кто изъ читающихъ книги о воспитаніи не знаетъ этого? На страницѣ 103—4, 5, говоря о гигиенѣ, онъ заключаетъ въ ней слѣдующія понятія: опрятность, воздержаніе, умеренность, *мягкое и радужное обхожденіе съ дѣтьми* (въ высшемъ кругу общества), *выборъ поощреній и наказаній*, помѣщеніе; прививаніе оспы, *выборъ пищи, безпрестанный присмотръ*. Какъ въ книгу о семейномъ воспитаніи внести статью о ланкастерской методѣ? кто не назоветъ темными, напримѣръ, слѣдующіе обороты рѣчи: «Рѣка огибаеть его (садъ) полукружіемъ, извиваясь лентою в орошая каждую весною лежація по ту сторону поемныя покосы и пастбища, которыя степуются безконечною равниною, исчезая въ синеватомъ отдаленіи (стр. 9)? Или: «состояніе вообще образованія, къ сожалѣнію, слышкомъ рѣзкими чертами отдѣляютъ черноработчіе классы народа отъ прочихъ» (стр. 122). Слова и обороты: «безобразіе тѣлосложенія», «предудовлетворить», «сходно способу Ланкастера» — едва-ли русскіе. . .

182) Извлеченіе изъ рукописныхъ Лекцій, преподаваемыхъ воспитанникамъ И. императорскаго Царскосельскаго Лицея заслуженнымъ профессоромъ И. Кайдановымъ. Книжка вторая. С. Пбурга. Въ тип. Имп. Академіи Наукъ. 1839. Въ 8-ю д. л. 122 стр.

Въроятно, при первомъ взглядѣ на это новое произведеніе г-на Кайданова, вы останетесь на странномъ его заглавіи и спросите, изъ какихъ *рукописныхъ лекцій* или *тений* сдѣлано сіе «Извлеченіе», и что это за *тени*, производимыя *рукописно*? Но мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти во-

нросты, поэтому что книга не знает, составлено ли это «Извлечение» из «Истории», разумеется, «рукописей», по которым профессор читает свои лекции, или сделано из тетрадок учащихся, «записывающих» разумеется, «руками», «чтения» профессорския. Впрочем, для нас это все равно: излагать на самую книгу.

Новая книга, как и должно было ожидать, несет на себе «родовые» и «видовые» признаки учебничества, прежде всего — каковы? Кафдринский. Если вы были довольны известными сочинениями его «Руководство к познанию всеобщей политической истории», а именно третьей его частью, содержащей, или должно представлять, содержать, в себе историю трех последних веков, и выпущенную уже малюсенькую подпись, то как, разумеется, нечего и читать «Извлечение», изданное нами — для тех же господном Кафдринским; если же вы не удовлетворены означенными старыми, перепечатываемыми «Руководствами», то не будете удовлетворены и новым «Извлечением», ибо в нем нет ничего нового: здесь вы встретите, может быть, десятка три собственных имен, которые пропущены в «Руководстве», но которые все-таки остаются голыми названиями без всякого значения, — и несколько десятков страниц, наполненных самыми цветистыми, самыми величественными фразами, которые разве ничего не говорят ни уму, ни воображению, и могут служить только примыром риторической амплификации, а именно, самой безжизненной, какими бывают амплификации все механически-составляемая амплификация. А между тем на 122-х страницах непрерывной и довольно-густой печати, в Кафдринском рассказываете только три события новейшей истории: открытие Америки, реформацию и происхождение Голландской Республики. Сколько можно было бы сделать сказать об этих событиях, не вступая в объем книги в Кафдринского! сколько можно было бы собрать фактов, характеристических черт, обозначающих эти и живые драматические, полные интереса события этой эпохи, и лица, в них действовавшие! В первом, например Фердинанд-Католик, Изабелла, Колумб; Пезарро, Бевалина, Бальбуа, Лас-Кааза, Кортес, Веласкес; Масаланъ, Монтезума, Писко — и целый мир чудес, представлявшийся Европейцам за пределами Атлантического Океана; во втором: Лютер,

Лекс: X и Григорій IX, Карль V, Цинцигн, Кампанн, Минцерт, Боккольд, Морницъ — Саксонскій, Фридрихъ — Мудрый, Ома Торквемада — глава инквизиціи, Игнатій Лойола, Бецъ, Арминій, Гомаръ — представители эпохи, въ которую все движало особенною жизнью, все шло къ перевороту великому, къ созданию новаго міра, до-сихъ-поръ еще не состарившагося; — или, наконецъ, въ третьемъ: Филиппъ II и Вильгельмъ Оранскій, Граведа, Альба, Макіавелль — и Эдмонтъ, Горинъ, Бредеробе, Куденбургъ, Елисавета Англійская, Генрихъ IV и Маргарита Австрійская; Домъ-Хуанъ и Вальтасаръ Жераръ; инквизиція и нидерландскій адмиралъ... Тутъ всякое лицо — портретъ Фан-Дейка или Рембрандта, всякое событие — драма шекспировская, полная жизни, интереса романческаго и важнаго значенія историческаго... Что же сдѣлать изъ всего этого г. Кайдановъ? Онъ на 39 страницахъ разсказалъ то, что въ «Руководствѣ» его разсказано на 25 страницахъ (реформація и война Нидерландовъ съ Филиппомъ II-мъ), и на 83 страницахъ представилъ кое-какія выписки изъ Вашингтона-Ирвинга и, можетъ-быть, другихъ авторовъ объ открытіи Америки, которое у него, Богъ-знаетъ почему, вовсе пропущено въ «Руководствѣ»; но эти выписки сдѣланы неудачно: въ нихъ мелочливо вышкелется съ важнымъ, «достопамятнымъ» съ «достопамятнымъ», и потому онъ нѣсколько не вспоминаетъ пропускъ, очень-замѣтный въ «Руководствѣ».

Конечно, мы не потребуемъ отъ г. Кайданова, чтобы сочиненіе его было организовано по какой-нибудь философической идѣ (хотя подобная организація необходима для учебной книги, чѣмъ для ученаго трактата), чтобы служило къ разрѣшенію въ новомъ видѣ, къ разсмотрѣнію съ новой стороны какого-нибудь, хоть ужъ и рѣшеннаго другими, вопроса казательно характера того или другаго события, того или другаго лица, — не потребуемъ потому же, почему не будемъ лепить обиховенному стихотворцу, зачѣмъ произведенію его не удовлетворяетъ требованіямъ художественнаго созданія, не носятъ на себѣ печати высшаго творчества: мы знаемъ, что для такихъ созданій нужны поэты, а не простые стихотворцы. Мы даже готовы простить автору и совершенное отсутствіе какой-либо цѣли, къ которой бы направлено было разсказъ его, и которую можно было бы объявлять себѣ, почему иное событие представле-

во имя в томъ, а не другомъ съязъ. Этой цѣли и слѣдовъ нѣтъ въ сочиненіяхъ г-на Кайданова, или, по крайней мѣрѣ, она имѣетъ условный; онъ имѣетъ привычку разнообразно и разнообразно описывать событія, по-видимому, совершенно-однохарактерныя (хотя, скажемъ мимоходомъ, давно была бы пора подумать объ установленіи этой цѣли; вѣдь воспитывающіеся покаяніе не къ космополитизму тотонится, а къ дѣйствованію въ извѣстной сферѣ, на извѣстномъ попріицѣ, подѣ извѣстными общественными условіями). Но положимъ, что можно было бы обойтись и безъ такого направленія книги: пусть бы г-нъ Кайдановъ далъ намъ простые, ну, хоть безцѣльные рассказы великихъ событій новѣйшаго времени; пусть бы безъ цвѣтистыхъ фразъ, безъ восклицаній, представилъ, въ возможной полнотѣ и стройномъ порядкѣ, эти событія, пропуская мелочи и останавливаясь только на главномъ; пусть бы обозначилъ рѣзкими чертами главныхъ дѣйствователей въ этихъ событіяхъ, во чертами, рисующими воображенію не туманнымъ образомъ безъ лицъ, а портретами, который бы отдѣлился отъ фона картины и глубоко впечатлѣвался въ памяти. И все это, при извѣстныхъ условіяхъ, довольно-нетрудно сдѣлать: матеріалы подѣ рукою, — стоить только употребить ихъ въ дѣло хоть такъ, напримеръ, какъ употребляетъ ихъ Мишлѣ въ своихъ учебникахъ.

Но нѣтъ, г. Кайдановъ не воспользовался выподую своего положенія, какъ составитель учебной книжки для новѣйшей исторіи: онъ продолжалъ по-прежнему рассказывать кое-что кое-о-чемъ безъ выбора, безъ оцѣны относительной важности событій, иное пропускалъ вовсе, на другомъ останавливался безъ всякой нужды, и все это окружалъ фразами самыми пышными, самыми звонкими, но почти-внимощными значенія и все-неидущими къ дѣлу. Относительно-лучшимъ отдѣломъ книжки можетъ вочесться первая ея статья — Открытіе Америки. Тутъ, по крайней мѣрѣ, есть положительныя факты, которыми вовсе нѣтъ въ «Руководствѣ» г. Кайданова: читающій въ статье послѣ «Руководства» все-таки узнаетъ что-нибудь о Колумбѣ, Кортесѣ, Пезарро и пр., и это, конечно, лучше, нежели совсѣмъ ничего. Но, взгляните, напримеръ, какъ г. Кайдановъ изображаетъ дѣйствователей этой великой эпохи: Фернандъ-Католікъ, по егѣ мнѣнію, отличался «холодною, не-

доверчивую, податливую и мелочную расклевывающую, охру-
женъ былъ «рабами, завистию и гордостью» (стр. 10) — толь-
ко; Изабелла названа «благополучною» (стр. 11), характери-
стики Колумба, или, какъ пишетъ его г. Кайдановъ, Ко-
лумба, вать вовсе да и оставить ее по рассказу; Кайда-
нова очень трудно: вы видите въ Колумбѣ то, ридимого, то,
твердаго человека, который вполне преданъ своему великому
дѣлу и упорно борется съ препятствіями, — то, въ третьемъ
цутелствіи своемъ, онъ отдарачается отъ Орнеко въ Ис-
паньолу потому только, что желаніе видѣть своихъ естествен-
венниковъ не позволяло ему продолжать дальнѣйшихъ откры-
тіи» (стр. 27); Васко-де-Гама характеризованъ такъ: «мужъ доб-
рый, благоразумный, опытный въ мореплаваніи и неустраши-
мый» (стр. 28); Ласъ-Каласъ — «ревностнѣйшій поборникъ индей-
цовъ (?), одаренный твердостью духа, неугомонный, неустра-
шимый и неоклеветанный въ правдахъ католической церк-
ви» (стр. 47); Фердинандъ Кортесъ — «мужъ храбрый, дѣлель-
ный, гениальный, способный къ дѣламъ величій, обладающій
искусствомъ — приобрести къ себѣ доверчивость людей и у-
правлять умомъ ихъ... Круто нищій, но сильный, неустраши-
мый и предприимчивый, онъ рѣшился найти себѣ источникъ
богатства въ самомъ себѣ и оварить свое имя славой (!!!), не бу-
дучи ею никому, кромѣ самаго себя одолженнымъ» (стр. 67) — и
такъ далѣе, и такъ далѣе. Спрашивается, есть ли что-нибудь
живое въ этихъ странныхъ образахъ? Слова, слова, слова!..

То же самое найдете вы въ другихъ отдѣлахъ книги: Армаэльъ
Бресчанскій охарактеризованъ словомъ «смѣлый», Виллеъ —
«пылкій», Гуссъ — «ревнитель истины» (стр. 85), Тоцалъ — «гру-
бый, неважестенный, завальчивый поборникъ ринской иерар-
хин» (стр. 88), Лютеръ — «смѣлый, твердый и непреклонный, пла-
менный поборникъ истины, строгій полюбователь евангелиста-
му ученикъ (?), чуждый сребролюбія и любовачливъ» (стр. 89).
Или вотъ характеръ Игнатіа Лойолы: Описаніе второму про-
тиводѣйствію реформации — ордену иезуитовъ — положилъ лежан-
свій дворянинъ. Игнатій Лойола, багачій любезный маревоор-
пель, потомъ храбрый воинъ и наконецъ религиозный меч-
татель. Сдѣлавшись бакалавромъ въ самомъ себѣ (?), и,
науривши себя строжайшимъ постомъ, бичеваніемъ и путеш-
ствіемъ въ Палестину, онъ сталъ утверждать, что Спаситель

рода человеческого повелеть ему установить на земль общество Иисуса Христа (societatem Iesu). Отсюда слово *Иезуиты* (стр. 101)... Что это такое? — Посмотрите на характеристику Филиппа II: «этот монархъ, нитомецъ иезуитовъ, ирачный, иному недоверяющій, цыкого нелюбившій и инквизъ нелюбимый, истражарившій право свободы *людишкин* (!); — тръиникъ, всегда тресетавшій передь своею совъстью (???) и всегда нарушавшій святыя законы ея (?) въ оубътриомъ *надъльни*, что чрезъ наружную кабожновость и чрезъ *деспотическое гоненіе* новаго ученія можно примариться съ инни (?)», возненавидеть *откровенихъ Нидерландцевъ*» (стр. 115) и пр. и пр. Извольте представить себѣ этотъ невозможный, составленный изъ противоръчій характеръ! Елисъ лучше герцога Альба; вотъ свойства его, по словамъ г. Кайданова: «саматическая *ненависть* къ новому ученію и *ко всему человечеству, безелюбивіе*, неумолимость, хладнокровіе и *наслажденіе при свелдъ* на иученія людей (!!) въ рукахъ инквизици, рабская покорность страстямъ Калигулы XVI вѣка — Филиппа II» и пр. (стр. 115). Любопытно знать, въ чемъ бы состояло это и *протива*. — На слъдующей же страницѣ (стр. 116) объ этомъ несчастномъ Альбѣ сказано: «этотъ отличившій полководецъ и *превеходимый государственный мужъ*, но *сынъ ужаса*, неказавшій свойства сердца человеческого, ирибытъ въ Нидерланды, окруженный испанскимъ войскомъ и *каминтеллами*»... Коротко сказать: ли одно лицо въ этомъ «Извлеченіи» не имѣеть определенной овиюномин.

При такомъ недостаткѣ невозможно и ожидать характеристики событій, которую составлять гораздо труднѣе, нежели характеристику лицъ. Тутъ у г. Кайданова рѣшительно одинъ образъ, почти безъ всякаго содержанія. Вотъ, напримѣръ, взглядъ на свластія открытія Америки: «Водимый волею Провидѣнія, Колумбъ *отмаръ* Америку для открытія вѣръ христіанской пути до концовъ земли. *Ярость* Испанцевъ, свирѣпѣвшая противъ Индейцевъ» (заметьте — только противъ Индейцевъ, а Индейки въ сторону) «давало уже *улегася*; кроткій духъ евангелія примирялъ Европейцевъ съ Американцами; европейскія правительства, познавъ свою выгоду въ благосостояніи подвластныхъ оныхъ Американцевъ, начали стараться объ улучшеніи участи ихъ» и пр. и пр. (стр. 85). Или вотъ взглядъ на результаты реформаци: «При появлении ея казалось, что *свѣтъ* про-

*священникъ, провалившійся въ Европѣ послѣ крестовыхъ походовъ, уяснить отъ бури брани, воздвигнутой новыя учения; но когда религиозный фанатизмъ затихъ, кротахъ мумы (?) стали вездѣ водворяться, и народы ренессанса устремились на путь образованности и просвѣщенія. Съ этими порѣ, во всѣхъ университетахъ, особливо въ протестантскихъ, стали появляться умы *кроссоходные*. Они обратили свое вниманіе на церковную исторію, философію, правовѣденіе, физическія и медицинскія науки, и дали намъ *надлежащее направление* (??). . . Съ этихъ порѣ и въ католическихъ земляхъ разумъ человѣческой сталъ *оживляться*. Но стремились къ просвѣщенію, католики имѣли въ виду одну только *ученость*, въ чемъ Іезуиты весьма много успѣли; протестанты же усвоили себѣ *науки, развивающія разумъ человѣческій*» (стр. 108). Слова послѣдлаго періода, напечатанныя здѣсь косыми буквами, напечатаны такъ и у г. Кайданова. Что хотѣлъ сказать снмъ авторъ, какую разницу видѣлъ онъ между *ученостію и просвѣщеніемъ себѣ науки* — истинно не понимаемъ. Или еще; какое можно получить понятіе объ инквизиціи, по прочтеніи слѣдующихъ словъ: «инквизиція—страшное судилище, навлекшее проклятіе милліоновъ народовъ на учредителя его, папу Иннокентія III, долгу свирѣпствовала только временно противъ такъ называемыхъ еретиковъ» (слѣдуетъ 17 строкъ о томъ, въ какихъ странахъ введена была инквизиція; наконецъ—) «Отъ ужасовъ этого судилища *цвѣтеть разумъ* человѣческой; но, какъ *святлиникъ* Божій, не потухъ, и *осветилъ* Европу, къ постражденію *жаждавшихъ потушить его*» (стр. 101)?.. И только объ инквизиціи,—тогда какъ о семъ важномъ учрежденіи и слѣдствіяхъ его можно, и должно было бы поговорить по-обстоятельству и рассмотреть вліяніе его на исторію политическую вообще и исторію права въ-особенности. Послѣ разсказа о войнѣ Филиппа II съ Нидерландцами, г. Кайдановъ восклицаетъ: «Такъ изъ бури брани, порожденной реформаціею, произошла Голландская Республика, и, какъ яркая звѣзда, возсіяла на политическомъ горизонтѣ Европы. Подобно баснословной Минервѣ, мгновенно вышедшей изъ головы Юпитера, она *легла въ другое* во цвѣтъ юношескаго возраста вооруженію, а по географическому своему положенію, средоточіемъ европейской торговли и властительницею на моряхъ» (стр. 121). Къ-чему въ эти сло-*

на, и что можно понять изъ нисъ? . . . Взглядъ на Лютера, какъ на слугителя реформаціи, еще лучше. Прочтите слѣдующія фразы, впрочемъ ни откуда невыведенныя, и ничего за собою неведущія: «Онъ (Лютеръ) дѣйствовалъ не самъ собою, но посредствомъ духа времени, коего онъ былъ *аутистическимъ*, а не *тирракомъ*. Тысячи людей склонились на его сторону, потому-что онъ *говорилъ образами мыслей и душами ихъ*. Онъ былъ болѣе *магнетососца*, нежели предводитель въ открывшейся брани съ римскимъ дворомъ. Машина, такъ сказать была уже устроена; Лютеръ привелъ только ее въ движеніе; смертоносное орудіе было уже заряжено и направлено на римскій дворъ; Лютеръ бросилъ только въ него *зажигательную искру*. И безъ Лютера реформація въ западной церкви непременно послѣдовала бы, хотя, *можетъ быть* (!!) другой кто нибудь, по недостатку силы характера, не произвелъ бы ее (ея?) такъ решительно и скоро, какъ Лютеръ это сдѣлалъ» (стр. 90). . . Это *можетъ-быть* лучше всего, — для меня по-крайней-мѣрѣ, — обнаруживаетъ вѣрность и твердость философическаго взгляда автора на важнѣйшія событія всемірной исторіи; послѣ этого *можетъ-быть* исторической критикѣ нечего дѣлать съ книгою г. Кайданова, и остается только отложить ее въ сторону съ должнымъ уваженіемъ. — Однако нельзя не упомянуть о томъ, что удивительнѣе всего показало намъ въ книгѣ г. Кайданова: это «Взглядъ на *географическое состояніе* Америки», которымъ начинается книга. Это какое-то сличеніе древняго свѣта съ новымъ, неоживленное никакою идеею, не направленное ни къ какому выводу. . . Советуемъ любопытнымъ самимъ прочесть этотъ «Взглядъ»; выпивками изъ него нельзя дать о немъ надлежащаго понятія.

Слогъ г. Кайданова, какъ видно уже и изъ приведенныхъ фразъ, цѣлѣсть до приторности, а языкъ безотчетенъ до крайности; эти цѣлѣты риторическія лежатъ грудями, и подъ ними часто не дощущаясь смысла; безпрестанно, особливо въ разсказѣ о реформаціи, попадаются вамъ «броженіе умовъ», «умы пришли въ движеніе», «споры привели въ движеніе мыслящую силу», «умы всѣхъ воспламенились» (этимъ бѣднымъ *умами* или мыслящей силѣ всего болѣе достается въ книгѣ г. Кайданова, она поминутно *приходитъ въ броженіе*). Встрѣчаются премудрѣныя фразы, какъ напр. «Колумбъ, взявшій все это на равумъ» и проч. (стр. 8);

Колумбъ «вездѣ носилъ съ собою цѣпи, конни Бовадилья сколали его, *пожимая*, *изъ* нѣхъ въ своей комнатѣ» и проч. (стр. 35): Этотъ же Колумбъ и на той же страницѣ проситъ Фердинанда и Изабеллу «отправить его еще разъ въ Новый Свѣтъ, увѣривъ нѣхъ, что онъ откроетъ либо перешескъ, либо проливъ, *отдѣляющіе* Америку отъ моря» (проливъ, отдѣляющій Америку отъ моря... какой чудакъ былъ этотъ Колумбъ! не понималъ, что проливъ не можетъ отдѣлять землю отъ моря!): «Худое управленіе... и своевольство конновъ... заставили Фердинанда почувствовать свою (чью?) ошибку» (см. сей галицизмъ на стр. 45). «При громѣ огнестрѣльныхъ орудій они (Юкатанцы) *вздрыгнули* и разбѣжались» (стр. 52); а на стр. 115 Нидерландцы точно также *вздрыгнули* при одномъ имени герцога Альбы. «Магелланъ и спутники его испытали великій бѣдствіа: съѣстные припасы истощились, вода испортилась и страшная болѣзнь — скорбутъ стала обнаруживаться. *Одною отрадою* (?) для Магеллана и спутниковъ его было то, что *погода тогда была прекрасна* (!!), и это заставило Магеллана назвать океанъ, по которому онъ плылъ *плыть*» (стр. 63). «Поступокъ върломный (жизня Франциска Орельяны спутникамъ его) и безсовѣстный, *изамлелый* развѣ только необыкновенною *силостію* Орельяны» (!!) (стр. 75). «Карлъ V назначилъ собою въ Аугсбургъ и приказалъ явиться туда и протестантамъ для изложенія—тихо, скромно и безъ *шула лижныхъ страстей*—своего ученія» (стр. 95). «Реформація... начала *принимать* на себя *нечистоту изуверства* (?); и горизонтъ католическаго свѣта началъ омрачаться *молниеносными тучами*» (стр. 94). «Волны морскія потопили бы ее (Голландію), если бы *рука* трудолюбія, *воливая разумомъ*, не удержала ихъ посредствомъ *плотинъ*» (стр. 111). На той же страницѣ Нидерландцы *мвлялись* сильными мореходами, а на 93, Ульрихъ Цвилли *мвлялся* реформаторомъ, и пр. и пр.: и пр.—Встрѣчаются также и новыя, мудреныя слова у г. Кайданова, какъ, напр. «поди благоговѣйные» (стр. 20), «бевправная (т. е. безнравственная) жизнь», «бевправіе» (стр. 22 и ми. др.); на стр. 23 — «торорыты» (Богъ знаетъ что такое!), «новоземцы» (т. е. европейскіе поселенцы въ Америкѣ) и даже «бевправные новоземцы» (стр. 33), «чувствіа» (стр. 34), «*Миарпий Саксонскій*» (вмѣсто Морица Саксонскаго), «Францъ I» (вмѣсто Франциска или Франсуа I-го), «*Авто-да-фе*» *онла*

исключил горизонт: Иллинойс (стр. 401), и разные другие рѣдкости. Замечательно также, что г. Кайдановъ, у котораго въ «Руководствѣ» едва ли на каждой строкѣ встрѣчается *сѣ* и *сѣте*, тероръ въ «Извлеченіи» рѣшительно отказался отъ сикимасфониталіа, и въ безразлично читается «по этому», «до этихъ поръ», «съ этихъ поръ», «эво», «эго-го»... тогочна. проужасная!

Но пора кончить нашу выписку: вѣдь не перепечатывать же всей книги! Дѣло въ томъ, что это «Извлеченіе» несколько не помогаетъ «Руководству»: въ немъ все то же (кромя описанія открытія Америки), только пошире рассказано, побольше разбавлено фразами, которыхъ, какъ вы сами знаете, и въ «Руководствѣ» немало. Г. Кайдановъ, во вновь-изданной книгѣ, остался вѣрнѣе самимъ себѣ, хотя и променялъ *сѣ* на *этойъ*, и изъ Мортца и Франциска сдѣлалъ Маврикіа и Франца. А сказать это, — по нашему мнѣнію, особенно послѣ приведенныхъ примѣровъ, — значитъ сказать все о новомъ сочиненіи г-на Кайданова, котораго прежніе учебники известны всему новому поколѣнію русской публики, учившемуся по нимъ.

183) *Начальныя Основанія Общей Грамматики, приспособленныя къ понятію начинающихъ обучаться частнымъ Грамматикамъ.* И. Тито. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1839. Въ 8-ю д. л. 176 стр.

Авторъ «Начальныхъ Основаній Общей Грамматики» дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ или, вѣрнѣе, на три части, потому что «Введеніе» составляетъ также отдѣльную часть. Во «Введеніи» изложены главныя основанія такъ-называемой общей логики, т. е. объясненіе составу понятій и сужденій, сколько нужно для уразумѣнія послѣдующихъ правилъ. Вторая часть («Слова, разсматриваемыя отдѣльно другъ отъ друга») подраздѣляется на двѣ главы, изъ коихъ въ одной говорится о постепенномъ возрожденіи словъ и раздѣленіи ихъ на классы, а въ другой — о словахъ въ отношеніи къ вторичнымъ понятіямъ и причинахъ измѣненія ихъ. Первая глава третьей части («Слова, разсматриваемыя въ связи другъ съ другомъ») заключаетъ къ себѣ славянскія понятія согласованія и управленія, вторая — размыщеніе словъ, третья — знаки препинанія.

- Обь элементарныхъ логическихъ свидѣннхъ, кои разсказанныхъ г. Тито, говорить нечего: любое руководство къ логикѣ, переведенное на русский языкъ или составленное Русскимъ, отъ господина Селла до господина Рождественскаго, не гореть въ семь случаевъ одно и то же; для насъ гораздо важнее общия грамматика, которая, если мы не ошибаемся, не вызвала еще ни одного изъ нашихъ профессоровъ и учителей на трудъ, исключительно ей посвященный. Замѣтимъ только, что насъ печально удивили слова: *proposition, sujet, attribut*, и проч., стоящая въ скобкахъ поддъ *предложениа, подлежащаго, сказуемаго*. Отъ чего такой почетъ языку французскому? Развѣ общия грамматика однозначительна съ французской? Дети начинаютъ учиться послѣдней не прежде латинской и греческой. Или все не пишете многостраничныхъ речей, или пишете на трехъ языкахъ—по крайней мѣрѣ. А это замѣчанье невольно приводитъ къ той мысли, что авторъ общия грамматикн—если она не простой переводчикъ—долженъ, сверхъ основательнаго знакомства съ древними (греческимъ и латинскимъ) языками, знать неменѣе двухъ-трехъ новѣйшихъ; кроме того, ему необходимо перечестъ руководства лучшихъ философовъ грамматиковъ, чтобы не слѣпо предаться односторонней теорин.

Важнѣйшая статья общия грамматикн есть рѣшене вопроса о происхожденн языка, рѣшене гипотетическое, а не положительное—дѣрное; ибо гдѣ нѣтъ историческихъ данныхъ, тамъ нѣтъ и несомннвнаго отвѣта. Г. Тито слѣдуетъ мнѣнню сенекулистовъ, принимавшихъ постепенное возбрѣжене частей языка. «Вы видите» говоритъ авторъ: «что человекъ, узнаваемый силею внутреннихъ ощущеннхъ, повнзовался имъ и, во-первыхъ, выразилъ ихъ разными восклицаннми: *ай! ахъ! охъ!* и проч. Потомъ уже могъ онъ обратить вниманн на причину оныхъ. А такъ какъ не самыя предметы возбуждаютъ въ насъ ощущенн, а свойства ихъ, или дѣйствн, то, прежде, нежели онъ назвалъ самый предметъ, старался выразить звуками подражательныя дѣйствн ихъ, его поразивша. Такъ произошло *оумъ, тухъ, паръ, скокъ* и проч. Эти слова, оставши отъ первоначальнаго языка, все выражаютъ простыя понятн, т. е. наши чувствованн, или причину оныхъ—дѣйствн предметовъ, насъ окружающихъ. Употребляемыя теперь въ первомъ своемъ видѣ, составляютъ они во всѣхъ языкахъ классъ словъ, называемыхъ

между предметами (стр. 66). Но если: — Тая как въ природѣ дѣтъ предѣловъ, нѣтъ дѣтъ дѣлствій, следовательно и въ насъ нѣтъ нѣтъ дѣтъ понятий, совершенно ехидныхъ; то для точнѣйшаго выраженія каждаго подлежащаго и каждаго сказуемаго, надлежало бы имѣть особенное слово: Тогда число существительныхъ и междуместій возрасло бы до безконечности: *Чтобы не ралимъ сказать ни тѣмъ; ни другимъ, изобретены слова*, которыми, прилагаясь временно къ подлежащему или сказуемому, кажутся виды оныхъ и тѣмъ ихъ опредѣленности (стр. 72). Коротко: первобытные люди нѣсколько лѣтъ провинности; напр., слотъ *ба*, нѣсколько лѣтъ слотъ *бе*; столько же, можетъ быть, *ба*, *бо*, *бу*, и цѣлые вѣка протекли прежде, чѣмъ оформлялась пять-шесть частей речи! Забыть ты автору, что такое иныя о построении языка, *и тѣмъ же спору въ свое время*; ложно, какъ и вся философия Кондильяка, который, желая объяснить происхождение нашихъ познаній; смотрѣлъ на человека, какъ на статуя; одаренную способностью чувствовать, а чтобы объяснить начало языка — создавъ своимъ воображеніемъ дѣтей и бросая ихъ въ пустыню. Философическія теорія Локка, Кондильяка и другихъ сенсуалистовъ заключаютъ въ себя два коренныя недосадка, два главныхъ погрѣшности: они отвергаютъ, во-первыхъ, существованіе необладаемыхъ, всеобщихъ, безусловныхъ идей, основаніе которыхъ лежитъ внѣ ощущеній и, во-вторыхъ, смотрѣтъ на человека, какъ на такое существо, которое дѣйствуетъ съ-начала одною изъ своихъ способностей; потомъ начинаетъ изощрять другую, тамъ третью, четвертую и т. д. Чистый вымыселъ, порожденный нечистымъ воображеніемъ сенсуалиста! Умственная жизнь требуетъ одновременнаго развитія многихъ душевныхъ способностей, точно-такъ же, какъ уловіе жизни органической есть одновременное развитіе многихъ органовъ. И ту и другую можно назвать единицей, которую нельзя считать къ разнѣмъ шутечки.

Есть другія мнѣнія о происхожденіи языка; болѣе согласное и съ непреложнымъ свидѣтельствомъ священнаго писанія, и съ законами развитія душевныхъ способностей, и съ указаніями первыхъ мыслителей, — мнѣніе, по которому слово принимается за откровеніе свыше; за даръ Божій; за творчество въ своемъ родѣ. Гипотеза сенсуалистовъ полагала основаніемъ дикое состояніе первобытныхъ людей; другая гипотеза, утвер-

жизель на чужих раздисканиях. Не жри, пауль, адеть. Путомь
 пролянныи. Замети: твии аыканы, котарыи, дремать не-
 сомниноу приаана и котарыи, аыратыи, содержать: въ себѣ
 развалныи языкъ парробытнаго, дромлюи, новий свѣтъ на об-
 равъ поваленія словесныхъ стихий. Особенно Индия предста-
 вляла въ себѣ дѣль дивнательныи аакты, поколебавшии обще-
 принятую аыру въ брутальныи деревенцевъ рода человеческого.
 Свещенный языкъ Индусовъ, выражающій малѣйшии отбавки
 мыслей, объемлющій подный мѣръ сознания, не аатурально, а
 смлоу прямыхъ и асымыи речений—могъ ли онъ дантъся средѣ
 народа, неосареннаго свѣтомъ твердаго разума, народа-аытѣ-
 ты? Не доказываетъ ли онъ, что человекъ, аырымъ взглядомъ
 постигаа природныи качества предметовъ, рооады, творчес-
 кыи чувствомъ, жидуоу хланъ языка, подмуоу систему, ча-
 стей рѣши? Такъ, а не иначе, явнса языкъ, аео диниоу, прет-
 красное твореніе, не прсто означенное предметы и онду-
 шенія, но художественно изображающая тѣ и другіи аыствѣ.

Мы разиространились о гиноаадахъ, происложапіи языка
 съ тою цѣлю, чтобъ показаъ автору «Общей Грамматикки», что
 содержаніе науки, для кого бы она ни назначлааь, должно
 быть, вполнѣ истинно, аи, по-крайней-мѣрѣ, согласно съ по-
 слѣдними трудами ушныиъ, Французскій языкъ прекрасенъ—
 айтъ спора, но мудрость живетъ не у аыннхъ Французовъ. Шанъ
 для мѣтнѣ, хотя дѣтскыи образомъ, недоженія, не прине-
 суть пользы дѣтямъ, котарыи требуютъ истины, немешаю
 арослыиъ.

Пойдемъ далѣе:

«Нюгда одна мысль, для большей аыстоуи, дѣлится съ аа-
 лдремлемъ на двѣ, на три части, и болѣе. Фразъ (аааа?), съ аа-
 ражающій, называеаь тогда періодомъ; а кажда ааствъ ево, по-
 реомъ взятаа, аленомъ. Періодъ: можетъ быть, одновчленныиъ
 (тогда называеаь обыновоино фразомъ), двучленныиъ, трехчлен-
 ныиъ и аетырчленныиъ. Вотрчаюаь, во аысма радно, пері-
 ода, въ котарыхъ до пяти аленомъ (стр. 158)».

Совершенно-ложное поавіе о періодѣ! Непоавіе, какыиъ-
 образомъ авторъ, доказаъ знаненіе словъ, отды ааио-ааиыиъ,
 соотвѣствующихъ аыатіямъ и аааааааааа, соавѣтующи-
 ныиъ сужденіямъ, не нанеаь мѣста періодамъ. Еде непоавіе
 ние способъ, котарыи должны мы аыучааь періодъ отъ

предложения: большая ясность мысли, намерение писателя — много граматических примѣтъ. Чемъ же, тогда, періодъ отличается отъ яснаго, яснѣйшаго, до нас plus илига яснаго, предложения? Какъ войти въ душу писателя и определить степень ясности, которую имѣлъ онъ въ виду при построении рѣчи? Нѣтъ, періоды узнаются гораздо проще и гораздо вѣрнѣе; они, какъ третья степень словеснаго выраженія, соответствуютъ умозаключеніямъ — третьему логическому акту. Нѣтъ ничего въ словѣ, чего бы не было прежде въ умѣ. Пора также оставить предписанія о числѣ слоговъ въ періодѣ. Казенныя мѣрки о длинѣ и ширинѣ рѣчи выходятъ изъ моды у хорошихъ писателей. Могутъ быть и есть періоды о десяти слогахъ, которые читаются съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ мыше о пяти.

Мысль состоитъ весьма часто изъ двухъ или больше частей; сѣ части имѣютъ раздѣленія, а въ раздѣленіяхъ бывають подраздѣленія: то, для означенія, сего постепеннаго раздѣленія мысли, есть еще знаки, какъ-то: *deuxieme, troisieme, et ainsi de suite*. «Сочинитель слѣдуетъ Лемару, который, въ своемъ *Курсѣ французскаго языка*, ограничиваетъ нѣкоторою образомъ три степени дѣленія. Но число дѣленій и подраздѣленій, находящихся на пространствѣ рѣчи отъ одной точки до другой, определить а priori невозможно, и мы въ правѣ спросить г. Лемара: какъ удовольствоваться тремя знаками, когда названія дѣленія раздробятся еще на части?»

Вообще, глава *о знакахъ препинанія*, по краткости своей, неудовлетворительна, хотя изложена ясно. Прочитавъ статью о согласованіи, управленіи и размѣщеніи словъ, повторимъ въ другой, и готовы повторить въ третій разъ: жаль, что г. Тито вездѣ неуклонно идетъ за Французами, которыхъ весьма недостаточно въ настоящемъ случаѣ: необходимо было бы посоветоваться съ нѣмецкими и англійскими филологами.

По изложеніи и оцѣнкѣ содержанія книги, предстоить намъ другой вопросъ: для кого она назначается и гдѣ ей мѣсто въ курсѣ образованія? Книга можетъ быть очень хороша сама-по-себѣ — и между-тѣмъ остаться безъ употребленія, если свидѣнія, въ ней помѣщенныя, передаются другими науками. «Общая Грамматика» г. Тито назначена для дѣтей, какъ видно изъ предисловія, и приспособлена къ понятію начинающіихъ обучаться частнымъ грамматикамъ, что показываетъ заглавіе. Благодаря

просвѣщеннымъ распоряженіямъ начальства и умнымъ учителямъ, языки преподаются нынѣ параллельно, такъ-что дитя обучается нѣсколькимъ грамматикамъ вдурѣ и изъ своихъ уроковъ ясно видитъ различія и сходства отечественнаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ. Если бы изученіе одного какого-нибудь языка предшествовало изученію прочихъ, то ребенку велегко было бы усвоить общую часть грамматики и отдалить ее отъ частныхъ правилъ и условій, свойственныхъ такому-то языку. Кто же принимаетъ на себя обязанность объяснять положенія общей грамматики? Разумѣется, учителя частныхъ грамматикъ, которые должны быть знакомы съ философическою стороною преподаваемыхъ ими предметовъ. Когда начинать эти объясненія? Съ того времени, какъ дитя учится языкамъ. Въ какомъ классѣ ихъ изѣсто? Во всѣхъ, гдѣ проходятся частныя грамматики, и ни въ одномъ исключительно. Для высшихъ классовъ лингвистики есть кафедры въ университетѣ; но тогда уже дѣтскій языкъ терлетъ свою цѣну: начинается суровый языкъ мыслъ — сжатый, точный, опредѣлительный.

Какъ мелочь, замѣтныя кое-какіе промахи въ конструкціи предложеній:

«Изъ того заключимъ, что рѣчью будетъ (ли?) она выражена словами или другими условными знаками, собственно называется положеніе нашихъ сужденій» (стр. 57). «Еслижъ будутъ (опредѣленія) разнаго рода, то послѣ глагола нельзя ставить болѣе трехъ; ибо *смысль фразы, будучи окончанъ* независимо отъ придаточныхъ предложеній, *глаголъ не называетъ* мѣста оныя послѣдннхъ» (стр. 154).»

«Запятая есть знакъ исчисленія, *будуть* изчисляемыми словами существительными, прилагательными, глаголы (?), или неизмѣняемыми; она показываетъ, что фразъ (?) неполный, эллиптический» (стр. 173).»

Подробнѣе отчетомъ нашимъ объ «Общей Грамматикѣ» г. Тито мы хотѣли доказать и уваженіе наше къ наукѣ, и уваженіе къ автору, трудъ котораго заслуживаетъ искреннюю благодарность нашу, какъ единственный въ своемъ родѣ. Нѣтъ сомнѣнія, многіе наставники воспользуются его положеніями, ясно-раскрытыми, что весьма не бездѣлица въ «дѣтской» литературѣ. По всему видно, что авторъ знаетъ дѣтей не по слуху, что опытность указала ему недостатки такъ-называемыхъ

классических книгъ, рѣдко доступныхъ тому кругу людей, для которыхъ онѣ пишутся.

184) Начертаніе Русской Исторіи, для учебныхъ заведеній. *Сочиненіе* Н. Устрялова. С.-П. бурсъ. Въ тип. Имп. Рос. Академіи. 1839. Въ 12-ю д. .л. XXI, 362 стр.

Эта книжка, по волю высшаго начальства—давъ сказанное въ предисловіи—назначена служить руководствомъ при преподаваніи русской исторіи въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такое одобреніе избавляетъ критика отъ обязанности произносить о ней свое сужденіе и ручается за достоинство книги. Г. Устряловъ извлекъ свое «Начертаніе» изъ изданной имъ «Русской Исторіи», и именно изъ втораго изданія сей книги, появившагося въ текущемъ году.

185) Драгоценный Подарокъ Дѣтямъ, или новейшая Россійская Азбука съ XXXII-ми искусно выгравированными и раскрашенными (?!) картинками, изображающими вѣтныя ил. Натуральной Исторіи разныя замѣчательныя для дѣтей предметы, по которымъ они весьма легко и пріятнымъ способомъ могутъ научиться чтенію. Съ приложеніемъ правоученій, молитвъ, Служебной Исторіи, басенъ и повѣстей, также понятій о Грамматикѣ, Арифметикѣ и описаній фигуръ. П. Шараповымъ. (?!). Новое изданіе. С.-П. бурсъ. Въ тип. Х. Гимне. 1838 (1839). Въ 8-ю д. .л. 80 стр.

Судя по длинному заглавію, которое вѣрно все будетъ напечатано въ книгопродавческихъ объявленіяхъ крупными буквами, вы вѣрно подумаете, что это въ-самомъ-дѣль драгоценный подарокъ дѣтямъ, цѣлая дѣтская энциклопедія, и притомъ съ искусно-выгравированными и раскрашенными картинками. Не разувѣрьтесь: эта книжка недалеко ушла отъ вышереченной «Сказки о Бовѣ Королевицѣ»: такая же точно ничтожность. Сначала, вмѣсто обещанныхъ «искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ», вы увидите безобразныя, лубочныя, размазанныя фигуры, напримѣръ, козла, выкрашеннаго зеленою краскою съ головы до ногъ, блажевую утку и единорога, названнаго въ объявленіи «носорогомъ» — въ видѣ лошади, которой въ лобъ воткнуто полосатое бревно, заостренное на концѣ. Далѣе — мѣховыя и шн на что негодныя *цра, цю, цри, рре, и пр;* потомъ «Слова объ одномъ складѣ» (т. е. однослож

ныя) и о двухъ, трехъ, четырехъ складахъ; какое-то краткое нравоученіе, ничему ненаучающее, молитвы, заповѣди, священную исторію на 3/4 страничекъ, басни съ нравоученіями въ родѣ слѣдующихъ: «кто все гуляетъ, тотъ скоро погибаетъ»; «кто кого смога, тотъ того въ рѣгъ»; послѣ этого — пословицы, напр. «на чужой караванъ рта не развѣвай, а пораньше вставай, да свой затвѣвай»; потомъ. . . Нѣтъ, довольно: всѣхъ нелѣпостей не пересчитать. Однако — это еще книжка, изданная въ одно время съ «Новою», въ Петербургѣ, и идущая подъ-стать тѣмъ промышленнымъ штукамъ, издаваемымъ подъ именемъ «Азбукъ», которыя такъ часто ставятся въ укоръ московскому книгодѣлю. . .

186) Основанія Пис(ь)моводства, или Общее Изложеніе теоріи и практики канцелярскаго дѣла. — Москва. Въ тип. Лазаревскихъ Института Восток. Языковъ. 1839. Въ 8-ю д. л. 262 стр.

Nova terra detecta est! Сфера творческой дѣятельности расширилась; открыто новое, небывалое, дослѣдственное искусство, искусство, котораго и не предчувствовали до насъ жившіе въ началѣ XIX столѣтіе, 1839 годъ ярко будутъ свѣтиться въ исторіи человечества: они ознаменованы дивнымъ, великимъ открытіемъ! Но . . . вы требуете, вы хотите знать причину этихъ восторженныхъ восклицаній. . . Въдь мы сказали уже, что открыто новое искусство, новая сфера для творческаго гения. . . Какое искусство? что такое? — Великое искусство, самое творческое искусство, искусство въ которомъ. . . нѣтъ, этого нельзя выразить немногими словами. Извольте прислушаться.

«Основанія Писмоводства» есть книга, въ которой сказано, что писмоводство есть искусство производить многосложную и разнородную переписку (это темное по своей глубинѣ, едва постижимое выраженіе, полсилеть авторъ, присолокувая: «ли письменныя сношенія»), помогающее естественной памяти, которой недостаточно для производства дѣлъ въ учрежденіяхъ въ настоящее время обширныхъ канцелярій; потомъ, что писмоводство, въ смыслѣ искусства, можетъ быть названо теоретическимъ или умозрительнымъ, а въ смыслѣ работъ практическимъ. . . Что, почтенные читатели? Но вы еще только улыбаетесь, вы еще не ликуете. . . ну, такъ слушайте далѣе. Въ той же книгѣ сказано, что есть идеи, и что идеи бываютъ чувственными, отвлеченными, нравственными и наконецъ *теорети-*

слесались. Вотъ видне — творчество есть осуществленіе *идеи* *мысли* *на языкъ своеобразно-мы*; дальше: всякій *искусственный предметъ* прежде нежели обобщается въ вещахъ или на вещахъ — есть только идея' безплодная; всякая же вещь, искусствомъ человеческимъ произведенная, есть идея воплощенная (*hear! hear!*); богатѣйшій источникъ идей творческихъ находится въ музыкѣ, пластикѣ, гимнастикѣ и словѣ. Падъ слово «пластика» авторъ разумѣетъ живопись, рѣзбу, балетъ и зодчество; къ слову, какъ къ источнику идей творческихъ, относится... ну что, какъ бы вы думали? — поэзія?... мажоръ Краспорѣи?... мало. Вы недоумѣваете... канцелярское' дѣло!!! Не правда ли? вы поражены, вы погружаетесь въ благоговѣйное безмолвіе...

Вся эта книга представляетъ самую стройную, самую разумную организацию. Идея цѣлая такъ сильна и такъ богата, что не оставила ни малѣйшей частности, не проникнувъ ее собою. Здѣсь все оправдано, вѣдано, намѣрено. Напримеръ, что такое конвертъ:

«Конвертъ есть запечатанная и подписанная оболочка акта, препровожденная отъ посылателя къ получателю, посредствомъ третьяго лица или передавателя, дѣлаемая съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы никто, кромѣ получателя, не могъ того акта прочесть, и проч. и проч.

Вотъ наука! И мы наконецъ изобрѣли цѣлую науку! Боже мой, сколько открытій! Изучайте, изучайте умоизрядительную часть науки писемоводства...

Какая страшная книга! Но, не смотря на свою страшность, на свою уродливость, она можетъ быть употреблена въ пользу. Когда мы говоримъ, что эта книга можетъ быть употреблена въ пользу, мы разумемъ и умоизрядительную, большую часть ея, и практическую, въ которой очень отчетливо и подробно указаны различныя формы актовъ.

187) *Канцелярскій Самоучитель или краткое руководство къ пониманію дѣлапроизводства присутственныхъ мѣстъ, съ прибавленіемъ формъ переписки и канцелярскихъ документовъ. Сочиненіе Ф. (Ф) едѣръ Русановъ, Рязанской губ. Зарайской Дворянской Опекн протоколиста. Москва. Въ тип. Степанова. 1839. Въ 8-ю д. л. 191 стр.*

Книга очень-дѣльная, очень-полезная, особенно для молод-

дыхъ людей, вступающихъ въ гражданскую службу и незнакомыхъ съ ея формами, книга, написанная умно, отчетливо и безъ претензий. Изданіе очень-опытное, бумага хорошая, шрифтъ прекрасный, какимъ отличается въ Москвѣ только типографія Степанова. Следственно, многіе скажутъ спасибо автору ея — «Рязанской Губерніи Зарайской Дворянской Опекѣ протоколисту» г. Ѳеодору Русанову.

188) МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ СТАТИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, издаваемые, съ Высочайшаго соизволенія, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-П. бурсъ. Въ тип. Мин. Вн. Дѣл. 1839. Въ 8-ю д. л. V, 150, 189, 275 и 44,—всего 658 стр. Съ шестью таблицами.

Эта книга принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, которыми наше просвѣщенное правительство не престаётъ обогащать науку. Нисколько не обинуясь, скажемъ, что въ области нашей ученой статистики едва-ли появлялась когда-нибудь книга, важнѣе той, которая издава нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ подъ вышеприведеннымъ названіемъ. Самая мысль — издавать матеріалы для статистики Россіи, которыми такъ богато министерство — благотворна въ высшей степени. Эти «Матеріалы» будутъ сокровищницею, изъ которой придется черпать свидѣнія вѣрныя, неподлежащія никакимъ сомнѣніямъ — всѣ русскіе ученые, занимающіеся исторіею или статистикою своего отечества. Такого изданія именно не доставало нашимъ ученымъ, — и теперь статистическое отдѣленіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уничтожаетъ этотъ недостатокъ, доставляя имъ для ихъ выводовъ все, что доселѣ имъ было недоступно, и безъ чего они должны были довольствоваться свидѣніями частными, ложными и почти-всегда противорѣчащими другъ другу. Изданіе «Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи», по важности его и по вліянію на успѣхъ науки; мы можемъ уподобить только изданію «Актвъ Археологической Коммисіи», которые получаемъ отъ того же благотворнаго правительства для обогащенія нашихъ историческихъ свидѣній фактами новыми, достовѣрными. — Предоставляя себѣ, въ скоромъ времени представить читателямъ подробный отчетъ о «Матеріалахъ» въ отдѣлѣ критики, съвѣсивъ теперь ознакомить ихъ съ главною цѣлю и содержаніемъ перваго тома этой драгоценной книги.

«Показать сотрудникам статистического отделения, что Государь — мудрый правитель хотя и не блестящих, но действительных заслуг, — удостоившись монаршого внимания великой безморальной подвиг в пользу и славу отечества, что заботливое правительство готово всемогуществом благонамеренным усладить частных людей, давая труду их ту славу, которую друзья просвещения и добра считают лучшим для себя наградою — вот в чем состоит сия частная цель, и видя успешность первых начинаний, можем ли не надеяться, что одновременно она вполне будет достигнута?»

«Материалы для Статистики Российской Империи будут разбиты на четыре отделения:

«Первое займут статьи, относящиеся к России в ее нераздельной целостности; таковы общия замечания на производительные силы природы и образовательные труды человека — как следствие подробнаго и основательнаго знания отечественных богатств и отечественной промышленности; общия черты народнаго характера, как факты, взятые из достоверных данных нравственной статистики; общия законы смертности и народонаселения — как выводъ изъ долготы и множества наблюдений надъ среднею жизнью, числомъ рождающихся и умирающих; общия взгляды на важнѣйшія отрасли государственнаго управления, на цѣлыя края, цѣлыя народы, цѣлыя сословія — какъ плодъ тщательнаго изученія каждаго изъ нихъ въ его исторіи, законахъ, послѣдствіяхъ развитія, совершенствованія или упадка.

«Во второе отделение войдутъ подробныя статистическія описанія или краткія статистическія обозрѣнія губерній, областей, уѣздовъ, градоначальствъ — по мѣрѣ возможности, съ картами и таблицами.

«Третье отделение наполнять свѣдѣнія объ отечественныхъ городахъ (столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ); также описанія въ какомъ-либо отношеніи замѣчательныхъ посадовъ, вѣстечекъ, станицъ, селъ и деревень. Къ нимъ — если позволить средства, будутъ приложены планы и виды.

«Нельзя по сей части имѣть драгоценныхъ свѣдѣній и желая спорить о знакомствѣ съ ними любознательныхъ, Статистическое Отделение не удовольствуется описаніемъ какого-либо замѣчательнаго города, зато отдѣльно отъ другихъ, соседнихъ ему: оно будетъ стараться представить въ общей картинѣ весь городъ, принадлежаніе къ одной губерніи. — Съ сего цѣлю третье отделение подраздѣлится на три слѣдующія части:

Часть I. Историко-статистическій взглядъ на города такой-то губерніи. (По каждому городу порознь; его исторія: географическое и мѣстное положеніе; разстояніе отъ главнѣйшихъ пунктовъ Имперіи; зданія, замѣчательныя по древности, красотѣ или пользѣ; особенности промышленности; причины благосостоянія или упадка — короче, все неперемѣнное и постоянное въ городѣ, или, выражаясь съ болѣею точностію, все, что мѣняется медленно и постепенно). «Часть II. Сводъ городовыхъ отчетовъ по такой-то губерніи, въ такомъ-то году. (По каждому городу порознь и

по всемъ городамъ какой-либо губернии въ сложности: число зданий, ихъ телесъ, капиталовъ, лавокъ, армонокъ, фабрикъ и заводовъ, доходовъ и расходовъ, заведеній учебныхъ, исправительныхъ, богоугодныхъ; потребление предметовъ первой необходимости; важнѣйшія данныя нравственной статистики—всѣ свѣдѣнія, которыя, по самому свойству своему, не могутъ оставаться неподвижными, но, постоянно измѣняясь отъ времени и обстоятельствъ, тѣмъ болѣе имѣютъ цѣль, чѣмъ они подробнѣе и новѣе).

«Результатомъ двухъ первыхъ частей и выводовъ изъ нихъ будетъ:

Часть III. Общее заключеніе о положеніи городовъ такой-то губернии, въ такомъ-то году, т. е. общія черты: ихъ народонаселенія, торговли, промышленности, нравственности, образованія, богатства или бѣдности, благосостоянія или упадка.

Четвертое отдѣленіе назначено для матеріаловъ, которые по роду своему не вошли въ составъ трехъ первыхъ отдѣленій. Таковы: сужденія людей знающихъ объ удобствахъ или недостаточности мѣстныхъ водныхъ сообщеній и сухопутныхъ дорогъ; описанія разныхъ малочисленныхъ племенъ и народовъ, ихъ промысловъ, нравовъ, обычаевъ, пищи и одежды, отрывки изъ дневныхъ записокъ и путешествій по Россіи, обороты многолюдныхъ армонокъ, значительныхъ фабрикъ и заводовъ; отдѣльныя замѣчанія по некоторымъ отраслямъ промышленности городской и сельской, привозъ и вывозъ за границу разныхъ товаровъ въ разныя времена; народное предѣльство; хлѣбные и другіе запасы; наблюденія надъ воздушными явленіями, климатомъ, температурой, почвой земли; вскрытіемъ и замерзаніемъ главнѣйшихъ рѣкъ, болотъ, скотскихъ падежанъ, и проч. и проч.

«Занимая сѣн данныя изъ источниковъ болѣе или менѣе ясныхъ и вѣстныхъ и доступныхъ, болѣе или менѣе общенныхъ и достоверныхъ, Статистическое Отдѣленіе не должно и не можетъ ручаться за равную точность свѣдѣній, которыя несему ни въ какомъ отношеніи не выдаются за полный, довершенный трудъ, а названы только *материалами*, т. е. пособіемъ для будущихъ, окончательныхъ трудовъ. Не смотря на то, Статистическое Отдѣленіе постоянно будетъ стараться достигнуть истины, или какъ можно ближе подойти къ ней, обнаруживая сомнѣнія свои въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ молчаніе походило бы на легковѣріе, отыскавъ показанія, по новостямъ или странности требующія подтвержденія, слыша противорѣчія мнѣнія, выставивъ варианты, и т. д. — Вся числа, всѣ факты остаются въ томъ видѣ, въ какомъ они сообщены сотрудниками, имена которыхъ будутъ выставлены подъ каждою статью. Но въ порядкѣ расположенія и слогѣ статей Отдѣленіе не желаетъ уклоняться отъ собственной системы и единожды принятыя правила. Посему оно предоставляетъ себѣ право дѣлать сокращенія и измѣненія, необходимыя для того, чтобы, при всемъ разнообразіи трудовъ, сохранило было единство цѣли и направленія.»

Долгомъ поставляемъ обратить вниманіе всѣхъ друзей отечественнаго просвѣщенія на это въ высочайшей степени полез-

ное предпріятіе. Содѣйствіе успѣдшнвшему его выполнецію есть долгъ каждаго Русскаго, который только находится въ возможности принести свою лепту къ эту сокровищницу науки.

189) *Теорія Статистики въ настоящеемъ состояніи, съ приспособленіемъ къ краткой исторіи статистики. Сочиненіе Александра Ободовскаго. (,) Ординарнаго профессора статистики при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. С.-П. бургъ. Въ тип. Вишесбера. 1839. Въ 8-ю д. л. V и 122 стр.*

Mépriser la théorie c'est avoir la pretention excessivement orgueilleuse d'agir sans savoir ce qu'on fait et de parler sans savoir ce qu'on dit сказаць Бенжамен-Константъ, и сказаць совершенно-справедливо. Но если гдѣ въ-особенности нужна теорія, основательная, твердая, такъ это въ статистикѣ, что особенно видно изъ самаго свойства ея предмета, который, будучи слитъ изъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, по своей многосложности, нерѣдко подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ и заблужденіямъ, столь пагубнымъ для обработыванія всякой науки. Въ наше время всѣ убѣдились, что мѣры политики никогда не могутъ быть вѣрны, если не будутъ основаны на статистическихъ данныхъ; а торжествомъ этимъ статистика обязана единственно своей теоріи. Она одна только даетъ правильный взглядъ на науку и руководствуетъ къ основательному, систематическому изслѣдованію государства, научая распознавать, сообщать, цѣнить и располагать статистическія данныя; она одна сообщаетъ статистикѣ самостоятельность и открываетъ въ ней такіе элементы, которые не измѣняются отъ времени. Теорія для статистики то же, что душа для тѣла. Вотъ почему, послѣ «Матеріаловъ для Статистики Россійской Имперіи», мы съ удовольствіемъ останавливаемъ свое вниманіе на вышедшей въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ «Теоріи Статистики» соч. г. Ободовскаго.

Цѣль этой книжки — представить теорію статистики въ настоящемъ ея видѣ. Новаго, неизвѣстнаго еще ученому міру, тутъ ничего нѣтъ: все заимствовано у лучшихъ нѣмецкихъ писателей; но заимствованное предложено въ связи, въ строгой логической системѣ и заставляетъ желать, чтобы авторъ напечаталъ полный курсъ этой науки.

За основаніе г-нъ Ободовскій принимаетъ такое опредѣленіе: Статистика есть систематическое изображеніе тѣхъ данныхъ.

изъ коихъ основательно познается, въ какой мѣрѣ государство достигло своей цѣли въ какой-либо опредѣленный моментъ, принятый за настоящее время. Это опредѣленіе Бутте: *Statistik ist die wissenschaftliche Darstellung derjenigen Daten, aus welchen das Wirkliche der Realisation des Staatszweckes gegebener Staaten in einem als Jetztzeit fixirten Momente gründlich erkannt wird.* Изъ этого опредѣленія стройно выводится распределеніе всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ науки. Если статистика имѣетъ предметомъ познаніе, въ какой мѣрѣ государственная цѣль достигнута на-самомъ-дѣлѣ въ какомъ-либо государствѣ, то она должна напередѣ опредѣлить тѣ *средства*, которыми достигается вообще цѣль государственная, и составить о нихъ учное, систематическое познаніе, т. е. стараться постигнуть ихъ съ *внутренней* и *наружной* стороны. Какъ человекъ можетъ быть разсматриваемъ самъ по себѣ и по отношенію къ другимъ людямъ, такъ и государство,—одно политическое цѣлое,—представляется съ двухъ сторонъ, именно по своимъ внутреннимъ и вѣшнимъ отношеніямъ. Какъ въ человекѣ внутренняя жизнь опредѣляетъ вѣшнюю, такъ и въ государствѣ вѣшнія отношенія зависятъ отъ внутреннихъ. Правда, исторія показываетъ, что вѣшними обстоятельствами иногда совершенно переменяются внутреннія, и потому-то можно подумать, что внутренняя жизнь государства зависитъ отъ вѣшной; но тщательныя наблюденія убѣждаютъ всякаго, что самое вѣшнее вліяніе зависитъ отъ внутреннихъ условій и можетъ имѣть тотъ или другой результатъ, смотря по внутреннему состоянію государства. Итакъ, во-первыхъ, статистика должна представить внутреннее состояніе государства, а потомъ вѣшнее.

Обращая вниманіе на *внутреннее состояніе государства*, легко усмотрѣть дальнѣйшее раздѣленіе-предметовъ, куда относящихся, изъ самой государственной цѣли. Безопасность и благосостояніе суть тѣ блага, для которыхъ люди соединяются въ государства; изъ этого слѣдуетъ, что происхожденіе и бытіе государствъ зависитъ отъ существованія *силъ* и *способностей*, потому-что безъ нихъ невозможно представить себѣ вообще никакого дѣйствія, а потому и достиженія государственной цѣли. Эти силы и способности заключаются въ землю, занимаемую государствомъ, и въ народъ, составляющемъ государство. Та-

кимъ-образомъ земля и народъ суть основныя силы государства, существованіе которыхъ есть существенное условіе всякой государственной дѣятельности, *conditio sine qua non*. Но средства, данныя природою для достиженія общей цѣли чело-вѣчества, должны быть приведены въ согласіе и вѣрно направ-лены къ цѣли государственной; безъ того ни та, ни другая цѣль никогда не могутъ быть достигнуты. По-этому, въ первомъ отдѣленіи показавъ основныя силы государства, во вто-ромъ отдѣленіи статистика должна показать *устройство госу-дарства*. Никакое государство не можетъ существовать безъ правительства; ибо только чрезъ правительство всѣ части го-сударства свяжутся въ одно цѣлое, такъ-что относятся между собою взаимно, какъ цѣль и средство, какъ причина и дѣйствіе; тогда только происходитъ внутреннее единство, въ-слѣдствіе котораго государство не только приобретаетъ отличный отъ всѣхъ другихъ характеръ, но и дѣлается самостоятельнымъ цѣлымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, согласно-устроеннымъ и къ высшему единству стремящимся, однимъ словомъ, является ор-ганическимъ обществомъ. Такимъ-образомъ во второмъ отдѣ-леніи, объ устройствѣ государства, должно изяснить государ-ственное постановленіе и государственное управленіе. Если же земля и народъ составляютъ *способности и силы*, данныя при-родою, а въ устройствѣ государственномъ выражается *дѣя-тельное состояніе этихъ способностей и силъ*, то-есть стрем-леніе къ государственной цѣли, то слѣдуетъ рассмотреть также, *въ какой мѣрѣ* эти способности и силы *развились и образова-лись*, дабы разумная воля тѣмъ легче могла давать имъ направ-леніе. Этотъ вопросъ ведетъ къ третьему отдѣленію, къ изслѣ-дованію *культуры*, подъ которою разумется мѣра развитія и образованія всѣхъ душевныхъ способностей и силъ, и особен-ность въ образѣ ихъ развитія и образованія. Смотря по тому, относится ли она къ предметамъ сохраненія физической жизни и къ ея удобствамъ, или къ дѣйствию способности чувствованія, способности познавательной и нравственности, — культура по-лучаетъ названіе физической, технической, эстетической, ум-ственной и нравственно-религіозной.

Обращая вниманіе на *вышнее состояніе государства*, так-же легко видѣть дальнѣйшее раздѣленіе предметовъ, входящихъ въ эту вторую часть статистики, которая, подобно первой, раз-

дѣлается, какъ увидимъ, на три же отдѣленія. Чѣмъ больше распространяется культура и съ нею размножаются люди, тѣмъ тѣснѣе примыкаютъ государства одно къ другому, такъ что, при нынѣшнемъ состояніи Европы, всѣ государства сей части свѣта находятся въ связи и во взаимномъ дѣйствіи и противодѣйствіи. Ни одно государство не можетъ оторваться отъ соединяющей ихъ цѣли, или отстраниться отъ вліянія прочихъ, или установить свои высшія отношенія и систему внутреннего устройства самостоятельно, по своему произволу. Въ такой общей связи государствъ каждое является болѣе или менѣе дѣйственнымъ или страдательнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, и потому занимаетъ въ ряду прочихъ государствъ опредѣленную *политическую степень*, которую статистика старается опредѣлить по внутреннимъ и высшимъ отношеніямъ государства въ совокупности. Разсматриваемое въ ряду другихъ, всякое государство, кромѣ общаго со всеми назначенія, стремится достигнуть также особой цѣли своего существованія, къ которой назначено по своимъ естественнымъ и приобретеннымъ способностямъ, по своему положенію, заветіямъ гражданъ, естественному плодородію, болѣе или менѣе степени народонаселенія, болѣе или менѣе степени образованности: въ этомъ-то заключается его *государственный интересъ*. Какъ государства имѣютъ разные интересы, то весьма естественно, что, стремясь къ полученію ихъ, они могутъ иногда сталкиваться непріязненно, выходя изъ предѣловъ закона правъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое государство должно быть устроено не только во внутреннихъ, но и во высшихъ отношеніяхъ такъ, чтобы другому государству не-легко было его оскорбить, или нарушить какія-либо изъ его особыхъ правъ; всякое государство должно быть приводимо въ такое состояніе, чтобы другія государства не могли его притѣснять, не опасаясь большихъ невыгодъ. Такимъ способомъ государство достигаетъ *самостоятельности*, которая доставляетъ ему возможность безпрепятственно стремиться къ своей цѣли. Для поддержанія своей самостоятельности и возвышенія своего государственнаго интереса, государство старается вступать въ тѣснѣйшую связь съ другими. Основаніе, поддержаніе и упроченіе дружественныхъ отношеній и взаимнаго сообщенія и связей между государствами предполагаетъ *договоры*, по которымъ объ дого-

вариающіяся стороны взаимно уступают другъ-другу какія-либо права; черезъ договоръ онѣ соединяются къ достиженію какой-либо определенной цѣли, будетъ ли она состоять въ улучшеніи ихъ внутреннихъ отношеній, или въ защитѣли нарушенныхъ или угрожаемыхъ нарушеніемъ правъ, или въ томъ и другомъ совокупно. По-этому, во второй части, статистика должна изобразить: въ первомъ отдѣленіи, политическую степень и отношеніе государства къ другимъ, во второмъ отдѣленіи—особый интересъ государствъ, а въ третьемъ—договоры.

Въ такомъ видѣ представляется статистика въ наше время; въ такомъ, нынѣшнемъ состояніи является теорія статистики въ книжкѣ г-на Ободовскаго. Если замѣчать недостатки, то скажемъ, что § 15 «Критика опредѣлений статистики» слишкомъ кратокъ, равно и § 37 «Критика статистическихъ системъ», опроверженіе Шледера мнѣнія, что статистика есть неподвижная исторія, а исторія—текущая статистика (стр. 34, 40, 45, 46, 47, 48) не совсемъ убѣдительно,—и кое-что еще, но это кое-что мелочи...

190) ЗАПИСКИ ШЕСТАГО КОМИТЕТА САХАРОВАРОВЪ, составленнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Москва. Въ Унив. тип. 1839. Въ 8-ю д. л. IV и 187 стр.

Комитетъ сахароваровъ составился въ Москвѣ по случаю начавшей за нѣсколько лѣтъ усиливаться выдѣлка сахара изъ свеклы. «Записки» комитета, которыхъ вышла теперь шестая книжка, составляютъ протоколы его засѣданій. Въ нихъ находятся отчеты по производству свеклосахарныхъ и картофельно-восахарныхъ заводовъ, замѣчанія и разсужденія, служащая къ объясненію сахарнаго производства. Содержаніе «Записокъ» вообще можно раздѣлить на три разряда: 1) разсужденія о пользѣ свеклосахарнаго производства для государства вообще; 2) заводскіе отчеты для объявленія выгодъ свеклосахарныхъ заводовъ въ частности; 3) статьи къ изысканію лучшихъ способовъ сахароваренія. — По первому разряду, хотя въ предисловіи къ вышедшей нынѣ книжкѣ говорится, будто бы теперь не нужно доказывать пользу свеклосахарной промышленности, однако эта польза ни въ «Запискахъ», ни въ другихъ мѣстахъ далеко еще не доказана. Этотъ предметъ такъ обширенъ, что надобно или много говорить о немъ, или вовсе ничего не говорить; потому-то,

для объясненія пользы отъ свеклосахарнаго дѣла въ отношеніи къ государству, мы постараемся составить особую статью.— По второму разряду статьи важны; это отчеты, событія, которые дѣломъ должны удостовѣрять въ выгодахъ и невыгодахъ заводчика, должны показывать количество произведенія и обширность производства. Изъ нихъ видно, что свеклосахарныхъ заводовъ въ Россіи находится нынѣ около 100, большихъ и малыхъ; въ сложности, они употребляютъ въ годъ свеклы съ 5000 десятинъ и производятъ до 125,000 цудовъ сахарнаго песка. Можно сказать, однако, что изъ данныхъ, которыя приводятся въ этихъ отчетахъ, трудно выводить точныя выгоды заводчика, потому что въ отчетахъ находятся не всѣ обстоятельства, нужныя къ этому выводу. Притомъ нельзя не замѣтить, что эти выгоды поддерживаются на-счетъ пошлины, положенной на иностранный сахаръ, и слѣдовательно наши свеклосахарные заводы имѣютъ поддержку до нѣкоторой степени искусственную, а не на собственныхъ силахъ основанную.— По третьему разряду, въ-отношеніи изысканія улучшенныхъ способовъ, много писано, и до нѣкоторой степени средства сахароваренія объяснены. Главное затрудненіе сахароваренія заключается въ отставаніи и варенія свекольнаго сока. Химическіе опыты и фабричное производство показали, что сахаръ портится при слѣдующихъ обстоятельствахъ: если въ сахаръ прибавлена бываетъ кислота, или онъ долго и сильно варится, часть его болѣе или менѣе лишается способности кристалловаться, то-есть, садится зернами и сахаръ становится бурымъ; если въ сахаръ случается лишняя щелочь, онъ дѣлается слизистымъ и не сохнетъ. Выжатый изъ свеклы сокъ очень-скоро приходитъ въ броженіе и закисаетъ; прибавленіе въ него извести, для уничтоженія кислоты, дѣлаетъ сахаръ щелочнымъ, но за-то бѣлымъ; вареніе сока для сгущенія сиропа подвергаетъ его порчѣ отъ жара: вотъ три обстоятельства, на которыя нынѣ преимущественно обращены изслѣдованія сахароваровъ, чтобы удалить отъ сахара опасности отъ кислотъ, жара и щелочности, и притомъ получить сахаръ въ наибольшемъ количествѣ, бѣлый и зернистый.— Въ издаваемыхъ «Запискахъ» находится очень-много лишнихъ словъ, особенно привѣтственныхъ фразъ, которыми дѣло нисколько не объясняется; можетъ-быть, онъ происходитъ отъ протокольной формы, но лучше, если бы ихъ не было.—

Въ книгѣ-вышедшей книжкѣ замѣчательны слѣдующія статьи: *Опытъ получения сахара изъ кукурузы*, г. Скалоня; *Замѣчанія на статью объ особенномъ образованіи жемчуга у стекловидца*, г. Фишера фон-Вальдгейма; *О сахарѣ въ мануфактурномъ и химическомъ отношеніи*, Гайна и Юнга (очень-любопытная и важная статья, въ-отношеніи сахароваренія, притомъ хорошо-переведенная), переводъ г. Саблукова; *О вліяніи кислотъ, щелочей и жара на стекловидный сокъ при сахаровареніи*, переводъ г. Шишкова.

191) *РУССКОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО съ изложениемъ новаго способа содержанія пчелъ въ Англии*. Соч. Фед. Сухомлинова. С.-П. бургъ. 1839. Въ 8-ю д. л. VIII и 168 стр. Съ листомъ рисунковъ.

Далеко и тщательно - написанная книжка, которая можетъ послужить хорошимъ наставленіемъ нашимъ пчеловодамъ. По этой части, вообще, мы бѣдны хорошими сочиненіями, хотя счетовъ издаю у насъ довольно книгъ по пчеловодству: въ нихъ, наставленія относятся болѣе къ иностраннымъ хозяйствамъ; въ другихъ описаны предметы пчеловодства недостаточно или даже сбивчиво, а нѣкоторыя объясняютъ болѣе общее пчеловодство, нежели частныя приемы въ немъ. Книга г. Сухомлинова даетъ простыя наставленія, какъ поступать при заведеніи и содержаніи пчелъ, и эти наставленія изложены подробно и съ знаніемъ дѣла. Въ этой книгѣ только тотъ недостатокъ, что не показаны основанія или приемы для расцѣпныхъ соображеній по пчеловодству, въ-отношеніи содержанія пчелъ приплода и урожая меда; напримѣръ, во что полагать основаніе пчельника, расходы его въ сложности нѣсколькихъ лѣтъ и количество сбора. Такое замѣчаніе дѣлаемъ мы не въ упрекъ книгѣ, а изъ желанія видѣть ее еще лучше во второмъ изданіи, котораго усердно желаемъ ей. — «Русское практическое пчеловодство» содержитъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: 1) *общія понятія о пчелахъ*, гдѣ описаны матка, трутни и рабочія пчелы. Замѣчаніе сочинителя о назначеніи трутней мы находимъ неполнымъ. Онъ говоритъ: «предназначеніе трутней до-сихъ-поръ въ точности не извѣстно; кажется, что они назначены для оплодотворенія матки.» Кромѣ этого оплодотворенія, они нужны въ ульѣ для нагреванія или высидыванія пчелиной дѣтны. — 2) *О выборѣ мѣста для пчеловодства*. Эта глава изложена слабо;

нужно и полезно было бы распространиться болѣе о мѣстности.—3) *Объ ульяхъ разныхъ рода*—дѣльная глава. — 4) *О прибрѣтеніи или получаніи хорошихъ роесвъ*. — 5) *О гнѣзѣ пчелъ* и кормленіи ихъ. — 6) *О лавациваніи, начертаніи и установкѣ сотовъ въ ульи*. — 7) *О перегородкѣ пчелъ и о дѣланіи искусственныхъ роесвъ*.—8) *О неблагополучіи и болѣзняхъ пчелъ*—полезная и хорошо-изложенная глава о предметѣ нужномъ.— 9) *О роеніи пчелъ*. — 10) *О сырцованіи меда*. — 11) *О зрѣлости пчелъ*. — 12) *О выставкѣ пчелъ изъ мшаника*. — 13) *Содержаніе пчелъ по способу Англичанина Натта*. Этотъ способъ описанъ обстоятельно, и для ясности понятія о наттовомъ ульѣ приложено рисунокъ. По способу Натта получается изъ улья меда несравненно-болѣе, нежели при обыкновенномъ ичеловодствѣ, да и самый медъ бываетъ гораздо-чище. Его способъ, къ которому приурочено и устройство улья, основанъ на тѣхъ общихъ началахъ, посредствомъ которыхъ искусный пчеловодъ можетъ удержать пчелъ отъ роенія или давать имъ роняться, можетъ заставлять дѣлать медъ или воскъ, словомъ, можетъ заставлять ихъ дѣйствовать по своему намеренію. Эти начала или правила извѣстны были и прежде Натта. Они заключаются въ надлежащемъ управленіи теплотою и пространствомъ улья. Напримеръ, всѣмъ извѣстно, если улей тѣснъ, пчелы скоро начинаютъ роняться: прибавьте имъ простора, и онѣ отложатъ роенье.

Рекомендуемъ нашимъ пчеловодамъ книгу г. Сухомлинова, какъ хорошее руководство.

192) *Сельскій Хозяинъ XIX Вѣка, продолженіе или опытъ и правила льководства, садоводства, агроидицества, пчелководства, шелководства и новѣйшія открытія какъ по части земледѣльческой промышленности, такъ и по отраслямъ естественныхъ наукъ и технологии, входящимъ въ составъ сельскаго хозяйства и дачководства, и въ особенности полезныя для русскихъ помѣщиковъ и управляющихъ вотчинами; съ приложеніемъ многихъ литографированныхъ фигуръ*. Составилъ В. М. Пановъ. Издавъ Александръ Ширневъ. Часть II. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. Языковъ. 1839. Въ 12-ю д. л. XVI и 706 стр. Съ рисунками.

Второй и послѣдній томъ продолженія «Сельскаго Хозяина»

XIX-го Вѣка» есть, тамъ-сказать, подарокъ издателя, А. С. Шляева, который напечаталъ пять частей (изъ коихъ три принадлежать г. Вилькинсу, а двѣ г. Павлову), вмѣсто четырехъ, при подпискѣ общаго. Всѣхъ статей въ последнемъ томѣ помѣщено пять. Первыя двѣ: «Пчеловодство» и «Шелководство», составлены по опредѣленному прежде издателемъ плану, и извлечены большею частію изъ известнаго французскаго сочиненія: «*Maison rustique du XIX siècle*», потому-что чертежи и рисунки для нихъ были уже заготовлены. Сельскіе хозяева, безъ-сомнѣнія, будутъ благодарны г. редактору за изложеніе—хотя краткое, но отчетливо—естественной исторіи пчелъ и способовъ ихъ разведенія; ибо, кромѣ «Практическаго Пчеловодства», издавна г. Витвицкимъ, статей г. Прокоповича, напечатанныхъ въ разныхъ номерахъ «Земледѣльческаго Журнала», издаваемого Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, да выше разсмотрѣнной нами книгѣ г-на Сухомлинова, почти ничего рекомендовать помѣщику-пчеловоду. — Въ слѣдующихъ за тѣмъ двухъ статьяхъ подробно описаны всѣ известныя и опытомъ утвержденныя дѣлопроизводства, какъ для картофельныхъ произведеній, такъ и для добыванія сахара изъ свекловича, начиная отъ ея воздѣлыванія, уборки и храненія до окончательнаго полученія сахара. Предметъ безспорно-важный! Картофельныя произведенія и свекловично-сахарныя заводы, по обширности земель въ Россіи, по богатству почвы и меньшей цѣнности ихъ, сравнительно съ другими европейскими государствами, представляютъ новое поприще внутренней сельской промышленности, тѣмъ-болѣе, что они послужатъ, сверхъ-того, къ значительному улучшенію сельскихъ хозяйствъ и самой разработкѣ и удобренію земель. Лучшія иностранныя сочиненія опытныхъ по этой части заводчиковъ-писателей, особенно Домбала всѣ известныя въ Россіи примѣненія удобнѣйшихъ способовъ свекловично-сахарнаго производства, равно совѣты известныхъ заводчиковъ служили г. Павлову къ составленію этихъ полезнѣйшихъ руководствъ. — Последняя статья, заимствованная изъ «Технологическаго Лексикона» съ прибавленіями г. Щеглова: «Усовершенствованные способы бѣленія разныхъ тканей, шелка, шерсти и нитокъ» также весьма-важна по малоизвестности этой части фабричнаго дѣла въ Россіи и по тѣмъ выгодамъ, которыя она можетъ принести фабрикантамъ и сель-

окупить козлевамъ, учреждающимъ въ имѣніяхъ своихъ бумажныя и полотняныя фабрики.

Г. Пановъ, въ предисловіи своемъ, откровенно объявляетъ, что *лестные отзывы большей части журналовъ* и многихъ достойныхъ уваженія сельскихъ хозяевъ заставили его еще съ большимъ усердіемъ заняться окончаніемъ второй и послѣдней части сочиненія. Намъ, съ своей стороны, пріятно довести до свѣдѣнія почтеннаго редактора, что добросовѣстный трудъ писателя, разумющаго свое дѣло, — трудъ, чуждый какъ притязаній на ученость, свѣише силъ, такъ и своекорыстныхъ расчетовъ спекуляціи, — всегда будетъ встрѣченъ нами съ почтеніемъ, благодарностію и радушнымъ, хотя и не-лестнымъ, словомъ.

193) О Производствѣ стеариновыхъ Свѣчей. *Сочиненіе* Александра Троіе. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1839. Въ 8-ю д. л. 24 стр.

Брошюрка, хорошо написанная; въ ней сочинитель излагаетъ однѣ практическія подробности производъ та стеариновыхъ свѣчей по разнымъ до-сихъ-поръ извѣстнымъ способамъ. Многія методы не вошли въ нее, потому-что и теперь еще онѣ, какъ тайна, продаются за большія суммы, а новозобрѣтенный способъ не могъ быть помѣщенъ *по особеннымъ обстоятельствамъ, независимымъ отъ автора*. Все сочиненіе раздѣлено на шесть небольшихъ статей: введеніе, приготовленіе сала, отдѣленіе стеарина, отдѣленіе стеариновой кислоты, свѣтленіе, литье свѣчей. Замѣтимъ автору, что брошюрка его, по излишней краткости, едва ли принесетъ пользу тому, для кого онъ назначалъ ее, хотя предувѣдомленіе и увѣряетъ, что предлагаемые способы весьма-удовлетворительны и выгодны, потому-что приготовляемыя посредствомъ ихъ свѣчи очень-хороши и обходятся дешево. Желаніе многихъ, любопытствующихъ знать подробности стеариннаго производства, врядъ-ли удовлетворится 24-мя страницами, изъ которыхъ, на послѣдней, даже французскія мѣры не обращены въ русскія.

194) Вспомогательная Книга для Помѣщиковъ и сельскихъ Хозяевъ. Соч. В. А. Крейсига. *Перевелъ съ немецкаго и дополнилъ примѣаніями власъ разныхъ обществъ*

С. М. Усовъ. *Издание второе, съ прибавленіемъ правилъ сельскаго счетоводства. С.-П. бургъ. Въ тип. Эд. Праца и Ко. 1839. Въ 8-ю д. л. XX и 470 стр.*

Эта книга составляетъ очень-хорошее руководство, или, лучше-сказать, пособникъ для сельскаго хозяина при разныхъ его занятіяхъ по земледѣію и скотоводству. Съ нею можно посоветоваться, какъ приготовить землю подъ растеніе, какъ расположить посѣвъ, сколько взять для него сѣмени, какъ выбрать скотъ, чѣмъ кормить его, и какимъ - образомъ пользоваться его въ случаѣ болѣзни. Намъ нравятся наставленія и способы леченія: они очень-просты и удобны къ исполненію. Опытность и знанія сочинителя книги давно извѣстны; достоинство же ея и потребность у насъ доказываются, между-прочимъ, тѣмъ, что первое изданіе, вышедшее въ концѣ 1836 года, разошлось все почти въ два года. Новое, нынѣ вышедшее изданіе исправлено въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, и пополнено отъ переводчика разными примѣчаніями. Въ концѣ книги сдѣлано большое и очень-полезное прибавленіе, именно: правила сельскаго счетоводства, съ примѣрами счетныхъ книгъ и образцомъ вѣдомости по сельскому имѣнію. Нынѣ почти-всѣ хозяева убѣждены въ необходимости имѣть въ хозяйствѣ отчетность, а не вести дѣла на удачу, какъ то бывало прежде; но простыхъ наставленій къ счетоводству, и свѣдущихъ въ немъ людей, въ-отношеніи сельскихъ имѣній, у насъ очень-мало; сельскіе счетоводы часто затрудняются въ составленіи вѣдомостей, которыя такъ нужны для постояннаго обзоренія хода хозяйства. Въ этомъ отношеніи, нельзя не похвалить примѣрной вѣдомости, которая приложена въ нынѣшнему изданію «Вспомогательной Книги», и можетъ послужить образцомъ при составленіи подобныхъ вѣдомостей въ какомъ-нибудь имѣніи. — Книга раздѣляется на семь частей: въ первой находятся правила приготовленія пашни, разведенія полевыхъ и огородныхъ растений и содержанія луговъ; во второй—ководство, или правила содержанія и леченія лошадей; въ третьей разведеніе, содержаніе и леченіе быковъ и коровъ, приготовленіе масла и сыра; въ четвертой—овцеводство, въ пятой—разведеніе свиней и дворовыхъ птицъ; въ шестой — правила пчеловодства; въ седьмой—краткія наставленія къ расположенію небольшой усадьбы, разведенію плодоваго сада и обзоренію

ежемѣсячныхъ занятій по сельскому хозяйству въ продолженіе года. Въ концѣ находятся правила и образцы счетоводства.

195) ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ *какъ приготовить лучший винный уксусъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, способомъ самымъ дешевымъ.* Составлено Орестомъ Шуманомъ; издано изданіемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. С. - П. бургъ. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 1839. Въ 8-ю д. л. 38 стр.

Покровительство, оказанное г-ну Шуману Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, служить достаточною порукою въ пользу его брошюры, основанной на пѣмецкомъ сочиненіи «Ueber Schnell Essigfabrication» Штехбардта; но снаряды и особое помѣщеніе, по этой методѣ требующіеся, не допустить осуществленіе ея въ частныхъ хозяйствахъ. Выпишемъ для примѣра рецептъ для составленія уксуса четырехъ разбойниковъ: корень дягиля (анжелики), корень бедренца (пимпинели), корень горечавки (генизіаны), трава полынь, трава рута, трава розмаринъ, чеснокъ (Spoblauch), лаванда (Lavandula), лавровый листъ, можжевеловыя ягоды, перечная мята, чеснокъ обыкновенный, лукъ, зеленая скорлупа грецкихъ орѣховъ, поваренная соль. Каждой спеціи по 12 золотниковъ; измельчивъ ихъ и всыпавъ въ бутылъ, наливать шестью квартами (каждая около бутылки) самаго крѣпкаго уксуса; завязать горло бутылки бумагою и поставить на нѣсколько недѣль въ умеренной теплотѣ. Въ лѣтнее время приготовленіе настоя можно ускорить, наливая спеціи уксусомъ, нагрѣтымъ до 40° по Реомюру и выставивъ бутылъ на солнце. Къ готовому настою прибавляютъ, на каждую кварту уксуса, по 6 золотниковъ камфорнаго спирта и хранятъ до употребленія. Въ смѣшаніи съ оеріаномъ приписываютъ ему силу отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ и почитаютъ полезнымъ при заразительныхъ болѣзняхъ. Вытяжки отливаютъ отъ настоя процеживаніемъ, ополаскиваніемъ крѣпкимъ уксусомъ и выжиманіемъ. Уксусный настой очищаютъ процеживаніемъ чрезъ цѣдилку или освѣтленіемъ въ боченкѣ. Для освѣтленія 30-ведерной бочки уксуса, достаточно бѣлокъ отъ 6 яицъ, взбитый съ четверть квартою воды, такимъ же количествомъ уксуса и вскипяченный одинъ разъ на огнѣ. Можно производить освѣтленіе рыбнымъ клеемъ, раствореннымъ въ водѣ или уксусъ, но это средство дороже перваго:

196) ПРАКТИЧЕСКІЙ КОНСКІЙ И СКОТСКІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ ДЛѢ
УПАЩАЮЩАЯСЯ ВЕТЕРИНАРНОЙ МЕДИЦИНЫ И ВЕТЕРИНАРНЫХЪ ВРАЧЕЙ,
СЕЛСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ, ЭКОНОМОВЪ И ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ
СКОТОВОДСТВОМЪ. Сочиненный ординарнымъ профессоромъ вете-
ринарныхъ наукъ, и проч. Петромъ Лукинымъ. С.-П. бургъ.
1837—8 (1839). Въ 8-ю д. л. IV и 412 стр. Съ таблицей,

Этотъ лечебникъ содержитъ въ себѣ наставленіе къ надле-
жащему распознаванію и правильному пользованію внутрен-
нихъ болѣзней, которыя случаются у разнаго домашняго скота.
Сперва излагаются правила общаго леченія, а потомъ частна-
го. Болѣзни раздѣляются 1) на *горячки*, къ которымъ отно-
сятся всѣ воспалительныя болѣзни; напримѣръ, лихорадки,
жаба, лихорадка, и проч.; 2) на *искры*, къ которымъ принад-
лежитъ пострѣлъ, столбнякъ, кашель, удушье, и другія; и 3)
худосогія, къ которымъ причислены желудочныя болѣзни,
чемеръ, разныя колики, лихой, и проч. Въ концѣ дано на-
ставленіе, какъ надобно разсматривать болѣзни. При увели-
чивающемся нынѣ стремленіи улучшать всѣ части сельскаго
хозяйства, наблюденіе за скотоводствомъ принадлежитъ также
къ числу необходимыхъ занятій хозяина. Донынѣ еще, наши
хозяева нуждаются въ хорошихъ способахъ и руководствахъ
къ сохраненію скота въ болѣзненномъ состояніи. И потому,
нельзя не признать, что книга г. Лукина очень-кстати можетъ
пополнить собою этотъ недостатокъ.

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

14) *Caii Crispi Sallustii opera quae exstant, praeter
fragmenta, omnia. Ex novissima et accuratissima I. L.
Burnouf recensione* (Всѣ дошедшія до насъ Сочиненія
К. К. Саллюстія, за исключеніемъ отрывковъ). Mosquae. Tu-
ris Universitatis. 1839. in-8. 119 pag.

Вотъ и еще плодъ трудолюбивой ученой дѣятельности. Рви-
те, охотники до плодовъ, рвите его! «C. C. Sallustii opera omnia
etc.... Mosquae». Какъ громко! въ васъ забилось сердце, въ васъ
разыгрался аппетитъ, вы бѣжите la bouche béante, вы спѣшите
насладиться тѣмъ, что сдѣлано для изученія классическаго міра,—

и что же? вместо того, что вы ожидали, вамъ представляется претензія, одна претензія... ну, а претензія, какъ хотите, жестка, отъ ней какъ не нажать оскормины! — Впрочемъ, источникомъ нашего восклицанія было не столько впечатлѣніе, произведенное этимъ издавнцемъ Саллюстія, сколько тягостное впечатлѣніе, которое вообще производятъ на насъ всегда дѣятельность многихъ изъ нашихъ ученыхъ, какъ только мы вздумаемъ взглянуть на нее. Еслибъ вышло въ Германіи, Франціи или гдѣ угодно, подобное *изданище* классическаго автора, мы были бы очень-довольны, мы были бы благодарны издателю, потому-что тамъ мы могли бы указать на того же автора въ объемъ огромныхъ фоліантовъ, изученнаго, критизированнаго во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ увидѣли бы мы заботливость ученаго, извлекающаго изъ *своего собственнаго* труда существенное, для-того, чтобы это существенное могло-больше распространиться, для-того, чтобы расширить сферу его вліянія. А у насъ?.. у насъ видимъ мы.... Позвольте! къ чему говорить? Довольно и того, что видимъ.

Въ московскомъ изданіи «Саллюстія» нѣтъ ничего, кромѣ текста, текста, превосходно-очищеннаго и разработаннаго многостранными филологами и превосходно-украшеннаго опечатками, ошибками. Бумага сырая. Впрочемъ, книга издана для какихъ-нибудь учащихся, чтобы облегчить имъ средства имѣть и носить съ собою (на лекціи Саллюстія; комментаріи увеличили бы только цѣну и объемъ изданія, обременили бы руки учащагося; комментаріи и проч. могутъ быть переданы учащемуся изустно преподавателемъ. Учащійся ничего не терять и, можетъ-быть, много выигрываетъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мы всегда съ удовольствіемъ принимаемъ за обзорніе сочиненій, въ новѣйшее время выходящихъ въ Германіи. Между множествомъ книгъ обыденныхъ, наполненныхъ чѣмъ и какъ пошло, есть такія, въ которыхъ найдется пища для ума и вкуса. Прочное, основательное знаніе, ученость, состоящая въ многостороннемъ наблюденіи надъ жизнью, всегда содѣйствуютъ развитію изящной словесности и изяшныхъ искусствъ вообще. «Когда есть корень и стебель» говорить Гёте: «листья, цвѣтъ и плоды будутъ». Отъ этого въ Германіи поэзія идетъ объ-руку съ наукой. Тамъ, какъ и въ цѣломъ свѣтѣ, гении, подобно большимъ кометамъ, конечно, не-всегда блистаютъ на горизонтѣ, но всегда бываетъ нѣсколько человекъ съ истиннымъ одушевленіемъ, которые призваны на землю, чтобы своими звуками воскресить отраду въ унывающемъ сердцѣ, и цвѣтами фантазіи прикрывать бѣдную существенность. Изъ ученыхъ сочиненій особенное вниманіе заслуживаютъ слѣдующія :

Encyclopaedie der gesammten musikalischen Wissenschaften, oder Universal-Lexikon der Tonkunst. Bearbeitet von M. Fink, de la Motte Fouqué, Dr. Grosheim etc. und dem Redacteur D. Gustav Schilling. V. Bd. 749 S. nebst einer Notenbeylage. Stuttgart b. Köhler. (Энциклопедія сваданій о музыкѣ). 1838.

Энциклопедія есть поздній плодъ учености. Она становится потребностію только тогда, когда умы, воспламеняемые любовью къ истинѣ, уже прошли много путей, сдѣлали много исследованийъ въ области знанія, — когда, погружаясь

въ тайники жизни, природы и человечества, отыскивали въ нихъ и вынесли на свѣтъ многочисленныя груды сокровищъ. Сознавая свое умственное богатство, окидывая взоромъ свои петлѣнные драгоценности, народъ чувствуетъ необходимость привести въ порядокъ свои приобретеныя, распределить ихъ, назначить всему свое мѣсто и изъ разнообразныхъ частей составить одно цѣлое. Является мыслитель - художникъ, понимающій потребность народа, начертываетъ планъ и, при должномъ содѣйствіи своихъ *единомышленниковъ*, воздвигаетъ зданіе науки. Такимъ образомъ возникаетъ энциклопедія, какъ храмъ, какъ общественное заведеніе, какъ патриотическій монументъ, сооружаемый изъ пожертвованій цѣлаго народа, для его же благоденствія, для его же славы. Въ Германіи есть много энциклопедій *общихъ*, при составленіи которыхъ предполагается свести въ систему всѣ отрасли познаній человеческихъ; есть еще болѣе энциклопедій *частныхъ*, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы объять всѣ *части одной науки*, или всѣ *ветви одной отрасли знанія*. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ теперь, — одно изъ лучшихъ въ своемъ родѣ. Оно издается уже нѣсколько лѣтъ; въ 1857 и 38 годахъ вышли послѣднія его части—V и VI; къ нимъ будетъ прибавлять еще одинъ томъ дополненій. Не всѣ журналисты одинаково цѣнятъ этотъ ученый трудъ; но даже самые противники редактора и его сотрудниковъ признаютъ въ немъ большое достоинство. Оно можетъ быть разсматриваемо въ двухъ отношеніяхъ—историческомъ и теоретическомъ. Историческую часть его составляютъ свѣдѣнія о всемъ, что касается до судьбы музыки, этого воздушнаго, и, какъ сказалъ Пушкинъ, *безграничнаго искусства*. Здѣсь читатель съ наслажденіемъ можетъ слѣдить его развитіе, начиная отъ колыбельныхъ пѣсень гениа гармоніи, отъ первыхъ, нестройныхъ и одинокихъ аккордовъ, до величественныхъ, колоссальныхъ и въ высочайшей степени изящныхъ явленій музыкальнаго міра. Артисту, любителю изящнаго и психологу любопытно и поучительно наблюдать, какъ творческіе таланты постепенно овладѣвали тайнами звуковъ и изъ тростника, кости, металла, струнъ и т. д. вызывали голосъ природы, созвучный своему сердцу, мало-по-малу уловляли разнообразныя отбѣнки гармоніи, время отъ времени выражали въ своихъ произведеніяхъ ощущенія, все болѣе тайныя, болѣе глубокія, — усилива-

лись и успѣвали неопредѣленный сумракъ чувства озарять призраками фантазій, чисто-духовному давать ликъ, невидимому—образъ. Такъ-какъ жизнь художника неразрывно соединяется, съ его произведеніемъ, и одно часто служить пополненіемъ другому, то съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаешь въ этой «Энциклопедіи» жизнеописанія композиторовъ. Сочинители, воспользовавшись всѣмъ, что по этой части было написано ихъ предшественниками, прибавили много новыхъ и чрезвычайно занимательныхъ подробностей. Изучая исторію склонностей, страстей, привычекъ, удовольствій и страданій артиста, глубокий наблюдатель найдетъ ключъ къ объясненію многого въ его произведеніяхъ. Біографіи нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей отличаются полнотою, вѣрностію извѣстій, пріятностію изложенія и рѣзкою характеристикой; такъ, на примѣръ, біографія Сальери, Моцелла, Пиччини, Моцарта, Сионтини, Паганини и нѣкоторыхъ другихъ. Въ теоретической части «Энциклопедіи» разсматривается внутренняя, духовная часть музыки, сущность и различные виды ея, значеніе и характеръ каждаго изъ нихъ въ особенности, отношеніе ея къ общимъ законамъ чловѣческаго духа и природы физической, связь съ другими проявленіями излцаго, съ другими сторонами чловѣческой жизни—умственной и нравственной, особенный духъ и стиль, какъ артистовъ въ отдѣльности, такъ и цѣлыхъ музыкальныхъ школъ,—однимъ словомъ, излагается философія этого искусства. Въ оцѣнкѣ произведеній вездѣ видно живое, теплое участіе къ прекраснымъ произведеніямъ вдохновенія, уваженіе къ высокимъ дарованіямъ, тонкій, разборчивый вкусъ, глобокомысленная наблюдательность, отчетливость въ сужденіяхъ и безпристрастіе. Какъ бы прекрасно было, если бы составители русскаго «Энциклопедическаго Словаря» воспользовались этимъ сочиненіемъ!

ALLGEMEINES KUNSTLERLEXIKON, oder Nachrichten von dem Leben und den Werken der Maler, Bildhauer, Baumeister, Kupferstecher u. s. w. nebst den Monogrammen von Dr. S. C. Nagler, 2, 3, 4, 5 und 6 Band. 1835—1838 Jeder Band ungef 576 S. gr. 8. München bei Fleischmann (Всвообщій художественный Лексиконъ). Это сочиненіе то же для произведеній искусствъ пластическихъ, что предъидущее для произведеній музыкальныхъ. Можно сказать, что они оба развились изъ одной идеи и составлены по одному пла-

ну. Все различіе состоитъ въ томъ, что въ «Художественномъ Лексиконѣ» было обращено вниманіе преимущественно на историческую часть. За-то въ этомъ отношеніи его можно назвать образцовымъ произведеніемъ; читатель видитъ въ немъ не однѣ только груды матеріаловъ, но свѣжее здравомысліе и осторожную разсудительность въ выборѣ и разработкѣ ихъ. Свѣдѣнія о художникахъ почерпнуты изъ самыхъ достовѣрныхъ, несомнѣнныхъ-источниковъ. Можно подумать, что слышишь ихъ живой разсказъ, ихъ собственное признаніе о томъ, что занимало и тревожило ихъ, какъ они боролись съ прихотью судьбы, убійственною холодною современниковъ, съ пылкію чувствъ своихъ, и т. п. Частностей, мелочей, случаевъ изъ круга жизни домашней, особенностей, подмѣченныхъ въ художникѣ въ минуты его уединеннаго труда, въ часы безпечнаго досуга, въ разгарѣ страсти, или въ шумѣ дружеской бесѣды — всѣхъ этихъ разнообразныхъ точекъ и дробей, изъ которыхъ слагается жизнь и исторія, въ этомъ сочиненіи изумительное множество, обиліе неистощимое; но все это полно глубокой занимательности, существенно-необходимо; каждая изъ этихъ мелочей прибавляетъ черту къ фizioноміи изображаемаго лица, кладетъ на него новую краску, новую тѣнь и выводитъ наружу его душу. Большая часть изображеній отличается необыкновенною живостію и очертательностію. Это не картины, не галлерей портретовъ, но общество живыхъ, одушевленныхъ собесѣдниковъ, у которыхъ въ чертахъ, въ голосѣ, въ колоритѣ рѣчи, въ идеяхъ видишь и духъ и манеры и костюмъ вѣка, страны, общества, класса. Мы нигдѣ столько, какъ здѣсь, не находили такихъ свѣжихъ и любопытныхъ извѣстій объ Адамѣ, Бодмерѣ, Корнелѣ, Давидѣ, Де-ла-Рошѣ, Де-ла-Круза, Донателло, Довѣ, Фельзингѣ, Гандольфи, Джексопѣ, Джемсеѣ и др. Впрочемъ, изъ современныхъ знаменитостей мы узнаемъ въ этомъ сочиненіи больше о французскихъ, нежели нѣмецкихъ художникахъ. Въ очеркахъ жизни и произведеній знаменитѣйшихъ художниковъ голландской, также древней нѣмецкой и нидерландской школы, особенно же фламандской, встрѣчаются извѣстія, до-сихъ-поръ пикѣмъ еще невключенныя въ исторію художества, и оригинальныя, тонкія замѣчанія. Въ цѣломъ составѣ сочиненіе отличается какою-то особенно-строگوю соотвѣтственностію въ размѣрѣ частей и гармонією въ

ихъ расположеніи. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло до опредѣленія эстетическаго достоинства таланта художника, основной идеи художественнаго созданія и окончательной его обработки, въ цѣнители видны и природное дарованіе, и многосторонняя опытность, и меткость взгляда, приобретаемая долговременнымъ размышленіемъ. Вышло уже шесть частей этого ученаго сочиненія. Есть надежда, что благородные труды издателей и впредь, такъ же, какъ и теперь, будутъ увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ.

Ueber die ältesten christlichen Begräbnisstätten und besonders die Katakomben zu Neapel mit ihren Wandgemälden, von Dr. Chr. Fr. Bellermann; mit 12 illum. Tafeln, Wandgemälde der neapol. Katakomben darstellend, und drei schwarzen Tafeln, Aufrisse ders. Hamburg. Fr. Perthes. 1839. VIII ud. 120 S. gr. 4. (О древнихъ христіанскихъ Кладбищахъ). Въ археологическомъ отношеніи это драгоценность. Сочинитель долго жилъ въ Неаполѣ, самъ много разъ посѣщалъ тамошнія катакомбы и имѣлъ всѣ средства дѣлать свои разысканія. Трудъ его раздѣляли живописецъ Карлъ Гётцловъ и архитекторъ Ами Аутранъ. «Подземелья эти почти-совершенно забыты» говоритъ авторъ книги, нами разбираемой: «только изрѣдка развѣ путешественникъ вздумаетъ заглянуть въ нихъ. Престарѣлый монахъ, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, освѣщаетъ ему дорогу и, какъ олицетворенное преданіе, сбивчиво, неопредѣленно, съ примѣсью собственныхъ вымысловъ, рассказываетъ то, что ему самому когда-то было рассказано, о жизни первобытныхъ христіанъ, о говеніяхъ, ими претерпѣнныхъ, о ихъ подземныхъ жилищахъ и храмахъ. Это цѣлый городъ мертвцовъ; нельзя безъ сердечнаго участія проходить по безмолвнымъ и пустымъ его улицамъ, гдѣ *любовь* такъ часто проливала слезы и *вера* молилась. Гробы почти всѣ вскрыты: алчное корыстолюбіе не пощадило ихъ святыни; многое, безъ-сомнѣнія, похищено; теперь находишь только полу-затертыя надписи на разбросанныхъ камняхъ и на стѣнахъ блѣдныя изображенія, потускнѣвшія отъ времени.» Сочиненіе это увлекаетъ наше вниманіе, какъ рассказъ изъ подземнаго міра. Оно состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій. Въ первомъ говорится о томъ, *какія мѣста избирали древніе христіане для погребенія усопшихъ*. Тутъ сочинитель основ-

вается на свидетельствах древних писателей, и многое переводитъ изъ нихъ слово-въ-слово, прилагая въ примѣчаніяхъ текстъ латинскаго, или греческаго подлинника. Изъ всего этого составляется любопытная картина нравовъ, обыкновений, погребальныхъ обрядовъ и вообще образа жизни первобытнаго христіанства. Здѣсь можно найти поясненіе для многихъ мѣстъ исторіи вообще и церковной въ-особенности. Во 2-мъ отдѣленіи книги говорится о *древнихъ, донынѣ-сохранившихся катакомбахъ, въ которыхъ находились христіанскія гробницы*. Касательно сего предмета, сочинитель пользовался свидѣніями, заимствованными у знаменитыхъ археологовъ — Аринги, Больдетти, Бозио, Боттари и другихъ. Онъ очень-живо и подробно описываетъ итальянскія и сицилійскія катакомбы со множествомъ предметовъ въ нихъ, или подлѣ нихъ найденныхъ какъ напр. разные сосуды, кольца, ремесленные орудія, надписи, картины и т. д. На послѣдніи онъ обращаетъ особенное вниманіе и показываетъ, какъ живопись христіанская постепенно отдѣлялась отъ языческой и принимала новый, самостоятельный характеръ. Въ 3-мъ отдѣленіи заключаются свидѣнія о *катакомбахъ, въ Неаполѣ находящихся*. Эта часть сочиненія самая полная по своему составу, занимательная по предмету и удовлетворительная по изложенію. Сочинитель говоритъ обо всемъ съ ясностію и отчетливостію очевидца, который съ любовію занимался своимъ предметомъ. Онъ прилагаетъ къ своей книгѣ снимки съ картинъ, въ подземельяхъ найденныхъ. Рисунки гравированы на мѣди и раскрашены точь-въ-точь такъ же, какъ в оригинальныхъ. Изданіе книги исправно и великолѣпно.

Statistische Skizze der siebenbürgischen Militärgrenze, von I. H. Benigni von Mildenberg. Zweite vermehrte und ganz umgearb: Aufl. XI und 181 S. 8. (СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТРАНСИЛЬВАНСКОЙ ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ.)

Transilvania, periodische Zeitschrift für Landeskunde. Redigirt v. Ios. Benigni von Mildenberg und. C. Neugeboren. 1 Bd. XXI und 285 S. 2. Bd. 290 S. 8. (ТРАНСИЛЬВАНИЯ, ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.)

Исторія, статистика и географія Трансильваніи очень-мало извѣстны не только иностранцамъ, но и самимъ туземцамъ. Сочинитель *Статистическаго Очерка* и издатель Газеты *Трансильванія* вмѣютъ цѣлю—пополнить, касательно сего предмета, много пробѣловъ въ европейской учености и, ознакомивъ своихъ соотечественниковъ съ настоящимъ положеніемъ и минувшими событіями родной земли, возбудить въ нихъ патріотизмъ. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ читатель найдетъ большой запасъ свѣжихъ, никакъ еще истропанныхъ матеріаловъ для исторіи и наукъ, съ нею сопредѣльныхъ. Мильденбергъ и его сотрудники не извлекаютъ своихъ знаній изъ книгъ, но черпаютъ ихъ изъ живыхъ источниковъ природы, личнаго опыта, непосредственныхъ наблюденій надъ мѣстностью страны, ими описываемой, изъ разысканій, производимыхъ надъ различными памятниками старины. Отъ этого въ большей части статей видна ученая точность, полнота показаній и зрѣлость выводовъ. Изложене просто и ясно вездѣ, хотя стиль, по различію характеровъ лицъ, участвующихъ въ изданіи газеты, различенъ.

Volkssagen der Altmark. Mit einem Anhang von Sagen aus den übrigen Marken und aus dem Magdeburgischen. Ges. v. I. D. H. Temme (АЛТМАРКСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.)

Мифологія въ близкомъ родствѣ съ исторіей: оба она суть проявленія одной и той же жизни. Для полноты знаній надобно изучать вмѣстѣ и ту и другую. И какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, совершенно отдѣлать вымыслъ отъ дѣйствительности, расчеты ума отъ зѣтѣй воображенія? Германцы давно это поняли. Для изученія ихъ мифологіи можетъ служить прекраснымъ руководствомъ сочиненіе Гримма. Въ книгѣ, нами разсматриваемой, находятся весьма-любопытныя свѣдѣнія, которыя составляютъ дополненіе къ гриммовой «Мифологіи». Г. Темме собралъ народныя преданія, описалъ разныя повѣрья, суевѣрья, обряды и т. п., и изобразилъ эту декорационную часть, этотъ поэтический костюмъ жизни германскихъ простолюдиновъ съ его странной и характерической драпировкой. Тутъ есть цвѣты для фантазій, и плоды—для мысли. Сочинитель, въ доказательство того, что сообщаетъ настоящіе, истинные вымыслы, чистыя, непод-

лежащія сомнѣнію суевѣрія народа, вездѣ ссылаются на живыя и мертвыя свидѣтельства.

Kunstwerke und Künstler in England und Paris, von Dr. G. F. Waagen. 3 Th. XI, 520, XI, 620, und X 613 S. Berlin. Nicolai (Художества и Художники въ Англіи и Парижѣ).

Для любителя изящныхъ произведеній живописи это сочиненіе можетъ, нѣкоторымъ-образомъ, замѣнить путешествія, столько, сколько умный, подробный и живой рассказъ другаго можетъ замѣнять намъ собственный нашъ глазъ и наше индивидуальное ощущеніе, пробуждаемое непосредственнымъ впечатлѣніемъ предмета. Сочинитель въ 1835 году былъ въ Англіи и Франціи. Въ Англіи осматривалъ онъ публичную картинную галлерей и весьма многія, принадлежащія многимъ частнымъ лицамъ. Для удобнѣйшаго обозрѣнія, онъ раздѣляетъ всю видныя имъ картины на школы и періоды, къ которымъ онъ принадлежитъ по своему пластическому характеру; каждую картину описываетъ такъ изобразительно, что не только легко *представляешь* себѣ размѣръ, механическій составъ и общій очеркъ ея, но даже *чувствуешь* господствующій ея колоритъ, ея выраженіе и эстетическое дѣйствіе на душу; однимъ-словомъ, описанія его лучше многихъ копій. Къ этому присоединяется еще любопытная исторія картинъ и характеристика знаменитыхъ современныхъ англійскихъ художниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, авторъ умѣлъ собрать такія рѣдкія черты, такія, иногда комическія, иногда трогательныя подробности, которыя въ свою очередь стоить кисти Гогарта или Рафаэля. Во Франціи сочинитель осматривалъ Луврскую Галлерей. И здѣсь въ описаніи картинъ, онъ слѣдуетъ однажды-принятой методъ, — распределяетъ ихъ по школамъ и группируетъ такъ искусно, что на одно замѣчательное явленіе живописнаго міра не терпится изъ вида въ блескѣ многихъ гениальныхъ созданій этого рода. Къ описанію онъ прилагаетъ каталогъ съ номерами, подъ которыми каждая картина находится въ Луврѣ. Какой путешественникъ не воспользуется этимъ руководствомъ? Лучшую часть этого сочиненія составляетъ описаніе мнѣятуръ, осмотрѣнныхъ сочинителемъ какъ въ англійскихъ, такъ и французскихъ галлерейхъ. Вообще сужденія автора о произведеніяхъ

живописи отличаются особенностію взгляда, глубокостію эстетическаго чувства, и, при всемъ энтузіазмѣ къ изящному, строгою оцѣнкою, въ которой видѣтъ не комплиментъ чужихъ мнѣній, но истинный, самостоятельный знатокъ и судья дѣла. Мы рекомендуемъ эту книгу особенно преподавателямъ эстетики, которые, не желая строить систему изъ однѣхъ отвлеченностей, часто безъ участія ума и сердца заимствуемыхъ отъ другихъ писателей, издумаютъ составить живую идею объ изящномъ, по тому, какъ оно проявилось въplastikъ.

Перейдемъ теперь къ сочиненіямъ, занимательнымъ больше во живописности картинъ природы и общества, нежели по важности своего содержанія, и здѣсь также ограничиваясь указаніемъ на лучшія.

REISE DURCH SCHWEDEN im Sommer 1836. Von Ferdinand von Hall 2. Th. Bremen. Keiser. Путешествіе по Швеціи въ 1836 году).

Сочинитель, отправившись изъ Копенгагена, объѣхалъ юго-западный берегъ Швеціи до Готенбурга; отъ-туда чрезъ озера пробрался до Стокгольма, былъ въ Упсалѣ и посѣщалъ рудники Далекарліи. Душа его была открыта для дикихъ и величественныхъ красотъ сѣверной природы. Онъ легко и пріятно передаетъ летучія впечатлѣнія предметовъ, какъ они отражались въ его воображеніи; иногда на-скоро-руку набрасываетъ замѣтки о всемъ, что попадалось ему на глаза и оживляетъ картины мѣстностей народными преданіями. Такъ, напримѣръ, осматривая водопадъ Тролгётту, онъ узналъ отъ своего спутника, что одна изъ скалъ, громадами передъ нимъ стоявшихъ, называется *скалою портнаго*. Вотъ отъ-чего произошло это названіе. «Говорятъ, что когда-то одинъ молодой портной былъ приговоренъ къ смерти. Услышавъ объ этомъ, виновный просьбами и слезами тронулъ сердце своего повелителя и былъ прощенъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ одинъ день спилъ камзолъ, сидя на краю пропасти; молодой человекъ долженъ былъ согласиться. Подъ ногами у него зіяла бездна, близь него, съ соседней скалы, съ грохотомъ низвергался въ нее водопадъ и отдавалъ несчастнаго могильнымъ холодомъ. Бѣднякъ долго не могъ начать своей работы, трепеталъ, мучился, какъ въ пыткѣ, и наконецъ исколотыми, окровавленными руками кос-какъ

принялся за шитье. Такъ провелъ онъ цѣлый день, каждое мгновение котораго для него было такъ же ужасно, какъ послѣднй мигъ подъ взмахомъ роковой сѣкеры палача. Съ закатомъ солнца кончилась и работа преступника. Затянуть послѣднй узелъ, онъ тотчасъ всталъ, въ первый разъ въ этотъ день вдохнулъ свободно, возвелъ глаза къ небу, но—въ глазахъ у него потемнѣло и онъ съ пронзительнымъ крикомъ рванулся въ бездну. Вообще путешественникъ ловко владѣетъ веремъ и иногда, шутя, однимъ почеркомъ выводитъ живописные узоры.

Reisebilder aus England und Frankreich. Gesammelt und herausgeb. von Haller. B. 1 (Очерки Путешествія по Англии и Франціи).

Въ первой части этихъ записокъ помѣщены очерки англійскихъ нравовъ. Авторъ, не оставляя безъ вниманія высшаго общества, всматривался особенно въ низшіе слои народа. Сцена полицейской дѣятельности съ безчисленнымъ множествомъ комическихъ и трагическихъ явленій, на ней совершающихся, игорные дома и подобныя имъ вертепы разврата, изображены во всей ужасной ихъ наготѣ. Во второй части заключается описаніе путешествія по южной Франціи. Тутъ больше картинъ природы, —которыя, однакожъ, по оригинальности предметовъ, или по оригинальности ихъ изображенія, болышею частію занимательны.

Bilder aus den Niederlanden. Von Louis Lax. 2 Bde. Aachen und Leipzig (Очерки Нидерландовъ).

Одну половину этой книжки составляютъ маленькія повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя стоить чтенія и перевода; другую—сцены изъ путешествія по Голландіи, удачно выбранныя и обставленныя. Сочинитель иногда ловко подмѣчаетъ народныя черты голландскаго характера, и въ образъ жизни, въ отношеніяхъ съ родными и знакомыми, въ искусствахъ, въ наслажденіяхъ обитателей этого торговаго царства указываетъ выраженіе ихъ привычекъ, сложностей, ихъ взгляда на вещи, ихъ вкуса и безвкусіа. Возьмемъ отрывокъ изъ описанія амстердамской ярмарки. «Голландецъ, въ продолженіе цѣлаго года, молчаливъ, холоденъ, тяжеловѣсенъ и угрюмъ; но бываетъ время, когда онъ, какъ-будто вдругъ очнувшись, вспомнить, что и ему надобно жить, и ему надобно повеселиться. Это превращеніе

наступает для него вѣсть съ ярмаркой. Тутъ его совсѣмъ не узнаешь: откуда возьмется удалъ и прыть. Истомленный вѣчными разсчетами и оуровыми правилами умѣренности, онъ съ алчностью бросается къ наслажденіямъ, тонетъ въ нихъ, бушуетъ, барахтается и брызжетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, надобно спѣшить: ярмарка продолжается только три недѣли; надобно въ этотъ короткій срокъ натѣшиться на цѣлый годъ. Улицы день и ночь кипятъ народомъ; пестрота, давка, шумъ, крикъ, пѣсни. Ремесленники съ женами подъ руку, съ дѣтьми на рукахъ, какъ накрахмаленные, важно тянутся рядами; матросы въ своихъ курткахъ и шляпахъ, покрытыхъ чалмами, ходятъ во всѣхъ направленияхъ, вѣролатно по привычкѣ, сильно пошатываясь со стороны на сторону; незастѣпчивыя красавицы, сцѣпившись плотно рука съ рукой, занимають всю ширину улицы и съ хохотомъ захватываютъ встрѣчающихся мужчинъ: спасайтесь отъ нихъ лаской, или чѣмъ хотите, только не оскорбляйте ихъ; иначе—онѣ изорвутъ вашу одежду, шляпу, испарапають вамъ лицо, замнутъ, затопчутъ. Для гастраномовъ на улицахъ есть лавки, въ которыхъ непрерывно горитъ огонь и готовятся горячіе блины, вафли и проч.; для любителей изящнаго есть другія наслажденія: восковыя фігуры, китайскія тѣни, ученые зайцы, слоны, цѣлыя звѣрицы, французскіе и нѣмецкіе паяцы, очарованіе!...

По части изящной словесности мы не нашли ничего, что бы показывало болѣе обыкновеннаго дарованія въ сочинителяхъ; но есть произведенія, которыя даютъ авторамъ ихъ право на наше вниманіе. Таковы, напримѣръ,

Gedichte von Eduard Vogt. Stuttgart, Hallberger.
(Стихотворенія Эдуарда Фохта).

Gedichte von Eduard Mörike. Stuttgart und Tübingen. (Стихотворенія Эдуарда Мѣрике).

Rheinische Lieder und Sagen von Adelheid von Stolterfoth. Frankfurt a M. (Рейнскія Пѣсни и Преданія, Адельгейды Штолтерфотъ).

Это свѣжіе, весенніе пѣвцы, — произведенія молодыхъ поэтовъ. Фохтъ чистый лирикъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ видна юношеская любовь къ прекрасному въ природѣ и искусствѣ, соединенная съ искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Отъ него можно ожи-

дать дальнѣйшихъ успѣховъ: онъ съ негодованіемъ говоритъ о монотонности, неестественности и вычурности многихъ изъ своихъ современниковъ, — ручательство, что онъ самъ избѣжитъ этихъ недостатковъ. У *Мѣрике* есть, кромѣ лирическихъ стихотвореній, и повѣсти; но онъ не столько занимателенъ, когда что-нибудь рассказываетъ, сколько тогда, какъ передаетъ свои ощущенія. Стихи его вообще легки, непринуждены; стиль отличается какою-то мягкостію, въ нѣкоторыхъ блестящими искрами сверкаетъ остроуміе. — Адельгейда фон-*Штолтерфотт* пламенно любитъ Рейнъ и его берега, унизанные виноградниками, его скалы, развалины при-рейскихъ замковъ, покрытыхъ зеленью плюща, цвѣтами и поэтическими преданіями. Содержаніе многихъ изъ ея пѣсень составляетъ воспоминанія о вдохновительныхъ предметахъ швейцарской природы и жизни. Въ красотахъ ея произведеній есть что-то собственное ея полу, какал-то тихая и чистая нѣга чувства, какое-то женское простосердечіе. Стихи ея свѣтлы и текучи. Она издаетъ еще

Rheinisches Album, von Adelheid von Stolterfoth (Рейнский Альбомъ).

Это собраніе рейнскихъ ландшафтовъ, къ которымъ прилагается всегда хорошее описаніе. Теперь вышло только пять тетрадей, а все изданіе будетъ состоять изъ десяти, съ тридцатью картинами, гравированными на стали.

Die Hermannsschlacht. Drama von Grabbe. Düsseldorf, Schreiner (Сраженіе Германа (Арминія) съ Римлянами. Драма).

Это — литературное наследство, найденное безкорыстнымъ участіемъ друзей въ опустыломъ пріютѣ молодаго поэта, похищеннаго смертью. Драма сія имѣетъ достоинство, какъ и всѣ другія драмы Граббе. Дѣйствіе занимательно; характеры дѣйствующихъ лицъ не противорѣчатъ исторіи, обрисованы ясно и сильно, языкъ соответствуетъ характерамъ, а потому исполненъ разнообразія, естественности и жизни. Иногда въ разговорѣ простыхъ воиновъ проглядываетъ веселый юморъ, свойственный народу суровому и энергическому. Какъ не пожалѣть объ утратѣ такого таланта?—Къ этому сочиненію приложена біографія автора.

Der verummte Gast aus der Asseburg im Jahre 1190. Eine Romantische Rittergeschichte. Von Avigg. Leipzig. (Переводъ Г. Гостя).

Если бы мы вздумали разбѣгать разсматриваемыя нами книги по степени ихъ внутренняго достоинства, то, между приведенными экземплярами словесности, этому роману отвели бы здѣсь первое мѣсто. Впрочемъ онъ будетъ непоследнимъ въ числѣ хорошихъ романовъ всѣхъ литературъ. Онъ можетъ служить чистымъ и вѣрнымъ зеркаломъ того вѣка, къ которому относится описываемое въ немъ прошествіе. Это одно уже можетъ служить порукою въ его занимательности.

которыми прославились Норрисы, Плонеръ-Уардъ (Plumer-Ward), Листеръ и другіе, и мы твердо убеждены что «Фергусоны» увеличатъ еще однимъ именемъ списокъ этихъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ членовъ аристократіи, которые начали свое политическое поприще тѣмъ, что доказали, до какой степени они умѣли воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ ими съ-дѣтства. Сказано ручаемся, что въ «Фергусонахъ» нѣтъ ни одного характера, ни одной сцены, для которыхъ не нашлось бы типа въ самой природѣ, подвѣченной опытнымъ и наблюдательнымъ умомъ автора, въ его частыхъ сношеніяхъ съ обществомъ, которое онъ описываетъ; изящный вкусъ и тонкое чувство приличія, отличившіе наиболее образованныхъ членовъ этого общества, удерживали автора и не допускали его впасть ни на минуту въ мелочную сатиру и личности, такъ часто уалекивавшія романистовъ «вешёнеблей». Изображая (помощью вымышленнаго разсказа) существующій характеръ и бытъ того круга, къ которому онъ самъ принадлежитъ, онъ не притворяется ни «философомъ-моралистомъ», предостерегающимъ и поучающимъ ex-officio; ни сатирикомъ, злобно нападающимъ на всѣхъ и возбуждающимъ ко всему презрѣнію; ни юмористомъ, насмѣшливо выжимающимъ изъ всего пасышки и шутки;—ни сентиментальнымъ мечтателемъ, обращающимъ «недуги» человеческого характера въ нѣчто «здоровое и полезное»: онъ писалъ свою книгу, какъ слѣдуетъ писать благородному, благовоспитанному и здравомыслящему человѣку, — просто, легко, безъ всякихъ притязаній, не стоящая своего предмета до самаго дна, вообще мало и занимательно. Исторія «Фергусоновъ» изображаетъ первое вступленіе въ свѣтъ двухъ братьевъ; оба они равно надѣлены многими прекрасными качествами ума и сердца, оба поставлены на одинаково-высокую степень въ обществѣ. Но одному изъ нихъ «усиѣхъ въ свѣтъ» кажется цѣлью жизни, верхомъ блаженства, и онъ достигаетъ той пустой извѣстности, которая, какъ онъ убеждается наконецъ, не въ силахъ наполнить пустоту его сердца и ума, отвѣчать потребностямъ его души. Другой также не достигъ золотой посредственности; онъ также ошибся въ избранномъ имъ пути, воображивъ, что «любовь женщины» есть единственный законный предметъ человеческого существованія, «цѣль и конецъ его жизни». Это одно нравственное поученіе, которое можно вывести изъ этихъ ми-

мых, очаровательных и увлекательных страниц. Но главное достоинство и занимательность их состоит в содержимом — в ярком и живописно-непреувеличенном изображении того особенного характера, которым запечатлены высшие классы англійскаго общества въ наше время. Здесь выставлены въ рѣзкой противоположности его слабости и заблужденія рука-объ-руку съ его утонченными манерами, съ его изысканностию и роскошью; но авторъ предоставилъ самому читателю извлекать изъ этого свои заключенія. Прибавимъ еще, что онъ умѣлъ помѣстить какой-то особенно-привлекательный, романтическій отблескъ на всю послѣднюю часть своей повѣсти, перенеся мѣсто дѣйствія въ такую землю (Италію), гдѣ «романъ и существенность» выраженія однозначна, — гдѣ общія мѣста жизни согрѣты и оживлены поэзіею и страстию, и гдѣ «Любовь женщины» болѣе чѣмъ гдѣ-либо, можетъ быть выставлена на показъ какъ предметъ, достойный то порицанія, то изумленія, смотри по обстоятельствамъ. Скажемъ еще разъ, что «Фергуссоны» предвѣщаютъ значительное дарованіе въ ихъ авторѣ.

The Rialto Ship. By Capt. Marryat (Корабль-Призракъ; сохъ капитана Мерриета. 3 части). Эта книга отзывается новизною; съ какою она была написана. Въ ней нѣтъ ни той силы, ни той оригинальности, которыя до-сихъ-поръ отличали пресловутаго автора «Морскаго Овцера». Напрасно стали бы мы искать въ его повѣсти морскихъ чудесъ, въ которыхъ проклятый корабль Фандер-Деккена играетъ важнейшую роль. Герой романа — сынъ этого моряка, игралище бурь и непогодъ. Преданіе о «Блуждающемъ Голландцѣ», въ которое вѣруютъ моряки всѣхъ флотовъ въ мірѣ, совершенно искажено.

Не такъ *Deerbrook, a Novel, by Harriet Martineau* (Дирбрукъ, — повѣсть Генриеты Мартино). Въ этомъ произведеніи развивается цѣлый міръ чистой и прекрасной нравственности и скромной мудрости. Конечно, многіе, для которыхъ безуміе привлекательнѣе мудрости, не прочтутъ повѣсти до конца, но за то найдутся и такіе люди, которые, по прочтеніи ея, почувствуютъ себя чище и умнѣе. Интрига романа проста и естественна, сколько по вымыслу, столько же и по выполненію; характеры оригинальны, сколько можетъ быть оригинальности въ вымыслѣ, списанномъ съ природы и поражающемъ своею истиною; всѣ сцены и главныя положенія

дней католицизму и во многих случаях доказывать свое глубокое уважение къ римской церкви. Въ-слѣдствіе релігіозныхъ переворотовъ 1642 года, епископъ Гудменъ повесилъ много потерн, и, удалившись отъ дѣлъ, нацѣль себя убѣжище въ домъ Сибиллы Аліонби въ Вестминстеръ, гдѣ и написалъ упомянутое нами сочиненіе, но въ какое именно время — неизвѣстно въ-точности. Достоверно только то обстоятельство, что трудъ этотъ предпринятъ былъ въ опроверженіе сочиненія сэра Антонія Уэльдона, появившагося въ 1650 году, также подъ заглавіемъ «Дворъ Іакова-Перваго». Къ чести епископа должно сказать, что, хотя онъ былъ лишень всѣхъ своихъ доходовъ и своего высокаго сана, — изъ общества королей и вельможъ изведенъ въ общество простой, бѣдной женщины, которой благодѣяніемъ жилъ, онъ никогда и нигдѣ въ своей книгѣ не старается унижить тѣхъ, которые восторжествовали надъ нимъ и низвергли его. Этой чертѣ своего характера, вѣроятно, онъ обладалъ уваженіемъ, которое постоянно питалъ къ нему Кромвель, не смотря на то, что падшій епископъ слылъ въ народѣ тайнымъ папистомъ. Мы для-того говоримъ о личномъ характерѣ епископа Гудмена, чтобъ предоставить самому читателю вывести изъ этого сужденіе о характерѣ его сочиненія.

Еще, во части исторій, хотя уже не аяглійской, упомянемъ объ Исторіи Наполеона (*the History of Napoleon*). Это сводъ для оборникъ, составленный изъ разныхъ французскихъ и аяглійскихъ «записокъ» и біографій Наполеона, появившихся до сего времени, и изданный Горниотъ. Нынѣ вышла только первая часть, — при ней 42 гравюры, прекрасно выполненныя, и все это стоить только *два шиллинга* (около одного рубля двадцати копеекъ).

Исторія тѣсно связана съ географіею, а географія занимаетъ средину между путешествіями и статистикою; вотъ книги во этихъ трехъ предметахъ:

A Winter Journey through Russia, the Caucasian Alps and Georgia into Koordistan. — By Captain V. Mignan. 2 vol. (Зимнее Путешествіе чрезъ Россію, Кавказскія Альпы и Грузію въ Курдистанъ. — Сов. капитана Мигмена).

Journal of a Trip to the Far West (Журналъ Путешествія на Западъ).

THIRTY YEARS in India. By Major H. Bevan. 2 vol. (Тридцать лѣтъ въ Индіи, соч. майора Бевена. 2 части).

RAMBLES in the South of Ireland, by Lady Chatterton (Прогулка по Южной Ирландіи; соч. леди Чаттертонъ, — въ 2 частяхъ).

Путешествіе въ Курдистанъ запоздало. Изданіемъ этой книги медлен до-тѣхъ-поръ, пока большая часть тѣхъ особъ, съ которыми познакомился г. Мигненъ на востокъ, уже исчезла, а политическія предположенія автора уничтожились историческими фактами. Десять лѣтъ произвели много переменъ въ политическомъ положеніи востока: Балканы не считаются болѣе неборимого претрадою; пароходы носятъ по волнамъ Чернаго Моря; протяженіе и направленіе Евфрата тщательно исследовано, и берега Счастливой Аравіи положены на нашихъ картахъ со всевозможною подробностію; политика Персіи, сношенія ея съ Россією и Турцією, совершенно измѣнились; Аббасъ-Мирза сошелъ со сцены; востокъ ужъ не тотъ, — а авторъ «Зимняго Путешествія» представляеть его такимъ, какъ онъ былъ за десять лѣтъ предъ симъ. Менѣе всего измѣнился Курдистанъ, и по-этому авторъ говоритъ о немъ довольно вѣрно, даже для нынѣшняго времени.

Небольшая книжка «О Вестъ» или западныхъ провинціяхъ Соединенныхъ-Штатовъ похожа болѣе на журнальную статью, нежели на книгу, напечатанную отдѣльно. Заглавіе ея «Far West» (Далекій Вестъ, то-есть отдаленныя западныя провинціи) не соответствуетъ въ-точности направленію пути, избранному авторомъ. Онъ достигъ, переходя чрезъ большія озера, до восточнаго рѣки Миссисипи, а отсюда внизъ по теченію ея до соединенія ея съ Ойо. Сей путь приличнѣе бы назвать сѣверо-западнымъ. Но это не мѣшаетъ книгѣ быть весьма-любопытною и занимательною.

—«Тридцатилѣтнее пребываніе въ Индіи», соч. майора Бевена, не-что иное, какъ простой, откровенный и неизысканный рассказъ офицера, который провелъ болѣе тридцати лѣтъ на службѣ въ Индіи, человекъ, ценившаго, повидному, никакого посторонняго покровительства, кромѣ своего собственнаго достоинства и своихъ заслугъ. Онъ путешествовалъ далеко во внутренность этой страны, и издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе потому только, что въ наше время вниманіе публики сильно у-

стремлено на Индію; а такъ-какъ ученый майоръ, естественно, питаетъ особенную нѣжность къ этой землѣ и ко всему, что до нея касается, то онъ считаетъ безполезнымъ выступить на литературное поприще съ своею тридцатилѣтнею опытностію. Книга его, какъ мы уже сказали, есть простое изложене собственныхъ его приключеній и наблюденій. Тутъ вѣтъ ученыхъ изслѣдованій и преній; извѣстія и свѣдѣнія о нравахъ, обычаяхъ и характерѣ народа, о положеніи, производительныхъ силахъ и доходахъ описываемой имъ страны, сами собой выказываются изъ разсказа, съ которымъ они перемѣшаны. Въ то же время онъ вводитъ иногда, мѣстами, легенды и народныя преданія точно въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ слышалъ въ первый разъ. Ясно, что подобное сочинене должно говорить само за себя, и вся наша похвала не прибавитъ ему нисколько цѣны. Желали бы мы привести изъ него нѣсколько выписокъ, но въ немъ такъ много хорошаго, что мы затрудняемся въ выборѣ.

«Прогулка по Южной Ирландіи» отличаетъ умомъ и неподдѣльнымъ чувствомъ. Эта милая и увлекательная книга столь же вѣрно и живописно характеризуетъ сцены, которыя описываетъ, какъ и умъ сочинительницы. Ни одна земля, кромѣ Ирландіи, не представляетъ предметовъ болѣе достойныхъ описанія, и ничья рука, кромѣ руки женщины, не сумѣла бы разработать эти обильные матеріалы съ такою легкостію и пріятностію, и поставить каждый изъ нихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Обѣ части этого небольшого сочиненія суть плодъ разнообразныхъ «прогулокъ» по Южной Ирландіи въ теченіе прошедшаго года, и изложены въ видѣ собственныхъ примѣчаній сочинительницы о видахъ, разныхъ случаяхъ и предметахъ, въ такомъ порядкѣ, какъ они представлялись наблюденію; все это проникнуто и запечатлено особеннымъ характеромъ автора и такъ непринужденно, такъ естественно и исполнено жизни, что, читая эти прелестныя страницы, изъ которыхъ каждый можетъ почерпнуть для себя нѣсколько новыхъ свѣдѣній, кажется, будто слушаешь одинъ изъ тѣхъ занимательныхъ и милыхъ разговоровъ, которые восхищаютъ насъ въ дружеской бесѣдѣ. Однимъ-словомъ, это одно изъ тѣхъ легкихъ и очаровательныхъ произведеній, которыя, въ наше время, произрастаютъ только изъ-подъ пера женщины. Сочиненіе украсило множе-

ством предельныхъ видовъ изъ самыхъ живописныхъ мѣсто-
положеній Ирландіи, писанныхъ тою же некусною рукой,
которой мы обладаемъ въ литературную часть сочиненія.

Не безполезно будетъ обратить вниманіе еще на следующіе
книги: по части науки и приложений ихъ къ обществу и про-
мышленности.

A Dictionary of Architecture, by John Britton (Сло-
варь архитектурный Сов. Джона Бриттона).

Wonders of Geology; by Mantell (Чудеса Геологіи,
соч. Мантелля).

A Dictionary of Arts, Manufactures and Mines with
upwards of Twelve Hundred Engravings on Wood; by An-
drew Ure (Словарь искусствъ, мануфактурнаго и горнаго
дѣла, съ тысячею-двумястами изображеніями, гравирован-
ными на деревѣ. Сов. Андрея Уре).

Illustrations of Science. — Mechanics. — By H.
Moseley (Очерки Науки. — Механика. — Сов. Мозеля).

A Treatise on Geology, by John Phillips. 2 vol. (Опытъ
о Геологіи. Сов. Джона Филлипса. 2 части).

A Treatise on Wood-Engraving, Historical and Prac-
tical; with Illustrations. By John Jackson (Разсужденіе о
искусствѣ гравировать на деревѣ, — съ историческими и
практическими изслѣдованіями, и съ рисунками).

Присвоенный трудъ неуклоннаго Уре «Словарь Искусствъ,
Мануфактурнаго и Горнаго Дѣла» выше всякой похвалы. Онъ
заслуживаетъ благодарность не только Англіи, но всего про-
свѣщеннаго міра, и, безъ сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто въ
ряду энциклопедическихъ сочиненій, которыя предназначены
полюбовать, и которыя удивляютъ своею точностію и полнотою,
какъ-то: «Словарь Торговли и проч.» Мекеллоча, (Makulloch)
«Словарь Земледѣлія и Садоводства» Лоудона (London), «Сло-
варь Практической Медицины» доктора Копленда, (Copland)
и проч. Онъ приводится теперь къ окончанію и, вѣроятно, пре-
жде нежели напечатается наше сужденіе о немъ, онъ будетъ
уже конченъ. Все сочиненіе составитъ десять частей, содержа-
щихъ въ себѣ тысячу-триста страницъ самой мелкой печати и
тысячу-двѣсти гравюры на деревѣ. Желательно было бы имѣть
эту книгу у насъ на русскомъ языкѣ: много пользы принесла
бы она нашему промышленному сословію.

Книжка Мозелей («Очерки Науки») есть первая часть всего сочинения, которое предприняли составить профессора Королевского Коллежума съ тою цѣлю, чтобы сделать науки опытными и естественными доступными вышнимъ классамъ народныхъ училищъ. Они не общаютъ полнаго изложенія различныхъ наукъ, что видно изъ самого заглавія, да и о какой наукѣ можно дать полное понятіе школьному ученику. Въ предисловіи г. Мозелей говоритъ, что онъ предположилъ себе развить наиболее ту систему опытныхъ фактовъ и теоретическихъ началъ, которая служить главнымъ основаніемъ волахъ механическихъ искусствъ, и ввести эти познанія въ практическое воспитаніе.

Книжки, заключающія въ себя начальныя основанія геологии, обыкновенно отличаются изложеніемъ столь краткимъ и сжатымъ, что едва-ли приносятъ существенную пользу. Вообще, сочиненія, имѣющія цѣлю познакомить непосвященныхъ съ основными началами и фактами этой науки, суть нечто иное, какъ рядъ опытовъ, правда, довольно-замысловатыхъ и сложныхъ, но за-то и вовсе-непонятныхъ для того, кто не знакомъ уже до нѣкоторой степени съ предметами ихъ. Опытъ г-на. Филлипа избѣжалъ этого общаго недостатка: въ немъ изложены ясно и отчетливо сущность геомогическихъ положеній, лучшіе способы съ большимъ успѣхомъ производить изслѣдованія и окончательные выводы, къ которымъ они приводятъ.

Г. Джайсонъ оказалъ истинную услугу всѣмъ любителямъ и знатокамъ полиптипажнаго искусства изданіемъ своей книги. Самъ онъ отличный художникъ, человѣкъ образованный и довольно-ученый; по этому можно уже нѣсколько судить, чего должно ожидать отъ его сочиненія. Предметъ этотъ столь любопытенъ и занимателенъ въ наше время, что мы не хотимъ говорить о немъ въ нѣсколькихъ словахъ, и предоставляемъ себѣ удовольствіе, въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ нашего журнала, дать о немъ читателямъ отчетъ по-возможности полный и подробный.

Мы забыли еще объ одной книгѣ: *The Physiology and Mechanism of Blushing. By Dr. Burgess* (Физиология и Механизмъ обнаруженія краски на щеклахъ, соч. доктора Борджесса).

Книга о краскѣ, показывающей ся на щекахъ отъ стыда, гнѣва, досады, и пр. и пр! Почтенные читатели и читательницы, еще неоставившіе благородной, хотя не модной привычки красить! послушайте со вниманіемъ ученаго доктора, какъ онъ излагаетъ тайныя причины этого «дѣйствительнаго недостатка». Вы узнаете много любопытнаго: возвою этой краски, исторію ея, анатомію, механизмъ, наконецъ способы излеченія отъ этого недостатка, потому-что нашъ достойный докторъ утверждаетъ, будто это явленіе есть ни болѣе ни менѣе, какъ болѣзнь. Таковы предметы, о козорыхъ разсуждается въ этой, тѣмъ немѣе занимательной и полезной книгѣ; многія страницы ея заслуживаютъ всеобщее вниманіе, въ-особенности же относящіяся до нравственнаго и физическаго воспитанія иуживаго возраста, въ которомъ часто, по винѣ или небреженію родителей, укореняется излишняя, слѣдовательно, вредная (ибо излишество всегда вредно) чувствительность, обращающаяся въ-послѣдствіи въ невзякаемый источникъ многихъ и многихъ бѣдствій и горестей въ жизни. Только мы посоветовали бы почтенному доктору, вмѣсто замысловатаго названія, которое онъ далъ своей книгѣ, и которое похоже на *тубѣ*, назвать ее трактатомъ о вредѣ, происходящемъ отъ излишней чувствительности.

Поговоривъ о томъ-о-сѣмъ, мы добрались, наконецъ, до повѣстей и романовъ, въ которыхъ такъ же нѣтъ недостатка у Англичанъ, какъ и у насъ, грѣшныхъ.

Чувствительный Человѣкъ (*Cheveley; or the Man of Honour. By Lady Lytton Bulwer*), романъ леди Литтонъ Болверъ не хвалитъ въ английскихъ журналахъ; мы его не читали, но знаемъ, что подъ формою романа это есть не что иное, какъ сатира на нравы и лица.

Несравненно лучше небольшая повѣсть неизвѣстной сочинительницы: *Tis an Old Tale and often Told 1 vol.* (Эта старая повѣсть и много разъ рассказанная). Слогъ живой и естественный; много чувства; особенно мнѣ характеръ Віоли Сидней.

The Fergusons, or Woman's Love and World's favour 3 vol. (Фергусоны, или любовь женщины и успѣхъ ее Свѣтѣ, 3 части) — одинъ изъ романовъ, рѣдко встрѣчающихся въ послѣднее время. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немыслимыхъ,

которыми прославились Норрисы, Пломмерт-Уард (Plummer-Ward), Листеръ и другіе, и мы твердо убѣждены что «Фергусоны» увеличатъ еще однимъ именемъ списокъ этикъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ членовъ аристократіи, которые начали свое политическое поприще тѣмъ, что доказали, до какой степени они умѣли воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ ими съ-дѣтства. Смыло ручаемся, что въ «Фергусонахъ» нѣтъ ни одного характера, ни одной сцены, для которыхъ не нашлось бы типа въ самой природѣ, подвѣченной опытнымъ и наблюдательнымъ умомъ автора, въ его частыхъ сношеніяхъ съ обществомъ, которое онъ описываетъ; изысканій вкуса и тонкое чувство приличія, отличавшіе наиболее образованныхъ членовъ этого общества, удерживали автора и не допускали его упасть ни на минуту въ мелочную сатиру и личности, такъ-често увлекали романистовъ—еще неблей. Изображая (помощію вымышленнаго разсказа) существенный характеръ и бытъ того круга, къ которому онъ самъ принадлежитъ, онъ не аршиадывается ни философомъ-моралистомъ, предостерегающимъ и поучающимъ ex-officio; ни сатирикомъ, злобно нападающимъ на всѣхъ и возбуждающимъ ко всему презрѣніе; ни юмористомъ, насильственно выжимающимъ изъ всего пасмышки и шутки;—ни сентиментальнымъ мечтателемъ, обращающимъ «недуги» человеческого характера въ нечто «здоровое и полезное»: онъ писалъ свою книгу, какъ слѣдуетъ писать благородному, благовопитанному и здравомыслящему человеку, — просто, легко, безъ всякихъ притязаній, невстѣлая своего предмета до самаго дна, вообще живо и занимательно. Исторія «Фергусоновъ» изображаетъ первое вступленіе въ свѣтъ двухъ братьевъ; оба они равно надѣлены многими прекрасными качествами ума и сердца, оба поставлены на одинаково-высокую степень въ обществѣ. Но одному изъ нихъ «устыжь въ свѣтъ» кажется цѣлю жизни, верхомъ блаженства, и онъ достигаетъ той пустой извѣстности, которая, какъ онъ убѣждается наконецъ, не въ-связяхъ напоминая пустоту его сердца и ума, отвѣчать потребностямъ его души. Другой также не достигъ золотой посредственности; онъ также ошибся въ избранной имъ пути, вообразивъ, что «любовь женщины» есть единственный законный предметъ человеческого существованія, цѣль и копецъ его жизни». Это одно нравственное поученіе, которое можно вывести изъ этикъ ми-

ных, очаровательных и увлекательных страниц. Но главное достоинство и заманчивость их состоит в совершенно-вѣрном и несколько-непреувеличенномъ изображеніи того особеннаго характера, которымъ запечатлѣны высшіе классы англійскаго общества въ наше время. Здѣсь выставлены въ рѣзкой противоположности его слабости и заблужденія рука-объ-руку съ его утопченными манерами, съ его изысканностію и роскошью; но авторъ предоставилъ самому читателю извлекать изъ этого свои заключенія. Прибавимъ еще, что онъ умѣлъ положить какой-то особенно-примечательный, романтическій отблескъ на всю послѣднюю часть своей повѣсти, перенесъ мѣсто дѣйствія въ такую землю (Италію), гдѣ «романъ и существенность» выраженія однозначительны, — гдѣ общія мѣста жизни согрѣты и оживлены поэзіею и страстію, и гдѣ «Любовь жепщицы» болѣе чѣмъ гдѣ-либо, можетъ быть выставлена на показъ какъ предметъ, достойный то порицанія, то изумленія, смотря по обстоятельствамъ. Скажемъ еще разъ, что «Фергуссоны» предвѣщаютъ значительное дарованіе въ ихъ авторѣ.

THE RANTOM SHIP. *By Capt. Marryat* (КОРАБЛЬ-ПРИЗРАКЪ; сох. капитана Мерриета. 3 части). Эта книга отзывается поспѣшностію, съ какою она была написана. Въ ней нѣтъ ни той силы, ни той оригинальности, которыя до-сихъ-поръ отличали пресловутаго автора «Морскаго Овощера». Напрасно стали бы мы искать въ его повѣсти морскихъ чудесъ, въ которыхъ проклятый корабль Фандер-Деккена играетъ важнѣйшую роль. Герой романа — сынъ этого моряка, игралище бурь и непогодъ. Преданіе о «Блуждающемъ Голландцѣ», въ которое вѣрують моряки всѣхъ флотовъ въ мірѣ, совершенно искажено.

Не такъ-же Deerbroke, *a Novel, by Harriet Martineau* (ДИРБРУКЪ, — повѣсть Генриеты Мартино). Въ этомъ произведеніи развивается цѣлый міръ чистой и прекрасной нравственности и скромной мудрости. Конечно, многіе, для которыхъ безуміе привлекательнѣе мудрости, не прочтутъ повѣсти до конца, но за то найдутся и такіе люди, которые, по прочтеніи ея, почувствуютъ себя и чище и умнѣе. Интрига романа проста и естественна, сколько по вымыслу, столько же и по исполненію; характеры оригинальны, сколько можетъ быть оригинальности въ вымыслѣ, сдѣланномъ съ природы и поражающемъ своею истиною; всѣ сцены и главы въ положеніи

лицъ взяты изъ ежедневной жизни въ среднѣхъ классахъ англійскаго общества. Во всей повѣсти, безъ исключенія, господствуетъ глубокое и тонкое знаніе людей и свѣта, и то неумолимое, безыскусственное выраженіе ума, которое возвышаетъ г-жу Мартино надъ всеми другими современными ей писательницами.

The Vanished, a Swabian Historical Romance. Edited by James Morier. Кв. (Изгнанникъ, швабскій историческій романъ, издаваемый Джеймсомъ Морье) — романъ историческій во всей строгости этого слова; и хотя онъ обладалъ своею извѣстностію странности происшествій и романтическихъ характеровъ дѣствующихъ въ немъ лицъ, однако главнѣйшее достоинство его состоитъ въ соблюденіи исторической истины. «Изгнанникъ», правда, вылитъ въ формы историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, но съ тою только разницею, что авторъ его, противъ обыкновенія великаго англійскаго романиста, придерживался преданій исторіи. Онъ находилъ для этого достаточныя причины въ необыкновенно-романтической жизни главнаго лица, которое избралъ своимъ героемъ, а именно герцога Ульрика виртенбергскаго. Несогласіе историковъ насчетъ истиннаго характера этого страннаго и необыкновеннаго человѣка скорѣе способствовало, нежели противилось свободѣ романческаго вымысла; и если авторъ, въ постоянствѣ случая, поставилъ его въ болѣе-благопріятномъ для него свѣтѣ, нежели каковымъ представляютъ его другіе, онъ не безъ основанія писалъ свою картину именно такими, а не иными красками.

Романъ начинается въ 1519 году, передъ самымъ изгнаніемъ герцога Ульрика, въ то самое время, когда швабскій союзъ сосредоточилъ силы свои въ имперскомъ городѣ Ульмѣ, въ наѣрѣніи воспротивиться дерзкимъ замысламъ герцога. Въ это время вниманіе всей Германіи обращено было на вѣхъ распрю, и романъ «Изгнанникъ» проводитъ предъ нашими глазами рѣзныя историческія лица и происшествія, находившіяся въ непосредственной связи съ этой кратковременной распрей, копившейся совершеннымъ разбитіемъ и временнымъ изгнаніемъ герцога Ульрика.

Scenes at Home and Abroad. By H. B. Hall (Сцены домашнія и заграничныя, соч. Галля). Г-нъ Галль напечаталъ

въ одномъ скромномъ томѣ цѣлое собраніе новъстей; нѣкоторыя изъ нихъ оригинальны, другія переведены, или, правильнѣе, переданы съ нѣмецкаго. Большая часть этихъ «сцевъ» происходитъ «за границей» и представляетъ много замѣчательныхъ скипцовъ, набравшихъ изъ воспоминаній прежнихъ путешественій автора. Эти скипцы нравятся намъ болѣе прочаго въ цѣломъ собраніи, но и вся книга читается съ удовольствіемъ.

Несправедливо было бы пропустить безъ вниманія новое произведеніе знаменитой мистриссъ Троллопъ: *The Life and Adventures of Michael Armstrong, the Factory Boy* (Жизнь и приключенія Михаила Армстронга, комторскаго мальчика). Этой книги вышли только первыя двѣ части, въ которыхъ сочинительница знакомитъ насъ съ дѣйствующими лицами своего романа, описываетъ мѣстности, въ которыхъ имъ должно будетъ дѣйствовать, и приучаетъ насъ къ образу изложенія, которому намърена слѣдовать до конца романа. Это, такъ сказать, только приготовленіе, чтобы возбудить желаніе прочесть всю книгу.

Ошибочно и неправильно было бы полагать, будто мистриссъ Троллопъ предлагаетъ своего «Factory Boy» какъ нѣчто въ родѣ pendant къ удивительнымъ сочиненіямъ г-на Диккенса, издававшимся въ такомъ же видѣ. Главнымъ и основнымъ характеромъ его сочиненій былъ юморъ, иногда вдающийся въ каррикатурность,— юморъ, разрывающійся на всѣ классы общества и срывающій улыбку со всѣхъ устъ. Но «Factory Boy» имѣетъ совершенно иную цѣль и стремится къ достиженію ея другими, болѣе рѣдкими и достойными уваженія средствами. Сочинительница, явно, имѣетъ въ виду глубокую, нравственную сатиру, которой предстонтъ исполнить ея строгое, почти-вѣличественное назначеніе, вооружившись истинною, какъ средствомъ къ достиженію цѣли,—а цѣль эта—*благое общества*. Неподрожжаемая сочинительница «Вдовы Бернеби» (*The Widow Barnaby*) съ честью окончитъ свое предпріятіе, мы въ этомъ не сомнѣваемся; но, чтобы провзвести рѣшительное мнѣніе о ея «Factory Boy», подождемъ послѣднихъ частей этого романа.

Изъ стихотворныхъ произведеній — которыхъ мы не ста-

нельзя разобрать, но только выставить ихъ заглавія, значительныя :

Hymns and Fire-side Verses, by Mrs Howitt (Гимны и стихи, писанныя подъ вліяніемъ камина, соч. Мерз Гоуиттъ).

Songs and Ballads, by Samuel Lover (Пѣсни и Баллады Самуэля Лівера).

Minstrel Melodies, by the author of «Field Flowers etc.» (Мелодіи Менестрелей, соч. автора «Полевыхъ Цвѣтовъ», и проч.).

The Popular Songs of Ireland, with Introduction and Notes, By T. Croston Croker (Народныя Пѣсни Ирландіи, съ введеніемъ и примѣчаніями, соч. Кроктона Крокера).

Первая часть «Пѣсень» Беранже вновь переведена на англійскій языкъ и издана, съ особенной музыкой для каждой пѣсни, Давидомъ Буэ (David Booth).

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НА 1859 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatæ plane aures, quæ non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ V.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГЪТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1859.

Печатать и издаваться в С. Петербурге, 11 августа 1859.

Цензорь *А. Никитенко*.

Цензорь *В. Таворск.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВЫСТАВКА ИЗДѢЛИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ МА-
НУФАКТУРЪ ВЪ 1839 ГОДУ.

СТАТЬИ ТРЕТЬИ.

ИЗДѢЛИЯ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЯ, ШЕЛКОВЫЯ, ШЕР-
СТЯНЫЯ; ВОЛОЧЕНОЕ ЗОЛОТО И СЕРЕБРО, ЦАРЧИ И
ГЛАЗЕТЫ.

Приступая къ сему послѣднему отдѣлу нашего обо-
зрѣнія выставки, считаемъ долгомъ пополнить не-
большой пропускъ, сдѣланный въ предыдущихъ
статьяхъ: мы забыли, или, лучше сказать, не имѣли
случая упомянуть о физиономистѣ г-на Лемольта: Слѣ-
д. V. — Отд. I.

помощию сего остроумно-изобрѣтеннаго инструмента, какъ извѣстно, можно съ величайшею точностью снимать въ настоящемъ или уменьшенномъ видѣ скульптурныя изображенія предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Не входя въ подробное описаніе этого способа, замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, онъ совсѣмъ не унижаетъ художества до степени простой механической работы, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Окончательная отдѣлка изваянія, только начерченнаго фizioнотипомъ, требуетъ настоящаго искусства, и сямъ-то искусствомъ обладаетъ вполне г. Лемольтъ. Бюсты, представленные имъ на выставку, обратили на себя всеобщее вниманіе: въ нихъ сходство соединяется съ большою анатомическою отчетливостію; малѣйшая черта, малѣйшая жилка переданы въ нихъ съ необыкновенною точностію. Въ бюстахъ, снятыхъ съ природы, есть даже нѣчто, похожее на жизнь,—то улыбка, то нѣкоторое движеніе въ чертахъ. Бюсты Императорской фамиліи, снятые съ мраморныхъ изваяній, находящихся въ Зимнемъ Дворцѣ, принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній г. Лемольта. Въ-особенности хороша бюсть Государя Императора, оригиналь котораго находится въ Берлинѣ. Великія Княжны изображены еще весьма-юными, и составляютъ прелестную группу. Изъ прочихъ назовемъ очень-хорошіе бюсты нашихъ знаменитыхъ полководцевъ: Суворова и Кутузова. Между ими найдете также изваянія ветерановъ нашей словесности, Ломоносова и Державина; тутъ же встрѣтите и черты незабвеннаго Пушкина, столь глубоко запечатлѣнные въ памяти его современниковъ, и наконецъ Д. В. Давыдова въ томъ костюмѣ, который носилъ онъ въ отечественную войну. Поблагодаримъ г. Лемольта за столь счастливый выборъ

сюжетовъ: онъ смѣло можетъ надвѣяться на успѣхъ, какъ обратившійся къ нашему народному чувству чести и славы. Теперь вслѣдъ за самое скромное пожертвованіе можетъ имѣть у себя изображенія мужей сихъ, коими гордится Россія. Нельзя также не излить признательности комитету для устройства выставки, давшему мѣсто въ экспозиціонныхъ залахъ произведеній г. Лемольта, хотя они и не принадлежатъ къ числу собственно-мануфактурныхъ. Но пора намъ оставить ихъ и перейти къ настоящему предмету нашего обозрѣнія.

Азіатская торговля въ Россіи съ каждымъ годомъ становится важнѣе. Россійскіе товары открываютъ себѣ, подъ покровительствомъ попечительнаго правительства, широкіе пути на востокъ. Тамъ сбытъ ихъ становится съ каждымъ днемъ быстрѣе и обширнѣе. Уже наши бумажныя ткани, наши металлическія нодѣлія сталкиваются съ англійскими товарами въ Кабуль и Кашемиръ, и удачно выдерживаютъ столь опасное соперничество. Мы не говоримъ уже о важномъ торговомъ развитіи макарьевской нижегородской ярмонки, этого рынка двухъ частей свѣта, на которомъ цѣлая Азія является покупщикомъ, а Россія единственнымъ продавцомъ со стороны Европы; не говоримъ также о кяхтинской торговлѣ, гдѣ Россія не имѣетъ соперника и одна, на просторѣ, ведетъ выгодныя сношенія съ Китаемъ.

Посему-то нельзя всякому, принимающему участіе въ народномъ богатствѣ Россіи, не обратить особеннаго вниманія на отдѣленіе выставки, въ которое вошли собственно товары, отпускаемые въ Азію. Тамъ совокупилась пряденая бумага и бумажныя ткани средняго и низкаго сорта, можетъ-быть, по простотѣ своей незамѣченныя любителями роскоши, но соста-

вляюще одну изъ важнѣйшихъ отраслей нашей торговли, не только азіатской, но и внутренней. Всѣ эти дешевыя платки, ситцы, китайки, полубархаты, которыми пренебрегаетъ высшее сословіе, находятъ множество потребителей въ сословіяхъ низшихъ. Они доставляютъ симъ послѣднимъ одежду опрятную и даже красивую за самую умѣренную цѣну. Къ-тому жь эти издѣлія, по дешевизнѣ ихъ, яркости красокъ и свойству рисунка особенно предпочитаютъ азіатскими потребителями. Самое производство ихъ занимаетъ множество рукъ въ нашемъ отечествѣ, а чрезъ то содѣйствуетъ разлитію благосостоянія въ рабочемъ классѣ. Такъ въ Губерніи Владимірской, въ городѣ Шуѣ и селѣ Ивановѣ, эти мануфактуры стали промышленностью совершенно-народною: приготовленіе и крашеніе бумажной пряжи, тканье ситцевъ, ихъ печатаніе, занимаютъ тамъ поселенъ всякаго возраста и пола. Только двѣнадцать фабрикантовъ Владимірской Губерніи явились на выставку съ бумажными издѣліями; но это одна лишь малая часть огромнаго тамошняго производства. Изъ числа ихъ упоминаемъ о бумажной пряжѣ для утка *Н. А. Бабурина*, о красной пряжѣ подполковника *Балашева*, о ситцахъ *Болотова*, *Бабуриныхъ* и братьевъ *Горелковыхъ*, также о бумагахъ бѣлой и цвѣтной крестьянина *Иванова*. Во всѣхъ сихъ издѣліяхъ замѣтно господство краснаго адрианопольскаго цвѣта, столь любимаго на востокѣ. Это побуждаетъ насъ обратить вниманіе на воздѣлываніе марены въ нашемъ отечествѣ. Впрочемъ, должно надѣяться, что выгода отъ воздѣлыванія сего красильнаго растенія должна служить лучшимъ поощреніемъ къ его распространенію. Образцомъ въ этомъ случаѣ могла бы служить Голландія, гдѣ добывается самая лучшая марена въ Европѣ. Наша крас-

ная астраханская пряжа *Сахбатовыхъ* и *Сахаровыхъ* можетъ почестся лучшимъ россійскимъ произведе-
ніемъ этого рода.

Бумажныя издѣлія въ азіатскомъ вкусѣ московскія представлены въ большемъ изобиліи, нежели владимірскія. Болѣе 25 фабрикантовъ выставили образцы своего производства. Между ними замѣтно много разнообразія и болѣе совершенства въ рисункахъ, краскахъ и аппретурѣ, нежели въ издѣліяхъ шуйскихъ и ивановскихъ. Причина тому весьма-ясная: Москва есть средоточіе современнаго россійскаго просвѣщенія: туда передаются изъ Петербурга и Европы всѣ новѣйшія изобрѣтенія и улучшенія по части мануфактуръ. Мода, рѣдко заглядывающая въ сельско-промышленные округи Владимірской Губерніи, владычествуетъ надъ московскими фабрикантами. Немало способствуетъ также къ усовершенствованію московскихъ издѣлій присутствіе въ этой столицѣ отдѣленія Департамента Мануфактуръ, принимающаго почитательное участіе въ успѣхахъ промышленности. Еще замѣтимъ разницу въ самомъ устройствѣ фабрикъ въ сѣхъ двухъ губерніяхъ: въ Владимірской Губерніи онѣ разсыяны по деревнямъ, въ Московской же, напротивъ, онѣ сосредоточиваются въ огромныхъ заведеніяхъ на-подобіе манчестерскихъ и другихъ англійскихъ. Тамъ, при единствѣ управленія, легче вводить различныя улучшенія. Изъ числа самыхъ замѣчательныхъ бумажныхъ издѣлій московскихъ назовемъ пряжу съ *Вознесенской Бумагопрядильной Мануфактуры*, близъ села Муромцова: нумера невысокіе, но нитки довольно ровны и крѣпки. Неменѣе заслуживаютъ обратить на себя вниманіе фабрики г. *Рабенска*, въ Богородскомъ Уѣздѣ, и г. *Гарди*, въ Москвѣ, приготовляющія пряжу крашенную въ багрець (*rouge d'Adria-*

порле). Весьма-хорошъ черный плисъ, также бумаж-
ный бархатъ, цвѣтной—гг. Волковыхъ и Пономарева.
То же самое надлежитъ сказать о бумажныхъ издѣл-
яхъ почетныхъ гражданъ *Урусова* и *Третьякова*. Осо-
бенно-хороши набивные платки и также изъ бумаж-
ной термаламы для Азии Урусова. Почетный гражда-
нинъ *Веретенниковъ* представилъ отличные образцы
чернаго плиса и такъ-называемыхъ кашемировыхъ
покрывалъ персидскихъ. Шлафоры и покрывала изъ
бумажной кашемировой ткани братьевъ *Прахоровыхъ*
замѣчательны по всемъ отношеніямъ. Наконецъ упо-
мянемъ еще о кубовой нанкѣ *А. Г. Серебренникова*, и
о китайкахъ и яхонтовой дабѣ *А. П. Липинскаго*.

Подъ сихъ издѣлій, служащихъ для одежды, выстав-
лены образцы главныхъ издѣлій хрустальныхъ, ме-
таллическихъ и ножевыхъ, высылаемыхъ въ Азію.
Между ими найдете кальяны, кувшины и карфины съ
Императорскаго Стекланнаго Завода; разныя фарфоро-
выя издѣлія: мангалы, тазы съ рукомойниками и под-
носы изъ мѣди, московскаго фабриканта *Н. П. Суров-*
цова; кинжалы и ножи нижегородскихъ фабрикан-
товъ *Завьялова* и *Колекина*, о коихъ мы уже выше
упоминали. Вообще село *Павлово* въ Нижегородской
Губерніи, столь знаменитое ножевною фабрикаціею,
изготавливаетъ весьма-много вещей собственно для азі-
атской торговли. Тутъ же представлены козлы и
сафьяны выше-приведенныхъ казанскихъ фабрикан-
товъ *Крупеникова*, *Урванцова* и петербуржскаго за-
водчика *Пивоварова*. Такимъ-образомъ представлено
въ нѣкоторой полнотѣ все, что промышленность на-
ша производитъ собственно для азіатской торговли.

Къ сему надлежитъ причислить еще сукна для кях-
тинской торговли *Майкова-Доброхотова*, замѣчатель-
ныя по двумъ отношеніямъ: во-первыхъ, по чистотѣ

красокъ, и во-вторыхъ по дешевой цѣнѣ: сукна желтыя и красныя по 6 руб. арш. Сукна для кяхтинской же торговли братьевъ *Бабкиныхъ*, масляныя и мезеричкя разныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ, по 6 и 7 руб. арш., должны быть здѣсь упомянуты какъ отличныя произведенія по цѣнѣ и по качеству.

Но займемся собственно главнымъ матеріаломъ шерстяной промышленности. Образцы шерстей доставлены на выставку въ маломъ количествѣ (не болѣе 10 заводовъ). Припишемъ это отдаленному разстоянію, а не упадку въ Россіи этой важной промышленности, совершенно-свойственной ея климату и естественному положенію. Къ-тому же, какъ могла бы она остаться назади при значительныхъ успѣхахъ сукнодѣлія. Представленные образцы шерстей кажутся весьма удовлетворительными. Особенно-хороши шерсти *Эстляндскаго Общества Мериносоваго Овцеводства*. Онѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ благопріятства тамошняго климата къ разведенію мериносовъ. Руно овецъ, родившихся въ Россіи изъ овчарни (въ Тульской Губерніи) графини *Бобринской* и представленное на выставку въ сыромъ видѣ безъ всякаго мытья, заслужило всеобщее одобреніе, какъ очень-хорошій матеріалъ. Образцы перегонной шерсти съ той же самой овчарни, цѣною по 37. руб. пудъ, могутъ быть причислены къ отличнѣйшему роду; то же самое можно сказать о перегонныхъ шерстяхъ съ овчарныхъ заведеній *графа К. В. Невсельроде* и *г. Пилицаго*. Вообще замѣтно отсутствіе шерстей, мытыхъ фабрично; даже и перегонное мытье кажется несовсѣмъ-удовлетворительно: одинъ только генерал-майоръ Папковъ съ своего заведенія въ Екатеринославской губерніи, въ селѣ Красный-Куть, доставилъ образцы шерстей, мытыхъ фабрично, супералекты,

электы и примы. Впрочемъ П. А. Папковъ не только овцеводъ, но имѣетъ и суконную фабрику, и по необходимости долженъ быть завести у себя фабричное мытье. Желательно оведь, чтобы наши овцеводы собственно для торговли приготавливали шерсть мытую, если не фабричнымъ, то по-крайней-мѣрѣ короннымъ торговымъ мытьемъ. Надлежало бы также обратить болѣе вниманія и на сортировку шерсти—главное условіе выгоднаго сбыта сего продукта. Такими средствами всего легче было бы повысить цѣны на российскія шерсти, не только у насъ въ отечествѣ, но и за границую. Замѣтимъ еще при этомъ, что отъ хорошаго или дурнаго мытья зависитъ много и хорошая краска и доброта сукна.

Что же касается до шерсти гребенной, то промышленность эта еще находится у насъ въ совершенномъ младенчествѣ; только три заведенія представляли образцы подобной шерсти и пряжи изъ нея. Чесаная, гребенная шерсть П. А. Папкова и Пушкинской Мануфактуры въ мытьѣ конечно хороша, но это одни лишь слабые опыты, еще недоказывающіе настоящихъ успѣховъ. Гарусная пряжа московскаго фабриканта Ниссена есть лучшее произведеніе въ этомъ родѣ. Нельзя сказать того же о пряжѣ сученой гребенной съ заведенія графа Кушелева-Безбородко, которая могла бы имѣть болѣе ровности.

Подлѣ столь бѣдной выставки шерстей всякій съ удивленіемъ замѣтитъ богатую и разнообразную выставку шерстяныхъ издѣлій. По части одного сукнодѣлія около 50 фабрикантовъ представили образцы своихъ издѣлій. Между ними нѣкоторые изъ старѣхъ фабрикантовъ сохранили свое прежнее мѣсто. Такъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ и на нынешней выставкѣ принадлежитъ суконной фабри-

къ генерал-адъютанта графа *Комаровскаго*. Его сукна разныхъ сортовъ и цвѣтовъ, отъ 10 до 27 руб. за аршинъ, по виду, мягкости и цвѣту, могутъ быть наравнѣ съ лучшими иностранными. Быть-можетъ, они должны уступить этимъ послѣднимъ въ прочности и добротѣ. Сукна гг. *Рыбниковыхъ* не отличаются чистотою окраски, хотя кажутся удовлетворительными во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Особенно хороши сукна и казмиры господъ *Лембе* и *Ретгена* съ Цинтенговской Фабрики, въ Лифляндской Губерніи; между ими замѣчательнѣе прочихъ сѣрое офицерское сукно по 11 руб. аршинъ, отличное по цвѣту и добротѣ. Солдатскія сукна на нынѣшней выставкѣ отличаются всѣ добротою, дешевиною и краскою; особенно хороши гвардейскія сукна разныхъ цвѣтовъ казенной Павловской Суконной Фабрики. Сукна московскаго фабриканта *Муселя* замѣчательны по многимъ отношеніямъ; преимущественно заслуживаютъ обратить на себя вниманіе его сукна свѣтло-синяго цвѣта, окрашенныя, вмѣсто индиго, берлинскою лазурью (*bleu de Prusse*) по указаніямъ уже столь извѣстнаго намъ заводчика химическихъ произведеній Егора Бесса.—Г-нъ *Бремеръ*, а также и графъ Комаровскій представили образцы суконъ разныхъ цвѣтовъ, напитанныхъ непромокаемымъ составомъ по методу г-на генерал-адъютанта *Шильдера*. Выставленная цѣна за подобное приготовленіе сукна—по 2 руб. съ аршина, намъ кажется чрезмѣрно-высокою. Представителями польскаго сукнодѣлія явились болѣе пятнадцати фабрикантовъ; ихъ сукна вообще отличаются хорошею отдѣлкою.

По части фабрикаціи казмировъ и легкихъ шерстяныхъ тканей упомянемъ прежде всего о разнообразныхъ произведеніяхъ рижскаго фабриканта *Пух-*

лау, представившаго разныя бумажныя матеріи, на механическихъ станкахъ выдѣланныя (вельветиль и вельветъ); матеріи изъ гребенной шерсти, какъ-то камлоты для платьевъ, ластингъ, стаметь и т. п.; своего изобрѣтенія совершенно-новую матерію изъ кардованской шерсти (дамась сатинъ) и наконецъ довольно-удачные опыты тканей изъ манильской пеньки (satin d'Amérique), о которыхъ уже говорено въ статьѣ первой этого обозрѣнія.—Обратимъ вниманіе публики на тисненые (en relief) ковры г. Луціана. Они отличаются хорошими цвѣтами и весьма красивыми рисунками, съ большимъ вкусомъ расположенными. Подобныя ковры могутъ служить приличнымъ и дешевымъ украшеніемъ для покрывки столовъ, фортепьянъ, для портьерокъ и другихъ употребленій. Сомѣстникъ г. Луціана, московскій фабрикантъ Маларъ, выставилъ подобныя же издѣлія, но онѣ должны уступить первому, какъ въ чистотѣ отдѣлки, такъ и еще болѣе въ красотѣ рисунковъ и цвѣтовъ. Замѣтно, что машины г-на Малара не дѣйствуютъ съ такимъ совершенствомъ, какъ машины г. Луціана.

Всего удивительнѣе значительное количество разныхъ шерстяныхъ тканей, представленныхъ на выставку при весьма-замѣтномъ недостаткѣ шерсто-гребенной пряжи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти фабриканты: гг. Алексѣевы, Новиковы, Мухинъ, Тряпкинъ и прочіе, принуждены выписывать пряжу изъ-за границы. Какой чувствительный недостатокъ въ нашей фабричной промышленности, и какъ важно стараться всѣми силами объ отвращеніи его! Хорошій примѣръ тому, какъ мы сказали выше, московскій фабрикантъ Ниссенъ, который выдѣлываетъ полумериносы и камлоты изъ собственной шерсто-гребенной пряжи.

Но поспѣшимъ упомянуть объ издѣліяхъ съ фабрики генерал-майора *Папкова*, сдѣланныхъ изъ козьяго пуха и шерсти ангорскихъ козь. Изъ перваго готовится пряжа, называемая кашемировою, которая частію идетъ на вязанье, частію на ткань; кашемировыя ткани (*cashemirienne*), изъ нея приготовленные, чрезвычайно-мягки и пріятны для осязанія. Но всего замѣтательнѣе родъ сукна изъ козьяго пуха, такъ-называемая *сигонь*, столь хорошо приспособленный для нашего суроваго климата. Изъ шерсти ангорскихъ козь у г-на Папкова выдѣлываются бахрамы, такъ недавно вошедшія въ моду во Франціи, и на которыя соблаговолила обратить вниманіе Государыня Императрица. Платки кашемировые, обшитые подобною бахромою, соединяютъ красоту съ удобствомъ, и должно полагать, что будутъ много носиться въ Петербургѣ, какъ только наше скоропрѣходящее лѣто замѣнится осенью и суровою зимою.

Мы отклонимся отъ принятаго нами порядка, и оставимъ на минуту хоры экспозиціонной залы, гдѣ расположены всѣ шерстяныя издѣлія, чтобы упомянуть о шаляхъ, выставленныхъ въ одной изъ комнатъ въ-низу. Пять фабрикантовъ представили образцы шалей. Мериносковыя шали съ цѣльными каймами московскаго купца *С. Д. Сопова* — одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій настоящей выставки, какъ по цѣнѣ (200 руб.), такъ и по добротѣ; даже рисунокъ довольно-хорошъ. Кашемировыя шали того же самаго фабриканта съ пришитыми каймами не заслуживаютъ подобнаго одобренія: въ нихъ русской работы однѣ только каймы, самая же ткань выписывается изъ чужихъ краевъ. Съ фабрики *г-жи Мерлиной* представлена одна только бѣлая шаль, но превосходной работы. Надлежитъ еще упомянуть о плат-

какъ *шали* братьевъ *Гугковъхъ*; подобныя издѣлія дешевы и красивы; они доступны самому небогатому сословію, и должны составлять выгодную отрасль внутренней и азіатской торговли.

Коверная часть довольно богата на нынѣшней выставкѣ. Первое мѣсто принадлежит безъ-сомнѣнія Императорской Шпалерной Мануфактурѣ. Ея произведенія отличаются рѣдкимъ совершенствомъ узоровъ и красокъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности, назовемъ только огромный зеленый коверъ, вытканный разноцвѣтными узорами; — подобныя издѣлія можно назвать истинно-царскими и по красотѣ ихъ и по цѣнѣ. Ковры той же самой мануфактуры на-манеръ гобеленовыхъ, не уступятъ настоящимъ парижскимъ; жалъ только, что, въ числѣ выставленныхъ, нѣтъ ни одного, изображающаго историческую живопись. Изъ ковровъ частныхъ фабрикъ назовемъ ковры *г. Пуирна*, тканые на обѣ стороны, отличной доброты, если не весьма красивыхъ цвѣтовъ. Два ковра *графа Кушелева-Безбородко*, одинъ на англійскій манеръ, другой съ готическимъ узоромъ, заслуживаютъ всякое одобреніе. Вообще замѣтимъ, что коверному искусству въ Россіи не достаетъ, можетъ-быть, одного только: изобрѣтательности въ рисункахъ. Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ недостатокъ исчезнетъ, какъ и всѣ прочіе, постепенно сглаживающіеся въ нашихъ мануфактурахъ.

Заклучимъ этотъ краткій взглядъ на шерстяныя издѣлія общимъ замѣчаніемъ: шерстяная промышленность, кажется, начинаетъ занимать у насъ пріличное ей важнѣйшее мѣсто. Это доказывается, частію, разнообразіемъ выставленныхъ произведеній, частію же успѣхами, сдѣланными ея различными частями. Никогда, быть-можетъ, суконная фабрикація не представляла столь удовлетворительныхъ результатовъ. При-

мемъ эти успѣхи за вѣрный признакъ ея будущаго значительнаго распространенія. Какъ Англія обязана важною частию своего обогащенія хлопчато-бумажному производству, такъ Россія должна основать свое богатство на промышленности шерстяной.

Бумажныя матеріи высшихъ сортовъ отдѣлены отъ подобныхъ низшаго и средняго разбора, предназначаемыхъ частию для азіатской торговли, о которыхъ упоминалось выше. Онѣ занимаютъ нѣсколько залъ въ-низу. Между ими замѣтны въ особенности кисти и жаконеты Царевской Общественной Мануфактуры, близъ Москвы. Легкость рисунка, бѣлизна и красота ткани этихъ матерій могутъ сравнить ихъ съ лучшими французскими издѣліями. Цѣна нѣкоторымъ изъ нихъ довольно-умѣренная. Тюль бѣлый цвѣтной разныхъ сортовъ, блондовый, фидейный и кружевной, съ фабрики *гг. Галіара и Жирара*, заслуживаетъ всякое одобреніе. То же самое надлежитъ сказать о *Товариществѣ Тюлевой Фабрики* въ Санкт-петербургѣ. Вообще замѣтимъ, что всѣ подобныя модныя издѣлія съ большимъ вкусомъ выдѣлываются въ Петербургѣ, нежели въ Москвѣ. Но по части набивныхъ товаровъ трудно рѣшить, на чьей сторонѣ преимущество. Ситцы братьевъ *Титовыхъ* отнюдь не уступаютъ *битепажевскимъ*, и даже имѣютъ предъ ними преимущество по цѣнѣ, ибо цѣна, показанная издѣліямъ г. Битепажы, какъ уже многіе имѣли случай удостовѣриться, не есть настоящая, и въ его магазинѣ нельзя имѣть по ней ситцевъ, подобныхъ выставленнымъ. Жаконеты *Фолькерта* отличаются свѣжестью рисунка и умѣренною цѣною. Есть много и другихъ издѣлій бумажныхъ высшаго разбора, заслуживающихъ обратить на себя вниманіе публики; но мѣсто не позволяетъ намъ о нихъ распространять-

ся. Говоря о бумажных тканях низшаго и среднего разбора, мы дали почувствовать всю важность этого производства на нашу внутреннюю и внешнюю торговлю. Подобныя издѣлія, для роскоши предназначенныя, никогда не будутъ имѣть въ глазахъ нашихъ такой важности, какъ первыя; потребленіе ихъ всегда будетъ ограничено, вліяніе на благосостояніе народное еще долго не будетъ такъ чувствительно.

Перейдемъ теперь къ важному отдѣлу — отдѣлу шелковыхъ матерій. Прежде всего надлежитъ затяться сырымъ матеріаломъ — шелкомъ. Изъ числа выставленныхъ образцовъ шелка, двѣ партіи особенно заслуживаютъ обратить на себя вниманіе: одна выслана статскимъ совѣтникомъ *А. Ф. Ребровымъ*, другая доставлена правленіемъ Высочайше утвержденного Общества *распространенія за Кавказомъ шелководства и торговой промышленности*. Первая замѣчательна какъ плодъ стараній неусыпныхъ и продолжительныхъ; шелкъ-сырецъ и шелкъ размотанный *г. Реброва* происходитъ отъ коконовъ настоящей синайской породы, отличается бѣлизною, доскомъ и всѣми качествами превосходнаго шелка, можетъ служить равно хорошо какъ для основы, такъ и для утока; коконы велики и пушисты. Жаль, что къ этимъ образцамъ шелка синайскаго *г. Ребровъ* не присоединилъ образцовъ туземнаго шелка гилмскаго.

Вторая партія замѣчательна какъ начало, какъ первый рѣшительный шагъ къ усовершенствованію важному и общарному. Еще нѣтъ четырехъ лѣтъ, какъ общество начало свои дѣйствія за Кавказомъ, и уже тамъ возникло множество полезныхъ учреждений; шелководство съ каждымъ днемъ улучшается; новые способы, улучшенные приемы начинаютъ проникать въ страну, гдѣ до-сихъ-поръ не умѣли пользоваться

этимъ настоящимъ сокровищемъ, даннымъ природою. Прежде всего вниманіе общества обращено на воспитываніе шелковыхъ червей; выписаны съмена итальянскіе и дѣланы изъ нихъ удачныя опыты выведенія червей за Кавказомъ, Шекинскіе шелки, представленныя на выставку, мотаны частію посредствомъ итальянскаго способа, частію азіатскаго; кажется, всѣ эти шелки качества удовлетворительнаго; если жъ есть въ нихъ нѣкоторыя недостатки, то все подаетъ надежду, что рано или поздно недостатки исчезнутъ и шелки шекинскіе сдѣлаются важною отраслію внутренней и внешней торговли.

Шелкъ разнаго сорта братьевъ *Макдусіевыхъ*, кизлярскихъ гражданъ, можетъ быть упомянуть какъ чрезвычайно-тонкій. Напротивъ того, шелки *брусскій*, *кашанскій* и *цемахинскій* для утока и основы шерховаты и грубы на видъ; быть можетъ, они съ пользою служили бы для дешевыхъ тканей. Крашенные шелки московскихъ фабрикантовъ *Андріена* и *Брылева* заслуживаютъ полное одобреніе. Соперникомъ ихъ явился *г. Даме*. Шелки послѣдняго окрашены превосходно въ различныя цвѣта. Замѣтимъ однако, что его розовый цвѣтъ несовсѣмъ-чистъ и уступаетъ шелку, окрашенному въ розовый цвѣтъ воспитанниками Технологическаго Института. — Образецъ шелка, добытаго въ Санктпетербургской Губерніи *г. Маббу* безъ шелковичнаго листа, любопытенъ, хотя и не долженъ имѣть важныхъ послѣдствій при нашемъ суровомъ и непостоянномъ климатѣ.

По части собственно-шелковой фабрикаціи, Москва покрыла себя славою. Издѣлія, доставленныя съ ея многочисленныхъ шелковыхъ фабрикъ, могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стать на-ряду съ подобными произведеніями иностранныхъ земель. Между

ими на первомъ мѣстѣ надлежитъ поставить атласы *броше* и *брасоне* мануфактур-совѣтника *Кондрашева*, и газовыя издѣлія мануфактур-совѣтника *Рогожина*. Последнія особенно отличаются легкостью и красивостью рисунка; цвѣта также хорошо прибраны. Цѣны симъ издѣліямъ нельзя признать слишкомъ высокими. Вообще, какъ въ издѣліяхъ *Кондрашева*, такъ и въ издѣліяхъ *Рогожина*, замѣтно рѣшительное стремленіе къ совершенству. Въ атласахъ и гроденапяхъ перваго можно бы пожелать лучшей аппретуры: это одна только часть московской фабрикаціи шелковыхъ матерій, въ которой еще возможны существенныя улучшенія. Шелковыя матеріи *Рошфора* должны быть поставлены на-ряду съ первыми. Шелковая термалама и фуляры московскіе выставлены въ изобиліи. Лучшія принадлежатъ *Шшиову*, *Борисову* и братьямъ *Горшковымъ*.—Изъ санктпетербургскихъ шелковыхъ фабрикантовъ мы упомянемъ здѣсь объ одномъ лишь главнѣйшемъ, г. *Бинардѣ*. Ему принадлежитъ заведеніе безъ-сомнѣнія значительнѣйшее въ Россіи, и которое по обширности производства, по разнообразію издѣлій могло бы занять почетное мѣсто и въ чужихъ краяхъ, гдѣ мануфактуры вообще представляютъ болѣе развитія. *Г. Долтеевъ* представилъ образцы разныхъ орденскихъ лентъ российскихъ и иностранныхъ. Вообще можно сказать, что издѣлія шелковыя послѣ суконъ и бумажныхъ издѣлій занимаютъ важнѣйшее мѣсто на выставкѣ сего года. Въ нашемъ краткомъ обзорѣи мы могли упомянуть только о весьма-немногихъ фабрикантахъ; между-тѣмъ похвала должна относиться ко всемъ, потому-что всѣ болѣе или менѣе содѣйствовали улучшенію этой отрасли мануфактуръ.

Образцы волооченаго золота и серебра представлены братьями *Алексеевыми*, московскими фабрикантами. Издѣлія эти служатъ важною отпускнуою статью въ нашей азіатской торговлѣ. Офицерскія вещи *Битнера* нимаго не измѣнили своихъ качествъ: онѣ дороги и хороши по-прежнѣму. Но всего замѣчательнѣе офицерскія вещи съ казенной санктпетербургской фабрики; цѣна имъ показана въ-половину менѣ издѣлій Битнера, между-тѣмъ, какъ въ наружномъ видѣ и добротѣ, онѣ едвали уступать этимъ послѣднимъ. Главная разница та, что вещи на фабрикѣ Битнера работаются руками женщинъ, а на казенной фабрикѣ ихъ готовятъ грубыя и некрасивыя руки солдатскія. Отдѣленіе парчей и газетовъ отличается рѣдкимъ богатствомъ, котораго, быть-можетъ, не представляютъ ни Франція и никакія другія иностранныя земли. Особенно фабрикація газетовъ тонкихъ для платья сдѣлала важные успѣхи. Издѣлія *г. Колокольникова* могутъ назваться истинно-образцовыми: ихъ блескъ и легкость дѣлаютъ ихъ совершенно приличными для ихъ назначенія. Издѣлія *г. Полякова* могутъ стать во всемъ наравнѣ съ первыми: есть даже между сими послѣдними нѣкоторыя газеты, особенно замѣчательныя по рисунку: таковъ газеть серебряный съ розовыми гирляндами. Парчи и штюфы *гг. Левиныхъ* представляютъ также рѣдкое совершенство. Вообще это одна изъ тѣхъ отраслей нашей промышленности, которою мы можемъ щеголять передъ иностранцами.

Наконецъ намъ остается только упомянуть о различныхъ хронометрахъ и часахъ, выставленныхъ въ послѣдней залѣ. Изъ первыхъ надлежитъ обратить особенное вниманіе на хронометры *г. Гаута*, впрочемъ малодоступныя по ихъ высокой цѣнѣ: отъ 1500

до 5000 руб. Хронометры гг. *Юмсона* и *Винтера* не столь дороги и, должно полагать, удовлетворительны. Въ этомъ отдѣлѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій суть столовые недѣльные часы, работы вологодскаго крестьянина *Льва Логвинова*. Трудно понять, какъ этотъ человекъ успѣлъ усовершенствоваться въ столь трудномъ искусствѣ. Тутъ же выставлены, какъ образцы рѣзнаго искусства, разные слѣпки и медали съ санктпетербуржскаго Монетнаго Двора. Большая часть изъ нихъ отличается совершенствомъ чекана, а медали изобрѣтенія *графа Толстаго* принадлежать къ числу лучшихъ художественныхъ произведеній въ этомъ родѣ.

Въ той же самой залѣ выставлены нормальные мѣры и вѣсы, приготовленные подъ наблюдениемъ Комисіи, Высочайше-учрежденной для этой цѣли, механикомъ Императорской Академіи Наукъ *Гиргенсомъ*. Между ими найдете основную російскую платиновую сажень, также основной російскій фунтъ изъ платины, и вообще полное собраніе нормальныхъ образцовъ російскихъ мѣръ длины, ёмкости и вѣса (*), также собраніе мѣръ и вѣса разныхъ иностранныхъ государствъ.

Любопытныя машины эти самымъ приличнымъ образомъ заключаютъ собою длинный рядъ отечественныхъ издѣлій, по которому мы такъ быстро прошли, указывая только на важнѣйшія, или, лучше сказать,

---

(*) Просимъ читателей припомнить статью нашего академика А. Я. Купфера: *Русская метрическая Система*, въ которой объясняется значеніе этихъ мѣръ и которая напечатана въ III-мъ томѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ «Смѣси» стр. 1.

на отличительные признаки нашего мануфактурнаго производства. Повторимъ еще разъ сказанное выше: выставка не можетъ быть вѣрнымъ отраженіемъ промышленности цѣлаго огромнаго государства, какова Россія; она должна только сблизить потребителей съ производителями: первымъ дать почувствовать, что можетъ совершить и что уже совершила промышленность, и чрезъ то пробудить въ нихъ необходимое довѣріе. Въ послѣднихъ же должна раскрыть въ высшей степени духъ соперничества,—главное условіе преуспѣянія всякаго рода мануфактуръ. Въ то же время выставка есть важная мѣра правительственная: она даетъ средство администраціи принять прямое участіе въ ходѣ промышленности, поощрить достойныхъ, указать на недостатки явные и скрытныя, преподать мѣры къ ихъ отвращенію и вообще оцѣнить все и всякаго по заслугамъ и старанію. Не знаемъ, какую выгоду приносятъ подобныя выставки въ другихъ государствахъ; но у насъ эти выгоды, кажется, несомнѣнны. Чтобы убѣдиться въ томъ, стѣдуетъ только сравнить выставки прошедшихъ годовъ съ настоящею: нельзя не удивляться постоянному умноженію числа издѣлій и еще болѣе видимому улучшенію ихъ качества. Одно обстоятельство придаетъ у насъ этимъ юбилеямъ промышленности значеніе особенно - высокое въ глазахъ всей Росіи,—то-есть постоянное и отеческое вниманіе, обращаемое Государемъ Императоромъ и всею августѣйшею фамиліею на успѣхи отечественной промышленности. Ничто такъ не трогаетъ сердца нашихъ фабрикантовъ, какъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ изъ устъ обожаемаго Монарха. Слова эти глубоко западаютъ въ ихъ душу и служатъ для нихъ лучшею наградою за понесенныя труды, и лучшимъ поощреніемъ къ стараніямъ новымъ и не-

усыпнымъ. Такъ все у насъ зиждется по манію одной и той же силы, и все хранится при ея благотворномъ вліяніи въ порядкѣ единомъ и ненарушимомъ!

А. В—ТО—

ГЛАВНАЯ ПУЛКОВСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ.

1839 года, августа 7-го дня, происходило открытіе *Главной Обсерваторіи*, воздвигнутой на Пулковой Горѣ, находящейся на царскосельской дорогѣ, въ 18 верстахъ отъ Санктпетербурга. Открытіе началось благодарственнымъ молебномъ съ водоосвященіемъ, по окончаніи котораго всѣ залы обсерваторіи были окроплены святой водой. Послѣ того директоръ обсерваторіи, г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и академикъ Струве, открывъ залы обсерваторіи, объяснялъ строеніе и употребленіе астрономическихъ снарядовъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, проникнутымъ и глубокой ученостью, и любовью къ наукѣ. Объясненіе свое заключилъ онъ приличною рѣчью, послѣ которой розданы были серебряныя и бронзовыя медали, выбитыя на случай этого событія, незабвеннаго въ лѣтописяхъ просвѣщенія Россіи. На одной сторонѣ медали находятся священное изображеніе Государя Императора съ надписью: «Б. М. Николай I. Императоръ и Самодержецъ Всеросс.»; на другой же ея сторонѣ представленъ величественный фасадъ обсерваторіи, окруженный знаками зодіака съ надписями, въ

Т. V. — Отд. I.

верху: «1839 года» и въ-низу: «повелѣніемъ Императора Николая I». — Во время обѣденнаго стола тостъ за здравіе Государя Императора выпить былъ съ провозглашеніемъ « ура ! » не только присутствовавшими за обѣдомъ, но и народомъ, окружавшимъ открытую великолѣпную палатку, въ которой были роскошно угощаемы поѣстители.

Торжественный сей актъ происходилъ въ-присутствіи его высокопревосходительства господина министра народнаго просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, вице-президента Санктпетербургской Академіи Наукъ и попечителя Санктпетербургскаго Университета князя Дондукова-Корсакова, многихъ иностранныхъ посланниковъ, знаменитыхъ русскихъ адмираловъ, почти всѣхъ членовъ Академіи Наукъ, всѣхъ русскихъ астрономовъ и многихъ другихъ особъ, извѣстныхъ своими знаніями и трудами по астрономіи.

Общее удивленіе поѣстителей свидѣтельствовало о превосходномъ устройствѣ обсерваторіи, снабженной единственными въ свѣтъ снарядами.

Для удовлетворенія любопытства читателей нашего журнала, предлагаемъ краткое описаніе этого необыкновеннаго заведенія: пространное его описаніе составило бы большую книгу.

Главный фасадъ обсерваторіи обращенъ къ сѣверу. Взойдетъ на крыльцо, вы увидите длинную аллею, которая кажется начинающеюся у подошвы Пулковой Горы и въ концѣ пересѣкается двойной колоннадой: это царскосельское шоссе, обсаженное густыми липами, и триумфальныя ворота на московскомъ вѣздѣ въ Петербургъ. Обративъ взоры и въ другія стороны, вы увѣритесь, что обсерваторія построена на холмѣ, съ котораго открывается обширнѣйшій горизонтъ, и для наблюденій нѣтъ никакихъ препят-

ствій. Есть преданіе, что Петръ I часто посѣщалъ это мѣсто, съ котораго онъ могъ любоваться новорожденнымъ городомъ и обозрѣвать окружающую его равнину—тогда, безъ-сомнѣнія, непроходимую, а нынѣ покрытую нивами, пересѣкаемую желѣзною дорогою, украшенную прелестными дачами, колоніями, слободами, продолжающими Петербургъ до самаго Царскаго Села. Невольно задумаетесь надъ этимъ чуднымъ превращеніемъ; невольно вообразите себѣ удивленіе, которое поразило бы самого великаго преобразователя, когда бы на дикой Пулковой Горѣ онъ увидѣлъ великолѣпную обсерваторію, и сравнилъ бы ея снаряды съ своимъ математическимъ приборомъ и компасомъ штурмана.

Но пойдѣмъ въ обсерваторію. Вотъ, обширная, круглая зала, которой сводъ поддерживается столбами, соединенными между собою красивыми арками. На южной сторонѣ ея ниша съ мраморнымъ бюстомъ Государя Императора: да преклонится всякій предъ изображеніемъ великаго потомка божественнаго Петра! — Изъ залы, кромѣ главнаго входа, три двери — на восточной, западной и южной ея сторонахъ. Эти двери ведутъ въ главные залы обсерваторіи; въ нихъ помѣщены астрономическіе снаряды. . . Въ восточной залѣ находится *полуденный кругъ* работы Репсолыда; онъ состоитъ изъ семифутовой трубы, помѣщенной на горизонтальной оси между двухъ вертикальныхъ круговъ, изъ которыхъ одинъ назначенъ для приближенной поставки трубы по высотѣ наблюдаемыхъ звѣздъ, а другой для точныхъ наблюдений надъ ихъ высотами; четыре микроскопа, утвержденные въ особенной рамѣ, замѣняютъ четыре верниера или новіуса и способствуютъ наблюдать высоты до $\frac{1}{3}$ секунды. Горизонтальная ось снаряда лежитъ въ

гнѣздахъ, утвержденныхъ въ гранитныхъ столбахъ. Противъ трубы, на сѣверъ и югъ, на такихъ же столбахъ укрѣплены неподвижно два *коллиматора*, изобрѣтенные г. Струве. Подлѣ круга, на гранитномъ подножии, поставлены часы Гаута, которыхъ маятникъ со ртутною *компенсациею*. Въ той же залѣ помѣщены еще небольшой кругъ Репсольда, теодолитъ и универсальный снарядъ. Итакъ залу эту можно назвать *репсольдовой*.

Въ западной залѣ находится огромная *пассажная труба* и *астрономическій кругъ*, работы знаменитаго *Эртеля*. Одно имя этого гениальнаго человѣка, который изъ простаго слѣсаря сдѣлался великимъ художникомъ астрономическихъ снарядовъ, есть уже достаточное свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ инструментовъ, вышедшихъ изъ его мастерской. Прибавьте къ этому огромные размѣры, и тогда поймете, что одна эта зала превосходитъ многія европейскія обсерваторіи. Между упомянутыми снарядами помѣщены гаутовы часы. И снаряды и часы утверждены на гранитныхъ столбахъ.

Возвратившись въ круглую залу, перейдите изъ нея въ южную, гдѣ увидите пассажную трубу, поставленную въ *первомъ вертикаль*, т. е. зрительная ось этой трубы направлена перпендикулярно къ полюсной линіи или къ меридіану обсерваторіи. Обратите вниманіе на этотъ снарядъ, совершенно-новый по устройству и установкѣ. Онъ сдѣланъ Репсольдомъ по идеѣ г. Струве. Труба прикрѣплена къ концу горизонтальной оси, которая лежитъ въ гнѣздахъ на одной гранитной массѣ, вытесанной въ видѣ двухъ усѣченныхъ пирамидъ; между ними помѣщается остроумно-придуманная машина для переложенія снаряда отъ юга къ сѣверу. Для предохраненія оси отъ по-

гнутия тяжестью трубы, внутри ея заключены пере-
вѣсь. Трубы соответствуютъ два прорѣза въ стѣнахъ
залы. Для большей точности наблюдений, въ продол-
женіе ихъ уровень не снимается съ трубы, и, не смо-
тря на его возвышенное положеніе, дѣленія его мож-
но видѣть съ пола, ибо они отражаются въ зеркаль,
наклоненномъ надъ уровнемъ.

Круглая зала каменная; боковыя же—деревянные;
на круглой залѣ основана главная башня; боковыя
прилипаютъ къ двумъ другимъ башнямъ, меньшаго
размѣра противъ главной. Изъ нихъ въ западной по-
ставленъ *гелиометръ* изъ оптического заведенія Утц-
швейдера, утвержденный на камнѣ и имѣющій па-
раллактическое движеніе посредствомъ часоваго при-
бора. Восточная башня назначена для діаметрической
трубы *Плесселя*, которая еще не получена. Наконецъ,
когда взойдете на главную башню, тогда онѣмѣте
отъ удивленія предъ гигантскимъ *рефракторомъ*, ис-
тиво-безсмертнымъ произведеніемъ механика *Мертца*,
принадлежащаго къ упомянутому заведенію Утц-
швейдера. Этотъ снарядъ длиною въ 25 футъ или въ
3 сажени; предметное его стекло имѣетъ въ діаметрѣ
14 дюймовъ и вѣситъ $1\frac{1}{2}$ пуда. Смы огромный раз-
мѣрамъ соответствуютъ и прочія его части; а между-
тѣмъ вся машина такъ вѣрно уравновѣшена, что на-
блюдатель можетъ поворачивать ее легкимъ прикос-
новеніемъ руки. Она имѣетъ параллактическое дви-
женіе и также утверждена на гранитѣ.

Въ архитектурномъ отношеніи Пулковская Obser-
ваторія есть произведеніе изящное, въ механическомъ
же—совершенное: посмотрите, съ какою удобностью
отворяются и затворяются ставни въ прорѣзахъ, или
трапы, и съ какою легкостью обращаются всѣ башни
на своихъ основаніяхъ!—Эта обсерваторія отличается

еще особенною новостью: всѣ ея залы и башни могутъ нагрѣваться духовыми печами. Опытъ покажетъ, до какой степени будетъ полезно такое нововведеніе.

Съ восточной и западной сторонъ обсерваторіи прилегаютъ къ ней два каменные дву-этажные дома, назначенные для жительства г. директора, четырехъ его помощниковъ, механика, смотрителя и служителей обсерваторіи.

Поватно, что такое обширное и роскошное заведеніе требовало значительныхъ суммъ; и какъ правительство не можетъ дѣлать бесполезныхъ издержекъ, то вопросъ: «вознаградится ли онъ тою пользою, которую принесетъ обсерваторія?» представляется самъ собою. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ совершенно-удовлетворительно, надобно показать, въ какомъ состояніи находится нынѣ астрономія, и что нужно для дальнѣйшаго ея совершенствованія; но подробное изслѣдованіе сихъ предметовъ не можетъ быть здѣсь предложено: упомянемъ только объ одномъ обстоятельстве. Мудрое и благодѣтельное правительство ничего не щадитъ для распространенія просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Для приобрѣтенія знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ отправляетъ оно молодыхъ ученыхъ въ чужіе края, что необходимо требуетъ денежныхъ пособій: но нынѣ, послѣ открытія Пулковской Обсерваторіи, являть уже надобности ѣздить въ Германію и Англію для изученія практической астрономіи: эта обсерваторія представляетъ для сего такія пособія, какихъ нельзя найти ни въ одномъ государствѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Сюда должны стекаться и астрономы, и мореходцы, и географы не только русскіе, но и иностранные. Итакъ Пулковскую Обсерваторію надобно отнести къ тѣмъ средствамъ, которыя съ такими быстрыми успѣхами употребляетъ правитель-

ство для уничтоженія умственной зависимости Россіи отъ иностранцевъ.

Остается еще одно замѣчаніе: зданіе и снаряды сами по себѣ мертвы; они должны быть одушевлены искусствомъ и дѣятельностью наблюдателей. И въ этомъ отношеніи Пулковская Обсерваторія превзойдетъ всѣ европейскія: за то ручается знаменитое имя ея директора, пріобрѣтшаго неоспоримую славу измѣреніемъ градусовъ меридіана въ Остзейскихъ провинціяхъ, многочисленными наблюденіями надъ двойными звѣздами и образованіемъ многихъ достойныхъ астрономовъ.

Д. П.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССІИ ВЪ 1838 ГОДУ.

«Россійская внѣшняя торговля въ 1838 году представляетъ явленія, которымъ давно не было у насъ примѣра: чрезвычайно-большое требованіе нашихъ *продуктовъ при высокихъ цѣнахъ* на оныя, и значительное *возвышеніе вексельнаго курса*; сверхъ-того недостаточный урожай въ Англіи и другихъ европейскихъ державахъ въ 1838 году *увеличили отпускъ хлѣба изъ нашихъ портовъ.*» Вотъ что сказано въ недавно изданной министерствомъ финансовъ четырнадцатой книжкѣ «Видовъ Торговли». Эти слова есть истинный, непреложный результатъ, выводимый изъ разсмотрѣнія внѣшней торговли Россіи въ прошломъ году. Результатъ сей легко и самъ собою выводится изъ слѣдующихъ показаній.

Въ 1838 году отпущено изъ Россіи за границу, также въ Финляндію и Царство Польское товаровъ на . . . . . 313,525,687 руб.
Привезено въ Россію товаровъ на . 247,715,492 —
Перевѣсъ отпуска надъ привозомъ 65,810,195 руб.

Въ пополненіе этого перевѣса, ввезено въ Россію золота и серебра въ слиткахъ и монетъ на 26,005,277 рублей. Но эта сумма не уравнивала суммы перевѣса, и отпускъ товаровъ превѣшалъ привозъ почти на 10 милліоновъ рублей. Хотя иностранцы не могли, что само собою разумѣется, вывести отъ насъ товаровъ, не заплатя за нихъ своимъ товаромъ или деньгами равной цѣнности, и, слѣдовательно, недостатокъ привоза пополнялся разными путями, однако ходъ вексельнаго курса, постоянно-возвышавшагося въ пользу Россіи, показываетъ вѣрно, что перевѣсъ отпуска надъ привозомъ продолжался во все минувшее лѣто, и пополненіе его платежомъ требовало со стороны иностранцевъ усиленныхъ средствъ.

Вышеприведенное сравненіе отпуска съ привозомъ показываетъ только приблизительный торговый перевѣсъ, а точнымъ принято быть не можетъ, особенно въ отношеніи государственнаго баланса. Въ «Видахъ вѣншей Торговли» означается только та сумма товаровъ или денегъ, которая поступаетъ по таможеннымъ объявленіямъ, но въ государство входятъ и изъ него выходятъ еще другія цѣнности, которыхъ участь нѣтъ возможности, но которыя имѣютъ свое полное вліяніе на состояніе баланса. Таковы, во-первыхъ, товары, поступающіе контрабандою; во-вторыхъ, суммы ввозимыя и вывозимыя путешественниками и разными другими лицами; въ-третьихъ, вексельные переводы по разнымъ потребностямъ, торговымъ и не-торговымъ. Только состояніе переводнаго вексельнаго курса можетъ вѣрно показывать, гдѣ находится перевѣсъ; на сторонѣ отпуска или привоза. Чѣмъ больше требуется денегъ въ Россію, для платежа за наши произведенія, тѣмъ выше поднимается курсъ, то-есть, тѣмъ дороже

платится за нашъ рубль въ иностранныхъ земляхъ тамошними деньгами; напротивъ, чѣмъ больше скапливается здѣсь свободныхъ денегъ за привезенные товары, и чѣмъ больше ихъ предлагается для перевода за границу, тѣмъ дешевле упадетъ цѣна нашего рубля на иностранную монету. Въ 1838 году, курсъ въ Санктпетербургѣ имѣлъ слѣдующее возвышеніе:

На Лондонъ возвысился отъ	10 ³ / ₄	до 12 пенсаевъ.
— Амстердамъ — — —	52 ¹ / ₂	до 56 ¹ / ₄ пенсаевъ.
— Гамбургъ — — —	9 ¹ / ₁₆	- 10 ³ / ₁₆ шиллингъ.
— Парижъ — — —	110 ³ / ₄	- 122 сантимъ.

Съ января до мая курсъ держался довольно-одинаково, а съ мая до декабря продолжалъ постоянно возвышаться. На-примѣръ, сто рублей ассигнаціями, въ январѣ 1838 года, стоили въ Лондонѣ поменьше 88 шиллинговъ, а въ декабрѣ того же года за тѣ же сто рублей давали тамъ 100 шиллинговъ. Эта разница въ курсъ составляетъ болѣе 13¹/₂ процентовъ: вѣроятно, она доставила въ пользу Россіи болѣе 15 милліоновъ рублей въ-теченіе того года. О вліяніи курса, какое происходило отъ его возвышенія, на привозъ въ Россію серебра и золота мы скажемъ далѣе. Теперь обратимся къ количеству главнѣйшихъ товаровъ; посмотримъ, какъ велики были привозъ и отпускъ ихъ въ 1838 году, и сдѣлаемъ сравненіе съ сложнымъ изъ десяти предшествовавшихъ лѣтъ.

Вывезено за границу:

	Сложный изъ 10 лѣтъ.	Въ 1838 году.
Хлѣба всякаго, по цѣнѣ на . руб.	55,876,510	53,048,374
Льна . . . . . пуд.	2,203,646	3,413,712
Пеньки . . . . . —	2,607,658	3,210,221
Сала . . . . . —	4,161,548	3,947,749
Воска . . . . . —	38,089	24,603
Сѣмени льнян. и конопл. . . четв.	651,510	1,007,484
Масла . . . . . пуд.	330,798	92,094
Мѣди . . . . . —	203,973	159,633
Желѣза . . . . . —	1,424,152	1,159,080
Шетины . . . . . —	64,263	83,915
Кожа: юфти . . . . . руб.	4,115,296	3,875,616
— невыдѣланныхъ . . . . . —	5,260,331	3,355,195
Щерсти овечьей . . . . . пуд.	202,025	363,219
Веревокъ и канатовъ . . . . . —	306,923	269,745
Полотна разнаго . . . . . куск.	195,312	210,995

Изъ таблицы видно, что отпускъ 1838 года нашихъ главнѣйшихъ товаровъ, по-большей-части, превышалъ количествомъ сложный десятилѣтній отпускъ. И дѣйствительно, на хлѣбъ, ленъ, пеньку и сало было въ томъ году сильное требованіе, и при-томъ, не смотря на возвышеніе курса, цѣны платились высокія. Количествомъ и цѣнностію отпуска, 1838-й годъ превышалъ не только десятилѣтнюю сложность, но также и оба предшествовавшіе ему года. Отъ возвышенія цѣнъ и увеличеннаго вывоза государство и частная промышленность приобрѣли у насъ значительныя выгоды. Въ Санктпетербургѣ сало желтое 1-го сорта повысилось отъ 125 руб. до 161 рубля за берковецъ; пенька отъ 83 руб. до 103 руб.; ленъ отъ 95 до 120 руб. за берковецъ. Пшеница дошла въ Санктпетербургѣ отъ 22 до 31 руб., въ Ригѣ отъ 22½ до 36 руб., въ Одессѣ отъ 18 до 26 руб. за четверть.

<i>Привезено въ Россію изъ-за границы.</i>	Сложный изъ 10 лѣтъ	Въ 1838 году.
Бумаги: хлопчатой . . . . . пуд.	160,981	526,707
— пряденой бѣлой . . . . . —	528,475	606,667
Сахарнаго песка . . . . . —	1,445,189	1,634,908
Шелка . . . . . —	12,479	11,650
Машины и инструменты для ремеслъ и фабрикъ на . . . . . руб.	1,747,783	4,398,793
Садыла и прочіихъ красокъ на —	13,451,719	19,686,598
Коее . . . . . пуд.	125,989	101,901
Винъ разныхъ на . . . . . руб.	14,190,283	18,569,140
Издѣлій: бумажныхъ . . . . . —	11,127,480	13,977,561
— шелковыхъ . . . . . —	8,937,560	11,876,068
— льняныхъ . . . . . —	892,530	1,454,710
— шерстяныхъ . . . . . —	8,758,360	8,882,432

Изъ этой таблицы, вообще, видно, что въ 1838 году привозъ иностранныхъ товаровъ былъ большой и во многомъ превосходилъ сложный десятилѣтній; даже во многихъ товарахъ привозъ въ 1838 году количествомъ былъ значительнѣе привоза двухъ предшествовавшихъ лѣтъ. Но цѣнность этого привоза, соразмѣрно количеству, была меньше въ сравненіи съ прежними годами. Этому уменьшенію цѣнности, которое обращалось въ пользу Россіи, было причиною возвышеніе курса: при низкомъ курсѣ, сходно заграничный товаръ продать здѣсь дешевле, нежели при высокомъ. При сравненіи привозныхъ статей въ отдельности можно замѣтить посредствомъ ихъ возрастаніе и умноженіе у насъ фабрикъ, или вообще фабричной и мануфактурной промышленности, потому что привозъ усилился во всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ, которыя наиболѣе требуются и перерабатываются на нашихъ заведеніяхъ, какъ на-примѣръ, хлопчатая и пряденая бумага, сахарный песокъ, краски, и особенно машины. Такъ привозъ хлопчатой бумаги съдѣлался вдвое болѣе сложнаго десятилѣтняго, потому-

что у насъ годъ отъ года умножается число хлопчатобумажныхъ прядиленъ. Употребленіе бумажныхъ тканей, возрастая постоянно, съ каждымъ годомъ требуетъ болѣе и болѣе бумажной пряжи. Почти три части нужнаго количества пряжи привозятся къ намъ отъ иностранцевъ, а четвертая часть, около 200,000 пудовъ, готовится дома, въ Россіи. Распространеніе и улучшеніе нашей фабричной промышленности еще болѣе доказывается быстрымъ и значительнымъ усиленіемъ привоза машинъ и орудій, нужныхъ для ремеселъ и фабрикъ. Нынѣ стали яснѣе различать, что хорошимъ орудіемъ или удачною машиною можно гораздо болѣе и лучше сдѣлать, нежели орудіемъ худымъ или неудобнымъ. Эта статья привоза въ Россію увеличилась почти втрое противъ десятилѣтней сложности. Усиленіе привоза сандала и красокъ, которые необходимы для набивныхъ и цвѣтныхъ тканей, показываетъ увеличеніе красильнаго производства. Хотя крашеніе, въ простомъ видѣ, давно употребляется въ Россіи, однако прежде множество цвѣтной пряжи, цвѣтныхъ и набивныхъ тканей привозилось къ намъ изъ иностранныхъ земель; нынѣ же набивка вся производится въ Россіи, и много красится красной бумажной пряжи и гладкихъ тканей. — Привозъ сахарнаго песка также увеличился, и въ прошедшемъ году былъ одною седьмою ($\frac{1}{7}$) частию болѣе сложнаго десятилѣтняго привоза; между-тѣмъ, въ послѣдніе 10 лѣтъ, возрасло у насъ производство свекольнаго сахара, котораго выдѣлываютъ въ годъ до 150,000 пудовъ, да усилилась выработка сахарной патоки изъ картофеля, которая также дѣлаетъ значительную замѣну настоящему сахару. Не смотря на все то, привозъ сахара, какъ выше показано, увеличился: вотъ какъ развивается промышленность, когда она имѣетъ основаніе

емъ настоящую потребность. — Увеличеніе привоза винъ и тканыхъ издѣлій, какъ видно по таблицѣ, такъ же можно отнести къ благопріятнымъ примѣтамъ: оно показываетъ умноженіе благосостоянія нашего внутренняго быта. Только дикари и бѣдные народы отказываютъ себѣ въ предметахъ роскоши; напротивъ, образованность всегда ищетъ улучшить и сдѣлать удобнѣе или пріятнѣе свое положеніе. Хотя можно желать, чтобы наше винодѣліе и наши ткацкія мануфактуры усиливали и улучшали свое производство, и чтобы мы имѣли свое вино и хорошія ткани, однако мы вовсе не держимся того мнѣнія, по которому считается верхомъ благополучія для государства одинъ отпускъ, а привозъ невыгодною. Отпускать нельзя товаровъ, и никто не станетъ того дѣлать, если въ-замѣнъ не получаютъ другихъ какихъ-нибудь произведеній. Истинное благосостояніе торговли и государства заключается въ быстротѣ и силѣ привоза и отпуски.

Въ 1838 году цѣны на иностранные товары стояли умеренныя: хлопчатая бумага и пряжа изъ нея были безъ возвышенія; на сахарный песокъ цѣна понизилась отъ 32½ до 28 рублей за пудъ, а на кофе поднялась отъ 56 до 58 руб., потому-что привозъ его былъ малъ; въ цѣнахъ на краски значительныхъ измѣненій не было.

Золото и серебро. Въ 1838 году движеніе серебра и золота въ монетахъ и слиткахъ, въ-отношенія вышней торговли, было слѣдующее:

Привезено: изъ
за границы . . . . на 24,228,779 руб.
изъ Царства Польскаго . . . . . на 11,922,575 —

Всего на — 36,151,354 руб.

Отпущено: за	
границу	на 8,217,732 руб.
въ Царства Польскаго	на 1,928,345 —
	<hr/>
	Всего на — 10,146,077 руб.
	<hr/>
	Осталось въ Россіи на — 26,005,277 руб.

Это количество металловъ раадвлялось еще слѣдующимъ образомъ:

	Привезено.	Отпущено.
	Рубли на ассигнаціи.	
<i>Въ слиткахъ</i> (въ отпускъ изъ Россіи (была часть платины), на . . . . . руб.	1,880,540	65,000
<i>Въ монетъ иностранной:</i>		
Заграничнаго . . . . . —	10,882,477	2,921,598
Ц. Польскаго . . . . . —	554,992	371,808
<i>Въ монетъ російской:</i>		
Заграничнаго . . . . . —	11,465,762	5,233,134
Ц. Польскаго . . . . . —	11,367,583	1,556,537

О привозъ въ государство золота и серебра и вывозъ ихъ изъ него происходятъ многіе толки, часто довольно неосновательные, а иногда и ложные. Вообще полагаютъ, что для государства всего выгоднѣе получать за отпускаемыя отъ себя произведенія серебромъ или золотомъ, и что привозъ золота и серебра въ государство всегда означаетъ благосостояніе его торговли. На этомъ основаніи, многіе радуются большому привозу въ государство тѣхъ металловъ, жалѣютъ, когда они вывозятся, и считаютъ выгоднымъ запрещеніе подобнаго вывоза. При разсмотрѣши нынѣшняго торговаго баланса, мы сочли при-

личнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Золото и серебро привозятся въ государство или какъ деньги въ платежъ за купленные произведенія, или поступаютъ сами какъ товаръ на продажу. Въ Россію они ввозятся съ тою и другою цѣлю. По нашему мнѣнію, сильный и излишній привозъ этихъ металловъ, въ обонхъ вышесказанныхъ случаяхъ, означаетъ болѣе неблагоприятное положеніе торговли, нежели хорошее. Цвѣтущее состояніе промышленности заключается, какъ выше сказано, въ живости и быстротѣ оборотовъ, гдѣ покупка и продажа дѣятельно исполняются разными произведеніями, при посредствѣ кредитныхъ переводовъ, а звонкая монета употребляется въ небольшомъ количествѣ только на необходимыя додачи счетовъ. Богатство народа состоитъ въ трудѣ и дѣятельности: а какъ деньги, служа средствомъ къ оцѣнкѣ труда и вещи, сами для себя труда не требуютъ, то онѣ и не могутъ непосредственно умножать богатства. Возьмемъ въ прииѣръ дикаря, который живетъ охотою или рыболовствомъ, и поселанина, обрабатывающаго пашию: сколько бы ни было у дикаря денегъ, сами по себѣ, онѣ не прибавятъ ему богатства, и онѣ будутъ даже и съ ними всегда бѣднѣе трудолюбиваго поселанина. — Такимъ-образомъ, гдѣ изъ государства берутся произведенія болѣе за деньги, тамъ меньше можетъ быть промышленной дѣятельности, нежели тамъ, гдѣ онѣ берутся болѣе за товары. — Разсмотримъ другой случай, когда золото и серебро ввозятся какъ товаръ. Въ этомъ случаѣ, они бываютъ иногда бесполезныя денегъ, когда поступаютъ не на переработку въ какія-нибудь издѣлія. Привозъ и вывозъ дорогихъ металловъ, въ видѣ товара, про-

исходитьъ непрерывно изъ одного мѣста въ другое, потому-что цѣна имъ измѣняется: какъ скоро гдѣ-нибудь серебро или золото подорожаетъ, такъ-что разница въ цѣнѣ можетъ окупить провозъ и доставить процента два пользы, тотчасъ начинаютъ въ то мѣсто отправлять такой металлъ; и на-оборотъ, если въ последнемъ мѣствѣ подешевѣетъ золото или серебро, ихъ немедленно вывозятъ туда, гдѣ болѣе за нихъ получить можно. Какая же польза отъ подобнаго ввоза дорогихъ металловъ можетъ быть для государства, если они не возбуждаютъ собою труда? Кажется, никакой. Даже ввозъ ихъ невыгоденъ, если онъ замѣняетъ собою привозъ какого-нибудь произведенія, которое могло бы переработаться и увеличить трудъ въ государствѣ. Вотъ какъ можно узнать, дорого или дешево золото или серебро въ-отношеніи какого-нибудь мѣста. На-примѣръ, 100 французскихъ золотыхъ двадцати франковиковъ, которые извѣстны у насъ подъ простымъ названіемъ *лобанчиковъ*, всомъ заключающагося въ нихъ золота равняются почти 95% нашихъ полуимперіаловъ, и у насъ по такой цѣнѣ могутъ быть проданы; но, при нынѣшнемъ курсѣ въ 417 сантимъ за цѣлковый, 100 лобанчиковъ обойдутся сюда цѣною около 93 полуимперіаловъ, и слѣдовательно при продажѣ ихъ здѣсь за 95% могутъ дать пользы около 2% процентовъ. Стало-быть, при означенномъ курсѣ можно во Франціи купить для Россіи золото дешевле, нежели оно стоитъ здѣсь. Подобная же причина произвела въ 1838 году большой вывозъ серебра изъ Царства Польскаго въ Россію. Тогда, нѣсколько времени, пятизолотная монета ходила здѣсь по три счетные рубля; но, въ-сравненіи съ цѣлковымъ рублемъ, который принимался въ 3 р. 75 коп., она

стоила действительно только 2 руб. 81¼ коп., и почти за эту цѣну можно было купить ее въ Польшѣ. Следовательно, разница составляла около 6% процентовъ. Эта разница была такъ значительна и выгодна, что мѣнялы нарочно, на переменныхъ тройкахъ, вели сюда изъ Царства Польскаго пятизлотники. По объявленіи же этой монеты цѣны здѣсь въ 2 руб. 80 коп. не только привозъ ея сюда прекратился, но она вовсе исчезла изъ здѣшняго обращенія, то-есть, была увезена въ другое мѣсто. Излишній привозъ золота и серебра самъ по себѣ уже тотчасъ ронить этимъ металламъ цѣну, и заставляетъ вывозить ихъ.

«Виды Торговли» доставляютъ еще другую точку зрѣнія, съ которой также любопытно взглянуть на нашу торговлю. Это взглядъ на наши торговые сношенія по народамъ, съ которыми Россія торгуетъ.

Царство Польское. Туда изъ Россіи отпущено товаровъ на . . . . . 9,593,577 руб.
Оттуда въ Россію привезено на 2,570,142
Перевѣсъ отпуска — 7,023,435 руб.

Главные товары отпуска :

Хлѣба разнаго на . . . . . 2,362,051 руб.
Кожъ, мѣди, сала, поташа и шерсти на 1,606,325 —
Разныхъ издѣлій на . . . . . 1,084,889 —
Скота на . . . . . 2,511,002 —

Главные товары привоза:

Желѣза и шпиаутера на . . . . . 326,160 руб.
Ворсильныхъ шпшекъ на . . . . . 258,275 —
Суконъ на . . . . . 1,175,960 —

Финляндія. Отпускъ туда изъ Россіи разныхъ товаровъ простирается на . . . . . 3,915,854 руб.
Привозъ составлялъ на . . . . . 1,216,965 —

Перевѣсъ отпуска 2,698,889 руб.

Главные отпускные товары были: хлебъ на 2,872,290 руб., и табакъ на 207,402 рубля. Изъ привозныхъ от-туда, главный товаръ составляли желѣзо съ чугуномъ на 574,921 рубль.

Отпускъ и привозъ по наро-дамъ, съ которыми произво-дилась въ 1838 году торгов-ля:

По европейской торговль:

	Отпущено.	Привезено.
	Рублей на ассигнаціи.	
Швеція и Норвегія	5,990,742	2,476,190
Пруссія	12,263,429	8,211,121
Данія	2,803,472	676,205
Земль	4,524,566	— —
Ганзеатическіе города	5,983,832	30,524,339
Голландія	16,044,494	8,941,512
Великобританія	85,105,717	79,477,879
Франція	10,384,547	19,318,731
Испанія и Португалія	3,303,744	6,308,947
Италія	15,983,598	6,290,783
Австрія	13,950,710	11,637,872
Турція	19,640,791	14,635,137
Америка	3,743,800	25,272,640
Прочія мѣста	81,337,709	1,308,253

По азиатской торговль:

Азиатская Турція	1,439,712	1,749,564
Персія	3,577,987	10,262,415
Хива	— —	1,836
Киргизская Степь	3,439,568	3,748,041
Бухарія	1,181,886	2,948,897
Ташкентъ	887,875	1,005,220
Коканъ	40,356	102,344
Китай	8,286,055	8,046,057
Разныя мѣста	51,666	984,402

Итого 300,016,256 243,928,385

Изъ этой таблицы видно, что самая обширная и по суммѣ самая выгодная торговля Россіи производится съ Англіею; потомъ слѣдуетъ Турція, даде Австрія, Италия, Голландія, Пруссія и проч. Не столь выгодная торговля происходитъ съ ганзеатическими городами и Франціею. Объ азіатской скажемъ ниже. При сравненіи качества товаровъ, отпускаемыхъ и привозимыхъ, оказывается также большое различіе между торговыми мѣстами.

По качеству товаровъ, торговля съ Англіею ведется основательная и полезная, потому-что привозные и отпускные товары имѣютъ существенное достоинство. Англія беретъ изъ Россіи постоянно, на большія суммы, пшеницу, кожи, ленъ, пеньку, льсъ, сало, сѣмя льняное, шерсть, щетину; въ 1838 году, этихъ товаровъ было отпущено въ Англію слишкомъ на 79 милліоновъ рублей. На-оборотъ, главные товары изъ Англіи идутъ соль, бумага хлопчатая и пряденая, краски (главнѣйше индиго), металлы не въ дѣль (главнѣйше свинець), сахарный песокъ, бумажныя и шерстяныя издѣлія; этихъ товаровъ поступило, въ 1838 году, слишкомъ на $64\frac{1}{2}$ милліона рублей. — Турція и Италия берутъ отъ насъ преимущественно пшеницу; въ томъ году, въ первую было отпущено пшеницы слишкомъ на $12\frac{1}{2}$ милліоновъ, а въ послѣднюю почти на $14\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Изъ Турціи главные товары были вина, плоды, хлопчатая бумага, масло деревянное, шелкъ и бумажныя издѣлія; всего упомянутого привезено на 12 милліоновъ. Италия доставляла наиболѣе плоды и деревянное масло, на сумму около $4\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. — Въ Австрію главные отпущенные товары были пшеница, воскъ, юфть, шерсть, скотъ, мягкая рухлядь на сумму до 10 милліоновъ рублей. Изъ при-

возныхъ, главные были косы, серпы и шелковыя издѣлія, слишкомъ на 4 милліона рублей.—*Голландія* получала изъ Россіи главнѣйше рожь, пеньку, лѣсъ, поташъ, мѣдь, сѣмя льняное и шерсть, на сумму болѣе $12\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Привезены оттуда главнѣйше крапъ, индиго, сахарный песокъ и дорогіе камни, слишкомъ на $6\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей.—*Пруссія* вывозила болѣе рожь, ленъ, пеньку, лѣсъ, поташъ, мѣдь и сѣмя льняное, на сумму болѣе 8 милліоновъ рублей; главные вывезенные товары были шелкъ, его издѣлія и драгоценные камни, на сумму близъ $4\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.—Торговля съ Англією, Голландією и Пруссією преимущественно важна въ нашихъ балтійскихъ портахъ; отпуски пшеницы и другаго хлѣба въ Турцію и итальянскія владѣнія оживляютъ Новороссійскій Край; западная сухопутная торговля Россіи ведется болѣе съ Австрією, Германію получаетъ наши товары чрезъ Пруссію и Голландію, и частію чрезъ Гамбургъ. Швеція и Норвегія берутъ изъ Россіи главнѣйше хлѣбъ, особенно рожь, пеньку, сало и полотна, а въ-замѣнъ болѣе всего отпускаютъ рыбу (въ 1838 году было ея на $1\frac{3}{4}$ милліона рублей).

Отпускная торговля съ Францією, ганзеатическими городами и Америкою мала въ-сравненіи съ цѣнностію привозимыхъ оттуда товаровъ. Въ 1838 году Франція взяла отъ насъ около половины, а послѣдніе менѣе шестой части цѣнности привезенныхъ ими товаровъ. Во Францію отпускаются болѣе пшеница, пенька, лѣсъ, мѣдь, сало, сѣмя льняное, шерсть и щетина; въ томъ году было ихъ на сумму около $8\frac{3}{4}$ милліоновъ рублей. Привозятся изъ нея главнѣйше вина

(на 9½, миллионѣвъ, въ томъ числѣ одного шампанскаго вина было на 4 миллионѣ рублѣй), шелковыя и мелочныя товары (почти на 4 миллионѣ), крапъ, плоды, табакъ, москотильныя вещества, соль и дорогіе камни, всего на сумму почти 16½ миллионѣвъ рублѣй. *Ганзеатическіе города* берутъ наиболѣе пеньку, поташъ, масло конопляное, сѣмя льняное и полотна (послѣднія берутся почти всѣ для отправки въ Америку); отпущено было этихъ товаровъ съ небольшимъ на 3¼ миллионѣ рублѣй. Въ отношеніи отпуски, ганзеатическіе города служатъ болѣе посредниками между другими народами, привозятъ къ намъ ихъ произведенія, и пользуясь отъ-того на-счетъ обѣихъ сторонъ платою за провозъ и комиссію; потому и товары, поступающіе отъ нихъ, бывають не германскіе, а болѣе чужеземныя. Оттуда привозится главнѣйше кофе, табакъ (на 4¼ миллионѣ), сахарный песокъ, плоды, шелкъ, бумажныя, шелковыя и шерстяныя издѣлія, и разныя мелочи,—всего было въ 1838 году слишкомъ на 27 миллионѣвъ. — Въ Америку прямо идетъ отъ насъ мало товаровъ. Американскіе корабли, приходящіе къ Россію съ своими товарами, не могутъ забирать нашихъ на равную сумму, частию потому что грузы русскихъ товаровъ малоцѣннѣе американскихъ, частию и потому что американцы отправляются изъ Россіи иногда въ другія мѣста, а не обратно въ Америку. Въ 1838 году, изъ главнѣхъ товаровъ были отсюда отпущены рожь, пенька, желѣзо, полотна, веревки и канаты на сумму около 2¼ миллионѣвъ рублѣй. Изъ главнѣхъ, привезенныхъ оттуда, былъ сахарный песокъ (на 2¼ миллионѣ), потомъ кофе, хлопчатая бумага, табакъ и сандалъ,—всего болѣе нежели на 24 миллионѣ рублѣй.

Азіатская торговля, то-есть производимая Россіею съ пограничными азіатскими народами, вообще не представляется благовидною: въ 1838 году отпущено было въ Азію изъ Россіи разныхъ товаровъ на 18,905,105 рублей, а привезено оттуда въ Россію на 28,848,776 рублей; привозъ превъпшалъ отпускъ около 10 милльионовъ рублей. Для обозрѣнія этой торговли, по достоинству товаровъ, мы раздѣлимъ ее на три статьи: торговлю по закавказской границѣ, по киргизской и по китайской.

За Кавказомъ внѣшняя торговля производится съ Азіатскою Турціею и Персіею. Въ *первую* главными отпускными товарами въ томъ году были хлѣбъ, сырыя кожи, ткани и металлическія издѣлія, на сумму около 700 тысячъ рублей; привозъ составляли наиболѣе плоды, бумажныя ткани и пряжа, шелковыя ткани и мягкая рухлядь, на сумму болѣе милльона рублей.—Въ *Персію* шли наиболѣе мѣдь, желѣзо, разныя ткани и металлическія издѣлія, на сумму около 2 милльионовъ рублей; оттуда привозились главнѣйше бумажныя издѣлія (болѣе 6 милльионовъ) и пряжа, плоды, шелкъ, шелковыя и шерстяныя издѣлія и мягкая рухлядь, на сумму болѣе 9 милльионовъ рублей. О невыгодахъ этой торговли для Россіи скажемъ въ слѣдующей статьѣ, потому-что онѣ относятся къ одинаковому обстоятельству.

По киргизской границѣ торговля производится съ степными Киргизцами и съ пріѣзжающими Азіатцами изъ Хивы, Бухары, Ташкента и Кокана. Торговля съ ними неравна: выгодная для Россіи производится только съ Киргизцами. Главныя товары, идущіе къ Киргизцамъ, суть хлѣбъ, юфть, бумажныя издѣлія, су-

кно и металлическія издѣлія, на сумму около 2½ миллиона рублей; отсюда поступаетъ наиболѣе скоть, кожи и мягкая рухлядь, на сумму до 3½ миллионѡвъ рублей. — Въ *Бухару*, *Ташкентъ* и *Коканъ* отнускается наиболѣе юфть, краски, бумажныя издѣлія, сукно и металлическія издѣлія, а въ Бухару, сверхъ того, мѣдь и желѣзо; всего въ 1838 году было на сумму болѣе 1¼ миллиона; въ *Хиву* ничего не поступило. Главныя товары, поступающіе изъ этихъ мѣстъ, суть сушеные плоды, хлопчатая бумага, бумажныя издѣлія и пряжа, и мягкая рухлядь; въ 1838 году ихъ было на сумму почти 4 миллиона рублей. — Торговлю съ Бухарою, Ташкентомъ, Коканомъ и Хивою нельзя назвать для насъ выгодною по слѣдующимъ причинамъ. Главный товаръ, ими привозимый, суть бумажныя ткани и пряжа, въ привозъ которыхъ Россія не имѣетъ никакой надобности. Ихъ бумажныя ткани, очень-грубыя и толстыя, бываютъ или набивныя, подъ названіемъ *выбойки* или *бахты*, или гладкія, бѣлыя и синія, на-подобіе холста и крашенины, подъ названіемъ *бязи*, *маты* и *буяковъ*. По грубости ихъ и дешевизнѣ, онѣ употребляются у насъ народомъ въ Оренбургской и Казанской Губерніяхъ единственно на исподнее платье, и замѣняютъ наши собственные холсты, пестряди и выбойки, — коренное издѣліе нашихъ крестьянъ. Выбойки бухарской ввозится въ Россію отъ 300 до 400 тысячъ концовъ, по продажнымъ цѣнамъ, на сумму отъ 2 до 2½ миллионѡвъ рублей. Маты и буяковъ отъ 200 до 300,000 концовъ, по продажнымъ цѣнамъ на сумму отъ 500 до 800 тысячъ рублей. Пряжи бумажной привозится ими отъ 3000 до 4000 кипъ, то-есть, отъ 25 до 30,000 пудовъ, по продажнымъ цѣнамъ, на сумму отъ 1½ до 2 мил-

льионовъ рублей. Эта пряжа, употребляемая у насъ на грубые ткани и свѣчную свѣтильню, могла бы гораздо удобнѣ замѣняться нашею собственною, какъ машинною съ фабрикъ, отъ № 8 до 20, такъ и ручною, которую прядутъ около Москвы крестьяне на самопряхахъ. За эти грубые товары, безъ которыхъ Россія могла бы вовсе обойтись, или которые еще лучше удобно замѣнила бы своими издѣльями, мы отдаемъ не то, что намъ сбывать некуда, а отдаемъ полезныя вещи, и сверхъ того доплачиваемъ перевѣсъ баланса червонцами, мѣдью, ртутью, шпиаутеромъ, оловомъ, кошенильною, сахаромъ и другими товарами, неприносящими намъ, со стороны фабричной промышленности, никакой прибыли.—Персидская торговля находится къ намъ въ томъ же отношеніи, о чемъ выше обѣщали мы замѣтить.

Кяхтинскую торговлю съ Китайцами можно назвать основательною, потому-что она выгодна для обѣихъ сторонъ. Хотя Китайцы платятъ за наши произведенія главнѣйше чаемъ, который можно было бы назвать предметомъ прихоти, а не настоящей потребности, однако этотъ прихотливый предметъ сдѣлался такъ необходимъ въ нашемъ быту, что наши привычки дѣлаютъ его теперь однимъ изъ самыхъ ходовыхъ товаровъ. Въ 1838 году привезено чая 499,510 пудовъ на сумму болѣе 7½ миллионовъ рублей (въ томъ числѣ кирпичнаго 70,000 пудъ), да разныхъ тканей почти на 400 тысячъ рублей. Къ нимъ отпущено юфти и разныхъ выдѣланныхъ кожъ, бумажныхъ, льняныхъ и металлическихъ издѣлій, сукна (почти на 3 миллиона) и мягкой рухляди на сумму болѣе 7½ миллионовъ рублей. Противъ прежнихъ лѣтъ, отпускъ бумажныхъ

издѣлій и мягкой рухляди уменьшился, а суконь увеличился. Любопытно и приятно также замѣтить, что требованіе суконь нашихъ фабрикъ въ Китай годъ отъ года возрастаетъ, и они замѣнили совершенно продажу иностранныхъ суконь на Кяхтѣ.

Судоходство. — Въ 1838 году пришедшихъ кораблей въ Россію было 6001, съ грузомъ въ 539,401 ласть; отошло 5,897, съ грузомъ въ 525,316 ластовъ. Сложный грузъ корабля около 90 ластовъ. Изъ первыхъ, съ товаромъ было 2,433 корабля въ 214,232 ластва, а изъ отшедшихъ съ товаромъ было 5,783 корабля въ 515,074 ластва; прочіе были съ баластомъ. По числу и величинѣ кораблей, главную перевозку производила Англія: во всемъ числѣ пришедшихъ и отшедшихъ судовъ, *англійскихъ* было около трети, а въ балтійскомъ и бѣломорскомъ судоходствѣ они составляли болѣе половины; въ сложности, ихъ грузъ составлялъ 103 ластва, или около 12,000 пудовъ. — После англійскихъ, всѣхъ болѣе было *россійскихъ* судовъ; они составляли шестую часть кораблей во всемъ судоходствѣ привоза и отвоза, и сложный грузъ ихъ былъ въ 82 ластва или около 10,000 пудовъ. Плаваніе россійскихъ судовъ можно раздѣлить еще слѣдующимъ образомъ:

	Пришло.	Отошло.
Изъ россійскихъ портовъ въ россійскіе же	271	181
Въ иностранные порты: по сѣверн. морямъ	333	346
— по Черному и Средиземному.	286	281
— по Каспійскому	104	155
Итого	994	963

Надобно замѣтить, хотя съ сожалѣніемъ, что въ этомъ числѣ кораблей мало еще находится настоящихъ русскихъ, то-есть такихъ, которыхъ хозяинъ, корабельщикъ и матросы были бы настоящіе Русскіе. Между-тѣмъ, наши люди очень-способны къ судоходному дѣлу, что доказывается прибрежнымъ плаваніемъ, которое у насъ довольно-значительно. Прежде былъ недостатокъ въ хорошихъ корабельщикахъ и штурманахъ изъ Русскихъ для дальнихъ морскихъ поѣздокъ; но теперь, особенно при пособіи правительства, появились у насъ и свои хорошіе шкипера или корабельщики, которые ходятъ уже и въ Америку. Конечно, число ихъ еще невелико; но оно даетъ основательную надежду, что будетъ умножаться. По удобствамъ у насъ кораблестроенія, по обширности и возрастанію нашей торговли, и по большой величинѣ грузовъ собственныхъ произведеній Россіи, морское судоходство представляетъ намъ важную и прибыльную вѣтвь промышленности, которую мы должны всѣми силами стараться себѣ усвоить.

Прибрежное судоходство въ Россіи умножается. Въ 1838 году пришедшихъ и отшедшихъ судовъ было 7,120: изъ нихъ въ сѣверныхъ портахъ находилось 1,465, а сумма отправленныхъ на нихъ товаровъ простиралась до 11¹/₂ милійоновъ рублей; въ южныхъ портахъ было 5,655 кораблей съ товарами на сумму болѣе 16 милійоновъ рублей. Вообще, въ южныхъ портахъ Россіи, наше судоходство производится обширнѣе, нежели въ сѣверныхъ.

Разсматривая списокъ *купцовъ, производившихъ въ 1838 году вѣншиную торговлю*, нельзя не замѣтить,

что европейская часть этой торговли производится фирмами не - русского происхожденія, а настоящих русских именъ встрѣчается чрезвычайно-мало. Напротивъ, въ азіатской торговлѣ русскихъ купцовъ участвуетъ очень-много. По черноморской и западно-сухопутной торговлѣ мы замѣтили 11 русскихъ домовъ, которыхъ оборотъ въ отпускъ и привозъ простирается на сумму болѣе 5½ миліоновъ рублей; въ Архангельскѣ три дома, — на сумму болѣе 2 миліоновъ; въ Санктпетербургѣ 19 домовъ, производившихъ на сумму болѣе 21½ миліона рублей. Оборотъ всѣхъ ихъ составлялъ менѣе семнадцатой части ($\frac{1}{14}$) суммы привоза и отпуска всей нашей европейской внѣшней торговли. Это обстоятельство такъ для насъ любопытно, что невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе наблюдателя, и заставляетъ судить о его причинахъ.

Мы не станемъ говорить о нашей торговлѣ съ Азіатцами; она ограничивается почти однимъ мѣновнымъ торгомъ, то-есть, продажею и покупкою товаровъ на самой границѣ, мѣстъ ихъ обоюднаго своа. Перейдемъ къ нашей торговлѣ европейской, которая гораздо обширнѣе первой, и скажемъ нѣсколько словъ о причинахъ, по которымъ такъ мало русскихъ домовъ участвуетъ въ исполненіи этой торговли.

Внѣшняя торговля въ Россіи производится по-большой-части коммиссіонерская, чрезъ посредство иностранныхъ факторій, или чрезъ другихъ коммиссіонеровъ; постоянной, собственной торговли гораздо меньше. Собственную торговлю производить у насъ наиболѣе Англичане и Греки, да нѣсколько русскихъ до-

мовъ. Внѣшняя собственная торговля, съ постояннымъ отпускомъ на свой счетъ товаровъ за границу, и съ такимъ же привозомъ сюда тамошнихъ товаровъ, хотя даетъ пользу, однако донинѣ не представляется еще столько выгодною, чтобы могла заманить нашихъ капиталистовъ къ постоянному въ ней участию. Она извѣстна многимъ изъ нашихъ купцовъ; многие отправляли свои товары въ Гамбургъ, Францію, Англию и Америку, получали пользу, но не рѣшались долѣе заниматься ею. Причина этому отвращенію самая простая и естественная. Наши купцы, покупая товары внутри Россіи, и привозя ихъ къ портамъ, получаютъ при продажѣ больше пользы (около 10 процентовъ) и скорѣе выручаютъ деньги, нежели при отправленіи за границу, гдѣ пользы очищается не болѣе 5 процентовъ. А какъ здѣсь капиталы ихъ находятъ еще свободное занятіе во внутренней торговлѣ безъ стѣсненія, то купцы очень-благоразумно считаютъ торговать лучше дома и получать болѣе пользы, нежели вѣхать за море и выручать меньше барыша. Хотя пріятно было бы намъ видѣть нашу заграничную торговлю наиболѣе въ русскихъ домахъ, однако всему свое время. Когда у насъ капиталы такъ усилятся, что внутренняя торговля будетъ давать меньше пользы, нежели внѣшняя, тогда и наши капиталисты пустятся во внѣшнюю торговлю, и начнутъ торговать постоянно въ Англию и другія державы.— Обратимся къ другому вопросу: почему мало русскихъ домовъ занимается иностранными комиссіями? Дѣйствительно, жаль, что русскіе купцы не стараются присвоить себѣ этого дѣла; иностранныя комиссіи на продажу приобретаемыхъ изъ-за границы товаровъ и покупку здѣшнихъ, даютъ за умѣренный трудъ

хорошую выгоду, и не требуютъ отъ комиссіонера большаго капитала. Намъ известно, что многіе иностранные дома охотно поручили бы свои дѣла русскому комиссіонеру, если бы наши искали такихъ порученій надлежащимъ-образомъ. Для полученія хорошихъ комиссій, надобно желающему выполнить слѣдующія условія: 1) Пробыть нѣсколько лѣтъ въ хорошей конторѣ, которая ведетъ заграничныя дѣла; пробыть съ тѣмъ, чтобы узнать порядокъ, какимъ-образомъ эти дѣла ведутся, какъ продаются и покупаются для тѣхъ мѣстъ товары. 2) Узнавши дѣла, ѣхать за границу, познакомиться лично съ тамошними домами, производящими сюда торговлю, и взглянуть на порядокъ тамошнихъ дѣлъ. 3) Имѣть кредитъ, словомъ или дѣломъ, и, основываясь на немъ и на своемъ знаніи, просить порученія дѣлъ. При такихъ условіяхъ, получаютъ и можно получать хорошія заграничныя комиссіи, которыя даютъ исправляющему ихъ значительныя выгоды.

Въ-заключеніе коснемся слегка контрабанды, которая такъ постоянна въ свроепейской торговлѣ. Контрабанда существуетъ вездѣ, гдѣ находится ограниченная торговля; только при свободной торговлѣ ея не встрѣчается. Чѣмъ слабѣе таможенный надзоръ и выше пошлины, ограничивающія привозъ или вывозъ товаровъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ контрабанда; но чѣмъ ниже пошлины и строже надзоръ, тѣмъ контрабанда слабѣе. Если пошлина такъ мала, что расходы и опасность тайнаго провоза (которыя бывають больше при строгомъ и меньше при слабомъ надзорѣ) не могутъ такъ окупиться, чтобы осталась еще умѣренная польза производителю; то контрабанда не производитъ

ся. Но какъ скоро пошлина достаточна все оказавшее окупить, а эта достаточность въ каждомъ мѣстѣ близко опредѣляется извѣстными процентами, тогда надзоръ за ней становится чрезвычайно труднымъ. Если когда-нибудь и гдѣ-нибудь признаются нужными пошлины на товары, что особенно важно въ европейской торговлѣ для поддержанія фабрикъ, то надобно много искусства и соображеній для опредѣленія пошлины, чтобы, при извѣстныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ и состояніи надзора, пошлины, обезпечивая фабрики, не могли окупать расходъ контрбанды. Въ отчетахъ нашей государственной вѣншей торговли постоянно показывается продажа конфискованныхъ товаровъ. Сумма этой продажи конфискованныхъ у насъ товаровъ показана слѣдующая:

	Сложная въ 10 лѣтъ.	Въ 1838 году.
Р у б л и .		
По сухопутной европейской границѣ	313,090	364,705
По прочимъ границамъ	125,795	140,188
Всего	438,885	504,893

Сумма этой конфискаціи, какъ видно изъ таблицы, довольно - постоянна и притомъ показываетъ, что главная часть конфискаціи (около $\frac{2}{3}$) происходитъ по сухопутной европейской границѣ.

Утѣшительнъ взглядъ на будущность нашей промышленности, которую представляютъ намъ успѣхи

нѣлѣннѣйшей торговли, распространяющей годъ отъ года предѣлы своей области и могущества; порадуемся таковой надеждѣ.

С. УСОВЪ,

—————

ОЧЕРКЪ СТРАТЕГІИ.

Стратегія есть *наука полководца или наука веденія войны*, обнимающая собою всѣ отрасли военнаго искусства; въ приложеніи же своемъ къ практикѣ она есть — *искусство веденія войны*.

Въ такомъ обширномъ смыслѣ, стратегія заключаетъ въ себѣ не только всѣ правила расположенія, движенія и дѣйствія въ бою войскъ (или тактику), во артиллерию и фортификацію, со всѣми принадлежащими къ нимъ вспомогательными свѣдѣніями, военную администрацію, и пр. и пр., — словомъ, все то, что входитъ въ объемъ познаній, необходимѣйшихъ для военнаго человека, отъ перваго его шага на избранномъ имъ поприщѣ, до высшей степени, на которую можетъ онъ подняться силою гения. Но для удобнѣйшаго изслѣдованія и изложенія той части науки, которая собственно есть исключительное достоинство верховныхъ вождей, необходимо отдѣлить ее отъ всѣхъ приуготовительныхъ свѣдѣній, — необходимо предположить, что онъ уже совершенно ознакомленъ съ устройствомъ машины, которой онъ — первый двигатель. Такимъ-образомъ ограниченная стратегія будетъ заключать въ себѣ все то, что непосредственно клонится къ рѣшенію главнѣйшей задачи полководца — *достигнуть важнѣйшей цѣли войны искуснѣйшимъ употребленіемъ всѣхъ военныхъ средствъ, въ его распоряженіи состоящихъ*.

Итакъ, чтобы *опредѣлить объемъ стратегіи*, должно исчислить всѣ начала (элементы), долженствующія входить въ соображенія полководца при составленіи его предначертаній. Са-

мо собою разумеется, что, изъ числа сихъ началъ, одни будутъ оказывать большее вліяніе на военныя дѣйствія, нежели другія: ничего нѣтъ труднѣе, какъ опредѣлить степень относительной ихъ важности, тѣмъ болѣе, что она не во всѣхъ обстоятельствахъ остается неизмѣнною. По этой самой причинѣ, нѣкоторые изъ военныхъ писателей, увлекаясь одностороннею важною одного какого-либо изъ военныхъ средствъ, принимали его за первостепенное во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, оставляя безъ вниманія прочія начала науки и сооружали цѣлыя системы на такомъ основаніи, которое, съ переменною обстоятельствомъ, дѣлалось малозначающимъ, либо по-крайней-мѣрѣ непервостепеннымъ. Какимъ же образомъ осмѣлимся льстить себѣ надеждою не уклониться отъ прямаго пути нашихъ изслѣдованій, и если не достигнуть, то по-крайней-мѣрѣ приблизиться къ предположенной нами цѣли — *изложить очеркъ стратегии во вой полнотѣ сей высокой науки?* Единственное средство для сего состоитъ, по мнѣнію моему, въ томъ, чтобы пройти мысленно всю стезю, проходящую воиномъ отъ субальтера-офицера, командующаго взводомъ, до распорядителя дѣйствіями огромной арміи. Такимъ-образомъ, восходя отъ низшаго къ высшему, — отъ простѣйшаго къ наиболее-сложному, мы перечислимъ всѣ отрасли свѣдѣній, собственно-принадлежащихъ къ наукѣ полководца.

Начальная тактика есть такъ-сказать первая ступень на пути просвѣщеннаго воина: что можетъ быть для него необходимое тактики — искусства громить противника? Начальная тактика показываетъ, какимъ-образомъ, въ различныхъ случаяхъ, прививаясь къ мѣстности и прочимъ обстоятельствамъ, дѣйствовать отрядомъ, составленнымъ изъ войскъ одного рода, либо изъ различныхъ родовъ ихъ, и состоящимъ въ связи съ дѣйствіями главныхъ силъ: я говорю «состоящимъ въ связи съ дѣйствіями главныхъ силъ», потому-что отрядъ, дѣйствующій на какомъ-либо театрѣ войны совершенно-отдѣльно отъ прочихъ войскъ, или, говоря другими словами, отрядъ, имѣющій собственное назначеніе, совершенно-независимое отъ предначертаній верховнаго вождя, долженъ руководствоваться совершенно-другими тактическими правилами, нежели отрядъ, состоящій въ связи съ главными силами. — Очевидно, что кругъ обязанностей начальника, дѣйствующаго отдѣльно, неограниченно-обширенъ, по-

желіи яругь дѣйствій того, котораго распоряженія паходатся въ зависимости отъ соображеній верховнаго вождя и составляютъ только звѣно въ общей цѣпи предначертаній. Невозможно означить предѣла, отдѣляющаго начальную тактику отъ высшей частью войскъ, которыхъ дѣйствія въ нихъ разсматриваются. Чтобы убѣдиться въ томъ, возьмемъ для примѣра два случая, изъ которыхъ въ первомъ партизанскій отрядъ, состоящій изъ 2-хъ или 3-хъ тысячъ нерегулярныхъ войскъ, назначенъ для печальнаго овладѣнія столицейо непріятельскаго государства въ тылу арміи противника, или для другой какой-либо важной цѣли; а въ другомъ цѣлый корпусъ, въ генеральномъ сраженіи, въ которомъ участвуютъ главныя силы арміи, посылаются для овладѣнія деревнею на флангъ противника: спрашивается — какое изъ этихъ дѣйствій потребуетъ высшихъ соображеній? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первое, подвергаясь, сообразно обстоятельствамъ, большимъ измѣненіямъ, будетъ разнообразіе и потребуетъ отъ начальника большого искусства. Все это насъ ведетъ къ заключенію, что правила для дѣйствій самостоятельныхъ отрядовъ (какая бы впрочемъ ни была ихъ сила) выходить изъ круга начальной тактики и должны войти въ высшую тактику. Такимъ-образомъ, всѣ правила, относящіяся къ расположенію для боя, къ дѣйствію въ бою и къ опредѣленію лучшаго механизма для движенія арміи, корпуса и даже самостоятельнаго небольшого отряда, посланнаго съ какою-либо важною цѣлью, войдутъ въ объемъ высшей тактики. Само-собою разумѣется, что образъ дѣйствія цѣлой арміи совершенно-отличивъ отъ образа дѣйствій небольшого самостоятельнаго отряда; но оба они сходятся въ томъ, что, завися отъ многихъ данныхъ, могутъ быть разнообразны до безконечности, а потому вообще принадлежать къ высшей части тактики, или собственно къ высшей тактикѣ.

Если бы цѣль войны могла быть достигаема всегда и вездѣ одержаніемъ въ бою победы надъ непріателемъ, то высшая тактика составляла бы предѣлъ военныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для полководца. Но мы видимъ, напротивъ-того, изъ военной исторіи, что весьма-часто выигрывать не только одного, но нѣсколько-хъ сраженій не доставляло никакихъ результатовъ, и что полководецъ, уступившій противнику поле сраженія во многихъ рѣшительныхъ бояхъ, оканчивалъ войну со сла-

вою для себя и съ выгодною для государства, поручившаго ему судьбу свою. Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что кромѣ распоряженій, непосредственно либо посредственно относящихся къ бою (и входящихъ въ объемъ тактики), существуютъ соображенія болѣе-обширныя, болѣе-подверженныя вліянію многоразличныхъ обстоятельствъ, а потому и болѣе-равнообразныя. Наука, обнимающая собою весь данный, относящійся къ сямъ соображеніямъ и имѣющая цѣлью уже не одно одержаніе победы въ бою, но достиженіе цѣли войны всеми военными средствами, есть *стратегія*.

Чтобы показать, какимъ-образомъ постепенно составилось понятіе о стратегіи, необходимо сказать нѣсколько словъ насчетъ состоянія ея (какъ искусства и какъ науки) въ различныя эпохи, отъ глубочайшей древности до нашего времени.

Въ древнія времена и вообще до изобрѣтенія пороха, сраженія имѣли первенствующую важность. Причиною тому были многія обстоятельства; по преимуществу предъ всеми прочими образъ самаго боя, производившагося въ-близн и имѣвшій слѣдствіемъ весьма-большія потери съ обѣихъ сторонъ и особенно со стороны побѣжденнаго, что само собою дѣлало сраженія вообще весьма-рѣшительными. Въ настоящее же время, выигрывшъ сраженія только тогда влечетъ за собою большую потерю побѣжденныхъ войскъ, когда побѣдитель умѣетъ приготовить его такимъ направленіемъ силъ, которое не позволяетъ противнику совершить отступленіе. Отъ важности сраженій въ древнее время происходило то, что полководцы, находя ихъ достаточнымъ средствомъ къ достиженію перевѣса надъ непрітелемъ, не имѣли необходимости въ другихъ соображеніяхъ, и оставляли ихъ безъ вниманія, либо употребляли въ рѣдкихъ только случаяхъ. Такъ, на-примѣръ, снабженіе войскъ военными запасами и продовольствіемъ и затрудненіе въ ономъ противника, составляющія нынѣ весьма-часто предметъ искуснѣйшихъ военныхъ соображеній, не обращало на себя вниманія у древнихъ; ибо вооруженіе ихъ войскъ не требовало такой обширной матеріальной части, какую требуетъ вооруженіе нашихъ армій; а способъ продовольствованія древнихъ войскъ позволялъ имъ имѣть при себѣ запасъ продовольствія на продолжительное время; самое отрѣзаніе противника отъ его магазиновъ было довольно-трудно, ибо древнія войска рас-

полагались въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, устраиваемыхъ въ нѣсколько часовъ; но, по несовершенству средствъ атаки — служившихъ надежнымъ убѣжищемъ въ ожиданіи обстоятельствъ, благоприятныхъ для дѣйствій, либо для отступленія и перехода въ другой укрѣпленный лагерь — обходы такого лагеря противникомъ съ фланга либо съ тыла не могли быть опасны для войскъ, въ немъ находившихся; ибо лагерь былъ равно обезпеченъ со всѣхъ сторонъ; а потому почти никто и не производилъ такихъ маневровъ, а всѣ дѣйствія ограничивались нападеніями на непрітеля съ фронта. Если ко всему этому прибавимъ, что лучшія арміи древнихъ (греческія и римскія) были немногочисленны, то весьма-легко убѣдимся въ томъ, что самыя дѣйствія сихъ армій были несравненно-проще, нежели дѣйствія нашихъ огромныхъ армій, и ограничивались встрѣчею противника и вступленіемъ съ нимъ въ бой; а потому и не требовали *высшихъ военныхъ* (стратегическихъ) соображеній.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что хотя стратегія существовала какъ искусство (т. е. въ практикѣ) и въ древнія времена (что доказывается нѣкоторыми искусными стратегическими дѣйствіями Александра, Аннибала и другихъ великихъ полководцевъ древности), однакоже не могла еще тогда быть приведена въ систему и вознесена на степень науки.

Въ вѣка средніе, народы, находившіеся въ младенческомъ состояніи, движимые безотчетнымъ сознаніемъ своей силы, подобно Алкиду въ колыбели, совершили необъятные подвиги и покорили образованнѣйшихъ, но изнѣженныхъ и малодушныхъ сосѣдей своихъ: тогда на развалинахъ Греціи и Рима обитали Византійцы и Итальянцы. Военное искусство должно было прійти и дѣйствительно пришло въ упадокъ, или, лучше сказать, вовсе исчезло. Хотя и встрѣчаются высшія военныя соображенія въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ полководцевъ того времени, однакоже въ нихъ можно найти весьма-мало поучительныхъ примѣровъ.

Изобрѣтеніе пороха оказало необъятное влияние на всѣ отрасли военнаго искусства. Не говоря о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ должна была подвергнуться тактика для приспособленія дѣйствій войскъ къ огнестрѣльному оружію, уже трудно было рѣшить участь войны однимъ боемъ. Войска стали сра-

житься одно противъ другаго въ значительномъ разстояніи между собою, что подавало возможность побѣжденному отступать заблаговременно безъ большой потери подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, и нанести при отступленіи чувствительный вредъ побѣдителю. Отъ этого фортальныя встрѣчи армій сдѣлались первышительными; а для пріобрѣтенія важныхъ результатовъ непременно требовалось направлится противъ непріятели такъ, чтобы пресѣчь либо по-крайней-мѣрѣ затруднить его отступление. Употребленіе огнестрѣльнаго оружія имѣло еще и другое слѣдствіе: оно уравнило качество войскъ (по-крайней-мѣрѣ, европейскихъ) и потому сдѣлало весьма-важнымъ превосходство въ числѣ ихъ, или матеріальное начало войны. Въ древнія времена 10,000 Грековъ, одушевленныхъ отличнымъ мужествомъ и превосходившихъ непріятели вооруженіемъ своимъ, могли побѣдить 100,000 изнѣжившихъ и худо-вооруженныхъ Персовъ; въ вѣка среднія, могучій рыцарь, вмѣстѣ съ конемъ своимъ залитый въ желѣзо, вострѣлалъ десятками пѣхотинцевъ, которые даже не считались въ числѣ войскъ; но, послѣ изобрѣтенія пороха, искусство въ стрѣльбѣ пріобрѣло перевѣсъ надъ физическою силою и ловкостью въ рукопашномъ бою; во всѣхъ европейскихъ государствахъ стали обращать вниманіе на усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и на обученіе войскъ дѣйствию въ опасаго, и слѣдствіемъ того было, что европейскія войска, почти-одинаково-устроенныя, вооруженныя и обезпеченныя, не имѣютъ одно надъ другимъ слишкомъ-значительнаго превосходства. Полководецъ, для пріобрѣтенія перевѣса надъ противникомъ въ настоящее время, долженъ умѣть сосредоточить превосходнѣйшія силы на важнѣйшихъ пунктахъ какъ поля сраженія, такъ и театра войны вообще, привести непріятели въ затруднительное положеніе отрѣзаніемъ его отъ пунктовъ, служащихъ хранилищемъ его продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, и тѣмъ заставить его отступить безъ боя.

Итакъ, въ самомъ началѣ нашего разсужденія оказывается первостепенная важность двухъ основаній (элементовъ) стратегіи: *сосредоточенія силъ для боя и раздѣленія ихъ, какъ для прикрытія сообщеній съ собственными лагерями, такъ и для дѣйствія на сообщенія непріятельскихъ войскъ, имѣющаго предметомъ достигнуть цѣли войны, уклоняясь отъ боя, оди-*

ли маневрѣми. — Важность этихъ элементовъ всего убедительнѣе доказывается тѣмъ, что они послужили основаніемъ для цѣлыхъ системъ науки веденія войны Ллойда, Билова, Ромля и Жомини. Эти элементы, предполагая совершенно-различныя цѣли, немнѣе различествуютъ и въ правилахъ, которыя на нихъ были основаны: сосредоточеніе силъ весьма-часто требуетъ оставлять совершенно безъ вниманія собственныя сообщенія; а прикрытіе собственныхъ сообщеній и дѣйствіе на сообщенія противника заставляютъ раздѣлять силы. Итакъ, не должно удивляться, тому, что, во-первыхъ, системы, имѣющія совершенно-противоположныя основанія, представляютъ столь же противоположные выводы, какъ вообще, такъ и въ подробностяхъ своихъ; во-вторыхъ, что эти же системы, при составленіи которыхъ было обращено вниманіе исключительно на одно изъ важнѣйшихъ началъ и совершенно пренебрежены всѣ другія, односторонни. Да если бы кто и соединилъ эти основанія въ общую систему столь же искусно, какъ соединяли ихъ на дѣлѣ Александры, Кесаря и Наполеоны, то и такая система еще не могла бы считаться полною и соответственною современному состоянію науки, по той причинѣ, что, кромѣ сосредоточенія силъ для одержанія перевѣса въ бою и обезпеченія сообщеній съ magazинами, существуютъ многіе предметы, долженствующіе быть цѣнью заботливости полководца. Не говоря объ искусствѣ оцѣнить съ перваго взгляда топографическія свойства мѣстности и приурочивать къ ней дѣйствія войскъ, — искусствѣ, которое столь необходимо каждому военному человѣку, отъ субальтера-офицера до вождя арміи, — полководецъ долженъ основательно изучить какъ общій характеръ страны, служащей театромъ его подвиговъ, такъ средства ея для содержанія и укомплектованія войскъ, качество главныхъ, естественныхъ преградъ во всей подробности и свойства обитателей страны: на этихъ данныхъ и подобныхъ имъ могутъ быть и въ дѣйствительности были основаны цѣлыя системы науки веденія войны (система эрцгерцога Карла, Водонкура и друг.). Само собою разумѣется, что эти системы столь же односторонни: но онѣ тѣмъ менѣе показываютъ важность одного изъ главныхъ основаній науки — мѣстности. Хотя выводы знаменитаго автора, составившаго на семь элементовъ цѣлую систему (эрцгерцога Карла), не

оправдались послѣдующими событіями; однако же изъ этого не должно еще заключать, чтобы сіи выводы были неосновательны: все дѣло состоитъ въ томъ, что авторъ предположилъ всѣ высшія военныя соображенія исключительно-зависящими отъ вліянія одного изъ основаній стратегии (мѣстности), между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности на нихъ оказываютъ вліяніе и другіе весьма-важныя стратегическіе элементы, какъ на-прим. *сосредоточеніе силъ, перевѣсъ нравственный*, и пр. и пр. Въ кампанію 1809 года, знаменитый авторъ-полководецъ, начальствуя войсками, превосходившими числомъ непріятельскую армию и одушевленными необыкновеннымъ мужествомъ, занимая мѣстные пункты, долженствовавшіе, по системѣ его, упрочить перевѣсъ его надъ противникомъ, при всемъ томъ претерпѣлъ рядъ неудачъ и не могъ преградить непріятелю пути къ австрійской столицѣ, единственно потому - что Наполеонъ успѣлъ сосредоточить превосходящія силы на важнѣйшихъ пунктахъ театра войны и полей сраженія. Знаменитый авторъ впалъ въ ошибку отъ излишняго преувеличенія важности разсмотрѣнныхъ имъ мѣстныхъ предметовъ; но поменѣе омибся бы и тотъ, кто упустилъ бы ихъ вовсе изъ вида. При составленіи высшихъ военныхъ предначертаній, все дѣло состоитъ въ вѣрной оцѣнкѣ всѣхъ военныхъ средствъ, какъ собственныхъ, такъ и непріятельскихъ. Наполеоновы кампаніи 1805 и 1809 годовъ могли считаться оконченными съ успѣхомъ, какъ только удалось ему занять Вѣну; напротивъ того, занятіе Москвы Французами въ 1812 году открыло для нихъ длинный рядъ неудачъ и привело оскорбленную Европу въ столицу Франціи: слѣдовательно, одинъ и тотъ же образъ дѣйствій, съ одинаковымъ успѣхомъ употребленный однимъ и тѣмъ же полководцемъ, привелъ его къ совершенно-противоположнымъ результатамъ.

Исчисляя главнѣйшія военныя средства и начала (или элементы), нельзя умолчать здѣсь еще объ одномъ предметѣ, котораго вліяніе на судьбу военныхъ дѣйствій столь же велико, сколь и разнообразно. Это элементъ *нравственный* въ отношеніи 1) къ духу войскъ, какъ собственныхъ, такъ и непріятельскихъ, 2) къ свойствамъ, къ духу и современному расположенію жителей театра войны, и 3) къ качествамъ правителя непріятельскаго государства, либо полководца непріятельской арміи. Всѣ эти предметы оказываютъ постоянное вліяніе на результаты выс-

шихъ военныхъ соображеній; весьма-часто случается, что они содѣлываются главными и даже единственными причинами успѣха либо неудачи военныхъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что имѣсть съ уравненіемъ качества различныхъ европейскихъ войскъ, въ-отношеніи къ устройству, вооруженію и образованію ихъ, должны были уравниваться, или, по-крайней-мѣрѣ, сблизиться и нравственныя ихъ качества: по тѣмъ менѣе войска каждой націи обладаютъ собственно имъ принадлежащими качествами и имѣютъ каждое свои недостатки: искусные полководцы умѣли пользоваться первыми и ослаблять вредное вліяніе послѣднихъ. Не говоря о великихъ вождахъ, которыми теперь гордится Россія, вспомнимъ Суворова, который одушевлялъ съ такимъ искусствомъ своихъ подчиненныхъ и котораго имя всегда будетъ одушевлять сердца русскихъ. Вся его военная практика (въ высшей степени практическая) были приурочены къ нашему народному характеру, и вотъ почему изреченія безсмертнаго вождя отцовъ нашихъ еще долго будутъ повторяться въ торжественныя минуты встрѣчи съ противниками и служить Русскому залогомъ победы. Неменѣе важно также умѣнье оцѣнить хорошія и дурныя качества непріятельскаго войска и извлекать изъ нихъ для себя пользу, противопоставляя хладнокровію рѣшительность, пылкости—стойкость и проч. «Ничего нѣтъ важнѣе» говоритъ Наполеонъ: «какъ знать съ кѣмъ и противъ кого дѣйствуемъ». Свойства жителей страны непременно должны быть принимаемы въ соображеніе при составленіи плана дѣйствій; полководецъ, умѣющій привлечь на свою сторону обитателей страны, можетъ извлечь изъ того, важнаго для себя выгоды; если же нѣтъ къ тому никакой возможности, то все-таки не должно ожесточать ихъ противъ себя опустошеніемъ жилищъ и полей ихъ: въ войнѣ, подобно тому, какъ и въ политикѣ, зло, сдѣланное безъ необходимости, обращается во вредъ тому, кто его сдѣлалъ. Наконецъ качества главы непріятельскаго государства и верховнаго вождя противныхъ силъ должны быть главнымъ предметомъ размышленій полководца. На нихъ онъ можетъ соорудать планы дѣйствій, съ перваго взгляда кажущіеся несбыточными, но въ сущности удобоисполнимые и обещающіе самые выгодные результаты. Одно и то же дѣйствіе, употребленное противъ различныхъ вождей, можетъ доставить самую славную победу и навлечь неслыханныя бѣд-

ствий. Не менее важно, при составлении высшихъ военныхъ соображеній, вліяніе, оказываемое *политикою*: меридко она опредѣляетъ не только направленіе, но и самое употребленіе силъ. Политическія обстоятельства непремѣнно должны приниматься во вниманіе, какъ при составленіи общаго предначертанія, такъ и при исполненіи частныхъ дѣйствій, которыя должны находиться въ гармоніи съ общимъ планомъ. Но здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе *политическаго элемента* науки полководца, котораго важное и разнообразное вліяніе на каждомъ шагѣ показываетъ намъ исторія.

Таковы суть главныя начала, которыя должны входить въ соображенія полководца при составленіи его предначертаній: я постараюсь объяснить въ-последствіи, въ какой степени начала сіи должны быть развиты при составленіи теорій, могущей служить вспомогательнымъ руководствомъ въ практикѣ; на сей разъ ограничусь замѣчаніемъ, что всѣ прочія основанія науки полководца; по мнѣнію моему, должны войти въ объемы важнѣйшихъ предметовъ, нами указанныхъ; подобно тому, какъ изученіе правилъ рисунка и живописи не можетъ сдѣлать Рафаэля, изученіе военныхъ средствъ и основаній такъ же не можетъ образовать великаго полководца, но послужить къ развитію способностей и къ облегченію соображеній каждаго воюющаго человека. Невозможно дать правилъ на каждый изъ многоразличныхъ случаевъ, въ войнѣ встрѣчающихся, и потому должно ограничиться указаніемъ способовъ оцѣнить образъ и степень вліянія на военныя дѣйствія главнѣйшихъ обстоятельствъ; какъ порознь, такъ и въ совокупности: такая оцѣнка подаетъ средства принимать къ встрѣчающимся случаямъ такіе способы дѣйствія, которые преимущественно предъ прочими обѣщаютъ *вѣроятность* успѣха: я говорю «вѣроятность», потому что, сообразивъ наилучшимъ образомъ планъ какого-либо дѣйствія, еще нельзя быть совершенно увѣрену въ его удачу, зависящей отъ многихъ случайностей. Военная исторія представляетъ намъ примѣры, что иногда самыя незначительныя обстоятельства — развитіе небольшого ручья, несчастная погода, приказаніе начальника, худо переданное либо недостигшее назначенія, преждевременное открытіе рѣкъ и проч. — разрушали основательнѣйшія соображенія. И потому полководецъ, сдѣлавъ все, что зависитъ отъ него, для достиженія предполо-

женной или цѣли, но необходимости должно предоставить остальное случаю.

Теперь предстоитъ вопросъ: какимъ-образомъ оцѣнить вліяніе различныхъ обстоятельствъ на военныя дѣйствія и составлять, на основаніи такой оцѣнки, предначертанія, самымъ лучшимъ образомъ пригнанныя ко встрѣчающимся случаямъ? Если бы можно было опредѣлить математически важность каждаго изъ основаній науки ведения войны, то всякое предначертаніе обратилось бы въ болѣе или менѣе сложную формулу; но на-самомъ-дѣлѣ выходитъ совершенно иное: *во-первыхъ*, каждое изъ стратегическихъ основаній можетъ въ различныхъ обстоятельствахъ имѣть различную важность; *во-вторыхъ* одно и то же основаніе, существующее въ одной и той же степени, можетъ оказывать въ различныхъ случаяхъ совершенно-иное вліяніе (такъ, на-примѣръ, народная война можетъ быть для наступающаго опаснѣе въ такомъ случаѣ, если оны не можетъ прислать никакого способа для продовольствованія войскъ, кромѣ реквизиціи); *въ-третьихъ*, всѣ главныя основанія въ совокупности оказываютъ такое разнородное вліяніе, какъ одна на другія въ частности, такъ и вообще на военныя дѣйствія, что, производя оцѣнку сихъ основаній, не должно упускать изъ вида и такихъ обстоятельствъ, которыя иногда, съ перваго взгляда, кажутся мелочными, но въ соединеніи съ другими, важнѣйшими, совершенно измѣняютъ существо дѣла. Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, главнѣйшую трудность въ войнѣ составляетъ неопредѣленность, либо недостоверность современныхъ обстоятельствъ, которыя обнаруживаются нерѣдко тогда уже, когда вліяніе ихъ прекращается, либо тогда, когда уже нельзя поправить ихъ вредныхъ слѣдствій. Итакъ, кто же подастъ намъ благодѣтельную нить въ семь лабиринтѣ сомнѣній и доведетъ насъ прямою стезею къ цѣли нашихъ изслѣдованій?.. Военная исторія. — Одна лишь военная исторія въ состояніи снабдить насъ поучительными примѣрами искуснаго употребленія военныхъ средствъ: она одна лишь можетъ — если не научить лучшему образу дѣйствій, — то, по-крайней-мѣрѣ, оградить насъ отъ некоторыхъ ошибокъ, въ которыя впали наши предшественники.

Однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ пользы и даже необходимости изученія военной исторіи служатъ авторитеты лучшихъ военныхъ писателей, которые всѣ безъ исклю-

ченія объясняли и подтверждали предложенныя ими изслѣдованія примѣрами, извлеченными изъ описанія замѣчательнѣйшихъ походовъ. Самъ Наполеонъ совѣтуетъ читать и перечитывать исторію семи великихъ полководцевъ: Александра, Аннибала, Кесаря, Густава-Адольфа, Тюрена, Евгенія Савойскаго и Фридриха II-го. Нельзя не сознаться, что зрѣло-обдуманное чтеніе военной жизни какъ этихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ полководцевъ, съ помощью оытности, на войнѣ приобрѣтаемой, служить единственнымъ средствомъ для собранія въ памяти драгоцѣннаго запаса соображеній, уже испытанныхъ на-самомъ-дѣлѣ и для усовершенствованія себя въ искусствѣ оцѣнять военныя средства и составлять, на основаніи сихъ данныхъ, предначертанія, наиболѣе-сообразныя съ обстоятельствами. Одна изъ главныхъ трудностей изученія военной исторіи состоитъ въ обилии матеріаловъ, въ ней заключающихся. Самый способный человекъ не можетъ удержать въ памяти всего, что было писано объ этомъ предметѣ, да и не всѣ люди, посвятившіе себя военному ремеслу, въ состояніи удалитъ на то достаточное время: итакъ, по-необходимости, придется ограничить любознательность предѣлами возможнаго и сдѣлать по части военной исторіи выборъ такихъ сочиненій, которыя могли бы замѣнить всѣ прочія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ походной библіотекѣ война должны занимать первое мѣсто творенія людей, совершившихъ великія дѣянія, ими описанныя, по той причинѣ, что (предполагая ихъ руководимыми истинною) они лучше всякаго могутъ объяснить всѣ пружины каждаго дѣйствія, ими совершеннаго. Кто могъ бы лучше Кесаря описать войны Кесаря? Кто лучше Фридриха могъ сдѣлать насъ свидѣтелями борьбы его съ большею частію Европы? Итакъ, первое мѣсто въ ряду военно-историческихъ сочиненій, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ твореніямъ знаменитыхъ полководцевъ, описавшихъ совершенныя ими подвиги. За ними непосредственно слѣдуютъ сочиненія ихъ современниковъ, бывшихъ свидѣтелями и участниками сихъ подвиговъ. Что же касается до военной жизни полководцевъ, неиззнаменовавшихъ себя гениальными дѣйствіями, то изученіе вѣденныхъ ими войнъ хотя полезно и поучительно, однакоже не можетъ считаться необходимымъ. Я говорю «полезно и поучительно», потому-что самыя ошибочныя дѣйствія могутъ служить хорошимъ примѣромъ оши-

бочной оцѣнки и дурнаго употребленія военныхъ средствъ и показываютъ, чего именно должно избѣгать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но такое, такъ-сказать отрицательное изученіе военнаго дѣла, потребовало бы много времени, которое можно употребить съ несравненно-большою пользою. Къ чему, скажите мнѣ, затруднять себя изученіемъ хитросплетенныхъ и весьма-подробно-описанныхъ манёвровъ Люксамбурга, которыхъ вся цѣль большою частью ограничивалась бомбардированіемъ непріятельской крѣпости, либо достиженіемъ области, изобиловавшей фуражемъ, и могшей доставить продовольствіе ея многочисленной кавалеріи? Весьма-достаточно прочесть описаніе одного такого похода, чтобы получить ясное понятіе о всѣхъ прочихъ. Напротивъ того, походы Фридриха, Суворова, Наполеона и другихъ полководцевъ новѣйшаго времени, представляющіе живую картину искусства веденія войны въ настоящее время, должны быть изучаемы во всей подробности. Для этого необходимо читать всѣ лучшія описанія новѣйшихъ войнъ, сравнивать сіи описанія, повѣрять ихъ одинъ другимъ и изъ противорѣчащихъ показаній извлекать истину. Такой трудъ займетъ время, посвященное войскомъ на усовершенствованіе себя въ своемъ ремеслѣ, несравненно съ большою пользою, нежели голословное исчисленіе того, сколько именно тысячъ войскъ такого-то генерала было употреблено на полугодное обложеніе такой-то крѣпости и тому подобныхъ подробностей.

Итакъ, принявъ военную исторію за руководство при нашихъ изслѣдованіяхъ, приступимъ къ точнѣйшему обозначенію предметовъ, входящихъ въ теорію военнаго искусства въ высшемъ его значеніи, или въ теорію стратегіи. Но прежде нежели направимся къ предположенной нами цѣли, считаемъ полезнымъ бросить бѣглый взглядъ на пути, которымъ слѣдовали при составленіи стратегическихъ теорій различные военные писатели: одни изъ нихъ, какъ мы уже выше замѣтили, увлекались важностью какого-либо одного изъ основаній *искусства веденія войны* (стратегіи), сооружали на нежъ цѣлую систему и чрезъ то неминуемо впадали въ односторонность (Бюловъ, эрцгерцогъ Карлъ и проч.); другіе, напротивъ-того, убѣдясь въ разнообразіи обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на военныя дѣйствія, хотѣли подраздѣлить каждое изъ сихъ дѣй-

стой на случай, могущие встрѣтиться въ практикѣ, и предложить на каждый случай особое правило; но не могли достигнуть крайняго предѣла такого раздѣленія дѣйствій на случаи и оставили многие изъ нихъ неразгаданными (Вагнеръ). Наконецъ нѣкоторые военные писатели, какъ на-прим. Наполеонъ, Дежкаръ, Клаузевицъ (къ именамъ конхъ мы можемъ присоединить имя нашего соотечественника, генерала Медема) считали систематическое изложение теорій военного искусства въ высшемъ его анализѣ, или стратегіи, невозможнымъ, но соглашались въ несомнѣнной пользѣ нѣкоторыхъ свидѣній, могущихъ послужить данными полководцу для оцѣнки средствъ при составленіи его соображеній. Всѣ они согласны между собою въ томъ, что самое лучшее руководство не послужитъ къ пользѣ тому, кого природа обрекла посредственности; но это справедливо не только въ-отношеніи къ военному дѣлу, а вообще ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Изъ этого явствуетъ, что сии писатели не сомнѣвались въ пользѣ теоретическаго изученія стратегіи; тѣ же, которые отвергаютъ пользу теоретическихъ военныхъ свидѣній, уподобляются Омару, желавшему увидѣть плоды однимъ словомъ плоды опыта многихъ столѣтій. Что касается до меня, то хотя я и весьма-далекъ отъ мысли, чтобы можно было сдѣлать кого-либо по заказу Аннибаломъ либо Тюреномъ, однако же совершенно-увѣренъ въ пользѣ приуготовительныхъ свидѣній, которыя, въ соединеніи съ природными способностями и съ опытомъ въ войнѣ приобретеннымъ, одни лишь могутъ образовать великаго полководца. Если же мнѣ кто сдѣлаетъ замѣчаніе, что для способнаго человека достаточно одной опытности, то я, съ своей стороны, замѣчу, что такое изученіе военного дѣла можетъ въ началѣ обойтись слишкомъ-дорого.

Разсматривая всѣ попытки, до-сего-времени сдѣланныя военными писателями, въ отношеніи къ изложенію теорій *военнаго искусства въ высшемъ его анализѣ*, находимъ, что тѣ изъ сихъ писателей, которые приобрѣтали свидѣнія въ военномъ дѣлѣ личнымъ участіемъ въ походахъ, постоянно имѣютъ въ виду практическую пользу приуготовительныхъ занятій и призываютъ всевозможнаго только такую теорію, которая можетъ быть приложена къ действительнымъ случаямъ, на войнѣ встрѣчающимся. Таки писатели не даютъ рецептовъ на побѣду, но

стараятся показать какія именно данныя должны составлять основу военныхъ соображеній; а все прочее предоставляютъ природнымъ способностямъ и усовершенствованію на практикѣ въ дѣйствительной войнѣ. Нельзя не согласиться въ безосмысленности такого воззрѣнія на науку.

Повторяемъ еще разъ, что, не надаясь быть счастливые нашихъ предшественниковъ въ достиженіи цѣли нашихъ изслѣдованій, мы не предлагаемъ *картины* искусства во всей полнотѣ его: счастливыми почтемъ себя, если нашъ очеркъ побудитъ людей болѣе свѣдущихъ, болѣе опытныхъ—написать теорію военнаго искусства, достойную сего высокаго предмета.

Теорія сія можетъ быть изложена:

Во-1-хъ, такимъ образомъ, чтобы входящія въ нее предметы были описаны въ томъ самомъ *последовательномъ порядкѣ*, въ которомъ они встрѣчаются въ практикѣ.

Во-2-хъ, такимъ образомъ, чтобы излагать предметы, входящія въ стратегію, раздѣляя ихъ *сообразно главнымъ основаніямъ сей науки*.

Разсматривая въ *последовательномъ порядкѣ* предметы, входящія въ стратегію, видимъ, что для веденія войны необходимо:

- а) Сдѣлать всѣ приуготовленія, нужныя какъ для открытія кампаніи, такъ и для продолженія военныхъ дѣйствій.
- в) Составить планъ дѣйствій.
- с) Исполнять предначертанный планъ, измѣняя его сообразно съ обстоятельствами.

Приуготовленія къ войнѣ состоятъ:

1) Въ усиленіи способовъ обороны страны *искусственными средствами* (сооруженіе крѣпостей; осмотръ, выборъ и укрѣпленіе оборонительныхъ позицій; направленіе путей, способствующее оборонѣ края и затрудняющее вторженіе непріятеля, и проч.).

2) Въ *приобрѣтеніи самихъ подробныхъ свѣдѣній* о странѣ, *могущемъ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій*, и вообще о *важныхъ способахъ непріятеля* (подробныя карты; записки въ военно-географическомъ, статистическомъ и административномъ отношеніяхъ, и проч.).

3) Въ *заложеніи запасовъ съ военными и продовольственными запасами* и въ *обезпеченіи отъ непріятеля средствъ, слу-*

жающихъ для содержанія и комплектованія арміи (устройство базы, приустройство путей, ведущихъ отъ базы къ войскамъ; перевозочныя средства; мѣстные и подвижныя парки; запасы; депо; госпитали, и проч.).

4) *Въ постановленіи арміи на военное положеніе (укомплектованіе войскъ вообще; укомплектованіе кавалеріи и артиллеріи лошадьми; исправленіе и пополненіе матеріальной части).*

5) *Въ приустройствѣ средствъ веденія войны на дальнѣйшее время (система резервовъ; земскія ополченія; арсеналы; оружейныя фабрики; пороховыя заводы, магазины, и проч.).*

При составленіи плана дѣйствій должно имѣть въ виду:

1) *Политическія отношенія государства къ прочимъ и въ особенности къ сосѣдственнымъ государствамъ.*

2) *Военныя силы и средства всѣхъ сосѣдственныхъ и прайвительственныхъ, какъ нашего, такъ и непріятельскаго государства (пространство страны; военно-географическія и топографическія свойства ея; народонаселеніе; климатъ; изобиліе страны; финансовыя средства; число войскъ; образъ набора войскъ; система резервовъ и народныхъ ополченій; союзы съ другими государствами; образъ правленія непріятельской страны; характеръ и духъ непріятельскаго народа; степень привязанности его къ своему правительству; характеръ правителей и полководцевъ непріятельскихъ; система войны, которой они преимущественно слѣдовали въ прежнихъ войнахъ, и пр. и пр.).*

3) *Цѣль дѣйствій (завоеваніе непріятельской страны; завоеваніе какой-либо изъ областей противника, или недопущеніе его усилиться и сдѣлаться для насъ опаснымъ; поддержаніе слабѣйшаго изъ сосѣдей, для сохраненія политическаго равновѣсія или въ слѣдствіе существующихъ союзовъ, и проч.).*

При исполненіи предначертаннаго плана дѣйствій, должно, кромѣ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя входятъ предварительно въ составленіе его, имѣть въ виду еще:

1) *Положеніе главнѣйшихъ пунктовъ въ политическомъ отношеніи, какъ нашего, такъ и непріятельскаго государства.*

2) *Мѣста магазиновъ, главнѣйшихъ военныхъ учрежденій и депо, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ.*

3) Удобство *движенія и дѣйствій войскъ* (при чемъ надобно въ-особенности обращать вниманіе на составъ обѣихъ противныхъ армій).

4) Мѣста, на которыхъ непріятель сосредоточиваетъ свои войска.

5) Предполагаемая имъ дѣйствія (при чемъ, по-необходимости, всѣ наши данныя будутъ основаны на одной лишь вѣроятности).

6) Следствія боя съ противникомъ на рѣшительномъ пунктѣ.

7) Различныя случайныя обстоятельства (вліяніе погоды и проч.).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ какъ обширность, такъ и многообразіе предметовъ, входящихъ въ высшія военныя соображенія. Предоставляя другимъ развить сіи предметы во всей полнотѣ ихъ, перехожу къ другому способу изложенія стратегіи, основанному на раздѣленіи входящихъ въ нее предметовъ *сообразно главнымъ основаніямъ* сей науки.

Основанія, къ которымъ можно отнести всѣ важнѣйшія военныя средства, суть:

- A) Матеріальное.
- B) Нравственное.
- C) Географическое.
- D) Статистическое.
- E) Политическое.

Къ *матеріальному* основанію (элементу) должно отнести всѣ соображенія касательно сосредоточенія силъ для вѣроятнѣйшаго успѣха въ бою, и касательно раздѣленія ихъ, необходимаго для прикрытія собственной страны и для обезпеченія своихъ сообщеній (распредѣленіе силъ по внутреннимъ линіямъ и кордонамъ; выгоднѣйшее направленіе путей дѣйствій, и проч.).

Къ элементу *нравственному* будутъ относиться: всѣ средства, способствующія возбуждать и усиливать мужество въ собственныхъ войскахъ и ослаблять оное въ войскахъ противника; всѣ средства, имѣющія цѣлью привлечь на свою сторону расположеніе жителей театра военныхъ дѣйствій; искусство пользоваться ошибками и слабостями непріятельскаго полководца, предугадывать его дѣйствія, и пр. и пр.

Къ элементу *географическому* принадлежать: положеніе, пространство и конфигурація государствъ какъ нашего, такъ и

неприятельскаго; пространство, конфигурація и мѣстныя свойства театра военныхъ дѣйствій; направленіе и свойство главнѣйшихъ мѣстныхъ предметовъ, на немъ находящихся (путей, рѣкъ, большихъ горныхъ хребтовъ, и проч.); мѣсто и сила крѣпостей, и пр. и пр.

Къ элементу *статистическому*: народонаселеніе и военныя силы государствъ, какъ нашего, такъ и неприятельскаго; военныя системы обоихъ государствъ; населенность театра военныхъ дѣйствій; свойства и духъ жителей; климатъ и произведенія страны; способы къ доставкѣ запасовъ сухимъ путемъ и водою, и проч. и проч.

Наконецъ, къ элементу *политическому* принадлежать всѣ соображенія, основанныя на отношеніяхъ вѣдъ войны обоихъ противныхъ государствъ, какъ между собою, такъ и къ другимъ государствамъ, могущимъ принять въ борьбѣ ихъ прямое или посредственное участіе.

Для изученія *науки полководца* въ высшемъ ея значеніи; могутъ быть приняты и другія системы; какаѣ бы впрочемъ изъ нихъ не была предпочтена остальнымъ; все дѣло, по мнѣнію моему, будетъ состоять въ томъ, чтобы:

- 1) Избѣгая односторонности, вводить въ соображенія всѣ главныя военныя средства и начала.
- 2) Избѣгалъ отвлеченныхъ теорій, основывать всѣ заключенія на опытахъ прежнихъ войнъ.
- 3) Не упускать однакоже изъ вида, что на войнѣ измѣненіе какого-либо одного обстоятельства весьма-часто измѣняетъ существо всего дѣла, и что исторія событій минувшихъ войнъ должна служить только *пособіемъ* при составленіи соображеній, а не *руководствомъ* для буквального исполненія въ *настоящее время* того, что *никогда* принесло пользу.

М. ВОГДАНОВИЧЪ.

ЧТО ТАКОЕ РОМАНЪ.

Странная участь романа! Между-тѣмъ, какъ онъ составляетъ одну изъ главныхъ занятій литераторовъ и любителей литературы, есть люди строгіе, большею частію пожилые, впрочемъ почтенные и уважающіе литературу, которые его презираютъ, почитая чтеніе романовъ по-крайней-мѣрѣ пустымъ или легкомысленнымъ. Странно и то, что многіе изъ хулителей романовъ любятъ произведенія изящныхъ художествъ, скульптуру, живопись или музыку. Они оцѣняютъ по достоинству не только святую *Ночь* Корреджіо, но и какую-нибудь *Венеру*; а читать *Вальтера Скотта* посовѣстятся. Но вотъ имъ дилемма: или они не знаютъ, что романъ принадлежитъ къ области изящнаго, какъ скульптура и живопись; или, зная это, должны презирать статуями и картинами точно такъ же, какъ романами, если не хотятъ противорѣчить самимъ-себѣ. Можно, безъ нарушенія логики, предпочитать одинъ какой-нибудь родъ изящныхъ произведеній всѣмъ другимъ, но нельзя осуждать ни одного, не осуждая всѣхъ. Дѣло другое — отказаться отъ всего эстетическаго міра: тутъ есть логика, и самая вѣрная, самая высокая: но находить одинъ формы его достойными вниманія и уваженія, а другія нѣтъ, совершенно-неосновательно. Одно оправдываетъ антилогическую неприязнь къ романамъ — ихъ пустое по-большей-части содержаніе, или соблазнительное, вредное для добрыхъ нравовъ направленіе. Но злоупотребленіе вещи не уничтожаетъ ея достоинства, и романъ невиноватъ, если грѣшатъ романисты. Впрочемъ, романо-гонителей немного; напротивъ, романъ овладѣлъ совершенно настоящимъ поколѣніемъ. Говорятъ, что нынѣче вѣкъ историческій; — бытъ: теперь опъ болѣе романическій, или, точнѣе по-русски, романный. Что жъ такое романъ? постараемся опредѣлить.

Предупреждаем читателя, что мы не будем выводить определеннее романа ни из одной известной философской системы; мы их не приписываем, гегелеву не больше других. Что до нас, философии Гегеля не верим, и ни какой философии. В ней все нужно переделывать. В ожидании этого, наше определение романа будет выведено из простаго здраваго смысла.

Еще предупреждаем, что будем разсматривать романъ въ самомъ обширномъ его смыслѣ, въ которомъ онъ заключается вмѣстѣ съ драмою. Романъ и драма одинъ родъ и разнятся только видами. Общій родъ ихъ ожидаетъ себя названія. Чѣмъ различаются романъ и драма, нужно еще опредѣлить. Но опредѣлять нужно почти все. На-зло мольерову Журдену, мы и теперь еще не знаемъ, что такое стихи. Многія формы литературныхъ произведеній намъ кажутся известными, и однако въ сущности неизвѣстны. Мы ихъ различаемъ одинъ отъ другихъ на-угадъ, больше по какому-то инстинкту, чѣмъ по убѣжденію

---

* Это не значить, чтобы мы не признавали никакой пользы въ чтеніи философскихъ книгъ. Мы очень далеки отъ этого. Въ философскихъ книгахъ много важныхъ указаній. Духъ вѣсть всегда, тамъ особенно, гдѣ душа углубляется сама въ себя. Сверхъ-того, нередко философскія книги вшиваютъ въ себя, какъ губка, часть росы небесной, которая падаетъ благотвно на простыя сердца. Трудная обязанность, еще нѣкѣмъ непріятная, лежить на историкѣ философии: отдѣлать у всякаго философа пришлыя и даровыя мысли отъ тѣхъ, которыя развернулись въ собственномъ его разумѣ. У Платона есть высокія идеи, но онъ едва-ли его, едва-ли не чужія; объемъ его мысли и души неспособенъ, кажется, произвести ихъ. Откуда онъ ему достались? Великія идеи переходятъ иногда изъ одной части свѣта въ другую безъ помощи ученыхъ. Какъ сбивчивы всѣ изложенія платоновой философии, вслѣдствіе, читавшій ихъ, знаетъ. Сбивчивость эта происходитъ отъ-того, что Платона оцѣняютъ не собственными его умомъ, а его мнѣніями. Оцѣнка слишкомъ-поверхности ал.

При оцѣнкѣ разума, не надобно отсѣкать отъ него мыслей, хотя и пришлыхъ, но сроднившихся съ его собственными; должно только отдѣлать тѣ идеи, которыя приложились извнѣ, но не могли проникнуть въ глубину души и съ нею слиться. При оцѣнкѣ разума три вопроса: 1) объемъ его: это главное (полетъ орлиный — до облаковъ, хотя бы орелъ и не вошелъ въ полный свой возрастъ; огромный педантъ страусъ, или мелкій педантъ — индѣйскій пѣтухъ, не въ состояніи почти отдѣлаться отъ земли); 2) идеи пришлыя, проникнувшія внутрь разума; 3) идеи вышнія, которыхъ разумъ вмѣститъ не можетъ, хотя бы и былъ пораженъ ихъ достоинствомъ или необыкновенною силою.

разума. Какое различіе между романомъ-собственно, повѣстью, сказкою, анекдотомъ, и рассказомъ? Всякій литераторъ тотчасъ отвѣтитъ на это, но отвѣтитъ, будьте увѣрены, неточно, не такъ, чтобъ по его отвѣту можно было сказать всегда на-вѣрное: вотъ это романъ, это сказка, это повѣсть. Что такое сага? что такое поэма? Но это вопросъ не нашъ, мы почти не нашъ. Нашъ вопросъ: что такое романъ?

Прежде всего бросается въ глаза его свойство казаться исторіею, не подражать ей, а казаться, будто-бы быть ею. Вальтеръ-Скоттъ не называетъ своихъ романовъ иначе, какъ исторіями. Но какая разница между романомъ и исторіею? Та ли, что романъ выдумка, а исторія правда, или должна быть правдою? Нѣтъ, если подъ словомъ выдумка разумѣется неправда. Неправда не можетъ быть дополненіемъ правды; а романъ служитъ дополненіемъ исторіи: спросите у глубокомысленнаго историка Тьерри (Aug. Thierry). По-этому романъ правда; а если правда, то онъ не въ самомъ ли дѣлѣ исторія? — Исторія не романъ говоритъ Карамзинъ, говоритъ справедливо, но едва-ли глубоко, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ его. Гораздо глубже утверждаетъ Аристотель, что поэзія справедливѣе исторіи. И романъ поэзія, исторія и поэзія вмѣстѣ. Со-всѣмъ-тѣмъ опредѣлить романъ поэтическою исторіею не годится, потому-что точно-исторія не романъ, и романъ не исторія. Что есть исторія?

Года четыре назадъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» я написалъ: «Задача исторіи состоитъ въ томъ, чтобъ показать въ данное время возрастъ жизни человѣчества и относительное въ ней количество судьбы и произвола людей».

Я думаю, что это справедливо; но я не могъ объяснить тогда, какъ должно понимать человѣчество въ исторіи.

Историческое человѣчество меньше одного человѣка: человѣкъ, переступивъ чрезъ здѣшній міръ, шагаетъ въ вѣчность; историческое человѣчество не можетъ переступить здѣшняго міра. Человѣчество для исторіи есть соединеніе людей въ общество. Кромя жизни общества исторія ничего не знаетъ, т. е. все прочее для нея только средство, а не цѣль. Предразсудокъ думать, что исторія есть наука нравственная. Нравственность есть принадлежность человѣка въ особенностн. Души человѣческой не касается исторія,—это дѣло фило-

софии. Миръ исторіи между людьми, а не въ человѣкѣ. Она наука государственная. Самыя біографіи историческія говорятъ не о чемъ другомъ, какъ объ обществѣ только по поводу какого-нибудь человѣка; и все, что въ біографіи не относится къ обществу, не принадлежитъ собственно-исторіи. Конечно, вліяніе всѣхъ свойствъ души человѣческой на общество важно для исторіи; но какое ей дѣло до вліянія общества на свойства человѣка? У нея своя добродѣтель, свои пороки, своя слава, все свое. Для общества нуженъ и шаръ земной; но исторія отъ того не геогнозіи. Странное до-сихъ-поръ смѣшеніе понятій объ исторіи: съ одной стороны требуютъ или надѣются отъ нея нравственности, а съ другой исключаютъ изъ ней дикіе народы, какъ-будто между дикими нѣтъ ужѣ никакого общества. Но въ дальнѣйшее разбирательство этого входитъ не станемъ. Для насъ довольно, что исторія завѣдываетъ людьми, а не человѣкомъ.

И къ этомъ смыслѣ романъ діаметрально-противоположенъ исторіи, потому-что романъ занимается человѣкомъ, а не людьми. Для него нѣтъ общества; для него весь міръ въ чувствахъ и помыслахъ души. Общество нужно ему только какъ средство, отнюдь не какъ цѣль, точно-такъ, какъ отдѣльный человѣкъ служитъ средствомъ для исторіи. Что дѣлается съ человѣкомъ между людьми, вотъ задача романа; но что дѣлается съ людьми, того романъ знать не хочетъ и не можетъ. Романистъ описываетъ вамъ XV вѣкъ Западной Европы; это значитъ, онъ описываетъ какія страсти, какія скорби, какія наслажденія могли волновать тогда душу человѣческую. Что такое самъ XV вѣкъ въ Западной Европѣ, это выше романа, т. е. внѣ его. *Историческій и романъ* — два слова, несообразныя между собою. Гдѣ исторія, тамъ нѣтъ существенно романа, и наоборотъ. Сдѣлаемъ теперь вполне опредѣленіе романа: онъ есть *эстетическое изображеніе жизни человѣка между людьми*. Объяснимъ это опредѣленіе слово по слову.

Эстетическое....

Я не буду повторять здѣсь теоріи изящнаго, которую изложилъ въ другомъ мѣстѣ. Кто хочетъ понимать меня, тотъ долженъ прочитать разсужденіе мое «*объ эстетическомъ густѣ*»*. Слово «эстетическое» переноситъ романъ совершенно

* Сынъ Отечества, 1858, май.

въ другой мѣръ отъ исторіи. Исторія живеть въ мѣръ дѣйствительномъ, романъ въ возможномъ. И вотъ почему «исторія не романъ». Вотъ почему историческая картина въ живописи столько же неестественна, какъ историческій романъ въ словесности. Если уже называть какіе романы историческими, то развѣ романы безъ поэзии т. е. тѣ нелѣпыя сочиненія, которыя выдаются и принимаются за романы; хотя не имѣютъ литературнаго права на это названіе. Возможность эстетическая не ниже дѣйствительности въ отношеніи къ такъ-называемой достовѣрности, и романъ правдивъ не меньше исторіи. Сколько правдивы они оба, другой вопросъ; то вѣрно, что романъ такая же въ своемъ родѣ правда, какая правда исторія въ своемъ. Нелѣпыя романы не потому заслужили у насъ названіе историческихъ, что въ нихъ заключена историческая правда (какая правда въ чепухѣ?), а потому что они, хотя беззаконно, входятъ въ родъ сочиненій, посвященный исторіи и основанный на дѣйствительности. Можетъ ли и должно ли изящное входить въ исторію, и историческое въ романъ, объ этомъ теперь разсуждать не станемъ. Замѣтимъ только то, что исторію употребили романисты, какъ средство убѣжденія въ справедливости своихъ разсказовъ. Съ исторіею такъ тѣсно соединено повліе о достовѣрности, что было бы странно, если бѣ романисты не употребили ее въ свою пользу въ такомъ родѣ сочиненій, который долженъ казаться исторіею.

Эстетическое. . . Не отъ-того ли такъ много любителей романа? Едва-ли: эстетическаго, какъ и нравственнаго и разумнаго, хотѣлось бы всѣмъ; но не всѣмъ оно доступно. Эстетическіе гении рѣдки, хотя вслѣдъ челоуѣкъ одаренъ больше или меньше чувствомъ изящнаго. Много званыхъ, мало избранныхъ. Есть немало въ искусствѣ и лицемѣровъ; они хотятъ казаться любителями изящнаго, чтобъ прослыть людьми со вкусомъ, а въ душѣ любятъ совсѣмъ другое. Эти дилеттанты-лицемѣры слушаютъ въ вѣздахъ вашихъ Моцарта, Бетховена, даже усиливаются приходять по-временамъ въ восхищеніе, и внутренно проклинаютъ отъ скуки музыку. Гораздо-болѣе вселицемѣрныхъ любителей искусства, но бѣдныхъ эстетическимъ чувствомъ. Въ живописи они довольствуются казистымъ, въ музыкѣ и словесности ушнымъ или высокопарнымъ—люди умные и тупочувственные. Не кажите имъ истинныхъ произведе-

нѣ искусства; они смотрять и не видять. Эта толпа любить удивляться! И для услуги ихъ всегда найдутся артисты-англары, которые особенно размножились въ наше время. Сколько расплодилось ихъ отъ одного смычка Паганини! Изящное наслажденіе совсѣмъ не такъ обыкновенно, какъ думаютъ, и совсѣмъ не то, что непритворное удовольствіе отъ звуковъ или словъ, или красокъ. Иной добрый Нѣмецъ (хотя отъ Нѣмцевъ и никто не отниметъ музыкальнаго достоинства) бьетъ по клавишамъ цѣлый день, цѣлую жизнь «ach! du lieber Augustin» и восхищается. Это какое-то болѣзненное состояніе чувства изящнаго, и наслажденіе, извините, чесоточное. Ложныхъ любителей искусства, притворныхъ и непритворныхъ, разгадывать тотчасъ истинный художникъ или любитель, и презираетъ, какъ презираетъ такъ-называемый честный человѣкъ негодяевъ. Между литераторами и учеными, такъ же, какъ между знатыми и богатыми людьми, много эстетическихъ негодяевъ. Впрочемъ эстетическая негодность не мѣшаетъ быть необыкновеннымъ, даже великимъ человѣкомъ по уму и сердцу. Не надобно забывать, что изящное чувство не духовное, а душевное только свойство, и отличное, хотя и неотдѣльное, отъ нравственной и разумной силы. Въ изящномъ мѣрѣ вотъ порокъ или преступленіе: не любить и не дѣлать изящнаго, или не любить изящнаго и дѣлать нелѣпое. Преступниковъ изящнаго много. Это люди нелѣпые, хотя они могутъ быть очень-почтенными людьми. *Нелѣпое* въ эстетикѣ (эстетика должна принять это слово) не то, что безобразное. Безобразіе, какъ и красота, принадлежитъ къ изящному; нелѣпое изящному противоположно. Что такое эстетическое безобразіе? Всякое безобразіе необходимо-возможно. Калибанъ конечно не красавецъ. Идеалы безобразія такъ-же безчисленны, какъ и идеалы красоты... «Какъ изящное безобразіе?» Да, читатель. Если бы мѣръ нашъ былъ мѣръ совершенный, безобразіе было бы невозможно. Но человѣкъ пагъ, и мѣръ его обезобразился. Отъ-того духъ человѣчскій нищетъ другаго міра, ему обываннаго, и не можетъ ничѣмъ удовольствоваться въ здѣшнемъ, ни разумомъ здѣшнимъ, ни волею здѣшнею, ни чувствомъ здѣшнимъ. Здѣшній мѣръ имѣетъ свою премудрость, свою добродѣтель, свою красоту, но все несовершенное и преходящее. И вотъ причина безобразія. Не Богъ такъ сотворилъ мѣръ—человѣкъ такъ превратилъ его для

себя и страдает. Хотя и чувство, и разумъ, и воля мірскія постепенно совершенствуются, но прійти въ совершенство не могутъ, пока небо и земля не пройдутъ (Матѣ. XXIV, 35), и не будетъ земля новая и небо новое (2 Петр. III, 13), которыя видѣлъ св. Іоаннъ въ откровеніи (Ап. XXI, 1). Между тѣмъ постепенное совершенствованіе міра увеличиваетъ область эстетической, здѣшней красоты. Гевій художника безсознательно это угадываетъ и *окустмаллетъ* болѣе эстетическую красоту, нежели эстетическое безобразіе, отъ котораго душа отвращается именно по закону земнаго своего совершенствованія. Красота и безобразіе должны заключаться во всякомъ эстетическомъ произведеніи, потому-что такова возможная жизнь здѣсь на землѣ. Самое изображеніе красоты одной вещи есть уже намекъ на безобразіе другой. Но съ перваго появленія поэтическаго произведенія на землѣ, поэтъ долженъ былъ уже обольщаться и обольщать другихъ болѣе эстетическою красотою, чѣмъ эстетическимъ безобразіемъ, потому-что долженъ былъ предузнать душею (для того *опъ и vates*), что земной человѣкъ совершенствуется, хотя и вовсе независимо отъ духовнаго.

.... ИЗОБРАЖЕНІЕ ....

Не надобно терять изъ вида одноформности или соответственности романа съ исторією. Исторія *описываетъ* что ей нужно, романъ *изображаетъ*, что нужно ему.

.... жизни ....

Здѣсь разумѣется не истинная жизнь, не жизнь духа, которую не вмѣщаютъ слабыя понятія человѣческія. Мы разсуждаемъ теперь не болѣе какъ разумично (могли бы сказать разумно, но боимся, что насъ не такъ поймутъ, какъ должно); следовательно, не выдаемъ и выводовъ нашихъ за истинны безусловныя, къ которымъ разумъ неспособенъ, и для которыхъ одно средство—вѣра. Итакъ мы говоримъ о жизни, которая имѣетъ только три времени: прошедшее, настоящее и будущее, а не о жизни, которая, по благости Отца небеснаго, состоитъ для насъ изъ четырехъ временъ, прошедшаго, настоящаго, будущаго и вѣчности*. Изъ трехъвременной жизни что подлежить

* Вѣчность собственно не время. Здѣсь оно такъ названо по недостатку человѣческаго слова.

исторіи и роману? только прошедшее. Настоящее время ни для исторіи, ни для чего не уловимо. Это моментъ таинственный, отблескъ вѣчности, который *былъ* извѣстенъ человѣку, но котораго человѣкъ никому передать не можетъ, кромѣ суди своего въ день послѣдній, когда явно будетъ, что теперъ тайно.

.... ЧЕЛОВѢКА ....

Человѣкъ эстетически изображается двояко: или какъ существо вообще, или какъ индивидуальное явленіе. Какъ существо вообще, человѣкъ принадлежитъ лирику; какъ индивидуальное явленіе—роману. Индивидуальность изображаемаго человѣка есть самое высокое достоинство романа. Эстетическая индивидуальность, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ истинной, абсолютной или единичной индивидуальности, которую постичь человѣкъ не-въ-силахъ, но она должна быть въ высокой степени типическою, образцовою, въ которой рѣзкими и выпуклыми чертами означено то, что служить отличіемъ многихъ другихъ, подобныхъ индивидуальностей.

.... между людьми.

Это также необходимое условіе романа. Природа, какъ у Купера, или сверх-естественныя силы, какъ иногда у Шекспира, входятъ въ составъ романа не сами по себѣ, но потому что онѣ замѣняютъ или напоминаютъ собою людей. Притомъ и природа и сверх-естественныя силы близки къ душѣ человѣческой.

И вотъ мы кончили объясненіе нашего опредѣленія—заключимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ.

Нѣтъ, можетъ-быть, такого рода сочиненій, который *былъ* бы совершенно чистъ по своей формѣ, который *былъ* бы такъ-сказать однороденъ; всѣ роды болѣе или менѣе смѣшиваются. Покажите мнѣ хоть одинъ романъ, который бы отъ перваго слова до послѣдняго вездѣ *былъ* романомъ, т. е. произведеніемъ одной чистой фантазіи*, безъ примѣси воображенія или просто памяти. Смѣсь различныхъ родовъ литературныхъ произведеній происходятъ не всегда отъ бездарности сочинителей;

* Фантазія относится къ воображенію, какъ эстетическое къ дѣйствительному, какъ романъ къ исторіи. Фантазія есть воображеніе необходимо-возможнаго въ здѣшней жизни.

есть сочетаніе родовъ дозволенное и законное. Во что превратятся многія формы исторіи, если вы не допустите въ нихъ ничего изящнаго? Не смотря на множество курсовъ словесности, наука о ней ждетъ еще своего уложенія, и не должно удивляться, что законы ея неопредѣлены съ надлежащею вѣрностью. Легче быть поэтомъ, чѣмъ философомъ. И поэты и философы рождаются, но поэтическое дарованіе въ нѣкоторомъ смыслѣ не такъ обширно, какъ философское. Поэтъ можетъ творить по частямъ, даже по частицамъ. Философъ не можетъ различить на одной частицы безъ всеобъемлющаго-почти взгляда. Вотъ двѣ задачи, кромѣ другихъ, для теоріи литературы: 1) *опредѣлить* всѣ чистыя формы литературныхъ произведеній и ихъ подраздѣленія (до-сихъ-поръ онѣ только означены, и то не всѣ); на-пр. романъ и драму, и изъ драмы комедію, трагедію и т. д.; 2) показать, сколько каждая форма требуетъ и допускаетъ изъ условій, принадлежащихъ собственно постановнымъ формамъ: чего на-пр., и сколько требуетъ зодчества, сколько можетъ быть историческаго въ романъ, и т. д.

ДОКТОРЪ ВСТРЕВЦОВЪ.

АЛХИМІЯ И ФИЛОСОФСКІЙ КАМЕНЬ *.

Въ исторіи философіи нѣтъ, можетъ-быть, главы любопытнѣе той, въ которой говорятъ о началѣ и успѣхахъ алхиміи; нѣтъ отрасли земныхъ знаній, которая наиболѣе показывала бы силу и въ то же время слабость человѣческаго разума; нѣтъ труда, который осуществлялъ бы такъ вѣрно басню о горѣ, рождающей мышь.

Стремленіе къ безконечному, врожденное человѣку и служащее лучшимъ доказательствомъ его способности совершенствоваться, это стремленіе, возбуждающее въ немъ страсть къ чудному и увлекающему его къ сверхъестественному, сдѣлало его въ вѣкахъ непросвѣщенныхъ алхимикомъ и астрологомъ; но между-тѣмъ время и образованность произвели изъ астролога астронома, а изъ алхиміи химію, и наука заступила мѣсто маговъ и колдуновъ. Этотъ переходъ наукъ сверхъестественныхъ къ наукамъ положительнымъ, идеализма къ реализму, совершился, по-крайней-мѣрѣ отъ-части, въ концѣ XVI столѣтія, и алхимія должна была наконецъ умереть или, лучше сказать, преобразоваться... И дѣйствительно, къ-чему было искать философскаго камня послѣ открытія Перу?...

Довольно-любопытно будетъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, разбросанныя въ древнихъ и новыхъ книгахъ объ этой наукѣ, которая, не нашедши того, чего искала, нашла однакоже то, чего не думала найти. Большая часть этихъ сочиненій неизвѣстна даже и въ ученое мѣрѣ; что же касается до посвященій въ таинства алхиміи, то о нихъ не упоминаютъ ни Варбюртонъ, ни Морисъ, ни Тейлоръ, ни Оливье, ни другіе писатели, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ.

* Эта статья напечатана въ англійскомъ журналѣ «Fraser's Magazine», потомъ переведена на французскій и, просмотрѣнная г-нъ *Arago*, помѣщена въ «Revue Britannique», откуда мы и переводимъ ее. *Ред.*

Главною нашею цѣлью будетъ здѣсь разборъ ученія кабалистовъ, которымъ традиціональная философія въ особенности обязана тѣмъ, что введена въ школы, гдѣ производились посвященія въ тайны алхиміи и астрологій (инициаторскія). Има *кабалиста*, принадлежавшее съ-начала еврейскимъ ученымъ, проповѣдовавшимъ о важности преданій, было въ-послѣдствіи приписано всѣмъ азіатскимъ и европейскимъ теософамъ, которые въ различныя эпохи защищали то же самое ученіе и продолжали заниматься изученіемъ тайныхъ наукъ; а подъ именемъ тайныхъ наукъ должно понимать мистическія системы, извѣстныя подъ названіемъ то мнѳологій, то астрологій, то магіи, то геомантии,— словомъ, всѣ странныя теоріи, которымъ Корнелій-Агриппа и его послѣдователи старались придать такую силу.

Во всякомъ случаѣ мы ограничимся здѣсь изслѣдованіемъ только великой отрасли кабалистической науки, извѣстной исключительно подъ именемъ *алхиміи*, т. е. науки, разсуждающей о тайныхъ законахъ химіи, объ элементахъ матеріальной природы, о составленіи и разложеніи физическихъ веществъ.

Вотъ обширное и громкое опредѣленіе, которое европейскіе кабалисты придаютъ своей любимой наукѣ; сообразно ли это опредѣленіе съ логикою или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ полное право думать, что этотъ родъ алхиміи или трансцендентальной химіи былъ предметомъ изученія у Евреевъ во времена самой отдаленной древности.

Хотя знаменитый Кювѣ объявилъ, что, по его мнѣнію, герметическая философія получила свое начало не прежде среднихъ вѣкомъ, однакоже неподвержено сомнѣнію, что алхимія была извѣстна гораздо-ранѣе и что ею занимались въ эпохи несравненно-отдаленнѣйшія. Лучшимъ доказательствомъ того, что она была въ славу съ незапамятныхъ временъ между еврейскими кабалистами, служатъ не собственныя ихъ слова, ни ихъ алхимическія толкованія, ни даже имя *Chim*, означавшее древною страну Египта, по свидѣтельству древнѣйшихъ и классическихкихъ писателей востока, которые, говоря именно объ алхиміи, утверждаютъ, что она получила свое начало у Евреевъ или Сиріянъ и отъ нихъ уже распространилась между всѣми древними народами.

Вѣра или не вѣра алхиміи, принимая или отвергая, что основаніемъ ея было начало чисто-философическое, мы не можемъ

не согласиться, что кабалисты говорили правду, утверждал, будто колыбелью этой науки была Сирия и Халдея, и что она въ самой глубокой древности имѣла уже значительное развитіе.

«Итакъ» говорить донъ-Пернети: «мы должны предполагать, что алхимія имѣла одинъ общій центръ и что язь этого центра, подобно безчисленнымъ радіусамъ, распространилась она въ отдаленнѣйшія страны. Правдоподобно ли, чтобы народы, столь различные по своимъ религіознымъ понятіямъ и языку, могли съ такимъ единодушіемъ вѣрить алхиміи, еслибы вѣра эта не была результатомъ всеобщаго убѣжденія? Какъ! неужели Египтяне, Арабы, Китайцы, Греки, Евреи, Итальянцы, Нѣмцы, Американцы, Французы, Англичане могли согласиться такимъ-образомъ въ своихъ мнѣніяхъ только случайно, несообщая другъ другу своихъ идей, и стараться общими силами доказать пустую мечту, ничтожный призракъ воображенія? Не вдаваясь въ догадки, до какого числа могли возрасти мистическія сочиненія, которыя, по увѣренію исторіи, были сожжены повелѣніемъ Діоклетіана, для-того, чтобы лишить Египтянъ средствъ дѣлать золото, — ихъ остается еще много на всѣхъ языкахъ для оправданія нашего мнѣнія.»

Слѣдовательно, все доказываетъ, что алхимія была всегда почитаема за науку, принадлежащую къ области посвященій (иниціацій) кабалистовъ, теософовъ или древнихъ фран-масоновъ. Подобно мнѣологіи, теургіи, магіи и астрологіи, она составляла важную отрасль высшихъ и таинственныхъ наукъ и съ незапамятныхъ временъ занимала высокое мѣсто на лѣстницѣ тайныхъ знаній. Однакоже, не смотря на это, только въ шестомъ вѣкѣ христіанской эры, теософы, размножившіеся съ того времени по всей Европѣ подъ разными наименованіями, начали распространять герметическое или алхимическое посвященіе, названное такъ для отличія отъ теософическаго посвященія вообще. Тогда только теософы, извѣстные подъ именемъ кабалистовъ; свободныхъ каменищниковъ (*franc-masons*), астрологовъ, колдуновъ и Египтянъ, наливъ Европу среднихъ вѣковъ лучшими системами философіи, науки и архитектуры, какихъ она никогда еще не имѣла, придумали образовать особый классъ посвященія для исключительнаго занятія алхиміею.

Это великое возстановленіе алхиміи, какъ науки специальной и независимой, было слѣдствіемъ, по-крайней-мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ; сочиненій еврейскихъ кабалистовъ и Гебера, арабскаго философа, жившаго въ седьмомъ вѣкѣ и названнаго отцомъ новѣйшей алхиміи*. Арабскіе ученые придали большую извѣстность творенію, приписываемому Гермесу-Трисмегисту, творенію, которое, по мнѣнію Кювье, было писано византійскими Греками. Скоро Скотъ, Эригенъ, Алкуинъ, Рабан-Мавръ увлеклись энтузіазмомъ къ алхиміи и, по свидѣтельству Алберта-Великаго и Рожера Бэква, въ-слѣдъ за этимъ начались многочисленныя посвященія.

«Въ числѣ древнихъ алхимиковъ» говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей: «находимъ имя Христіана Розенкрейца, который родился въ 1378 году и которому розенкрейцеры (или кавалеры Розы-Креста, — *Les Rose-Croix*) обязаны, по ихъ собственному отзыву, началомъ своей секты. Кажется, Розенкрейцъ, подобно Аполлонію, былъ космополитомъ и объѣхалъ весь извѣстный въ то время свѣтъ. Онъ познакомился съ извѣстѣйшими философами и разсуждалъ съ ними о всѣхъ возможныхъ предметахъ. Въ-особенности жилъ онъ долго въ Аравіи, въ городѣ, который ученики его называютъ *Дамеаромъ* (*Damear*) — имя неизвѣстное ни древнимъ, ни новымъ географамъ. Наконецъ, посѣтивъ мудрецовъ или кабалистовъ Феца, возвратился онъ въ Германію, умеръ тамъ и, сто двадцать лѣтъ спустя, ученики его нашли сокровищницу всѣхъ тайныхъ и трансцендентныхъ наукъ. Такова баснословная повѣсть, выдуманная розенкрейцерами о ихъ основателѣ, повѣсть, придуманная весьма-хитро, для обмана доверчивыхъ людей и для внушенія имъ какого-то смѣшного ужаса.»

Къ сему-то обществу розенкрейцеровъ принадлежали, по собственному призванію, всѣ алхимики, теософы и кабалисты

---

* Доктор Джонсонъ полагаетъ, что англійское слово *gibberish* (лепетанье) происходитъ отъ языка, коимъ объяснялся Геберъ и его приверженцы. Вообще можно сказать, что нравы испанскіе развили въ Европѣ вкусъ къ наукамъ таинственнѣйшимъ и кабалистичѣ, которою въ особенности занимались Тампльеры. Арабы Пиренейскаго Полуострова были, какъ извѣстно, самый образованный народъ того времени. Алхимія, судебная астрологія, наука чиселъ и высшая магія были полагаемы ими за необходимое дополненіе къ изученію натуральной исторіи.

того времени. Не смотря на это, существует еще некоторое сомнение на-счетъ настоящей исторіи этой знаменитой секты: есть люди, полагающіе, что она обязана своимъ началомъ извѣстному писателю, хотѣвшему мстительно свести своихъ суевѣрныхъ современниковъ. Другіе говорятъ, что она была основана теологомъ, Іоанномъ Валентиномъ Андрѣ, уроженцемъ виртсбержскимъ, который вздумалъ обвародовать эту басню, принятую невѣжественными и доверчивыми людьми за истину. Два сочинія, *Toma Fraternitatis* и *Confessio Fratrum Rosae Crucis*, утверждали извѣстность розенкрейцеровъ*. Съ того времени всеобщее вниманіе обратилось на эту таинственную секту, которой правила и положенія были попеременно преслѣдуемы и защищаемы спорщиками того времени.

Но каково бы ни было настоящее начало общества розенкрейцеровъ: обязано ли оно своимъ названіемъ Розенкрейцу, или красному кресту Тамплеровъ, или даже словамъ *ros coctus* (вареная роса) физиковъ** существованіе этого общества не подвержено никакому сомнѣнію. Существованіе его доказываетъ уже тѣмъ, что наибольшая часть замѣчательныхъ людей въ Европѣ придавала себѣ титулъ розенкрейцеровъ и писала подъ этимъ именемъ многія книги. Если это не подтверждаетъ существованія общества, то мы не знаемъ, какому еще свидѣтельству можно вѣрить. Итакъ мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ пристать къ мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, что секта розенкрейцеровъ пустая выдумка. Она оставила намъ о своемъ действительномъ существованіи такія же доказательства, какъ и всѣ другія религиозныя, философскія и политическія секты. Впрочемъ, мы не отвергаемъ, что множество ложныхъ понятій было распространяемо на-счетъ ея правилъ и дѣйствій.

Розенкрейцеры въ весьма-непродолжительное время приобрѣли необыкновенную власть и вліяніе, ибо они привлекали къ себѣ почти всѣхъ ученѣйшихъ физиковъ и врачей своей эпохи. Въ числѣ ихъ были: Корнелій-Агриппа, Рейхлинъ, Парацельсъ,

* Последнее изъ сихъ сочиненій было издаво на латинскомъ и немецкомъ языкахъ. Въ 1615 году Іоаннъ Бригоръ напечаталъ во Франкфуртѣ оба сіи сочиненія вторымъ изданіемъ.

** Некоторые кабалистическіе писатели говорятъ действительно, что философскій камень есть не что иное, какъ приготовленная и перезаренная роса.

Флюидъ, Гельмонтъ, Ди, Дрекселіусъ, Лулій, Раплей, Ашмоль, Бёмень, Пуарель, Кампанелла, Дигби, Воганъ и множество алхимиковъ-практиковъ. Послѣ этого неудивительно, что сіе общество, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, властвовало надъ умами и приобрѣтало себѣ приверженцевъ во всѣхъ классахъ публики.

Мифологія, алхимія и посвященія въ секту розенкрейцеровъ были весьма-забавно описаны однимъ французскимъ аббатомъ, Монёокон-де-Вильярмомъ, въ его знаменитой книгѣ *Le Comte de Gabalis*. Это сочиненіе, появившееся въ 1670 году, навлекло на автора громы церковныхъ проклятій. Оно обвараживало правила и ученіе знаменитаго общества: въ немъ сказано, что розенкрейцеры предполагали матеріальный міръ, населенный существами метафизическими и психологическими, и что каждая стихія наполнена теніями-покровителями: огонь саламандрами, вода удивнами, а земля гномами; нескромный аббатъ объявлялъ также публикѣ, что розенкрейцеры воображали, будто каждая отдѣльная часть матеріи была оживлена особеннымъ духомъ, и полагали необходимымъ входить въ близкое сношеніе съ этимъ духомъ, чтобъ имѣть возможность понимать свойства тѣла, въ которомъ онъ обитаетъ.

Въ преувеличаніи спиритуализма розенкрейцеры не уступали древнимъ теософамъ, и вообще всѣмъ иниціатамъ. Самъ Манвѣсъ былъ бы въ восхищеніи, еслибъ услышалъ ихъ возгласы противъ всякаго реализма. За-то и прекрасный полъ былъ раздраженъ противъ ихъ до чрезвычайности; мы готовы даже приписать наденіе розенкрейцеровъ безиредастаннымъ и постояннымъ проискамъ женщинъ. Эти невинные искатели золота забыли посоветоваться съ выгодами другой половины человѣческаго рода, которую Эразмъ, Постель и Корнелій-Агриппа объявляли непобѣдимую.

Съ того времени розенкрейцеры и алхимики существуютъ безъ-сомнѣнія до-сихъ-поръ, но слава ихъ миновалась, и они дѣлаютъ весьма-мало шума въ свѣтъ. Адепты ихъ сохранили однакоже до-сихъ-поръ удивительную гордость и высокомеріе: они смотрятъ на другихъ людей съ величайшимъ презрѣніемъ. Недавно встрѣтили мы одного алхимиста такого разряда, почтеннаго джентльмена, почитавшаго себя представителемъ чистѣйшей породы розенкрейцеровъ и самымъ лучшимъ сокращеніемъ всего искусства Гермеса. Онъ серьезно почиталъ себя ме-

жду своими современниками за существо чрезвычайное и видѣть въ новѣйшихъ химикахъ только полу-учевыхъ, которые никогда не пропикали въ таинства природы, и безбожниковъ, преданныхъ печистотамъ матеріализма.

Иудейскіе и сирійскіе теософы, у которыхъ находимъ первые слѣды алхиміи и первыя мистическія инициации, подобныя тѣмъ, какія употреблялись Эссеніанами, были всѣ *философы огня*, какъ ихъ называли по справедливости. Они почитали огнь первую и высочайшею физическою эмблемою божества, первымъ и величайшимъ движеніемъ всеобщей жизни, первую и величайшею стихіею природы, — однимъ словомъ, они признавали его *душою міра* и, по примѣру восточныхъ сектъ и народовъ, а именно: Сабеевъ, Персовъ, Индійцевъ, Арабовъ и Финикянъ чтили его и поклонялись ему какъ божеству. Слѣды этого священнаго поклоненія находимъ мы во всей мифологіи и поэзіи Азіатцевъ и Европейцевъ.

Итакъ, въ очеркъ исторіи алхиміи необходимо изслѣдовать свойства этого герметическаго и философскаго огня, который всѣ алхимики называютъ дивнымъ производителемъ всѣхъ обыкновенныхъ видоизмѣненій міра физическаго, огня, котораго добываніе такъ трудно, и который почитался единственнымъ средствомъ для превращенія металловъ въ золото.

Еврейскіе кабалисты говорятъ, что огонь, о которомъ они писали, *огнь герметическій* или *философскій*, и который, по ихъ мнѣнію, оживляетъ всѣ тѣла физическія, есть совершенно невидимая и всеобщая эссенція, *видимая* только во второмъ періодѣ своего развитія — *свѣтъ*, и осязательная только въ третьемъ — *теплота*. Этотъ огонь, сущій и всегда скрытый, былъ родъ протей, или первоначальной причины, которую отыскивали всѣ древніе теософы и никто изъ нихъ не могъ найти. По ихъ мнѣнію, огонь этотъ не должно смѣшивать съ *свѣтломъ* или *пламенемъ*, которые суть только слѣдствіе или видимое развитіе огня. Онъ, по словамъ ихъ, есть начало или производитель того обыкновеннаго огня, котораго дѣйствія дѣлаются намъ доступны посредствомъ чувствъ, а не самый этотъ *видимый* огонь, ибо сей послѣдній есть только наружное проявленіе внутренняго и таинственнаго начала.

Итакъ, если бы можно было осмѣлится на какое-нибудь заключеніе о философскомъ огнѣ древнихъ кабалистовъ - а.

химиковъ, мы сказали бы, что огонь этотъ былъ ин болѣе, ин менѣ какъ *электричество*. Мы думаемъ даже, что огонь этотъ назывался *электричествомъ* въ знаменитѣйшихъ иниціаторскихъ школахъ, за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры. Такое мнѣніе покажется, конечно, парадоксомъ для тѣхъ, кто назначаетъ эпохою открытія электричества новѣйшее время, и потому спѣшимъ привести здѣсь факты, на которыхъ основываемъ свое мнѣніе, что электричество было известно древнимъ столько же, сколько и намъ, и что оно-то и есть тотъ герметическій огонь, посредствомъ коего алхимики пытались съ незапамятныхъ временъ произвести *жизненный элексиръ*, *философскій камень* и *превращеніе металловъ въ золото*.

Если намъ удастся доказать это, то мы будемъ по-крайней-мѣрѣ имѣть право сказать, что у алхиміи было рациональное основаніе, что алхимики въ трудахъ своихъ руководствовались началомъ, дѣйствительно производящимъ множество физическихъ превращеній, и такимъ-образомъ должны будемъ смотрѣть на алхимиковъ съ бѣльшимъ уваженіемъ, нежели то, какое имъ обыкновенно оказываютъ. Намъ будетъ тогда позволено поставить ихъ по справедливости во главу науки и приписать имъ первенство въ великихъ изысканіяхъ таинствъ природы, изысканіяхъ, которыми герметическіе философы опередили, можетъ-быть, великія открытія временъ новѣйшихъ и приблизились къ любопытнымъ опытамъ, которые еще недавно покрыли такую славою Кросса, Фокса и Фарадея, знаменитыхъ англійскихъ химиковъ и физиковъ.

Приведемъ, во-первыхъ, нѣкоторыя мѣста изъ Дютана и другихъ авторовъ, разбивавшихъ этотъ вопросъ.

Древніе — говоритъ Дютанъ — придавали Белу, Озирису и другимъ великимъ божествамъ огня и свѣта эпитеты, подтверждающіе наше мнѣніе: они называли солнце *электромъ*, т. е. всемогущимъ началомъ, оживляющимъ весь тѣла; они боготворили Юпитера подъ именемъ *Элиція*, т. е. (по понятіямъ этихъ народовъ) начала электрическаго или *первой причины*, которая притягиваетъ (*elicit*) и оживляетъ весь предметы въ природѣ. Юпитеръ-Элицій, говоритъ Варронъ, называется такимъ-образомъ потому-что онъ втягиваетъ и привлекаетъ (*ab eliciendo sive extrahendo*); въ этомъ-то смыслѣ Овидій сказалъ:

Eliciant coelo te, Jupiter, unde minores
Nunc quoque te celebrant Eliciumque vocant.

Эмпедоклъ, кажется, обозначилъ то же самое всеобщее начало электричества подъ именемъ *essentia ignis* или стихій огня, и это опредѣленіе довольно-вѣрно. «Сей огонь» говоритъ онъ: «раздѣляется на четыре стихіи, соединенныя между собою таинственною гармоніею и раздѣленныя неодолимою причиною дѣлимости, Всѣ ихъ части или взаимно другъ друга притягиваютъ, или взаимно другъ друга отталкиваютъ; такимъ-образомъ ничто не гибнетъ; напротивъ, все, существующее въ природѣ, находится въ безпрестанномъ движеніи.»

Сему-то началу электричества древніе приписывали громъ и молнію. Нума Помпиль, который былъ посвященъ въ науку Пифагорейцевъ, и въ то же время былъ хорошимъ натуралистомъ и физикомъ, зналъ способъ привлекать громъ гораздо прежде Франклиннова бумажнаго змѣя (*serp volant*). Онъ искусно воспользовался своими знаніями и легко управлялъ грубымъ народомъ, прививая познаніе силъ природы къ системѣ религиозныхъ обрядовъ, что заставляло думать, будто бы онъ находился въ сношеніяхъ съ богами. Плиній рассказываетъ, что, посредствомъ нѣкоторыхъ жертвъ и обрядовъ, царь этотъ могъ вызывать громъ и притягивать его къ землѣ; онъ прибавляетъ, что, какъ говоритъ достоверное преданіе, подобный же опытъ былъ сдѣланъ въ Этруріи у Вольсковъ. Онъ ссылается на Луція Пизона, писателя, пользовавшагося довѣренностію, который говоритъ, что Тулль Гостилій, ошибившись въ этомъ таинственномъ опытѣ, былъ самъ пораженъ громомъ. Титъ-Ливій рассказываетъ подробно объ этомъ замѣчательномъ случаѣ. Вотъ что говоритъ онъ:

«Царь Тулль, нашедши въ коментаріяхъ Нумы указаніе на нѣкоторыя торжественныя и чрезвычайно-таинственныя жертвоприношенія, которыя законодатель посвящалъ Юпитеру Элицію, удалился въ скрытое мѣсто для приведенія въ исполненіе этого священнаго опыта; но, не соблюдши въ точности всѣхъ предписанныхъ обрядовъ, съ самаго начала опыта или въ-продолженіе оаго былъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ домомъ сожженъ молніей.»

* Sed non rite initum aut curatum id sacrum esse;... fulmine ipsum cum domo conflagrasset.

Платонъ придаетъ той же электрической силѣ имя и качества *электриума* или амбры. Чтобы объяснить качество притягательности этой силы, онъ говоритъ, что «изъ *электриума* или амбры выходитъ родъ тонкой матеріи или духа (*πνεύμα*), посредствомъ котораго онъ притягиваетъ къ себѣ другія тѣла». Плулархъ приписываетъ той же причинѣ дѣйствіе гипюса или ныль такъ-называемаго электрическаго угря.

Электричеству же приписывали древніе свойства магнита, точно такъ же, какъ называли амбру *электриумомъ*, потому-что это вещество оживлено дыханіемъ *Электора* или солнца. Отъ того-то называли они также магнитъ *lapis Héraclius* (камень геракійскій), полагая, что онъ падленъ силою Геркулеса, котораго имя также приписывалось къ солнцу и къ солнечнымъ дѣтелямъ. «Магнитъ или геркулесовскій камень» говоритъ Плулархъ: «притягиваетъ тѣла подобно амбрѣ». Онъ объясняетъ это дѣйствіе «стремленіемъ атомовъ» и употребляетъ въ этомъ случаѣ почти одинакія выраженія съ Декартомъ.

Да позволено намъ будетъ при этомъ случаѣ привести любопытное мѣсто изъ морисовыхъ *Antiquités indiennes* (Индійскія Древности).

«Индійскій Геркулесъ или Бель» говоритъ онъ: «этотъ полу-богъ-царь столь предпринчивой, истинный прототипъ того Геркулеса, который былъ боготворимъ въ Тирѣ и который почитался покровителемъ торговли и мореплаванія; онъ также типъ Геркулеса, котораго чтли въ Египтѣ какъ побѣдителя Бузириса и коего двѣнадцать подвиговъ суть символъ измѣненій солнца чрезъ всѣ двѣнадцать знаковъ зодіака; наконецъ, онъ тотъ же самый полу-богъ, коего исторія, столь богатая чрезвычайными событіями, была, послѣ многихъ столѣтій, принята Греками. Одно изъ самыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ событій въ жизни этого языческаго героя есть конечно морское путешествіе, совершенное имъ въ золотой чашѣ, которую подарилъ ему Аполлонъ имя солнце, когда онъ отправился въ Испанію, чтобы поставить на берегахъ ея столбы, посвященныя его имя. По случаю этого событія, Макровій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Я думаю, что Геркулесъ переехалъ море не въ чашѣ, а на кораблѣ, который назывался *чашею*»^{*}. Вспомнимъ

^{*} Ego autem arbitrator non poculo Herculem maria transvectum, sed navigio cui sypho nomen fuit.

однако же, что некоторые ученые мифологи полагают, будто бы эта таинственная чаша была не что иное, как *компасъ*, посредствомъ котораго, а не въ которомъ, Гераклъ переехалъ Средиземное Море. Феакіане, по свидѣтельству Гомера, славились какъ искусные мореплаватели, весьма-вѣроятно имѣли положительныя свѣдѣнія о магнитѣ, ибо корабли ихъ представлены въ «Одиссеѣ» плавающими безъ кормчихъ по океану, какъ-будто оживляли ихъ какой-нибудь духъ, ведшій ихъ къ мѣсту ихъ назначенія. Какой бы вѣсъ ни придавали этому мнѣнію, но, если принять во вниманіе сообщеніе, какое ижегда имѣли между собою народы, раздѣленные другъ отъ друга огромными разстояніями, тогда какъ звѣзды, принадлежавшія собственно ихъ полушарію, не могли служить имъ путеводителями въ далекихъ путешествіяхъ, то будетъ очевидно, что открытіе компаса принадлежитъ эпохѣ гораздо-отдаленнѣйшей, чѣмъ 1260 годъ христіанскаго лѣтосчисленія.

Это понятіе о электрическомъ дѣйствіи магнита приписывается почти-всѣмъ народамъ древности такими учеными, какъ Кирхеръ, Гейде, Гервардъ, Фан-Дель, сэръ Уильямъ Джонсъ и другими уважаемыми писателями, упоминаемыми Дюганомъ и Морисомъ, и это мнѣніе вообще принято всѣми учеными.

Доказавъ, что собственно такъ - называемый электрическій огонь былъ извѣстенъ древнимъ теософамъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ; намъ остается доказать, что огонь этотъ, во всѣ времена, былъ герметическимъ или философскимъ огнемъ алхимиковъ, могущественнѣйшимъ дѣятелемъ во всѣхъ ихъ таинственныхъ опытахъ, и что по сей-то причинѣ оны тщательно скрывали его, посвящая въ его тайны только своихъ адептовъ. Это мнѣніе есть также мнѣніе дона - Пернети, великаго жреца тайнъ алхимическихъ.

«Нашъ философскій огонь» говоритъ онъ: «есть лабиринтъ, въ извилинахъ котораго могутъ запутаться самые опытные люди, потому-что онъ невидимъ и сокрытъ. Огонь солнца не можетъ быть этимъ таинственнымъ огнемъ; онъ прерывистъ и неровенъ; онъ не можетъ изливать всегда теплоту, равную, какъ относительно продолжительности, такъ и относительно силы. Жаръ его не въ состояніи проникнуть въ глубину горъ, ни оживить внутренней холодъ утесовъ и мрамора, прилегающихъ минеральныя пары, изъ коихъ образуются золото и серебро.

«Обыкновенный огонь наших очаговъ препятствуетъ смѣшенію веществъ, могущихъ быть смѣшанными; онъ уничтожаетъ или испаряетъ тонкія связи составныхъ частицъ; онъ дѣйствительно *тиранъ*.

«Огонь центральный и самородный въ веществѣ имѣетъ свойство смѣшивать вещества и давать имъ новыя формы; но этотъ столь прославляемый огонь не можетъ быть огнемъ обыкновеннымъ, который производитъ разложеніе металлическихъ сѣмь, ибо то, что въ самомъ-себѣ заключаетъ силу разрушенія, не можетъ въ то же время имѣть силу возстановленія, или имѣть ее только случайно.»

Артефій писалъ весьма-много о философскомъ огнѣ; Пон-тавъ сдѣлался его адептомъ и распространителемъ его ученія. Вотъ, что говоритъ онъ объ этомъ важномъ предметѣ. «Нашъ огонь есть огонь минеральный и непрерывный; онъ не испаряется, если не бываетъ доводимъ до чрезвычайности; онъ имѣетъ свойство стѣры, и не происходитъ отъ матеріи; онъ разрушаетъ, разлагаетъ, замораживаетъ и пережигаетъ все гѣла. Потребно много искусства, чтобъ отыскать и приготовить его; онъ не стѣдитъ ничего, или почти-ничего. Кроме-того, онъ влаженъ, окруженъ парами, пронизателепъ, тонокъ, вѣженъ, зовренъ; онъ разлагаетъ и превращаетъ, не воспламеняетъ и не уничтожаетъ, все окружаетъ все и содержитъ; наконецъ, онъ одианъ въ своемъ родѣ. Онъ есть также источникъ жизненной воды, въ которую царь и царица природы погружаются безпрестанно. Этотъ влажный огонь необходимъ во всѣхъ алхимическихъ производствахъ въ началѣ, среднѣ и концѣ, *ибо вся наша нужда заключается въ семъ огнѣ*. Огонь этотъ въ одно и то же время и естественный, и сверхъестественный, и противоестественный, огонь вѣстъ и теплый, и сухой, и влажный, и холодный, который не сжетъ, не разрушаетъ.»

Спрашивается, что обозначаютъ эти странныя выраженія древнихъ о философскомъ огнѣ, если не *электричество*? Только къ этой силѣ могутъ быть примѣнены всѣ эти опредѣленія. И для чего отказываться намъ принять эту истину; когда множество доказательствъ ручается въ существованіи и дѣйствительности электричества, принимаемаго за тайное и невидимое свойство природы? И эти доказательства длятся уже съ эпохи времени древнихъ и съ среднихъ вѣковъ, когда Абен-Эзра

Скотъ , Эритеиъ , Алкуинъ , Рабан-Мавръ , Альбертъ-Великій и Рожеръ Бэкиъ писали о герметической наукѣ. Электричество получается такъ легко и такъ быстро, что мы могли бы сказать даже *a priori*: оно всегда было главнымъ дѣтелемъ въ алхиміи точно такъ же, какъ теперь оно главный дѣтель въ химіи. Впрочемъ , ни одинъ изъ известныхъ ученыхъ не приписывалъ открытія электричества новѣйшимъ физикамъ , столь-хорошо-опредѣлившимъ таинственные законы его дѣйствій.

Опредѣливъ свойство философскаго огня , разсмотримъ теперь, какіе были другіе составные элементы *алексира долгой жизни* и *философскаго камня*. Элементы эти суть: селитротворъ, сѣра и ртуть, три самые универсальныя, самые дѣтельныя агента, открытыя въ мірѣ физическомъ и входящія въ составъ многихъ тѣлъ. Посмотримъ на свойства этихъ элементовъ, столь восхваляемыхъ алхимиками, которые почитали ихъ главнѣйшимъ основаніемъ своей науки.

Извѣстно, что селитротворъ есть одинъ изъ составныхъ элементовъ наибольшей части естественныхъ тѣлъ. Соединенный съ щелочами, онъ производитъ *натръ* (natrum) древнихъ и селитру новѣйшихъ. Всѣ ученые единогласно приписываютъ этому химическому агенту свойства универсальнаго разлагателя.

Химики получаютъ изъ этой соли крѣпкую и царскую водку (азотную и селитрохлороводную кислоту), два главнѣйшіе дѣтеля, употребляемые въ металлургіи; но здѣсь не мѣсто исключать ихъ свойства.

Второй главный элементъ алхиміи — сѣра, тѣло простое и универсальное., о которомъ безпрестанно упоминается въ священныхъ и классическихъ преданіяхъ. Сѣра производитъ странное вліяніе на селитру, крѣпкую и царскую водку; она способствуетъ ихъ дѣйствию на ртуть, произвоя металлическія амальгамы.

Третій элементъ—ртуть, который алхимики принимаютъ за начало или оспланіе всѣхъ металловъ.

Итакъ элексиръ долгой жизни и философскій камень были не что иное, какъ совокупленіе этихъ трехъ элементовъ, въ жидкомъ состояніи — для алексира, въ твердомъ или въ порошокъ — для философскаго камня.

Элексиръ или эссенція долгой жизни была признаваема равно-драгоценною и въ медицинѣ и въ металлургіи. Физикъ

ки - алхимики знали очень - хорошо терапевтическую силу селитры, сѣры и ртути, которые входятъ въ составъ алхимической пилюли Пломмара и во многія позднѣйшія лекарства.

Этотъ эликсиръ, эта капля жизни, этотъ дивный хранитель и восстановитель молодости и красоты, превосходящій своимъ достоинствомъ даже *жилеадскій бальзамъ* (*beaute de Silead*) доктора Саломона и неподражаемое *макаassarское масло* Роуанда *, становился еще дѣйствительнѣе отъ примѣшиванія къ нему некоторой части рафинированнаго золота. Эликсиръ этотъ, составленный изъ селитрянаго элемента царской водки и подкрьшлепный сѣрою и ртутью, былъ въ некоторыхъ случаяхъ способенъ растворить золото, особенно когда электричество, философскій огонь, или даже простой, обыкновенный огонь былъ подкладываемъ подъ реторту.

Эликсиръ сей, содержащій въ себѣ растворъ золота, сдѣлался знаменитымъ *aurum potabile* (питьеымъ золотомъ), тѣмъ нектаромъ и амброзією, которую такъ прославили поэты древности. Послѣ всего этого объясняется какъ-пелъзла лучше изрѣченіе: *auri sacra fames*; ибо пока люди вѣрили, что золото могло не только наполнить ихъ сундуки, но еще дать человѣку вѣчную юность, что, подобно пицѣ духовъ, оно могло заставить ихъ жить жизнью обитателей неба; пока они были убѣждены, что золото можетъ доставлять имъ всегда здоровье, силу и красоту, до-тѣхъ-поръ они естественно должны были чествовать его восторженнымъ поклоненіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ эликсиръ, это питьеое золото было сильнымъ, живительнымъ лекарствомъ; нѣтъ сомнѣнія, что столь сильныя медицинскія спадобья, будучи смѣшаны въ извѣстныхъ пропорціяхъ, могли въ некоторымъ-образомъ поддерживать или даже обвять человѣческой организмъ. Право, намъ самимъ приходило иногда на мысль попросить Фардея приготовить намъ пріемъ этого эликсира, избравъ для сего опыта минуточку соединенія Меркурія съ Венерою. Намъ бы очень хотѣлось помолодѣть посредствомъ этого таинственнаго питья, какъ Левъ Годвина и Мельмотъ Матурина, непродавал однакоже души своей дьяволу.

* Эти спадобья въ Англии играютъ такую же роль, какъ во Франціи арабскій ракагутъ, белая горчица и другія специфическія лекарства, прославляемыя газетами за весьма-небольшую плату.

Тѣ же самыя вещества, которыя, бывъ соединены известнымъ-образомъ, составляли жизненный эликсиръ, будучи приготовлены и смѣшаны иначе, производили философскій камень или въ видѣ порошка, или въ видѣ плотнаго тѣла. Селитра, сѣра и ртуть смѣшивались въ различныхъ пропорціяхъ, сообразно свойствамъ того металла, который надо было претворить. Здѣсь электричество или огонь философскій становился необходимымъ, и потому-то огонь сей сдѣлался предметомъ постоянныхъ изслѣдованій алхимиковъ. Истинные адепты, кажется, находили его довольно-легко; но посвященные въ низшія степени, могли только изрѣдка получать этотъ удивительный огонь. Они были принуждены довольствоваться обыкновеннымъ огнемъ, который, хотя и полезенъ для плавки металловъ, но не можетъ ни разлагать, ни смѣшивать ихъ. Отъ-того-то приписывались философскому огню несмѣтные ошибки, произведенныя толпою алхимиковъ.

Что же касается до адептовъ, то они шли другою дорогою: кажется, они подвергали таинственный сосудъ, — реторту или кубъ, назовите его какъ угодно, — непрерывнымъ токамъ электрическаго огня. Когда металлы начинали расплавляться, они бросали въ сосудъ кусокъ философскаго камня, содержащій въ себѣ то количество селитры, сѣры и ртути, какое нужно было для производства желаемого превращенія. Следовательно, за исключеніемъ великаго агента — электричества, употребленнаго какъ средство для плавки металловъ, они дѣйствовали совершенно такъ же, какъ наши новѣйшіе металлурги.

Итакъ философскій камень былъ составъ, содержащій въ себѣ количество селитры, сѣры и ртути, необходимое для совершеннаго превращенія данныхъ металловъ, превращенія, производившагося дѣйствіемъ электричества въ то время, когда металлы начинали расплавляться. Неизвѣстность, въ коей долго находились на-счетъ этихъ операций, объясняетъ грубыя обвиненія и нелѣпыя замѣчанія, которыя позволяли себѣ многие писатели въ-отношеніи къ алхимикамъ, не имѣя понятія даже о самыхъ малѣйшихъ ихъ тайнахъ.

Мы были обязаны изложить здѣсь всѣ элементы этой алхимической металлургіи, которая въ-продолженіе многихъ вѣковъ была предметомъ величайшихъ умственныхъ успѣихъ физиковъ,

желавшихъ сдѣлать понятнымъ описаніа философскаго камня, оставленныя намъ учеными. Мы не можемъ не привести здѣсь отрывка изъ сочиненія объ этомъ предметѣ одного изъ нихъ.

«Философскій камень, великая цѣль алхиміи, есть особенный препаратъ изъ химическихъ дѣтелей, который, будучи однажды найденъ, можетъ превращать всю меркуріальную часть даннаго металла въ золото несравненно-болѣе чистое, нежели то, которое находится въ рудникахъ. Это дѣлается посредствомъ небольшого количества золота, бросаемаго въ расплавленные металлы, тогда-какъ та часть этихъ металловъ, которая не есть меркурій, немедленно сжигается и уничтожается. Сей камень такъ же тяжелъ, какъ золото; онъ хрупокъ, какъ стекло, цвѣтъ его темно-красный; плавится на огнѣ какъ воскъ. Вотъ что алхимики обѣщали пайдти; но они увѣрили также, что составить точно такой же камень и для серебра, и камень этотъ долженъ былъ имѣть свойство превращать въ серебро лучшаго качества всѣ металлы, за исключеніемъ самого серебра и золота. Кромѣ того обѣщали они, говорить Боэргаавъ, усовершенствовать философскій камень до такой степени, что онъ, будучи брошенъ въ небольшое количество расплавленного золота, превратитъ все его количество въ философскій камень. Наконецъ они утверждали, что придадутъ ему такую силу и свойство, что онъ, будучи смѣшанъ съ чистою ртутью, превратитъ сію послѣднюю также въ философскій камень.

«Вся тайна заключается въ томъ, говорятъ алхимики, чтобъ совершить, посредствомъ науки, то, что природа совершаетъ въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и даже нѣсколькихъ вѣковъ. По догмату пантенстовъ, все заключается во всемъ. Въ свинцѣ есть ртуть и золото: следовательно, если бѣ удалось пайдти тѣмъ, которое могло бы привести въ движеніе всѣ части свинца такимъ-образомъ, чтобъ уничтожилось все то, что не есть меркурій, сберегалъ стѣру для-того, чтобъ сгустить меркурій, то нельзя ли предполагать, что оставшаяся жидкость превратится въ золото? — Таково основаніе мнѣнія, полагающаго въроятнымъ открытіе философскаго камня, сего камня, припимаемаго алхимиками за эссенцію сосредоточенную и постоянную, которая, будучи расплавлена съ какимъ-нибудь металломъ, соединяется непосредственно магнетическою силою съ меркуріальною частію металла, улетучиваетъ и изгоняетъ изъ него все, что

есть въ немъ нечистаго, и оставляетъ только одно чистое золото.

«Алхимики употребляли два другія средства для составленія золота *. Первое есть *отдѣленіе* металловъ (*separation*); ибо они говорятъ, что всѣ металлы содержатъ въ себѣ некоторое количество золота: только въ наибольшей части ихъ, количество это такъ мало, что оно не покрыло бы издержекъ, которыя можно было бы употребить для полученія его. Второе средство есть *облагороживаніе металла* (*maturation*): алхимики, принимая меркурій за основаніе и начало всѣхъ металловъ, утверждаютъ, что если очистить и разжидить его съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ опытовъ, то онъ неминуемо долженъ превратиться въ золото.»

Основной вопросъ въ алхиміи остается до-сихъ-поръ тотъ же самый, какъ и прежде. Имѣютъ ли металлы общее основаніе, однородное металлическое начало, которое даетъ имъ нѣмъ въ свойство того, что мы понимаемъ подь словомъ *металлы*? Могутъ ли они, находясь въ расплавленномъ состояніи, съ придачею къ нимъ нѣкотораго количества селитры, свры и меркурія, быть преобразовываемы посредствомъ электрическаго дѣйствія, т. е., могутъ ли они произвестн философскій камень?

Эта великая задача алхиміи не подвинулась до-сихъ-поръ ни на шагъ *въ-передъ*; новѣйшіе химики не могли ни разрѣшить ее, ни доказать ея нецѣпости, и она занимаетъ еще и теперь мно-

---

* Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ добросовѣстныхъ алхимикахъ, которые провели всю жизнь свою въ лабораторіи, отыскивая въ ней тайну жизненнаго элексира. Не входя въ разбирательство, дѣйствительно ли Клеопатра, Калигула, Юліанъ, почитавшіеся за истинныхъ адептовъ, занимались серьезно изученіемъ герметической философіи, скажемъ, что древность и средніе вѣка видѣли людей истинно достойныхъ, посвящавшихъ всѣ усилія своего высокаго разума изученію тайны природы въ разложеніи и составленіи металловъ. Многіе изъ нихъ разорились отъ этихъ тщетныхъ разысканій. Другіе же должно признаться, употребляли свои алхимическія познанія, какъ преступное средство къ обогащенію себя. Сн послѣдніе прибѣгали къ помощи лжи и обмана. Въ опытахъ своихъ они употребляли то заранѣе-приготовленный сосудъ, на днъ котораго золото было скрыто искуснымъ образомъ; то бросали въ расплавленный снѣнецъ или мѣдъ крупны драгоцѣннаго металла, скрытаго въ выдолбленной палочкѣ, которую они употребляли для мѣшанія жидкостей. Ясно, что мы не имѣли намѣренія заниматься здѣсь этими шарлатанами, которые впрочемъ кровію своею заплатили за опасную честь — слыть колдунами.

гихъ ученыхъ, которые производятъ постоянныя опыты, чтобы добиться какого бы то ни было результата.

Сэръ Ромерей Деви сдѣлалъ много для объясненія этого вопроса: его гальваническіе опыты, посредствомъ коихъ онъ уменьшилъ число призаанныхъ всѣми простыхъ веществъ, разложивъ многія изъ тѣхъ, которыя до того времени почитались неразлагаемыми, — упрочили ему почетное мѣсто въ числѣ нашихъ физиковъ. Но г. Деви совершилъ только половину пути; Брандъ и Фарадей доказали, что нѣкоторыя изъ веществъ, коимъ онъ оставилъ наименованіе простыхъ тѣхъ, были дѣйствительно тѣхъ сложныя. Гдѣ предѣлъ, до котораго будетъ продолжаться этотъ анализъ? Достигнуть ли когда-нибудь до разложенія metalloвъ? Этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ вмѣстѣ и химиками и алхимиками: ибо и тѣ и другіе согласны въ томъ, что если можно разлагать металлы, то можно будетъ также и снова составлять ихъ и заставить ихъ принять какой угодно видъ.

Два главные класса ученыхъ, занимающихся теперь этимъ вопросомъ, суть металлурги и тѣ, которые въ-особенности изучаютъ электрическія явленія. Алхимики соединили силу электричества и обыкновеннаго огня и прилагали силы гальваническія къ плавлѣ metalloвъ. Напротивъ, ученые, изучающіе электричество, ограничиваются только отысканіемъ всѣхъ его свойствъ, а металлурги употребляютъ въ своихъ операціяхъ только обыкновенный огонь, между-тѣмъ, какъ правила алхимиковъ могутъ быть повѣрены и ученіе ихъ можетъ быть признано ложнымъ или истиннымъ только производствомъ на-самомъ-дѣлѣ тѣхъ опытовъ, которыя они указываютъ. Въ такомъ только случаѣ новѣйшіе ученые были бы справедливы относительно алхимиковъ, ибо, если они говорятъ намъ, что они достигли своей цѣли посредствомъ того или другаго способа, то единственное средство повѣрить ихъ заключается въ томъ, чтобы въ точности слѣдовать ихъ практическимъ указаніямъ.

Въ исторіи химіи, въ-теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, особенно замѣчательнъ одинъ фактъ. Онъ состоитъ въ томъ, что электрики (если ихъ можно назвать симъ именемъ) подошли очень-близко къ тому превращенію metalloвъ, которое навлекло на алхимиковъ столько обвиненій и насмѣшекъ. Кростъ, Фоксъ и нѣкоторые другіе, посредствомъ непрерывныхъ гальваническихъ токовъ электричества, успѣли въ короткое время

совершить то, что природа совершаетъ въ-продолженіе многихъ вѣковъ. Такъ, на-примѣръ, они измѣнили форму и свойство металловъ, произвели великолѣпныя кристаллизаци въ минеральныхъ веществахъ, которыя, казалось, были неспособны къ подобнымъ превращеніямъ. Но они никогда не прибавляли электричества къ плавкѣ металловъ съ присоединеніемъ къ нему тѣхъ химическихъ дѣятелей, которыми пользуются обыкновенно алхимики и металлурги.

Въ-заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій объ алхиміи, мы приведемъ здѣсь мнѣніе одного извѣстнаго новѣйшаго писателя на-счетъ превращенія металловъ:

«Вопросъ этотъ» пишетъ онъ: «относится къ химикамъ-«виософамъ», а не къ шарлатанамъ, которые при совершеннѣйшемъ невѣжествѣ рѣшаютъ все съ необыкновенною самоувѣренностію. По ихъ мнѣнію, металлы суть дѣйствительно тѣла простые, самобытныя, слѣдовательно нельзя стараться о преобразованіи ихъ. Но кто докажетъ, что металлы суть дѣйствительно тѣла простые? Они—тѣла простые» отвѣчаютъ эмпирики: «потому-что ихъ невозможно разложить», т. е. они тѣла простые, потому-что ихъ нельзя разложить, и ихъ нельзя разложить, потому-что они тѣла простые. Странная логика, объясняющая дѣйствіе дѣйствіемъ!

«Если разсудить, что другія породы ископаемаго царства представляютъ огромное количество тѣлъ, различныхъ по своему виду и свойствамъ, и что химики, не смотря на желаніе свое принимать всѣ эти тѣла за вещества простые, всегда находили въ нихъ девять первобытныхъ элементовъ, о свойствахъ коихъ они спорятъ еще до-сихъ-поръ; если, говорю, принять въ соображеніе всѣ эти факты, то можно ли допустить а priori, что металлы суть тѣла совершенно-простыя и однородныя? И однакоже, эти почтенные манипуляторы исчисляють до 38 простыхъ и однородныхъ металлическихъ веществъ! Но послушаемъ Линнея: «Превращеніе металловъ» говоритъ знаменитый ученый: «тщетно скрывается отъ насъ во храмѣ Вулкана; мы должны искать его въ глубокихъ недрахъ природы.

«Я не былъ свидѣтелемъ, когда въ 1667 году Гельвецій преобразовалъ свинецъ, а Беригардъ и Фан-Гельмонтъ ртуть; я не присутствовалъ при опытахъ превращенія металловъ императора Фердинанда въ 1648 году и курфюрста майнцакаго въ 1638 году, «но эти факты» говоритъ Бергмашъ: «не подвержены ника-

кому сомнѣнію и не вѣря имъ, мы не должны вѣрить исторіи.» Признаемъ, есть столько примѣровъ лжи и обмановъ въ толлѣ людей, выдающихъ себя за алхимиковъ, что ихъ дурная слава вредитъ истиннымъ адептамъ, если таковые дѣйствительно существовали когда-нибудь. Низкое корыстолюбіе и жадность были причиною ихъ безплодныхъ трудовъ и они заслуживали, чтобъ вся усилія ихъ оставались тщетными. Но въ искусствахъ и наукахъ существовало столько открытій и изобретеній, бывшихъ когда-то достояніемъ всей публики и сдѣлавшихся теперь для насъ тайною, что нельзя оспаривать, безъ особенной смѣлости, существованіе философскаго камня, невозможность котораго нельзя, въ-прочемъ, доказать. Не справляясь уже съ лѣтописями алхиміи, довольно припомнить дамасскія сабли, которыя были некогда столь знамениты и которыхъ способъ приготовленія потеряны для насъ. Онѣ дѣлались изъ стали столь крѣпкой и въ то же время столь гибкой, что разрѣзывали тѣла самыя плотныя и могли сгибаться такъ, что конецъ ихъ касался эвеса. «Сталь эта была полу-претворенное желѣзо, вещество или матерія, занимающая средину между желѣзомъ, ртуріемъ и кивоварью.»

«Металлы, по моей системѣ, суть вещества земляныя, минерализованныя огнемъ. Слѣдовательно, всѣ они заключаютъ въ себѣ огонь и землю, и разность ихъ происходитъ отъ неравности элемента воздушнаго, входящаго въ ихъ составъ. Такъ какъ земля и воздухъ, соединясь, производятъ соли, то мнѣ кажется, что металлъ есть родъ соли, проникнутой такимъ количествомъ огня, какое она по свойству своему можетъ вмѣщать въ себѣ. Изъ этого опредѣленія можно вывести заключеніе, что минераль, приведенный въ его металлическое состояніе, не можетъ принимать большое количество огненной матеріи. Излишество этого элемента только улетучило бы металлъ. Такимъ-образомъ, земля, проникнутая огнемъ и сдѣлавшись жидкимъ ртуріемъ, не можетъ уже принять въ себя большаго количества сего элемента; огонь болѣе-сильный превратилъ бы ее въ пары.»

«Изъ сего слѣдуетъ, что претвореніе металловъ возможно; но оно можетъ быть произведено не иначе, какъ съ придачею соли, которая претворяетъ тайное свойство свинца или ртути въ золото или серебро; процессъ этотъ, какъ говорятъ, можетъ произвести философскій камень. Также мнѣше должно показать»

ся страннымъ для тѣхъ, кто никогда не углублялся въ причины и сущность вещей; но Бергманъ и Шеель пользуются заслуженнымъ авторитетомъ, и ихъ можно назвать въ защиту этой системы.

Что до насъ, признаемся, что мало изучали свойство и сущность металловъ; но по результатамъ, недавно полученнымъ, мы почитаемъ себя въ правѣ надѣяться, что недалеко время, когда найдутся первоначальныя основанія металловъ, и когда увидимъ наконецъ, были ли алхимики величайшими философами или бессмысленными мечтателями.

Между тѣмъ, новѣйшая наука много воспользовалась соотвѣстными трудами алхимиковъ, астрологовъ и вообще всѣхъ мистическихъ философовъ.—Арнольдъ де-Виллановъ, знаменитому алхимику, обязаны нынѣшніе ученые открытіемъ кислоты хлороводной, азотной и сѣрной, ровно какъ и первыми попытками дистилляціи, приведшими къ выдѣлкѣ алкоголя. Хотя Рожеръ Бэкинъ показывалъ, будто презираетъ магію; хотя онъ даже писалъ противъ нея, однакоже весьма вѣроятно, что, занимаясь тщательнымъ ученіемъ герметической философіи, онъ нашелъ порохъ,—открытіе, котораго дѣйствіи онъ до того преувеличиваетъ, что утверждаетъ, будто количества этой ужасной матеріи, величиною въ кончикъ большаго пальца, достаточно для разрушенія города при громѣ и молніи. Онъ же, занимаясь своими астрологическими изысканіями, былъ приведенъ къ изобрѣтенію телескопа. Парацельсъ, мистическій авторъ «Архел», ввелъ въ употребленіе суримыя и желѣзистыя приуготовленія, столь драгоценныя для терапіи. Науки математическія обязаны Кардану, знаменитому астрологу, *первыми случаями* (cas irreductible) и приложеніемъ геометріи къ физикѣ; этотъ же самый восторженный мечтатель первый замѣтилъ уравненія высшихъ степеней. Наконецъ не забудемъ также *Арсъ магна*, эту любопытную книгу, въ которой Раймондъ Луллій изложилъ обширную систему философіи, почерпнутой въ Азій, и собралъ энциклопедическія начала человѣческихъ знаній, которыя должны были, въ послѣдствіи, распространить столь яркій свѣтъ по Европѣ.

Итакъ, нынѣшніе ученые не должны забывать, что герметическіе философы, были ли они велики или безумны, останутся тѣмъ не менѣе и во всякомъ случаѣ истинными ихъ предками поприщѣ науки.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЪЗДА.

Говорятъ, что въ наше положительное время трудъ но встрѣтитъ человѣка, который въ зрѣломъ возрастѣ сохранилъ бы мечтательность юности и жилъ сердцемъ въ холодной атмосферѣ нашего общества. Мнѣ случилось встрѣтить такой феноменъ. Это былъ человѣкъ, который любилъ, мечталъ, страдалъ, и, по судите, свои мечты, свою любовь, свою чувствительность предпочиталъ всѣмъ выгодамъ свѣтлой жизни, блеску, шуму, почестямъ! Онъ былъ чудакъ. Когда я узнала его, у него уже немного милаго оставалось на змѣлѣ, а онъ говаривалъ: «Если надобно перережить прошедшее, я согласенъ; отдайте мнѣ страданія, чувствительность, все, какъ было; но дайте же и мечты, и по-дольше, по-дольше не будите меня!» И это была напрасная просьба: онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые и вѣчнымъ сномъ забудутся съ мечтою.

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, какъ казалось; болѣе чѣмъ средняго роста, строень; черты его были правильны и прекрасны; глаза одушевлены чувствомъ; меланхолическая улыбка придавала особенную прелесть лицу его; но что было въ немъ необыкновенно-замѣчательнаго, это его волосы: такихъ черныхъ, такихъ шелковыхъ, волнистыхъ кудрей я еще никогда не видывала, и, кажется, разъ

увидѣвши ихъ, нельзя уже было забыть. Онъ увѣрялъ будто сребристыя сѣдинки начинаютъ показываться въ кудряхъ его; но я плохо вѣрила ему. Мнѣ казалось, что это было небольшое кокетство, чтобъ обратить вниманіе на красоту этихъ кудрей. Кто жъ не дорожить дарами божьими? и развѣ это грѣхъ?

Чудный человекъ былъ мой пріятель! почти всегда веселъ, всегда добръ, готовъ летѣть на помощь ближнему, никогда строго не судилъ людей, не любилъ видѣть ихъ черной стороны, охотно извинялъ, но не искалъ ихъ общества. «Я лучше люблю ихъ видѣть въ волшебномъ обманѣ перспективъ» говаривалъ онъ. Разговоръ его былъ чрезвычайно-пріятенъ. Онъ былъ живописецъ, и талантъ его выходилъ изъ круга обыкновенныхъ; но рисунки его оставались въ картонкахъ, картины въ мастерской. Никогда не искалъ онъ ни похвалы, ни одобренія. Большую часть жизни провелъ въ путешествіяхъ, все гдѣ обыкновенно въ горахъ, и цвѣтъ лица его ясно показывалъ, что онъ не боится ни сицилійскаго солнца, ни уральскихъ выюговъ. Единственнымъ спутникомъ его была собака, чудесная, прекрасная собака, бѣлая, съ темнокофейными пятнами, длинными ушами, шерсть пушистая, мягкая какъ шелкъ, а глаза — большіе, умные, темно-каріе, прелестны! Ее звали Долчіето, и Долчіето былъ какъ милос, балованное, береженное дитя: о немъ забота, о немъ попеченіе. За завтракомъ онъ тулъ, на полу передъ хозяиномъ, уставя на него умные глаза, хлопаетъ о полъ мохнатымъ хвостомъ и съ жадными нетерпѣніемъ ждетъ своей доли. Въ дорогъ она всегда впереди, и, какъ любитель природы, не довольствуясь торною дорогою, по сторонамъ черезъ холмы, по холмамъ, по оврагамъ, возвращался однако по временамъ къ хозяину за однимъ ласко-

вымъ взоромъ, за однимъ ласковымъ словомъ. Я любила Должисто за привязанность его къ Вильдерштейну ... сказала ли я вамъ, что такъ звали моего приятеля?

Однажды онъ разсказалъ мнѣ свою исторію; она запаала мнѣ въ душу глубоко, и нерѣдко послѣ, когда печаль гнала мнѣ сердце и счастье холоднаго эгоизма являлось какъ-бы въ укоръ ему, я вспоминала Вильдерштейна и его кроткую, любящую душу. Прошло много лѣтъ; съ каждымъ днемъ свѣтъ утверждалъ меня болѣе и болѣе въ мысли, что для добраго счастье живетъ только въ снахъ его, что искренность, правда, чувствительность не на радость намъ; случались мнѣ и правдоподобные припадки мизантропіи, какъ называлъ ихъ мой добрый Вильдерштейнъ, но тогда онъ разгонялъ ихъ своею веселостію, своимъ кроткимъ убѣжденіемъ, и мнѣ было отрадно слушать его. Теперь его нѣтъ со мною, и мнѣ вздумалось согрѣть душу воспоминаніемъ о немъ. Вотъ его исторія; если она не произведетъ на васъ такого же впечатлѣнія, какъ на меня, видите въ томъ разсказъ мой, а не его.

Я не стану говорить вамъ о первыхъ годахъ моего дѣтства — началъ Вильдерштейнъ: вы хотѣли знать исторію моей жизни; но что значить исторія жизни цѣпь происшествій, разлагаемая зрѣно по зрѣно передъ глазами нашими. Счастье и несчастье, или то, что мы называемъ этии именемъ, часто зависятъ единственно отъ нашего взгляда на предметы, и потому, чтобы вы могли судить меня, я поведаю вамъ шагъ за шагомъ по дорогѣ жизни моей; мы переживемъ, перечувствуемъ постепенно все, какъ чувствовала

я-самъ. Могу сказать очень-немного о первыхъ годах моего младенчества: видно оно прошло тихо и безмятежно, потому-что никакой особенный случай не сохранился въ памяти моей; я не знаю даже, съ кѣмъ и гдѣ мы жили; помню только — но мнѣ тогда было уже болѣе 4-хъ лѣтъ — одно прекрасное, свѣтлое утро; какая-то зеленая бесѣдка, гдѣ я обводилъ прутикомъ на песокъ легкіе очерки свѣтлыхъ пятенъ, которыя солнечный лучъ рисовалъ внутри моей бесѣдки, проиная сквозь ея зеленые своды, и мнѣ было весело, когда свѣтлыя пятна начинали прыгать, рябѣть, сливаться, и послѣ успокоивались и приходили въ границы, начертанныя мною. О, какъ я помню это утро! Да, это была бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ; я и теперь могъ бы начертить формы свѣтлыхъ пятенъ. Вдругъ вошла матушка. Она была въ черномъ платьѣ и плакала неутѣшно; она взяла меня на руки, поставила на скамью, цаловала; мнѣ кажется, и теперь еще чувствую, какъ ея горячія слезы падали на щекки мои; я обнималъ ее, плакалъ, не зная самъ о чемъ. Матушка говорила только: «надобно вѣхать». Меня одѣли въ темную куртку, и матушка приказала мнѣ идти за собою. Я помню еще, что я воротился, чтобъ взять съ собою прутикъ, которымъ рисовалъ, и потомъ мы поѣхали въ большой, высокой каретѣ. И послѣ этого опять все смутно, совершенно-темно въ памяти моей. Еще я помню одно: мы жили въ какой-то динзенькой, темной избушкѣ; матушка была больна и лежала въ постели. Мнѣ было тяжело; грустно; я не игралъ и плакалъ, сидя у нея въ ногахъ. Какіе-то люди, мнѣ незнакомые, приходили къ намъ, говорили съ матушкой, и она плакала; мнѣ было что-то все страшно и мудро. Одинъ разъ вечеромъ свѣчка тускло горѣла; такъ-что я почти не видалъ лица матушки; она приподня-

ась съ подушки; долго говорила со мною, крестила меня, и я плакалъ и заснулъ... Вдругъ кто-то меня взял на руки; я хотѣлъ кричать, но мнѣ зажали ротъ, вышпи изъ нозы и отдали другому, и только я слышалъ ясно, кто-то сказалъ: «едва-ли доживетъ до утра» и что-то зазвенѣло у меня надъ ушами, меня трясло и коловило, — мы ѣхали.

Помню, какъ привезли меня къ одному барскому дому; крыльцо сходило непримѣтнымъ скатомъ на широкой дворъ; мы очутились въ комнату, тускло освѣщенной, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ мнѣ незнакомыхъ; двое въ углу разбирали карты; проводникъ мой поставилъ меня на лавку въ углу и ушелъ. Мнѣ стало грустно; я плакалъ, хотѣлъ позвать матушку и не смѣлъ кричать. Меня привели къ какому-то старику. О! я могъ бы и теперь начертить его изображеніе. Проницательный взоръ его врѣзался въ душу мою. Онъ сидѣлъ у стола, въ огромныхъ креслахъ; ноги его, обутыя въ туфли, протянуты на скамеечку, обитую бархатомъ; на немъ былъ темно-зеленый сюртукъ безъ воротника, обшитъ мѣхомъ и застегнутъ на серебряныя пуговицы; лицо блѣдное, какъ восковое, тонкія губы, плотно сжатые и глаза темносерые, впалые, такіе тусклые, такіе неподвижные, что мнѣ было страшно; я долго думалъ, что онъ меня не видитъ и смотритъ внутрь себя; но когда меня подвели къ нему и онъ положилъ свою сухую, тяжелую руку на мою голову, глаза его такъ заблистали, что я невольно вздрогнулъ. Онъ долго смотрѣлъ на меня и потомъ, вдругъ отбросясь на спинку кресла, отворотился къ стѣнѣ и сказалъ: «отведите его; это живой портретъ его!»

Съ этихъ поръ все становится свѣтло въ моей памяти. Каждый день какъ будто врѣзался въ душу мо-

ей. Я помню все, — и уединенныя прогулки мои, и уроки, дѣтскія игры и дѣтскія мечты; помню тяжелое чувство, съ которымъ я смотрѣлъ на другихъ дѣтей, когда, послы шумныхъ игръ, они бросались въ объятія матери, отца, сестры: меня никто не ласкалъ, меня никто не любилъ; но со мною обходились хорошо даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ, только не позволяли вмѣшиваться въ игры другихъ дѣтей.

Я жилъ въ особенномъ флигелѣ; старый слуга-Нѣмецъ, высокій, сухощавый, молчаливый, жилъ со мною и былъ при мнѣ неотлучно. Какъ теперь гляжу, какъ онъ сидитъ у окна съ очками на носу и читаетъ въ полголоса нѣмецкую библію; и теперь еще раздаются въ ушахъ моихъ однообразное удареніе его голоса. По-временамъ онъ взглядывалъ на меня, говорилъ нѣсколько словъ и опять принимался читать. Любимую игрою моею былъ карандашъ; растянувшись на полу у печки, я чертилъ на лоскуткѣ бумаги Богъ знаетъ-какія фигуры, и иногда останавливался, засматриваясь на моего старика. Я не знаю, почему иногда онъ казался такъ хорошъ, особенно, когда лучъ заходящаго солнца, проникая въ окна комнаты моей, освѣщаль наклоненную его голову, и легкій вѣтерокъ разбрасывалъ по блѣдно-розовому лбу его сѣдые кудри, блестящія какъ чистое серебро. Въ лицѣ его было что-то доброе, правдивое. Если когда-нибудь судьба приведетъ васъ въ мастерскую артиста, вы увидите его изображеніе: юноша олицетворилъ впечатлѣніи дитяти.

Каждое утро старикъ мой застаивалъ меня молиться, и потомъ мы ходили гулять, а иногда къ старому князю; меня вводили въ ту самую комнату, гдѣ я первый разъ видѣлъ старика съ тусклыми глазами

эти минуты были для меня самыми тяжкими изъ цѣлаго дня. Необыкновенная мрачность комнаты, ма- ленькие обои съ первыми разводами, которыми обиты были стѣны, большое египетское зеркало въ золо- той, рѣзной рамѣ съ вычурными узорами, наличники оконъ также рѣзные, хотя и безодонные, большая конторка жерноваго дерева, выложенная разными узо- рами изъ золота, серебра и разноцвѣтнаго дерева, — и старый князь, въмохлый, блѣдный, съ тусклыми глаза- ми, въ зеленомъ сюртукѣ, застегнутомъ на серебря- ныхъ пуговицы, — все это внушало въ меня необычно- венный страхъ; я съ трепетомъ цѣловала руку стар- рика, сердце мое сильно билось; понемногу отодви- гаясь назадъ, я становилась къ черной конторкѣ и тогда ко тамъ уже, между-тѣмъ, какъ князь разговаривалъ съ мной дѣдкою, мало-по-малу начиналъ приходить въ себя и забывалъ мой страхъ, рассматривая краси- вые розы и колокольчики, которые чудно цвѣтели за башии и мостики на выгнутой крышкѣ конторки.

Князь рѣдко говорилъ со мною, иногда даже, не взглянувъ на меня, дѣлалъ нѣсколько вопросовъ дѣд- къ, и я уходила, не обратя на себя его вниманiя; но если случайно взоръ его останавливался на лицѣ мо- емъ, то уже долго, долго смотрѣлъ онъ на меня, и ли- цо его дѣлалось такъ сурово, что мнѣ было страшно; а иногда будто что-то похожее на чужество просвѣчи- валось въ его тусклыхъ, неподвижныхъ глазахъ. Одинъ разъ даже, когда онъ долѣе обыкновеннаго смотрѣлъ на меня, и я, не зная, куда глаза дѣвать, вошла па- дцемъ по узорутой конторкѣ и почувствовала, что ще- ки мои рѣвнѣе и пылали, князь подошелъ ко мнѣ и положилъ сухую руку свою на мою кудравую го- лову. Не знаю, что сдѣлалось со мною, страхъ ли, сму- щенiе ли, но слезы брызнули изъ глазъ моихъ; князь

какъ-бы опомнился, отворотился и далъ знакъ рукою, чтобы меня вывели.

Я обѣдалъ всегда одинъ; утромъ приходилъ ко мнѣ учитель; мнѣ давали книги и большую часть дня проводилъ я въ моей комнатѣ или бѣгалъ по темнымъ аллеямъ сада, но всегда въ сопровожденіи дядьки. Никогда мнѣ не случалось быть одному; въ комнатѣ, въ саду, въ полѣ, онъ всегда былъ со мною и кромѣ его я никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ. Мнѣ не позволяли играть съ другими дѣтьми: я былъ въ какомъ-то отчужденіи отъ цѣлаго міра; въ церкви я всегда бывалъ съ дядькою и становился въ особенномъ предѣлѣ, гдѣ находились гробы княжеской фамиліи; предѣлъ соединялся съ церковью одною низкою дверью, и потому я никого не могъ видѣть. Иногда случалось мнѣ слышать въ домѣ и въ саду громкую музыку, видѣть множество людей въ окнахъ и въ аллеяхъ; иногда сквозь рѣшетку, отдѣлявшую садъ отъ широкаго двора, я видалъ стараго князя, когда онъ садился на прекраснаго воронаго коня и при звукѣ роговъ, со множествомъ охотниковъ верхами, всѣ въ одинакомъ платьѣ, отправлялся на охоту; иногда встрѣчалъ его одного съ садовникомъ въ аллеяхъ сада, или съ обществомъ, и прятался за кусты. Разъ, помню, я игралъ на зеленой лужайкѣ, окруженной кустарниками и высокими липами, на берегу большаго, свѣтлаго пруда. Я бѣгалъ по дугу за мячикомъ, то бросая его въ-верхъ, то ударяя крѣпко объ землю и ловя на-лету, чтобы другимъ ударомъ опять заставить его отскочить въ-верхъ, и вдругъ на дорожкѣ, изгибающейся по берегу, увидѣлъ князя; онъ стоялъ въ своемъ зеленомъ сюртукѣ и смотрѣлъ на меня, но глаза его не были тусклыми; въ нихъ сіяло что-то, напоминавшее мою матушку: такъ бывало смотривала она на меня, когда я

игривала тамъ, въ зеленой бесѣдкѣ. Князь скрылся за кустами, а я бросился на лугъ у корня липы и плакалъ; мнѣ вспомнились матушка, мои дѣтскія игры въ глазахъ ея, ея ласки, ея поцалун. О, теперь никто не цалуется меня, никто не любитъся моими кудрями! Матушка, матушка! куда дѣвалась она? что сдѣлалось съ нею? Гдѣ отецъ мой, о которомъ часто она говорила мнѣ? За-чѣмъ я здѣсь одинъ? что я князь? что значить это отчужденіе отъ всѣхъ? Отъ-чего я не свободенъ, какъ другія дѣти? отъ-чего я не могу бѣгать какъ они, одинъ? отъ-чего никто не говоритъ со мною? за что я отброшенъ отъ всѣхъ? Меня не бьютъ, не бранятъ, у меня всего вдоволь; но мнѣ скучно, мнѣ грустно, мнѣ хочется къ матушкѣ...

Иногда я видѣлъ ее во снѣ; она тихо подходила ко мнѣ, наклонялась, цаловала меня; иногда мы сидѣли въ какомъ-то маленькомъ садикѣ, и я игралъ у нея на колѣняхъ; она смотрѣла на меня такъ ласково, такъ мило, я просыпался и долго, долго плакалъ одинъ, никакъ незамѣченный; напрасно спрашивалъ я дядьку о моей матери, объ отцѣ, — я не получалъ никакого отвѣта; старикъ, всегда ласковый, смотрѣлъ на меня сурово и говорилъ холодно: «послѣ узнаешь», и я не смѣлъ спрашивать; но чѣмъ болѣе становился, тѣмъ желаніе узнать о моей участи становилось живѣе, мучительнѣе. Тоска овладѣла душою моею, особенно, когда начали рѣдѣть густыя зеленые своды деревь, и желтый листь усыпалъ дорожки; я сдѣлался задумчивъ, не игралъ; ко мнѣ привели доктора, и онъ велѣлъ меня водить въ домъ, въ большую залу, гдѣ было множество картинъ. Эта новость меня обрадовала; я никогда не былъ въ домъ далѣе княжескаго кабинета. Меня ввели въ большую, довольно-мрачную комнату, которой стѣны были увѣшаны картинами. Сперва

мнѣ стало страшно: разныя фигуры, черныя, блѣдныя, красныя, какъ-бы отдѣлялись отъ полотна и смотрѣли на меня; потому я полюбилъ ихъ, эти неподвижныя фигуры, которыя, однако, казалось, думали и чувствовали: нѣкыя смѣялись, нѣкыя плакали, нѣкыя даже будто ласково звали меня къ себѣ. Скоро въ особенности я полюбилъ одну картину: это была... о какое прекрасное созданіе! долго, долго юношей я искалъ въ мирѣ чего-нибудь подобнаго этому лицу; я думалъ наконецъ, что оно могло только существовать въ воображеніи художника, какъ прообразъ красоты небесной, когда-то, въ часы вдохновенія, на мгновеніе явившейся восторженному взору его. Я много видѣлъ женщинъ послѣ того; но всѣ онѣ были такъ далеки отъ моей прекрасной любимицы, всѣ были хороши по-земному, всѣ были озабочены мелочной существенностью или дышали страстію; въ ней одной только было небесное спожойствіе красоты, чувство безъ страсти, тихое наслажденіе безъ порывовъ восторга, бытіе безъ суетливости земной жизни. Тогда, ребенкомъ, я не умѣлъ оцѣнить красоты моей картины, но я любилъ ее, по цѣлымъ часамъ протановалъ передъ нею, говорилъ съ нею, рассказывалъ ей мое горе, мою тоску, называлъ ее «моей Дольчиною», потому-что мнѣ сказали, что это копія, сдѣланная однимъ славнымъ художникомъ въ чужихъ краяхъ съ картины Дольчи, какой-то святой (св. Цециліи, въ дрезденской галлерей, какъ узналъ я послѣ), которая играетъ на органѣ. Я упоминалъ только одно имя Дольчи, и называлъ имъ мою картину.

И съ-тѣмъ-поръ многое переменилось въ душѣ моей: я менѣе сталъ думать о себѣ, не сожалѣлъ въ обществѣ другихъ, рѣдко оглядывался мыслію на западъ моей жизни; въ душѣ моей открылся новый,

внутренний мир, отбросивший прелесть на все меня окружавшее, и вся природа представилась мнѣ въ новомъ, очаровательномъ видѣ. Я находилъ въ ней прелесть, дотолѣ мнѣ левѣдомую; она говорила мнѣ какъ и мои картины; въ ней было все звукомъ, все отъѣтомъ мнѣ, и я не былъ уже болѣе одинъ. Вставалъ ли въсяцъ надъ поляной и таинственно, подъ блескомъ лучей его, спала природа, закутавшись въ блестящія бѣлые покровы, и звезды, какъ вѣстники пробужденія, сіяли въ небесахъ, — я останавливался съ благоговѣніемъ, не смѣлъ сказать, что чувствовало сердце мое; но мнѣ было легко и пріятно, и душа какъ-будто сидѣлась разгадать загадку, неясно предлагаемую ей природою. Блистало ль солнце мильонами алмазовъ на снѣжной равнинѣ, закигало ли радужными дѣтями легкую дымку облаковъ, горѣло ли въ кристаллахъ, облекавшихъ вѣтви деревьевъ, — мнѣ все было прелесть, все пробуждало странныя думы въ умѣ моемъ, и часто вечеромъ одинъ, впотѣмакъ, когда луна тихо, тихо начинала выходить изъ-за деревьевъ, я думалъ по цѣлымъ часамъ Богъ-знаетъ-о чемъ, наполнилъ миръ какими-то прекрасными ангелами; моя Дольчина принимала живыя формы, играла со мною, ласкала меня; у меня была семья, братья, сестры, съ которыми мнѣ было радостно и весело. ....

Но для чего я занимаю васъ этими картинками дѣтскихъ мечтаній? Очень-натурально, что душевныя способности мои развились быстрѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей, что я началъ мыслить и чувствовать, когда другіе еще живутъ совершенно-растительною жизнью; одиночество, скука и совершенное лишеніе всякаго развлеченія оставляло душѣ полную свободу дѣйствовать. Я былъ дитятею во всемъ, что относилось къ людямъ въ тѣ годы, когда другіе уже всамъ на

скучили, все узнали и все бросили. Привычка къ единенію и внутренней жизни всегда заставляла меня быть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ общества. Можетъ-быть, этому долгому младенчеству я обязанъ многими счастливыми днями моей жизни; безъ него я шёлъ бы обыкновенною стезею: понемножку бы любилъ, понемножку ненавидѣлъ, завидовалъ, какъ другіе лакомился бы, а не наслаждался жизнью, какъ и другіе кривился бы отъ горькаго; а теперь я пилъ наслажденіе полной чашей, но и горе не въ доловину:

Я долженъ вамъ упомянуть объ одномъ происшествіи, имѣвшемъ сильное вліяніе на всю жизнь мою.

Въ деревнѣ у насъ часто бывали гости; почти каждый день домъ былъ полонъ; но я рѣдко видалъ кого-нибудь. Я уже сказалъ вамъ, что обѣдалъ всегда одинъ и прятался за кусты, когда встрѣчался съ кѣмъ въ саду; въ комнаты князя я никогда не ходилъ, кромѣ картинной залы; но туда никто изъ посѣтителей не заглядывалъ. Я слышалъ голоса, шумные разговоры, стукъ шаровъ въ сосѣдней бильярдной залѣ; но никто не оспаривалъ у меня обладаніе моей Дольчиной. Одинъ разъ я увидѣлъ множество экипажей на дворѣ; въ домѣ сдѣлалось шумно, люди засуетились, въ саду запестрѣлись дамскія платья, шляпки; но что мнѣ было до этого? Подобное явленіе едва-едва возбудило бы мое любопытство, еслибъ мнѣ не запретили выходить изъ моей комнаты. Я сердился, приступалъ, требовалъ,—старый Нѣмецъ качалъ головою и говорилъ: «Нельзя! князь не приказалъ»—а на приказаніе князя не было уже возраженія. Такъ прошло нѣсколько дней; дядька водилъ меня только изрѣдка въ поле, а о Дольчинѣ я не смѣлъ уже и подумать. Въ одно утро я всталъ равнѣ обыкновеннаго, дядьки не было. Дерзкая мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я подошелъ къ

двери — она не заперта! Сердце мое билось, я одѣлся на-споро и прямо въ садъ, оттуда на террасу, въ гостиную, и черезъ рядъ пустыхъ комнатъ очутился впрѣдъ моею картиною съ бьющимся сердцемъ и пылающими щеками; но представьте мой ужасъ: передъ моею картиною, за столикомъ, сидѣла дама въ бѣломъ платьѣ и рисовала; подлѣ нея стояла дѣвочка лѣтъ пяти съ свѣтлыми кудрами, полная, румяная. Я обомлѣлъ, не зная, что дѣлать, и стоялъ передъ ними какъ преступникъ. Дама посмотрѣла на меня ласково, такъ-что это меня ободрило. Я осмѣлился поднять глаза и встрѣтилъ ея взоры, на меня устремленные: на лицѣ ея изобразилось что-то странное.

— Какъ васъ зовутъ, миленькій? спросила она, вставая и подходя ко мнѣ. Мнѣ казалось, что голосъ ея трепеталъ: не знаю отъ-чего, мнѣ это придало бодрости, и я отвѣчалъ довольно-смѣло: «Леонтій».

— А ваша фамилія? — Я молчалъ.

— Какъ зовутъ вашего папеньку? — Слезы готовы были брызнуть изъ глазъ моихъ; она дотронулась до чувствительной струны моего сердца. Я отвѣчалъ запинаясь:

«У меня нѣтъ папеньки.»

— А матушка?

«У меня нѣтъ матушки.»

— Но кто же вы, миленькій? — Я не смѣлъ поднять глазъ и молчалъ. Мнѣ показалось, что дама задрожала, и дѣвочка спросила ее два раза: «мамá, что съ тобою? что ты, мамá?» Она сѣла въ кресла и опять позвала меня къ себѣ, взяла за руку и стала разспрашивать. Я рассказалъ все, что зналъ; вниманіе, съ которымъ она слушала меня, и ласковый видъ ея внушили мнѣ довѣренность. Мнѣ казалось, что въ первый разъ узналъ я употребленіе языка; слова ли-

лись рвкою, я высказалъ все: и тоску моего одиночества дѣтства, и мои мечты, и даже признался, что убѣжалъ изъ-подъ присмотра. Она побранила меня за последнее и велѣла тотчасъ воротиться. Я послушался; но мнѣ жалко было расстаться съ нею; я уже полюбилъ ее; до-сихъ-поръ я только чувствовалъ, а теперь узналъ наслажденіе длиться чувствами. Вы не знаете, что значить встрѣтить человека, котораго взоръ говоритъ вамъ, что онъ понимаетъ васъ. Вы привыкли къ мелочному обмѣну привѣтствій и пустыхъ, безъ участія сердца фразъ, и слово, какъ органъ чувства, не имѣетъ цѣны для васъ. Но для меня говорить значило мыслить въ-слухъ и въ звукахъ изливать избытокъ чувства. Это наслажденіе было ново для меня, и, счастливый моимъ открытіемъ, я только на порогахъ моей комнаты вспоминалъ о строгомъ дядкѣ.

Меня ожидали выговоры и присмотръ еще строжайшій. Цѣлые два дня я не выходилъ изъ комнаты; наконецъ на третій меня ввели въ кабинетъ князя. Онъ стоялъ посреди комнаты и разбиралъ бумаги. Сердце мое билось страшно, какъ-бы въ ожиданіи какого-нибудь несчастія. Князь обратился ко мнѣ.

— Леонтій, сказалъ онъ мнѣ: ты жалуешься, что не знаешь, кто твой отецъ, и для-чего ты здѣсь. До-сихъ-поръ тебѣ объ этомъ не говорили, потому-что ты былъ слишкомъ-молодъ. Отецъ твой родомъ изъ Цюриха, былъ гувернёромъ въ домъ моего родственника. Извѣстіе о смерти его поразило мать твою, которая ѣхала къ нему изъ Швейцаріи. Она умерла въ дорогѣ; по бумагамъ ея узнали, куда она ѣхала, и тебя привезли къ намъ; я оставилъ тебя здѣсь; имя отца твоего Вильдерштейнъ; вотъ твои бумаги. После его остался значительный капиталъ: ты получишь его въ свое

время. По желанию отца твоего, которое онъ изъяснилъ при смерти, я отправляю тебя въ твоё отечество; съ тобою поѣдетъ твой дядька, который получитъ все нужное. Прощай.

Я плохо понималъ, что говорилъ мнѣ князь; но мысль, что я не Русскій, что отецъ и мать мои умерли, что мнѣ надобно ѣхать Богъ-знаетъ-куда, оставить мою комнату, садъ, картины, поразила меня. Я заплакалъ; князь, какъ-будто не замѣчая того, подавъ мнѣ руку, но она дрожала. Я пошелъ-было изъ комнаты; онъ остановилъ меня, и что-то похожее на жалость блеснуло въ тусклыхъ глазахъ его. Онъ помогъ руку на голову мою и сказалъ тихо: «поѣзжай, будь честнымъ человѣкомъ, и Богъ благословитъ тебя». Я поцаловалъ его руку и вышелъ.

Признаюсь вамъ, я не очень вѣрилъ сказкѣ, сплетенной княземъ: она не согласовалась ни съ воспоминаніями моими, ни съ моими соображеніями. Еслибъ я былъ сынъ Швейцарца, умершаго въ домѣ, для-чего же мнѣ никогда не говорили объ отцѣ моемъ? для-чего меня держали въ какомъ-то затворничествѣ и не позволяли мнѣ пользоваться свободою, какъ другимъ дѣтямъ? Я не говорилъ ни слова; но желаніе проникнуть тайну сильнѣе и сильнѣе укоренялось въ душѣ моей. Мы пріѣхали въ Швейцарію; меня отдали въ пансіонъ въ небольшомъ мѣстечкѣ, недалеко отъ Арау; я скоро привыкъ къ новой жизни моей; товарищи полюбили меня; я съ упоеніемъ предавался удовольствіямъ сообщества, для меня новымъ, раздѣлялъ игры моихъ товарищей; но первыя впечатлѣнія не изгладились въ душѣ, и часто, оставя веселый кругъ ихъ, я сидѣлъ одинъ на скатѣ холма, любоваясь свѣжей зеленою полей, красотой природы, веселой и разнообразной, далекими горами, которыя

здѣсь, какъ блестящая прелюдія дивной ораторіи природы — Альповъ, приготовляютъ постепенно къ ихъ чуднымъ картинамъ; но, не смотря ни на разсѣяніе, ни на новостъ предметовъ, меня окружавшихъ, постоянное желаніе разгадать загадку моей жизни не оставляло меня, и чѣмъ болѣе я возрасталъ, тѣмъ сильнѣе оно развивалось въ душѣ моей. Нѣтъ, я не Швейцарецъ и не въ Швейцаріи прожилъ дѣтство мое! Все здѣсь было ново для меня, ничто не пробуждало далекаго воспоминанія. Иныя картины мелькаютъ иногда темно, какъ въ туманѣ, въ воображеніи моемъ. Я помню другое небо, другой языкъ: звуки его чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ отозвались уже послѣ въ душѣ моей, когда я посѣтилъ другую сторону; но и это былъ не мой родной языкъ: я помню, что первый языкъ, которымъ я говорилъ, былъ русскій. Мать моя была Русская; я носилъ русскій крестъ, я и теперь еще сохранилъ его, маленькій, золотой; на него никто не обращалъ вниманія, и я сохранилъ его, какъ мое единственное богатство. Я помню еще молитвы, которыя выучилъ въ дѣтствѣ: Нѣтъ, я Русскій! Для-чего же меня лишили отечества? для-чего дали иностранное имя? Кто былъ этотъ мужчина, котораго я видѣлъ только одинъ разъ въ домѣ стараго князя, но котораго образъ запечатлѣнъ въ сердцѣ моемъ? Я помню, меня привели къ князю въ необыкновенное время, вечеромъ; у знакомой конторки стоялъ человекъ, скрестя руки на груди. Онъ былъ одѣтъ, какъ знатный баринъ, съ напудренными волосами; лицо его было блѣдно, а глаза выразительны и смотрѣли на меня. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова; но я не могъ съ него глазъ свести. Онъ какъ-будто обнялъ меня. Мнѣ было страшно, я хотѣлъ отворочиться и все глядѣлъ на него и не понималъ почти, что гово-

рилъ мнѣ старый князь. На другую ночь, — о, какъ я живо это помню!—я спалъ крѣпко: вдругъ вижу ма-тушку; она наклонилась надо мною и поцаловала такъ крѣпко, такъ крѣпко, что я проснулся. Передо мною стоялъ тотъ же господинъ, котораго я видѣлъ въ ка-бинетѣ, съ блѣднымъ лицомъ; но волосы его были безъ пудры и теперь черными, густыми кудрями ви-лись около лица. Онъ стоялъ надо мною и глядѣлъ такъ вѣжно, такъ горестно... Я испугался и закрыл-ся одѣяломъ; сердце мое билось; я думалъ, что это привидѣніе и хотѣлъ посмотрѣть, ушло ли оно: мало-по-малу открѣлъ одѣяло, но никого уже не было, и съ-тѣхъ-поръ я не видалъ господина съ блѣднымъ лицомъ и густыми, черными кудрями. Чтò жь это было такое? кто этотъ господинъ, за-чѣмъ приходилъ онъ ко мнѣ ночью?

Наконецъ я рѣшился объяснить мое сомнѣніе, и одинъ разъ, вошедъ въ комнату дядьки, настойчиво потребовалъ, чтобъ онъ сказалъ, кто мой отецъ. Дядь-ка повторилъ все, чтò я уже зналъ; но тутъ посыпа-лись возраженія, и я рѣшительно объявилъ, что еже-ли онъ не хочетъ сказать мнѣ истины, то уйду въ Цюрихъ и буду стараться развѣдать о такъ-назы-ваемомъ отцѣ моемъ: вѣдь долженъ же кто-нибудь знать о немъ и о моей матери. Это смутило старика, гдѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, что рѣшеніе мое было твердо принято. Онъ взялъ меня за руку; губы его дрожали, и въ лицѣ было видно необыкновенное вол-неніе.

— Видно, нечего дѣлать, сказалъ онъ: подобно те-бѣ сказать правду. Нѣтъ, отецъ твой не Вильдер-штейнъ, хотя онъ и точно жилъ въ домѣ одного даль-няго родственника князя. Тебя выдали за его сына, умершаго въ дѣтствѣ.

«Но кто же я?»

— За чѣмъ тебѣ это знать? развѣ ты думаешь, что будешь отъ этого счастливѣе?

«Я хочу, непременно хочу.»

— Хорошо; но если не хочешь почитать Вильдерштейна отцомъ, то у тебя не будетъ никакого.

«Какъ никакого? но кто мой отецъ?»

— Знаешь ли ты, что значитъ незаконное дитя?

«Незаконное? я незаконный? Неправда, неправда! Скажи же, кто мой отецъ?»

— Не скажу. Только Богомъ тебѣ клянусь, что старый князь тебѣ не отецъ. Онъ только изъ жалости и по дружбѣ къ твоему отцу имѣлъ попеченіе о твоёмъ дѣтствѣ.

Я упалъ на колѣни и, положи голову на руки, плакалъ горько, такъ, какъ, мѣжетъ-быть, еще никогда не плакалъ.

— За чѣмъ тебѣ знать имя твоего отца, продолжалъ старикъ: когда онъ не хочетъ знать тебя и черезъ чужихъ печется о тебѣ?

«О, неправда!» говорилъ я въ слезахъ: «я пойду къ князю, я принужу его сказать мнѣ правду.»

— Ступай; ты потеряешь покровителя и не найдешь отца. И для-чего тебѣ имя его? развѣ названіе незаконнорожденнаго пріятнѣе, чѣмъ честное имя Вильдерштейна?

Рыдавія мои усугубились. Старикъ обнялъ меня, и я почувствовалъ горячую слезу его на лицѣ моемъ.

— Не плачь, дитя, сказалъ онъ: я знаю, горько; но какъ бытъ! пользуйся тѣмъ, что сдѣлано для тебя, и повѣрь мнѣ: никому не говори, что ты жилъ у князя въ домѣ. Оставь все какъ есть; я говорю для твоей пользы. Не станешь говорить, не будетъ и догадокъ, не узнаютъ и правды, а правда-то вѣдь тебѣ не въ

пользу. Горько жить безродному, я знаю; но если любишь старика, я за тобою пойду всюду; только не спрашивай меня объ отцѣ и не говори ни съ кѣмъ о князѣ.

Я бросился на шею старику: простой, исполненный добродушія языкъ его тронулъ меня; я общалъ ему молчать; и могъ ли говорить? я страшился, чтобъ стѣны не открыли моей тайны; мнѣ казалось, что роковое пятно лежитъ на челѣ моемъ, что и вѣтеръ шепчетъ мнѣ страшный упрекъ. Ужасно страдать за проступокъ другихъ и цѣлою жизнію искупать, можетъ-быть, минутное заблужденіе чловѣка, который забываетъ о немъ, тогда-какъ несчастный плодъ его минутной прихоти, какъ парія, осужденъ скитаться между людьми, укрывая страшный грѣхъ — тайну своего рожденія!.. Мало-по-малу я свыкъся съ моею участію; никто не зналъ тайны моей: дѣтская беспечность товарищей моихъ оставляла меня въ покоѣ; меня почитали Швейцарцемъ, и я самъ какъ-будто увѣрился въ томъ; воспоминаніе объ отечествѣ часъ-отъ-часа слабѣло въ душѣ моей, и я весь предался ученію и искусству. . .

Да, искусству. Съ необыкновенною силою пробудилась въ душѣ моей страсть воспроизводить на бумагѣ все, что поражало душу мою; веселый кругъ товарищей не отучилъ меня отъ привычки по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ природою: часто, забываясь, просиживалъ я все время, назначенное для игры, на дикомъ камнѣ или на скатѣ зеленого холма; я не мыслилъ, а наслаждался, не умѣлъ даже отдать отчета въ наслажденіи моемъ, и во время пѣшеходныхъ путешествій нашихъ, которыя мы дѣлали всѣмъ пансіономъ съ учителемъ нашимъ то въ той, то въ другой части Швейцаріи, часто вечеромъ, на ночлегѣ, когда

учитель спрашивалъ отчета въ впечатлѣніяхъ, полученныхъ нами, я былъ нѣмъ, когда другіе краснорѣчиво изъясляли свои восторги. Въ душѣ моей были образы, и слова казались такъ мало соответствующими имъ, что я не смѣлъ и не умѣлъ говорить; но зато, когда осень запирала насъ въ комнаты и товарищи въ новыхъ играхъ забывали видѣнное, оно оставало въ душѣ моей, прекрасно, плѣнительно! Воображеніе мое воссоздавало для меня все отчетливо и ясно; я снова видѣлъ, чувствовалъ, я жилъ въ моемъ чудномъ мірѣ, который, по волѣ моей, перемѣнялъ свои картины. Онъ принадлежалъ мнѣ, этотъ міръ; я былъ его творцомъ, хозяиномъ, я чувствовалъ потребность говорить о немъ, передавать бумагъ мои видѣнія,—и я чертилъ, писалъ, и иногда изнемогалъ, чувствуя безсиліе руки изобразить хоть часть того, что такъ полно и прекрасно было начертано въ душѣ моей. Въ шестнадцать лѣтъ рѣшительная страсть моя къ искусству заставила дядьку моего писать обо мнѣ въ Россію, и меня отправили въ Парижъ. Тамъ я посѣщалъ академію, мастерскія художниковъ; постоянный трудъ умѣрилъ пылкость души моей и далъ настоящее направленіе раждающемуся таланту; и здѣсь не Пуссенъ, не Клодъ Лорренъ и недоступное величіе Альповъ, но человекъ сдѣлался предметомъ моего изученія. Я работалъ, какъ работаютъ въ юности — съ страстію и полной вѣрой въ успѣхъ; получилъ первую награду, и Римъ, эта Мекка художниковъ, къ которой стремятся въ набожномъ восторгѣ ихъ взоры, мысли и желанія, Римъ, предметъ мечтаний и завѣтныхъ думъ моихъ, открылся предо мною.

Нѣсколько лѣтъ, какъ сладкій сонъ, промчались незамѣтно.

Я не стану говорить вамъ о нихъ. Я жилъ въ мѣрѣ невещественномъ. Обезпеченный со стороны житейскихъ потребностей, я понималъ одну поэтическую сторону жизни артиста. Окруженный величественными развалинами Рима, посреди творческихъ вдохновеній Рафаэлей и Доминикиновъ, въ веселомъ обществѣ питомцевъ художества, я думалъ, что цѣль земнаго существованія есть прекрасное, что искусство есть единственное божество, которому поклоняются люди, единственный предметъ, достойный ихъ обожанія, что все прочее второстепенно, мелко... Счастливое время, время заблужденій прекрасныхъ и невозвратимыхъ! Существенность разбила мой прекрасный кумиръ...

О, тогда я не сѣтовалъ на отца моего! въ сердцѣ, исполненномъ чистой любви къ искусству и природѣ, рѣдко можетъ гнѣздиться враждебное чувство; одна только зависть, вѣчный червь... но я не зналъ ея. Я принадлежалъ весь искусству и даже самая мысль о странномъ положеніи моемъ въ свѣтѣ и сношеніяхъ съ фамилією князя рѣдко входила мнѣ въ голову; я привыкъ къ самой таинственности, меня окружавшей; я жилъ какимъ-то гостемъ, котораго холятъ и лелѣютъ невидимые духи. У меня всегда были деньги; рѣдко старый Нѣмецъ мой, который былъ неотлучно со мною, находилъ невозможность исполнять мои желанія. Откуда онъ бралъ деньги, я не спрашивалъ у него. Онъ былъ для меня, какъ попечительная нянюшка, которая иногда позволяла себѣ представленія, совѣты, хозяйничала у меня, располагалась какъ у себя дома, и я, со всею безпечностію артиста, оставлялъ полную свободу нянюшкѣ. Никогда я не получалъ писемъ, ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній; было одно только существо, которое пеклось обо мнѣ съ тѣмъ нѣжнымъ вниманіемъ

емъ, къ которому способны только женщины и которое непримѣтно вкрадывается во всѣ подробности нашего существованія, окружал насъ какъ-бы атмосферою наслажденій, ничтожныхъ въ глазахъ другихъ, но безъ которыхъ жизнь теряетъ для насъ свою прелесть. Иногда, въ день именинъ, я получалъ вещь, которую давно желалъ и не могъ имѣть; иногда рекомендательное письмо, отъ людей совершенно мнѣ неизвѣстныхъ, доставляло мнѣ покровительство или знакомство, котораго я желалъ; всѣ галереи, библіотеки были для меня безъ труда открыты; вездѣ я находилъ пріемъ, какъ человѣкъ уже извѣстный. Иногда незнакомая рука предостерегала меня отъ опаснаго знакомства, подавала совѣты въ словахъ, исполненныхъ нѣжности; иногда вдругъ я находилъ на окнѣ мои любимыя вѣтвы, или дядька приносилъ мнѣ книги, которыхъ мнѣ хотѣлось, и на всѣ изъявленія горячей моей благодарности я получалъ иногда немногія слова: «будьте вѣрны вашему призванію, чести и добры: вотъ лучшая благодарность». Кто была она, та, которая съ нѣжностью матери пеклась обо мнѣ—старикъ мой зналъ; но отъ него было невозможно вывѣдать что-нибудь. Она оставалась для меня неизвѣстною, какъ божество, которое я зналъ только по благодѣяніямъ, и, какъ божеству, лучшимъ оумианомъ для нея было—чистое сердце и мое счастье.

Смерть похитила у меня ее, моего чистаго ангела; но съ-тѣхъ-поръ все доброе въ душѣ моей было жертвою памяти ея; она сдѣлалась совѣстью моею; мысль о ней поддерживала мужество мое. Бываютъ въ жизни художника горькія минуты, когда, сомнѣваясь въ собственныхъ силахъ, онъ готовъ отказаться отъ любимыхъ надеждъ и видитъ утраченными труды цѣлой жизни, тогда-какъ рука его, можетъ-быть, готовилась

пожинать плоды; подобныя минуты — это вопросъ Гамлета: *быть или не быть?* Тяжелы онъ, невъносимы; часто художникъ бросаетъ кисть и въ вихрь шумныхъ, недостойныхъ его забавъ ищетъ забыть горечь ихъ; въ подобныя минуты моимъ ангеломъ-хранителемъ была она; какъ свѣтлый ангелъ, являлся мнѣ образъ ея съ кроткою улыбкою ободренія; рука ея подавала мнѣ выпавшую кисть, уста шептали слова надежды, упованія, и я снова вѣрилъ въ себя, въ возможность быть чѣмъ-нибудь; а вы знаете, эта вѣра — сила артиста.

Я работалъ не изъ денегъ, слѣдственно дѣлалъ, что хотѣлъ и твердо шелъ путемъ, который, по мнѣнію моему, вель прямѣ къ цѣли. Я пріобрѣлъ извѣстность; мастерскую мою начали посѣщать любители, вельможи, ласкали художника; я попалъ въ свѣтъ, и съ этой минуты одно по одному начали распадаться вѣрованія юности... Я думалъ, что имя артиста, брошенное въ залы большого свѣта или кабинетъ вельможи, звучитъ такъ-же, какъ имя, украшенное громкимъ титуломъ, что на художника смотрятъ не какъ на игрушку, фигляра, который занимаетъ скупающую праздность, но что въ произведеніи его поймутъ, оцѣнятъ душу... Нѣтъ, свѣтъ скоро наскучилъ мнѣ; въ немъ все ложь, все маска, и люди до того стыдятся сами своего ничтожества, что хотятъ казаться всѣмъ, лишь бы не собою...

Съ-тѣхъ-поръ, какъ сношенія съ свѣтомъ вывели меня изъ моего магическаго круга, я замѣтилъ большое безпокойство въ старикѣ моемъ, особенно съ нѣкотораго времени. По наступленіи весны онъ началъ меня уговаривать ѣхать въ Швейцарію. Это меня удивило тѣмъ болѣе, что прежде онъ рѣшительно противился этому намѣренію: гористая сторона была не

въ его вкусъ. Я думалъ, что онъ скучаетъ объ отечествѣ и желаетъ переменъ для разсѣянія и предложилъ ему съѣздить на родину. Старикъ пристально посмотрѣлъ на меня; на глазахъ его навернулись слезы. «Развѣ я надобѣн вамъ?» сказалъ онъ голосомъ, тронувшимъ меня до глубины сердца,—и мыслью о томъ болѣе не говорили. Я продолжалъ посѣщать общества, онъ безпокойно слѣдовалъ за всѣми моими движеніями; это положеніе тяготило меня, какъ вдругъ одно происшествіе заставило меня забыть и старика, и свѣтъ, и цѣлый міръ.

Знаете ли вы то положеніе артиста, когда, занятый мыслию, которую рука его ищетъ олицетворить на полотнѣ или мраморѣ, онъ задумчиво склоняется головою на руку и дуמוю улетаетъ въ міръ фантазій? Тысячи образовъ мелькають, рисуются, мѣняются другъ друга въ головѣ его; тихое наслажденіе наполняетъ душу... минуты прекрасныя, когда онъ безпредѣльно наслаждается, безъ собственнаго даже сознанія, способностію творить! Матеріальное произведеніе, въ которомъ олицетворится одна изъ идей, мелькнувшихъ въ головѣ его, есть не что иное, какъ исполненіе мысли, которая полна, прекрасна явилась душѣ его въ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ минутъ, и исполненіе часто несовершенное, въ-половину несоотвѣтствующее мысли художника, подвластнаго и времени и обстоятельствамъ, охлаждающимъ первый восторгъ, и механическому труду, не-всегда-отвѣтствующему желанію его. Въ такомъ расположеніи былъ я въ одно утро, когда, рано оставя мою мастерскую, безъ цѣли блуждалъ по улицамъ Рима, не замѣчая гдѣ иду и что происходило вокругъ меня; тысячи образовъ мелькали въ воображеніи моемъ, иногда развивались въ мелкихъ подробностяхъ и вдругъ смѣнялись други-

ми, съ новою силою въ свою очередь овладѣвавшими душею моею. Утро было прекрасное; солнце смотрѣло на природу изъ-за легкаго покрова прозрачнаго тумана, носившагося надъ городомъ; вѣтерокъ не дышалъ, и воздухъ теплый, роскошный, лился въ грудь вмѣстѣ съ испареніями померанцевъ и жасминовъ. Чувства мои успокоились и воображеніе какъ-бы заснуло, уступал чудной нѣгѣ, въ которой дремала природа. Я пересталъ мыслить и тихо наслаждался бытіемъ. Не знаю самъ, какъ очутился въ церкви Santa Maria della Vittoria, передъ знаменитою группою святой Терезы, Бернини. Казалось, мраморъ чувствовалъ, дышалъ, мыслилъ; съ неизъяснимымъ наслаженіемъ взоръ мой бѣжалъ за волнистою чертою контуровъ этого изваянія, тѣла, и вдругъ передо мною, по другую сторону группы, явилось существо прелестное— это была моя одушевленная Дольчина, мечта моего младенчества, принявшая образъ, доступный чувствамъ. Погруженная въ тихую задумчивость, она смотрѣла на святую; но было что-то грустное въ выраженіи лица ея. Такъ написалъ бы я пери, въ минуту тихой грусти устремившую взоры въ небеса. Уже ли же восторгъ любви казался недоступнымъ этому небесному созданію? О, нѣтъ, природа недаромъ одарила ее красотою неземною: никогда ничто совершеннѣйшее не поражало взоровъ моихъ. Она скрылась — а я все еще смотрѣлъ; мнѣ казалось, что существо неземное посѣтило меня.

Нѣсколько дней прошло; я не искалъ ея, на что мнѣ было видѣть ее? она была со мною, въ душѣ моей. Затворясь въ мастерской, я писалъ, и она улыбнулась мнѣ на полотнѣ, задумчивая, какъ мечта моего дѣтства, какъ мое явленіе въ церкви святой Маріи. И вотъ, въ одно утро, звонокъ — это была она,

въ - сопровожденіи высокаго, пожилаго мужчины; я не успѣлъ закрыть моей картины: она смѣшалась, узнавъ въ ней свой образъ; онъ кричалъ: «Прекрасно! безподобно! это она. Вы должны кончить. Антонина будетъ вамъ служить моделью, но картина моя. Могли я отказать? ...»

Что сказать вамъ еще? Она была у меня, предложила мнѣ уроки, я и сдѣлался ежедневнымъ гостемъ ея. Картина моя оставалась у меня; я не сдѣлалъ окончаніемъ, и Антонина не настаивала. Иногда завѣдала она ко мнѣ; но при ней я не могъ работать, мы уходили и безъ цѣли блуждали по улицамъ Рима, укрываясь отъ зноя полуденнаго во внутренности первой церкви, дивились какому-нибудь произведенію кисти или рѣзца, и проводили часы, исполненные блаженства. Иногда я сопровождалъ ее въ прогулкахъ за городомъ, объяснялъ сліяніе свѣта и тѣней, разгадывалъ тайну оптического обмана перспективы; часто у ногъ ея, подъ сводомъ древняго храма, посреди обломковъ мрамора, и проводилъ цѣлыя часы, впадая въ восторгъ въ спокойныя черты ея, въ которыхъ сіяла душа высокая, чистая... Нѣтъ, она была болѣе, чѣмъ женщина! Смотря на нее, надобно было вѣрить, что есть существа высшей природы. Мнѣ казалось каждую минуту, что она должна была возвратиться въ лучший міръ, котораго была обитательницею. Я былъ счастливъ моею любовію, безъ мысли о взаимности, однимъ наслажденіемъ любить...

Да, я не думалъ о взаимности. Вамъ кажется это странно и смѣшно? по вашимъ понятіямъ любовь родится съ желаніемъ обладать любимымъ предметомъ? Подобная мысль показалась бы мнѣ оскорбленіемъ. Моя любовь была удивленіе, глубокое сознаніе совершенства. Видѣть ее, удивляться ей, благоговѣть пе-

редь нею—это было уже для меня наслаждениѣмъ. Когда, объясняя рисунокъ, я касался легкой ткани ея платья, я былъ вѣд себя, сердце мое билось, и я готовъ былъ упасть къ ногамъ ея, прося прощенія въ моеѣ блаженствѣ.

Самое искусство, единственная доселѣ страсть моя, уступило ей мѣсто въ душѣ моеѣ. Да, я работалъ и теперь, но цѣлью моею было не совершенство—нѣтъ: одно одобреніе Антонины. Самая слава — я не говорю о той славѣ, которую справедливѣе назвать извѣстностью и которая влечетъ за собою груды золота, восторги современниковъ и часто молчаніе вѣковъ,—но слава, какъ понимаетъ ее поэтъ-художникъ, та, которая лучезарною звѣздою блеситъ надъ могилою убитаго бѣдностью, умирающаго подъ тяжелой ношею творца *божественной Ноги*,—та, которая тихою зарею нисходитъ надъ вѣнчаннымъ трупомъ феррарскаго безумца, — та, о которой скажетъ поэтъ: «вся жизнь несчастія и безвѣстности за одинъ лучъ ея въ вѣкахъ»—самая эта слава . . . да, тогда я отдалъ бы ее за одну слезу восторга изъ глазъ Антонины!

Но кто была она? Да, вы этого не знаете! Она была Русская, и это было новой прелестію въ глазахъ моихъ. Я любилъ все, что напоминало мнѣ далекое отечество мое. Посреди роскошной природы Италіи нерѣдко мысль моя уносилась подъ сѣнь угрюмыхъ лѣсовъ его и часто, во снѣ, разстилались передо мною бѣлой скатертью широкія равнины его съ темнолазоревымъ шатромъ, блестящимъ надъ ними миллионными свѣтлыхъ звѣздъ. Часто съ упоеніемъ слушалъ я, когда она пѣла русскую пѣсню, или говорила по-русски, и никогда я не смѣлъ признаться, что понимаю ея языкъ: Антонина принимала меня за Нѣмца и никогда не подозрѣвала, что я бывалъ въ Россіи; мнѣ

казалось, что малѣйшій намекъ о томъ могъ измѣнить мѣей тайнѣ. Невольно билось сердце мое, когда звуки роднаго языка касались слуха моего; лучше всякой музыки доходили они до сердца; они возвращали мнѣ часть моего прошедшаго, а вы знаете — будь горько оно, все воспоминаніе о немъ мило намъ: въ немъ образовались понятія наши, развились чувства, въ немъ мы стали тѣмъ, чтѣ есть; оно составляетъ существенную часть настоящаго бытія вашего. Антонина не подозрѣвала, какое дѣйствіе производилъ на меня разговоръ ея съ домашними. Со мною рѣдко она говорила объ отечествѣ, можетъ-быть, почиталъ подобный разговоръ скучнымъ и незанимательнымъ для иностранца; но иногда рассказывала мнѣ о младенствѣ своемъ, о братѣ, котораго страстно любила, иногда о матери; но это воспоминаніе всегда надолго оставляло слѣды грусти на лицѣ ея, и она избѣгала его, можетъ-быть, боясь, что святость чувствъ ея будетъ оскорблена холодною чужихъ, неспособныхъ понимать ее.

Одинъ разъ я нашелъ на столикѣ визитную карточку съ ея именемъ. Графиня Антонина К. . . урожденная княжна В. . . Это имя, имя стараго князя моего, возмутило всю душу мою. Антонина принадлежала къ фамиліи, съ которой страннымъ-образомъ была слита судьба моя! Какія отношенія мои были къ этой фамиліи, я не зналъ того; но это открытіе произвело во мнѣ странное чувство. Ранѣе обыкновеннаго я возвратился домой; тяжелая мысль гнула душу мою, я не могъ спать: тяжелые сны прерывали сонъ мой. Мнѣ не хотѣлось спрашивать моего Нѣмца: онъ отклонялъ всякой разговоръ объ этомъ семействѣ; и особенно не любилъ, не знаю за чтѣ, графа К. . . , всегда бывалъ не въ духѣ, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и

нѣсколько разъ просилъ меня не ходить къ нему, говоря, что знаетъ о немъ много дурнаго. Чтобы не тревожить стараго товарища моего, я никогда не говорилъ ему, что бываю у графа, а потому и теперь не хотѣлъ спрашивать его, вывѣдывалъ сторуною у знакомыхъ мнѣ русскихъ артистовъ; но они безпечно отвѣчали мнѣ: «князей В... множество; гдѣ ихъ всѣхъ знать!» — Одно успокоивало меня: еслибъ Антонина принадлежала къ семейству князя, то вѣроятно старшій Нѣмецъ мой былъ бы у нея, и по привязанности къ князю не сталъ бы говорить дурно о его родственникѣ. Впрочемъ, что мнѣ нужды было кто она? не имя ея, а ее любилъ я; видѣть ее, слышать ея голосъ, вотъ все, что мнѣ было нужно; я ничего не желалъ, и скоро забылъ о моемъ открытiи; но близьокъ былъ конецъ моего блаженства.

Въ одинъ вечеръ догорающій день освѣщалъ комнату; Антонина сидѣла за фортепьяно; теплый вѣтерокъ, врываясь въ отворенное окно, игралъ въ ея темныхъ локонахъ и тихо волновалъ легкiй газъ, какъ прозрачный туманъ струившiйся съ плечъ ея по бѣлому платью. Тонкiе, румяные персты ея извлекали стройные звуки; во взоръ, устремленномъ къ небесамъ, горѣлъ тихiй огонь чувства. Она пѣла, и сладкiе звуки ея гибкаго голоса лились въ грудь мою. Я сидѣлъ облокотясь на крышку рояля: мнѣ казалось, что предо мною была сама святая Цецилiя, — та, которую въ картинѣ Долчи полюбило дѣтское сердце мое. Звуки роднаго языка, этотъ голосъ, это сходство съ моею чудесною картиною — я не помнилъ самъ себя; все воскресло предо мною: и картинная галлея, и старшій князь, и темный садъ, и моя Долчина, и какъ прежде, я былъ счастливъ передъ нею, какъ прежде любилъ, и не замѣчалъ самъ, какъ катились

слезы по щекамъ моимъ. Мнѣ было легко и пріятно, и грудь дышала свободно. . . Вдругъ она замолчала.

— Чудесно, Антонина! право, неподобно! Никакая итальянская музыка не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія — произнесъ нестройный голосъ, и на щекѣ ея, моей Цециліи, напечатлѣлся поцалуй мужчины. Я задрожалъ. О, куда дѣвались мои святѣйшя мечты! Ея щеки смѣютъ касаться уста мужчины, и этотъ мужчина — мужъ ея! Я зналъ это прежде, но только, кажется, теперь въ первый разъ понялъ, и въ первый разъ Антонина явилась передо мною какъ женщина, и съ-тѣхъ-поръ новый, мучительный огонь загорѣлся въ груди моей.

Присутствіе ея сдѣлалось для меня мученіемъ, и однакоже, я хотѣлъ каждую минуту быть съ нею, говорить съ нею, смотрѣть на нее долго, долго, впиваясь въ лазурь очей ея, и каждую минуту трепеталъ, что позади меня раздастся нестройный голосъ, что опять мучительный поцалуй предастъ меня въ добычу всѣмъ адскимъ страданіямъ. Этотъ поцалуй горѣлъ для меня на щекахъ Антонины, какъ страшное клеймо моего осужденія; я трепеталъ, незнакомый мнѣ доселѣ пламень пожигалъ меня; когда случалось, что рука ея нечаянно касалась моей руки, кровь приливалась мнѣ къ сердцу; я блѣднѣлъ: мнѣ казалось, что она читаетъ въ душѣ моей, и я убѣгалъ далеко отъ нея, бросался на холодный камень, и тамъ, какъ Канинъ, сидѣлъ долго, долго, пока свѣжій вѣтеръ полуночи не приносилъ отрады моей пылающей головѣ. Въ ея отсутствіи, въ моей мастерской, я находилъ не болѣе спокойствія: она была передо мною, но не вдохновенная, какъ прежде, нѣтъ; — но облеченная всею прелестью юности и красоты, со взоромъ, исполненнымъ страсти. . . А какъ часто плакалъ я, какъ часто

выпрашивалъ мою прежнюю любовь, мое небесное спокойствіе—напрасно! небо было глухо къ мольбамъ моимъ: не возвращалось прекрасное утро любви моей; это былъ полдень, жаркій полдень безоблачнаго неба...

И она измѣнилась; поблекли розы на щекахъ ея; иѣсни ея были то улыбки, то дышали страстію, раздиравшею душу мою. Она избѣгала моихъ взоровъ, прогулки наши въ окрестностяхъ прекратились, уроки стали рѣдки. О, мой рай, мой рай! какой непріязненный духъ отравилъ тебя своимъ дыханіемъ?...

Антонина была часъ-отъ-часа холоднѣе со мною; я видѣлъ ясно, что присутствіе мое тяготило ее; съ отчаяньемъ въ душѣ я заперся въ моей мастерской; напрасно прѣзжалъ графъ, уговаривалъ меня участвовать въ ихъ прогулкахъ, или звалъ посѣтить какую-нибудь галерею или мастерскую художника, — я упорно отказывался, запираема въ моей комнатѣ, вынималъ мою картину, на которой она улыбалась мнѣ по-прежнему, и проводилъ передъ нею долгіе, тяжелые часы. Старый Нѣмецъ мой качалъ головою и сомнительно смотрѣлъ на меня. Я рѣшительно нигде не выходилъ; но когда ночь одѣвала природу сумракомъ, оставлялъ мою комнату и, какъ-бы противъ воли, шаги мои направлялись къ Испанской Площади, туда, гдѣ жила она; останавливался противъ окна ея, и иногда легкій очеркъ ея греческаго профиля рисовался на опущенной занавѣскѣ, и тогда мнѣ становилось легче; я простиралъ къ ней руки, мнѣ казалось, что она улыбается; я плакалъ, какъ плачетъ перн обь утраченномъ блаженствѣ.

Разъ—о! пройдутъ годы, я не забуду этого дня, и на краю гроба воспоминаніе о немъ пробудитъ улыбку на устахъ умирающаго... Давно уже я не видалъ Антонины; душа моя была мрачна; мнѣ казалось, что

и стою на рубежѣ безотрадной пустыни, гдѣ ни одинъ призракъ жизни не радовалъ взора, гдѣ ни одинъ лучъ надежды привѣтно не сіялъ для меня въ небесахъ. Нечаянно глаза мои обратились къ окну; мой добрый старикъ стоялъ съ моею паянтрою передъ натянутымъ полотномъ и горько глядѣлъ на кисть, которую вертѣлъ въ рукахъ. Я всталъ; что-то прежнее пробудилось въ душѣ моей; подхожу—онъ дѣржалъ въ рукахъ послѣднюю записку моего неизвѣстнаго ангела-хранителя; я бросился на шею старика: я повялъ нѣмой упрекъ его. Слеза задрожала на сѣдой ресницѣ его, онъ вышелъ, и я видѣлъ, какъ рука его сотворила знаменіе креста.—Старикъ! ты не знаешь, что было въ душѣ моей! Я хотѣлъ писать и не могъ; въ головѣ была одна мысль, въ сердцѣ одно чувство... Какъ безумный я бросился на улицу и не знаю самъ какъ очутился на берегу Тибра передъ храмомъ Весты... Какое воспоминаніе! Здѣсь, нѣсколько дней тому-назадъ, сидя на мраморныхъ ступеняхъ храма, она рисовала четверугольный храмъ, котораго построеніе приписываютъ Сервію-Туллию; я былъ съ нею, любовь моя была тогда еще безмятежна... Вдругъ сердце мое забилось сильно; между колоннами образовалось бѣлое видѣніе: глаза мои не различали еще его, но я понялъ по блаженству, ощущаемому мною, что это была она! Казалось, благотворный дождь оросилъ прохладною влагою пылающую грудь мою. Вы не знаете, что значитъ появленіе милой! еслибъ солнце скрылось на нѣсколько сутокъ изъ глазъ вашихъ и вѣчная ночь грозила разрушеніемъ міру, и вдругъ легкая полоса свѣта озарила бы востокъ, развѣ тогда только поняли бы вы, что чувствуетъ сердце при сея приближеніи! Я не смѣлъ сдвинуться съ мѣста; она приблизилась... О, въ эту минуту она была хороша, какъ небожитель, и все земное

замолчало въ душѣ моей; я упалъ на колѣни передъ нею и мнѣ казалось, что она читаетъ въ душѣ моей. Я осмѣлился взять ея руку, смотрѣлъ въ ея ясныя, чистыя глаза и уста мои шептали одно: «прости!» Безпокойство изобразилось на небесномъ лицѣ ея; она со страхомъ окинула взоромъ вокругъ себя и, не оставляя руки моей, увлекла меня во внутренность храма, и тамъ я лежалъ у ногъ ея, плакалъ, молилъ о прощеніи; я высказалъ ей сердце, она узнала все, она утѣшала меня, какъ утѣшаетъ мать виновное дитя. Кроткое состраданіе блистало во взорахъ ея: «я буду другомъ твоимъ, Леонтій» сказала она, и мнѣ показалось, что тяжкое бремя спало съ души моей; я дышалъ новою жизнью.

Мы вмѣстѣ возвратились; небо сіяло красотою вечера, и, какъ залогъ примиренія, рисовался въ яркой синевѣ освѣщенный крестомъ куполь св. Петра.

Съ-тѣхъ-поръ я снова ожилъ для счастія; опять работалъ, опять слушалъ серебристый голосъ Антонины, опять любилъ любовью тихой, — но любовь моя была не то уже, что прежде: я любилъ Антонину какъ что-то драгоценное, и чувства мои молчали окованныя страхомъ, мыслию, — утратить прекрасное видѣніе.

И опять развеселился мой добрый старикъ. Онъ приписывалъ мою перемѣну дѣйствию своей хитрости.

Лѣтніе жары принудили графа искать убѣжища въ окрестностяхъ. Онъ поселился на берегахъ Альбано. Каждый день видалъ я Антонину; часто, въ сопровожденіи одной горничной, мы углублялись въ роскошныя тѣни лѣса, простирающагося отсюда до Фраскати, или посѣщали сосѣдственныя виллы, наполненныя памятниками искусства. Роскошная природа Италіи, фрески Рафаэля и Микель-Анджело и голосъ

Антонины, которому я внималъ безпрепятственно... если вы когда-нибудь любили, понимали природу и искусство, скажите, скажите, что земное существованіе можетъ представить очаровательнѣйшаго? Любовь оживляетъ пустыни; подъ прекраснымъ небомъ и въ прекрасной сторонѣ можно прожить безъ любви и счастья; но Италия и любовь!.. я довольно жилъ, я испилъ полную чашу блаженства... Нѣтъ, силы небесныя, нѣтъ, не мнѣ молить еще о радости!

Въ одинъ вечеръ графа не было дома; мы рисовали въ окрестностяхъ Кастель-Гондольфо, и возвращались верхнею галлереею вдоль берега; увлеченные красотами вечера, мы оставили коляску и спустились къ озеру тропинкою, вьющеюся между деревьями. Заря догорала, и отблескъ ея отражался въ свѣтлыхъ водахъ; въ прозрачномъ небѣ загорѣлась одна звѣздочка и тихо блистала надъ головами нашими; мы сѣли у корня дерева; никогда еще не видалъ я Антонины столько прелестною; никогда любовь моя не была столько сильна, пламенна. Міръ не существовалъ для меня: я видѣлъ ее одну, доврчиво, безъ боязни предавался наслажденію любить; рука моя обвила станъ ея, голова Антонины склонилась къ моей, губы мои касались до щеки ея; въ первый разъ уста ея произнесли: *люблю тебя, Леонтей*, и вдругъ внезапный свѣтъ озарилъ меня; я поднялъ глаза:—быстро на голубомъ сводѣ катилась свѣтлая звѣздочка и исчезла надъ тонувшими въ сумракъ стѣнами Кастель-Гондольфо. Антонина затрепетала; лицо ея покрылось блѣдностью; она вырвалась изъ объятій моихъ и закрыла лицо руками. Я смотрѣлъ на нее съ беспокойствомъ; сердце мое сжалось какъ бы тяжелымъ предчувствіемъ. Черезъ минуту она опять взглянула на небо, но оно было покойно и сіяло тая-

ственнымъ мерцаніемъ звѣздъ. Въ слезахъ бросилась она на грудь мою, напечатлѣла пламенный поцалуй на устахъ моихъ и скрылась съ быстротою серны. Я хотѣлъ слѣдовать за нею; она остановилась: какъ бѣлый призракъ отразился легкой станъ ея на темной зелени деревь, и быстрое движеніе руки, отдѣлившейся отъ общей массы, дало мнѣ знать, чтобъ я остался. Я не смѣлъ ослушаться; душа моя была исполнена невольнаго страха и на устахъ горѣлъ еще прощальный поцалуй.

Всю ночь провелъ я на берегу озера; утро застало меня на холмѣ, съ котораго взоръ открывалъ между деревьями стѣны жилища Антонины. «Нездорова, не принимаетъ» былъ мнѣ отвѣтъ, когда я явился у дверей ея дома, и на другой день то же. Прошло три мучительно-долгіе дня, а я не могъ ея видѣть. Я терлся въ догадкахъ; неизвѣстность томила меня; наконецъ, вечеромъ третьяго дня, мнѣ подають письмо. Вотъ оно:

«Леонтій! Мы должны разстаться; не ропщи, мнѣ души моей, и прежде, нежели пріймешь какое-нибудь рѣшеніе, прочти внимательно письмо мое, спроси благородное сердце твое и слѣдуй его влеченію. Я имѣла бы право приказывать то, о чемъ прошу тебя; но не необходимости, а великодушію твоею. Я хочу быть обязана жертвой, о которой умоляю. Такъ, я хочу, разставаясь съ тобою, унести образъ твой, сіяющій добродѣтелью, которую я въ тебѣ предполагала. Хочу, чтобы, упреская себя въ любви не позволенной, я могла бы, по-крайней-мѣрѣ, сказать: онъ былъ ся достоинъ.

«Напрасно борюсь съ сердцемъ, прибѣгаю къ разсудку... Я люблю тебя, Леонтій, ты слышалъ признаніе мое; но я найду силы отказаться отъ тебя, ни-

когда не видѣть тебя. Леонтій! есть взоръ, призирающій на меня свыше; страшная клятва связываетъ меня, чувство сильнѣйшее, чѣмъ самый долгъ, придаетъ мнѣ твердость совершить жертву... Выслушай меня.

«Я обязана воспитаніемъ матери моей; у меня были учителя, но никогда я не имѣла гувернанты. Сколько помню себя, мы всегда жили въ Петербургѣ; отца моего я видала рѣдко; онъ приходилъ къ намъ въ комнату утромъ, цаловалъ насъ, спрашивалъ о нашихъ успѣхахъ и тотчасъ уходилъ; я боялась его болѣе, чѣмъ любила, хотя, по словамъ матушки, почитала его существомъ совершеннымъ; но его разсѣянный и важный видъ внушали въ меня боязнь, которая мѣшала сердцу предаться своему влеченію. Мы жили очень-уединенно; матушка никуда не выѣзжала. Я и братъ мой, старшій меня двумя годами, составляли все утѣшеніе ея. Дѣтство наше протекало въ ея глазахъ; она сама надзирала за уроками нашими: молитва, ученье, прогулки, чтеніе, дѣтскія игры наши,—все было освящено ея присутствіемъ; образъ ея сливается со всѣми воспоминаніями моими; матушка и братъ составляли весь міръ мой.

«Здоровье матушки было очень-слабо. Не знаю, болѣзнь ли, или другое что было причиною, но она почти-всегда была задумчива, и улыбка возвращалась только на уста ея, когда она видѣла меня или брата. Съ нѣкотораго времени мы почти оставили Петербургъ; матушка, по приказанію докторовъ, жила или въ чужихъ краяхъ, или въ деревнѣ, верстъ за двѣсти отъ Петербурга. Я и братъ мой сопровождали ее всюду; онъ имѣлъ гувернёровъ, учителей; мною занималась исключительно сама-она. Я рано оставила дѣтскія игры: бесѣда съ матушкою было лучшимъ моимъ удовольствіемъ; разговоры ея рано развили во мнѣ жизнь

духовную; не будучи печальною, я не любила забавъ, въ которыхъ ничто не трогало души; цвѣты, музыка, живопись, прогулка съ моею незабвенною матерью — вотъ въ чемъ состояли мои удовольствія. Чѣмъ болѣе я возрастала, тѣмъ примѣтнѣе становилась для меня грусть матушки; часто я подстерегала слезы на глазахъ ея, когда, почитая меня занятою, она смотрѣла на меня долго и не скрывая душевнаго волненія. Казалось, какая-то тайна тяготила ее. Я думаю, что она была несчастлива, Леонтій, и прости мнѣ Богъ подозрѣнїе мое! но мнѣ кажется, что несчастіе ея происходило отъ любви и, можетъ-быть, отецъ былъ виною этого.

«Я никогда не могла ничего узнать положительнаго; но разъ мнѣ случилось войти въ комнату моей матери, когда у нея былъ одинъ изъ друзей ея; она говорила: «Я не боюсь за Валерію: у него будетъ сердце дѣда; но Автомина — она нѣжна и увлекается чувствомъ, какъ отецъ. О, она будетъ несчастлива!» Она часто получала письма изъ Италіи и они всегда производили въ ней сильное волненіе; но сами мы никогда тамъ не были, хотя мать моя всегда говорила о ней съ восхищеніемъ. За годъ до кончины ея, она отказалась уже ѣхать на воды, какъ ей совѣтовали, и съ грустною улыбкою качала головою. О, эта улыбка осталась въ моей памяти! Она стдила мнѣ многихъ слезъ, въ которыхъ я не смѣла признаться матушкѣ, боюсь огорчить ее. Братъ мой остался въ Петербургѣ, а я съ матушкою провела лѣто въ деревнѣ.

«Здоровье ея примѣтно ослабло; я видѣла, какъ жизнь угасала въ прекрасныхъ черныхъ глазахъ ея, хотя яркій румянецъ и горѣлъ еще на ея щекахъ. Ты никогда не говорилъ мнѣ о дѣтствѣ твоемъ, Леонтій;

я не знаю, наслаждался ли ты любовью матери, но нѣжное сердце твое пойметъ, что чувствовала я, видя, что съ каждымъ днемъ она клонится къ гробу. Я не могла, какъ другіе, обманывать себя: каждая угасающая искра этой жизни, которая вся была мое достоиніе, замѣтна была для глазъ моихъ, тогда какъ посторонніе равнодушно смотрѣли, или, можетъ-быть, старались обманывать меня. Я видѣла горькую истину, и часто ночью, стоя въ слезахъ на колыбѣхъ передъ постелью спящей тяжелымъ сномъ больной, я говорила: нѣтъ, Боже мой, это несправедливо! нѣтъ, она не умретъ; глаза мои обманываютъ меня. Сердце хотѣло вѣрить, не смотря на свидѣтельство разсудка! А она? Еще веселою улыбкою она старалась обмануть мое страждущее сердце. Часто, видя меня печальною, она обнимала меня, говоря: «Антонина, ты сокрушаешься, что осень убьетъ прекрасныя цвѣты; но посмотри, — еще блестятъ они всею роскошью лѣта. Чувствуешь? вѣтерокъ доноситъ къ намъ ихъ ароматы; наслаждайся настоящимъ, Антонина. Придетъ время утраты, тогда успѣешь горевать.» Я понимаю тайный смыслъ этихъ печально-утѣшительныхъ словъ: ахъ, она сама увядала какъ прекрасный цвѣтокъ въ послѣднемъ испареніи чуднаго запаха, какъ еиміамъ благодаренія, возвращающій въ нѣдра природы жизнь, которой каждое бѣненіе было ее любимымъ гимномъ!

«Но иногда она, казалось, не замѣчала моей печали и, тихо увлекая меня подъ тѣнь липъ или на террасу стариннаго дома нашего, сходящую пологимъ скатомъ къ свѣтлому пруду, осыпавшему вѣковыми ивами, тамъ говорила мнѣ объ обязанности женщины, о свѣтѣ, добродѣтели, и умоляла меня остаться вѣрною правиламъ, внушеннымъ мнѣ. Часто, когда вече-

ромъ небо сіло мириадами звѣздъ и тишина ночи внушала благоговѣніе, мы сѣли на террасѣ, и она говорила мнѣ о скоротечности всего земнаго, о тайнахъ другаго міра. Слова ея поражали юное воображеніе мое и тогда она говорила мнѣ, что оттуда, съ небесъ, будетъ надзирать надо мною, охранять, что видимыми знаками будетъ давать мнѣ чувствовать свое присутствіе. «Жизнь здѣсь кратковременна» говорила она: «это сонъ, котораго краткое теченіе измѣряется страданіями, — пробужденіе *тамъ*: не безумство ли для одного пріятнаго мгновенія жертвовать вѣчностью? Антонина, эта жизнь не цѣль, а средство.»

«Одинъ разъ, — это былъ прекрасный лѣтній вечеръ, — мы пошли гулять; матушка была уже очень слаба и, опираясь на мою руку, медленно шла по дорогѣ къ деревянной церкви, уединенно-стоявшей на горѣ, за рощею. Пріятность вечера и теплый воздухъ, освѣжаемый тихимъ вѣтеркомъ, казалось, оживили ея ослабѣвающія силы; въ глазахъ ея свѣтилось душевное удовольствіе; съ выраженіемъ тихой радости взоръ ея любовался яркой зеленью луга, позлащаемаго косвеннымъ лучомъ заходящаго солнца, и торжественною красотою неба, облитаго огнями вечера. Церковь была отворена; мы взошли на деревянное крыльцо, и здѣсь еще остановилась она, какъ-бы желая налюбоваться на природу, какъ на милое дитя, съ которымъ разлучалась надолго. «О, какъ хорошъ Божій міръ!» сказала она, сжимая крѣпко мою руку, и слеза заблестала въ глазахъ ея. «Если судьба похититъ всѣ надежды, все счастье сердца, и тогда еще оно забьется радостно, любясь красотою его! Только тотъ бѣденъ истинно, кто равнодушно смотритъ на заходящее солнце!»

«Мы вошли; необыкновенный свѣтъ, наполнявшій внутренность храма, невольно заставилъ меня остановиться. Яркій лучъ заходящаго солнца, врываясь красноватымъ столбомъ въ узкое окно западной стѣны, окружалъ таинственнымъ сіяніемъ алтарь и, ударяя прямо на золото ризы большаго образа Спасителя, чтимаго чудотворнымъ въ нашей сторонѣ, отражался въ глубину церкви такъ, что свѣтъ казался исходящимъ отъ него. Благоговѣйный ужасъ объялъ душу мою. Казалось, силы матушки вдругъ воспріяли всю крѣпость юности; я робко прижалась къ ней, какъ бы ожидая чего-нибудь необыкновеннаго. Она схватила руку мою, твердымъ шагомъ подошла къ алтарю и поверглась на колѣни передъ иконою, увлекая меня за собою. Я не смѣла произнести ни одного слова: она молилась, опустила голову на грудь.

«Черезъ минуту она взяла руку мою и, указывая на икону, сказала тихимъ, едва-слышнымъ голосомъ: «Антонина! вотъ кто останется твоимъ покровителемъ на землѣ, когда меня не будетъ. Я не хочу обманывать тебя: намъ недолго быть вмѣстѣ. Я скоро предстану къ престолу Его съ молитвою о тебѣ; но вѣрь мнѣ: смерть не разрываетъ связей, заключенныхъ на землѣ; остается тайная связь между душами; мнѣ позволено будетъ призирать надъ тобою... Не плачь, Антонина» продолжала она твердымъ, вдохновеннымъ голосомъ, замѣтя слезы, млившіяся по щекамъ моимъ: «теперь еще не время, и къ-чему слезы? Это разлука минутная. Тамъ я буду ожидать тебя, но непорочную, какъ ты теперь; малѣйшее дыханіе порока положить между нами преграду вѣчную. Антонина, я говорю тебѣ о жизни за гробомъ. Послушай: здѣсь, передъ образомъ Спасителя, я жду отъ тебя клятвы; успокой послѣднія минуты мои, общай

мнѣ, что бы ни было съ тобою, въ какомъ бы положеніи ни находилась ты, пребыть вѣрною долгу и обязанности однажды принятымъ, не разбирая, не уступая, сообразны ли съ твоимъ разсудкомъ или желаніями сердца условія принятаго званія, съ которыми ты вступаешь въ свѣтъ. Общай мнѣ, Антонина, и благословеніе мое пребудетъ надъ тобою.»— Я поклялась въ ужасѣ. Въ лицѣ, въ голосѣ матушки было что-то торжественное; я упала на грудь ея; она тихо молилась между-тѣмъ, какъ я плакала... Было темно, когда мы оставили храмъ; звѣзды загорались въ синевѣ, мѣсяцъ восходилъ на востокъ.

«Матушка видимо ослабѣла, но глаза ея еще горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ. Мы шли молча, какъ-бы святость мѣста, которое оставили, еще окружала насъ. Входя подъ каменные ворота, ведущія на дворъ, матушка остановилась: надъ самымъ домомъ, какъ-бы оторвавшись отъ небесъ, покатила и исчезла свѣтлая звѣзда. Я чувствовала, какъ внезапное содроганіе пробѣжало по всѣмъ членамъ матушки; она сжала крѣпко руку мою и, указывая на мѣсто, гдѣ скрылась катящаяся звѣзда, сказала тихо: «да напоминаетъ тебѣ всегда свѣтъ ея твою клятву и послѣдній завѣтъ умирающей матери!» Взоръ ея потухъ, какъ-бы всѣ силы, бывшія долго въ напряженіи, вдругъ исчезли; — я съ трудомъ довела ее до дома.

«На-утро ея не стало, Леонтій; послѣднія слова ея были: «не забудь падающей звѣзды».

«Для другой подобная клятва была бы новымъ, тяжелымъ грѣхомъ, усугубляющимъ бремя другихъ проступковъ, Леонтій; но мать моя купила своею любовію, цѣлою жизнію, посвященною благу моему, право вѣрить сердцу моему, и она не ошибется, —

нѣтъ, я повторяю мою клятву теперь, когда понимаю великость жертвы; которой она требуетъ.

Я покоряюсь волѣ матушки, я знаю до какой степени священны обязанности мои, я понесу до гроба узы, положенныя на меня; но любовь мою понесу туда, гдѣ ждетъ меня она, моя незабвенная мать, и ей скажу: «суди меня; я люблю Леонтія».

«До-сихъ-поръ ни одинъ мужчина не производилъ никакого впечатлѣнія на сердце мое; языкъ лести смѣшилъ меня. Князь давалъ балы; мы принимали лучшее общество; я была поставлена въ свѣтъ на такую точку, что была выше многихъ головою; приблизиться ко мнѣ значило возвыситься на нѣкоторую степень, и эти бабочки съ безцвѣтными крыльями, заимствующія блескъ единственно отъ свѣта, около котораго вьются, кружились около меня, не для меня, но только, чтобъ привлечь вниманіе другихъ на ихъ ничтожность. Я не находила ни одного свѣтятсягося червячка, сіяющаго хотя слабымъ, но собственнымъ блескомъ: конечно они есть, но случай не свелъ меня съ ними.

«Я увидѣла тебя, Леонтій, въ храмъ пречистой дѣвы, когда ты вдохновеннымъ взоромъ художника разсматривалъ прекрасное произведеніе Бернини: взоры наши встрѣтились; случайное сходство твое съ отцомъ моимъ и прелестныя черныя кудри, какихъ я никогда и ни у кого не видала, кромѣ его, поразили меня; видъ твой напомнилъ мнѣ немногія минуты, которыя посвящалъ намъ отецъ мой, когда, приходилъ къ намъ, онъ позволялъ мнѣ, сидя на его колѣняхъ, играть его прекрасными кудрями. Не могу описать тебѣ чувства, произведеннаго тобою въ душѣ моей; мнѣ показалось, будто присутствіе милой тѣни окружаетъ меня блаженствомъ своего неба... Ты не бу-

дешь смѣяться, Леонтій, если скажу тебѣ, что вѣрю ея соприсутствію: часто мнѣ случается ощущать внезапную радость безъ видямой причины; душа моя исполняется необыкновеннымъ спокойствіемъ, я не смѣю дышать, не смѣю обратить взоровъ на внѣшніе предметы; тогда я думаю: это привѣтъ невидямой гостни, и почитаю его предвѣщаніемъ чего-нибудь добраго, хорошаго. Мнѣ казалось и тогда, въ первую минуту нашего свиданія съ тобою, что она благословляла меня, и тайный голосъ говорилъ мнѣ: онъ не чужой тебѣ. Но сердце мое горестно сжалось, когда образъ твой скрылся изъ взоровъ моихъ. Что это было? предвѣщаніе? или душѣ прискорбно было разстаться съ тѣмъ, съ которымъ соединеніе одно могло составить ея вѣчное блаженство?

«Похвалы, съ которыми провозносили имя одного молодаго художника, и молва о достоинствахъ его заставила насъ ѣхать въ мастерскую его — я нашла тебя. Въ первые дни знакомства нашего я чувствовала невольный страхъ; непонятное мнѣ безпокойство стѣснило грудь мою. Это любовь, думала я, и хотѣла удалиться; но твоя робость, застѣнчивость, можетъ-быть, привычка видѣть тебя, успокоили меня. Еслибъ ты предсталъ ко мнѣ съ именемъ, звучно-гремящимъ вѣковой извѣстностью, окруженный блескомъ общества, съ твоимъ взоромъ, Леонтій, и душою, я бы боялась тебя; но ты явился съ скромной наружностію артиста; правда, съ извѣстностію одного изъ отличнѣйшихъ художниковъ Рима, но еще неукрашенный однимъ изъ тѣхъ именъ, которыя молва, настроенная удивленіемъ къ великому таланту, бросаетъ посреди великолѣпныхъ залъ европейской аристократіи, требуя почетнаго мѣста генію. Между этихъ звѣздъ, часто блистающихъ толь-

ко заимствованнымъ блескомъ, застѣчивый, молчаливый, съ этой недовѣрчивостію къ собственному достоинству, которая въ свѣтъ всегда уступить мѣсто дерзкому самохвалству полуталанта, ты, казалось, нуждался въ покровительствѣ, и я безъ боязни приняла тебя. Но нравственная сила человѣка, ознаменованнаго гениемъ, и могущество непреклонной воли его увлекаютъ гораздо-болѣе воображеніе женщины, чѣмъ всѣ пышныя титула и блестящія качества. Мужчина, Леонтій, ищетъ въ любви только забавы, и потому только то, что льститъ чувствамъ, поражаетъ его; онъ ищетъ только формы прекраснаго, и существо, несотличающееся наружнымъ блескомъ, не обратитъ его вниманія. Для женщины любовь — все: опора, надежда, цѣль жизни; и нравственное величіе, въ какой бы формѣ ни представлялось, неминуемо покрываетъ душу ея. Я полюбила тебя, Леонтій; но еще сердце говорило мнѣ, что любовь моя можетъ согласоваться съ моею клятвою, — и я вѣрила. Но въ послѣдній вечеръ . . . о, нѣтъ, Леонтій, мы должны разстаться! И ужели такъ трудно отказаться отъ счастья на нѣсколько годовъ, которые остаются намъ здѣсь на землѣ, когда надежда указываетъ намъ небо, гдѣ такъ ясно, такъ выразительно горятъ слова таинственнаго объята: любовь безъ разлуки! Твоей ли душѣ, постигающей все великое и прекрасное, сомнѣваться въ томъ, Леонтій? не самъ ли ты въ краткія минуты невыразимаго блаженства, которымъ намъ дано было насладиться, говаривалъ мнѣ: «о, Антонина, это предвѣщеніе жизни лучшаго міра!» Еслибъ подобное счастье могло быть вѣчнымъ на землѣ? На что же было бы безсмертіе и что поручалось бы за него, еслибъ земное поприще не оставляло мѣста желанію? оно было бы цѣлю, а не приготовленіемъ къ лучшему.

му. Вѣрь мнѣ, Леонтій, каждому изъ насъ небо посылаетъ прекрасныя минуты, какъ залогъ вѣчности; но какъ ангель, нисходящій на землю, принимаетъ образъ земной, и блаженство неба, посылая сердце смертнаго, принимаетъ свойство всего земнаго—несовершенство; и боязнь утраты, и это увывіе, объемлющее сердце посреди высочайшихъ радостей — что это, какъ не земной образъ, облакающій небожителя?

«Леонтій, мы испили чашу блаженства, давную намъ въ удѣль; остановимся на порогахъ, съ котораго шагъ впередъ можетъ затмить ихъ вѣчнымъ раскаяніемъ; воспоминаніе чистыхъ радостей нашихъ будетъ свѣтить намъ лучомъ вечерней зари до прекраснаго разсвѣта вѣчнаго утра, и заря новой жизни сольется для насъ съ потухающимъ лучомъ его, какъ двѣ прекрасныя зари моей родной, лѣтней ночи на берегахъ Невы! На колѣняхъ умоляю тебя, Леонтій, уважь слабость сердца моего. Любовь и клятва борются въ сердцѣ моемъ: я погибну, если первая одержитъ побѣду. Убѣжденіе въ святости клятвы моей столь сильно сроднилось съ бытіемъ моимъ, что нарушеніе ея уничтожить самую жизнь.

«Не пиши ко мнѣ; но если завтра утромъ я никого не увижу подъ большимъ платаномъ на холмѣ, съ котораго взоръ господствуетъ надъ озеромъ, я буду знать, что просьба моя не осталась безъ успѣха; если же увижу тебя...»

Но могъ ли я послушаться? Нѣтъ, я хотѣлъ видѣть ее непременно, и заря застала меня уже подъ платаномъ; завернувшись въ плащъ и прислонясь къ дереву, я смотрѣлъ неподвижно на окно Антонины; я видѣлъ, какъ зашевелилась зававѣска; я простеръ къ ней руки, но она тотчасъ пришла въ прежнее положеніе. Цѣлый день бродилъ я въ окрестностяхъ —

Антонина не появлялась; утро снова нашло меня подъ платаномъ — но все было тихо въ домъ, никакого признака движенія! Ужасное предчувствіе сжало мнѣ сердце: приближаюсь къ дому — все пусто. Она уѣхала.

Куда? ея не было въ Римъ. Бѣгу въ домъ русскаго посольства: паспортъ графа надписанъ во Францію! Куда бѣжать за нею? гдѣ найдти ее? А ея просьбы? ея клятвы? Что мнѣ до того? Она мол, она любитъ меня, и для пустой мечты, для дѣтскаго воображенія жертвовать счастіемъ всей жизни! Небо не можетъ отвергать союза сердець, связанныхъ не минутною прихотью, не преходящимъ капризомъ, но чувствомъ святымъ, истиннымъ. Найду ее; противъ воли ея заставлю ее быть счастливою, и буду счастливъ на-перекоръ судьбъ. Я возвратился домой уже ночью, блѣдный, разстроенный; одна свѣча освѣщала комнату мою; возлѣ стола сидѣлъ мой старикъ; передъ нимъ лежалъ лоскутокъ бумаги, на которомъ я началъ письмо къ Антонинѣ, гдѣ ясно было выражено намѣреніе мое искать ее. Лицо его было блѣдно, глаза мутны и губы покрыты страшною синевою. Казалось, годы страданий протекли въ одно мгновеніе надъ головою его. Не смотря на собственное мое положеніе, видъ его поразилъ меня. Увидя меня, онъ всталъ, колѣни его дрожали. «Леонтій Александровичъ, нехорошо!» сказалъ онъ мнѣ: «я зналъ тебя дитятей, мнѣ можно говорить тебѣ . . . Дурно. Въдь она замужняла жепщина! какъ же тебѣ разлучать мужа съ женою?»

Я бросился въ кресла, не говоря ни слова. Старикъ подошелъ ко мнѣ.

«Выслушай меня, Леонтій Александровичъ. Давно я замѣчалъ что-то недоброе, да какъ это знать мнѣ, старику? У графа только наемные люди, да будь и свои, я не пошелъ бы туда. Нѣтъ» продолжалъ онъ съ

видимымъ волненіемъ: «видишь ли, я ужь съдъ, а на колѣняхъ прошу тебя: брось все! это къ добру не поведеть!»

Старикъ въ-самомъ-дѣлѣ упалъ къ ногамъ моимъ; слезы лились градомъ изъ глазъ его; волненіе его было такъ велико, что на-минуту я забылъ мое положеніе. Я просилъ его встать и успокоиться.

«Не встану» говорилъ онъ: «пока не дашь мнѣ слова не вѣдять за нею. Нельзя тебѣ ее любить, никакъ нельзя... На свѣтѣ много другихъ женщинъ.»

Видъ старика болѣе чѣмъ слова его поражалъ меня. Казалось, его мучила какая-то тайна. Я, сколько могъ, старался успокоить его. На-утро у него открылась горячка; онъ былъ безъ памяти, и въ шестой день его не стало. Когда обычные приготовленія и хлопоты окончились, и я остался одинъ съ моимъ безотвѣтнымъ товарищемъ, я свѣлъ въ ногахъ его; восковал свѣча, теплясь передъ образомъ, разливала слабый свѣтъ по комнатѣ; совершенная тишина царствовала вокругъ меня; въ первый разъ тогда я почувствовалъ совершенное одиночество свое... Да, я былъ одинъ въ цѣломъ мѣрѣ, и здѣсь, передо мною, лежалъ холодный прахъ единственнаго чловѣка, любившаго меня. Съ нимъ разрывались связи мои съ Россією, которую я почиталъ отечествомъ и по религіи и по воспоминаніямъ дѣтства: въ немъ одномъ была моя семья, съ нимъ я былъ гражданинъ, сынъ, другъ; съ нимъ у меня были обязанности; — съ смертію его разрывалось все: я оставался одинъ, совершенно одинъ, и — завтра не станеть меня, никто не замѣтитъ того; прійдетъ знакомый, узнаеть, что меня нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и чрезъ нѣсколько дней какъ-бы никогда нога моя не попирала праха земнаго!.. Чтѣ бы ни случилось со мною: слава ли освѣтитъ голову мою, или позоръ покроеть

темя мое, что до того кому? Никто не могъ отъ меня ничего требовать, ни ждать. Я былъ какъ одинокій листъ, сорванный съ вѣтки далекаго кустарника и случайно занесенный вѣтромъ въ бесплодную пустыню! О, какъ глубоко чувствовалъ я, что если человѣкъ можетъ быть чѣмъ-нибудь, то для него необходима семья, сердечныя связи; ничто доброе, великое не родится въ сердцѣ, затворенномъ всякому чувству привязанности, и самый лавровый вѣнецъ завоевателя, сколько бѣ ни была холодна душа его, потерялъ бы для него цѣну, если бы онъ зналъ, что ни одна слеза любви не согрѣетъ его теплотою своею.

Съ страшнымъ безмолвіемъ стоялъ я на краю могилы, въ которую опускали тѣло моего единственнаго друга, и каждая горсть земли, съ глухимъ шумомъ падавшая на гробъ его, казалось, разрывала новую связь мою съ міромъ. Я пробылъ на кладбищѣ всю ночь до самаго утра. Для-чего мнѣ было возвращаться домой? Кто ждалъ меня? Кто захотѣлъ бы потребовать отвѣта въ моихъ проступкахъ? Чей взоръ пролилъ бы отраду въ сердце мое? Чей голосъ сказалъ бы: «ободрись! у тебя отнята семья, отечество; но ты человѣкъ, и человѣчество потребуетъ отчета въ дѣлахъ твоихъ; у тебя нѣтъ кровныхъ, но ты обязанъ отвѣтомъ тому, кто далъ тебѣ жизнь и кто спроситъ, на чтѣ употреблена она?» Да и понялъ ли бы я подобныя слова? Сердцу надобно было перегорѣть въ страданіи, чтобъ понять, что за тѣснымъ кругомъ, въ центрѣ котораго вращается наше я, есть другой, обширнѣйшій кругъ, гдѣ человѣкъ становится уже сыномъ великаго семейства, гдѣ для него начинаются новыя обязанности, новый кругъ дѣйствія. Душѣ, растерзанной горестію, непонятны убѣжденія разсудка. Лучъ истины озаряетъ ее, но тогда уже, когда, испепелявъ

последнія радости, она перенесетъ надежды въ лучшій міръ и безропотно преклонитъ голову передъ тайнымъ путемъ Провидѣнія.

Сильная горячка лишила меня на нѣсколько времени употребленія чувствъ. Когда я возвратился къ жизни, силы мои были такъ слабы, что я былъ неспособенъ даже и страдать. Воспоминаніе прошедшаго возвратилось; но оно было какъ чужою повѣстью и не находило созвучія въ сердцѣ. Это состояніе, однакоже, было непродолжительно: прекрасная осень и молодость скоро возвратили мнѣ здоровье, а съ нимъ и жизнь сердца; оно какъ-будто-бы проснулось отъ долгаго сна, и первымъ словомъ его было: «Антоинина». Мнѣ хотѣлось еще разъ видѣть ее; для-чего? я этого не зналъ; но какъ-будто тайный голосъ влекъ меня къ ней, говорилъ: «еще разъ видѣть ее и потомъ пусть будетъ, чему быть должно, только бы еще разъ услышать голосъ ея, во взорѣ ея почерпнуть силу жить, утраченную въ страданіи».

Надобно вамъ сказать, что, за нѣсколько часовъ до смерти, добрый старикъ мой пришелъ въ себя и, увидѣвъ меня у постели, просилъ знаками приблизиться. Онъ отдалъ мнѣ бумаги, по которымъ я имѣлъ право на значительные капиталы въ парижскомъ и лондонскомъ банкахъ, но ничего въ Россіи, — и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько писемъ, которыя просилъ при себѣ же сжечь, что я и исполнилъ въ ту же минуту. Онъ сталъ покойнѣе; лицо его какъ-бы прояснилось. Онъ взялъ объ руки мои, прижалъ къ груди; языкъ его отказывался уже произносить слова, но онъ бросилъ на меня взоръ, въ которомъ изображалось столько участія, столько состраданія, что этотъ взоръ навсегда остался въ душѣ моей, какъ залогъ вѣры въ возможность найти истинную привязанность въ сердцѣ человѣ-

ка, и я унесу съ собою въ могилу этотъ взоръ, какъ лучшее мое богатство. Мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать; но языкъ, окованный смертію, лепеталъ невнятные слова; я разслушала только: «убійай, прошу... и болѣе ничего.

Случайно я узнала, что Антонина отъправилась въ Россію. Картины дѣтства моего въ яркіяхъ, живыхъ краскахъ, какъ-бы до манию чародѣя, возстали предо мною изъ тумана прошедшаго, и сердце сказала: туда! туда, гдѣ вольный вѣтеръ волнуется низмы нивы въ необозримыхъ равнинахъ, гдѣ таинственно шумятъ вершины темнаго бора надъ желтой, поросшей мохомъ почвою, гдѣ широкія рѣки въ тихомъ и величавомъ теченіи отражаютъ небо съ его свѣтлыми звѣздами, гдѣ на дѣлій сонъ природа убирается въ бѣлые, блестящіе покровы, и сама ясными и видимыми чертами говоритъ о мѣрѣ лучшемъ. Туда, туда теперь стремилась душа моя, и синее море Неапол, и роскошные берега Арно, и дивныя картины горныхъ вершинъ не могли удержать меня — въ концѣ ноября я перешла русскую границу.

Богъ видитъ, что не загадка жизни моей влекла меня въ Россію; я знала, что тамъ завязался узелъ ея, но я не искала развязать его. Для-чего мнѣ было знать имя того, который отвергнулъ меня и думалъ, что золото замѣнить и отечество, и связи сердца, и ласки матери? Онъ самъ не зналъ ихъ никогда, или сердце его такъ же холодно, какъ металлъ, который онъ предпочиталъ всему. Если бъ я нашелъ его въ бѣдности, я бы заплатилъ ему золотомъ за золото; но онъ не имѣетъ нужды въ немъ, потому-что съ избыткомъ одарилъ меня, а сердцемъ не платитъ за золото, когда имѣютъ право на что-то лучшее. Я даже не хотѣла узнать его имени; я страшилась астрѣгать человека,

съ которыми у насъ былъ, можетъ-быть, длинный счетъ, и этотъ счетъ разсудить Богъ. Антонина, она одна, неподвижного окъзодою полюса направляла путь мой. Она одна была моею цѣлю—дальше я ничего не видала. Ни трудность дороги, ни позднее время года, ничто не устрашало меня; я какъ-будто не видала вьюгу, какъ-будто не чувствовала непогоды. Въ душѣ было одно желаніе, одна мысль: видѣть ее—и дни летѣли...

Разъ, прекрасно и величественно раскидывался пштеръ неба надъ покрытою снѣгомъ равниною; солнце, выходя изъ-за темно-золотистаго облака, казалось, боялось коснуться холодной оболочки земной и, какъ-бы желая согрѣть ее, засыпало бѣлыми пелены ея всюю роскошью своихъ козвенныхъ лучей. Румяный отблескъ ихъ ложился по полянѣ, какъ зыбь свѣтлаго озера, подернутая золотыми струями. Прозрачно-голубыя тѣни возвышали блескъ холмовъ, одѣтыхъ розовымъ пламенемъ заходящаго свѣтила; небо горѣло въ безчисленныхъ измѣненіяхъ свѣта, какъ-бы для себя одного сохраняя все богатство цвѣтовъ, которыми весною убираетъ землю. Лошади мои, взбравшись на гору, шагкомъ тащились по снѣжной дорогѣ; я шелъ сторонкою, невольно восхищаясь чудною картиною, къ которой не привыкли глаза мои, но которая была знакома сердцу. Вдругъ, вправо, на прозрачно-свѣтломъ небѣ отразилась ярко-освѣщеннымъ силуэтомъ фигура женщины въ странномъ нарядѣ. Голова ея повязана была бѣлымъ платкомъ, котораго концы въ беспорядкѣ упали на плеча, перемѣшилась съ прядями черныхъ, распущенныхъ волосъ; темно-гранатоваго цвѣта суконной каштанъ, накинутый на плеча въ родѣ плаща съ длинными висящими рукавами, оставлялъ раскрытыми одну руку и часть

груди, слегка прикрытой кускомъ бѣлаго полотна; голова ея была обращена къ западу; черные глаза блистали страннымъ огнемъ, и лицо, чрезвычайно-блѣдное, но освѣщенное зарею, казалось мраморнымъ изваяніемъ, облитымъ пламенемъ пожара. Она стояла на снѣжномъ бугрѣ; одна рука ея, простертая впередъ, казалось что-то призывала, другая придерживала плащъ. Это явленіе было странно-живописно; я невольно остановился. Вдругъ черные глаза ея устремились на меня; она поспѣшно сбѣжала съ пригорка, на которомъ стояла, и остановилась передо мною, сверкая взоромъ и пристально смотри на меня; въ лицѣ ея было что-то дикое, безумное; вдругъ слабый румянецъ покрылъ щеки ея и кроткая улыбка оживила лицо, какъ-бы на минуту лучъ разума озарилъ хаосъ, царствовавшій въ головѣ несчастной, и тихо засвѣтился во взорахъ ея. Она задрожала и схватила мою руку. «Да, да! это онъ! я узнала тебя!» сказала она тихимъ голосомъ, и лицо ея снова помрачилось, мертвая блѣдность и дикость взоровъ возвратились. «Да какъ же ты здѣсь?» продолжала она: «развѣ и тебя отравили, какъ ее? Я ее схоронила тамъ подъ деревомъ, а его унесли, унесли!» она горько заплакала. «Не убивай меня! я не виновата: они ночью унесли его. Я бѣжала день и ночь, да ужь не догонишь.»

— Кого же унесли? спросилъ я.

«Кого? развѣ ты не знаешь? Какъ мудрено!» И она схватила себя за голову съ выраженіемъ страданія, потомъ опять смотрѣла на меня, и лицо ея прояснилось. «Да, да» говорила она: «вотъ точно такъ онъ смотрѣлъ на меня, когда... Да, было тихо, а въ вершинахъ сосенъ шумѣло, будто вѣтеръ и громъ гремѣлъ; а она ушла, и ей было страшно, что прійдетъ отецъ... Отецъ! гдѣ онъ? да, умеръ; я и его туда же зарыла вмѣстѣ съ

нею, въ ямку глубокую!» И она захохотала такимъ дикимъ, безумнымъ смѣхомъ, что мнѣ стало страшно.

—А, Маша! что барину-то точишь турусы на колесахъ? Садись-ка, свеземъ къ батькѣ, сказалъ мой ямщикъ, останавливая лошадей.— Это сумасшедшая, сударь, живетъ вотъ, въ сторонѣ церкви, тамъ, у священника. Это наша станція. Садись же, говорю.— «Какъ же не такъ! Да я лихъ не поѣду» возразила безумная: «гдѣ твоимъ клычамъ за мной! Садись» сказала она мнѣ повелительно. Я просилъ ее сѣсть со мною, она покачала головою и пошла рядомъ съ саними, то озираясь кругомъ, какъ-бы ища чего-то, то смотря на меня съ замѣтнымъ безпокойствомъ. Я велѣлъ ѣхать шагомъ. Странныя слова ея, лицо блѣдное, изнуренное, но сохранившее слѣды прежней красоты, безпорядокъ одежды, — все внушало мнѣ состраданіе. Она была не крестьянка, это было видно изъ ея пріемовъ, изъ рѣчей, въ которыхъ слышались, вмѣстѣ съ грубыми, простонародными словами, выраженія болѣе очищенныя. Душа пламенная, любящая, заключенная въ оболочку, которой силы, можетъ-быть не соответствовали чувствительности ея, просвѣчивалась въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ ея. Мнѣ было жалко ея, этого творенія Божія, можетъ-быть на зарѣ жизни сраженнаго несчастіемъ, или рукою безумца, беззаботно наслаждающагося жизнью, между-тѣмъ, какъ она скитается живымъ мертвецомъ для всей природы. Я просилъ ее опять сѣсть съ нами: она печально посмотрѣла на меня и пошла въ сторону. Скоро я потерялъ ее изъ вида; она скрылась въ кустарникъ; душа моя послѣдовала за нею.

— Кто эта безумная? спросилъ я моего ямщика.

«А Богъ ее вѣдаетъ» отвѣчалъ онъ, снимая шапку и встряхнувъ кудрями. «Вотъ ужъ годовъ съ двадцать

знать, какъ она живетъ у отца Ивана, вотъ что тутъ священникомъ на станціи.»

— Стало-быть, она издѣшняя?

«Не знаю, какъ вамъ сказать, сударь. Я еще былъ мальчишка, гусей пасъ на лугу. Наши ѣздили въ лѣсъ по дрова, да нашли ее на дорогѣ безъ памяти. Повѣстили на селѣ, что-де мертвое тѣло подъ оврагомъ. Ахъ, ты, Господи! бѣда какая! Знаешь, у насъ не любить: наѣдетъ судъ, оборони Богъ! Староста пошелъ самъ съ десятскими освидѣтельствовать, а на ту пору батюшка-то ѣдетъ изъ городища — съ требой былъ. Всталъ, посмотрѣлъ,—анъ сердце-то бьется. Онъ взялъ ее къ себѣ, да и по-сихъ-поръ у него.» Между-тѣмъ импчикъ выпрямился, приподнялся, закрутилъ возжи, вскрикнулъ—и мы мигомъ остановились у крыльца станціоннаго дома. Маша ждала меня у крыльца; глаза ея были опущены въ землю, и на лицѣ видно было душевное волненіе; она, казалось, не видала меня. Я вошелъ и спросилъ чай.

— Нѣтъ, я не дамъ тебѣ чая здѣсь, сказала она, схвативъ меня за руку: пойдемъ, намъ надобно идти.

«Поцпла прочь!» закричалъ смотритель.

Но я объявилъ себя защитникомъ Маши и послѣдовалъ за нею. Жалость влекла меня къ бѣдной безумной. Это было первое живое существо, которое, со времени моего несчастія, пробудило въ душѣ моеѣ чувство къ вѣвшему предмету. И почему мнѣ было не подарить несчастной нѣсколько минутъ жизни, которой каждое мгновеніе тяготило меня свинцовымъ бременемъ? Отвлечь несчастнаго отъ мысли, его преслѣдующей, — это уже благо: я этимъ обязанъ былъ безумной; она заставила меня на-минуту забыть мою постоянную печаль.

Она шла скорыми шагами, я молча за нею. Мы прошли изъ деревни и узкою тропинкою, едва пробитого, или къ оврагу, заросшему кустарникомъ. Она оглядывалась; но, видя, что я слѣдую за нею, опять шла далѣе. Вдругъ она обстановилась.

Догарающій день освѣщаль насъ красноватымъ отблескомъ; она положила руку на плечо мое и, молча, яснымъ взоромъ, въ которомъ блесгло разумнiе, смотрѣла на меня; утомленный скорой ходьбою, я снялъ фуражку и густыя кудри мои заструились по щекамъ. Я чувствовалъ, какъ внезапный трепеть пробѣжалъ по членамъ моей спутницы. Лицо ея озарилось необыкновенной радостью. Она начала расправлять мои кудри. «Александръ, Александръ» шептала она: «ты сдержалъ слово, ты любишь меня, ты возвращаешься! Какъ давно не играла я этими кудрями! Ну, назови же меня опять своею Маріею... Но что же это?» продолжала она, опуская руки и блѣднѣя: «это не онъ! не онъ!» И съ этимъ словомъ она вскричала и побѣжала въ чащу лѣса. Я за нею, по сугробамъ, между кустовъ, какъ-бы-непостижимая сила влекла меня; она все бѣжала и вдругъ упала у корня липы. Я подошелъ — она была безъ чувствъ.

Долго старанiя мои привести ее въ себя были напрасны. Я уже начиналъ упрекать себя въ безразсудствѣ, какъ скрытъ снѣга подъ человѣческими стопами заставилъ меня оборотить голову. По слѣдамъ нашимъ шелъ высокій, худоцавый старикъ, съ серебряною, длинною бородою, въ темной рябѣ; сѣдые волосы вились около шеи его, выбѣгая изъ-подъ мѣховой шапки: я узналъ въ немъ священника. Онъ подошелъ къ намъ.

— Да благословить Господь Богъ состраданiе ваше, господине, сказалъ онъ мнѣ.

Онъ сталъ на колѣни и, ознаменовавъ крестомъ блѣдное лицо несчастной, началъ тереть свѣгомъ виски ея и руки. Между-тѣмъ день потухъ, и мѣсяцъ озарилъ холоднымъ сіяніемъ ледяную пустыню. Неподвижно подъ кристальной тяжестью стояли древесныя остовы; безмолвіе гробницы окружало насъ. Какъ великъ показался тогда мнѣ этотъ старикъ, со словомъ святыхи на устахъ, надъ безжизненнымъ тѣломъ несчастной! Святое чувство любви сіяло во взорахъ его; въ-первыя я понялъ величіе религіи, которая, соединяя насъ узами братской любви съ неизвестнымъ страдальцемъ, усваиваетъ намъ печали и радости его, безродному, одинокому даетъ семью, обязанности; отверженнаго усыновляетъ челоувѣчеству, и безнадежному указываетъ зарю надежды въ темной дали небесъ. Я сталъ на колѣни подлѣ старца, и слезы капали невольно на грудь мою. Я молился не о благѣ земномъ, нѣтъ, я молился о способности любить любовью христіанскою.

Мало-по-малу жизнь начала возвращаться несчастной; легкая краска показалась на щекахъ ея. Она открыла глаза и приподнялась, опираясь на руку; другою водила по лбу, какъ-бы стараясь что-то припомнить; потомъ взглянула на священника, подала ему руку, улыбнулась, и улыбка ея не была уже дика, какъ прежде; но вдругъ, какъ бы вспомня что-то, она схватилась за крестъ, который висѣлъ на черной лентѣ на шеѣ ея, и потомъ за голову; глаза ея снова помутнились, она какъ-будто припомнила что-то страшное и, вдругъ сказавъ: «здесь; роите!» упала снова безъ чувствъ на грудь священника.

Не безъ труда вынесли мы ее изъ кустарника; я побѣжалъ въ деревню за санями, и такимъ-образомъ перевезли ее въ домъ священника. Онъ предложилъ

мнѣ съ добродушіемъ ночлегъ и ужинъ, и я принялъ, желая узнать, какія будетъ имѣть слѣдствія этотъ странный случай.

Всю ночь тихо бесѣдуя, просидѣли мы возлѣ кровати больной. Священникъ былъ вдовъ, и въ домѣ никого не было, кромѣ старой сестры его. Чрезвычайная чистота и порядокъ внушали невольное уваженіе къ обитателямъ этого убогаго жилища, въ которомъ однако несчастье находило и пріютъ и вѣрный кровъ. Наружность и разговоръ священника привязали къ нему душу мою; онъ первый съ давняго времени заговорилъ языкомъ, понятнымъ сердцу.

На другое утро я пришелъ къ больной; въ комнатѣ никого не было; она сидѣла на постели, опираясь на подушку; лицо ея было блѣдно и покойно. Увидя меня, она затрепетала и долго смотрѣла на меня. «Кто вы, молодой человѣкъ?» спросила она меня едва-внятнымъ голосомъ. Я сказалъ мое имя. Она покачала головою и просила меня рассказать, кто я и откуда. Эта просьба смутила меня; никогда не говорилъ я о себѣ. Но какъ было отказать несчастной и чего было болѣться мнѣ? Если бы она и угадала мое несчастье, то кто могъ болѣе ея понять меня? Несчастливымъ не нужно много словъ, чтобъ понять другъ друга, — а она знала страданіе. Я рассказалъ все, что зналъ. По-мѣрѣ какъ я говорилъ, лицо ея то блѣднѣло, то покрывалось пламеннымъ румянцемъ, губы дрожали. Нѣсколько разъ я хотѣлъ перестать говорить, но она тихо просила меня продолжать; наконецъ спросила: «а имя этого стараго князя?» Я назвалъ его. Она схватила мою руку. «У васъ есть большое родимое пятно на плечѣ?»

— Да...

«Золотой крестикъ съ цифрами 1790 и буквами К. Д. В?»

Я почти сорвалъ съ нея крестикъ, который всегда сохранялъ какъ единственное достоинствѣ мое. Цѣпъ и буквы почти стерлись, но ихъ можно было видѣть еще. «Да, да!» сказала она: князь Леонтій В..., сынъ мой!..» Она упала безъ чувствъ на грудь мою. Что это такое? еще ли безуміе, или точно это была мать моя? Сердце мое признавало ее. Въ эту минуту вошелъ священникъ. Мы привели ее въ чувство. Первое ея слово было: «гдѣ онъ мой Леонтій?» Я не отходилъ отъ нея; она держала руки мои, смотрѣла въ глаза мнѣ глазами любви; но она была чрезвычайно слаба и едва могла говорить. Къ вечеру открылась горячка; всю ночь бредила она черными людьми, похитителями, спрашивала сына, не узнавала меня, хотя я былъ подлѣ нея, но съ безпокойствомъ искала руку мою, какъ скоро я на минуту оставлялъ ее.

Я объяснилъ какъ могъ священнику происшедшее. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ. «Се перстъ Божій» сказалъ онъ: «буди благословенно имя твое, Господи! Выслушай, молодой человекъ!»

«Этому уже 20 лѣтъ, какъ я нашелъ на большой дорогѣ больную — это была мать твоя. Она не умѣла мнѣ сказать ни рода, ни племени, ни откуда она. Богъ посѣтилъ ее: она была ума лишенная, и прошедшее только въ немногихъ несвязныхъ словахъ, изрѣдка просвѣчивало въ ея безумной рѣчи. Мнѣ было я тогда уже за пятьдесятъ; вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ какъ я лишился жены; эта потеря стоила было тогда мнѣ жизни. Богъ наказалъ меня: я любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ, и часто говаривалъ ей: «не переживу твоей смерти, умру за тобой». Богъ отнял у меня ее, и за ней единственнаго сына, котораго она мнѣ оставила; но не отнялъ силы переносить страданія. Будь воля его святая! мудрованія человѣческія нѣмощны

передъ нимъ. Я хотѣлъ-было постричься; но она являлась мнѣ во снѣ и устрашала святостию и строгостию обѣта: «Ты въ мѣрѣ можешь служить Богу» говорила она—и когда я въ душѣ моей рѣшился слѣдовать ея совѣту, ликъ ея казался мнѣ веселѣе. Господь ли впускалъ подобное видѣнiе, или то было искушенiе вражеское и моя немощь — Богу извѣстно; но я остался. Въ наше время, не какъ теперь, отъ священниковъ не требовалось большого ученiя. Я зналъ только слово Божiе, прилежно изучалъ его и служенiемъ ближнему тщался хотя вмаля заслужить за немощь мою, недопускавшую къ принятiю аятельскаго сана. Жизнь моя была безпрестаннымъ боренiемъ; я скорбѣлъ въ сердцѣ моемъ. Часто случалось мнѣ видать покойную жену мою какъ-бы она была дѣйствительно передо мною, и я, грѣшникъ, и посреди молитвы, и у алтаря думалъ о ней... Нѣтъ, я былъ недостойнъ аятельскаго образа... Въ это время Господь послалъ на меня другое искушенiе: у меня некому было смотреть за матерью твоей; часто я самъ слѣдовалъ за нею издали, и скоро примѣтилъ, что она ходитъ къ дереву, гдѣ я нашелъ ее вчера съ тобою. Разъ я видѣлъ, какъ она вынимала что-то изъ земли и опять зарывала. Однажды, рано утромъ, я пошелъ къ дереву; земля у корня была взрыта; безъ труда я разрылъ ее и нашелъ связку бумагъ. Это было свидѣтельство священника, благословившаго бракъ матери твоей съ княземъ Александромъ В., свидѣтельство о крещенiи сына ихъ и письмо ея отца, писанное, кажется, въ отвѣтъ на письмо дочери, въ которомъ она вѣроилтно просила прощенiя за побѣгъ съ княземъ. Отецъ прощалъ ее, но говорилъ, что боится большихъ несчастiй для нея, и на всякій случай посылаетъ ей свидѣтельство о ея бракѣ, которое можетъ быть нужнымъ въ

чужихъ земляхъ, почему и просилъ сохранять его. Я взялъ бумаги и на мѣсто ихъ положилъ другія, которыя она смотритъ каждый день, вѣроятно не читая. Я справлялся о дѣдѣ моемъ въ мѣстѣ жительства, означенномъ въ письмѣ, и узналъ, что онъ умеръ въ бѣдности и горѣ, не получая извѣстiя о единственной дочери.

«Мнѣ неизвѣстно было, живъ ли князь, и какія отношенiя его были къ несчастной, да и мудрено было бы мнѣ развѣдать что-либо здѣсь, гдѣ мы мало имѣемъ сношенiй съ городами. Однакожь я употреблялъ всѣ мои старанiя, чтобъ узнать о мѣстѣ его жительства, и дать свѣдѣнiе о женѣ, которую, можетъ-быть, отыскивають; но я не имѣлъ ни знакомыхъ, ни связей, и потому старанiя мои были безуспѣшны. Я предалъ все въ волю Господню, и рачительно сохраняя бумаги, ожидалъ, что благоволятъ послать святая десница его. Въ одно утро, совершая литургiю, я увидѣлъ въ церкви женщину, которую по прiемамъ, осанкѣ и наряду принялъ за даму высшаго званiя. Она была еще молода, прекрасна, но изнурена болѣзнию, блѣдна и чрезвычайно-худа. Послѣ обѣдни она подошла къ благословенiю и начала говорить со мною, жалуясь, что будучи принуждена остановиться на сутки по причинѣ нездоровья, не можетъ найдти покойной квартиры. Я, грѣшный, предложилъ ей мой домишко, предостерегая ее однакоже, что она можетъ встрѣтить у меня безумную, которая хотя тиха и почти ни съ кѣмъ не говоритъ, но можетъ испугать иногда дикими взорами и безумнымъ хохотомъ. Дама приняла мое предложенiе и, дождавшись, пока я окончилъ правило, пошла со мною въ-сопровожденiи лакея. Войдя въ комнату, она сѣла и съ видимымъ участiемъ начала спрашивать меня о безумной, и я раз-

сказалъ, какъ я нашелъ ее, прибавя, что, нѣкоторыя бумажки, найденныя мною, открыли мнѣ имя ея, и что я желалъ бы очень имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ одной весьма-значительной фамилии, которой, какъ кажется, она должна быть извѣстна.

«Дама поблѣднѣла и просила меня показать ей бумаги. Но не знаю какое-то подозрѣніе родилось во мнѣ: видно Господу угодно было просвѣтить мой слѣпостствующій разумъ. Я принялъ смѣлость отказать, говоря, что не могу ввѣрить ихъ никому, кромѣ особы, которыхъ содержаніе ихъ можетъ касаться. «Можетъ-быть, я могла бы вамъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія» говорила она: «у меня такъ много знакомыхъ въ Петербургѣ. Скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, имя особы, о которой вы желаете узнать». — Не видя никакого затрудненія, я рѣшился сказать, что, по моимъ предположеніямъ, безумная моя должна быть извѣстна фамиліи князя В., но что не знаю, какія могли быть между ими отношенія. Дама просила меня оставить ее и придти вечеромъ. Я пришелъ. Она опять просила меня показать ей бумаги и наконецъ подала мнѣ свою подорожную. «Видите ли» сказала она: «что я принадлежу этой фамиліи, и слѣдственно могу быть вамъ полезнаю». . . Но Господь сказалъ: и врази чловѣку домашніе его; и открылъ ей тайну, заключенную въ бумагахъ, но не хотѣлъ отдать ихъ.

«О, Леонтій Александровичъ! то былъ часъ моего искушенія. На этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ съ вами, я видѣлъ княгиню, знатную, богатую женщину, на колѣняхъ передо мною, бѣднымъ старцемъ, въ слезахъ, ломающую себѣ руки! Она предлагала мнѣ золото, болѣе, чѣмъ нужно на всю жизнь мою—покровительство, милости, лишь бы я отдалъ ей бумаги. Она грозилась мнѣ—я оставался непреклоннымъ: Господь укрѣ-

нить меня. Тогда она открыла мнѣ свою тайну. . . Я передамъ вамъ въ немногихъ словахъ то, что повялъ изъ разсказа священника.

Князь В * * * когда-то отличался любезностію, умомъ и свѣтскою образованностію. Подъ блескомъ остроумія и наружною безпечностію онъ скрывалъ глубокое честолюбіе и волю непреклонную. По какому случаю онъ долженъ былъ оставить что я вижу, и въ деревнѣ доживать скучную, безцвѣтную старость, княгиня этого не сказала, да и не все ли это равно для насъ? «Въ вашемъ уединеніи» говорила она священнику: «въ тишинѣ мирной жизни вашей, вамъ неизвѣстно, что такое жизнь въ большомъ свѣтѣ». Кто-то сказалъ, свѣтъ не составляетъ счастья, но мѣшаетъ находить его въ свѣтѣ. Это испыталъ князь: онъ унесъ съ собою въ уединеніе одну пустоту сердца, разбитыя надежды и непремѣнную волю выйти изъ положенія, столько для него чуждаго. Однообразная жизнь была для него мертвою пустынею; онъ вздыхалъ не о балахъ и пиршествахъ, но о той непрестанной дѣятельности души, которая живетъ непрерывною работою, для которой все — происшествіе, все важно, потому что все обдуманно, все идетъ къ одной цѣли: *казаться*, — о той безпокойной дѣятельности, которая приковываетъ къ небесамъ взоръ ученаго, творитъ рукою художника и разсчитываетъ поклоны придворнаго. Въ сердце его запало одно желаніе и росло съ каждымъ догорающимъ днемъ, съ каждымъ улетающимъ часомъ, — желаніе возратить потерянное. Но годы проходили, и счастье не переворачивало колеса своего. Чернь неудовлетвореннаго честолюбія и пустота сердца преждевременно состарили князя, но не убили страстей, и онъ перенесъ заносчивыя надежды свои на единственнаго сына. Вельможа

на покой мало сохраняеть связей въ прежней сферѣ: это усопшій, немнѣющій ничего общаго съ живыми. Звѣнья дружеской цѣпи распадаются вмѣстѣ съ связью, ихъ соединившею. Князь уже не имѣлъ друзей, но имѣлъ агентовъ, которые дѣйствовали въ его пользу за наличныя деньги. Не подумайте, чтобы дѣло было о подаркахъ—какъ могло это быть въ высшемъ обществѣ? Нѣтъ, князь ссужалъ капиталами тѣхъ, кто могъ быть ему полезнымъ, отсрочивалъ, пересрочивалъ, а за это сколько можно имѣлъ друзей, и какихъ преданныхъ! . . .

Давно уже князь основалъ все надежды на женитьбѣ сына на дочери одного вельможи, котораго важность равнялась его долгамъ. Дѣло было слажено; покровительство, значащее родство, друзья, мѣсто, знатная невѣста,—все было приготоовлено; молодой князь долженъ былъ возвратиться изъ чужихъ краевъ, и возвратился. Но здѣсь пазмы князя встрѣтили препятствіе, котораго онъ не ожидалъ: волю его сына. Ни просьбы, ни угрозы не могли склонить его. Старый князь, удивленный сопротивленіемъ сына, окружаетъ его шпионами, перехватываетъ письма и узнаеть, что въ Неаполѣ князь оставилъ жену и сына, что она, не получая извѣстій отъ мужа, оставила уже Италію и идетъ въ Россію. Посланы довѣренныя люди; они встрѣчаютъ ее уже въ предѣлахъ Россіи, знакомятъ съ нею, върадываются въ ея довѣренность и поражаютъ ее извѣстіемъ о невѣрности князя. Это ее не останавливаетъ; она рѣшается продолжать путь, если же въ надеждѣ тронуть сердце мужа, то, крайней-мѣрѣ съ твердымъ намѣреніемъ возвратитъ права сыну. Но ей говорятъ, что акты, доказывающіе бракъ ея, сторгнаны, предлагаютъ ей деньги, если она рѣшится возвратиться и жить мирно въ Италіи; она от-

вергаетъ все — и тогда... тогда мучительная бользвѣ лишаетъ ее силъ; у нея похитили сына и оставили ее полумертвую въ бѣдной хижинѣ, на рукахъ неизвѣстныхъ людей. Но небу угодно было сохранить ее, и чуднымъ случаемъ она попала къ добродѣтельному священнику. Между-тѣмъ молодой князь получаетъ подложное извѣстіе о смерти жены и сына и, не вида препятствія, соглашается на просьбы отца.

Желаніе князя сбылось: онъ опять живетъ прежней жизнью, хотя въ сынѣ; но счастье далеко отъ него! Одинъ изъ людей, употребленныхъ имъ для приведенія въ дѣйствіе его плановъ, будучи недоволенъ, изъ мщенія открываетъ тайну молодому князю; но это было уже поздно: князь уже женатъ, любитъ страстно вторую жену свою, у нихъ двое дѣтей. Это не мѣшаетъ однакоже ему ѣхать къ отцу; онъ осыпаетъ его упреками, старается узнать, что сдѣлалось съ женою, и узнаетъ мѣстопребываніе ея и ея несчастье. Но что было дѣлать? жертвовать ли женщиной прекрасной, добродѣтельной, дѣтьми, блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и для кого же? для безумной! Выборъ между дѣтьми незатруднителенъ: тотъ прівыкъ уже къ своей участи, а этимъ трудно лишиться имени и титула. И самое безславіе, которое покроетъ князя... въ свѣтѣ станутъ ли судить былъ ли онъ жертвою обмана, или самъ обманывалъ? Князь рѣшился: прошедшее должно быть предано забвенію. Но нечаянная встрѣча княгини съ сыномъ его, который тайно воспитывался у дѣдушки, возрождаетъ въ душѣ ея подозрѣнія и ревность. Княгиня поражена сходствомъ ребенка съ мужемъ, она пристаётъ къ князю, спрашиваетъ, доискивается и узнаетъ истину... Можете себѣ представить положеніе несчастной! Она захотѣла сама удостовѣриться въ состояніи без-

умной; пріѣхала и «невѣденіе мое» говорилъ священникъ: «открыло ей существованіе бумагъ. У княгини были дѣти» продолжалъ онъ: «открытіе тайны разрушало бракъ ея и дѣлало ихъ незаконными. Мальчикъ этотъ умеръ» говорила она: безумная не имѣетъ нужды въ этихъ бумагахъ, для-чего же вы захотите сдѣлать несчастіе дѣтей моихъ? Возьмите все, что вы хотите, но отдайте мнѣ бумаги.—Я не хотѣлъ. Видитъ Богъ! какъ-будто что-то говорило мнѣ, что, можетъ-быть, меня обманываютъ, что ребенокъ живъ и страшный грѣхъ отяготѣетъ на мнѣ. Нѣтъ, за всѣ соколовища соломоновы я не согласился бы: душа мнѣ дороже всего: «какая бо польза человѣку, аще міръ весь приобрящеть, душу же свою отщетитъ?... Но она плакала, умоляла меня своими дѣтьми, памятью жены моей, сына, и я... каюсь передъ Господомъ: я далъ ей обѣщаніе клятвенное никому не открывать тайны, никому не отдавать бумагъ, кромѣ законнаго наследника, буде онъ найдется, и написать завѣщаніе, чтобы, въ случаѣ внезапной смерти моей, онъ были сожжены; если же угодно было бы Господу послать мнѣ кончину христіанскую, сжечь ихъ самому, когда почувствую приближеніе смерти. Но бумагъ я не согласился отдать: вотъ онѣ.»

И старецъ отдалъ мнѣ бумаги, которыя носилъ всегда при себѣ. «Прости мнѣ, Леонтій Александровичъ, какъ Господь Богъ проститъ тебѣ въ день судный» сказалъ онъ смиренно, наклоня голову: «мы всѣ люди и крѣпости въ насъ нѣтъ, аще не отъ Господа. Ты властенъ отыскивать и имя и достоиніе твое; но не забывай, что долженъ просить на отца и тягаться съ кровными.»

Какъ описать вамъ, что происходило во мнѣ во время повѣсти священника? Сколько новыхъ, неизвѣстныхъ

мнѣ доселѣ чувствованій пробудилось въ душѣ моей! Какъ-будто новый міръ открылся передо мною; но это былъ міръ ненависти и мщениія. У меня былъ отецъ, мать, отечество, имя; у меня были враги, но — эти враги были отецъ, братья! Прежде былъ у меня ангель-хранитель моей юности, мое таинственное провидѣніе, но я не сомнѣвался болѣе; этотъ ангель-хранитель была княгиня, которой дѣти похищали у меня имя, правъ, наслѣдство. А она, моя страдальца, моя бѣдная мать, жертва честолюбія и обмана, она, которой принадлежала моя жизнь, чувство, душа — она боролась въ глазахъ моихъ съ бѣднымъ остаткомъ жизни! Всѣ сокровища свѣта отдалъ бы я, чтобъ сохранилъ эту жизнь, чтобъ влить угасающее чувство въ это удрученное скорбію сердце! На колыбельхъ у постели ея, я смывалъ слезами сухую и горящую руку ея, призывалъ небо, молился — оно было глухо! Безъ чувствъ или въ глубокомъ забытѣ лежала она, и румянецъ горячки, вѣстникъ конечнаго разрушенія, горѣлъ на впалыхъ щекахъ ея! Казалось, утомленная жизнью, она покоилась уже сномъ вѣчности, и лишь изрѣдко болѣзненное содроганіе въ лицѣ показывало, что земная жизнь еще не угасла. Не смѣя переводить дыханіе, я смотрѣлъ на нее, и мнѣ казалось, что каждое біеніе пульса ея приближало грядущую вѣчность. Ужели небо отдало мнѣ ее только для-того, чтобъ я живѣе чувствовалъ тягость одиночества? Ужели для-того мнѣ возвращены всѣ нити, привязывающія человека къ обществу, чтобъ я узналъ одну борьбу между долгомъ и влеченіемъ сердца, вопіющаго о мщениіи, и та, которая одна могла бы словомъ любви пролить утѣшеніе въ душу мою, раздираемую адскими мученіями, она умираетъ на рукахъ моихъ, и послѣдній вздохъ ея есть еще завѣтъ ненависти и мщениія...

До-сихъ-поръ я былъ одинокъ, чужой въ кругу людей, и зналъ одну любовь и благодарность; мнѣ возвращены семья, отечество и—адъ въ душѣ моей! Ужели же страданіе есть непременно условіе всякаго сообщенія? Ужели человѣкъ подобенъ лдовитому растенію, которое заманиваетъ блескомъ цвѣтовъ, но котораго прикосновеніе наноситъ смерть? Для-чего же наружность такъ мало отвѣчаетъ внутренности? Для-чего міръ Божій такъ прекрасенъ, когда въ немъ нѣтъ мира для чловѣка? Для-чего онъ, Божіе подобіе, онъ, который способностью любить роднится съ ангелами, котораго умъ возносится до познанія Зиждителя, душа доступна всему великому и прекрасному, онъ добровольно влачится по землѣ, затемняя чистое зеркало души ненавистью, злобою, страстями низкими, недостойными? Для-чего лучшій даръ природы, любовь, превращается для него въ смертельный ядъ, и семейство, этотъ благословенный небомъ союзъ, въ которомъ не должно быть другихъ законовъ, кромѣ законовъ любви, дѣлается театромъ ненависти и страданій, гдѣ правый терпитъ и тотъ, кто болѣе любитъ, долженъ страдать? Нѣтъ, живи, живи мать моя! У ногъ твоихъ кланусь посвятить тебѣ всю жизнь мою, каждое бѣненіе сердца моего; я возвращу тебѣ права твои; пусть онъ мнѣ отецъ: я заставлю его пасть къ ногамъ твоимъ, метителемъ предстану передъ нимъ, вырву достояніе мое изъ рукъ дѣтей его, сложу на нихъ пятно, которое носилъ съ младенчества, и ты утѣшишься въ сынѣ, ты восторжествуешь въ немъ! Все для тебя, все!... Но она не слышала меня, и слезы мои лились напрасно. Огонь пожиралъ внутренность мою. Долго бродилъ я слѣпцомъ между людьми, долго жилъ въ мірѣ идеальномъ; за-вѣса пада, мечтатель ознакомился съ существованіемъ — и ненависть была ей первымъ привѣтомъ моимъ.

На моихъ рукахъ скончалась мать моя, узнала меня, и послѣднія слова, ея были слова любви. Тихо, какъ младенецъ, уснула она, со взоромъ, устремленнымъ на меня. Послѣдняя просьба ея была: «прости ему!» Она, которой вся жизнь была страданіе, она молилась о прощеніи виновника бѣдствій. А онъ!...

Кто стоялъ у гроба праведнаго страдальца, тотъ вѣрить безсмертію.

Я снова остался одинъ; но теперь жизнь моя имѣла цѣль опредѣленную. Я хотѣлъ найти отца моего, вручить ему кольцо моей матери, отдать золото его и требовать у дѣтей моего имени. Да, я не умѣлъ простить ему, хотя обстоятельства оправдывали его. Мать моя простила ему; но ея страданія вопіали о мщеніи, и, какъ даръ, хотѣлъ я принести на гробъ ея позднія слезы его раскаянія. Я не думалъ о титулѣ князя, объ обществѣ, въ которое могъ бы вступить какъ гражданинъ, а не какъ пришлецъ: что могло быть общаго между душою артиста и этимъ обществомъ съ его приличіями и условными забавами, въ которыхъ, по его же словамъ, оно убиваетъ время? Я помнилъ радости, которыя нѣкогда превращали его въ непрерывное наслажденіе... Имя — но что для того громкія титула, чей дерзкій взоръ осмѣливался созерцать въ далекомъ небѣ яркую звѣзду славы и почитать ее недоступною? — Лестъ, поклонники, весь длинный причетъ свѣтскаго величія—я нѣкогда мечталъ о чемъ-то большемъ: въ ухахъ моихъ отзывался лепетъ потомства, произносящій имя мое между другими, освященными вѣками.—Нѣтъ, нѣтъ! одного мщенія желаю я. Истинное великодушіе забываетъ—я не могъ забыть.

Съ кольцомъ матери и враждою въ сердцѣ я отправился въ ....ую Губернію, гдѣ было имѣніе моего

дѣда. Мнѣ хотѣлось взглянуть на мѣста, гдѣ провелъ я мое дѣтство, и если еще живъ старикъ... признаться ли вамъ? Страхъ, внушенный имъ, былъ такъ великъ во мнѣ, что и теперь воспоминаніе тусклаго взора его наводило на меня невольный ужасъ: сердце нелегко забываетъ свои привычки.

Не смотря на скорость зимней ѣзды, мнѣ казалось, что мы ѣхали тихо. Нетерпѣніе мое обгоняло самую мысль. Одно чувство наполняло сердце мое; самый образъ Антонины рѣдко, какъ-бы въ туманѣ, мелькалъ передо мною. Непріязнь сжимаетъ сердце. Я даже не страдалъ; какая-то странная веселость, какъ шипучая пѣна, кипѣла на душѣ моей. Враждебное чувство было ново ей, оно еще не угнѣздилось въ ней старожилomъ, когда, войдя каплею, оно тихомолкомъ растеть и усиливается, и не шипучей пѣною, а огненнымъ потокомъ лавы изливается могучее и страшное. Можетъ-быть, я былъ слабъ для подобнаго чувства; можетъ-быть, другія страсти были еще сильнѣй въ душѣ моей. Вражда живетъ только на развалинахъ другихъ и какъ воронъ чуждается жизни—а она кипѣла еще въ душѣ моей...

Версты за 4 до помѣстья дѣда моего я оставилъ лошадей, и окольными, знакомыми мнѣ тропинками, полями шель къ дому. Мнѣ хотѣлось увидѣть эти мѣста прежде, чѣмъ узная что-нибудь рѣшительное. Нетерпѣніе мое уступило мѣсто какой-то боязни. Темная, неопредѣленная мысль, какъ призракъ, внезапно представилась душѣ моей. Я принадлежалъ фамиліи князей В.; въ жилахъ моихъ текла кровь ихъ; Антонина... ужасная мысль! она также была по отцу княжна В. Что, ежели узы крови соединяють насъ? что ежели любовь моя къ ней есть преступленіе? . . . Она говорила мнѣ о дѣдѣ своемъ, о тайной

горести ея матери; это дитя, которое я видѣлъ въ картинной галлерей—ужели... но нѣтъ, нѣтъ! князей В. много. Это богатая, знатная и многочисленная фамилія, раздѣлившаяся издавна на многія отрасли... Я хотѣлъ разувѣрить себя, хотѣлъ себя представить образъ Антонины съ милою, веселою улыбкою; но печальна и задумчива являлась она передо мною, и въ небесахъ катилась ея падающая звѣзда. Сердце мое противъ воли замирало.

Чего боялся я, спросите вы? развѣ клятва Антонины и положеніе ея въ свѣтъ недовольно раздѣляли насъ? — Такъ. Но я могъ встрѣтиться съ нею: любовь моя побѣдила бы ея покорность волѣ умирающей, которая съ высоты небесъ легче видѣла наши земныя отношенія и не могла осуждать любви чистой. Такъ, смѣйтесь надо мною: я вѣрилъ въ возможность любить чистою любовью и близъ Антонины забывать, что я не ангель. Я вѣрилъ въ возможность убѣдить въ томъ робкую душу ея и еще вкушать счастье, какъ я понимаю его; если же и узы родственныя соединяютъ насъ, мнѣ позволено будетъ любить ее. Но братская ли любовь горитъ въ душѣ моей? не будетъ ли тогда преступленіемъ и этотъ пламень, и этотъ трепеть при мысли о ней, и этотъ огонь, пробѣгающій по жиламъ моимъ при одномъ взглядѣ ея? И какія будутъ отношенія наши? Антонина мнѣ сестра? для нея, для брата ея похищено мое имя, мое наслѣдство, для нихъ умерла мать моя... Силы небесныя! нѣтъ, этого быть не можетъ! Пусть будетъ она мнѣ родною, дальнею, близкою, все равно — но не сестрой! Вѣчная бездна легла бы между нами. Сохранить ли она имя свое — я не могу какъ братъ видѣть ее, мнѣ ли возвратять его законы, она же захочетъ видѣть меня.... Нѣтъ! нѣтъ!

Я ускорилъ шаги свои, необыкновенное волненіе придавало мнѣ крылья. Я уже не видѣлъ дороги подъ собою и, самъ не зная какъ, очутился на большой дорогѣ прямо противъ кедровой аллеи, ведущей къ церкви, гдѣ покоились остатки князей В... Солнце уже сѣло, и темныя вѣтви кедровъ изъ-подъ свѣжной одежды, навѣянной послѣднею вьюгою, угрюмо распространялись надъ бѣлыми сугробами по обѣ стороны дороги. Храмъ былъ отворенъ, и блѣдное сіяніе свѣчь отражалось желтоватымъ свѣтомъ на бѣлой ска-терти снѣга. Съ трепещущимъ сердцемъ вступилъ я въ ограду и вошелъ въ церковь. Тысячи воспоминаній возстали въ душѣ моей: здѣсь ребенкомъ, не зная, что молюсь надъ прахомъ предковъ моихъ, я часто оплакивалъ одинокое дѣтство мое и просилъ у Бога хотя родной могилы, на которой могло бы заснуть безродное дитя. Здѣсь прятался за людей, чтобъ не встрѣтить тусклаго взора моего дѣда; здѣсь молился передъ образомъ Богоматери, и мнѣ казалось, что Благодатная призывала меня къ себѣ, — и тихая радость проливалась въ грудь мою, какъ и теперь.... Я оставилъ подъ сводомъ, отдѣляющимъ трапезу отъ храма и, исполненный благоговѣнія и вѣры, упалъ на колѣни предъ таинственно-затвореннымъ алтаремъ, и душа моя излилась въ тихой молитвѣ. Земная скорбь замолкла въ ней и какъ-бы осѣненная святинею, она свободно вознеслась къ престолу вѣчной благодати... Въ это время тихое восклицаніе коснулось слуха моего. Я поднялъ голову: вблизи стояла женщина въ черномъ платьѣ; глаза ея были устремлены на меня; руки, казалось, хотѣли удержать біеніе сердца. «Антонина!» вскричалъ я и упалъ къ ногамъ ея.

Это была она, моя Антонина, прекрасная, плъни-
 тельная, какъ въ первую минуту свиданія нашего;
 только взоры ея горѣли любовію и изумленіемъ и
 радость сіяла во всѣхъ чертахъ лица. Я осыпалъ по-
 цалуями руки ея, я прижалъ ее къ груди моей — она
 не противилась; какъ дитя, склонивъ голову на грудь
 мою, она не говорила ни слова, уста ея только шеп-
 тали мое имя. Это былъ не восторгъ, но что-то боль-
 ше: это было счастье.

Я забылъ, гдѣ я, что я, мои надежды, мои опасенія;
 я не спрашивалъ, любить ли меня Антонина: въ ду-
 шѣ моей не было мѣста сомнѣнію. Если тамъ, за гро-
 бомъ, земная любовь возможна, конечно такъ встрѣ-
 тятся двѣ души, связанные здѣсь любовію и раздѣ-
 ленныя могилою. О, за подобную минуту мало всѣхъ
 земныхъ страданій! Дайте мнѣ перестрадать все, что
 я терпѣлъ, но дайте еще разъ встрѣтить Антонину
 какъ тогда, — и я не буду роптать.

Я держалъ руку Антонины, говорилъ ей о любви
 моей, о страданіяхъ рабуки; не говорилъ ни слова о
 счастьи моемъ: она видѣла его; тысячу разъ спраши-
 валъ любить ли она меня — и не дожидался отвѣта:
 любовь сіяла во взорахъ ея.

— Но какъ ты здѣсь, Леонтій? — спросила она меня,
 и этотъ вопросъ былъ для меня громовымъ ударомъ;
 я опустилъ руку ея и, блѣднѣя, отступилъ на нѣсколь-
 ко шаговъ. «Но ты, Антонина?» сказалъ я трепещу-
 щимъ голосомъ.

Движеніе и видъ мой испугали Антонину: устре-
 мивъ взоры на меня, она отвѣчала, какъ-бы не думая
 о томъ, что говоритъ: завтра день рожденія матери
 моей, Леонтій; я провожу эти дни на гробъ ея.

«Могила матери твоей? Но кто же ты, Антонина?» Я
 хотѣлъ не слышать ея отвѣта и простеръ руку, чтобы

остановить слова ея. Но она сказала : Это могилы предковъ моихъ, Леонтій . . .

И я упалъ безъ чувствъ къ ногамъ ея.

Опомнясь, я увидѣлъ около себя нѣсколько незнакомыхъ лицъ, но Антонины уже не было. Меня отвели въ ту самую комнату, гдѣ провелъ я дѣтство мое, — я узналъ ее : тѣ же самые обои, та же мебель; вотъ столъ, за которымъ сиживалъ дядька мой; вотъ уголь, гдѣ я чертилъ на полу фигуры деревьевъ и животныхъ . . . Мнѣ возвращено мое младенчество ; я снова ожилъ . . . Вотъ онъ войдетъ, мой добрый старикъ . . . Но страшная мысль, какъ зарево родимаго пепелища, поразила меня своимъ кровавымъ свѣтомъ : Антонина мнѣ сестра . . .

Все ясно стало мнѣ; просьбы дядьки объ отъѣздѣ въ Швейцарію, безпокойство его при посѣщеніяхъ ея, ужасъ, когда онъ прочелъ письмо мое, печаль и тайна матери Антонины — все ясно: она сестра мнѣ!

Антонина прислала спросить обо мнѣ; я просилъ, чтобъ мнѣ позволили остаться одному: мнѣ нужно было собраться съ мыслями и понять положеніе мое.

Я узналъ, что старый князь умеръ, что отецъ мой и братъ были въ Петербургѣ, что Антонина страстно любила этого брата, что домъ былъ совершенно оставленъ и только раза три въ годъ пріѣзжала молодая графиня совершать память о покойныхъ.

Всю ночь я писалъ къ Антонинѣ; на другое утро былъ въ галлерей передъ моею картиною, гдѣ провелъ столько сладостныхъ минутъ и гдѣ появленіе мое возбудило подозрѣніе безпечной до того княгини. Теперь въ галлерей былъ портретъ, который я узналъ по тусклымъ, неподвижнымъ глазамъ его; вся кровь прилилась къ сердцу моему, когда я встрѣтилъ этотъ взоръ

человѣка, котораго рука была для меня вооружена властію судьбы. Подлѣ него былъ другой портретъ... я также узналъ его по біенію сердца моего — но не любви ускорила движеніе его: передо мною былъ виновникъ дней моихъ, виновникъ несчастія моего и бѣдной матери моей, но онъ также былъ отцомъ Антонины; судьба ея связана была съ судьбою отца и брата...

Антонина просила меня не приходите къ ней прежде вечера; она хотѣла посвятить весь день молитвѣ и памяти матери; но я не могъ повиноваться ей.

Въ это время года вечеръ рано спускается на землю; лишь только загорѣлась первая звѣзда въ померкающей лазури, я пошелъ въ церковь прямо черезъ садъ, по знакомымъ мнѣ тропинкамъ. Я думалъ найти тамъ Антонину: еще недавно стихъ колоколъ, призывавшій къ вечерней молитвѣ.

Я вошелъ; въ церкви уже никого не было; шаги священника слышались изъ алтаря; мальчикъ гасилъ свѣчи; я пошелъ въ низкій придѣлъ, гдѣ находились фамильныя гробницы.

Возлѣ одного мраморнаго памятника Антонина молилась на колѣняхъ. Трепетное сіяніе лампы проливало слабый свѣтъ на лицо ея, блиставшее красотою необыкновенною. Долго, скрестя руки на груди, стоялъ я въ дверяхъ, устремля взоры на нее. Душа хотѣла запечатлѣть въ себѣ образъ ея, удержать воздухъ, напоенный дыханіемъ ея. Я боялся подойти, боялся шумомъ шаговъ обратить ея вниманіе; я дорожилъ этою минутою, какъ послѣднею минутою жизни, которую въ моей власти было еще удержать на нѣсколько мгновеній.

Тихо подошелъ я къ ней и положилъ на гробницу пакетъ: въ немъ была исторія моей жизни и бумаги, свидѣтельствовавшія мое рожденіе.

Она встала при моемъ приближеніи; я указалъ ей на пакетъ и молча прижалъ ее къ груди моей. Долго, долго слезы мои лились на склоненную голову ея. Я готовъ былъ выплакать душу. Силы оставляли меня... Я бросился отъ нея.

Антонина послѣдовала за мною. Я видѣлъ, какъ она остановилась на порогѣ... Въ это время отдѣлилась отъ неба свѣтлая звезда и исчезла надъ нами... Антонина упала на колѣни...

Я не возвращался болѣе въ мою комнату, навсегда простился съ этими роковыми для меня мѣстами и удался въ ближній городъ, гдѣ ожидалъ отвѣта Антонины. Я не могъ и не долженъ былъ видѣть ее; мнѣ казалось, что она сама не могла желать того.

Черезъ два дня я получилъ отвѣтъ; вотъ онъ: я никогда не разставался съ нимъ.

«Другъ мой! братъ мой! Леонтій! И ты можешь роптать—роптать тогда, какъ сердце мое исполнено благодареніемъ къ небесамъ? Нѣтъ; мнѣ не измѣнила святая тѣнь! Ты не чужой мнѣ, и сердце влекло меня къ брату, когда я упрекала себя въ любви къ тебѣ. Теперь я могу любить тебя, могу предъ лицомъ неба сказать тебѣ, что люблю тебя. Если сердце твое не можетъ еще покориться участи нашей и сожалѣть объ утраченномъ, не сѣлуй, и да будетъ тебѣ утѣшеніемъ счастье твоей Антонины. О, такъ, мнѣ радостно любить тебя какъ брата! Намъ не дано въ удѣлъ земное счастье, какъ оно дается другимъ; но мы знали лучшее: высочайшую любовь—и приносемъ ее, туда, гдѣ ждутъ насъ двѣ примиренныя смертію страдальцы. Я ѣду, Леонтій, но воз-

вращусь скоро; дождись меня тамъ, гдѣ ты теперь намъ надобно еще видѣться. Вѣрь мнѣ: счастье еще улыбнется намъ.»

Но я не могъ вѣрить, и, не смотря на слова Антонины, сомнѣвался и въ ея счастіи. Я не могъ понять величія этой высокой души: я былъ слишкомъ-слабъ для этого. Нельзя понять великое, пресмыкаясь по землѣ; чтобъ обнять его, надобно возвыситься, — а я не могъ. Но я повиновался волѣ ея, и остался.

Медленно текли дни; каждое утро посланный привозилъ мнѣ письмо Антонины, и оно проливалось на нѣсколько минутъ спокойствіе въ душу мою. Какъ тихая мелодія, слова ея умирляли волненіе мое, и я начиналъ вѣрить, что она мнѣ дѣйствительно сестра. Я пробѣгалъ снѣжныя равнины, окружавшія во всѣ стороны городъ, иногда доходилъ до самаго селенія дѣда моего, блуждалъ въ саду, молился въ храмѣ; но бывали минуты, когда жизнь была мнѣ столько тяжела, что мнѣ невыносимо было сіяніе дня, и я заперся въ комнату своей, особенно когда вдругъ прекратились письма Антонины и три дня прошли, а я не имѣлъ о ней извѣстія.

Въ послѣдній вечеръ, я сидѣлъ у стола, подпирая обѣими руками голову; чтѣ-то худшее, чѣмъ самое отчаяннѣе, облегало, какъ черная туча, душу мою. Я не думалъ ни о будущемъ, ни о прошедшемъ, не ропталъ... Но міръ казался мнѣ какимъ-то хаосомъ, смертельный холодъ облекалъ душу... Вдругъ тихо отворилась дверь комнаты, и на самомъ порогѣ остановился высокій, не молодой, но еще замѣчательно-прекрасный мужчина. Онъ былъ чрезвычайно-блѣденъ, и черныя локоны въ беспорядкѣ падали по высокому лбу его... Я невольно затрепеталъ: эти черты были знакомы мнѣ; это былъ — мой отецъ.

Одно мгновеніе стояли мы молча другъ противъ друга; взоры наши встрѣтились... Чтò произошло въ душѣ моей, не могу вамъ описать: его блѣдность, его взоръ, избличающій страданіе, возмутили душу мою. Онъ стоялъ передо мною, какъ передъ судилищемъ совѣсти, и взоръ его выжидалъ моего слова. Образъ блѣдной, умирающей матери мелькнулъ въ душѣ моей; разсказъ священника, всѣ страданія, накопившіяся съ-дѣтства въ сердцѣ... Я задрожалъ... Онъ приблизился, взоръ его, казалось, говорилъ: «прости!» уста произнесли мое имя... О, въ это мгновеніе тяжелое бремя спало съ души моей, я забылъ все, и, рыдая, бросился на грудь его, и долго, долго, смѣшавшись, лились слезы наши...

И какъ-будто-бы возвратилось мнѣ давно-утраченное небо! легко и отрадно стало на душѣ моей. Накипъ вражды, годами скопившаяся на сердцѣ, будто не бывала, и каждая слеза смывала слѣдъ ея. Не было уже слова обвиненія въ душѣ моей; нѣтъ, болѣе: меня упрекала совѣсть, что я могъ роптать на отца моего, какъ-будто бы мы были въ-правѣ требовать отъ человѣка силы болѣе, чѣмъ человѣческой, потому-что, я знаю, надобны силы болѣе, чѣмъ обыкновенныя, чтобъ справедливости жертвовать всѣмъ, чтò дорого человѣку. Я чувствовалъ себя неправымъ, хотѣлъ ухватить къ ногамъ его—онъ не допустилъ меня. «Мнѣ бы у ногъ твоихъ» говоритъ онъ, опуская на грудь мою лицо свое, омоченное слезами. О, видали ль вы, какъ плачетъ отецъ? если видѣли, не спрашивайте меня, осталась ли въ душѣ моей хотя искра неудовольствія. Нѣтъ, слезы примиренія лились изъ глазъ моихъ; ихъ, какъ жертву достойную, принесъ я памяти матери моей, и мнѣ казалось, что надъ нами носились двѣ примиренныя страданіемъ тѣни и; тихо улыбаясь, благословляли насъ...

Что сказать вамъ еще? Страданія наши почти-всегда происходятъ отъ борьбы между чувствованіями нашими и законами природы или общества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ для насъ нѣтъ счастья: въ первомъ оно невозможно—я это испыталъ. Сколько ни несправедливымъ казался мнѣ отецъ мой, я страдалъ, обвинялъ его; природа воспріяла права свои — и тишина возвратилась въ душу мою. Но этого мало; какъ одно порочное чувство влечетъ за собою другое, такъ одна искра добра привлекаетъ другую. Примиреніе очистило сердце мое: въ немъ погасъ мятежный огонь страстей—и какъ сестру я обнялъ Антонию. Она была съ нами, но въ первую минуту я не видѣлъ ея. На колѣняхъ она молила небеса благословить насъ, и конечно ангелы записывали ея слезы. Примиреніе наше было ея дѣломъ: она знала сердце мое, предвидѣла слѣдствія свиданія, и ей я былъ обязанъ лучшею минутою моей жизни.

Въ тотъ же день мы отправились въ имѣніе отца моего; я опять увидѣлъ мѣста, гдѣ провелъ одинокое дѣтство мое; но какая разница! Теперь у меня былъ отецъ, сестра — но не было уже дали, озаренной надеждой...

Батюшка возвратилъ мнѣ бумаги мои, и при немъ же я бросилъ ихъ въ огонь. Онъ прижалъ меня къ сердцу, не говоря ни слова; но я читалъ благодарность въ глазахъ его. Онъ хотѣлъ раздѣлить со мною имѣніе; но на что мнѣ было оно? Не былъ ли я богаче, чѣмъ когда-нибудь?

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ братъ Антонины и—мой. Онъ осыпалъ меня увѣреніями въ благодарности и дружбѣ; послушать его, такъ онъ удивлялся мнѣ, и последнее, я думаю, было очень-справедливо, если прибавить къ тому: какъ чудаку. Онъ былъ лю-

безенъ, очаровательно-любезенъ; въ каждомъ словѣ его видно было желаніе сказать что-нибудь пріятное, обязательное; но я, дикарь, я оставался холоденъ, удивлялся его краснорѣчію, кланялся и не зналъ что говорить. Я лучше понималъ одно пожатіе руки отца моего или взглядъ Антонины. Впрочемъ я былъ признателенъ, и до-сихъ-поръ мы сохранили дружескія сношенія, хотя и не видались болѣе: у него былъ тусклый взоръ его дѣда. . .

Послѣ отъѣзда молодаго князя, мы посѣтили могилу матери моей. Желаніе мое сбылось: слезы отца моего оросили прахъ ея, и она съ неба снова благословила насъ. По приказанію батюшки, надъ могилою ея былъ поставленъ мраморный памятникъ и тутъ же погребенъ священникъ, который будто ожидалъ меня и съ тихою молитвою уснулъ на рукахъ моихъ.

Каждые три года я проводилъ одно лѣто въ имѣніи отца моего, куда переселился онъ, и Антонина всегда пріѣзжала къ намъ. Мы вмѣстѣ съ нею приходили молиться надъ могилою матери моей: теперь я молюсь одинъ. Антонины уже нѣтъ; она возвратилась въ небеса, въ свою отчизну, откуда, какъ ангелъ, являлась на землю, чтобъ смертный понималъ совершенство.

Еще и при жизни ея я не хотѣлъ постоянно оставаться въ Россіи: привычка влекла меня подъ другое небо. Зиму проводилъ я въ городахъ, лѣтомъ, съ котомкою артиста на плечахъ, переходилъ изъ стороны въ сторону. Я работалъ, но никогда не искалъ извѣстности; нѣсколько разъ, однако, картины мои, выставленныя подъ чужимъ именемъ, обращали вниманіе знатоковъ на выставкахъ. И для меня этого было довольно: не похвалъ, но увѣренности въ собственномъ талантѣ я желалъ, и подѣ-часъ мечтаю, что надъ мо-

ей могилкою загорится тихая звѣздочка, и дѣти воображенія моего, мои картины, шепотомъ передадутъ потомкамъ имя Вильдерштейна. Смѣйтесь надо мною и не вѣрьте, если артистъ скажетъ вамъ: «я не думаю о безсмертіи»—онъ лжетъ, или онъ не художникъ.

Былъ ли я счастливъ? спросите вы. Да, но счастливъ, какъ младенцы, когда, какъ говорятъ матери, ангелъ тѣшитъ ихъ во снѣ видѣніемъ небесныхъ игръ. Но по-прежнему, счастливъ, какъ въ первые дни любви моей—нѣтъ! это невозможно! Глубоко въ сердцѣ залегло воспоминаніе о тѣхъ дняхъ; но его стережетъ слеза, и только за ея кристальной влагою представляется оно душѣ. Даже съ Антониною мы никогда не говорили о прошедшемъ и, какъ-бы условясь, избѣгали всего, что напоминало о немъ... Ея уже нѣтъ; батюшка также почиваетъ сномъ вѣчнымъ; мнѣ суждено одному молиться на могилахъ ихъ—пока настаетъ часъ свиданія...

Вильдерштейнъ замолчалъ; въ прекрасныхъ глазахъ его блеснула крупная слеза; онъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ. На другое утро, солнце только-что всходило, я вышла на балконъ. Вильдерштейнъ выходилъ изъ дома съ котомкою на плечахъ и съ длиннымъ посохомъ пѣшехода. Дольчѣе бѣжалъ впереди. Поравнявшись съ балкономъ, Вильдерштейнъ послалъ мнѣ дружескій поклонъ съ привѣтливой улыбкою, и болѣе мы уже не видались.

М. ЖУКОВА.

Вороной конь.

(Новогреческая пѣснь.)

На утѣсь крутомъ я въ раздумьи моемъ
Разъ сидѣлъ и на даль любовался.
Конь мой близко стоялъ; вдругъ онь громко заржалъ
И съ ноженъ ятаганъ мой сорвался.
Видно что-нибудь есть! знать, недобрую вѣсть
Я услышу внезапно о милой:
Знать вѣнчаютъ ее, обручаютъ ее
За постылаго сердцу и силой.

Я подумалъ и всталъ, и къ конямъ побѣжалъ:
Шестидесять ихъ на стойлѣ стояли;
Громко кликнулъ я ихъ: «кто изъ васъ вороныхъ,
Кто послужить мнѣ?» — всѣ вдругъ заржали.
«Кто могучъ и лежокъ, въ одинъ скокъ, на востокъ
Унести меня молнией съ заката?
Кто изъ васъ молодцы?...» Въ мылѣ всѣ жеребцы,
У кобылѣ пали всѣ жеребята.

Лишь одинъ вороной, дряхлый конь боевой,
Въ ранахъ весь, на мой зовъ отозвался:
«Пусть я вышель изъ лѣтъ, пусть красы во мнѣ нѣтъ,
Отъ дорогъ я давно отказался;
Но одну, такъ и быть, я могу сослужить.
Ея ласку душа сохранила!
Какъ меня ячменемъ передъ быстрымъ ручьемъ,
Какъ водой изъ пригоршней повла.»

* * *

Стременами звѣня, онъ сѣдлаетъ коня;
 Вотъ ужъ слыъ онъ; а конь къ нему рвчи:
 —Путь нашъ очень-далекъ, крѣпче вѣй ты платокъ
 Вкругъ главы, чтобъ не дрогнули плечи!
 И, храни тебя Богъ, шпорь чтобъ знать я не могъ;
 А не-то, вспомню юные годы:
 Вихремъ вдругъ полечу, весь твой мозгъ размечу
 Какъ песокъ на разгульи погоды.

Бьетъ коня онъ хлыстомъ. Взвился конь подь бичомъ;
 Въ двѣсти верстѣ пробѣжалъ онъ дорогу.
 Бьетъ коня въ другой разъ — триста верстѣ скачетъ въ часъ;
 А межъ-тѣмъ самъ все молится Богу:
 «Дай-то Богъ мнѣ въ пути виноградникъ найдти
 И отца повстрѣчать межъ лозами.»
 Онъ помыслилъ, и вотъ виноградникъ встаетъ,
 И отецъ тамъ хлопочетъ съ гроздами.

«Здравствуй, добрый старикъ, чей, скажи мнѣ, лозникъ?»
 — Разсадилъ мой Иванъ, сынъ мой милый;
 Онъ вдали, и не ждутъ; а сегодня ведутъ
 Подъ вѣнецъ его мнѣю силой.—
 О, скажи мнѣ скорѣй, я поспѣю ли къ ней?
 За столомъ молодыхъ мнѣ застать ли?»
 Быстръ твой конь и хорошъ, — до обѣда найдешь;
 А не быстръ, такъ доѣхать на врьдъ ли!

Бьетъ коня онъ хлыстомъ. Взвился конь подь бичемъ;
 Въ двѣсти верстѣ пробѣжалъ онъ дорогу.
 Бьетъ коня въ другой разъ — триста верстѣ скачетъ въ часъ;
 А межъ-тѣмъ самъ все молится Богу:
 «Дай-то Богъ мнѣ въ пути садъ душистый найдти,
 Видѣть мать какъ цвѣты полнваетъ!»
 Онъ помыслилъ, и вотъ садъ душистый цвѣтеть,
 Въ ключъ старушка кувшинъ опускаетъ.

«Чей, старушка, цвѣтникъ такъ здѣсь пышно возникъ?»
 — Разводилъ мой Иванъ, сынъ мой милый.
 Онъ вдали, и не ждутъ; а сегодня ведутъ
 Подъ вѣнецъ его мнѣю силой!

«О, скажи мнѣ скорѣй, я поспѣю ли къ ней?
За столомъ молодыхъ мнѣ застать ли?»
Быстрѣ твой конь и хороше, до обѣда найдешь;
А не быстрѣ, — такъ доѣхать на врьдѣ ли!

Бьетъ коня онѣ хлыстомъ. Взвился конь подѣ бичемъ;
Двѣсти верстѣ будто вдруго не бывало.
Бьетъ коня въ другой разѣ — триста верстѣ скачетъ въ часѣ;
Конь заржалъ, и невѣста узнала.
«Кто за дверью стоитъ, кто съ тобой говоритъ?»
— Это братъ мой прѣвхалъ съ приданомъ.
«Если прежній женихъ, я убью его въ-мигъ,
Если братъ, съ золотымъ выйдѣ стаканомъ.»

— Нѣтъ, божуся стократъ, это старшій мой братъ! —
Вотъ напѣвила чашу златую,
Вотъ за двери идетъ. — Сядь скорѣй напередъ,
Я дорогой тебя расцалую.
Легъ къ землѣ вороной. Слыи. Мчатся стрѣлой.
Турки всѣ на коней, кто завидѣлъ.
Чей скакувъ былъ удалъ, тотъ хотѣ пылъ увидалъ;
Чей былъ плохъ, тотъ и пыли не видѣлъ.

ОЗНОВАШИНЪ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ КЛАНА МАКГРЕГОРЪ.

(*Macgregor's Gathering.*) *

(Изъ Вальтера Скотта, съ англійскаго.)

Луна надъ рвкой и туманы крутомъ,
И съ именемъ кланъ, хоть безъ имени днемъ.
Сбирайтесь, собирайтесь! Макгрèгоръ, ура!
Макгрèгоръ, пора!

Завѣтный и славный нашъ кланъ боевой
Гремѣть осужденъ лишь ночью порой.
Идите жь, идите! Макгрèгоръ, ура!
Макгрèгоръ, пора!

Не наши ужъ нынѣ тѣхъ горъ вышины,
Глендэйона селы, Кильчурна сыны;
Изгнанники всѣ мы!—Макгрèгоръ, ура!
Макгрèгоръ, пора!

Не знаетъ нашъ кланъ и главой гдѣ прилечь;
Но кланъ нашъ сберегъ и свой духъ, и свой мечъ.
Такъ смѣло же, смѣло! Макгрèгоръ, ура!
Макгрèгоръ, пора!

---

* Кланъ Макгрèгоръ, въ Шотландіи, былъ лишень покровительствомъ законовъ, и со всѣми членами этого общества поступаемо было чрезвычайно-жестоко; имъ даже запрещено было называться ихъ стариннымъ, славнымъ именемъ.

Нѣтъ крова, нѣтъ пищи, нѣтъ имени намъ...

Огню же ихъ дома, ихъ трупы ораамъ!

На битву, на битву! Макгрѣгоръ, ура!

Макгрѣгоръ, пора!

Быть листьямъ въ дубравѣ, быть пѣнь въ рѣкѣ,

Быть намъ въ ихъ владѣньяхъ съ булатомъ въ рукѣ.

Слѣшите, слѣшите! Макгрѣгоръ, ура!

Макгрѣгоръ, пора!

Скакать черезъ море придется коню,

Корабль поплыветъ на крутомъ Бенвеню,

Растаетъ гравитъ по горамъ въковымъ,

Но мы не забудемъ, но мы отомстимъ.

Сбирайтесь, собирайтесь! Макгрѣгоръ, ура!

Макгрѣгоръ, пора!

—ВА—

УТРЕННИЙ ЗВОНЪ.

Они звучать — торжественные звуки —

Въ ночной тиши имъ глухо вторить даль...

Душа болитъ, полна завѣтной муки,

Мнѣ грудь тѣснить знакомая печаль.

И плачу я горячими слезами,

И въ памяти унылой чередой,

За днями дни и годы за годами,

Печальные проходятъ предо мной.

Мигъ счастья, мигъ краткій сновидѣнь,

Жизнь сердца — жизнь у сердца отняла...

Моя тоска не знала раздѣленья,

Моя любовь привѣта не нашла.

Ни сладких слез свиданья, ни разлуки
Горючих слез нѣтъ въ памяти моей,
Умру одинъ, какъ сладостные звуки
Печально мрутъ въ безмолвіи ночей.

За-чѣмъ я жилъ?... Безумное роптанье!
Дитя! о чемъ такъ горько плачу я?
Все благо здѣсь — и скорби и страданья,
Святой законъ другаго бытія!

Востокъ горить... готовься, сердце, къ битвѣ!...
Пошли мнѣ, Боже, вѣру чистыхъ дней!
Внемли, Господь, внемли моей молитвѣ,
Благослови тоску души моей!

Благослови души моей страданья,
Святой надеждой оживи мнѣ грудь
И отжени туманныя мечтанья,
И дай любовь, да озаритъ мой путь! *

И. К.

---

* Это стихотвореніе молодого поэта съ истиннымъ дарованіемъ положено на музыку г. Лангеромъ, въ Москвѣ. Музыка превосходна! Въ какъ ея выражены всѣ отбѣжки скорбнаго чувства, проникающаго стихотвореніе, и выражены съ такою силою, такъ *пластически*; заключительныя строфы проникнуты такимъ торжественнымъ, молитвеннымъ благоговѣніемъ, что въ душѣ дѣйствительно возникаютъ всѣ грустные и мучительные вопросы стихотворенія, и дѣйствительно разрашаются въ утренней зарѣ свѣтлой жизни. Ноты этой музыки г. Лангера поступили уже въ продажѣ во всѣхъ московскихъ музыкальныхъ магазинахъ.

10. Jan 1858.
C. G. ...

ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦЪ,

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ШЕКСПИРА *.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Дождь Венеціи.		Ланселотъ Говво въ услуже-
Принцъ Мароккскій,	} женихи	ніи у Шейлока.
Принцъ Аррагонскій,		Старикъ Говво, отецъ Лансе-
Бассаніо, другъ Антоніо.		лота.
Антоніо, Венеціанскій купецъ.		Бальтазаръ, } слуги Порціи.
Саларио,	} друзья Антоніо и Бас-	Стефано,
Саларино,		Порція, богатая наследница.
Граціано,	} савіо.	Нерисса, горничная сл.
Лоренцо, влюбленный въ Джес-		Джессика, дочь Шейлока.
сику.		Салерио, старый Венеціанецъ.
Шейлокъ, Жидъ.		Писарь дожа.
Тювалъ, Жидъ, другъ его.		

Вельможи Венеціи, чиновники суда, тюремщикъ, слуги и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Венеціи, а частію въ Бельмонтѣ, гдѣ живетъ Порція, на твердой землѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Улица въ Венеціи.

АНТОНІО, САЛАРИНО и САЛАНІО.

Антоніо. Право, не знаю, отъ-чего мнѣ такъ грустно; это мучить меня; вы говорите: мучить и васъ; но гдѣ я взялъ свою тоску, гдѣ нашелъ или

* Представляя публикѣ переводъ «Венеціанскаго Купца», котораго до-сихъ-поръ не имѣла еще русская литература, и который сдѣланъ однимъ изъ первоклассныхъ литераторовъ на-

досталь, изъ какого вещества она составлена, откуда родилась, — не могу еще понять. И такъ поглубь я отъ нег, что едва узнаю себя.

Саларино. Твой умъ носится по океану, тамъ, гдѣ корабли твои съ гордыми парусами, точно вельможи и богатые граждане водъ, или пышныя украшенья моря, смотреть свысока на мелочныхъ торгашей, которые привѣтствуютъ ихъ, кланяются имъ, когда они пролетаютъ мимо на своихъ тѣвяхъ крыльяхъ.

шихъ, Н. Ф. Павловымъ, нужнымъ считаетъ замѣтить, что сколько мы знаемъ, подобнаго перевода Шекспира у насъ еще не было, и убѣждены, что этотъ переводъ можетъ служить образцомъ того, какъ должно переводить у насъ великаго поэта. Вотъ на чемъ основаны наши убѣжденія. Во-первыхъ: этотъ переводъ сдѣланъ *точно* съ англійскаго, при пособіи всѣхъ извѣстнѣйшихъ комментаторовъ Шекспира. Во-вторыхъ: «Венеціанскій Купецъ» переведенъ прозою, а по нашему мнѣнію, проза — *единственная* форма, въ которой Шекспиръ долженъ быть передаваемъ русскимъ читателямъ, если хотимъ познакомить ихъ какъ-можно-ближе съ его твореніями: въ стихахъ самый добросовѣстный переводчикъ иногда по-необходимости прибавитъ къ словамъ Шекспира нѣсколько своего духа — и тѣмъ, разумѣется, увлечетъ читателя изъ этого обаянія, въ которомъ Шекспиръ неослабно держитъ васъ отъ начала до конца своей драмы; попробуйте же хоть на минуту ослабить это обаяніе — и переводъ вашъ не достигнетъ своей цѣли, онъ испортитъ подлинникъ. Въ-третьихъ: обороты Шекспира иногда неестественны, высканы; иногда мысль у него такъ-сказать насылетъ языкъ, а между-тѣмъ выраженіе всегда оригинально, сильно, полно поэзіи; это насиліе, даже самый *порядокъ словъ* въ переводѣ г. Павлова сохранены вполнѣ, по-крайней-мѣрѣ столько, сколько позволятъ русскій языкъ, и при всемъ томъ такая точность ни мало не вредитъ изяществу, чистотѣ и правильности русской рѣчи. Конечно, въ переводѣ «Венеціанскаго Купца» могутъ быть найдены фразы, которыя

Саларио. Повѣрь, еслибъ я пустилъ на счастье столько товара, то большая часть моихъ думъ была бъ съ моими надеждами въ чужой сторонѣ. Я все бы рвалъ траву, чтобъ узнать: откуда дуетъ вѣтеръ, да высматривалъ бы на картѣ пристани, мосты и морскіе пути; и отъ всего, что могло бъ заставить меня бояться за мой товаръ, конечно, сдѣлалось бы мнѣ грустно.

Саларио. Духъ на горячій бульйонъ, чтобъ остудить его, я надулъ бы себѣ лихорадку, когда бъ подумалъ, какая бѣда можетъ произойти на морѣ отъ слишкомъ-сильнаго вѣтра; я не могъ бы видѣть песочныхъ часовъ безъ того, чтобъ не пришли мнѣ въ голову мели да отмели; я увидалъ бы, что мой богатый корабль засѣлъ въ песокъ и кланяется грот-мачтой ниже своихъ реберъ, чтобъ поцаловать свою мочи-

---

легко было бы сдѣлать красивѣе, глаже, лучше и, безъ-сомнѣнія, переводчикъ *суммъ* бы сдѣлать эти учительскія поправки, когда ужъ теперь всякій, даже безталантный писакъ, пишетъ гладкимъ до плоскости слогомъ; но онъ *не хотѣлъ* этого, не хотѣлъ не потому, чтобы лѣнился — переводъ его сдѣланъ уже давно, свѣрлся и пересматривался нѣсколько разъ, — но потому-что хотѣлъ передать русскимъ читателямъ духъ и силу шекспирова творенія вполнѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, безъ малѣйшей прикрасы, и въ этомъ оправдаетъ его всякій, кто хоть немного можетъ постигать изящное въ глубокихъ, исполненныхъ создателяхъ британскаго поэта.

О достоинствѣ самой драмы, здѣсь помѣщаемой, надобно или говорить много, или ничего не говорить; на сей разъ избираемъ послѣднее, въ полной увѣренности, что образованный читатель, и безъ нашихъ указаній, отыщетъ всѣ красоты этого чуднаго творенія, а отыскать ихъ такъ легко въ этомъ близкомъ, вѣрномъ, въ-полной-мѣрѣ изящномъ переводѣ г. Павлова. *Ред.*

лу. Могъ ли бы я пойдти въ церковь, увидѣть священное зданіе изъ камня и не вспомнить опасныхъ скалъ, которыя только дотронутся до борта моего милаго корабля, то и раскидаютъ по волнамъ всѣ душистые коренья его и въ мои шелки одѣнуть ревуція воды! Словомъ, можно ли бѣ мнѣ забыть, что—сію минуту богачъ, я сію же минуту и нищій. Имѣя эти мысли, какъ же бы не имѣть мнѣ и той, что, случись такая бѣда, отъ нея стало бѣ мнѣ грустно? Да, полно-те, я знаю, Антонио груститъ отъ-того, что думаетъ о своемъ товарѣ.

Антонио. Повѣрь, что нѣтъ. Я благодарю судьбу. У меня не весь товаръ ввѣренъ одному кораблю и отправленъ не въ одно мѣсто, да и не цѣлое мое состоянье зависитъ отъ счастья текущаго года. По-этому я не грущу отъ своей торговли.

Саладио. Ну, стало, ты влюбленъ?

Антонио. Вотъ еще!

Саладио. И не влюбленъ! Такъ скажемъ просто: тебѣ грустно отъ-того, что невесело, и для тебя было бѣ также легко смѣяться, прыгать и говорить, что тебѣ весело, отъ-того, что негрустно. Божусь двуличнымъ Янусомъ, природа творить подъ часъ великихъ чудачковъ: иные цѣлый вѣкъ щурятъ глаза и хохочатъ какъ попуган, когда слушаютъ волюнку; а у другихъ такое кислое лицо, что они ни подъ какимъ видомъ не покажутъ зубовъ съ намѣреньемъ улыбнуться, хотя бы самъ Несторъ поклялся, что шутка смѣшна.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, БАССАНІО, ЛОРЕНЦО и ГРАЦІАНО.

САЛАНИО. Вотъ идетъ Бассаніо , твой почтенный родственникъ , Граціано и Лоренцо. До свиданія. Мы оставляемъ теперь тебя въ обществѣ пріятнѣйшаго нашего.

САЛАРИНО. Я пробылъ бы здѣсь до-тѣхъ-поръ , покуда бы не развеселилъ тебя , еслибы друзья , которые тебѣ дороже , не помѣшали мнѣ.

АНТОНИО. Для меня и ты очень-дорогъ. Я вижу , твои собственныя дѣла призываютъ тебя , и ты пользуешься случаемъ уйдти.

САЛАРИНО. Прощайте , господа.

БАССАНІО. Да , господа , когда же мы сойдемся , чтобъ повеселиться ? Скажите , когда ? Вы дѣлаетесь чрезвычайно-рѣдки. Не ужь ли это такъ должно ?

САЛАРИНО. Наше свободное время будетъ къ услугамъ вашимъ. (Саларино и Саланио уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ САЛАРИНО и САЛАНИО.

ЛОРЕНЦО. Такъ , какъ ты , Бассаніо , нашелъ Антонио , то мы оба оставимъ васъ ; но въ обѣденное время вспомни , пожалуйста , гдѣ намъ должно встрѣтиться.

БАССАНІО. Я непременно явлюсь.

ГРАЦІАНО. Ты дурно смотришь , Антонио ; ты ужь слишкомъ занимаешься дѣлами міра. Тотъ въ потерь , кому онъ стѣбитъ такихъ заботъ. Повѣрь мнѣ , ты удивительно измѣнился.

АНТОНИО. Я смотрю на міръ , какъ на міръ , Граціано ; это сцена , гдѣ каждый играетъ роль ,—а моя роль грустна.

Граціано. Такъ дай же мнѣ роль шута. Пусть съ весельемъ и смѣхомъ прійдутъ старыя морщины, и пусть лучше у меня печенка согрѣвается отъ вина, чѣмъ сердце холодѣетъ отъ мертвящихъ стоновъ. Не ужь ли долженъ человѣкъ, у кого кровь тепла внутри, глядѣть, какъ его дѣдушка, слѣпленный изъ алебастра, спать на-яву и нажить желтуху отъ хандры? Я скажу тебѣ что, Антоніо... Я люблю тебя, и это говорить моя дружба... Есть родъ людей, у нихъ лица дуются и подернуты какъ стоячій прудъ; они хранятъ твердое молчаніе, чтобъ нарядить себя въ общее мнѣніе о ихъ мудрости, важности, глубокихъ соображеньяхъ; они такъ смотрятъ, какъ-будто хотятъ сказать: я господинъ-оракулъ, и когда открываю ротъ, чтобъ и собака не смѣла лаять. О, мой Антоніо, я знаю такихъ, которые только отъ-того слывутъ мудрецами, что не говорятъ, а, если заговорятъ, то, я совершенно увѣренъ, введутъ въ грѣхъ уши у всякаго: всякій, послушавъ ихъ, назоветъ своихъ братій дураками! Я наскажу тебѣ побольше въ другое время, только не пускайся удить на притраву задумчивости этого дурацкаго пискаря, это мнѣніе. Пойдемъ, Лоренцо; прощайте покуда. Я dokonчу мою проповѣдь послѣ обѣда.

Лоренцо. Итакъ мы расстаемся съ вами до обѣда. Я принужденъ быть именно однимъ изъ этихъ нѣмыхъ мудрецовъ, потому-что Граціано никогда не даетъ мнѣ говорить.

Граціано. Да, поведись со мною только еще года два, ты не будешь знать звуковъ своего собственнаго языка.

Антоніо. Прощайте; онъ сдѣлаетъ и меня говоруномъ.

Граціано. Хорошо бы, право! Молчаніе пристало только копченому языку быка, да женщинѣ, которая не идетъ съ рукъ. (Граціано и Лоренцо уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

АНТОНІО и БАССАНІО.

Антоніо. Ну, что это такое?

Бассаніо. Граціано говоритъ необыкновенно-много вздора, больше, чѣмъ кто другой въ цѣлой Венеціи. У него мысли, какъ два пшеничныя зерна, спрятанныя въ двухъ четверикахъ мякны: ты проищешь цѣлый день прежде, чѣмъ найдешь ихъ, а какъ найдешь, то увидишь, что не стоило искать.

Антоніо. Ну, да. Скажи же мнѣ теперь, кто это такая дама, къ которой обѣщался ты идти на поклоненіе и о которой хотѣлъ мнѣ говорить сегодня.

Бассаніо. Тебѣ небезызвѣстно, Антоніо, какъ я разстроилъ свое состояніе отъ-того, что иногда выставлялъ на показъ больше пышности, чѣмъ мои слабые средства позволяли мнѣ. И теперь я не жалею, что принужденъ отказаться отъ такого благороднаго образа жизни. Главная моя забота: раздѣлаться честно съ большими долгами, въ какіе ввела меня слишкомъ-расточительная молодость. Тебѣ, Антоніо, я больше всего долженъ и деньгами и дружбой, и дружба твоя мнѣ порукой, что я могу снять съ себя бремя моихъ замысловъ и намѣреній и открыть, какимъ-образомъ думаю очиститься отъ всѣхъ моихъ долговъ.

Антоніо. Сдѣлай милость, другъ Бассаніо, скажи, и если это, какъ всѣ твои поступки, не выходитъ изъ границъ чести, — будь увѣренъ, что мой кошелекъ, я самъ, мои послѣднія средства, все готово для тебя при первой надобности.

Бассаніо. Бывало, какъ я ходилъ еще въ школу, когда случалось мнѣ въ игрѣ потерять одну стрѣлу, я пускалъ ея подругу съ такой же силой, по тому же направленію, только пристальнѣй смотрѣлъ за нею, чтобъ отыскать другую и, пустивъ на-удачу обѣ, часто я обѣ находилъ. Привожу этотъ примѣръ моего дѣтства отъ-того, что у меня въ слѣдующихъ словахъ будетъ такое же дѣтское простодушіе. Я долженъ тебѣ много и, какъ вѣтренный юноша, что долженъ, не могу отдать; но если ты захочешь пустить другую стрѣлу по тому же направленію, какъ пустилъ первую, то я не сомнѣваюсь, что, слѣдя ее глазами, или найду обѣ, или принесу тебѣ назадъ послѣднюю и съ благодарностью останусь долженъ за первую.

Антоніо. Ты знаешь меня хорошо и теряешь только время, приступая къ моей дружбѣ съ такимъ предисловіемъ, и, право, своимъ сомнѣніемъ въ моей готовности ко всевозможнымъ пожертвованіямъ, ты теперь обижаешь меня больше, чѣмъ обидѣлъ бы, когда бѣ промоталъ все, что я имѣю. Итакъ скажи только мнѣ, что я долженъ дѣлать, что, по твоему мнѣнію, можетъ быть мною сдѣлано, и я сей-часъ же готовъ на это. Говори.

Бассаніо. Въ Бельмонтѣ есть невѣста съ богатымъ приданымъ, и она прекрасна, и, что прекраснѣй этого слова — чудныхъ добродѣтелей! Нѣкогда изъ ея глазъ я получалъ милья, безмолвныя посланія. Ея имя Порція. Она ничѣмъ не хуже дочери Катона, Порціи Брута, и широкій міръ знаетъ ей цѣну: четыре вѣтра со всѣхъ береговъ приносятъ къ ней знаменитыхъ искателей, и ея лучезарныя кудри выются у ней по вискамъ, какъ золотое руно, что дѣлаетъ ея жилище въ Бельмонтѣ берегомъ Колхиды, и много Язоновъ является для завоеванія. О, мой Антоніо! имѣй я только

средства занять между ими мѣсто соперника, то у меня въ душѣ есть такое предчувствіе успѣха, что я непремѣнно буду счастливымъ.

Антоніо. Ты знаешь, все мое состояніе на морѣ, и я не имѣю ни денегъ, ни случая собрать наличную сумму. Итакъ отправляйся, попробуй, что мой кредитъ можетъ въ Венеціи сдѣлать; примемся пытаться его до нѣльзя, чтобъ снарядить тебя въ Бельмонтъ, къ прекрасной Порціи. Ступай же, развѣдай сей-часъ, а я тоже развѣдаю, у кого есть деньги, и не сомнѣваюсь, что получу ихъ или изъ довѣрія ко мнѣ, или изъ пріязни. (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Дѣйствіе въ Бельмонтѣ. Комната въ домѣ Порціи.

ПОРЦІА и НЕРИССА.

Порція. Право, Нерисса, я, маленькое существо, устала отъ этого великаго міра.

Нерисса. Это было бы понятно, еслибъ у васъ горе было въ такомъ же изобиліи, какъ удовольствія; но видно тѣ, которые черезъ-чуръ наѣдаются, биваютъ такъ же больны, какъ и тѣ, которые мрутъ отъ пустоты въ желудкѣ. Стало это не послѣднее счастье получить на долю средственное состояніе; излишество скорѣе доживаетъ до бѣлыхъ волосъ, а довольство долговѣчнѣе.

Порція. Хорошія правоченья и хорошо сказаны.

Нерисса. Они были бы лучше, еслибъ имъ лучше слѣдовали.

Порція. Когда бы дѣлать было бы такъ же легко, какъ знать, что надобно дѣлать, то часовни стали бы церквами и хижины бѣдныхъ людей царскими палатами. Хорошъ тотъ проповѣдникъ, кто слѣдуетъ соб-

ственнымъ наставленьямъ: я скорѣ научу двадцать человекъ что должно дѣлать, чѣмъ буду одною изъ двадцати, которая послушаетъ моего собственнаго ученя. Пускай мозгъ выдумываетъ законы для крови, — горячій нравъ перескакиваетъ черезъ холодныя правила. Безумецъ-молодость такой заяць, что перепрыгиваетъ черезъ сѣти добраго калѣки-совѣта. Но это разсужденіе не поможетъ мнѣ выбрать мужа... Ахъ, слово «выбрать»! Я не могу ни выбрать кого бы хотѣла, ни отказать тому, кто мнѣ противенъ. Такъ воля живой дочери обуздана волею мертваго отца. Не жестоко ли, Нерисса, что я не могу никого выбрать и никому отказать?

НЕРИССА. Вашъ батюшка былъ цѣлый вѣкъ добродѣтеленъ, а людямъ набожнымъ при смерти бывають внушенія свыше: такъ въ лотереѣ, которую онъ придумалъ, изъ этихъ трехъ ящиковъ, золотаго, серебрянаго и свинцоваго (кто выберетъ изъ нихъ по его мысли, выберетъ васъ), вѣрно истинный достанется тому, кто истинно васъ полюбитъ.—Только чувствуете ли вы склонность къ кому-нибудь изъ блестящихъ жениховъ, какіе уже пріѣхали?

ПОРЦІА. Пожалуйста, называй ихъ по-очереди, а я, какъ ты станешь называть, стану ихъ описывать, и по моимъ описаньямъ отгадывай мои чувства.

НЕРИССА. Во-первыхъ, здѣсь неаполитанскій принцъ.

ПОРЦІА. Этотъ недоросль!.. Онъ только и знаетъ, что говорить о своей лошади, и, въ числѣ своихъ отличныхъ способностей, всего больше удивляется тому, что умѣетъ ковать ее самъ; я, право, боюсь не была ли мать его влюблена тайно въ кузнеца.

НЕРИССА. Потомъ здѣсь графъ Палатинъ.

ПОРЦІА. Онъ только и дѣлаетъ, что хмурится, какъ будто намѣренъ сказать: если вы не хотите меня—

какъ угодно; онъ слышитъ веселый разсказъ и не улыбнется; а боюсь, чтобъ онъ не сдѣлался плаксивымъ философомъ, когда состарѣтся; а то въ молодости онъ ужь черезъ-чуръ невѣжливо печаленъ. Я лучше выйду за адамову голову, чѣмъ за котораго-нибудь изъ нихъ. Боже сохрани меня отъ обоихъ!

НЕРИССА. Что вы скажете о знатномъ Французѣ?

ПОРЦА. Богъ сотворилъ его, такъ пусть онъ слыветъ за челоуѣка. Право, я знаю, что грѣхъ быть на смѣшницей, да онъ... Ну, у него лошадь лучше, чѣмъ у Неаполитанца, и скверная привычка хмуриться лучше, чѣмъ у графа: онъ похожъ на всякаго и ни на что непохожъ. Затрещить ли дроздъ—онъ пускается тотчасъ прыгать. Онъ пойдетъ сражаться съ своей собственной тѣнью. Выйди мнѣ за него, значить выйдти за двадцать мужей; если онъ пренебрежетъ мной, я прощу, потому-что если влюбится въ меня до безумія, я никогда не буду отвѣчать ему тѣмъ же.

НЕРИССА. Ну, а что скажете вы барону Фалконбриджу, молодому Англичанину?

ПОРЦА. Ты знаешь, ничего не могу сказать: ни я его не понимаю, ни онъ меня. Онъ не знаетъ ни по-латини, ни по-французски, ни по-итальянски; а ты можешь поклясться передъ судомъ, что я не знаю ни слова по-английски. Онъ картина прекраснаго мужчины, да Боже мой, кто же можетъ разговаривать съ нѣмою куклой?... Какъ странно онъ одѣвается! мнѣ кажется, оной колетъ купилъ онъ въ Италіи, круглыя штаны во Франціи, токъ въ Германіи, а ухватки во всѣхъ земляхъ.

НЕРИССА. А что вы думаете о шотландскомъ лордѣ, сосѣдѣ его?

ПОРЦА. Что въ немъ есть христіанская доброта сосѣда: онъ взялъ у Англичанина въ-займы пощечину.

ну и поклялся заплатить ее, когда будетъ въ состояніи; кажется, Французъ былъ порукой, и впередъ поручился за другую.

НЕРИССА. Какъ вамъ кажется молодой Нѣмецъ, племянникъ саксонскаго герцога?

ПОРЦІА. Очень-гадокъ по-утру, когда трезвъ; а еще гаже послѣ-обѣда, когда пьянъ; въ свои лучшія минуты онъ немного-хуже человѣка, а въ худшія весьма-лучше скота: какая бѣда ни случилась бы со мной, я надѣюсь, что все отдѣлаюсь отъ него.

НЕРИССА. Если онъ лѣвится выбирать и выберетъ настоящій ящикъ, то вы откажетесь исполнить волю родителя, если откажете ему.

ПОРЦІА. Такъ отъ страха этой бѣды я прошу тебя поставить хорошій стаканъ рейнскаго на другой ящикъ; если бь самъ дьяволъ былъ въ немъ, да на немъ это искушеніе, то я знаю, что Нѣмецъ выберетъ его. Я рѣшусь на все, Нерисса, прежде, чѣмъ выйду за губку.

НЕРИССА. Вамъ нечего бояться, сударыня, никого изъ этихъ господъ: они объявили мнѣ, что хотятъ воротиться домой и не беспокоить васъ больше искаательствами, развѣ представится другое какое средство получить васъ, а не то, которое предписалъ вашъ родитель и которое зависитъ отъ выбора ящика.

ПОРЦІА. Я проживу столько же, какъ Сибилла и умру такъ же цѣломудренна, какъ Діана, когда никто не пріобрѣтетъ права на мою руку тѣмъ путемъ, какимъ угодно было батюшкѣ. Я рада, что эта часть моихъ жениховъ такъ разсудительна: между ними нѣтъ ни одного, о чьемъ отъѣздѣ я не мечтала бы съ восхищеніемъ, и я прошу Бога даровать имъ счастливую дорогу.

НЕРИССА. Не помните ли, вы, сударыня, что при жизни вашего родителя одинъ Венеціанецъ, ученый и военный, прївѣзжалъ сюда съ маркизомъ Монфератомъ?

ПОРЦІА. Да, да, Бассаніо; кажется, такъ его звали.

НЕРИССА. Точно-такъ. Онъ изъ всѣхъ, кого видѣли мои глупые глаза, больше всѣхъ достоинъ прекрасной невѣсты.

ПОРЦІА. Я хорошо его помню, и помню, что онъ заслуживаетъ твою похвалу. Чтò такое, чтò новаго?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и СЛУГА.

СЛУГА. Четыре чужестранца ищутъ васъ, сударыня, чтобъ откланяться вамъ, и еще прївѣзъ передовой отъ пятаго, принца мароккскаго; онъ привезъ извѣстіе, что принцъ, государь его, будетъ сюда вечеромъ.

ПОРЦІА. Когда бь я могла сказать пятому «здравствуйте» съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ четверымъ скажу «прощайте», я бы рада была его прївѣду. Если у него душа святаго, а цвѣтъ дьявола, то я желала бы, чтобъ онъ лучше былъ моимъ исповѣдникомъ, чѣмъ мужемъ. Пойдемъ, Нерисса (*случь*), а ты ступай впередъ. Между-тѣмъ, какъ мы запираемъ ворота за однимъ женихомъ, другой стучится у дверей.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Площадь въ Венеціи.

БАССАНІО и ШЕЙЛОКЪ.

ШЕЙЛОКЪ. Три тысячи червонцевъ,—такъ.

БАССАНІО. Точно такъ, на три мѣсяца.

ШЕЙЛОКЪ. На три мѣсяца,—такъ.

БАССАНІО. Въ чемъ, какъ я говорилъ вамъ, Антоніо будетъ порукой.

ШЕЙЛОКЪ. Антоніо будетъ порукой,—такъ.

БАССАНІО. Можете ли вы оказать мнѣ эту услугу? Хотите ли одолжить меня?... Получу ли я отъ васъ отвѣтъ?

ШЕЙЛОКЪ. Три тысячи червонцевъ на три мѣсяца и Антоніо порукой!

БАССАНІО. Вашъ отвѣтъ на это?

ШЕЙЛОКЪ. Антоніо человекъ хорошій.

БАССАНІО. Развѣ вы слышали какое-нибудь обвиненіе въ противномъ?

ШЕЙЛОКЪ. О, нѣтъ, ни, ни, ни; я хотѣлъ, говоря «онъ хорошій человекъ», дать вамъ разумѣть, что онъ человекъ вѣрный; впрочемъ его капиталы еще ненадежны: онъ отправилъ одинъ корабль въ Триполь, другой въ Индію, да еще я слышалъ на Ріальто, что третій у него въ Мексикѣ, четвертый въ Англии, и есть у него другія дѣла, разбѣянные по свѣту; но корабли вѣдь доски, матросы вѣдь люди: есть земляныя крысы и крысы водяныя, водяные воры и воры сухопутные,—я разумѣю морскихъ разбойниковъ,—и потому, бывають несчастія отъ воды, отъ вѣтровъ, отъ подводныхъ камней. Но все-таки человекъ онъ вѣрный. Три тысячи червонцевъ!... Кажется, можно взять его въ поруки.

Бассаніо. Будьте уврены, что можно.

Шейлокъ. Я увѣрюсь, можно ли и, чтобы увѣряться—подумаю. Нельзя ли поговорить съ сннимъ Антоніо?

Бассаніо. Да не угодно ли вамъ обѣдать съ нами?

Шейлокъ. Да, чтобъ нюхать свинину, чтобъ ѣсть отъ этого сосуда, въ который нашъ пророкъ Назаряннъ вогвалъ дьявола! Я готовъ покупать съ вами, продавать съ вами, разговаривать съ вами, гулять съ вами и-такъ-даже; но не стану съ вами ни ѣсть, ни пить, ни молиться. Чтò новаго на Риматò? Кто это идетъ сюда?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАССАНИО, ШЕЙЛОКЪ и АНТОНІО.

Бассаніо. Это сннйоръ Антоніо.

Шейлокъ (въ сторону). Какимъ льстивымъ мнѣ-ремъ смотритъ онъ! Я ненавижу его за то, что онъ христіанинъ, а еще болѣе за то, что онъ отъ подлой простоты даетъ деньги въ-займы даромъ, и этимъ понижаетъ у насъ въ Венеціи проценты. Если онъ попадется мнѣ въ когти, я уиитаю до-сыта мою давнишнюю вражду къ нему. Онъ ненавидитъ священныи народъ нашъ и ругается даже въ самѣхъ многочисленныхъ собраніяхъ купцовъ надо мною, надъ моею торговлей; надъ моими праведными барышами, называя ихъ лихвенными процентами. Да будетъ проклято мое колено, если я прощу ему!

Бассаніо. Шейлокъ, послушайте.

Шейлокъ. Я рассуждалъ, много ли у меня теперь малочными, и, по приблизительному счету моей памяти, я не могу вдругъ выложить полной суммы трехъ тысячъ червонцевъ: да что до этого? Тюбалъ, богатый

Еврей моего колѣна, снабдите меня; но, постойте, на сколько мѣсяцевъ желаете вы? (къ Антонію) Здравствуй-те, синьйоръ Антоніо! Мы только-что о вашей милости говорили сію-минуту.

Антоніо. Шейлокъ, хотя я и не даю въ-займы и не занимаю съ условіемъ платить или брать проценты, но чтобъ помочь моему другу въ крайней нуждѣ, нарушаю обычай. Знаетъ ли онъ, сколько тебѣ надобно?

Шейлокъ. Знаю, знаю: три тысячи червонцевъ.

Антоніо. И на три мѣсяца.

Шейлокъ. Я было-позабылъ. На три мѣсяца, вы мнѣ именно говорили,—такъ, хорошо. Напишите бумагу и посмотримъ. . . Но, постойте,—мнѣ кажется, вы сказали, что не берете и не платите процентовъ?

Антоніо. Никогда этого не дѣлаю.

Шейлокъ. Когда Іаковъ пасъ овецъ своего дяди, Лавана, этотъ Іаковъ, потому-что его мудрая мать дѣйствовала въ его пользу, былъ третій владѣлецъ послѣ нашего святаго Авраама. Да, онъ былъ третій.

Антоніо. Да что до него? Развѣ онъ бралъ проценты?

Шейлокъ. Нѣтъ, не то, что бралъ проценты. . . не прямо, какъ вы говорите, проценты; замѣьте, что Іаковъ дѣлалъ: когда Лаванъ и онъ условились, что всѣ агнята, которые родятся пестрыми и двухцвѣтными, будутъ мздою Іакову, овцы въ концѣ осени обратились къ баранамъ, и когда для всякой четы, несущей руно, наступало время оплодотворенія, искусный пастырь счищалъ кору съ иныхъ прутьевъ и втыкалъ ихъ передъ сладострастными овцами, которыя, начиная тогда, производили потомъ двухцвѣт-

ныхъ ягнать, и сіи были іаковли. Это было средствомъ къ пріобрѣтенію, и онъ благословенъ, и благословенно всякое пріобрѣтеніе, если не накрадено людьми.

Антоніо. Іаковъ, государь мой, служилъ за невѣрную плату, за такую вещь, которая зависѣла не отъ его воли, а была управляема и устроена рукою неба. Но развѣ это написано въ-защиту процентовъ? да твое золото и серебро развѣ овцы и бараны?

Шейлокъ. Не умѣю сказать; они у меня также скоро размножаются. Но подумайте объ этомъ, синьйоръ.

Антоніо. Видишь, Бассаніо—дьяволъ можетъ толковать писаніе въ свою пользу; злая душа, когда ссылается на святое свидѣтельство— то же, что разбойникъ съ улыбкой на лицѣ, хорошее яблоко съ гнилой сердцевиной. О, какая добрая наружность у лицемеря!

Шейлокъ. Три тысячи червонцевъ — довольно-круглый счетъ. Три мѣсяца изъ двѣнадцати, что жъ это прійдется процентовъ?

Антоніо. Ну, Шейлокъ, хочешь ли ты насъ одолжить?

Шейлокъ. Синьйоръ Антоніо, въ разные времена и часто вы укоряли меня на Ріальто въ томъ, что даю деньги и беру проценты. Я переносилъ все, терпѣливо пожимая плечами: вѣдь терпѣніе есть отличительная черта всего нашего племени. Вы называли меня невѣрнымъ, цѣпной собакой, и плевали на мою еврейскую одежду, и все за то, что я располагаю своей собственностью. Ну, а теперь, какъ кажется, вамъ нужна моя помощь,—прекрасно,—теперь вы приходите ко мнѣ и говорите: Шейлокъ, надо денегъ. Вы говорите это, вы, который извергалъ свою слюну на

мою бороду и пихалъ меня ногой, какъ-будто гвалъ пиньками чужую собаку съ своего порога. Денегъ просите вы. Чтѣ жь скажу я вамъ? не долженъ ли я сказать: какія у собаки деньги? Какъ можетъ быть, чтобъ собака дала въ-займы три тысячи червонцевъ? Или не слѣдуетъ ли мнѣ низко согнуться передъ вами—и, на-подобіе раба, едва переводя дыханіе, смиреннымъ шопотомъ проговорить: милосердый синь-оръ, вы шлевали на меня въ прошедшій вторникъ, вы толкали меня пиньками въ такой-то день; въ другой разъ вы называли меня собакой: итакъ, за эти учтивости я даю вамъ въ-займы столько-то денегъ.

Антонио, Я, пожалуй, и опять также назову тебя, опять плюну на тебя и оттолкну ногой. Если ты хочешь дать эти деньги, дай ихъ не какъ друзьямъ—когда дружба брала отъ своего друга приращеніе безподопаго металла?—нѣтъ, дай ихъ какъ своему врагу, чтобъ послѣ, если онъ нарушитъ условіе, ты могъ съ открытымъ лицомъ требовать взисканіе.

Шейлокъ. Ну, посмотрите, какъ вы горячитесь; я хочу сдѣлаться вашимъ другомъ, прибрѣсть вашу любовь, забыть ругательства, которыми вы пятнали меня, пособить вамъ въ теперешнихъ нуждахъ и не взять ни копейки, процентовъ за мои деньги,—а вы не хотите меня слушать! Это дружеское предложеніе...

Антонио. Въ-самомъ-дѣлѣ, дружеское!

Шейлокъ. Да, я докажу мою дружбу. Пойдемте къ нотаріусу, подпишите мнѣ обязательство отъ одного вашего лица, и просто въ-шутку, если вы не заплатите мнѣ въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ, такую-то сумму или сумму, какъ будетъ значиться въ условіи, положите неустойку: ровно фунтъ вашего прекраснаго мяса, который имѣетъ быть отрѣ-

занъ и взять мною отъ той части вась, отъ какой мнѣ вздумается.

Антоніо. Согласенъ отъ всей души; я подпишу такое условіе и скажу, что въ Жидѣ много добраго.

Бассаніо. Ты не подпишешь за меня такого условія! Я лучше останусь въ нуждѣ.

Антоніо. Что ты, другъ? не бойся, я не просрочу! Въ эти два мѣсяца, то-есть за мѣсяць до срока, я ожидаю полученій въдесятеро больше займа.

Шейлокъ. О, отче Авраамъ, каковы эти христіанскіе Собетвенные жестокіе поступки научаютъ ихъ подорывать мысли другихъ. Пожалуйста, скажите мнѣ, если онъ не заплатитъ въ срокъ, что я выиграю, отъискивая неустойку? Фунтъ человѣческаго мяса, взятый у человѣка, не такъ цѣнится и не приноситъ барыша, какъ мясо барановъ, быковъ или козъ. Говорю вамъ, чтобъ снискать его благосклонность, я поступаю такъ дружески; если онъ согласенъ, хорошо, если нѣтъ, прощайте, — и прощу вась не обвинять меня за мою пріязнь.

Антоніо. Да, Шейлокъ, я подпишу обязательство.

Шейлокъ. Такъ вы тотъ-часъ найдете меня у нота-ріуса. Объясните ему содержаніе этой забавной бумаги, а я пойду теперь же возьму червонцы, да взгляну у себя на домъ, который оставилъ я подъ опаснымъ присмотромъ безпутнаго шалуна, и сію же минуту буду къ вамъ. (Уходитъ.)

Антоніо. Поторопись, любезный Жидъ. Этотъ Еврей обратится въ христіанина: онъ становится добръ.

Бассаніо. Я боюсь сладкихъ словъ съ негодной душой.

Антоніо. Пойдемъ; тутъ бояться нечего: мои корабли воротятся за мѣсяць до срока. (Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бельмонтъ. Комната въ домъ Порціи.

Звукъ трубъ. Входитъ ПРИНЦЪ МАРОККСКІЙ со свитомъ,
ПОРЦІА, НЕРИССА и слугителя.

МАРОККСКІЙ Принцъ. Не гнушайся моего цвѣта. Это мрачная ливрея жгучаго солнца: я сосѣдь ему и близь него выросъ. Приведите мнѣ самое прекрасное существо, рожденное на сѣверѣ, гдѣ огонь Феба едва растапливаетъ льдины, и пусть намъ обоимъ откроютъ жилы, чтобъ узнать чья кровь краснѣе, его или моя. Я говорю тебѣ, этого лица пугались храбрцы, а прелестныя дѣвы нашего края, клянусь моею любовью, любиле его. Переменить мою краску я согласился бы только за тѣмъ, чтобъ уловить всѣ твои мысли, милая царица моя.

ПОРЦІА. Мой выборъ зависить не отъ нѣжной разборчивости дѣвичьихъ глазъ. Лоттерея рѣшитъ мою судьбу и заграждаетъ мнѣ право выбирать по произволу. Но еслибъ отецъ мой не ограничилъ меня, и своею волею не обязалъ отдаться тому, кто пріобрѣтетъ мою руку тѣмъ самымъ способомъ, какимъ я вамъ сказала, то сердце мое, знаменитый принцъ, не предпочло бы вамъ ни одного изъ всѣхъ жениховъ, которыхъ я видѣла до-сихъ-поръ.

МАРОККСКІЙ Принцъ. Благодарю васъ и за это. Такъ прошу же, ведите меня къ ящикамъ испытать счастье. Клянусь этимъ мечомъ, который убилъ шаха и персидскаго принца; который выигралъ три сраженья султану Солиману, — мой взглядъ заставилъ бы потупиться самые грозные глаза; я пересилилъ бы сердце самое смѣлое на землѣ; я оторвалъ бы молодыхъ мед-

вѣжать отъ сосковъ медвѣдицы; да, я пошелъ бы на ревъ голоднаго льва, чтобъ заслужить тебя, прекрасная. Но, увы! еслибъ Геркулесъ и Ликазь стали играть въ кости, чтобъ рѣшить кто изъ нихъ лучше, то на счастье слабая рука моглабъ выбросить больше, и Алкидъ былъ бы побѣжденъ своимъ пажемъ. Такъ могу я, ведомый слѣпой судьбою, лишиться того, что потомъ достанется недостойному, и умереть съ тоски.

Порція. Вы должны вѣряться случаю и наконецъ или совсѣмъ не приступать къ выбору, или прежде выбора поклясться, что если выберете неудачно, то никогда уже не предложите женщинѣ быть вашей женой. — Подумайте же объ этомъ.

Мароккскій Принцъ. Я не хочу думать. Пойдемте, ведите меня къ моей судьбѣ.

Порція. Нѣтъ, прежде въ храмъ. Послѣ обѣда вы испытаете счастье.

Мароккскій Принцъ. Ну такъ на счастье. (Трубы.) Я буду или благословенъ или отверженъ, между людьми. (Уходить.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Венеція. Улица.

Ланселотъ-Говбо (одинъ). Конечно, совѣсть моя поможетъ мнѣ бѣжать отъ этого Жида, хозяина моего. Дьяволъ толкаетъ меня подъ бокъ и вводитъ во искушеніе: «Гоббо, Ланселотъ-Гоббо, добрый Ланселотъ, или добрый Гоббо, или добрый Ланселотъ-Гоббо, дай тягу, дай ногамъ волю, бѣги»; совѣсть говоритъ: «нѣтъ, берегись, честный Ланселотъ, берегись, честный Гоббо, или, какъ сказано выше, честный Ланселотъ-Гоббо, не бѣги, отпихни ногой»

твою охоту бѣжать»; такъ!.. а смѣльчакъ-дьяволъ кричить мнѣ: «убирайся, въ дорогу!» говорить дьяволъ, — «пошелъ» говорить дьяволъ, «ради Бога, прибодрись», говорить дьяволъ «и бѣги»; такъ, а совесть: вѣшается на шею къ моему сердцу, говорить мнѣ весьма-разумно: «мой честный другъ Ланселотъ, сынъ честнаго отца, или лучше сказать сынъ честной матери — батюшка-то вѣдь заглядывался по сторонамъ, билъ на всѣ руки; да, совесть говорить: «Ланселотъ, не трогайся съ мѣста»; — трогайся, говорить дьяволъ; — «ни шага» говорить совесть; — совесть, говорю я, ты совѣтуешь дѣло, и ты, дьяволъ, говорю я, совѣтуешь дѣло; послушаться совѣсти, такъ я останусь съ Жидомъ, моимъ хозяиномъ, это (прости, Господи, мое согрѣшеніе) родъ чорта; бѣжать отъ Жида, такъ будетъ послушаться дьявола, а этого, съ позволенія вашего, самъ настоящій чортъ: конечно, вѣдь и Жидъ сущій дьяволъ во-плоти, — и по-совѣти, моя совесть выходитъ родъ закоснѣлой совѣсти, что совѣтуетъ мнѣ оставаться съ Жидомъ; вотъ, дьяволъ говорить, какъ истинный другъ: бѣгу, дьяволъ, мои ноги въ твоёмъ распоряженіи, бѣгу!

ДВѢНЦЕ III.

ЛАНСЕЛОТЪ и СТАРИКЪ ГОББО съ корзиной.

Говбо. Баринъ! скажите, сударь, пожалуйста, гдѣ пройти въ домъ къ господину-Жиду?

Ланселотъ (въ сторону). Господи Боже мой, да это мой законный батюшка! да онъ не то, что слѣпонецъ, а слѣпѣхонецъ! И меня не узналъ!.. Давай-ка дѣлать опыты надъ нимъ.

Говбо. Послушайте, сударь, скажите, сдѣлайте милость, гдѣ пройти въ домъ къ господину-Еврею?

Ланселотъ. Поверни на-право при первомъ поворотѣ, а при самомъ первомъ повороти на-лѣво, потомъ при первомъ поворотѣ, который ближе всѣхъ, не поворачивай ни направо, ни налѣво, а не совсѣмъ-прямо ступай прямо въ домъ Жида.

Говбо. Съ нами крестная сила! Этакую дорогу трудно будетъ найти. Не можете ли мнѣ сказать — одинъ Ланселотъ, что живетъ у него, живетъ у него или нѣтъ?

Ланселотъ. Ты говоришь о молодомъ баринѣ Ланселотѣ. Смотри жь теперь — (въ сторону) теперь я его заставляю расхныкаться; ты говоришь о господнѣ Ланселотѣ?

Говбо. Не о господинѣ, сударь, а о сынѣ бѣднаго челоуѣка; его отецъ, хоть это говорю и я, честный, крайне бѣдный челоуѣкъ и, благодаренье Богу, у него есть еще кусокъ хлѣба.

Ланселотъ. Хорошо; будь его отецъ чѣмъ хочеть, — мы говоримъ о молодомъ г-нѣ Ланселотѣ?

Говбо. О вашемъ другѣ, сударь, и о Ланселотѣ.

Ланселотъ. Да, въ силу этого, скажи, сдѣлай милость, старикъ—въ-силу этого ты говоришь о молодомъ г-нѣ Ланселотѣ?

Говбо. О Ланселотѣ, если позволите, сударь.

Ланселотъ. Слѣдовательно, о г-нѣ Ланселотѣ; не говори о г-нѣ Ланселотѣ, старикъ; благородный юноша, по волѣ судьбы, какъ говорится, или судьбъ, — по волѣ трехъ сестеръ и прочихъ ученыхъ премудростей,—въ-заправду скончался, или, по просту сказать, на-отрѣзъ, отпавился на тотъ свѣтъ.

Говбо. Боже упаси! малой былъ истинная подюра моей старости!

Ланселотъ. Да я развѣ похожъ на дубину, или на подпорку у сарая, на трость или на костыль? Узнаёте ли вы меня, батюшка?

Говво. Ахъ, глаза! я не узнаю васъ: но пожалуйте, скажите мнѣ, мой сынъ (упокой Боже его душу!) живъ или умеръ?

Ланселотъ. Да развѣ вы не знаете меня, батюшка?

Говво. Ахъ, сударь, я слѣпъ, я не знаю васъ.

Ланселотъ. О, да еслибъ у васъ и хороши были глаза, то и тутъ вы могли бъ не узнать меня: мудрецъ тотъ отецъ, который знаетъ своихъ дѣтей! Ну, почтениый старикъ, я дамъ вамъ извѣстiе о вашемъ сынѣ: благословите меня; правда выйдетъ на свѣтъ; убійство узнаётся, хотя не узнаётся сынъ, — истину не спрячешь въ карманъ.

Говво. Пожалуйте, сударь, встаньте; я увѣренъ, что вы не Ланселотъ, мой малой.

Ланселотъ. Полноте жъ, пожалуйте, дурачиться, а дайте мнѣ ваше благословенiе; я Ланселотъ, вашъ бывшiй малой, вашъ теперешнiй сынъ, ваше будущее дитя.

Говво. Не могу представить, чтобъ вы были мой сынъ.

Ланселотъ. Не знаю, что мнѣ думать объ этомъ; но я Ланселотъ, слуга Жида, и увѣренъ, что Маргерита, ваша жена, мнѣ мать.

Говво. Ее зовутъ Маргерита—точно: я побожусь, если ты Ланселотъ, то ты моя плоть и моя кровь. Господи, Боже мой! какая у тебя борода выросла! на подбородкѣ больше волосъ, чѣмъ у моей коренной лошади на хвостѣ.

Ланселотъ. Такъ видно у нея хвостъ растетъ внутри; я знаю, что онъ былъ длиннѣй моей бороды, какъ мы разстались съ ней.

Говво. Господи, какъ ты перемѣнился! Ну, что? какъ ладишь съ своимъ хозяиномъ? я принесъ ему гостинецъ. Каковы вы теперь съ нимъ?

Ланселотъ. Ладно живемъ; только что до меня— такъ, какъ я положилъ бѣжать, то не стану стоять до-тѣхъ-поръ, пока не пробѣгу сколько-нибудь. Мой хозяинъ сущій Жидъ. Гостинецъ ему!.. ему веревку,— я мру съ голоду у него въ службѣ. Вы можете перечесть мои пальцы * по ребрамъ. Батюшка, я радъ, что вы пришли. Отдайте вапъ гостинецъ одному г-ну Бассаніо: онъ славно одѣваетъ своихъ слугъ. Если я не опредѣлюсь къ нему, то побѣгу такъ далеко, какъ у Бога станетъ земли.—О, неслыханное счастье! Онъ идетъ сюда; батюшка къ нему; будь я Жидъ, если прослужу долѣе Жиду.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, БАССАНІО, ЛЕОНАРДО и другіе слуги.

Бассаніо. Сдѣлайте такъ, только похлопочите, чтобы ужинъ былъ готовъ не позже пяти часовъ. Смотрите, разнеси эти письма; отдай ливреи въ работу и попроси Граціано, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ сейчасъ на домъ.

Ланселотъ. Батюшка, ступай!

Говво. Богъ помощь вашей милости.

Бассаніо. Спасибо; что тебѣ надо?

Говво. Вотъ мой сынъ, сударь, бѣдный малой.

Ланселотъ. Не бѣдный малой, сударь, а богатаго Жидъ слуга; ему бы хотѣлось сударь, какъ мой батюшка растолкуеть . . .

---

* Должно замѣтить, что въ подлинникѣ Ланселотъ и отецъ его говорятъ иногда одно слово вмѣсто другаго.

Говво. Онъ чувствуетъ, сударь, какъ бы сказать, большое предположеніе служить . . .

Ланселотъ. Точно, коротко и ясно: я служу Жиду и имѣю желаніе, какъ мой батюшка растолкуетъ . . .

Говво. Его хозяинъ и онъ (съ позволенія вашей милости) какъ кошка съ собакой.

Ланселотъ. Ну да, дѣло въ томъ, что Жидъ обидѣлъ меня; отъ-того я принужденъ—какъ мой батюшка, человекъ, надѣюсь, старый, растолкуетъ вамъ . . .

Говво. У меня есть здѣсь пара голубей, я хотѣлъ бы предложить вашей милости, — а моя просьба въ томъ . . .

Ланселотъ. Ну, да словомъ, просьба доносится до меня самого, какъ ваша милость узнаетъ отъ этого честнаго старика, и хотя я говорю это, хотъ человекъ старый, а бѣдный человекъ, мой батюшка . . .

Бассаніо. Говори кто-нибудь одинъ; чего хотите вы?

Ланселотъ. Вамъ служить, сударь.

Говво. Въ этомъ-то, сударь, все задержаніе дѣла.

Бассаніо. Я тебя очень знаю; твоя просьба исполнена. Шейлокъ, господинъ твой, говорилъ сегодня со мною, и онъ причиною твоей удачи, — если оставитъ службу богатаго Жида, чтобъ сдѣлаться слугою бѣднаго дворянина, можно назвать удачей.

Ланселотъ. Вы, сударь, съ моимъ хозяиномъ Шейлокомъ раздѣлили по-поламъ старую пословицу: у васъ божья благодать, а у него благостыня.

Бассаніо. Умно сказано. Ступайте жъ, отецъ съ сыномъ. Разочтись съ прежнимъ господиномъ и являйся ко мнѣ въ домъ. (Слугамъ) Дайте ему лаврею богаче другихъ. Смотрите, чтобъ это было сдѣлано.

Ланселотъ. Батюшка, пойдите. Чтѣ, не умѣю я найти мѣста? Нѣтъ у меня языка во рту? Пойдемъ-

те жь. (Смотря на ладонь) Да, изъ всѣхъ людей въ Ита-
ли, которымъ случалось протягивать руку въ знакъ
клятвы, ну есть ли хоть у одного человѣка ладонь
лучше моей? Я непременно буду счастливъ; вотъ, по-
смотрите, просто линия жизни! Вотъ черта,—это такъ
пустяки, это женщина: пятнадцать женъ, великое дѣ-
ло! одиннадцать вдовъ и девять дѣвицъ, это только
почти-необходимое человѣку. А вотъ три раза тонуть
и спастись; вотъ чуть-чуть не отправиться на тотъ
свѣтъ по милости законной супруги,—ну, сухъ же вѣй-
ду изъ воды! Если Фортуна женщина, то на этотъ
разъ она, право, славная баба. Батюшка, пойдемте; вы
не успеете мигнуть, какъ я распрощаюсь съ Жидомъ.

(Ланселотъ и Гоббо уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, кромѣ ГОББО и ЛАНСЕЛОТА.

Бассаніо. Пожалуйста, добрый Леонардо, подумай
обо всемъ. Когда закупишь что нужно и распредѣ-
лишь какъ слѣдуетъ, то воротись поскорѣй; вечеромъ
я угощаю моихъ искреннихъ пріятелей. Поторопись,
ступай.

Леонардо. Буду стараться изо всѣхъ силъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и ГРАЦІАНО.

Граціано. Гдѣ твой господинъ?

Леонардо. Вотъ идетъ, сударь. (Уходитъ.)

Граціано. Синьйоръ Бассаніо!

Бассаніо. Граціано!

Граціано. У меня до васъ просьба.

Бассаніо. Считаю, что она исполнена.

Т. V. — Отд. III.

19

Граціано. Вы не должны отказать: мнѣ надобно вхвать съ вами въ Бельмонтъ.

Бассаніо. Стало-быть, поѣдешь. Но, послушай, Граціано, ты ужь много даешь себѣ воли, ты слишкомъ грубъ и дерзокъ на языкъ. Это довольно идетъ къ тебѣ, и въ нашихъ глазахъ не считается недостаткомъ; но гдѣ тебя не знаютъ, какъ быть! твое обращеніе покажется слишкомъ свободно. Пожалуйста, постарайся подлить нѣсколько прохладительныхъ капель скромности въ кипятокъ своего права; а то, по милости твоихъ дерзкихъ выходовъ, могутъ тамъ, куда я ѣду, перетолковать меня дурно, и я не успѣю въ своихъ надеждахъ.

Граціано. Синьйоръ Бассаніо, послушайте: если я не возьму на себя скромнаго вида, не стану говорить почтительно и призывать чорта только изрѣдка; если не стану носить въ карманѣ молитвенника, смотреть богобоязливо; если за молитвой послѣ обѣда не буду закрывать шляпою глазъ, вотъ такъ, и вздыхать и произносить «аминь», исполнять всѣ правила благочинія, какъ чловѣкъ, который хорошо изучилъ приемы угрюмой наружности, чтобъ понравиться своей бабушкѣ, о, тогда рѣшительно не вѣрьте мнѣ больше!

Бассаніо. Ну, хорошо, увидимъ.

Граціано. Только я выключаю сегодняшній вечеръ. По нынѣшнему вечеру не судите меня.

Бассаніо. Нѣтъ, это было бѣ жалко; напротивъ, сегодня ужь, пожалуйста, развернись передъ нами; друзья наши намѣрены повеселиться. Но прощай; у меня есть еще дѣло.

Граціано. А я пойду отыщу Лоренцо и прочихъ, и къ у_____ мы явимся къ вамъ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Комната въ домъ Шейлока.

ДЖЕССИКА и ЛАНСЕЛОТЪ.

ДЖЕССИКА. Мнѣ больно, что ты такъ оставишь отца моего; нашъ домъ—адъ, а ты, веселый домовой, заглашалъ въ немъ иногда запахъ скуки. Но иди съ Богомъ, вотъ тебѣ червонецъ. Да, Ланселотъ, ты нынче увидишь заужиномъ Лоренцо; онъ будетъ въ-гостяхъ у твоего новаго господина: отдай ему это письмо, только тихонько. Итакъ прощай. Я не хотѣла бѣ, чтобъ батюшка видѣлъ, что я разговариваю съ тобой.

ЛАНСЕЛОТЪ. Прощайте. Слезы показываютъ мой лзыкъ. О, прекрасная лзычница! премилал Жидовка! Если христіанинъ не поднимется на плутни и не получить тебл, то я очень ошибаюсь. Прощайте.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДЖЕССИКА (одна). Прощай, добрый Ланселотъ. Ахъ, какой ненавистный грѣхъ лежитъ на мнѣ, что я стѣжусь быть дочерью своего отца! Но хотя я дочь ему по крови, я не дочь по чувствамъ. О, Лоренцо! если ты удержишь обѣщаніе, во мнѣ кончится эта борьба, я сдѣлаюсь христіанкой и твоей нѣжной женой. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Улица въ Венеци.

ГРАЦИАНО, ЛОРЕНЦО, САЛАРИНО и САЛАНІО, потомъ ЛАНСЕЛОТЪ.

ЛОРЕНЦО. Нѣтъ, мы ускольземъ изъ-за ужина, переодѣнемся у меня на квартирѣ и воротимся меньше, чѣмъ черезъ часъ.

ГРАЦИАНО. Да мы почти-ничего не приготовили.

Саларино. Не сказали ни слова о томъ, кто поестъ факелы.

Саланио. Если этого не устроить щегольски, то это будетъ скверно; лучше, по-моему, не начинать.

Лоренцо. Теперь четыре часа; намъ еще остается два, чтобы достать все, что нужно.

(Ланселотъ входитъ съ письмомъ.)

Лоренцо. Ну, что, братъ-Ланселотъ, новаго?

Ланселотъ. Не угодно ли вамъ будетъ разломить эту печать? тутъ вѣрно обозначено что-нибудь.

Лоренцо. Я знаю руку... О, прелестная рука! и бѣлье чѣмъ бумага, на которой писано, та прелестная рука, которая писала!

Граціано. Любовныя вѣсти, видно?

Ланселотъ. Съ вашего позволенія, сударь...

Лоренцо. Куда же ты идешь?

Ланселотъ. Куда, сударь? Звать моего прежняго господина, Жида, ужинать сегодня вечеромъ къ моему новому господину, христіанину.

Лоренцо. Постой, вотъ возьми себѣ. Скажи милой Джессикѣ, что я сдержу слово. Скажи это потихоньку (Ланселотъ уходитъ). Ну, господа, что жь, хотите ли приготовить къ вечернему маскараду? У меня теперь будетъ кому нести факелы!

Саларино. Такъ я отправлюсь сію-минуту хлопотать.

Саланио. И я также.

Лоренцо. Черезъ часъ вы меня и Граціано найдете у него въ квартирѣ.

Саларино. Хорошо, мы явимся.

(Саларино и Саланио уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ X.

ГРАЦИАНО и ЛОРЕНЦО.

Грациано. Это письмо отъ прекрасной Джессики?
 Лоренцо. Надобно сказать тебѣ все. Она пишетъ мнѣ, какимъ-образомъ я-долженъ похитить ее изъ отцовскаго дома, сколько золота и каменьева она возьметъ съ собою, и что у ней готово уже платье пажа. Если Жидъ, отецъ ея, будетъ когда-нибудь на небѣ, то ужь конечно по милости своей дочери, и несчастіе никогда не осмѣлится перейти ей дорогу, развѣ только подѣтъ предлогомъ, что она отъ племени невѣрнаго Жида. Ну, пойдемъ со мною. Прочти это письмо, пока ты будешь идти: прекрасная Джессика понесетъ возлѣ меня факель. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Улица предъ домомъ Шейлока.

ШЕЙЛОКЪ и ЛАНСЕЛОТЬ, потомъ ДЖЕССИКА.

Шейлокъ. Хорошо; ты узнаешь, ты собственными глазами увидишь разницу между старымъ Шейлокомъ и Бассаніо. Эй, Джессика!.. Ты перестанешь объѣдаться,—не то, какъ бывало у меня... Эй, Джессика!.. И спать, и храпѣть, и драть на себѣ одежду... Эй, Джессика, слышишь ли?

ЛАНСЕЛОТЬ. Эй, Джессика!

Шейлокъ. Кто велитъ тебѣ кликать? я не приказывалъ тебѣ кликать.

Ланселоть. У васъ, сударь, былъ обычай говорить мнѣ, что я ничего не умѣю сдѣлать безъ приказанія. (Джессика входитъ.)

ДЖЕССИКА. Вы кликали? что вамъ угодно?

Шейлокъ. Я званъ ужинать, Джессика; вотъ ключи... Да за-чѣмъ мнѣ идти? вѣдь меня позвали не изъ

дружбы, они льстятъ мнѣ; однако я пойду изъ ненависти, чтобъ наѣсться на-счетъ мота - христіанина. Джессика, дочь моя, посмотри за домомъ... истинно, мнѣ что-то не хочется идти; какаля-нибудь бѣда готовится противъ моего спокойствія: недаромъ мнѣ снились ночью мѣшки съ деньгами.

Ланселотъ. Сдѣлайте милость, сударь, ступайте; вы узнаете, каковъ мой молодой баринъ...

Шейлокъ. И онъ узнаетъ меня!

Ланселотъ. А они тамъ сдѣлали заговоръ; я не говорю, что вы увидите маскарадъ; но если увидите, такъ не даромъ же у меня шла кровь изъ носа въ прошлый чистый понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра, чему въ среду на масляницѣ въ нынѣшнемъ году, послѣ обѣда, было ровно четыре года.

Шейлокъ. Что? будутъ маски?—Послушай, Джессика, запри двери, и когда услышишь барабанъ и отвратительное визжанье кривошейной дудки, не лазай къ окнамъ и не показывай головы на улицу, чтобъ смотрѣть на безумныхъ христіанъ съ намзавными лицами; но заткни уши моего дома,—я разумью ставни, — да и одинъ звукъ дурацкой суеты не внидетъ въ мой благонравный домъ. Клянусь жезломъ Іакова, что у меня нѣтъ никакой охоты идти пировать сегодня вечеромъ, но я пойду. Ступай впередъ, скажи, что я буду.

Ланселотъ. Я пойду, сударь, впередъ. Сударыня, что онъ ни говори, а вы все-таки посмотрите въ окно мимо пройдетъ христіанинъ, достойный взгляда Жидовки. (Ланселотъ уходитъ).

Шейлокъ. Что сказалъ тебѣ этотъ дуракъ отъ племени агарянскаго? а?

Джессика. Онъ сказалъ «будьте здоровы» и больше ничего.

Шейлокъ. Дуракъ довольно-добрый, да ужасный обжора; на прибыль неповоротливъ, какъ черепаха, а спать во дню больше, чѣмъ дикая кошка; трутни не водятся у меня въ ульѣ; отъ этого я расстаюсь съ нимъ и уступаю другому, чтобъ онъ помогъ ему опорожнить кошелекъ съ занятыми деньгами. Ну, Джессика, ступай въ домъ; можетъ - быть, я тотчасъ ворочусь. Сдѣлай, какъ я велѣлъ, запри за собой двери: бережного и Богъ бережетъ; эта пословица не устарѣетъ никогда для человѣка расчетливаго. (Уходитъ.)

Джессика. Прощайте; и если счастье не вздумаетъ мнѣ поперечить, то я лишилась отца, а вы дочери. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ГРАЦІАНО и САЛАРИНО замаскированные.

Граціано. Вотъ навѣсь, подъ которымъ Лоренцо просилъ дожидаться.

Саларино. Его часъ прошелъ почти.

Граціано. Странно, что онъ опаздываетъ: влюбленные всегда бѣгутъ впередъ противъ часовъ.

Саларино. О, голуби Венеры летятъ въ-десятеро скорѣе, когда надо заключить новый союзъ любви, нежели тогда, какъ надо исполнить обязанность обѣщанной вѣрности.

Граціано. Это во всемъ такъ. Ктѣ встаетъ изъ-за стола съ такимъ же аппетитомъ, съ какимъ съѣлъ? Гдѣ конь, который побѣжитъ назадъ по утомительной дорогѣ съ тѣмъ же неукротимымъ огнемъ, съ какимъ съ-начала бѣжалъ по ней?—Гоняться за вещью пріятной, чѣмъ наслаждаться ею. Какимъ рѣзвымъ юношей, какимъ блуднымъ сыномъ выходитъ нарядный корабль изъ роднаго залива! его ласкаетъ и обнимаетъ распутный вѣтеръ. Какимъ блуднымъ сыномъ возвра-

щается онъ! ребра избиты непогодой, паруса въ ломотьяхъ, изнуренный, оборванный и нищій по милости распутнаго вѣтра. . .

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ЛОРЕНЦО.

САЛАРИНО. Вотъ и Лоренцо; объ этомъ послѣ.

ЛОРЕНЦО. Любезные друзья, простите, что опоздалъ: не я, но дѣла мои заставили васъ дожидаться. Когда вамъ прійдетъ охота воровать себѣ жену, я для васъ стану караулить также долго. Подойдите, здѣсь живетъ мой тестъ Жидъ. Эй! кто тамъ?

ДЖЕССИКА (у окна въ мужскомъ платьѣ). Джессика. Кто вы? скажите, чтобъ мнѣ больше увѣриться, хотя я побожусь, что узнала васъ по голосу.

ЛОРЕНЦО. Лоренцо и любовь твоя.

ДЖЕССИКА. Лоренцо—такъ; и любовь моя, правда. Въ-самомъ-дѣлѣ, кого я столько люблю? И кромѣ тебя, Лоренцо, кто можетъ знать, я также ли твоя любовь?

ЛОРЕНЦО. Небо и твое сердце свидѣтели тому.

ДЖЕССИКА. Вотъ, лови этотъ ящикъ: онъ стѣнитъ труда. Я рада, что теперь вечеръ, и ты не видишь меня, а то мнѣ было бы очень-стыдно, что я такъ перодѣлась; впрочемъ любовь слѣпа и влюбленные не могутъ видѣть милыхъ шалостей, которыя сами дѣлаютъ; а если бы могли, то и Купидонъ покраснѣлъ бы, увидавъ, что я переряжена въ мальчика.

ЛОРЕНЦО. Сойди, ты понесешь возлѣ меня факель.

ДЖЕССИКА. Какъ, я должна освѣтить мой собственный стыдъ? Онъ мнѣ и безъ того слишкомъ слишкомъ ясенъ. Это должность видная, а мнѣ надо скрываться.

Лоренцо. Да ты, милый другъ мой, скрыта уже прелестнымъ нарядомъ мальчика. Сойди поскорѣй; вечеръ бѣжить, а насъ ждуть у Бассаніо на праздникъ.

Джессика. Я только запру двери, озолочу себя еще червонцами и сейчасъ буду съ тобой. (Отходить отъ окна).

Граціано. Клянусь, она не Жидовка.

Лоренцо. Будь я проклятъ, если не люблю ее всѣмъ сердцемъ! Она умна, сколько я могу судить о ней; она прекрасна, если мои глаза не обманываютъ меня; она искрення, какъ то уже доказала, а—потому такая женщина, какъ она, умная, прекрасная и искренняя, должна занять навсегда мѣсто въ моемъ постоянномъ сердцѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, ДЖЕССИКА, потомъ АНТОНІО.

Лоренцо. А, ты здѣсь? Пойдемте, господа. Наши замаскированные товарищи вѣрно ждуть насъ.

(Уходитъ съ Джессикой и Саларино).

Антоніо (входя). Кто тутъ?

Граціано. Синьоръ Антоніо.

Антоніо. Помилуй, Граціано, гдѣ же другіе? Ужъ девять часовъ. Друзья наши всѣ ждуть васъ. Теперь не до маскарада. Поднимается вѣтеръ — и Бассаніо садится сей-часъ на корабль. Я послалъ челоуѣкъ двадцать отыскивать васъ.

Граціано. Я очень-радъ; я не желаю другаго удовольствія, какъ пуститься поморю и ѣхать въ нынѣшнюю же ночь. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Бельмонтъ. Комната въ домъ Порции.

ПОРЦИЯ съ МАРОККСКИМЪ ПРИНЦЕМЪ и ихъ свита.
Звукъ трубъ.

ПОРЦИЯ. Отдерните занавѣски и откройте ящики передъ благороднымъ принцемъ. Теперь выбирайте.

Принцъ мароккскій. Первый золотой, на немъ надпись: *Кто выберетъ меня, получитъ, чего многие желаютъ.* Второй серебряный, на немъ обѣщанье: *Кто выберетъ меня, получитъ чего достоинъ.* Этотъ третій, тусклый свинецъ съ такимъ же темнымъ объявленіемъ: *Кто выберетъ меня, долженъ отдать и вѣрить случаю все, что имѣеть.* Какъ же я узнаю, что выбралъ настоящій?

ПОРЦИЯ. Въ одномъ изъ нихъ мой портретъ, принцъ: если вы выберете его, тогда съ нимъ и я ваша.

Принцъ мароккскій. Благодарственное божество да направитъ мой разумъ! Посмотримъ. Еще разъ перегляжу надписи. Что говорить свинцовый ящикъ? *Кто выберетъ меня, долженъ отдать и вѣрить случаю все, что имѣеть.* Долженъ отдать—изъ чего? изъ свинца? вѣрить все случаю изъ свинца? Этотъ ящикъ пугаетъ. Люди, которые вѣряются случаю, дѣлаютъ это въ надеждѣ большихъ выгодъ. Золотое сердце не прельстится блесками грязнаго металла.—Такъ я не отдамъ и не вѣрю случаю ничего изъ свинца. Что говорить серебряный, съ своимъ дѣвственнымъ цвѣтомъ? *Кто выберетъ меня, получитъ, чего достоинъ.* Остановись, принцъ мароккскій, и взвѣсь вѣрною рукою свои достоинства. Если ты станешь цѣнить себя по мнѣнію, какое о себѣ имѣешь, ты достоинъ многого, но этого многого, можетъ - быть, еще недовольно, чтобъ до-

стигнуть до прекрасной Порціи. Однако сомнѣваться въ своихъ достоинствахъ значило бы малодушно унижать самого-себя. Получу чего достоинъ! Ну, да это—невѣсту. Я достоинъ ея по рожденію и по богатству, по моей ловкости и моему воспитанію, а еще больше достоинъ по моей любви. Что, если я не стану долго теряться въ догадкахъ и выберу этотъ. Посмотримъ еще разъ надпись, вырванную на золотъ: *Кто выберетъ меня, получитъ чего многіе желаютъ.* Ну, да это она. Весь міръ желаетъ ее. Съ четырехъ концовъ земли идутъ къ этой святынѣ, къ этому смертному божеству. Гирканскія степи и обширныя пустыни пространной Аравіи стали теперь большими дорогами: столько принцевъ ѣдутъ взглянуть на прекрасную Порцію. Водяное царство, котораго надменная голова плюетъ въ лицо небу уже не преграда отважнымъ чужестранцамъ, и они переплываютъ черезъ него, какъ черезъ ручей, чтобъ видѣть прекрасную Порцію. Одинъ изъ этихъ трехъ ящичковъ вмѣщаетъ ея небесный портретъ. Вероятно ли, чтобъ свинецъ вмѣщалъ его? Проклятіе на такую низкую мысль! Грубый свинецъ не стѣдитъ и того, чтобъ скрыть ея саванъ въ мрачной могилѣ. Но не уже ли она заключена въ серебрѣ и оцѣнена въ-десятеро дешевле чистаго золота? О, грѣшная мысль! никогда такая жемчужина не была въ другой оправѣ, кромѣ золотой. У Англичанъ есть монета съ изображеніемъ ангела, вырванномъ на золотъ; но тамъ онъ тиснутъ снаружи, а здѣсь ангелъ лежитъ внутри золотой постели. Выдайте мнѣ ключъ. Что бъ ни случилось, я выбираю этотъ.

Порція. Вотъ, возьмите, принцъ, и если мой портретъ лежитъ здѣсь, то я ваша.

Принцъ мароккскій (открывъ золотой ящикъ). О ахъ! что мы находимъ тутъ? человѣчскій черепъ!

Въ его пустомъ глазѣ исписанный свитокъ... Прочту, что написано: «Не все то золото, что блеститъ; часто ты слыхалъ про это; многіе изъ людей продали свою жизнь, чтобъ только посмотрѣть на мою наружность; золотые гробы скрываютъ червей! Если бы ты былъ такъ же благоразуменъ, какъ смѣлъ, молодъ тѣломъ, старъ разсудкомъ, отвѣтъ тебѣ не былъ бы въ этомъ свиткѣ. Прощай, мертвый холодъ за твою любовь...» Да, мертвый холодъ, и трудъ потерянъ! И такъ прости, жаръ, и здравствуй, холодъ!—Порція, прости! Мое сердце такъ уязвлено, что не вынесетъ томительныхъ прощаній: кто все проигралъ, уходитъ, какъ я.

(Уходитъ.)

ПОРЦІА. Дѣло кончилось благополучно! Задержи завѣски. Ахъ, если бъ всѣмъ такого цвѣта, какъ онъ, также удалось выбрать меня! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Улица въ Венеціи.

САЛАРИНО и САЛАНІО.

САЛАРИНО. Да, братъ, я видѣлъ, какъ поѣхалъ Бассаніо; съ нимъ отправился Граціано, а Лоренцо нѣтъ у нихъ на корабль, я въ этомъ увѣренъ.

САЛАНІО. Мерзавецъ-Жидъ встревожилъ криками дожа, который пошелъ съ нимъ обѣискивать корабль Бассаніо.

САЛАРИНО. Да пришелъ поздно: корабль былъ уже въ морѣ. Но дожу дали знать, что въ одной гондолѣ видѣли Лоренцо вмѣстѣ съ его влюбленной Джессикой. Сверхъ-того, и Антоніо поручился дожу, что ихъ нѣтъ на корабль у Бассаніо.

САЛАНІО. Я никогда не слыхивалъ такой путаницы, такого неистовства и сумасбродства, съ какимъ

собака-Жидъ кричитъ по улицамъ: «моя дочь! мои червонцы! о моя дочь! убежала съ христіаниномъ! о мои христіанскіе червонцы! правосудіе, законъ! мои червонцы и моя дочь! запечатанный мѣшокъ! два запечатанные мѣшка съ червонцами, съ двойными червонцами, украденными моею дочерью! а вещи: два камня, два богатые, драгоцѣнные камня — украдены моею дочерью! правосудіе! найдите мою дочь, на ней мои камни и червонцы!»

Саларіно. Всѣ мальчишки въ Венеціи бѣгаютъ за нимъ и кричатъ: «его камни, его дочь, его червонцы!»

Салланіо. Какъ бы добрый Антоніо не пропустилъ срока, а то онъ поплатится за это!

Саларіно. Ты къ-статіи вспомнилъ. Я разговаривалъ вчера съ однимъ Французомъ; онъ сказывалъ мнѣ, что въ проливѣ, который отдѣляетъ Францію отъ Англіи, погибъ какой-то изъ нашихъ кораблей съ богатымъ грузомъ. Я думалъ объ Антоніо, когда онъ говорилъ, и въ-тайнѣ желалъ, чтобъ это былъ не его.

Салланіо. Ты лучше сказалъ бы Антоніо, что слышалъ; только не скажи этого вдругъ, а то можешь огорчить его.

Саларіно. Нѣтъ человѣка на землѣ такого добраго. Я видѣлъ, какъ разставались Бассаніо и Антоніо: Бассаніо говорилъ ему, что поспѣшить воротиться. «Не спѣши» отвѣчалъ онъ: «изъ меня не порти опрочечивостью своего дѣла, Бассаніо; но терпѣливо выжди время. Что жъ касается до моего условія съ Жидомъ, пожалуйста, не давай ему мѣста между мыслями твоей влюбленной души. Будь веселъ, обрати главное вниманіе на то, чтобъ понравиться, и на прекрасныя доказательства любви, какія тамъ покажутся тебѣ приличны... При этомъ словѣ глаза у него налились сле-

замѣ; онъ отвернулся, протянулъ руку назадъ и съ нѣжностію, удивительно-трогательной, сжалъ руку Бассанію; такъ они разстались.

САЛАНІО. Мнѣ кажется, онъ любить міръ только ради Бассанію. Пожалуйста, пойдемъ, отъищемъ его и постараемся какнѣмъ-либо удовольствіемъ разсѣять тяжелыя думы, которымъ онъ предается.

САЛАРИНО. Да, пойдемъ. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

НЕРИССА и СЛУТІИ.

НЕРИССА. Живѣй, живѣй, отдерните поскорѣе занавѣсъ; принцъ аррагонскій произнесъ клятву и идетъ тсперь выбирать. (Слышенъ звукъ трубъ).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ, ПОРЦІА, ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ и нѣкѣ свѣта.

ПОРЦІА. Вотъ стоятъ лицики, благородный принцъ; если выберете вы тотъ, въ которомъ я, мы тотъ-часъ же приступимъ къ торжеству нашего брачнаго обряда; но если ошибетесь, то должны, не возражая ни слова, немедленно ѣхать отсюда.

ПРИНЦЪ. Я обязался клятвою выполнить три условія: во-первыхъ, никогда не открывать, кому бы то ни было, какой лицикъ я выберу; потомъ, если не отгадаю настоящаго лицика, никогда въ цѣлую жизнь не предлагать женщины быть моею женою; наконецъ, если буду несчастливъ въ своемъ выборѣ, тотъ-часъ оставить васъ и ѣхать.

Порція. Эти условія сохранить долженъ поклѣсть-ся каждый, кто изъ монаховъ ничтожныхъ достоинствъ захочетъ испытать свою судьбу.

Принцъ. Я то и сдѣлалъ. Теперь, счастье, помоги надеждѣ моего сердца! Золото, серебро и низкій свинецъ. *«Кто выберетъ меня, долженъ отдать и вѣрнуть слугаю все, что имѣеть.»* Сдѣлайся покрасивѣе, прежде, чѣмъ я отдамъ все и вѣрюсь случаю. Чтѣ говорить золотой ящикъ? А, посмотримъ. *«Кто выберетъ меня, получитъ, чего многіе желаютъ.»* Чего многіе желаютъ! Чтѣ значитъ многіе? глупая толпа, которая выбираетъ по виду, знаетъ только то, чему ее учатъ обольщенные глаза; которая не проникаетъ во внутренность, но, какъ ласточка, вьетъ гнѣздо подъ непогодой, на наружной стѣнѣ, на пути и подъ ударами гибельныхъ случаевъ. Я не выберу, чего многіе желаютъ, не хочу слѣдовать примѣру пошлыхъ умовъ и стать на-ряду съ дикою толпою. Итакъ къ тебѣ, серебряная сокровищница: скажи мнѣ еще разъ, какое титло ты носишь. *«Кто выберетъ меня, получитъ, чего достоинъ.»* Хорошо сказано; въ-самомъ-дѣль, кто пойдетъ обманывать счастье и добиваться почестей, не имѣя клейма заслуги? Да не дерзнетъ никто присвоивать себѣ незаслуженной чести! О, если бѣ богатства, отличія и высокій санъ не приходились даромъ, и если бѣ свѣтлыя почести покупались всегда достоинствами челоувѣка! сколько бѣ людей съ непокрытой головой надѣло шляпу, сколько бѣ слушалось, которые приказываютъ!— сколько зеренъ низости отдѣлилось бы отъ истиннаго сѣмени чести! и сколько бѣ чести отыскивали въ соломѣ и въ развалинахъ время, чтобъ придать ей опять ея прежній блескъ! Но обратимся къ выбору. *«Кто выберетъ меня, получитъ, чего дос-*

тоинъ». Я хочу взять заслуженное. Дайте мнѣ ключъ отъ этого и скорѣе отоприте,—тутъ мое счастье.

ПОРЦІА. Вы слишкомъ-долго медлили изъ того, что находите здѣсь.

ПРИНЦЪ. Что это здѣсь? Портретъ какого-то болвана съ дурацкой улыбкой; онъ подаетъ мнѣ бумагу. Прочтемъ. О, какъ ты непохожъ на Порцію; какъ ты непохожъ на мои надежды и на мои достоинства! *«Кто выберетъ меня, получитъ, чего достоинъ.»* Не ужь ли я ничего не стою, кромѣ головы дурака? Эта ли мнѣ награда? Не ужь ли я не заслужилъ ничего лучше?

ПОРЦІА. Ошибаться и разсуждать два разные дѣла и различныхъ свойствъ.

ПРИНЦЪ. Что тутъ есть? «Семь разъ огонь искушалъ это серебро, семь разъ былъ искушаемъ тотъ разумъ, который не выбиралъ никогда не въ-попадъ. Есть многіе, они обнимаютъ тѣнь, но за то имъ дастся только тѣнь счастья; есть дураки на землѣ, я знаю, всѣ въ серебрѣ: таковъ и я; на какой женѣ ты ни женись, моя голова все будетъ у тебя на плечахъ. Такъ отправляйся, тебѣ отставка.»—Чѣмъ долѣе я останусь здѣсь, тѣмъ глупѣе покажусь. Приѣхалъ свататься съ одной дурацкой головой, а возвращаюсь съ двумя. — Прекрасная, прости, я сдержу клятву терпѣливо перенести несчастье. (Уходитъ со всею свитой.)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, кромѣ ПРИНЦА и его свиты.

ПОРЦІА. Такъ мотылекъ обжегся на свѣчѣ! Охъ, эти разсуждающіе глупцы! когда они выбираютъ, то дѣлаются такъ умны, что, благодаря уму, лишаются мня.

Нерисса. Въ старинной пословицѣ нѣтъ нисколько суевѣрія: «вѣщаетъ и женить судьба».

Порція. Поди, задерни занавѣсъ, Нерисса.

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

Слуга. Гдѣ госпожа ?

Порція. Здѣсь. Что тебѣ надо ?

Слуга. Сударыня , у воротъ остановился сей-часъ молодой Венеціанецъ ; онъ пріѣхалъ впередъ , чтобъ объявить о прибытіи своего господина, отъ котораго привезъ чувствительный поклонъ, т. е., кромѣ учтивостей и ласковыхъ словъ, подарки высокой цѣны. Я еще не видывалъ такого пріятнаго посланника любви; никогда апрѣльскій день не появлялся такъ мило, чтобъ показать намъ какое богатое лѣто слѣдуетъ за нимъ , какъ этотъ передовой явился передъ своимъ господиномъ.

Порція. Ну, полно жъ, пожалуйста. Я ужъ боюсь, ты мнѣ сейчасъ скажешь , что онъ тебѣ родня , потому-что тратишь свой праздничный умъ на похвалы ему. Пойдемъ , пойдемъ , Нерисса , я нетерпѣливо желаю видѣть эту почту любви , которая пришла такъ вѣжливо.

Нерисса. О, госпожа любовь ! если бъ это былъ Бассаніо ! (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Площадь въ Венеціи.

САЛАНІО и САЛАРИНО.

САЛАНІО. Ну, что новаго на Ріальто?

САЛАРИНО. Тамъ еще все увѣряютъ, что у Антоніо корабль съ богатымъ грузомъ претерпѣлъ кораблекрушеніе въ проливѣ, который отдѣляетъ Францію отъ Англии. Не помню, какъ называютъ мѣсто, но это, сказываютъ, самая опасная и гибельная мель. На ней погребены обломки многихъ огромныхъ кораблей, если только сплетница-молва честная женщина.

САЛАНІО. Я хотѣлъ бы, чтобъ на этотъ разъ она лгала хуже всякой сплетницы, какой случилось жевать прыжки или увѣрять сосѣдей, что оплакиваетъ смерть третьяго мужа. Но безъ дальняго болтовства обратимся прямо къ дѣлу. Это правда, что добрый Антоніо, честный Антоніо—ахъ, если бъ я могъ дать ему такой хорошій титулъ, который былъ бы подѣласть къ его имени!...

САЛАРИНО. Ну, да наконецъ, что же?

САЛАНІО. Ну, что ты говоришь? копецъ тотъ, что онъ лишился корабля!

САЛАРИНО. Дай Богъ, чтобъ этимъ кончились его потери!

САЛАНІО. Поскорѣй сказать «аминь», а то дьяволъ помѣшаетъ моей молитвѣ; видишь, онъ идетъ къ намъ въ образѣ Жида.

ДВѢДЕНІЕ II.

ТЪ ЖЕ И ШЕЙЛОКЪ.

САЛАНИО. Ну что, Шейлокъ? Что новаго у купцовъ?

ШЕЙЛОКЪ. Вы знаете лучше другаго, лучше всякаго другаго о побѣгъ моей дочери.

САЛАРИНО. Это правда. Что до меня, то я знаю, какой портной сшилъ ей крылья, на которыхъ она улетѣла.

САЛАНИО. И Шейлокъ съ своей стороны зналъ, что птица уже оперилась, а въ это время у нихъ у всѣхъ, обычной покидать свою мать.

ШЕЙЛОКЪ. Она будетъ покинута Богомъ за то!

САЛАРИНО. Да, если дьяволъ сдѣлается ея судьбою.

ШЕЙЛОКЪ. Моей собственной плоти и крови взбунтоваться противъ меня!

САЛАНИО. Пошелъ, старый! гдѣ имъ взбунтоваться въ твои лѣта!

ШЕЙЛОКЪ. Я называю мою дочь моею плотью и кровью.

САЛАРИНО. Да между твоею и ся плотью больше разницы, чѣмъ между сажей и слоновою костью; а между вашей кровью больше, чѣмъ у краснаго вина съ краснымъ уксусомъ.—Скажи-ка намъ, слышалъ ты, правда, что у Антонио погибло что-то на морѣ, или нѣтъ?

ШЕЙЛОКЪ. Вотъ еще мнѣ убытокъ! Банкрутъ, мотъ, который едва смѣетъ показывать глаза на Риальто, нищій, который всегда прихаживалъ на биржу такимъ чопорнымъ. . . Помнить ли онъ условіе? Онъ, бывало, называлъ меня ростовщикомъ; помнить ли онъ условіе? Онъ, бывало, давалъ деньги въ-займы изъ христіанскаго добродушія. . . Помнить ли онъ условіе?

Саларино. Ну, да я увѣренъ, если онъ просрочить, ты не захочешь его мяса, на что тебѣ оно?

Шейлокъ. Чтобъ прикармливать на него рыбу, если оно не годится на пищу моему мщенію. Онъ позорилъ меня и помѣшалъ въ дѣлѣ полумилліонномъ, хохоталъ надъ моими потерями, насмѣхался надъ моими приобрѣтеніями, безчестилъ мой народъ, портилъ мои торги, охлаждалъ моихъ друзей, поджигалъ враговъ—и за что? Я Жида. Да развѣ у Жида нѣтъ глазъ, развѣ у Жида нѣтъ рукъ, органовъ, соразмѣрности въ частяхъ, чувствъ, привязанностей, страстей? Насъ питаетъ та же пища, то же оружіе ранить насъ; мы подвержены тѣмъ же болѣзнямъ, лечимся тѣми же средствами, грѣемся и злимъ отъ той же зимы и отъ того же лѣта, какъ христіане. Если вы защекочете насъ, развѣ мы не засмѣедемъ? Если вы отравите насъ, развѣ мы не умремъ? и если вы обидите насъ, развѣ мы не отомстимъ? Когда мы похожи на васъ во всемъ другомъ, мы хотимъ походить и въ этомъ. Если Жида обидитъ христіанина, что дѣлаетъ онъ съ своимъ смиреніемъ? Мститъ. Если христіанинъ обидитъ Жида, что должно этому дѣлать, по примѣру христіанина? а? мститъ. Мерзости, которымъ вы меня учите, я употреблю въ дѣло, и мудроно будетъ, коли не превзойду учителей.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА, ПОТОМЪ ТЮБАЛЬ.

Слуга. Господѣ, синьоръ Антоніо у себя дома и желаетъ говорить съ вами обоими.

Саларино. Мы его вездѣ искали.

(Въ это время входитъ Тюбаль.)

САЛАНІО. Вотъ и другой того же племени; третьяго не найдешь имъ подѣ-масть, развѣ самъ чортъ поидеть въ Жиды. (Саларинно, Саланіо и слуга уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЮБАЛЬ и ШЕЙЛОКЪ.

ШЕЙЛОКЪ. Ну, что Тюбаль? что новаго изъ Генуи? нашелъ ли ты мою дочь?

ТЮБАЛЬ. Во многихъ мѣстахъ я слышала о ней, но найти ее не могъ.

ШЕЙЛОКЪ. Ну, такъ, такъ, такъ! погибъ алмазь, что стоилъ мнѣ во Франкфуртѣ 2000 червонцевъ! Проклятія до-сихъ-поръ не было никогда на нашемъ народѣ! я до-сихъ-поръ никогда не чувствовалъ его! Двѣ тысячи червонцевъ тутъ!.. А другіе драгоценные, драгоценные камни! О, пусть бы дочь умерла у моихъ ногъ, да съ этими камнями въ ушахъ! Пусть бы ввалили ее въ гробъ у моихъ ногъ, да съ червонцами въ гробъ!—Нѣтъ извѣстія о нихъ? Ну, да! И я не знаю еще, что истрачено въ поискахъ... О, потери за потерей! Воръ столько унесъ и столько надо, чтобъ отыскать вора, и нѣтъ удовлетворенія, нѣтъ средства отмстить, и нѣтъ несчастія ни съ кѣмъ!.. Есть несчастіе; да давить только меня, есть вздохи, да только изъ моей груди; есть слезы, да только изъ моихъ глазъ...

ТЮБАЛЬ. О, нѣтъ, и другіе могутъ жаловаться на несчастіе! Антоніо, какъ мнѣ сказывали въ Генуѣ...

ШЕЙЛОКЪ. Что, что, что?.. несчастіе, несчастіе?..

ТЮБАЛЬ. Лишился корабля, что шелъ изъ Триполя.

ШЕЙЛОКЪ. Слава Богу, слава Богу!—Да правда ли? правда ли?

Тюваль. Я говорилъ кое-съ-къмъ изъ матросовъ, которые спаслись отъ кораблекрушенія.

Шейлокъ. Спасибо, добрый Тюваль. Добрыя вѣсти добрыя вѣсти! Ха! ха! ха! Гдѣ? въ Генуѣ?

Тюваль. Твоя дочь истратила въ Генуѣ, какъ мнѣ сказывали, въ одинъ вечеръ 80 червонцевъ.

Шейлокъ. Ты вонзаешь въ меня кинжалъ! Стало, я никогда больше не увижу своего золота? Восемьдесятъ червонцевъ за одинъ разъ! восемьдесятъ червонцевъ!

Тюваль. Разныя займодавцы Антонио прѣехали со мной въ Венецію; они божатся, что ему нечего другаго дѣлать, какъ объявить себя банкротомъ.

Шейлокъ. Очень-радъ: я стану мучить его, стану пытать его, — очень-радъ.

Тюваль. Одинъ изъ нихъ показывалъ мнѣ кольцо, которое получилъ отъ твоей дочери за обезьяну.

Шейлокъ. Провались съ нею! Ты терзаешь меня, Тюваль: это моя бирюза, мнѣ досталась отъ Лига, когда еще я былъ холостымъ. Я не отдалъ бы ея за цѣлую степь обезьянъ.

Тюваль. А Антонио, видно, правда, что разорился?

Шейлокъ. О, правда, сушая правда! Ступай, Тюваль, купи мнѣ какого-нибудь исполнителя правосудія, приговори его за двѣ недѣли впередъ. Я хочу взять у него сердце, если онъ просрочить. Не будь только его въ Венеціи; я могу вести торгъ, какой мнѣ угодно . . . Ступай, ступай, Тюваль, ты найдешь меня потомъ у насъ въ синагогѣ. Ступай, добрый Тюваль; у насъ въ синагогѣ, Тюваль. (Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ V.

Дѣйствіе въ Бельмонтѣ. Комната въ домѣ Порціи; ящики выставлены.

БАССАНІО, ПОРЦІА, ГРАЦІАНО, НЕРИССА и СВИТА.

Порція. Прошу васъ, остановитесь; подождите день или два, прежде чѣмъ отважитесь. Если вы ошибетесь въ выборѣ, я лишусь вашего общества; такъ помедлите сколько-нибудь: что-то говоритъ мнѣ (однако это не любовь), что я не хотѣла бы лишиться васъ, а вы сами знаете, ненависть не даетъ совѣтовъ такого рода... Только изъ страха, что вы не поймете меня совершенно (а у дѣвицы нѣтъ другаго языка, кромѣ ея мысли), я желала бы удержать васъ здѣсь мѣсяцъ или два, прежде чѣмъ вы ввѣритесь случайно ради меня. Я могла бы научить васъ, какъ выбрать безъ ошибки, но тогда я клятвопреступница; такую никогда не буду, — стало вы можете потерять меня, а если потеряете, то заставите пожелать грѣха, каяться, что я не была клятвопреступницей. — Горе вашимъ глазамъ! Они осѣтили меня и раздѣлили на двѣ части: одна половина принадлежитъ вамъ, другая половина — вамъ... мнѣ самой, хотѣла я сказать; но если мнѣ, стало вамъ, и стало объ вамъ. — О, развращенный вѣкъ кладетъ преграды между владыками и ихъ правами, и хотя я принадлежу вамъ, я не ваша. Если такъ будетъ, пускай счастье идетъ за это въ адъ, а не я. Я говорю слишкомъ-долго, но за тѣмъ, чтобъ остановить время, расширить и протянуть его, — чтобъ удержать васъ отъ выбора.

Бассаніо. Позвольте мнѣ выбирать; въ моемъ положеніи — я на пытку.

ПОРЦІА. На пыткѣ, Бассаніо?.. Такъ признайтесь, какая измѣна таится подѣ вашей любовью.

БАССАНІО. Никакой; подѣ моей любовью таится ужасное сомнѣніе; оно заставляетъ меня бояться за нее. Дружба и союзъ скорѣе могутъ быть между снѣгомъ и огнемъ, чѣмъ между измѣной и моей любовью.

ПОРЦІА. А! Только я боюсь... вы говорите на пыткѣ, когда всякій принужденъ сказать что-нибудь.

БАССАНІО. Общайте мнѣ жизнь, и я открою истину.

ПОРЦІА. Ну, хорошо, откройте — и живите.

БАССАНІО. Открывшись и любить, вотъ былъ бы весь итогъ моего признанья. О, сладкія муки! самъ мучитель учитъ меня отвѣтамъ для моего спасенія! Но пустите меня къ моей судьбѣ и ящичкамъ.

ПОРЦІА. Ступайте же: я заперта въ одномъ изъ нихъ; если вы меня любите, то вы найдете меня. Нерисса и всѣ прочіе, станьте поодаль. Пусть раздастся музыка во время выбора, и тогда, если онъ не отгадаетъ, конецъ его будетъ конецъ лебедя, угасающаго подѣ пѣсню; а чтобъ сравненіе было точнѣе, то глаза мои станутъ ручьемъ и водянымъ ложемъ смерти для него. Онъ можетъ отгадать!.. Какую жь надо музыку тогда?.. Тогда надо музыку, какъ радостныя трубы въ день преклоненія вѣрнопогоданныхъ передъ ново-вѣнчаннымъ монархомъ; надо музыку, какъ эти сладостныя звуки, которые на-разсвѣтъ шепчутъ дремлющему жениху на-ухо и зовутъ его къ алтарю. Вотъ онъ идетъ съ такой же благородной осанкой, но только съ болѣею любовью, чѣмъ шель молодой Алкиды спасать рыдающую Трою отъ дѣвичьей дани, платимой морскому чудовищу. Я стою для жертвоприношенія, всѣ другіе—это дарданскія жены съ мрачными лицами—пришли видѣть окончаніе подвига. Иди,

Геркулесъ! Живъ ты—я жива. Съ большимъ волненіемъ смотрю я на битву, чѣмъ ты идешь на нее.

Между-тѣмъ, какъ Бассаніо разсматриваетъ
ящички, музыка и поютъ пѣсню:

1.

У любви гдѣ колыбель?
Въ сердцѣ ль нѣжномъ, въ головѣ ль?
Какъ внезапно рождена,
Чѣмъ питается она?

2.

Чудное дитя очей!
Созерцанье пища ей,
Гдѣ ей жизнь была дана
Жизнь окончить тамъ она;
Ей напѣвъ нашъ гробовой
Вѣчный ей за-упокой.

Хоръ.

Вѣчный ей за-упокой.

Бассаніо. Такъ, видная вещь можетъ всего менѣе отвѣчать своей наружности! Свѣтъ безпрестанно вводится въ обманъ украшеніями. Въ правосудіи есть ли такіе продажные и беззаконные доводы, которые, будучи приправлены сладкимъ голосомъ, не затемнили бы признаковъ зла? Нѣтъ порока такого простодушнаго, чтобъ не присвоивалъ себѣ какихъ-нибудь призмѣть добродѣтели. Сколько трусовъ, у которыхъ сердца такъ-же ненадежны, какъ песочныя лѣстницы, а носятъ на подбородкахъ бороды Геркулеса и нахмуреннаго Марса. У нихъ, если порыться внутри, печенки бѣлы, какъ молоко. Посмотрите на красоту, и вы увидите, что она покупается на-вѣсъ. Эти волнообразныя, змѣистыя, золотыя локоны, которые рѣзвятся съ вѣтромъ на мнимой красавицѣ, про ихъ мы часто знаемъ, что они приданое другой головы, и черепъ,

гдѣ родились, въ могилѣ. И такъ украшеніе не что иное, какъ обманчивый берегъ самаго опаснаго моря, прекрасное покрывало на индійской красотѣ, видѣ истины, которымъ одѣвается коварный вѣкъ, чтобъ ловить въ сѣти мудрѣйшихъ. Такъ ты, ослѣпительное золото, жестокая пища Мидаса, я не хочу тебя; ни тебѣ также, ты блѣдный и пошлый переметчикъ у людей! Но ты, ты, тощій свинецъ, скорѣе грозишь, чѣмъ общаешься что-нибудь; твоя простота трогаетъ меня больше, чѣмъ краснорѣчіе, и тебя выбираю я. О, еслибъ радость была послѣдствіемъ выбора!

Порція. Какъ всѣ другія страсти улетаютъ на воздухъ, и мысли, полныя сомнѣній, и поспѣшно-обнятое отчаяніе, и дрожащій страхъ, и ревность съ зелеными глазами! О, любовь! воздержись, умѣрь свой восторгъ, постепенно изливай свои радости; ограничь ихъ необъятностью; я слишкомъ-сильно чувствую твое счастье; сдѣлай его меньше, не то—я паду подѣ его бременемъ.

Бассаніо. Что я найду здѣсь? (открываетъ свищю-вый ящикъ) Портретъ прекрасной Порціи! какой полубогъ такъ близко подошелъ къ творенію? Не двигаются ли эти глаза? или, прильнувъ къ моимъ зрачкамъ, они кажутся мнѣ въ движеніи? Вотъ полу-раскрытыя губы, отдѣленныя одна отъ другой сахарнымъ дыханіемъ. Только такая нѣжная преграда должна раздѣлять такихъ нѣжныхъ друзей. Вотъ живописецъ, подражая пауку, сплелъ изъ ея волосъ золотую сѣть, чтобъ ловить сердца людей, вѣрнѣе чѣмъ мухъ въ паутину. Но ея глаза... какъ могъ онъ смотрѣть на нихъ и писать! Одинъ изъ нихъ, начатый имъ, долженъ бы похитить у него оба и не дать докончить себя. Но посмотрите, какъ оскорбительно молъ похвала унижаетъ достоинство этой тѣни,—такъ,

эта тѣнь ниже дѣйствительности. Вотъ свитокъ, содержаніе моея судьбы: «ты, который не выбиралъ по наружности, ты отгадалъ славно и выбралъ вѣрно; если это счастье достается тебѣ, будь доволенъ и нищи новаго. Если ты радъ ему, и въ своемъ жребіи видишь свое блаженство, обернись къ невѣстѣ и потребуй ее поцалуемъ любви.»—Драгоценный свитокъ; прекрасная Порція, съ вашего позволенія. (Цалуетъ ее). Я пришелъ исполнить надпись: «дать и получить», похожий на одного изъ двухъ соперниковъ, который оспариваетъ у другаго награду и думаетъ, что заслужилъ ее въ глазахъ народа; но вдругъ слышитъ рукоплесканія, всеобщій крикъ — и голова у него кружится, глаза неподвижны, онъ въ сомнѣніи: для него эти громы похвалъ или нѣтъ? Такъ, прекрасная Порція, стою я теперь; такъ я не знаю, правда ли то, что вижу, и не повѣрю счастью, покуда оно не будетъ скрѣплено, подписано, утверждено вами.

Порція. Вы видите, синьйоръ Бассаніо, гдѣ я и что я: хотя, для себя-самой, я не была бы честолюбива въ моихъ желаніяхъ, не захотѣла бы быть лучше, но для васъ я желала бы въ двадцать разъ быть тѣмъ, что я теперь — въ тысячу разъ прекраснѣе, въ десять тысячъ разъ богаче; чтобъ только стать высоко въ нашемъ мнѣніи, я желала бы въ добродѣтеляхъ, красотѣ, богатствахъ, друзьяхъ превзойти всякую мѣру; но всѣ мои свойства, взятыя вмѣстѣ, не что иное, какъ простосердечная дѣвушка, неученая, неопытная. Она счастлива, что еще не такъ стара, чтобъ не могла учиться, еще счастливѣе отъ-того, что родилась не такъ тупа, чтобъ не могла выучиться; а всего счастливѣй отъ-того, что ея покорный умъ ввѣряетъ себя вамъ для руководства, вамъ, ея повелителю, наставнику, королю. Я и что мое — принадлежитъ вамъ и

стало теперь вашимъ. Сію-минуту я была владѣлица этихъ прекрасныхъ палатъ; госпожа моихъ слугъ, королева себя-самою; и сію же минуту, этотъ домъ, эти слуги, эта сама я — все ваше, мой властелинъ. Я даю ихъ съ этимъ кольцомъ. Когда вы разлучитесь съ нимъ, потеряете его или отдадите, это будетъ предсказаніемъ гибели вашей любви и дастъ мнѣ право жаловаться на васъ.

Бассаніо. Вы лишили меня словъ; только кровь моя отвѣчаетъ вамъ въ моихъ жилахъ. Я чувствую такой беспорядокъ въ мысляхъ, какой, послѣ прекрасной рѣчи любимаго государя, бываетъ въ говорѣ очарованной толпы, когда каждое слово перемѣшивается съ другими и сливается въ дикій звукъ, гдѣ ничего нельзя разобрать, кромѣ радости, выраженной, но не сказанной: если это кольцо разстанется съ этимъ пальцемъ, тогда разстанется жизнь съ этимъ сердцемъ—о, тогда смѣло скажите: Бассаніо умеръ..

Нерисса. Синьоръ и синьора, теперь нашъ чередъ радоваться вмѣстѣ съ вами. Мы были при этомъ и видѣли, какъ совершились наши желанія. Честь имѣемъ поздравить васъ.

Граціано. Синьоръ Бассаніо; и вы, прекрасная синьора; желаю вамъ такого счастья, какого вы сами себя желаете, потому-что вы вѣрно не захотите отнять его у меня. А когда вы будете торжествовать взаимное обѣщанье вашей вѣрности, позвольте и мнѣ также жениться въ это время.

Бассаніо. Отъ всего сердца; только найди жену.

Граціано. Покорно благодарю васъ. Вы нашли мнѣ ее. Мои глаза, синьоръ, смотрятъ такъ же быстро, какъ ваши. Вы видѣли госпожу, я глядѣлъ на служанку; вы влюбились, я влюбился, а до проволочекъ я такой же неохотникъ, какъ и вы. Ваше счастье заклю-

чалось въ лицахъ: случилось такъ, что и мое въ нихъ было. Я волочился здѣсь за нею до пота лица и до-того клялся въ любви, что отъ этихъ клятвъ у меня въ горлѣ пересохло. Наконецъ, если обѣщанія исполняются, то я добился, что вотъ эта красавица обѣщала мнѣ свою любовь въ томъ только случаѣ, когда вы завладѣете госпожею.

Порція. Правда ли, Нерисса?

Нерисса. Правда, сударыня, если это не противно вамъ.

Бассаніо. А ты, Граціано, говоришь не шутя?

Граціано. Божусь, не шутя.

Бассаніо. Мы сочтемъ за честь, что наша свадьба будетъ вмѣстѣ съ вашей.

Граціано. Кто это идетъ, сюда? Лоренцо и его невѣрная? какъ, да и старый другъ, Венеціанецъ Салеріо!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ЛОРЕНЦО, ДЖЕССИКА и САЛЕРІО.

Бассаніо. Лоренцо и Салеріо, милости просимъ, если новость моего положенія здѣсь даетъ мнѣ право приглашать васъ. Съ вашего позволенія, милая Порція, я приглашаю моихъ истинныхъ друзей и соотечественниковъ.

Порція. Я то же дѣлаю—и отъ души имъ рада.

Лоренцо. Благодарю васъ покорно. Впрочемъ, синьйоръ Бассаніо, я съ своей стороны не думалъ видѣться здѣсь съ вами, но встрѣтился на дорогѣ съ Салеріо и онъ уговорилъ меня, не принимая никакихъ возраженій, отправиться съ нимъ сюда.

Салеріо. Да, я уговорилъ его и имѣлъ на это причину. Синьйоръ Антоніо кланяется вамъ. (Подаетъ письмо Бассаніо).

Бассаніо. Прежде, чѣмъ открою это письмо, прошу васъ, скажите мнѣ, здоровъ ли мой добрый другъ.

Салеріо. Не боленъ, развѣ только душа больна; ни здоровъ, развѣ только одорова душа: это письмо покажетъ вамъ его состояніе.

Граціано. Нерисса, приласкай эту чужестранку, поразговори ее. Твою руку, Салеріо! Чтѣ новаго изъ Венеціи? чтѣ поддѣлываетъ король-купецъ, добрый Антоніо? Я увѣренъ, онъ будетъ радъ нашему успѣху; мы, Язоны, приобрьли золотое руно.

Салеріо. Ахъ, еслибъ вы нашли руно, которое онъ потерялъ!

Порція. Вѣрно страшное извѣстіе содержится въ этой бумагѣ; оно сгоняетъ краску съ бассаніевыхъ щекъ; вѣрно умеръ какой-нибудь пѣжный другъ! Ничто другое въ мірѣ не могло бы такъ сильно измѣнить лицо твердаго мужчины. Но что? все блѣднѣе и блѣднѣе? Позвольте, Бассаніо, и половина васъ и безспорно должна раздѣлится съ вами по-поламъ содержаніе этой бумаги.

Бассаніо. О, прекрасная Порція, тутъ немного словъ, но они непріятнѣе всѣхъ, которыя до-сихъ поръ чернили бумагу! Милая женщина, когда въ первый разъ я повѣрилъ вамъ свою любовь, я смѣло сказалъ, что все мое богатство текло въ моихъ жилахъ, что я былъ благородный человекъ — и я сказалъ вамъ тогда правду; я оцѣнилъ себя дешево, но со всѣмъ тѣмъ, милая женщина, вы узнаете, какимъ низкимъ хвастуномъ я былъ, когда я сказалъ, что у меня не было ничего; я долженъ былъ сказать: хуже, чѣмъ ничего; потому что я заложилъ себя вѣжному другу и заложилъ своего друга его истинному врагу, чтобъ имѣть деньги. Вотъ письмо; эта бумага — это тѣло моего друга; каждое слово на ней — это зѣвъ раны, которая

истекаетъ кровью жизни.—Но правда ли, Салерио? не ужь ли всё его предпріятія не удались? не ужь ли ни одно? изъ Трипсы, изъ Мексики и Англии, изъ Лиссабона, Варварии и Индіи — не ужь ли ни одинъ корабль не избѣгъ страшнаго прикосновенія скаль, этихъ разорителейъ купцовъ?

САЛЕРИО. Ни одинъ. Да, кажется, еслибъ у него и были деньги, чтобъ заплатить Жиду, Жидъ не взялъ бы ихъ. Никогда я не знавалъ твари съ человѣческимъ образомъ такой ядовитой и такой жадной къ погибели челоуѣка. Онъ пристаетъ къ дожу и утромъ и вечеромъ, грозитъ уничтоженіемъ свободы республики, если откажутъ ему въ правосудіи; двадцать купцовъ, самъ дожъ и значительнѣйшіе сенаторы,—всѣ убѣждали его, но никто не успѣлъ выбить у него взъ головы злобнаго иска; онъ говоритъ свое: неустойка, правосудіе, условіе.

ДЖЕССИКА. Когда я была съ нимъ, то слышала, какъ онъ клялся Тюбалию и Чосу, своимъ соотечественникамъ, что лучше бъ хотѣлъ взять мясо Антонио, чѣмъ сумму въ двадцать разъ больше той, которую далъ въ займы. И я увѣрена, синьйоръ, если законъ и правительство не откажутъ ему, то худо будетъ бѣдному Антонио.

ПОРЦІА. Это вашъ нѣжный другъ въ такой бѣдѣ?

БАССАНИО. Нѣжнѣйшій мой другъ, лучший изъ людей, душа самая чистая и неутомимая на одолженіи,—тотъ, въ комъ древняя римская честность видна болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, которые дышатъ воздухомъ Италіи.

ПОРЦІА. Много ли же онъ долженъ Жиду?

БАССАНИО. За меня три тысячи червонцевъ.

ПОРЦІА. Какъ? не больше? заплатите ему шесть тысячъ и уничтожьте условіе; удвойте шесть тысячъ

и потомъ утroyте, прежде чѣмъ другъ, такъ вами описанный, потеряетъ хоть одинъ вадосъ за вину Бассаніо. Сперва, пойдете со мной въ церковь, назовите меня женой, а тамъ вы тотъ-часъ въ Венецію, къ своему другу; потому-что никогда не будете въ объятіяхъ Порціи съ безпокойной душой. У васъ явится золота довольно, чтобъ заплатить въ двадцать разъ больше такого ничтожнаго долга,—а когда заплатите, привезите вашего вѣрнаго друга съ собой. Между-тѣмъ Нерисса и я, мы станемъ жить дѣвцами и вдовами. Пойдете; вамъ должно отправиться отсюда въ самый день свадьбы; пригласите вашихъ друзей, смотрите повеселѣе. Такъ-какъ вы дорого куплены, вы будете дороги моему сердцу. Но прочтите мнѣ письмо вашего друга.

Бассаніо (читаетъ). «Любезный Бассаніо, мои корабли погибли, мои займодавцы становятся жестоки, мое состояніе въ совершенномъ упадкѣ, мое условіе съ Жидомъ просрочено; и такъ-какъ, плата по немъ, я не могу остаться въ живыхъ, то всѣ долги между тобой и мною покончены, лишъ бы только я могъ предъ смертью увидѣть тебя. Впрочемъ, поступи, какъ тебѣ вздумается. Если дружба твоя не уговоритъ тебя пріѣхать, я не хочу; чтобъ уговаривало мое письмо.»

Порція. О, милый другъ, отправь поскорѣе всѣ дѣла и повѣжай!

Бассаніо. Если я имѣю отъ васъ благосклонное позволеніе ѣхать, то стану торопиться; но прежде чѣмъ ворочусь назадъ, нигдѣ преступный сонъ не сомкнетъ моихъ глазъ и никакое успокоеніе не помѣстится между мной и вами. (Уходитъ.)

ЯЗВЕНІЕ VII.

Улица въ Венеціи.

ШЕЙЛОКЪ, САЛАНІО, АНТОНІО и ТЮРЕМЩИКЪ.

Шейлокъ. Тюремщикъ, смотри за нимъ. Не говори мнѣ о помилованьи; это тотъ безумный, что даетъ деньги въ займы безъ процентовъ. — Тюремщикъ, смотри за нимъ!

Антоніо. Да послушай меня, добрый Шейлокъ!...

Шейлокъ. Я получу по условію; не говори ничего противъ условія: я произнесъ клятву, что получу по условію; ты называлъ меня собакой, прежде чѣмъ имѣлъ причину, — ну, такъ если я собака, берегись моихъ клыковъ! Дождь окажется мнѣ правосудіе. Удивляюсь тебѣ, негодный тюремщикъ; что ты такъ жалостливъ: вышелъ съ нимъ, по его просьбѣ, на улицу.

Антоніо. Прошу тебя, дай мнѣ сказать слово.

Шейлокъ. Я хочу получить по условію; я не хочу слушать твоихъ словъ. Я хочу получить по условію: итакъ не разговаривай больше. Изъ меня не сдѣлаютъ мягкаго и тупоглазаго дурака, который покачалъ бы головой, растаялъ и вздохнулъ, и поддался бы христіанскимъ убѣжденіямъ. Не ходи за мной, я не хочу разговаривать, — я хочу получить по условію.

Саланіо. Да это самая непреклонная собака, какая только водилась между людьми.

Антоніо. Оставь его, я не пойду больше за нимъ съ бесполезными просьбами; онъ хочетъ моей жизни, я хорошо знаю его причины: часто я спасалъ отъ его взысканій многихъ, которые еще во-время приходили рыдать ко мнѣ; за это онъ ненавидитъ меня.

Саланіо. Я увѣренъ, что дождь никогда не допуститъ его получить такую неустойку.

Т. V. — Отд. III.

21

Антонио. Дождь не может остановить дѣйствій закона; если будетъ отказано иностранцамъ въ обезпеченіяхъ, которыми они пользуются у насъ въ Венеціи, то это заставитъ сильно жаловаться на правосудіе республики, а ея торговля и выгоды нашего города основаны на всѣхъ народахъ. Такъ пойдемъ. Эти горести и потери до того убили меня, что едва-ли къ завтраму сохраню я фунтъ мяса для моего кровожаднаго заимодавца. Ну, тюремщикъ, пойдемъ. Дай Богъ, чтобъ Бассаніо пріѣхалъ взглянуть, какъ я заплачу его долгъ; а тамъ мнѣ все равно! (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бельмонтъ. Комната въ домъ Порціи.

ПОРЦІА, НЕРИССА, ЛОРЕНЦО, ДЖЕССИКА и БАЛЬТАЗАРЬ.

Лоренцо. Синьора, хотя я говорю въ вашемъ присутствіи, но вы имѣете благородное и вѣрное понятіе о богоподобной дружбѣ; это поразительно обнаруживается въ томъ, что вы рѣшаетесь такъ переносить разлуку съ вашимъ будущимъ супругомъ. Только, если бы вы знали, кому оказываете эту честь, что за истинно - благородный человекъ, кому посылаете вы помощь, какой это нѣжный другъ вашего супруга, — вы бы гордились своимъ дѣломъ больше, чѣмъ обыкновенная доброта можетъ васъ заставить гордиться.

Порція. Я никогда не раскаивалась, что поступила хорошо, не буду и теперь. У двухъ товарищей, которые живутъ и проводятъ время вмѣстѣ, у которыхъ души несутъ на себѣ равное ярмо дружбы, необходимо должно быть сходство въ выраженіи лица, въ осанкѣ и въ чувствахъ. Это заставляетъ меня думать, что Антонио, другъ жениха моего, долженъ не-

премьняно походить на моего жениха: если это такъ, то какъ же мала цѣна, которую я дала, чтобъ выкупить подобіе моей души изъ рукъ адской жестокости? это очень-похоже на самохвальство. Итакъ ни слова больше объ этомъ, послушайте другое. Лоренцо, я поручаю вамъ все хозяйство и управленіе моимъ домомъ до прїѣзда моего мужа; что до меня, то я произнесла небу тайный обѣтъ жить въ молитвѣ и созерцаніи, имѣя только при себѣ Нериссу, до возвращенія нашихъ мужей. Въ двухъ миляхъ отсюда есть монастырь, и мы пробудемъ тамъ. Я желаю, чтобъ вы не отказались отъ этой должности, которую моя дружба и отъ-части необходимость налагають теперь на васъ.

Лоренцо. Синьора, отъ всего сердца я готовъ повиноваться во всемъ вашимъ милостивымъ приказаніямъ.

Порція. Моимъ людямъ извѣстна уже моя воля, и они васъ и Джессика будутъ считать вмѣсто Бассаніо и меня. Итакъ прощайте до будущаго свиданія.

Лоренцо. Да сопутствуютъ вамъ прїятныя мысли и счастливыя часы!

Джессика. Я желаю вамъ всякаго душевнаго удовольствія.

Порція. Благодарю васъ за желаніе и я рада пожелать вамъ того же. Прощайте, Джессика.

(Джессика и Лоренцо уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ ДЖЕССИКИ и ЛОРЕНЦО.

Порція. Теперь послушай, Бальтазаръ; я всегда знавала тебя за честнаго и вѣрнаго слугу: покажи мнѣ, что ты все еще таковъ. Вотъ, возьми письмо.

Употреби усилил, возможныея челоуѣку, чтобъ поспѣть поскорѣе въ Падую. Отдай это въ руки самому доктору Белларіо, моему двоюродному брату, и смотри, какіе онъ тебѣ дастъ бумажки и платье, привези все, прошу тебя, съ воображаемой скоростью къ известному перевозу на дорогѣ въ Венецію. Не трать времени въ разговорахъ, а повзжай; я буду тамъ прежде тебя.

Бальтазаръ. Сударыня, я сей-часъ ѣду.

Порція. Пойдемъ, Нерисса; я затѣяла дѣло, о которомъ ты еще не знаешь: мы увидимъ нашихъ мужей, прежде чѣмъ они воображаютъ.

Нерисса. А они увидятъ насъ?

Порція. Увидятъ, Нерисса, но въ такомъ платьѣ, что имъ не прійдетъ въ голову вспомнить о насъ. Я быюсь съ тобой о чемъ хочешь, если бъ мы нарядились молодыми людьми, я изъ насъ двухъ была бы самый милый юноша, я умѣла бы носить кинжалъ храбро и ловко, говорить этимъ пискливымъ голосомъ, который означаетъ переходъ изъ мальчика въ мужчину; умѣла бы изъ двухъ крошечныхъ шаговъ сдѣлать мужественный шагъ, толковать о сраженіяхъ, какъ хвастливый юноша, и премило лгать, что такія-то женщины лучшаго круга искали моею любовью, что я отказалъ имъ, а онѣ слегли да умерли, что мнѣ нельзя же было отвѣчать всѣмъ; потому я стала бы каяться, жалѣть, что была ихъ убійцей; словомъ, я насакала бы двадцать этихъ мелочныхъ нелѣпостей, и всякій бы у меня побожился, что я вышла изъ школы ужъ болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ. У меня въ головѣ тысяча ребяческихъ затѣй, которыя переняла я отъ этихъ малолѣтныхъ хвастуновъ, и которыя приведу въ исполненіе...

Нерисса. Чтò жь, развѣ мы превратимся въ муж-
чинъ?

Порція. Фі! чтò за вопросъ! если бѣ твои слова
перетолковалъ какой-нибудь негодяй! . . . Но поидемъ,
я расскажу тебѣ мою выдумку, когда будемъ въ коляс-
кѣ: она дожидается насъ у воротъ парка. Поспѣшимъ,
мы должны проѣхать сегодня двадцать миль.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зала суда въ Венеціи.

ДОЖЪ, СЕНАТОРЫ, БАССАНІО, АНТОНІО, ГРАЦІАНО,
САЛАРИНО, САЛАНІО и другіе.

Дождь. Ну, что, здѣсь ли Антоніо?

Антоніо. Здѣсь; чтò прикажете, ваша свѣтлость?

Дождь. Жаль мнѣ тебя: ты пришелъ отвѣчать пе-
редъ противникомъ, у котораго сердце каменное; без-
человѣчная тварь неспособна къ состраданію, не
проникнута ни каплей милосердія.

Антоніо. Я слышалъ, что ваша свѣтлость при-
няли много безпокойства, стараясь смягчить жесто-
кость его поступковъ; но такъ - какъ онъ настаи-
ваетъ на своемъ и если никакія законныя средства
не могутъ освободить меня отъ его ненависти, — я
вооружаюсь терпѣніемъ противъ ярости и готовъ съ
спокойствіемъ духа вынести его варварство и изсту-
пленіе.

Дождь. Поди кто-нибудь и позови Жида въ судъ.

Саланіо. Онъ ждетъ у дверей — вотъ онъ, ваша
свѣтлость.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И ШЕЙЛОКЪ.

Дождь. Дайте мѣсто, и пусть онъ представитъ предъ наше лицо. Шейлокъ, свѣтъ думаетъ и я думаю также, что ты подъ личиною злобы хочешь только довести дѣло до самаго конца, а тогда, такъ полагаютъ, окажешь милосердіе и состраданіе, еще болѣе необыкновенныя, чѣмъ необыкновенна твоя притворная жестокость,—и тамъ, гдѣ теперь требуешь пѣни, т. е. фунтъ мяса этого бѣднаго купца, ты согласишься не только лишиться неустойки, но, тронутый человѣческой кротостью и любовью, простишь половину капитала, бросая взглядъ жалости на потери, которыя недавно обрушились на его голову; ихъ достаточно, чтобъ задавить короля - купца * и вырвать участие къ его положенію изъ мѣдной груди, изъ грубыхъ, каменныхъ сердець упрямыхъ Турковъ и Татаръ, вообще необученныхъ обязанностямъ нѣжнаго обществѣ. Мы все ожидаемъ добраго отвѣта, Жидь.

Шейлокъ. Я доложилъ вашей свѣтлости о моемъ намѣреніи и нашею святою субботой поклялся получить слѣдующее мнѣ по условію,—неустойку. Если вы отказываете въ ней, пожалуй: за-то пострадаетъ ваша хартія и свобода вашего города. Вы спросите у меня, для чего я лучше хочу имѣть кусокъ падали, чѣмъ получить три тысячи червонцевъ? На это я не стану отвѣчать: скажу только: такъ мнѣ хочется. Отвѣтъ ли это? Что, еслибъ мой домъ беспокоила крыса и мнѣ понравилось бы заплатить три тысячи чер-

---

* Въ XIII-мъ вѣкѣ многіе венеціанскіе купцы владѣли островами Архипелажскаго Моря самовластно. Шекспиръ употребляетъ тутъ выраженіе *royal merchant* въ точномъ значеніи слова. Тогда въ цѣлой Европѣ давали имъ этотъ титулъ.

вондцевъ, чтобъ отравили ее? Ну, еще ли это не отвѣтъ вамъ? Есть люди, которые не любятъ на столѣ поросенка съ разинутымъ ртомъ; есть люди, которые приходятъ въ бѣшенство, когда увидятъ кошку. Воображеніе, повелитель страстей, направляетъ ихъ, смотря по тому, что ему пріятно или противно. Обратимся жъ опять къ отвѣту: такъ-какъ нѣтъ никакой основательной причины, почему одинъ не терпитъ поросенка съ разинутымъ ртомъ, другой безвредной, необходимой кошки, такъ я не могу да и не хочу представить никакой причины, кромѣ-развѣ закоренѣлой ненависти и какого-то отвращенія, которыя чувствую къ Антонио, почему я веду съ нимъ такую убыточную для меня тяжбу. Отвѣтъ ли это вамъ?

Бассаніо. Это не отвѣтъ, безчувственный чело-вѣкъ; онъ не извиняетъ твоей жестокости.

Шейлокъ. Я не обязанъ нравиться тебѣ моими отвѣтами.

Бассаніо. Развѣ люди убиваютъ тѣхъ, кого ненавидятъ?

Шейлокъ. Развѣ чело-вѣкъ испавидитъ, не желая убить?

Бассаніо. Не всякая жъ обида должна тотъ-часъ возбудить ненависть.

Шейлокъ. Да, ты дашь себя змѣѣ ужалить два раза!

Антонио. Прошу васъ, подумайте, вы говорите съ Жвдомъ: вы бы стали на морскомъ берегу и велѣли бы морскому приливу опуститься ниже его обыкновенной высоты; вы бы начали допрашивать водка, для-чего онъ заставилъ овцу блѣять по ягненьѣ; вы бы запретили изгорѣвшимъ соснамъ качать высокими вершинами и шумѣть, когда ихъ обдираютъ вихри неба; вы скорѣе сдѣлаете самое несбыточное дѣло,

чѣмъ успѣете смягчить то, тверже чего есть ли что-нибудь? Его жидовское сердце: итакъ, прошу васъ, не дѣлайте еще никакихъ предложеній, не употребляйте больше никакихъ средствъ, а короче, какъ слѣдуетъ, скажите мнѣ приговоръ и дайте Жиду волю.

Бассаніо. За твой три тысячи червонцевъ вотъ шесть.

Шейлокъ. Если бѣ каждый червонецъ въ шести тысячахъ червонцахъ раздѣлился на шесть частей и каждая часть обратилась бы въ червонецъ, я не взялъ бы ихъ, я захотѣлъ бы неустойки.

Дождь. Какой же ты долженъ ждать милости, если самъ такъ немилостивъ?

Шейлокъ. Какого суда бояться мнѣ, когда я не дѣлаю зла? У васъ есть много купленныхъ невольниковъ, которыхъ вы, какъ своихъ ословъ, и собакъ, и лошаковъ, употребляете въ отвратительныя невольничьи должности, потому-что купили ихъ. Ну, я сказалъ бы вамъ: дайте имъ свободу, выдайте за нихъ своихъ наследницъ! Для-чего потѣютъ они подъ ногами? Велите, чтобъ у нихъ постели были такія же мягкія, какъ у васъ, и велите лакомить ихъ вкусомъ такими же сладкими кушаньями. Вы станете отвѣчать: невольники наши! Такъ и я отвѣчаю вамъ: фунтъ мяса, что требую отъ него—купленъ дорого,—мой, и я хочу имѣть его: если вы отказываете мнѣ, плевать на вашъ законъ,—нѣтъ, стало, силы въ уставахъ Венеціи. Я жду суда: отвѣчайте, дадутъ ли мнѣ судъ?

Дождь. По моей власти я могу закрыть засѣданіе, если Белларіо, ученый докторъ, за которымъ я послалъ, чтобъ разрѣшить насъ, не пріѣдетъ сюда сегодня.

САЛАРИО. Ваша свѣтлость, тамъ у дверей дожидается посланный отъ доктора съ письмомъ, сей-часъ изъ Падуи.

ДОЖЪ. Принесите намъ письмо и позовите посланнаго.

БАССАНИО. Не робѣй, Антонио! Что, другъ? будь же смѣлѣе! Жидъ возьметъ мое тѣло, кровь, кости и все, прежде, чѣмъ ты лишишься за меня одной капли крови.

АНТОНИО. Я большая овца въ стадѣ; ей скорѣ другихъ слѣдуетъ умереть; слабѣйшій плодъ падаетъ раньше на землю, позволь и мнѣ то же. Ты не можешь, Бассанио, ничего сдѣлать лучше, какъ жить еще и написать мнѣ надгробную надпись.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и **НЕРИССА**, одѣтая адвокатскимъ писаремъ.

ДОЖЪ. Ты изъ Падуи, отъ Белларіо?

НЕРИССА. Отъ него и оттуда; онъ кланяется вашей свѣтлости. (Подаетъ письмо.)

БАССАНИО. Для-чего ты такъ усердно точишь свой ножъ?

ШЕЙЛОКЪ. Чтобъ отрѣзать неустойку отъ того банкрота.

ГРАЦІАНО. Не на подошвѣ, а на душѣ своей, жестокой Жидъ, ты остришь свой ножъ; только ни одинъ металл—нѣтъ, и топоръ палача въ-половину не такъ острѣ, какъ твоя язвительная ненависть. Ужели никакія просьбы не могутъ тебя тронуть?

ШЕЙЛОКЪ. Нѣтъ, никакія, на которыя у тебя stannoеть ума.

ГРАЦІАНО. О, будь же проклята, неумолимая собака! И въ томъ, что ты существуешь, пусть отвѣчаютъ

правосудіе. Ты почти заставляешь меня колебаться въ моей вѣрѣ, принять мнѣніе Пифагора, что души животныхъ вселяются въ тѣла людей: твой собачій духъ управлялъ волкомъ, который, будучи повѣшенъ за человѣкоубійство, на самой висѣлицѣ испустилъ свою свирѣпую душу, и, въ то время, какъ ты лежалъ въ своей окаянной матери, вдохнулъ ее въ тебя: желанья твои волчны, кровавыя, голодныя и плотоядныя.

Шейдокъ. Покуда твое ругательство не сломитъ печати съ моего условія, до-тѣхъ-поръ ты только насаживаешь легкія, что говоришь такъ громко; помочи свой умъ, добрый юноша, а то онъ придетъ въ неизлечимое разстройство. Я жду здѣсь правосудія.

Дождь. Это письмо отъ Белларіо предлагаетъ нашему судилищу молодого и ученаго доктора. Гдѣ онъ?

Нерисса. Онъ дожидается въ-близѣ, чтобъ узнать вашу отвѣтъ: захотите ли вы принять его.

Дождь (съ радостію). Трое или четверо изъ васъ ступайте, проводите его вѣжливо до этого мѣста. Между-тѣмъ судъ прослушаетъ письмо Белларіо.

Писарь (читаетъ). «Ваша свѣтлость! да будетъ извѣстно, что, при полученіи вашего письма, я очень-болелъ; но въ ту минуту, какъ прѣхалъ вашъ посланный, у меня въ гостяхъ былъ молодой докторъ изъ Рима: имя его Бальтазаръ. Я рассказалъ ему спорное дѣло у Жида съ Антоніо купцомъ. Мы рылись во многихъ книгахъ; онъ снабженъ моимъ мнѣніемъ, которое, будучи усовершенствовано его собственной ученостію (огромность оной я не могу достаточно выхвалять), явится съ нимъ по мовму настоянно, чтобъ исполнить вмѣсто меня требованіе вашей свѣтлости. Прошу васъ, чтобъ недостатокъ лѣтъ не былъ ему помѣхой къ полученію достойной оцѣнки; я никогда не

видалъ такого молодаго человека съ такой старой годовою. Поручаю его вашему милостивому приему. Опытъ покажетъ лучше его достоинства.»

Дождь. Вы слышите, что пишетъ ученый Белларіо, и вотъ, мнѣ кажется, пришелъ докторъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и ПОРЦІА въ одеждѣ доктора правъ.

Дождь. Дайте мнѣ руку. Вы отъ стараго Белларіо?

Порція. Отъ него, ваша свѣтлость.

Дождь. Милости просимъ: садитесь на свое мѣсто. Извѣстна ли вамъ тяжба, которой вопросъ занимаетъ теперь этотъ судъ?

Порція. Я извѣщенъ подробно о дѣлѣ. Кто здѣсь купецъ и кто Жидъ?

Дождь. Антоніо и старикъ Шейлокъ, выступите сюда.

Порція. Твое имя Шейлокъ?

Шейлокъ. Шейлокъ мое имя.

Порція. Страннаго свойства тяжба, которую ты завелъ, впрочемъ такъ правильна, что венеціанскіе законы не могутъ воспрепятствовать тебѣ продолжать ее. (Антоніо) Ты должникъ, не правда ли?

Антоніо. Да, онъ говоритъ это.

Порція. Признаешь ли ты условіе?

Антоніо. Признаю.

Порція. Ну, такъ Жидъ долженъ явить милосердіе.

Шейлокъ. А изъ какой неволи долженъ? Скажи мнѣ это.

Порція. Для милосердія нѣтъ неволи: оно, какъ благотворный дождь, ниспадаетъ съ неба на землю. У него два благословія: благословіе тому, кто даетъ, и тому, кто принимаетъ. Оно сила сильнаго. Монарху

на престолъ оно болѣе къ лицу, чѣмъ его корона. Скипетръ показываетъ крѣпость временнаго могущества, принадлежность грознаго величія, въ немъ обитаетъ благоговѣніе и страхъ къ царямъ; но милосердіе выше этой державной силы: его престолъ въ сердцахъ царей; оно принадлежность самого Бога, и земная власть только тогда уподобляется божіей, когда милосердіе смягчаетъ правосудіе. По-этому, Жидъ, хотя ты требуешь правосудія, подумай о томъ, что, если мы прибѣгнемъ къ одному правосудію, никто изъ насъ не увидитъ отпущенія: мы просимъ о милосердіи, и та же самая молитва поучаетъ насъ самихъ милосердію. — Я такъ много говорилъ затѣмъ, чтобъ смягчить справедливость твоего иска; но если ты продолжаешь его, то строгій судъ Венеціи необходимо долженъ произнести приговоръ противъ этого купца.

Шейлокъ. Дѣла мои на мою голову! Я требую закона, просрочки и неустойки по моему условію.

Порція. Развѣ онъ не можетъ заплатить денегъ?

Бассанио. Можетъ. Вотъ я предлагаю ихъ за него суду; здѣсь двойная сумма; если этого недовольно, я обязываюсь заплатить въ-десятеро подъ отвѣтственности моихъ рукъ, головы, сердца; если и этого будетъ недовольно, тогда явно, что злоба хочетъ задавить честность. И я умоляю васъ, перетолкуйте однажды законъ по своей волѣ: допустите маленькую несправедливость для великой справедливости и смирите желаніе этого жестокаго дьявола.

Порція. Это не должно быть. Никакая власть въ Венеціи не можетъ измѣнить установленнаго порядка. Это послужило бы предлогомъ для будущаго, и черезъ этотъ примѣръ много злоупотребленій вторглось бы въ республику: это не можетъ быть.

Шейлокъ. Даниль пришелъ судить, да, Даниль!
О, мудрый юноша! какъ я уважаю тебя!

Порція. Сдѣлай одолженіе, дай мнѣ взглянуть на условіе.

Шейлокъ. Вотъ оно, достойный докторъ, вотъ оно.

Порція. Шейлокъ, здѣсь предлагаютъ тебѣ твои деньги въ-трое.

Шейлокъ. Клятва, клятва, моя клятва есть на небѣ: не уже ли я долженъ погубить свою душу клятво-преступленіемъ? Нѣтъ, ни за цѣлюю Венецію!

Порція. Ну, условіе просрочено: и посему Жидъ можетъ законно требовагь фунтъ мяса, который долженъ быть отрѣзанъ имъ у купца возлѣ самаго сердца. Будь милостивъ, возьми свои деньги въ-трое; вели мнѣ рѣзоровать условіе.

Шейлокъ. Когда по немъ заплатятъ согласно договору. Кажется, вы достойный судья; вы знаете законы, ваше изложеніе было совершенно-здорово; я призываю васъ именемъ закона, котораго вы надежнѣйшій столбъ,—произнести приговоръ. Клянусь моею душою, нѣтъ такой силы у человѣческаго языка, чтобъ поколебала меня: я держусь моего условія.

Антоніо. Отъ всего сердца умоляю судъ произнести приговоръ.

Порція. Стало, такъ тому и быть. Ты долженъ приготовить свою грудь для его ножа.

Шейлокъ. О, благородный судья! о, превосходный молодой человѣкъ!

Порція. Ибо намѣреніе и цѣль закона непротивны неустойкѣ, которая состоитъ въ долгѣ по условію.

Шейлокъ. Сушая правда! О, мудрый и прямой судья! какъ ты старѣе того, чѣмъ кажешься!

Порція. Итакъ обнажи свою грудь.

Шейлокъ. Да, грудь: такъ сказано въ условіи,—не правда ли, благородный судья? Возлѣ самаго сердца его—именно эти слова.

Порція. Да, такъ. Есть ли здѣсь вѣсы, чтобъ свѣсить кусокъ тѣла?

Шейлокъ. У меня они готовы.

Порція. Приготовь также хирурга, Шейлокъ, на свой счетъ, чтобъ перевязать ему рану, а то онъ изойдетъ кровью.

Шейлокъ. Развѣ это означено въ условіи?

Порція. Не означено прѣмо, да что жь за дѣло! Это будетъ хорошо,—ты долженъ это сдѣлать изъ чело-
вѣколюбія.

Шейлокъ. Я не могу этого найти: этого нѣтъ въ условіи.

Порція. Подойди, купецъ; не имѣешь ли ты чего сказать?

Антоніо. Немного. Я скрѣпился и совершенно готовъ. Дай мнѣ руку, Бассаніо. Прощай! не грусти, что я дошелъ до этого за тебѣ; въ моемъ дѣлѣ судьба является милостивѣе, чѣмъ бываетъ обыкновенно: у нея всегда есть привычка оставлять несчастнаго, чтобъ онъ пережилъ свое богатство, чтобъ онъ съ впалыми глазами и съ морщинами на лбу видѣлъ старость нищеты. Отъ этого томительнаго покаянія въ такомъ униженіи она отрываетъ меня. Поговори обо мнѣ своей достойной супругѣ: расскажи ей всѣ обстоятельства антоніева конца, скажи, какъ я любилъ тебѣ, похвали во мнѣ минуту моей смерти, и, когда доскажешь рассказъ, сдѣлай ее судьбою, былъ ли Бассаніо нѣкогда еще кѣмъ-то любимъ. Не раскаивайся, что ты теряешь своего друга, а онъ не раскаивается, что платитъ твой долгъ; если только

Жидъ станетъ рѣзать довольно-глубоко, а сей-часъ же всѣмъ сердцемъ заплачу его.

Бассаніо. Антоніо, я женатъ на женщинѣ, которая мнѣ милѣе самой жизни; но жизнь свою, жену и весь міръ я не цѣню выше твоей жизни; я лишился бы всего, ахъ! я ихъ всѣхъ принесъ бы на жертву этому дьяволу, чтобъ освободить тебя.

Порція. Ваша жена не очень бы поблагодарила васъ за это, еслибъ была здѣсь и могла слышать такое предложеніе.

Граціано. У меня есть жена, которую, боюсь, я люблю. Я желалъ бы, чтобъ она была на небѣ и умолила тамъ вышнія силы передѣлать этого собаку-Жида.

Нерисса. Хорошо, что ты это говоришь въ-дали отъ нея; а то такое желаніе могло бъ быть причиной домашнихъ несогласій.

Шейлокъ (въ сторону). Вотъ мужья христіане! У меня есть дочь: лучше бъ какой-нибудь отъ племени Варравы былъ ея мужемъ, чѣмъ христіанинъ. Мы тратимъ время. Прошу тебя, сдѣлай рѣшенье.

Порція. Фунтъ мяса этого купца принадлежитъ тебѣ; судъ присуждаетъ и законъ даруетъ.

Шейлокъ. Справедливѣйшій изъ судей!

Порція. И ты долженъ отрѣзать это мясо отъ его груди: законъ дозволяетъ и судъ присуждаетъ.

Шейлокъ. Ученѣйшій изъ судей! Ну, къ дѣлу, давай, приготовься!

Порція. Подожди немного; это еще не все. Условіе не дастъ тебѣ ни капли крови; тутъ ясно означено: фунтъ мяса; — такъ возьми же по условію, возьми же свой фунтъ мяса; но когда будешь рѣзать, если прольешь одну каплю христіанской крови, твоя

земли и все имѣніе будутъ, по законамъ Венеціи, описаны въ пользу республики!

Граціано. О, прямой судья! — замѣть, Жидъ. О, ученый судья!

Шейлокъ. Такъ по закону?

Порція. Самъ посмотри бумагу: ты требовалъ правосудія; будь увѣренъ, тебѣ окажутъ правосудіе болѣе, чѣмъ ты желаешь.

Граціано. О, ученый судья! — замѣть Жидъ. О ученый судья!

Шейлокъ. Такъ я соглашаюсь на предложеніе; заплатите по условію въ-трое, и пускай христіаннинъ идетъ куда хочетъ.

Бассаніо. Вотъ деньги.

Порція. Постойте, Жиду нужно одно правосудіе; постойте, не спѣшите; ему ничего не нужно, кромѣ неустойки.

Граціано. Ну, Жидъ! Вотъ прямой судья! вотъ ученый судья!

Порція. Итакъ, приготовься же рѣзать мясо; только не пролей крови и не отрѣжь ни больше, ни меньше, но точь-въ-точь фунтъ мяса; если отрѣжешь больше или меньше, чѣмъ именно фунтъ, хотя бы на столько, что кусокъ сдѣлался бы легче или тяжеле въ одну двадцатую долю едва-примѣтнаго скрупула, если вѣсы перетянутъ хоть на волосъ, — тебѣ смерть, а твое имѣніе опишется.

Граціано. Это второй Даниилъ, это Даниилъ, Жидъ! Ну, невѣрный, теперь попался ты мнѣ!

Порція. Чтѣ ты стоишь, Жидъ? бери неустойку.

Шейлокъ. Отдайте мнѣ капиталъ и пустите меня.

Бассаніо. Онъ готовъ у меня, — вотъ, возьми.

Порція. Онъ отказался отъ него въ полномъ присутствіи. Онъ хочетъ одного правосудія и неустойки.

Граціано. Это Даниль, повторю я, второй Даниль!—Спасибо, Жидъ, что ты выучилъ меня этому слову.

Шейлокъ. Не уже ли я не получу даже просто и капитала?

Порція. Ничего не получишь, кромѣ неустойки, Жидъ, которую долженъ ты взять подъ страхомъ собственной отвѣтственности.

Шейлокъ. Ну, такъ пусть дьяволъ рассчитается съ нимъ! Мнѣ нечего здѣсь больше толковать.

Порція. Постой, Жидъ, законъ имѣетъ на тебя еще другое притязаніе. Въ законахъ Венеціи изображено: «если будетъ доказано на чужестранца, что онъ прями́мъ или косвеннымъ покушеніемъ посягалъ на жизнь кого-либо изъ гражданъ, тотъ, противъ котораго замышлялъ онъ, долженъ воспользоваться половиной его имѣнія, а другая половина поступаетъ въ особенную казну республики; жизнь виновнаго зависитъ только отъ милосердія дожа и ни отъ кого другаго»; въ каковомъ обстоятельствѣ, я утверждаю, находишься ты; ибо изъ всего производства очевидно явствуетъ, что косвеннымъ, а также и прями́мъ образомъ, ты замышлялъ на самую жизнь отвѣтника, и потому подходишь подъ наказаніе, прежде мною изъясненное. Такъ на колѣни, и проси у дожа помилванія!

Граціано. Проси, чтобъ позволили тебѣ самому повѣситься. Да, правда, твое богатство пошло въ казну республикъ, такъ у тебя не осталось на что купить веревку; стало повѣсить тебя должно на-счетъ республики.

Дожъ. Чтобъ ты видѣлъ разницу въ нашихъ чувствахъ, я дарю тебѣ жизнь дрежде, чѣмъ ты просишь о ней. Что касается до половины твоего богатства,

она принадлежит Антонию, другая половина идетъ въ казну республики; но твоя покорность можетъ заставить насъ довольствоваться простою пеней.

Порція. Да, вы можете взять пеню за половину, которая поступаетъ республикѣ, а не Антонию.

Шейлокъ. Нѣтъ, возьмите мою жизнь и все, не прощайте ничего; вы берете мой домъ, когда берете столбъ, который поддерживаетъ мой домъ; вы берете мою жизнь, когда берете средства, которыми я живу.

Порція. Какую милость хочешь ты оказать ему, Антонию?

Граціано. Вережку даромъ; ради Бога ничего больше.

Антонию. Я прошу его свѣтлость дожа и всѣхъ судей не взъискивать съ него пѣни за половину имѣнія; я доволенъ буду, если онъ позволитъ мнѣ располагать другою половиною, чтобъ передать ее, по смерти его, молодому человѣку, который недавно похитилъ у него дочь. Но это съ двумя условіями: чтобъ за такое снисхожденіе онъ тотъ-часъ же принялъ христіанскую вѣру; во-вторыхъ, чтобъ здѣсь въ судѣ завѣщаль, что все свое имѣніе отдастъ по смерти своему сыну Лоренцо и своей дочери.

Дождь. Онъ долженъ это сдѣлать, иначе я отмѣняю прощеніе, которое сей-часъ произнесъ.

Порція. Доволенъ ли ты, Жидъ? Что ты скажешь?

Шейлокъ. Доволенъ.

Порція. Писарь, напиши завѣщаніе.

Шейлокъ. Прошу васъ, пустите меня отсюда; мнѣ дурно; пришлите бумагу ко мнѣ, и я подпишу ее.

Дождь. Ступай, но подпиши.

Грациано. При крещеньи тебѣ надо двухъ крестныхъ отцовъ, а если бѣ я былъ судьи, то назначилъ бы къ нимъ еще десять *, чтобъ ты попалъ на висѣлицу, а не въ купель.

(Шейлокъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ШЕЙЛОКА.

Дожъ. Я зову васъ ко мнѣ обѣдать.

Порція. Я испрашиваю у вашей свѣтлости мнѣ стиваго извиненія. Мнѣ должно сего-дня вечеромъ отправиться въ Падуку, и нужно бы теперь же ѣхать.

Дожъ. Жаль, что вы не имѣете свободнаго времени. Антонио, вознагради его; мнѣ кажется, ты многимъ ему обязанъ.

(Дожъ, сенаторы и свита уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

БАССАНІО, АНТОНИО, ПОРЦІА, НЕРИССА и ГРАЦИАНО.

Бассаніо. Благороднѣйшій судья! Я и мой другъ, по вашей мудрости, избавились сегодня отъ жестокаго взысканія, въ-слѣдствіе чего три тысячи червонцевъ, должные Жиду, мы отъ всего сердца платимъ вамъ за вашъ обязательный трудъ.

Антонио. И сверхъ-того, на-счетъ дружбы и услугъ, остаемся у васъ навсегда въ неоплатномъ долгу.

Порція. Тотъ совершенно заплаченъ, кто совершенно доволенъ; я доволенъ, что избавилъ васъ, а поэтому считаю себя заплаченнымъ; у меня душа никогда еще не была наемницей другаго рода. Прошу

---

* Итого двѣнадцать, число присяжныхъ.

васъ, узнайте меня, когда мы встрѣтимся опять; желаю вамъ счастья, и такъ прощаюсь съ вами.

Бассаніо. Я не могу не приставать къ вамъ. Возьмите отъ насъ что-нибудь на память, какъ дань, не какъ плату. Общайте мнѣ двѣ вещи: не отказать и простить меня.

Порція. Вы такъ настаиваете, что я долженъ уступить. Дайте мнѣ ваши перчатки, я стану ихъ носить въ память вамъ, и въ знакъ вашей дружбы возьму отъ васъ это кольцо. Не отнимайте же руки: я ничего еще не возьму.

Бассаніо. Это кольцо? да помилуйте, это такая бездѣлка! мнѣ стыдно подарить васъ этимъ.

Порція. Я, кромѣ этого, не возьму ничего другаго, и теперь мнѣ ужь очень хочется его.

Бассаніо. Для меня оно имѣетъ важность совсѣмъ не по цѣнѣ своей. Самое дорогое кольцо въ Венеціи я подарю вамъ, велю отыскать его по цѣлому городу; только въ этомъ, прошу васъ, извините меня.

Порція. Я вижу, синьйоръ, что вы щедры на предложенія: вы сперва научили меня просить милостыню, а теперь, кажется, учите, какъ слѣдуетъ отвѣчать нищему.

Бассаніо. Это кольцо дано мнѣ моей женою, и когда она надѣла его, то взяла съ меня обѣтъ, что я не продамъ, не подарю и не потеряю его.

Порція. По милости этихъ извиненій, многіе собираютъ у себя подарки. Если ваша жена не безумная женщина и знала бъ, какъ я заслужилъ это кольцо, она никогда бы въ жизнь не поссорилась съ вами за то, что отдали мнѣ его. Хорошо. Богъ съ вами!

(Порція и Нерисса уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

АНТОНІО, ГРАЦІАНО и БАССАНІО.

Антоніо. Бассаніо, отдай ему кольцо. Пусть его заслуга и вмѣствъ моя дружба перевѣсятъ приказанія твоей жены.

Бассаніо. Ступай, Граціано, бѣги и нагони его; отдай ему кольцо, и приведи его, если можешь, въ домъ къ Антоніо. Ступай скорѣе. (Граціано уходитъ.) Отправимся же и мы къ тебѣ. Рано утромъ мы полетимъ въ Бельмонтъ. Пойдемъ, Антоніо. (Всѣ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Улица въ Венеціи.

ПОРЦІА и НЕРИССА, потомъ ГРАЦІАНО.

Порція. Отъищи домъ Жида, подай ему эту бумагу и заставь подписать; мы поѣдемъ отсюда вечеромъ и будемъ дома за день до нашихъ мужей; эту бумагу Лоренцо прійметъ ласково.

Граціано (входитъ). Синьоръ, счастливо, что я васъ нашель: г-нъ Бассаніо, по большемъ разсужденіи, послалъ вамъ вотъ это кольцо и приглашаетъ васъ обѣдать.

Порція. Этого нельзя сдѣлать. Кольцо я принимаю съ величайшей благодарностью; такъ, пожалуйста, и скажите ему. Да еще, прошу васъ, растолкуйте моему молодому человѣку, гдѣ домъ стараго Шейлока.

Граціано. Извольте, все сдѣлаю.

Нерисса. Мнѣ нужно поговорить съ вами. (Порція.) Увижу, не можно ли мнѣ будетъ выманить у мужа кольцо, которое онъ клялся беречь цѣлую жизнь.

Порція. Можно, я отвѣчаю: мы услышимъ отъ нихъ старинныя клятвы, что они отдали кольца муж-

чинамъ, и будемъ еще безстыднѣй смотрѣть имъ въ глаза и станемъ божиться громче ихъ. Носпѣшимъ; ты знаешь, гдѣ я жду тебя.

НЕРИССА. Пойдемте, синьйоръ, вы покажете мнѣ этотъ домъ. (Уходить.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛОРЕНЦО и ДЖЕССИКА.

Лоренцо. Мѣсяць свѣтитъ ярко; въ такую ночь какъ эта, когда тихій вѣтеръ цаловалъ нѣжно деревья и они не дѣлали ни малѣйшаго шума, въ такую ночь, я думаю, взошелъ Троиль на троянскія стѣны и въ своихъ вздохахъ посылалъ свою душу къ греческимъ шатрамъ, гдѣ покоилась Крессида въ эту ночь.

Джессика. Въ такую ночь Тисбелъ боязливо ступала по росѣ и увидѣла тѣнь льва, прежде, чѣмъ льва самого, и испуганная бѣжала назадъ.

Лоренцо. Въ такую ночь Дидона съ вѣтвикою отъ ливы въ рукѣ стояла на дикомъ берегу моря и махала своему возлюбленному, чтобъ воротился опять въ Карфагенъ.

Джессика. Въ такую ночь Медея собирала чародѣйныя травы, чтобъ помолодить стараго Язона.

Лоренцо. Въ такую ночь Джессика кралась изъ дома богатаго Еврея и съ любимымъ повѣсой бѣжала далеко отъ Венеціи, бѣжала въ Бельмонтъ.

Джессика. И въ такую ночь молодой Лоренцо клялся, что крѣпко любить ее, и укралъ ее душу мно-

гима обвѣтамъ вѣрности, а ни въ одномъ не было правды.

Лоренцо. И въ такую ночь милая Джессика, шалунья - обидчица, клеветала на своего любезнаго, и онъ простилъ ее.

Джессика. Я бы переговорила тебя, еслибъ никто не пришелъ. Но вотъ слышишь, человѣческіе шаги.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

Лоренцо. Кто идетъ такъ скоро въ тишинѣ ночи?

Слуга. Другъ.

Лоренцо. Другъ? Какой другъ? твоё имя, другъ?

Слуга. Мое имя Стефано, и я принесъ извѣстіе, что госпожа моя будетъ въ Бельмонтѣ еще до разсвѣта: Она здѣсь въ окрестностяхъ ходитъ на поклоненіе къ святымъ крестамъ, гдѣ молится на колѣняхъ о счастливомъ супружествѣ.

Лоренцо. Кто съ нею?

Слуга. Никого, кромѣ святаго пустынника и Нериссы. Скажите, пожалуйста, воротился ли мой господинъ?

Лоренцо. Нѣтъ еще, и мы ничего не слышали про него. Сдѣлай милость, Джессика, пойдёмъ въ покои и приготовимся принять хозяйку дома съ нѣкоторой торжественностью.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ЛАНСЕЛОТЬ.

Ланселотъ. Эй! эй! га! га! го! го!

Лоренцо. Кто это кличетъ?

Ланселотъ. Гей! го! го! не видали ли вы господина Лоренцо и госпожу Лоренцо? Эй! эй! ..

Лоренцо. Да полно твои эй! Лоренцо здѣсь.

Ланселотъ. Га, га! гдѣ, гдѣ?

Лоренцо. Здѣсь.

Ланселотъ. Скажите ему, пришла отъ моего господина почта, и у нея рогъ полонъ хорошими новостями; мой господинъ будетъ здѣсь прежде утра.

(Уходить.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ ЛАНСЕЛОТА.

Лоренцо. Душа мол! Войдемъ и станемъ тамъ дожидаться ихъ прїѣзда. Впрочемъ нѣтъ надобности: за чѣмъ входить! Другъ Стефано, объяви, пожалуйста, въ домъ, что госпожа близко, и приведи своихъ музыкантовъ сюда на чистый воздухъ.

(Слуга уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ДЖЕССИКА, ЛОРЕНЦО, и потомъ МУЗЫКАНТЫ.

Лоренцо. Какъ мило свѣтъ мѣсяца спить на этой дерновой скамьѣ! Здѣсь мы сядемъ, и пусть звуки музыки крадутся къ намъ въ уши. Сладкая тишина и ночь прилично переливамъ нѣжной гармоніи. Сядь, Джессика, смотри, какъ сводъ неба выложенъ часто блестками яркаго золота; малѣйшій кружокъ, на какой ни взглянешь, поетъ какъ ангелъ въ своемъ движеніи и безпрестанно вторитъ хору молодоккихъ серафимовъ. Та же гармонія въ безсмертныхъ душахъ; но покуда онѣ заключены грубо въ эту грязную одежду тлѣнія, мы не можемъ слышать ея. (Входятъ музыканты.) Эй, ступайте, и разбудите Діану своимъ гимномъ; самыми прїятными звуками наполните слухъ вашей госпожи и музыкой маните ее домой.

Джессика. Я никогда не бываю такъ весела, какъ когда слышу хорошую музыку.

Лоренцо. Отъ-того, что духъ твой окованъ вниманіемъ. Посмотри на дикое и рѣзвое стадо, или на табуны молодыхъ необузданныхъ коней; бѣшеные прыжки, ревъ, громкое ржаніе—это условіе ихъ горячей крови; но если услышать они случайно звукъ трубы, или музыкальный напѣвъ коснется ихъ ушей,—ты увидишь, что вдругъ остановятся всѣ, что восхитительная власть музыки дастъ скромный взглядъ ихъ одичалымъ глазамъ. Вотъ отъ-чего поэты выдумали, что Орфей подвигалъ деревья, камни и рѣки; нѣтъ существа такого безчувственного, твердаго и яростнаго, чтобъ музыка не измѣнила на-время его природы. Человѣкъ, который не имѣетъ въ себѣ музыки и котораго не трогаетъ согласіе пріятныхъ звуковъ, способенъ къ измѣнѣ, хитрости и грабительству; движенія его души темны, какъ ночь, и его склонности мрачны, какъ адъ: не вѣрь такому человѣку. Послушаемъ музыку.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ПОРЦІА и НЕРИССА въ-далн.

Порція. Огонь, что мы видимъ, горитъ у меня въ залѣ. Какъ далеко маленькая свѣча бросаетъ свои лучи! Такъ свѣтитъ доброе дѣло на этой злой землѣ.

Нерисса. Когда свѣтилъ мѣсяцъ, мы не видали свѣчи.

Порція. Такъ большая слава помрачаетъ малую; намѣстникъ сіяетъ такъ же ослѣпительно, какъ король, покуда король не возмѣ; а тогда его сіяніе исчезаетъ, какъ свѣтлый ручей въ океанъ водъ. Музыка! Слышишь?

НЕРИССА. Это ваша домашняя музыка, сударыня.

ПОРЦІА. Я вижу, что все хорошо только относительно; мнѣ кажется, что она теперь пріятнѣе, чѣмъ днемъ.

НЕРИССА. Тишина даетъ ей такую прелесть, сударыня.

ПОРЦІА. Ворона поетъ такъ же хорошо, какъ жаворонокъ, когда никто ихъ не слушаетъ; и я думаю, еслибъ соловей запѣлъ днемъ, когда гогочеть всякій гусь, то его сочли бы музыкантомъ не лучше пѣтуха; сколько вещей самымъ совершенствомъ своимъ и справедливыми похвалами обязаны тому, что дѣлаются во-время, къ-статѣ. Тише, тише; луна спитъ съ Эвдимиономъ и не хочетъ, чтобъ ее будили.

(Музыка перестаетъ.)

ЛОРЕНЦО. Или я очень ошибаюсь, или это голосъ Порціи.

ПОРЦІА. Онъ узналъ меня, какъ слѣпой узнаетъ кушuku, по дурному голосу.

ЛОРЕНЦО. Синьйора! милости просимъ.

ПОРЦІА. Мы молились за нашихъ мужей и надѣемся, что наши молитвы будутъ имъ въ-пользу. Что, воротились ли они?

ЛОРЕНЦО. Нѣтъ еще, но впередъ пріѣхалъ посланный объявить о ихъ пріѣздѣ.

ПОРЦІА. Поди, Нерисса, отдай приказаніе слугамъ, чтобъ они не говорили ни слова о нашемъ отсутствіи. Не говорите и вы, Лоренцо, и вы, Джессика.

(Звукъ трубы.)

ЛОРЕНЦО. Вотъ вашъ супругъ; я слышу его трубу. Мы не перескачки, синьйора, не бойтесь.

ПОРЦІА. Эта ночь, мнѣ кажется, не что другое, какъ день, только больной; она немного блѣднѣе; это день, какимъ бываетъ онъ, когда спрячется солнце.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, БАССАНІО, АНТОНІО, ГРАЦІАНО и ихъ свѣта.

БАССАНІО. У насъ будетъ день въ одно время съ антиподами, если вы станете прогуливаться въ отсутствіи солнца.

ПОРЦІА. Хотя я и издаю свѣтъ, но не люблю свѣта: если жена полюбитъ свѣтъ, мужъ можетъ сдѣлаться мраченъ, а по моей милости этого никогда не случится съ Бассаніо. Впрочемъ, все въ божьей волѣ. Какъ мы всѣ рады вашему возвращенію!

БАССАНІО. Благодарю васъ. Пріймите моего друга; вотъ онъ, вотъ Антоніо, которому я такъ много обязанъ.

ПОРЦІА. Въ-самомъ-дѣлѣ, вы ему много обязаны, потому-что, какъ я слышала, онъ обязался за васъ на многое!

АНТОНІО. И за все вполнѣ заплаченъ.

ПОРЦІА. Синьйоръ, мы счастливы, что принимаемъ васъ въ нашемъ домѣ. Я постараюсь доказать вамъ это не на словахъ, а на дѣлѣ, и потому сокращаю разговорныя учтивости.

(Граціано и Нерисса говорятъ тихо между собою.)

ГРАЦІАНО. Вонъ этимъ мѣсяцемъ клянусь, что ты обижалъ меня. Ну, по истинѣ, я отдалъ его судейскому писарю; чтобъ попасть ему за то въ евнухи, если ты, моя любовь, принимаешь это такъ къ сердцу!

ПОРЦІА. О, ссора, уже! за что же?

ГРАЦІАНО. Да вотъ, по милости золотого ободочка, драгннаго кольца, которое она дала мнѣ, съ надписью, знаете, въ известномъ родѣ: *Люби, не измѣли.*

НЕРИССА. Что ты разговариваешь тутъ о надписи, да о цѣнѣ? Ты клялся мнѣ, когда я отдавала тебѣ его, что будешь носить до смертнаго часа, и оно ляжетъ

съ тобою въ гробъ. Такъ если не изъ любви ко мнѣ, то изъ уваженія къ своимъ пламеннымъ клятвамъ ты бы долженъ беречь его. Отдать судейскому писарю! Да, я знаю лучше... у писаря, который взялъ его, никогда не будетъ на лицѣ волосъ.

Граціано. Будеть, если онъ доживетъ до того, что станетъ мужчиной.

Нерисса. Да, если женщина доживетъ до того, что станетъ мужчиной.

Граціано. Ну, вотъ, этой рукой клянусь, я отдаю его молодому человѣку, просто мальчику; такъ, негодный, хилый мальчишка, не выше тебѣ,—судейскій писарь, говорунъ, — мальчишка, выклонялъ его за труды. По совѣсти, я не могъ ему отказать.

Порція. Скажу вамъ откровенно, вы дурно сдѣлали. Разстаться такъ легко съ первымъ подаркомъ вашей жены, съ вещью, надѣтой клятвами на вашу палець, и прикованной къ вашему тѣлу вѣрностью. Я дала кольцо своему Бассаніо и заставила его поклясться, что онъ никогда не разстанется съ нимъ. Вотъ онъ стоитъ здѣсь. Я смѣло поклянусь за него, — онъ не уступитъ кольца и не сниметъ съ пальца завсѣ сокровища, которыми владѣетъ міръ. Ну, право, Граціано, вы сдѣлали, что жена ваша имѣетъ сильную причину огорчаться. Случись это со мной, я сошла бы съ ума.

Бассаніо (въ сторону). Ну, лучше бы мнѣ отсѣчь лѣвую руку и поклясться, что я лишился кольца, защищая его.

Граціано. Синьйоръ Бассаніо отдаю свое кольцо судьѣ, который вымолилъ его и ужъ истинно заслужилъ; а тутъ мальчишка-писарь, только-что пописавъ немного, вымолилъ мое. И ни слуга, ни господинъ не хотѣли брать ничего, кромѣ двухъ колець.

ПОРЦІА. Какое кольцо вы отдали, Бассаніо? Надѣюсь, не то, что получили отъ меня.

БАССАНІО. Еслибъ я былъ способенъ прибавить ложь къ моей винѣ, я заперся бы въ этомъ, но вы видите,—мой палецъ безъ кольца, нѣтъ его.

ПОРЦІА. Такъ въ вашемъ живомъ сердцѣ нѣтъ правды! Клянусь небомъ, что до-тѣхъ-поръ не буду въ вашихъ объятіяхъ, покуда не увижу кольца.

НЕРИССА. И я не буду въ твоихъ, покуда не увижу своего.

БАССАНІО. Милая Порція, если бъ вы знали, кому я отдалъ кольцо, если бъ вы знали, для кого я отдалъ кольцо, если бъ вы могли вообразить, за что я отдалъ кольцо и какъ неохотно я разстался съ кольцомъ, когда ничего не хотѣли принять отъ меня, кромѣ кольца, вы бы умѣрили жестокость вашего негодованія.

ПОРЦІА. Если бъ вы знали цѣну кольцу, или хотя въ-половину цѣну той, которая дала кольцо, или поняли бъ, что ваша честь требовала сохранить кольцо, вы не разстались бы никогда съ кольцомъ. Если бъ вамъ угодно было защищать его съ нѣкоторой твердостью, какой человѣкъ былъ бы до того безразсуденъ, что безъ всякой скромности продолжалъ бы требовать вещь, сохраняемую какъ памятникъ священнаго обряда? Нерисса научила меня чему вѣрить: я готова умереть, что кольцо отдано женщинѣ.

БАССАНІО. Нѣтъ, клянусь честью, душою, что не женщинѣ, а благородному доктору; онъ не хотѣлъ взять отъ меня трехъ тысячъ червонцевъ и просилъ кольцо. Я отказалъ ему и имѣлъ духъ отпустить его въ неудовольствіи на меня, его-самого, который спасъ жизнь моего безцѣннаго друга. Что же еще я скажу вамъ, милая Порція? Я былъ принужденъ послать кольцо за нимъ; я сдѣлалъ это изъ вѣжливости и отъ сты-

да : я не хотѣлъ злнпгнать своей чести неблагодарно-
 стью. Простите меня, добрал Порція, клянусь этими
 благословенными свѣтльниками ночи, если бъ вы бы-
 ли тамъ, то, я думаю, вы сами вымолили бъ у меза
 кольцо, чтобъ отдать его достойному доктору.

Порція. Не подпускайте этого доктора близко къ
 моему дому: такъ-какъ онъ пріобрѣлъ сокровище, ко-
 торое я любила и которое вы поклялись сберечь изъ
 любви ко мнѣ, то я сдѣлаюсь такъ же щедра, какъ и вы.
 Я не откажу ему ни въ чемъ, что имѣю, ни въ самой
 себѣ, ни въ супружеской постели. Я узнаю его, въ
 этомъ увѣрена. Не проводите ни одной ночи не дома;
 стерегите меня, какъ Аргусъ; если нѣтъ, если я стану
 оставаться одна, то божусь честію, которая еще есть
 у меня, докторъ будетъ товарищемъ моего уединенія.

Нейрисса. А моего—писарь: такъ смотри хорошень-
 ко, не оставляй меня моему собственному надзору.

Граціано. Хорошо, дѣлай что хочешь; только чтобъ
 онъ не попадался мнѣ, а попадется, такъ я перепорчу
 перья у молодого писаря.

Антоніо. Я, несчастный, предметъ этихъ ссоръ!

Порція. Ся ныйоръ, не огорчайтесь. Не смотря на
 это, мы вамъ истинно рады.

Бассаніо. Порція, прости мнѣ эту невольную ви-
 ну; и вотъ, въ-присутствіи всѣхъ моихъ друзей, кля-
 нусь тебѣ твоими прекрасными глазами, въ которыхъ
 вижу себя. . .

Порція. Замѣьте это, въ моихъ двухъ глазахъ онъ
 видитъ себя, въ каждомъ по одному Бассаніо: стало
 онъ видитъ себя двуличнымъ; клянитесь же честію
 двуличнаго человѣка,—это такая клятва, что нельзя ей
 не повѣрить.

Бассаніо. Ахъ , послушай меня! Прости эту вину, и клянусь моею душой, что никогда болѣе не нарушу ни одной клятвы, данной тебѣ.

Антоніо. Я нѣкогда для его счастія заложилъ мое тѣло : оно погибло бы безъ помощи того , у кого теперь кольцо вашего супруга. Я смѣю опять ручаться, мою душу отдаю въ закладъ , что вашъ супругъ никогда не нарушитъ умышленно своего обѣщанія.

Порція. Итакъ вы за него порукой. Отдайте же ему это и велите , чтобъ онъ берегъ его лучше, чѣмъ первое.

Антоніо. Бассаніо, клянись сохранить это кольцо.

Бассаніо. Боже мой! да это то самое , которое я отдалъ доктору.

Порція. А я получила отъ него. Прости меня, Бассаніо, божусь этимъ кольцомъ, что докторъ спалъ со мной.

Нерисса. Прости и меня , мой милый Граціано ! знаешь , тотъ хилой мальчишка , докторской писарь, пробылъ у меня за это кольцо цѣлую ночь.

Граціано. Право ? да это все то же , что поправлять дороги лѣтомъ, когда онъ и безъ того довольно-хороши. Какъ ? не ужъ ли намъ приставили рога прежде, чѣмъ мы ихъ заслужили ?

Порція. Не говорите такъ дерзко. Вы всѣ въ изумленіи! Вотъ письмо, прочтите его на-свободѣ; оно изъ Падуи , отъ Белларіо : вы увидите , что Порція была докторъ , Нерисса же ея писарь. Лоренцо можетъ засвидѣтельствовать, что я уѣхала тотъ-часъ послѣ васъ и только-что воротилась; я еще не входила и въ домъ. Антоніо , для васъ у меня есть въ запасъ новости, какихъ вы не ожидаете. Распечатайте скорѣе это пись-

мо : тутъ вы найдете, что три корабля ваши съ богатымъ грузомъ вошли неожиданно въ пристань. Вы не должны знать, по какому странному случаю досталось мнѣ это письмо.

Антонио. Я нѣмъ.

Бассанио. Вы были докторъ, и я не узналъ васъ!

Грациано. Ты была писарь, который долженъ мнѣ приставить рога.

Нерисса. Да, писарь, который никогда не вздумаетъ этого сдѣлать, развѣ доживетъ до того, что станетъ мужчиной.

Бассанио. Милый докторъ, будьте моимъ преемникомъ и въ моемъ отсутствіи спите съ моей женой.

Антонио. Прекрасная синьора, вы дали мнѣ жизнь и чѣмъ жить : здѣсь я узнаю навѣрное, что корабли мои прибыли благополучно въ пристань.

Порція. Ну, а вы, Лоренцо? у моего писаря есть и для васъ кой-что пріятное.

Нерисса. И я отдамъ ему это безъ всякой платы. Вотъ я передаю вамъ и Джессикъ узаконенную бумагу, въ которой богатый Еврей даритъ все, что послѣ его смерти окажется ему принадлежащимъ.

Лоренцо. Прекрасныя синьоры, вы сыплете манну на пути голодныхъ людей.

Порція. Почти утро, а я увѣрена, что вы еще не вполне - довольны объясненіемъ этихъ происшествій. Войдемте въ домъ, и тамъ подвергните насъ допросу : мы станемъ на все отвѣчать съ точностію.

Грациано. Охотно. Первый допросъ, на который Нерисса должна отвѣчать подъ присягой, слѣдующій: хочетъ ли она оставаться на ногахъ до будущей ночи, или теперь идти ложиться, потому-что ужь два часа

утра, а какъ прійдетъ день, я пожелаю, чтобъ онъ обратился въ ночь и далъ бы мнѣ спать съ писаремъ доктора. Покуда живъ буду, только о томъ и стану заботиться, чтобъ держать въ сохранности кольцо Нериссы.

Перев. съ англійскаго Н. ПАВЛОВЪ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА *.

Русскій Царь созвалъ дружны
 Для великой годовщины
 На поляхъ Бородина.
 Тамъ земля окрещена:
 Кровь на ней была святая.
 Тамъ, престолъ и Русь спасая,
 Войско цѣлое легло,
 И престолъ и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
 Какъ пылала, какъ гремѣла
 Здѣсь народная война
 Въ страшный день Бородина!
 На полки полки бросались,
 Холмы въ громахъ загорались,
 Бомбы падали дождемъ,
 И земля тряслась кругомъ.

* Получивъ изъ Москвы полный экземпляръ «Бородинской Годовщины», мы спѣшимъ подѣлиться съ читателями трогательнымъ и высококимъ чувствомъ, неволью возбуждающимся въ русскомъ сердцѣ при чтеніи сего стихотворенія, которое показываетъ, какъ свяжо и полно былъ дарованіе знаменитаго «Пѣвца въ Стахъ Русскихъ Воинновъ», некогда, въ грозную годину нашей отчизны, одушевляющаго сердца своихъ соотечественниковъ и нынѣ совершающаго поэтическую трезву надъ святою могилою падшихъ во святой брани.

Т. V. — Отд. III.

93—1/4.

А теперь пора иная:
 Благовонию-зомотая
 Жатва блестяет по холмамъ,
 Гдѣ упорный бились, тамъ
 Мирныхъ инокинь обитель;
 И одинъ остался зритель
 Сихъ кипѣвшихъ брапью мѣсть,
 Всѣхъ рѣшитель браней—крестъ.

И на пиръ поминовенья
 Рать другаго поколѣнья,
 Новымъ, славнымъ ужъ Царемъ
 Собрана на мѣсть томъ,
 Гдѣ предмѣстники ихъ бились,
 Гдѣ столь многія свершились
 Чудной храбрости дѣла,
 Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Также рать числомъ обильна,
 Также мужество въ ней сильно,
 Тѣ жь орлы, тѣ жь знамена
 И полковъ тѣ жь имена,—
 А въ рядахъ другіе стали,
 И серебряной медали,
 Превшимъ данной ей Царемъ,
 Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прежнихъ мало:
 Много въ дѣвѣ великій валю
 На землѣ Бородина;
 Позже тѣхъ взяма война;
 Тѣ, свершивъ въ Парижъ тризну
 По Москвѣ и рать въ отчизну
 Проводивши, отъ земли
 Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій, вождь спасенья?
 Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
 Введшій рать въ Парижъ, Барклай?
 Гдѣ и свой и чуждый край

Дерзкой бодростью дививший,
И подъ старость сохранивший
Все, что въ молодости есть,
Коповицъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизменный,
Хладный вожь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подѣ-часъ боецъ,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій, витязь Дона?
Русской рати оборона,
Непріятелью арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь-атаманъ?

Гдѣ наездникъ, вожь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшною тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милордовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣнѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?...

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сен-При; Ланской нашъ палъ;
Кончъ Тормасовъ; могила
Невзровскаго сокрыта;
Въ гробъ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробъ старецъ Бенниговъ.

И боецъ, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ багратионовъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Витязь Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И тебя мы пережили,
 И тебя мы скорючили,
 Ты, который тронъ и вась
 Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,
 Вожь вождей, царей диктаторъ,
 Нашъ великій Императоръ,
 Мира свѣтлая звезда!
 И твоя пришла череда!

О, година русской славы!
 Какъ тѣснились къ намъ державы?
 Царь нашъ съ ними къ чести шелъ;
 Какъ спасительно онъ ввелъ
 Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
 Какъ незлобно онъ десвицу
 Протянулъ къ врагамъ своимъ!
 Какъ гордился Русскій имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ честей далеко
 Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
 Передъ плачущей женой,
 Нашъ владыка, нашъ герой,
 Гаснетъ Царь Благословенный;
 И за гробомъ сокрушенно,
 Въ погребальный слявшись ходъ,
 Вся имперія идетъ.

И его какъ не бывало,
 Передъ кѣмъ все трепетало!...
 Есть далекая скала;
 Вкругъ скалы морская мгла;
 Съ моремъ степь слылась другая —
 Бездна неба голубая;
 Къ той скалѣ путь загражденъ:
 Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ временъ, столь чудныхъ,
 Дней блистательныхъ и трудныхъ
 Съ новымъ зрѣли мы Царемъ:
 До Стамбула русскій громъ

Быль доброшень по Балкану;
 Миромъ мстили мы султану,
 И вскатилъ на Араратъ
 Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата,
 До подошвы Арарата,
 Взявъ нашъ съверный Алясъ:
 Русской гравью сталъ Араксъ,
 Арзерумъ сдался намъ дикій.
 Закипелъ матажъ великій:
 Предъ Варизавой сталъ нашъ фронтъ,
 И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,
 Флотъ нашъ былъ у ствнъ Царьграда;
 И съ турецкихъ береговъ,
 Въ память съверныхъ орловъ,
 Русскій сторожъ на Боефоръ,
 Отразаясь въ заветномъ моръ,
 Мавзолей нашъ говоритъ:
 «Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ!»..

Всходитъ дневное свѣтло
 Такъ же ясно, какъ всходило
 Въ чудный день Бородинна.
 Рать въ колонны собрана,
 И сіяетъ передъ ратью
 Крестъ небесной благодатью,
 И подъ нимъ, въ виду колоннъ,
 Въ гробъ спитъ Багратионъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь билась!
 И враги, лрясь, ломались
 На холмы Бородинна;
 А теперъ ихъ тишина,
 Небомъ полная, объемлетъ,
 И какъ-будто бы подъемлетъ
 Изъ-за гроба голосъ свой
 Рать усопшая къ живой.

Несказанное именованье!
 Лишь изрекъ, овертнись молитве,
 Предстоявшій алтарю:
 «Память вѣчная Царю!»
 Варугъ обгрянулъ залпъ единый
 Бородинскія вершины,
 И въ одинъ великій гласъ
 Съ нимъ вся армія слыхась.

Память вѣчная, нашъ священный,
 Нашъ смиренный, нашъ державный,
 Нашъ спасительный герой!
 Ты объѣ изрекъ святой!
 Слово съ трона роковое
 Повторилось въ дивномъ боѣ
 На поляхъ Бородина, —
 Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
 Рать младая къ вамъ объѣтъ
 Простираетъ въ глубь земли.
 Нашу Русь вы намъ спасли;
 Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
 Въ свой чередъ мы васъ помлемъ,
 Если Царь велитъ отдать
 Жизнь за общую намъ мать.

В. ЖУКОВСКІЙ.

Бородино. 26-го августа 1839 года.

НОВѢЙШАЯ ГЕРМАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ ВО ФРАНКФУРТЪ-НА-МАЙНѢ, ВЪ 1836 И 1837 ГОДАХЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ВЫСТАВКА, БЫВШАЯ ЛѢТОМЪ 1837.

ГЕНРИХЪ IV, КОРОЛЬ НѢМЦЕВЪ, ПРИ КАНОСПЬ; КАРТИНА БЕГАСА.

Для украшенія рыцарской залы въ одномъ древнемъ замкѣ на Рейнѣ, г. Бегасъ (изъ Кёльна) написалъ въ высокой степени замѣчательную картину, которая, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, была выставлена въ Франкфуртскомъ штэдельскомъ музеѣ. Торопясь дать о ней отчетъ любителямъ искусства, мы почитаемъ однакожь за нужное припомнить прежде тѣ историческія данныя, которыя послужили матеріаломъ для изобрѣтенной здѣсь сцены.

Честолюбіе, произволь и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ такъ властительно распространились въ XI вѣкѣ между западными католиками, равно какъ и между мірянами, что первые почти не отличались отъ послѣднихъ даже и одѣяніемъ. Земскіе владѣльцы про-

Т. V. — Отд. VI.

давали церковныя должности, епископы сражались мечомъ съ свѣтскими владѣтелями; въ Германіи Генрихъ III злоупотреблялъ императорскую власть противъ чиновъ имперіи, въ Италиі смѣнилъ онъ трескъ папъ, которые оспаривали другъ у друга намѣстничество Христа. Между-тѣмъ сынъ плотника Боницо, изъ Савонны, Гильдебрандъ, вступивъ въ монашество, сталъ вскорѣ воспитателемъ Генриха, сына императора, и императору ошлось, что «Гильдебрандъ сидитъ съ его маленькимъ сыномъ за столомъ, что будто у него рога на головѣ, достигавшіе до самаго неба, и что будто онъ влачилъ въ грязи юнаго Генриха». Только по просьбѣ императрицы, какъ говорятъ, супругъ ея отмѣнилъ рѣшеніе уморить Гильдебранда голодною смертію.

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы Гильдебрандъ сталъ сильнымъ совѣтодателемъ папы, а его воспитанникъ въ 1056 г. восшелъ на престолъ подѣ именемъ Генриха IV. Въ то время, какъ сей послѣдній увеличивалъ безпорядокъ, царствовавшій въ церкви и имперіи, Гильдебрандъ, равно строгій къ себѣ и къ другимъ, трудился надъ рѣшительнымъ преобразованиемъ всей западной церкви. Съ аскетическимъ вдохновеніемъ стремился онъ осуществить сколько возможно древне-папскій идеалъ, по которому духовный, отрѣшившись отъ семейной жизни, властвоваемъ надъ самимъ-собою долженствовалъ приобрести власть надъ мірянами, а церковная іерархія, вполне-освобожденная отъ свѣтской власти, строгою дисциплиною подѣ началомъ намѣстника Христа долженствовала приобрести верховное владычество надъ земными владыками.

Его стремленіе нашло одобреніе отъ лучшихъ умовъ того времени, потому-что онъ господствующія идеи церкви соединялъ въ одно великое архитектурно-

ческое цѣлое. Его духъ, обнимавшій всю современность, его несокрушимая воля приобрѣли ему наконецъ, въ 1073 г., папскую тиару.

Такъ-какъ Генрихъ IV не переставалъ попирать свѣтскіе и церковные законы, и страшно притѣсняемые имъ Саксонцы обратились къ главѣ христіанства съ мольбою о помощи, — Григорій VII потребовалъ отъ короля повиновенія и назначилъ ему явиться для оправданія передъ римскою церковною соборъ.

Кто долженъ епископа римскаго признавать за высочайшаго земнаго намѣстника Христа, за верховнаго главу церкви, которому дарована высшая сила связывать и разрѣшать, тотъ долженъ быть также — по праву, присвоенному сею властію, будь то императоръ, епископъ, какого бы то ни было званія — немедленно повиноваться ему, когда онъ въ качествѣ верховнаго пастыря позоветъ его къ отвѣту. Но Генрихъ презрѣлъ повелѣніе своего духовнаго владыки, созвалъ соборъ въ Вормсѣ и дерзнулъ отправить на созванный въ Римъ соборъ посла для прочтенія тамъ приговора о низложеніи папы.

Григорій, опираясь на примѣръ св. Амброзія, Григорія-Великаго и папы Захарія, произнесъ, согласно съ соборомъ, знаѣмому на Генриха, объявилъ его лишенымъ власти и разрѣшилъ всѣхъ его подданныхъ отъ данной ему присяги.

Почти всѣ имперскіе князья отпали отъ Генриха и положили на трибурскомъ сеймѣ избрать себѣ другаго короля, если Генрихъ въ теченіе годичнаго срока не освободится отъ проклятій. Въ то же время приглашали они папу на сеймъ, долженствовавшій быть въ Аугсбургѣ, на которомъ должны были уничтожиться всѣ недоразумѣнія и несогласія.

Григорій, не смотря на жестокою зиму, дѣйстви-тельно отправился-было въ Аугсбургъ, но на дорогѣ въ Верцелли узналъ, что Генрихъ, оставленный всеми и рѣшившійся на церковное покаяніе, прибылъ уже по сосѣдству оттуда. Матильда, благочестивая маркграфиня тосканская, не довѣряя лукавому королю, убѣдила папу остановиться въ ея твердо-укрѣпленномъ замкѣ, въ Каноссѣ.

Сюда последовалъ за нимъ Генрихъ, сопровождаемый только своею супругою, маленькимъ сыномъ и человекомъ незначительнаго происхожденія. Григорій хотѣлъ произнести свое рѣшеніе на сеймѣ аугсбургскомъ, и, не смотря на то, что Генрихъ, торопимый истекавшимъ срокомъ, объявлялъ себя готовымъ на всякое удовлетвореніе, не смотря на просьбы Матильды и ея матери, Адельгейды, маркграфини сузской, Гуго, аббата клюньскаго, крестнаго отца Генриха и многихъ другихъ, долго противился, сомнѣваясь въ чистосердечіи короля; наконецъ дозволялъ ему — несовсѣмъ-охотно — принести покаяніе въ оскорбленіи, причиненномъ апостольской кафедрѣ. Самъ папа извѣщаетъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей Германіи о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла слѣдующимъ-образомъ: «Въ-продолженіе трехъ дней, сложивъ съ себя всѣ знаки королевскаго достоинства, въ униженнѣйшемъ видѣ, *misereabiliter*, именно съ босыми ногами, въ шерстяной одеждѣ, стоя у дверей, король не переставалъ дотоле умолять со слезами о помощи и утѣшеніи апостольскаго помилованія, пока не подвинулъ всѣхъ присутствовавшихъ, которые слышали его вопли, къ такому состраданію и соболезнованію, что они всѣ со слезами молили за него и удивлялись необычайной жестокости нашего нрава; нѣкоторые даже воскликнули, что въ насъ дѣйствуетъ

не столько апостольская строгость, сколько жестокость тиранской свирѣлости *. Наконецъ, побужденные неутомимостію его раскаяніа и столькими мольбами присутствовавшихъ, мы снова приняли его въ благодать общенія и въ недра святой матери нашли церкви, получивъ отъ него предписанное ручательство — ручательство въ томъ, что онъ въ день, который назначитъ папа, явится передъ судилище чиновъ, гдѣ, если успѣетъ оправдаться, по приговору папы получитъ королевство, въ противномъ же случаѣ спокойно отречется отъ него.

Вотъ то событіе, котораго важнѣйшій моментъ изобразилъ художникъ.

Съ перваго взгляда все вниманіе разсматривающаго привлекаетъ къ себѣ кающійся король, который въ серединѣ картинъ, съ боковыми ногами, въ сѣромъ одѣяніи кающагося грѣшника, съ исключенными густыми волосами, будто съ затаеннымъ гнѣвомъ смотря въ землю, прислонился лѣвымъ бокомъ къ двери украшеннаго небольшоими колоннами зданія, какъ-будто ожидая съ досадою, скоро ли она ему отворится.

Надъ дверью, на балконѣ, справа, стоятъ Григорій, въ бѣлой домашней одеждѣ съ краснымъ бархатнымъ воротникомъ и такого же цвѣта капишономъ, — цвѣтушій старецъ съ широкою волнообразно-ниспадающею бородою, не мало похожій на какого-нибудь первосвященника древне-римскаго времени, времени царей. Съ нахмуренными бровями, какъ-будто созерцающая далекую духовную цѣль, прижимаетъ онъ правую руку съ сложенными перстами къ груди, какъ-бы намекая этимъ на твердость своего убѣжденія, которое не сдастся на просьбы графини Матильды, стоящей

* Sed quasi tyranicae feritatis crudelitatem. Greg. P. VII. Epist. t. IV. ep. 12 ad Germanos in Concil. ed. Harduin.

возлѣ его съ другой стороны балкона, съ потушеною головою взирающей на него и указывающей на молящихся, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ воротъ замка на переднемъ планѣ. Изъ-за папы съ-права видна голова *крестоносителя*, съ-лѣва стоитъ съ обнаженною тлавою рыцарь, можетъ-быть, начальникъ тѣлохранителей графини, потому что позади его видно нѣсколько вооруженныхъ копьями воиновъ.

Подъ балкономъ, на переднемъ планѣ, съ мольбою преклонили колѣни двѣ женщины, изъ которыхъ одна, на лѣвой сторонѣ, по-видимому принадлежитъ къ высшему, другая же, на правой, къ низшему званію. Возлѣ послѣдней сидитъ на капителѣ колонны молодой духовная особа, можетъ-быть, капелланъ короля; онъ какъ-будто объясняетъ женщинамъ необходимость цюкандіи; позади его человекъ, какъ видно изъ благороднаго сословія, подъявъ правую руку къ папѣ, умоляетъ о помилованіи. На этой же сторонѣ, только ближе къ стѣнѣ замка, сидитъ погруженная въ глубокую скорбь, съ покрытою чернымъ кременъ головою, благородная женская фигура, вѣроятно супруга Генриха; а черезъ нее, съ выраженіемъ самаго искренняго состраданія, смотритъ въ-верхъ къ кающемуся прекрасный мальчикъ, какъ кажется, сынъ короля.

На другой сторонѣ, позади колѣнопреклоненной женщины, стоитъ поселянинъ, въ короткомъ темномъ камзолѣ, съ пастушескою котомкою, и взываетъ съ подъятыми руками къ верховному пастырю вѣрныхъ о помилованіи такъ глубоко-уничиженнаго властителя; позади его, какъ-бы обдумывая, принимаетъ участіе въ происходящемъ пожилой человекъ, по-видимому изъ педагогическаго сословія. Группу эту замыкаетъ красивый мальчикъ, который, по серединѣ картинны, сядя у самыхъ воротъ, смотритъ на короля; съ дру-

гой стороны видна дѣвочка, которая, волею колѣно-пресклоненной жевщины, принимаетъ дѣтское участіе въ общемъ непонятномъ ей смѣтеніи.

Такимъ-образомъ, вокругъ кающагося короля, который занимаетъ средину картины, фигуры расположены тремя группами; по правую и по лѣвую сторону молящія и тако соблазнующіе, на балконѣ папа и просящая графиня съ ихъ свитою.

Прежде, нежели мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній о мысли картины, засвидѣтельствуемъ мастерское совершенство исполненія. Достойны высокой похвалы, какъ одинъ изъ существенныхъ плодовъ развитія новѣйшаго искусства, очаровательный колоритъ, зрѣлость и вмѣстѣ нѣжность красокъ и освѣщенія цѣлаго, краткая гармонія, разливающаяся по немъ и напоминающая лучшія произведенія Итальянцевъ. Свѣтъ и тѣнь дивно сливаются, и хотя всѣ отдѣльныя части ясно и пластически обособлены, нигдѣ незамѣтенъ рѣзкій очеркъ. *Картина* дышетъ теплою, художественно-проевѣтленною жизнью и вердѣ въ прекрасномъ созвучіи съ краткимъ тономъ цѣлаго. Въ такомъ же совершенствѣ отдѣланы одежды и колонны. Всѣ прочія архитектурныя подробности доказываютъ самое тщательное изученіе и высшій гармонизирующий органъ мыслящаго художника. Столько же прекрасенъ и отчетливъ рисунокъ, котораго прелесть однако отъ-части уменьшается какъ-бы нѣсколько оцѣпенѣлою неподвижностію лапы и слишкомъ сильно-опрокинутыми назадъ головами двухъ главныхъ фигуръ обѣихъ боковыхъ группъ.

Этотъ послѣдній недостатокъ объясняется расположеніемъ цѣлаго; но именно относительно расположенія цѣлаго возникло въ насъ нѣкоторое раздумье, изъ котораго не удалось намъ выйти. Давъ Генриху воз-

вышнее положеніе по срединѣ картины, художникъ долженъ быть слишкомъ далеко въ вышину поднятъ папу со всѣмъ его окружающимъ, такъ - что голова его чуть-чуть не касается рамы. Эта группа, которая безспорно должна привлекать къ себѣ, если не большее, то во всякомъ случаѣ равное вниманіе съ кающимся королемъ и обѣими боковыми группами, по своей отдаленности является менѣе значительною, и взоръ невольно устремляется преимущественно на Генриха, какъ на главную фигуру. Григорій же, напротивъ, Григорій, который бы долженъ былъ явиться здѣсь главою христіанскаго міра и, по тогдашнему представленію, намѣстникомъ Христа, имѣющимъ власть надъ всею землею до вторичнаго его пріишествія, является даже и въ верхней группѣ не въ собственномъ ему величіи: онъ занимаетъ только одну сторону балкона, котораго другая половина удѣлена графинѣ, костюмированной слишкомъ по-свѣтски и несоответственно съ этою сценою и вообще съ ея набожнымъ благочестіемъ. Точно также нельзя одобрить и того, что Григорій, который велъ строгую жизнь, и, по сохранившимся въ лѣтописяхъ извѣстіямъ, имѣлъ истощенную наружность, здѣсь изображенъ съ такимъ цвѣтущимъ лицомъ и не съ короткою, согласно съ медалями, а съ длинною бородою; Матильда же, чтившая въ Григоріи преемника Петра, изображена съ шеєю, почти-совсѣмъ открытою. Съ другой стороны ни изъ чего не видно, чтобы эта сцена происходила въ жестокое зимнее время. Менѣе всего, кажется намъ, уловленъ характеръ момента, являющійся въ исторіи среднихъ вѣковъ безспорно не въ томъ значеніи, какое представляется здѣсь созерцанію.

Григорій VII былъ первый папа, въ которомъ идея римско-католической теократіи была не только яснымъ, вполне-образовавшимся представленіемъ, но уже неизмѣннымъ, высшимъ началомъ всѣхъ его дѣйствій. Противъ его выступилъ властелинъ, который называлъ себя «Божіею милостію королемъ Нѣмцевъ», но, побежденный всеобщю властительною вѣрою въ духовную, въ папскую неограниченную силу связывать и разрѣшать, былъ принужденъ въ крайнемъ уничиженіи признать верховнаго главу церкви своимъ верховнымъ владыкою. Этотъ моментъ, въ которомъ папская власть достигаетъ высочайшей точки, требовалъ, чтобы папа явился господствующимъ центромъ изображенія; а это не иначе могло бы произойти, какъ еслибы созерцанію представленъ былъ тотъ моментъ, когда Григорій снимаетъ съ уничиженнаго и истощеннаго строгимъ покаяніемъ короля страшное проклятіе, которое папа въ-продолженіе трехъ дней, не смотря на всѣ просьбы, отказывался разрѣшить. На картинѣ же, напротивъ, главнымъ мотивомъ становится просьба, и — вопреки исторіи — папа показывается Генриху во время его покаянія, между-тѣмъ, какъ онъ дозволилъ ему только на четвертый день явиться передъ собой, чтобы примирить его съ церковію. Какъ рабъ становится свободнымъ, когда коснется свободной почвы, какъ приговоренному къ смерти даруется пощада, если онъ встрѣтится съ государемъ, въ Римѣ съ кардиналомъ, такъ и осужденному на церковную смерть папа долженъ бы явиться только съ помилованіемъ и разрѣшеніемъ.

Но не смотря на все это, всякій, кто только любить искусство, съ сожалѣніемъ оторвется отъ картины, представляющей ему столько превосходнаго, даже совершеннаго, и которая единодушнымъ приговоромъ

художниковъ и златоковъ отнесена, по колориту и рисунку, къ лучшимъ произведеніямъ нашего времени.

Балленбергеръ, Штапге, Цвенгауеръ.

Религіозное помышленіе (*Andacht*) и любовь дали жизнь христіанской живописи. Возникла потребность представить себя, представить другимъ Богочеловѣка-Спасителя и дѣвственную Матерь его. Кроме того явилась потребность представить святыхъ, которые, пожертвовавъ всѣмъ земнымъ, всѣмъ конечнымъ любви къ Богу и человечеству, этимъ самымъ открыли людямъ безконечное, дали имъ сознаніе безконечнаго назначенія, вдохновили ихъ къ соревнованію и пробудили въ ихъ сердцахъ чувствованія благоговѣнія и благодарности, ненаходящія достаточнаго выраженія въ словесномъ языкѣ. Но все внутреннее стремится открыть себя; духовное хочетъ быть признано общимъ, чувствуемое нуждается въ сообщеніи себя другимъ, въ ихъ сочувствіи. Благоговѣніе и любовь суть наслажденія, которыя тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше число участвующихъ въ нихъ. Безконечность предметъ христіанской любви и помышленія, и потому-то чувствованія, возбуждаемыя ими, могутъ только приблизительно выражаться. Душа, ощущение, вдохновеніе, сіяя отъ лица святаго, просвѣчиваютъ въ душу вѣрующаго и, изъ нея отсвѣчивая назадъ, становятся *образомъ*; любовь, духъ, которые образъ выговорилъ человечеству, прорываются *тѣсно* изъ переполненнаго сердца, возвращаясь потомъ въ то же самое сердце.

Такъ христіанская живопись и музыка суть только стремленіе явить очамъ и слуху безконечное, невыразимое. Живопись въ эпоху своего процвѣтанія дышитъ духомъ и ощущеніемъ, сколько могутъ они несомнѣннымъ образомъ проявляться въ *лицѣ*. Все

прочее, по самому существу выражалъ подчиненное значеніе, обращало, въ слѣдствіе этого, гораздо меньшее на себя вниманіе. Но какъ върующій, имѣя уже передъ собою созерцаемъ всесвятѣйшее, собираетъ постепенно все, что только есть прекраснаго въ твореніи для украшенія алтаря и его храма, ничего не презирая, что можетъ служить къ его великолѣпію, такъ точно и христіанскіе художники стремились потому довести до возможнаго совершенства все окружающее святыню, слѣдуя невидной силѣ природы, которая, украшая великолѣпно цвѣтъ, художнически образуетъ также вѣтви и листья, надъ которыми цвѣтъ восходитъ, какъ солнце.

Это живое присутствіе художническаго духа въ своемъ созданіи, эта преданность любви своему предмету, которая какъ-бы сама становится небомъ и землею, деревомъ, растеніемъ, одеждой и камнемъ, чтобы украсить возлюбленнаго, вѣрность и постоянство при исполненіи произведенія, такъ ясно дающія знаніе о себѣ во многихъ созданіяхъ древне-итальянской и древне-нѣмецкой (преимущественно нидерландской) школы, — они-то ручаются за вѣчную юность, за неумирающую и неслабѣвающую силу художественныхъ произведеній.

Чистымъ, дѣтски-невиннымъ отзвукомъ христіанскаго созерцанія является намъ небольшой табуретъ, выставленный теперь въ зданіи штетдельскомъ музея въ во многихъ отношеніяхъ заслуживающій живѣйшее признаніе.

Г. Балленбергеръ (изъ Аншаха), которому обязаны мы этимъ милымъ произведеніемъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ принадлежавшій къ цѣху каменщиковъ, былъ съ-начала весь проникнутъ любовью къ памятникамъ древне-нѣмецкой (такъ-называемой готической)

архитектуры, потому въ Мюнхенѣ былъ принужденъ посвятить себя живописи. Два года трудясь подъ руководствомъ директора здѣшняго художественнаго института, господина Фейта, онъ представилъ намъ въ этомъ табернаклѣ второе имъ совершенное произведеніе. На среднемъ образкѣ видимъ мы, среди мѣлаго ландшафта, святую Нотбургъ (Nothburga), которая оставила свой въ-дали лежащій, великолѣпный *бургъ*, для раздачи даровъ бѣднымъ и немущимъ. На двухъ боковыхъ образахъ стоятъ святые, на правомъ крылѣ Францискъ-Паульскій и Бенедиктъ, на лѣвомъ Алонзій и Иосифъ. Какъ самъ табернаклъ, такъ и его украшенія отдѣланы художникомъ въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ; каждая подробность отдѣлана съ тщательностію, и въ то же время всѣ отдѣльныя партіи соединяются снова въ гармоническое цѣлое. Все такъ мирно, такъ чуждо претензій, какъ и самъ юный художникъ. Намъ порадовало еще, что въ большой, одновременно съ этимъ табернаклемъ выставленной картинѣ Бегаса, мы могли удивляться рѣдкому *мастерству** въ колоритѣ и рисункѣ, созрѣвшему подъ вліяніемъ силы его собственнаго, богатаго таланта и разнообразныхъ изученій въ Парижѣ (подъ руководствомъ Давида), потомъ въ Италіи и Берлинѣ; — съ такою же радостію погружались мы и въ это древнее, тихое блаженство, которое изъ этого табернакла, будто двумя вѣрными голубыми глазами, напоминаетъ намъ о старой, непреходящей любви. И здѣсь также обнаруживается *мастерство* глубокой, проникнутой живою теплотою души, которая честнымъ прилежаніемъ, терпѣніемъ и смиреніемъ одолеваетъ трудности и производитъ зрѣлое и

* Да позволятъ намъ читатели облагородить это слово, дать ему здѣсь то же значеніе, какое имѣетъ нѣмецкое слово *Meisterschaft*.

достойное любви, потому-что въ ней самой властительно дѣйствуетъ любовь и зрѣлая сила.

Много и другихъ картинъ было выставлено въ-близѣ очаровательнаго табернакла. Но только двѣ изъ нихъ заслуживаютъ здѣсь особенное упоминовеніе, обнаруживая въ себѣ такое же самостоятельное мастерство.

Г. Штанге (изъ Мюнхена) изобразилъ солнечное сіяніе, и его изобрѣтеніе тѣмъ выше должно быть оценено, тѣмъ труднѣе уловить кистию блестящіе перемены этого феномена. Художникъ вводитъ насъ въ горную долину, утесистую, дикую и пустынную, на которую сквозь легкую облачную дымку льетъ лучи полуденное солнце. Лисица, прокрадывающаяся изъ середины громадной группы, не нарушаетъ уединенія, а напротивъ еще больше свидѣтельствуетъ объ уединеніи, въ которомъ солнце приближается къ матери-землѣ и будто хочетъ въ ея утесахъ возжечь жизнь жаромъ яркихъ лучей. — Намъ остается желать только, чтобы г. Штанге въ будущихъ своихъ картинахъ облилъ лучами такого же солнца и богатый, разнообразный пейзажъ, въ которомъ оно раскроется во всемъ своемъ великолѣпнѣи.

Другая картина, привлекающая наше вниманіе— большой пейзажъ г. Цвенгауера, который намъ съ горной, покрытой лѣсомъ вершины открываетъ видъ дали, ограниченной горнымъ хребтомъ. Давно ужъ осеннее солнце спустилось за облака, которыхъ не можетъ больше одолѣть изнемогающій лучъ его, Только желтоватое сіяніе, выходя изъ-за сѣрыхъ облаковъ, терется въ прохладномъ воздухѣ и напоминаетъ еще объ исчезающемъ днѣ. Но въ долинѣ, по которой извиивается рѣка и надъ отдаленными горами— уже холодная, нояная ткань тумана; на смеркающемся

переднемъ планѣ нѣсколько поселятъ спать къ своимъ жилищамъ. Художникъ счастливо схватилъ изображенный здѣсь поэтический моментъ природы, и если ближайшее рассмотрение не найдетъ въ частностяхъ этой зрѣлости, этой пластической смиренности, безъ которыхъ на одно художественное произведение не можетъ назваться совершеннымъ, то нельзя не признать искусной и въ нѣкоторой стѣпени мастерской кисти въ гармоническомъ то въ цѣломъ, въ смысломъ и однакожъ вѣрномъ изображеніи богатой ландшафтной сцены. Великая мысль природы (Naturgedanke) представляется созерцанію, и все рассчитано на совокупный эффектъ, который непременно долженъ подѣйствовать на всѣхъ, приближающихся къ произведеніямъ художника безъ всякихъ; одностороннихъ, исключительныхъ претензій и заранее составленныхъ мнѣній. Что касается до насъ, то этотъ прохладный осенній вечеръ останется навсегда въ нашемъ воспоминаніи фактомъ нашей жизни; точно такъ же, какъ и прекрасный пейзажъ Функа (изъ Герфордена), который незадолго былъ выставленъ здѣсь и который также тщательнымъ исполненіемъ, жизненностію, теплотою и гармоническимъ колоритомъ представляетъ новое доказательство истиннаго таланта этого художника...

Море въ волненіи, картина Ахенбаха.

Природа никогда не старѣетъ, и въ прелести всегда и вездѣ дивно чаруютъ душу человека, когда закроется его внутреннее око, когда изъ-подъ тяжкаго гнета нужды и заботъ онъ высвободится и проснется къ созерцательной жизни. Китаецъ вѣжился взоромъ на цвѣтахъ своихъ сливныхъ деревьевъ (Ряштенбаумте); Арабъ на своемъ звездномъ небѣ; Османъ наслаж-

дастод, покоясь на зеленомъ холмѣ, женостью моря; Бретонъ задумчиво смотритъ на пѣнистыя волны, бьющіяся о его утесистые берега; Швейцарца, Норвежца магически притягиваютъ къ себѣ ихъ горныя долины, ихъ покрытыя снѣгомъ высокія горы. Точно такъ изъ цикловъ поэзіи всѣхъ временъ звучитъ хвалебная пѣсня всему, что есть прекраснаго въ природѣ — изъ Магабгараты и Гита-Говинды, изъ Теокрита, изъ Виргилія и изъ германскихъ либесъ Минны (Minne — любовь), изъ Оссіана и Тасса, изъ Мильтона, Клоппштока и изъ тысячи другихъ поэтовъ.

Но въ новѣйшее время, какъ природа глубокимъ изученіемъ и изслѣдованіемъ введена въ ея истинныя права, такъ и въ поэзіи, такъ и въ образовательныхъ искусствахъ, только въ послѣднія столѣтія художественное созерцаніе вышней природы пріобрѣло свободное значеніе, и самобытныя изображенія природы въ живописи и поэзіи могутъ въ полномъ смыслѣ называться плодами тѣснѣйшаго, духовнѣйшаго сближенія съ природою, отличающаго новѣйшее время. Духъ прежде такъ далеко улеталъ въ сверхъ-естественное и даже терялся въ противоестественномъ, что необходимо должна была загорѣться томилая жажда природы, и искусство — живое выраженіе внутренняго движенія — обратилось отъ фантастическихъ изображеній къ тщательному воспроизведенію самой обыкновенной, непосредственной дѣйствительности. Нидерландцы въ этомъ направленіи проникли до крайней изобразительности, между тѣмъ, какъ поэтическая природа Італія и ея обитателей рѣдко дозволяла художнику переступить художественную грань. Чѣмъ тѣснѣе сближались духъ и душа человека съ природою, тѣмъ живѣе выступало изъ нея навстрѣчу имъ — *значительное*, духовное, душевное; чѣмъ глубже

предчувствуется, ощущается, познается *идеальная* связь со вселенной, тѣмъ сильнѣе стремится и художнической гений воплотить ее въ своихъ произведеніяхъ.—Посредствомъ сего возможно-вѣрное изображеніе дѣйствительнаго низведено до простаго средства къ воплощенію богатыхъ поэтическихъ моментовъ существованія и жизни, и мастерство въ техническомъ исполненіи является необходимымъ условіемъ живаго существованія *поэтическихъ идей*.

Теперь, когда весь историческій міръ, съ его истинными и ложными драгоценностями, вверженъ въ испытующій и просвѣтляющій огонь общаго духа, должно прежде всего признать и оцѣнить какъ *исторически-необходимый* фактъ то, что теперь художническія стремленія преимущественно обращаются къ *настоящему* и именно къ безконечному разнообразію природы. Мы исполнены радостной надежды, что и эта сторона существованія получить свое полное просвѣтленіе отъ искусства. И,—припомнимъ то, что теперь всего ближе къ намъ — въ краткое теченіе немногихъ лѣтъ мы видѣли на здѣшней выставкѣ цѣлый рядъ картинъ, доказавшихъ намъ всю основательность нашей надежды. Прежде всѣхъ назовемъ гениальнаго Лессинга, котораго ландшафтныя изображенія мы могли бы назвать романтическими поэмами, расцвѣтшими изъ живой истины природы и которыя отличаются столько же технической dokonченностію, сколько и поэтическою знаменательностію. Къ нему, мощному, родному сыну сѣвера, примыкаетъ съ одной стороны нѣжный Поэ съ своей милою картиною, а съ другой богатый чувствованіями Функъ герфордскій съ своими ландшафтными идилліями, между тѣмъ, какъ уроженецъ юга, къ-несчастью такъ рано умершій, Фризь, какъ-будто какимъ-то очарованіемъ

переносить насъ въ другія страны, гдѣ солнце ярче и жизнь роскошнѣе, гдѣ поэзія исторіи будто соперничаетъ съ высоко-поэтическою природою. За нимъ послѣдовали — съ одной стороны, вдохновенный небеснымъ блескомъ Штампе, съ своими пластическими гимнами солнцу, — съ другой, исполненный юной свѣжести Моргенштернъ, котораго виды Тиволи и Капри хранятся въ насъ какъ факты нашей собственной жизни.

Но еще величіе моря не было представлено нашему созерцанію. Нѣкоторыя небольшія морскія сцены Ахенбаха (изъ Дюссельдорфа) заставляли насъ много ожидать въ будущемъ; но это были только прекрасныя надежды. И какъ ни прекрасны были надежды, этотъ юный художникъ далеко превзошелъ ихъ большою картиною *, которую онъ, — почти невѣроятно, — окончилъ въ нѣсколько мѣсяцовъ. . .

Ужь удалется гнѣвная непогода съ темной дружиною своихъ облаковъ: буря бѣлалась напрасно о гордыя громады утесовъ, которые высятся на правой сторонѣ картины и образуютъ переднюю отрасль горныхъ хребтовъ, далеко съ этой стороны ограничивающихъ море. Но буря ушла, а море осталось и, являсь почти совсѣмъ-отвѣсно, вздымаетъ на громадной волнѣ опустошенный корабль, чтобы при новомъ напорѣ раздробить его о камни утесовъ. На лѣвой сторонѣ пѣнищіяся волны теряются въ угрюмой, ночной дали; на другой сторонѣ сквозь разорванныя облака дневный свѣтъ озаряетъ ярость бунтующей стихіи, которой бурныя волны, сокрушившись о скалы, шипя и вскипая, взбрасываются къ небу, — и, ибѣнась будто отъ злобы, то отскакиваютъ назадъ и низвергаются въ бѣлую накипь пучины, то стекаютъ торопливо въ-низъ по

* Она имѣетъ 12 футовъ въ ширину и около 8 въ вышину.

избитымъ утесамъ, чтобы возобновить съ сугубою силою враждебный напоръ.

Вотъ главные моменты картины, въ которой улегающая буря, движеніе и освѣщеніе моря представляется въ поразительномъ изображеніи. Равно возбуждаетъ удивленіе богатство подробностей и ихъ согласованіе въ гармоническое цѣлое; равно также возбуждаетъ удивленіе истина въ краскахъ и рисункѣ утесовъ, воды, облаковъ, и смѣлость, *уверенность* и легкость въ исполненіи. Мы видимъ, какъ по вершинамъ утесовъ пробѣгаетъ непогода; камни, до которыхъ достигаютъ волны, дѣйствительно влажны; массивность валовъ съ ихъ полупрозрачными оконечностями, ослѣпительная близина отпрыгивающей отъ утесовъ пѣны, летучая легкость водяной пыли, поднимающейся отъ сшибающихся волнъ; наконецъ тяжесть уходящихъ далѣе нижнихъ облаковъ и легкость разорванныхъ верхнихъ, все это доказываетъ сколько прилежное изученіе, столько и гениальную воспроизводительную фантазію художника.

Давъ свободу радостному удивленію, которымъ наполнило насъ величавое созданіе, мы рѣшаемся сдѣлать нѣсколько замѣчаній, на которыя оно насъ навело. Если главное условіе произведенія образовательнаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы оно было *созерцательно* и *замкнуто*, то мы можемъ справедливо требовать, чтобы тамъ, гдѣ изображается битва, враждебныя силы были равно представлены *созерцанію*. И потому, намъ кажется, можно и должно желать, чтобы при страшномъ неистовствѣ моря было также *изображено* и бушеваніе воздушнаго бога, взбунтовавшаго море. Въ выставленной картинѣ ярость волнованія требуетъ такой же ярости и отъ бурной тучи, которой темная сила гремѣла бы гнѣвомъ про-

тивъ недвижныхъ громадъ и ярко-гнѣвщихся волтъ. Только этимъ могло бы созерцательно мотивироваться неистовство моря, и это возвысило бы общій эффектъ. Также много возвысилась бы поэзія момента, еслибъ намъ былъ представленъ не одинъ полуразвалившійся корабль, который въ одномъ себѣ не можетъ заставить насъ принять участіе, еслибъ были представлены борящіеся съ волнами люди. Такъ, и природа сама-по-себѣ имѣетъ свою поэзію; но душа наша бываетъ глубже и внутреннѣе потрясена, если живое средоточіе въ поэмѣ природы образуетъ чело-вѣкъ.

Касательно исполненія да позволено будетъ намъ сказать, что художникъ, который, какъ намъ извѣстно, до-сихъ-поръ пыталъ свои силы только въ картинахъ средняго объема, не овладѣлъ еще вполне тѣми пріемами, тою методою, которая условливаетъ дѣйствіе такой большой картины на извѣстномъ разстояніи. Чтобы насладиться отдѣльными частями въ ихъ совершенствѣ, надобно стоять слишкомъ близко, такъ близко, что нельзя будетъ и обозрѣть какъ должно картину въ цѣломъ, а между-тѣмъ общій эффектъ здѣсь всего важнѣе. Если же отойти на нужное для этого разстояніе, то не всѣ различныя части будутъ равно-понятно высказываться. Мы также не забудемъ сказать, наконецъ, что чайки, единственныя живыя существа на картинѣ, которыя летаютъ вокругъ такъ пластически-поставленныхъ утесовъ передняго плана, едва обозначены двумя-тремя взмахами кисти и никакъ не напоминаютъ о художникѣ, такъ мастерски отдѣлавшемъ воду со всеми ея деталями. Природа доканчиваетъ всѣ свои произведенія съ равною заботою; въ этомъ отношеніи художникъ долженъ *подражать* природѣ.

ОБРЪТЕНІЕ КРЕСТА И СВЯТОЙ ЛУБЕНЦІЙ, картины
СЕТТЕГАСТА.

Море реветъ, гремитъ туча, злобно пвнются волны, и съ содраганіемъ усматриваемъ мы полуразбитый, уввченнй корабль, — все еще сохраняющій видъ гордой водной крвпости, тріумфальной колесницы человека, — обреченный на неизбвжное крушеніе среди борьбы дикихъ силъ природы. Кто въ этомъ изображеніи не узнаетъ корабля римской имперіи, когда, въ концъ древняго времени, носимый на открытомъ морь страстей, онъ потерялъ наконецъ въ бурь, охватившей цвлый міръ, свою мачту и корму, и сокрушился о недвижную твердыню людей сьвера? . . .

Но на отдаленномъ берегу былъ построенъ дланью любви другой корабль, великолвпнве того, корабль церкви, оснащенный святымъ крестомъ свободаго самопожертвованія. И на корабль стоитъ уввчавный терніемъ, божественный Кормчій, повелывающій умокнуть бурь, и лющій на возмущенныя волны кроткій слей своего радостнаго посланія! И вотъ, больные морскимъ недугомъ исцвлились, коснувшись креста, и гранитные люди преклонились предъ посланниками мира, неустрашимо проходившими днокое море народовъ.

Чтв нвкогда муза исторіи вписала алмазнымъ грифелемъ въ свои ввчныя скрижали, то удалось теперь музъ образовательнаго искусства осуществить передъ нашимъ созерцаніемъ. Противъ мощныхъ «Волнъ» Ахенбаха выставленъ картонъ для картины «Обрвтене креста» и «Св. Лубенцій, обращающій нвмецкихъ лзычниковъ» (и то и другое произведеніе Сеттегаста, изъ Кобленца). Изъ перваго долженъ выйдти запрестольный образъ *al fresco* въ храмъ креста, чтв въ

Таль-Эренбретштейнъ; «Св. Лубенцій» — уже совсѣмъ готовая картина для главнаго алтаря церкви въ Кобернѣ-на-Мозель. Г. Сеттегастъ, воспитанникъ директора здѣшней академіи, г. Фейта, былъ побужденъ къ приготовленію картона дюссельдорфскимъ обществомъ искусствъ, которое, слѣдуя своимъ статутамъ, обѣщаетъ, если церковь платитъ за картину третью часть назначенной цѣны, придавать отъ себя другія двѣ трети. Мы радуемся, найдя въ обоихъ трудахъ г. Сеттегаста осуществленіе той надежды, которую возбуждало въ насъ бывшее на прошлогодней выставкѣ его небольшое изображеніе Мадонны.

«Обрѣтеніе креста», богатая, въ цѣломъ превосходно расположенная композиція, состоящая изъ восемнадцати фигуръ болѣе нежели въ обыкновенной группѣ, представляетъ, согласно съ легендою, моментъ, когда оживленная отъ прикосновенія ко святому кресту, поднимается съ одра и съ благодареніемъ взираетъ на небо, что образуетъ — и совершенно по праву — средоточіе цѣлой картины. На лѣвой сторонѣ, на переднемъ планѣ преклоняетъ колѣни императрица Елена, погруженная въ благоговѣнное созерцаніе обрѣтеннаго сокровища — благородная, прекрасно драпированная фигура. Позади ея стоитъ, прикасаясь ко кресту, св. Макарій, епископъ іерусалимскій, и обращается къ тѣснящимся на другой сторонѣ вѣрнымъ и невѣрнымъ, какъ-бы исповѣдуя имъ побѣдную силу крестной смерти. Цѣлое выдержано съ строгою торжественностію и достоинствомъ; рисунокъ свободенъ и чистъ, группировка вполне удовлетворительна. Мы желали бы только, чтобы на правой сторонѣ сцена такъ же успокоительно замыкалась, какъ и на лѣвой сторонѣ, и это можно было бы легко сдѣлать: стѣбить только двѣ фигуры, не больше какъ до половины ви-

Т. V. — Отд. IV. *А—1.

димья, замѣстить одною, болѣе-приближенною къ центру. Небольшой, такъ же выставленный, колорированный рисунокъ этой же композиціи позволяетъ намъ надѣяться, что, при исполненіи, головы получатъ большую выразительность. Не приобрѣла ли бы композиція болѣе единства, еслибъ этотъ моментъ былъ уловленъ тогда, когда страждущая, пробужденная прикосновеніемъ креста, встаетъ и вызываетъ на лицо окружающихъ разнообразныя ощущенія радости, изумленія, вѣрующаго упованія, и т. д.? Юный художникъ не остановится на томъ, что онъ уже свершилъ: онъ пойдетъ далѣе во славу своего учителя и своего отечественнаго города.

Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право надѣяться на это, что замѣчаемъ большой успѣхъ, который доказывается намъ технической стороною оконченнаго за-престольнаго образа. Одежда св. Лубенція и библія, которую онъ держитъ, написаны превосходно, и карнація полуодѣтой, древне-германской брачной четы, преклонившей колѣни передъ проповѣдующимъ святымъ, сильно проникнута жизненной теплотою и заставляетъ ожидать много прекраснаго для предполагаемой картины *al fresco*.

КАРОВЕ.

ЗНАЧЕНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Въ то время, какъ сельское хозяйство, въ любезномъ нашемъ отечествѣ, идетъ естественнымъ своимъ путемъ къ совершенству, наравнѣ съ торговлею, ремеслами, искусствами и науками; въ то время, какъ оно представляется глазамъ нашимъ на-самомъ-дѣлѣ, мы, зрители этого дѣла, свидѣтели его развитія, смотримъ на него съ разныхъ сторонъ, оуждаемъ его, судимъ и ридимъ о немъ каждый по-своему, и въ-заключеніе не соглашаемся въ нашихъ мнѣніяхъ. Тѣ, которые лично знакомы съ дѣлами хозяйства, увлекаются практикою, опытами, примѣрами; тѣ, которые сами не хозяйничали, преимущественно вдаются въ теоріи, въ умозрѣніе. Одни называютъ сельское хозяйство трудомъ, промышленностію, и боятся теорій и системъ, другіе называютъ его наукою и проповѣдуютъ умозрительныя начала. Отъ-чего жъ такое несогласіе? Нельзя ли помириться на чемъ-нибудь одномъ, но въ-рномъ и дѣльномъ?

Безпристрастный и внимательный взглядъ на самый предметъ, безъ-сомнѣнія, долженъ опредѣлить его самымъ точнымъ образомъ, а точное опредѣленіе предмета укажетъ намъ настоящее его мѣсто между

науками, искусствами или промышленностями, и чрезъ то раскрыть тѣ правила или основанія, ту теорію или систему, по которымъ должно располагать дѣйствіа, чтобъ достигнуть цѣли, предполагаемой этимъ занятіемъ. Положительность, этотъ современный идолъ въ занятіяхъ ума и рукъ, пусть будетъ и нашимъ путеводителемъ.

Кто не знаетъ, что значить хозяйство, да еще и сельское? Всѣ знаютъ, всякій перечтетъ вамъ по пальцамъ главнѣйшія и малѣйшія занятія и обязанности сельскаго хозяина, цѣль его и средства, употребляемая имъ къ достиженію этой цѣли. — Казалось бы дѣло ясно, никто и спорить не станетъ. Нѣтъ, поспорятъ многіе, когда придется сказать или написать, что такое сельское хозяйство. Тутъ вы услышите, что оно и наука, и искусство, и трудъ, и промышленность. Что жъ изъ этого справедливо? Не уже ли Европа не разрѣшила этого вопроса? Видно, нѣтъ. Въ Москвѣ называютъ сельское хозяйство съ-начала наукою, а потомъ промышленностію, въ Петербургѣ—съ-начала промышленностію, а потомъ наукою. Оба мнѣнія уворно стоятъ за себя и доказываютъ, что они оба правы. Между-тѣмъ сельское хозяйство не луна и не внутренность Африки, непреступныя для наблюдений. Оно предъ нашими глазами и, казалось бы, легко опредѣлить его и повѣрить всѣ толки о немъ. Оно и неотвѣченная истина, порожденная умозрѣніемъ, и умозрѣніемъ же повѣряемая. Оно просто всѣдневное занятіе сельскихъ жителей, доступное наблюденію всякаго. Взглянемъ же на него безпристрастными глазами и опредѣлимъ его по видимымъ признакамъ.

Назадъ тому 20 лѣтъ мало говорили и еще менѣе писали о сельскомъ хозяйствѣ. Въ то время еще не

раздѣлялось сельское хозяйство, производящееся на дѣль, отъ сельскаго хозяйства, описываемаго въ книгахъ. Сельское хозяйство знали, какъ занятіе деревенское, имѣющее цѣлю получить доходъ съ имѣнія. Доходъ этотъ получали отъ земледѣлія, скотоводства, заводовъ, фабрикъ и отъ всего, что можно было сдѣлать или выдѣлать въ имѣніи. И все это называлось сельскимъ хозяйствомъ, потому единственно, что производилось въ селѣ хозяевами. Но если тотъ же заводъ или фабрика устроены были въ городѣ, то это уже не называлось сельскимъ хозяйствомъ, а промышленностію. — Хозяйствомъ же въ городѣ называлось управленіе домою, то-есть снабженіе его всѣми потребностями жизни, распредѣленіе этихъ потребностей и даже продажа нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Изъ этого составилось понятіе о хозяйствѣ вообще, гдѣ бы оно ни находилось, въ городѣ ли, въ селѣ, на хуторѣ, на дачѣ. Говорили «хозяйство городское и хозяйство сельское». Другихъ подраздѣленій не было. Но гдѣ бы ни было это хозяйство, собственно оно значило управленіе, распредѣленіе, распорядительность. Помѣщикъ у себя въ деревнѣ, управляющій самъ всѣми заведеніями и работами, назывался хозиномъ; если онъ не жилъ въ деревнѣ, то тотъ, кому поручалось хозяйство, назывался управителемъ, что значило хозинъ. Управляющій какимъ-нибудь заведеніемъ назывался хозиномъ этого заведенія. Мужикъ у себя въ избѣ назывался хозиномъ. Хозинъ значилъ господинъ. Сидѣлецъ гостинаго двора называетъ владѣльца лавки хозиномъ. Владѣльцы всѣхъ домовъ въ городахъ называются домовыми хозеями. Всѣ эти хозея есть управляющіе, распоряжающіе, а хозяйство есть управленіе, завѣдываніе, распорядженіе. Хо-

рошій хозяинъ тотъ, кто хорошо управляетъ деревнею, дурной хозяинъ тотъ, у кого работа не идетъ къ дому. А не тотъ хорошій хозяинъ, кто хорошо работаетъ, или кто хорошо разсуждаетъ, хотя работа и разсужденіе необходимы въ хозяйствѣ, какъ и вездѣ, если они дѣйствуютъ согласно и достигаютъ своей цѣли. Это различіе работы отъ распоряженія надобно очень помнить для точнаго и яснаго опредѣленія сельскаго хозяйства.

Понятіе о хозяйствѣ, какъ объ управленіи, всегда было и есть у насъ всеобщимъ, и оно кажется совершенно вѣрно, совершенно соотвѣтствуетъ тому, что есть на дѣлѣ. Такъ понимали его и прежніе писатели; но съ-тѣхъ-поръ, какъ занятіе хозяйствомъ начала подводить подъ правило, вводить въ него системы и теоріи, съ-того времени, какъ собрали кучу свидѣній и назвали ихъ наукою сельскаго хозяйства, писатели или составители этой науки, собиратели этихъ свидѣній, каждый по своему произволу, одни для удобства изложенія предмета, другіе для избѣжанія обширности книги, третьи для введенія этой науки въ ученый кругъ, начали называть хозяйствомъ то земледѣліе, то домо-строительство или домоводство, то собраніе свидѣній изъ естественныхъ наукъ, приноровленное къ производящимъ силамъ природы. При этомъ, разумѣется, потеряли настоящее понятіе о хозяйствѣ, смѣшали занятія хозяина и работника, хозяйство и работу, распорядительность и трудъ. Книги о сельскомъ хозяйствѣ разошлись съ самимъ хозяйствомъ и, среди такого хаоса, вдругъ появились журнальныя восклицанія: «въ Россіи хозяйства нѣтъ», «хозяйство русское идетъ кривымъ путемъ», «наука сельскаго хозяйства вздоръ, одинъ трудъ есть настоящее хозяйство»,—а хозяйство

о-

го,

ли

ай-

ку-

при-

олу-

по-

рику

ете?

гьсто

и три

и тор-

двасть

тій по-

жется,

бывани-

ны, есть

сельское

, передъ-

сельскими

и. Хозяева

произведе-

абрикантовъ,

и, что сельскій

одчикъ, и фабри-

тїя его не должны

е должно смѣшивать

ю. — Хозяинъ можетъ

вникъ, и дворянинъ, и пи-

въ упадкѣ или въ хорошемъ состояніи русское хозяйство.

Сельское хозяйство въ Россіи усовершенствовалось до-сихъ-поръ тѣмъ естественнымъ путемъ, по которому все въ государствѣ просвѣщенномъ дѣлается современнымъ лучшимъ. Оно усовершенствовалось тѣмъ, что хозяева сельскихъ имѣній сдѣлались просвѣщеннѣе, работники стали лучше понимать выгоды хорошихъ распоряженій и благоразумнаго труда, и, главное, отъ-того, что правительство наше, по обыкновенной своей заботливости, не оставляетъ безъ вниманія и этой вѣтви государственнаго блага. Къ-тому жь примѣры иностранцевъ и немногіе собственные способствовали къ введенію у насъ нѣкоторыхъ полезныхъ мыслей по части распорядительности и нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ по части механическихъ работъ. Превозносить русское хозяйство нельзя, но нельзя же не отдать ему и должной справедливости.

Представить его въ настоящемъ состояніи, безъ похвалъ и укоризнъ, безъ предубѣжденія теоріями и безъ ослѣпленія практическимъ невѣжествомъ, будетъ услуга истинно-полезная.

Мы сказали, что сельское хозяйство есть управленіе, распоряженіе сельскимъ имѣніемъ, совсѣми находящимися въ немъ угодами и заведеніями. Для лучшаго уразумѣнія этого опредѣленія и для яснѣйшаго различенія сельскаго хозяйства отъ прочихъ занятій сельскихъ и городскихъ, посмотримъ на дѣль нѣкоторые примѣры.

Если вы въ деревнѣ завели скотъ, продаете его на убой, собираете отъ него молоко, масло, что вы дѣлаете? Хозяйничаете; вы хозяинъ и именно сельскій

хозяйинъ. Если же вы устроите скотный дворъ въ городъ и будете продавать приплодъ, молоко и масло, что вы дѣлаете? хозяйничаете?—нѣтъ, вы торгуете.

Если вы обрабатываете нѣсколько десятинъ земли и получаемый съ нихъ хлѣбъ сбываете на ближайшую пристань—вы хозяйничаете. Если же вы закупаете въ городъ хлѣбъ и сплавляете его на ту же пристань—вы торгуете.

Если вы устроили въ деревнѣ сыродѣліе изъ получаемого отъ скота молока, или винный заводъ изъ получаемого съ полей хлѣба, или суковную фабрику изъ шерсти вашихъ овецъ, что вы, хозяйничаете? Нѣтъ; вы заводчикъ, фабрикантъ, не смотря на мѣсто вашего завода и фабрики.

Въ этихъ примѣрахъ три главныя дѣйствія и три дѣйствующія лица: хозяйство, заводничество и торговля; хозяйинъ, заводчикъ и купецъ. Одинъ добываетъ произведенія, другой передѣлываетъ ихъ, третій покупаетъ и сбываетъ. Такъ ли оно на дѣлѣ? кажется, такъ. Хозяйинъ въ деревнѣ, занимающійся добываніемъ произведеній, какія по мѣстности возможны, есть собственно сельскій хозяйинъ, а занятіе его сельское хозяйство. Хозяева заводовъ и фабрикъ, передѣлывающіе эти произведенія, уже не будутъ сельскими хозяевами, но заводчиками и фабрикантами. Хозяева лавокъ, магазиновъ и судовъ, сбывающіе произведенія сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ, будутъ уже купцы. Можетъ случиться, что сельскій хозяйинъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и заводчикъ, и фабрикантъ, и купецъ, но чрезъ это занятія его не должны быть смѣшиваемы и хозяйство не должно смѣшиваться съ заводничествомъ и торговлею.— Хозяйинъ можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и чиновникъ, и дворянинъ, и пи-

сатель; но хозяйство все-таки не служба и не литература.

Сельское хозяйство называют промышленностью. Но верно ли это название? По смыслу этого слова, показывающего, что промышленник производит что-то, кажется, оно не должно относиться къ сельскому хозяйству. Что производитъ сельскій хозяинъ? онъ добываетъ сельскія произведенія, а производятъ ими тѣ, которые сбываютъ ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они нужны. Купцы—промышленники, но заводчики и фабриканты, такъ же, какъ и сельскіе хозяева, не промышленники. Конечно, можно условно называть и сельское хозяйство, и мануфактурность, и торговлю промышленностью, но къ чему ведетъ это общее названіе, это смѣшеніе разныхъ дѣлъ подъ однимъ словомъ и, следовательно, подъ однимъ понятіемъ. Кажется, лучше бы было, еслибъ промышленностью называли одну торговлю. У насъ говорятъ: идти на заработки, на промыслы, на фабрику, и подъ этими словами разумѣютъ: на заработки—значитъ пахать, жать, косить, и проч.; на промыслы—значитъ разносить и развозить разные товары; на фабрику—значитъ обрабатывать сукно, холстъ, шелкъ, и прочее *. Первое и послѣднее значитъ собственно работу, а идти на промыслы, производить, значитъ то же, что и торговать.

* Здѣсь почтенный сочинитель самъ увлекается раздѣленіемъ словъ. У насъ, по-просту, такого различія имѣть не дѣлаютъ. *На заработку*—мужикъ идетъ на сторону искать работы, какую кто дѣлать способенъ: плотничать, камешничать и проч., даже и пахать, гдѣ бы привелось, но не единственно на полевыхъ работахъ. Идти *на фабрику*, не говорятъ: это подразумѣвается подъ словомъ «заработка». На *промыслахъ*—отправляются преимущественно охотники и рыбаки, добывать и ловить зверей и рыбу. *Отч. Зап.*

Въ промыслахъ звѣриныхъ, рыбныхъ, горныхъ и другихъ, промышленники занимаются не добываніемъ звѣрей, рыбъ, или золота, потому-что все это давно уже безъ нихъ добыто. Надобно только взять и доставить ихъ туда, гдѣ въ нихъ нуждаются, то-есть сбыть, продать. Хлѣбъ, скотъ и прочія сельскія произведенія не берутся хозяиномъ съ поля и луговъ, но добываются, разводятся, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ. Купецъ, прѣхавшій забрать вашъ хлѣбъ, развѣ онъ добываетъ этотъ хлѣбъ? онъ, такъ же, какъ и промышленникъ рыбный или звѣриный, только беретъ его, хотя и долженъ употребить на это нѣкоторый трудъ.

За-чѣмъ смѣшивать совершенно разныя дѣла подъ однимъ общимъ и несовсѣмъ-опредѣленнымъ словомъ? Но чаще всего смѣшиваютъ въ сельскомъ хозяйствѣ распорядительность съ работою *.

Сельскій хозяинъ есть добыватель произведеній, но не работникъ. Онъ всегда остается хозяиномъ, распорядителемъ работъ, служащихъ къ добыванію произведеній, а хозяйство всегда есть только распорядительность къ этому добыванію, умѣнье распорядиться капиталомъ, изъ котораго получаютъ произведенія. Самое же исполненіе этой распорядительности достигается посредствомъ работы, принадлежности работниковъ, или даже животныхъ и машинъ.

---

* Давно уже принято относить къ промышленности весь три рода самостоятельныхъ промысловъ, или способовъ добывать пропитаніе и содержаніе: сельское хозяйство (къ которому надобно причислять звѣроловство и рыболовство), заводчество и торговлю. Названіе этихъ способовъ или занятій общимъ именемъ «промышленности» невыдуманно кѣмъ-нибудь, а происходитъ изъ сущности самыхъ этихъ занятій, и употребительно всюду у просвѣщенныхъ народовъ. *Отст. Зап.*

Сельское хозяйство не есть работа, а распорядительность работою къ добыванію сельскихъ произведеній. Распорядительность на винномъ заводѣ есть хозяйство этого завода; распорядительность къ сбыту товаровъ есть хозяйство лавочное или магазинное; но самое производство вина, переноска или перевозка товаровъ есть работа, а производители ея работники. Управляющіе заводомъ или лавкою суть распорядители, хозяева, а исполнители распоряженій на этихъ сценахъ суть работники. Пожалуй, иной работникъ журнальныхъ статей захочетъ собрать ихъ вмѣстѣ и издать книгою подъ названіемъ, на-примѣръ, «руководства», принявъ на себя званіе распорядителя или хозяина; но онъ уже будетъ не работникъ и не хозяинъ, а промышленникъ, перерабатывающій сырыя произведенія журнала въ искусственное произведеніе — книгу. Такой работникъ, пожалуй, назоветъ и сельское хозяйство работою или трудомъ, но это одно злоупотребленіе словъ.

Сельское хозяйство всегда было, есть и будетъ въ общемъ понятіи народа занятіемъ, управленіемъ, распоряженіемъ сельскими работами; цѣль его — полученіе возможныхъ по мѣстности произведеній. Исполненіе этихъ распоряженій производится посредствомъ работы людей, животныхъ, орудій и машинъ. Пожалуй, иной изъ работниковъ, наторѣвшій при работахъ и перенявшій распоряженія хозяина, самъ захочетъ сдѣлаться хозяиномъ и станетъ увѣрять, что сельское хозяйство есть работа, а хозяинъ есть работникъ; но это опять злоупотребленіе словъ.

На фабрикѣ также есть свои работники и управляющій фабрикою мастеръ или распорядитель работъ. Во всѣхъ ремеслахъ есть свои работники и мастера,

во всѣхъ занятіяхъ есть распорядители и исполнители.

Конечно, заниматься сельскимъ хозяйствомъ, т. е. быть хозяиномъ, распорядителемъ сельскихъ работъ, есть также своего рода работа или трудъ, но трудъ въ такомъ смыслѣ, какъ управленіе какимъ-нибудь заведеніемъ, сочиненіе поэмы, созерцаніе силъ природы. Эта работа есть принадлежность нашей духовной стороны, гдѣ работаетъ умъ; та же работа, которая приводитъ въ исполненіе распоряженіе или мысль, есть работа механическая, которую въ случаѣ нужды можно замѣнить скотомъ или машиною. И такъ распорядители и работники есть во всѣхъ занятіяхъ. Посмотримъ отношенія ихъ между собою въ государствѣ. Мы видѣли здѣсь хозяина, заводчика, купца и ихъ работниковъ. Всѣ они составляютъ сословія государственныхныя. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное занятіе, свою цѣль, свои средства; но всѣ они должны быть соразмѣрны—какъ числомъ, такъ и правами дѣйствовать на своихъ сценахъ—извѣстному состоянію государства и находиться въ извѣстномъ отношеніи къ другимъ высшимъ сословіямъ. А посему занятія ихъ въ общемъ составѣ государства должны быть управляемы такъ, чтобъ всѣ выѣсты достигали государственной цѣли; средства ихъ дѣйствованія, каждаго въ своей сферѣ, должны также согласоваться съ тою же цѣлію. Кто жь можетъ управить, согласовать эти занятія, эти средства? Одно правительство. Частнымъ людямъ, сельскимъ хозяевамъ, фабрикантамъ и купцамъ, по самой частности ихъ сферъ и дѣйствій, такое согласованіе недоступно. Да и самый порядокъ общественный требуетъ соединенія всѣхъ этихъ дѣйствій въ одно. Это управленіе дѣйствіями всѣхъ со-

словий государства и ихъ занятіями есть часть науки государственнаго управленія, есть собственно политическая экономія, наука государственная, а не частная. Этой наукой занимается правительство, и само же оно исполняетъ всѣ ея назначенія. Частнымъ лицамъ предоставляется участвовать въ этомъ исполненіи правительственныхъ мѣръ только частными ихъ средствами, ихъ хозяйствомъ, заводничествомъ и торговлею. Обязанность ихъ въ этомъ случаѣ есть всѣми своими мѣрами споспѣшествовать видамъ правительства, т. е. вѣрно исполнять его распоряженія. Управление и поправленіе этихъ вѣтвей государственной жизни должно быть въ однѣхъ рукахъ правительства, потому-что оно одно имѣетъ возможность видѣть ихъ на всемъ пространствѣ государства и въ настоящемъ ихъ состояніи. Конечно, сельскій хозяинъ, ремесленникъ, купецъ, прикащикъ могутъ также болѣе или менѣе приобрѣтать эти свѣдѣнія и помогать дѣйствіямъ правительства, сколько это имъ возможно, но общее управленіе и согласованіе всѣхъ ихъ занятій возможно одному правительству. Они въ этомъ случаѣ, въ-отношеніи къ распоряженіямъ правительства, должны быть только исполнителями. Въ этомъ случаѣ правительство хозяинъ, а сельскіе хозяева, заводчики и купцы — работники.

Итакъ политической экономіи или государственнаго хозяйства не должно смѣшивать съ сельскою экономіею или сельскимъ хозяйствомъ. Не должно также смѣшивать съ сельскимъ хозяйствомъ и другихъ наукъ, входящихъ въ него, какъ вспомогательныя средства.

Обращаясь къ ближайшему опредѣленію сельскаго хозяйства и къ назначенію ему мѣста между занятіями

ми и знаніями людскими, повторимъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ есть распорядительность и работа. Первая есть принадлежность хозяина, дѣло его умѣнья, вторая есть принадлежность работниковъ, механическое дѣло рукъ, животныхъ, орудій и машинъ. Та, можно сказать, теорія сельскаго хозяйства, эта—практика. Но не будемъ спѣшить въ названіяхъ. Станемъ преслѣдовать дѣло въ самомъ его производствѣ, а слова сами собою прійдутъ.

Сомнѣваться, однакожъ, нельзя, что дѣйствія, происходящія отъ предварительнаго обсужденія и распределенія ихъ умомъ, не будутъ одинаковы съ тѣми дѣйствіями, которыя происходятъ безъ этого размышленія, каковы дѣйствія машинъ и животныхъ. Движеніе въ машинѣ и двигатель, производящій это движеніе — двѣ вещи разныя; такъ и распорядительность съ исполненіемъ; одна дѣло ума или умозрѣнія, другое — дѣло механизма. Въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ же, какъ и во всякомъ дѣлѣ, распорядительность сама-по-себѣ, до приведенія ея въ исполненіе, ничѣмъ не стѣсняется въ своихъ предположеніяхъ; работа же механическая, или исполненіе распорядительности на дѣлѣ, весьма ограничена въ своихъ дѣйствіяхъ. Матеріальныя условія всякаго дѣла на каждомъ шагѣ затрудняютъ и останавливаютъ работу, такъ-что, если работа дурно распоряджена, то она и совсѣмъ не пойдеть.—Въ этомъ заключается существенная разница между работою и распорядительностію. Свобода распорядительности ведетъ часто къ мечтаніямъ, а ограниченность работы ведетъ къ бесполезному труду. Эти двѣ стороны всякаго дѣла—назовемъ ихъ теоріей и практикой — всегда должны соображаться одна съ другой. Надобно распоряджаться только тѣмъ, что

дѣйствительно находится въ нашемъ распоряженіи, и предпринимать только то, что при данныхъ условіяхъ возможно исполнить. Въ исполненіи же надобно какъ-можно-ближе выразить то, что предположено распоряженіемъ.

Но какъ работа можетъ быть только послѣдствіемъ распорядительности, то очевидно, что успѣхъ всякаго дѣла преимущественно зависитъ отъ распорядительности. Она *первая* назначаетъ и устанавливаетъ работу, а эта послѣдняя обязана исполнить точно ей предназначенное. Въ работѣ видна распорядительность, и онѣ обѣ служатъ взаимною повѣркою.

Правильное и свободное отправление работы есть первый признакъ хорошей распорядительности. Она должна быть въ совершенномъ согласіи съ матеріальными условіями дѣла; по-этому прежде всего она должна обратиться къ этимъ условіямъ, къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и, сообразно съ ними, распорядить свои дѣйствія.

Итакъ въ сельскомъ хозяйствѣ теоретическая ея часть, распорядительность, совершенно зависитъ отъ практической возможности исполнить предполагаемыя работы. Но чрезъ эту зависимость распорядительность ничуть не устраняется. Она только должна основываться на практической возможности, *начинаться* отъ самой мѣстности и всегда съ нею согласоваться. Осмотрѣть мѣстность, узнать окружающіе оную обстоятельства, составить планъ или систему дѣйствія, приспособить къ нимъ извѣстныя силы и направить все это, посредствомъ работы, къ добыванію предположенныхъ произведеній, значитъ распорядиться капиталомъ, называемымъ имѣніемъ, значитъ хозяйничать. Добывать же эти произведенія

безъ соображенія мѣстности, безъ системы и знанія дѣйствующихъ силъ, значить работать наудачу—хозяйничать безъ распорядительности.

У насъ въ Россіи еще большею - частію хозяйничаютъ по послѣднему способу. Правда, на дѣлѣ нѣтъ такого хозяйства, которое бы производилось безъ распорядительности, потому-что распорядительность-то и есть хозяйство, но какал эта распорядительность? Иной, узнавъ, что у него примѣрно столько-то десятинъ земли, столько-то работниковъ, и что въ томъ краю родится и сбывается такой - то хлѣбъ, думаетъ, что онъ все уже узналъ, и на основаніи этихъ данностей начинаетъ распоряджаться, производить дѣло, какъ оно производилось его предками, какъ оно удавалось въ томъ краю. Послѣдствіемъ этого распорядженія бываетъ то, что у него удастся хорошо или худо безъ его вѣдома, такъ, Богъ вѣсть отъ-чего.

Хорошимъ примѣромъ такой распорядительности можетъ служить изданное въ прошломъ году самимъ хозяиномъ «Описаніе Фроловскаго помѣстья». Тамъ откровенно изображены всѣ ошибки, сдѣланныя хозяиномъ по незнанію сельскаго хозяйства.

Но распорядительность предусмотрительная, все знающая, что нужно знать въ дѣлѣ хозяйства, дѣйствующая по извѣстному плану, по избранной системѣ, все направляющая къ цѣли, напередъ определенной, эта распорядительность знаетъ свои дѣйствія и можетъ дать въ нихъ отчетъ, лучше употребляетъ работы, больше сдѣлаетъ тѣми же средствами и безъ сомнѣнія лучше достигнетъ своей цѣли.

Есть еще родъ распорядительности, которая, кажется, все сдѣлала, что нужно, а дѣло нейдетъ на ладъ. Эта распорядительность проистекаетъ изъ теоріи,

выведенной не изъ практики, но прямо изъ умозрѣнія, а ргіогі, т. е. не соображаясь съ матеріальными условіями дѣла, или предполагая ихъ теоретически. Она *начинается* не съ мѣстности, а съ идей, и годится только въ книгахъ; но чтобъ приложить ее къ дѣлу надобно приняться за нее обратно, начать съ практики, приноровить къ мѣстности, и, если послѣ этого окажется годною, то она будетъ настоящею распорядительностію. Такія распорядительности иногда удаются, но больше служатъ примѣромъ.

Распорядительность въ сельскомъ хозяйствѣ основана на практикѣ, на самомъ дѣлѣ, сама есть дѣло, только не работа; а какъ для хозяйства, кромѣ такой распорядительности, ничего не нужно, то всѣ теоріи а ргіогі, всѣ системы, основанныя на такихъ теоріяхъ, всѣ умозрѣнія, *начинающіяся* не съ дѣла, въ сельскомъ хозяйствѣ никуда не годятся, а посему и наукой сельское хозяйство быть не можетъ*.

Наукой можетъ быть только то, что выведено изъ чистаго умозрѣнія—философія, математика. Если же кто захочетъ назвать наукой тѣ правила и системы, кото-

---

* Почему же не можетъ? На ту причину, что сельское хозяйство выходитъ изъ дѣла, а не выводится изъ умствованія, нельзя согласиться. Всякое занятіе, котораго законы излагаются систематически и выводится правильная ему теорія, можетъ считаться наукою; только не всякое занятіе заслуживаетъ такое изслѣдованіе. Но знаніе сельскаго хозяйства, по его важности, давно уже обрабатывается и излагается какъ наука и составляетъ дѣйствительно нынѣ науку. Хозяинъ, или, по словамъ автора статьи, распорядитель сельскаго имѣнія, никогда не можетъ распоряжаться правильно и основательно хозяйствомъ, если не изучаетъ свое занятіе какъ науку. Иное дѣло управляющій или прикащикъ и работники, — тѣ могутъ подъ руководствомъ хозяина обойтись безъ этой науки. *От. Зал.*

рыя выводятся изъ самого дѣла, то всякое ремесло, всякое занятіе можно назвать наукой. Между-тѣмъ сапожнаго мастерства мы не называемъ наукою, именно потому-что въ немъ нѣтъ теоретическихъ началъ, выведенныхъ изъ умозрѣнія. Не все то наука, о чемъ можно написать книгу. Сельское хозяйство имѣетъ свою теорію, свои системы, свои правила, и эти правила могутъ быть изложены въ извѣстномъ порядкѣ; но какъ они происхожденія практическаго, то и не могутъ составить науки. Ихъ можно печатать, можно ихъ учить и учиться имъ можно, но все-таки они не будутъ наукою, а пожалуй-наученіемъ, какъ сапожное мастерство не будетъ наукою, хотя въ немъ также есть свои правила, свой порядокъ или система.

Теорія сельскаго хозяйства, какъ и всякая теорія, заключается въ правильности взгляда на вещи, въ справедливости сужденій, въ ясномъ представленіи главныхъ основаній дѣла и въ умѣнни различать частное отъ общаго, полезное и дѣльное отъ вреднаго и мечтательнаго. Словомъ, она заключается въ благоразуміи, или, какъ говорятъ иные писатели, въ націонализмъ. Если бы намъ надобно было перевести иностранное слово «теорія» на русскій языкъ, мы бы не придумали лучшаго, какъ «умѣньс». Высшихъ взглядовъ и созерцаній въ сельскомъ хозяйствѣ не нужно, потому-что предметъ очень-простъ и близокъ къ глазамъ.

Обыкновенное благоразуміе требуетъ въ каждомъ дѣлѣ порядка, и порядка, приличнаго самому дѣлу, соответствующаго времени, мѣсту и цѣли. Этотъ порядокъ въ сельскомъ хозяйствѣ и есть система его. Изучить хозяйскія системы, постигнуть теорію хозяйства, нельзя иначе, какъ на-самомъ-дѣлѣ, потому-что

основаніе и теоріи, и системы, и всѣхъ работъ хозяйскихъ есть мѣстность съ своими обстоятельствами, столько разнообразными и измѣнчивыми, что рѣшительно невозможно подвести ее подъ общія правила.

Устройство системы въ хозяйствѣ требуетъ знаній, относящихся именно къ сельскому хозяйству. Естественное и прикладная математика необходимы сельскому хозяину. Ему нужно и знаніе людей, когда онъ долженъ управлять людьми, и знаніе животныхъ, орудій и машинъ, если онъ употребляетъ ихъ въ работу. О политической экономіи говорили мы уже, сколько она нужна хозяину, какъ члену государства. Но всѣ эти знанія отнюдь не составляютъ сельскаго хозяйства, такъ же, какъ они не составляютъ торговли, хотя необходимы и ей.

Наконецъ, для достиженія цѣли хозяйства — полученія произведеній, по мѣстности возможныхъ, нужно работать и неусыпною дѣятельностію поддерживать и исполнять всѣ предположенія распорядительности.

Вотъ полный курсъ сельскаго хозяйства, не какъ науки, но какъ практическаго занятія.

Повторимъ коротко всѣ выводы, нами сдѣланные:

1) Въ прежнія времена сельское хозяйство было занятіе сельскими работами, производимое безъ системы, безъ правилъ, болышю-частію по прежнимъ примѣрамъ, на-угадъ. Нынѣ оно усовершенствовалось и, съ появленіемъ книгъ и разсужденій о немъ, если не достигло хорошаго состоянія, по-крайней-мѣрѣ начало уже путь къ этому состоянію.

2) Пржеде почти ничего не писали о сельскомъ хозяйствѣ, а нынѣ есть у насъ и курсы сельскаго хозяйства, и руководства сельскаго хозяйства. Нынѣ есть

у насъ мнѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, какъ о наукѣ, какъ о промышленности и какъ о простомъ занятіи.

3) Изъ рассмотрѣнія самого дѣла видно, что хозяйство вообще есть распорядительность какимъ-нибудь капиталомъ для полученія отъ него процентовъ произведеніями; а сельское хозяйство есть распорядительность имѣніемъ для полученія изъ него возможныхъ по мѣстности произведеній.

4) Что сельское хозяйство не есть ни наука, ни искусство, ни промышленность, ни ремесло, а просто практическое занятіе, какъ занятіе литературою, службою, и прочее*.

5) Что это занятіе имѣетъ свои системы, свойственныя ему знанія и практическую или, лучше сказать, механическую споровку въ работѣ.

Изъ этого видно, что совершенство сельскаго хозяйства зависитъ преимущественно отъ системы, избранной по мѣстности. Что жъ касается до теоріи или умѣнья распорядяться, то она равна вездѣ и вездѣ необходима.

Знаніе вспомогательныхъ хозяйству наукъ и искусствъ и умѣнье употреблять орудія и машины, также ведетъ къ совершенству производства сельскихъ работъ.

---

* Намъ кажется, здѣсь неточность въ словахъ. Сельское хозяйство конечно есть занятіе; но правильное знаніе этого занятія составляетъ науку. Какъ занятіе литературою безъ науки бываетъ худо, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ нельзя съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовать безъ правильнаго познанія хозяйства. А это правильное познаніе и составляетъ науку хозяйства, о чемъ выше было уже нами сказано. Напрасно спорить о словахъ, когда предметъ слова дѣйствительно существуетъ.

Отс. Зап.

52. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность.

Есть ли все это въ нашемъ русскомъ хозяйствѣ, или у нашихъ хозяевъ? Вопросъ этотъ разрѣшается разсмотрѣніемъ всѣхъ системъ нашего хозяйства и всего производства нашихъ сельскихъ работъ.

***

КУРСЪ ГЕОГНОЗИИ, составленный Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковникомъ, Санктпетербургскаго Университета профессоромъ Д. Соколовымъ. Три части. Санктпетербургъ. 1839.

Мы уже сказали объ этомъ сочиненіи нѣсколько словъ въ юльской книжкѣ нашего журнала, когда книга г. Соколова только-что вышла въ свѣтъ; но тамъ мы могли передать одно первое впечатлѣніе, потому-что едва имѣли время пробѣжать ее и осмотрѣть не болѣе какъ внѣшнія, такъ-сказать матеріальныя ея стороны.

По нашему мнѣнію, давая подробный отчетъ о книгѣ, по какой бы то ни было наукѣ, кромѣ предметовъ, относящихся исключительно къ одной Россіи, должно непременно рассмотреть ее въ трехъ отношеніяхъ:

Первое, въ-отношеніи къ самой наукѣ, не поднимая ея никакимъ условіемъ и смотря на нее, какъ на органическое цѣлое, существующее само-по-себѣ, независимо ни отъ приложений, ни отъ пользы, ею приносимой, ни отъ времени, ни отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Такой взглядъ показываетъ направленіе книги, и, разумѣется, чѣмъ она ближе къ безусловному понятію о наукѣ, тѣмъ она занимаетъ высшее мѣсто. Правда, часто такое приближеніе, въ исполненіи, не зависитъ отъ автора; оно болѣею-частію подчинено времени, которое подписываетъ общій итогъ всего сдѣланнаго по каждому предмету и объявляетъ свои деспотическія требованія на новый трудъ; но еще чаще погрѣшаемъ мы сами, оставаясь, по какой-то лѣни, неподвижности ума, при старыхъ понятіяхъ и довольствуясь тою матеріальною выгодною, какую доставляютъ намъ частныя свѣдѣнія въ наукѣ.

Второе, въ-отношеніи къ современному состоянію науки. Это условіе болѣе матеріально, нежели первое: оно относится болѣе къ исполненію, нежели къ направленію книги и мѣсту,

занимаемому ею въ литературѣ; оно болѣе показываетъ фактическія свѣдѣнія автора, нежели взглядъ его на науку; по за-то оно составляетъ необходимое требованіе всякой книги безъ исключенія. Это какъ-бы форма, безъ которой понятіе о наукѣ навсегда останется отвлеченнымъ понятіемъ, пламенною мечтою юноши, пріятною и иногда увлекающею въ разговоръ, но пустою, неопредѣленною и, слѣдовательно, скучною въ книгѣ.

Третье, въ-отношеніи къ нашей отечественной литературѣ. Наша литература наукъ еще не можетъ быть литературою европейскою: науки росли и развивались не предъ нашими глазами; мы встрѣтились съ ними уже на извѣстномъ ихъ возрастѣ, и потому ходъ ихъ у насъ естественно долженъ быть гораздо медленнѣе, нежели у нашихъ наставниковъ, ученыхъ Западной Европы. Между-тѣмъ, какъ на западѣ труды ученыхъ направлены къ движенію ума и знанія челоувѣческаго, мы не смѣемъ требовать этого отъ людей, занимающихся у насъ науками; попросимъ у нихъ одного — искренняго желанія передать все извѣстное Европѣ, разумѣется, желанія, подкрѣпленнаго и обширными свѣдѣніями, и чистымъ понятіемъ о наукѣ. Особенно мы нуждаемся въ послѣднемъ, — его очень, очень недостаетъ у насъ. Намъ, болѣе нежели какой-либо другой народъ въ Европѣ, нужно познакомить съ наукою, какъ наукою, а не орудіемъ, потому-что мы всего менѣе можемъ понимать ее такимъ-образомъ. Вина не наша: это вина всеустроющаго времени; тамъ, гдѣ наука развивалась мало-по-малу, гдѣ она слѣдалась съ жизнью и обществомъ, и была требованіемъ того и другаго, тамъ любознание вкрадывалось непримѣтно, росло вмѣстѣ съ людьми, передавалось отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ-бы по наслѣдству переходило изъ рода въ родъ, и наконецъ до того усвоило людямъ науку, что жизнь и образованность сдѣлались попятіями неразлучными. Вставши на такую точку, люди могутъ иногда смотрѣть на отдѣльныя свѣдѣнія, даже и на науку, какъ на путь къ извѣстной цѣли, тѣмъ болѣе, что самыя эти цѣли суть слѣдствія той же науки, то-есть образованности. Но у насъ еще не разгорѣлся вполнѣ свѣтильникъ образованія; намъ надобно еще поддерживать и помогать его горѣнію, знаніе представляетъ лучшей и легчайшей способъ: возвысить его въ глазахъ людей — значитъ возвысить ихъ самихъ; смотрѣть на него какъ на орудіе — значитъ сдѣлать самихъ ихъ простыми орудіями. Востокъ, гдѣ наука есть чисто способъ улучшенія

промышленности в поддержаніи политическаго могущества, можетъ служить самымъ яснымъ подтвержденіемъ этого: тамъ есть тактики, есть стратеги, артиллеристы, инженеры, есть фабриканты, есть врачи, есть и ученые, чуть-чуть нѣтъ устроителей шоссе и желѣзныхъ дорогъ, только нѣтъ людей, помнящихъ свое человеческое достоинство, а не достоинство ремесла, имъ отправляемаго; тамъ есть наука, только нѣтъ образованности. . .

Мы невольно высказали эти понятія; ихъ вызвали и лѣтописи геогностической нашей литературы, и настоящее сочиненіе г. Соколова; но объ этомъ поговоримъ послѣ, разсматривая его въ первомъ отношеніи.

Теперь начнемъ съ ближайшаго къ намъ; посмотримъ, что сделано у насъ по геогнозису. Первый шагъ на этомъ поприщѣ сдѣлалъ нашъ знаменитый *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ*; онъ въ 1757 году написалъ *Слово о ражденіи металловъ отъ трясенія земли*. Послѣ этого въ 1762 году вышла *Опытъ всемирной орографіи или главнѣйшихъ по земному шару простиранившихся горъ*; въ 1780 *Введеніе въ горное познаніе земнаго шара часть первая: Надземная Географія Цепьихаля*, переводъ съ нѣмецкаго; въ томъ же году *Опытъ о началѣ и рожденіи металловъ Эллера*, и, въ 1786, книга *Сибиллы о перемѣнахъ земли, дополненіе къ Цигаковымъ извѣстіямъ о предстолицѣ великой перемѣнѣ на земномъ кругѣ*. Не говоря о первомъ сочиненіи, освященномъ именемъ автора, одни заглавія послѣднихъ показываютъ уже, какъ мало эти книги могли ознакомить насъ съ геогнозіею, хотя все-таки болѣе, нежели книги г-на *Ертова: Начертаніе естественныхъ законовъ происхожденія вселенной*, 1798 г., и *Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ*.

Въ началѣ восьмисотыхъ годовъ начали появляться общія сочиненія по геогнозису, именно въ 1801, *Геологія, то есть землесловіе, или разсужденіе о землѣ*, *Фридриха Вильгельма Земка*, съ приобщеніемъ его жъ особаго о потомъ разсужденія, и въ 1810, *Геогнозисъ, или Наука о горахъ и горныхъ породахъ*, съ присовокупленіемъ наставленій путешествующему геологу, потерянныхъ изъ четвертаго тома путешествія *Соссюра по алтійскимъ горамъ*, издавшаго *Севастьяновымъ*. И съ-этихъ поръ до позднѣйшаго времени, именно до напечатанія компиляцій покойнаго профессора *Щеглова* подъ названіемъ: *Крат-*

кое разсмотрѣніе осеменныхъ лавинъ, изъ внутренности земли исходящихъ или о вулканахъ и ихъ лавинныхъ воронкахъ, мы не имѣли ничего. Недавно появились еще двѣ частыя, геогностическія брошюрки на нѣмецкомъ языкѣ г. профессора Курторги. Онѣ замѣчательны не столько по пользѣ, принесенной ими собственно нашей отечественной литературѣ, сколько потому что ознакомили Европу съ мало-извѣстными ей странами и следовательно онѣ болѣе принадлежатъ литературѣ европейской, нежели русской. Намъ пріятно упомянуть о нихъ, какъ о сочиненіяхъ, уважаемыхъ европейскими учеными. Вотъ ихъ заглавія: одной—*Beitrag zur Kenntniss der organischen Ueberreste des Kupfersandsteins am westlichen Abhange des Urals*, другой—*Zweiter Beitrag zur Geognosie und Paläontologie Dorpat's und seiner nächsten Umgebungen*. 1857.

Вотъ почти вся наша геогностическая литература, не считая «Мемуаровъ» нашей Академіи Наукъ, и того, что помѣщается въ «Горномъ Журналь», главномъ источникѣ нашихъ успѣховъ по горному производству и нашихъ изслѣдованій земной коры,—журналь, о которомъ такъ отзывается г. Соколовъ въ предисловіи къ своей книгѣ (стр. VI):

«Журналь этотъ, издаваемый съ половины 1825 года отъ Ученаго Комитета Корпуса Горныхъ Инженеровъ, былъ, можно сказать, разсадникомъ геогнозиса въ нашемъ отечествѣ, сблизилъ насъ въ ученыхъ сношеніяхъ съ иностранцами и заключаетъ въ себя все, что только съ геогностической стороны извѣстно о Россіи. Изъ него, въ видѣ примѣровъ на правила науки, излекъ я столько, что если бы соединить все это въ общемъ трактатѣ, то составилъ бы довольно полный очеркъ геогностическаго состоянія русской земли.»

Итакъ, въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Соколова стоитъ выше всякаго сравненія съ сочиненіями его предшественниковъ; впрочемъ, самое состояніе науки и быстрый ходъ ея въ последнее время ставитъ его отъ нихъ на неизмѣримомъ разстояніи, и мы, не обвинясь, можемъ сказать, что у насъ сочиненіе г. Соколова лучшая книга по геогнозису,—похвала слишкомъ скромная, если бы оно не заслуживало большей.

Разсмотримъ ее въ другихъ двухъ отношеніяхъ, разумется, начавъ съ перваго, для-того, чтобъ указать мѣсто, занимаемое

его вообще въ геогностической литературѣ и сообразно уже этому произнести приговоръ о ея достоинствахъ.

Здѣсь всего болѣе можетъ насъ руководить взглядъ автора на науку, потому-что отъ такого взгляда зависятъ и планъ, и объемъ, и даже изложеніе всего сочиненія. Вотъ какъ самъ г. Соколовъ смотритъ на геогнозію (Предис., стр. X):

«Геогнозія» говоритъ онъ: «стала съ нѣкотораго времени любимымъ занятіемъ въ Европѣ—и не мудрено: ни въ какой наукѣ нельзя сдѣлать столько новыхъ открытій, какъ въ геогнозіи, которая получила самобытность не болѣе 65 лѣтъ тому назадъ, а на степень науки положительной стала еще и того позже.»

По словамъ почтеннаго профессора, геогнозія теперь уже наука положительная; чтобъ повѣрить ихъ на дѣлѣ, согласимся въ опредѣленіи науки. По нашему мнѣнію, каждая наука разсматриваетъ отдѣльный міръ явленій въ ихъ взаимной связи, изслѣдуетъ ихъ законы, подчиняетъ и другіе, или старается подчинить одному общему началу и, слѣдовательно, составить общую теорію. По-этому каждая наука опредѣляется предметомъ ея разсматриванія, такъ, на-примѣръ, философія есть наука мысли, математика—величинъ, исторія—гражданской жизни чело-вѣка и проч.; то-есть философія разсматриваетъ всѣ явленія мысли, всѣ ея законы, а потому и всѣ ея измѣненія, слѣдовательно всю исторію и догматику мышленія. Такъ разсматриваетъ математика величину, исторія гражданскую жизнь чело-вѣка, и проч. При такомъ взглядѣ, каждая наука имѣетъ свое собственное существованіе, независимо ли отъ отношенія ея къ намъ-самимъ и вліанія ея на насъ, ни отъ того употребленія, какое мы изъ нея сдѣлаемъ. Такое опредѣленіе тотчасъ показываетъ единство всѣхъ наукъ безъ исключенія, что непременно и должно быть въ-слѣдствіе единства ума чело-вѣческаго. Всѣ науки имѣютъ одну и ту же цѣль—полное знаніе или теорію, потому-что никакое практическое знаніе не можетъ быть полнымъ, оно всегда болѣе или менѣе частно; разнятся они между собою только предметами.

Посмотримъ же теперь, какъ г. Соколовъ опредѣляетъ геогнозію (стр. 1):

«Одинъ взглядъ на поверхность земную тотчасъ убѣждаетъ каждаго, что планета, нами обитаемая, состоитъ изъ различныхъ *минеральныхъ толщъ*. Изслѣдывать природу этихъ

толщъ, ихъ взаимныя отношенія и тѣ явленія, которыя имѣя мѣсто при ихъ образованіи— вотъ цѣль, которой *геогнозія* старается достигнуть. Но сверхъ-того она сравниваетъ настоящее состояніе земли съ первобытнымъ и открываетъ по-возможности тѣ переходы, которые претерпѣла земля во время своего существованія. »

Въ первой половинѣ есть только предметъ, а не цѣль; во второй есть цѣль, но она нисколько не выходитъ изъ перваго. Сравнивать настоящее состояніе съ первобытнымъ нельзя, не имѣя понятія объ этомъ послѣднемъ; а занимаясь изслѣдованіемъ минеральныхъ толщъ и поставя себѣ это изслѣдованіе конечною цѣлю, мы можемъ узнать во всѣхъ подробностяхъ современное ихъ состояніе и никогда не дойдти и даже не идти къ первобытному, между-тѣмъ, какъ, при всей матеріальности взгляда автора на геогнозію, онъ не въ состояніи былъ отнять у нея этого стремленія, и потому долженъ былъ сказать о немъ какъ о какой-то прибавочной цѣли.

Мы бы опредѣлили геогнозію гораздо-проще: предметъ ея— земля, рассматриваемая какъ ядро планеты, со всеми возможными ея явленіями, цѣль—отысканіе законовъ этихъ явленій и подчиненіе ихъ одному общему началу.

Но чтобъ еще яснѣе обозначить ея предѣлы, взглянемъ на всю науку естествознанія и покажемъ мѣсто, занимаемое геогнозіею въ составѣ различныхъ частей ея. Рассматривая земную природу, вы въ ней видите двѣ части, резко разграниченныя между собою: одна сама земля, кажущаяся намъ какъ-бы безжизненною, какъ-бы подчиненною однимъ законамъ механическаго движенія, потому-что мы, на вѣку чловѣка и даже цѣлаго чловѣчества, не можемъ видѣть долгихъ, многовѣковыхъ періодовъ ея развитія; и другая живая, которая развивается на нашихъ глазахъ, являясь намъ въ формахъ растеній и животныхъ. Конечно, это раздѣленіе не есть безусловное (абсолютное): оно существуетъ только въ нашемъ понятіи, и углубленіе въ недра земли показываетъ, что вся видная намъ живая природа есть только частный періодъ жизни всей земли; но для насъ она всегда останется какъ-бы отдѣльною, имѣющею собственное, полное существованіе, точно такъ же, какъ періодъ, современный каждому чловѣку, имѣетъ для него всю полноту отдѣльнаго бытія, не смотря на то, что онъ составляетъ часть цѣлой исторіи чловѣчества. Естествознаніе

вообще занимается всею природою; лишь же раздѣла природы показывают и раздѣленіе науки естествознанія; онъ именно требуютъ раздѣленія его на двѣ отдѣльныя вѣтви: науку земли—геогнозію, включая сюда и минералогію, какъ ея часть, и науку живой природы, которую, кажется, естественнѣе всего было бы назвать физиологіею, то-есть наукою жизни и всѣхъ ея явленій, всѣхъ формъ, въ какихъ эта жизнь является на землѣ. Она, по различію этихъ формъ, снова подраздѣляется на ботанику и зоологію. Но раздѣлять такъ-называемую естественную исторію на минералогію, ботанику и зоологію—значить видѣть въ нихъ науки чисто-описательныя, то-есть собственно говоря, лишать ихъ достоинства науки. Къ-тому же, при настоящемъ состояніи естествознанія, смотрѣть на формы живыхъ существъ, какъ на нѣчто отдѣльное отъ жизненнаго процесса, и наоборотъ, думать, что жизнь вложена въ формы уже готовыя, а не видѣть ихъ такъ тѣсно соединенными между собою, какъ причина и дѣйствіе, кажется намъ чрезвычайно-мелочнымъ. Можно ли вывести всѣ формы живыхъ тѣлъ а priori изъ жизненнаго процесса, всѣ частности, всѣ такъ сказать подробности такихъ формъ—это другой вопросъ. Но и самая невозможность этого, зависящая отъ настоящаго состоянія наукъ естественныхъ, не измѣняетъ понятія о наукѣ: она только объявляетъ свои требованія на способъ познанія и можетъ измѣнить только путь изслѣдованій, который уже совершенно зависитъ отъ успѣховъ науки, хотя и его общая программа предначертана самою природою. Онъ во всѣхъ наукахъ совершенно-одинаковъ, и если человѣкъ иногда сходитъ съ прямого его направленія, проведеннаго, какъ мы сказали, самою природою, то это временное соvrращеніе есть слѣдствіе немощи человѣческой, его надменной гордости, которая нашептываетъ ему на ухо, что онъ можетъ придумать что-либо лучше простаго пути, общаго ему со всѣми его собратьями, и что онъ можетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь выше человѣка. Греческая міеологія превосходно олицетворяетъ эту надменность людей, считающихъ себя умнѣе природы, въ сказаніи о борьбѣ гигантовъ съ Юпитеромъ. Они нагромодили скалы на скалы и вооружились противъ неба; бессмертные боги едва не преклонились предъ силою земныхъ возмутителей, и старый оракулъ сказалъ, что небо не прежде останется побѣдителемъ, какъ по изваніи на помощь простаго жителя земли; громодер-

жецъ призываетъ Геркулеса—помощь человеческую,—и гиганты испровергнуты. Въ дѣлѣ науки человекъ возстаетъ противъ природы, она обращается къ здравому разсудку, къ его же собственному уму, къ Геркулесу въ мѣрѣ нравственномъ, — и системы рушатся, и что же? послѣ многихъ вѣковъ человекъ обращается къ тому же пути, по которому онъ шелъ съ первой минуты созданія. Но вотъ вопросъ: гдѣ мы найдемъ его указанія? Въ естественномъ способѣ, какимъ мы приобретаемъ всѣ наши познанія, или, лучше, какимъ составляемъ всѣ наши понятія о предметахъ. Первый шагъ ко всему есть наглядность, опытъ, наблюденіе, такъ-сказать осазаніе предмета; второй, такъ быстро и неизвѣстно за нимъ слѣдующій, что нельзя уловить мгновенія, ихъ разъдѣляющаго, нахожденіе общности между предметами и первой непосредственной причины, если эти предметы суть временныя явленія. Взойдя на эту вторую степень, мы уже на общности и причины смотримъ, какъ на предметы и явленія, и идемъ къ дальнѣйшему обобщенію, — и такъ далѣе, до-тѣхъ-поръ, пока не достигнемъ конечной причины. Дойдемъ до этой предѣльной точки, и теорія составлена: съ этой минуты путь изысканій дѣлается обратнымъ; до-сихъ-поръ онъ былъ аналитическимъ или опытнымъ, теперь дѣлается синтетическимъ или, если можно такъ сказать, аргюментическимъ, — явленія дѣлаются уже подтвержденіемъ сужденій, а не ведущею къ нимъ лѣстницею.

Вотъ путь человеческого ума — не системы, не школы, а просто человека; онъ одинаково принадлежитъ ученому и вѣчу, младенцу и взрослому, — онъ-то и есть вѣрнѣйшій путь въ каждой наукѣ. Исторія всѣхъ наукъ безъ исключенія убѣждаетъ насъ въ этомъ фактически. Но во всѣхъ наукахъ человекъ болѣе или менѣе былъ самъ предметомъ своихъ изслѣдованій, или по-крайней-мѣрѣ принималъ сильное участіе въ разсматриваемомъ имъ мѣрѣ явленій и безпрестанно совращался съ естественнаго, прямого хода, безпрестанно находилъ пути, которые казались ему кратчайшими; то-есть строилъ системы: потому мы возьмемъ въ примѣръ ту науку, гдѣ это участіе было наименьшимъ, именно математику. Здѣсь, какъ и вездѣ, первые шаги были опыты и наблюденія: лѣтописи математической литературы показываютъ, что первыми сочиненіями были геометрія, механика и наука чиселъ, то-есть науки очертаній, силъ и чиселъ, а что же такое очертанія, силы (при взглядѣ на нихъ

глазомъ механика) и числа, какъ не явленія величинны? слѣдовательно и здѣсь съ-начала наблюдали явленія. Мы говоримъ самыя общими выраженіями; но кто читалъ Пифагора, Архимеда и Эвклида, тотъ явно увидитъ въ нихъ даже ослзательный способъ изученія. Впрочемъ и непосвященный въ таинства науки легко можетъ повѣрить это на известномъ всѣмъ пифагоровомъ доказательствѣ его теоремы о прямоугольномъ треугольничкѣ.

Намъ необходимо было развить понятія о пути изслѣдованій, потому-что его весьма-часто, особенно въ наукахъ естественныхъ, приписываютъ за самую науку: такъ принимаетъ и г. Соколовъ. Отъ этого, опредѣленіе его весьма-односторонне, весьма-частно и никакъ не объемлетъ всѣхъ геологическихъ изслѣдованій; оно есть слѣдствіе взгляда на науку, и потому съ недостаточностію его прямо соединены и недостатки изложенія. Не имѣя въ виду единства дѣла и не видя въ наукѣ чего-то нераздѣльнаго, нельзя составить и пріамаго, неизмѣннаго и непрозвольнаго, а естественнаго плана науки, такого, въ которомъ бы всѣ части были непрерывную взаимную связь. Этотъ недостатокъ весьма замѣтенъ въ разсматриваемомъ нами «Курсѣ Геогнозизъ», особенно въ первой его части, содержащей въ себѣ болѣе предметы общіе, непосредственно относящіяся къ *природѣ минеральныхъ тѣлъ*. Впрочемъ, обвиняя г. Соколова, мы здѣсь же и оправдаемъ его: этотъ недостатокъ теперь почти-общій всѣмъ геогнозіямъ. Геологи, открывъ въ недрахъ земли новый міръ для своихъ изслѣдованій, не столько заботятся о наукѣ, сколько о томъ, чтобы скорѣе передать плоды трудовъ своихъ; имъ слѣдуютъ и составители курсовъ, можетъ-быть, изъ излишняго уваженія къ первоначальному труду. Въ прошедшемъ году вышли начала геологиза Лейелля (Layell's Elements of Geology); ученый критикъ, разбирая ихъ въ июльской книжкѣ «Edinburg Review» нынѣшняго года, такъ говоритъ въ одномъ мѣствѣ (стр. 410):

«Одинъ изъ главныхъ недостатковъ этого превосходнаго сочиненія, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ свисходить къ народному вкусу, и потому, во многихъ мѣстахъ, у него нѣтъ той строгости и связи, какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ языкѣ, которыя требуются прямымъ изложеніемъ предмета и ежедневно увеличивающимися отношеніями между геологіею и высшими областями естествознанія.»

Но есть другое обвиненіе «Курса Геогнозизъ», которое, въ

смыслъ науки, гораздо-важнѣе перваго : въ опредѣленіи г. Соколова можно только заключить, что онъ матеріально смотритъ на геогнозію ; взглянувъ же далѣе , мы увидимъ , что онъ смотритъ на нее не только матеріально, но промышленно. Такъ мы найдете у него тотчасъ за выписаннымъ нами опредѣленіемъ (стр. 102): «первая часть такого ученія—чистая положительная, и какъ она приноситъ пользу промышленности, научая открывать *исторожденіе* полезныхъ минераловъ , то въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе. Но и вторая часть , не смотря на то, что состоитъ изъ предположеній, полезна по-крайней-мѣрѣ для науки, потому-что, объясняя явленія, служитъ часто къ исправленію ложныхъ понятій и невѣрныхъ наблюденій.»

Есть предѣлъ матеріальности, можно допустить матеріальный взглядъ на науку; но какъ же уничтожить стремленіе ума человѣческаго къ свободной дѣятельности ? и гдѣ же ? въ дѣлѣ науки! Мы никакъ не защищаемъ системъ, составляемыхъ а priori, невышедшихъ изъ разсматриванія явленій, а подчиняющихъ себя эти явленія безъ всякаго на то права; напротивъ, выше ужѣ мы сказали, что опыты и наблюденіе прокладываютъ вѣрнѣйшій путь къ знанію. Но какъ же въ наукѣ сказать, что только то и «заслуживаетъ въ полной мѣрѣ вниманія», что «приноситъ пользу промышленности», то-есть, что выгодно ? Наука не знаетъ ни выгоды, ни пользы человѣческихъ : она одинаково разсматриваетъ и хлѣбъ, питающій человека, и ядъ, разрушающій его существованіе. Изучите только науку—она не отниметъ у васъ способности употребить ее для вашихъ выгодъ ; нѣтъ, знаніе доставитъ вамъ возможность найти пользу и выгоды тамъ, гдѣ вы ихъ не предполагали. Изъ этого видно, что знаніе науки, безъ заботы о прибыля, хорошо даже и тогда, когда вы отнимаете у людей прекрасное чувство любознанія, которому не уделено ни малѣйшаго уголка въ «Курсѣ Геогнозій» г. Соколова.

Вообще г. Соколовъ вездѣ смѣшиваетъ науку съ ея приложеніями и не смотритъ на послѣднія, какъ на ея слѣдствія, а наоборотъ, совершенно подчиняетъ ее матеріальнымъ выгодамъ. Вотъ, на-примѣръ, какъ говоритъ онъ объ успехахъ геогнозій (предисловіе, стр. X):

«Въ послѣднее время геогнозій сдѣлала успѣхи удивительныя, и не только въ отношеніи ученомъ, но и въ прикладномъ или техническомъ, считается теперь одною изъ важнѣйшихъ наукъ.»

Послѣ этого онъ словами Ами-Буэ, автора книги «Guide de Géologie voyageur», перечисляетъ всѣхъ, кому и какую пользу принесетъ геогнозисъ, начиная съ рудокопа, строителя дорогъ и зданій, проводителя каналовъ, до архитектора и ваятеля, земледѣльца, медика, живописца, законовѣдца и статистика, историка и — даже кого бы вы думали? — археолога!

Мы выпишемъ пользу для законовѣдца, статистика и археолога (Пред., стр. XX и XXI); вѣрно, сами эти господа о ней доселѣ не заботились; вотъ она: «законовѣдецъ и статистикъ, въ некоторомъ состояніи почвы и въ известномъ совокупленіи горныхъ породъ, могутъ находить причины неравенства климатовъ; а это поведетъ ихъ къ заключенію о началѣ различія въ нравственности обитателей, и хотя не всегда могутъ быть измѣнены естественныя обстоятельства, нибѣющая столь вредное вліяніе на человека, по по-крайней-мѣрѣ представится случай къ употребленію какихъ-либо средствъ, чтобы отвратить зло, котораго корень въ самомъ геологическомъ устройствѣ страны. Археологъ можетъ почерпать въ геогнозисѣ наставленія къ избавленію себя отъ ложнаго толкованія древностей. Глыбу песчаника или гранита не приметъ онъ за камень друидовъ; естественнымъ разрушеніемъ обезображенныя горы известняка не будутъ выдаваемы за окаменѣлыя развалины древнихъ городовъ; древесныя стволы вторичной или третичной почвы, проникнутыя кремнемъ, перестанутъ считаться окаменѣлыми лѣсами эпохи исторической; кости допотопныхъ звѣрей припишутся за остатки людей-исполюговъ, обитавшихъ нѣкогда на землѣ; на изчерченной рукою времени и естественныхъ переворотовъ поверхности скалъ перестанутъ читать надписи древности. Въ назначеніи времени открытія мраморамъ, которые мы видимъ въ извалиніяхъ Грековъ и Римлянъ, основательное знаніе геологической географіи избавитъ насъ также отъ погрѣшностей.»

Было время, мы восхищались такими прекрасно-написанными изложеніями пользы наукъ, вѣрили имъ на-слово и не учились, потому-что не чувствовали необходимости; за-то теперь, когда возбудилась въ насъ потребность знанія, мы думаемъ, что немного поздно уже проповѣдывать пользу наукъ, и еще смѣшнее въ доказательствѣ пользы какой-либо науки видѣть исполненіе разсужденія на заданную тему. Мы никакъ неспрочь отъ матеріальной пользы приложеній каждой науки, и первые изъ-

вѣщая о выходѣ въ свѣтъ книги, выставимъ ея полезную сторону; но въ курсѣ смотреть на пользу и материальную выгоду какъ на краеугольный камень науки, — это непростительно.

Впрочемъ, ни на чье убѣждение посягать невозможно; мы должны были распространиться объ этомъ, чтобъ знать, съ какой точки разсматривать сочиненіе г. Соколова. Теперь мы видимъ, что это не изложеніе науки, но собраніе геогностическихъ статей, собраніе отдѣльныхъ свѣдѣній, неимѣющихъ общей связи и несоставляющихъ ничего общаго, кромѣ книги «Курса Геогнозіи Д. Соколова».

Взглянувъ съ этой точки зрѣнія, надобно сказать правду, что каждая статья изложена чрезвычайно-просто и ясно, и всякій прочтетъ ее съ удовольствіемъ; правда, она мало познакомитъ съ геогнозіею, но покажетъ частныя явленія и ближайшее, простенькое, легонькое и доступное для каждаго объясненіе ихъ. Жаль, что, собирая эти статьи, авторъ не заботился о ровности изложенія и не предполагалъ однихъ и тѣхъ же читателей для всей книги; это избавило бы ее иногда отъ излишней сжатости, иногда отъ излишняго разглагольствія. Въ одномъ мѣстѣ вы видите автора его какъ-бы припоминающаго давно уже вамъ извѣстное, въ другомъ говорящаго только-что съ начинающими учиться. Въ-подтверженіе этого мы приведемъ два мѣста: одно (стр. 13), гдѣ авторъ говоритъ о томъ, что земля была въ началѣ жидкостью:

«Но какого рода была жидкость земли? Вопросъ этотъ съ самыхъ давнихъ временъ занималъ философовъ и былъ всегда предметомъ споровъ. Одни полагали, что вся масса земная была растворена въ водахъ; другіе, что она была расплавлена сильнѣйшимъ огнемъ, и, охлаждаясь мало-по-малу, сдѣлалась наконецъ обитавою.»

«Держащіеся перваго мнѣнія называли себя *нептунистами*, а слѣдующіе второму — *волканистами* или *плутокистами*.»

Не зная прежде, трудно отсюда ознакомиться съ этими системами. За-то на стр. 15 вы видите:

«На поверхности земнаго шара есть мѣста постоянно сухія, и другія, всегда покрытыя водою; первыя называются *сушею*, *материкою*, *твердою землею* или просто *землею*, вторыя *водами*.»

Но опять повторимъ: ни въ изложеніи, ни въ системѣ не обращаясь къ общности, надобно сказать правду, что отдѣльныя

статья изложена превосходно, — всё ли полно, всё ли современно — это другой вопросъ.

Первая часть содержитъ собственно въ себѣ физическую географію, или точнѣе свѣдѣнія, матеріалы физической географіи.

Оставляя первую главу: *о видѣ и плотности земнаго шара, о внутреннемъ состояніи земли, о первобытномъ состояніи*, гдѣ все изложено слегка, а послѣднія двѣ статьи особенно весьма неудовлетворительно, мы обратимъ вниманіе читателей на главу вторую. Здѣсь найдутъ они *о раздѣленіи суши и водъ на земной поверхности*. Чтобы избавить ихъ отъ излишняго труда, мы покажемъ сущность этой статьи; вотъ она:

«Отношеніе суши къ цѣлому пространству земныхъ полей:

	<i>Въ северномъ полушаріи.</i>	<i>Въ южномъ полушаріи.</i>
Въ холодномъ полѣ	0.27	0.00.
Въ умеренномъ полѣ	0.52	0.07.
Въ жаркомъ полѣ	0.26	0.24.

На экваторѣ только $\frac{1}{4}$ занимаетъ земля и $\frac{3}{4}$ море.»

Остатнаго можно и не читать, вы тутъ найдете не болѣе того, что есть во всѣхъ дѣтскихъ географіяхъ, а чего и тамъ нѣтъ, то навѣрное вы сами знаете. Конечно, здѣсь бы хотѣлось видѣть распределеніе земныхъ массъ какъ на ладони, тогда бы объемы, занимаемые водою, и глубина водъ была бы уже прямымъ его слѣдствіемъ; по этого нѣтъ у г. Соколова. Потомъ слѣдуютъ статьи *о солонности и глубинахъ морей, о водотеченіяхъ моряхъ, о приливѣ и отливѣ* (безъ всякой теоріи), изложенныя полнѣе предъидущихъ. *О коралловыхъ рифахъ и островахъ, о нагахъ ключей и рѣкахъ вообще и объ артезианскихъ колодцахъ особенно*... Последнее обдѣлано очень-хорошо, всю эту довольно-большую статью всякій прочтетъ съ удовольствіемъ. Здѣсь все такъ просто, ясно, легко, округлено, что вы, прочитавъ это, невольно вспомните тѣ пріятныя минуты, когда почтенный профессоръ Соколовъ читалъ публичныя лекціи въ Горномъ Корпусѣ. И если бы не заставляли насъ строгія требованія нашихъ читателей, желающихъ въ «Курсѣ Геогнози» найти болѣе нежели на публичныхъ лекціяхъ, мы послѣ такой прекрасной статьи никакъ не рѣшились бы напомнить автору, какъ мало сказалъ онъ о коралловыхъ островахъ и рифахъ; особенно замѣтна эта непопота теперь, когда знаменитый изъ современныхъ намъ ученыхъ, Эренбергъ, со всею подробностію

исследовать коралловые острова и коралловые мелл Чернаго Моря. Г. Соколовъ даже не упоминаеть о немъ.

Третья глава—о *температуръ земнаго шара*; здѣсь рассмотрѣна *температура твердой земли, температура жидкой и температура атмосферы*, — здѣсь довольно фактическихъ свѣдѣній.

Четвертая глава — о *водѣ и воздухѣ, какъ действительныя, изменяющія поверхность земнаго шара, и о преломлять, производимыя или на земной поверхности; глава пятая о волканахъ, подземныхъ пещерахъ, холодныхъ волканахъ, газо-отдѣленіяхъ изъ земли и землетрясеніяхъ*. Трудно найти въ какомъ-либо курсѣ статьи, изложенныя такъ занимательно; правда, что и самъ-по-себѣ предметъ привлекаеть вниманіе читателей; но, кажется, г. Соколовъ имѣеть цѣлю сдѣлать пріятнымъ ихъ чтеніе. Въ этомъ именно отношеніи мы можемъ рекомендовать всю первую часть его «Курса Геогнозіи», и особенно мѣста, нами указанныя. Жаль, истинно жаль, что почтенный авторъ не далъ своему сочиненію формы популярной книги: тогда бы съ наслажденіемъ ее прочли даже и дамы; теперь наружный видъ и заглавіе испугають ихъ, и прекрасныя читательницы никакъ не подумаютъ, что первая часть курса именно для нихъ назначалась. Если наша защита значить что-либо въ глазахъ нашихъ соотечественницъ, мы смѣло скажемъ, что ни на одномъ языкѣ не найдутъ онѣ этихъ предметовъ изложенными съ такою легкостію, простотою и даже заманчивостію. Здѣсь исполнены всѣ условія, требуемыя отъ дамской книги. Мрачная критика науки потребовала бы, конечно, больше: она бы захотѣла видѣть перечисленіе главнѣйшихъ группъ волканическихъ; для нея нужно было бы упомянуть и о бросающей свѣтъ волкановъ, и еще о многомъ; надобно бы обратить вниманіе на горячія и минеральныя воды, какъ произведенія самаго земнаго шара; но эта критика здѣсь не имѣеть мѣста, — книга была писана не для нея.

Последняя глава, — о *видѣ земной поверхности, о происхожденіи горъ и долинъ и о пещерахъ*. Здѣсь намъ пріятно встрѣтитъ взглядъ на геогностическое положеніе Россіи, именно на расположеніе горныхъ кряжей.

Во всей книгѣ изложеніе просто, языкъ чистъ, натураленъ и ясенъ; образъ выраженія, какъ мы сказали, даже завлекателенъ. Случается по-мѣстамъ, что, желая быть какъ-можно-про-

ще, авторъ впадаетъ въ недостатокъ, происходящій отъ излишества простоты, именно въ слишкомъ-простонародные обороты словъ; на-примѣръ (стр. 183 Ч. I.): «жерло было заросши крутымъ лѣсомъ, или (стр. 91): «столбы и плиты; на которые они *бываютъ раздѣлившись*; но это недостатки самые незначительные, вовсе незамѣтные въ сочиненіи такого рода, тѣмъ болѣе, что въ-рядѣ ли это не единственные ихъ примѣры. Гораздо важнѣе то, что, смотря на геогнозію, какъ на науку чисто-прикладную, авторъ мало говоритъ о такихъ предметахъ, которые въ общемъ ходѣ и съ которыми всякому хотѣлось бы познакомиться, именно о горячихъ и минеральныхъ водахъ. И почему онъ далъ надъ ними преимущество артезианскимъ колодцамъ, нѣможивъ ихъ съ далеко-большею подробностію? Если эти послѣдніе имѣютъ прямое отношеніе съ пластованіемъ земли, то и первые также близки и къ внутреннимъ подземнымъ теченіямъ, и къ вулканамъ, и вообще къ той подземной силѣ, которая производитъ всѣ огненные явленія на землѣ.

Мы съ своей стороны постараемся вознаградить этотъ недостатокъ и расскажем вамъ, въ скоромъ времени, о минеральныхъ и теплыхъ водахъ; но пока перейдемъ ко второй части «Курса Геогнози» г. Соколова.

Она болѣе посвящена изслѣдованію минеральныхъ толщъ; имѣя постоянно одну цѣль, она отличается и большимъ единствомъ изложенія, и несравненно-большею дѣльностію. Въ первой главѣ авторъ знакомитъ читателей съ горными породами. Опредѣливъ горныя породы, показавъ составъ ихъ, раздѣленіе на простыя и сложныя и различныя виды сложныхъ, онъ дѣлитъ всѣ горныя породы на 11 разрядовъ или семействъ: 1) полевошпатовыя, 2) слюдяныя, тальковыя и хлоридовыя, 3) змѣевиковыя, 4) роговообманочныя, 5) авгитовыя, 6) кварцевыя, 7) глининыя, 8) известковыя, 9) желѣзныя, 10) угольныя и 11) соляныя, причисляя къ нимъ еще особый разрядъ породъ обломочныхъ. Здѣсь съ возможною краткостію и съ обычною ясностію авторъ описываетъ сложныя породы, оставя простыя, потому-что подробное описаніе ихъ можно найти въ его же «Минералогіи», мы говоримъ въ *ее же*, указывая именно на нее, какъ на лучшую и, можно сказать, единственную на русскомъ языкѣ.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ *общія понятія о горныхъ породахъ*. И здѣсь, какъ во всѣхъ болѣе общихъ статьяхъ, у автора одинъ главный недостатокъ: кака-то неопредѣленность и

растянутость. Онъ говорить и хорошо и приятно; но, прочитайте — вамъ покажется, что не стоило труда для столь ценимого читать нѣсколько страницъ. Особенно это замѣтно въ первой статьѣ: *главныя измѣненія земной поверхности*; вы почти повторяете сказанное въ четвертой главѣ первой части. Намъ бы хотѣлось сильнѣе убѣдиться въ томъ, что дѣйствительно воды не понизились, а земля возвысилась, и что отъ этого произошли видимые остатки дна морскаго на земной поверхности. Большая разница между книгою, которую читаешь изъ одного удовольствія, и книгою, изъ которой учишься: въ послѣдней всякій излишекъ *въ словахъ* есть недостатокъ. На-примѣръ, на стр. 61-й, это прекрасно:

«Проходи по гористымъ странамъ послѣ сильной бури, встрѣчаешь на каждомъ шагу слѣды разрушеній: въ одномъ мѣстѣ произошли повья насыпи во многіе футы вышиною, въ другомъ исчезли цѣлыя холмы мягкихъ породъ; обрушенія, оползны, огромные камни, отторгнутые и отнесенные водою, видны бываютъ во многихъ мѣстахъ.»

Но оставьте только до двуеточія, и оно ничего не потеряетъ. Послѣ этого слѣдуетъ *раздѣленіе материка на классы, законы пластованія осадочныхъ породъ*, и объясняется тутъ же, въ среднихъ страничкахъ сдѣланнымъ чертежемъ, что весьма-удобно для читающаго. Здѣсь бы можно къ-статѣ упомянуть о расколахъ земли или тѣхъ параллельныхъ линіяхъ, если смотреть на землю въ разрѣзъ, которыя Англичане называютъ *cleavage*. Ихъ образованіе отдѣльно и даже независимо отъ образованія пластовъ, и профессоръ Седжвикъ (Sedgwick) такъ объясняетъ его (Geological Transactions, Second Series, vol III p. 477 vol. LXIX N° CXL): «Мнѣ кажется ихъ можно объяснить предположеніемъ, что кристаллическія или полярныя силы дѣйствовали на всю массу одновременно въ данномъ направленіи и съ одинаковымъ напряженіемъ. Въ-прочемъ не нужно предполагать, чтобы эти дѣйствія происходили въ короткій промежутокъ времени, мы не имѣемъ надобности полагать ему предѣлы.»

Потомъ идутъ *признаки отъ состава осадочныхъ породъ, способъ происхожденія формаций, связь между формациями, классораздѣленіе осадочныхъ породъ*, гдѣ такъ авторъ говоритъ объ опредѣленіи формаций, весьма важною для читателей, потому-что это слово безпрестанно встрѣчается въ геогнозѣ. «По опредѣленію Гумбольта, *формация* есть собраніе или система

минеральныхъ толщъ, имѣющихъ между собою такую связь, что ихъ должно считать происшедшими въ одинъ періодъ, и которыя въ мѣстахъ земли, наиболее удаленныхъ, находится въ одинакихъ отношеніяхъ положенія и состава. Вернеръ называлъ *формаціею* собраніе пластовъ или минеральныхъ толщъ, связанныхъ между собою такъ, что онѣ представляютъ одно цѣлое, или одну систему. Эли-де-Бомонъ далъ наконецъ болѣе точное опредѣленіе *формаціи*, совокупляя въ ней пласты, происшедшіе въ промежутокъ времени между двумя главными переворотами.

«*Горная почва (terrain)* имѣетъ обширнѣйшее значеніе въ сравненіи съ формаціею, и можетъ вмѣщать въ себя нѣсколько формацій, имѣющихъ взаимную связь по нѣкоторому сходству между собою.»

Окончивъ классораздѣленіе породъ осадочныхъ, авторъ весьма-хорошо разсматриваетъ огненные породы, ихъ составъ, классораздѣленіе, отношеніе къ осадочнымъ и оканчиваетъ главу *геологическими мнѣніями нашего времени*. Здѣсь всѣ породы твердой земной коры онъ раздѣляетъ на три системы:

1) *Плутоническія нормальныя* (глиняный сланецъ, слюдяный сланецъ, гнейсъ, первозданный гранитъ).

2) *Плутоническія побочныя* (гранитъ, порфиръ, базальтъ и проч.).

3) *Неплутоническія* (песчаникъ, глина, мергель и проч.).

Нѣкоторые, на-прим., г. Лейбель, раздѣляетъ на четыре: 1) водныя или осадочныя, 2) вулканическія, 3) плутоническія и 4) метаморфическія. Послѣдніе онъ называетъ такъ потому что они расположены какъ-бы слоями и слѣдовательно какъ-бы представляютъ слѣды осадочнаго образованія, но только преобразованы сильнымъ жаромъ плутоническихъ массъ. Это раздѣленіе удобнѣе для описанія, но оно не представляетъ существеннаго различія. Раздѣливъ на системы, г. Соколовъ разсматриваетъ каждую систему въ отдѣльности. Вся эта статья изложена весьма легко и, при большей системѣ, она могла бы весьма-хорошо ознакомить читателя съ образованіемъ земли. Всю остальную часть книги занимаетъ описаніе почвъ. Этотъ большой отдѣлъ «Курса Геогнози» г. Соколова для насъ незамѣнимъ никакимъ иностраннымъ курсомъ: изъ него мы познако-

инился съ геогностическимъ строеніемъ Европы, особенно Англій, изрѣзанной и испиленной по всемъ направленіямъ; по, принявшись за изслѣдованія у себя дома, мы должны будемъ часто повторять уже сдѣланное и идти опунью или рыться и собирать все изъ многотомнаго «Горнаго Журнала». Въ книгѣ г. Соколова собрано все, и или изложено, или указано на нумера «Горнаго Журнала», такъ-что, въ этомъ отношеніи, она полезна не только для начинающихъ учиться, но и для занимающихся наукою практически или, лучше сказать, для дѣйствующихъ на поприщѣ науки.

То же самое скажемъ мы и о третьей части, гдѣ всего болѣе просимъ нашихъ читателей обратить вниманіе на главу первую: *объ огненныхъ породахъ*, и главу вторую: *о мѣсторожденіяхъ металловъ*.

Вотъ общій отчетъ о геогнозис г. Соколова. Чтобъ не забыть, сдѣлаемъ неважное замѣчаніе въ одномъ нововведеніи въ писаніи именъ иностранныхъ и замѣтимъ болѣе потому-что есть люди, которые защищаютъ это нововведеніе, какъ дѣльную вещь. Иногда, хотя и рѣдко, г. Соколовъ пишетъ иностранныя фамиліи и названія геотрафическія тѣми же буквами, какими они выражены на томъ языкѣ, съ котораго онъ беретъ ихъ, ставя за апострофомъ окончаніе падежа. Это было странно видѣть намъ въ журналѣ, но еще страннѣе въ учебномъ курсѣ. Такъ вы встрѣтите въ первой части—стр. 28: «у мыса Lands End», стр. 32: «описываются Monach'емъ», стр. 55: «замѣчено Lloyd'омъ» и проч. Писавши на русскомъ языкѣ, можете ли вы полагать, что всѣ, читающіе вашу книгу, умѣютъ и читать и правильно произносить и по-французски и по-англійски? не лучше ли же написать русскими буквами, и для вѣрности поставить въ скобкахъ иностранное имя?

Теперь скажемъ наше мнѣніе о всемъ «Курсѣ Геогнозиса». Мы видѣли его въ-отношеніи къ наукѣ, видѣли, какъ онъ неполно и неопредѣленно передавалъ намъ геогностическія свидѣнія, и перестали уже далѣе слѣдить за многими, что надобно было бы замѣтить. Но вотъ причина: на русскомъ языкѣ у насъ нѣтъ ничего по геогнозису; это почти первая книга; при всѣхъ недостаткахъ, она познакомитъ со многими и по-крайней-мѣрѣ передастъ чистымъ, хорошимъ, понятнымъ языкомъ то, чего еще никто не передавалъ намъ,—это первое. Второе, она указы-

васть намъ на геогностическое состояніе Россіи,—двѣ заслуги, особенно послѣдняя, весьма важныя; не будемъ же требовать пока болѣе, и поблагодаримъ автора за то, что онъ намъ далъ. Но къ-статіи скажемъ слова два о всѣхъ нашихъ учебныхъ книгахъ, и вообще книгахъ, писанныхъ по какой-либо наукѣ. Досихъ-поръ мы еще никакъ не привыкли ни къ литературѣ, ни къ исторіи науки и, прочитавъ какую угодно у насъ книгу, по какой угодно отрасли познаній, вы не знаете ни современнаго состоянія науки, ни исторіи, ни того, какія изслѣдыванія по ней дѣлаются, то-есть современнаго ея движенія. Правда, г. Соколовъ по-временамъ указываетъ на тѣхъ авторовъ, у кого онъ заимствовалъ свои статьи,—это прекрасно и добросовѣстно, но это еще не литература науки. Отъ литературы требуется, во-первыхъ, указанія всѣхъ сочиненій полныхъ по той части, какую вы разсматриваете, потомъ отдѣльно при каждой статьѣ указанія на тѣ сочиненія, гдѣ разсмотрѣна эта статья. Хорошо, если при этомъ будетъ и коротенькій критическій взглядъ; но даже и безъ него, одинъ перечень сочиненій уже приноситъ чрезвычайную пользу: онъ знакомитъ насъ съ ученою Европою, а извѣстія о современной дѣятельности указываютъ прямо и на ходъ науки и возбуждаютъ собственную нашу дѣятельность. Теперь, какъ говорить и г. Соколовъ, болѣе нежели когда-либо трудятся по геогнози. Мы передадимъ труды европейскихъ ученыхъ въ-продолженіе академическаго года 1837 и 1838, то-есть послѣдней половины 1837 и первой 1838, заимствуя это изъ донесенія г. Юуэля (Whewell) о успѣхахъ геогнози, особенно въ Англіи.

Онъ раздѣляетъ всѣ геологическія изысканія на два класса: относящіяся къ геологій *описательной* и геологій *динамической*. Одна знакомитъ съ различными явленіями, происходящими на земной поверхности въ ея настоящемъ состояніи; другая изслѣдуетъ причины этихъ явленій и старается дойти до общихъ ихъ законовъ. Раздѣленіе такое онъ принялъ не произвольно, но оно составилось у него при самомъ взглядѣ на труды современныхъ геологовъ. Наши предшественники нагромождали множество наблюденій и частныхъ изысканій съ удивительною дѣятельностію, съ чрезвычайною любозпательностію, но безуспѣшно, и ничто не вело ихъ къ тому, чтобы изъ всего этого вывести полную исторію перемѣнъ, на земномъ шарѣ

происшедшихъ. Совершенно таково было состояніе астрономіи во времена Кеплера, когда наблюденія, собранныя двадцатымъ вѣками, противились всѣмъ усиліямъ этого гениальнаго человѣка и его современниковъ попытаться воздвигнуть зданіе науки физической астрономіи, и только въ слѣдующемъ уже вѣкѣ, когда изученіе силъ или причинъ динамическихъ создало какъ-бы отдѣльную науку, вполне составила физическая астрономія и подчинила законамъ всѣ явленія. Открытія прежде дѣлали на удачу; съ астрономическими инструментами искали по небу чего-нибудь и записывали, что находили; такъ почти дѣлали, даже и погды и дѣлаютъ въ геогнозисъ; по-этому поневолю надобно разсмотреть отдѣльно и эти работы, и труды по наукѣ.

Но самую описательную геогнозію г. Юуэлле, въ своемъ донесеніи, раздѣляетъ на двѣ части. Вотъ основаніе его дѣленія: разсматривая геогностическія явленія странъ болѣе изслѣдываемыхъ, именно Франціи, Италіи, Германіи и Скандинавіи, мы замѣтимъ, что вся эта часть Европы имѣетъ какъ-бы свою геологическую азбуку, своимъ геологическимъ представителемъ—англійскія формаціи, потому-что онѣ почти одиѣ и тѣ же во всѣхъ этихъ странахъ. Но за предѣлами ихъ это уже не имѣетъ мѣста: потому Юуэлле труды геологическіе въ Европѣ называетъ отечественною геологіею (*home geology*), прочіе же всѣ,—геологіею чужеземною (*foreign geology*). Итакъ первое—*отечественная геологія*.

Здѣсь г. Юуэлле указываетъ на самый замѣчательный успѣхъ геогнозиса — на раздѣленіе переходной почвы, о чемъ упоминаетъ въ примѣчаніи и г. Соколовъ. Седжвикъ положилъ это раздѣленіе для изученія Горъ Кебриджскихъ, занимающихъ сѣверо-восточную часть Графства Галльскаго, а Мурчисонъ для силурійскихъ формаціи, находящихя въ остальной части графства и въ прележащихъ къ нему частяхъ Англійи. Два эти геолога издали въ 1858 году мемуаръ о строеніи сѣвера Девоншира. Такое подробное разсмотрѣніе геогностическаго состоянія страны важно не только въ мѣстномъ отношеніи: оно чрезвычайно-важно вообще для успѣховъ геологическихъ, показывая разности и переходы различныхъ почвъ. Кромѣ нихъ, еще два геолога, Остенъ и Уиверъ представили описаніе той же самой страны и разности въ ихъ результатахъ, можетъ-быть, заставить повѣрить всю геологическую карту Англійи.

Множество другихъ мемуаровъ, изданныхъ въ этомъ году въ Европѣ, стремятся подтвердить тождество различныхъ формаций Англии, Франціи и Германіи. Такимъ-образомъ Мурчисонъ и Стржкандъ, основываясь на доказательствахъ, взятыхъ изъ сравненія окаменѣлостей, показываютъ тождество красныхъ мергелей Графствъ Глостерскаго, Вустерскаго и Варвикскаго съ *keuper* или радужнымъ рудякомъ германскимъ, и, дѣлая подобныя сравненія, показываютъ единство геологическаго строенія всей Сѣверной Европы.

Прасть занимался изслѣдованіемъ Нормандіи и сравненіемъ оолитныхъ формаций этой страны съ такими же породами въ Англии.

Кларкъ тщательно описалъ геологическое строеніе Графства Суффолькскаго, въ которомъ находится только мѣль и новѣйшія формации.

Переходя въ неслонстымъ породамъ, Юуэлль замѣчаетъ, какую перемену въ понятіяхъ произвели изслѣдованія Мурчисона и Седжвика относительно времени существованія гранитовъ. Они показали, что дартмурскій гранитъ, а слѣдовательно и корнуаллійскій, на которые прежде смотрѣли, какъ на самыя древніе памятники первыхъ вѣковъ мірозданія, произошли позднѣ растительныхъ вмѣстѣницъ антрацита.

Новѣйшія движенія земли, поднятія и опущенія, казавшіяся сначала едва-вѣроятными, сдѣлались такъ очевидны, что теперь нѣтъ человека, кто бы этому не вѣрилъ. Слѣды этого явленія на нѣкоторыхъ древнихъ берегахъ такъ явственно видны, что трудно понять, какъ столь долгое время ихъ не распознали. Въ 1837—38 годахъ Прествичъ, Остенъ, Форчмеръ и Тревелиентъ открыли слѣды поднятія различныхъ древнихъ береговъ.

Кларкъ издалъ мемуаръ о турфовыхъ болотахъ и подморскихъ лѣсахъ дорсетширскихъ; онъ разсматриваетъ причины настоящаго ихъ состоянія.

Юуэлль оканчиваетъ этотъ взглядъ на геологическіе труды въ Европѣ весьма-замѣчательными по своей точности замѣтками, доставленными инженеромъ желѣзной бирмингамской дороги въ Глостеръ; это можно было бы представить какъ образецъ всемъ инженерамъ, тѣмъ болѣе, что ихъ положеніе и занятія доставляютъ способы споспѣшествовать успѣхамъ геогнози.

Въ своемъ взглядѣ на геологію *чужеземную* онъ показываетъ, какъ много сдѣлалъ въ изслѣдываніи Греціи. Здѣсь Стрикландъ и Гамильтонъ вывели много полезныхъ результатовъ въ-отношеніи къ адриатическимъ островамъ и нашли, что многія окаменѣлости раковинъ одинаковы съ живыми обитателями Средиземнаго Моря.

Докторъ Белль, путешествовавшій между Тегераномъ и берегами Каспійскаго Моря, описалъ породы, изслѣдованные имъ въ Мазандерапѣ.

Въ-теченіе этого года начали много заниматься геологическимъ состояніемъ Индіи, и капитанъ Гратъ и Маль-кольмсонъ попробовали обозначать европейскими именами системы тамъ найденныхъ слоевъ. Мы оставляемъ подробности; но можемъ только оказать, что общій результатъ предсказываетъ точвѣйшее узнаніе Индіи, доселѣ мало изслѣдованной въ геогностическомъ отношеніи. Между-прочимъ докторъ Маклеандъ нашелъ, что многія окаменѣлости третичныхъ почвъ одинаковы съ одной стороны съ живыми породами Бенгальскаго Залива, съ другой съ окаменѣlostями второзданыхъ породъ сѣверной части Гималайскаго Хребта. Юэалъ прибавляетъ, что это сходство найдено также и съ породами, лежащими близъ Паржа.

Безъ сомнѣнія весьма-важны такія отношенія между обитателями земной коры двухъ столь отдаленныхъ странъ. Но недавно нашли сближеніе еще любопытнѣйшее. Извѣстно, что доселѣ въ слояхъ земли не находили ни человѣческихъ костей, ни даже остатковъ животныхъ, всего болѣе приближающихся своимъ формамъ къ человѣку. Что же? въ этомъ году открыли окаменѣлыя кости обезьянъ въ Сансепъ, во Франціи, и въ холмахъ Сѣвернаго Индостана, и потомъ еще позднѣе въ вѣдрахъ земли калькутской. Многіе ужаснутся, другіе порадуются, види, что это ведетъ къ тому, чтобъ уничтожить черту, отдѣляющую дѣйствительное состояніе земли, начавшееся съ того времени, какъ человѣкъ на ней царствуетъ, отъ различныхъ эпохъ ея до человѣческаго существованія. Впрочемъ Юэалъ не приписываетъ этому открытію такихъ послѣдствій и говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ положительно-важнѣйшихъ открытій геогнозиса.

Рой описалъ Верхнюю Канаду, гдѣ онъ полагаетъ будто-бы онъ нашелъ древніе берега на большей высотѣ отъ повержно-

сти моря, нежели берега нынѣшнихъ озеръ. Боллаертъ познакомилъ съ перувианскими песчаными наносами, чрезвычайно богатыми огромными самородками серебра. Наконецъ Дарвенъ (Darwin) передалъ намъ весьма-много любопытнаго о геологіи Южной Америки и открылъ много окаменѣлостей животныхъ, удивляющихъ насъ своею огромностію, особенно если сравнимъ ихъ съ щедушными животными тѣхъ же породъ, теперь живущими. Кажется, какъ-будто природа состарѣлась, и будто бы силы ея истощились. Мемуары г. Дарвена замѣлательны еще потому-что онъ приписываетъ образованіе почвъ растительныхъ дѣйствию земныхъ червей. Приведа множество явленій, показывающихъ, что они произошли отъ этой причины, по-видимому весьма слабой, авторъ такъ оканчиваетъ свой мемуаръ: «При этомъ предположеніи будетъ весьма понятна выгода старыхъ настищъ, которыя такъ неохотно уничтожаются фермерами; потому-что червямъ нужно значительное время для приготовления довольно-толстаго слоя земли, т. е. для смѣшанія вмѣстѣ и частей земли и тѣхъ веществъ, которыми человекъ ее утучняетъ». Онъ приводитъ въ доказательство клочекъ земли въ три съ половиною дюйма глубиною, пережеванный, такъ-сказать, червями въ-теченіе пятнадцати лѣтъ; онъ прибавляетъ, что пищеварительныя силы животныхъ суть измѣненія силъ геогностическихъ, которыя въ другой сферѣ дѣйствуютъ еще въ большемъ объемѣ, при новѣйшемъ образованіи коралловъ. Онъ думаетъ также, что большая часть мѣла есть произведеніе пищеварительной силы морскихъ животныхъ. Въ-прочемъ, все его предположеніе о дѣйствіи земныхъ червей болѣе любопытно и забавно, нежели существенно и не ведетъ пока ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что и трудно его повѣрить. Правда, что этимъ легче объяснить утучненіе земли, когда она лежитъ подъ паромъ; но этого еще мало для-того, чтобъ поручиться за справедливость предположенія.

Между открытіями и изслѣдованіями о поднятіяхъ земли показываютъ, какъ особенно-замѣлательное, открытіе Тревеліена, на берегу Ютландіи, близъ Фредериксгама. Страна эта покрыта дрепнами гробницами въ видѣ кучъ или конусообразныхъ насыпей, но ихъ пѣтъ по всей длинной и низкой долинѣ, идущей по берегу. Изъ этого онъ заключаетъ, что вся эта часть, непо-

крытая такими гробницами, поднялась послѣ того времени, когда перестали ихъ дѣлать, то-есть послѣ VIII или IX вѣка. Это скорѣе можно принять за бѣглую замѣтку путешественника, нежели за ученое заключеніе геолога; тутъ больше можно приписать случайности, даже, можетъ-быть, и потому въ этой долинѣ не погребали мертвыхъ, что она при низкомъ положеніи часто понималась водою. При настоящемъ твердомъ пути наукъ, на такіа заключенія нельзя обращать большаго вниманія.

Наконецъ г. Юзуль разсматриваетъ успѣхи геологій *динамической*.

Здѣсь мало сдѣлали шаговъ въ-передъ. Дарвеневы объясненія образованія коралловыхъ острововъ, вліяніе перемѣны климата на распространеніе, время существованія и уничтоженіе породъ животныхъ; его теорія, нами упомянутая выше, о дѣйствиіи подземныхъ червей; Фоксовы объясненія минеральныхъ жилъ — вотъ почти и все.

Гопкинсъ пытался подвести геогнозію подъ математическія вычисленія, — посмотримъ, удастся ли ему это трудное предпріятіе. Онъ предполагаетъ, что подъ твердою оболочкою земли находится жидкая или полужидкая масса, производящая давленіе съ-низу въ-верхъ, и дѣлаетъ вопросъ: какого рода должна она произвести трещины, прорывы или разстланны. Математика, разумѣется, дастъ на это отвѣтъ и опредѣлитъ даже формы; тогда онъ повѣритъ эти выводы съ дѣйствительно-существующими трещинами, — и вотъ первый шагъ.

Что касается до насъ, то источникомъ вѣрныхъ указаній нашихъ геологическихъ успѣховъ служить «Горный Журналъ»; частныхъ изысканій какъ-то не слышно. Брошюрки профессора Куторги едва ли не единственные примѣры частныхъ занятій геогнозіею. Разумѣется, при такой скудости трудовъ, и теоретическія свѣдѣнія наши должны подвигаться весьма-тяжко; говоря языкомъ коммерческимъ, «на нихъ нѣтъ спроса». Во всякомъ случаѣ мы должны заключить благодарностію г. Соколову за то, что онъ положилъ у насъ первый камень геогностическаго изученія, и наши льтописи геогностической литературы, по всей справедливости, должны будутъ назвать его родоначальникомъ новой династіи геогностическихъ сочиненій.

не дастъ имъ прохода, и въ своей пародіи докажетъ, какъ трудно быть писателемъ-юмористомъ тому, кто усиливается осмѣивать все, а между-тѣмъ становится на колѣни передъ своимъ жалкимъ авторскимъ самолюбіемъ и рабобгвствууетъ своей несчастной страсти сочинять повѣсти и рассказы. Слѣдующая фраза не уколетъ ли прямо въ глазъ всякаго литератора, имѣющаго притязаніе на юмористическое остроуміе:

«Но что значить золото тамъ, гдѣ не скупятся на слезу серебряную изъ очей голубыхъ и невинныхъ, какъ небо, или черныхъ и сладострастныхъ, какъ небо Италіи;—я бы сказалъ «глазъ», а не «очей», если бъ говорилъ о мужчинахъ (?); къ тому же у мужчинъ вѣтъ ни серебряныхъ, ни даже оловянныхъ слезъ на ихъ безчувственныхъ зрачкахъ: имъ стыдно, нещипливо плакать. Это народъ «твердый», безслезный, безсострадательный. Пусть говорятъ, что Ева виновница бѣдствій рода человѣческаго; отъ Адамовъ я также не вижу большаго добра.»

Вы вздумаете подражать Гоголю, описывать подробности кабинета и скотнато двора, чиновничьяго костюма и мебели въ гостиной степнаго помѣщика, будете выводить каррикатуры, а г. Брантъ вамъ скажетъ:

«За Гоголемъ потянулась цѣлая стая подражателей, которые, желая смѣшнить, достигаютъ цѣли на свой счетъ—смѣшны сами, скучны и приторны. . . »

А что они дѣйствительно смѣшны, скучны и приторны, г. авторъ «Воспоминаній» подтверждаетъ практически въ своей пародіи, представивъ, на-примѣръ, слѣдующее описаніе à la Гоголь:

«Въ гостиной г. Скорлупежки виситъ большое зеркало, не много косо, т. е. само то по себѣ оно прямо, а кто поглядится въ него, проше не прогнѣваться, лѣстить не намѣрено—не такъ какъ портретные живописцы! За то диванъ, поставленный противъ этого фальшиваго зеркала, не имѣетъ никакого отразительнаго достоинства, кромѣ развѣ того, что сидящимъ на немъ представляется, будто они катятся, вмѣстѣ съ диваномъ, по какому-то откосу—но въ этомъ виновато зеркало... Не скрою однакожь, что у дивана спинка иногда отваливается: надобно сидѣть на немъ прямо, и прямо, независимо отъ того, какъ показываетъ зеркало. Но какъ хороша китайскій бильярдъ, красующійся въ углу гостиной.—Матвей Матвѣевичъ большой искусникъ гонять шары между шпилекъ, но во «сто» попадаетъ рѣдко; чаще всего въ среднюю лузу, черезъ колокольчикъ, и такимъ образомъ въ два удара кончаетъ партію—наматася—въ эту игру никого не принимаютъ въ долю: что, дискать, за охота вытравывать, одерживать побѣду по поламъ.»

Именно так и пишут скучные, смѣшные, приторные подражатели Гоголя: г. Брантъ чрезвычайно-удачно примѣнялся къ ихъ слогу.

Есть другіе писатели, которымъ нравится живой, нарядный, трескучій, напыщенный слогъ Марлинскаго: они станутъ подражать ему, а г. Брантъ убѣдитъ ихъ въ безсмысли подражать сему прославленному романвсту, и въ доказательство, что ихъ попытки неудачны, представитъ разговоръ, который онъ помѣстилъ на 9-й страницѣ 1-й части своихъ «Воспоминаній».

— Господа, сказалъ офицеръ, мнѣ кажется нашъ Милингъ тужитъ о томъ, что онъ не родился Наполеономъ.

«Я бы сожалѣлъ, если бы родился тамъ четвероногомъ, которое ставится въ примѣръ мудрости!» перебилъ запальчиво Милингъ, вставъ и подходя къ офицеру.

— Но, Милингъ, ты долженъ разсказать намъ про свои любовныя похождения!

«Только, сдѣлай милость, не замети съ ними на луну!» началъ опять неугомонный офицеръ: «я терпѣть не могу rendez-vous при звездахъ.»

— Не потому ли, что звезда твоя вѣчно на закатѣ — возразилъ съ колкостію молодой человекъ. . .

Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ колко! Теперь нельзя подражать ни Гоголю, ни Марлинскому, ни Бальзаку, ни даже Ежену Сю! Даже слогъ многихъ изъ нашихъ писателей, которые изыскавностію выраженій думаютъ прикрыть свое неумѣнье владѣть языкомъ, даже самый слогъ ихъ осмѣливъ въ «Разсказахъ» г. Бранта. Тамъ вы найдете «гостепріимный самоваръ, разныривающій на ломберномъ столѣ своеправныя, дикія фантазическія забавности, льющіяся разноцвѣтною струею»; «остроты, притупляющіяся на камень невниманія»; «луну глазъ», «состояніе, бросающее на майора подобострастную тѣнь»; «четверовогое усердіе коней» и многое тому подобное.

Кой-какіе изъ нашихъ пріятелей, читавшіе «Воспоминанія и Очерки», увѣряли насъ, что это нисколько не пародія, а просто «Разсказы», какъ и всякіе другіе «Разсказы», безпрестанно появляющіеся въ обѣихъ нашихъ столицахъ, и что авторъ написалъ ихъ, не имѣя въ виду никакой сатирической цѣли. Мы этому не вѣримъ, и конечно г. Леопольдъ Брантъ этого не думаетъ, и не станетъ добровольно въ длинный рядъ тѣхъ русскихъ романистовъ, надъ которыми онъ подшутилъ такъ язвительно. Нѣтъ, это пародія! . . .

287) Стихотворения *Алекса́я Леонова. Харькове. Въ Губернской тип. 1839. Въ 8-ю д. л. 111 стр.*

Звонъ лирныхъ струнъ долетаетъ до избалованныхъ петербургскихъ ушей изъ отдаленнаго Харькова и призываетъ къ благогоушному вниманію. Очень-интересно; послушаемъ. . .

О чемъ поеть г. Леоновъ и какъ поеть? О чемъ? какъ, о чемъ? обо всемъ, о чемъ придется. Ну, а больше о чемъ? Г. Леоновъ поеть о своей грусти, о *ней*, о своемъ одиночествѣ; больше же всего онъ поеть о Черкесахъ и Казакахъ. Вотъ фактъ для будущихъ историковъ поэзіи: г. Леоновъ поеть харьковскій—этимъ они могутъ объяснить его предилекцію къ Казакамъ.

Какъ онъ поеть? это другой вопросъ. Иногда теноромъ, иногда басомъ, а иногда дишкантомъ. Методы пѣвья определенной нѣтъ у него; иногда онъ пускается,—что въ-прочемъ очень-рѣдко,—въ итальянскія рулады, иногда заливается съ присвистомъ по-русски, иногда тянетъ по-малороссійски, большею же частію пускается въ какой-то отрывистый тонъ.

Но, сознавая хорошо долгъ рецензента, для котораго правда должна быть выше всего, мы скажемъ въ-заключеніе, что г. Леоновъ не лишень дара владѣть стихомъ: иногда стихъ у него боекъ и хорошъ, на-примѣръ въ пьескѣ «Черкесь»; иногда даже замѣтны искорки неподдѣльнаго чувства; иногда сказывается человеческое сердце, на-примѣръ въ сонетѣ, означенномъ цифрою XIV. Но тѣмъ прискорбиѣ намъ видѣть человѣка съ душою и чувствомъ въ пагубномъ заблужденіи, въ унижительныхъ оковахъ претензіи. Дай Богъ ему скорѣе освободиться отъ этой претензіи! . . Пусть онъ не сердится на насъ за нашъ отзывъ. Скажите, почему мы отличили его отъ множества другихъ пѣвцовъ, что заставило насъ быть строгими къ нему? Всѣмъ людямъ съ душою и чувствомъ, но непризванными быть поэтами и однако жъ несвободными отъ претензіи на творчество, мы будемъ всегда указывать на превосходное стихотвореніе г. Лермонтова, напечатанное въ IV N°. нашего журнала подъ названіемъ «Нѣмърь себя»:

То кровь кипеть, то сльзь избытокъ.
Скорѣе жизнь въ заботахъ истоци,
Разлей отравленный напитокъ. . .

288) Глянуса. *Рассказъ Грыцька Основьяненки. Харьков. Въ Университетской тип. 1839. Въ 16-ю д. л. 261 стр.*

Часто смотришь на ландшафтъ художника, смотришь долго, и не можешь отвести отъ него глазъ. А, кажется, въ немъ все такъ просто: какое-нибудь дерево, ручей, въ-дали поле сливается чистымъ небомъ, на небъ два-три облачка — и только. Но это дерево будто шевелить передъ вами зелеными листочками, манить васъ подъ скромную тѣнь свою; ручей, кажется, шумитъ теплыми струйками; поле и небо залиты теплымъ свѣтомъ солнца, и облака такъ и отдвѣляются отъ этого неба, такъ легко несутся, Богъ - вѣсть куда, въ неизмѣримомъ пространствѣ. . . Словомъ, въ картинѣ отразилась природа, неисчерпаемая, разнообразная природа; художникъ списалъ изъ ея дивной книги нѣсколько строкъ, показалъ намъ, и мы не налюбумся трудомъ его. — Подобныя мысли всегда приходятъ въ голову, когда читаешь сочиненія Грыцька Основьяненки. Два-три лица изъ простаго быта Украинцевъ, — лица, вовсе-незанимательныя ни по своему подоженію въ обществѣ, ни по сложной интригѣ, въ которую замѣшаны, ни по претензіямъ на высшій уровень, подъ перомъ талантливаго Основьяненка сильно увлекаютъ ваше вниманіе, заставляютъ сочувствовать себѣ, незамѣтно заставляютъ васъ забытья, и читательница мысленно переносится изъ своего великолѣпнаго будуара въ бѣдную хижину *Маруси*, и отъ души плачетъ надъ нею; щеголь въ желтыхъ перчаткахъ, съ Невскаго Проспекта посѣщаетъ бѣдную школу дѣлчка въ селеніи папа Халывскаго и непритворно хохочетъ съ шумною толпою школьничковъ. Тутъ отношенія забываются: является человекъ, и мы сочувствуемъ его печалимъ и радостямъ. Основьяненко понялъ природу и копируетъ ее какъ отличный живописецъ. Спасибо ему, большое спасибо! Мы отъ души смѣялись надъ тѣми авторами, которые непременно обязались поставили выводить въ своихъ сочиненіяхъ лица, выше себя и по уму, и по состоянію въ свѣтъ. Отъ-этого выходили тысячи ошибокъ, несообразностей: графы, князья, художники ихъ мыслили какъ-то странно, дико, иногда даже неслѣпо, ихъ нарѣчіе отзывалось нарѣчіемъ лакеевъ, цѣловальничковъ и героевъ толкучаго рышка; порядочные люди пожимали плечами, видя такую небылицу въ лицахъ, а между-тѣмъ авторы кричали, шумѣли на-просторъ, хвалили своихъ *дураковъ* и *дуричекъ*,

ки, — быть, таинственное, въ которомъ живетъ суевѣріе, холодно и мертво: оно подавляетъ и душитъ, потому-что въ немъ отрицается всякая разумность, всякій смыслъ; здѣсь духъ падаетъ въ уничтоженіи, трепещущій и безсильный, заключенный рабствомъ въ оковахъ, и лежитъ у ногъ ирраціонаго, деспотическаго, непроницаемаго произвола. Суевѣріе относится къ мистикѣ, какъ слѣпота къ магнетическому ясновидѣнію, которое хотя не есть здоровое состояніе, однако знаменуетъ наступленіе здоровья. Суевѣріе не выходитъ изъ тѣсныхъ границъ ежедневнаго міра; оно только старается ступить въ немъ непроницаемый иракъ; мистика, сквозь сумракъ дольняго міра, видитъ далекое мерцаніе духовнаго свѣта... Суевѣріе сближаетъ насильственно самыя разнородныя предметы, уничтожаетъ всѣ законы, придаетъ всему сверхъестественную силу; всѣ дѣйствія и явленія, выходящія изъ него, сухи, мертвы, лишены всякой духовности. Вотъ источникъ всѣхъ нелѣпыхъ предрасудковъ, гаданій, приметей. Человѣкъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, связываетъ свою жизнь, свое предпріятіе съ обстоятельствами, не имѣющими никакой съ ними связи, и связываетъ именно потому-что нѣтъ никакой связи; онъ не выѣзжаетъ никуда въ *лондонъ*, онъ опасается, выходя изъ дома, ступить первый шагъ лѣвою ногою; онъ задрожитъ, если нечаянно просыплетъ соль за столонъ; онъ въ ужасѣ вскочитъ изъ-за стола, если увидитъ, что за нимъ сидятъ тринадцать человѣкъ, и т. д.; онъ же ищетъ, ва-примѣръ, изъ случайнаго смѣшенія картъ предугадывать свою будущую судьбу, или предугадать судьбу какого-нибудь предпріятія изъ того, что случайно откроется и прочтется въ нелѣпой гадательной книжкѣ...

Записавшись, мы чуть-было не забыли, о чемъ должна теперь идти у насъ рѣчь; но слово «Гадательная Книжка» заставило насъ невольно взглянуть на книжницы, лежащія передъ нами, а эти книжницы заставили насъ также невольно отвести въ другую сторону наши оскорбленные взоры. И кто бы не оскорбился, кто бы не отвернулоя, взглянувъ хоть на начальныя листы этихъ приторныхъ въ своей пошлости тетрадей? Намъ стало стыдно, что мы разговаривали по случаю ихъ такъ серьезно... Все, даже и гадательныя книжки, не смотря на уродливостъ своего назначенія, допускають въ некоторую степень изящества: гадательная книжка могла бы быть занимательнымъ

сборником острых словъ, меткихъ изреченій, забавныхъ каламбуровъ; въ ней могло бы быть обширное поприще для веселой болтовни, для способности острить, которую, замѣтивъ мимоходомъ, у насъ очень-неловко сшибиваютъ съ остроуміемъ, другою, гораздо-вышею способностію. . . А эти книжонки. . . Но замолчимъ лучше о нихъ...

295) *Новѣйшій и самый полный Астрономическій Телескопъ, самооткрѣпшій, общій и подробный астрономическій, астрологическій, физическій, діатическій и экономическій наставникъ для городскихъ и сельскихъ жителей, съ предсказательными календаремъ на 336 лѣтъ. Раздѣленный (2) на десять частей. Со многими гравированными рисунками. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1839. Въ 12-ю д. л. 482 стр.*

Не успѣли мы отдѣлаться отъ двухъ уродливыхъ гадательныхъ книжонкъ, какъ уже намъ приноситъ новое диво. . . Въ-прочемъ, эта книга, не смотря на свое пошлое содержаніе, — гениальное твореніе въ-сравненіи съ уродливыми нещадными типографіей Кириллова и Смирнова. Въ ней есть кое-что довольно-сносное, такъ-что можно прочесть безъ отвращенія. Но что за дикая смѣсь въ содержаніи! Послѣ краткихъ опредѣленій, бесполезныхъ, лишенныхъ всякаго интереса, но безбазисленныхъ и удобочитаемыхъ, опредѣленій астрономическихъ, космографическихъ, метеорологическихъ и проч., вдругъ начинается такое, что и сказать нельзя. Что за нелѣпости, что за чудяща глѣздается въ ущельяхъ этой книжицы! На-примѣръ, «Брюсовъ планетникъ», «Таблица славнаго Тихобраге» и «Предсказанія 106-ти лѣтняго старца Мартына Задеки» . . . Что за нелѣпости разсыяны здѣсь! Чтобы узнать всю жизнь вашу, всѣ подробности, всѣ обстоятельства, всѣ, даже самые мелкіе случаи, которые могутъ съ вами произойти, вамъ стоить только заглянуть въ «Брюсовъ Планетникъ», найти мѣсяцъ, въ которомъ вы родились, и читать. На-примѣръ: «Родившійся между 15 сентября и 15 октября бываетъ частію флегматикъ, мужественнаго нрава, имѣетъ великій лобъ и широкія брови, лицомъ недурень, довольно уменъ и имѣетъ знакъ на лицѣ, на рукѣ или на груди. Въ молодости великій охотникъ до женщинъ, и проч. и проч. Въ сентябрѣ всѣ дѣла его благополучны. Въ октябрѣ

никакой силы. Следовательно, ваше раздѣленіе всѣхъ наукъ на эмпирическія, теоретическія и практическія не только-что не исчерпываетъ всей сферы дѣленія, но даже и не касается до собственнаго предмета. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что «теоретическій» и «эмпирическій» не суть корреляты: теорія относится къ эмпирической дѣятельности ума. Что такое теорія? Теорія есть не что иное, какъ соединеніе гипотезъ, принимаемыхъ потому только, что онѣ подтверждаются единичными случаями, опытами. Эмпирія не можетъ быть источникомъ духовнаго знанія, знанія въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣющаго своею формою разумъ, содержаніемъ истину; въ эмпириі все зависитъ отъ единичнаго случая; безъ подтвержденія единичнаго случая все имѣетъ видъ только одной догадки, между-тѣмъ, какъ существо разума есть общее, законъ.

Съ словомъ «теоретическій» соединяется еще другое значеніе, и въ этомъ значеніи коррелятивно противоположаютъ его «практическому». Въ этомъ новомъ смыслѣ подъ теоретическою дѣятельностію разумѣютъ дѣятельность внутреннюю созерцательную или мыслительную; подъ практическою—дѣятельность, обнаруживающуюся во вѣншемъ проявленіи, и подъ практическимъ вообще все, что можетъ быть примѣнено къ вѣншему проявленію жизни. Но будемъ слѣдить далѣе за авторомъ.

Авторъ видитъ въ статистикѣ эмпирическій и теоретическій элементы; въ политической же экономіи элементы теоретическій и практическій. Статистика, отличаясь отъ политической экономіи элементомъ эмпирическимъ, политическая экономія, отличаясь отъ статистики элементомъ практическимъ, обѣ имѣютъ элементъ теоретическій, и, следовательно, по этому элементу, предполагага равенство ихъ по предмету, равны одна другой. Но такъ-какъ политическая экономія не заключаетъ въ себя элемента эмпирическаго, то она необходимо должна вся подчиниться статистикѣ, тождественной съ нею по предмету, и имѣющей въ себя эмпирическій элементъ, изъ котораго какъ та, такъ и другая должны черпать жизненные соки и безъ котораго онѣ не могутъ совершенствоваться и развиваться.

Къ-чему все это? За-чѣмъ тормошить бѣдную статистику? за-чѣмъ вытаскивать ее изъ ея укромнаго уголка? Право, она не хочетъ ничего, что вы хотите надовать ей; ей лучше такъ, какъ она есть, какъ она была, какъ она не можетъ не быть.

Что такое статистика? Самое слово *statistica* показывает ее значение. Мы согласны съ Шубертомъ, что это есть слово прилагательное, варварски-составленное изъ варварскаго слова *status* (мы разумемъ въ его позднѣйшемъ значеніи, значеніи государства, неизвѣстномъ древнимъ). Но намъ кажется, что слово *statistica* не есть женскій родъ единственнаго числа, а средній родъ множественнаго числа и что оно употребляется не съ опущеніемъ слова *ars*, а въ смыслѣ: *optima, quae ad statum pertinent*, точно такъ же, какъ, на-примѣръ, греческое *Τα ἔλλαττοχα*. Это смыслъ свидѣній о государствѣ. Но въ какомъ смыслѣ должно принимать здѣсь эти свидѣнія о государствѣ?

Безъ-сомнѣнія, всѣмъ политическимъ и преимущественно торговымъ народамъ извѣстны были статистическія таблицы. У народовъ классической древности мы замѣчаемъ это очевидно; у насъ-были даже довольно систематическіе сборники статистическихъ таблицъ, точно такъ же, какъ и въ среднихъ вѣкахъ, преимущественно у Венеціанъ. Въ этихъ таблицахъ заключались летучія свидѣнія о различныхъ отрасляхъ государства въ извѣстномъ моментѣ, о различныхъ направленіяхъ государственной дѣятельности и общегіи такъ же въ извѣстномъ моментѣ. Сюда входили свидѣнія о числѣ жителей, объ отношеніяхъ состояній, о естественныхъ продуктахъ, о продуктахъ мануфактурной дѣятельности. Естественно, что подъ этими свидѣніями, на-примѣръ, о торговлѣ и промышленности, должно разумѣть не общія разсужденія о нихъ, а о различныхъ частностяхъ, объемлемыхъ ихъ сферою, на-примѣръ о числѣ товаровъ, отпущенныхъ тогда-то, туда-то и проч.

Въ XVIII столѣтіи гёттингенскій профессоръ Ахенваль первый окончательно далъ правильную форму безобразной массѣ этихъ свидѣній: онъ составилъ какъ-бы рамки, въ которыя вкладывалъ различныя статистическія статьи для-того, чтобы удобнѣе пользоваться ими и не теряться въ беспорядкѣ. Эти рамки названы были имъ статистикою и дошли съ нѣкоторыми измѣненіями и съ этимъ же-самымъ именемъ до насъ.

Если не можетъ быть науки (принимая это слово въ томъ смыслѣ, какъ выше объяснено) о предметѣ единичномъ, если наука можетъ жить только въ элементѣ общаго, — въ чемъ смѣшно было-бы сомнѣваться, — то статистика не есть наука и не можетъ быть наукою, и хотя иногда мы и сами ставимъ

передъ ней это названіе, однако принимаетъ его только въ переносномъ смыслѣ—въ смыслѣ «знанія систематическаго»—не болѣе. Статистика—это сборникъ свѣдѣній, приведенный въ болѣе или менѣе систематическій порядокъ. Система сія условливается не внутреннимъ развитіемъ содержанія, а извнѣ прилагается къ содержанію; эта система есть не что иное, какъ ярлычки—№ 1, 2 и т. д., наклеиваемые на предметы по ихъ внѣшнимъ соотношеніямъ.

Что же касается до политической экономіи, то она безспорно есть наука, потому-что въ ней все дѣло заключается въ общихъ законахъ. Но и она не болѣе, какъ наука эмпирическая, ибо въ ней эти общіе законы суть или опыты, извлекаемые изъ единичныхъ случаевъ, или гипотезы, подтверждаемыя единичными случаями. Статистика къ политической экономіи и къ другимъ наукамъ, касающимся до государства, относится какъ сборникъ матеріаловъ, какъ запасный магазинъ единичностей.

Точно такъ историческіе источники, лѣтописи, сказанія, акты, документы, эти же самые статистическіе матеріалы относятся къ прагматической исторіи; и точно такъ же, какъ прагматическая (или рефлектирующая) исторія относится къ философской исторіи, политическая экономія относится къ философской наукѣ государствовѣднія, объемлемой, вмѣстѣ съ философіею исторіи, философіею объективнаго духа вообще.

И вотъ почему мы скажемъ, что напрасно авторъ ожидаетъ для статистики Гердеровъ и Гегелей...

Но, не смотря на развогласіе наше въ мнѣніяхъ съ авторомъ, мы отдаемъ полную справедливость его добросовѣстному труду. Будучи обязаны читать всякій вздоръ и неязности, наводняющіе нашу литературу, мы обрадовались встрѣтѣ наконецъ книгу, написанную въ интересъ науки. Намъ понравилось и изложеніе ея, отчетливое, хотя мѣстами тяжелое и кое-гдѣ вестрѣющее словами странно-составленными, или странно-употребленными, какъ на-примѣръ «упародить», «скрыть по-прище» и проч. Отъ всей души желаемъ автору успѣха на избранномъ имъ поприщѣ, и искренно сочувствуемъ ему, если онъ любитъ статистику, обрабатывать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ и въ какомъ она не можетъ не существовать.

Его добросовѣстная дѣятельность можетъ принести прекрасные плоды.

299) Государственная Высшая Торговля 1838 года въ разныхъ ея видахъ. С.-П. бурев. Въ тип. Деп. Высшей Торговли. 1839. Въ 4-ю д. л. 125 стр.

«Виды Высшей Торговли Россіи», начавшіе издаваться отъ министерства финансовъ, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, съ 1824 года, принесли и приносятъ важную пользу въ государственномъ и частномъ отношеніяхъ: они знакомятъ наблюдателя съ состояніемъ и ходомъ нашей торговли, указываютъ пути въ промышленныхъ предпріятіяхъ и служатъ къ множеству другихъ полезныхъ соображеній. При выходѣ въ свѣтъ нынѣшней, четырнадцатой тетради сихъ «Видовъ», изданной подъ вышеприведеннымъ названіемъ, мы извлекаемъ изъ нея въ «Современную Хронику Россіи» этой книжки «Отеч. Записокъ» нѣсколько замѣчаній относительно высшей торговли Россіи, полагая, что наши замѣчанія будутъ любопытны для читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ этою важною отраслю государственной жизни нашего отечества.

300) Пантеонъ знаменитыхъ Современниковъ послѣднлаго Шестидесятилѣтія, съ ихъ портретами, издаваемый Ф. Фудоромъ Веймаромъ. X. XI. XII. С.-П. бурев. Въ тип. И. Глазунова и Ко. 1839. Въ 4-ю д. л. 29 стр.

Предпріятіе г. Веймара, о которомъ мы имѣли уже случай говорить читателямъ въ 4-й книжкѣ нашего журнала, улучшается съ каждою новою тетрадю: это улучшение особенно замѣтно въ-отношеніи къ полнотѣ и занимательности биографическихъ статей о тѣхъ лицахъ, которыхъ портреты находятся въ тетради. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ вышла четвертая тетрадь «Пантеона», и, если не ошибаемся, ею оканчивается первый томъ изданія, который такимъ-образомъ содержитъ въ себѣ двѣнадцать портретовъ и столько же биографій. Въ первыхъ трехъ тетрадяхъ помѣщены портреты и биографіи Императора Александра-Перваго, Наполеона, Фридриха-Великаго, Махмуда II-го, графа Каподистрини, Блюхера, принца Евгенія Богарне, Талейрана и генерала Моро; въ нынѣ-вышедшей: князя Кутузова-Смоленскаго, графа Васильева (перваго министра финансовъ въ Россіи) и герцога Веллингтона. Все

учителемъ, самъ Карамзинъ не считалъ себя въ-правѣ приказывать другимъ писать такъ, какъ ему хочется, и осыпать насмѣшками тѣхъ, кто писалъ не по его системѣ, — да то былъ Карамзинъ!... Больно и горько смотреть на ту непостижимую смѣлость, съ какою у насъ такъ-называемые литераторы, ничѣмъ недоказавшіе правъ своихъ на это высокое званіе, хоть, можетъ-быть, и напечатавшіе десятки томовъ разнаго вздора своего сочиненія, помыкаютъ нашимъ прекраснымъ, часто даже и не роднымъ имъ языкомъ, да еще присвоиваютъ себѣ право смѣяться надъ другими, непризнающими въ ихъ кивжонкахъ пималѣйшей заслуги... Скоро ли прійдетъ это состояние нашей литературы!..

Читатели отдадутъ намъ справедливостьъ томъ, что мы никогда не осмѣливались присвоивать себѣ права подобнаго диктаторства въ теоріи нашего языка; мы считаемъ языкъ святынею, принадлежащею цѣлому народу, и никогда не позволяемъ себѣ съ дерзостію приказывать то и другое публикѣ. Мы, правда, имѣемъ свою систему правописанія, въ истинѣ которой убѣждены, — и, слѣдственно, пишемъ по этой системѣ. Изложеніе ея въ статьѣ журнальной показалось бы сухо и скучно для читателей: это дѣло не журнальное, и потому мы подождемъ до времени обнаруживать эту систему во всѣхъ ея подробностяхъ. Читающіе нашъ журналъ могутъ сами увидѣть ее довольно-ясно на-самомъ-дѣлѣ, и убѣждаться или не убѣждаться въ истинѣ ея — какъ имъ угодно. Мы думаемъ, что пока грамматика нашего языка бродитъ еще во тьмѣ, пока не выяснены у насъ въ подробности и не приведены въ систему правила языка, пока эта система не признана еще всѣми, — но этого можно ожидать только какъ плода соединенныхъ *усилій* цѣлага ученаго общества, академій, а не частнаго лица, — до-тѣхъ-поръ всякій можетъ поступать относительно правописанія по собственному убѣжденію, даже мѣнять собственную систему нѣсколько разъ, смотря по этому убѣжденію, разумѣется, болѣе или менѣе истинному, болѣе или менѣе ложному, но всегда заслуживающему уваженіе, какъ дѣло совѣсти и какъ лишній голосъ въ общемъ дѣлѣ, которое рѣшается не иначе, какъ большинствомъ голосовъ. Даже чѣмъ больше будетъ такихъ пововеденій, основанныхъ на извѣстной мысли, на извѣстномъ грамматическомъ началѣ, тѣмъ лучше, — тѣмъ скорѣе можно

будетъ подойти къ истинѣ, т. е. къ полной системѣ. Да и кому и чему мѣшаетъ эта разность правописанія? Она нисколько не измѣняетъ ни внутренняго достоинства сочиненія, ни слога, не вредитъ ни изяществу, ни убѣжденію: потому-то мы и говоримъ, что не считаемъ ее очень-важною, когда дѣло идетъ о литературномъ достоинствѣ сочиненія—книги, журнала, брошюры. Руководствуясь этою терпимостію, мы не позволяли себѣ и никогда не позволимъ никакой насмѣшки надъ разбираемымъ сочиненіемъ, написаннымъ *не по нашей системѣ*. Читатели видѣли сему опытъ въ-продолженіе почти-годоваго изданія «Отечественныхъ Записокъ»: цѣлыя сотни книгъ, писанныхъ не по нашему правописанію, рассмотрѣны нами—и ни одно замѣчаніе не вырвалось у насъ относительно ихъ правописанія. Мы ни къ кому не навязываемся съ своею системою: убѣжденъ кто въ истинѣ ея—хорошо, не убѣжденъ—пусть пишетъ по своей, мы слова не скажемъ, ибо, опять-таки, не считаемъ этого дѣла важнымъ для успѣховъ литературы. Вообще гораздо забавнѣе тѣ, которые вступаются за старыя формы правописанія, нежели тѣ, которые не хотятъ имъ слѣдовать. И не уже ли думаютъ господа, находящіе какое-то удовольствіе въ подсмѣиваніи не на мѣстѣ поставленной буквы или запятой, что мы не сумѣли бы найди въ ихъ право-или-кривописаніи такихъ забавныхъ ошибокъ, надъ которыми можно было бы вдоволь насмѣяться? Право, еслибъ мы захотѣли, то могли бы сколько угодно потѣшиться надъ ними; но мы никогда не спустимся до этого вѣдорнаго занятія и не подаримъ ему ни минуты своего времени. Мы, на-примѣръ, пропустили безъ всякихъ замѣчаній презабавную выходку одного ревностнаго защитника всяческой старины, который даже напечаталъ, что прилагательныя отъ словъ «Петербургъ», «Кременчугъ», «Бугъ» *должны* дѣйствительно писаться «петербургскій», «кремичужскій», «бужскій», но что не *должно* такъ писать, *потому-то мы уже привыкли писать* «бугскій», «кремичугскій», и потому-то измѣненія *е* на *ж* видно не терпятъ русское ухо... Извольте теперь справиться съ ушамъ, когда рѣчь коснется до правописанія: вся система правописанія въ ухъ... Напрасно, однако, г. адвокатъ стариннаго правописанія не приложилъ *мръж* этихъ ушей, съ которыми надобно справиться, если хочешь писать правильно: тогда фраза его, можетъ-быть, сдѣлалась бы

яспіе... Итъ, мм. гг., мы готовы писать не только «петербургскій» но «питербурхскій», или «пѣтербургискій», даже «петербурскій», когда намъ докажутъ правильность этого писанія; до тѣхъ же поръ, пока не будутъ писать «риескій» «архипелагскій», «онѣскій» и пр., мы не можемъ съ вами согласиться и, вѣрные своему убѣжденію, будемъ писать по-своему, все-таки не налагая на васъ ни малѣйшей обязанности слѣдовать есму правописанію и не преставаая удивляться охоть вашей спорить и толковать о такой бездѣлицѣ, отъ которой русской литературѣ, право, ни тепло, ни холодно...

Однако мы слишкомъ уже распространились объ этомъ *важно*мъ дѣлѣ в позабыли книжечку, подавшую поводъ къ сей статьѣ. Книжечка эта—«Правила Русскаго Правописанія»— вещь нисколько не новая; въ ней та же темная вода во облацѣхъ, какаа и во всѣхъ нашихъ «Правописаніяхъ»; въ ней повторяется то же, что было повторено уже тысячи разъ прежде. Тутъ точно также *точка съ запятой* употребляется когда рѣчь, относящаяся къ одному предмету, состоитъ изъ *нѣсколькихъ частей довольно многословныхъ или уже раздѣленныхъ запятыми* (стр. 36), а двоеточіе—*между половинами такой рѣчи (періода), въ которой самыя половины сін состоятъ изъ частей, раздѣляемыхъ точкой съ запятой* (стр. 37)... Извольте пошмать какъ умѣете! Объяснять же этого мы швакъ не возьмемся.

304) *Нѣмецко-Русскій Словарь техническихъ Терминовъ, названій и выраженій, употребляемыхъ въ минералогіи, кристаллографіи, геологіи, есоенозіи, петролатогенозіи, конхиліологіи, горнолѣ искусствѣ, горной механикѣ, солянолѣ дѣлѣ, заводской механикѣ, монетнолѣ дѣлѣ, пробирнолѣ искусствѣ, химіи и физикѣ, составленный, по повѣщанію полковника Петра, В. Еремѣевымъ. С.-П. бургъ. 1839. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 8-10 д. л. 476 стр.*

Нельзя не сознаться, что пособія, какими мы владѣемъ для изученія языковъ иностранныхъ, и въ особенности нѣмецкаго, весьма-недостаточны. У насъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь годной нѣмецкой грамматики, кромѣ развѣ шумахеровой, составленной въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и уже непохожей

на учебникъ вышедшаго нѣмецкаго языка; нѣтъ даже ни одного словаря, подобнаго, на-примѣръ, французскому лексикону Татищева и миньютюрному сокращенію его — словарю Ольдекопа; лексиконъ Аделунга устарѣлъ и исчезъ, шмидтовъ словарь въ своемъ родѣ гораздо-хуже ольдекопова, а лучший изъ всѣхъ, «Словарь г. Рейфа», по разнымъ причинамъ не можетъ быть употребляемъ при первоначальномъ обученіи. Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы должны радостно приветствовать каждую попытку въ этомъ родѣ и, не обращая вниманія на недостатки и несовершенства, радоваться тому, что сдѣлано по-крайней-мѣрѣ хоть что-нибудь. Въ-слѣдствіе этого мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей о выходѣ въ свѣтъ «Нѣмецко - Русскаго Словаря техническихъ терминовъ, названій и выраженій», издавнаго г. Еремѣевымъ. — Конечно, «Словарь» г. Еремѣева не есть словарь общій, для всего языка, не есть и словарь обще-техническій, то-есть для всѣхъ выраженій техническихъ, употребляемыхъ по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ, ремеслъ и т. п., а только приспособленный къ объясненію терминовъ по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, входящихъ въ составъ знаній, которыя необходимы для посвящающихъ себя службъ по горной части; но тѣмъ не менѣе мы должны быть искренно благодарны г. Еремѣеву за его изданіе. — Намъ должно переходить отъ частнаго къ общему, иначе мы не подвинемся впередъ въ лексикографіи. Гдѣ найдете вы человека, который бы былъ столько свѣдуущъ, что могъ бы составить *полный* словарь, заключающій въ себѣ *все* слова, хоть, на-примѣръ, русскаго языка? Пусть же каждый ученый преподаватель займется составленіемъ словаря, который содержалъ бы въ себѣ объясненіе всѣхъ терминовъ, употребительныхъ въ какой-нибудь наукѣ или отдѣльной части ея, и — тогда уже легко будетъ составить полный, общій словарь, который будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Примѣръ, поданный въ семъ отношеніи г. Еремѣевымъ, прекрасенъ; дай Богъ, чтобы нашлось побольше поощрителей ему по части другихъ наукъ! Тогда мы можемъ, по-крайней-мѣрѣ, питать надежду, что увидимъ когда-нибудь хорошій лексиконъ. При этомъ случаѣ, мы не можемъ не обратиться опять къ словарю Ричардсона, о которомъ такъ подробно говорили въ 8-й книжкѣ нашего журнала въ обо-

зрѣніи англійской литературы. Этотъ лексиконъ рекомендуетъ, какъ образецъ, всякому, кто хоть сколько-нибудь любитъ лексикографію и ей хочетъ посвятить труды свои.

«Нѣмецко-Русскій Словарь техническихъ терминовъ, названій и выраженій» г. Еремѣева содержитъ въ себѣ полную и подробную номенклатуру словъ, употребляемыхъ въ минералогіи, кристаллографіи, геологіи, геогнозін, петроматогнозін, конхилологіи, горномъ искусствѣ, горной механикѣ, солянномъ дѣлѣ, металлургіи и заводскомъ дѣлѣ, заводской механикѣ, монетномъ дѣлѣ, пробирномъ искусствѣ, химіи и физикѣ. Всѣхъ словъ около 14,000; по этому можно судить, какой богатый запасъ словъ по другимъ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и проч. таитсѣ еще въ неизвѣстности, или составляетъ удѣлъ только немногихъ.

Г. Еремѣевъ предпочелъ въ своемъ «Словарѣ» нѣмецкій языкъ всѣмъ прочимъ и, кажется, поступилъ очень-благо разумно, потому-что большая часть ученыхъ книгъ по части горныхъ и естественныхъ наукъ вообще писана на нѣмецкомъ языкѣ, который, кромѣ того, какъ извѣстно, чрезвычайно-богатъ техническими терминами. Изложеніе и толкованіе словъ весьма-удовлетворительно. Вотъ нѣсколько словъ для примѣра:

Boles. Огнища, употреблявшіяся въ прежнія времена въ Великобританіи для проплавки свинцовыхъ рудъ; ихъ устроивали на вершинахъ либо на сѣверныхъ отклонкахъ высокихъ холмовъ, на открытомъ воздухѣ. Огнища состояло изъ дровянаго костра, окруженаго низкою стѣною изъ неплотно-складенныхъ камней, а иногда и самый костеръ складывался на каменной подставкѣ; вѣтеръ замѣнялъ мѣховое дутье.

Bremmschuhe. Жомы или обхваты у водянаго ворота (вырѣзанные по окружности водоподъемнаго колеса деревянные брусля, прикрепленные къ подвижнымъ стойкамъ и служащіе для останавливанія его дѣйствія).

Camphen. Камфенъ (особенное соединеніе водорода съ углеродомъ, которое составляетъ, по-видимому, основаніе многихъ органическихъ составовъ и особливо скипидарнаго, копанянаго и можжевельнаго маселъ), и т. д.

Надобно еще замѣтить, что, для большей ясности и избѣжанія сбивчивости, издатель присовокупляетъ къ каждому слову замѣчаніе, къ какой отрасли наукъ оно принадлежить — къ физикѣ ли, къ химіи ли, горному ли дѣлу, и т. п. Вообще,

во всей книгѣ видна особенная отчетливость изложенія, точность и опредѣлительность въ выраженіи, полнота и правильность объясненія.

Намъ остается только благодарить г. Еремѣева за его прекрасный трудъ и еще разъ пожелать, чтобы нашлось побольше людей, которые, движимые любовью къ наукѣ и просвѣщенію, посвятили свободное время на составленіе подобныхъ частныхъ словарей для разныхъ отраслей наукъ, искусствъ, ремеселъ, и вообще всѣхъ техническихъ выраженій, которыхъ недостатокъ чрезвычайно-ощутителенъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

305) Военная Библиотека. *Съ Высочайшаго соизволенія посвященная русской арміи. Изд. И. И. Глазуновымъ. 1839. Томъ IV. Въ 8-ю д. л. 472 стр.*

Четвертый томъ русской «Военной Библиотеки» заключаетъ въ себѣ переводы сочиненій: 1) *Военное искусство*, Маккиавелли; 2) *Густавъ Адольфъ*, извлеченіе изъ сочиненія г. Лоссау: «*Ideale der Kriegsführung*».

Сочиненіе Маккиавелли любопытно и поучительно во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ матеріалъ для исторіи военнаго искусства, современнаго автору (начала XVI столѣтія); во-вторыхъ, какъ разсужденіе о военномъ дѣлѣ, написанное государственнымъ человѣкомъ и однимъ изъ славнѣйшихъ писателей. Если прибавимъ къ тому, что Маккиавелли опередилъ своихъ современниковъ и предугадалъ многія изъ улучшеній въ военномъ дѣлѣ, совершенныя въ дѣйствительности тремя вѣками позже, то не оставимъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ достоинства книги, пылъ въ первый разъ являющейся въ русскомъ переводѣ. Содержаніе ея заключается въ изложеніи средствъ для образованія благоустроенной арміи, боевыхъ и походныхъ построеній, различныхъ эволюцій, дѣйствія въ бою, устройства крѣпостей и расположенія лагерей. Не всѣ мысли автора одинаковаго достоинства: многія изъ нихъ изложены подъ вліяніемъ ошибочныхъ понятій о военномъ дѣлѣ современной ему эпохи. Это заставило переводчика пояснить нѣкоторыя мѣста книги собственными замѣчаніями. Слогъ перевода очень-хорошъ; здѣсь уже не встрѣтите тѣхъ рогатыхъ, нерусскихъ фразъ, которыми пестрѣли первыя части «Воси-

ной Библиотеки, и за это издатель долженъ быть обязанъ переводчику сочиненія Маккиавелли, г. Богдановичу. — Замѣчательно, что на заглавномъ листѣ этой книжки «Военной Библиотеки» не сказано, что она издается подъ руководствомъ барона Н. В. Медема и О. И. Сенковского. Стало-быть, редакция «Военной Библиотеки» перемѣнилась? . .

Вторая половина четвертаго тома «Военной Библиотеки» измечена изъ превосходнаго сочиненія Лоссау: «*Ideale der Kriegsführung*» и заключаетъ въ себѣ самое отчетливое объясненіе характера и образа дѣйствій Густава-Адольфа. Сочиненіе Лоссау пользуется по справедливости заслуженною славою: желательно было бы видѣть на русскомъ языкѣ его книгу вполнѣ. Переводъ весьма близокъ; къ нему присоединены замѣчанія на дѣйствія Густава-Адольфа, написанныя генераломъ Клаузевицемъ.

306) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 10 іюня 1839. Москва. Въ Университетской тип. 1839. Въ 4-ю д. л. 87 стр.

Съ радостію приветствуемъ мы эти «Рѣчи», этотъ голосъ, вещающій намъ изъ средоточія нашей образованности и учености. Московскій Университетъ во всѣхъ отношеніяхъ долженъ быть названъ патриархомъ всего молодого и такъ еще малочисленнаго семейства русскихъ университетовъ. По бѣшенію его пульса мы смѣло можемъ опредѣлять жизненное движеніе нашей образованности. А вотъ и термометръ его собственной теплоты, вотъ рѣчи, произнесенныя его членами и утвержденныя ихъ торжественнымъ признаніемъ. И эти рѣчи зазвучиваютъ всего внимавшія ревнителей отечественной учености. Но прежде, нежели мы будемъ знакомить съ ними публику, скажемъ еще нѣсколько словъ о самомъ университетѣ. Взглядъ на него въ настоящее время производить отрадное впечатлѣніе. Кто не замѣтитъ въ немъ теперь органическаго движенія пробудившейся жизни? кто не порадуется, видя, что онъ началъ отрясать съ себя мертвую пыль и вдыхать свѣжій воздухъ истинной науки? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видно болѣе или менѣе удачное стремленіе къ действительному знакомству съ предметами наукъ, стараніе утверждать всѣ ученія начыванія на прочномъ, крѣпко-заложенномъ основаніи. Это стараніе должно

быть исходнымъ пунктомъ всякаго движенія; безъ него вых-
дять только пустоцветы и скороспѣлки. Особенно новые про-
фессоры, образовавшіеся въ средоточіи европейской учености,
въ Берлинскомъ Университетѣ, содѣйствовали къ этому — ужь
не гальваническому, какъ иногда случалось прежде, — но ор-
ганическому оживленію нашего старѣйшаго университета, внеся
съ собою свѣжій, современный элементъ, прочныя знанія, оду-
шевленные мыслию, истинный духъ науки. Ихъ труды еще не
успѣли развиться и не принесли еще всего того, что они спо-
собны принести; но сѣмена, ими насажденные, не пропали: они
дадутъ цвѣтъ и дадутъ плодъ. У кого острый слухъ, тотъ мо-
жетъ слышать таинственныя прозябанія этихъ сѣменъ внутри
благодарной почвы.

Изъ всѣхъ факультетовъ Московскаго Университета съ этой
стороны преимущественно обращаетъ на себя вниманіе факуль-
тетъ наукъ юридическихъ. Въ немъ явственнѣе замѣтно дви-
женіе жизни. Многочисленность предметовъ преподаванія и
преподавателей, благоустройство и строгое разграниченіе наукъ
суть внѣшнія причины этого перевѣса, который онъ — по-
крайней-мѣрѣ на эту минуту — имѣетъ передъ другими факуль-
тетами. Но его отличительныя достоинства не ограничиваются
только этимъ. Если заглянуть въ его внутренность, то нельзя не
порадоваться заключающемуся въ немъ богатству прочныхъ фак-
тическихъ знаній, не бесплодно сброшенныхъ въ одну кучу, подоб-
но старомухламу, но живыхъ, проникнутыхъ свободнымъ стре-
мленіемъ, подвижныхъ органическимъ процессомъ развитія. Это
не мертвый агрегатъ, не грубая эмпирія, не матеріальная масса:
въ немъ не почитается дѣйствительною та дѣйствительность,
которая отозвана отъ своей духовной истины, лишена сердца и
жизненной теплоты. Никто не будетъ требовать, чтобы въ немъ
могло уже произойти полное и торжественное примиреніе
дѣйствительности съ истинною, свершиться возведеніе веществен-
ности на степень разумной дѣйствительности: это не можетъ
свершиться вдругъ, безъ предварительныхъ приготовленій.
Прекрасно уже и то, что начались эти приготовленія. Прослу-
шавъ курсъ наукъ, читанныхъ въ видѣ болѣе или менѣе близ-
комъ къ ихъ современному европейскому виду, студентъ выхо-
дитъ не съ хаосомъ случайныхъ отрывковъ, клочковъ, кото-
рые онъ съ радостію забываетъ, освобождаясь черезъ это отъ

пыльпой, удушающей тяжести, стѣсвляющей движеніе жизни, и не съ пустыми фразами, съ такъ-называемыми *гуманитетскими* идеями, которыхъ всегдашнимъ слѣдствіемъ бываетъ горькое разочарованіе, апатія духа, внутренняя и внѣшняя неопредѣленность, — нѣтъ, теперь, сколько мы знаемъ настоящее состояніе юридическаго факультета, хорошій и внимательный студентъ можетъ выйти съ запасомъ богатыхъ, здравыхъ знаній, познавшись не съ отвлеченными силузтами предметовъ, но съ самими предметами; онъ можетъ вынести съ собою живую искру науки, живую дѣятельность и живой предметъ дѣятельности; не одна внѣшняя сторона предмета будетъ цѣлю его стремленій: онъ будетъ на пути къ верховному царству истины, и если ему даны отъ Бога силы, если онъ рожденъ для науки, онъ дойдетъ, идя все прямо по данному направленію, до внутренняго святилища; въ залогъ этого достиженія и для освѣщенія пути онъ отъ этихъ же лекцій получитъ нѣсколько свѣтлыхъ идей, почерпнутыхъ изъ самаго источника ихъ, изъ самой философіи на современной точкѣ ея развитія.

Кромѣ того, что юридическій факультетъ Московскаго Университета заслуживаетъ самъ-по-себѣ преимущественнаго упоминованія, когда рѣчь коснется до состоянія университета въ настоящее время, причина, заставившая насъ распространиться о немъ, заключается также и въ томъ, что изъ двухъ рѣчей — *Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи*, ординарнаго профессора, доктора правъ Федора Морошкина и *De ratione observandi in arte medica ejusque adminiculis et obstaculis*, ординарнаго профессора, доктора медицины, Григорія Сокольскаго, — первая, имѣющая содержаніемъ предметъ юридическій, особенно важна и интересна какъ по самому предмету, такъ по наукообразному развитію и живому изложенію.

Г. Морошкинъ, хотя я не изъ числа тѣхъ преподавателей, которые образовались въ Берлинскомъ Университетѣ, однакожь не только не чуждъ общаго движенія и современныхъ интересовъ, но, судя по его рѣчи и прежнимъ, извѣстнымъ публикѣ сочиненіямъ его, можетъ даже по справедливости назваться однимъ изъ представителей этого движенія въ Московскомъ Университетѣ. Лекціи его должны имѣть высокій интересъ и сильно дѣйствовать на слушателей. Его ученые сочиненія, —

как эта рѣчь, на-примѣръ, — не смотря на строго-спеціальное содержаніе, доступны и имѣютъ интересъ для всехъ образованныхъ, живо дѣйствуютъ и сильно увлекаютъ вниманіе. Онъ обладаетъ даромъ ставить читателей (или слушателей) прямо передъ лицомъ свѣжей дѣйствительности и изъ міра сухихъ юридическихъ отвлеченій вдругъ переводитъ въ самую средину жизни. Его наука — русское право въ его историческомъ развитіи. Выступъ съ богатымъ знаніемъ частныхъ и подробностей своего предмета, — что также доказываютъ его ученые труды, книги и отдѣльныя статьи, — въ немъ замѣтно благородное стремленіе проникнуть данное разнообразіе живымъ единствомъ и запечатлѣть случайныя частности разумною необходимостію. Всегда ли это стремленіе достигаетъ цѣли — это другой вопросъ. Полюбе, совершенное единство, непреложная необходимость открывалась во всей истинѣ только тому, кто находится въ центрѣ высшей-науки, развивающей самопознаніе духа, кто философски знакомъ съ своимъ предметомъ. Въ сочиненіяхъ г. Морощкина не видно прямого отношенія къ современной философіи, которая дала новую жизнь наукамъ юридическимъ и которой началъ, примененныя къ его наукѣ, могли бы далеко двинуть ее въ-передъ; по нища современной точки зрѣнія на свой предметъ, онъ, не знаеиъ волею или неволею, подчинился вліянію общаго духа наукъ въ наше время, вышедшаго изъ нѣдра новѣйшей философіи. Такое косвенное, отдаленное вліяніе не освободило его и не могло освободить отъ субъективныхъ и потому недействительныхъ мнѣній, отъ произвольныхъ построений — тамъ, гдѣ дѣло коснется до общихъ вопросовъ, до идеи. Однакожь это нисколько не должно уменьшить то уваженіе, съ какимъ мы обязаны смотрѣть на труды почтеннаго профессора, имѣющіе много значительныхъ достоинствъ.

Возможно-краткое изложеніе содержанія рѣчи почтеннаго профессора должно оправдать все, нами сказанное.

Послѣ краткаго, но краснорѣчиваго приступа, въ которомъ ораторъ опредѣляетъ предметъ своей рѣчи, обращаетъ на него вниманіе слушателей и раздѣляетъ содержаніе рѣчи на разсмотрѣніе причинъ изданія Уложенія, потомъ сего источникоу и юридическихъ началъ, и наконецъ переворота, который оно потерпѣло въ царствованіе Петра-Великаго, онъ начинаетъ первую часть рѣчи, т. е. разсмотрѣніе причинъ, вынудившихъ

издавіе Уложенія. Здѣсь прежде всего авторъ старается утвердить нѣкоторыя общія положенія, которыя должны послужить ему исходнымъ пунктомъ и объяснить собственный предметъ, и здѣсь, на этихъ общихъ положеніяхъ, обнаруживается указанный уже нами недостатокъ твердой философской точки зрѣнія: авторъ какъ-бы осязательно схватываетъ свои положенія и выговариваетъ ихъ въ сбивчивой неопредѣленности, которая тѣмъ поразительнѣе, что другія части рѣчи, въ которыхъ дѣло идетъ объ особенностяхъ предмета, отличаются самою живою и самою ясною опредѣленностію. — «Для всѣхъ событій исторіи» говоритъ онъ, въ самомъ началѣ: «есть причины отдаленныя и есть причины близкія. Уложеніе имѣетъ свои причины отдаленныя.» Что значать эти отдаленныя и близкія причины? Видно, что передъ авторомъ мелькала мысль, для которой онъ не могъ приискать правильнаго выраженія; слѣдовательно, мысль смутная и неопредѣленная. То, что хотѣлъ сказать онъ этимъ выраженіемъ, узнаемъ мы не изъ него самого, а догадываемся по смыслу изъ дальнѣйшаго изложенія.

Каждый родовой, характеристическій фактъ исторіи есть высшее проявленіе идеи. Такой родовой фактъ есть цѣлость безчисленнаго разнообразія другихъ фактовъ, которые ставятся къ нему какъ виды, какъ индивидуумы, и только изъ него могутъ быть объяснены и признаны въ ихъ необходимости. Будучи идеєю, моментомъ развивающагося въ исторіи духа, фактъ коренится въ самомъ *существовѣ* духа, въ немъ находитъ *существенную* причину самого-себя. Но такъ-какъ духъ, выражаясь въ немъ, вступаетъ въ предѣлы времени и пространства, то онъ необходимо подчиняетъ себя временныя и истинныя обстоятельства и вынуждаетъ ихъ условія совпасть съ своими причинами. Итакъ, съ другой стороны, фактъ, будучи *высшимъ* выраженіемъ идеи, *непосредственно* обуславливается различными обстоятельствами мѣста и времени, и можетъ, такъ же, какъ *фактъ*, объясняться изъ нихъ. Отсюда возникаютъ—существенныя, внутреннія, общія причины всякаго событія и причины *частныя*, *вышнія*, случайныя (если разсматривать ихъ отдѣльно отъ первыхъ).—Подъ отдаленными причинами ораторъ разумѣетъ причины общія, подъ близкими частныя.

Далѣе, авторъ полагаетъ общій законъ всякаго историческаго движенія въ единствѣ. Изъ единства все выходитъ и къ

единству же все стремится. Авторъ довольно-долго не сходитъ съ этого положенія: онъ старается уяснить его; но та же неопредѣленность перепутываетъ и затемняетъ все, что ни говорить онъ здѣсь. Скажутъ, что нельзя же, требовать въ рѣчи о частномъ предметъ подробнаго развитія общей мысли. Но мы требуемъ не подробности, мы требуемъ опредѣленности. Авторъ могъ, нисколько не измѣняя предположенной краткости, лаственниѣ обозначить мысль и опредѣленнѣе ее выразить. Иногда въ двухъ строкахъ можно быть опредѣленнѣе, нежели на двухъ страницахъ. Авторъ, говоря о единствѣ, и называя его общимъ закономъ, оставляетъ въ недоумѣніи: что это за единство, откуда оно, къ-чему оно, отъ-чего оно необходимо. Онъ могъ бы удовлетворить всѣмъ этимъ вопросамъ, еслибъ вмѣсто того, чтобы разсматривать извѣстъ со всѣхъ сторонъ свою мысль, въ тѣхъ же предѣлахъ указалъ ея содержаніе. Каждый историческій народъ есть родовой фактъ, осуществляющій собою моментъ духа. Исходный пунктъ его есть сѣмя развитія, зародышъ, въ которомъ безразлично совокуплены всѣ моменты идеи. Вотъ первое единство и начало движенія; народъ историческимъ движеніемъ своимъ развиваетъ постепенно содержаніе данной ему идеи, единство, раздробленное на безконечное множество отдѣльныхъ видовыхъ и индивидуальныхъ фактовъ; но надъ этимъ разнообразіемъ незримо паритъ общая нить всѣмъ идея, составляющая отличительный характеръ народа. Безпрерывно живя, непрерывно дробясь, народъ тою же самою жизнію непрерывно опредѣляетъ свое единство. Совершивъ весь циклъ своего историческаго развитія, проявивъ все содержаніе своей сущности, народъ является снова полнымъ, замкнутымъ въ себя единствомъ, но уже не безразличнымъ, какъ прежде, а развитымъ, заключающимъ въ себя всѣ свои историческія различія, всѣ свои моменты въ ихъ живомъ осуществленіи. Это второе единство—цѣль вѣчнаго историческаго движенія. У автора ничего этого нѣтъ, и лемматически взятая нить мысли нисколько не обозначена, а только повторена нѣсколько разъ въ различныхъ предложеніяхъ и съ различныхъ сторонъ.

Этотъ всемірный законъ единства авторъ находитъ очень-естественно и въ исторіи нашего отечества. Кромѣ вѣшняго эволюціоннаго единства, народъ русскій находитъ еще высшее

внутреннее единство въ религій, которое въ дни бѣдствія побѣдоносно спасло его цѣлость, и наконецъ въ политическомъ средоточіи, въ особѣ монарха. Стремленіе къ этому послѣднему единству возникло въ эпоху монгольскаго ига. Москва стала центромъ Россіи; все священное и земное сосредоточилось въ ней, между-тѣмъ, какъ всѣ князья исчезли въ имени царя. Выступо того, чтобы послѣ этого прямо обратиться къ своему предмету и указать, какъ это же стремленіе къ единству осуществилось и въ законодательствѣ, какъ Уложеніе объяло (хотя и не исчерпало вполнѣ) всѣ дотогѣ бывшіе источники права,—авторъ еще больше старается утвердить и выяснить существо политическаго единства Россіи. Для этого онъ отыскиваетъ какой-то законъ мѣста и времени, заключающійся въ существованіи какой-то *темной идеи* восточнаго самодержавія, *можетъ-быть* современнаго Геродоту и Солону, которая будто-бы какъ-то таинственно пріосвѣтила нашу землю и жила въ воспоминаніи Волжскихъ Хозарь, а потомъ, когда исчезли Хозары, странствовала на берегахъ Волги и Дона, и, перешедъ черезъ разныя формы, обновилась въ свободномъ величествѣ Іоанна и умѣрлась вліяніемъ христіанской Византіи. Признаемся, все это очень-странно и темно. Нѣтъ ли здѣсь патажки на какунибудь любимую мысль, не къ-статіи сюда приклеенной?

Ближайшія побужденія къ изданію Уложенія находятъ авторъ въ анархіи и смутахъ, портившихъ государство и вывудившихъ, когда общество освободилось отъ нихъ, законную форму обновленному обществу. Уложеніе утвердило царскую власть, единство государства, безопасность личности, святость собственности каждаго. Въ Уложеніи исчезаютъ уставы древнихъ областей Россіи. Оно явилось тогда, когда привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ были еще въ равновѣсіи, когда въ Россію начали проникать, но проникать тихо и мѣрно, классическія идеи и просвѣщеніе запада.

При составленіи Уложенія имѣлись въ виду слѣдующіе источники: Правила св. апостолъ и св. отецъ, т. е. греческое церковное право, съ которыми давно, какъ видно изъ Нестора, познакомилась Россія. Оно обнимало все право семейственное и дало ему римскую форму; но Уложеніе касается до опредѣленій семейственнаго права только мимоходомъ, какъ до предмета, непринадлежащаго земскому законодательству. Всѣ заимствова-

нiя Уложенiя изъ греческаго Номоканона ограничиваются немногими статьями, и то по одному только уголовному праву. Что же касается до гражданскаго права, то Уложенiе заимствовало очень немногiя статьи, означенныя классическимъ духомъ римской юриспруденции не изъ церковныхъ судищъ, которыя болышею частiю чуждались гражданскихъ отношенiй, а изъ Литовскаго Статута. Послѣ Уложенiя въ Новоуказныхъ Статьяхъ начинается однакожь рядъ заимствованiй гражданскихъ законовъ изъ Кормчей Книги; но это римское альянсъ прекратилось Петромъ-Великимъ.

Прежнiе судебники, указы и боярскiе приговоры, а также и статьи, перышенныя на прежнихъ судебникахъ, на указахъ, и принятыя ввроятно съ разршенiя царя. Судебникъ былъ развитiемъ Русской Правды, а Уложенiе было развитiемъ Судебника. Уложенiе должно было принять и приняло характеръ судебника; въ немъ не должно искать обширнаго матеріальнаго развитiя; ово такъ же, какъ и Судебникъ, содержитъ въ себѣ преимущественно только формальную сторону. Содержаще, которымъ наполнялась форма — самое право — жило въ народныхъ обычаяхъ, и вѣщателями его были *цаловальники, люди добрые, люди лучшие*. Но въ государствѣ должна была наконецъ возникнуть потребность превращенiя обычая въ положительное законодательство. Это превращенiе свершилось не вдругъ: обычай долженъ былъ перейти чрезъ посредствующее звѣно, чрезъ юриспруденцію присутственныхъ мѣстъ, чрезъ судебныя обычая и рѣшенiя дѣла. Эти обычая присутственныхъ мѣстъ такъ размножились, юриспруденція водячихъ такъ запуталась, что необходимо должно было отвергнуть текущую юриспруденцію въ положительный законъ, — что и исполнено Уложенiемъ. Итакъ Уложенiе въ историческомъ процессѣ русскаго законодательства есть вторая ступень отверженiя народнаго сознанiя о правѣ, народнои совѣсти. Уложенiе чрезъ это, во-первыхъ, нисколько не стѣснило дѣятельности юристовъ; напротивъ того, открыло новый источникъ судебной юриспруденци и сообщило ей новое движенiе; во-вторыхъ, ово не могло, какъ и вообще всѣ кодексы, истощить всего народнаго убѣжденiя, исчерпать все содержанiе народнои совѣсти... Здѣсь, послѣ всего этого прекраснаго развитiя, которое мы передали такъ кратко и такъ сухо, снова встрѣчается стра-

ная мысль, которую досадно встрѣтить въ такой рѣчи, какъ рѣчь г. Морозкина. Мы вполне согласны съ нимъ, что, если ли въ одномъ народѣ положительный кодексъ не исчерпывалъ всего обычнаго права, то тѣмъ менѣе въ русскомъ народѣ, одаренномъ въ высшей степени творческими, безконечно-изобрѣтательными смысломъ. Мы, такъ же, какъ и онъ, видимъ въ этомъ смыслѣ добродѣтель русскаго народа; но мы рѣшительно не знаемъ, почему авторъ видитъ въ этомъ также и недостатокъ народа; почему ему кажется, что эта умственная добродѣтель почти всегда обличаетъ недостатокъ развитія высшихъ душевныхъ силъ, ума, воображенія и эстетическаго чувства?.. Какъ не ужь ли правда, что глухота разсудка есть плодъ высокой цивилизации, добродѣтель самобытнаго народа? Не ужь ли непременно отсутствіе разсудка должно быть условіемъ высшей духовной жизни, поэзіи и философіи?.. Помилуйте, что это?.. Но глухота разсудка есть глупость въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Стало-быть, глупость есть условіе поэзіи и философіи!.. Отнимать у русскаго народа право на высшую духовную жизнь за то только, что Богъ далъ ему умъ, богатую сметливость... Что это такое? какая это логика?!.. Вотъ что значать субъективныя мнѣнія и вотъ до чего онъ доводитъ!—Но, не имѣя никакого основанія, противорѣча всякой логикѣ, это странное мнѣніе противорѣчить также и фактамъ. Откуда почтенный профессоръ взялъ, что въ русскомъ народѣ единственно развитъ только разсудокъ и что, кромѣ практическаго смысла, въ немъ ничего нѣтъ? Какъ а развѣ неисчерпаемыя сокровищницы естественной поэзіи русскаго народа, полныя дивныхъ богатствъ, не входятъ сюда въ расчетъ? Но ихъ вѣдь нельзя же вычеркнуть перомъ... Развѣ такое раннее и такое великогѣпное развитіе художественной поэзіи въ русскомъ народѣ, поэзіи, какой удивляются образованнѣйшія паціи Европы, ничего не значить?.. Если у насъ нѣтъ философіи, то у насъ живо стремленіе къ ней — и давно ли возникла образованность русская, давно ли насаждены въ русской почвѣ сѣмена науки? Вчера посвяали, а сево-дня хотимъ ужь и пожинать: это противно всякому естественному ходу развитія! Напрасенъ совѣтъ почтеннаго автора подчиниться судьбѣ, сдѣлаться всѣмъ безъ исключенія юристамъ; потому-что, будто-бы «мы привычѣе къ землѣ, чѣмъ къ облакамъ».—Самое уваженіе наше къ нему и къ его прекрас-

ной рѣчи заставило насъ высказать такъ рѣзко наше противорѣчiе. Мы убѣждены, что это странное мнѣнiе противорѣчитъ всему образу мыслей уважаемаго профессора, что оно безъ его спроса прокралось къ нему. . . Будемъ продолжать.

Наконецъ, кромѣ сихъ чисто-народныхъ, домашнихъ источниковъ, наши предки для составленiя Уложенiя пользовались также и Литовскимъ Статутомъ; но все заимствованное изъ него нисколько не противорѣчитъ духу русскаго законодательства.

Указавъ такимъ-образомъ источники, авторъ переходитъ къ изложенiю юридическихъ началъ Уложенiя. Это самая блестящая и самая большая часть рѣчи г. Морошкина. Какая энергiя и образность слога! какое живое развитiе! какой глубокой взглядъ во внутренность русскаго быта! какое вѣрное, опредѣленное постепеннаго образованiя различныхъ общественныхъ отношенiй и государственныхъ учреждений!.. Мы отказываемся слѣдить оратора въ развитiи этой части рѣчи: мы не утерпѣли бы, мы потерялись бы въ частностяхъ, которыя у него такъ часто блестятъ и такъ сильно влекутъ къ себѣ,—мы непременно бы вышли изъ предѣла библиографической статьи; — итакъ, только краткими намеками представимъ читателямъ планъ этой части сочиненiя.

Основные законы. Основные законы государства въ началѣ періода Уложенiя не имѣли формы писаннаго закона. Они существовали въ формѣ обычая, и въ періодѣ Уложенiя былъ освященъ только главный изъ нихъ: самодержавiе государя и беспредѣльное повиновенiе народа. Обычай же престолонаследiя колебался до императора Павла I (Учрежденiе объ Императорской Фамилиі 1797 г. апрѣля 5 дня), который далъ ему настоящую законную форму. Совершеннолѣтіе государя и правительственная опека во время его малолѣтства основывались болѣе на обычай, чѣмъ на правъ.

Государственные учрежденiя. Здѣсь авторомъ превосходно указано на развитiе системы государственнаго управленiя изъ системы управленiя двора государева и на историческое значенiе государственныхъ учреждений.

Областные учрежденiя, которыя въ періодѣ Уложенiя были очень-просты, потому-что областное управленiе, какъ тогда, такъ и во все продолженiе времени до XVIII ст., имѣю вало-

вой характеръ: воевода сосредоточивалъ въ себя всѣ власти областнаго управленія.

Объяснивъ систему государственнаго и земскаго управленія, авторъ касается и до *управленія народнаго просвѣщенія*. Это одна изъ самыхъ превосходныхъ страницъ рѣчи — и мы жалеемъ, что не можемъ познакомить съ нею читателей, потому-что для этого нужно бы было ее выписать, и выписать всю.

Государственная служба. Эта статья также выше всякихъ похвалъ и обличаетъ въ авторѣ, кромѣ богатства фактическихъ знаній, самое живое созерцаніе протѣкшей жизни государства. Здѣсь также исторически выводятся древніе характеры русской государственной службы и не смотря на краткость, отчетливо и ясно опредѣляется значеніе и развитіе мѣстничества.

Состояніа народа. Здѣсь авторъ утверждаетъ за русскимъ государствомъ патріархальный характеръ. Различныя же состоянія народа, какъ-то дворянство, городскія сословія, классъ крестьянъ, имѣющіе различныя права и обязанности, различный образъ мыслей, языкъ и обычаи, удовлетворительно выводятся изъ военныхъ обстоятельствъ государства и тѣмъ доказываетъ ихъ позднѣйшее образованіе и опредѣляетъ ихъ отличіе отъ состоянія въ другихъ государствахъ, возникшихъ изъ завоеванія; потомъ подробно разсматриваетъ ихъ.

Гражданскіе законы. Хотя планъ гражданскаго права Уложенія очеркнуть по идеѣ Судебника царя Іоанна Васильевича, хотя все оно сосредоточено въ опредѣленіи судебного производства, однакожь Уложеніе не осталось при одной формальной сторонѣ Судебника и наполнило его богатымъ содержаніемъ. Въ гражданскомъ правѣ Уложенія видно дѣятельное стремленіе къ дальнѣйшему развитію, которое оно и находило въ Статьяхъ Новоуказныхъ, требованія высшихъ отвлеченныхъ началъ законовѣднія, не смотря на противорѣчія, въ которыхъ нерѣдко путались юридическія понятія Уложенія. Авторъ въ живой подробности разсматриваетъ всѣ юридическія начала, на которыхъ основана гражданская часть Уложенія; общій результатъ этого разсмотрѣнія есть тотъ, что Уложеніе съ послѣдующими законами составляетъ законодательство въ высшей степени народное.

Наконецъ авторъ касается до уголовного права. Если всѣ гражданскіе законы почерпнуты изъ самой жизни народа, изъ его совѣсти, то отъ-чего же, спрашивается онъ, домъ правосудія убрать всей уголовной арматурой время свирѣпаго закона (*sapienter nocendum*)? Онъ бросаетъ взглядъ на предшествовавшую жизнь народа, и въ ея неопредѣленности, въ начальныхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ-прочемъ необходимыхъ, находитъ причину нравственной порчи, вынуждавшей отъ законодателей самую строгія мѣры.

За симъ авторъ приступаетъ къ блестящему заключенію своей блестящей рѣчи, къ перевороту законодательства.

Все, казалось, было свершено: законы были немногочисленны, но прочны и тверды и заключали въ себя сѣмя дальнѣйшаго органическаго развитія; казалось бы, чего больше желать отъ Уложенія и его потомства? Чего же еще не доставало? — «Но еще Іоаннъ Грозный созналъ, что Россіи нуженъ нравственный переломъ, и царски повелѣлъ властямъ церкви *зрѣлѣть словомъ Божіимъ, чтобъ жива была душа Царя и душа его народа. . .*» Чего же не доставало?

«Преобразования!» восклицаетъ ораторъ: «его не доставало для XVII вѣка! Явился царь съ горящей мыслию въ очахъ, съ отважной душой на челѣ и съ громоноснымъ словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго и двинулъ царство отъ него. Чтò не понравилось ему въ наследіи предковъ? чтò возмутило духъ Петра въ твореніи его отцовъ?—Но это тайна души великой, глубокая тайна гевія!..» — Восторженнымъ языкомъ продолжаетъ ораторъ характеризовать Великаго: «Какія наука» восклицаетъ онъ: «могла огранить эту адамантовую душу? какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли?.. И природа и наука отступились, когда этотъ великій духъ помчалъ русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи. . .»

Ораторъ оканчиваетъ рѣчь обращеніемъ къ кандидатамъ и действительнымъ студентамъ юридическаго факультета.

Вотъ блѣдный очеркъ полной жизни и энергій рѣчи г. Морочкина. Какъ бы желали мы, чтобъ она, будучи напечатана въ собраніи рѣчей, произнесенныхъ на актѣ, издава была и отдѣльно, — и это испрѣмѣнно слѣдуетъ сдѣлать автору ея, ибо

безъ этого малое количество экземпляровъ актуальныхъ рѣчей не можетъ дать ей большого хода и лишаетъ большую часть публики прекраснаго знакомства.

Рѣчь профессора Сокольскаго *De ratione observandi in arte medica ejusque adminiculis et obstaculis* («Объ опытномъ началѣ въ медицинѣ, о пособіяхъ и препятствіяхъ, встречаемыхъ имъ») по своему содержанию, чисто-спеціальному, не можетъ имѣть большого интереса для журнальной публики. Ораторъ правильнымъ, красивымъ языкомъ, хотя и отзываются формами языковъ новѣйшихъ, отчетливо и популярно развиваетъ эмпирическое начало въ медицинѣ, раздѣляя здѣсь опытъ на историческій или традиціональный, и собственный, и указывая основанія и приемы того и другаго.

Изъ «Отчета» узнаемъ мы, что въ настоящее время въ Московскомъ Университетѣ находятся: 1) по части ученой и учебной почетныхъ членовъ 38, профессоровъ: заслуженный 1, ординарныхъ 26, исправляющій должность ординарнаго профессора 1, экстраординарныхъ 5, адъюнктовъ 6, лекторовъ 6, стороннихъ преподавателей 3, прозекторовъ и ихъ помощниковъ 4, чиновниковъ при учебныхъ заведеніяхъ 18; 2) по части хозяйственной и полицейской: инспекторъ, помощниковъ его 6, штатныхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей 16; 3) учащихъ: окончившихъ курсъ и удостоенныхъ степеней и званій: кандидатовъ 17, действительныхъ студентовъ 33; удостоенныхъ степени кандидата и званія действительнаго студента и лекаря слушателей 6, своекоштныхъ лекарей 7; продолжающихъ ученіе студентовъ и слушателей: воспитанниковъ — штатныхъ университетскихъ 81, Московскаго Воспитательнаго Дома 36, Александринскаго Института 8, Бѣлорусскаго Учебнаго Округа 3, учебныхъ заведеній Царства Польскаго 16, Благороднаго Пансіона при Тифлисской Гимназіи 1, пользующихся пособіями съ благотворительныхъ капиталовъ 26, своекоштныхъ 390.

307) *О вѣчномъ Покоѣ Праведниковъ*. Соч. Ричарда Бакстера. *Переводъ съ нѣмецкаго. Ч. I. С.-П. бургъ. Въ тип. Иверсена. 1839. Въ 24-ю д. л. 153 стр.*

Это маленькое сочиненіе написано съ христіанскою цѣлю: оживить въ душѣ вѣрующаго спасительную мысль, что

за мракомъ могилы, послѣ всѣхъ тревоженій жизни, ждетъ — праведника свѣтлый рай вѣчнаго покоя и наслажденія, а грѣшника — тѣма кромешная и безконечность страданій. Но мы думаемъ, что сочинителю не было надобности доказывать эту истину: кто, исповѣдая христіанство, усомнится въ ней? Вообще, въ поученіяхъ нравственныхъ и религіозныхъ, больше пользы приносятъ не умозрѣнія, по правиламъ, примѣяемая къ разнообразнымъ частностямъ жизни и служащая руководительными нитями среди сбивчивыхъ ея распутий. Г-ну Б., который хорошо русскимъ языкомъ переводитъ мысли другаго, советуемъ обратить на это свое вниманіе. Тогда мы еще больше будемъ благодарны ему за его переводы.

308) Письма о Спасеніи Мира Сыномъ Божиимъ С. П. бурж. Въ тип. III Отдѣл. Собст. Е. И. В. Канцелярціи. 1839. Въ 8-ю д. л. 168 стр.

Мы съ признательностіюзираемъ на людей, которые трудами своими содѣйствуютъ распространенію выгодъ и удобствъ нашей земной, дольной жизни; высоко цѣнимъ и вносимъ въ лѣтопись воспоминаній, какъ друзей и близкихъ сердцу, имена тѣхъ, которые лучами своего ума озаряютъ тайны *царства природы*, приближаютъ насъ къ прекрасному созданію Божию, вводятъ въ великое семейство бытія и даютъ чувствовать наслажденіе этой дружественной взаимности. Съ какою же глубиною и пламенною привязанностію души, съ какимъ энтузіазмомъ должно чтить сихъ избранныхъ, которые, пропитавшись духомъ святыхъ писемъ, даютъ намъ руку, чтобы вести насъ къ созерцанію тайнъ *царства Божія*, къ соединенію съ вѣчнымъ Отцомъ Свѣтовъ, съ источникомъ жизни, истины и красоты? Внушеніе высокихъ истинъ евангелія тѣмъ нужнее въ нынѣшнее время, когда земной умъ нашъ, надменный своими дѣтскими открытіями и усовершенствованіями, скорѣе всего можетъ впасть въ дерзкую самопадьянность, искать въ самомъ себѣ успокоенія и чрезъ то сдѣлаться несчастною жертвою безконечныхъ терзаній духа, ставить себя точкою опоры своей дѣятельности и чрезъ то отторгнуться отъ единаго, неизмѣнимаго средоточія. Сочиненіе, изданное подъ скромнымъ названіемъ «Писемъ», есть поучительная и одушевленная бесѣда христіанина о томъ, что должно наполнять наши мысли въ течѣ-

ніе всей нашей жизни и оживлять надеждою угасающий взоръ нашъ на рубежъ могилы. Послѣ ужасной картины грѣхопаденія, онъ приводитъ унывающему грѣшнику на мысль тайну искупленія, душу его, обуреваемую сомнѣніями, успокоиваетъ указаніемъ на пророчества ветхаго и новаго завета, такъ вѣрно во всѣхъ подробностяхъ оправдавшіяся, и путемъ смиренія, чрезъ чистую, полную и живую вѣру влечетъ ея къ возсоединенію съ Христомъ въ лонѣ предвѣчнаго Отца его. Сочинитель представляетъ, будто-бы одинъ несомнѣнно-вѣрующій въ святые истины откровенія, хочетъ убѣдить въ нихъ своего друга, по несчастію, холоднаго къ дѣлу своего спасенія. По нашему мнѣнію, это самая счастливая форма для изложенія подобнаго предмета. Кому лучше, если не другу, поручить исцѣленіе душевныхъ ранъ? Чтò болѣе, если не языкъ любви, можетъ смягчить самое огорченное сердце? Чтò могущественнѣе въ состояніи овладѣть нами и увлечь за собою, если не пламенное участіе друга? Свѣтлость понятій, почерпнутыхъ изъ ученія солнца правды, простота выраженія при всей возвышенности предметовъ, какое-то неодолимо-сильное чувство убѣдительности, растворенной кротостію и сердечнымъ участіемъ, — все сіе даетъ высокую занимательность этому произведенію и поселяетъ въ читателѣ увѣренность, что оно въ душѣ писавшаго созрѣло на Святой Землѣ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ предметовъ, освещенныхъ стопами Богочеловѣка, подъ вѣщими шопотомъ пажымъ Ливана, у подножія Голговы и Фавора. Мы увѣрены, что каждый изъ благомыслящихъ пожелаетъ приобрести эту книгу и внесетъ ее, какъ новую святыню, въ свой семейный кругъ, и будетъ употреблять ее въ минуты сердечной тревоги и тоски—для утѣшенія, а въ минуты радости—для большаго ея просвѣтленія святыми помыслами.

309) О Молитвѣ. *Нѣкоторые изъ уроковъ, читанныхъ въ воскресные дни предъ Литургіею въ казиданіе двѣдцати учебныхъ заведеній, состоящихъ при Императорской Александровской Мануфактурѣ, законоучителемъ, священникомъ Петромъ Цвѣтковымъ. С.-П. бургъ. Въ тип. К. Виннебергера. 1839. Въ 16-ю д. л. 212 стр.*

Молитва есть святой долгъ и вмѣстѣ сладчайшая потребность сердца. Въ раю невинности и блаженства это былъ тор-

жественный гимнъ души, пораженной величіемъ чудесъ творенія и переполненной благодарностію къ безконечно-благому Создателю; это былъ чистый гимнъ славословія, *отъ лица всей земли* восходившей горѣ и сливавшейся съ пынопольніемъ безплотныхъ силъ. Изъ бездны своего грѣхопаденія челоуѣкъ возносилъ ее къ Богу, какъ робкій вопль преступника, который молить праведнаго судію о пощаду. Надъ гробомъ Искупителя молитва была рыдающимъ христіанской души, которая только со слезами раскаянія и смиренія могла приблизиться къ нему, чтобы омыть его божественныя раны и приобщиться благодатной тайнѣ воскресенія. Молитва составляетъ необходимую, общую стихію нашей внутренней жизни. Ею освящается каждый шагъ въ повседневныхъ нашихъ предпріятіяхъ; ею очищается, успокаивается сердце отъ возмутительныхъ, суетныхъ желаній, и становится способнымъ чувствовать повсюду присутствіе Бога. Говорить о такомъ великомъ и святомъ предметѣ, внушать его людямъ, братьямъ нашимъ есть важнѣйшая обязанность каждого христіанина и преимущественно служителя алтаря господня. Сочиненіе священника Петра Цвѣткова написано въ духъ истинно-христіанскомъ. Мысли свои онъ непрерывно подтверждаетъ словами священнаго писанія. Изложеніе, если не отличается изяществомъ и гармоіею рѣчи, за-то вездѣ ясно и просто, безъ тщеславныхъ замашекъ мнимой учености, скучной во всякой книгѣ и непростительной въ сочиненіи, которое поучаетъ христіанскому смиренію.

310) Чирикъ, *Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1839. Въ 18-ю д. л. 92 стр.*

Недурная книжка, очень-дурно переведенная. Читатели видятъ, что это *второе* изданіе. Чтò помогло успѣху книжки? Безъ-сомнѣнія, она понравилась маленькимъ читателямъ. Въ ней есть смыслъ и, чтò насъ особенно порадовало, рассказы. Но какъ намъ, такъ вѣроятно и дѣтямъ книжка понравилась сравнительно, не болѣе какъ по отношенію къ другимъ издаваемымъ у насъ дѣтскимъ книжкамъ. Между дѣтскими и заяка ораторъ. Вся наши требованія отъ дѣтской книжки ограничиваются увлекательностію разсказа, богатаго подробностями,

живаго. Жизнь вездѣ жизнь, на какой-бы ступени человѣческаго развитія и въ какой бы сферѣ дѣятельности вы ни взяли ее. Возьмите же интересы жизни, доступные дѣтскому возрасту, и изъ нихъ развейте рассказъ, изъ нихъ сильною рукою извлекайте частности и подробности. Не пужно никакихъ нагихъ мыслей и какъ язвы берегитесь нравственныхъ сентенцій. Пусть основная мысль вашего рассказа дѣятельно движется внутри, не давайте ей, для ней же самой, пробиваться наружу и выводить дѣтскую душу изъ полноты жизни, изъ борьбы и столкновенія частныхъ, на отвлеченную высоту, гдѣ воздухъ рѣдокъ и удушливъ для слабой груди еще несозрѣвшаго человѣка: пусть мысль кроется во внутренней, недоступной лабораторіи и тамъ перерабатываетъ свое содержаніе въ жизненные соки, которые неслышно и незамѣтно разольются по вашему рассказу. Все назначеніе дѣтской литературы заключается въ томъ, чтобы живоотносно дѣйствовать на дѣтское созерцаніе, расширять его, оплодотворять его, наполнять его духовнымъ содержаніемъ. Подъ «духовнымъ содержаніемъ» разумемъ мы тѣ высшія, небесныя силы, которыя объемлютъ и развиваютъ изъ себя весь міръ и все существо человѣка, тѣ таинственныя силы, которыя въ природѣ обнаруживаются въ безконечной организациі явленій, которыя горятъ на вѣчныхъ сводахъ въ сіяніи свѣтъ, — которыя трудятся въ непроницаемомъ мракѣ центральныхъ переходовъ планетъ, — которыя дышатъ въ вѣяніи воздуха, вздымаются въ волнахъ океана, движутся и говорятъ въ нѣмой неподвижности камня и граціозно выработываютъ древесныя листики, разрастаются въ дремучіе лѣса и слышатся въ пѣніи птицъ и въ рычаніи льва, — тѣ свѣтлыя силы, изъ которыхъ въ сіяющей красотѣ слагается существо человѣка, — которыя зиждутъ и развиваютъ изъ себя и вышній и внутренній организмъ его, — которыя горятъ въ утренней зарѣ чувства, и игрою лучей еще невозшедшаго свѣтла живоотносно потрясаютъ сердце и объемлютъ его трепетнымъ блаженствомъ или священнымъ стремленіемъ, — которыя восходятъ наконецъ на знаменующемъ востокъ лучезарною мыслію, озаряющею обратно самую же себя въ нѣмой и вмѣстѣ говорящей, въ неподвижной и вмѣстѣ дѣятельной, ни на минуту неотдыхающей вселенной. Не пугайтесь; эти требованія удобосполнимы: они осуществляются на каждомъ шагу, въ каждой минутѣ существ-

вованія, они проявляются и въ насъ-самихъ, и во всемъ, что насъ окружаетъ; безъ нихъ нѣтъ ни въ чемъ жизни, безъ нихъ все сожмется и превратится въ нетающий ледъ полюсовъ. Когда эти силы покидаютъ человека, человекъ умираетъ; когда эти силы покидаютъ государство — оно гнетъ и распадается. Безъ нихъ недѣтельно слово, мертвы дѣла, не говорятъ краски, не звучатъ звуки.

Ихъ-то давайте и взрослымъ, и невзрослымъ, и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ звукѣ, и въ образѣ. Всю полноту этихъ силъ можете изчерпать или вдохновенное чувство, или почувственная, полумыслительная дѣтельность художника, или развивающая сила философскаго мышленія. Отвлекаете отъ нихъ и умерщвляетъ все живое *пустая* дѣтельность разсудка. Вотъ гдѣ полярные снѣга и вѣчный холодъ, въ отвлеченіяхъ разсудка и въ мертвыхъ сентенціяхъ, величающихъ себя названіемъ «правоученій». Не всѣ рождены художниками, не всѣ могутъ быть философами; но во всякомъ есть живая душа и бьющееся сердце. Изъ этихъ святыхъ источниковъ пусть струится жизнь ваша и все, что вы дѣлаете, или что вы говорите, и особенно все, что вы дѣлаете и говорите для младенческихъ поколѣній, для будущей нивы Божіей. И горе тѣмъ, которые, вмѣсто живой души, предъизбранной быть сосудомъ божественнаго содержанія, разовьютъ въ малыхъ сихъ одну формальную способность разсудка, и вмѣсто святаго начала, вмѣсто любви христіанской, кроткой, блаженной и дѣтельной, насаждать въ нихъ эгонистическія, отвлеченныя, такъ-называемыя моральныя сентенціи! . .

Какъ же примѣнить все это къ дѣтской литературѣ? какъ огласить это съ нашимъ требованіемъ, непростирающемся далеко увлекательности разсказа о богатой частностями и обособленіями жизни?

Для дѣтей, естественно, недоступна еще область мысли, живущей въ самой-себѣ и проявляющейся для самой-себя. Въ нее открытъ входъ только для взрослого человека, и то не для всякаго, только для того, кто утратилъ полноту чувства, кто изтерзанъ рефлексіей, т. е. дѣтельностью разсудка, немнѣющаго силы проникать во внутренность предметовъ и отражаемаго отъ поверхности каждаго предмета назадъ на человека. Дѣти живутъ въ элементѣ чувства. Они еще не созрѣли даже и для созерца-

тельной мысли; их интересы еще тьсны и малы, и не могут объять всей полноты духовной жизни, воплощаемой въ создани-яхъ художественныхъ. И область художественныхъ образовъ доступна только для человѣка, вышедшаго уже изъ первоначальной дѣтской гармоніи съ самимъ-собою. Существо, какъ мышленія, такъ и художественнаго созерцанія, есть примиреніе, примиреніе тѣхъ противорѣчій, на которыя дробится жизнію цѣлость духа человѣческаго. Откуда же и какъ должно дѣйствовать на душу ребенка? Изъ непосредственнаго чувства, изъ блаженнаго, гармоническаго состоянія души, изъ святой христіанской любви, которая есть и зерно и самая сила развитія, непосредственнымъ же чувствомъ, блаженной гармоніей, христіанской любовью. Но здѣсь возникаетъ затрудненіе. Непосредственное чувство не можетъ быть выражено и въ *объективномъ* выраженіи передано другой душѣ. Слово есть мысль. Въ такомъ случаѣ дѣтскія книжки должны исполняться одними восклицательными знаками съ междометіями «ахъ», «охъ» и проч. Но въ этихъ «ахахъ» и «охахъ» ничего не выражается, въ нихъ не опредѣляется никакое содержаніе. Послушайте, господа составители дѣтскихъ книгъ, не «аховъ» и не «оховъ» требуемъ мы отъ васъ; мы требуемъ, чтобы въ васъ было живое, любящее сердце, душа, доступная для святыхъ ощущеній, съ чувствомъ безконечнаго, съ предчувствіемъ духа... Если въ васъ это все есть, и если вы чувствуете, что можете быть счастливыми только въ дѣятельности для блага дѣтей,—пишите...! Позвольте, однако, мы забыли еще одно важное и необходимое условіе. Одно сознаніе, что вы призваны жить и дѣйствовать для дѣтей, недостаточно еще для-того, чтобы вы могли стать писателемъ «дѣтскимъ»; для этого тоже необходимо пужно и сознаніе, что вы рождены «писателемъ». Дѣятельность для дѣтей обширна: надобно и въ ней избрать себѣ сферу. Тотъ, кто можетъ быть хорошимъ педагогомъ, хорошимъ воспитателемъ, можетъ быть плохимъ писателемъ. Какъ важное и существенное условіе мы должны также отнести сюда поэтическій тактъ, особенное умѣнье, если не воплощать въ образахъ мысли, то по-крайней-мѣрѣ рассказомъ производить живое впечатлѣніе. Какъ между писателями, такъ и между книжками дѣтскими, естественно должны быть различія и постепенности: овому талантъ, овому два...

Такой писатель съ живою душою, съ талантомъ, съ поэтическимъ тактомъ, возьметъ какое-нибудь простое событіе изъ сферы дѣтскаго разумѣнія; зоркій взглядъ откроетъ въ событіи организацію, безконечное разнообразіе. Разсказъ ползетъ тихо и ровню въ непрерывно-измѣняющихся берегахъ, отражая въ себѣ и лазурь неба, и зелень деревьевъ, и мирныя села, и шумные города, и величественный храмъ, и одинокія, поросшія развалины, и веселыя игры, и кресты брошеннаго кладбища... И пусть этотъ разсказъ могущественно увлечетъ въ своемъ теченіи такую душу и вмѣстѣ съ нею изчезнетъ въ безконечности океана... И тогда все, что было благороднаго, святаго и великаго въ душѣ разсказчика, сообщится и душѣ юнаго читателя; потому-то объ души сойдутся и обоймутъ другъ друга въ общемъ элементѣ безконечнаго чувства...

Мы общаемъ когда-нибудь, при случаѣ болѣе-пріятномъ, по-подробнѣе поговорить объ этомъ важномъ и такъ часто упускаемомъ изъ вида предметѣ. Мы и такъ ужъ слишкомъ-много распространялись по случаю книжки, которая стоитъ не болѣе пяти или шести строкъ. — Мы похвалили «Чижика», сказавъ, что въ этой повѣсти есть разсказъ, — разсказъ, правда, плохой, но все-таки разсказъ, все же есть хоть какой-нибудь интересъ, между-тѣмъ, какъ въ другихъ издаваемыхъ у насъ книжкахъ этого рода нѣтъ ничего, кромѣ самыхъ безжизненныхъ яравоученій, извлекаемыхъ изъ проступка Федюши, непослушавшагося маменьки и съѣвшаго сырое яблоко, или изъ послушанія Аянушки, поминувшей данныя ей наставленія, и прочіе вздоры. — Но мы, какъ уже и прежде было сказано, похвалили эту повѣсть относительно; кромѣ того, что и здѣсь разсказъ далеко не то, чего бы мы желали отъ разсказа, онъ также, къ-сожалѣнію, пересыпанъ тѣми пошлыми сентенціями, отъ которыхъ мы просимъ беречься какъ отъ язвы. Иногда, въ этой маленькой повѣсти, резонерства становятся такъ неспособны и такъ утомительно-длины, что выкидываешь въ чтеніи цѣлыя страницы. Переводъ очень-плохъ. Картинка, приложенная къ книжкѣ и нисколько неимѣющая связи съ содержаніемъ повѣсти, еще и того хуже; она напоминаетъ собою искусство пана Халаяскаго (въ повѣсти Основьяненко), такъ изящно раскрасившаго *кушиты* въ книгѣ своего отца.

311) Другъ Дѣтей, книга для персональнаго чтенія. С.-П. бургъ. Въ тѣл. Имп. Акад. Наукъ. 1839. Въ 16-ю д. л. 345 стр.

Мы имѣли уже нѣсколько разъ случай говорить въ своемъ журналѣ о прекрасныхъ дѣтскихъ книжкахъ, издающихся на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ «Kinderfreund», и всегда изъявляли желаніе видѣть эти прекрасныя книги на русскомъ, приспособленныя къ пользамъ маленькихъ русскихъ читателей. Г. М-чъ какъ-пелъяз-лучше удовлетворилъ теперь нашему желанію, которое, мы увѣрены, повторяли за нами всѣ друзья русскаго просвѣщенія. Онъ взялъ нѣмецкую книгу «Der deutsche Kinderfreund», вышедшую въ Германіи уже *сто-сорокъ-девятилѣтъ* издашемъ, и выбралъ изъ нея тѣ главы, которыя могутъ относиться ко всѣмъ вообще дѣтямъ, а другія главы передѣлалъ, или вновь написалъ сообразно потребностямъ нашего русскаго воспитанія: таковы, напримѣръ, «Очеркъ Русской Исторіи», «Отношенія людей между собою въ благоустроенныхъ государствахъ», «Пословицы и поговорки» и пр. Вся книга состоитъ изъ тринадцати главъ; послѣднія три мы наименовали; вотъ первыя одиннадцать: 1) Краткія положенія для возбужденія внимательности и размышленія; 2) Разказы, служащіе къ развитію добрыхъ чувствованій и къ изощренію разсудка, 3) О вселенной, 4) О землѣ и обитателяхъ ея, 5) Произведенія земли, 6) О человекѣ, 7) О сохраненіи здоровья, 8) О времечисленіи и календарь, 9) Привѣчательныя естественныя явленія, 10) Европа. Выборъ сего сочиненія для начинающихъ читать, а слѣдовательно и думать, самый разсудительный. Оно написано очень-попятно и познакомитъ дѣтей съ предметами, каждый день и на каждомъ шагу имъ встрѣчающимися, — съ предметами, которые входятъ въ составъ физическаго и нравственнаго ихъ быта. Здѣсь дѣтскому уму предлагаются, можно сказать, только на пробу, понятія, заимствованныя изъ различныхъ отраслей знанія. Имѣя отъ природы къ чему-нибудь исключительную способность, дитя само собою, силою внутренней, инстинктуальной симпатіи повлечется къ тому, что ему угодно. Еслибы подобныя книги дѣлались у насъ общенародными, то дружнымъ дѣйствіемъ русскихъ умовъ быстро умножилась бы сокровищница наукъ знаніями живыми, точными, положительными; изъ крестьянъ и мѣщанъ у насъ явля-

лись бы не ремесленники, а умные, достойные всякаго почтения, образованные ремесленники, машинисты, естествоиспытатели, астрономы. Дѣти не посмѣли бы и подумать о томъ, чтобы печатать свои стишки и прозу: они бы знали, что есть предметы великіе, изумительные, для изученія которыхъ недостаточно цѣлой жизни; имъ бы стыдно было собственной мелкоты своей,—а этотъ стыдъ сильнѣйшее побужденіе къ дѣятельности, иногда залогъ великихъ успѣховъ... Сердечная и глубокая благодарность г-ну М-чу. Книга, имъ составленная, есть плодотворное сѣмя основательной и прочной умственной образованности. Дѣтская душа свѣжа и воспримчива: мы вполнѣ увѣрены, что трудъ составителя будетъ имѣть отдаленныя и благія послѣдствія.

312) Букетъ Цвѣтовъ, *составленный изъ прозаическихъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей*. Золотой подарокъ (!!) для юныхъ читателей. С.-П. бургъ. Въ тип. Сахарова. 1839. Въ 32-ю д. л. 176 стр. съ XXVIII картинками.

Мы вообще не ободряемъ такъ-называемыхъ сборниковъ, выписокъ, хрестоматій и т. п. Всякая порядочная книга, какъ всякій порядочный человекъ, должна имѣть свой умъ, свое имя, свою собственность; а что такое хрестоматія, у насъ издающіяся? тупеядцы, потребители, неимѣющие права на гражданство въ благородномъ обществѣ книгъ. Что же сказать, если самый сборъ статей, вырванныхъ изъ чужихъ сочиненій, дѣлается безъ всякаго разбора и искажается примѣсью безмыслия? Вотъ, на-примѣръ, передъ нами «Букетъ Цвѣтовъ»: назвали живописное, душистое, заманчивое. Смотримъ далѣе: на заглавномъ листѣ встрѣчаемъ глубокомысленное изреченіе, достойное одного изъ седми мудрецовъ древности и переданное, какъ видно, человекомъ *очень-грамотнымъ*: «Чтеніе суть (!!!) средство къ достиженію новыхъ познаній, или лучше сказать путеводитель къ новымъ понятіямъ». Посмотримъ къ какимъ «новымъ понятіямъ» поведетъ маленькихъ читателей чтеніе этой книжонки. Вотъ что говорится здѣсь «о ровности нрава» (стр.175): «Тихая и постоянная *ровность* нрава такое достоинство, которое по-моему мнѣнію, *обращается въ добродѣтель*». Что это за путаница? Прочтемъ еще: «Основательность, спокойствіе, ясность, чистота, правильность, благоразумная бережливость,

гармонія слога — видны были въ его *дѣлахъ* и обращеніи (стр. 101). Въ чѣихъ *дѣлахъ*, думаете вы, были видны гармонія слога, основательность слога, спокойствіе слога? Вѣрно въ *дѣлахъ* какого-нибудь совѣтника какого-нибудь губернскаго правленія? Ничего не бывало: это — въ *дѣлахъ* Карамзина! Къ статейкѣ приложенъ портретъ, который издатель хочетъ выдать за портретъ Карамзина. Ни одной черты схожей! Это какой-то щеголь съ всѣбатымъ хохломъ; все лицо покрыто однимъ красноватымъ цвѣтомъ... Можно ли наносить такое оскорбленіе и вкусу и памяти почтеннаго челоѣка?.. Посмотрите еще на портреты Суворова, Крылова, приложенные къ этой же книжонкѣ: то же несходство, то же безобразіе! Сожвѣтуемъ всѣмъ, кто будетъ имѣть неосторожность кушмъ эту пустую книжку, прежде всего вырвать изъ нея портреты и не показывать ихъ дѣтямъ. Но пусть останутся въ ней сине-море, кораблики, заходящее солнце и прочія безвредныя вещи, которыя очень-порядочно налитогравированы, хотя и весьма дурно раскрашены. Уморительнѣе всего картинка ХХІ-я: на первомъ планѣ ея четыре фигуры: какой-то офицеръ, стоящій фронтъ и еще какой-то толстый челоѣкъ, въ-родѣ дворецкаго, въ черномъ фракѣ, съ выпятившимся въ-передъ брюхомъ и съ заложеными за спину руками; онъ разговариваетъ съ офицеромъ и двумя франтами въ черныхъ фракахъ съ ухватками матазничковъ; въ углубленіи диванъ, на диванѣ барыня, изъ коихъ у одной, въ красномъ платьѣ, протянутая рука данниче всей ея фигуры; противъ барыни сидитъ опять военный челоѣкъ, развалившійся въ креслахъ. Эта картинка принадлежитъ къ статьѣ, называющейся «Большой свѣтъ»!.. Удивительнѣе всего свѣлость издателя, назвавшаго эту книжонку «золотымъ подаркомъ для юныхъ читателей»: мѣднаго гроша неслзя дать за этотъ *золотой* подарокъ!

313) *Enchiridion Medicum, или Руководство къ Практической Медицинѣ. Достопіе пятидесятилтней опытности* Х. В. Гуселанда. Съ нѣмецкаго перевелъ и со многими поясненіями въ пользу русскихъ врачей издалъ Григорій Сокольскій. Москва. Въ Унив. тип. 1839. Въ 8-ю д. л. VIII и 650 стр.

Т. V. — Отд. VII.

13

Г. Сокольскій не шутя воюетъ съ системами и теоріями. Предисловія его исполнены выходовъ противъ того, что отъ начала паукъ (это было очень-давно) до настоящаго вѣдъ положенія считалось необходимостію. Немудрено, если почтенный авторъ прославится гониміемъ предметовъ, въ пользу которыхъ не сомнѣвался и самъ Ж. Ж. Руссо, написавшій, между прочимъ, трактатъ о вредѣ наукъ. Еще въ предисловіи къ сочиненію своему «О грудныхъ болѣзняхъ», г. Сокольскій называлъ раздѣленія книгъ на части, главы и параграфы—пустыми украшеніями, безъ нужды увеличивающими число страницъ; но тамъ онъ только бросилъ перчатку всему, что мы привыкли называть общимъ, всему, что имѣетъ малѣйшую тѣнь умственнаго порядка. Въ предисловіи къ переводу гудландова творенія, онъ уже сильно наступаетъ на систему и теорію, хотя брошенной имъ перчатки никто, кажется, не поднялъ. Да, въ новомъ предисловіи видна уже высшая настойчивость, болѣе отважный бой съ системой, который можно бы назвать *ученой нетерпимостію*, если бы эти понятія были согласны между собою; къ-сожалѣнію, одно изъ ихъ исключаетъ другое; ученый никогда не сердится, слѣдуя мудрымъ словамъ какого-то Грека: ты сердился—слѣдовательно, ты неправъ.

«Правда» говоритъ г. Сокольскій: «вы не встрѣтите здѣсь (въ «Enchiridion») ни умствованій, ни предположеній, ни строгости системы; но въ этомъ-то и состоитъ достоинство сего творенія; что оно заключаетъ въ себя чистыя истины врачевныя безъ всякихъ педагогическихъ украшеній. Систематика, теоретическія объясненія, предположенія составляютъ достояніе не науки, но тѣхъ людей, которые трудятся въ выдумыванія этихъ затѣй и засоряютъ ими науку, безъ того темную и обширную.» Да извинитъ насъ почтенный авторъ, а въ этихъ десяти строкахъ не оберешься противорѣчій предъидущему и послѣдующему, неточности, сліянія различныхъ предметовъ. Называть строгость системы и умствованія педагогическими украшеніями, значить изобрѣтать, *выдумывать*, принимая последнее слово именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ принялъ его самъ переводчикъ. Если строгость системы есть педагогическое украшеніе, не болѣе, то какъ объяснить мысль переводчика за нѣсколько строкъ выше: «творенія Копради, Бишофа, Раймана, Шуланта

при всей систематичности *онихъ*, должны во всем уступить новому произведенію Гуфеланда? Какъ согласить слова: при всей систематичности *онихъ*, ясно указывающія на достоинства твореній Конради, Бишофа, Раймана, Шуланга, съ тѣмъ мнѣніемъ, которое бросаетъ систему въ хламъ педантическихъ украшеній?.. Мы объяснимъ и то и другое, назвавъ ихъ противорѣчіями; мы согласимъ и то и другое, замѣтивъ г. переводчику: вотъ что значить писать безъ системы!

«Наука» продолжаетъ г. Сокольскій: «состоитъ не изъ гипотезъ, не изъ того, что люди *думали* или *думаютъ*, но изъ того, до чего они дошли и что знаютъ. Даже лучшія системы, подобно колоннамъ, только украшаютъ, но не поддерживаютъ зданія науки.» А въ концѣ заключенія читаемъ слѣдующее: «Надѣюсь, и другимъ врачамъ интересно будетъ узнать, какъ *думали*, чувствовали и дѣйствовали мужъ, составившій эпоху въ практической медицинѣ. Напротивъ, вовсе не интересно знать, какъ *думалъ* Гуфеландъ, если наука состоитъ не изъ того, что люди *думали* или *думаютъ*».

«Мы еще должны благодарить автора, что онъ взялъ на себя трудъ очистить патологию отъ фантазіи.» Если почтенный переводчикъ подъ именемъ «фантазіи» разумѣетъ умствованія (которыхъ не должно смѣшивать съ «умничаньями»), строгость системы, теорій, основанныхъ на фактахъ; то мы, не смотря на пятидесятилѣтнюю дѣятельность Гуфеланда, не скажемъ ему «спасибо». Если же предисловіе г. Сокольскаго понимаетъ фантазію въ томъ значеніи, какое присвоено ей всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ — мы первые отвѣсимъ препизкій поклонъ Гуфеланду, какъ мужу, достойному истиннаго почтенія.

А онъ дѣйствительно достоинъ глубокаго почтенія. Посмотрите, какимъ благоволеніемъ, какою любовью къ ближнимъ дышетъ каждая строка его! какаѣ умѣренности въ сужденіяхъ! Терпимость чужихъ мнѣній соединена съ сознаніемъ собственной правды, опытъ старости вѣнчаетъ выводы мудреца. Это — Германія, кроткая и благочестивая, не потерявшая вѣры въ достоинство ума, убѣжденная въ могущество науки. Не видите здѣсь нападеній на теорію: «изъ теорій (предисловіе Гуфеланда) предложены только такія, которыя основаны на фактахъ и ведутъ къ правильному разумѣнію и леченію болѣзней». Авторъ такъ благоразуменъ, что считаетъ необходимымъ раздѣленіе из-

лагаемаго предмета ; следовательно , неидеть на перекоръ самымъ начальнымъ правиламъ логики : «Что касается до раздѣленія болѣзней , и удержанъ соблюдаемое уже много лѣтъ и найденное мною для клиническаго употребленія самымъ полезнымъ , то-есть , дѣленіе по главнѣйшимъ ошутительнымъ явленіямъ . Я замѣтилъ , что для практическаго употребленія , и особенно молодымъ врачамъ , лучше всего идти тѣмъ путемъ , которымъ ведетъ сама природа , и которымъ мы въ-послѣдствіи при постели больного всегда идти должны , а именно , отъ вѣншипа къ внутреннему . Вы ждете , можетъ-быть , что послѣ этого Гуэлаудъ начнетъ преслѣдовать дѣленія другихъ врачей ? Ошибаетесь : «другія дѣленія болѣзней , по тканямъ ; органамъ , системамъ , безъ-сомнѣнія , имѣютъ свое достоинство , но болѣе въ-медицинскомъ и натурально-историческомъ отношеніи , нежели въ-отношеніи къ практической пользѣ» .

Мы оскорбимъ читателей , если не подлинимся съ ними слѣдующими строками Гуэлауда— прекрасными , истинно-христианскими строками : «Мнѣ хотѣлось , чтобы оно (сочиненіе) издано было въ свѣтъ послѣ моей смерти , какъ послѣднее слово и завѣщаніе такого человѣка , который довольно жилъ на свѣтѣ , и ничего болѣе не требуетъ для себя отъ людей . Но какъ Богу угодно было продлить жизнь мою сверхъ моего ожиданія , то , не желая болѣе противиться требованіямъ друзей моихъ , я издаю эту книгу при жизни , тѣмъ болѣе , что капиталъ , который выручится продажею ея , опредѣленъ мною въ пользу бѣдныхъ врачей .» И потомъ , въ концѣ предисловія : «Наконецъ должно сказать , что это сочиненіе выходитъ въ свѣтъ безъ всякихъ намѣреній къ снисканію славы или чести . Я уже достигъ такого возраста , въ которомъ эти земные помыслы меня болѣе не лъстятъ . Эта книга есть послѣдняя дань , которую я приношу свѣту , готовясь къ преселенію отъ земной жизни . Сердечно желаю , чтобы она достигла цѣли своей и принесла молодымъ врачамъ пользу : *Nisi utile est quod agimus , vanâ est gloria vestra.*»

Искренность и простота изумительныя ! Но не больно ли ? Послѣ строкъ , въ такомъ духѣ написанныхъ , читаемъ слѣдующій отзывъ г. Сокольскаго : «Говорили , что книга эта недовольно-полна ; правда , нѣкоторыя статьи требуютъ пополненія , но на одномъ фунтѣ бумаги и нельзя было автору всего помѣстить : впрочемъ полнота не есть добродѣтель книги , противъ словъ

(не по-русски!); довольно, если она содержит много хорошего. Толстые книги не всегда хороши, и по этой причине, подобно толстым людям, редко долго живут на свете. Да разве толстога одно и то же съ полнотою? Последняя есть рациональная необходимость каждаго ученаго трактата; первая есть порокъ въ книгахъ и въ людяхъ. Книгъ толстой можно противопоставить тощую, изможденную, нахоточную: та и другая живутъ недолго.

Вотъ что значитъ писать безъ системы, даже предисловія. Читатель долженъ безпрестанно путаться въ противорѣчіяхъ, сбивчивостяхъ, двусмысленностяхъ. Странныя мнѣнія переводчика не мешаютъ намъ, однакожь, видѣть достоинства его перевода, скатаго, точнато, опредѣлительнаго. Замѣтимъ только, что онъ сдѣлалъ бы истинно-полезное дѣло, замѣнивъ свое предисловіе алфавитнымъ указателемъ предметовъ, содержащихся въ книгѣ... Но вотъ бѣда: вѣдь и въ указатель потребуется какаля-нибудь система! ,

314) Полное Свѣдѣніе о Пользованіи холодною Водою, или ясное изложене правилъ—какъ самыми вѣрными образми, помощію холодной воды скоро и вѣрно излечивать многія опаснѣйшія человѣческія болѣзни, съ присовокупленіемъ прибавленія (?) заключающаго въ себѣ (?) избранныя (!!) о болѣзняхъ исторіи (!!). Издано для вѣстьхъ (?) образованныхъ сословіи, докторомъ Фабрицемъ. Съ нѣмецкаго втораго изданія переведено Старорусскаго Военнаго Госпиталля старшимъ докторомъ, Статскимъ Советникомъ Михайломъ Ламовскимъ. С.-П.-бургеъ. Въ тип. А. Смирдина. 1839. Въ 8-ю д. л. II и 460 стр.

Давно ли лечили горячею водою по методѣ Каде-де-Во? Конечно, это было послѣ доктора Санградо, который также совѣтовалъ пить теплую воду. Давно ли, повторимъ, переведено было на русскій языкъ наставленіе, «какъ лечить упорные ревматизмы горячею водою»? Иной подумаетъ, что для этого употреблялись горячія ванны,—вѣтъ, просто совѣдовали пить кипятокъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, сколько выпить можно. Можетъ - быть, не повѣрятъ намъ, что это было; мы представимъ въ доказательство печатную книгу на русскомъ языкѣ и назовемъ, и укажемъ ея переводчика. Вотъ такъ-то сходятся крайности. Теперь, какъ-будто вопреки методѣ Каде-де-

Во, появилась новая метода врачевать всѣ болѣзни холодною водою. Не беремса утверждать, въ какой мѣрѣ распространилось употребленіе горячей воды, но что холодная вода наша потребителей-націентовъ, этого доказывать не нужно. Здѣсь въ Петербургѣ явились многіе врачи, предлагающіе совѣты и наставленія, какъ должно лечиться холодною водою. Недавно еще прибылъ сюда докторъ Вагнеръ изъ Грешенберга, что въ Австріи, гдѣ онъ изучилъ эту методу леченія у Присница, имѣющаго заведеніе, вполне устроенное для желающихъ лечиться холодною водою. Въ недавнее время (1800—1837) въ Германіи появилось множество сочиненій, отпосланныхъ къ *врачевствѣ холодною водою*. Главою идропатовъ безъ-сомнѣнія можно назвать доктора *Эртеля*, въ Ансбахѣ; онъ больше прочихъ ратуеть на поприщѣ водлпаго леченія. За нимъ непосредственно слѣдуютъ *Шульцъ* въ Кведлинбургѣ, *Йоганъ Сисламундъ Гинъ*, *Фр. Рёферъ*, предлагающій воду, какъ врачевное средство противъ 160 болѣзней, и подтверждающій пользу этого леченія наблюденіями древнихъ и новѣйшихъ врачей, *Йоганъ Флойеръ*, и наконецъ *Фабриціусъ*, котораго сочиненіе со втораго изданія перевелъ г. Ламовскій на русскій языкъ. Не беремса опредѣлять, въ какой мѣрѣ полезенъ трудъ г. Ламовскаго для его соотечественниковъ, но за-то не спрашиваемъ переводившаго, убѣдился ли онъ собственнымъ опытомъ въ методѣ водлпаго леченія. Впрочемъ, какъ бы то ни было, по книга Фабриціуса довольно любопытна и уже по-этому можетъ на нѣсколько часовъ обратить на себя вниманіе публики.

Въ введеніи въ сочиненіе Фабриціуса можно найдти столь много утѣшенія, что невольно увлечешься его представленіями и прямо бросишься въ воду. Послушаемъ, что говорится въ немъ: «Самое убѣдительноѣе доказательство улучшенія нашего времени (!) есть всеобщее стремленіе къ простѣйшему и съ природою *сообразнѣйшему образу жизни, нежели кикой была мы досель*. Одежда, жилища, пища и питіе, сонъ, бѣдніе, труды и покой теперъ всегда болѣе *сообразовываются* съ существенными потребностями, и притомъ такъ, *какъ то* представляется сообразнымъ съ цѣлю сохраненія нашего *здоровья* и не токмо въ *здоровомъ* состояніи, но и во время случающихся съ нами болѣзней, мы нынѣ поступаемъ лучше нежели *какъ то бывало прежде* (Что за чудовищный періодъ!). «Если въ этомъ от-

пошеиш остается еще многого желать, *то* не мстишь *того* въ короткое время, *такъ* много сделано, *что* по справедливости можно надѣяться, *что* мы на проложенномъ къ сему усовершенствованію пути, не только не остановимся, но еще съ большимъ рвениемъ пойдемъ далѣе...» Не хотѣлось бы намъ за переводчикомъ идти далѣе, и скакать по кочкамъ; которыя онъ наставилъ подъ видомъ союзовъ *то, что* и пр., но авторъ объявляетъ, что «можетъ быть потомки наши составятъ уже кричайшее поколѣніе и не будутъ подвергаться нѣкоторымъ болѣзнямъ, *которыя наше существованіе такъ дѣлаютъ печальнымъ.* Благодаря успѣхамъ чистѣйшей (?) философіи, медицина въ новѣйшія времена сдѣлалась простѣе (не слишкомъ ли проста?) и утвердилась на основаніяхъ благоразумной опытности. Всѣ единодушно и совершенно убѣдились въ цѣлительной силѣ природы (когда же этого не знали?), которой теперь предоставляютъ *болѣзни съ счастливымъ и успѣхомъ (!)*, тогда какъ прежде, къ стѣсненію ея дѣйствій изъ всѣхъ страпъ свѣта старались доставить *безполезныя и даже вредныя (?!) средства.* Иныя болѣзни излечиваются по видимому (!!) маловажными и у каждаго *подъ рукою* имѣющимися средствами, *которыя прежде почитались (?)* недействительными. Такъ *излечены* тысячи людей отъ тяжкихъ болѣзней чрезъ внутреннее и наружное употребленіе холодной воды и еще гораздо большее число, *употребляя* (излечены — употребляя!) оную ежедневно, укрѣпили и возстановили *свое* слабое здоровье»... Далѣе пѣтъ силъ выписывать изъ этого введенія. Господи, Боже мой! да на которомъ изъ вавилонскихъ языковъ оно писано?..

Но мы рады, что наконецъ дошли до воды, которая составляетъ предметъ книги Фабриціуса. Желая богѣе подтвердить возможность леченія холодною водою, Фабриціусъ доказываетъ исторически, какъ употребляли это врачевство въ древнія, среднія и новѣйшія времена. «*Древнѣйшіе* врачи Греціи большимъ своимъ, одержимымъ нервными горячками, позволяли пить *холодную воду съ счастливымъ успѣхомъ*» (г. переводчикъ! что это такое?). *Иппократъ* рекомендовалъ, ее употребленіе въ различныхъ болѣзняхъ; въ лихорадкахъ онъ *приказывалъ* много пить воды *чистой* или смѣшанной съ медомъ. Въ судорожныхъ оцѣпененіяхъ, кровотеченіяхъ, въ мѣстныхъ рожеобразныхъ воспаленіяхъ, ревматическихъ и ломотныхъ

боляхъ, онъ (Иппократъ) употреблялъ обливаніе холодною водою, да и вообще холоду онъ приписывалъ боле-утолятельную и воспаленіе разрывающую силу. *Еризистратъ* въ *больнейшихъ* поврежденіяхъ (?), производимыхъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, *приказывалъ* накладывать на голову гречкую губку, *напитанную* холодною водою. Холодные ванны впервые употреблены были императоромъ Августомъ по совету его лейбмедика Музы, и съ такою пользою, что Августъ послѣ этого жилъ еще 35 лѣтъ. Гораций, страдавшій глазами и апохондрическими припадками, также выдѣтился по совету Музы холодными ваннами. Послѣ него совѣтовали употреблять холодную воду также *Цельсъ*, *Арстей*, *Галенъ*, и другіе. Въ среднихъ вѣкахъ повсюду распространившееся невѣжество и *господствующіе* (доселѣ еще ?...) предрассудки на долгое время *изменяли* изъ области медицины *всюкую* простоту и величавые чародейственныя врачевныя средства. Не смотря на это, были больные, которые по *побужденію* самой природы испытывались холодною водою. Въ это время известно счастливое излеченіе императора Максиміана I отъ горячки употребленіемъ холодной воды. Перешедши отъ среднихъ временъ къ новѣйшимъ, Фабриціусъ продолжаетъ исторію леченія холодною водою. «Въ началѣ прошлаго (XVII) столѣтія многіе изъ врачей одобрили употребленіе холодной воды во многихъ болѣзняхъ. 1724 и 1725 года *сициліанскій* капуцинъ Бернардъ Марія де-Кастрогіане *удивительно* прославился счастливыми излеченіями *помощію* *весьма* холодной воды. Онъ давалъ *льдоуго* (?) воду внутрь и снаружи. Начальникъ ордена (??) Фаретти, девятисто двухлѣтній старецъ, лежавшій въ горячкѣ при послѣднемъ издыханіи, по влитіи ему въ ротъ *льдовой* воды, будто бы тотчас опомнился и почувствовалъ себя въ хорошемъ состояніи (si fabula vera). *Фридрихъ Гобсманъ*, *Иоаннъ Сиенс-мундъ Гамъ* и сынъ послѣдняго наиболѣе способствовали вѣсти въ Германіи пользованіе холодною водою». (Извѣстно ли переводчику, что сочиненіе Годмана издано въ русскоѣ переводѣ 1789 г., въ Кіевѣ?) *Самойловичъ* въ описаніи чумы, свирѣпствовавшей въ Россіи, предлагаетъ употребленіе холодной воды (Нелишне было бы привести здѣсь историческое свидѣніе пользу холодной воды, испытанной въ чумѣ 1826 года). *Заслуга* — видѣть медицинское употребленіе холодной

воды утвержденных на тотъшнихъ правилахъ и свидѣтельствъ, и единственно чрезъ то въ первый разъ введенныя въ кругъ ученой медицины — принадлежитъ англійскому врачу Кюрри, коего сочиненіе, появившееся 1797 года можно почитать основаніемъ систематическаго леченія холодною водою.» (Здѣсь сказано что-то, да слишкомъ перепутано сказаніе, потому мы выписали этотъ періодъ съ соблюденіемъ его цѣлости, дабы не упрекнули насъ въ преднамѣренномъ искаженіи мысли автора). Между врачами, впервые обратившими вниманіе на холодную воду и съ успѣхомъ употреблявшими ее, заслуживаютъ въ особенности быть упомянуты: Брандистъ, Гегевинъ, Штяглицъ, Гиршъ, Жавини, Миліусъ, (бывшій главный врачъ Мюрскаго Госпиталя въ С. П. бургѣ), Нассе, Горизъ и проч. (Замѣтнимъ, что генерал-штаб-докторъ гражданской части, С. О. Гаевскій въ своемъ сочиненіи: «О гнилой и первой горячкѣ 1813 года» совѣтуетъ употребленіе холодныхъ ваннъ. Еще напомнимъ переводившему, что покойный лейб-медикъ Гардеръ купалъ въ холодной водѣ дѣтей, большихъ скарлатиною и корью). Послушаемъ, что слѣдуетъ далѣе за похвальнымъ этимъ словомъ холодной водѣ. «Надобно опасаться, чтобы отъ частаго и неумѣстнаго употребленія холодной воды не произошло вреда, и тѣмъ самымъ не могла бы уменьшиться заслуженная ею (водою) добрая слава. Къ сожалѣнію въ этомъ папбогѣ будутъ обвиняемыя, которые съ другой стороны (?) касательно пользованія водою, снискали себѣ величайшую похвалу тѣмъ, что они ознакомили и сблизили съ врачевнымъ дѣйствіемъ оной (?) простой народъ. Въ этомъ отношеніи преимущественно надобно указать на доктора Ертеля, который съ неутомимымъ и безпримѣрнымъ рвеніемъ всячески старался распространить діетическое и врачевное употребленіе холодной воды. Онъ совершенно искоренилъ народныя предразсудки (??), которые, къ сожалѣнію весьма часто препятствуютъ медицинскому оной (?) употребленію. Но бывъ совершенно убежденъ въ безвредности и величайшей пользѣ холодной воды, онъ, удерживая пламеннымъ усердіемъ ко благу челоковѣства, рекомендуетъ ее слишкомъ обще и безусловно... Наконецъ Фабриціусъ договорился, что не всегда и всюду полезно безусловное употребленіе холодной воды, и обращается къ своему другу, доктору Эртелю,

съ слѣдующимъ изрѣченіемъ Горация: *Est modus in rebus*, и проч. Мы не хотимъ прилагать здѣсь переводъ этихъ словъ.

Предоставляя волю и желанію каждаго прочитавъ книгу Фабриціуса и на здоровье пользоваться излагаемыми въ ней совѣтами, также не исчисляя болѣзней, въ конхъ одобряется употребленіе холодной воды, обращаемъ вниманіе на первое прибавленіе, содержащее въ себѣ «Примѣры достигнутыхъ посредствомъ холодной воды излеченій». Къ числу счастливыхъ случаевъ этого леченія принадлежать бывшіе 1811 и 1813 года въ Санктпетербургскомъ Морскомъ Госпиталѣ подъ руководствомъ главнаго его доктора Миліуса. Что самъ переведшій не дѣлалъ опытовъ леченія холодною водою, объ этомъ мы догадывались и, прочитавъ переводъ, совершенно увѣрились въ томъ; но за чѣмъ же г. Ламовскій не прибавлялъ къ примѣрамъ леченія холодною водою ни одного изъ практики лейб-медиковъ Гаевского и Гардера, который особенно славился леченіемъ скарлатины, кори и проч. посредствомъ обливаніями холодною водою? За-чѣмъ не сказано ни слова о пользѣ холодной воды въ чумѣ? Кажется, это можно было бы заимствовать изъ сочиненія Зейдлица и Четыркина. Г. Ламовскій почитаетъ, какъ видно, весьма большою находкою въ книгѣ Фабриціуса «второе прибавленіе» (стр. 456); намъ также кажется, что это второе прибавленіе для многихъ важнѣе цѣлой книги.

Такимъ-образомъ, прочитавъ сочиненіе «Объ употребленіи холодной воды» мы повторимъ, что оно любопытство, — и только.

Не знаемъ, какую цѣль имѣлъ издатель въ печатаніи этой книги. Врачи могутъ прочесть ее въ оригиналѣ, и слѣдственно, въ переводѣ не нуждаются; если жь издатель имѣлъ въ виду публику, то едва ли не ошибся: переводъ сей книжицы до-того дурень, что если бы кто и рѣшился, прочесть оную, то вѣрно бросилъ бы ее не дочитавъ до половины.

315) О Причинахъ большой Смертности Дѣтей на первомъ году жизни и мѣрахъ къ ея отращенію. Сочиненіе доктора Н. Р. Лихтенштедта, написанное на задачу Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и удостоенное первой награды. Переводъ съ нѣмецкаго. Издано издѣлснѣмъ Им-

ператорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *С.-Пбурга.*
Въ тип. И. Глазунова и К. 1839. Въ 8-ю д. л. XXXI и
117 стр.

Императорское Вольное Экономическое Общество, постоянно заботясь о сохраненіи народнаго здоровья и желая всими способами достигнуть предположенной цѣли, въ 1833 году предположило задачу, «въ коей между-прочимъ требуется вполне изложить причины такъ неестественной между младенцами смерти на первомъ году ихъ рожденія и представить къ предупрежденію зла способы, удобоисполнимые въ быту крестьянскоимъ и соотвѣтственные надзору помѣщиковъ, управителей и деревенскихъ старостъ». За удовлетворительное по этому предмету сочиненіе общество назначило выдать двѣ тысячи рублей и медаль въ пятьдесятъ червонныхъ. По поводу этой программы поступило въ Императорское Вольное Экономическое Общество 84 сочиненія. V-ое Отдѣленіе Общества, рассмотрѣвъ эти отвѣты, признало (1836) лишь пять изъ нихъ достойными награды. Въ числѣ сихъ отвѣтовъ первое мѣсто занимаетъ сочиненіе доктора Лихтенштедта, придавашаго еще болѣе достоинства своей книгѣ присоединеніемъ новѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній, заимствованныхъ у академика Германа, Кетеле, Вилерме, Каспара, Бурдаха, Деша и др. Не соглашаясь во всемъ съ программю задачи и опровергая два главныя въ ней мнѣнія, г. Лихтенштедтъ говоритъ, что большая смертность дѣтей на первомъ году жизни не зависитъ лишь отъ случайныхъ отношеній, состоящихъ во власти челоѣка; напротивъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ можно весьма-значительно уменьшить замѣчаемую доселѣ смертность дѣтей на первомъ году ихъ жизни, но все же она будетъ весьма-велика и гораздо превзойдетъ смертность въ позднѣйшемъ ихъ возрастѣ. Далѣе, нѣтъ средствъ со стороны помѣщиковъ и другихъ лицъ къ предупрежденію зла; мѣры для этого заключаются влѣ круга пособій, означенныхъ въ программѣ (Пред. стр. X. XI).

Сочиненіе доктора Лихтенштедта состоитъ изъ пяти отдѣленій; въ первомъ изъ нихъ разсматривается «рановременная смерть органическихъ существъ вообще». Здѣсь авторъ вполне доказалъ истину, что на первомъ году челоѣческой жизни смертности гораздо больше, чѣмъ во всѣ послѣдующіе годы дѣтства, юности, возмужалости и даже глубокой старости. Во II-мъ

отдѣленіи сочинитель разсуждаетъ «о большой смертности дѣтей, особенно на первомъ году ихъ жизни». Оба эти отдѣленія весьма интересны по содержащимся въ нихъ важнымъ фактамъ, и потому нельзя представить ихъ въ извлеченіи. Въ III отдѣленіи изложены «причины большой смертности на первомъ году жизни». Знаніе этихъ причинъ весьма-полезно для каждаго, почему вкратцѣ исчислимъ ихъ. Причины большой смертности на первомъ году жизни суть: *естественныя* и *искусственныя*. Къ первымъ принадлежатъ: а) зачатіе, б) беременность, в) роды, г) отношенія вскорь послѣ родовъ, е) слабость, ф) болѣзни груднаго ребенка въ первыхъ его дняхъ и недѣляхъ, г) недостатокъ пищеваженія, h) воспаленія, i) воспалительныя сыпныя болѣзни, к) судорожный кашель, l) корчи, m) прорѣзываніе зубовъ, п) золотуха и англійская болѣзнь. Къ искусственнымъ причинамъ относятся: о) недостатокъ присмотра за дѣтьми, р) умышленное убійствіе поворожденныхъ и грудныхъ дѣтей, q) недостатокъ питанія: здѣсь разумѣются aa) дѣйствительный недостатокъ питанія, bb) дурное молоко, cc) искусственное кормленіе; г) испорченный воздухъ, в) недостатокъ одежды, t) недостатокъ опрятности, u) болѣзненное расположеніе или дѣйствительныя болѣзни, передаваемые дѣтямъ родителями или приставниками, v) предрасудки и дурныя привычки, w) недостатокъ врачебной помощи: подъ этимъ разумѣется aa) недостатокъ во врачахъ, bb) предрасудки относительно врачебнаго леченія дѣтей и cc) незнаніе дѣтскихъ болѣзней. Всѣ эти причины относительно ихъ значенія разсматриваетъ авторъ весьма-подробно. IV отдѣленіе, гдѣ излагаются средства къ отараченію большой смертности младенцевъ на первомъ году ихъ жизни, и V отдѣленіе, содержащее въ себѣ заключеніе и особенное примѣненіе предложенныхъ мѣръ къ Россіи, не могутъ быть представлены въ извлеченіи. Къ сочиненію г. Лихтенштедта присоединены двѣ таблицы: первая показываетъ смертность въ тысячи человекъ, во второй таблицѣ представлено извлеченіе изъ вѣдомостей объ умершихъ мужскаго пола грекороссійскаго исповѣданія за 1831, 1832, 1833 и 1834 годы по вѣсьмъ епархіямъ. Медико-статистическія изслѣдованія, содержащіяся въ книгѣ г. Лихтенштедта, весьма-интересны не только для врачей, но и для другихъ ученыхъ; обстоятельное же изложеніе причинъ смертности и предложеніе

не мёрзъ къ ея отарашенію заслуживаютъ признательность каждаго друга человечества.

Возрастающее юношество въ Россіи навсегда должно быть признательно правительству за его отеческія о немъ попеченія, тѣмъ болѣе, что въ другихъ странахъ лишь недавно начали обращать вниманіе на этотъ предметъ.

316) Садовникъ, Цветоводецъ и Огородникъ, *заключоціи* (заключоціи) въ осьмидесяти прослѣдующихъ наставленіяхъ о разведеніи разнаго рода растеній, какъ садовыя, такъ и огородныя. Москва. Въ тип. Василья Кирилова. 1839. Въ 8-ю д. л. 64 стр.

Книга, кое-какъ склеенная изъ разныхъ выборокъ, которыя *заимствованы* у разныхъ авторовъ, или, можетъ-быть, у одного автора; книга, написанная по сердцу и мысли тѣхъ, которые не любятъ системы, теоріи, классификаціи, порядка, однимъ словомъ: всего, что пахнетъ *установленіемъ*. И подлинно, вѣдь это страшное слово!

317) Изъясненіе къ прожектированному Плану Столичнаго Города Москвы, *показывающее остояніе въ ономъ соборахъ, монастыряхъ, приходскія церкви, казенныя, общественныя зданія и прочія заведенія по 1824 годъ, изданному и съ натуральными положеніемъ свѣренному шестаго класса и кавалера* Е. Челіевымъ. Четвертымъ писменіемъ. Москва. Въ тип. А. Семена. 1839. Въ 8-ю д. л. 34 стр.

Вотъ предъ нами въ этой маленько́й книжечкѣ вся Москва, съ неизслѣдимымъ лабиринтомъ ея улицъ, закоулковъ и переулковъ; ея церкви съ золотыми шакотками, ея блококаменныя зданія... Сколько названій! какъ можно упомянуть ихъ всѣ?.. Книжка составлена на русско́мъ и на французско́мъ языкахъ. Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія касательно перевода русскіихъ названій на французскій языкъ и также касательно ихъ изображенія французскими буквами. Во-первыхъ, намъ показалось странно, что однимъ названіямъ дано какъ-будто предпочтеніе тѣмъ, что они переведены, а многія другія, которыя могли бы также удобно быть переведенными, только изображены французскими буквами. На-примѣръ, церковь Великомученика Георгія на Красной Горкѣ переведена: «Egl. de St.

George (le) martyr, sur la montagne rouge»; церковь Похвалы Богородицы, близъ Каменнаго Моста — «Egl. des louanges de la Vierge, près du pont de pierre». А церковь Архангела Гавриила, что на Чистыхъ Прудахъ «de l'Archange Gabriel dit на Тобитikh Proudakh» и т. д. — Кто узнаеть въ слѣдующемъ французскомъ названіи «St Nicolas dit на Pourichckha» русское «Николы-на-Пупышахъ»? — Почему здѣсь сохранилось уничтоженное названіе Университетскаго Благороднаго Пансіона? Издателю должно быть извѣстно, что Университетскій Пансіонъ ужь давно переименованъ въ Дворянскій Институтъ.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

21) *ELEMENTARBUCH der Deutschen Sprache zum Gebrauche der untern Klassen der St. Petri-Schule von Theodor Hecker, 2-te Auflage (Учебная Книга Нѣмецкаго Языка, для употребленія въ низшихъ классахъ Петропавловскаго Училища. Издана Теодоромъ Геккеромъ. Второе изданіе). St. Petersburg. Gedr. in der Buchdr. der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften. 1839. In 8. 279 Seiten.*

Мы имѣли случай нѣсколько разъ замѣчать, что большая часть учебныхъ книгъ, говоря вообще, составляется у насъ по иностраннымъ образцамъ — но невнимательно, даже иногда безъ знанія педагогическаго дѣла; послѣдній недостатокъ происходитъ отъ-того, что собственно педагогія у насъ еще не успѣла развиться, хотя въ послѣдніи десятилѣтія, при дѣятельномъ за ней вниманіи правительства, и сдѣлала замѣтные успѣхи. Мы еще такъ далеки по этой части, что у насъ каждый, нѣсколько знакомый съ какою-нибудь отраслю науки или искусства, смѣло принимается учить тому другихъ или издавать учебныя книги, не заботясь ни мало о собственно-педагогическихъ познаніяхъ, безъ которыхъ качество добраго наставника приобрѣтено можетъ быть не иначе, какъ опытностію — а каково же дѣлямъ, надъ которыми будутъ производимы эти опыты? Впрочемъ книга, о которой мы намѣрены говорить здѣсь, полагается въ авторѣ педагога, понимающаго въ чемъ дѣло, и во-

обще составлена довольно-умно и ловко, по исполнена небрежностью.

Авторъ имѣлъ въ виду русскихъ воспитанниковъ, учащихся нѣмецкому языку, по воспитанниковъ еще совершенно-незнакомыхъ съ самыми начальными основаніями языка нѣмецкаго, и приспособилъ свое руководство къ употребляемой въ нѣмецкомъ Училищѣ св. Петра нѣмецкой грамматикѣ. Выходя изъ правила, что въ изученіи иностраннаго языка должно подражать тому естественному и простому способу, коему слѣдуемъ мы какъ въ инстинктуальномъ изученіи языка природнаго, такъ и въ такомъ случаѣ, когда учимся языку чужеземному практическимъ образомъ, т. е. живя въ странѣ, гдѣ этотъ языкъ господствующій — авторъ старался прежде обогатить память учащагося словами, формами и выраженіями, потому уже коротко и определенно сообщить ему самоужившія правила.

«Что пользы ученику» справедливо замѣчаетъ онъ: «въ правилахъ, когда еще у него нѣтъ матеріала, къ которому онъ приложилъ бы ихъ, и къ-чему показывать ему какъ обходиться съ вещью, которой нѣтъ еще въ рукахъ его?» Остановимся на этихъ основательныхъ разсужденіяхъ и посмотримъ, какими путемъ идетъ авторъ къ предполагаемой цѣли. Съ-начала — азбука, буквы прописныя, сложныя, гласныя, согласныя и такъ далѣе, потомъ — склады, какія-то подложныя буквы — но это ничего (дурной терминъ случается и въ хорошихъ книгахъ), слоги, знаки препинанія, цифры и таблица умноженія; въ-слѣдъ за этою азбучною частию слѣдуетъ самый текстъ, расположенный такъ, какъ его обыкновенно располагали и располагаютъ въ тысячѣ подобныхъ книгахъ, т. е. сперва отдѣльныя слова, встрѣчающіяся въ слѣдующихъ за ними фразахъ, а потомъ самыя фразы, краткія предложенія изъ нѣсколькихъ словъ. — Здѣсь нѣ въ чемъ упрекнуть автора, нѣ за что и благодарить его, — вещи старыя, извѣстныя, хотя, по нашему мнѣнію, имъ бы давно пора было въ отставку, и вотъ почему. Дѣтя узнаетъ слова не прежде, какъ познавъ предметъ, ими изображаемый, и первый запасъ его дѣтскихъ свѣдѣній и словъ состоитъ рѣшительно изъ ряда картинокъ или образовъ. Онъ понимаетъ, знаетъ то только, что имѣетъ образъ, что дѣйствуетъ на его чувства, воображеніе: этому надобно подражать и въ обученіи дѣтей языку иностранному, надобно, чтобъ каждая фраза была образомъ, картиною; тогда

она удобно пойдет место въ головѣ учащагося. Какъ же обыкновенно составляются эти фразы—слушаемъ. Вотъ-на-при-
мѣръ, разговоръ о домѣ:

Я живу въ домѣ. Люди живутъ въ домахъ. Гдѣ живетъ твой отецъ?
Домъ, въ которомъ я живу, принадлежитъ моему отцу, *онъ* есть мой
отеческій домъ. Черезъ домовую дверь (Hausthür) вхожу я въ переднюю
(Haushof) и проч.

Не забудьте, что это для самаго живаго возраста, для возрас-
та, въ которомъ понятно то только, что имѣеть образъ; а
здѣсь, въ подобныхъ фразахъ, что вы найдете? Каково должно
быть терпѣннѣе повторять эту дрязгу, попробуйте! То же самое
можно сказать понятнѣе и занимательнѣе для ребенка, сохра-
нивъ (главное условіе, мы это знаемъ) краткость фразъ, частое
употребленіе словъ, на которыя хотять обратить вниманіе; опре-
дѣлите, на-примѣръ, прежде значеніе слова «домъ», потомъ дѣлите
это значеніе на виды: домъ крестьянина—изба, и тотчасъ картин-
ку; домъ вельможи—палаты, и опять картинку; домъ царя—дво-
рецъ и снова картинку; выбирайте краски самыя яркія, слова и
обороты самыя простыя и извѣстныя; такимъ-образомъ ваша
же тема одѣнется новою одеждою и вмѣстѣ съ вашими картин-
ками запечатлѣются въ памяти ребенка слова, а съ ними при-
обрѣтется многое и для ума: во-первыхъ, логичность раздѣленія
когда она часто представляется юному уму, то служить ему
вмѣсто помочей, по доторымъ онъ самъ нечувствительно на-
учается дѣлаться, а во-вторыхъ, онъ приобрететъ нѣсколько
свѣдѣній и достигнетъ главной и непосредственной цѣли—запаса
словъ, которыя безъ труда сами собою останутся въ головѣ его
вмѣстѣ съ образами. Скажутъ, это неудобносполнимо въ томъ
отдѣленіи книги, гдѣ фразы оставлены единственно съ цѣлю
показать отношеніемѣмецкаго глагола «sein» къ русскому «быть»,
или представить спряженіе глагола,—согласимъ; но и здѣсь ис-
кусная рука многое нашла бы измѣнить; именно, согласно съ
первымъ положеніемъ, что изученіе языка иностраннаго дол-
жно основываться на методѣ, которой слѣдуетъ сама натура
въ изученіи языка природнаго, все должно обратиться къ обра-
зы и краски. Повторимъ опять, что мы отнюдь не вмѣшаемъ
автору разсматриваемой нами книги въ вину то, что онъ этого не
сдѣлалъ—не сдѣлалъ потому - что другіе также не дѣлаютъ; но

что оправдываетъ его лично, не извиняетъ наука: каждый болѣе или менѣе долженъ приближать ее къ этой цѣли. Слѣжемъ откровенно, такой учебной книги, въ которой все съ величайшею отчетливостію было бы примѣнено къ понятіямъ и быту дѣтскаго возраста, все дышало бы этой любовью къ дѣтскому міру, этимъ благоговѣніемъ къ святынѣ дѣтскаго ума и чувства, словомъ гдѣ глубочайшая поэзія низошла бы на степень дѣтства, чтобы быть его наставницею, вѣтъ и едва ли вскорѣ быть можетъ; тотъ, кто бы написалъ теперь такую книгу, стоилъ бы монумента на-ряду съ гениями-завоевателями и гениями-благотворителями челоуѣчества; но надобно подвигать науку, идти къ этой цѣли, а не оставаться въ старой, избитой колеѣ. Если бы мы замѣтили въ авторѣ только хотя стремленіе къ этому, то и тогда уже торжественно вручили бы ему вѣнокъ; но, къ-сожалѣнію, у него все старое по старому, а вновь ничего.

Итакъ не здѣсь еще дурная сторона книги г. Геккера, но въ небрежности, непростительномъ невниманіи къ языку русскому. Авторъ хочетъ Русскихъ учить нѣмецкому языку—прекрасно; но для-того, чтобы объяснять духъ и смыслъ языка чужеземнаго, надо говорить ясно, точно и опредѣленно на ихъ языкѣ родномъ. Авторъ же говоритъ: «суть четыре времени дня: ночь, утро» и проч.—понимаемъ, что здѣсь «суть» для-того, чтобы сдѣлать дѣтямъ понятіе *es sind vier Tageszeiten*, да это по нашему мнѣнію ошибочно: сказавъ *суть*, авторъ уничтожилъ именно ту самую особенность языка нѣмецкаго (вообще всякаго иностраннаго), которою фраза, резко отдѣляясь отъ русской, удобнѣе бы врезалась въ память ребенка (противоположности самое сильное средство на дѣтскій умъ). Такимъ-образомъ авторъ поступалъ всюду: ясно, что здѣсь не ошибка противъ языка, а просто, по нашему мнѣнію, только неумѣстное стараніе сдѣлать для ребенка понятіе чуждую фразу; но на-примѣръ, такіа выраженія: «лѣтомъ *тлѣются* многіе горожане въ деревню», «въ саран хлѣбъ везется» (т. е. свозится), «въ за-кромѣ на станкѣ для сѣчки сѣчку рѣжутъ», «у утренняго часа золото во рту» и подобныя, рѣшительно непонятныя не только для дѣтей, но и для взрослыхъ выраженія, почти на каждой страницѣ: что жъ пойметъ ребенокъ по-нѣмецки, когда онъ по-русски-то не понимаетъ? Самые даже слова невѣрно переведены:

«Hausthür домовья двери, Nachtlampe, ночная лампада (просто ночникъ) Ich rieche, я обоняюносомъ» и проч.; а какъ еще не упрекнуть автора за подобныя, осторожныя фразы: «крестьяне суть полезныя и необходимыя, чѣмъ многіе художники? Осторожный педагогъ не заставитъ ученика повторять такую дрянь, а покажетъ ему, какъ необходимы тотъ и другой классы, иль, если это можетъ быть еще непонятнымъ для дѣтскаго ума — избѣжитъ такихъ неудачныхъ сравненій. Все это недостатки, лично падающіе на г. Геккера и въ которыхъ мы уже не будемъ его оправдывать. Въ первой половинѣ нашей рецензіи намъ можно еще многое возразить, можно спорить съ нами, потому-что это дѣло теоріи, особаго взгляда на дѣло, словомъ, вопросъ такой, который рывається не журнальною статьею, и въ противорѣчіи еяумы отнюдь не намѣрены обвинять ни г. Геккера, ни каждаго другаго педагога; но здѣсь, въ этихъ ошибкахъ противъ языка, въ этомъ тяжеломъ, неискusstvenномъ составѣ многихъ фразъ, оныя выповать тѣмъ болѣе, что публикуеть свою книгу вторымъ изданіемъ, слѣдовательно, имѣеть время и средства поправить опрѣрки перваго. Пожелаемъ, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ книга явилась въ лучшемъ видѣ въ третьемъ изданіи, если ей суждено дожить до него.

22) GRAMMAIRE Russe expliquée en français à l'usage des étrangers. J. J. (Русская Грамматика, изъясненная на французскомъ языкѣ для иностранцевъ). Москва. Въ тип. Августа Семенова. 1859. Въ 8-ю д. л. 173 стр.

Если, при составленіи «Русской Грамматики для иностранцевъ» дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ составить *какую-нибудь* грамматику, то ничего нѣтъ легче подобнаго предпріятія возьмите руководство Востокова, или Половцова, или десятки другихъ грамматикъ, переведите ихъ на французскій или вѣмецкій языкъ, оставивъ *texte en regard* и — русская грамматика готова. Но если дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ составить *полезное* для иностранцевъ руководство къ изученію нашего языка, тогда однимъ переводомъ невозможно отдѣлаться, и авторъ встрѣтитъ затрудненія, съ большимъ трудомъ побѣждаемыя. Познаніе языка русскаго, который оны беретъ объяснить, и языка французскаго, на которомъ излагаетъ свои объясненія, не приведетъ еще къ полному успѣху.

Что же предстоить автору хорошаго, полезнаго для иностранцевъ руководства къ изученію русскаго языка?

Ему предстоитъ, во-первыхъ, отбросить ту часть грамматики, которая одинакова у Французовъ и Русскихъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, Турковъ и Персіянъ—часть *общую*, известную уже изъ грамматики отечественнаго языка.

Во-вторыхъ, онъ долженъ отбросить также всѣ правила, основанныя на помощи *слуха*, правила, такъ-сказать, *механическія*, годныя только для насъ, взрослыхъ среди родныхъ звуковъ и безполезныя для иностранцевъ. Если французскія приставки: *qui, quoi*, нисколько не помогаютъ намъ отличить имя существительное отъ нарѣчія, то и Французамъ не легче отъ нашихъ *сей, сія, сіе, кто, что, чего, како*, и т. д. Мы легко узнаемъ родъ именъ по приложенію *сей* или *этого*, узнаемъ падежи по приложенію *кто, что, како, како* и т. д., ибо эти приложенія суть не что иное, какъ формулы согласованія и управленія словъ, доступныя нашему уху безъ дальнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ; но къ-чему подобныя указанія для Француза или Нѣмца?

Умѣя выбросить ненужное, лишнее для иностранца, авторъ грамматики долженъ, съ другой стороны, пополнить свое сочиненіе такими замѣчаніями, которыя именно драгоценны для иностранцевъ, хотя ненужны для Русскихъ—вотъ его третья обязанность. Эти замѣчанія выводятся изъ сравненія двухъ языковъ, изъ умѣнія не только отыскать въ одномъ изъ нихъ формы, соответствующія формамъ другаго, но и объяснить паралель легчайшимъ образомъ.

Належащая методу въ изложеніи, распрежденіе предметовъ, приспособленное къ потребностямъ иностранца, составляетъ, наконецъ, послѣднее, весьма-важное требованіе. Здѣсь всего болѣе нуженъ, такъ-сказать, учительскій тактъ, который означаетъ постепенные переходы отъ простѣйшаго къ труднѣйшему, отъ необходимаго къ менѣе-нужному.

Само собою разумѣется, что, кромѣ числительныхъ качествъ грамматическаго пособія для иностранцевъ, оно должно содержать въ себѣ правила истинныя, на чемъ-нибудь основанныя. Мы охотно выбросили бы послѣднее замѣчаніе, если бы икоторыя книги, къ-несчастью, не представляли разительныхъ доказательствъ, какъ гг. авторы иногда мало заботятся о томъ что *само собою разувѣется*.

Перелестовавъ «Grammaire Russe, expliquée en français à

l'usage des étrangers», мы, по долгу рецензента, откровенно скажем ея автору, что онъ не выполнилъ условій хорошаго руководства, выше означенныхъ. Вотъ доказательства напешо заключенія (французскій текстъ мы перевели на русскій языкъ):

Стр. 47: «Имя прилагательное *означаетъ качество* лица или вещи». — Прилагательныя обстоятельственныя (имя прилагательныхъ) не означаютъ *ни качества*, ни принадлежности предмета.

Стр. 76, въ-низу: «Настоящее время глагола *быть* (есмы, есь, есть, есмы, есте, суть) нынѣ уже болѣе не употребляется.» А на страяхъ 137, 138 и 147 читаемъ: «кротость *есть* добродѣтель, воздержаніе *есть* добродѣтель; нашъ древній, знамъ(е)нвтый Кіевъ *есть* обширный и богатый городъ.» — Чѣмъ же, спрашивается, замѣняемъ мы это настоящее время? Настоящимъ же временемъ глагола *бывають* (*бывало, бывають* и проч.)... Вотъ новость неслыханная! Авторъ даже спрягаетъ (стр. 85): *я бываю поглаемъ и посланъ*, вмѣсто: *я (есмы) посланъ*. По его мнѣнію (стр. 88), *я бываю любилъ* одно и то же съ выраженіемъ: *меня любить!!*

Стр. 100: «Двепричастіе сокращаетъ въ себя глаголъ и нарчіе *когда*.» Всегда ли? Просимъ автора поставить *когда* въ слѣдующемъ предложеніи: *не смотря на холодъ, онъ любитъ зиму.*

Стр. 102: «Окончанія двепричастій на *а, я, въ* суть усѣченныя, а на *уки, юки, ши* — полныя. Первыя употребляются на письмѣ, а вторыя въ обыкновенномъ разговорѣ.» Мы первые посѣтятся надъ Французомъ, который начевтъ насъ подчнввать словами: «чнтающа», «лежуча», «смотрячи» и проч.

На стр. 114, 115 и слѣд. авторъ помѣстилъ слова, въ которыхъ пишется буква *ъ*, не въ совершенно-альфавитномъ порядкѣ, а ставя подлѣ коренныхъ производныхъ: дурной порядокъ для иностранца, хотя и заимствованъ у Востокова. Чтѣ хорошо въ одномъ мѣстѣ, то непозволительно въ другомъ. Если же допустимъ, что производныя должны слѣдовать за коренными, то за-чѣмъ *помѣстимъ* разрозненъ съ *недѣлей*, *пришлр* съ *трой*, *наслѣдство* съ *слѣдомъ*, *солитннн* съ *мнннннн* и пр.?

Стр. 122: «Буква *ъ* пишется въ словѣ (?) *мъ*, прибавленномъ къ мѣстоименіямъ и нарчіямъ; на-пр *мнѣто, мнѣсколко, мнѣкогда* и проч.» Но у насъ есть также слова: *некогда, неждѣ, несколко*, и проч.: какъ отличить первыя отъ вторыя?...

Стр. 133: «Во всѣхъ временахъ и залогахъ глаголовъ, кончающихся въ настоящемъ времени на *лю*, пишется *ь*; равно во всѣхъ словахъ, отъ нихъ происходящихъ». — «Прошедшія времена сихъ глаголовъ удерживаютъ букву *ь*.» — Второе правило есть венужное повтореніе перваго.

Иъ. «Причастія, дѣепричастія и всѣ слова производныя отъ этихъ глаголовъ удерживаютъ букву *ь*.» — Опять - таки повтореніе.

Ив. «Исключая трехъ глаголовъ: *умереть, тереть, переть*, всѣ прочіе, оканчивающіеся въ неопределенномъ наклоненіи на *ть*, имѣютъ букву *ь*.» — Авторъ не договорилъ чего-то, и вышло ложное правило.

Стр. 126: «Во второмъ лицѣ настоящаго времени множественнаго числа на концѣ ставится *е*.» — «Въ повелительномъ также пишется на концѣ *е*.» — Эти два правила замѣняются однимъ, которое гораздо-короче и проще: на концѣ глаголовъ не пишется *ь*.

Стр. 143: «Главное предложеніе, *распространенное* и имѣющее полный смыслъ, называется періодомъ.» Пошрое опредѣленіе періода, полагающее всю его сущность въ *распространеніи*. Не достааетъ только бездѣлицы: мѣры этого распространенія. По-неволѣ вспомнишь *пльшивый* смелогизмъ, которымъ доказывалось, что одинъ волосъ дѣлаетъ человека пльшивымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если я къ главному предложенію, имѣющему также полный смыслъ, прибавлю *одно* слово, выйдетъ ли періодъ?... Нѣтъ. Если два?... Нѣтъ. Три?... Нѣтъ. Четыре?... Выйдетъ. Итакъ предложеніе, дополненное *тремя* словами, не превращается еще въ періодъ, а при *четырехъ* — становится періодомъ: *ergo* періодъ отличается отъ главнаго предложенія единственнымъ словомъ!

Стр. 149: «Иногда вмѣсто родительнаго употребляютъ творительный съ предлогомъ *съ*; на-прим. возъ *съна*, возъ *съ сѣномъ*.» Не уже ли выйдетъ одно и то же, если я скажу: «я купилъ *возъ съна*», или «я купилъ *возъ съ сѣномъ*»?

Стр. 150 и 151: «Когда имена числительныя: два, три, четыре употреблены съ именами существительными и прилагательными, и когда въ предложеніи находится *лишній* глаголъ, тогда прилагательное согласуется съ числительными (т. е. ставится въ именительномъ или винительномъ падежѣ); на-прим. Сю-

др. привезли два *оеролиные* сонника. Если же въ предложениі находится *беллиный* глаголь, то прилагательное ставится въ родительномъ множественнаго; на-пр.: сюда привезено два *оеролиныхъ* сонника, скоро пройдетъ *цѣлыхъ* три недѣли. Очень-хорошо, г. авторъ; но вашимъ правиломъ вопросъ не рѣшается, а замѣняется новымъ, можетъ-быть, труднѣйшимъ. Мы видимъ только, что употребленіе прилагательнаго въ именительномъ или винительномъ зависитъ отъ личнаго глагола, а употребленіе его въ родительномъ отъ безличнаго; но когда же употребляется *личный* глаголь, и когда *безличный*?... Этого нѣтъ въ вашей грамматикѣ.

Стр. 152: «Съ безличными глаголами употребляютъ дательный падежъ.»— Не только дательный, но и родительный, винительный, творительный; на-прим. Жаль *его*, разбило *корабль*, бурю сорвало *крышу*. Когда же *именно* дательный?...

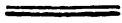
Стр. 159. Говоря о предлогѣ *за*, авторъ упоминаетъ только о управленіи винительнымъ падежомъ (*за рѣку, за лѣность*), и не говоритъ ни слова о управленіи творительнымъ (*за рѣкою, за лѣностью*), и проч.

23) JOHN FIELD. *Eine biographische Skizze von Friedr. Albert Gebhard* (Біографія *Джона Фильда*, соч. Фрид. Альберта Гебгарда). С.-П. бургъ. Въ тип. К. Крайд. 1839. Въ 8-ю д. л. 23 стр.

Это букетъ незабудокъ, который рука дружбы бросаетъ на могилу виртуоза, достойнаго жить въ памяти всѣхъ друзей искусства. Имя Фильда для многихъ до-сихъ-поръ сливается въ одно съ тѣми очаровательными звуками, которыми наслаждались они во время существованія этого артиста. Фильдъ былъ художникъ по чувству, по призванію. Эстетическимъ образованіемъ онъ поддѣрживалъ творческую силу своего природнаго таланта, и изъ твореній Шекспира, котораго изучалъ въ-продолженіе всей своей жизни, черпалъ одушевленіе. Всякій, особенно любитель музыки, съ участіемъ пробѣжитъ эти страницы, на которыхъ набросана краткая, но занимательная біографія. Мы увѣрены, что многіе изъ нашихъ дамъ, нѣзъ-привзательности къ своему учителю, дадутъ этой книжкѣ почетное мѣсто на своемъ фортепьяно и, прочитавъ ее въ честь покойника, вызовутъ звуки, ему знакомые.

24) SAMMLUNG DER GLÜCKWÜNSCHE, REDEN UND LIEDER zu der am 11 April 1839 von Freunden und Schülern veranstalteten funfzigjährigen Jubelfeier der Promotion zur philosophischen Doctorwürde des Herrn Dr. Chr. Fr. Segelbach. Herausgeg. v. Dr. Flittner und Dr. Richter (Собрание Поздравительныхъ Рѣчей и Стихотвореній по случаю юбилея въ честь *Зегельбаха*. Изд. гг. Флитнеромъ и Фихтнеромъ). С.-П. бургъ. Въ тип. К. Крайя. 1839. Въ 16-ю д. л. 56 стр.

Достойная дань признательности старцу, который жизнь свою посвятилъ полезнымъ трудамъ. Подобныя сочиненія обыкновенно расходятся между друзьями и почитателями особъ, въ честь которыхъ написаны. Неловко было бы въ свѣтлый и ликующий кругъ ихъ войти критику съ суровымъ лицомъ своимъ, и замѣчашами прерывать задравные тосты. Притомъ же, надобно сказать правду, нужна большая изобрѣтательность, чтобы сказать что-нибудь новое, оригинальное въ приветственной рѣчи. Этотъ путь такъ избить, что на немъ не скоро найдешь свѣженьскій цвѣтокъ; чтобы не поднимать пыли, густыми слоями на этомъ пути лежащей, ораторъ или поэтъ неизбѣжно должны дѣлать больше или меньше отступленій. Изъ всѣхъ рѣчей и стихотвореній, напечатанныхъ въ упомянутой книжкѣ, мы съ большимъ удовольствіемъ нѣсколько разъ перечитали пьесу подъ заглавіемъ—*Der Wettstreit*. Кромѣ граціозной свободы и легкости стиха, она отличается художественною отчетливостію и вѣрностію стиля. Неизвѣстный поэтъ умѣлъ *частную* занимательность одного *случая* соединить съ *общей* занимательностію *идеи*, вдохновительной по своей истинѣ и глубинѣ. Это стихотвореніе можно назвать отголоскомъ прошедшаго шиллеровскаго времени германской поэзіи.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мы хотѣли-было отложить свои библиографическія отысканія о новостяхъ германской литературы до слѣдующей книжки «Отеч. Записокъ», удовольствовавшись помѣщеніемъ въ этой книжкѣ извѣстій о французской и англійской литературахъ; но между-тѣмъ, получивъ отъ одного, только-что прѣѣхавшаго сюда путешественника книгу презамѣчательную, которая достойна вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ людей, и которой едва ли есть теперь въ Россіи другой экземпляръ, рѣшимся подѣлиться этою новинкою съ нашими читателями. Книга называется:

VERFUCH EINER GRAMMATIK FÜR EINE ALLGEMEINE COMMUNICATIONS ODER WELTSPRACHE, von G. Schipfer. (Опытъ Грамматки всеобщаго сообщительнаго или всемірнаго языка, соч. Г. Шипфера). Wiesbaden. 1839. in-8.

Главнѣйшее мѣсто между безчисленныхъ открытій нашего вѣка безъ-сомнѣнія принадлежитъ снѣгъ паровъ. Желѣзныя дороги и пароходы упростили до чрезвычайности способъ сообщеній между народами. Моря и рѣки оживились паровыми судами, и чрезъ нѣсколько лѣтъ поверхность Европы представить снѣгъ желѣзныхъ рельсовъ, по которымъ безчисленное множество пароходовъ помчится во всѣхъ направленіяхъ. При такомъ усиленномъ способѣ сообщеній, когда все человечество стремится ко всеобщему соединенію, недостатокъ сообщительнаго или всемірнаго языка служитъ весьма-важнымъ препятствіемъ къ развитію тѣхъ выгодъ, которыя естественнымъ-образомъ должны были бы изъ сего возникнуть. Вотъ мысль, которую имѣлъ г. Шипферъ при составленіи кни-

ги, заглавіе коей выписано въ началѣ этой статьи. Дѣйствительно, мысль—составить всемірный языкъ, если не для устныхъ сношеній, то по-крайней-мѣрѣ для письменности, съ давняго времени занимала глубокомысленные умы европейскіхъ ученыхъ. Всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ извѣстны попытки въ семъ родѣ знаменитаго Лейбница и нашего Эйлера, — попытки, которыя однакожь остались совершенно-неудачными. Первый, знаками, въ родѣ музыкальныхъ нотъ, а послѣдній въ видѣ цифръ, пытались передавать всеобщія идеи, но безуспѣшно, хотя предположенія ихъ логически были возможны. Въ самомъ-дѣлѣ, если мы выразимъ всеобще-условленными знаками понятія чиселъ, то почему бы не могли выразить и другія идеи? Число 1579, на-примѣръ, представленное въ цифръ, будетъ понятно съ одинаковою точностію для всѣхъ народовъ, во всѣхъ его арифметическихъ переложеніяхъ, хотя каждый по-своему и различно передастъ его въ звукахъ. Но идеи, составляющія массу человѣческихъ знаній, не могутъ вѣзаться съ такою же механическою точностію, съ какою соединяются числа, подвергнутыя арифметическимъ операціямъ, не потому, чтобы дѣйствіе человѣческаго мышленія было неправильно, но по синтаксическому свойству языковъ, основанному на ихъ первобытномъ духѣ. Попробуйте буквально и въ томъ же порядкѣ перевести какое-нибудь предложеніе съ языка семитскаго происхожденія на одно изъ кельтическихъ нарѣчій,—и вы убѣдитесь въ совершенной невозможности этого. Произвольность и свобода синтаксической конструкціи зависятъ отъ болѣе или менѣе правильности грамматическихъ элементовъ даннаго языка. Если части рѣчи философически правильны и согласны между собою, то и словосочиненіе непременно будетъ таковымъ же. При такомъ положеніи вещей, г. Шпюеръ обратился прямо къ *языку*, т. е., къ звукамъ, а не къ знакамъ или начертаніямъ, для составленія своей всемірной грамматики. Онъ понялъ, что въ такомъ случаѣ нужно *создать* языкъ живой, звучащій, а не письменный и мертвый, основанный на духѣ или теоріи человѣческаго слова, и, — по извѣстному правилу: *ex nihilo nihil*, — взялъ за первоначальный элементъ для него языкъ французскій, какъ наиболее употребительный. Изъ самаго его названія (*communications*) видна предположенная изобрѣтателемъ цѣль: упростить спо-

собъ устныхъ свидѣній. Какъ ни воразительна кажется намъ своею дерзостью эта мысль, но мы удержимся отъ всякаго приговора и не объявимъ этого изобрѣтенія ни сумасбродствомъ, подобно Ньѣцамъ, ни лишеннымъ занимательности для публики, подобно некоторымъ французскимъ журналистамъ. Напротивъ, предоставляя времени и счастливейшимъ обстоятельствамъ развитіе и усовершенствованіе системы г. Шипфера, отдадимъ ей должную справедливость, какъ изобрѣтенію остроумному, и, по долгу журналиста, постараемся познакомить съ нею нашихъ читателей.

Всѣ слова *новаго языка*, за исключеніемъ мѣстонимій и числительныхъ, изъясняющихъ особенное, простѣйшее образованіе, заимствованы изъ французскаго, въ томъ видѣ, какъ они поражаютъ нашъ слухъ, независимо отъ правописанія. Такъ, на примѣръ, прилагательное *beau*, авторъ пишетъ *bo*; изрѣчье *souvent*, онъ пишетъ *suval*, избравъ для того латинскія буквы, и сохранивъ особенности буквъ *c*, *ch*, *g* и *j*, въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ онѣ находятся у Французовъ.

Ключемъ къ этому языку авторъ принялъ 5 гласныхъ: *a*, *e*, *i*, *o* и *u*, въ нихъ алфавитическомъ порядкѣ; посредствомъ ихъ онъ склоняетъ всѣ существительныя имена и спрягаетъ всѣ глаголы. Существительныя у него оканчиваются безъ излія на *a*, имѣющагося въ родительномъ падежѣ на *e*, въ дательномъ на *i*, въ винительномъ на *o*, и въ творительномъ на *u*. Множественное число образуется присоединеніемъ къ окончанію всѣхъ падежей буквы *s*. Попробуемъ склонять, на примѣръ, *Рекъ*, отецъ.

Имен. Реха, отецъ.	Pegas, отцы.
Родит. Рече, отца.	— es, овъ.
Дател. Рехі, отцу.	— is, амъ.
Зват. ъ Реха, отче.	ô — as, ы.
Вин. Рехо, отца.	— os, овъ.
Твор. Рехи, отцомъ.	— us, ами.

Подобно сему спрягаются у него и глаголы, которые всѣ въ неокончательномъ наклоненіи оканчиваются на *er*, на примѣръ, *parler*, *finer*, *recever*, *gender*, и т. п. Для образованія настоящаго времени это окончаніе перемѣняется въ *a*; для прошедшаго несовершеннаго въ *ea*; для прошедшаго однократнаго въ *ia*, и т. д. Множ. число дѣлается также чрезъ прибав-

всѣмъ s. Вотъ, для примѣра, образецъ спряженія изъявительнаго наклоненія глагола parler.

Настоящее.

Parla я	говорю.	Parlas мы	говоримъ.
Parle ты	говоришь.	Parles вы	говорите.
Parli онъ	говорить.	Parlis они	говорять.

Прошедшее-несовершенное.

Parleas я	} говорилъ	Parleas мы	} говорили.
Parlee ты		— ees вы	
Parlei онъ		— eis они	

Однократное.

Parlia я	} говорилъ	Parlias мы	} говорили.
Parlie ты		— ies вы	
Parlii онъ		— iis они	

Давно-прошедшее.

Parloas я	} говаривалъ	Parloas мы	} говаривали.
Parloc ты		— oes вы	
Parloi онъ		— ois они	

Будущее.

Parlaa я	} буду	Parluas мы	} будемъ	} говорить.	
Parlue ты		— ues вы			будете
Parlui онъ		— uis они			будутъ

Существительныя не имѣютъ членовъ, а глаголы личныхъ мѣстоименій, подобно латинскому языку, ибо окончанія достаточно объясняютъ всѣ измѣненія сихъ частей рѣчи.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, сколь проста, удобопонятна и необременительна для памяти система г. Шипфера. Но гдѣ ея приложенія? — Можно ли произвольно-вымышленнымъ языкомъ замѣнить нарѣчія всѣхъ народовъ? — Конечно, нѣтъ. И не съ той точки должно смотреть на идею г. Шипфера. Его языкъ долженъ не замѣнить всѣ доселѣ-существующіе языки, но упростить только устныя сношенія разноплеменныхъ лицъ. Уже ли изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ имѣлъ въ виду замѣнить человѣческія поги даже въ прогулкахъ по компатъ? — То же и въ отношеніи системы г. Шипфера: онъ самъ назначаетъ ей мѣсто только въ словесныхъ сообщеніяхъ; когда называетъ ее «communications». Предположимъ, что вамъ нуж-

но подробно и недвусмысленно объясниться съ иностранцемъ, незнающимъ никакого другаго нарѣчія, кромѣ своего собственнаго, и сами вы умѣете говорить только по-русски, и притомъ не имѣете переводчика. Съ помощью грамматики г. Шипера, т. е. съ помощью 5 гласныхъ, вамъ стоить только заглянуть въ французскій словарь, чтобы заставить выразить себя самымъ точнымъ и понятнымъ образомъ, и сверхъ-того правильно, ибо этотъ языкъ имѣетъ свободное словосочиненіе, и перестановка словъ его столь же произвольна, сколько ходъ вашихъ мыслей. Словомъ: здѣсь каждое рѣченіе есть *дѣйствительное* выраженіе мысли, и письменное изложеше рѣчи *тождественно* съ процессомъ мышленія.

Помыщаемъ для любопытства читателей примѣры словосочиненія новаго языка :

Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulisse.

Вотъ буквальный переводъ :

Calypso non puvei se consoler departu Ulisse.

1-е *измѣненіе* : Non puvei se consoler Calypso Ulisse departu.

2-е Ulisse departu Calypso non puvei consoleri.

3-е Departu Ulisse se consoler Calypso non puvei.

4-е Consoleri non puvei Ulisse departu Calypso.

5-е Calypso Ulisse departu se consoler non puvei.

Согласитесь, что трудно съяснить словосочиненіе свободнѣ этого!

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Нынѣшній мѣсяцъ мы начнемъ, противъ обыковенія, не взглядомъ на англійскую литературу, а покажемъ, какъ Англичане судятъ онась и что они принимаютъ за основаніе своихъ сужденій. Въ июльской книжкѣ «The Foreign Quarterly Review» нынѣшняго года мы встрѣтили статью Lomonosov and his contemporaries, Russian Literary Biography, и обрадовались, видя, что Англичане такъ основательно знакомятся съ нашею литературою. Но напрасно: открываемъ книгу—это не болѣе какъ разборъ книги «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ», сочиненія г. Ксенофонта Полеваго. Весь этотъ разборъ занятъ разсказомъ содержанія книги и выписками изъ нея. Въ заключеніе критикъ говоритъ, что ему бы хотѣлось видѣть болѣе часто-біографическое сочиненіе, нежели представленное въ видѣ романическаго вымысла, и любителямъ легкой литературы совѣтуетъ читать «Семейство Холмекныхъ», какъ лучший романъ, описывающій нравы и домашній бытъ Русскихъ. По правильному правописанію въ именахъ и по тону критики можно съ достовѣрностію заключить, что ее писалъ или Русскій, или Англичанинъ, жившій въ Россіи.

Въ той же книжкѣ помѣщенъ разборъ книги генерала Михайловскаго-Данилевскаго «Исторія похода во Францію въ 1814 году». Исключая политическихъ мнѣній, которыя Англичане никогда съ нами не раздѣляютъ, они вообще хвалятъ книгу г. Михайловскаго-Данилевскаго; эта послѣдняя критика безпристрастнѣе первой и въ ней болѣе замѣтенъ взглядъ Англичанина.

Пріятно видѣть, что наша литература входитъ въ составъ европейской какими бы то ни было путями, хотя, конечно, еще было бы пріятнѣе, если бы иностранцы получали понятіе о на-

шей словесности изъ книгъ, болѣе достойныхъ вниманія, пежели «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ» г. Ксенофонта Полеваго. Говоря о книгѣ Михайловскаго-Данилевскаго, замѣтимъ къ-статѣ, что она переведена на большую часть европейскыхъ языковъ; она есть на нѣмецкомъ: «Geschichte des Feldzugs von 1814», на французскомъ «Histoire de la Campagne de l'an 1814»; на польскомъ «Rôchod ot 1814»; на англійскомъ «History of the campaign in France in the Year 1814».

Въ легкой англійской литературѣ — никакъ нельзя сказать въ «изящной», потому-что и сами Англичане не находятъ много изящнаго въ этихъ эфемерныхъ повѣстяхъ, которыя сдѣлались такою же необходимостію для читающей публики, какъ черствые сухари для моряка: ѣсть хочется, а мягкаго хлѣба нѣтъ, дѣлать нечего, кушайте, что есть, — въ легкой литературѣ, говоримъ, нѣтъ никакой особенно-замѣчательной новости. Болверъ давно что-то не пишеть; съ-тѣхъ-поръ, какъ вышелъ странный споръ между нимъ и его женою, ни онъ, ни она не думаютъ рѣшить, кто дѣйствительно писатель, — онъ или она. Впрочемъ какъ ни бѣдны настоящія повѣсти, а надобно съ ними познакомиться нашихъ читателей.

Моріертъ, авторъ «Хаджи Бабы», написалъ *Швабскую Историческую Повѣсть: Изгнанный* (Banished: a Swabian Historical Tale); но она далека отъ прежняго его творенія. Взавъ происшествіе изъ шестнадцатаго вѣка, онъ, разумѣется, наполнилъ его рыцарскою любовію, вздохами, по мѣстамъ слезами, по мѣстамъ ревностію, украсилъ хорошенькими Нѣжками среднихъ вѣковъ и изъ всего этого сдѣлалъ что-то похожее на повѣсть. Впрочемъ это не столько оригинальное произведеніе, сколько переводъ изъ Гофмана.

Stories of Torres Vedras автора «Adventures of Irish Gentleman». Теперь ужъ поздно говорить объ этой книгѣ, разъ она можетъ пригодиться на будущее лѣто: осенью и зимою балы и театры не оставляютъ времени для подобныхъ бездѣлицъ. Но если кому-нибудь вздумается уместиться въ мечтахъ въ Испанію онъ найдетъ здѣсь и черноокихъ Испанокъ, и ревность Испанцевъ, и неустрашимость гверильясовъ, и испанскихъ духовниковъ, только не найдетъ ни повѣсти, ни характеровъ.

Fair Rosamond, or the Days of King Henry II
By Thomas Miller. 3 vols. («Прекрасная Розамонда, или Дни

короля Генриха II.). Не смотря на то, что предмет этого романа весьма извѣстенъ, здѣсь можно найти много занимательнаго. Нѣкоторыя сцены обдѣланы такъ хорошо, что весь романъ можно прочесть съ удовольствіемъ.

Fardorougha the Miser: or the Convicts of Lisnamona; by William Carleton. Тѣ, которые не читали этой повѣсти въ «Dublin University Magazine», прочтуть ее съ удовольствіемъ. Здѣсь анализирована скупость какъ-нельзя-лучше; всѣ, не только главные, но и второстепенные характеры, весьма-занимательны. Авторъ, вездѣ вѣрный своей цѣли—изображенію скупца, вѣсть и вездѣ націоналенъ. Для насъ, кромѣ собственной занимательности, она пріятна еще и тѣмъ, что знакомитъ съ Ирландцами.

Сюда же причислимъ *The Rhine, Legends, Traditions, History, from Cologne to Mainz;* by Joseph Snow; 2 vols. (Рейнъ—легенды, преданія о немъ, исторія его,—отъ Кельна до Майнца). Здѣсь можно найти занимательное собраніе легендъ и преданій; всему этому придаютъ занимательность хорошевыя картинки.

Для большихъ охотниковъ до повѣстей, романовъ и тому подобныхъ сочиненій, неподходящихъ ни подъ какой разрядъ, мы перечислимъ еще нѣкоторые:

My adventures during the late War, by D. H. O'Brien. 2 vols. («Моя походы въ послѣднюю войну»). — *Hamilton King, or the Smuggler and the Dwarf,* by «The Old Sailor», 3 vols. («Король Гамильтонъ» и проч.) *The Highland Inn* — *The Husban Hunter, or Das Schicksal.*

Вообще по исторіи (сюда мы отвесемъ и исторію церкви, и современные историческія матеріалы), можно замѣтить *History of the Great Reformation of the Sixteenth Century in Germany, Switzerland etc.* Vol. II. By J. H. Merle d'Aubigné («Исторія великой реформаціи XVI столѣтія въ Германіи, Швейцаріи» и проч.). Теперь вышелъ второй томъ этой «Исторіи», и въ немъ тотъ же главный недостатокъ, что и въ первомъ, то-есть пристрастіе; но за то и достоинство этого сочиненія—величайшая занимательность—здѣсь еще болѣе увеличилось. Авторъ нигдѣ не говоритъ хладнокровно, за-то онъ выставляетъ самыя рѣзкія черты характера людей того времени. Самое лучшее и болѣе-обработанное мѣсто есть появленіе Лю-

тера на воррискомъ соборѣ: оно описано такъ картинно, такъ живо, какъ-будто бы вы видите предъ собою все собраніе, и посреднего—смыаго Лютера. Въ-прочемъ этотъ предметъ весьма уже знакомъ всѣмъ знающимъ исторію; гораздо болѣе представляетъ любопытнаго исторія Цвинглія и швейцарская реформація. Характеръ Цвинглія развитъ во всей его жизни, и историческое достоинство нисколько не теряется отъ формы романическаго разсказа, но весьма-много выигрываетъ въ занимательности.

A Concise Account of the several Foreign Orders of Knighthood, and others Marks of Honourable Distinction, especially of such as have been conferred upon British Subjects. Together with the Names and Achievements of those gallant Men, who have been presented with honorary Swords, or Plate, by the Patriotic Fund. By Nicholas Carlisle. (Краткій разсказъ о многихъ иностранныхъ рыцарскихъ орденахъ и проч.). Какъ ни велико заглавіе книгѣ, во все-таки въ половину короче титула автора и въ-десятеро займетъ мѣста менѣе, нежели сколько заняло бы перечисленіе всѣхъ пропусковъ и ошибокъ въ его книгѣ. Онъ взялъ на себя трудъ собрать имена всѣхъ Англичанъ, носившихъ и носившихъ иностранные ордена—и смѣшиваетъ ихъ Богъ-знаетъ какъ. Такъ, на-примѣръ, онъ пропустилъ, что у лорда Доргема (Dugham) есть орденъ св. Андрея Первозваннаго, надѣлъ на сэра Роберта Уильсона Георгія 1-й степени, между-тѣмъ, какъ у него только третьей, часто смѣшиваетъ орденъ св. Анны съ орденомъ св. Георгія, и тому подобное. Говоря объ орденахъ, онъ показываетъ ужасное невѣжество; на-примѣръ, онъ не знаетъ, что съ 1830 года во Франціи нѣтъ ни ордена св. Духа, ни св. Михаила, ни св. Лудовика, и никакого другаго ордена, кромѣ почетнаго легіона. А говоря объ этомъ послѣднемъ, онъ утверждаетъ, что 26 марта 1816 года Лудовикъ XVIII далъ ему новый статутъ, ничего не упоминаетъ о переимѣнахъ, сдѣланныхъ Карломъ X, ни о новыхъ переимѣнахъ при восшествіи на престолъ Лудовика-Филиппа, также и о другихъ 25 авг. 1830, 28 ноября 1831, и 19 апр. 1832, хотя о нихъ можно найти всѣ подробности въ «Histoire de la Légion d'Honneur, par Saint Marcque»; и въ-рядѣ ли компиляція Каррля не уступитъ извѣстному, тоже не-совсѣмъ-вѣрному сочиненію Перот-

са «Collection Historique des Ordres de Chevalerie Civils et Militaires existant chez les differents Peuples du Monde.

Historical Sketches of Statesmen who flourished in the Times of George III. Second series. By Henry Lord Brougham («Исторические очерки государственных людей времени Георга III»). Мы прежде уже говорили о началъ этого сочиненія; въ этомъ томѣ читатели найдутъ весьма - много замѣательнаго о Неккеръ, г-жѣ Сталь, Карно, Лавальетъ и другихъ лицахъ, игравшихъ важную роль въ послѣднихъ европейскихъ переворотлахъ.

Для занимающихся исторіею Англіи и особенно Ирландіи пріятно будетъ узнать о выходѣ въ свѣтъ новой книги: *Lives of Illustrions and Distinguished Irishmen. Edited by Wills* («Жизнеописанія знаменитыхъ и извѣстныхъ Ирландцевъ»). Здѣсь собрано множество извѣстій изъ стараго журнала «Dublin Penny Journal», и книга эта замѣательна особенно потому-что доселѣ не было биографіи Ирландцевъ; жаль только, что, по словамъ издателя журнала «Atholwin», Ирландцы готовы принимать религіозные и политическіе споры даже въ новаревную книгу.

Еще, какъ объ историческихъ вспомогательныхъ указателяхъ, можно упомянуть о *The life of Margaret Beaufort, Countess of Richmond and Derby, Mother of King Henry the Seventh* («Жизнь Маргариты Бофортъ, графини Ричмондъ и Дерби, матери короля Генриха VII») by Caroline A. Holsted; и *British Naval Biography, from Howard to Codrington* («Британская морская биографія отъ Гоуарда до Кодрингтона»), прекрасна-составленная книга, знакомящая съ морскою исторіею Англіи.

По географіи и статистикѣ мы привыкли паходить у Англичанъ обильные источники; но въ этомъ мѣсяцѣ вообще оригинальныхъ книгъ менѣе, за-то много переводовъ съ французскаго; мы о нихъ не упоминаемъ, потому-что знакомимъ съ ними въ подлинникѣ.

Six years in Algiers. By Mrs. Broughton («Шесть лѣтъ въ Алжирѣ», г-жи Броутонъ) непременно должны быть замѣательныя, потому-что ихъ писала женщина, и еще къ-тому же дочь британскаго консула, и, въ-добавокъ, въ весьма - замѣательное время отъ 1806 до 1812 года; непременно должны

быть мелочны потому же опять, что ихъ писала женщина и наконецъ по той же причинѣ непременно должны быть полны чувства. Жаль, что милая писательница къ-статѣ и не къ-статѣ говорить любезности и входить въ самыя мелкія подробности жизни. Въ-прочемъ послѣднимъ она насъ до того вводитъ въ свое семейство, что невольно дѣлаешься членомъ его и не скучаешь, собирая землянику, заботаешь о яблоньныхъ деревьяхъ или посылая копать картофель. Не смотря на всѣ сіи подробности, можно прочесть эту книгу съ удовольствіемъ, — разумѣется не больше.

A Journal written during an Excursion in Asia Minor. By Charles Fellow («Журналъ, писанный во время поездки въ Малую Азію» Карломъ Фелло). Превосходныя описанія г. Фелло дѣлаютъ то, что, не смотря на множество путешествій по Азіи, его журналъ не теряетъ своего достоинства. Весьма-удачныя замѣтки, на-примѣръ относительно того, какъ трудно преобразовать Турковъ, описаніе равнинъ троянскихъ, гостеприимства и честности мало-азиатскихъ народовъ и развалинъ Мидіи, съ рисунками главнѣйшихъ остатковъ. Жаль, что всѣ эти путешествія мало знакомятъ насъ съ остатками средне-вѣковой Малой Азіи.

A Hand-book for Traveller in Denmark, Norway, Sweden and Russia etc.; with a Map and Plans («Путевая книга для путешественника по Даніи, Норвегіи, Швеции и Россіи, съ картою и планами»).— Это продолженіе сочиненія, о которомъ уже было упомянуто; авторъ начинаетъ путь съ Гамбурга и довольно-подробно описываетъ всѣ посѣщенные имъ мѣста, коверкала, разумѣется, всѣ слова, особенно русскія. Эта книга для насъ не имѣетъ никакой занимательности.

A Tour in Connaught by the author of «Sketches in Ireland».— Какой-то древній философъ говорилъ, что у человѣка двѣ души и что всѣ несообразности творятся отъ-того, когда онѣ объ вступаютъ въ управленіе и заспорятъ между-собою. Здѣсь это мифіе очень-къ-статѣ: право, эта книга, кажется, написана двумя. Одинъ любить людей и природу, на все смотритъ съ поэтической стороны, любить «преданья старины глубокой», обращается ко всему, что говоритъ о прошедшемъ или объясняетъ настоящее. Другой—пуританинъ, да и какой! заклятой пуританинъ, врагъ непримиримый всего католическаго, съ та-

книги насмѣшками надъ папствомъ и папами, и часто этотъ второй господишь увлекаетъ перваго. Авторъ превосходно знаетъ исторію, и не будь у него этого предубѣжденія противъ всего католическаго, книга, его была бы превосходна. Путешествуя по странѣ, обрисованной въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи самыми рѣзкими чертами, въ странѣ, гдѣ много еще патриархальнаго и рыцарскаго, въ британской Испаніи, полной легендами и преданіями; въ странѣ, мало посѣщаемой ея сосѣдями, онъ могъ собрать и собралъ многое, объясняющее темныя странницы исторіи. Жаль только и грустно видѣть, что образованный человѣкъ проповѣдуетъ ненависть пяти шестымъ своимъ согражданъ, и какъ же еще! во имя своей религіи, между-тѣмъ, какъ первое слово той же самой религіи: «да будетъ миръ между вами!»

Travels in Western India: embracing a Visit to the Sacred Mounths of the Tains, and the most celebrated Shrines of Hindu Faith, between Rajpootana and the Indus; with an Account of the ancient City of Nehricalla. By the late Lieut. Colonel James Tod, Author of Annals of Rajast'hen (Путешествіе въ Западную Индію, заключающее въ себѣ посѣщеніе Священныхъ Горъ и пр. Джемса Тода). Это сочиненіе было написано еще въ 1835 году, но почему оно до сихъ поръ не издано—не извѣстно. Многое, въ-отношеніи къ физическому описанію страны, потеряло часть новизны, потому-что описано въ то время другими путешественниками. При всемъ томъ, сочиненіе Тода весьма-важно: онъ посвятилъ и здоровье, и имѣніе, даже можно сказать жизнь на изученіе страны, и потому, собирая все соп атоге, онъ передалъ очень-много любопытнаго. Ознакомясь съ характеромъ и предрасудками народа,—весьма важною стороною тамошней общественной и домашней жизни,—онъ сдѣлался какъ-бы туземцемъ, и потому имѣлъ возможность изучить Райпуютовъ (Rajpoots) во всѣхъ отношеніяхъ, и передалъ ихъ статистику, политическое состояніе, науки, археологію и литературу, что весьма много объясняетъ древнюю ихъ исторію. Независимо отъ самого предмета, нельзя безъ особеннаго удовольствія видѣть, какъ человѣкъ, выбравъ себѣ извѣстный предметъ, посвящаетъ его изученію все свое существованіе; онъ дѣлается для него и цѣлю и источникомъ жизни,—само-собою разумется, что только и можно ожидать успѣховъ.

отъ такого рода занятій, а не тѣхъ поэтическихъ востышковъ и коммерческихъ расчетовъ, гдѣ мы выбираемъ и ищемъ нашу дневную работу или отъ нечего-дѣлать, или изъ желанія выторговать лишнюю копейку.

Travels in North America, by Murray («Путешествіе въ Северную Америку» Муррея).

Journey across the Rocky Mountains By Townsend «Путешествіе по Каменистымъ Горамъ»).

Мурреевъ рассказъ о Соединенныхъ Штатахъ, мѣше всѣхъ намъ извѣстныхъ, зараженъ предубѣжденіемъ противъ Северо-Американцевъ. Правда, у него нѣтъ легкости и занимательности Марриета, за-то нѣтъ его скучной заважности и онъ не кричитъ, съ тѣми пошлыми выходками, противъ всего американскаго и не выдумаетъ необычныхъ анекдотовъ, чтобъ только очернить ихъ, подобно миссъ Мартино. Овсеніе г. Таунсенда замѣчательно въ коммерческомъ отношеніи. Нѣсколько купеческихъ домовъ въ Соединенныхъ Штатахъ составили общество подъ именемъ *Columbia River Fishing and Trading Company*, и г. Таунсендъ съ другомъ своимъ, профессоромъ Гарвардскаго Университета, Нутталемъ (извѣстнымъ ботаникомъ) присоединились къ экспедиціи этого общества. Это сочленіе можетъ быть полезно для нашихъ северо-американскихъ промышленниковъ. Сюда же причислимъ и *Notes of a Wanderer in Search of Health, through Italy, Egypt, Greece, Turkey; up the Danube and down the Rhine*, by Comming. 2 vols («Замѣчанія шатающагося для отысканія здоровья по Италіи, Египту, Греціи, Турціи, въ-верхъ по Дунаю и въ-низъ по Рейну»). Г. докторъ ѣздилъ отъ нечего-дѣлать и рассказываетъ, что придется, на-пр. онъ рассказалъ намъ, какъ встрѣтилъ музыканта *Листа* въ сопровожденіи какой-то Француженки, брошившей и мужа и дѣтей, и другой дамы, отъявленной гонимельницы всѣхъ общественныхъ условій, извѣстной въ свѣтъ подъ именемъ Жоржъ Зандъ, какъ она щеголяетъ въ сертукѣ и брюкахъ и проповѣдуетъ безбрачіе. Отъ нечего-дѣлать можно, пожалуй, прочесть и эту книгу.

Къ отдѣлу историко-статистическому можно отнести и съѣздящую книгу, — какъ матеріалы для современной исторіи и статистики: *First Report of the Commissioners appointed to inquire as to the best means of establishing an effi-*

cient Constabulary Force in the Counties of England and Wales («Первое донесение комиссионеровъ, назначенныхъ для отысканія лучшихъ средствъ устройства внутренней стражи въ графствахъ Англии и Валлиса»).

Speech of the Hon. Henry Clay, in the Senate of the United States on the subject of Abolition Petitions, Feb. 7. 1839, и еще Remarks on the Slavery Question, in a Letter to Jonathan Phillips, by William Channing.

По естественнымъ наукамъ вышло весьма-замѣчательное сочиненіе, о которомъ мы уже упоминали въ отдѣленіи «Критики» это *Elements of Geology, by Lyell* («Начала Геологіи» Лейелля). Собственно авторъ хотѣлъ сдѣлать дополненіе къ прежнему своему популярному сочиненію «*Principles of Geology*», и мы уже видѣли небольшіе недостатки этого сочиненія, которые въ-прочемъ такъ уплчтжаются его достоинствами, что книга останется превосходною. Желающіе ознакомиться съ геогнозію, весьма много выиграютъ, если соединять чтеніе ея съ чтеніемъ послѣднихъ двухъ частей «Геогнозіи» г. Соколова.

Наконецъ дождались мы и сочиненія Фарадея *Experimental Researches in Electricity* («Опытныя Изслѣдованія Электричества»), до-сихъ-поръ печатаемаго отдѣльными мемуарами. Сюда привезли одинъ только экземпляръ, и нашъ электро-магнетистъ, г. Якоби, взявъ его, лишилъ насъ удовольствія познакомиться публику съ новою теоріею англійскаго физика; потому мы и отлагаемъ это до слѣдующихъ книжекъ нашего журнала.

Теперь электричество играетъ важную роль, и вотъ мы выедемъ еще книгу для-того, чтобъ съ нимъ ознакомиться: *Lectures on Electricity* («Лекціи объ Электричествѣ») by Nood, прекрасно и общепонятно изложенную, если вѣрить англійскимъ журналамъ.

Вышли еще *Lectures on Air* («Лекція о воздухѣ») by Phillips—довольно, говорятъ, занимательныя какъ лекціи изустныя, но неполныя, какъ книга.

Для полноты обзора назовемъ еще двѣ книги по естественной исторіи: *Monography of the Family Unionidae, or Noiades of Lamarck, Fresh-Water Rivalve Shells of North America* и *Fossils of the Tertiary Formations of the United States.*

Для насъ гораздо важнѣе отдѣленіе педагогики, а особенно англійской педагогики. Въ-рядѣ ли у кого-нибудь болѣе можемъ мы пользоваться въ этомъ отношеніи, кромѣ Англичанъ; самое естественное развитіе—пріученіе съ дѣтства къ труду а не къ блестящимъ образованности; образованіе прочное, а неокрашенное водяною краскою всезнанія и сусальнымъ золотомъ модныхъ выраженій, модныхъ понятій и модной нравственности; понятіе объ истинномъ достоинствѣ челоука, а не ремесла, имъ отправляемаго и не степени его общественнаго вліянія, — вотъ что намъ необходимо-нужно. А когда же, какъ не въ дѣтствѣ, съ молокомъ матери, съ ея разказами, съ кблмбелными пѣснями всасываемъ мы въ себя основныя наши понятія? гдѣ же, какъ не подъ родительскимъ кровомъ и въ тишинѣ домашняго ученія полагается первый камень и рисуется планъ всего нашего нравственнаго существованія? Общественныя заведенія разовьютъ наши понятія, но трудно имъ идти наперекоръ всему положенному прежде, и какъ часто наша дальнѣйшая образованность бываетъ зданіемъ, постросаннымъ на песчаномъ грунтѣ, зданіемъ прекраснымъ, но слишкомъ-тяжелымъ для зыбкаго основанія, и потому въ самомъ себѣ носящемъ начало собственнаго разрушенія! Многие, мы скажемъ даже большая часть, думаютъ, что все приготовленіе къ общественному воспитанію состоитъ въ приготовленіи къ экзамену, — мысль весьма ошибочная. Родители должны напередъ знать и планъ и весь объемъ будущаго образованія дѣтей; иначе, не говоря объ исключеніяхъ, бѣдныя дѣти или останутся учеными ремесленниками, точнѣе говоря, мастеровыми учениками, или людьми, форменно-образованными, образованными на-показъ и на временныя выставки, или, еще и того хуже, вѣчно-недовольными своею мишурною образованностію, выведшею ихъ изъ патріархальнаго быта и незамѣнившею ничѣмъ ихъ потерянной патріархальности. Въ этомъ-то отношеніи «дѣтскія книги» Англичанъ могутъ быть намъ весьма полезны; Англичане, кажется, въ дѣлѣ воспитанія всего ближе держатся мудраго правила Сократа: воспитатель долженъ быть въ нравственномъ мірѣ тѣмъ же, чѣмъ повивальная бабка въ физическомъ. Развивать понятія — вотъ что важнѣе всего, а не дѣлать изъ дѣтей ученыхъ попугаевъ. Но мы много уже отступили отъ дѣла; — такъ, между дѣтскими книгами и книгами педагогическими, въ

пятидесятомъ мѣсяцѣ, мы замѣтили слѣдующія: *Mrs. Hack's Stories from English History*, 2 vols. Здѣсь главныя происшествія англійской исторіи передаются въ видѣ разговора. Живо языкъ, примененный къ дѣтскимъ понятіямъ, всего лучше знакомитъ ихъ съ происшествіями.

Holiday House — рядъ повѣстей, написанныхъ Катериною Спеклеръ. Здѣсь главныя дѣйствующія лица сами дѣти.

A Letter to the Marquis of Lansdowne on the Establishment of a Board of National Education. By Wilberforce.
National Religions Education. By Dibdin.

Воспитаніе можно разсматривать съ трехъ сторонъ: умственное, нравственное и религіозное. Уильберфорсъ утверждаетъ, что всѣ три стороны воспитанія безусловно зависятъ одна отъ другой и, слѣдовательно, что точно такъ же нѣтъ вліяніе и умственное воспитаніе на судьбу ребенка, какъ и нравственное. Дибдинъ развиваетъ подробности воспитанія религіознаго; его сочиненіе, по совершенному различію нашихъ основныхъ понятій, для насъ менѣе полезно.

Central Society of Education («Центральное Общество Воспитанія»).

The Educator; Prize Essays on the Expediency and Means of Elevating the Profession of the Educator in Society («Воспитатель; опытъ о средствахъ возвысить должность наставника въ обществѣ»).

Mrs. Austin on National Education («О національномъ воспитаніи», г-жи Остинъ).

Теперь вышелъ третій томъ записокъ Центрального Общества Воспитанія; въ немъ находится отчетъ объ американскихъ школахъ, Вуда; статистическое обозрѣніе пяти приходоу въ Норфолькѣ, Портера, и настоящее состояніе прусскаго воспитанія, Уайза. Прочія статьи не столь замѣчательны. Одно заглавіе статей говорить уже въ пользу книги. — Прочія двѣ книжки не заслуживаютъ большаго вниманія.

Наконецъ, въ заключеніе всего, упомянемъ о книгѣ весьма важной для всякаго, занимающагося англійскою литературою — о *Bent's London Catalogue*, каталогъ всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ Лондонѣ съ 1814 по 1839 годъ, съ обозначеніемъ числа томовъ, формата и цѣны книгъ. Всѣ, кому случается имѣть частое дѣло съ книгами, поймутъ важность такого каталога. У

насть есть неполный каталогъ Смирдина, да изъ тотъ мы не знаемъ какъ благодарить его! Хорошо, если бы онъ, хоть по примѣру англійскаго, вздумалъ дать намъ второе издание, исправленное и весьма-значительно-пополненное.

Въ будущемъ мѣсяцѣ мы постараемся извѣстить нашихъ читателей о книгахъ, полученныхъ въ англійскую книжную лавку г. *Диксона*; теперь мы не можемъ этого сдѣлать, потому-что у него еще не кончено составленіе каталога привезенныхъ книгъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мы давно не отдавали нашим читателямъ отчета о французской литературѣ — не потому, чтобы въ ней ничего не было новаго, но потому-что явленія эти были слишкомъ-мелки, слишкомъ-эфемерны; мы ждали, пока они, эти явленія, кзатыя выскзть, получить право на вниманіе своимъ количествомъ, по крайней-мзрѣ, если не качествомъ. Передъ нами выткнулся теперь длинный строй новыхъ произведеній французской словесности, которыя можно раздѣлить на два главные разряда, романы и книги ученныя. После безконечнаго наведенія романовъ, о которыхъ говорили мы въ послзднему нашемъ обзорнн французской литературы, и изъ которыхъ большая часть уже прочтена и забыта, во французской литературѣ сдѣлался, можно сказать, застой, если сравнить послдніе мѣсяцы съ прошлыми. Въ-прочемъ, кромѣ исчисленныхъ нами прежде, явилось еще нѣсколько произведеній въ этомъ родѣ, болѣе или мѣнѣе замѣательныхъ, хотя болѣе-частью сшитыхъ на одинъ покрой, на живую петку. Французамъ самимъ, какъ видно, надоели уже эти *frivolités* произведенія легкихъ талантовъ, эта безковечная болтовня, безсвязный сбродъ всякой всячины, въ которомъ своеволіе авторовъ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Съ перваго раза плодovitость французскихъ писателей кажется удивительною; но если рассмотреть предметъ сколько-нибудь поближе, дѣло становится простымъ и ленивымъ, какъ 2+2=4. Современные французскіе литераторы, притомъ тѣ именно, которымъ придаютъ титулъ «знаменитостей» (въ-прочемъ, кому во Франціи не придаютъ этого титула?) эти *notabilités littéraires*, болѣею частью пишутъ романы; а что такое французскій романъ? Собраніе фельетоновъ, журнальныхъ статейкъ о всякой всячинѣ, соединенныхъ въ одну книгу, сдѣланныхъ

одною нитью происшествий. Это родъ сочиненій во Франціи самый легкій, удобный, доступный всякому, сочиненій, въ которыхъ дѣйствіе идетъ случайно, развивается по произволу, останавливается по прихотн. Объ искусствѣ тутъ и цюмнн нтъ: авторы, увлеченные, если не промышленною, то другою какою-нибудь стороннею цѣлю, политическою, юридическою, и т. п., пользуются только случаемъ, чтобы пустить въ ходъ нѣсколько любимыхъ, задушевныхъ идей и идеекъ, нерѣдко, въ пылу самолюбія, мечтая однимъ или двумя томами in-8 преобразовать, если не весь родъ человѣческій, то по-крайней-мѣрѣ цѣлую націю. Снисходительная или пріятельская критика болышею частію сквозь пальцы смотритъ на эти ежедневныя явленія, а читатели, привыкшіе къ фельетонной литературѣ, остаются очень-довольны, если въ цѣлой книгѣ найдутъ нѣсколько живыхъ, бойкихъ, рѣзвыхъ страницъ, рѣзкихъ мыслей, громкихъ, блестящихъ фразъ, — а это все, правду сказать, найдется почти во всякомъ французскомъ романѣ. Въ минуту досуга начните читать какое-нибудь изъ произведеній французской романтической литературы, — вы можете, забывшись, увлечься, зачитаться; нѣкоторыя страницы живо займутъ васъ, а между-тѣмъ прочтите до конца, если доставитъ охоты и досуга: какаѣ-то неприятная пустота въ душѣ, — вотъ все, что останется у васъ послѣ подобнаго чтенія. А между-тѣмъ каждый изъ этихъ авторовъ съ большими претензіями на оригинальность, каждый имѣетъ своихъ хвалителей и почитателей, свой *мураейникъ*, въ которомъ онъ играетъ важную роль оракула. Французы пока въ самодовольствіи восхищаются своей современной литературой, называя ее «юною» и «блестящею» — *jeune et brillante* — не замѣчая, что эта «юная» и «блестящая» литература, производя много, ничего не создаетъ прочнаго; что самыя важныя явленія ея суть болышею частію однопдневные эфемеры, такъ же скоро забываемые, какъ скоро порожденные. И послѣ этого спрашиваемъ васъ: завидно ли такое плодородіе? Не есть ли это плодородіе лебеды? И развѣ нтъ подобныхъ явленій у насъ, гдѣ *иммы*, по первому заказу книгопродавца, готовы поставить въ годъ и двѣнадцать тысячъ книжекъ журнала, и нѣсколько драмъ, и романъ въ четырехъ частяхъ, и водвилъ, и — *que sais-je encore?* Но дѣло не о русской литературѣ; обратимся же къ своему предмету.

Мы начнем наши обозрѣнія произведеніями легкой литературы, чтобы и для себя и для читателей сберечь подь конецъ удовольствіе поговорить о нѣкоторыхъ пріятныхъ явленіяхъ литературы ученой. Это будетъ, какъ говорится, *pour la bonne bouche*.

Милый вѣтренникъ Жаненъ, этотъ литературный Репетиловъ во французскомъ костюмѣ, выдалъ обещанные шесть томовъ своихъ «Литературныхъ Воспоминаній», перемѣнивъ однакожь это названіе на другое: *Катакомбы* (*les Catacombes*), болѣе громкое, болѣе поэтическое, если хотите, хотя не болѣе заманчивое, для того, по-крайней-мѣрѣ, кто незнакомъ заранѣе съ содержаніемъ этой книги. Слово «Катакомбы» можетъ породить въ такомъ читателѣ вопросъ: не романъ ли это? А романъ Жансена едва-ли не самая скучная вещь въ свѣтѣ— можете судить по *лучшему* произведенію его въ этомъ родѣ, «*Le Chemin de traversé*». Жансена достаетъ и очень достаетъ на фельетонъ; но романъ въ художественномъ смыслѣ ему не подь-силу; можете прочесть съ удовольствіемъ нѣсколько страницъ, отрывками, но весь романъ наведетъ на васъ скуку непремѣнно. Легкая болтовня Француза пріятна на нѣсколько часовъ; но проболтать цѣлый день не у всякаго достаетъ терпѣнія. «Катакомбы»—книга, по разнообразію своего содержанія, по живому, увлекательному языку, по изложенію простому, напному, доставитъ много удовольствія какъ вообще любителямъ литературы, такъ въ особенности почитателямъ Жюль-Жансена: здѣсь найдутъ они все, что было разбросано имъ въ разныхъ журналахъ, и если читали прежде, перечтутъ съ новымъ удовольствіемъ во второй разъ: что сначала ослѣпнло васъ блестящими искрами ума, упояло благоухающимъ слогомъ, то, при вторичномъ чтеніи, неожиданно откроетъ вамъ подь этимъ кокетливымъ нарядомъ неподдѣльное чувство, ущемить, такъ-сказать, сердце ваше и сорветъ слезу въ то время, когда съ вашихъ устъ не сошла еще улыбка. Книга начинается *письмомъ къ Теодозу Бюретту*, въ которомъ Жаненъ трогательными чертами описываетъ дружбу свою и потомъ очень-наивно и увлекательно изображаетъ свое литературное значеніе и положеніе:

«Тебя огорчало нѣсколько—говорить оиъ—«что я разтрачиваю попусту то, что ты называешь *моимъ слогомъ*, *моимъ умомъ*... Но, гово-

речь ты самъ себя: если посмотреть попристальнѣе, то какое изъ произведеній новѣйшихъ переживаетъ болѣе двадцати-четырехъ часовъ? Не живемъ ли мы въ вѣкъ импровизаціи? Драма, комедія, романъ, речь политическая! импровизація одного часа, импровизація одного дня — что за дѣло? Итакъ, внимательно обсудивъ все это, ты, безъ утрызненія совѣсти, далъ мнѣ погрязнуть въ эту бездонную пропасть періодической литературы, гдѣ, день за день, безпрестанно, поглощается умственная жизнь наша. Если бы эту всепожирающую бездну наполняли Вольтеръ, Руссо, Монтескьё—чудовище все-таки вопило бы: *сине!* Всей бы «Энциклопедіи» въ этомъ отношеніи достало не болѣе, какъ на ислыцъ; между-тѣмъ ты угтѣшались, видя меня загнатымъ этой безконечной работой Дашандъ; ты говорилъ самъ себе: по-крайней-мѣрѣ, онъ находится въ сильномъ, важномъ положеніи, — ему завидуютъ! Но, спрошу я тебя, ревность, упорство, отвага — какое положеніе не сдѣлаютъ онъ споснымъ? А это положеніе особенное положеніе человѣка, который всякій день можетъ высказать внимающей толпѣ все, что у него на сердцѣ; который налагаетъ свой приговоръ — свою похвалу и свое порицаніе, котораго словамъ внимають, сужденіе слушають. Въ немъ такъ же ничуть, какъ въ людяхъ политическихъ, раздающихъ общественныя должности, потому-что онъ раздастъ славу. Онъ окруженъ врагами и льстецами равно-опасными, и которые, однакожъ, противъ воли его, дѣлаютъ изъ него важное лицо. Онъ заслуживаетъ участіе честныхъ людей, потому-что, дабы заставить долго слушать себя, ему непременно надобно имѣть хоть немного ума, хоть нешиного слога, много твердости, много совѣсти въ своихъ ежедневныхъ сужденіяхъ, глубокое самоотверженіе; надо, чтобъ онъ былъ правосуденъ, справедливъ, чистосердеченъ и възлюбивъ, свѣтодѣтель даже въ порицаніяхъ, строгъ даже въ похвалахъ. Надобно, чтобъ онъ вѣрно рукой ровно держалъ вѣсы между всеми этими замышляющими, которые сдваются другъ съ другомъ, между этими соперничающими честолюбивыми, вакануль покровительствуемымъ, на другой день покровительствующими, между всеми этими болѣзненными, другъ другу завидующими извѣстностями, которые считаютъ за оскорбленіе, за грабежъ малѣйшую похвалу, не на ихъ обращенную. Таково положеніе критика: жизнь его есть жизнь борьбы и труда; изъ всей этой славы, которою онъ располагаетъ, онъ ничего почти не оберегаетъ на свою долю. У него столько же враговъ между твоими людьми, которыхъ онъ оуждаетъ, какъ и между твоими, которыхъ хвалитъ недовольно. А въ этомъ мѣрѣ кто скажетъ, что его хвалили достаточно?... Несчастный критикъ! Вотъ какимъ-образомъ, отдаляясь сколько-возможно отъ всякаго людскаго честолюбія и соперничества, онъ подверженъ однакожъ всѣмъ клеветамъ, всякому злословію. Жизнь его видна сквозь: онъ живетъ въ стеклянномъ домѣ; всякій можетъ пустить въ него сзади свою лодвнутую стрѣлу; подъ всякой улыбкой, къ нему обращенной, скрывается оскорбленіе; во всякой рукѣ, которую подносятъ ему, таится измятъ. Онъ болѣе всякаго другаго подверженъ оскорбленіямъ безъ имениныхъ

проситъ — и что было бы съ ними, еслибы стр-каммердиньеръ не лигалъ ихъ прежде его?

«Ну, а между-тѣмъ, каково она есть, это положеніе спосно, такъ-что можно еще въ этой атмосферѣ, напитанной завистью и ненавистью, быть счастливымъ, свободнымъ, любимымъ. Дружба слишкомъ вознаграждаетъ за эти непріятности. А притомъ бываютъ дни такіе счастливые! лучи такого прекраснаго солнца время отъ времени проникають сквозь эти тучи!.. Нычье открыли вы безъизвѣстный талантъ, дитя, которое заперлось въ пустой залѣ, и восклицаете ему: *сильный! вотъ трагедія!* На другой день встрѣчаете поэта въ отчални; ударивъ его по плечу, вы говорите ему: *здравствуй, поэтъ!*... Въ другое время нашли безъизвѣстную книгу, и въ этой безъизвѣстной книгѣ вы, силою мощнаго пера своего, отсылаете голпу и форту. Не то—передъ вами ужасная мелодрама, которой изъ всей мочи аплодируютъ безумный партерръ, и вы, одинъ вы, вставая среди этой суматохи, берете подъ защиту свою оскорбленный здравый смыслъ, искаженный языкъ, все, что есть великаго въ искусствѣ и въ исторіи, преданное на жертву лакеямъ въ ливрѣ! Или еще, въ какое-нибудь веселое утро, къ вамъ заходитъ Шатобрианъ собственной персоной и говоритъ вамъ: *здравствуй*, какъ-будто бы онъ выдалъ васъ на камуфъ; или, въ зимній вечеръ, садится у васъ передъ комелькомъ Ламартина, этотъ прекрасный мечтатель, который такъ хорошо говоритъ; или Мейерберъ описываетъ вамъ новыя страсти, какими наполнить онъ всѣхъ этихъ артистовъ, которые поютъ только черезъ него! О, это большія радости, великіе праздники!»

Не правда ли, что Жаненъ весь вылился въ семь отрывковъ?

За этимъ посвященіемъ слѣдуетъ статья *Воспоминанія о юности*, прекрасной, полой жизни и романческаго интереса, о первыхъ трудахъ литературныхъ, успѣхахъ и неудачахъ, борьбѣ съ нуждою и торжество надъ обстоятельствами, и пр. и пр. Эти «Литературныя Признанія», если не ошибаемся, были переведены въ одномъ русскомъ журналѣ 1833 или 34 годовъ. Далѣе *Исторія маркиза де-Садъ*, потомка Лауры, прославленной Петrarкою. Это исторія чудовищнаго человѣка, который провелъ жизнь свою въ развратныхъ оргіяхъ, писалъ книги, наводящія ужасъ на самое безиравственное сердце, этого жалкаго маркиза де-Садъ, который, не имѣя возможности писать книги въ бисетрской тюрьмѣ, отводилъ душу тѣмъ, что рассказывалъ самъ себя самыя адскія исторіи, этого маркиза де-Садъ, наконецъ, который умеръ въ безумномъ развратѣ и въ развратномъ безуміи. Эта статья, ужасающая своей истиной, оставляетъ въ сердцѣ добрые плоды: мысль, съ трепетомъ отряхая крылья свои, какъ бы болюсь запынать ихъ порокомъ, съ

большимъ наслажденіемъ возлетаетъ въ чистыя области ума и искусства. Далѣе слѣдуетъ рядъ портретовъ древнихъ художниковъ, портретовъ, наиболее оправдывающихъ названіе книги: здѣсь подѣ Марціала вы находите Бетховена, подѣ Пестронія Альбрехта Дюрера, подѣ Апулея—Гольбейна. Альбрехтъ Дюреръ, Гольбейнъ, Бенвенуто Челлини особенно обращаютъ на себя вниманіе своею *документальною* и увлекательностію разсказа. Хотите повѣстей—у Жюль-Жанена ихъ много: вотъ вамъ «Графиня Эгмонтъ» (La comtesse Egmont), въ прекрасной, живої картинѣ XVIII вѣка, съ его костюмами, характерами, портретами, языкомъ, со всеми причудами и затѣями; вотъ вамъ «Сумасшедшая» (La folle), влюбленная въ солнце и умирающая отъ ревности, потому-что солнце встрѣчаетъ луну; вотъ «Вандейская Свадьба», очень миленькая исторія 1793 года, которую мы, какъ образчикъ, перевели въ Смѣсь этой книжки нашего журнала, и пр. и пр. Кромѣ повѣстей, здѣсь есть характеристическіе портреты королевы Марин-Антуанетты, Марин Бюртембергской, Альфреда - Жоанно; есть критическіе очерки Жоржа Запада, «Маріанны» Сандо, и много другихъ. Однимъ словомъ, «Катакомбы» такая книга, которая придется и по плечу и по душѣ всякому охотнику до легкаго чтенія.

Отъ Жанена перейдемъ къ Бальзаку, или, лучше сказать, къ тому же Жапепу: Бальзакъ издалъ новый романъ «Великій человекъ провинціи въ Парижѣ» (Un grand homme de province à Paris)—продолженіе его «Les Illusions perdues». Жавепъ написалъ статью объ этомъ новомъ произведеніи «великаго» Бальзака, статью живую, остроумную, ѣдкую—и, сказать правду, очень - справедливую. Изъ всѣхъ произведеній Бальзака его «Великій человекъ Провинціи» есть самая величайшая нелѣпость, утомительно-скудная, отвратительно-грязная. Судя по этому новому сочиненію Бальзака, можно рѣшительно подумать, что онъ *истисался* и теперь *повторяетъ зады*: тѣ же описанія, почти тѣ же характеры, которые читали вы у Бальзака прежде, встрѣчаются вамъ опять; этого мало: многія одинаковыя картины и описанія повторяются въ этомъ романѣ по нѣсколько разъ. Содержаніе романа въ томъ, что бѣдный молодой человекъ, провинціалецъ, поэтъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ, запутывается въ разныя литературныя и журнальныя витринки, торгуется честью и совѣстію, наконецъ, переходя отъ преступ-

пленія въ преступленію, повергается въ бѣдну порока и погибаетъ. Бальзакъ, недовольный журналами, которые съ-начала ругали его, а теперь совсѣмъ перестаютъ говорить о немъ, хотѣлъ представить зачумленную сторону литературы и журналистики Французской, но, разводя краски свои, частью желчью, частью грязью, представилъ картину неправдоподобную, увеличивалъ разиры, пересолялъ, какъ говорится. По своему *слишкомъ-излишнему* содержанию, романъ не можетъ имѣть занимательности ни для людей, посвященпыхъ въ закулисныя тайны литературы, ни для тѣхъ, кому онъ чужды: однимъ эти подробности знакомы слишкомъ-много, другимъ слишкомъ-мало—никто пытатьса ими не можетъ. Статья Жаниена о романѣ Бальзака лучше самого романа, и мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать изъ нея слѣдующаго мѣста, замѣчательнаго по своему вѣрному взгляду и энергическому изложенію:

«Посмотрите, какъ (въ романѣ Бальзака) разсуждаютъ о Вальтерѣ Скоттѣ:—герои Вальтерѣ-Скотта почти всѣ одинаковы, всѣ на одной манерѣ; всѣ онѣ имѣютъ свои начала отъ Клариссы Гарлоу. Подводя ихъ подъ одну идею, онѣ могъ снимать только съ одного оттиска, разнообразя экземпляры болѣе или менѣе живою раскраскою. — Какое несправедливое сужденіе и какъ можно понять такимъ образомъ достоинства великихъ произведеній, которыя знаютъ наизусть вся Европа? Но это происходитъ именно отъ-того, что Вальтеръ Скоттъ въ романахъ своихъ ставилъ женщинъ на второмъ планѣ, что онѣ окружалъ ихъ самыми кроткими добродѣтелями, что страсти ихъ тихи, любовь ихъ добродѣтельна, что онѣ остаются всегда чистыми и вѣрными, какъ это вѣрливо честнымъ двушкамъ, которыя должны будутъ сдѣлаться почетными матерями семейства; и вотъ почему именно романы Вальтера Скотта имѣютъ такой всеобщій успѣхъ. Онѣ сдѣлались вѣрными и искренними спутницами молодого, пробуждающагося воображенія, любимыми чтеніемъ передъ семейнымъ комелькомъ; они сокращаютъ земныя ночи, услаждаютъ весенніе дни; они, мимоходомъ, не возбуждаютъ никакой вихрой-страсти, а напротивъ показываютъ молодымъ людямъ, какъ прежде всего, даже прежде нежели влюбиться, надобно быть отважнымъ и благоразумнымъ, вѣрнымъ и преданнымъ человекомъ; они научаютъ молодыхъ двушекъ упованію, терпѣнію, вселяютъ въ нихъ чувство покорности, укореняютъ ту мысль, что, въ какомъ бы ни было случаѣ, исполненіе своихъ обязанностей есть единственный источникъ всего, что въ мірѣ этомъ сколько-нибудь походитъ на счастье. Гдѣ же видѣли вы женщинъ лучше, очаровательнѣе? Мнѣ кажется, я слышу какъ скользятъ онѣ по зеленой лужайкѣ, вижу, какъ сходятъ онѣ съ горы; ихъ сладкій голосъ раздастся у меня въ ухахъ, отдастся въ сердцѣ; я

звено ихъ ниспа, опито ихъ очаровательными лица. Очаровательный міръ, похитворная страсть, молодые восторги, поэтичская вселенная! . . И въ какой, болѣе достойной рамѣ, были вышены эти торжественныя явленія исторіи, которые романисты изобразилъ во всемъ ихъ величіи — Елисавета, Лудовикъ XI, Карлъ I, Карлъ II, Вильгельмъ-Завоеватель, Ричардъ-Львиное-Сердце, Кромвель, и особенно эта Марія Стюартъ, такъ счастливо созданная поэтомъ! И вы смѣете порицать Вальтера Скотта, смѣете упрекать романиста за сходство его героини между собою, то-есть ставить имъ въ вину ихъ одинаковую чистоту, невинность, непорочную любовь, всѣ добродѣтели, ихъ окружающія! Но подумайте, господа новые романисты, что всѣ ваши героини также походятъ одна на другую; но, Боже мой! въ какомъ грустномъ отношеніи! Всѣ онѣ походятъ другъ на друга со стороны порока, преступленія, соблазна*, лжи, тщеславія; всѣ онѣ похожи другъ на друга, потому-что одна и та же праздность убиваетъ ихъ тѣло и душу, потому-что всѣ онѣ думаютъ о томъ только, какъ бы продать послѣдній кусокъ красоты ихъ. Вы совершили дѣло безумное, вы, которые исторгли изъ романовъ своихъ юность и невинность, ея неразлучную спутницу, Вы нашли, что шестнадцатый годъ дѣйствительно сбивается у всѣхъ по одному маверу, что недѣля ничего измѣчъ изъ первыхъ бѣдъ юнаго сердца, что Виргинія Бернардена-де-Сен-Пьера находить на Ателу Шатобриана; вы сказали юности: «пошла прощъ!» вы уничтожили очаровательный шестнадцатилѣтній возрастъ, потому-что тѣло еще не сформировалось, руки не получили своей настоящей бѣлизны. . . И въ то же время вы, съ жаромъ омонументомъ, устремились на женщинъ отъ тридцати до сорока лѣтъ, которые думали и заботились только о будущемъ; вы устремились на нихъ безъ великаго осторогательнаго восклицанія, назвали ихъ-распущенъ, въ то время, когда онѣ находились въ цѣдрахъ своихъ семействъ, говорили своимъ дѣламъ, отвѣчали мужьямъ своимъ искреннею и чистою любовью; вы стали мучить имъ въ уши, что онѣ гораздо моложе, нежели думаютъ, что время бросить эти пошлыя радости супружеской жизни — и безумная слѣпо вѣрили вашимъ грубымъ ласкательствамъ! Вы убѣдили ихъ, что все ихъ прошедшее счастье было жалкій обманъ, и онѣ, слома голову, кинулись въ бездну натяжныхъ страстей, а тѣ изъ нихъ, которыя не смыслили страстей себѣ по плечу, раскинулись съ выкуреного цѣго на разноцѣпныхъ совахъ, гдѣ онѣ ждуть еще любовника, который долженъ придти къ нимъ.

«Итакъ расплайте, сколько душъ угодно, эти истощенныя сердца, эти тѣла безъ энергій, эти нервные припадки, въ бывой кассѣ, которыми дѣте вы называете женщинъ; но, ради Бога, уважайте кроткихъ, юныхъ, очаровательныхъ героинь Вальтера Скотта, уважайте особенно ихъ достойную прародительницу, Клариссу Гарлоу, чистую, непорочную жер-

* Замѣтите, въ-прочемъ, что это говорить Жансенъ, который, лѣтъ 8 тому назадъ, написалъ «Барнава» и вставилъ въ него отвратительный эпизодъ: «Deux Filles de Sejan».

ту Ловласа, котораго пожеланіе переродилось въ жалкихъ дондэ, а безъ нихъ не можете вы написать ни одного своего романа.»

Но довольно о Балзакъ и Жавёнъ. Переходимъ къ другимъ новостямъ французской литературы.

Г-жа Шарль Рейбо, одна изъ самыхъ ильмыхъ рассказчицъ современной французской литературы, написала презанятельный романъ «Мезеліа» (*Mezelie*). Этотъ романъ мы особенно рекомендуемъ читательницамъ нашимъ; онъ увлечетъ ихъ простотою своею, естественностію разсказа, многими краснорѣчиво-трогательными страницами. Вездѣ вы видите женщину, и — что главное — женщину безъ претензій на оригинальность или на что бы то ни было; все сочиненіе проникнуто нравственнымъ чувствомъ, которое гдѣ отраднѣе встрѣтитъ здѣсь, что оно такъ рѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ современной французской литературы, вышедшихъ даже изъ-подъ пера женщинъ. Еслибъ не запутанна, даже нѣсколько затянутая развязка романа, мы не колеблясь поставили бы его на-ряду съ самыми лучшими произведеніями современной французской литературы.

Еженъ Сю издалъ, подъ названіемъ *Deleytar*, двѣ повѣсти и двѣ комедіи — всего четыре пьесы. *Deleytar* — слово испанское, значитъ *забавлять*. Г. Сю не въ первый разъ уже придаетъ своимъ сочиненіямъ такіа замысловатая заглавія. Въ-прочемъ, не смотря на претензію, выраженную въ заглавіи, книга г. Сю нѣсколько не забавляетъ; а если она и забавна, то совсѣмъ не съ той стороны, съ какой авторъ хотѣлъ сдѣлать ее забавною. Первая статья — *Arabian Godolphin*, исторія арабской лошади, съ-начала гонимой, какъ безвѣстный геній, но потомъ доказавшей знаменитость кровію своею. Есть нѣсколько занимательныхъ подробностей, но въ-прочемъ много болтовни, незанимательной по-крайней-мѣрѣ для того, кого не занимаютъ герои изъ лошадиной породы. Второй разсказъ — *Kardiki*, взятъ изъ восточной жизни. Еслибъ онъ не былъ слишкомъ растянута, и вмѣстѣ съ этимъ и натянута (автору хотѣлось поддѣлаться подъ мѣстный колоритъ), онъ бы могъ имѣть нѣкоторую занимательность, а въ настоящемъ видѣ своемъ онъ не очень заинтересуетъ читателя. Самая забавная часть книги г. Сю его *Общественныя Комедіи* (*Comedies Sociales*), изъ которыхъ одна называется *судья*, а другая *законодатель*. Г. Сю ударился въ древность, чтобы преобразовать новую комедію: онъ даже

въ своихъ комедіяхъ—хоры! Странная мысль для нашего времени! Третья комедія — *Жрецъ*, служащая дополненіемъ этой трилогіи, не напечатана — право, и двухъ помилуемыхъ комедій съ насъ будетъ очень-довольно. Нѣтъ, въ господинѣ Еженѣ Сю нѣтъ даже и тѣхъ непомогихъ достоинствъ, которые замѣтны въ прочихъ французскихъ болтунахъ, титулюющихъ себя романистами: господинъ Сю только и отличается искусно-придуманннми, эффектными названіями своихъ аки-романовъ, да желаніемъ отличиться оригинальностью, которой въ немъ нѣтъ и на волосъ.

Въ повѣствовательномъ родѣ укажемъ еще на замѣчательную по искусству разсказа книгу «Миньяръ и Риго» (*Mignard et Rigaud*) Поля Мюссе, собраніе занимательныхъ портретовъ и очерковъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ лицъ XVII столѣтія. Миньяръ и Риго были живописцы, оставившіе намъ портреты многихъ знаменитыхъ людей ихъ эпохи, т. е. времени Людовика XIV и Анны Австрійской. Чтò эти живописцы изобразили для глазъ, то Поль Мюссе хотѣлъ изобразить для ума, и вотъ почему придумалъ онъ своей книгѣ такое названіе. Чтобы еще болѣе сохранить характерный цвѣтъ времени, авторъ поддѣляется подъ тогдашній языкъ, и говорить имъ довольно-удачно.

«Человѣкъ и Деньги» (*L'homme et l'argent*) Эмиля Сувестра—романъ исправдopodobный въ основаніи своемъ, но занимательно разсказанный.

«Аделаида, или Записки молодой дѣвушки» (*Adelaide, ou mémoires d'une jeune fille*) г. Ог. Тьерн, въ этомъ отношеніи лучше романа г. Сувестра: очень-простой и естественный по завязкѣ своей, онъ отличается прекраснымъ разсказомъ и многими искусно-очерченными характерами.

Вотъ все, на чтò можемъ мы указать нашимъ читателямъ изъ современныхъ французскихъ романовъ. Вообще въ послѣднее время этотъ родъ сочиненій количествомъ своимъ далеко не могъ сравняться съ предшествовавшими мѣсяцами. Къ-тому же надо еще замѣтить, что въ послѣднее время не только журналы и обозрѣнія, но даже ежедневныя газеты печатають на страницахъ своихъ цѣлыя романы; такъ на-примѣръ, въ *Journal des Débats* въ началѣ нынѣшняго года тянулся «Школьный Учитель» (*Le maitre d'Ecole*), Ф. Сумьѣ, потомъ «Икарковы Крылья» (*Les ailes d'Icar*) его же; въ «La Presse» такимъ же точно образомъ тянулся долго-долго скучный и не-

свои «Артуръ» (*Arthur*) Ежена Сю, также «Сельскій Священникъ» (*Le curé de village*) и «Парижская Княгиня», (*Princesse Parisienne*) Бальзака: эти романы не возможно читать до-тѣхъ-порѣ, пока они не отпечаатаются отдѣльными книжками; что нынче прочли, то завтра забыли, особенно если вы читаете много и притомъ разнообразите свое чтеніе. Такимъ же точно образомъ Жоржъ Зандъ, ударившася теперь въ драмы, печатаетъ ихъ въ «*Revue des deux mondes*». Въ книжкахъ за два послѣдніе мѣсяца напечатана тамъ новая ея драма, или, какъ она назвала ее, roman dialogué, «Габріэль» (*Gabriel*)—созданіе въ высшей степени странное, страннѣе даже, нежели мистическій «Спиридіонъ» (*Spiridion*), напечатанный Жоржемъ Зандомъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ томъ же журналѣ. Весь новый романъ ея основанъ на томъ, что какой-то князь де-Брамптъ имѣлъ двухъ сыновей, которыхъ онъ женилъ, и тотчасъ же послѣ брака младшаго изъ нихъ началъ ухаживать за его женою; но, получивъ отказъ своимъ преступнымъ желаніямъ, ожесточился противъ этого сына, противъ жены его и въ-послѣдствіи противъ ихъ сына — Астольфа. Между-тѣмъ у старшаго сына князя родилась дочь Габріэль; родители ея тотчасъ же умерли, и старый развратникъ рѣшился сдѣлать изъ нея орудіе своего мщенія. Предвидя, что все несмѣтное богатство его, по закону, должно будетъ достаться Астольфу, рожденному отъ младшаго его сына, а не Габріэли, которая, хотя и была дочерью старшаго его сына, но, какъ женщина, должна была устраниваться отъ наслѣдства,—предвидя, говоримъ, что такимъ-образомъ вся владѣнія перейдутъ въ младшую, ненавистную ему линію, онъ объявилъ, что у старшаго сына его родился сынъ Габріэль, началъ въ уединеніи, въ-дали отъ себя воспитывать Габріэль какъ мальчика, поручивъ это воспитаніе аббату, въ преданности котораго былъ увѣренъ. Габріэль воспитывалась такимъ-образомъ до совершеннолѣтія, подъ именемъ Габріэль (т. е. Гавриила), и ей старались внушить всевозможные презрѣніе къ женщинамъ, какъ къ полу, обреченному на рабство; а напротивъ вселить привязанность ко всему мужественному, геройскому, свободному. Наконецъ старый князь открываетъ ей тайну и она, вмѣсто того, чтобъ почувствовать презрѣніе къ Астольфу, котораго описываютъ ей развратнымъ,

пьянымъ, буйнымъ, ощущаешь состраданіе къ несчастному, лишенному наследства тайною интригою. Подъ предлогомъ путешествія, Габріэльъ отпрапляется съ однимъ старымъ служителемъ искать Астольфа, находитъ его въ кабакъ, влюбляется въ него, избавляетъ его тутъ же отъ убійцы, сидитъ съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ по подозрѣнію, открываетъ себя, только какъ внука князя де-Браманта, какъ мужчину, и дружится съ Астольфомъ; наконецъ живетъ съ нимъ вмѣстѣ и до-тѣхъ-поръ, пока случай не открытъ Астольфу (который самъ тайно влюбляется въ нее, какъ въ женщину), что Габріэльъ — женщина. Далѣе они живутъ какъ мужъ и жена, въ домѣ матери Астольфа и начинаютъ ссориться: Астольфъ ренуется ее ко всѣмъ, она тяготится этою ревностію, какъ признакомъ деспотизма со стороны Астольфа, и они разъѣжаются. Астольфъ требуетъ, чтобъ она соединилась съ нимъ. Свободолюбивая Габріэльъ отвергаетъ это требованіе, боясь брака какъ оковъ. Астольфъ подозреваетъ ее въ измѣнѣ, она подозреваетъ Астольфа въ желаніи властвовать надъ нею и въ намѣреніи открыть ея позъ (ибо она только въ уединенномъ жилищѣ матери Астольфа была женщиною, а съ-тѣхъ-поръ опять надѣла мужское платье, дерется на дуэляхъ, ранитъ, убиваетъ и пр. и пр.), чтобъ воспользоваться ея богатствомъ; любящая, она рѣшается на все, ѣдетъ въ Римъ къ папѣ и выпрашиваетъ у него дозволеніе, какъ совершеннолѣтній Габріэльъ де-Брамантъ, располагать своимъ имѣніемъ и передать его двоюродному своему брату Астольфу де-Брамантъ. Вся сіи недоразумѣнія между Габріэлью и Астольфомъ оканчиваются тѣмъ, что старый князь, провѣдавъ о поступкахъ и намѣреніяхъ Габріэли, убиваетъ ее черезъ нанятаго убійцу!..» Приходитъ Астольфъ, называетъ себя ея убійцею — и занавѣсъ опускается. — Скажите, что это такое, вся эта драма? Апофеоза ли сеп-симонизма, или насмѣшка надъ нимъ? Борьба ли такъ называемой «свободной женщины» съ условіями свѣта, или обнаженіе нелѣпности воспитанія, которое желаютъ ввести сеп-симонисты въ общество? Доказательство ли, что какъ ни воспитывай женщину, она все-таки останется женщиною, или — что только мужественное воспитаніе можетъ дать женщинамъ характеръ энергическій? Богъ знаетъ! А что эта драма есть доказательство чего-нибудь, т. е. что она имѣла цѣль, въ томъ имѣтъ

никакого сомнѣнія; следовательно, это не художественное произведение, не созданіе свободной фантазіи: это диссертация, написанная на заданную тему, развѣтѣ известнаго предложенія, обставленная кабарками, маскарадами, кпшжаками, убійцами, лозгласами — правда, часто сильными, рѣзкими, но — вовсе ненужными къ дѣлу, и пр. И не уже ли, господа Французы, все это называется на вашемъ языкѣ творчествомъ?.. Жалокъ же вашъ кодексъ эстетическій!.

Что сказать вамъ еще? Подвилося вѣсколько стихотворныхъ произведеній, большею частію молодыхъ поэтовъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращать на себя еще неапечатанная вполнѣ, но уже извѣстная публикѣ поэма г-жи Луизы Колле-Ревуаль (*Louise Collet-Revoil*) подъ названіемъ «*Musée de Versaille*». Для насъ она не имѣетъ занимательности ни въ какомъ отношеніи: время описательной поэзіи прошло, и Дедлини въ наше время анахронизмъ грубый; но поэма г-жи Ревуаль потому обратила на себя вниманіе, что Французская Академія присудила ей монтионову премию.

Въ-прочемъ, описательная поэзія нашла себѣ приверженца не въ одной г-жѣ Ревуаль: нѣкто г-нъ Жуанно (Jouannes) написалъ поэму «*Les Bamettes*» — въ классическомъ родѣ, съ примѣсью миеологіи; другой классикъ-поэтъ, г. Бойе, явился съ андактической поэмой «*L'éducation*», состоящей изъ пятнадцати тысячъ стиховъ!! C'est un peu fort! Другіе претенденты на званіе поэтовъ суть следующие: Огюсть-Депласъ (*Desplaces*) — съ собраніемъ стихотвореній «*Une voix de plus*», Де-Систакъ (*de Cistac*) — «*Prières Poétiques*», Жюль Мишель — «*Rèves d'enfant*», Фердинандъ Дюге — «*Vol des heures*», гг. Марикуръ и Турнѣ, купно — «*Chants et prières*», и пр. и пр. Если въ наше время замѣтить урожай на поэзію, за-то ить его на поэтовъ;

«Чего! владѣетъ годъ отъ года!»

Изъ самыхъ заглавій, приведенныхъ нами, можно видѣть, что большая часть этихъ претендентовъ на поэзію вышла изъ школы Ламартина.

Переходимъ къ явленіямъ болѣе-серьезнымъ и болѣе-любопытнымъ.

На первомъ планѣ встрѣчается здѣсь имя нашего соотечественника, А. Н. Демидова: почтенный меценатъ, которому

русское просвѣщеніе такъ много-обязано, совершилъ въ 1837 году путешествіе въ Южную Россію и Крымъ, черезъ Венгрію, Валахію и Молдавію. При немъ находилось цѣлое общество ученыхъ и артистовъ—Сенеювъ, Гюо, Лепле, Левелье, Руссо де-Нормантъ, дю-Понсо, Раффе и пр. Нынѣ вышло въ Парижѣ начало этого путешествія (одна тетрадь) великольпно-издаваемого: вотъ его заглавіе: *Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, executé en 1837, sous la direction de M. Anatole de Demidoff, Mm. Sainson, Le Play, Huot, Léveillé, Rousseau de Nordmann et du Ponceau, avec gravures et lithographies dessinés d'après nature par Raffet.* Подождемъ окончательнаго выхода этой въ высшей степени занимательной книги, чтобы познакомиться съ нею читателей покороче.

Къ числу литературно-ученыхъ явленій должно отнести два новые тома «Литературныхъ Портретовъ» (*Portraits littéraires*) Сен-Бѣва. Для людей, постоянно-читающихъ французскіе журналы, въ этой книгѣ не найдется ничего новаго, но тѣмъ не менѣе книга Сен-Бѣва заслуживаетъ вниманіе. Изъ всѣхъ французскихъ критиковъ (въ существованіи которыхъ, въ-прочемъ, позволено сомнѣваться) нельзя не отдать ему пальмы первенства, въ томъ отношеніи, по-крайней-мѣрѣ, что во всѣхъ его статьяхъ вы находите общее основаніе, видите мысль, которая постоянно имъ руководствуетъ, открываетъ тонку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на искусство. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ журнала «Le Globe», онъ былъ пламеннымъ поборникомъ его ученія; отъ этого первыя статьи его запечатлѣны характеромъ полемическимъ, который изглаждался уже въ послѣдующихъ его статьяхъ, болѣе спокойныхъ и хладнокровныхъ, гдѣ оцѣнка сочиненій соединена съ біографіею писателя. Книга его представляетъ теперь почти полную портретную галерею главнѣйшихъ французскихъ писателей, какъ бывшихъ въ-теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, такъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ современниковъ. Если Сен-Бѣвъ дополнитъ эти изученія еще нѣкоторыми недостающими именами, кардинала Реца, на-примѣръ, и Лесажа, изъ которыхъ одинъ стоитъ на порогѣ, а другой на послѣднемъ предѣлѣ царствованія Людовика XIV; когда онъ нарисуетъ портреты двухъ

главнѣйшихъ писателей XVIII столѣтія, Руссо и Вольтера, книга его представить полную исторію французской литературы въ-теченіе двухъ важнѣйшихъ вѣковъ ея.

Точно такое же происхожденіе, какъ книга Сен-Бѣва, составившаяся временемъ изъ журнальныхъ статей, имѣетъ книга Эдгарда Кинё — «Германія и Італія» (*L'Allemagne et l'Italie*). Здѣсь собрано все, что въ разное время написано авторомъ «Агасфера» объ искусствѣ и философіи, и особенно объ эпопеяхъ; хорошо-знакомый съ германскою литературою и философіею, притомъ, какъ переводчикъ гердеровыхъ «Идей», Кинё носитъ на себѣ печать германской мыслительности, не увлекаясь однакожь сильнымъ педантизмомъ и не исцещряя книги своей варварскою терминологіею. Но, освободясь отъ этого недостатка, Кинё не освободился однакожь отъ другаго: изучая предметъ добросовѣстно, со всѣмъ жаромъ, со всею любовью, онъ иногда слишкомъ-далеко увлекается блестящими выводами, такъ-что мысль, вѣрная въ основаніи своемъ, становится сомнительною, потому-что онъ заходитъ, такъ сказать, слишкомъ-далеко и наконецъ вдается въ крайности и натяжки. Это особенно замѣтно въ его изслѣдованіяхъ, въ-прочемъ весьма-дѣльныхъ, объ эпопеяхъ: увлеченный мыслию о возможности эпопей въ наше время, онъ не только составилъ теорію современной эпопей, но приложилъ ее къ практикѣ. Взлвъ за основаніе ту мысль, что эпопея создается изъ поэтическихъ преданій народа, онъ съ этой точки зрѣнія сталъ смотреть на возможность эпопей современной: слѣдствіемъ этого былъ его «Наполеонъ», произведеніе весьма умное, но нисколько не поэтическое. Въ-прочемъ книга Кинё читается съ удовольствіемъ, какъ произведеніе человека мыслящаго.

Амперь издалъ весьма-любопытныя изслѣдованія объ «Исторіи Французской Литературы до XII столѣтія» (*Histoire littéraire de France avant le douzième siècle*); эта книга есть слѣдствіе курса о происхожденіи французской литературы (*sur les origines de la littérature française*), читаннаго имъ во Французской Коллегіи. До сего времени всѣ свѣдѣнія объ умственномъ образованіи Франціи до XII столѣтія почерпались изъ единственнаго памятника, оставленнаго бенедиктинцами; но, доступный однимъ только ученымъ, этотъ сборникъ мало касался стороны языческой, которая долгу однакожь преобладала: Амперь

взглянулъ на этотъ предметъ съ чисто-литературной стороны. Первые издаваемые имъ два тома начинаются съ вѣрбійскихъ и кельтическихъ преданій и оканчиваются легендами; следовательно, они обнимаютъ образование языческое; вліяніе варварства и вліяніе христіанскаго ученія. Въ-слѣдъ за тѣмъ явится полная «Исторія Французской Литературы въ средніе вѣка»—плодъ его двухгодичнаго курса. Амперъ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій весьма-любопытную и почти совершенно-петропугую эпоху французской литературы; изслѣдованія его очень-важны, потому-что могутъ пролить свѣтъ на все западное образованіе Европы въ средніе вѣка—въ такую эпоху, на которую еще и теперь многіе историки смотрятъ съ предразсудками и единственно потому, можетъ быть, что нѣтъ фактовъ, поясняющихъ дѣло. Амперъ, скажемъ мимоходомъ, приготовился для избраннаго имъ дѣла трудомъ усерднымъ и добросовѣстнымъ; изслѣдованія его начинаютъ уже приносить плодъ свой. Вниманіе общее въ такой степени обращено на этотъ предметъ, что изданіе литературныхъ памятниконъ среднихъ вѣковъ составляетъ теперь весьма-важную часть книжной производительности во Франціи: укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ изданій.

«Полное собраніе сочиненій Рютбеа» (*Oeuvres complètes de Rutbeuf*), трувера XIII стол. изд. Ашилемъ Жюбеналемъ. Издатель этой книги извѣстенъ какъ неутомимый изслѣдователь и комментаторъ древнихъ французскихъ летописцевъ и поэтовъ. Рютбеа принадлежитъ къ числу поэтовъ чистонародныхъ, которые являлись на празднествахъ, на свадьбахъ, на турнирахъ, съ пѣсню въ устахъ, съ арфою за плечамъ; бѣдность и нужда были ихъ всегдашними спутниками. Рютбеа самъ описываетъ свое горькое положеніе: «Нѣтъ у меня двухъ полынъ» говоритъ онъ: «чѣмъ затопить печку; вся посуда у меня перебита. Я кашляю отъ холода, зѣваю отъ голода. Сплю на кровати безъ соломы, и когда друзья мои спрашиваютъ у меня, гдѣ я живу, я не смѣю сказать имъ. Деньги съ каждымъ днемъ становятся рѣже: Тѣ, которые любили рассказы о временахъ давно-минувшихъ, всѣ теперь за моремъ, а мы, оставшіеся въ королевствѣ французскомъ, мы съ трудомъ можемъ заплатить за квартиру и нанять кормилицу для дѣтей своихъ». Впрочемъ такія жалобы встрѣчаются

почти у всѣхъ повтою XIII столѣтія. Непредставая ничего замѣчательнаго въ отношеніи эстетическомъ, сочиненія Рю-бесса любопытны по своему содержанию, по многимъ чертамъ, характеризующимъ его эпоху, изображающимъ литературную и общественную жизнь того времени. Въ его *Planus* — родъ похвальныхъ словъ — заключается много любопытныхъ подробностей о частной жизни знатныхъ вельможъ двора Людовика-Святаго, много намековъ на современныя происшествія, на тѣ вопросы, которые тогда составляли предметъ общаго любопытства; другія сочиненія его, неисторическія — состоятъ изъ сатирическихъ сказокъ, не совсѣмъ нравственнаго содержания въ родѣ сказокъ Маргариты Наваррской, Боашио и Ласонтена; сатира его болѣею частью устремлена противъ злоупотребленій, какія позволяли себѣ католическіе монахи того времени. Такое направленіе есть отпечатокъ духа тогдашняго, слѣдствіе борьбы между духовною и гражданскою властью.

«Романъ о Брутѣ» (*Le Roman de Brut*), — другой довольно любопытный памятникъ литературы среднихъ вѣковъ. Этотъ романъ сочиненъ въ 1155 году, при дворѣ англійскомъ. Сочинитель его, иже то Уасъ (Wace), собиралъ кельтическія и британскія преданія и перекладывалъ ихъ въ стихотворную хроникку. Эти преданія составляютъ двѣ различныя серіи: въ первой заключаются вѣсни бардовъ, триадовъ, отъ VI до XII вѣка, вторая состоитъ изъ эпопей, обнимающихъ всю исторію Великобританіи, отъ временъ самыхъ отдаленныхъ почти до Генриха II. Изъ этого втораго рода предній заимствовано содержаніе Брута, страннаго произведенія, гдѣ, какъ и во всѣхъ поэмкахъ такого рода, перемѣшаны мнѣя язычскіе, преданія временъ варварства, воспоминанія христіанства и рыцарства. Дѣйствующія лица этой поэмы принадлежатъ къ циклу круглаго стола, въ фамиліи короля Артура. Преданія героическихъ временъ древности, съ начала Греціи, потомъ Рима и Италіи, преобладаютъ въ поэмѣ англо-норманскаго каноника надъ преданіями свѣра. *Брути*, или *Брутусъ*, герой романа, основатель Лондона, по словамъ Уаса; былъ правнукъ Энея. Вынужденный оставить Лацумъ, онъ за морями ищетъ новой для себя отчизны, и съ небольшою колонією Троянцевъ прильзаетъ къ берегамъ Англій. Мы сказали, что въ этой поэмѣ

чрезвычайно-много странного: забываете верто, между прочимъ, что здесь являютъ на сцену эпископы и каноники за шестьсотъ лѣтъ до Р. X.! Не имѣя большой важности въ смыслѣ историческомъ, эта поэма любопытна какъ типъ такъ рыцарскихъ поэмъ, которыя въ средніа вѣка господствовали во всей Европѣ, поочередно вдохновляя мастеровъ въ Англіи, миннезингеровъ въ Италіи, и во многихъ мѣстахъ замѣняя даже народные преданія. Въ отношеніи етимологическомъ это сочиненіе любопытно какъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ памятниковъ языка французскаго.

Шомонская Дьяволица (*Les Diableries du Chamois*) соч. Жюльбуа, — книга весьма-любопытная, какъ матеріалъ для исторіи театра. Известно, что въ средніа вѣка представляемы были такъ называемыя мистеріа — зародки театральнаго представленія. Это были самыя любимыя народные зрѣлища. Рукописи этихъ мистерій хранились за двойными замками; общины и города за огромную цѣну заставляли снимать для себя эти уродливыя драмы. Въ торжественныя дни, въ великія праздники вынимались эти сокровища изъ сундуковъ. Строили театръ — *houit*, какъ его называли тогда. Актеры, большею частью ремесленники, получали за свою игру вино, пироги и пр., на счетъ общаго бюджета; тѣмъ, которые представляли дьяволовъ, платилось вдвое или въ-трие дороже, потому что имъ надобно было покупать сажу, чтобы пачкать себя лицо, а потомъ платить за баню, чтобы обмыться. Въ Шомонъ такіа игра назывались дьяволициною, и вотъ эту-то дьяволицину описываетъ г. Жюльбуа. Подробности чрезвычайно-интересны. Эти актеры пользовались величайшими преимуществами: цѣлую недѣлю они могли ничего не дѣлать, гулять, позволять себѣ все, что придетъ въ голову. Актеры, представлявшие Сиррациновъ, пользовались одинаковыми привилегіями съ тѣми, которые представляли дьяволовъ. Въ день Казимодо, они торжественно въѣзжали въ городъ, гдѣ общество давало имъ великолѣпный обѣдъ, и пр. и пр. Все это любопытно въ высшей степени, и какъ исторія, и просто, какъ картина времёнъ.

Въ заключеніе нашей статьи упомянемъ о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ ученой литературы во Франціи.

По части истории особенное внимание обращают на себя:

1) «Исторія царствованія Людовика XVI» соч. Дроза (*Histoire du règne de Louis XVI*), въ 2-хъ томахъ. Вильменъ съ величайшею похвалою отзывается объ этомъ сочиненіи (*Journal des Savants*, pag. 193).

2) «Исторія Людовика-Святого», соч. маркиза Терривъ-Транса (*Histoire de Saint Louis, roi de France*), въ 3-хъ томахъ.

3) «Людовикъ-Благочестивый и его Внукъ» (*Louis le Pieux et son siècle*), соч. Франзенъ (Fransen), въ 2-хъ томахъ. Это сочиненіе тѣмъ болѣе задумываетъ вниманіе, что о Людовикъ-Благочестивомъ весьма-мало было писано во Франціи: Шатобрианъ едва посвятилъ ему нѣсколько строкъ, Сисмонди и Мишле—нѣсколько страницъ.

Весьма-важное изданіе, по предмету археологій, предпринято *Симеестромъ*, профессоромъ каллиграфіи при дѣтяхъ короля французскаго. Изданіе сіе, выходящее подъ заглавіемъ «Всеобщей Палеографіи» (*Paléographie universelle*) имѣетъ цѣлю представить fac-simile со всѣхъ замѣчательнѣйшихъ манускриптовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ; эти fac-simile сняты съ самыхъ достовѣрныхъ памятниковъ графическаго искусства, разсланныхъ по бібліотекамъ и архивамъ Франціи, Италіи, Германіи и Англій. «Всеобщая Палеографія» выходитъ тетрадями, въ большой листъ; при каждомъ листѣ снимка находится пояснительный текстъ, составленный Шампольономъ-Фижакомъ и Шампольономъ-сыномъ. Работы Симеестра удивительны: намъ случилось видѣть нѣсколько листовъ его fac-simile, снятыхъ съ древнѣйшихъ латинскихъ и французскихъ рукописей, и эти fac-simile отзываются такою старинной, что вы готовы забыть и копию принять за оригиналъ. Не говоря уже о томъ, что въ нихъ соблюдены всѣ малѣйшіе оттѣнки графическихъ документовъ, самая порча, то, что напечатано время на этихъ страницахъ, передано съ удивительною вѣрностію. Изданіе это необходимо для всякаго, занимающагося изслѣдованіями историческими и изучающаго памятники древней палеографіи: по немъ выучится онъ разбирать и узнавать древніе рукописи и документы разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ.

По части естественныхъ наукъ замѣчательно изданіе «Всегообщаго Словаря Естественной Исторіи» (*Dictionnaire universel de l'Histoire naturelle*), предпринятое книгопродавцемъ Лоссомъ (Loss), подъ управленіемъ д'Орбиньи и при содѣйствіи извѣстнѣйшихъ ученыхъ. Этотъ «Словарь» составитъ около 8-ми томовъ, съ атласомъ и 200 рисунками на стали.

Вышло новое, прекрасное изданіе «Твореній Лассепада», въ pendant къ такому же изданію Бюэсона. При этомъ изданіи приложено «Похвальное Слово Лассепеду», соч. Кювьё, разныя примѣчанія и множество рисунковъ.

Кузель выдалъ вторымъ изданіемъ свой переводъ «Руководства къ исторіи философіи» Теннемана.

Говоря о произведеніяхъ легкой литературы, забыли мы упомянуть объ изданіи Кюрмера «Les Français, peints par eux-mêmes», которое выходитъ либрэонами. Это собраніе статей извѣстнѣйшихъ литераторовъ, статей, въ которыхъ изображаются самыя характеристическія черты французскаго народа, проявляющіяся на разныхъ ступеняхъ общества. Жюль-Жанезъ написалъ для этого изданія статью «Гризетка», альзакъ— «Женщина лучшаго тона», и пр. и пр. Последняя статья была помѣщена въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» вышедшаго года, (N. 4. 2-го тома).

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ОЛОНЧАНЪ.—Проезжая Олонецкую Губернію, я часто нарочно бывалъ на деревенскихъ вечерникахъ и свадьбахъ. Эти свадьбы совершенно отличны отъ нашихъ, чисто-русскихъ. Здѣсь, вы увидите, между дѣйствующими лицами въ свадьбѣ, *клятника*, который охраняетъ свадьбу отъ порчи, по мнимому суеврїю; послѣ этого замѣчательнаго лица, найдете *тысячкаго* (крестнаго отца жениха), двухъ или трехъ *бродевъ* со стороны жениха, и *постельную проводницу* со стороны невесты; прочія же лица, участвующія въ свадьбѣ, называются *поязжанами*.

Уединенная, суровая жизнь здѣшняго крестьянина, брошеннаго судьбою въ отдаленный уголокъ этой обширной губернии — въ дремучемъ лѣсу, заставляетъ его сильно чувствовать его одиночество; ничто не откликнется душѣ его въ этой дикой, глухой сторонѣ; ему не съ кѣмъ разделить горе, радость; ему не передъ кѣмъ выказать свою добычу, приобретенную искусною стрѣльбой*. И вотъ, наскучивъ жизнью одинокой, падаетъ онъ въ ноги роднымъ: «желанные родители» говорятъ онъ имъ: «отпустите меня на чужую чужбину, я достану себѣ молодницу красную»; отпускаютъ его желанные родители: «иди съ Богомъ» говорятъ они: «дитяtko иди раженое». Кидастъ на время онъ жилище свое, сзываетъ друзей и родныхъ своихъ и отправляется въ сосѣднюю деревню. Долго ли доброму, молодцу приглянуться красной дѣвушкѣ. Вотъ идутъ они подъ окошечко, гдѣ замѣчена ими была красная дѣвица, стучать въ окно, спрашивая «можно войти?» и оттуда отвѣчаютъ: «милости просимъ». Взошли. Отецъ и мать дѣвушки просятъ садиться; но они отказываются: «намъ нѣкогда сидѣть» говорятъ они: «мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ». Тотчасъ начинаютъ подчивать гостей личницею и пряжеными, и уговариваются, когда долженъ быть *приказъ* или *отказъ*. Когда просватаютъ невесту, то накроютъ ее фатою и всѣмъ присутствующимъ объявятъ, что сегодня *порученье***, а завтра свадьба. По «приказъ» бываетъ *рукобитие*, гдѣ сватъ бьетъ по рукамъ, захвативъ полу своей сибирки, со всѣми родными муж-

* О мастерской стрѣльбѣ Олончанъ будетъ сказано особенно. См.

** Обрученье.

чинами невѣсты. Утромъ, по приѣздѣ жениха къ невѣстѣ, она начинаеть рыдать и приплакивать:

«Ты скажи-ка, чужой чужбиннигъ, И тогда у меня молодешенькой
Ужь ты гдѣ меня повисмотрѣль, Было туку * принабавлено,
Ужь ты гдѣ меня повылдавь, Было росту принаставлено,
На горочкѣ катаючись, Накладно да лицо блѣое
О христовомъ дни качаючись, И бѣлымъ ** было набѣлсное
Аль на тихой-смѣрпой бесѣдушкѣ? Альмъ да варумнено.»

Въ-продолженіе этого плача, сваты быють въ *воронецъ* ***, приговаривая: «пу, сватыюшки, поворачивайтесь, подавайте невѣсту, женихъ сучаеть». Тутъ подводятъ невѣсту, накрытую фатой, даютъ ей поднось съ виномъ, и она начинаеть поднимать каждого; каждый долженъ класть на поднось сколько-нибудь денегъ. Въ-слѣдъ за невѣстой ходять проводница и плакальщица, которая безирерывно приплакиваетъ. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино и жениху, который даритъ ей различныя вещи, между кони и башмаки, она беретъ ихъ и бросаетъ, приговляя:

«Не дари-ка, чужой чужбиннигъ,	И хоромное стропельце.
Ты нищенскими подарками,—	Какъ дарить тебя, отдавать
На церковномъ крыльцѣ выпроси—	Мой родъ, племя великое?
Ужь я жила молодешенька	У меня родня широкая:
У родимаго у батюшки,	Сорокъ тетушекъ,
Я носила молодешенька	Сорокъ дядишекъ
По христовымъ воскресеньцамъ	Шестидесять желанныхъ дядошекъ.
Я башмачки козловые,	Въ моемъ-де роду племенн
Чулочки бумажные;	Всѣ ношн, отцы духовные
По годовымъ но праздничкамъ	И причешники церковные;
Я чулочки шелковые	По губерніямъ — губернаторы;
И башмачки сафьяные!	По городамъ — городничіе;
Ты послушай, чужой чужбиннигъ:	По уздамъ — исправники,
Съ моимъ родомъ познатися	По правленьямъ — славы головы
Прозакладать все житье-бытье,	Да по земскимъ — пятисотскіе!

иваньце,

Въ то время, какъ невѣста стоитъ у стола съ виномъ, дружки снимають съ нея фату концами плети. — Послѣ стовора бываетъ вечеринка, куда собирается вся родня съ жениховой

* Полноты. *Сог.*

** Бѣлая. *Сог.*

*** Воронецъ — доска, привѣшенная къ перскладшамъ потолка. *С. г.*

и невѣстной стороны. Тутъ они дарятъ другъ друга. Невѣста разбираетъ подарки, сдѣланные ей женихомъ, и послѣ отдари-
ваетъ его платкомъ. Наконецъ всѣ снова садятся за столъ,
приводить невѣсту, накрытую фатой; она входитъ съ под-
юсомъ и ставитъ его на столъ; женихъ беретъ рюмку вина,
невѣста дѣлаетъ то же, и первый изъ нихъ старается влить изъ
своей рюмки въ рюмку послѣдней частицу вина, и, если онъ
спѣетъ это исполнить, тогда зрители крикомъ одобряютъ его.
Послѣ этого невѣста оборачивается къ жениху и, какъ-бы
звѣняясь передъ нимъ, поетъ:

Охти мнѣ, да охти мнѣ-шненько!
Лохъ мнѣ долго издѣваться,
будетъ блудной покоритися!
Идойдти да-молодешеньки
ко столу-да ко кляжескому,
ко кругу-да молодецкому,
поклопитися-да низешенько
жъ мнѣ спить фату алую.
Не помни, чужой чужбининъ,
и ни лхой моеи лхости,

Да не грубой моеи грубости;
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господинъ души, отецкой сытъ,
Мнѣ прямо во было лицо,
Въ точъ, во ясны очи.
Я двушка не корыстная!
Тебѣ брать, чтобы не каятъ
Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ!...»

Въ это время всѣ поѣзжане съ жениховой стороны выскаки-
ваютъ изъ-за стола и кричатъ: «наша взяла! наша взяла! поко-
налась!» Послѣ этого снова начинается подчиванье, и невѣста,
братившись къ отцу, къ матери прощается съ ними:

Прости, красю мое солнышко,
Келанивъ корнялецъ, батюшка,
родительница матушка!
Охти мнѣ, — да охти мнѣ-шненько
очъ кручиняную головушку.
ко послѣднему денечку
сидѣла молодешенька
во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
во высокой новой горницѣ.
жъ я шила волю золотомъ,
бывала чистымъ серебромъ;
смотрѣла молодешенька
изъ косяцата окошечка,
на озеро на онежское:
изъ-за озера за онежскаго
летать птицы заморскія

Соловей, птица свистушала,
Орелъ птица говорущая.
Орелъ съѣлъ да на оконечко
Соловей съѣлъ подъ окошечкомъ;
Орелъ сталъ да выговаривать,
Соловей сталъ да выкисывать:
Не сиди, наша голубушка,
Подъ косяцатымъ окошечкомъ,
Ты не трать да чиста серебра
И не порти красна золота:
По сегоднешнему денечку
Быть саду да воловенному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть въ певолонинъ,
Двушкѣ быть во заболонинъ.
Незадолго поры-времени

Проскриптыи дубовыи сани,
 Пробренчала золота узда,
 Просвистала шелковая плетя:
 Призжалъ злодѣй, большой свать
 Насулить онъ батюшка
 Много пива, много пѣнаго.
 Говорилъ желанный батюшка:
 Мнѣ-ка пать, да не заштыся;
 Не промѣняю любовь дочери
 Я за винную за рюмочку.
 Выводить да злодѣй большой свать
 Много злата, много серебра,
 Много скатнаго жемчуга.
 Говорить родима матушка:
 Серебромъ да не слюзы слюзить
 Золотомъ-да не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить.—
 Прошлись да промотались
 Желанные мои родители,
 Пропили мою головушку,
 Не запивую за рюмочку:
 Вѣрно я да молодешенька
 Надѣла, да наскучила!
 Видно бадья я напрокучила
 Своими долгими давничествомъ,
 Глупымъ, малымъ ребячествомъ!
 Я пришла молодешенька
 Вся я стоги платюдиме,
 Да засаки несклонины!
 Приносила молодешенька
 Вся я прѣтныи платьица,
 Придержала молодешенька
 Всю безсмытную золоту казну!
 Какъ при мнѣ да молодешенька
 У моихъ свѣтъ, у родителей

Ужъ какъ въ полѣ не родилось
 На дворѣ да не плодилось
 На столѣ да не спарилось!
 Изживають меня бадьюю,
 Будто ворога изъ города,
 Люта зѣбра изъ темна лѣса!
 Погоди, родима матушка,
 Схватись да догадаешься,
 Коль не будетъ меня бадьюю.
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбрасышь
 И къ сердцу наприжмасышь!
 Рада будешь, красно-солнышко,
 Черезъ поле въ глаза видѣти,
 Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
 Черезъ рѣчку рѣчь говорить.
 У меня у молодешеньки
 Будетъ волгошка спрощоная
 Красота да доложоная,
 Мнѣ захочется топишешенько
 На родимую сторонушку,
 Да отхочется скорошешенько.
 У меня дѣнь пройдетъ спрощонае,
 Другой дѣнь да вздоложаючись,
 Недѣлька сваряжаючись
 На родимую сторонушку.
 Осенью — да бездождеце,
 А весною — да безвоальце,
 Лѣтомъ — лѣтнія работушка,
 Зимною — зимушка студедал.
 И не спустятъ меня бадьюю
 На родимую сторонушку...
 Ужъ мы свидимся — наплачемся,
 Разойдемся — патоскуемся...

Вотъ еще замѣчательный припѣвъ невесты предъ поѣздомъ къ вѣнцу:

«По послѣдному десечку,
 Нанесло тучку черную
 Со громами со трескучими;
 Со молніями со сверкучими,
 На батюшковъ высокъ теремъ,
 На матушкину горенку.

Призжалъ чужой чужбининъ
 Съ храбрыми своими поѣздомъ
 Съ поѣзжанами молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколъ братъ, братецъ родимен-
 кой

Голубчика золотокрыленькой,
 Запонка, да воротова
 Сердоликъ дорогой камень?
 Наряжу я молодешенька
 Службницу я неселикую,
 Да работу нетяжелую
 Гы сходи-ка, братецъ, соколъ мой,
 Въ постоялую конюшенку,
 Гы возми-ка, братецъ, соколъ мой,
 Это лошади самую лучшую,
 Запряги-ка, братецъ, соколъ мой,
 Въ саночки, да въ самокаточки,
 Топай-ка, братецъ, соколъ мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговые.
 Якуны-ка, братецъ, соколъ мой,
 Ориентуру мнѣ чернаго,
 И шелковыя семи разныхъ.
 Да-то есть у молодешеньки
 Сайны, мылыя подруженьки,
 Дорогій поравеночки *
 Мы повышейте, голубушки
 Заузорчатую завявь;
 Мы на первомъ углу вышейте,
 Мы Лявту да со Татарамъ;
 На другомъ углу вышейте
 Мы Москву да со боярами;
 Мы на третьемъ углу вышейте:
 Царя да со царцею;
 На четвертомъ углу вышейте

Короля съ королицею;
 На сердочкѣ вы вышейте
 Красно солнышко со мѣсяцомъ
 Да со частыми звездочкамъ.
 Ты повявь-ка, братецъ, соколъ мой,
 Заузорчатую завявь;
 Ко крыльцу, да по-перильному
 И ко столбику точеному,
 Ко колечку золоченому,
 Какъ пойдеть да чужой чужбиннѣ—
 Въ городахъ онъ не бывающій,
 Мудрости мало-видающій —
 Разглядися, да разсмѣтрися
 На узорчатую завявь
 И оставить молодешеньку
 На родимой сторонущѣ
 У желанныхъ родителей. . .
 Глухая я, красна дѣвица,
 Неразумная головушка!
 Какъ пойдеть да чужой чужбиннѣ—
 Впереди ея вожатые,
 Позади же провожатые,
 По сторонамъ да сбережатые;
 Въ городахъ они бывалые,
 Много мудрости видалые
 Не отпущать молодешеньку
 На родимую сторонущку!
 Не пускай-ка, братецъ, соколъ мой,
 Безъ допросу на круто крыльце
 Безъ доклада къ красной дѣвицѣ!»

Послѣ вечерни на другой день, передъ вѣнцомъ, дружки принашають всю родню невестину и женихову на *княжской столѣ*, оторый бываетъ всегда по прѣздѣ отъ вѣнца; женихъ, одѣвшись, отправляется въ церковь, ему одинъ изъ дружекъ подаетъ ремень и огниво **. Дружекъ обвертываютъ полотномъ, а жениха сѣткою. Въ это же время дѣвушки одѣвають невесту и оютъ ей пѣсни; когда начнутъ заплетать ей косу, то стараются шпестъ какъ можно крѣпче, для этого завязываютъ ее узлами и втыкають множество булавокъ. Наконецъ, когда невеста совершенно готова, крестный отецъ сажаетъ ее на *квашню*. Въ

* Однолѣтки. *Сог.*

** Огниво по-олонецки *плотка*. *Сог.*

это время прѣзжаютъ за невѣстою свахи и дружки (тутъ дружки получаютъ банты), сваха тотчасъ начинать расплетати косу и приниматъ слѣдующую пѣсню:

«Я не знала, не гадала,
 Когда сваха прѣехала,
 Спѣсивая, гордилвал.
 Она ступишь — не ступила
 Слова не смовила;
 Хотя жь она ступила,
 Хотя жь она смовила;
 Наряджайся-ка, умная,
 Снаряджайся, разумная,

Что ль во-ту-ль Божію церковь,
 Что ль къ тому-ль Божію суду
 Отойди же прочь обманщица
 Отойди подговорица
 Мнѣ и такъ ужь тошнскошько
 Разставаться съ родителями
 У суда вѣдь ноги ломаютъ,
 Подъ вѣщомъ голова болитъ.»

Сваху, когда она постъ и расплетаетъ косу, дарятъ чѣмъ-нибудь и подносятъ чашку кофе. Потомъ сваха беретъ невѣсту за руку и ведетъ, при чемъ невѣста должна до порога тащить столъ, если есть у нея сестры. Это дѣлается для-того, чтобы и сестрамъ скорѣе выйдти за мужъ.— По обвѣнчаніи, приводятъ бракосочетавшихся въ домъ жениха, передѣлаютъ невѣсту въ платьѣ *молодухи* и выводятъ впередъ всѣми; тогда обыкновенно присутствующіе одобряютъ невѣсту крикомъ: «хороша, молода»!.. Потомъ садятся всѣ за *княжскій столъ*, прежде чѣмъ слѣдутъ, женихъ съ невѣстою и родные обходятъ три раза кругомъ княжяго стола. Во время обѣда одинъ изъ дружекъ привозитъ къ жениху въ домъ все приданое невѣсты. На другой день утромъ постельныя проводницы идутъ будить молодыхъ, потомъ всѣдутъ въ баню, которую испанываютъ дружки. Когда женихъ и невѣста идутъ въ баню, то пляшутъ и поютъ пѣсни. Во время пребыванія ихъ въ банѣ тоже пляшутъ, кидаютъ камни, ломаютъ горшки, кричатъ; послѣ бани невѣста снова начинаетъ дарить женихову родню и дружкѣ; потомъ садятся за столъ, приготовленный у молодого. Послѣ обѣда, спустя нѣсколько времени, женихъ идетъ съ дружкою и сватомъ (кромѣ невѣсты) на *лигницу*, гдѣ соблюдается слѣдующее обыкновеніе: женихъ вырѣзываетъ кусокъ изъ серединки личницы, а дружка наливаютъ туда масло, чашку же, въ которой было масло, разбиваетъ; потомъ начинаютъ ѣсть, плясать кругомъ и пѣть.

Спустя нѣсколько дней, отецъ невѣсты даетъ обѣдъ, называемый *хлѣбшанини*, къ которому приглашаетъ всю родню, какъ

съ жениховой, такъ и съ невѣстной стороны, а потомъ молодой приглашаетъ вѣкъ къ себѣ на обѣдъ, пазынаемый *отсоропьяльный* столъ. Послѣ того каждый изъ участвующихъ въ свадьбѣ дѣлаетъ или вечеринку или обѣдъ для молодыхъ. На третій день молодые дѣлаютъ визиты.

Обряды эти годъ отъ года выходятъ изъ употребленія и во многомъ измѣняются, а потому, излагая въ этой журнальной статьѣ свадебный обрядъ Олончанъ, я старался высказать все то, что могъ замѣтить, подсматрѣвъ, посѣщая собственно изъ любопытства ихъ свадьбы. Большая часть этихъ людей, живя по городамъ Олонецкой Губерніи, скоро свыкается съ жизнью городскую, старается даже и въ семейномъ быту перемѣнить прежній образъ жизни и, перемѣнивъ разъ, они уже стыдятся передавать кому-нибудь свѣдѣнія о своей прежней жить-бытьѣ. В. Д. НИК. ВЪ.

КОМИТЕТЪ ДЛЯ РАЗБОРА И ПРИЗРѢНІЯ ПРОСЯЩИХЪ МИЛОСТЫНЮ ВЪ МОСКВѢ. — Москва обогатилась теперь еще однимъ общепользымымъ учрежденіемъ. Особый комитетъ для разбора и призрѣнія просащихъ милостыни, составленный изъ лицъ дворянскаго и кунеческаго сословія, открылъ тамъ свои засѣданія.

Чтобъ освятить начало его дѣйствій драгоценнымъ для всѣхъ Русскихъ воспоминаемъ, избранъ былъ для сего открытія день рожденія Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны, которая оставила въ Москвѣ неизгладимый слѣдъ своей благотворительности и навсегда укрѣпила за собою общую, необыкновенную приверженность высокимъ чувствомъ любви своей къ родной Россіи.

Въ Москвѣ давно была ощутительна потребность въ настоятельныхъ мѣрахъ противъ усиливающагося нищества. Положеніе ея посреди самыхъ многолюдныхъ, но не самыхъ плодотворныхъ губерній, и при всемъ томъ обыкновенная въ ней дешевизна продовольствія привлекаютъ сюда множество бѣдныхъ людей. Съ другой стороны, большое количество богоугодныхъ заведеній и вообще старинная, набожная благотворительность жителей способствуютъ не мало къ умноженію здѣсь просащихъ милостыннаго подаванія или богаделеннаго ублаженія. Еще болѣе недостаточныхъ людей стекается въ Москву съ надеж-

дою получить вскорѣ мѣсто или работу въ такомъ богатомъ и людномъ городѣ; но отъ многочисленнаго совмѣстничества и другихъ печальныхъ обстоятельствъ, надежда эта вѣрѣдко встрѣчаетъ затрудненіе въ исполненіи, а между-тѣмъ ищущіе должности и занятій остаются безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Обязанностію новооткрытаго комитета будетъ — отличить истинную бѣдность отъ одной ея личины, скрывающей нерѣдко порочное тунеядство; уберечь необходимое пособіе только для людей, достойныхъ состраданія; доставить полезное занятіе способнымъ къ какому-либо труду, удержать неопытную юность отъ привычки и соблазновъ бродяжничества, и, наконецъ, изъ наблюденій опыта извлечь постоянныя правила для постепеннаго уменьшенія нищенства въ Москвѣ.

Способы, предоставленные комитету для дѣйствованія въ столь обширномъ размахѣ, весьма еще недостаточны. По сей причинѣ, съ разрѣшенія правительства, комитетъ обращается къ великодушнымъ людямъ въ Москвѣ, Петербургѣ и во всемъ отечествѣ нашемъ, съ приглашеніемъ оказать ему благотворительное пособіе посильными приношеніями. Граждане московскіе разсыяны по всему пространству Россіи: узнавъ о новомъ учрежденіи на пользу роднаго города, они, конечно, не откажутся отъ въкотораго въ немъ участія. Но Москва не чужда никакому русскому сердцу. Комитетъ питаетъ несомнѣнное упованіе, что приглашеніе его не останется тщетнымъ повсюду, гдѣ зиждется патриотическая любовь къ священной колыбели Русскаго Царства, — повсюду, гдѣ не угасаетъ христіанское милосердіе къ бѣдствующему человѣчеству.

Приношенія можно доставлять прямо въ Московскій Комитетъ о Просящихъ Милостыни, или на имя г. президента, сенатора Степана Дмитріевича Нечаева, или на имя казначея комитета, г. коллежскаго ассесора Павла Дмитріевича Голембовскаго.

Имена благотворителей и приношенія ихъ будутъ съ глубокою благодарностію доводимы до общаго свѣдѣнія чрезъ Московскія Вѣдомости.

Комитетъ имѣетъ свои засѣданія въ Москвѣ, въ Работномъ Домѣ, находящемся въ Срѣтенской Части въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ.

На Кяхтѣ вымѣнено чаю 89,250 мѣсть — 7,000 мѣсть болѣе противъ 1839 года. — Русскихъ суковъ промѣнено на Кяхтѣ 1,241,133 аршина. — Всѣхъ кораблей во всѣхъ порты Русскіе было въ приходѣ 5,113 (съ баластомъ 2,331, съ товаромъ 2,782), въ отходѣ 5,112 (съ баластомъ 340, съ товаромъ 2,331). — Таможенный сборъ составлялъ 27,355,056 р. сер., а расходъ по управленію таможенною частью съ небольшимъ семь процентовъ съ дохода.

ЧИСЛО ДОМОВЪ И ЖИТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1812, 1822 И 1840 ГОДАХЪ. Число жителей въ Москвѣ къ 1-му января 1841 г. составляло 347,224 (215,926 муж., 131,298 женск. пола) душъ. Число домовъ 12,045 (кам. 3,749, дерев. 8,296), флигелей: каменныхъ 2,579, деревянн. 4,761, всего 7,340. Число вообще домовъ, казенныхъ зданій, лавокъ и лабазовъ въ Москвѣ полагается до 15,275. — Любопытно замѣтить здѣсь, что въ 1812 году считалось въ Москвѣ домовъ 9,158 (каменн. 2,567, деревянн. 6,591); изъ сего числа сгорѣло въ 1812 году 6,532 дома (каменныхъ 2,041, деревянн. 4,491). Жителей было въ 1812 году 257,131 душа. До 1822 года число сіе не могло еще дополниться, и въ 1822 году считалось въ Москвѣ жителей только 234,400. Домовъ въ 10-ть лѣтъ, послѣ 1812 года, было вновь выстроено и обгорѣлыхъ обдѣлано 8,027, начато отдѣлкою 99, и такихъ, у коихъ только флигеля были отдѣланы, считали до 408, всего 8,534. Следовательно, послѣ 1822 года, въ теченіе 20-ти лѣтъ древняя столица увеличилась въ народонаселеніи почти третью (234,400 — 347,224).

НАДАНСЯ ВЪ САРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Въ *Московскихъ губернскихъ ведомостяхъ* помѣщено письмо юной соотечественницы нашей, княжны Н. Ш. Шаликовой, къ родителю ея, извѣстному и почтенному дитератору Русскому, князю П. И. Шаликову. Описывая прогулку свою въ Сардамѣ, весьма мило и увлекательно, юная путешественница передаетъ между прочимъ стихи, которые написаны на стѣнѣ домика Петра Великаго, подъ именемъ На-

сладника престола, посвѣтившаго сей священнѣйшій домикъ во время пребыванія его въ Голландію. Надобно ли сказывать имя поэта, написавшаго сіи стихи? Его узнаеть каждый. Кажется, до сихъ поръ нигдѣ не были они напечатаны, и потому осмысливаемся мы *перепечатать* ихъ для читателей Р. В. — Вотъ они :

Надъ бѣдой хижинной сей
Летаютъ ангелы святые!
Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей —
Здѣсь родилась великая Россія!

ОБЪ ИЗДАНИИ РУССКАГО ВѢСТНИКА ВЪ 1842 ГОДУ.

Русскій Вѣстникъ будетъ издаваемъ и въ слѣдующемъ 1842 году. Касательно внѣшняго вида, онъ остается безъ переменъ: каждый мѣсяць будетъ издаваема книжка, *не менѣе пятнадцати* печатныхъ листовъ, или 240 страницъ; *двѣнадцать* такихъ книжекъ, раздѣляясь на *четыре* части, составятъ годовое изданіе.

Болезнь главнаго редактора, принужденнаго почти съ начала года оставить занятіе журналомъ, и послѣдовавшая отъ того неопредѣленность плана и работы по изданію Русскаго Вѣстника, были причиною, какъ неполноты содержанія, такъ и замедленія въ выходѣ книжекъ его. Вся сія неисправности будутъ устранены въ слѣдующемъ году.

Редакторы осмысливаются думать, что читатели оценятъ и трудность исполненія предположеннаго ими плана — наполнять Р. В. только оригинальными Русскими, или относящимися къ Россіи статьями, и достоинство многихъ статей, которыя были помѣщены въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 года.

Такъ, благодаря вниманію многихъ почтенныхъ литераторовъ Русскихъ, редакція Р. В. помѣстила въ немъ въскольکو прекрасныхъ стихотвореній (*И. П. Мятлова, Э. И. Губера, П. Г. Ободовскаго, Ф. Н. Глинки*) и статей въ прозу (*И. Н. Скобелева, П. П. Каменскаго, А. П. Башуцкаго, г-лѣ*

О. Фанз-Дима, Х. Г. и другихъ). Статьи : Жизнь Потемкина, Путешествіе по Голландіи императора Александра (А. И. Данилевскаго), Записки графа Гудовича и князя Ю. В. Долгорукаго ; Путешествіе митрополита Платона ; переводы съ Китайскаго о. Іакинѣа и съ Монгольскаго (три статьи о Буддійской религіи), конечно, были замѣчены читателями. Особое отдѣленіе : *Извѣстія иностранцевъ о Россіи*, заключало въ себя переводы любопытныхъ повѣствованій и разсказовъ о Русской старинѣ (путешествіе Жана Саважа въ 1586 году, Ибнъ-Батуты въ Золотую Орду въ XIV вѣкѣ ; Записки Делавилля и Сенъ-Сира, Невилля и Коллинса). Собраніе историческихъ и статистическихъ извѣстій и матеріаловъ не было ни въ одномъ современномъ Русскомъ журналѣ столь обильно и не представляло столь много статей замѣчательныхъ (какъ - то : меморіи и записки Минниха, Остермана, Вольнскаго, древніе акты и граматы) и особенно любопытныхъ (какъ-то, статьи : Д. П. Зубарева, К. А. Авлевой, И. М. Снегирева, М. Н. Макарова, Д. И. Языкова, гг. Мордвинова, Реутта и другихъ). Наконецъ, редакторы представили критическія обзорнія нѣсколькихъ явленій литературы современной Русской и иностранной (разборы книгъ : гг. Норова, Гаммера, Низара, Сахарова, Данилевскаго, книги Кошкина, и проч.). Множество разнообразныхъ мелкихъ статей составляли отдѣленіе *Смѣси*.

Прежній планъ, съ усовершенствованіемъ, на какое указали опытъ и требованіе читателей, предполагается и въ будущемъ году для Русскаго Вѣстника.

Р. В. будетъ содержать *только оригинальныя Русскія*, или хотя и переводныя, но *относящіяся къ Россіи статьи*, раздѣляясь на слѣдующія отдѣленія :

I. Словесность. Оригинальныя Русскія повѣсти, сказки, отрывки и статьи литературнаго содержанія, въ стихахъ и прозѣ, многихъ Русскихъ писателей, обѣщавшихъ свое участіе редакціи Русскаго Вѣстника. Къ сему присовокупятся еще словесность Польская и другихъ Славянскихъ народовъ и переводы изъ Классическихъ и Восточныхъ писателей.

II. Науки и Искусства. Статьи историческаго содержанія ; критика и матеріалы Исторіи, Географіи, Статистики ; теорія Политической Экономіи и Изящныхъ Искусствъ ; путешествія, историческія записки и акты относительно Россіи ; біографіи достопамятныхъ Россіянь ; характеристи-

ка Русскихъ писателей ; исторія Славянскихъ народовъ вообще ; статьи о древнемъ и нынѣшнемъ Русскомъ бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ ; Русскія пѣсни, сказки ; отрывки древней Русской литературы ; переводы Скандинавскихъ сагъ ; переводы ученыхъ статей съ Восточныхъ языковъ. Статьи вообще о наукахъ и искусствахъ, съ удаленіемъ отъ односторонняго направленія недоступнаго общему и обширному кругу читателей. Статья : *Извѣстія иностранцевъ о Россіи*, будетъ постоянно помещаема въ каждой книжкѣ.

III. Критика и Библиографія. Разборы замѣательныхъ произведеній современной Русской литературы. Библиографическія извѣстія о *всѣхъ*, по внутреннему достоинству или почему либо *достойныхъ* *очинанія* книгахъ Русскихъ. Извѣстія объ иностранныхъ книгахъ касательно Россіи. Разборы иностранныхъ книгъ, гдѣ *Русская критика* можетъ показать свой самобытный взглядъ на предметы.

IV. Извѣстія и Смѣсь. Русскій Вѣстникъ представитъ въ семь отдѣленій *полную современную летопись Россіи*: извѣстія о важнѣйшихъ государственныхъ постановленіяхъ ; извѣстія историческія, географическія и статистическія ; извѣстія о произведеніяхъ Русскихъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, о подвигахъ благотворенія и замѣательныхъ явленіяхъ природы ; указанія на статьи современныхъ журналовъ, въ коихъ содержатся новыя свѣдѣнія, касательно исторіи, статистики и географіи Русской ; некрологъ ; Русскіе анекдоты ; Петербургскія записки ; извѣстія изъ Москвы ; малкія замѣтки ; Русскія простонародныя пѣсни, пословицы ; малкія статьи гуморического содержанія.

Иногда будутъ прилагаемы къ книжкамъ рисунки съ произведеній Русскихъ художниковъ, изображенія и планы зданий и памятниковъ, карты, снимки съ подписей, и проч.

Редакція Р. В. принимаетъ неизмѣнными правилами при изданіи его :

1. По отдѣленію *Словесности* исключеніе переводовъ современныхъ произведеній журнальной литературы Французской, Нѣмецкой, Англійской. Неужели *Русскій журналъ* не можетъ существовать безъ повѣстей Диккенса, статей Жюльена, сказокъ Бернара, Рейбо, Шала, или романовъ Тика и Купера, большею частію представляемыхъ въ дурномъ, искаженномъ Русскомъ переводѣ, и иногда занимающихъ два

ИМПЕРАТОРСКИЙ МИКРОСКОПЪ, ИЗОБРАТЕННЫЙ ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА АЛЕКСАНДРОМЪ ФИШЕРОМЪ. — Возрастающая важность микроскопическихъ наблюдений, открытій, которыми они насъ уже обогатили относительно устройства неорганическихъ и органическихъ тѣлъ въ ихъ нормальномъ и болѣзненномъ состоянїяхъ, даютъ лицамъ, занимавшимся улучшенїемъ микроскопа, полное право на всеобщую признательность. Сравнивая устройство нынѣшняго микроскопа съ прежнимъ, нельзя не признаться, что микроскопъ въ наши времена столько усовершенствовался, что его, въ сравненїи съ прежними, можно называть совсѣмъ-новымъ инструментомъ.

Простой микроскопъ, состоящій изъ одного стекла, былъ уже употребляемъ древними. Первый сложный микроскопъ изъ двухъ стеколъ былъ сдѣланъ Голландцемъ Янзеномъ около 1590 года, и съ-тѣхъ-поръ подвергался безчисленнымъ измѣненїямъ. Одно изъ важнѣйшихъ улучшенїй микроскопа состоитъ въ ахроматизмѣ его объективнаго стекла. Дѣйствительно, многими изъ важнѣйшихъ открытїй мы преимущественно обязаны этому улучшенїю. Еще въ 1776 году Эйлеръ совѣтовалъ дѣлать ахроматическіе объективы для микроскоповъ, однакожъ, до 1821 года, самъ Біотъ предполагалъ невозможнымъ составленіе ахроматическаго стекла столь малой величины, какаа потребна для микроскопа. Въ 1823 году Зелигъ и Шевалье сдѣлали первое объективное стекло изъ четырехъ ахроматическихъ стеколъ, изъ коихъ каждое состояло изъ двухъ стеколъ, одно изъ кривъ-гласа, а другое изъ вѣднъ-гласа. Съ-тѣхъ-поръ лучшими микроскопами почитались микроскопы Шевалье въ Парижѣ, Фраунгофера въ Мюнхенѣ, Амичи въ Моденѣ, Листера и Мана въ Лондонѣ, Шика и Пистора въ Берлинѣ и Пассела въ Вѣнѣ.

Всѣ эти инструменты различаются между-собою болѣе своими принадлежностями, отношенїями величины своихъ составныхъ частей, разстоянїемъ между стеклами, днѣною фокуса, устройствомъ болѣе или менѣе способствующимъ ясности изображенїя наблюдаемаго предмета, различными степенями увеличенїя, величиною поля зрѣнїя, совершенствомъ ахроматизма, точностью движенїя составныхъ частей и вѣрностию микрометрическаго измѣренїя.

Но для соединенія многихъ существенныхъ свойствъ хорошаго микроскопа, должно было дать ему часто значительную величину и такое устройство, которое возвышало бы его цѣну; притомъ же для продолжительныхъ наблюдений, которыя требуютъ большей точности, употребленіе связъ микроскоповъ утомительно, потому-что приводитъ тѣло и руки наблюдателя въ несовершенно-удобное положеніе.

Сверхъ-того, отвинчиваніе и привинчиваніе объективныхъ стеколъ, необходимое при прежеиъ устройствѣ для полученія различныхъ степеней увеличенія, скоро подвергаютъ инструментъ поврежденію, требуютъ много времени; къ-тому же нѣкоторые микроскопы даютъ только извѣстныя степени увеличенія безъ промежуточныхъ, которыя однакоже могутъ быть необходимы для сравненія одного наблюденія съ другими, сдѣланными посредствомъ различныхъ инструментовъ.

Г. профессоръ Александръ Фишеръ, съ юныхъ лѣтъ занимавшійся микроскопическими наблюденіями и употреблявшій различные инструменты прежняго и новаго ахроматическаго устройства, испытавъ всѣ эти неудобства, дошелъ до счастливой мысли отнрратить ихъ особеннымъ, весьма-остроумнымъ устройствомъ микроскопа; такой инструментъ онъ назвалъ панкратическимъ микроскопомъ (т. е. микроскопомъ всѣхъ степеней увеличенія). Этотъ инструментъ, отлично-сдѣланный по указаніямъ г. профессора Фшера королевскимъ инженеромъ Шевалье, въ Парижѣ, недавно полученъ въ Москву.

Названіе сего микроскопа уже показываетъ, что онъ можетъ посредствомъ одного и того же объективнаго стекла производить различные степени увеличенія. Величина инструмента весьма - мала въ - сравненіи съ прочими; при употребленіи его наблюдатель можетъ сидѣть и смотрѣть удобно, опираясь руками на столъ, а степень увеличенія можно быстро перейти отъ 250 до 540 диаметровъ предмета, для прозрачныхъ тѣлъ, и отъ 90 до 285 для непрозрачныхъ. Такой переходъ производится весьма-легкимъ и точнымъ поворотомъ винта, которымъ приводится въ движеніе сложный микроскопъ, заключенный въ неподвижной трубкѣ, съ объективнымъ стекломъ; такимъ-образомъ видимое изображеніе наблюдается не посредствомъ глазаго стекла, но посредствомъ сложнаго подвижнаго микроскопа. Изображеніе наблюдаемаго предмета хорошо

освѣщено вогнутымъ зеркаломъ, а для большаго увеличенія непрозрачныхъ тѣлъ двояко-выпуклымъ стекломъ, весьма-удобно и легко движимымъ.

Въ Обществѣ Испытателей Природы былъ назначенъ особый комитетъ для сравненія панкратическаго микроскопа г. профессора Фишера съ лучшими микроскопами Фраунгофера, Плесселя и Шевалье. По тщательнымъ наблюденіямъ оказалось, что панкратическій микроскопъ г. Фишера превосходить всѣ прочіе относительно точности и ясности изображеній при всѣхъ степеняхъ увеличенія. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ себѣ подобнаго.

Изображеніе предметовъ показывается въ прямомъ, а не въ обратномъ положеніи; для непосредственнаго полученія различныхъ увеличеній, г. Шевалье отмѣтилъ главныя изъ нихъ на самомъ микроскопѣ.

Для опредѣленія дѣйствительной величины наблюдаемыхъ предметовъ, г. Шевалье прибавилъ къ микроскопу глазную трубку съ микрометромъ по указаніямъ г. Фишера.

Всякая черта микрометра соответствуетъ $\frac{1}{1000}$ доли миллиметра, и опытный глазъ можетъ примѣтить и меньшую сего величину.

Сожалѣя, что предѣлы журнальной статьи не позволяютъ мнѣ подробнаго описанія сего превосходнаго инструмента, которое мы не замедлимъ увидѣть въ курсахъ оптики, я ограничусь здѣсь изложеніемъ заключенія членовъ комитета, назначеннаго для испытанія инструмента.

Преимущества панкратическаго микроскопа профессора Фишера суть слѣдующія:

- 1) Онъ даетъ всѣ степени увеличенія между обширными предѣлами, безъ перемѣны объективнаго стекла.
- 2) Онъ показываетъ предметы въ прямомъ положеніи и не смотря на большое увеличеніе снѣтъ облегчаетъ изслѣдованіе оныхъ, въ-особенности неопытнымъ наблюдателямъ.
- 3) Онъ показываетъ, на подвижномъ сложномъ микроскопѣ, увеличеніе, при которомъ наблюденіе сдѣлано. Всѣ эти выгоды истекаютъ изъ самаго устройства инструмента.
- 4) Онъ даетъ средство измѣрить величину предмета до $\frac{1}{1000}$ доли миллиметра и меньше.

- 5) Онъ допускаетъ продолжительное наблюденіе, безъ утомленія глаза. Сіе происходитъ отъ слабой силы глазнаго стекла и большой ясности изображенія.
- 6) Малый объемъ инструмента и прочность его устройства облегчаютъ его употребленіе, безъ утомленія тѣла и рукъ наблюдателя.
- 7) Панкратическій микроскопъ также весьма удобенъ для наблюденія непрозрачныхъ предметовъ, и, наконецъ,
- 8) Что касается до ясности и чистоты изображеній, то онъ не имѣетъ себѣ подобнаго. Сія послѣднія качества должно между прочимъ приписать и отличному искусству г. Шевалье, который изъ любви къ наукѣ, лишь послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ и неудачныхъ опытовъ, достигъ наконецъ до того совершенства, какого должно было ожидать отъ отличнаго его искусства.

Намъ извѣстно, что г. Фишеръ предполагаетъ еще обогатить панкратическій микроскопъ нѣкоторыми новыми удобствами; но и въ томъ видѣ, какъ мы его видѣли, онъ уже превосходитъ, проихъ; цѣна его также гораздо умереннѣе.

Всѣ любители физическихъ знаній будутъ искренно признательны г. Шевалье за услугу, оказанную наукѣ, и тѣмъ болѣе изобрѣтателю, господину Фишеру, въ полномъ смыслѣ почтенному и достойному профессору Московскаго Университета. В.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МОРСКОЙ ВОДЫ ВЪ ПРѢСНУЮ. —

Вотъ извлеченіе изъ письма, написаннаго объ этомъ важномъ предметѣ г. Миллеромъ (находящемся при греческихъ рукописяхъ Парижской Королевской Библіотеки) въ г. Араго, въ прошломъ мѣсяцѣ: «Въ иностранныхъ журналахъ недавно говорили объ открытіи способа, посредствомъ котораго достигли возможности дѣлать морскую воду совершенно прѣсною. Всѣ разсуждали, и справедливо, о необъятныхъ выгодахъ, которыя принесетъ подобное открытіе морякамъ, отвращая множество несчастій, и безъ того уже многочисленныхъ. Безсомнѣнія, превращеніе морской воды въ прѣсную будетъ открыто въ напѣ изобрѣтательный вѣкъ, если уже не открыто теперь. Наукѣ не пугаютъ болѣе препятствія, и прекрасное изобрѣтеніе Дагерра немало способствовало къ удаленію пре-

дѣловъ невозможнаго. Должно, однакоже, сказать, что многіе издавна занимались разрѣшеніемъ этой важной задачи, и древнѣйшія времена оставили намъ по сему предмету нѣсколько наставленій, которыя мало извѣстны нынѣ и которыя стоили бы явиться на свѣтъ изъ мрака, въ коемъ до-сихъ-поръ находится. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ любопытномъ предметѣ.

Не станемъ говорить о средствахъ, употребленныхъ графомъ Марскыи, Галемъ, Листеромъ, Готье и Эпцльдеемъ для превращенія морской воды въ прѣсную: они описаны уже въ «Энциклопедіи» Дидро и д'Аламбера. Приведемъ только мѣста изъ древнихъ авторовъ и нѣсколькихъ новѣйшихъ историковъ, относящихся къ сему вопросу.

Въ первомъ мѣстѣ должно привести слова Плинія-Старшаго, къ которому должно прибѣгать каждый разъ, когда дѣло идетъ о древности, географіи или естественной исторіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ книгѣ XXXI, гл. XXXVII читаемъ: «На морѣ часто ощущаютъ недостатокъ въ прѣсной водѣ; и вотъ, какъ помогаютъ этому недостатку. Вокругъ корабля развѣшиваютъ ткани, которыя отъ морскихъ испареній вскорѣ дѣлаются мокрыми, и изъ нихъ выжимаютъ прѣсную воду. Также погружаютъ въ море въ сѣтяхъ пустые восковые шары, или пустые глиняные сосуды, хорошо-закупоренные; во внутренность ихъ вбирается вода, годная для питья; ибо вѣроятно морская вода процеживается и терлетъ свою соленость пропаяка сквозь глину».

Плиній, кажется, одинъ только въ-первые упоминаетъ объ этомъ способѣ добыванія прѣсной воды. Второй способъ сохранили намъ два комментатора Аристотеля; изъ нихъ одинъ, Александръ Аэродисейскій, жилъ во II вѣкѣ послѣ Р. Х., а другой, Олимпіодоръ, въ VI-мъ вѣкѣ. Въ сочиненіяхъ перваго находимъ: «Доказательствомъ, что смѣшеніе можетъ придать прѣсность морской водѣ, служитъ то, что вода, проникающая въ восковые сосуды, опускаемые въ море, процеживается, очищается и дѣлается годною для питья». То же самое говоритъ и Олимпіодоръ: «Возьми сосудъ изъ воска, закупорь его герметически, чтобы соленая вода не могла проникнуть въ него, и опусти его въ море. Оставивъ его тамъ на нѣсколько времени, выта-

щи его опытъ. Вода, прошедшая черезъ поры воска, будетъ прѣсна.»

Подобный опытъ, основанный на скважности стекла, былъ произведенъ въ 1724 г.-въ Амери, который съ Острова Бурбоа писалъ Академіи Наука, что находясь близъ мели, онъ а нѣсколько другихъ особъ, съ нимъ бывшихъ, взяли бутылку изъ самаго плотнаго стекла, закупорили ее самою плотною пробкою, и, боясь, чтобы не осталось въ ней непримѣтной скважины, покрыли ее съ-начала воскомъ, а съ-верха воска смолой, обвязавъ все пергаментомъ, такъ-что казалось невозможнымъ, чтобы вода проникла въ бутылку; однакожь, опустивъ ее на глубину 130 сажень, они вытащили ее вскорѣ полную воды. Попробовавъ этой воды, они убѣдились, что она въ три четверти мѣнѣе солона, нежели морская вода. Такимъ-образомъ тяжесть водянаго столба въ 130 сажень имѣла такую силу, что прожала воду сквозь всю крышку бутылки, наполнила совершенно бутылку и дѣлала воду почти-совершенно прѣсною.»

Подобный опытъ, произведенный двадцать лѣтъ позже г. Крафомъ въ Балтійскомъ Морѣ, произвелъ однакоже совершенно противныя слѣдствія. Бутылка была погружаема на различныхъ глубинахъ, изъ коихъ, правда, самая большая не превосходила 60 сажень, и оставалась въ водѣ снѣжкомъ три часа съ половиною; но ни одна капля воды не проникла въ нее. Должно полагать или, что въ первомъ опытѣ, бутылка не была хорошо закупорена, или что водяной столбъ, бывший при второмъ опытѣ вдвое меньше, не имѣлъ силы прожать воду сквозь пробку.

Въ собраніи академическихъ актовъ (Acad. scienc. 1737, p. 8) находимъ, что инженеръ Косенинъ повторялъ еще нѣсколько разъ этотъ опытъ, однакожь безъ всякаго успѣха.

Мы возвратимся къ нашимъ комментаторамъ Аристотеля, которые оба указываютъ еще на третій способъ дѣлать морскую воду прѣсною. Послунаемъ съ-начала Александра Аеродисейскаго: «Испаренія морской воды, соединясь въ облакъ, превращаются въ прѣсную, а не соленую воду, изъ коей образовались. Такимъ-образомъ многіе находили средство дѣлать морскую воду прѣсною. Разведши большой огонь, на него ставятъ котлы, наполненные морскою водою; съ-верху ставятъ

сосуды, принимающіе въ себя всё испареніе, которыя превращаются въ прѣсную воду». Олимпіодора выражается нѣсколько опредѣленнѣе: «Когда у мореплавателей не достаетъ прѣсной воды, они кипятятъ морскую воду въ металлическихъ сосудахъ, падъ котли вѣшаютъ большія губки, втягивающія всё испареніе. Вода, выжатая изъ нихъ, въ послѣдствіи прѣсна и нѣсколько не пахнетъ дымомъ.»

Къ этимъ свидѣніямъ, выбраннымъ изъ древнихъ авторовъ, должно прибавить другія, извлеченныя изъ нѣсколькихъ новыхъ историковъ, описывавшихъ осаду крѣпости Жерби, осаду, во время которой будто-бы открыто средство превращать морскую воду въ прѣсную, хотя не показаны способы, которыми достигли этого.

Нозъ Контъ рассказываетъ, что когда Пиади въ 1560 году осаждалъ крѣпость на островѣ Жерби, «недостатокъ въ водѣ увеличился до-того, что каждому солдату давалось весьма-малое количество воды въ день. Въ крѣпости находился Сицильянецъ Сбастьянъ, говорившій, что умѣетъ превращать морскую воду въ прѣсную посредствомъ оловяннаго сосуда, обыкновенно называемаго *lambicum*. Но онъ дѣлалъ едва двѣдцать бочекъ въ день, что было слишкомъ-мало для такого множества народа, особенно во время сильныхъ жаровъ.

Тѣ же самыя подробности читаемъ въ исторіи президента де-Ту, исключая превращенія морской воды въ прѣсную. Онъ только говоритъ, что ее смѣшивали съ прѣсною: «Тогда осажденные, которые до-тѣхъ-поръ подвергались ненормальнымъ трудамъ, безпрерывному бдѣнію, долженствовали сражаться съ болѣзнями и необыкновенными жарами, восторжествовавъ падъ такимъ множествомъ бѣдствій, были побуждены жаждою. Питались только сыромъ и солониною, они ощутили недостатокъ въ водѣ. Давно уже раздавалось солдатамъ ежедневно только по небольшой порціи, съ которою смѣшивали морскую воду.» Наконецъ приведемъ Жана Бодуэна, который, въ своей «Исторіи Св. Юанна Иерусалимскаго» (кн. 15, гл. 9, стр. 459, парижъ 1643 г., въ листѣ), говоря о той же осадѣ крѣпости Жерби, слѣдующимъ-образомъ искажаетъ вышеприведенный фактъ: «Вода въ колодезяхъ сдѣлалась соленою; одинъ ученый чело-вѣкъ вскипятитъ и опрѣнитъ большое количество, недостаточное и для половины великаго числа жителей крѣпости».

ПАДЕНИЕ ЗВЪЗДЪ.— Читателямъ нашимъ известно уже изъ статьи профессора Перевощикова (напечатанной въ 8-ой кн. «Отеч. Записокъ»), что самое обильное падение звѣздъ происходитъ въ известные періоды. Самое замѣчательное изъ этихъ периодическихъ временъ *звѣздопаденій*— 12 ноября, и въ эту-то ночь обыкновенно теперь бодрствуютъ все астрономы и каждый на-перерывъ приносятъ свои наблюденія въ сокровищницу науки. Вотъ какъ описываетъ это явленіе Чарльсъ-Вудсъ, членъ Лондонскаго Метеорологическаго Общества, который нарочно изъ Лондона уѣхалъ въ Ричмондъ, чтобы пользоваться болѣе обширнымъ горизонтомъ.

«До 35 минутъ четвертаго часа по полуночи, въ ночи на 13 ноября, на ясномъ и чистомъ небѣ не показывалось ничего особеннаго, и даже число падающихъ звѣздъ было менѣе ежедневнаго; но вдругъ явилось блистательное зрѣлище отъ сѣверо-востока къ сѣверу (именно въ направленіи отъ ENE къ N; метеоры сыпались какъ градъ бомбъ во время осады, и звѣзды одна за другою слѣдовали такъ быстро, что невозможно было ни опредѣлить направленія каждой изъ нихъ, ни слѣдить за ихъ ходомъ мимо созвѣздіи, ни даже ихъ сосчитать. Вся видимая часть неба была освѣщена этимъ безсчетнымъ множествомъ звѣздъ, которыя, при паденіи, направлялись къ землѣ.

Г. Кетле (Quetelet) получилъ это извѣстіе отъ Вудса и вмѣстѣ письмо отъ сэръ Джона Гершеля, который описываетъ сѣверное сіяніе, наблюдаемое имъ въ тотъ же самый часъ, и сомнѣвается, нѣтъ ли тутъ какой-либо ошибки и не одно ли и то же оба явленія. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно предположить, что на такомъ небольшомъ разстояніи какъ Ричмондъ и Слугъ одно и то же явленіе видно было такъ различно.

Кромѣ этого явленія, Вудсъ описываетъ особенности, замѣченныя имъ вообще при паденіи звѣздъ, смотря по состоянію атмосферы. Такъ, говоритъ онъ, въ обыкновенныя ночи звѣзды падаютъ въ сторону, противоположную направленію вѣтра, и въ сырую погоду за ними не бываетъ никакого слѣда. При сухой же атмосферѣ свѣтъ бываетъ желтый, болѣе блестящій, и онъ обыкновенно нисходитъ перпендикулярно къ горизонту. Не худо бы повѣрять все это другими наблюденіями.

ВЗРЫВЪ, СДѢЛАННЫЙ ПОМОЩІЮ ГАЛЬВАНИЗМА. — Г. Робертсъ, членъ Лондонскаго Электрическаго Общества, дѣлалъ множество взрывовъ скалъ въ Корнваллсѣ помощію электричества. Способъ его весьма-простъ: надобно сдѣлать углубленіе въ скалу въ двадцать-четыре дюйма глубиною, насыпать на три вершка пороха, потомъ забить отверстіе деревяннымъ клиномъ или сваею такъ, чтобъ она находилась на разстояніи вершковъ 9 отъ отверстія и около 12 отъ пороха. Прежде вколачиванія проводится сквозь сваю проволока, которая бы доходила до самаго пороха и выходила изъ отверстія. Сдѣлавъ все это, сверхъ сваи все углубленіе засыпаютъ пескомъ, соединяютъ проволоку съ вольтовою батареею, она накаливается, зажигаетъ порохъ и производитъ взрывъ.

СТЕПЕНЬ ЖАРА, ПЕРЕНОСИМАГО ВОДЯНЫМИ ЖИВОТНЫМИ. — Кумберлендъ нашелъ въ одномъ горячемъ источникѣ, въ Бенгалѣ, рыбъ, принадлежащихъ къ новому роду, котораго до двѣнадцати видовъ находится въ Индіи. Всѣ рыбы этого рода плотоядны, что заставляетъ предполагать существованіе другихъ животныхъ въ томъ же источникѣ, не смотря на то, что тамъ температура воды простирается до $35\frac{1}{2}$ градусовъ.

Трудно было бы понять, какъ рыбы тамъ не сварятся, или по-крайней-мѣрѣ не перемерутъ, если бы не извѣстно было, что Гумбольдтъ видѣлъ животныхъ этого класса, выброшенныхъ живыми изъ кратера Шимборазо при изверженіи воды, температура которой простиралась до 79 слишкомъ градусовъ реомюрова термометра, то-есть однимъ градусомъ теплѣе кипятка, и если бы этотъ же знаменитый естествоиспытатель не увѣрялъ, что находили рыбъ въ Исландіи, въ гейзерскомъ источникѣ, температура котораго еще выше.

Къ этимъ любопытнымъ наблюденіямъ можно приобщить также и то, что Праксенъ, секретарь Азіатическаго Общества, видѣлъ на монетномъ дворѣ въ Калькутѣ. Резервуаръ, доставляющій воду для паровой машины, былъ наполненъ живою рыбою. Въ жаркое время, когда машина бываетъ на всемъ ходу, температура воды въ этомъ резервуарѣ доходитъ до $32\frac{1}{2}$ градусовъ реомюрова термометра. При этомъ рыбы не ирутъ, но видно, что имъ очень-непріятно такое подогрѣваніе, и онѣ вы-

скакиваютъ на края резервуара, гдѣ ихъ и ловить просто руками.

СРЕДСТВО ПРЕДОХРАНИТЬ ЛИЦО ОТЪ СЛѢДОВЪ ОСПЫ. — Лёгранъ (Legrand), докторъ медицины, пишетъ, что онъ нашелъ средство для предохраненія лица и вообще, если угодно, всего тѣла отъ того, чтобы послѣ оспы не оставалось ни малѣйшаго слѣда,—и средство самое простое. Стоить только во время болѣзни прикрывать эти части тѣла листовымъ золотомъ. Другой докторъ, Ларрей, говоритъ, что это средство употребляли Египтяне и Арабы.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ ДОКТОРА ДОННЕ. — Недавно въ клиникѣ медицинской школы докторъ Доннѣ началъ читать лекціи, сопровождаемыя самыми микроскопическими наблюденіями. У него въ залѣ находится двадцать-пять превосходныхъ микроскоповъ, и слушатели его могутъ слѣдить за тѣмъ, что онъ говоритъ, и повѣрять всѣ передаваемыя имъ микроскопическія тайны на самомъ дѣлѣ. Эти микроскопы остаются въ ихъ распоряженіи и послѣ лекціи. Курсъ г. Доннѣ состоитъ изъ анатомическаго разсмотрѣнія тканей и органическихъ началъ, и приложеній микроскопа къ фیزیологін, патологін и вообще медицинскимъ наукамъ. Собственно говоря, здѣсь главную роль играетъ микроскопъ и это какъ бы лекціи микроскопологін. Нельзя не похвалить такого нововведенія, тѣмъ болѣе, что въ наше время микроскопъ для естественнаго испытателя, а слѣдовательно и медика,—то же, что зрительная труба для астронома: безъ него онъ не можетъ сдѣлать ни шага.

ПЕРЕМЕЖАЮЩІЙСЯ ФОНТАНЪ. — Въ понтжебодскихъ рудокопяхъ есть колодезь въ 90 метровъ глубиною, и всякій мѣсяцъ замѣчаютъ, что вода въ немъ начинаетъ бурчать; послѣ этого, спустя нѣсколько часовъ, бываетъ сильное и шумное колебаніе всей массы воды. Потомъ отдѣляется углекислый газъ въ чрезвычайномъ обиліи, и въ заключеніе всего начинаетъ бить вода фонтаномъ до-тѣхъ-поръ, пока она не повызится въ колодезь на 10 или на 15 метровъ. Съ-начала вода бьетъ не отъ отверстія колодца, а изъ вѣтропроводной трубки, исходящей до дна его. Бїеніе продолжается отъ 15 до 20 минутъ съ

промежутками въ нѣсколько секундъ, и послѣ все приходитъ въ прежній порядокъ снова на мѣсяцъ.

НОВЫЙ ВОЛКАНИЧЕСКІЙ ОСТРОВЪ. — Можетъ - быть, читатели наши слышали уже о томъ, что въ шестидесяти лѣтъ къ западу отъ Вальпарайзо, внезапно вышелъ изъ моря волканическій островъ. Вотъ новыя подробности, сообщенныя очевиднымъ свидѣтелемъ, французскимъ капитаномъ Эскофье.

«Двадцатаго февраля утромъ, мы почувствовали сильную качку, происходившую, безъ-сомнѣнія, отъ какого-нибудь землетрясенія. Въ это время, въ-продолженіе всего дня, былъ совершенный штиль, и атмосфера была чрезвычайно тяжелая, къ-вечеру легкій вѣтерокъ далъ намъ возможность удалиться на разстояніе около двухъ лѣ отъ мѣста, занимаемаго нами въ-продолженіе дня.

«Въ семь часовъ вдругъ мы видимъ: изъ глубины морской, почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ полдень опредѣлили меридіональную высоту, поднимается скала и растетъ предъ нашими глазами. Казалось, что одна часть ея наклонилась въ горизонтальномъ направленіи къ сѣверу; другая отъ удара, происшедшаго при этомъ разрывѣ, погрузилась и поднялась менѣе первой, между-тѣмъ, какъ основаніе значительно возросло. Двѣ скалы, такимъ образомъ раздѣленныя, продолжали расти и въ то же время не въ дальнемъ разстояніи показались два другіе островка. Это группа тянулась съ юга къ сѣверу на пространствѣ почти девяти англійскихъ миль. Ночью, подъ гребнями этого новаго архипелага, мы замѣтили сіяніе, подобное на слабыя волканическія изверженія.

«На другой день мы могли уже составить понятіе о высотѣ этихъ гористыхъ массъ. Миѣ кажется, что самая высокая въ-рядѣ ли не болѣе 400 футовъ (57 слишкомъ сажень) возвышается надъ поверхностію моря.»

Одинъ гаврскій журналъ извѣщаетъ, что съ двухъ другихъ кораблей тоже видѣли этотъ островъ, и прибавляетъ, что французская корветта отправляется для разузнанія дѣйствительности сихъ показаній.

ТАЙНА ДАГЕРРОТИНА. — Наконецъ тайна этого великаго открытія обнаружена, и теперь-то видно, до какой степе-

ни ничтожны всѣ успія Нѣмцевъ и Англичанъ, которые хотѣли соперничествовать съ Дагерромъ.

Уже около трехъ-сотъ лѣтъ извѣстно, что свѣтъ имѣетъ большое вліяніе на органическія тѣла. Въ 1566 году въ первый разъ открыто, какъ сильно солнечный лучъ дѣйствуетъ на вещество, нѣкогда называвшееся роговымъ серебромъ, которое нынѣ извѣстно подъ названіемъ хлористаго серебра.

Знаменитый шведскій химикъ Шееле испыталъ дѣйствіе цвѣтныхъ лучей, содержащихся въ солнечномъ, и открылъ, что отъ краснаго луча вещество это только чуть-чуть чернѣло, а отъ фіолетоваго — какъ-нельзя-больше. Въ послѣдствіи времени открыли, что въ солнечномъ лучѣ есть два рода лучей: одни изъ нихъ дѣлаютъ для насъ предметы видными и называются собственно свѣтлыми лучами; другіе можно назвать химическими, вбо они имѣютъ свойство дѣйствовать на тѣла химически; они незамѣтны ни для простыхъ, ни для вооруженныхъ глазъ, а между-тѣмъ сильно дѣйствуютъ на всѣ вещества; посредствомъ ихъ-то образуются и измѣняются цвѣта въ различныхъ тѣлахъ всѣхъ царствъ природы и происходятъ всѣ процессы, имѣющіе въ основаніи дѣйствіе свѣта.

Чтобы понять весь ходъ дѣйствія, происходящаго въ дагерротипѣ, должно описать камер-обскуру; употребляемую Дагерромъ. Камер-обскура, изобрѣтенная Итальянцемъ Порта, есть не иное что, какъ первая часть обыкновенной зрительной трубы, — есть только большой конецъ ея. Когда мы наводимъ зрительную трубу на предметъ, то онъ увеличивается вѣншиимъ стекломъ ея, отражается внутри ея на извѣстной точкѣ и ставится для насъ видимымъ чрезъ маленькое стекло, къ которому мы прикладываемъ глазъ. Если отнять глазное стекло и положить кусокъ бѣлой бумаги на то мѣсто, гдѣ отражаются вѣншіе предметы, то они представляются на ней со всеми своими подробностями и естественными цвѣтами; вотъ устройство камер-обскуры. Гг. Дагерръ и Ньепсъ употребляютъ вмѣсто бумаги особеннымъ-образомъ приготовленную для этого металлическую доску. Весь секретъ ихъ состоитъ въ томъ, что они достигли искусства удерживать на доскѣ всѣ предметы не съ ихъ цвѣтами, но со свѣтомъ, тѣнями и полутѣнями.

Въ опытахъ, которые были дѣлаемы до гг. Дагерра и Ньепса, употреблялись въ дѣло открытія, давно извѣстныя. Зная,

что хлористое серебро чернѣетъ отъ дѣйствія свѣта, этимъ веществомъ покрывали металлическую доску и ставили ее въ фокусъ камер-обскуры. Отъ этого происходило, что предметы, ярко освѣщенные, постепенно темнѣли и принимали коричневый цвѣтъ; тѣ изъ нихъ, которые были освѣщены слегка, или оставались совсѣмъ въ тѣни, не перемѣняли своего бѣлаго цвѣта, и представляли, такимъ-образомъ, освѣщеніе, діаметрально противоположное естественному: хлористое серебро, имѣя свойство чернѣть отъ солнца, принимало отраженіе предметовъ въ такомъ видѣ, что предметъ, весьма-ярко освѣщенный, дѣлался на дѣлѣ темнымъ, а тѣни и полутѣни, смотря по степени ихъ густоты, или оставались совсѣмъ бѣлыми, или отбѣлились совершенно противоположно тому порядку, въ которомъ они находились въ природѣ. Словомъ, гдѣ въ природѣ былъ свѣтъ, тамъ въ картицѣ была тѣнь. Сверхъ-того недостатокъ увеличивался тѣмъ, что эти изображенія нисколько не сохранялись: сдва лучи свѣта падали на картину, какъ она начинала темнѣть, и черезъ нѣсколько часовъ становилась совершенно-черною.

Въ 1802 г. въ июньскомъ N° *Journal of the royal institution of Great Britain* г. Веджвудъ напечаталъ статью, изъ которой видно, что онъ такимъ же образомъ снималъ копія съ рисунковъ на стеклѣ въ церквахъ и съ гравюръ, однакожь безъ помощи камер-обскуры. По его мнѣнію, камер-обскура дѣйствуетъ слишкомъ-медленно и слабо на азотнокислое серебро, имъ употребляемое; по-этому, положивъ гравюру на доску, онъ клалъ ее прямо на солнце; лучи свѣта, проходя черезъ бумагу, дѣйствовали на металлъ, соотвѣтственно размѣщенію свѣта и тѣни въ гравюрѣ. При этихъ опытахъ происходили тѣ же неудобства: эффе́кты свѣта и тѣни выходили всѣ на выворотъ и, будучи освѣщены лучами солнца, вскорѣ исчезали.

До Веджвуда одинъ французскій физикъ, Шарль, дѣлалъ подобнымъ образомъ силуэты, употребляя для этого какую-то особеннаго рода бумагу. Но Шарль умеръ, не обнародовавъ своего секрета; слѣдовательно, этотъ секретъ потерялъ для исторіи науки.

Сэръ Гомери Деви сдѣлалъ на семь пути также очень-важнѣйшія открытія; ему удавалось, посредствомъ солнечнаго микроскопа, снимать изображенія самыхъ маленькихъ

предметовъ, помѣщая ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ увеличительнаго стекла.

Первыя усовершенствованія въ этомъ искусствѣ принадлежать г. Ньепсу. На его картинахъ предметы являются уже въ настоящемъ ихъ видѣ, съ естественнымъ расположеніемъ свѣта и тѣни; сверхъ-того, картины его въ-послѣдствіи почти-ни-сколько не портятся отъ солнечныхъ лучей. Онъ произвёлъ это съвѣдующимъ-образомъ: составилъ растворъ изъ асфальта (bitume de Judée) съ лавендуловымъ масломъ, дѣлалъ изъ него лакъ; наводилъ пмъ слюдную доску, плакированную серебромъ и подвергалъ такую доску дѣйствию солнечныхъ лучей. Но предметы изображались на ней едва замѣтно; чтобы дать своимъ отпечаткамъ больше ясности и опредѣленности, Ньепсъ вымывалъ свою доску горнымъ масломъ. Когда лакъ нагрѣвался, масло испарилось, и отъ состава оставался только слой бѣлаго вещества. Будучи поставлено въ фокусъ камеръ-обскуры, изображеніе принимало естественные цвѣта предмета, точно такъ же, какъ на листъ бѣлой бумаги; но когда, по прошествіи нѣкотораго времени, Ньепсъ вынималъ дощечку изъ камеръ-обскуры, изображеніе опять становилось едва-замѣтнымъ, потому-что свѣтъ, ударяя на извѣстныя точки металлической дощечки и дѣйствуя на лакъ, ее покрывавшій, измѣнялъ его свойство; лакъ, находившійся на точкахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, уже не могъ болѣе разлагаться посредствомъ летучаго масла, между-тѣмъ, какъ лакъ, находившійся въ тѣни и, слѣдовательно, неподлежавшій вліянію солнца, могъ разлагаться. По-этому, вынимая маленькую дощечку изъ камеръ-обскуры, Ньепсъ не находилъ на ней еще ничего, и чтобы уловить изображеніе предмета, надобно было прибѣгать къ новой операціи. Онъ обмывалъ металлическую дощечку смѣсью изъ лавендуловаго и горнаго масла. Эта смѣсь, дѣйствуя на точки поверхности, находившіяся въ тѣни, и растворяя ихъ, не имѣла никакого вліянія на точки, подвергшіяся дѣйствию свѣта, которыя по-этому и оставались бѣлыми. Этого мало: надобно было, чтобы тѣ мѣста, на которыхъ лакъ растворился, сдѣлались черными, а между-тѣмъ они были бѣлы, потому-что, по уничтоженіи лака, открывалась блестящая поверхность серебряной накладки. Чтобы сдѣлать ихъ черными, Ньепсъ мылъ всю дощечку растворомъ йода, который дѣйствовалъ только на части поверхности.

непокрытой лакомъ и, соединяясь съ серебромъ, дávalъ имъ черный цвѣтъ. Такимъ-образомъ на металлической дощечкѣ являлось наконецъ изображение предмета, но только лишь съ свѣтомъ и тѣнями, а безъ полутьмы. Наконецъ Ньепсъ открылъ, что, обмывая водой такимъ-образомъ приготовленную металлическую поверхность, онъ предохранялъ картину свою отъ дальнѣйшаго вліянія солнечныхъ лучей. Очевидно, что это открытіе было еще очень-несовершенно, и притомъ исполненіе его требовало продолжительнаго времени: иногда надобно было держать доску въ фокусъ камер-обскуры въ продолженіе трехъ дней для-того, чтобы изображение предмета представлялось ясно.

Въ такомъ несовершенномъ видѣ Дагерръ принялъ открытіе изъ рукъ Ньепса; но самая мысль была весьма-очастлива: она открывала пути, до-тѣхъ-поръ неизслѣдованные. Дагерръ съ-начала сталъ усовершенствовать только приемы. Такъ-какъ порошокъ асфальта имѣетъ цвѣтъ темно-серый, то онъ началъ искать другаго вещества, которое было бы гораздо бѣже, и нашелъ, что для этого годится осадка, получаемая при дистиллированіи лавендулова масла. Далѣе, замѣтивъ, что, при смѣшеніи горнаго масла съ лавендуловымъ, вся важность состоитъ въ соблюденіи строжайшей пропорціи между количествомъ этихъ обоихъ веществъ, онъ вздумалъ металлическую дощечку подвергать дѣйствию паровъ, происходящихъ при нагреваніи масла. Не смотря на эти усовершенствованія, опытъ производился все еще медленно, и полутьмы выкладывались очень-мелко. Наконецъ, послѣ изысканій первообразимо-трудныхъ и многочисленныхъ, онъ дошелъ до настоящаго производства, которое состоитъ въ слѣдующемъ :

Взявъ мѣдную дощечку, плавленую серебромъ, онъ предварительно очищаетъ ее отъ всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ частицъ мѣди, могущихъ остаться на поверхности, посредствомъ селитряной кислоты. Эта очистка требуетъ продолжительной работы и большой осторожности. По поверхности серебрянаго слоя не надобно тереть все въ одинаковомъ направленіи; надобно въ-передъ назначить различныя линіи и не сбиваться съ нихъ. Кажется, серебро, положенное на мѣдь, гораздо-болѣе годится для успѣха опыта, нежели взятое въ отдѣльности; по-этому можно думать, что здѣсь дѣйствуетъ отъ-части и гальванизмъ.

Приготовивъ такимъ-образомъ металлическую дощечку, Дагерръ въ особенномъ снарядѣ подвергаетъ ее дѣйствию паровъ йода. Это производство требуетъ чрезвычайной точности и заботливости. Для сего пѣкоторое количество этого вещества кладется на дно снаряда и отдѣляется отъ дощечки тонкимъ газомъ, для-того, чтобы паръ, проходя черезъ него, распространился во всѣ стороны въ равной мѣрѣ. Сверх-того нужно обвести дощечку маленькою металлическою бордюркою; иначе паръ будетъ расходиться неправильно и отъ краевъ дощечки будетъ скопляться къ ея центру по причинѣ, до-сихъ-поръ необъяснимой. Дощечка должна пребыть въ снарядѣ определенное время: ни одной минуты ни больше, ни меньше; вынимать ее надобно тотчасъ, какъ она пожелтѣетъ. Это опять дѣло очень-трудное: по продолженію времени этого узнать нельзя; слѣдовательно, надобно безпреставно смотрѣть, каковъ цвѣтъ дощечки, дѣлая это какъ-можно-скорѣе и почти-совершенно въ-потьмахъ. Слоей йода тонкостью своею изумляетъ воображеніе. Онъ составляетъ миллионную часть миллиметра. Если онъ будетъ хоть немножко толще, то опыты не будутъ имѣть успѣха. Послѣ этого, Дагерръ въ особенномъ снарядѣ переноситъ дощечку въ камеръ-обскуру. Цвѣтъ ея тотчасъ бы исчезъ, если бы ее продержали на воздухѣ хоть десятую часть секунды. Немного времени нужно продержатъ ее въ камеръ-обскуры для-того, чтобы на ней напечаталось изображеніе предмета. Когда вынуть ее изъ камеръ-обскуры, то изображенія еще не видно: для этого надобно прокурить ее ртутью. Вотъ какъ это дѣлается: металлическую дощечку кладутъ въ снарядъ, нарочно для этого устроенный; здѣсь слегка нагрѣваютъ небольшой сосудъ, наполненный ртутью, доведеннымъ до 60 градусовъ по Реомюру; производитель опыта наблюдаетъ за симъ производствомъ посредствомъ особо устроеннаго стекла. Какъ скоро паръ, отъ ртути происшедшій, разстелется по дощечкѣ, такъ въ одно мгновеніе на ней является картина. И здѣсь опять сколько условій, сколько предосторожностей! Если хотите имѣть картину, которую можно бѣ было повѣсить на стѣнѣ, то въ снарядѣ, наполненномъ паромъ ртути, должно ставить дощечку подъ угломъ 45-ти градусовъ. Если же хотите имѣть такую картину, чтобы на нее можно было смотрѣть въ горизонталь-

номъ ея положеніи, т. е. такъ, какъ лежитъ листъ бумаги, на который пишете, то надобно класть дощечку въ прямомъ положеніи надъ паромъ. Послѣ сего надобно положить дощечку въ растворъ сѣрно-кислой соды (*hyposulfite de soude*) и наконецъ вымыть ее дистиллированою водою. Тогда картина уже нисколько не измѣняется отъ дѣйствія солнечныхъ лучей; только надобно тотчасъ же покрыть ее стекломъ, чтобы на нее не пала пыль, или прикосновеніе чего-нибудь не стерло чрезвычайно-тонкаго слоя, на которомъ она держится.

Теперь спрашивается: есть ли надежда уловлять изображенія предметовъ съ ихъ естественными цвѣтами? Дагерръ не смѣетъ надѣяться; однако жъ изъ опытовъ, производимыхъ при дѣйствіи солнечнаго призрака (спектра) видно, что лучъ голубой производитъ голубой цвѣтъ, лучъ оранжевый дастъ оранжевый цвѣтъ и т. д.; только красный лучъ не производитъ никакого вліянія, какъ свидѣтельствуеетъ Гершель.

Можно ли будетъ употребить это открытіе для сниманія портретовъ? Намъ кажется это очень-возможнымъ. Надобно только соблюсти нѣкоторыя условія, а именно: чтобы тотъ, съ кого снимается портретъ, не шевелился, голову его нужно вставлять въ особенный снарядъ; чтобы онъ не мигалъ слишкомъ-часто глазами отъ яркаго солнечнаго свѣта, то между нимъ и солнцемъ надобно ставить голубое стекло. Въ-прочемъ, при дальнѣйшихъ опытахъ, это открытіе, безъ-сомнѣнія, можетъ усовершенствоваться.

Производя многочисленныя наблюденія надъ свѣтомъ, Дагерръ удостовѣрился, что онъ на различныя вещества и въ различное время дня дѣйствуетъ неодинакимъ образомъ: такъ, на-примѣръ, его фотогеническое дѣйствіе гораздо сильнѣе въ десять часовъ утра, нежели въ два часа по полудни. Слѣдовательно дагерротипъ можно употреблять какъ самое лучшее орудіе для измѣренія степени силы разныхъ освѣщеній; а это такой предметъ, который составлялъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ физики. До-сихъ-поръ не находили средства отыскать отношеніе между свѣтомъ солнца и мѣсяца, и показать сравнительную ихъ силу. Теперь это легко, потому-что на снарядъ Дагерра можетъ дѣйствовать и свѣтъ лунный.

Извѣстно, эффектъ картинъ по утру значительно разнится отъ ихъ эффекта въ полдень. Нельзя ли будетъ объяснить это

явленіе взмѣненіямъ свѣта, которымъ онъ подвергается въ различныя части дня? Дагерръ приписываетъ это различному вліянію химическихъ лучей въ разныя часы дня на лакъ, покрывающій картины. Но мы не можемъ здѣсь въ подробности говорить о всѣхъ возможныхъ примѣненіяхъ дагерротипа къ предметамъ чисто-физическимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ указалъ Араго; въ прочемъ это не входитъ въ планъ нашей статьи, ибо не можетъ быть доступно всѣмъ изъ нашихъ читателей. Какъ бы то ни было, но должно сознаться, что потребна необыкновенная сила проицательности и соображенія, врожденная способность къ открытію отношеній между свойствами разныхъ предметовъ и неутомимая дѣятельность, чтобы дойти до такого счастливаго результата. Однакожь, надобно сказать правду, многіе разочаровались, когда Дагерръ открылъ секретъ свой. Воображали, что картины посредствомъ дагеррова снаряда можно дѣлать легко, скоро и просто, безъ большихъ приготовленій, при помощи одной камер-обскюры, у себя дома, или на дорогѣ во время путешествія, а напротивъ — здѣсь процессъ продолжительный и трудный, требующій большой ловкости и навыка, такъ-что при всемъ открытіи и обнародованіи, секретъ этотъ надолго останется въ рукахъ одного Дагерра и учениковъ его.

Французское правительство купило эту тайну у Дагерра за значительную сумму (10,000 франковъ пенсіона), и пущъ оно обнародовало было въ Парижской Академіи Наукъ.

Примѣчаніе. Пока эта статья набиралась въ типографіи, намъ случайно довелось прочесть на русскомъ языкѣ довольно-страшное сужденіе о дагерротипѣ, — сужденіе, гдѣ это замѣчательное открытіе представлено въ видѣ какой-то комедіи и проч. т. п. Мы не постигаемъ цѣли такой статьи: не уже ли автору ея хотѣлось только заставить праздныхъ и неученыхъ людей посмѣяться надъ почтеннымъ трудомъ ученаго? Тутъ цѣль ничего новаго, ни забавнаго. Мы, право, не видимъ еще ничего остроумнаго въ увѣреніяхъ, что Лейбницъ, Кантъ, Шеллингъ, Гаммеръ и проч. и проч., а наконецъ Дагерръ и подобные ему изобрѣтатели — суть просто комедіанты... Смѣйтесь сколько угодно надъ уродливыми порожденіями литературной промышленности и надъ промышленниками, надъ мнимыми историками, надъ описателями правды, на-

блудающія свѣтъ изъ передней; въ семъ случаѣ насмѣшка позволена и душевспасительна, ибо такіе люди ничего не изобрѣтають, кромѣ развѣ сплетень, выдаваемыхъ ими за литературныя извѣстія, или ошибки противъ языка, на которомъ имѣють храбрость писать; — но уваженіе къ ученому труду, господа! уваженіе къ людямъ, испытывающимъ природу и возвѣщающимъ свѣту доголь незамѣчанныя таинства ея! уваженіе къ людямъ, которые своимъ благороднымъ трудомъ увеличивають сумму нашихъ знаній, удобствъ жизни, наслажденій! Это чувство незнакомо только тѣмъ, которые незнакомы съ настоящими ученымъ трудомъ.

И что хотять доказать ребяческими нападеніями на Дагерра? Что прежде его были сдѣланы многіе опыты въ этомъ родѣ? Согласны, — но дѣло въ томъ, что эти опыты были неудачны. Что честь открытія дагерротипа принадлежитъ Тальботу? Ни мало, потому-что у Тальбота самыя свѣтлыя части предметовъ въ природѣ представляются самыми темными въ рисункѣ, и на-оборотъ; а по дагеррову способу рисунокъ уподобляется обыкновенной гравюрѣ, съ ея естественными тѣнями, полутѣнями и свѣтомъ — въ этомъ и была вся задача. Что тайна дагерротипа очень-проста? Проста, какъ способъ Колумба поставить яйцо на столѣ. Если она такъ проста, то отъ-чего изъ десятка изыскателей, трудившихся по этому предмету и писавшихъ о немъ, ни одинъ не отгадалъ ея? Нѣтъ сомнѣнія, что все знали о существованіи йодистаго серебра, ртути, соли; но зачѣмъ не придумали *употребить* эти вещества такъ, какъ *употребилъ* ихъ Дагерръ? Точно также было извѣстно, что металлы поглощаютъ теплоту, но никто прежде Деви не выдумалъ предохранительной лампы. Многимъ было извѣстно существованіе сыпи на коровахъ; но никто прежде Дженнера не употреблялъ своихъ знаній для привітія оспы. Давно были извѣстны и электричество и магнитность; но одному Эрштеду удалось обратить вниманіе на ихъ взаимное соотношеніе. Ворчестеръ гораздо яснѣе соперниковъ Дагерра говорилъ о дѣйствіи пара, но слава изобрѣтенія паровыхъ машинъ развѣ не принадлежитъ Ньюкомену и Уатту?

Говорять еще, что способъ дагерровъ хлопотливъ и затруднителенъ. Безспорно—какъ всякое новое открытіе: раз-

въ освѣщеніе газомъ въ одно мгновеніе перешло изъ кабинета ученыхъ на улицу? Пароходъ, въ первый разъ пущенный на воду Фультономъ, не пошелъ, и изобрѣтатель былъ почитенъ за сумасшедшаго. Нѣтъ сомнѣнія, что явятся люди, которые упростятъ и производство даггерровыхъ рисунковъ, какъ случилось это со всеми другими открытіями.

Достойно замѣчанія, что почти не было открытія, котораго бы не преслѣдовала зависть соперниковъ, или просто неблагодарность людская. Изъ тысячи примѣровъ по сему случаю напомнимъ, что Парментье былъ ненавидимъ во Франціи простыми народомъ за *введеніе картофеля*. Но такое униженіе великихъ или остроумныхъ трудовъ почти неизвѣстно въ Россіи: оно противно нашему духу; въ глубинѣ нашего сердца невольно рождается признательность къ людямъ, ознаменовавшимъ себя полезными трудами. Дай Богъ, чтобы это благородное чувство сохранилось навсегда; оно—залогъ тѣхъ успѣховъ на поприщѣ просвѣщенія, которыхъ бы мы никогда не достигли, если бы въ насъ вселилась привычка къ безотчетному, ребяческому порицанію и униженію всего, насъ окружающаго. Мы, по-крайней-мѣрѣ, всею силою воли и слова протестуемъ и будемъ протестовать противъ подобнаго, чуждаго намъ направленія!

Еще одно замѣчаніе. Людямъ, почитающимъ за обязанность насмѣхаться надъ всемъ на свѣтѣ, и быть *ужасными критиками*, не худо было бы болѣе познакомиться съ естественными науками, и не смѣшивать, на-прим., *оптическихъ* явленій, происходящихъ въ зеркалѣ, съ *химическими* явленіями, происходящими въ дагерротипѣ; не смѣшивать реомюрова термометра съ цельзіусовымъ и знать, на-прим., что 60 градусовъ по Реомюру не то, что 60 градусовъ по Цельзію, и, вообще, не дѣлать многихъ тому подобныхъ ученическихъ ошибокъ. Нельзя же, въ самомъ-дѣлѣ, считать своихъ читателей за такихъ неучей, для которыхъ были бы печатные листы, а въ этихъ листахъ — хоть вавилонское смѣшеніе языковъ! . . .

КАРРАРСКІЯ МРАМОРОЛОМНИ.—Новое описаніе Италіи г. Одо, котораго два первыхъ изданія явились уже въ свѣтъ, заслуживаетъ по справедливости всеобщую похвалу. Оно содер-

жить въ себѣ множество прекрасныхъ и вѣрныхъ картинъ, и слѣдовательно должно принести собою неоспоримую пользу какъ путешественникамъ, такъ и тѣмъ, которые будутъ читать его въ тихомъ уединеніи кабинета.

Въ послѣднихъ книжкахъ втораго изданія особенно замѣтили мы нѣкоторыя любопытныя подробности, касающіяся до извѣстныхъ каррарскихъ мрамороломней.

«Выѣхавъ изъ Лукки» говоритъ г. Одо: «я немедленно отправился въ Массу, небольшой столичный городокъ герцогства того же имени, стоящій на берегу моря и окруженный горами. Оттуда спѣшилъ я осмотрѣть знаменитыя каррарскія мрамороломни, и, привыкнуши видѣть мраморъ, обращенный въ чудеса искусства или посреди обработанной и разряженной природы, нашелъ его въ недрахъ природы дикой и простой. Свѣтлые ручейки, низвергаясь съ высоты, скользятъ между всѣми этими громадами мрамора, между этими грудями обломковъ, ослѣпляющими зрѣніе близкою своею. Благородный минералъ еще такъ-сказать въ рудникѣ своемъ получаетъ уже весь блескъ свой и не имѣетъ нужды, какъ золото, въ очищеніи и полировкѣ. Въ Каррарѣ на каждомъ шагу видишь богатство ея окрестностей. Главная церковь ея построена изъ разноцвѣтнаго мрамора; мосты мраморныя; двери и окна домовъ обложены мраморомъ; однимъ словомъ, въ Каррарѣ все мраморное, даже самые фрукты, которые продаютъ въ мраморныхъ корзинкахъ. За 200 франковъ можно имѣть здѣсь массу самаго лучшаго мрамора для статуй въ ростъ человѣческой. Каррарская Академія Художествъ, пользующаяся великою знаменитостію, обладаетъ многими изящными образцами древняго и новаго искусства.»

Каррара одолжена мрамороломнямъ своимъ чрезвычайными успѣхами промышленности и торговли; сверхъ-того; въ нее со всѣхъ сторонъ свѣта стекается множество художниковъ, что придаетъ городу движеніе и жизнь.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ АНГЛІЙСКОЙ КОЛОНИИ ВЪ ЮЖНОЙ АВСТРАЛІИ. — Аделаида, главный городъ той колоніи, находится на разстояніи почти шести миль отъ моря. Онъ построенъ среди плодоносной равнины, пересѣкаемой множествомъ прекрасныхъ источниковъ, изливающихся въ море. Когда шло дѣло о выборѣ мѣста для этого города, то представлялись

двѣ неизбежныя крайности: мѣста, изобилующія прѣсною водою, далеки отъ гавани; близъ гавани, на морскомъ берегу, все удобно для постройки, но нѣтъ прѣсной воды. Полковникъ Лейтъ (Light) не захотѣлъ томить жаждою жителей будущей столицы, и сдѣлалъ прекрасно.

Этотъ городъ занимаетъ пространства около трехъ тысячъ акровъ, исключая улицы, скверы и мѣста, назначенныя для общественныхъ прогулокъ: онъ раздѣляется на двѣ части маленькою рѣчкою — Торранъ (Torrans). Кругомъ его, на пространствахъ пяти-сотъ десятинъ, находится паркъ; внутри есть нѣсколько скверовъ и пустырей, изъ которыхъ въ послѣдствіи будутъ сдѣланы площади. Для присутственныхъ мѣстъ, для городской больницы, для кладбища, учебныхъ заведеній и т. п., благодаря вкусу и разсудительности полковника Лейта, назначены мѣста самыя приличныя. Всѣхъ европейскихъ колонистовъ, и особенно Англичанъ, обыкновенно упрекаютъ въ жестокости, какую они показываютъ въ отношеніи къ туземцамъ. Но поведение Англичанъ въ этой новой колоніи не заслуживаетъ этого упрека; для доказательства, вотъ извѣстія, заимствуемыя нами изъ сочиненія Гошжера.

«Одинъ изъ колонистовъ, бродя по полямъ Австраліи и увидѣвъ изъ-дали, что двое дикарей разводять огонь, изъ предосторожности зарядилъ пару своихъ пистолетовъ, и, подошедъ къ дикарямъ довольно-близко, началъ кричать; дикари быстро взглянули на него и схватились за оружіе: но видя, что онъ подходитъ къ нимъ улыбаясь, съ сухаремъ въ рукѣ, они положили на землю свое оружіе и сами пошли къ нему на-встрѣчу. Колонистъ далъ имъ по куску сухаря и привелъ ихъ съ собою въ колонію. Старшему изъ дикарей, говоритъ Гошжеръ, было лѣтъ около тридцати; младшему лѣтъ около восьми. Въ чертахъ ихъ физиономіи выражалась попятливость и добродушіе. Увидя меня, они начали смѣяться и, подошедъ, ласково потрепали меня по плечу; я имъ отвѣчалъ тѣмъ же. Желая выразить, что мы хотимъ жить съ ними въ добромъ согласіи, я взялъ палку и переломилъ ее надъ своею головою, говоря: «wombaga, wombaga». Это привело ихъ въ восхищеніе: они бросились ко мнѣ съ выраженіемъ живѣйшей радости и начали меня обнимать. «Wombaga» значитъ булава, дубина — обыкновенное оружіе, употребляемое ими во время битвы.

Мы подарили каждому изъ нихъ военную одежду; они очень обрадовались этому: но когда мы одѣли ихъ и дали имъ по-смотреться въ зеркало, это произвело на нихъ необычайное дѣйствіе; они помарали со смѣла. Потомъ, давъ имъ въ руку по трубкѣ табака, мы закурили ихъ посредствомъ зажигательнаго стекла; они ворочали и осматривали его кругомъ, воображая, что въ немъ гдѣ-нибудь спрятанъ огонь, но не находя ничего, кромѣ твердаго, прозрачнаго кружка, пришли въ замѣшательство и какъ-будто чего-то испугались. Я сталъ снова раскуривать трубку, и старался знаками объяснить имъ это дѣленіе: не знаю, поняли ль они мое объясненіе: но по-видимому они изумлялись нашимъ удивительнымъ познаніямъ. Мы водили ихъ по всей колоніи; всѣ наши соотечественники давали имъ въ подарокъ какіа-нибудь бездѣлицы; дикари были очарованы нашимъ гостепріимствомъ, пробыли нѣсколько дней у того, съ которымъ пришли изъ лѣса и обѣщались къ другой разъ привести съ собою своихъ родныхъ и знакомыхъ. Они сдержали свое слово: чрезъ нѣсколько дней, въ-самомъ-дѣлѣ, опять явились къ намъ, и не одни. Мы обращались съ ними такъ же ласково, какъ и прежде. Въ послѣдствіи времени многіе изъ ихъ соплеменниковъ и часто, иногда съ намѣреніемъ, иногда случайно, заходили къ намъ въ колонію: но никогда, ничѣмъ насъ не беспокоили.

«Вообще, кажется, они очень дѣтельны и чистоплотны, крѣпко сложены, красивы, любопытны, имѣютъ много естественной ловкости и смѣтливости; очень услужливы: дайте имъ по куску сухаря или сахара, и они въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ будутъ носить для васъ дрова или воду. Въ-прочемъ въ другихъ отношеніяхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о потребностяхъ и удобствахъ образованнаго обществія; не имѣютъ ни хижины, ни шалашей, ложатся спать гдѣ случится, ѣдятъ, что попало — рыбу, насѣкомыхъ, растенія, коренья.

«Въ этой новой англійской колоніи водятся много собакъ, принадлежащихъ къ породѣ лисицъ, много мышей, бѣлыхъ муравьевъ, мускитовъ, которые очень беспокоятъ жителей, и отнимаютъ много прелести у роскошной природы, ихъ окружающей; но змій здѣсь гораздо меньше, нежели въ другихъ частяхъ Новой Голландіи. Деревья вообще очень-красивы, и-которыя изъ нихъ даютъ густую тѣнь, покрыты яркими жел-

тymi цвѣтами, издающими самый ароматическій запахъ. Есть небольшія деревья, похожія по листьямъ на кипарисъ: на нихъ растетъ родъ ораховъ, зерна которыхъ очень-вкусны. Но самое полезное дерево — сосна; она родится на чрезвычайныхъ высотахъ и можетъ быть употребляема для построекъ всякаго рода. Въ окрестностяхъ Аделаиды находятся прекрасные сосновые лѣса. Они до-сихъ-поръ еще никому не принадлежатъ, и колонисты рубятъ ихъ, сколько нужно. Усилия колониальной комиссіи — сдѣлать ихъ неприкосновенными, какъ собственность правительства, до-сихъ-поръ оставались безуспѣшными.

«Климатъ гораздо теплѣе, нежели въ южной части Франціи, хотя не имѣетъ столько благотворнаго вліянія на организацію и счастливое расположеніе духа. Зима начинается въ маѣ и оканчивается въ сентябрѣ. Въ-продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ погода бываетъ весьма-пріятна. Въ іюнѣ, іюль и августъ бывають сильные дожди, но ни льда, ни снѣга никогда не видно. Весна очень-кратковременна: природа, какъ-будто по волшебному мановенію, мгновенно воскресаетъ; листья и дѣвѣты распускаются съ необыкновенною быстротою. Иногда въ декабрь и январь нѣсколько дней бываетъ сильный зной, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера. Лѣтніе жары умѣряются прохладительными вѣтрами, и послѣ самыхъ знойныхъ дней бывають свѣжіе и пріятные вечера. Въ 1736 году термометръ стоялъ необыкновенно высоко, иногда доходилъ до 94 градусовъ (Фаренг.). Для избѣжанія этого неудобства нужно обратить вниманіе на особеннаго рода постройку домовъ, которая бы приспособлялась къ состоянію климата.

«Почва, на которой стоитъ городъ, заключаетъ въ себѣ много извести и каменьевъ. Эти матеріалы добываются весьма-легко: отъ-этого число каменныхъ зданій безпрестанно увеличивается. Въ окрестностяхъ Аделаиды находятся въ большемъ количествѣ тучныя пажити. Стада свищей разводятся безъ всякаго присмотра и попеченія со стороны челоуѣка. Вода, зелень, насѣкомыя — все это вмѣстѣ составляетъ лучшее при-волье для дичи.

«Число жителей Южной Австраліи простирается до 3,000 и увеличивается со дня на день.

Рабочій классъ отличается хорошою нравственностію: англійское правительство заботилось о томъ, чтобы эмигранты были честными и полезными членами общества; можно сказать вообще, что ремесленники и простолюдины Южной Австраліи не завесли порчи нравовъ въ новое отечество свое, ни изъ тѣхъ городовъ, откуда они переселились, ни съ кораблей, на которыхъ переезжали; они добросовѣстно служатъ тѣмъ, которые нанимаютъ ихъ, потому-что получаютъ за свою работу хорошую плату и, сверхъ всѣхъ издержекъ на свои нужды, всегда могутъ еще сберечь маленькую сумму. Такимъ-образомъ многіе изъ прибывшихъ въ Австралію вмѣстѣ съ полковникомъ Лейтомъ прежде имѣли у себя не болѣе шести пенсовъ, а теперь сдѣлались владѣльцами нѣсколькихъ акровъ земли. Но колонія очень-бѣдна средствами для домашняго и общественнаго воспитанія; заведенныя школы слишкомъ-недостаточны по своему объему и внутреннему устройству. Общественныя права основаны на законахъ, утвержденныхъ парламентомъ.

«Такимъ-образомъ изъ нѣдръ океана возникаетъ нынѣ новая колонія, гдѣ все соединилось для физическаго и нравственнаго благосостоянія человека: свѣжая, плодоносная почва, теплый климатъ, роскошная растительность, изобиліе различныхъ породъ животнаго царства и благоразумная организація общественнаго быта. За дешевую цѣну вы можете приобрести значительное количество прекрасной земли; отправляйтесь туда смѣло; не заботьтесь, что у васъ тамъ нѣтъ еще своего жилища и что вамъ негдѣ на первый разъ преклонить свою голову: напротивъ, въ этой чужой и далекой сторонѣ вы найдете себѣ покойный пріютъ, — сооруженный руками подобныхъ вамъ переселенцевъ. Въ маленькомъ, но уютномъ домикѣ, для васъ заблаговременно приготовленномъ, вы найдете все нужное для удобства и пріятности жизни. Вамъ тотъ-часъ дадутъ работу и вы никогда не будете имѣть въ ней недостатка, только бы силы васъ не оставляли. Трудитесь дѣлательно и вскорѣ вы сдѣлаетесь владѣльцемъ участка земли, достаточнаго для вашего пропитанія; вы будете въ состояніи построить собственный домикъ на берегу моря или у подножія горъ. Какъ сладко будетъ вамъ, въ часы отдохновенія, поклониться подъ густою тѣнію своихъ собственныхъ деревьевъ, освѣжаться живительною

прохладюю благораствореннаго воздуха, съ безпечностію покуривать трубку табака, столько же ароматическаго, какъ благоуханіе цвѣтовъ, вась окружающихъ, и въ полномъ сознаніи самодовольствія нѣжить глаза свои на очаровательныхъ картинахъ природы.»

РОЗЕНВЕЙНЪ, ИЛИ ВІНО РОЗЫ. — Бременскій винный погребъ есть самый древній во всей Германіи; онъ вырытъ подъ городскою ратушею, и одно изъ отдѣленій его называется погребомъ *розы*, потому что украшеніемъ и вытѣскою его служить бронзовый барельефъ, на которомъ изображены розы. Въ этомъ погребѣ содержится вино, извѣстное подъ именемъ розенвейна, которому теперь два вѣка и пятнадцать лѣтъ. Дѣйствительно, въ 1624 году снесено было туда шесть бочекъ рейнвейна, называемаго іоганнисбергомъ, и столько же гохгеймера. Другое отдѣленіе этого погреба заключаетъ въ себя вина того же рода и качества, хотя не столь старыя, какъ первыя. Ихъ держать въ двѣнадцати огромныхъ бочкахъ. Въ другихъ частяхъ погреба находятся также разныя вина, дѣланыя уже гораздо-позже. По-мѣрь-того, какъ выносятся отсюда нѣсколько бутылокъ розенвейна, ихъ замѣняютъ новымъ виномъ, потому что вино другимъ и такъ далѣе, такъ-что бочки не осушаются никогда, и въ этомъ состоитъ разниа ихъ съ бочками баснословныхъ Данаидъ.

Бутылка розенвейна стѣитъ въ городѣ немного болѣе 2,000,000 рейхсталеровъ (около 8,000,000 франк.). Цѣна эта кажется сначала неномѣрною, но ее легко повѣрить по разсчету, сдѣланному однимъ Германцемъ. Большая бочка вина, содержащая въ себя пять оксгофовъ, каждый въ 204 бутылки, стоила въ 1624 году 300 рейхсталеровъ. Нынѣ же, за вычетомъ содержанія погреба, податей, процентовъ съ этой суммы и процента съ процентовъ, оксгофъ стѣитъ 555,657,240 рейхсталеровъ. Следовательно, бутылка стѣитъ 2,723,810 рейхсталеровъ, стаканъ или восьмая часть бутылки 340,476 рейхстал. (около 1,361,904 фр.), и наконецъ одна капля, считая по 1,000 капель на стаканъ будетъ стоить 340 рейхстал., то-есть около 1,362 фр.

Вино розы продается однимъ гражданамъ города Бремена; кромѣ ихъ, никто не имѣетъ права требовать его, и самые граждане имѣютъ только позволеніе брать нѣсколько бутылокъ для

собственнаго потребленія, или чтобы послать ихъ въ подарокъ какому-нибудь государю, или владѣтельному принцу. Въ случаѣ опасной болѣзни, бременскій гражданинъ можетъ имѣть бутылку этихъ двухъ винъ за пять рейхсталеровъ, но долженъ непременно представить свидѣтельство врача своего и письменное дозволеніе бургомистра и общественной думы. Самый бѣдный житель Бремсена, представя вышесказанныя доказательства, получаетъ бутылку вина безденежно. Сверхъ-того, бременскій гражданинъ пользуется правомъ покупать и вино розы, если опъ угощаетъ у себя какую-нибудь знаменитую особу. При жизни Гёте, городъ Бременъ посылалъ ему иногда бутылку розенвейна въ день именинъ его. Во время занятія Германіи французскими войсками, нѣкоторые генералы Наполеона безъ церемоніи выннли порядочное количество этого драгоценнаго вина, и отъ этого бременскіе граждане говорятъ, что городъ ихъ заплатилъ Франціи гораздо болѣе контрибуціи, нежели всѣ прочіе города Германіи.

МОГИЛА МОЦАРТА. — Люди всегда были неблагодарны и злбывчивы; но надобно признать, что холодность нашихъ современниковъ доходить до совершенной безчувственности.

Объ этой печальной истинѣ было столько уже писано и говорено, что намъ остается только подтвердить ее слѣдующимъ примѣромъ, выбраннымъ изъ тысячи.

7 декабря 1792 года, въ самую ужасную погоду, на мацейндорфское кладбище привезенъ былъ гробъ, который понесли къ далекой и уединенной могилѣ. Небо было мрачно, снѣгъ падалъ хлопьями, и осенній вѣтръ страшно завывалъ въ этой печальной долинѣ мертвыхъ; однимъ словомъ, казалось, что вся природа сѣтовала о какой-нибудь великой и невозвратной потерѣ. Но за гробомъ, сдвланымъ наскоро изъ старыхъ досокъ, не было никакого провожатыхъ, кромѣ одного челоуѣка, который шелъ тихо и опуств голову, какъ вѣрная собака, слѣдующая за бѣднымъ гробомъ нишаго.

Человѣкъ этотъ былъ старый музыкантъ, провожавшій учителя своего въ послѣднее его жилище; ни холодъ, ни снѣгъ, ни сырость не помышали ему стать на колѣна, когда гробъ опустили въ землю и засыпали мокрою глиною. Послѣ этого онъ всталъ и, взглянувъ въ послѣдній разъ на могилу, сказалъ дро-

жащимъ голосомъ: «Прости, учитель и благодѣтель мой! Прости, другъ мой, котораго никто кромѣ меня не понималъ! Прости, Моцартъ!» При этомъ имела онъ горько заплакать и наконецъ тихо удалился.

Въ скоромъ времени послѣ того, этотъ послѣдній другъ Моцарта, неоставившій его въ бѣдности и при смерти, былъ въ свою очередь снесенъ на мацлейндорфское кладбище, но за гробомъ его никто не шелъ. Видѣть одинъ примѣръ такой безкорыстной дружбы есть уже большая рѣдкость; но встрѣтить двухъ друзей несчастья почти-невозможно.

Однакожь исторія стараго музыканта и привязанность его къ Моцарту были извѣстны; всякій зналъ, что онъ, умирая, просилъ, чтобъ его похоронили возлѣ этого великаго человѣка, такъ нѣжно имъ любимаго, и что просьба его была выполнена. Когда же въ наше время Германія, съ одобренія цѣлой Европы, вознамѣрилась соорудить памятникъ Моцарту, и когда, не смотря на всѣ старанія, нигдѣ не могли отыскать гробъ его, тогда вдругъ вспомнили о старомъ музыкантѣ, и бросились за справками къ его родственникамъ. Но тщетно! никто не могъ указать могилы бѣднаго, ни той, которая была возлѣ нея. Жители сѣдняго селенія не сохранили о нихъ никакого воспоминашя, и самыя тогдашшя могильщики давнымъ-давно лежали уже въ землѣ.

Итакъ гробъ Моцарта останется вѣчно неизвѣстнымъ! Къ чему же этотъ пышный монументъ, тогда-какъ простая плита, на которой бы начертано было имя его, была бы гораздо драгоценнѣе всѣхъ великолѣпныхъ памятниковъ, лишешныхъ его праха? Конечно, гений и слава его не оставятъ костей его въ забвеніи; но нельзя ли подумать, однакожь, что духъ Моцарта отвергается по смерти всѣмъ тѣ доказательства уваженія и любви, въ которыхъ Германія отказала ему при жизни?...

ТРАВЛЯ НЕГРОВЪ. — Между-тѣмъ, какъ просвѣщенные государства Европы употребляютъ всѣ мѣры къ уничтоженію *торга Неграми*, производягося уже слишкомъ триста лѣтъ, въ Египтъ, Кордофанъ, Доуголь и Саннааръ производится правильныя травля (*gazavah*) мирныхъ людей. Вотъ разсказъ очевидца, представляемый здѣсь вкратцѣ. Въ области Кордофанъ главный городъ Обендъ служитъ обыкновенно сборнымъ мѣ-

стомъ къ травлѣ. Отсюда отправляются назначенныя для этой цѣли войска съ отрядомъ Бедуновъ на югъ, въ горы, гдѣ обитаютъ нубійскіе Негры. Нубійскія Горы образуютъ посреди равнины обширную группу отдѣльно-стоящихъ, можетъ-быть, вулканическихъ пригорковъ и горъ, изъ коихъ каждая населена особеннымъ коленомъ, числомъ до 3000 человекъ обоюга пола. Здѣсь обитаютъ эти мирные люди семействами въ деревняхъ, выстроенныхъ на самомъ крутомъ скатѣ горы и окруженныхъ крѣпкими палисадниками изъ колючихъ растений. Занятія ихъ состоятъ въ земледѣліи, скотоводствѣ (послѣднее производятъ они особенно для шкуръ, которыя умѣютъ отлично выдѣлывать) и въ собираніи меда, строусовыхъ перьевъ и слоновыхъ костей, коими производятъ незначительную мѣшную торговлю, особенно съ Египтомъ. Наслѣдственный князь и жрецъ управляютъ ихъ гражданскою и религіозною жизнью, которая, при умѣренныхъ нуждахъ и странности характера ихъ, протекаетъ весело и беззаботно, къ чему немало способствуютъ врожденная любовь къ порядку и одноженство. По этому-то и предпочитаютъ они всѣмъ другимъ цевольникамъ и стоятъ дорожѣ; ибо ихъ вездѣ хвалятъ за смѣшленость, трудолюбіе, вѣрность и мужество. Эти-то добродушные люди составляютъ дичь, за которою охотятся Египтяне во время лѣта. Охотничій корпусъ состоитъ обыкновенно изъ 400 египетскихъ солдатъ. При отправленіи, отрядъ идетъ днемъ; но какъ скоро приближается на два дня пути къ мѣсту, назначенному для травли, днемъ остается на бивуакахъ, и только ночью, въ величайшей тишинѣ, продолжаетъ путь, чтобы тѣмъ болѣе быть увѣрену въ успѣхъ. Разстояніе всегда разсчитано такъ хорошо, что еще до разсвѣта войско, никѣмъ незамѣчаемое, приходитъ на мѣсто; кавалерія, пускаясь въ скачъ впередъ, окружаетъ гору съ одной стороны, между-тѣмъ, какъ пѣхота запираетъ всѣ выходы съ другой. Бѣдные Негры считаютъ себя столь безопасными, что рѣдко узнаютъ о нашествіи во-время, чтобы скрыться въ лѣсахъ, неприступныхъ для войска. Обыкновенно все спящее народонаселеніе окружено такъ удачно, что до восхода солнца остается еще довольно времени на нужныя распоряженія къ нападенію. Съ восходомъ солнца выстрѣлъ изъ пушки, — первый можетъ-быть, который раздастся въ этой странѣ, — подаетъ сигналъ. Со всѣхъ сторонъ являютъ испуган-

ные жители, выглядываютъ изъ-за скалъ, лѣзутъ на деревья, скрываются въ-низу, чтобы снова явиться на высоту. Матери ис-сутъ дѣтей своихъ на плечахъ и рукахъ, младшіе тащатъ слабыхъ и слѣпыхъ старцевъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи, цѣлое народо-населеніе уподобляется встревоженному муравейнику. Теперь начинается нападеніе: нужно завладѣть всѣмъ народонаселеніемъ, мужчинами, женщинами и дѣтьми, и убить какъ можно менѣе. По-этому стрѣляютъ только холостыми зарядами и штыками стѣ-ляютъ бѣглецовъ, которые обыкновенно оказываютъ весьма-слабое сопротивленіе, пока имъ не нужно защищать жепъ и дѣ-тей. У Нубійцевъ хижины обыкновенно построены на горахъ; но, чтобы, въ нужномъ случаѣ, имѣть защиту отъ неприятельскихъ нападений, они вырываютъ въ скалахъ ямы, подобно лисьимъ норамъ, въ которыя, при опасности, уводятъ все, что любятъ. Если требуется защищать эти убѣжища, то и слабѣйшій изъ нихъ становится героемъ: одною рукою мещутъ они лавитыя копья свои, между-тѣмъ, какъ въ другой держатъ щитъ, кото-рымъ закрываютъ себя. Тогда нападеніе становится сильнѣе: они стрѣляютъ пулями. Пока глава семейства защищается, же-на и дѣти его находятся при немъ, чтобы помогать ему и обо-дрять его; но какъ скоро онъ падаетъ, они сдаются обыкновенно безъ сопротивленія. Другіе убѣгаютъ съ семействомъ далѣе; еще другіе укрываются въ пещерахъ, куда самый отважный не-приятель не осмѣлится слѣдовать за ними. Но и тутъ нахо-дятъ средства дѣйствовать: солдаты стрѣляютъ въ пещеры норохомъ и перцомъ; несчастные, которые и тогда не хо-тятъ сдаться, должны задохнуться, если не умерщвляютъ себя добровольно. — Но не всегда побѣда достается такъ легко; ча-сто нападенія отражены превосходною силою; тогда припи-маются другія мѣры: у несчастныхъ отнимаютъ воду, доста-вляемую ключами у подошвы горы, и войска преспокойно располагаются у источниковъ, выжидая, покуда умирающіе отъ жажды придутъ мѣнять глотокъ воды на свободу; но до это-го Негры всячески стараются утолить палящую жажду листья-ми и древесною корою. Наконецъ, не будучи въ-силахъ терпѣть болѣе, они, подобно пугливымъ сернамъ, подходятъ ближе и бли-же къ заманивому источнику, пока сѣти охотниковъ не окру-жатъ ихъ. — Мы умолчимъ о раздражающемъ душу описаніи от-чаянія, съ какимъ покидаютъ несчастные плѣнники родную

землю или, лучше сказать, увлекаются изъ нея, и послѣдуемъ за ними къ палаткѣ начальника отряда, гдѣ ихъ описываютъ какъ товаръ и всячески стараются развлечь ихъ горестъ, отъ которой они легко могутъ умереть, — а вѣдь всякій умирающій составляетъ потерю. Когда наконецъ всѣ годные люди пойманы и счета приведены въ порядокъ, тогда отправляются обратно съ добычею, которая съ-тѣхъ-поръ удостоивается безпокойной заботы и тщательнаго попеченія, ибо чѣмъ болѣе приведутъ домой здоровыхъ и сильныхъ людей, тѣмъ вѣрнѣе награда и удовольствіе паша. Но, прежде отправленія, начальникъ вызываетъ мелнка и жреца: если они не пали въ сраженіи, то имъ приказываютъ выбрать изъ плѣнныхъ двадцать человекъ родныхъ, мужчинъ и женщинъ. Тогда даютъ имъ двухъ верблюдовъ, нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, и отправляютъ обратно въ опустошенныя жилища. Изъ остальныхъ всѣ солдаты и офицеры, участвовавшіе въ газвахъ, получаютъ награду по чину и заслугамъ, при чемъ сила мужчинъ и красота женщинъ опредѣляютъ цѣну награды. Старикъ обыкновенно достается на долю Бедуиновъ. Большую часть отправляютъ потомъ сухимъ путемъ въ Донголу, а оттуда Ниломъ въ Канръ, гдѣ начинается продажа, и при этомъ ужь не обращалъ никакого вниманія на родственныя связи. — Сеннаарскія трави въ *хорошій* годъ доставляютъ до 6000 певльняковъ. Но кромѣ этого Абиссинія и Дар-фуръ, обольщенные барышемъ, который приносятъ этотъ торгъ, ежегодно присылаютъ нѣсколько тысячъ невольниковъ, а наиболѣе невольницъ, въ Египетъ, гдѣ каждый Турокъ за стѣнами гарема имѣетъ еще до ста и болѣе черныхъ женъ, которыхъ одинъ разъ въ году предоставляетъ десяти или двѣнадцати невольникамъ, для полученія дѣтей на торговлю, евнуховъ для вслѣможъ, или же для уплаты людьми непомѣрныхъ налоговъ.

АНГЛІЙСКІЕ ТУРИСТЫ.—Всѣмъ извѣстна страсть Англичанъ къ путешествіямъ, но не всѣ знаютъ, какими мученіямъ подвергаются они изъ любви своей къ странствованіямъ. Еще въ 1753 году одинъ джентльменъ пересказывалъ редактору газеты «Adventurer» разныя подробности своего путешествія по Франціи, необходимость котораго доказала ему жена самыми убѣдительными доводами. «Какъ не посмотреть Парижа, не

взглянуть на тамошнее высшее общество! Притомъ же это такъ близко; притомъ же все такъ дешево во Франціи! Дѣти усовершенствуютъ тамъ свое воспитаніе, родители встрѣтятъ много удовольствій». Убѣжденія матери были подкрѣплены настояніями дочери, которой хотѣлось взглянуть на парижскія моды и взять нѣсколько уроковъ въ танцованіи у знаменитаго Марсея.

Добродушный отецъ согласился; они отправились, едва успѣли выѣхать изъ дуврскаго порта, какъ вдругъ зашумѣла страшная буря. Перенесся множество бѣдъ, досадъ и напастей, они наконецъ увидѣли Парижъ. Тамъ на другой день пріѣзда осадилъ ихъ толпа ремесленниковъ, которые сочли за обязанность преобразить мать и дочь въ щеголихъ перваго разбора. Повара, французскіе лакеи, обойщики, мебельщики и танцовальные учителя начали бѣднаго джентльмена ощипывать, какъ ланку. И онъ, наконецъ, признался самому-себѣ, что ни одно французское рагу не производило въ немъ такого отвращенія, какое чувствовалъ онъ при видѣ англійской дамы, превращенной въ Француженку.

Англичане, странствующие въ чужихъ краяхъ, раздѣляются на два разряда: осѣдлыхъ и кочующихъ; къ послѣднимъ принадлежатъ такъ-называемые туристы, скитающіеся сибариты, живущіе, по примѣру Скитовъ (или Скитовъ, которыхъ покойный Василій Кирилловичъ Тредьяковскій такъ-таки и производилъ отъ «скитающихся») въ подвижныхъ домахъ, т. е. въ коляскахъ,—люди, считающіе Европу публичнымъ гульбищемъ и пеняющіе другому отечеству, кромѣ того мѣста, гдѣ они надѣются найти лекарство противъ болѣзни, изнуряющей самыхъ неутомимыхъ странствователей. Эта болѣзнь есть усталость, происходящая отъ праздности.

Правда, жизнь въ большихъ городахъ Англій, особенно въ Лондонѣ, становится день ото дня тягостнѣе, и многія семейства не находятъ болѣе возможности уравновѣшивать свои доходы съ расходами, если хотять жить сообразно своему состоянію. Возьмите въ соображеніе множество слугъ, издержки на столъ, на лошадей и экипажи, хвастливую надменность высшихъ классовъ, ихъ невнимательность къ хозяйству: все это, вмѣстѣ со многими другими причинами, до крайности изнуряетъ англійское дворянство. Вотъ почему многіе обитатели

Лондона и Эдинбурга переселяются въ Парижъ, Неаполь или Флоренцію, желая лучше тамъ жить въ довольствѣ, если не въ изобиліи, нежели нищенствовать въ Великобританіи.

Надъ этими-то бѣдными эмигрантами — говоритъ пріятель редактора журнала «Adventurer», изощряются во Франціи перья и карандаши сочинителей каррикатуръ. Но теперь болѣе, нежели когда-нибудь, французское остроуміе должно преслѣдовать эту убыточную праздность и еще другія не столь похвальные побужденія, заставляющія многихъ Англичанъ рыскать по свѣту. Часто Европейцы судятъ о всей Великобританіи по этимъ кочующимъ джентльменамъ, которые даютъ весьма-выгодное понятіе о нашихъ обычаяхъ и образѣ жизни. Въ-прочемъ, должно признаться, что съ нѣкотораго времени наши сосѣды Французы стали менѣе жаловаться на злоупотребленія и неудобства, проистекающія отъ переселенія Англичанъ на твердую землю. Сношенія между особами хорошаго общества укрѣпились на болѣе-твердомъ основаніи; взаимныя предубѣжденія разсыпались; тщеславная непріязненность исчезла во-все, и мы съ чувствомъ благородной гордости видимъ, что многие изъ нашихъ соотечественниковъ, по своему достоинству и богатству занимающіе почетныя мѣста въ парижскихъ обществахъ, представляютъ убѣдительныя доказательства нашего ловкаго умѣнья жить въ свѣтѣ и нашей тонкой вѣжливости.

Жители всѣхъ странъ путешествуютъ, но никто не умѣетъ путешествовать такъ хорошо, какъ Англичане. Это давно доказано. Они составили изъ путешествія цѣлую науку, которую знаютъ хорошо въ теоріи и на практикѣ. Кто болѣе Англичанина, сидящаго на пароходѣ или въ почтовой каретѣ, обладаетъ искусствомъ запастись тысячею нужныхъ въ дорогѣ вещей, которыя между-тѣмъ нисколько его не обременяютъ? Взгляните, на-примѣръ, на его фуражку: это болѣе шлемъ, подбитый ватою, нежели фуражка. Наличникъ этого шлема при случаѣ можетъ закрыть уши и защитить ихъ отъ вѣтра. У кого такъ хорошо и спокойно надѣты и застегнуты стиблеты? Вся его одежда отличается щеголеватостію и простотою, которыя характеризуютъ англійскаго туриста. У него вы найдете исправнѣйшую дорожную карту, отличнѣйшій лорнетъ, самыя подробныя руководства, необходимыя въ путешествіи — *сисгопе* и *vade mecum*, въ чудесныхъ переплетахъ, съ красивыми де-

точками для замѣтокъ. Откройте его портфель, и тамъ увидите бездну стибовъ и складокъ, гдѣ, какъ въ ячейкахъ пчелинаго улья, хранится его портреты, переводные векселя, рекомендабельныя и вѣрующія письма. Развѣ одинъ только чемоданъ его можетъ поспорить въ изяществѣ съ его портфелемъ. Въ какомъ порядкѣ, съ какими удобствами разложены въ этомъ хитроустроенномъ чемоданѣ платье, бѣлье и обувь, которыя въ обыкновенныхъ чемоданахъ перемѣшаны въ страшномъ хаосѣ! Рыться въ старинныхъ чемоданахъ—это такое мученіе, которое могли перенести одни наши предки. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не больно глядѣть на свое платье, измятое, скомканное; искать бритвы и наконецъ отрыть ихъ въ кучѣ бѣлья или видѣть свои манжеты, перемѣтые охотничьими сапожниками! Въ чемоданѣ англійскаго туриста такой бѣды произойти не можетъ. Въ немъ все легко уберечь, достать въ одну минуту и даже, если хотите, скрыть контрбанду отъ рыскающихъ глазъ таможеннаго досмотрщика. Это настоящая подвижная крѣпость, въ которой вещи не боятся ни воровъ, ни порчи.

Но для полнаго убѣжденія въ томъ, что никто болѣе Англичанинъ не постигъ искусства путешествовать, надобно проникнуть въ самое святилище туриста, въ его арсеналъ, то-есть въ его дорожный ящикъ, образецъ вкуса и удобства. Тамъ въ чудесномъ порядкѣ расположены всѣ принадлежности самаго изысканнаго туалета: помада, духи, мыло всѣхъ сортовъ, скляночки съ разными эссенціями, бритвы, гребенки и щеточки для усовъ, для бровей и для бакенбардовъ, ножницы для обрѣзыванія ногтей, чесалки, зубочистки, вѣщицы для чистки языка и десенъ; все это блеститъ, сверкаетъ, прелестно отполировано и мастерски отдѣлано. Иногда найдете тутъ и походную аптеку: разнаго рода соли, укусы, флакончики съ маслами, порошки охлаждающіе и слабительные—необходимыя вещи, которыя, если не пособляютъ въ болѣзняхъ, по-крайней-мѣрѣ спасаютъ отъ страха.

Съ такими-то снарядами путешествующій Англичанинъ проѣзжаетъ черезъ Альпійскія или Аппенинскія Горы и хвастается передъ своими спутниками или туземцами своею щепетильною предосторожностію, которая составляетъ новую науку—умѣнье путешествовать. Но, должно признаться, что все это чрезвычайно-матеріально и скудно до отвращенія. Я самъ,—говорить тотъ

же джентльментъ, такъ часто любовавшійся строгимъ порядкомъ, заведеннымъ въ англійскихъ семействахъ,—я самъ въ душѣ проклиналъ этихъ выпускныхъ англійскихъ куколъ, вѣчно-свѣтло-русыхъ и блѣднѣющихъ, этихъ непосѣдовъ, которые въ трактирахъ пиروвали съ роскошью сатрапа, на дорогахъ торчали какъ столбы, останавливаясь передъ каждымъ зданіемъ,—этихъ денди въ длинныхъ сюртукахъ съ оттопырившимися карманами, съ зонтикомъ подъ мышкою, съ косыми бакенбарбами по классической-англійской модѣ, съ гладко-обстриженными волосами, съ безчувственнымъ взоромъ и съ туго-натянутымъ галстукомъ, точно такъ же какъ повязываются наши мѣщане.

Но нигдѣ нарядъ, поступки и образъ разговора англійскаго туриста не выказываютъ такъ рѣзко своего однообразія, какъ въ Италиі, этой благодатной, разнообразной странѣ, гдѣ, любясь произведеніями изящныхъ искусствъ, вы рѣшительно можете позабыть о матеріальныхъ мелочахъ утомительнаго, прозаическаго комфорта. Каждый мыслящій человекъ болѣе или менѣе сообразуется съ климатомъ и требованіями той страны, въ которую онъ переселится: одиакъ Англичанинъ, вездѣ, даже въ Италиі, остается вѣрнымъ своей національной неподвижности, нечувствительнымъ по наружности ко всемъ впечатлѣніямъ, закутаннымъ въ свою холодную и мрачную оболочку.

Послѣ этого иностранцы по-неволѣ должны предположить, что Англичане путешествуютъ не столько по собственному влеченію и страсти къ изящнымъ искусствамъ, сколько по внушеніямъ моды и воспитанія. Во Флоренці, особенно въ Миланѣ, много толкуютъ о безразсудствѣ и легкомысліи Французовъ; но деревянная безчувственность Англичанъ вошла тамъ въ поговорку. По-сю-пору, къ чести англійской націи, итальянцы вспоминаютъ объ оляомъ англійскомъ путешественникѣ, который, узнавъ отъ почтальюна, что они почью проѣхали Феррару, вскричалъ съ досадою: «еще въ виду другой городъ!»

Другой Англичанинъ, много наслышавшись о церкви св. Петра въ Римѣ, сѣлъ въ почтовую коляску, проѣхалъ всю Италию, нигдѣ не останавливаясь, выскочилъ на площадь св. Петра, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ на церковь, сказалъ: «только и всего?» и въ то же мгновеніе отправился во-свои.

Въ 1830 году нѣсколько путешественниковъ взбиралось на вершину Этны, желая полюбоваться на восхожденіе солнца. Въ

были приведены въ восторгъ этою дивною картиною, кромѣ двухъ англійскихъ джентльменовъ, которые, проклинавъ утомительный путь и обернувшись спинами къ солнцу, пили чай. Кончивъ завтракъ, они записали въ своихъ памятныхъ книжкахъ: «видѣли восхождение солнца съ вершины Этны, такого-то числа», и спустились въ-низъ.

Не смотря на совершенную антипатію, которую чувствуютъ Итальянцы къ Англичавамъ, никто не бываетъ такъ хорошо принимаемъ въ итальянскихъ гостинницахъ, какъ англійскіе туристы, и содержатель трактира обыкновенно съ самыми унизительными привѣтствіями встрѣчаетъ толстаго джентльмена, выгѣзающаго изъ своей дорожной коляски. Но корыстолюбіе вынуждаетъ эту нечистосердечную вѣжливость, на которую Англичане отвѣчаютъ изумительною щедростію и въ то же время невыносимымъ тщеславіемъ.

Мнѣ часто случалось—говорить опять тотъ же пріятель редактора журнала «Adventurer»—сравнивать Англичавъ съ Итальянцами, и изъ того выводить причину предрасудковъ, существующихъ въ Италіи на-счетъ нашего національнаго характера. Итальянецъ, ласковый и обходительный по природѣ, встрѣчаетъ чужеземца съ вѣжливостію, доходящею почти до холопскаго угодничества; но въ-самомъ-дѣлѣ это происходитъ отъ искренняго желанія подслужиться и показать всю рѣдкость и изящныя произведенія, которыхъ онъ считаетъ себя хранителемъ и обладателемъ. Во Флоренціи и въ Римѣ я видѣлъ, какъ Англичане спрашивали у прохожихъ о дорогѣ, по которой думали идти, или о зданіи, которое намѣревались осмотрѣть. Англичанинъ обыкновенно стоялъ съ безстрастнымъ взоромъ, нахмуривъ брови, не снимая шляпы, и сжавъ губы, какъ-бы въ знакъ презрѣнія. Напротивъ того, Итальянецъ былъ съ непокрытою головою, съ добродушною, пріятною улыбкою на устахъ; поступь, черты лица, тѣлодвиженія,—все было въ немъ оживлено искреннимъ доброхотствомъ. Взглянувъ на эти группы, часто встрѣчающіяся на улицѣ del Corso или на Площади Великаго Герцога, вы сочтете Англичанина покровителемъ и вожатаемъ, тогда-какъ онъ самъ требуетъ помощи и руководства у Итальянца.

Я нерѣдко видѣлъ, какъ Миланцы или Флорентинцы сворачивали съ дороги, покидали дѣла или удовольствія, и показывали путь нашимъ заблудившимся туристамъ, обязательно и добро-

хотно доводил ихъ до палатки или церкви, которую сія по-сладніе хотѣли видѣть, и вмѣстѣ всякаго «спасибо», Англичанинъ, прощаясь съ своимъ чичероне, просто махалъ рукою, или холодно, сухо, сквозь зубы бормоталъ *«good day»* — слово, которое скорбно отзывалось въ моей совѣсти и возбуждало справедливое негодованіе на такую суровую необходимость моихъ земляковъ. Вотъ, по моему мнѣнію, причина скрытой неприязни Итальянцевъ съ Англичанами.

Поселившись на нѣсколько дней въ какомъ-нибудь городѣ, Англичане начнутъ хвастать своими часто смѣшными нарядами, ввозъ которыхъ, по благоразумной предосторожности, въ чужихъ краяхъ запрещенъ правительствомъ. Не уже ли мои соотечественники, издерживая горы золота, путешествуютъ по землѣ ломбардской или флорентинской только для-того, чтобы выказать свое бѣлье, галантерейныя вещи, фракъ и узлы на галстукахъ? Сдѣлать Италію фешёнебельною — значить лишить ее многоихъ достоинствъ. Навязывая на нее свои моды и щепетильныя затѣи, мы вводимъ въ нее ересь и какъ-будто бессмысленно украшаемъ древнее изваяніе Діаны или Венеры кружевами и алмазами. Не оказываемъ ли мы явного пренебреженія къ духу и величію этой классической страны, бродя по ней въ желтыхъ перчаткахъ, въ щегольскихъ сапогахъ, съ лорнетомъ, втиснутымъ въ глазъ, во фракъ послѣдней моды, живописно стягивающемъ талию, съ прическою, которую ежедневно взерошниваетъ услужливый камердианеръ? Да и самый-то камердианеръ богатаго Англичанина развѣ не возбудитъ зависти и ненависти Итальянца, если подумаемъ, что немного найдется римскихъ или неаполитанскихъ дворянъ, даже одѣтыхъ по-праздничному, которыхъ не пристыдилъ бы англійскій лакей? И въ-самомъ-дѣлѣ, у него такъ тошко сукно на ливрѣ, такъ чисты и бѣлы его шелковые чулки, и къ-тому же такая британская спѣсь, которую онъ очень-хорошо перенялъ у своего господина!...

Но оставимъ этихъ чудаковъ, по которымъ нисколько нельзя судить о почтенныхъ Англичанахъ, живущихъ въ средоточіи своихъ нормальныхъ обычаевъ. Дѣйствительно, нѣтъ страны, гдѣ бы такъ строго, какъ въ Англіи, наблюдались права гостепріимства. Многіе Нѣмцы и Французы могутъ засѣидѣтельствовать, съ какимъ радушіемъ принимали ихъ въ англійскихъ семействахъ. На своей почвѣ мы вообще чистосердечны, до-

бродушны и умѣютъ занять и даже очаровать гости, не обременивъ его докучливыми церемоніями, безразсуднымъ чванствомъ и утомительными разсказами. Не одинъ французскій щеголь съ удовольствіемъ вспоминалъ о пріятной бесѣдѣ за чайнымъ столикомъ въ кругу аякійскаго семейства, и это общество предпочиталъ самымъ блестящимъ баламъ въ Парижѣ.

Но, переселяясь въ чужія земли, мы, кажется, отрекаемся отъ своего чистосердечія и добродушія; тамъ мы хмуримся, спѣсивимся и смотримъ на все съ мрачнымъ, заботливымъ видомъ, такъ-что иностранцы по-неволѣ зовутъ насъ скучными и тщеславными. Англичанинъ за границей по-видимому только и думаетъ о томъ, какъ-бы выставить свое превосходство; онъ старается занять первое мѣсто за столомъ и въ дилжансѣ, лучшую комнату въ гостинницѣ, не удостоивая сосѣдей своею ласкою и не думая привѣтливымъ словомъ поблагодарить хозяина. Въ путешествіи, заботясь только о собственномъ удобствѣ и удовольствіи, онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на полъ, ни на возрастъ: для него «путешествовать» значить «платить», и если, купивъ первое мѣсто, онъ по случаю или обыкновенной снисходительности попадетъ во второе, такъ это такое преступленіе, которое, по его мнѣнію, можно сдѣлать только въ горячкѣ или въ оумасшествіи. Англичанинъ съ упорствомъ магнитной стрѣлки на компасъ не уклонится ни на шагъ отъ маршрута, заблаговременно имъ начертаннаго, и скорѣе разстанется съ самымъ пріятнымъ обществомъ, нежели изъ угожденія къ товарищамъ согласится проѣхать лишнюю полмилю. Всегда угрюмый и молчаливый, онъ на вопросы отдѣляется односложными словами, самъ спрашиваетъ только о томъ, что ему нужно знать, а все остальное время бесѣдуетъ съ своимъ разсудкомъ и совѣстію. Предположивъ себѣ одну цѣль въ путешествіи — видѣть свѣтъ и разгулять свою скуку, онъ считаетъ чужеземцевъ или за игрушки, или за профессоръ лингвистики и географіи. Наскучивъ игрушкою, или воспользовавшись живымъ словаремъ, онъ бросаетъ то и другое съ такимъ же равнодушіемъ, съ какими закрываетъ книгу или выходитъ изъ театра.

Въ маленькихъ итальянскихъ городахъ я преимущественно на дорогѣ отъ Милана до Венеціи, вы увидите много трактировъ; но не входите въ нихъ, если хозяинъ на порогѣ встрѣтитъ васъ

этими роковыми, негостеприимными словами: «у нас теперь живет английское семейство». Это значит, что весь домъ откупился и поставленъ въ-верхъ двомъ этимъ сбродомъ, о которомъ васъ извѣстия подь скромнымъ вишемъ «семейства». Это значитъ, что всѣ комнаты заняты, и вы будете спать въ сараѣ, на нищенской постели, безъ подушки, даже безъ одѣяла; въ другой разъ не дадутъ вамъ и свѣчки, потому-что все отдано «английскому семейству». Щетки, рукомойники, полотенца, слуги, весь трактиръ отъ самого сатегеге до послѣдняго риссолю — все это отдано въ распоряженіе Англичанъ.

Сядьте за общій столъ съ англійскимъ семействомъ, которое обыкновенно занимаетъ первыя мѣста и отстраняетъ васъ отъ себя на пять или шесть приборовъ: вамъ достаются блюда, объеденныя, обглоданныя этими прожорливыми путешественниками, которые не знаютъ ни мѣры, ни приличій.

Многіе англійскіе туристы, шальные прекраснымъ климатомъ Италіи, ласкостію ея жителей и удобствами жизни, навсегда остаются въ этой благодатной странѣ. Англичане въ особенности полюбили Флоренцію, которую теперь скорѣе можно назвать англійскою колонією, нежели итальянскимъ городомъ. Тамъ преимущественно вы чувствуете вліяніе англійскихъ правовъ, къ выгодѣ Англичанъ и самыхъ Итальянцевъ, которыхъ чрезмѣрная живость характера умѣряется англійскою холодностію. Надобно сказать правду, что Англичанинъ, поселясь въ Италіи, входитъ такимъ-образомъ въ свое естественное состояніе, отстаетъ отъ привычекъ кочевой жизни, сообразуется съ добрыми обычаями и выгодами той страны, въ которой основываетъ свое жилище. Такъ во Франціи встрѣчаются многіе Англичане, сдѣлавшіеся совершенными Итальянцами, и между-тѣмъ сохранившіе всѣ хорошія черты англійскаго образа жизни.

Какъ не вспомнить — продолжаетъ нашъ почтенный джентльменъ — о моемъ добромъ корреспондентѣ и другѣ Т... , который обитаетъ во Флоренціи и котораго бесѣда и ласки вполне вознаградили меня за огорченія, прежде испытанныя мною. Какое блаженство вкушалъ я, приходя къ нему подь вечерокъ послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ между безсмертными развалинами дворца Питти; онъ живетъ въ маленькомъ, скромномъ домикѣ, подобномъ жилищу Сократа. Какъ

теперь смотрю я на его библиотечку, составленную изъ лучшихъ нашихъ писателей, на его залу, полную художественныхъ произведеній, которыми образованный дилетантъ всегда можетъ запастись въ Италиі; на его садъ; совершенную корзинку, наполненную пестрыми, благоуханными цвѣтами. Т... обѣдаетъ обыкновенно въ восемь часовъ вечера, слѣдуя «морепитиской модѣ»; его столовая примыкаетъ къ саду, изъ котораго несетъ благовопный запахъ миртъ и померанцевъ. Къ нему собираются многіе умные и образованные люди, пѣвцы, музыканты, которыхъ онъ принимаетъ болѣе какъ друзей, нежели какъ артистовъ. Большую часть ночи гости проводятъ у него въ приятной, оживленной бесѣдѣ, поютъ, слушаютъ пѣніе; кагилены, серенады быстро смѣняются одиъ другими, и часто возникающее утро заставало насъ, сидѣвшихъ въ кустахъ розъ и далій, а фортепьяно еще не умолкало, и ницбы глаза не смыкались дремотою. Собесѣдники разставались, обещая снова сойтись въ тотъ же или на другой день, и одинъ приверженецъ доброй старой Англии, участвовавшій въ этихъ собраніяхъ, извлекъ изъ нихъ философскую, утѣшительную мысль, что между характерами Англичанъ и Итальянцевъ нѣтъ другаго противорѣчія, кромѣ причудъ и странностей, которыя мы сами разносимъ по свѣту.

ВАНДЕЙСКАЯ СВАДЬБА. (*Статья Жюль - Жанена*). — Бодіо-де-Дерваль былъ внукъ того самого Цезаря Бодіо, о которомъ упоминаетъ въ запискахъ своихъ герцогиня орлеанская, мать регента Лудовика-Филиппа. Женщина эта, отзывавшаяся съ такимъ презрѣніемъ о знатнѣйшихъ вельможахъ Франціи и вѣщавшая не только молодыхъ принцессъ, внучекъ своихъ, но даже собственнаго своего сына, не могла одлакожъ не отдать должной справедливости достоинствамъ Цезаря Бодіо. Герцогъ Сен-Симонъ, этотъ записной скептикъ и насмѣшникъ, порицавшій все и всѣхъ, также говоритъ о немъ съ отличнымъ уваженіемъ; слѣдовательно, вы понимаете, что молодой Генрихъ былъ не изъ послѣднихъ дворянъ, вступившихъ въ первую вандейскую армию, и поднявшихъ оружіе свое противъ революціи. Итакъ, сдѣлавшись Вандейцемъ, потому-что тогда благороднымъ людямъ нѣчего было иного дѣлать, онъ дрался храбро, какъ и всѣ товарищи его; подружился съ Катлино и другими, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ этихъ гигантовъ, и,

по окончаніи битвы, исполнивъ должность свою и не слыша болѣе стона умирающихъ, весело распѣвалъ пѣсни и смѣялся съ друзьями отъ всего сердца. Какая война, Боже мой! и что передъ ней самыя страшныя бури міра физическаго... Но я однакожь совсѣмъ не намѣренъ входить съ вами во всѣ подробности этой достопамятной войны, описанной такими различными красками, и слѣдовательно не скажу вамъ ни слова о прекрасныхъ подвигахъ Генриха Бодло-де-Дервала.

Нѣтъ, я хочу рассказать вамъ, какимъ-образомъ, находясь однажды съ двѣнадцатью товарищами въ одной маленькой фермѣ, онъ былъ нечаянно окруженъ отрядомъ голубыхъ и взятъ ими въ плѣнъ.

«Друзья!» сказалъ онъ солдатамъ своимъ: «ферма окружена; спѣшите увести отсюда женщинъ и дѣтей, и спасайтесь сами; бѣгите къ начальнику нашему, Катлино, а я останусь здѣсь, запру двери, и вѣроятно пробуду одинъ минутъ съ десять... Но если вы будете медлить, то не забудьте, что ихъ тамъ триста человекъ: они придутъ и перебьютъ васъ всѣхъ! Итакъ, прощайте, храбрые товарищи, прощайте; не забудьте меня, но и не жалѣйте обо мнѣ. Сегодня я, завтра можетъ-быть вы... Намъ всѣмъ грозитъ равная участь!»

Въ эти времена, непохожія ни на какія другія времена, въ эту войну, которой не было и не будетъ втораго примѣра, люди не думали щеголять геройствомъ своимъ, какъ въ блестящихъ войнахъ; да и до того ли было имъ, чтобъ великодушничать и хвастать прекрасными чувствами, тогда, когда дѣло шло не о славныхъ подвигахъ, а просто о взаимномъ истребленіи? Нѣтъ, героизмъ этой единственной эпохи не драпировался театральною мантиею, а являлся въ естественной и первобытной наготѣ своей; и потому солдаты Бодло, слушая своего капитана, думали про себя, что онъ говорилъ благоразумно, я, повинуясь ему безъ прекословія, тотчасъ бросились на крышкѣ и убѣжали изъ фермы, тѣща за тобою женщинъ и дѣтей. Бодло, оставшись одинъ, сталъ кричать, спорить, браниться и стучать ружьемъ у дверей такъ, что можно было подумать, будто въ фермѣ находится цѣлый полкъ. Голубые изъ предосторожности не смѣли двигаться впередъ, и Бодло продолжалъ военную хитрость свою до-тѣхъ-поръ, пока стало у него голоса.

Но когда наконецъ голосъ измѣнилъ ему; когда, считая въ времени, Бодю могъ предполагать, что солдаты его были уже вне опасности, тогда, уставъ командовать отсутствующему ретюю своею, онъ принялся затвораживать дверь, что продолжалось нѣсколько минутъ; потомъ она вдругъ захоталась, ружейные выстрѣлы начали летать съвѣзь щели ея, и Бодю, избѣгнувъ ранъ, подошелъ къ столу, на которомъ онъ передъ тѣмъ только-что пачалъ-было обѣдать, и спокойно продолжалъ додѣлать черпый хлѣбъ съ сырѣмъ, запивая его расхожимъ виномъ еермы и говоря самому-себѣ, что это былъ вѣроятно уже послѣдній обѣдъ его.

Наконецъ дверь была выломана, и солдаты республики вошли въ комнату, спотыкаясь на обломки мѣбелей, которыми дверь была заставлена; не видя ничего отъ пороховаго дыма, они шли почти-ощупью, ища глазами и саблями отряда, котораго голоса они слышали такъ ясно; по судите о удивленіи ихъ, когда, вмѣсто всѣхъ этихъ людей, сопротивлявшихся, какъ они думали, такъ долго и съ такими отчаяннымъ упорствомъ, они увидѣли одного только милодаго человѣка, высокаго роста и одареннаго прекрасною наружностію, который хладнокровно ѣлъ черпый хлѣбъ и запивалъ его виномъ. Побѣдители остомбенѣли и стояли молча, опершись на ружья свои, что дозволило Генриху осушить бутылку и проглотить послѣдній кусокъ.

«Ваше здравье, господа!» сказалъ онъ, поднося рюмку ко рту. «Гарнизонъ» продолжалъ онъ: «благодарить васъ за то, что вы дали ему время опомниться.»

Съ этими словами онъ всталъ и пошелъ прямо къ капитану.

«Г. капитанъ» сказалъ онъ ему: «въ этомъ домѣ нѣтъ кромѣ меня никого, и я готовъ къ смерти.»

Послѣ того онъ замолчалъ и спокойно дожидался своей участи.

Но, къ неизяснимому удивленію Генриха, его не разстрѣляли на мѣстѣ. Можетъ-быть попался онъ въ руки неопытныхъ рекрутовъ, которые воображали, что прежде сутокъ нельзя разстрѣлывать человѣка; или его прекрасная наружность и благородное хладнокровіе тронули этихъ людей и расположили въ его пользу, или, можетъ-быть, имъ стыдно показалось

убить трети-стамъ одного безоружнаго плѣнника. Не забудьте, что обѣ арміи состояли изъ единоземцевъ!...

Какъ бы то ни было, ему только связали руки и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ окрестности Нанта, въ красивый загородный домъ, принадлежавшій прежде одному знатному помѣщику, но со времени революціи. обращенный въ цѣлкомъ родъ крѣпости, гдѣ жилъ капитанъ, командовавшій отрядомъ голубыхъ, взявшихъ Генриха. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безразсудныхъ дворянъ, которые, хвастая какимъ-то безсмысленнымъ самоотверженіемъ, добровольно сняли съ себя имя свое и званіе, попрали гербы предковъ, забыли прошедшее и настоящее, клятвы, данныя ими родителямъ, обязанности къ дѣтямъ своимъ, и сдѣлались первыми жертвами революціи. Но не будемъ упрекать ихъ... Одни, служа ей, были поглощены ею; другіе, оставшись въ живыхъ, увидѣли наконецъ, что пожертвованія ихъ не сдѣлали пользы никому, но что, напротивъ-того, сами они остались въ нищетѣ и забвеніи, между-тѣмъ, какъ мѣщанская Франція обогащалась, не дѣлясь съ ними.

Бодю посадили въ башню замка, то-есть на голубятню, принадлежавшую къ хозяйскому дому. Кроткіе голуби, выгнанные изъ нея шумомъ и тревогами войны, уступили мѣсто свое пѣтлымъ шуанамъ; но не смотря на то, паружность этой темницы сохранила прежнюю яростоту свою и видъ мрачнаго и смиреннаго убѣжища. Кровля ея все еще состояла изъ блестящихъ аспидныхъ досокъ; на-верху по-старому визжалъ флагель съ разноцвѣтнымъ плагомъ, и капитанъ не считалъ даже за лишнее прибить желѣзныя рѣшетки къ отверстіямъ голубятни, изъ которыхъ нѣкогда вылетали домашніе голуби, и сквозь которыя они по вечерамъ возвращались опять въ гнѣзда свои. Итакъ въ этой-то грозной и мрачной башнѣ, гдѣ было оставлено только небольшое количество соломы, заключенъ былъ молодой Генрихъ де-Бодю.

Съ-начала ему очень-оригинально и забавно показалось это заключеніе въ голубятню сельскаго дома, и онъ вознамѣрился, какъ только руки его будутъ свободны, сочинить на этотъ случай романсъ съ акомпаньеманомъ гитары. Мечтая такимъ-образомъ о гитарѣ и романсахъ, онъ вдругъ услышалъ въ-низу скрипку и пастушью свирѣль, которыя играли живой и скорый

марши. Генрихъ вскочилъ, придвинувъ ногою пучки соломы къ стѣнѣ, сталъ на нихъ, приподнявшись на циночкахъ, и, поднявъ голову къ отверстию, увидѣлъ на дворѣ шумный, веселый праздникъ. Молодые люди съ букетами въ рукахъ, прекрасныя женщины въ бѣлыхъ платьяхъ шли попарно за деревенскимъ музыкантомъ, прыгая, смѣясь и шутя другъ съ другомъ. Длинная цѣпь ихъ, окруживъ собою дворъ, прошла подъ самую голубятню, или, если хотите, подъ самую башню, и, проходя мимо этой башни, какая-то молодая и прекрасная дѣвушка пристально посмотрѣла на окно. Станъ ея былъ тонокъ, лицо ослѣпительной бѣлизны, и въ большихъ голубыхъ глазахъ ея изображалась кроткая задумчивость. Это заставило Генриха подумать, что ей извѣстно о плѣнникѣ, томлящемся въ темницѣ, и потому храбрый Боддъ немедленно засвисталъ извѣстную пѣсню Ричарда:

Dans une tour obscure,

или что-то подобное, потому что этотъ молодой воинъ, умѣя драться, умѣя также и пѣть всякаго рода романсы, славно владѣвъ шпагою и прекрасно игралъ на гитарѣ, отлично ѣздилъ верхомъ, и чрезвычайно ловко танцовалъ, — однимъ словомъ, онъ былъ дворянинъ въ полномъ смыслѣ, дворянинъ по храбрости своей, уму, свѣтскости и благородству своего характера. Такихъ дворянъ мы изрѣдка еще встрѣчаемъ, но они ужь больше не рождаются.

Между-тѣмъ свадьба удалась; впрочемъ это была еще не настоящая свадьба, а только сговоръ, и молодой человѣкъ пересталъ свистать, какъ вдругъ услышалъ стукъ у дверей, которыя тотчасъ отворились.

Человѣкъ, вошедшій въ голубятню, былъ хозяинъ дома; въ царствованіе Капетовъ послалъ онъ званіе маркиза, но теперь назывался просто Гамленомъ, и былъ довольно-честный человѣкъ. Республика, овладѣвъ имъ съ ногъ до головы — тѣломъ, душою и всѣми помыслами его, не могла однакожь сдѣлать его жестокимъ и корыстолюбивымъ. Онъ отдалъ въ услугу ея шпагу свою, домъ и имущество — и только. Узнавъ, что шуаны остановились въ его фермѣ, онъ отложилъ сговоръ свой до вечера, отправился туда съ отрядомъ и, какъ уже извѣстно, взялъ Генриха, и, посадивъ его въ безопасное мѣсто, пошелъ об-

ручаться съ невѣстой. И такъ, вы видите, почему онъ тотчасъ не разстрѣлялъ его.

Но капитанъ Гамленъ не былъ еще капитаномъ голубыхъ до такой степени, чтобы забыть гостепримство и всѣ древніе обычаи бретаньскіе, и слѣдовательно почелъ обязанностію навѣстить арестанта своего, пока гости его сидѣли за ужинкомъ.

— Что могу я сдѣлать для васъ, государь мой? спросилъ онъ Генриха.

«Почтенный владѣтель замка!» отвѣчалъ Бодло съ низкимъ поклономъ: «я прошу васъ сдѣлать милость, приказать развязать мнѣ руки, если это возможно.»

— Онъ будутъ развязаны, государь мой, если вы обѣщаетесь мнѣ не стараться убѣжать отсюда. Но прежде, нежели обѣщаете это, вспомните, что завтра въ шесть часовъ утра вы непременно будете отправлены въ Нантъ.

«И въ восемь часовъ непременно разстрѣляны? Не такъ ли?»

Капитанъ молчалъ.

«Хорошо» продолжалъ Бодло: «итакъ прикажите освободить руки мои, и я клянусь вамъ честью дворянина, офицера и христианина, что буду сидѣть здѣсь такъ смиренно, какъ голубь съ обрѣзанными крыльями.»

Капитанъ не могъ вытерпѣть, чтобъ не улыбнуться намеку арестанта, и тотчасъ велѣлъ развязать ему руки.

Потомъ капитанъ Гамленъ сказалъ ему:

— Если вамъ нужно распорядиться дѣлами своими, на-примѣръ, написать духовную, то я пришлю вамъ чернилицу, перьевъ и бумаги.

И при этихъ словахъ капитанъ казался тронуть. Дѣйствительно, онъ былъ внутренно сильно разстроены, потому-что кто родился Бретанцемъ, тотъ не можетъ быть нечувствителемъ.

Бодло, замѣтя, что происходило въ душѣ капитана, взялъ его за руку.

«Ахъ, сударь» сказалъ онъ ему съ глубокимъ чувствомъ: «повѣрите ли, что обыкновенное и простое слово *духовная* поразило меня болѣе, нежели слова: *вы будете разстрѣляны въ Нантъ*. О, эти ужасныя слова: «вшите духовную вашу» напомнили мнѣ смерть всѣхъ моихъ родныхъ. . . Нѣтъ, мнѣ не для кого писать завѣщанія! нѣкому оставить имени моего, шпаги, любви или ненависти! Однакожь умирающему должно быть утѣшительно

располагать имѣніемъ своимъ, быть щедрымъ и великодушнымъ даже за пределами гроба; воображать, назначая благодаренія свои, сколько слезъ сожалѣнія и признательности извлечутъ они по его смерти. О, какъ это благородно, какъ сладко и успокоительно!.. Не правда ли, капитанъ?.. Но, оставимъ этотъ разговоръ...»

—Я пришла вамъ ужинать, сказала Гамленъ: сегодня дѣнь моего стовора, и потому столъ мой лучше обыкновеннаго. Невѣста моя сама изготovitъ вамъ ужинъ.

Бодю увидѣвъ въ щели надъ однимъ изъ самыхъ высокихъ отверстій маленькую маргаритку, которой сѣмячко ввроятно занесено было туда голубями. Красивый цвѣточикъ алѣлъ удивленно на голой стѣнѣ и тихо качался вѣтромъ. Генрихъ сорвалъ его и подаль капитану.

«У насъ въ обыкновеніи, капитанъ, дарить невѣсть въ день стовора» сказалъ онъ: «и потому я прошу васъ отдать отъ меня вашей невѣсть этотъ миленькій цвѣточикъ, выросшій въ моемъ владѣніи. Теперь прощайте, господинъ капитанъ; и вамъ пора идти къ той, которую вы любите. Прощайте, добрый хозяинъ. Богъ не забудетъ вашего состраданія ко мнѣ; будьте здоровы и пришлите мнѣ скорѣе ужинать, потому-что я имѣю нужду въ успокоеніи.

Минуть черезъ пять вошла съ ужиномъ молодая, хорошенькая Бретацка, съ розовымъ ротикомъ, съ бѣлыми зубами, во грустная, задумчивая, какъ должна была быть робкая дѣвочка, выросшая въ деревнѣ и видѣвшая уже столько несчастныхъ пльнныхъ. Она привалась служить Генриху съ неутомимымъ вниманіемъ; поминутно подчивала его виномъ, соусами, пирожнымъ и не отставала отъ него, пока онъ не выпилъ и не съѣлъ всего, что было поставлено. Ужинъ былъ великолѣпный, и молодой Вандеецъ пользовался остаткомъ его, почти точно такъ, какъ крылатые обитатели башенки подбирали въ сторонѣ крошки, падавшіе отъ стола господъ ихъ.

Наконецъ, принимая отъ дѣвушки бокалъ съ шампанскимъ, онъ сказалъ ей:

«Какъ тебя зовутъ, моя милая?»

—Марьею, отвѣчала дѣвушка.

«Марьею!.. Это имя двоюродной сестры моей!.. Сколько тебя лѣтъ, Марія?»

— Семнадцать, сударь.

«Столько же, сколько двоюродной сестры моей!»

И сердце бедного Генриха замерло при воспоминании о молодой и прекрасной родственнице его, погибшей отъ руки палача; но ему стыдно было бы заплакать при молодой девушке, и, будучи не въ силахъ вымолвить ни одного слова, онъ только протянулъ къ ней рюмку.

Рюмка наполнилась; въ ней шипяло веселое шампанское, а въ шампанскомъ заигралъ послѣдній лучъ заходящаго солнца. Не будемъ обманывать потомства; не смотря на ужасы кровавой революціи, весна по-прежнему возвращалась на землю, по-прежнему зацвѣли цвѣты, поспѣлъ виноградъ и золотое вино Шампани продолжало пѣниться въ задравныхъ кубкахъ. Бедло, видя, что у Маріи не было рюмки, сказалъ, подавая ей свою:

«Что жъ ты не пьешь, Марія?»

— Мнѣ не хочется пить.

«Это шипящее вино» возразилъ онъ: «не любить, чтобъ его пилъ только одинъ человекъ; оно отъ природы любитъ общество и пѣнится живѣе въ кругу веселыхъ гостей; оно крѣпчайшій союзъ братства, такъ мало понимаемаго людьми. Слыхала ли ты это, Марія? Сдѣлай же мнѣ удовольствіе, хорошенькая моя Бретаночка, обмочи розовыя губки твои въ бокалъ мой, если ты хочешь, чтобъ я *передъ смертію* осушилъ его за твое здоровье.»

Онъ поднесъ рюмку къ губамъ Маріи, и она хотѣла хлѣбнуть изъ нея, какъ вдругъ, при словѣ «смерть», грудь ея стѣснилась; она затрепетала, зарыдала, и слезы ея, катясь ручьями, упали въ бокалъ.

«Твое здоровье, Марія!» вскричалъ Генрихъ, выпивъ разомъ и слезы и вино.

Въ эту самую минуту послышался звукъ флейты и гобоя, съ которыми соединялись скрипки.

«Это что такое?» сказалъ молодой человекъ, поставивъ рюмку. И потомъ, забывъ энтузіазмъ свой, прибавилъ съ улыбкою:

«Ужь не балъ ли это?»

— Да, сударь, балъ!.. отвѣчала Марія со вздохомъ. Вѣрьте однако жъ, продолжала она: что молодая госпожа моя не кофѣ-

да сего-дня танцовать, но отецъ и женихъ принудили ее... Ахъ, она сегодня въ-вечеру будетъ очень-несчастлива!

«Послушай, милая Марія! если ты точно такъ добра, какъ я думаю, то конечно не откажешься изъ дружбы обязать меня. Итакъ иди, бѣги, лети къ госпожѣ твоей; доложи ей, что графъ Бодю, полковникъ легкой кавалеріи, проситъ у нея позволенія прійти и засвидѣтельствовать ей свое почтеніе... Или итъ, не говори этого, Марія; а пойди лучше къ жениху ея, моему хозяину, и скажи ему: «арестантъ вашъ скучаетъ; шумъ бала мешаетъ ему спать, и какъ ночь будетъ долга и холодна, то человѣколюбіе требуетъ отвлечь этого несчастнаго отъ всѣхъ мрачныхъ думъ, которыми предается онъ въ эту последнюю ночь его жизни, и потому онъ проситъ, закликаетъ васъ именемъ невесты вашей, позволить ему провести эту ночь на балѣ». Скажи ему это все, Марія; прибавь также и то, что онъ взялъ съ меня честное слово не искать никакихъ средствъ къ побѣгу. Но говори громко, чтобъ молодая госпожа твоя могла слышать тебя изъ другой комнаты. Она конечно прійметъ во мнѣ участіе и станетъ за меня ходатайствовать. О, я увѣренъ въ успѣхѣ! особливо, если ты, Марія, будешь просить капитана такъ, какъ внушитъ тебѣ твое доброе и жалостливое сердце... Когда ты получишь его согласіе, то-есть, если онъ прикажетъ звать меня на балъ, тогда пошли тотчасъ ко мнѣ господскаго камердинера съ гребенкою и пудрою, которой вѣроятно осталось еще нѣсколько въ замкѣ; да не забудь сказать ему, чтобъ онъ попросилъ господина своего ссудить меня только на этотъ одинъ вечеръ кафтаномъ своимъ и шпагою... Ну, иди, Марія,—иди, ангелъ мой, и скорѣе возвращайся ко мнѣ съ отвѣтомъ!»

И молодой узникъ то спѣшилъ, отослать дѣвушку, то заставлялъ ее ворочаться, чтобы повторять ей свои наставленія. Смотри на него, пельзя было не смѣяться и не плакать.

Черезъ нѣсколько минутъ явился въ голубятню камердинеръ капитана Гамлена, предобрый старичокъ, вѣрный пудръ и всѣмъ обычаямъ старины,—и отъ всего сердца жалвашии объ упадкѣ французской аристократіи, которой былъ онъ самымъ усерднымъ и дѣятельнымъ слугою. Революція, лишивъ его многихъ личныхъ правъ, сдѣлала членомъ муниципальной комиссіи; но, не смотря на важность новаго званія

своего, онъ все еще вздыхалъ о временахъ счастливой молодости своей, когда взвивалъ тупенъ въ сѣмь знатнымъ господамъ Версаля. Итакъ, камердинеръ Гамлена остался честнымъ и добрымъ человекомъ, и если былъ преданъ Робеспьеру, то это потому только, что Робеспьеръ, одинъ во всей республиканской Франціи, осмѣливался носить еще манжеты, чудру и камзолы, шитые золотомъ.

Онъ привнесъ Генриху богатый кафтанъ, сдѣланный капитаномъ въ то время, когда онъ былъ еще маркизомъ и въѣзжалъ ко двору, когда существовалъ во Франціи король и дворъ. Платье это было чрезвычайно-красиво и сшито со вкусомъ. Бывъ также отличалось отъиными тонною и близкою, равно какъ шелковые чулки, манжеты и проч. Парикмахеръ не забылъ также духовъ, различныхъ умывацій, мылъ и другихъ снадобій, необходимыхъ при туалетѣ молодыхъ маркизовъ въ послѣдніе годы французской монархіи. Бодю поручилъ голову свою старику-камердинеру, который чесалъ, помадилъ и пудрилъ ее съ несказаннымъ наслажденіемъ, вспоминая прошедшее и вздыхая при этомъ грустномъ воспоминаніи. Бодю былъ молодъ, хорошея собою; но онъ давно не одѣвался, и когда увидѣлъ себя въ зеркало, принесенное камердинеромъ, съ чисто-выбритою бородою, завитыми волосами, въ щегольскомъ платьѣ и съ взоромъ, который одушевился отъ недавняго ужина и звуковъ скрипки, слышанныхъ имъ изъ-дали, то не могъ скрыть удовольствія своего и веселой улыбки, особливо когда вспомнилъ о ночахъ, проведенныхъ имъ некогда въ маскарадахъ. Оперы, вмѣстѣ съ графомъ Мирабо.

Наконецъ ему принесли и шпагу его, напомя о данной имъ клятвѣ не вынимать ея изъ ноженъ. На дворѣ была уже совершенная ночь, когда онъ проходилъ черезъ садъ въ танцевальную залу.

На балѣ этомъ находились всѣ прекраснѣйшія республиканки провинціи; но вы знаете, что въ сердцахъ самыхъ восторженныхъ якобинковъ оставалось почти-всегда нѣсколько аристократическихкихъ чувствъ въ-пользу какого-нибудь храбраго, ловкаго и прекраснаго аристократа, особливо, если этотъ молодой аристократъ долженъ быть завтра разстрѣлянъ.

Но возвратимся къ повѣсти нашей. Балъ только-что открывался, когда вошелъ Бодю; невеста называлась дѣвницею де-

Малыи была внучка той прелестной де-Малыи, которую такъ любила госпожа де-Ментенонъ. Молодая дѣвушка имѣла блѣлые волосы, очень тонкую талию, блѣдное лицо и выразительную, но печальную физиономію. По-видимому она страдала, видя себя принужденною танцовать и быть царяцкою блестящаго праздника въ эти ужасныя времена общей гибели; она обладала однимъ изъ тѣхъ сильныхъ характеровъ, которые кажутся слабы только до какого-нибудь роковаго часа; во когда пробьетъ этотъ рѣшительный часъ, тогда слабость ихъ превращается въ непоколебимую энергію; тогда тихая, кроткая дѣвочка вдругъ дѣлается героинею, и разрушеніе цѣлаго міра не устрашитъ ту, которую недавно еще видѣ малѣйшаго неудовольствія въ другихъ доводило до отчаянія.

Итакъ Элевора де-Малыи была чрезвычайно-грустна на праздникъ, которымъ торжествовали помолвку ея; молодыя женщины повѣсты, глядя на нее, также были-молчаливы и невеселы, и вы конечно никогда не видывали такой унылой свадьбы. Все въ этомъ балѣ обнаруживало какое-то непонятное смѣшеніе, какую-то общую и неизъяснимую принужденность. Танцы не ладились, танцовщицы не оживлялись; музыканты играли лѣниво, и даже молодые люди, окружая прелестныхъ дѣвушекъ, не искали имъ правитьсь. Словомъ, балъ только-что еще начинался, а уже всѣ, сами не зная почему, съ нетерпѣливомъ ожиданіемъ ждали конца его.

Вдругъ дверь обширной залы тихо отворилась, и, Богъ-знаетъ-почему, всѣ глаза обратились въ ту сторону. Можно даже сказать, что въ эту минуту взоры цѣлаго собранія соединились въ одинъ нетерпѣливый взглядъ; такъ жадно искало оно какого-нибудь разсвѣтлѣнія отъ скуки; наконецъ въ эту дверь, отворившуюся медленно, какъ-будто для какого-нибудь привидѣнія, вошелъ молодой камер-юнкеръ Марин-Антуанетта, прекрасный, веселый, благородный; онъ имѣлъ поступь придворнаго, одежду придворнаго, ласковость придворнаго и, однимъ словомъ, представлялъ собою утраченный типъ остроумныхъ вельможъ версальскаго двора. Это пріятное, давно-исвиданное явленіе произвело совершенную противоположность съ тяжелымъ великолѣпіемъ праздника и съ торжественностію этой двери, растворившейся такъ таинственно. Мужчины и женщины, наиболее-преданные революціи,

опущали вопреки самимъ-себѣ непреодолимое отчужденіе при видѣ этого блестящаго обломка прѣжлаго французскаго общества, истребленнаго въ одинъ сутки... Увы, действительно, нельзя было безъ какого-то сердечнаго влеченія и грусти смотрѣть на этого милаго юношу, на этого несчастнаго изгнанника, котораго завтра ожидала смерть, и который принималъ на республиканскій праздникъ для-того, чтобъ оживить его своето веселостію, и, въ послѣдній вечеръ жизни своей, не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о томъ только, чтобъ быть любезнымъ и угождать красавицамъ, сохраняя такимъ-образомъ до конца характеръ истиннаго французскаго дворянина.

Входя Боддѣ въ залу, о которой разсказала я вамъ вкратцѣ; занялъ всего одну минуту времени; послѣ чего молодой Бандеецъ, сдѣлавъ легкій поклонъ собранію, поспѣшилъ къ танцамъ и тотчасъ подбѣжалъ къ той женщинѣ, которую обыкновенно видимъ мы прѣжде всѣхъ другихъ женщинъ, когда готовы влюбиться по уши; та, которая занимала Генриха, была блондура и задумчивая молодая дѣвушка, замѣченная имъ въ-низу башни во время сельскаго праздника. Она приняла предложеніе его танцовать съ нимъ не только безъ отговорокъ, но даже съ некоторою поспѣшностію, зная, что смерть, опредѣленная республикою, то-есть самая неумолимая изъ всѣхъ смертей, стояла уже за плечами его и протягивала къ нему кровавую свою руку. Молодые люди, увидѣвъ, что Боддѣ намѣревался танцовать, не смотря на близкій конецъ свой, устыдились нерадѣнія своего о дамахъ, и бросились просить ихъ на слѣдующій танецъ, а дамы съ своей стороны спѣшили занять паркетъ, для-того только, чтобы поближе разсмотрѣть арестанта. Итакъ, благодаря этой жертвѣ, обреченной на закланіе, балъ, который за четверть часа былъ такъ торжественно-скученъ, вдругъ зашевелился, закипѣлъ, и если не сдѣлался веселымъ, то по-крайней-мѣрѣ проснулся отъ летаргическаго сна своего. Мужчины и женщины тѣснились въ контрдансахъ, и Боддѣ раздѣлялъ съ ними гальваническое веселье ихъ. Но изъ всей этой многолюдной толпы одинъ онъ улыбался непритворною улыбкою и танцовалъ легко и свободно; прочіе двигались машинально подъ вліяніемъ какого-то невыразимаго ужаса и между-тѣмъ до безумія упивались наслажденіемъ, глядя на этого прекраснаго молодого человѣка, который, заставляя задумываться всѣхъ

женщинъ, нимаю не хотѣлъ затмить собою мужчинъ. Дѣйствительно, Боддъ былъ героемъ бала больше, нежели самъ женихъ, привлекалъ взоры собранія болѣе, нежели невеста: онъ былъ женихъ смерти—и этотъ праздникъ, одушевившійся вдругъ его присутствіемъ, движимый такими противоположными страстями, такими различными впечатлѣніями, такимъ кровавымъ участіемъ, занялъ собою весь умы и дѣйствовалъ на нихъ различно. Что жъ касается до Генриха, то онъ, расхаживая по залу, кланялся старымъ женщинамъ съ привѣтливостію короля французскаго, молодымъ какъ пылкій юноша, плѣвительный красотою ихъ и разговаривалъ съ мужчинами тѣмъ веселымъ и безпечнымъ языкомъ молодыхъ людей, въ которомъ простосердечіе смѣшивается съ остроуміемъ. Наконецъ онъ подошелъ къ музыкантамъ, которыми управлялъ во время бала, и, схватя самъ скрипку, съ отмынчимъ проворствомъ и чистотою выполнилъ на ней одну изъ самыхъ трудныхъ и многосложныхъ сарабандъ Люлли. И рука, пробѣгавшая съ такимъ искусствомъ по струнамъ инструмента, не дрожала!

Но несчастный, предавался веселости своей, забывалъ время, которое летѣло съ страшною быстротою. Ночь текла, и съ каждымъ часомъ ея женщины трепетали; сердце ихъ сжималось при мысли, что неминуемая смерть ожидала этого молодого челоуѣка съ первыми лучами солнца. Въ эту эпоху, такъ недалеко еще отстоявшую отъ прежнихъ временъ Франціи, благородныя понятія ея о чести не измѣнились; слѣдовательно одно присутствіе Генриха на этомъ ужасномъ балѣ, истребляло уже всякую надежду на его спасеніе, и каждый зналъ, что слово, имъ данное, сковывало его болѣе всѣхъ цѣпей на свѣтъ. Сверхъ того, и Боддъ и Гамленъ равно исполняли должность свою и не преступили ея ни въ чемъ; Гамленъ, позвавъ арестанта своего на балъ, не сдѣлалъ тѣмъ никакого ущерба Комитету Общественной Безопасности, не потерялъ отъ-того ни одного волоска съ головы своего арестанта.

Итакъ вы легко можете себя представить, какъ сильно были всѣ сердца и съ какою горестною улыбкою женщины смотрѣли на молодого узника, который между-тѣмъ упивался любовью и счастіемъ; но, позвавъ въ третій разъ царицу бала, бьюкурую невесту Гамлена, и взявъ руку ея, чтобъ идти тамъ

цовать, онъ почувствовалъ, что эта нѣжная, маленькая ручка трепетала и вдругъ затрепетала самъ.

Потомъ, взглянувъ на молодую дѣвушку, онъ увидѣлъ, что она сдѣлалась блѣда, какъ полотно.

«Что съ вами, Элеонора?» сказалъ онъ. «Ахъ, скажите надо мною, не блѣднѣйте, не страдайте такъ ужасно!»

Элеонора посмотрѣла на гардины, колеблемыя вѣтеркомъ, и указала ему на зарю, освѣтившую окна...

— Ужь день, сказала она.

«День?... Что пужды, когда ночь, проведенная мною, была счастливѣйшая въ моей жизни; я васъ увидѣлъ, я полюбилъ васъ страстно и могъ сказать вамъ: *Элеонора, я люблю тебя!* Ты знаешь, что мертвые не лгутъ, Элеонора! Итакъ, прости! Будь счастлива и прійми благословеніе Генриха.»

Въ Бретани было обыкновеніе при послѣднемъ танцѣ поцеловать даму свою.

Окончивъ контрдансъ, Генрихъ прижалъ губы свои къ щекамъ Элеоноры, и Элеонора упала на плечо его.

Все это продолжалось не болѣе секунды.

Наконецъ она опомнилась и Боддъ отвелъ ее на мѣсто.

Элеонора, сдѣлавъ знакъ, чтобъ онъ сѣлъ возлѣ нея, начала говорить ему скоро и отрывисто:

— Послушай! тебѣ надобно спастись! Знаешь ли ты? вѣрно уже запрягать карету, чтобъ сей-часъ вести тебя въ городъ, гдѣ черезъ два часа тебя разстрѣляютъ. Бѣги... Если хочешь, я поѣду съ тобою, и тогда никто не скажетъ, что ты бѣжалъ отъ страха; но всѣ заговорятъ, что ты сдѣлалъ это изъ любви ко мнѣ... Но, если ты откажешь мнѣ, то слушай: я брошусь подъ колеса кареты; она проѣдетъ по моему трупу!...

И она говорила все это шопотомъ, не смотря на него, даже улыбаясь и какъ-будто рассказывая ему про какой-нибудь другой праздникъ.

Генрихъ не слушалъ словъ ея, по смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ, съ радостію, какой еще въ жизнь свою не чувствовалъ. «О, какъ я люблю ее!» твердилъ онъ самъ себя.

Наконецъ она замолчала, и тогда онъ сказалъ ей:

«Элеонора, ты знаешь, что это невозможно! Еслибъ я былъ свободенъ, никогда рука твоя не принадлежала бы другому; но я не долженъ думать теперь ни о тебѣ, ни о себѣ-самомъ, Элео-

иора! И такъ прости, ангель, усладившій послѣднія минуты умирающаго,—прости, и, если ты любишь меня, то возврати мнѣ полевую цвѣтокъ, который я привелага тебѣ изъ темницы. Отдай мнѣ его, Элеонора! этотъ милый цвѣтокъ лежалъ на груди твоей, и онъ ляжетъ со мною въ могилу!

Еслибъ кто-нибудь въ эту минуту взглянулъ на Элеонору, то конечно спросилъ бы, не умерла ли она? Глубокое молчаніе ея имѣло всю торжественность смерти. Музыка замолкла; яркое солнце освѣщало компану—и все кончилось для Элеоноры. . .

Вдругъ раздался лошадиный топотъ, и при этомъ шумѣ всѣ женщины вскочили и заслонили собою Генриха; но, вместо голубыхъ, это были товарищи Боддъ, прискакавшие на помощь своему капитану; они разбили перота, въбжали въ садъ и кричали изо всей силы: «капитанъ Боддъ! капитанъ Боддъ!»

Вообразите удивленіе храбрыхъ шуановъ, когда, ожидая видѣть начальника своего въ оковахъ, они увидѣли его въ бальномъ платьѣ, окруженнаго нарядными молодыми женщинами.

Первый вопросъ, сдѣланный имъ шуанамъ, былъ слѣдующій: «Были ли вы на голубятнѣ, господа?»

—Были, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: мы съ нею начали, и вы не найдете уже ни ея, ни голубей, которые тамъ жили, ни плѣнника, заступившаго ихъ мѣсто.

«О, если такъ» возразилъ Боддъ, обнаживъ шпагу: «то я не обязанъ болѣе держать слова моего; я свободенъ, и благодарю васъ храбрые товарищи.»

Потомъ, снявъ шляпу, онъ сказалъ Элеонорѣ тихимъ и почтительнымъ голосомъ: «Примите, сударыня, всереннюю и искреную благодарность арестанта.»

—Карета готова, капитанъ! сказалъ вопевшій солдатъ: ее положили-было, чтобы вести васъ въ Нантъ, какъ сказалъ намъ хозяинъ дома; но вмѣсто того, вы поѣдете въ ней въ лагерь нантъ.

Въ это самое время Боддъ увидѣлъ Гамлена, связавшаго гѣми самыми веревками, которыми самъ онъ былъ накаванъ связанъ,

«Капитанъ Гамлень» сказалъ ему Боддъ: «за услугу должно платить равною услугою; только позвольте мнѣ не развязать веревки эти, а разрубить ихъ шпатою моею, чтобы онъ болѣе не годился пидому.»

«Капитанъ Гамлетъ» прибавилъ Бодіо: «времена, въ которыя мы живемъ, эта ужасная эпоха междоусобицъ, войнъ и кровопролитія не благопріятствуютъ любви и мирному веселію брака; женихъ иногда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что въ самый день свадьбы ему не должно будетъ смотрѣть за арестантомъ или въ-вечеру не принимать у себя непріятеля. Итакъ отложите до другаго дня женитьбу вашу: сама цѣлѣта ваша проситъ васъ объ этомъ.»

И потому, обратясь къ Элеонорѣ, онъ продолжалъ:

«Милостивая государыня! позвольте храбрымъ шуанамъ проводить васъ въ замокъ Мальи. Согласны ли вы на это?»

И всѣ шуаны носкакали опрометью въ слѣдъ за каретою капитана своего, радуясь, что они освободили его и весело рывясь при лучахъ восходящаго солнца, которое несчастные видѣли въ послѣдній разъ.

Увы, въ теченіе того же самаго дня дано было сраженіе, на которомъ всѣ они были убиты, вмѣстѣ съ храбрымъ Катлино, отцомъ нынѣшняго. Вы знаете, что въ наше время былъ другой Катлино, который такъ палъ на полѣ битвы, защищая правую сторону, какъ слѣдуетъ вѣрному роялисту и истинному христіанину.

Но есть люди, которые, не смотря ни на что, остаются безсмертными: Бодіо не былъ убитъ, хотя ни на одну минуту не покидалъ сраженія. Когда же наконецъ истерзанная Франція немного успокоилась, тогда Генрихъ женился на Элеонорѣ де-Мальи, и капитанъ Гамлетъ, въ качествѣ муниципальнаго номинируемаго, подписалъ свадебный договоръ ихъ.

Такимъ-образомъ исторія моя кончилась; но не удивляетесь ли вы вмѣстѣ со мною необыкновенному счастью графа Генриха Бодіо?..

СВЯЩЕННИКЪ ВОНАЦАРТЕ.— Въ восьми миляхъ отъ Флоренціи, во дорогѣ къ Сьенѣ, у подошвы пріятнаго и хорошо обработаннаго холма, лежитъ большое селеніе Сан-Кассьяно, знаменитое трактиромъ Кампаноло, гдѣ обыкновенно пріезжалъ Макіавелли. Милья въ двадцати оттуда находится Черталдо, хвалящееся рожденіемъ Бокачіо, хотя очень несправедливо, потому что Бокачіо родился въ Парижѣ; но тотъ, однакожь, который прозывался *il Certaldese*, не-крайней-мѣра

долго жилъ и умеръ въ Чертальдо. Между этими двумя мѣстами, прославленными воспоминаніями о Бокаччо и Макиавелли, въ цвѣтущей равнинѣ скрывается маленькая деревенька, до того уединенная, что она даже очень-мало населена, и что скромная церковь ея совершенно лишена тѣхъ изящныхъ произведеній художества, которыя въ Италіи такъ обыкновенны. Въ 1807 году, то-есть въ самую блистательную эпоху французской имперіи, жилъ тамъ сельскій священникъ, называвшійся Бонапарте, — бѣдный и неизвѣстный, какъ-будто не существовало въ мірѣ человека, который, нося съ нимъ одно имя, вызвалъ изъ Ватикана папу для-того, чтобы вѣнчаться на царство, — кроткій и удаленный отъ всякаго честолюбія, какъ-будто бы онъ не былъ дядею Летиціи и дѣдомъ героя, завоевавшего всю Италію, прошедшаго Альпы и предписывавшаго законы почти всей Европѣ. Но ему было мало до того нужды: онъ, какъ второй Алкиной, занимался только садомъ, принадлежавшимъ къ церковному дому, поливалъ цвѣты, стригъ деревья, снѣталъ съ молодыми ивами гибкія лозы винограда и, подобно отцу мудраго Улисса, носилъ изодранную мантію и сапоги съ заплатами. Громъ побѣды внука его, раздавался во всей вселенной, гремѣлъ надъ головою его, но не доходилъ до его слуха.

Никто изъ окружающихъ сельскаго священника не подозрѣвалъ блистательнаго родства его съ Наполеономъ. Забывъ отечество свое, Корсикю, онъ пекся только о прихожанахъ своихъ, добрыхъ и простыхъ, какъ онъ самъ, довольствовался малымъ и не простиралъ видовъ своихъ далѣе настоящаго. Да и чего было желать ему? Онъ зналъ, что за церковью, въ тѣни душистыхъ липъ, ждала его тихая и спокойная могила. Онъ имѣлъ старое ружье и съ помощію его добывалъ дичь, потребную для умѣреннаго стола своего, когда приглашалъ къ нему нѣсколькихъ пріятелей; могъ, когда хотѣлъ, ловить рыбу въ сосѣднемъ прудѣ, окружалъ себя цвѣтами, которые любилъ безъ памяти, и наконецъ два раза въ годъ получалъ десятину съ церковныхъ доходовъ, которая была очень-достаточна для скромныхъ его потребностей. Такимъ-образомъ въ невинности и мирныхъ удовольствіяхъ протекала жизнь добраго сельскаго священника. Что жъ касается до обязанностей его званія, то онъ выполнялъ ихъ въ точности: отрого слѣдовалъ уставу церкви, не позволялъ себѣ ни умствовать, ни нововведеній; слу-

живя объядю два раза въ недѣлю и съдѣлывалъ за вечернею проповѣдь. Въ домѣ его жили три существа, о которыхъ онъ предлагалъ особенное попеченіе: курица, молодой прислужникъ и молоденькая дѣвушка. Курица была какъ сивѣ, несла хорошія яйца и очень любила господина своего; каждое утро являлась она къ нему во время завтрака, клевала крошки хлѣба, падавшія со стола, подбѣгала къ нему, когда онъ звалъ ее; дозволяла ему ласкать себя и простирала иногда снисходительность свою до такой степени, что оставала яйца свои въ широкихъ фалдахъ его пыльной мантии. Молодая дѣвушка, называвшаяся Маттеа, имѣ воспитанная и выросшая на глазахъ его, была однакожь не такъ послушна и смирна, какъ курица, и часто досаждала воспитателю своему. Маттеа имѣла прекрасныя черныя глаза, тонкій и гибкій станъ, и обладала тѣмъ тонкимъ, уертливымъ умомъ, который въ Итальянкахъ соединяется съ простосердечіемъ и откровенностію. Священникъ, думая устроить ея счастье, желалъ выдать ее за пономаря своего, Томмазо, котораго любилъ какъ сына. Томмазо, красивый молодой человекъ, работалъ въ саду, стряпалъ на кухнѣ, пѣлъ на клеросѣ, былъ правою рукою священника, и, однимъ словомъ, могъ назваться прекраснымъ, честнымъ молодымъ человекомъ, хоть и былъ нѣсколько задорливъ и всегда игралъ первую роль во всѣхъ деревенскихъ ссорахъ; во времена Данта онъ былъ бы гельфомъ или джибеллиномъ, но никогда не былъ бы нейтральнымъ. Онъ любилъ Маттеа съ такою живостию, которая ужасала священника, если бы холодность молодой дѣвушки не успокоивала его.

«Это недурно» думалъ онъ: «совсѣмъ недурно, что Маттеа немного холодна къ Томмазо.— Это доказываетъ ея благоразуміе.»

Но иногда, когда Маттеа и Томмазо гуляли вмѣстѣ по двору, священникъ, сидя у себя въ комнатѣ, смотрѣлъ на нихъ тихонько сквозь грубый занавѣсъ окошка, и, подслушавъ разговоръ ихъ, внутренно смѣялся.

—Маттеа! говорилъ однажды молодой звонарь: я сегодня, благовѣстя на колокольнѣ, думалъ о тебѣ и желалъ знать, что ты дѣлала въ эту минуту.

«Молилась Богу» отвѣчала Маттеа, которой огненные глаза не выражали ничего набожнаго.

Томмазо упрекнулъ ее въ жестокости, и хотѣлъ-было поцаловать, но дѣвушка, вырвавшись, побѣжала дразнить курицу, и

тогда священникъ слышалъ изъ помощь обвѣннъ воспитанни-
цамъ своимъ.

Такимъ-то образомъ жилъ добрый священникъ посреди сво-
ихъ прихожанъ и любимыхъ имъ существъ, какъ вдругъ одна-
ды лѣтомъ онъ услышалъ на улицѣ необыкновенный шумъ и
лошадиный топотъ; минуту спустя, дворъ наполнился войскомъ,
и одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, весь облитый золотомъ,
съ бѣлымъ султаномъ на шляпѣ, вошелъ въ комнату. Священ-
никъ, дрожа отъ страха, подаль ему стулъ и сталъ противъ но-
го, сложа руки и съ трепетомъ ожидая рѣшима своей участи.

— Успокойтесь, честный отецъ, сказалъ генералъ графъ Л.:
успокойтесь!— Не правда ли, что вы живете честь называться
Бонапарте, и что вы дядя его величества императора Фран-
цузовъ и короля Италіи?

«Правда, милостивый государь» отвѣчалъ священникъ, ко-
торый вспомнилъ, что онъ слышалъ что-то о необыкновен-
номъ возвышеніи внука своего, но скоро забылъ о томъ, какъ
бы о какомъ-нибудь происшествіи, случившемся въ другой ча-
сти свѣта, и нисколько до него некасавшемся.

— Мать его величества. . .

«Летиція?» прервалъ священникъ.

— Да, мать императора говорила ему о васъ.

«Кому? маленькому Наполеону?»

— Его величеству императору Наполеону, который, находя
для васъ неприличнымъ оставаться долже въ этой бедной деревуш-
кѣ, удостоилъ меня порученіемъ спросить васъ, что вамъ удо-
бно выбрать? какую-нибудь епархію во Франціи, въ Ита-
ліи или кардинальскую мантию? Это совершенно въ вашей волѣ,
потому-что его величество столько уважаетъ и любитъ дѣда
своего, что готовъ сдѣлать все, что можетъ быть для него при-
ятно. Вы знаете силу августѣйшаго внука вашего.

Бѣдный священникъ смѣшался до крайности и не зналъ, что
отвѣчать. Самая важная особа, которую видалъ онъ изрѣдка
въ цѣлую жизнь свою, былъ епископъ фезольскій, который
прѣзжалъ разъ въ годъ конфирмовать маленькихъ мальчиковъ
и дѣвочекъ, жившихъ въ селеніи. После каждаго такого посѣ-
щенія, онъ обыкновенно цѣлыя дѣи недѣли думалъ безпре-
станно о золотой нитрѣ, брилліантовомъ крестѣ и великолѣп-
номъ посохѣ епископа. Судите же, что происходило въ душѣ

его, когда предложили ему быть не только епископомъ, но даже кардиналомъ!

«Милостивый государь» сказалъ отъ: «правда ли это? Моя племянница Леттиа императрица? Я первый исповѣдывалъ ее... давно ужъ это... когда она еще была маленькою девочкой.» Генералъ улыбнулся.

«Милостивый государь» сказалъ наконецъ священникъ: «позвольте мнѣ подумать; я не могу рѣшиться вдругъ на такую чрезвычайную перемену въ моемъ положеніи.» Солданикъ, оставя генерала, удалился въ свою комнату, которая, какъ мы уже сказали, была окнами на дворъ.

Тамъ, то-есть на дворъ, происходила въ эту минуту ужасная сумятица: драгуны пили, шумѣли, а нѣкоторые изъ нихъ, разсѣлавъ лошадей, усѣлись въ кружокъ; курами трубки, пили вино и свѣлялись во все горло. Маттеа, спрятавшись за стѣну дома, выглядывала тихонько изъ-за угла на эту новую для нея сцену, между-тѣмъ какъ Томмазо смотрѣлъ разинувъ ротъ на блестящія сабли и мундиры вонювъ; а испуганная курица Бьянка, не зная, что дѣлать, совалась во все стороны и ежеминутно подвергалась опасности быть раздавленою лапами чужихъ копытами.

Мало-по-малу Маттеа ободрился и вышла изъ своего убѣжища; тогда одинъ изъ солдатъ, увидя прекрасную дѣвушку, бросился къ ней и наказывалъ ей тысячу въжливостей. Онъ былъ молодъ, недурень собою; Маттеа довольно кокетлива и охотно-влюблена въ жениха своего. Не знаемъ, кто они говорили другъ другу и какими словами Французъ очаровалъ несмысленную Итальянку, но когда Томмазо подошелъ къ Маттеа, она грубо оттолкнула его отъ себя и напомнила ему съ насмѣшкою, что давно было пора идти на колокольню. — Томмазо всихнулъ; но молодой драгуи схватилъ его за ухо, повернулъ на право кругомъ, и бѣдный попомаръ полетѣлъ со всѣхъ ногъ, къ неслыханному удовольствію веселыхъ солдатъ.

«Такъ это ты, негодяй, живешь здѣсь, вмѣсто того, чтобъ служить въ войскѣ императорскомъ? Ты успеешь состарѣться дотѣхъ-поръ, пока тебя сдѣлаютъ спорожемъ въ этой длинной деревушкѣ. Послушайся насъ, оставь свою колокольню, пойдемъ съ нами: мы тебѣ дадимъ красивый мундиръ, большую саблю, отличную лошадь. Тебя удерживаетъ эта дѣвушка, сказали они,

указывая на *Маттеа*, которая дружески разговаривала въ одномъ углу двора съ своимъ новымъ обожателемъ: эта дѣвушка? Посмотри-ка хорошенько: она тебя не любитъ; она любитъ *Парижанина*; видишь, она цаплетъ его!

Между-тѣмъ, какъ все это происходило, одинъ толстый драгунъ, пережившій уже лѣта любовныхъ похожденій, объявилъ войну курамъ священника и изъ угла въ уголъ преследовалъ бѣдную *Бьянку*.

«*Маттеа!*» кричалъ изъ окна священникъ: «*Маттеа!* иди сейчасъ домой къ матери твоей! Господишь драгунъ! оставьте въ покоѣ мою курицу!»

Но улы, слабый голосъ бѣднаго старика не имѣлъ могущества наполеонова голоса: *Парижанинъ* продолжалъ возлочьтись за дѣвучкою, а толстый драгунъ преследовалъ курицу. Наконецъ *Парижанинъ* вѣскочалъ на лошади, посадилъ съ собой *Итальянку*, и, безъ всякаго уваженія къ дому священника, ускакалъ съ ней въ самую ту минуту, когда драгунъ схватилъ *Бьянку* и спряталъ ее къ себѣ за пазуху.

«*Маттеа! Маттеа!*... Господишь драгунъ, эта курица привадежитъ мнѣ... оставьте эту курицу...» кричалъ священникъ окриплымъ голосомъ.

Томмазо бросился отнимать *Бьянку*, и бѣдный малой, у котораго отыали невесту, спасъ по-крайней-мѣрѣ курицу.

Священникъ вошелъ бѣдный и разотроенный въ приемную, гдѣ дожидался его генералъ.

«Боже! что съ вами случилось?»... сказалъ онъ священнику: «что такъ взволновало васъ?»

— Ахъ, сударь, отвѣчалъ печально священникъ: оставьте это. Здѣсь была у меня добрая, милая и умная дѣвушка; но какъ вы прѣехали, она погибла!

«Погибла?» сказалъ генералъ: «пожалуйста, объяснитесь.»

— Да, господишь генералъ, *Маттеа*, моя крестница, послѣдовала за однимъ изъ вашихъ солдатъ; она при моихъ глазахъ убѣжала.

«Похищеніе въ вашемъ домѣ!», вскричалъ генералъ: «въ домѣ двѣ императора!... Виновиный сей-часъ же будетъ разстрѣлять... Гей! фельдсбель! кто сдѣлалъ это ужасное преступленіе?»

— Ахъ, нѣтъ! не разстрѣливайте его, сударь! Я этого не по-

терплю... Но если онъ честный и хороший человекъ, то пусть женится на Маттеѣ и составятъ ея счастье.

Фельдфебель разсказалъ, какъ произошло все дѣло, и генералъ, узнавъ, что молодая Итальянка была съ собственнаго ея согласія увезена Парижаниномъ, и что онъ въ-прочемъ служилъ очень-хорошо и въ скоромъ времени долженъ былъ получить крестъ, сказалъ: «Онъ женится на ней, непременно женится, и въ томъ кланусъ вамъ моею честію!»

Между-тѣмъ священникъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ по сторонамъ, и, какъ казалось, искалъ курицы своей, но боялся однакожь сказать о томъ генералу, который чуть-чуть было не разстрѣлялъ похитителя Маттея, и следовательно конечно бы велѣлъ строго наказать похитителя его курицы. Но вдругъ отворилась дверь, и Томмазо вошелъ, держа ее на рукахъ. Бьянка лежала безъ чувствъ; смія въки ея были опущены на круглые глаза, и окостенѣлыя ланки висѣли безъ всякаго движенія. Священникъ схватилъ ее, и, отворивъ ей носикъ, выпустилъ въ него нѣсколько капель вина; тогда Бьянка мало-по-малу начала дышать. Она приподняла въки, всдргнула хохолкомъ своимъ, расправила бѣлыя перышки и наконецъ совершенно очнулась, точно такъ, какъ молодая красавица, которая, страдая нервическими припадками, медленно приходитъ въ себя послѣ сильнато и продолжительнаго обморока.

Когда священникъ успокоился, Томмазо выступилъ въ-передъ и сказалъ ему:

«Я лишился Маттея, и потому не хочу оставаться здѣсь. Мнѣ обещали, что я чрезъ нѣсколько лѣтъ буду подковникомъ — и я... записался въ драгуны.»

Священникъ посмотрѣлъ на него печально, прилекатъ курицу свою и оборотился къ генералу:

«Поблагодарите отъ меня его величество, лишка моего» сказалъ онъ: «за все, что онъ хотѣлъ для меня сдѣлать. Но я размыслилъ и рывился остаться бѣднымъ деревенскимъ священникомъ, опончить дни мои въ этомъ селеніи, гдѣ до-сихъ-поръ жилъ такъ счастливо. Я поколебался на одну минуту — и, вы видите, Богъ наказалъ меня... Скажите Летици, что я надюсь и твердо увѣренъ, что она до-сихъ-поръ имѣетъ такое же доброе сердце, какое имѣла, когда была молоденькой дѣвочкой. Поцалуйте отъ меня

моего внука, маленькаго Наполеона; да сохрaнить Богъ ихъ царствованіе: они, добрыя дѣти, не забыли своего стараго дѣда! Я не хочу ни эпархіи, ни пурпурной мантіи, ни кардинальской шапки... Ступайте, господинъ генералъ, и если вы уважаете желанія дѣда императора, то не возвращайтесь сюда болѣе.»

Когда кто получалъ приказаніе императора, то непременно долженъ былъ исполнить этотъ приговоръ судьбы, который долго былъ закономъ для большей части Европы; если Наполеонъ говорилъ: вы возьмете этотъ городъ, — непременно должно было взять его; было предписано, чтобъ взяли его и это пророчительное слово было одною изъ тысячи причинъ огромныхъ успѣховъ императора. Одлажды онъ сказалъ генералу Л.: — Вы вытaщите дѣда моего изъ его пастырства, привезете въ Парижъ или проводите въ Римъ. Все равно, у меня ли онъ будетъ, или у папы: ему вездѣ будетъ хорошо; но онъ не долженъ быть въ другомъ мѣстѣ. Надобно, чтобъ онъ по-крайней-мѣрѣ сдѣлался епископомъ.—Генералъ наставлялъ, умолялъ, просилъ, наконецъ угрожалъ; онъ не могъ понять, какъ возможно было отказываться отъ креста, отъ помѣстій, соединенныхъ съ званіемъ епископа, отъ доходовъ эпархіи, или отъ огромной власти, какую имѣетъ кардиналъ. Священникъ былъ твердъ въ своемъ намереніи, онъ противился просьбамъ, но когда дѣло коснулось до угрозъ, то онъ отвѣчалъ съ горечью раздраженнаго Корсиканца и съ величіемъ старшаго родственника, который не хочетъ поддаться безразсудной молодости своего внука. Раздосадованный генералъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, и шумный конвой вышелъ изъ деревни.

Наполеонъ, узнавъ о неудачѣ посольства своего, удивился и пожалъ плечами.

Маттеа вышла за Парижанина, который черезъ нѣсколько лѣтъ дослужился до полковничьяго чина.

Томмазо въ царствованіе Лудовика XVIII былъ уже капитаномъ гвардіи.

Деревенскій священникъ Бонапарте умеръ до паденія Наполеона. Следовательно, онъ былъ счастливѣе всѣхъ членовъ своей фамиліи!

ОГЛАВЛЕНИЕ
 ПЯТАГО ТОМА
 ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ
 на 1839 годъ.

Стран.

I. Современная Хроника Россіи.

Выставка издѣлій отчественныхъ мануфактуръ въ 1839 году. <i>Статья третья и послѣдняя.</i> А. Б.—то	1
Главная Пулковская Обсерваторія. Д. М. П.—ва	21
Государственная Высшая Торговля Россіи въ 1838 году. С. М. Усова	28

II. Науки.

О русскихъ глаголахъ. Э. Лангеншельда	1
Веллингтонъ: Статья Капони	27
О падающихъ звездахъ. Д. М. ПЕРКВОЩИКОВА	43
Очеркъ Стратегіи. М. И. БОГДАНОВИЧА	57
Что такое романъ. Н. М. ЯСТРЕВЦОВА	75
Алхимія и философскій камень	84

III. Словесность.

1) Стихотворения.

Отрывокъ изъ перваго дѣйствія первой части «Фауста» Гёте. К. С. Аксакова	1
Русскія пѣсни, доставленныя П. М. Языковымъ	159
Украинская мелодія. Е. П. Гревенки	164
Два вопроса. К. М. Айвулата	165
Три пальмы. М. Ю. Лермонтова	168
Вороной конь (Новогреческая пѣснь). Ознобишина	251
Военная пѣснь клана Макгрегоръ. — вой —	254
Утренній звонъ. Н. К.—ва	255
Бородицкая Годовщина. В. А. Жуковского	347

2) Проза.

Прошлое. Повесть Барона Ф. Ф. Корфа	3
Рюишь. Повесть Рожера де-Бовуара	94
Падающая звезда. Повесть М. С. Жуковой	171
Венеціанскій Купецъ, драма Шекспира, переводъ съ англійскаго Н. Ф. Павлова	256

IV. Художества.

Новѣйшая Германская Живопись. Художественныя Выставки во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1836 и 1837 годахъ. Статья Карове	, 1 и 25
---	----------

V. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще.

Обозрѣніе шелководства въ Россіи. Путешествіе г. Герзи (<i>Статья вторая</i>). Путешествіе отъ Тивалиса по Грузіи въ мусульманскія провинціи. Достамова С. М. Усовымъ	1
Значеніе сельскаго хозяйства ***	55

VI. Критика.

Материалы для статистики Россійской Имперіи, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ	1
Курсъ Геогнозій, составленный Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковникомъ, Санктпетербургскаго Университета профессоромъ Д. Соколовымъ	27

VII. Современная Библиографическая Хроника.

а) Русскія книги.

Опыты въ Русской Словесности Воспитанниковъ Гимназій Бѣлорусскаго Учебнаго Округа	1
Невскій Альбомъ, изд. Бобылевымъ	10
Опыты въ стихахъ Н. Мягкова	14
Стихотворенія Владислава Горчакова	18
Сей и оный, шутка-водвиль	20
Нашла коса на камень, фарсъ	22
Полина, соч. А. Дюма	24
Новыя повѣсти Александра Дюма	31
Эдмондъ и Констанція, Поль-де-Кока	33
Несчастливая, романъ	34
Бородинское Поле, или Смерть за честь	—
Ротмистръ Черпокнижникъ	—
Памятникъ отцу моему	36
Простонародный Сказочникъ	37
Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга	—
Сказка о Марьѣ Маревнѣ	43
Жарь-Птица, сказка	—
Соперники въ любви, повѣсть	—
Анекдоты о Императрицѣ Екатеринѣ-Великой	44
Полныя анекдоты о Балакиревѣ. Изд. 4-ое	45
Полныя анекдоты о Балакиревѣ. Изд. 2-ое	—
Басни, соч. Достлея	46

Карманный пѣсепникъ А. П.	47
Повѣсть о томъ, какимъ-образомъ прѣзжіе купцы позна- комились съ приказчиками и проч.	48
Библіотека нравственно-религіознаго чтения	49
Напутствіе благородному юности	50
Опытъ описанія бородинскаго сраженія	51
Живописное путешествіе по Азій, Эфіріе, томъ II-й	—
Учебное руководство къ Архитектурѣ, Свиззела	52
Рѣчи, произнесенныя въ Ришельевскомъ Лицѣ	53
Краткое начертаніе жизни и дѣяній Никона	60
Подробныя свѣдѣнія о конскихъ заводахъ	—
Взглядъ на Армянскую Область	61
Очерки съ лучшихъ произведеній живописи	62
Практическая Перспектива	64
Курсъ Чистой Математики, Беллавена	65
Руководство къ преподаванію Ариметики	66
Учебная книга латинскаго языка	68
Физическое обозрѣніе глобуса	69
Новѣйшій дѣтскій Робинзонъ	71
Химія для всѣхъ сословій	75
Монографія глазной болѣзни	75
Памятная судебно-медицинская книжка	80
Таблица распознаванія болѣзней легкихъ	84
Библіотека коммерческихъ знаній	85
Пятидесятилѣтіе заслуженнаго профессора Буша	—
Земледѣліе и земледѣлецъ въ Россіи	86
Энциклопедія молодой русской хозяйки. Ч. II	87
Денежныя таблицы для расчета серебра на ассигнаціи и проч.	—
Новый способъ учить проценты сокращенно	88
Графиня Евгенія	121
Воспоминанія и очерки жизни	127
Стихотворенія Алексѣя Леопова	131
Ганиусъ. Разсказъ Грыцька Остопьяпенки	132
Талисманъ, фантастическій романъ	134
Путешествіе въ Смоленскъ	156
Картины бородинской битвы	—
Димитрій Ивановичъ Донской, повѣсть	137

	Стран.
Гадательная книжка	137
Чудесный гадатель	—
Новѣйшій и самый полный астрономическій телескопъ	140
Три водвиля	141
О жизни	142
О предметъ и элементахъ статистики	147
Государственная вышняя торговля	152
Пантеонъ знаменитыхъ современниковъ	—
Гравюры къ «Живописному Путешествію по Азіи»	153
Очерки съ произведений живописи	—
Правила русскаго правописанія	155
Нѣмецко-русскій словарь	159
Военная Библиотека	162
Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета	165
О вѣчномъ покоѣ праведниковъ	175
Письма о спасеніи міра	176
О молитвѣ	177
Чижикъ, повесть для дѣтей	178
Другъ Дѣтей	181
Букетъ Цвѣтовъ	184
Enchiridion medicum, или руководство къ практической медицинѣ	183
Полныя свѣдѣнія о пользованіи холодною водою	189
О причинахъ большой смертности дѣтей	194
Садовникъ, цвѣтоводскъ и огородникъ	197
Изъясненіе къ проектированному плану столичнаго города Москвы	—
b) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ.	
Mémoire sur quelques questions techniques relatives à l'ancien aqueduc de Moscou	89
Rapport sur les travaux de la Société Impériale d'économie rurale de Moscou	92
M. Tullii Ciceronis Orationes selectae	95
Elementarbuch der deutschen Sprache	198

	Страница
Grammaire russe expliquée etc.	232
John Field	206
Sammlung der Glückwünsche. :	207
c) <i>Германская литература</i>	94 и 208
d) <i>Английская литература</i>	106 и 213
e) <i>Французская литература</i>	225

VIII. Слѣсь.

Афинскій языкъ въ Россіи. И. Срезневскаго	1
Колдовство XIX столѣтія (V-е письмо къ гр—нѣ Е. П. Р—ной) Безгласнаго	12
Библиографическія рѣдкости: <i>Трутень</i> , еженедѣльное изданіе на 1769 и 1770 годы. М. Макарова	26
Тонкость разныхъ волоконъ и нитей	32
Открытія въ Сѣверной Америкѣ, дѣлаемые гг. Давзомъ и Симпсономъ	35
Ватерлооскій альбомъ	37
Автографы Вальтера Скотта	43
Музыкальный языкъ г. Сюдра	—
Снѣгъ на Большомъ Сен-Бернарѣ	51
Леди Эстеръ Стенгопъ, королева пальмирская	57
Свадебные обряды Олончанъ	61
Комитетъ для разбора и призрѣнія просищихъ милости въ Москвѣ	67
Панкратическій микроскопъ, изобрѣтенный профессоромъ Московскаго Университета, А. Фишеромъ	69
Превращеніе морской воды въ прѣсную	72
Паденіе звездъ	76
Взрывъ, сдѣланный помощью гальванизма	77
Степень жара, переносимаго водяными животными	—
Средство предохранять лицо отъ оспы	78
Публичныя лекціи доктора Дюинѣ	—
Перемежающійся фонтанъ	—
Явленіе вулканическаго острова	79
Тайна дагерротипа	—

VII

	Стран.
Каррарскія мраморолупи	88
Нынѣшнее состояніе англійскихъ колоній въ Южной Австралиі	89
Розенвейнъ, или вино розы въ Бременъ	94
Могыла Моцарта	95
Травля Негровъ	96
Англійскіе туристы	99
Вандейская свадьба (статья <i>Жюль Жанена</i>)	108
Священникъ Бонапарте	123

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ВЪ ИЗДАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

1839 ГОДА И

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О

ПРОДОЛЖЕНІИ ИХЪ

ВЪ 1840-мъ году.

«Отечественныя Записки» оканчиваютъ первый годъ новаго своего существованія. Лестный, превосходящій всякія ожиданія пріемъ, встрѣченный ими въ русскихъ читателяхъ, обзываетъ редакцію сего журнала къ живѣйшей благодарности: труды и старанія ея вознаградились, рускіе читатели поняли значеніе «Отечественныхъ Записокъ» и признали ихъ достойными своего поощрительнаго вниманія. Постоянное участіе публики убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы, по мѣрѣ силъ своихъ, удовлетворяемъ ея требованія, ибо это участіе не прерывается, но возрастаетъ съ появленіемъ каждой книжки. Редакція съ удовольствіемъ видитъ, что судъ просвѣщенныхъ цѣнителей, выражаемый и числомъ охотниковъ читать ея журналъ, и участіемъ, обнаруживающимся во множествѣ статей, присылаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ для напечатанія, и письменными отзывами, которые она хранитъ, какъ драгоценнѣйшую награду за труды свои, — что этотъ

судь рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Большой награды редакция «Отечественныхъ Записокъ» и не желала. Это убѣжденіе въ истинномъ сочувствіи всѣхъ благонамѣренныхъ людей къ трудамъ ея даетъ ей новыя силы и бодрость для исполненія своихъ обязанностей.

Почитая свое дѣло дѣломъ общимъ для всѣхъ благородныхъ русскихъ литераторовъ, уважающихъ свое званіе, редакция считаетъ долгомъ, не прибѣгая къ возгласамъ, съ полною откровенностію отдать имъ отчетъ въ своемъ изданіи въ теченіи сего года, и рассказать все, какъ было — ни больше, ни меньше.

Читатели замѣтили, что «Отечественныя Записки» не имѣютъ ничего общаго со многими другими русскими журналами, что онѣ идутъ своею дорогою, имѣютъ своихъ сотрудниковъ, изъ коихъ большая, дѣятельнѣйшая часть не принимаетъ никакого участія въ другихъ изданіяхъ, имѣютъ свою определенную цѣль чисто-ученую и патріотическую, пользуются своими собственными средствами и источниками и не нуждаются ни въ какомъ коммерческомъ покровительствѣ.

Понимая всю важность избраннаго ею направленія, редакция «Отечественныхъ Записокъ» старалась выполнять все, что обѣщано было ею въ программѣ, разосланной читателямъ въ концѣ 1838 года при объявленіи о возобновленіи сего журнала. Между-тѣмъ, какъ столько литературныхъ предпріятій или вовсе невыполняется, или осуществляется не вполне, съ остановками, замедленіями, позднимъ выходомъ или неполнотою обѣщанныхъ книжекъ, редакция выдавала всѣ книжки своего журнала съ самою строгою аккуратностію, всегда въ 15-е число мѣсяца, и, вмѣсто обѣщанныхъ 20 или 25 листовъ, давала читателямъ ежемѣсячно 30, 32, и даже 42 печат-

ныхъ листовъ. Въ отдѣлы журнала, сообразно общаю, постоянно наполнялись статьями въ *каждомъ* томѣ; въ иныхъ изъ сихъ отдѣловъ было по двѣ, по три и болѣе статей въ *одной* книжкѣ. Статьи сіи по всемъ отдѣламъ были болѣею частию *оригинальныя - русскія*, но между-тѣмъ, въ отдѣлахъ наукъ, словесности и художествъ были представлены сочиненія, переведенныя съ санскритскаго, испанскаго, англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Въ отдѣлѣ Современной Хроники Россіи внесены были главнѣйшія современныя событія нашего отечества, драгоцѣнныя сердцу русскому. Всѣ, безъ исключенія, книги, вышедшія въ Россіи на русскомъ и другихъ языкахъ, были разсмотрѣны въ отдѣлѣ Библиографической Хроники съ подробностію, такъ чтобъ читателю можно было получить возможно-полное понятіе о содержаніи и достоинствѣ каждой книги. По поводу нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ изъ сихъ книгъ составлены цѣлыя трактаты въ отдѣлѣ Критики. Равнымъ-образомъ ни одно замѣчательное явленіе въ литературахъ нѣмецкой, англійской и французской не было оставлено безъ упоминенія. По части коммерческой, сельской и домоводной промышленности обращено было вниманіе на усовершенствованіе разныхъ частей этой отрасли народной дѣятельности и, по мѣрѣ возможности, указаны способы къ ея улучшенію. Наконецъ, въ отдѣлѣ Смѣси были помѣщены цѣлыя особыя сочиненія нашихъ отечественныхъ ученыхъ и отрывки изъ сочиненій иностранныхъ писателей, и проч. и проч. — Такимъ-образомъ, со стороны полноты всѣхъ отдѣловъ «Отечественныхъ Записокъ» редація ни въ чемъ упрекнуть себя не можетъ. Что же касается до выбора, направленія и достоинства самыхъ статей, то мы все сіе предоставляемъ суду публики, которой

благосклонное вниманіе къ нашему изданію обнаружилось тотчасъ по выходѣ первыхъ книжекъ журнала и донынѣ постоянно поддерживается. — Подъ статьями, напечатанными въ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», читатели видѣли большую часть именъ тѣхъ литераторовъ, которыхъ участіе обещано было въ означенной программѣ. Вотъ эти имена въ алфавитномъ порядкѣ: Айбулатъ, Аксаковъ, Александровъ, Алексѣевъ, Баратынскій, Бануцкій, Безгласный, Бенедиктовъ, Богдановичъ, Буняковский, Бутовскій, Вельтманъ, Венелинъ, Вунчъ, Глѣбовъ, Гребенка, Гротъ, Губеръ, Давыдовъ, Даль (Казакъ Луганскій), Дельвицъ, Диго, Діевъ, Жеребцовъ, Жукова, Жуковскій, Каманевъ, Каменскій, Карамзинъ, Катковъ, Козловъ, Кольцовъ, Корсаковъ, Корфъ, Купферъ, Лангеншельдъ, Леонтьевскій, Лермонтовъ, Макаровъ, Марлинскій, Мельгуновъ, Милютинъ, Невъровъ, князь Одоевскій, Ознобишинъ, Грыцько Основьянско, Павловъ, — ва, Папасвъ, Перевощиковъ, Планеръ, Пушкинъ, гр—ня Р—на, Резвой, Росковшенко (Мейстеръ), Сахаровъ, графъ С—бъ, Свининъ, Срезневскій, Стевень, Строиловъ, Струговщиковъ, Струйскій, Тимковскій, Туманскій, Усовъ, Филимоновъ, Хомяковъ, Шваріцъ, Шевыревъ, Штукенбергъ, Языковъ, Якубовичъ, Ястребовъ. — Почти всѣ остальные сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» принимали участіе въ изданіи ихъ совѣтами, указаніями, составленіемъ критическихъ статей и рецензій о вновь-выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ, и переводами, не подписывая именъ своихъ подъ сими статьями *. Нѣкоторые же въ-особенно

* Въ донныя-вышедшихъ нумерахъ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщены слѣдующія статьи :

I. По отдѣлу *Современной Хроникъ Россіи*: Обзоръ пятнадцатого состоянія разныхъ частей государственнаго управленія за 1858 годъ

сти трудились надъ составленіемъ «Дополненій къ Энциклопедическому Лексикону»*. Но изданіе этихъ «Дополненій» оказалось неудобнымъ съ первыхъ мѣсяцевъ 1839 года: во-первыхъ, потому-что самый выходъ томовъ «Энциклопедическаго Лекси-

Государственныя учрежденія. Поставомерія о службѣ гражданской. — Событія въ отечествѣ. Народное просвѣщеніе. Благотворительность. Общественное здравіе. Устройство. Безопасность. Промышленность. Торговля. Кредитныя постановленія. Искусства. Узаконенія по части правъ и производствъ уголовного и гражданского суда, Узаконенія относительно государственнаго благоустройства. — Возобновленіе Зимняго Дворца въ Санктпетербургѣ: 1) Хроника петербургскихъ дворцовъ, 2) Дворецъ, городъ и государство, 3) Пожаръ, 4) Возобновленіе (въ 3-хъ статьяхъ). — О Лѣсномъ Институтѣ. — Выставка издѣлій отечественныхъ мануфактуръ въ 1859 году (въ 3-хъ статьяхъ). — Общество взаимнаго застрахованія скотоводства въ Россіи. — Главная Пулковская Обсерваторія. — Государственная Россійская Вышняя Торговля въ 1858 году.

II. По отдѣлу *Наука*. *Ф*илософіи. Взглядъ на развитіе философіи до Схоластикова. Схоластики (въ 2-хъ статьяхъ). Кадастръ и Краткій Очеркъ исторіи Кадастра. — Матеріалы для исторіи Россіи: 1) Уставная грамота, данная царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуянамъ въ 1606 году; 2) Сношенія русскаго двора съ Европою и Азіею въ царствованіе Алексія Михайловича. — Причатіе христіанства славянскими народами до Кирилла и Меодія. — О Громѣ (въ 3-хъ статьяхъ). — Суворовъ. — О пароходствѣ и озерахъ въ Сѣверной-Америкѣ. — Нарвская битва. — Шеллингъ. — Поэзія и мифологія Скандинавовъ. — Эдуардъ Гашъ. — Статистика и теорія грозъ. — О возможности эстетической критики. — О русскыхъ глаголахъ. — Веллингтонъ. — О падающихъ звѣздахъ. — Очеркъ стратегіи. — Что такое романъ. — Алхимія и философскій камень.

III. По отдѣлу *Словесности*: 1) *Стихотворенія*. Русская пѣсня. — Въ Альбомѣ. — Отрывки изъ поэмъ. — Италія. — Измѣна суженой. — Дума. — Отрады недуга. — *Толмъ столасный день пригветенъ*. — Обновленіе. — Признаніе. — Поэзія женщины. — Князь В. Ф. Одоевскому. — Слезы и звуки. — Люди и судьба. — Последний цоцалуи. — Рыбка. — Куклушка. — Отрывокъ изъ поэмы «Существованіе и Вдохновеніе». — Ариадна. — Погоня за счастьемъ. — Проявленіе мысли. — Русалка. — Незвѣстному поэту. — Ему же. — Клятва Мойцы. — Гленара. — *Пойми любовь*. — Дагостанская ночь. — Сонетъ. — Ницѣй. — Налю, повѣсть Врихадавы, разеказанная Бгарату. — Вѣтка Палестины. — Сломанный домъ. — *Не вѣрь себѣ*. — Пѣсни Трувера. — Саламанка. — Водолазъ. — Разста-

* Въ которыхъ до сего времени напечатано 145 статей.

кона» встрѣтилъ остановку, до-сихъ-поръ продолжающуюся; во-вторыхъ, издатели «Лексикона» объявили, что въ непродолжительномъ времени будутъ выданы ими «Дополненія» къ первымъ томамъ ихъ книги, а при такомъ общаніи издаваніе дополни-

ванъе.—Еврейская мелодія. — Въ Альбомъ. — Путь. — Пѣсьнъ Маргариты.—Герой.—Лорелея.—Литовская пѣсня.—Изъ Рюккерта. — Югъ.—*Страданіе въ удаль ты полугла.* — Вазантазна.—Изъ «Фауста».—Русскія пѣсьнъ.—Украинская мелодія.—Два вопроса.—Три Пальмы.—Вороной Конь.—Воинная Пѣсьнъ клана Макрэготоръ.—Утренняя Звонъ.—Бородицкая Годовщина.—2) *Проза:* Книжка Зизи.—Отрывокъ изъ романа «Вадимовъ». — Исторія двухъ колонъ. — Сала Крови, повесть Сервантеса.—Богъ, герон и Виландъ, соч. Гёте. — Балъ.—Дорожные эскизы на пути изъ Франкѣурта въ Берлицъ. — Бждюанкъ.—Панъ Халаяскій (*въ 2-хъ частяхъ*). — Жертва ганиствеской судьбы, соч. Теодора Гука. — Воспоминанія армейскаго офицера. — Проншое. — Рюингъ, соч. Роже-де Бовуара.—Падающая Звзда.—Венеціанскій Купецъ, драма Шекспира.

IV. По отдѣлу *Художества:* Обзоріе мастерскихъ русскихъ художниковъ: А. Е. Егоровъ. В. А. Шебуевъ. М. Н. Воробьевъ. Н. И. Уткинъ. А. Г. Варнекъ. Демуть-Малиновскій. Графъ Ѳ. П. Толстой (*въ 3-хъ частяхъ*). — О современной музыкѣ и музыкальной критикѣ. — Письмо въ Италію о послѣдней выставкѣ. — Художественныя повости въ Эрмитажѣ.—Картины гг. Штейбена и Греніе.—Зимній Дворецъ въ С. П. бургѣ. — Петръ-Павелъ Рубеисъ. — О сущности музыки.—Алексіоповоръ (пѣтухопосецъ), древяная статуя, находящаяся въ Таврическомъ Дворцѣ, въ С. П. бургѣ. — Новѣйшая Германская живопись. Художественныя Выставки во Франкѣуртѣ-на-Майнѣ (*въ 2-хъ частяхъ*).

V. По отдѣлу *Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Прогрѣсивности вообще:* Паровыя машины, желѣзныя дороги и оборотныя банки. — Завѣщанія объ успѣхахъ въ искусствѣ узорчатата ткацка. — Труевола. — Пыльѣнное сельское хозяйство въ Голштиніи. — О растеніяхъ, которыя можно держать зимою въ комнатахъ. — Паровой плугъ. — Сука, окрашенныя синькою. — Непромокаемыя ткани. — Искусственная слововая кость и черепаха. — Путешествіе въ южныя провинціи Россіи, прилежащія къ Черному и Каспійскому Морямъ (*въ 2-хъ частяхъ*). — О выгодахъ веревчатата привода по новому его устройству при передачѣ движенія въ машинахъ. — О возвышенномъ курсѣ денегъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ.—Шелководство, винодѣліе и садоводство южныхъ губерній Россіи въ 1858 году. — Значеніе сельскаго хозяйства.

VI. По отдѣлу *Критики:* Фаустъ, соч. Гёте, переводъ Эдуарда Губера.—Басурманъ, соч. И. Лажечникова. — Илиада Гомера, пер. съ греческаго Н. Гидичемъ. — Добъ-Кихотъ Ламацскій. — Несторъ, исто-

тельныхъ къ «Лексикону» статей было бы трудомъ совершенно-излишнимъ; въ-третьихъ, при самомъ приступѣ къ работѣ обнаружилось, что дополнительныхъ статей должно бы накопиться множество, и томы «Дополненій» могли бы уподобиться величиною своею

рическо-критическое разсужденіе о началѣ русскихъ летописей, М. Погодина. — Повѣствованіе о Россіи, составленное Н. Арцыбышевнымъ. — Савва Чалый, драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ, соч. Іереміи Галки. — Новороссійскій Календарь на 1839 годъ. — Пѣсни Русскаго Народа, собранныя Н. Сахаровымъ (*въ двухъ статьяхъ*). — Матеріалы для статистики Россійской Имперіи. — Курсъ Геогнози, составленный Д. Соколовымъ.

VII. По отдѣлу *Современной Библиографической Хроники*: 1) Разборы всѣхъ вышедшихъ въ 1839 году до сего времени русскихъ книгъ. — 2) Разборы книгъ, изданныхъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ. — 3) Извѣстія о всѣхъ замѣчательнѣйшихъ книгахъ, вышедшихъ въ Германіи, Англіи и Франціи.

VIII. По отдѣлу *Смѣсь*: Письма къ графинѣ Е. П. Р.—ной о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикъ, алхіміи и другихъ таинственныхъ наукахъ (*въ 5-ти статьяхъ*). — Таблица, показывающая число верстъ по всему протяженію водныхъ путей изъ внутреннихъ губерній къ Петербургу и Москвѣ. — Библиографическія радосты: Кошелекъ (журналъ, издававшійся Новиковымъ); Духовная Библіотека; *Disciplina clericalis, translata a Petro Alphonso ex Arabico in Latinum*; Великая Величина; Пречестныя Акаѳисты Всеседмичныя со стихиръ и канонъ; Географія доктора Антоиа Фридриха Бюшнинга; Трутенъ. — Предполагаемая желѣзная дорога по венеціанскимъ лагунамъ. — Высочайшая въ мірѣ печь. — Способъ извлекать пользу изъ гнилой рыбы. — Американскія золотыя рудники. — Средство сохранять старыя поврежденные деревья. — Клаучукъ. — Новый способъ предохраненія хлѣба отъ порчи и вредныхъ животныхъ. — Нового рода живопись. — Электрическіе токи, замѣченные при броженіи и прозрѣніи. — Разказы стариннаго полицейскаго агента. — Жизнь полицияковъ. — Нѣмцательское Княжество. — Исторія введенія книгопечатанія во Франціи. — Права Ньютона и Лейбница на открытіе дифференціальнаго изчисленія. — Похищеніе ребенка орломъ. — Благодѣтельный воръ. — Новый движитель машинъ. Гг. Брюѣ и Арцаль. — Тѣни кораблей, находящіяся за горизонтомъ. — Химическія открытія касательно древесныя. — Дагерротипъ. — Чѣмъ постъ стрелкоза? Дѣйствіе звуковъ на сіе пасъкомос. — Анекдотъ о Суворовѣ въ бытность его въ Астрахани. — Москва въ 1838 году. — Внужительность гарема персидскаго шаха. — Объ осторожности, которую должно наблюдать при употребленіи посуды изъ такъ-называемаго нейзильбера. — Новыя подробности о дагерротипѣ. Средство приготовить чув-

томамъ самого «Лексикона»; наконецъ, въ-четвертыхъ, изданіе «Дополненій» было исключительно желаніемъ покойнаго основателя «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свиньина; когда же, съ смертію его, изданіе сего журнала перешло въ нашу соб-

ствительную бумагу. — Свѣтъ, производимый темными тѣлами. — Фосфоризація, производимая въ тѣлахъ посредствомъ электричества. — Нѣкоторыя подробности о способѣ дѣлать твердые тѣла на время прозрачными. — Новый способъ освѣщенія, открытый на сихъ дняхъ въ Пестербургѣ. — Самопроизвольное движеніе неорганическихъ тѣлъ. — Одна изъ причинъ пожара. — Средство оживлять засохшія растенія. — Медицинское дѣйствіе журнала, напечатаннаго золотыми буквами. — Граншанельскій колдунъ. — Какъ родятся угри. — Лечение посредствомъ разжиженнаго воздуха. — Русская метрическая система. — Разные способы моцненія дорогъ. — Гальванизированное желѣзо. — Спанье на желѣзной дорогѣ. — Опытъ леченія проказы посредствомъ гремучей змьи. — Писчая бумага изъ дерева. — Цицикографія. — Прочность дуба. — Металлическій сплавокъ, замѣняющій рубины и алмазы въ часахъ. — Древности, найденныя въ Кароагенѣ. — Электромагнетизмъ, какъ движущая сила. — Сидяльцы модныхъ магазиновъ въ Англіи. — О сибирскихъ круговыхъ пѣвкахъ. — Врачебный конгрессъ, предложенный европейскимъ державамъ докторомъ Биоларомъ. — Чудовищные призраки сѣверо-американской пустыни. — Древопильная машина. — Извлеченіе серебра изъ рудниковъ посредствомъ электричества. — Древніе артезіанскіе колодези въ Египтѣ. — Взрывъ пороха подъ водою. — Средство противъ скуки. — Аэны въ 1859 году. — Обрядъ омовенія ногъ во дворцѣ австрійскаго императора. — Шаполсонъ, Леэвертъ, Бертолліе и портити Моленъ. — Пожаръ діорамы Дагерра. — Электрическіе телеграфы. — Средство предохранять котлы паровыхъ машинъ отъ порчи. — Безопасное средство предохранять дерево отъ гніенія. — Новое средство истреблять вредныхъ насекомыхъ. — Зеркальныя стѣны. — Нужна ли поваренная соль для человеческого организма? — Приготовленіе швейцарской зелени. — Строеіе камешныхъ породъ. — Многоцвѣтное или полихромическое вальніе. — Колески-самоходы. — Мешиниетъ Ильяъ Ивановичъ Корнисъ. — Намятникъ Шиллеру, воздвигнутый въ Штутгартѣ. — Последнія минуты князя Талейрана. — Парагвай и докторъ Франсіа. — Замокъ Ньюстидъ. Встрѣча Лудовика XVIII съ Байрономъ. Воспоминаніе о Байронѣ. — Матеріалы для исторіи русскихъ военно-учебныхъ заведеній. Военно-учебныя заведенія въ царствованіе Императора Павла I-го. — Мѣста, гдѣ находятся образцовыя усадьбы воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. — Библиографическія достопримѣчательности: Французскіе Альманахи. — Законы движенія волнъ. — Новѣйшія наблюденія надъ картофелемъ. — Произведеніе искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней. — Содержаніе отдѣльно

ственность, то и составленіе «Дополненій», отъ-части и прежде несогласовавшееся съ нашими намѣреніями, ни съ предположенною нами цѣлю для «Отечественныхъ Записокъ», мы рѣшились отмѣнить и вознагражить этотъ недостатокъ распространеніемъ объема «Отечественныхъ Записокъ», увеличеніемъ числа листовъ каждой книжки, противъ обѣщаннаго: читатели видѣли, что это вознагражденіе исполнялось до-сихъ-поръ съ точностію и, смѣемъ сказать, добросовѣстностію.

Между-тѣмъ дошло до свѣдѣнія редакціи, что нѣкоторые изъ читателей сѣтовали на нее за *матеріальную огромность* книжекъ. Постановивъ себѣ за правило обращать постоянное вниманіе на всѣ малѣйшія требованія публики, редакція нашла возможнымъ, не уменьшая числа и содержанія статей, уменьшить, на будущее время, матеріальную огромность книги. Для объясненія сего необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Знакомые съ нашимъ типографскимъ дѣломъ знаютъ, что въ немъ существуютъ препятствія, которыхъ не могутъ одолѣть ни добрая воля, ни всѣ воз-

---

шагося теплорода.—Поль-де-Кокъ.—Разводъ Наполеона съ Жозефиною.—Ленискій языкъ въ Россіи.—Тонкость разныхъ волоконъ и нитей.—Открытія въ Сѣверной Америкѣ.—Ватерлооскій Альбомъ.—Автографы Вальтера Скотта.—Музыкальный языкъ г. Сюдра.—Сигъ на Большомъ Сен-Бернарѣ.—Леди Эстеръ Стенгопъ, королева палмипрска.—Свадебные обряды Олочанъ.—Комитетъ для разбора и призрѣнія прослѣдшихъ милостыни въ Москвѣ.—Папкратическій микроскопъ, изобретенный профессоромъ Московскаго Университета А. Финнеромъ.—Превращеніе морской воды въ прѣсную.—Паденіе звѣздъ.—Взрывъ, сдѣланный помощью гальванизма.—Степень жара, перепоснаго водяными животными.—Средство предохранять лицо отъ оспы.—Публичныя лекціи доктора Дюпю.—Перемежающійся фонтанъ.—Явленіе волканическаго острова.—Тайна дагерротипа.—Каррарскія мрамороломни.—Нынешнее состояніе англійскихъ колоній въ Южной Австраліи.—Розенвейгъ, или вино розы въ Бременѣ.—Могилы Моцарта.—Травы Негровъ.—Англійскіе туристы.—Вашейскія Свадьба.—Священникъ Бонапарте.

можныя усиля: круглота до-сихъ-поръ употребле-
 лемаго русскаго шрифта и толщина бумаги на-
 шихъ фабрикъ удваиваютъ огромность всѣхъ рус-
 скихъ изданій. Если бы, на-примѣръ, извѣстный
 французскій журналъ «Revue de Paris» печатался
 русскимъ шрифтомъ и на нашей обыкновенной бу-
 магѣ, то четыре книжки сего изданія, выходящія
 ежемѣсячно, превзошли бы величиною книжку «От-
 чественныхъ Записокъ», а «Quarterly Review» пре-
 восходилъ бы ихъ втрое. Такимъ-образомъ добро-
 совѣстная редакція всякаго ежемѣсячнаго изданія,
 въ-особенности энциклопедическаго, находится ме-
 жду крайностей: или представлять статьи поверх-
 ностныя, немогущія имѣть общей занимательности,
 или разрывать ихъ, — на чтѣ всегда, и не безъ
 основанія, жаловались читатели журналовъ, — или
 наконецъ не пугаться огромности своихъ книжекъ.
 Чтобъ избѣжать сихъ неудобствъ, редакція на-
 шла возможнымъ увеличить форматъ своего изданія
 такъ, чтобы содержаніе такого увеличеннаго печат-
 наго листа было почти-вдвое противъ обыкновенна-
 го; симъ способомъ каждая книжка будетъ почти-
 вдвое тоньше противъ прежняго, содержа въ себѣ
 одинаковое количество статей, въ чемъ всякій
 легко увѣрится при взглядѣ на образецъ, который
 будетъ приложенъ при одной изъ книжекъ журна-
 ла. Во всякомъ случаѣ редакція утѣшаетъ себя
 тѣмъ, что нареканіе, пало не на достоинство ста-
 тей, не на неисполненіе обѣщаній, — но на то, что
 она слишкомъ-доброесовѣстно исполняла свои обя-
 занности. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ
 первый разъ со времени существованія журналовъ
 обвиненіе такого рода падаетъ на періодическое
 изданіе.

Говорить ли о тѣхъ нападеніяхъ, которыя были
 сдѣланы на «Отчественныя Записки» нѣкоторыми

изъ журналовъ? Мы чужды самолюбія и готовы принять всякій добрый совѣтъ; но, къ сожалѣнію, такихъ совѣтовъ мы не встрѣчали. Люди, о которыхъ мы говоримъ, напечатали до двадцати-пяти статей противъ нашего журнала до его появленія, а другія двадцать-пять послѣ выхода 1-й книжки! Изъ сего уже видно до какой степени простиралась благоразумная предусмотрительность сихъ журналовъ. Въ этихъ статьяхъ намъ старались доказать, что нѣкоторые изъ существующихъ русскихъ періодическихъ изданій очень бы могли удовлетворить жажду публики къ журнальному чтенію, и что, слѣдственно, очень бы полезно было, еслибъ «Отечественныя Записки» вовсе не издавались. Больше ничего ни мы, ни читатели не могли найти въ сихъ статьяхъ. Съ такимъ мнѣніемъ намъ согласиться было трудно, да и не слѣдовало. Увѣренные въ чистоту своихъ намѣреній, поддерживаемые участіемъ лучшихъ литераторовъ Россіи, лестными отзывами другихъ благородныхъ журналовъ, отзывами изъ всѣхъ краевъ Россіи—людей почтенныхъ, видѣвшихъ въ нашемъ изданіи прибѣжище отъ литературныхъ спекуляцій и искренно благодарившихъ насъ за возстановленіе журнала чуждаго своекорыстныхъ видовъ, — мы почли долгомъ не обращать вниманія на придирки незваныхъ судей, безъ права и безъ обязанности вмѣшавшихся въ дѣло для нихъ постороннее.

Мы положили себѣ за правило отвѣчать на всѣ эти вылазки лишь *краснорѣчивымъ молчаніемъ* и строгимъ исполненіемъ своихъ собственныхъ обязанностей предъ русскою литературою и предъ русскими читателями: ибо существуютъ вещи на семь свѣтъ, о которыхъ стѣитъ не говорить, для того, чтобы онѣ погрузились въ вѣчное забвеніе!.. Голосъ благомыслящихъ читателей, безпристраст-

ныхъ цѣнителей труда ученаго и литературнаго — вотъ единственный голосъ, къ которому редакция старалась прислушиваться. Ни одного слова въ отвѣтъ, ни одного возраженія на дѣтскія и недостойныя придирки—вотъ постоянное правило, котораго «Отечественныя Записки» сочли нужнымъ держаться изъ уваженія къ себѣ и своимъ читателямъ. Мы увѣрены, что благомыслящіе люди поймутъ насъ и раздѣлятъ наше чувство, оцѣнятъ твердость и чистоту нашихъ правилъ.

Въ слѣдующемъ 1840 году «Отечественныя Записки» будутъ издаваться по тому же плану, съ тѣмъ же направлениемъ, но нѣсколько въ большемъ объемѣ, нежели какъ издавались въ 1839 году. Они будутъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Современная Хроника Россіи. Обзоръ нынѣшняго состоянія разныхъ частей государственнаго управленія, извлеченный изъ обнародованныхъ отъ правительства постановленій, отчетовъ и извѣстій, помѣщаемыхъ въ официальныхъ журналахъ. Современныя событія въ ученomъ мѣрѣ, по учебной части, въ искусствахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ горномъ дѣлѣ, въ мануфактурной и торговой промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія и предпріятія, обещающія успѣхъ по разнымъ отраслямъ народной дѣятельности въ Россіи.

II. Науки и Художества. Статьи по всемъ отраслямъ знанія, какъ-то: философіи, исторіи, географіи, статистикѣ, наукамъ политическимъ, военнымъ и медицинскимъ. Статьи по части теорій словесности и изящнаго вообще, равно какъ по теоріи и исторіи четырехъ свободныхъ художествъ: музыки, живописи, скульптуры и архитектуры. Би-

ографіи замѣчательнѣйшихъ людей древнихъ и преимущественно новыхъ временъ. Извѣстія о новѣйшихъ произведеніяхъ искусствъ въ Россіи и Европѣ.

III Словесность. *Проза и стихотворенія.* — Статьи сего отдѣла суть — или сочиненія русскихъ литераторовъ, или переводы изъ лучшихъ иностранныхъ писателей: повѣсти, сказки, небольшіе романы, статьи о нравахъ и другія прозаическія сочиненія. Въ каждой книжкѣ будутъ, по крайней-мѣрѣ, двѣ статьи въ этомъ родѣ, а иногда и болѣе. Ни въ какомъ случаѣ повѣсть не будетъ раздѣляема на два тома, но непременно умѣститъ ся въ одномъ. — Къ этому же отдѣлу принадлежатъ и стихотворенія извѣстныхъ русскихъ поэтовъ.

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще. Нынешнее состояніе сельскаго хозяйства, горнаго дѣла, фабричныхъ производствъ и торговли, и способы къ развитію и усовершенствованію сихъ источниковъ государственнаго богатства Россіи. Обзорніе выставокъ мануфактурныхъ произведеній въ Россіи и чужихъ краяхъ. Новыя открытія и улучшенія по всѣмъ отраслямъ промышленности. Разсужденія о торговыхъ видахъ на новыя предпріятія, указаніе или объясненіе новыхъ путей къ сбыту и заготовленію.

V. Критика. Статьи по поводу важнѣйшихъ сочиненій, появляющихся на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и заслуживающихъ, вообще вниманіе, или важныхъ по содержанию своему и по вліянію на ходъ русской литературы, равно какъ на успѣхи просвѣщенія вообще.

VI. Библіографическая Хроника. Отчеты о вновь-выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ. Отдѣлъ сей, по-прежнему, будетъ раздѣляться на двѣ части: 1) Русскую Литературу и 2) Иностранную Литературу (т. е. нѣмецкую, англійскую;

французскую и т. д.). Въ сихъ краткихъ отчетахъ показано будетъ, по-крайней-мѣрѣ, содержаніе каждой разсматриваемой книги, которое можетъ служить основаніемъ сужденію, о ней произнесенному. Такому разсматриванію подвергнутся *естъ новыя русскія книги*, какія только появятся въ книжныхъ лавкахъ. Отчеты объ иностранныхъ книгахъ будутъ составляемы, какъ и прежде, русскими рецензентами.

VII. Смѣсь. Разныя небольшія статьи, заключающія въ себѣ новѣйшія извѣстія о предметахъ, заслуживающихъ всеобщее вниманіе, но по содержанию своему, равно какъ и по объему и цѣнѣ, немогущія быть причисленными ни къ одному изъ вышеозначенныхъ отдѣловъ.

Къ симъ отдѣленіямъ журнала, съ будущаго 1840-го года, присоединено будетъ *новое*, — именно:

VIII. Моды. Извѣстія о всѣхъ новостяхъ петербургскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ модъ и модныхъ обычаяхъ. При каждой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» приложена будетъ *картинка парижскихъ модъ*.

Всѣ ученые и литераторы, принимавшіе дѣлательное участіе въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1839-мъ году, будутъ участвовать въ нихъ и въ 1840-мъ году.

«Отечественныя Записки, какъ и прежде, будутъ выходить ежемѣсячно (въ 15 число каждаго мѣсяца) книгами въ 8 долю листа; въ каждой книжкѣ будетъ заключаться, какъ и прежде обьщано, по 20 и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата и одна картинка модъ. Двѣ такія книги составятъ одинъ томъ, къ которому приложены будутъ особый заглавный листъ и оглавленіе. Шестъ такихъ томовъ или *дѣльнадцать книгъ* составятъ годовое изданіе. Особая нумерація страницъ каждаго отдѣла доставитъ возможность перепечатать всѣ статьи,

относящихся къ одному отдѣлу, вмѣстѣ, выбирая ихъ изъ цѣлаго годоваго изданія, и составлять изъ нихъ особые томы подъ названіемъ «Наукъ», «Словесности», «Критики», и пр.

Условія подписки:

Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ», съ *двѣнадцатью* картинками парижскихъ модъ — 14 РУБЛЕЙ 30 КОПЕЕКЪ СЕРЕБРОМЪ, или 50 РУБЛЕЙ АССИГНАЦІЯМИ безъ пересылки; за пересылку же или доставку на домъ прилагается, сверхъ-того, полтора рубля серебромъ, или пять рублей ассигнаціями *.

Подписка принимается:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *исключительно*, въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, состоящей на Невскомъ Проспектѣ, у Полицейскаго Моста, въ домъ Голландской Церкви.

ВЪ МОСКВѢ: въ книжной лавкѣ А. С. Ширлева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться какъ въ означенную Контору Редакціи, такъ въ Газетныя Экспедиціи Почтамтовъ и Почтовые Конторы.

Можно подписываться также и у извѣстнѣйшихъ столичныхъ книгопродавцевъ; но редакція «Отечественныхъ Записокъ» можетъ принять на себя ответственность въ исправномъ доставленіи только *тѣхъ экземпляровъ, на которые принята подписка или въ вышеозначенной Конторѣ ея, или у г. Ширлева (въ Москвѣ), или въ почтовыхъ мѣстахъ.* И потому, если гг. подписавшіеся не въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, не въ лавкѣ г.

---

* Сумма сія, или плата за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ», можетъ быть доставляема или серебряною монетою или ассигнаціями, какъ кому удобнѣе.

Ширяева или почтовых мѣстахъ, не будутъ въ срокъ получать выходящія книги «Отеч. Записокъ», то въ этомъ виновна будетъ *не редакция*, которая выдавала до-сихъ-поръ и будетъ выдавать книги своего журнала со всевозможною аккуратностію, въ назначенный срокъ. О выходѣ каждой книги «Отечественныхъ Записокъ» будетъ объявляемо въ газетахъ обихъ столицъ, и подписчики будутъ имѣть все право требовать вышедшіе нумера журнала отъ тѣхъ лицъ, у коихъ они подписались.

Въ-заключеніе редація «Отечественныхъ Записокъ» покорнѣйше проситъ желающихъ подписаться на ея журналъ объявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ, прежде начала новаго изданія, можно было распорядиться относительно числа экземпляровъ, которое должно будетъ печатать.

А. КРАЕВСКІЙ

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 1839 г. 13 сентября.
Цесоры *А. Нахтенко* и *А. Фрейманъ*.

Въ Гутенбергровой типографіи.

